Александр Звягинцев

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Без грифа «Совершенно секретно»

Неизвестные документы, исследования, воспоминания

▪ Александр Звягинцев ▪

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Без грифа «Совершенно секретно»

Неизвестные документы, исследования, воспоминания

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94
ББК 63.3
З-45

Серийное оформление *А. А. Кудрявцева*
Компьютерный дизайн *Ю. М. Мардановой*

Звягинцев, А. Г.

З-45 Нюрнбергский процесс. Без грифа «Совершенно секретно» / Александр Звягинцев. — М.: Астрель: АСТ, 2010. — 800 с.

ISBN 978-5-17-063890-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-26142-8 (ООО «Издательство Астрель»)

Александр Григорьевич Звягинцев, отдавший долгие годы юриспруденции, широко известен в стране и за ее пределами не только как служитель Фемиды, но и как писатель, историк. Признанный мастер остросюжетной прозы, он также успешно занимается фундаментальными историческими исследованиями. Литературное творчество автора отличается глубоким значением затрагиваемых проблем, длинными сюжетами, точностью и количеством фактов.

В книге повествуется о самом важном судебном процессе в истории человечества — Нюрнбергском Международном военном трибунале. Книга основана на редких архивных документах, малодоступных источниках, новейших исследованиях, а также воспоминаниях современников и непосредственных участников тех далеких событий. Многие материалы публикуются впервые. Неудивительно, что некоторые исторические персонажи и события представляются перед читателями в новом свете. Почти через 65 лет после завершения суда народов открываются многие секреты и тайны того драматического времени!

УДК 94
ББК 63.3

Подписано в печать 10.11.09. Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 42. Тираж 3000 экз. Заказ 9665

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 9530000 — книги, брошюры.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

ISBN 978-5-17-063890-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-26142-8 (ООО «Издательство Астрель»)

От автора

Человечество давно научилось судить отдельных злодеев, преступные группировки, бандитские и незаконные вооруженные формирования. Международный военный трибунал в Нюрнберге стал первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба — правящего режима, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей. С тех пор прошло почти 65 лет...

8 августа 1945 г. через три месяца после Победы над фашистской Германией правительства СССР, США, Великобритании и Франции заключили соглашение об организации суда над главными военными преступниками. Это решение вызвало одобрительный отклик во всем мире: надо было дать суровый урок авторам и исполнителям людоедских планов мирового господства, массового террора и убийств, зловещих идей расового превосходства, геноцида, чудовищных разрушений, ограбления огромных территорий. В дальнейшем к соглашению официально присоединились еще 19 государств, и Трибунал стал с полным правом называться Судом народов.

Процесс начался 20 ноября 1945 г. и продолжался почти 11 месяцев. Перед трибуналом предстали 24 военных преступника, входивших в высшее руководство фашистской Германии. Такого в истории еще не было. Также впервые был рассмотрен вопрос о признании преступными ряда политических и государственных институтов — руководящего состава фашистской партии НСДАП, штурмовых (СА) и охранных (СС) ее отрядов, службы безопасности (СД), тайной государственной полиции (гестапо), правительственного кабинета, верховного командования и генерального штаба.

Суд не был скорой расправой над поверженным врагом. Обвинительный акт на немецком языке был вручен подсудимым за 30 дней до начала процесса, и далее им передавались копии всех документальных доказательств. Процессуальные гарантии давали обвиняемым право защищаться лично или при помощи адвоката из числа немецких юристов, ходатайствовать о вызове свидетелей, предоставлять доказательства в свою защиту, давать объяснения, допрашивать свидетелей и т. д.

В зале суда и на местах были допрошены сотни свидетелей, рассмотрены тысячи документов. В качестве доказательств фигурировали так-

же книги, статьи и публичные выступления нацистских лидеров, фотографии, документальные фильмы, кинохроника. Достоверность и убедительность этой базы не вызывали сомнений.

Все 403 заседания Трибунала были открытыми. В зал суда было выдано около 60 тысяч пропусков. Работу Трибунала широко освещала пресса, велась прямая радиотрансляция.

30 сентября — 1 октября 1946 г. Суд народов вынес свой приговор. Обвиняемые были признаны виновными в тяжких преступлениях против мира и человечества. Двенадцать из них трибунал приговорил к смертной казни через повешение. Другим предстояло отбыть пожизненное заключение или длительные сроки в тюрьме. Трое были оправданы.

Были объявлены преступными главные звенья государственно-политической машины, доведенные фашистами до дьявольского идеала. Однако правительство, верховное командование, генштаб и штурмовые отряды (СА), вопреки мнению советских представителей, таковыми признаны не были.

Член Международного военного трибунала от СССР И. Т. Никитченко с этим изъятием (кроме СА), как и оправданием троих обвиняемых, не согласился. Он также оценил как мягкий приговор о пожизненном заключении Гесса. Советский судья изложил свои возражения в Особом мнении. Оно было оглашено в суде и составляет часть приговора.

Да, по отдельным проблемам среди судей трибунала существовали серьезные разногласия. Однако они не идут ни в какое сравнение с противоборством взглядов на одни и те же события и персоны, которое развернется в будущем.

Но сначала о главном. Нюрнбергский процесс приобрел всемирно-историческое значение как первое и по сей день крупнейшее правовое деяние Объединенных Наций. Единые в своем неприятии насилия над человеком и государством народы мира доказали, что они могут успешно противостоять вселенскому злу, вершить справедливое правосудие.

Горький опыт Второй мировой войны заставил всех по-новому взглянуть на многие проблемы, стоящие перед человечеством, и понять, что каждый человек на Земле несет ответственность за настоящее и будущее. Тот факт, что Нюрнбергский процесс состоялся, говорит о том, что руководители государств не смеют игнорировать твердо выраженную волю народов и опускаться до двойных стандартов.

Казалось, перед всеми странами открылись блестящие перспективы коллективного и мирного решения проблем для светлого будущего без войн и насилия.

Но, к сожалению, человечество слишком быстро забывает уроки прошлого. Вскоре после известной Фултонской речи Уинстона Черчилля, несмотря на убедительные коллективные действия в Нюрнберге, державы-победительницы разделились на военно-политические блоки, и работу Организации Объединенных Наций осложнило политическое противоборство. Тень «холодной войны» на долгие десятилетия опустилась над миром.

В этих условиях активизировались силы, желающие пересмотреть итоги Второй мировой войны, принизить и даже свести к нулю главенствующую роль Советского Союза в разгроме фашизма, поставить знак равенства между Германией, страной-агрессором, и СССР, который вел справедливую войну и ценой огромных жертв спас мир от ужасов нацизма.

Появилась масса публикаций, фильмов, телевизионных передач, искажающих историческую реальность. В «трудах» бывших бравых наци и других многочисленных авторов обеляются, а то и героизируются вожди третьего рейха и очерняются советские военачальники — без оглядки на истину и действительный ход событий. В их версии Нюрнбергский процесс и преследование военных преступников в целом — всего лишь акт мести победителей побежденным. При этом используется типичный прием — показать известных фашистов на бытовом уровне: смотрите, это самые обычные и даже милые люди, а вовсе не палачи и садисты.

Например, рейхсфюрер СС Гиммлер, шеф самых зловещих карательных органов, предстает нежной натурой, сторонником защиты животных, любящим отцом семейства, ненавидящим непристойности в отношении женщин.

Кем была эта «нежная» натура на самом деле? Вот слова Гиммлера, произнесенные публично: «...Как себя чувствуют русские, как себя чувствуют чехи, мне абсолютно все равно. Живут ли другие народы в благоденствии или вымирают с голоду, меня интересует лишь постольку, поскольку мы можем их использовать в качестве рабов для нашей культуры, в остальном мне это совершенно все равно. Умрут ли при строительстве противотанкового рва 10 тысяч русских баб от истощения или нет, меня интересует лишь постольку, поскольку этот ров должен быть построен для Германии...»

Это больше похоже на правду. Это — сама правда. Откровения в полной мере соответствуют образу создателя СС — самой совершенной и изощренной репрессивной организации, творца системы концлагерей, ужасающих людей по сей день.

Теплые краски находятся даже для Гитлера. В фантастическом по объему «гитлероведении» он — и храбрый воин Первой мировой вой-

ны, и артистическая натура — художник, знаток архитектуры, и скромный вегетарианец, и образцовый государственный деятель. Есть точка зрения, что если бы фюрер немецкого народа прекратил свою деятельность в 1939 г., не начав войны, он вошел бы в историю как величайший политик Германии, Европы, мира!

Но есть ли сила, способная освободить Гитлера от ответственности за развязанную им агрессивную, самую кровавую и жестокую мировую бойню? Конечно, позитивная роль ООН в деле послевоенного мира и сотрудничества присутствует, и она абсолютно бесспорна. Но несомненно и то, что эта роль могла быть гораздо весомее.

К счастью, глобальное столкновение не состоялось, но военные блоки нередко балансировали на грани. Локальным конфликтам не было конца. Вспыхивали малые войны с немалыми жертвами, в некоторых странах возникали и утверждались террористические режимы.

Возникновение в девяностых годах однополярного мироустройства не добавило ресурсов Организации Объединенных Наций. Некоторые политологи даже высказывают, мягко говоря, очень спорное мнение, что ООН в ее нынешнем виде — устаревшая организация, соответствующая реалиям Второй мировой войны, но никак не сегодняшним требованиям.

Приходится констатировать, что рецидивы прошлого в наши дни во многих странах гулким эхом звучат все чаще и чаще. Мы живем в неспокойном и нестабильном мире, год от года все более хрупком и уязвимом. Противоречия между развитыми и остальными государствами становятся все острее. Появились глубокие трещины по границам культур, цивилизаций.

Возникло новое, масштабное зло — терроризм, быстро выросший в самостоятельную глобальную силу. С фашизмом его объединяет многое, в частности намеренное игнорирование международного и внутреннего права, полное пренебрежение моралью, ценностью человеческой жизни. Неожиданные, непредсказуемые атаки, цинизм и жестокость, массовость жертв сеют страх и ужас в странах, которые, казалось, хорошо защищены от любой угрозы.

В самой опасной, международной, разновидности это явление направлено против всей цивилизации. Уже сегодня оно представляет серьезную угрозу развитию человечества. Нужно новое, твердое, справедливое слово в борьбе с этим злом, подобное тому, что сказал более 60 лет назад германскому фашизму Международный военный трибунал.

Успешный опыт противостояния агрессии и террору времен Второй мировой войны актуален по сей день. Многие подходы применимы один к одному, другие нуждаются в переосмыслении, развитии. Впрочем, выводы вы можете сделать сами.

В этой книге изложены самые яркие эпизоды Суда народов. В ней представлены ранее не публиковавшиеся материалы, свидетельства очевидцев, недавно рассекреченные архивные документы. Во многом благодаря этому удалось более полно и всесторонне взглянуть на Нюрнбергский процесс, открыть для широкого круга читателей его неизвестные страницы, понять мотивацию поведения участников трибунала, поступков глав государств и правительств в контексте истории.

Не секрет, что популяризаторы фашизма имеют определенное влияние на молодые умы, что таит огромную опасность для будущих поколений. Книга составлена так, чтобы быть понятной в том числе и для юных читателей. В ней нет заумных рассуждений, нравоучений, зато есть горькая правда жизни. Тот, кто хочет иметь собственное и квалифицированное мнение об истории, особенно об истории военных преступлений, с интересом прочтет этот труд.

Некоторые темы автор подал под углом собственных представлений и вновь открывшихся фактов. В книге также развенчиваются или дезавуируются некоторые распространенные стереотипы и мифы. Время не только хоронит секреты, но иногда выдает их, в том числе и через десятилетия. Может быть, автору повезло больше, чем предшественникам, обращавшимся к истории Нюрнбергского процесса, ибо, начиная с 1970 г., ему довелось встречаться с Романом Андреевичем Руденко, слушать его выступления, в том числе и воспоминания о Нюрнбергском процессе, которые всегда и везде становились предметом обсуждения. Обо всем, что было связано с Нюрнбергом, о деятельности Р. А. Руденко, мне рассказывали не только его братья — Николай Андреевич и Антон Андреевич, но и другие родственники и ближайшие сподвижники, в том числе непосредственно работавшие под его началом в Нюрнберге. Представленные ими документы и фотографии стали ценным дополнением к фактологической составляющей книги, как и мнения авторитетных российских и зарубежных исследователей.

Время — суровый судья. Оно абсолютно. Будучи не детерминированным поступками людей, оно не прощает неуважительного отношения к вердиктам, которые уже однажды вынесло, — будь то конкретный человек или целые народы и государства. К сожалению, стрелки на его циферблате никогда не показывают человечеству вектор движения, зато, неумолимо отсчитывая мгновения, время охотно пишет роковые письмена тем, кто пытается с ним фамильярничать.

Да, порой не такая уж бескомпромиссная мать-история взваливала реализацию решений Нюрнбергского трибунала на очень слабые плечи политиков. Поэтому и не удивительно, что коричневая гидра фашизма во многих странах мира вновь подняла голову, а шаманст-

вующие апологеты терроризма каждый день рекрутируют в свои ряды все новых и новых прозелитов.

Деятельность Международного военного трибунала нередко называют «нюрнбергским эпилогом». В отношении казненных главарей «третьего рейха», распущенных преступных организаций эта метафора вполне оправданна. Но зло, как видим, оказалось более живучим, чем многим это представлялось тогда, в 1945–1946 гг., в эйфории великой Победы. Никто сегодня не может утверждать, что свобода и демократия утвердились в мире окончательно и бесповоротно.

В этой связи напрашивается вопрос: сколько и каких усилий требуется предпринять, чтобы из опыта Нюрнбергского процесса были сделаны конкретные выводы, которые воплотились бы в добрые дела и стали прологом к созданию миропорядка без войн и насилия, основанного на реальном невмешательстве во внутренние дела других государств и народов, а также на уважении прав личности...

Часть первая
До начала процесса

Глава 1
Карать нацистов на месте или судить цивилизованно?

1 сентября 1939 г. войска фашистской Германии вторглись на территорию Польши. Это событие стало началом Второй мировой войны, самой кровопролитной и жестокой в истории человечества. Континент потрясли бомбардировки, артобстрелы, залпы расстрельных команд. Основой «нового немецкого порядка» в захваченных странах стал террор.

Агрессивные планы фашистов сбывались со зловещей быстротой. Первым большим результатом «блицкрига» — молниеносной войны стала оккупация почти всей Европы. Нацистская идея мирового господства стала наполняться реальным содержанием.

Завладев ресурсами десятков стран, 22 июня 1941 г. гитлеровцы напали на СССР, видя в нашей стране очередную жертву блицкрига. Однако после успехов первого периода войны, объяснявшихся фактором внезапности, лучшим вооружением и боевым опытом, гитлеровцам пришлось расстаться с надеждой на быструю победу.

По мере продвижения захватчиков в глубь страны сопротивление советских войск не ослабевало, а нарастало. Официальное объявление войны руководством СССР как Великой Отечественной полностью соответствовало реальности. С нашей стороны борьба быстро приобрела всенародный, патриотический характер.

Действуя по детально проработанным сатанинским планам, фашисты с первых дней войны достигли предела жестокости и варварства в обращении с военнопленными и мирным населением. Массовые убийства ни в чем не повинных людей, отправка граждан в рабство, ограбление огромных территорий были обычной практикой. Наш народ поднялся на справедливую и священную войну с отчетливым желанием избавить себя и мир от абсолютного зла — «коричневой чумы» фашизма.

Сведения о чудовищных зверствах нацистов быстро стали достоянием общественности. Весь мир с нарастающим ужасом наблюдал за происходящим в странах, подвергшихся нашествию. Предложения о строгом наказании военных преступников стали нормальной человеческой реакцией на жуткие и омерзительные деяния.

Они исходили не только от общественности. Уже на первой стадии войны начались действия на государственном уровне. 27 апреля 1942 г. Правительство СССР вручило послам и посланникам всех стран ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления».

2 ноября 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

Комиссия собрала множество материалов, уличающих гитлеровцев в уничтожении миллионов мирных жителей, в том числе детей, женщин и стариков, в бесчеловечном обращении с военнопленными, а также в разрушении городов, сел, памятников старины и искусства, угоне в немецкое рабство миллионов людей. Это были показания свидетелей и потерпевших, документальные материалы — фотоснимки, акты экспертиз, эксгумации тел погибших, подлинные документы, изданные самими гитлеровцами и полностью их изобличающие.

Однако идея международного процесса возникла и утвердилась не сразу. Некоторые западные государственные деятели думали расправиться с военными преступниками, не заботясь о процедуре и формальностях. Например, еще в 1942 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль решил, что нацистская верхушка должна быть казнена без суда. Это мнение он не раз высказывал и в дальнейшем.

Похожие идеи существовали и по другую сторону Атлантики. В марте 1943 г. госсекретарь США К. Хэлл заявил на обеде, где присутствовал посол Великобритании в США лорд Галифакс, что предпочел бы «расстрелять и уничтожить физически все нацистское руководство»*.

Еще проще смотрели на эту проблему некоторые военные. 10 июля 1944 г. американский генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр предложил расстреливать представителей вражеского руководства «при попытке к бегству»**.

---

* Ирвинг Д. Нюрнберг. Последняя битва. М.: Яуза, 2005. С. 20.
** Там же. С. 21.

Высказывались также мысли полностью уничтожить весь немецкий генштаб, а это несколько тысяч человек, весь личный состав СС, все руководящие звенья нацистской партии, вплоть до низовых, и т. д. Президент США Франклин Д. Рузвельт не только не возражал соратникам, но фактически их поддерживал. 19 августа 1944 г. он заметил: «Мы должны быть по-настоящему жесткими с Германией, и я имею в виду весь германский народ, а не только нацистов. Немцев нужно либо кастрировать, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они забыли и думать о возможности появления среди них людей, которые хотели бы вернуть старые времена и снова продолжить то, что они вытворяли в прошлом».

Такие суждения были типичны для многих американцев. По данным социологического опроса 1945 г., 67 % граждан США выступали за скорую внесудебную расправу над нацистскими преступниками, фактически за линчевание. Англичане тоже горели жаждой мести и были в состоянии обсуждать, по замечанию одного из политиков, лишь место, где поставить виселицы, и длину веревок.

Конечно, такие взгляды имели право на существование. Небывалые злодеяния фашистов вызывали ярость и всеобщее возмущение во многих странах, лишали людей терпения, столь необходимого для организации и ведения процессов по всем правилам юриспруденции. Внесудебные расправы все-таки вершились, и трудно обвинить, например, бойцов движения Сопротивления, расстрелявших диктатора Италии Бенито Муссолини. (27 апреля 1945 г. отряд партизан остановил автоколонну вермахта, в одном из грузовиков которой находился Муссолини, переодетый в немецкую форму. Он был опознан и задержан. На другой день прибывший из Милана полковник движения Сопротивления Валерио казнил диктатора, его любовницу Клару Петаччи и двух приближенных дуче. Затем тела убитых были вывешены вверх ногами на бензоколонке в Милане.)

Бойцы французского движения Сопротивления казнили без суда 8348 фашистов и их пособников.

Возмездие, конечно, состоялось, но несомненно и то, что в случае гласного суда урок истории более соответствовал бы духу времени и понятиям законности и стал бы еще нагляднее и поучительнее.

Горячие головы предлагали уничтожить Германию как промышленное государство. Министр финансов США Генри Моргентау выдвинул «Программу по предотвращению развязывания Германией третьей мировой войны». В соответствии с ней предполагалось расчленение и децентрализация побежденной страны, полное уничтожение тяжелой промышленности и авиации, превращение ее в аграрную территорию под жестким контролем США и Великобритании. Моргентау думал превратить Германию в одно большое картофельное поле.

Этот план серьезно обсуждался, например, 11 сентября 1944 г. на встрече в Квебеке американского президента Франклина Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, однако принят не был. У плана нашлись серьезные противники, среди которых были британский министр иностранных дел Энтони Иден, госсекретарь Соединенных Штатов Кордел Хэлл и министр обороны США Стимсон. В последующем произошла утечка информации в прессу. Реакция общественности была резко негативной. Пять американских профсоюзов приняли декларацию, отвергающую план как экономически необоснованный и содержащий «семена новой войны». Однако Моргентау еще долго не оставлял попыток продвинуть свои «радикальные» идеи.

Гораздо дальновиднее западных политиков оказался Сталин, еще в начале войны выступивший за юридическую процедуру наказания военных преступников. Когда Черчилль пытался навязать ему свое мнение, Сталин твердо возразил: «Что бы ни произошло, на это должно быть... соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам!»

«Мы должны сделать так, — утверждал премьер-министр Великобритании на встрече со Сталиным в Кремле 9 октября 1944 г., — чтобы даже нашим внукам не довелось увидеть, как поверженная Германия поднимается с колен!» Сталин был в принципе не согласен с такой постановкой вопроса. «Слишком жесткие меры возбудят жажду мести», — ответил он Черчиллю.

Этот подход высказывался не только на переговорах. Требование о создании Международного военного трибунала содержалось, например, в заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы».

Еще в ходе войны в СССР состоялись первые процессы над нацистскими преступниками. Например, на заседании советского военного трибунала в Харькове в декабре 1943 г. было рассмотрено дело трех немецких офицеров, обвиненных в варварских казнях мирных граждан с применением «газенвагенов» или, проще говоря, душегубок. Сам суд и публичная казнь осужденных стали темой документального фильма, показанного всей стране.

Постепенно к идее суда подходили и западные союзники. Наряду с циничными предложениями о трибунале как о формальном прикрытии предрешенного расстрела высказывались мысли о необходимости серьезного разбирательства и справедливых вердиктов.

«Если мы просто хотим расстреливать немцев и избираем это своей политикой, — говорил судья Роберт Х. Джексон, в будущем —

главный обвинитель на Нюрнбергском процессе от США, — то пусть уж так и будет. Но тогда не прячьте это злодеяние под видом вершения правосудия. Если вы заранее решили в любом случае казнить человека, то тогда и в суде над ним нет никакой необходимости. Однако всем нам следует знать, что мировое сообщество не испытывает почтения к тем судам, которые изначально являются лишь инструментом вынесения обвинительного приговора».

Возможность проведения международного суда заложили соглашения между союзниками о взаимопомощи в ведении войны против агрессии и о сотрудничестве в послевоенное время в интересах мира и безопасности. Крепкой основой совместной деятельности стало создание Организации Объединенных Наций. Конференция представителей СССР, Великобритании, США и Китая по вопросу об образовании ООН состоялась 21 августа — 28 сентября 1944 г. в Вашингтоне.

Тема наказания военных преступников, развязавших Вторую мировую войну, неоднократно возникала при встречах глав государств и правительств Великобритании, США, СССР и других стран.

Контуры будущих действий обозначались все яснее. 17 июля — 2 августа 1945 г. работала Потсдамская (Берлинская) конференция глав правительств СССР, Великобритании и США. На ней решались проблемы послевоенного устройства Европы, были приняты важные решения о демилитаризации и денацификации Германии и, в том числе, о наказании военных преступников. Союзники приняли официальное обязательство судить виновных скорым и справедливым судом. В итоговом документе отмечалось, что на ведущихся переговорах в Лондоне будет выработано согласованное мнение по этой проблеме и установлен конкретный срок начала процесса.

Историческая Лондонская конференция проходила в Черч-Хаусе (Вестминстер). Принятию Устава Международного военного трибунала и других документов предшествовала долгая и кропотливая работа.

Атмосфера конференции была напряженной из-за огромной ответственности участников встречи. Международный военный трибунал обещал стать грандиозным мировым событием, открывающим новую эпоху международного сотрудничества. Небывалым был и масштаб преступлений. Страницы газет и журналов пестрели леденящими душу подробностями о зверствах фашистов, перед глазами участников встречи стояли руины некогда цветущих городов и селений. Многотомные документальные свидетельства преступлений нацистов вызывали определенную растерянность у опытных юристов.

Первое заседание конференции состоялось 21 июня. На нем рассматривался список обвиняемых, были назначены четыре подкомиссии для решения спорной ситуации между англичанами и американцами, расходившихся во мнении о том, каков должен быть

подход к судопроизводству: на основе поименного списка, по мнению англичан, или на основе предварительного сбора улик, как считали американцы.

Советская делегация на первом заседании не присутствовала. Заместитель народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинский в ответ на запрос сообщил, что представители СССР прилетят 23 июня. Однако советская делегация прибыла 26 июня и сразу внесла конструктивное предложение подписать соглашение или протокол, в который в дальнейшем будут внесены необходимые изменения или добавления. Таким образом, будет выработан Устав суда, который определит правила и процедуры процесса. Предложение было принято.

Устав стал главным документом, определяющим организацию и порядок деятельности Международного военного трибунала. В нем был зафиксирован, например, состав Трибунала: по одному судье и его заместителю от каждой из четырех стран-победительниц — СССР, США, Великобритании и Франции. Назначались они правительствами соответствующих государств.

Устав Трибунала дал процессуальные гарантии подсудимым, а именно: право защищаться на суде лично или при помощи адвоката, ходатайствовать о вызове свидетелей, предоставлять суду доказательства в свою защиту, давать объяснения по предъявленным им обвинениям, допрашивать свидетелей лично или через адвоката, обращаться к суду с последним словом. Устав предусматривал вручение обвиняемому копии обвинительного акта на немецком языке до начала судебного процесса.

Многие взаимоприемлемые решения на конференции давались трудно. Самая серьезная проблема состояла в противоречиях между правовыми системами СССР, Великобритании, США и Франции, учреждавших трибунал. Преодоление их требовало больших затрат времени и нервов, длительных дискуссий, уступок. Компетентность юристов стран-победительниц не вызывала сомнений, но их правовые и политические воззрения были порой резко противоположными. К чести этих людей, они старались находить компромисс и выполнили возложенную на них мировым сообществом обязанность.

8 августа 1945 г., в день подписания соглашения, главные обвинители от каждой из четырех стран собрались на первое совместное заседание для составления согласованного списка подсудимых. Все сходились во мнении, что это будет, скорее всего, 10—12 человек из разных властных структур нацистов. Представитель СССР И. Т. Никитченко настаивал, что в списке обязательно должны находиться также и промышленники. В результате число подсудимых увеличилось.

Суду были преданы 24 военных преступника из всех властных структур нацистской Германии: Геринг, Гесс, Риббентроп, Лей, Кей-

тель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт, Густав Крупп, Дениц, Редер, Ширах, Заукель, Иодль*, Папен, Зейсс-Инкварт, Шпеер, Нейрат, Фриче и Борман — за подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн, за военные преступления и преступления против человечества.

Но не все они заняли места на скамье подсудимых. Лей до начала суда покончил жизнь самоубийством. Дело Круппа было приостановлено, поскольку он был признан неизлечимо больным. Розыск Бормана не дал результатов, и его судили заочно.

В этот же день произошли изменения среди представителей СССР. Генерал И. Т. Никитченко был переведен из обвинителей в состав судей Международного военного трибунала. Он срочно уехал в Москву набирать сотрудников. Обвинителем с советской стороны был назначен Прокурор Украинской ССР Р. А. Руденко.

Соглашение об организации Международного военного трибунала, призванного вершить суд над главными военными преступниками, не имело аналогов в истории. Оно было важным не только для стран — участниц войны, но и для судеб человечества.

Характеризуя процесс, Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко подчеркивал, что это был первый случай, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие само государство орудием своих чудовищных преступлений. На скамье подсудимых оказались люди, чья преступная деятельность не ограничилась пределами одного государства и привела к неслыханным по своей тяжести последствиям.

О необходимости такого процесса заявляли многие страны, представители общественности и не случайно, что к нему затем присоединились еще 19 государств.

Приговор Международного военного трибунала, признавшего агрессию тягчайшим международным преступлением и покаравшего агрессоров, справедливо оценивается мировым сообществом как приговор истории.

Глава 2
Почему Нюрнберг?

Поначалу никто не думал о том, что место заседаний Международного военного трибунала должно быть символичным. Советская сторона настаивала на проведении суда в Берлине, американцы называли Мюнхен. Выбор Нюрнберга определился тем, что на-

* Далее также: Иодль.

ходящийся там Дворец правосудия во время боевых действий почти не пострадал. Большим преимуществом его оказалось то, что в одном крыле здания была тюрьма и отпадала нужда в перевозках обвиняемых.

В дальнейшем, с подачи Главного обвинителя от США Роберта X. Джексона, все начали говорить о персте рока при выборе места для суда над главарями нацистов. Нюрнбергский адрес даже считали определенного рода возмездием — ведь гитлеровским преступникам пришлось познать крах надежд на мировое господство и предстать перед судом в городе, который был для них своеобразной столицей фашистской империи, где они утверждали, что нет иных законов, кроме тех, что установили сами.

Нюрнберг — старинный город, ему без малого тысяча лет. Здесь появились первые карманные часы и первый глобус, на котором не было еще неоткрытой тогда Америки. Именно в Нюрнберге появились, одни из первых в Европе, астрономическая обсерватория и гимназия. В этом городе родился и работал художник Дюрер, творили скульпторы Крафт, Фишер, Штос, создал свои знаменитые стихи и музыкальные произведения народный композитор Ганс Сакс.

В 1356 г. Карл IV провозгласил, что каждый новый император Священной Римской империи германской нации должен собирать свой первый имперский рейхстаг только здесь. Этот город очень любил Фридрих I Барбаросса, помешанный на идее мирового господства и бесславно погибший на подступах к Палестине во время Третьего крестового похода. Закономерно, что в 1930-е гг. XX в. Нюрнберг стал партийной столицей нацистов. Они считали свою Германию Третьим рейхом после Священной Римской империи и государства Бисмарка, созданного в 1871 г.

Любопытна хронология этих рейхов. Первый просуществовал десять веков, из них на протяжении шести он постепенно слабел. В 1806 г. его последний император Франц II отрекся от престола. По указу Наполеона Нюрнберг потерял статус имперского города и стал одним из населенных пунктов Баварии.

Однако идея империи не умерла. Прошло всего 60 лет, и 18 января 1871 г., после победы над Францией, Отто фон Бисмарк провозгласил Второй рейх. Век этой империи измерился 47 годами. После поражения в Первой мировой войне в 1919 г. Германия потеряла не только все завоевания, но и возможность содержать армию из-за выплаты огромных репараций.

Новая пауза между империями составила лишь 14 лет. Творцом Третьего рейха в 1933 г. стал Адольф Гитлер. Объявленная им «тысячелетняя» нацистская империя рухнула через 12 лет и закончилась Судом народов над ее основателями.

Нюрнберг подвергался интенсивным бомбардировкам союзников еще и в силу своей имперской роли. Здесь нацисты устраивали партийные съезды и манифестации. Гитлер выполнил предписание Золотой буллы, изданной Карлом IV: свой первый партийный съезд после прихода к власти он провел в Нюрнберге. Целям нацистских сборищ служили, прежде всего, Конгрессхалле — дворец съездов, и Цеппелиновы поля — самая широкая в мире дорога для парадов.

Вот как описывает одно из мест массовых нацистских акций Аркадий Полторак, работавший в секретариате Нюрнбергского процесса: «Огромный стадион с трибунами из серого камня. Господствуя над всем, высилась махина центральной трибуны с множеством ступеней и скамей, с черными чашами на крыльях, где в дни фашистских сборищ горел огонъ. Словно рассекая эту махину пополам, снизу вверх проходит широкая темно-синяя стрела, указывающая своим острием, где следует искать Гитлера. Отсюда он взирал на марширующие войска и штурмовые отряды. Отсюда под рев осатанелой толпы призывал их к разрушениям чужих очагов, к захватам чужих земель, к кровопролитиям.

В такие дни город содрогался от топота тысяч кованых сапог. А вечерами вспыхивал, как гигантский костер. Дым от факелов застилал небо. Колонны факельщиков с дикими возгласами и визгом проходили по улицам.

Теперь огромный стадион был пуст. Лишь на центральной трибуне стояло несколько дам в темных очках, очевидно американских туристок. Они по очереди влезали на место Гитлера и, щелкая фотоаппаратами, снимали друг друга».

Этот же автор оставил нам подробное описание здания суда. «На одной из улиц Нюрнберга — широкой и прямой Фюртштрассе — остался почти невредимым целый квартал зданий, и среди них за безвкусной каменной оградой с овальными выемками, с большими двойными чугунными воротами — массивное четырехэтажное здание с пышным названием Дворец юстиции. Первый его этаж без окон представляет собой крытую галерею со сводами, опирающуюся на короткие, круглые, тяжелые, как бы вросшие в землю колонны. Выше — два этажа, оформленных гладким фасадом. А на четвертом этаже в нишах — статуи каких-то деятелей Германской империи. Над входом — четыре больших лепных щита с различными эмблемами.

Редкая полоска деревьев с внутренней стороны ограды отделяет здание от улицы.

Если присмотреться внимательно, то и здесь видны следы войны. На многих колоннах выщерблен камень не то очередью крупнокалиберного пулемета, не то осколками снарядов. Пусты некоторые ниши на четвертом этаже, очевидно освобожденные от статуй внезапным ударом взрывной волны.

Рядом с Дворцом юстиции — соединенное с ним переходом другое административное здание. А со двора перпендикулярно внутреннему фасаду вплотную к Дворцу примыкает длинный четырехэтажный тюремный корпус. Тюрьма как тюрьма. Как все тюрьмы мира. Гладкие оштукатуренные стены и маленькие зарешеченные окна, налепленные рядами почти вплотную одно к другому»*.

Побывав более чем через 50 лет во Дворце юстиции, автор этой книги уже не увидел следов войны, о которых писал Аркадий Полторак. Зато отметил для себя, что весь комплекс находится в отличном состоянии, а зал, в котором некогда вершился Суд народов, стал более торжественным и гармоничным благодаря большим люстрам, свисающим с потолка. Они были в здании изначально, но чтобы придать залу большей строгости, перед процессом вместо них повесили обыкновенные светильники.

Прилетевшие в первый раз в Нюрнберг 17 августа 1945 г. Р. Х. Джексон, И. Т. Никитченко, Х. Шоукросс застали город, в котором еще не действовали водопровод, канализация, не было электричества, не работали транспорт и связь. Но Дворец правосудия был почти готов к работе трибунала, и можно было начинать предварительное следствие.

Глава 3
Суд еще не открылся, но уже заседает...

Поскольку судебное действие такого масштаба происходило впервые в мире, нужно было решить множество как стратегических, так и организационных проблем. Для этого, еще до начала судебного процесса, прошло несколько организационных заседаний Международного военного трибунала. Эти заседания проходили не в Нюрнберге, а в Берлине, в здании четырехстороннего Контрольного совета по Германии. Был обсужден и принят Регламент трибунала, рассмотрены текущие вопросы, в том числе о форме одежды судей, порядке их размещения в зале суда, об организации переводов, приглашении защитников, создании секретариата трибунала, о присяге для членов трибунала и работников секретариата.

В разбомбленном городе нелегко было разместить делегации союзников. Если из Великобритании, Франции и СССР ожидались группы в 20–25 человек, то США заявили о приезде 600 представителей, которые хотели жить с комфортом. Пожелания в основном были выполнены. Главный обвинитель от США Р. Х. Джексон поселил-

* Полторак А. Нюрнбергский эпилог. М.: Юридическая литература, 1983.

ся в огромном особняке с теннисным кортом и музыкальной гостиной, в которой стоял концертный рояль. За столом во время обеда могли разместиться 20–25 человек. Ездил этот американец на бронированном лимузине Гитлера и шикарном «мерседесе» Риббентропа.

Больших и малых проблем, требующих решения, было очень много. Вдруг всплыл факт, что во Дворце правосудия нет кафетерия, то обнаружилось, что мало переводчиков, то обвинители присутствуют не в полном составе...

Конечно, важнее всего были юридические вопросы, например разногласия по списку обвиняемых. Советская сторона настаивала на публикации его к 1 сентября 1945 г., однако споры продолжались вплоть до начала суда. Англичане, например, были против включения в список преступных организаций генерального штаба фашистской Германии. Все решило голосование: англичан никто не поддержал. Шли дискуссии также по статьям обвинения.

Споры о форме и содержании обвинительного акта продолжались все лето 1945 г. 10 октября представители обвинения от США, Великобритании и Франции готовы были предоставить трибуналу свой вариант обвинительного акта. Прибывший в Германию 12 октября Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко нашел в тексте ошибки в формулировках, ряд других недостатков и настоял на доработке. Союзники не скрывали раздражения. Ходили слухи, что советские представители затягивают процесс, согласовывая в Кремле каждую запятую.

Первое организационное заседание состоялось 9 октября 1945 г. Было принято решение создать временный Секретариат трибунала. Временно Генеральным секретарем назначили секретаря американской делегации Гарольда Вилли, который, однако, вскоре был заменен бригадным генералом армии США Уильямом Митчеллом.

На организационных заседаниях до начала процесса члены трибунала председательствовали поочередно. Исключение было сделано для открытого организационного (распорядительного) заседания, на котором принималось обвинительное заключение от Комитета обвинителей. Председательствующим на этом заседании был избран член трибунала от СССР генерал-майор И. Т. Никитченко.

Председательствующим для ведения самого процесса в Нюрнберге был избран член трибунала от Великобритании лорд-судья Джеффри Лоренс. Решением от 17 октября Международный военный трибунал уполномочил лорда Лоренса подписывать все официальные распоряжения и приказы.

18 октября 1945 г. в Берлине состоялось открытое организационное (распорядительное) заседание трибунала. На нем присутствовали: Главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко, Главный

обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс, Главного обвинителя от США Роберта Джексона замещал его помощник Шиа, Главного обвинителя от Франции Франсуа де Ментона представлял его помощник Дюбост.

Все члены трибунала поочередно приняли присягу, торжественно заявив о том, что будут выполнять свои обязанности честно, объективно и добросовестно.

Заседание открыл член трибунала от Советского Союза генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко. Затем Главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко вручил суду текст обвинительного заключения на русском языке, а представители обвинения от Франции, Великобритании и США вручили тексты на французском и английском языках. После этого председательствующий И. Т. Никитченко сделал заявление: «Обвинительный акт, представленный Комитетом главных обвинителей, рассматривает преступления следующих обвиняемых: Германа Вильгельма Геринга, Рудольфа Гесса, Иоахима фон Риббентропа, Роберта Лея, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Вальтера Функа, Ялмар Шахта, Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, Карла Деница, Эриха Редера, Бальдура фон Шираха, Фрица Заукеля, Альфреда Йодля, Мартина Бормана, Франца фон Папена, Артура Зейсс-Инкварта, Альберта Шпеера, Константина фон Нейрата и Ганса Фриче — индивидуально и как членов любой из следующих групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: правительственный кабинет, руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (СС), включая группы службы безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (СА), генеральный штаб и высшее командование германскими вооруженными силами — всех, как изложено в приложении „В“.

Согласно статьям 16 и 23 Устава Международного военного трибунала, обвиняемые могут осуществлять свою защиту сами или же избрать себе защитника из числа адвокатов, имеющих право выполнять свои обязанности перед судом в своей собственной стране, или же через специального защитника, назначенного военным трибуналом. Выделяется специальный секретарь трибунала, на которого возлагается обязанность довести до сведения обвиняемых их права. Если кто-либо из обвиняемых пожелает иметь защитника, который не в состоянии выполнять свои обязанности, то трибунал назначит ему защитника.

Обвинительное заключение будет вручено обвиняемым сегодня.

Международный военный трибунал назначит дату суда в Нюрнберге не позднее чем через 30 дней после вручения обвинительного заключения.

Обвинительное заключение будет опубликовано одновременно в Лондоне, Москве, Вашингтоне и Париже не раньше 20 часов по гринвичскому времени в четверг, 18 октября сего года».

На этом заседание трибунала было закрыто.

В дальнейшем, с началом работы процесса, нужда в организационных заседаниях не отпала, и они проводились регулярно. Обычно это происходило по окончании дневных судебных заседаний, а также, при необходимости, в перерывах между судебными заседаниями. Стенограмма заседаний не велась. В соответствии с п.«с» ст. 4 Устава решения трибунала, за исключением решений о виновности и мере наказания, принимались большинством голосов. Голос председательствующего при обсуждении спорных вопросов являлся решающим.

Несмотря на то что решения трибунала иногда были непоследовательны и противоречивы, требования Устава в целом выдерживались. Свою роль в этом сыграли и организационные заседания.

...Час открытия Нюрнбергского процесса приближался.

Отдадим же дань памяти и уважения тем, кто справедливо и строго вершил правосудие над нацистскими преступниками.

Состав трибунала

Член Трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, председатель — лорд-судья Джеффри Лоренс.

Заместитель члена Трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — судья Норман Биркетт.

Член Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик — генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко.

Заместитель члена Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик — подполковник юстиции А. Ф. Волчков.

Член Трибунала от Соединенных Штатов Америки — Фрэнсис Биддл.

Заместитель члена Трибунала от Соединенных Штатов Америки — Джон Дж. Паркер.

Член Трибунала от Французской Республики — Анри Донедье де Вабр.

Заместитель члена Трибунала от Французской Республики — Робер Фалько.

Секретариат

Генеральный секретарь — бригадный генерал Вильям И. Митчелл (с 6 ноября 1945 до 24 июня 1946 г.), полковник Джон Е. Рей (с 24 июня 1946 г.).

Секретарь делегации СССР — майор А. И. Полторак, В. Я. Коломацин (с февраля 1946 г.).

Секретарь делегации США — Гарольд Вилли (с 6 ноября 1945 до 11 июля 1946 г.), Вальтер Гилкисон (с 16 июня 1946 г.).

Секретарь делегации Великобритании — И. Д. Мак-Иллрейт.

Секретарь делегации Франции — А. Мартен-Анвар.

Обвинители от Союза Советских Социалистических Республик

Главный обвинитель — Р. А. Руденко, государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант).

Заместитель Главного обвинителя — полковник юстиции Ю. В. Покровский.

Помощники Главного обвинителя:

Государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Н. Д. Зоря.

Полковник юстиции Д. С. Карев.

Государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант) М. Ю. Рагинский.

Старший советник юстиции (полковник) Л. Н. Смирнов.

Государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант) Л. Р. Шейнин.

Следственная часть:

Государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Г. Н. Александров.

Полковник юстиции С. Я. Розенблит.

Старший советник юстиции (полковник) Н. А. Орлов.

Подполковник юстиции С. К. Пирадов.

От Соединенных Штатов Америки

Главный обвинитель — судья Роберт Х. Джексон.

Заместители Главного обвинителя:

Полковник Роберт Стори, г-н Томас Додд, г-н Сидней Олдерман, бригадный генерал Телфорд Тэйлор, полковник Джон Харлан Эймен*, г-н Ральф Альбрехт.

Помощники Главного обвинителя:

Полковник Леонар Уилер, подполковник Уильям Болдуин, подполковник Смит Брокхарт, командор Джеймс Бритт Донован, майор

* Являлся начальником следственной части. — *Прим. авт.*

Фрэнк Уоллис, майор Уильям Уолш, майор Уоррен Фарр, капитан Сэмуэл Гаррис, капитан Дрексел Шпрехер, капитан-лейтенант Уитней Харрис, лейтенант Томас Ламберт, лейтенант Генри Аттертон, лейтенант Брэди О. Брайсон, лейтенант Бернард Д. Мельтцер, доктор Роберт Кемпнер, г-н Вальтер Брудно.

От Великобритании

Главный обвинитель — генеральный прокурор Хартли Шоукросс.

Заместитель Главного обвинителя — королевский адвокат, член парламента сэр Дэвид Максуэлл-Файф.

Главный консультант — помощник Главного обвинителя — королевский адвокат Джеффри Робертс.

Помощники Главного обвинителя:

Подполковник Дж. М. Дж. Гриффит-Джонс, полковник Г. Дж. Филлимор Майор, член парламента — Ф. Элвин Джонс, майор Дж. Харкурт Баррингтон.

От Франции

Главный обвинитель — министр юстиции г-н Франсуа де Ментон (до января 1946 г.), г-н Огюст Шампетье де Риб (с января 1946 г.).

Заместители Главного обвинителя: г-н Шарль Дюбост, г-н Эдгар Фор.

Помощники Главного обвинителя, начальники отделов:

Г-н Пьер Мунье, г-н Шарль Жертоффер, г-н Дельфин Дебене.

Помощники Главного обвинителя:

Г-н Жак В. Герцог, г-н Генри Дельпеш, г-н Серж Фюстер, г-н Констан Катр, г-н Генри Моннереи.

Глава 4
Вся бездна нацистского зла

Пока союзники готовились к процессу, в тюрьме ждали своей участи пойманные главари нацистов.

Приходилось мириться с тем, что в списке арестованных главных фигур Третьего рейха были крупные изъятия. Ушел от судебной ответственности «наци № 1» — Адольф Гитлер, 30 апреля 1945 г. совершивший самоубийство в обреченном Берлине. За ним покончил с собой министр народного просвещения и пропаганды Геббельс, предварительно вместе с женой отравивший шестерых своих детей.

В британском плену свел счеты с жизнью Гиммлер. Британский военный врач не успел извлечь изо рта рейхсфюрера обнаруженную ампулу с ядом, и через 12 минут констатировал смерть. Таинственно исчез соратник фюрера Борман. Только спустя годы выяснилось, что он был убит на улице во время бегства из имперской канцелярии.

Но и арестованных заправил Германии было немало. Были схвачены главный адмирал флота Дениц, в последние дни перед крахом назначенный Гитлером главой Третьего рейха, фельдмаршал Кейтель — начальник штаба верховного главнокомандования, Риббентроп — министр иностранных дел, Штрейхер — «специалист по еврейскому вопросу» и другие фигуры из высших эшелонов власти.

Кто-то из арестованных некоторое время пребывал в плену представлений о собственном величии и рассчитывал если не на полную безнаказанность, то на особое к себе отношение. Рейхсмаршал Геринг, задержанный 9 мая 1945 г. американскими военными, настаивал на встрече с командующим оккупационными войсками США Дуайтом Эйзенхауэром и был удивлен, что генерал на его просьбу не отреагировал. Рейхсфюрер СС Гиммлер, скрывшийся было в потоке беженцев, при аресте 21 мая 1945 г. британцами сразу назвал свою фамилию, ожидая, видимо, почетных условий. За два дня он убедился, что поблажек не будет, и стал готовиться к самоубийству...

Сначала нацистские вожди содержались в американской тюрьме в селении Мондорф, на границе с Люксембургом, затем, 12 августа 1945 г., на двух транспортных самолетах их доставили в Нюрнберг.

Арестантский быт в Мондорфе все же не был тяжким. Но здесь они оказались в классической тюрьме, узнавая на собственном опыте, что значит лишиться прав и свобод и испытывать презрение окружающих в ожидании суда и приговора, который мягким быть не мог. Риббентроп похудел и стал похож на узника концлагеря, Кейтель потерял в весе 15 килограммов, на прежде непомерно тучном Геринге кожа повисла складками...

Никто не собирался создавать для высокопоставленных гитлеровцев комфортные условия. Престарелый Кейтель считал издевательством, что его вынуждают сидеть на табурете, а не на стуле со спинкой. Рацион был скудным, контакты с миром ограничены.

В одиночной камере тюремного блока Дворца правосудия, площадь которой составляла около 11 квадратных метров, на высоте среднего человеческого роста имелось окно, выходящее в тюремный двор. Окошечко в дверях было постоянно открытым — через него арестанту передавалась еда и осуществлялось наблюдение. В углу камеры был туалет, из мебели — кровать, жесткое кресло и стол. Разрешалось класть на стол семейные фотографии, бумагу, карандаши, табак и туалетные принадлежности. Остальное изымалось.

Ложиться на койку арестованный обязан был так, чтобы его голова и руки всегда оставались на виду. Нарушителя сразу будили. Ежедневный туалет (бритье безопасной бритвой) совершал проверенный парикмахер из военнопленных под наблюдением охраны.

Камеры освещались снаружи для исключения возможности самоубийства электрическим током. Орудием смерти могли стать осколки стекла, поэтому в окнах были одни решетки без стекол, и по помещениям гуляли сквозняки. Очки арестованным выдавались только на определенное время, на ночь не оставлялись ни в коем случае.

Тщательные обыски происходили один-два раза в неделю. В банный день, полагающийся один раз в неделю, заключенные предварительно проходили осмотр в специальном помещении.

Начальник тюрьмы американский полковник Эндрус специально объявил, что жалобы на эти строгие и унизительные меры приниматься не будут: «...все протесты против условий вашего здесь содержания являются не только необоснованными, но и неправомерными. Ваше представление о собственном статусе ошибочно — вы не являетесь ни пленными офицерами, ни военнопленными... Вы представляете немногочисленную группу людей, которые... относились к международным договорам, как к никчемной „макулатуре“, и полагали, что их можно использовать лишь для собственной выгоды и безнаказанно нарушать, когда дело касалось народов „неарийской расы“...»*

Более того, тюремные условия становились все более жесткими. Во избежание попыток суицида были приняты дополнительные меры: вместо столов использовались картонные коробки, к окну разрешалось подходить не ближе чем на метр. Стулья в камеры ставили только днем, на ночь их изымали. Если арестованный пользовался расческой, карандашом или очками, то при этом обязательно присутствовал надзиратель.

19 октября 1945 г. каждому арестованному вручили под расписку обвинительный акт. Это был этапный момент, после которого все находившиеся под стражей перешли из категории интернированных в категорию обвиняемых. Тяжесть и масштаб инкриминируемых деяний произвели на бывших руководителей Германии сильное впечатление. Несмотря на все предосторожности, принятые в тюрьме, одному из обвиняемых, Роберту Лею, все-таки удалось покончить жизнь самоубийством. Итак...

* Ирвинг Д. Нюрнберг. Последняя битва. М.: Яуза, 2005. С. 289–290.

Глава 5
Они все сказали — нет!

Первое судебное заседание Международного военного трибунала по делу главных немецких военных преступников было открыто 20 ноября 1945 г. в 10 часов утра под председательством лорда-судьи Лоренса.

За день до этого его (заседание) пытались отложить. Виной тому была телеграмма из Москвы (она пришла 19 ноября). В ней сообщалось, что Главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко заболел, а потому необходимо отложить начало процесса. На совещании требование советской делегации поддержали французы, задетые отказом трибунала внести в список обвиняемых промышленника Альфреда Круппа. Заместитель главного обвинителя от Франции Дюбост даже пригрозил, что Франция возьмет самоотвод, если процесс начнется без советского обвинителя. Англичане в этой ситуации объединились с американцами, требуя, чтобы Советский Союз официально объявил о том, что берет на себя ответственность за дальнейшие задержки. Масла в огонь подлил Главный обвинитель от США Джексон, который резко заявил, что Соединенные Штаты откроют процесс в намеченное время, даже если им придется это сделать в одиночку. Здесь уже возмутились не только французы, но и англичане. Джексон фактически сорвал совещание, поскольку поднявшийся шум и перепалка не позволили его продолжить.

Снова собрались вечером. Рассмотреть вопрос, что не разрешился днем. Французы стояли на своем: мол, если начнете процесс без советской делегации, мы возьмем самоотвод. Заместитель члена трибунала от обвинителей Великобритании Норманн Биркетт заметил, что если будет создан прецедент, то и в дальнейшем придется откладывать заседания в случае болезни судей или обвинителей.

Пререкания союзников прервало появление полковника Ю. В. Покровского, заместителя Р. А. Руденко, который объявил, что Главный обвинитель от СССР скоро прибудет в Нюрнберг. Он подчеркнул, что Роман Руденко должен присутствовать на открытии процесса лично и отказался замещать его.

Что задержало прибытие Руденко? Пытался ли СССР сорвать процесс? Конечно, нет.

Но, зная о том, что все в СССР решалось с благословения И. В. Сталина, можно предположить, что пока «отец народов» не утвердил стратегию, тактику и конкретные действия членов делегации на Нюрнбергском процессе, а подходил он к этому очень щепетильно и ответственно, Руденко оставался в Москве.

Обмен телеграммами между Р. А. Руденко и Ю. В. Покровским показывает, что советская сторона хотела ненадолго — на две-три не-

дели отложить открытие процесса. Покровскому, видимо, по неведению выступившему в печати против переноса срока, было высказано неудовольствие московских инстанций. Руденко, находясь в Москве, просил своего заместителя пока действовать через союзников: «...поддерживайте активно Джексона в вопросе отложения процесса». Усилия Покровского дали плоды: с переносом срока согласилась французская делегация. Однако Главного обвинителя от США Джексона «обработать» не удалось. Благо, до конфликта не дошло — советская сторона успела решить все проблемы.

Зал на третьем этаже нюрнбергского Дворца юстиции, где предстояло вершиться правосудию, выглядел строго и даже мрачновато. И это было сделано специально. Как ранее отмечалось, помпезные люстры, которые раньше украшали помещение, теперь были заменены на обыкновенные светильники. В отделанном темно-зеленым мрамором помещении все окна были плотно зашторены, дневной свет в зал не проникал.

На возвышении был расположен стол для судей, за ним — большие государственные флаги СССР, США, Великобритании и Франции. Уровнем ниже — секретариат, еще ниже — стенографистки, столы сотрудников прокуратуры — справа, за ними размещалась пресса.

Скамья подсудимых находилась слева от входа. Герман Геринг, «наци № 2», занимал самое видное место — в первом ряду справа, рядом с ним расположился Рудольф Гесс, демонстративно читавший пасторальные новеллы, далее — Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Вальтер Функ, Ялмар Шахт. Во втором ряду — Карл Дениц, Эрих Редер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред Иодль, Франц фон Папен, Артур Зейсс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Ганс Фриче.

За их спинами и по бокам стояли американские военные в белых касках, вооруженные пистолетами в белых лакированных кобурах, в руках — белые дубинки. Броскую экипировку военной полиции дополняли белые же пояса и гетры.

Впереди скамьи подсудимых располагались защитники в адвокатских мантиях.

Из числа нацистских лидеров, привлеченных к ответственности, всеобщее внимание привлекал Герман Геринг, второй после Гитлера человек в государстве. Он и здесь лидер, за что был окрещен «фюрером скамьи подсудимых».

Рейхсмаршал, прежде неимоверно тучный, сильно похудел, щеки обвисли, одежда висела на нем, как на вешалке. В Германии он был известен патологической страстью к нарядам. У него было тридцать мундиров, которые он придумал для себя. И на суде Геринг был одет

необычно: серая куртка с желтыми кантами и золотыми пуговицами, с такими же кантами бриджи, заправленные в высокие сапоги. Он постоянно что-то писал, время от времени передавая листки через охрану своему защитнику. Иногда он отрывался от письма и что-то оживленно говорил Гессу, сидящему слева от него, затем снова принимался писать.

Гесс, бывший до перелета в Англию заместителем фюрера, был погружен в чтение книги. Он изображал человека, потерявшего память. Порой его мутный взгляд из глубоких, как норы, глазниц обходил зал, Гесс приподнимался, что-то начинал шептать Риббентропу и быстро смолкал, углубляясь в книгу.

Риббентроп все время сидел в излюбленной позе, скрестив на груди руки. Кейтель в зеленом мундире без погон и наград напряженно вытягивал шею, придерживая одной рукой наушники. Розенберг, задрав острый нос, вслушивался в реплики судей и обвинителей...

Кальтенбруннер на первом заседании отсутствовал, поскольку у него за два дня до этого произошло кровоизлияние в мозг. Семидесятипятилетний Густав Крупп был признан неподсудным по состоянию здоровья. Мартин Борман считался пропавшим без вести.

Все в зале суда говорило о хорошо продуманном порядке. Каждое место, включая места подсудимых, было радиофицировано, так что любое выступление можно было слушать по желанию на русском, английском, французском и немецком языках. Стенографистки менялись каждые 25 минут, чтобы к концу дня подготовить полную стенограмму заседания на четырех языках. Съемки судебного процесса велись через специальные застекленные проемы в стенах — чтобы не нарушать тишину.

Снаружи Дворец юстиции был окружен надежной охраной. Движение на близлежащих улицах было перекрыто, и по ним разъезжали только патрульные американские танки.

В кратком вступительном слове председательствующий лорд Лоренс подчеркнул:

«...Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на тех, кто принимает в нем какое-либо участие, лежит огромная ответственность, и они должны честно и добросовестно выполнять свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и справедливости».

Все находящиеся в зале прониклись исторической важностью события. Набежала мрачная тень на лица обвиняемых, которые до этого старались держаться непринужденно — переговаривались, писали

записки адвокатам, делали записи для себя. Видно было, что предстоит большая и острая борьба. Никто из подсудимых не спешил с покаяниями. На вопрос председательствующего о признании их виновными все нацистские деятели ответили: «Нет».

Что ж, на то и суд, чтобы, исследовав все «за» и «против», дать им беспристрастную юридическую оценку.

Допросы подсудимых начались в феврале 1946 г. Среди них были весьма неглупые люди, с твердым характером, умелые демагоги. Словесные поединки с ними требовали большого напряжения. При всем том, что трибунал отстаивал правое дело и опыта судьям и обвинителям было не занимать, нацистские бонзы, в особенности такие как Геринг, в некоторых случаях переигрывали их, ловили на ошибках, неточностях.

Тюремный доктор Гилберт, врач-психиатр, составил в помощь трибуналу любопытный документ, в котором отразил свои наблюдения над подсудимыми. Гилберт определил их коэффициенты умственного развития, важные черты характера и отношения друг к другу.

По мнению Гилберта, самый высокий IQ имел Шахт, самый низкий — Штрейхер. Гилберт считал, что Шпеер, Шахт, Фриче и, возможно, Франк, будут свидетельствовать против Геринга. Поддержат Геринга Риббентроп и Розенберг. Кейтель и Ширах колеблются.

Штрейхера он определил как человека косного, одержимого навязчивыми идеями. Гилберт предположил, что он будет строить свою защиту, ссылаясь на духовное очищение, мировой сионизм, учение Талмуда.

Риббентроп — амбициозный эгоист и оппортунист. Можно было рассчитывать, что Нейрат, Папен, Шахт и Шпеер, если задать им правильные вопросы, будут «топить» Риббентропа.

Папен — учтивый, благоразумный, дальновидный. Враждебно относится к Герингу, Риббентропу, Розенбергу. Для получения показаний против них лучше не «давить» на Папена, а использовать перекрестные допросы.

Гесс пассивен, апатичен. Истерик с параноидальными отклонениями. От него можно ожидать чего угодно, в том числе рецидива амнезии. Лучше не подвергать его интенсивным допросам.

Кейтель имеет IQ почти такой же, как и Риббентроп. За внешней решительностью скрывается слабый характер. Наиболее серьезные показания против Кейтеля может дать Шпеер.

По мнению Гилберта, Иодль — один из немногих, кто занимает собственную позицию в вопросах морали и военного дела. При правильных вопросах Иодль может дать показания против Геринга, которого не любит за высокомерие и нажитое в военное время богатство. Из офицерской солидарности не даст показаний против Кейтеля.

Розенберг — философ-дилетант, слепой приверженец Гитлера. С ним нужно обращаться построже. Можно обвинить его в том, что он активно проповедовал идеологию, с помощью которой совершено множество злодеяний.

Ганс Франк страдает раздвоением личности, имеет скрытые гомосексуальные наклонности, что стало причиной проявлений садизма и мазохизма. Отдает себе отчет в том, что виновен и будет казнен. Не ясно, как он будет вести себя при допросе.

Вильгельм Фрик — крайне эгоистичный субъект, для которого мораль и нравственность не существует. Поведение спрогнозировать трудно.

Шахт — человек честолюбивый и высокомерный. Кипит негодованием оттого, что оказался на скамье подсудимых вместе с приспешниками фюрера. Шахт сделал заявление о том, что готовил покушение на Гитлера и в конце войны сам оказался в нацистском концентрационном лагере.

IQ Деница доктор Гилберт оценил чуть ниже, чем у Шахта. Он спокоен и уверен в себе, тюрьма его не сломила.

Редер болезненно чувствителен, раздражителен, склонен к фантазиям.

Глава 6
Побег в царство мертвых

Миллионы людей Земли тогда хотели бы видеть на скамье подсудимых в Нюрнберге главного виновника трагедии XX века — фюрера Германии Адольфа Гитлера. Однако он избежал Суда народов, сведя счеты с жизнью во время штурма Берлина советскими войсками.

ГИТЛЕР Адольф (1889–1945) — фюрер и канцлер Третьего рейха. Участник Первой мировой войны — ефрейтор. С 1919 г. — член Рабочей партии Германии (ДАП), впоследствии, с 1920 г., — Национал-социалистской рабочей партии Германии (НСДАП). Создав штурмовые отряды (СА) и охранные отряды (СС), предпринял в 1923 г. попытку государственного переворота — «Пивной путч». В тюрьме провел девять месяцев, где написал книгу «Майн кампф» («Моя борьба»). В 1930 г. НСДАП становится второй по величине партией в стране, получая финансовую поддержку промышленников. С 1933 г. — канцлер. В 1934 г. объединил посты канцлера и президента, объявив себя фюрером. Внутри страны проводил политику репрессий. На международной арене сделал ставку на агрессию (выход из Лиги Наций в 1933 г., создание вермахта в 1935 г., захват Рейнской демилитаризованной зоны в 1936 г., присоединение Австрии и захват Чехословакии в 1938 г., нападение на

Польшу в 1939 г., оккупация Европы в 1940 г., нападение на СССР в 1941 г.). В развязанной им войне погибли десятки миллионов людей, в том числе мирных граждан. Огромные потери понесло хозяйство оккупированных территорий и стран. Покончил жизнь самоубийством 30 апреля 1945 г. при взятии Берлина Советской армией. Труп Гитлера был облит бензином и сожжен во дворе Имперской канцелярии.

МЕРОПРИЯТИЕ "АРХИВ": ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ПО ОСТАНКАМ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

После войны циркулировало немало легенд о том, что обожженный труп принадлежал двойнику, а самому Гитлеру удалось скрыться. Время от времени появлялись «очевидцы», «встречавшиеся» с фюрером в разных уголках планеты.

На самом деле останки Гитлера были идентифицированы с абсолютной точностью, их тайно захоронили и перезахоронили на территории советских военных городков в Восточной Германии. Вместе с ними дважды предавались земле тела Евы Браун, Йозефа Геббельса, его жены Магды и шестерых детей. Второе захоронение было сделано 21 февраля 1946 г в Магдебурге. В апреле 1970 г. захоронение вскрыли, и все останки были окончательно уничтожены.

Сов. секретно
Экз. №
Серия «К»___

«УТВЕРЖДАЮ»___________
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР
АНДРОПОВ
26 марта 1970 года

ПЛАН
проведения мероприятия «Архив»

Цель мероприятия: изъять и физически уничтожить останки захороненных в Магдебурге 21 февраля 1946 года в военном городке по ул. Вестендштрассе возле дома № 36 (ныне ул. Клаузенерштрассе) военных преступников.

К участию в проведении указанного мероприятия привлечь: начальника ОО КГБ вч пп 92626 полковника КОВАЛЕНКО Н. Г., оперативных сотрудников того же отдела... В целях осуществления мероприятия:

1. За два-три дня до начала работ над местом захоронения силами взвода охраны ОО КГБ армии установить палатку, размеры которой позволили бы под ее прикрытием производить предусмотренные планом работы.

2. Охрану подходов к палатке, после ее установления, осуществлять силами солдат, а в момент производства работ — оперсоставом, выделенным для проведения мероприятия «Архив».

3. Организовать скрытый пост для контрнаблюдения за близлежащим от места работы домом, в котором проживают местные граждане, с целью обнаружения возможной визуальной разведки. В случае обнаружения такого наблюдения принять меры к его пресечению, исходя из конкретно сложившейся обстановки.

4. Раскопки произвести ночью, обнаруженные останки вложить в специально подготовленные ящики, которые на автомашине вывезти в район учебных полей саперного и танкового полков ГСВГ в районе Гнилого озера (Магдебургский округ ГДР), где сжечь, а потом выбросить в озеро.

5. Исполнение намеченных планом мероприятий задокументировать составлением актов:

А) акт о вскрытии захоронения (в акте отразить состояние ящиков и их содержимого, вложение последнего в подготовленные ящики),

Б) акт о сожжении останков,

Акты подписать всем перечисленным выше оперативным работникам ОО вч пп 92626.

6. После изъятия останков место, где они были захоронены, привести в первоначальный вид. Палатку снять через два-три дня после проведения основных работ.

7. Легенда прикрытия: поскольку мероприятие будет осуществляться в военном городке, доступ в который местным гражданам воспрещен, необходимость объяснения причин и характера производимых работ может возникнуть только в отношении офицеров, членов их семей и вольнонаемных служащих штаба армии, проживающих на территории городка.

Существо легенды: работы (установка палатки, раскопки) производятся в целях проверки арестованного в СССР преступника, по данным которого в этом месте могут находиться ценные архивные материалы.

8. В случае, если первая раскопка вследствие неточных указаний о местонахождении «Архива» не приведет к его отысканию, организовать командировку на место находящегося ныне в отставке и проживающего в Ленинграде генерал-майора тов. ГОРБУШИНА В.Н., с помощью которого осуществить мероприятия, предусмотренные данным планом.

Начальник 3 Управления КГБ
генерал-лейтенант
Федорчук
20 марта 1970 г.
Ф.К-1ос, оп.4, д.98, л.2–3
(подлинник)

Прах фюрера унесла река Бидериц

В течение ночи и утра 4 апреля 1970 г. оперативники вскрыли тайное захоронение «военных преступников» возле дома № 36 по Клаузенерштрассе и обнаружили пять истлевших ящиков, «поставленных друг на друга накрест». Дерево сгнило и превратилось в труху, останки перемешались с грунтом. От тел детей почти ничего не осталось. По подсчету наиболее сохранившихся берцовых костей и черепов, в захоронении находилось 10–11 трупов. На другой день, 5 апреля, все тщательно собранные кости были уничтожены.

«Мероприятие» обошлось без чьего-либо нежелательного внимания. Наблюдение за близлежащим домом, в котором проживали немецкие граждане, не выявило «подозрительных действий с их стороны». Никак не отреагировали на секретную акцию и советские люди, находившиеся в военном городке: «прямого интереса к проводимым работам и установленной на месте раскопок палатке не проявлялось».

После изъятия останков территорию привели в прежний вид...

Вх. № 1759
10.4.70
Совершенно секретно
Экз. единственный
Серия «К»

г. Магдебург (ГДР)
в/ч п/п 92626
5 апреля 1970 г.

АКТ
(о физическом уничтожении останков военных преступников)

Согласно плану проведения мероприятия «Архив» оперативной группой в составе начальника ОО КГБ при СМ СССР в/ч п/п 92626 полковника Коваленко Н. Г. и сотрудников того же отдела... произведено сожжение останков военных преступников, изъятых из захоронения в военном городке по ул. Вестендштрассе возле дома № 36 (ныне Клаузенерштрассе).

Уничтожение останков произведено путем их сожжения на костре на пустыре в районе г. Шенебек в 11 км от Магдебурга.

Останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел, собраны и выброшены в реку Бидериц, о чем и составлен настоящий акт.

Начальник ОО КГБ в/ч п/п 92626
полковник Коваленко
Сотрудники ОО КГБ в/ч п/п 92626
(подписи)
5 апреля 1970 г.
Ф. К-1ос, оп.4, д.98, л.7-8
(подлинник)

Часть вторая
Горы фактов кричали о возмездии!

Глава 7
Это был «процесс документов»

Впереди было предъявление веских доказательств по всем пунктам обвинения — судебный марафон длиною в год, в ходе которого даже у людей безразличных, либо прежде сочувствовавших нацизму, не осталось сомнений в преступном характере как всей фашистской власти, так и ее руководства. Документов, показаний свидетелей, улик имелось огромное множество. Важно было правильно ими распорядиться, согласовав подходы представителей разных юридических систем.

Уставом и Регламентом трибунала были установлены следующие виды доказательств:

а) показания свидетелей (устные и письменные);

б) показания и объяснения подсудимых (устные и письменные);

в) документы;

г) вещественные доказательства.

Таким образом, Устав и Регламент трибунала почти целиком, за вычетом экспертизы, воспроизводили систему доказательств, принятую в советском доказательственном праве. Однако фактически на Нюрнбергском процессе применялась и экспертиза — судебно-психиатрическая и судебно-медицинская. Ходатайство защиты об экономической экспертизе было трибуналом отклонено.

Главную роль в работе трибунала играли трофейные документы. Преступная деятельность лидеров гитлеровской Германии отражалась на бумаге с чисто немецкой педантичностью. Свидетельские же показания представляли ценность живого слова, когда речь шла о событиях большого политического масштаба или о конкретных фактах преступлений — военных и против человечности. Непосредственно в суде было допрошено 116 свидетелей и принято 143 письменных показания свидетелей, а документальных доказательств принято около 2500, то есть в десять раз больше.

Защита чаще, нежели обвинение, прибегала к свидетельским показаниям. На процессе было допрошено 33 свидетеля, вызванных обвинением, и 61 свидетель, вызванный защитой.

В обычном судопроизводстве свидетели именуются либо свидетелями обвинения, либо свидетелями защиты. На Нюрнбергском процессе порой бывало, что свидетель защиты в результате перекрестного допроса становился свидетелем обвинения. Яркий пример — допрос фельдмаршала Мильха.

Поскольку процесс был международным, возник вопрос о разных видах присяги. 21 ноября 1945 г., на второй день после открытия процесса, трибунал вынес дополнительное постановление о присяге, в котором указывалась: «Каждый свидетель должен быть приведен к своей национальной присяге по той форме, которая существует в его стране. В случае возражения, базирующегося на религиозных принципах, он может дать клятву в форме, приемлемой для трибунала».

Для свидетелей, признающих религиозную присягу, был выработан такой текст: «Клянусь богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Да поможет мне бог!». Граждане СССР давали торжественное обещание: «Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, торжественно обещаю и клянусь перед лицом Высокого Суда говорить все, что мне известно по данному делу и ничего не прибавлять и не утаивать».

Но вернемся к документам. В качестве доказательств трибуналу были представлены:

— официальные правительственные документы — ноты, сообщения, доклады, отчеты, письма, донесения, телеграммы, тексты законов и постановлений, инструкции, приказы, директивы; протоколы, договоры, соглашения, декларации;

— личные письма и заявления;

— дневники и мемуары;

— записи публичных выступлений в рейхстаге, на съездах, собраниях, заседаниях, по радио;

— записи бесед;

— газетные и журнальные статьи, книги;

— географические карты, схемы, планы;

— кинокартины и фотографии;

— приговоры судебных органов.

Особую ценность, несомненно, представляли официальные немецкие документы. Их число было огромно. Только американцами было просмотрено более 100 тысяч материалов, отобрано до 4000 и 1400 представлено трибуналу в качестве доказательств.

Исходя из требования Устава о том, что суд не должен быть связан формальностями при приеме доказательств, трибунал допускал представление фотографий не только для идентификации, как было принято, например, в английском законодательстве, но в качестве самих доказательств. Советские обвинители предъявили суду многочисленные снимки, на которых запечатлены зверства гитлеровцев на территориях СССР, Польши, Чехословакии и Югославии.

Многочисленные фотодокументы представила советская Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Трибунал беспрепятственно принимал в качестве доказательств карты, диаграммы и схемы, изготовленные обвинением, а также документальные кинофильмы.

На судебном заседании демонстрировались кинофильмы, выпущенные в свое время гитлеровцами, и кинофильмы союзников. При демонстрации этих фильмов обвинители предоставляли доказательства достоверности кинолент: свидетельства об источнике фильмов, справки, при каких обстоятельствах киноленты были смонтированы, или удостоверения кинооператоров и лиц, монтировавших документальное кино.

На процессе в качестве доказательства применялась и экспертиза как судебно-психиатрическая, так и судебно-медицинская. Например, судебно-медицинской экспертизе был подвергнут Крупп фон Болен унд Гальбах для выяснения, может ли он по состоянию здоровья предстать перед судом. Судебно-психиатрической экспертизе подвергли также подсудимых Гесса и Штрейхера. Оба они были признаны вменяемыми.

Нюрнбергский процесс вошел в историю как процесс документов. Именно документальные доказательства здесь были решающими. Союзники захватили важнейшие архивы гитлеровской Германии, например архив германского генерального штаба со всей оперативной документацией, раскрывающей подготовку и развязывание войн.

Действующая с ноября 1942 г. в СССР Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников внесла огромный вклад в доказательную документальную базу Трибунала. В соответствии со ст. 21 Устава трибунала акты Чрезвычайной государственной комиссии подлежали принятию трибуналом без дальнейших доказательств. Уже сами по себе эти материалы представляли большую доказательственную ценность и обеспечивали поддержание обвинения от имени Союза ССР против главных немецких военных преступников. Аналогичные материалы представили Франция, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Норвегия.

В распоряжении суда оказались огромные собрания немецких документов. Были захвачены правительственные и личные архивы некоторых главарей фашистской Германии, например: архив штаба оперативного руководства гитлеровского верховного главнокомандования во Фленсбурге; архив Риббентропа; архив Розенберга (документы были замурованы в потайном хранилище в его замке в Баварии); архив Франка. 485 тонн архивов нацистского МИДа были захвачены 1-й американской армией.

Чтобы переработать такой массив материалов, был создан документальный отдел. Одно из отделений его собрало большое число официальных изданий с законодательными и ведомственными материалами, газет, публицистической литературы, принадлежавшей перу лидеров нацистской партии. Эти доказательства сыграли на процессе немаловажную роль. Другой отдел — допросный, его возглавлял полковник Эймен, в составе группы следователей, их помощников, переводчиков и стенографов вел допросы обвиняемых и свидетелей.

Перед советским обвинением стояла задача максимального использования всех документальных материалов из найденных фашистских архивов. Для этого была создана следственная часть, в обязанность которой входила подготовка документальных доказательств, в том числе материалов из архивов, захваченных англо-американскими войсками, допрос обвиняемых и некоторых гитлеровских генералов и руководителей ведомств, которые на процессе фигурировали как свидетели.

Советские следователи обнаружили особо ценные документы, в частности подлинный план «Барбаросса». Существование этого плана предполагало наличие различного рода дополнительных документальных данных, которые гитлеровский генеральный штаб должен был разрабатывать для реализации плана военного нападения на СССР. На поиски этих документов, перевод на русский язык и систематизацию были направлены большие усилия. Собирались материалы, подтверждающие виновность главных военных преступников по всем пунктам предъявленного им обвинения. Документы систематизировались по отдельным видам преступлений и по каждому из обвиняемых. Одновременно изучались протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, которые производились американскими следователями.

Кроме того, нашими следователями были допрошены почти все обвиняемые и значительное число свидетелей.

Допрос велся обязательно через переводчика и под стенограмму. По наиболее значимым вопросам стенограмма велась одновременно на русском и на немецком языках. Расшифрованная немецкая стено-

грамма на следующий день давалась на подпись допрошенному и, таким образом, превращалась в официальный протокол допроса, имеющий силу судебного доказательства.

В составе советской делегации документы изучала специальная следственная группа во главе с государственным советником юстиции 3-го класса Г. Н. Александровым.

Главный советский обвинитель Р. А. Руденко назначил руководителем документальной части профессора Д. С. Карева, достойной помощницей которого на протяжении всего процесса являлась Т. А. Илерицкая. Такая же документальная часть была организована и в аппарате советских судей в Международном трибунале. Здесь систематизацией доказательств занимались майор юстиции А. С. Львов и Г. Д. Бобкова-Басова.

Узловыми событиями процесса стали речи главных обвинителей. 21 ноября 1945 г. выступил Главный обвинитель от США Роберт Х. Джексон, 4 декабря 1945 г. — Главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс, 17 января 1946 г. — Главный обвинитель от Франции Франсуа де Ментон, 8 февраля 1946 г. — Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко.

Все они были выдающимися знатоками своего дела, имели огромную практику и, что немаловажно, — непревзойденное ораторское дарование. Стройная система доказательств, созданная ими, предопределила успех первого в мире Международного военного трибунала.

Глава 8
О тех, кто обвинял и судил нацистов

О Нюрнбергском процессе, его обвиняемых, а также судьях и обвинителях со стороны США, Великобритании, Франции написано за рубежом много статей и даже книг, благодаря которым участники суда превратились в своих странах в главных действующих лиц и героев Суда народов. Они этого достойны. Но ведь в работе трибунала по изобличению нацистских преступников участвовали не они одни. Пора восстановить историческую справедливость и более подробно рассказать о судьбах тех, кто представлял в Международном военном трибунале Советский Союз. О них почти ничего не известно. А ведь эти люди внесли немалый вклад и в работу трибунала, и в укрепление правопорядка в нашем отечестве.

В первую очередь это касается Романа Андреевича Руденко. Конечно, он был продуктом сложной исторической эпохи. И не только он... Но ведь как сказал поэт: «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

ГЛАВНЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ ОТ СССР

РУДЕНКО Роман Андреевич (1907–1981) — государственный и общественный деятель, действительный государственный советник юстиции.

Р. А. Руденко, дольше всех находившегося на посту Генерального прокурора СССР, называли человеком блестящей карьеры. Ведь роль Главного обвинителя в Международном военном трибунале, которую он исполнил с блеском и достоинством, во многом предопределила его судьбу. Советская пресса периода перестройки утверждала, что Руденко был обласкан властью. Еще до войны, ему, молодому и способному юристу, явно благоволили такие видные политические деятели, как Н. С. Хрущев и А. Я. Вышинский.

Однако ни в одном официальном документе или публикации не сообщалось о том, что всего за шесть лет до Нюрнбергского процесса будущий главный обвинитель попал в такую ситуацию, что не знал, чем и когда закончится его жизнь...

В работе прокуратуры Сталинской области, которую он возглавлял, были выявлены недостатки. В основном речь шла о том, что областная прокуратура надлежащим образом не реагировала на заявления граждан. Руденко получил партийный выговор и был снят с должности. По тем временам, а это случилось в 1940 г., нужно было ждать ареста и более суровых мер.

Рассчитывать на помощь покровителей не приходилось. Руденко знал недавнюю историю П. Н. Малянтовича — последнего генерал-прокурора во Временном правительстве Керенского, подписавшего в 1917 г. постановление о задержании Ленина по делу о шпионаже. Ранее Малянтович был адвокатом и очень самоотверженно защищал в суде социал-демократов. В помощниках его ходили А. Я. Вышинский и А. Ф. Керенский. Вышинский считал Малянтовича своим учителем, до революции бывал у него дома и даже столовался.

После ареста Малянтовича его жена, Анжелика Павловна, не раз обращалась к Вышинскому, доказывая, что муж ни в чем не виноват. Но высокопоставленный ученик ничем не помог учителю и даже не сообщил Анжелике Павловне о его расстреле.

Более года Руденко был без работы, находясь в постоянном плену тягостных мыслей, однако духом не пал и использовал это время для продолжения образования. Начавшаяся война, видимо, списала его грехи, и Роман Андреевич был вновь востребован на профессиональном поприще.

Назначение прокурора Украины, имевшего «черную метку» в биографии, главным обвинителем от СССР было неожиданным и стремительным взлетом к вершине мировой юриспруденции. Оно вовсе не вытекало из логики тогдашнего мышления. Можно представить

волнение и трепет Романа Андреевича, которому предстояло выполнить историческую миссию.

Родился он 17 (30) июля 1907 г. в селе Носовка Черниговской губернии в многодетной семье крестьянина-бедняка. Кроме Романа у родителей было еще пять сыновей — Николай, Иван, Федор, Петр и Антон, а также две дочери — Нина и Надежда. До революции его отец имел лишь одну четверть десятины земли и, чтобы прокормить большое семейство, работал по найму, в основном плотничал, а мать, как это часто бывало у малоземельных крестьян, батрачила. После Октябрьской революции Андрей Руденко получил от советской власти немного земли, но семья жила так же трудно. В 1929 г. вступили в колхоз.

Роман рос сметливым и бойким, любил верховодить, за что товарищи дали ему прозвище «ватажок». Окончив в 1922 г. школу-семилетку в Носовке, работал в родительском крестьянском хозяйстве, летом пас скот по найму. В 1924 г. поступил на сахарный завод чернорабочим, на предприятии стал комсомольским активистом.

Старший брат, Николай Андреевич, рассказывал автору этой книги, что еще в детские и юношеские годы Роман имел неуемную тягу к знаниям, отмечал его собранность и дисциплинированность. Видимо, именно эти черты характера позволили ему пройти путь от чернорабочего до Генерального прокурора СССР и Главного обвинителя от Советского Союза в Международном военном трибунале.

В декабре 1925 г. Романа Руденко избрали членом Носовского райкома комсомола. На пленуме райкома он вошел в состав бюро и стал штатным комсомольским работником, заведующим культурно-пропагандистской деятельностью. Одновременно работал инспектором в райисполкоме. После вступления в партию (декабрь 1926 г.) возглавил райотдел культуры.

Следующим шагом была должность инспектора окружного комитета рабоче-крестьянской инспекции в городе Нежине. Здесь Руденко познакомился с юриспруденцией, выступая общественным обвинителем в суде, приобрел и журналистский опыт, сотрудничая с местными газетами.

Плоть от плоти крестьянин, Роман Андреевич безоговорочно разделял политику большевистской партии и, как сам писал в анкетах, у него «колебаний не было, в оппозициях не участвовал». Такие люди в те времена ценились, и партийные комитеты их нещадно эксплуатировали, «бросая» на самые трудные участки работы. Так произошло и с Руденко.

В 1922 г. была образована советская прокуратура. Она остро нуждалась в кадрах. Грамотных людей в стране было не так уж и много, а юридически подкованных — тем более. В ноябре 1929 г. окружной

комитет партии принял решение о «мобилизации» молодого коммуниста Романа Руденко в прокуратуру. Так он оказался в должности старшего следователя окружной прокуратуры в Нежине.

Руденко оказался из тех, кто схватывает все на лету, и через семь месяцев его перевели помощником окружного прокурора в Чернигов. А спустя еще четыре месяца Роман Андреевич в возрасте 23 лет возглавил Бериславскую районную прокуратуру в Николаевской области.

Росту способствовали незаурядные личные качества Руденко — высокая работоспособность, вдумчивость, принципиальность, умение отстаивать свою точку зрения. Окружающим были симпатичны его скромность, доброжелательность, умение располагать к себе, создавать теплую обстановку в коллективе.

Быстрое выдвижение способных людей было характерной чертой того бурного времени. В 1931 г. Руденко — помощник Мариупольского городского прокурора. В 1932 г. — старший помощник областного прокурора в Донецке. В 1933 г. — прокурор города Макеевка... В конце 1937 г. мы видим его на посту прокурора Донецкой области, а затем, после разделения ее на Сталинскую и Ворошиловградскую — прокурором Сталинской области.

Роман Андреевич стал заметной политической фигурой. В 1939 г. он присутствовал с правом совещательного голоса на XVIII съезде ВКП(б). Его знал и ценил Н. С. Хрущев, избранный в феврале 1938 г. первым секретарем ЦК компартии Украины.

Роман Андреевич был на особом счету и в Прокуратуре Союза ССР. Ходили слухи, что, когда в июне 1939 г. встал вопрос о назначении нового прокурора СССР, Вышинский, уходивший на должность заместителя председателя Совнаркома СССР, предложил оставляемое им кресло Руденко, но Хрущев «заартачился», не желая отпускать толкового областного прокурора, и назначение тогда не состоялось.

Однако очень скоро перспективного прокурора постигло увольнение, о котором упоминалось выше. Проведенная в 1940 г. проверка выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. о перестройке работы по надзору за органами НКВД установила, что прокурор Сталинской области этого постановления не выполнил. Например, спецотдел прокуратуры оказался неукомплектованным — вместо пяти человек по штату работали только двое. Также на день проверки в спецотделе прокуратуры имелось 3603 жалобы, из них 1839 жалоб лежали по существу не разрешенными с 1939 г. Отдельные жалобы волокитились с 1938 г. Истребованные еще в январе 1940 г. из УНКВД 305 дел были не рассмотрены.

Не будем искать у этой проверки двойного дна — скорее всего, эти недостатки действительно были. Прокурора области, которому

было от роду 33 года, сняли с работы и объявили выговор по партийной линии. Решение об этом принималось в Москве. Заведующий отделом управления кадров ЦК ВКП(б) Бакакин и инструктор управления кадров Гришин подписали заключение, в котором было предложено ЦК КП(б) Украины и Прокуратуре СССР освободить Руденко от занимаемой должности. В августе 1940 г. такое решение состоялось. Обычно в те годы увольнением дело не заканчивалось, и за ним вполне мог последовать арест.

Надо полагать, много бессонных ночей провел тогда Роман Андреевич, тем не менее устоял и даже не оставил мыслей продолжить прокурорскую службу. Правда, об этой горькой странице своей жизни он никогда и никому не говорил. 15 сентября 1940 г. Роман Андреевич стал слушателем Высших академических курсов Всесоюзной правовой академии. Одновременно его зачислили в экстернат Московской юридической школы Наркомата юстиции РСФСР. Таким образом, учиться ему пришлось на «два фронта».

Выпускные экзамены на Высших курсах совпали с началом Великой Отечественной войны. Свидетельство об окончании курсов Руденко получил 27 июня 1941 г. Оценки почти по всем предметам у него были отличные. А еще через три дня, 1 июля, Роман Андреевич успешно выдержал экзамены в юридической школе. В том же 1941-м Руденко поступил на экстернат Московского юридического института, однако продолжить учебу помешала война.

26 июня 1941 г. судьба вновь улыбнулась Руденко. Приказом Прокурора СССР он назначается начальником отдела Прокуратуры СССР по надзору за органами милиции. В коллективе Роман Андреевич прижился довольно быстро. Сослуживцы уважали его за выдержанность, спокойствие и трудолюбие. В Москве Роман Андреевич оставался до начала весны следующего года.

В феврале 1942 г. встал вопрос о направлении Руденко в Прокуратуру Украинской ССР на должность заместителя прокурора республики, вместо Ф. А. Беляева, поставленного Прокурором Узбекской ССР. Наверное, это было сделано не без инициативы тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Украины Н. С. Хрущева, хотя официально вопрос согласовывался с секретарем республиканского ЦК Спиваком. 25 февраля 1942 г. прокурор СССР В. М. Бочков обратился с соответствующей просьбой к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. В союзном ЦК партии не возражали, и 12 марта 1942 г. Бочков издал приказ о назначении Руденко заместителем прокурора Украинской ССР по общим вопросам.

Аппарат прокуратуры Украины, большая часть территории которой была оккупирована, располагался в то время в Ворошиловграде. При невеликом штате — всего 23 человека вместе с техническими ра-

ботниками, задач по прокурорскому надзору непочатый край — выполнение оборонных заказов, ремонт боевой техники, строительство оборонительных сооружений и т. д. В числе главных направлений работы было также укрепление трудовой дисциплины и предупреждение эпидемических заболеваний. Работникам прокуратуры приходилось выезжать в прифронтовые районы, помогать районным прокурорам. Добираться до места обычно приходилось на попутных машинах, а то и пешком.

В конце июля 1942 г. военная обстановка осложнилась, и советские войска полностью оставили Украину. На территории РСФСР продолжила деятельность оперативная группа прокуратуры республики во главе с исполняющим обязанности прокурора Украины Р. А. Руденко.

В 1943 г. началось освобождение украинской земли, которое было завершено в октябре 1944 г. Оперативной группе Прокуратуры УССР предстояло восстановить все звенья прокурорского надзора. В начале 1943 г. группа базировалась в очищенных от врага районах Ворошиловградской области, затем — Харьковской, а с августа 1943 г. — в самом Харькове.

23 июня 1943 г. Р. А. Руденко назначается на пост прокурора Украинской ССР, сменив Л. И. Яченина, находившегося в Красной армии на должности прокурора фронта.

Забот у руководителя прокуратуры второй по величине советской республики, серьезно пострадавшей от фашистского нашествия, было предостаточно. Прокурорский надзор был направлен на выполнение директив правительства о восстановлении народного хозяйства, соблюдение прав военнослужащих и членов их семей, инвалидов войны, трудящихся предприятий и колхозов, борьбу с детской беспризорностью. Р. А. Руденко лично возглавил работу по расследованию фактов злодеяний, бесчинств и террора нацистов против мирных жителей. Собранные по этому вопросу материалы передавались в созданную правительством СССР Чрезвычайную Государственную комиссию.

Незадолго до освобождения Киева, 4 октября 1943 г., Руденко своим приказом создал специальную группу. В приказе говорилось: «1. Группе войти в Киев в день его освобождения. 2. Под руководством и при содействии партийных и советских органов обеспечить соблюдение в нем социалистической законности и советского правопорядка».

Прокуроры вошли в город 6 ноября, вслед за боевыми порядками войск. Член группы К. Н. Гавинский вспоминал: «...Оставив позади пылающую Дарницу, наша группа вышла к Днепру. Нашли лодку без весел и поплыли по течению, подгребая к правому берегу обломком

доски. Нас снесло к разрушенному мосту. По его фермам добрались до берега. Среди руин Крещатика шла узкая тропа. По безлюдным улицам, промокшие и озябшие, но бесконечно счастливые, мы вышли на площадь Калинина.

Было шесть часов вечера. Неожиданно из репродуктора, установленного воинской частью на одной из стен полуразрушенного здания городского Совета, раздался голос диктора: „От Советского информбюро"... Прозвучало сообщение об освобождении Киева.

На следующий же день мы приступили к делу. Прежде всего установили связь с прибывающими в город партийными и советскими работниками. Каждый из нас, возглавив одну из прокуратур района, обязан был немедленно организовать ее деятельность».

Следом в столицу республики, еще дымящуюся военными пожарами, переместился Р. А. Руденко и весь аппарат прокуратуры.

Гавинский рассказывал автору книги, что Роман Андреевич проявил тогда большие организаторские способности и умение работы в экстремальных условиях. Был очень доступным для общения руководителем и исключительно трудоспособным человеком. Все вопросы решал быстро, четко и профессионально.

В начале 1944 г. на освобожденной территории Украины уже действовала 321 районная прокуратура. Кадры собирались по всей стране. По состоянию на июнь 1944 г. в распоряжение прокурора УССР прибыло две тысячи человек. Их, конечно, было недостаточно, и по распоряжению Р. А. Руденко в шести городах были созданы краткосрочные юридические курсы.

Профессионал своего дела, он часто выступал в судах в качестве государственного обвинителя, в том числе и в Москве. Например, с 20 по 22 июня 1945 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело по обвинению генерала Л. Б. Окулицкого и других (всего 15 человек), руководивших польским подпольем в тылу Красной армии (так называемой Армией Крайовой). В ходе террористической деятельности этой «армии» только с июля 1944 по май 1945 г. было убито и ранено около 500 советских солдат и офицеров.

Основным обвинителем был утвержден Главный военный прокурор Н. П. Афанасьев. Когда при обсуждении этого дела у Сталина возник вопрос о том, кто будет помогать обвинителю, Афанасьев назвал прокурора Украинской ССР Р. А. Руденко. Сталин с ним согласился.

Процесс был громким, его широко освещала советская и зарубежная пресса, некоторые заседания транслировались по радио на всю страну. Роман Андреевич показал себя на процессе настойчивым и находчивым обвинителем, ярким, красноречивым оратором, что было замечено вождем и сыграло роль при его назначении в Нюрнберг Главным обвинителем от СССР.

Надо сказать, прокурор Украинской ССР блестяще справился с трудной задачей. Участие Руденко в Нюрнбергском процессе — ярчайшая страница в его биографии.

Он прославился как юрист высочайшей квалификации, человек твердых принципов, великолепный оратор. Стиль допроса Руденко отличался наступательностью, в нем превалировала четкая аргументация и убийственная логика преподнесения факта, которую невозможно опровергнуть.

Характерную деталь привел участник Нюрнбергского процесса А. Полторак. Он писал: «Геринг и его коллеги по скамье с самого начала прибегали к весьма примитивному приему, для того чтобы посеять рознь между обвинителями четырех держав. Держась в рамках судебного приличия в отношениях с западными обвинителями, они сразу же пытались подвергнуть обструкции советского прокурора. Как только Руденко начал вступительную речь, Геринг и Гесс демонстративно сняли наушники. Но продолжалось это недолго. Стоило только Руденко назвать имя Геринга, как у рейхсмаршала сдали нервы, он быстренько опять надел наушники и через минуту-две уже стал что-то записывать».

По его же словам, когда Руденко закончил допрос Риббентропа, Геринг с жалостью посмотрел на бывшего министра иностранных дел и лаконично подвел итог: «С Риббентропом покончено. Он теперь морально сломлен».

«С не меньшим основанием, — писал А. Полторак, — Риббентроп мог сказать и в отношении Германа Геринга, когда он возвращался на свое место после допроса советским обвинителем. В Нюрнберге в то время распространился нелепый слух, будто Руденко, возмущенный в ходе допроса наглостью Геринга, выхватил пистолет и застрелил нациста № 2. 10 апреля 1946 г. об этом даже сообщила газета «Старз энд страйпс». Такая дичайшая газетная «утка» многих из нас буквально ошеломила. Но меня тотчас же успокоил один американский журналист: «Собственно, чего вы так возмущаетесь, майор? Какая разница, как было покончено с Герингом? Как будто ему легче пришлось от пулеметной очереди убийственных вопросов вашего обвинителя...»

Молодого советского прокурора (ему было тогда 38 лет) узнал и услышал весь мир. Его выступления вошли в учебники для юридических вузов как образцы доказательности, логики и ораторского искусства.

Заключительную речь Главный обвинитель от СССР Руденко произносил два дня, 29 и 30 июля 1946 г. Конечно, эта речь — коллективное творчество советской делегации, но произнес ее Роман Андреевич мастерски. Об этом единодушно говорят все очевидцы событий тех лет.

30 августа 1946 г. Руденко произнес заключительную речь по делу преступных организаций. В конце ее Руденко сказал: «Обвинение выполнило свой долг перед Высоким Судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед своей собственной совестью. Да свершится же над фашистскими палачами Суд народов — Суд справедливый и суровый!»

После завершения Нюрнбергского процесса Роман Андреевич продолжал руководить Прокуратурой Украинской ССР, по праву считаясь одним из лучших юристов страны.

В начале 50-х гг. должность Генерального прокурора СССР занимал Г. Н. Сафонов, который не пользовался большим уважением у руководства страны. Великолепный практик и исполнитель, он был хорош на вторых ролях, а вот обязанности первого лица были для него трудны. Претензии к Сафонову накапливались, но он оставался на своем посту. Ход событий ускорил арест Берии, произведенный группой высокопоставленных военных на заседании Президиума ЦК КПСС 26 июня 1953 г.

У Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова, вершивших тогда дела в стране, возникла необходимость в авторитетном и умелом прокуроре, облеченном должностью союзного масштаба. В Москву был срочно вызван прокурор УССР Руденко.

В воспоминаниях Хрущева об этом сказано так: «Тут же мы решили, назавтра или послезавтра, так скоро, как это было технически возможно, созвать пленум ЦК, где и поставить вопрос о Берии. Одновременно было решено освободить Генерального прокурора СССР, потому что он не вызывал у нас доверия и мы сомневались, что он может объективно провести следствие. Новым Генеральным прокурором утвердили товарища Руденко и поручили ему провести следствие по делу Берии».

Роман Андреевич отправился в Москву из Киева 29 июня 1953 г. Скорее всего, в тот момент он еще не знал о цели вызова. В командировочном удостоверении было указано, что он едет в столицу «по служебным делам» на семь дней. Однако недельная командировка растянулась на 27 лет напряженной работы на посту главного законника страны.

События развивались с ошеломительной скоростью. В тот же день на заседании Президиума ЦК КПСС Руденко был утвержден Генеральным прокурором СССР вместо смещенного Сафонова. 29 июня вышел соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР. На том же заседании Президиума ЦК было принято постановление «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия».

Ведение следствия поручалось Руденко. Ему предлагалось в суточный срок подобрать следственный аппарат, доложив о его персо-

нальном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, «с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний», к выявлению и расследованию «фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берии через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.)».

1 июля 1953 г. работников Прокуратуры СССР срочно собрали в Мраморном зале. Перед ними появился Р. А. Руденко — один, без обычного в таких случаях представителя ЦК, и объявил, что он назначен Генеральным прокурором.

Следственная работа закипела. Однако, как в былые времена крупных сталинских процессов, ей была свойственна заданность. Еще до начала следствия были опубликованы партийные и государственные решения по делу Берии, в которых он уже был назван преступником. Следствию, а затем и суду лишь предстояло облечь в юридическую «упаковку» партийные и советские директивы. Вновь назначенный Генеральный прокурор при всем желании не смог бы сломать этот порядок вещей.

Нарушений юридических норм и традиций было немало. Проект обвинительного заключения рассматривался и дорабатывался не в прокуратуре, а на заседании Президиума ЦК. Более того, «для усиления партийного влияния» к шлифовке этого документа был приставлен секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов. Кандидатов в состав специального присутствия Верховного суда СССР был обязан предложить Р. А. Руденко, то есть прокурору предстояло определить судей по делу, по которому он вел следствие. Вдобавок президиум ЦК решил, что дело Берии и его соучастников должно рассматриваться в закрытом судебном заседании, без участия сторон, то есть на него не допускались ни обвинители, ни защитники.

Из восьми назначенных судей только двое имели отношение к органам юстиции — первый заместитель председателя Верховного суда СССР и председатель Московского городского суда Л. А. Громов. Остальные являлись партийными и профсоюзными функционерами, военными. Один судья — К. Ф. Лунев был первым заместителем министра внутренних дел СССР.

Генерал армии Москаленко, участвовавший в аресте Берии, оказался в нескольких ипостасях. Он был в составе следственной бригады, затем оказался в числе судей и, наконец, участвовал в расстреле Берии. Чтобы один и тот же человек арестовывал, вел следствие, судил и приводил приговор в исполнение — такого не случалось даже во время репрессий 1930-х годов.

Все преданные суду лица обвинялись по статьям уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за государственные преступления (измена родине, совершение террористических актов, ак-

тивная борьба против рабочего класса и революционного движения и т. д.). Судебное заседание открылось 18 и закончилось 23 декабря 1953 г. вынесением смертного приговора всем подсудимым. В день окончания суда приговор был приведен в исполнение в присутствии Генерального прокурора СССР.

Далее Роману Андреевичу пришлось заняться и другими одиозными материалами. Именно ему поручили провести следствие по делу В. С. Абакумова, бывшего министра государственной безопасности СССР, инициатора так называемого ленинградского дела. Подход к нему также трудно назвать правовым. На заседании Президиума ЦК КПСС 15 сентября 1954 г. был фактически предрешен приговор, утверждена судебная коллегия.

Судя по всему, Генеральный прокурор в какой-то степени действовал в той же системе координат, поскольку выступал за слушание дела Абакумова в закрытом судебном заседании (как и дела Берии), однако его предложение не прошло.

На суде, начавшемся 14 декабря 1954 г., Абакумов виновным себя не признал, утверждая, что дело его сфабриковано Берией, Кобуловым и Рюминым. Тем не менее Абакумов и некоторые его соучастники были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение незамедлительно. Абакумову даже не дали возможности его обжаловать.

В 1955–1956 гг. Руденко участвовал и в процессах над бывшими грузинскими «друзьями» Берии — Рапавой, Рухадзе, Церетели, Савицким, Кримяном, Надария, Хазаном и Парамоновым, а также «соратником» Берии — бывшим первым секретарем ЦК компартии Азербайджана и председателем совета министров республики Багировым. Вместе с Багировым на скамье подсудимых оказались еще пятеро руководителей органов внутренних дел Дагестана, Армении и Азербайджана.

Однако времена менялись, и Р. А. Руденко чувствовал императив к приоритету права. Роман Андреевич начал постепенно расчищать авгиевы конюшни, в которые фактически превратились органы правопорядка, да и сама законность в стране. Именно Руденко осуществил мероприятия по восстановлению в своих правах прокурорского надзора после долгих лет диктатуры и произвола. И не просто восстанавливал, а создавал гарантии социалистической законности, соответствующей духу перемен.

Он подчеркивал обязательность советских законов для всех, недопустимость противопоставления законности и целесообразности, неразрывную связь законности с культурностью. Эти идеи он проводил в жизнь, конечно, в тех пределах, которые допускались руководством страны. Однако и в этой ситуации перемены к лучшему были

хорошо заметны. Например, при нем в центральном аппарате появилась стабильность кадров — чехарда, свойственная предыдущим годам, исчезла.

Ранее безликие и по существу бесправные прокуроры стали наиболее активными проводниками социалистической законности. Слово закон стало, наконец, употребляться в связке с такими понятиями, как справедливость, порядочность, честность. Началось постепенное, пока еще медленное и нерешительное исправление недостатков и преступлений, имевших место в сталинское время.

Одной из причин произвола при расследовании преступлений, пусть не главной, был низкий уровень следственной работы, недостаточная квалификация следователей. Приказ Руденко «О мероприятиях по повышению квалификации следователей органов прокуратуры» от 14 октября 1953 г. был одной из его первых директив. По всей стране началась учеба кадров, улучшалось техническое оснащение следствия.

После июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС повеяло «оттепелью» и какой-то, пусть урезанной, ограниченной определенными рамками, но все же свободой. Прежде всесильные органы внутренних дел и государственной безопасности были поставлены в рамки закона и играли уже не ту роль, что прежде в жизни общества. Восстанавливались в своих правах суды и прокурорский надзор. Внесудебные расправы ликвидировались.

Вскоре после назначения Генеральным прокурором Р. А. Руденко подписал первые документы, касающиеся реабилитации лиц, невинно привлеченных к уголовной ответственности. Раньше других справедливость была восстановлена в отношении высшего командного состава Красной армии. 19 марта 1954 г. Руденко, министр внутренних дел Круглов, председатель КГБ Серов и министр юстиции Горшенин направили в Президиум ЦК записку с предложением образовать Центральную комиссию по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления», содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах (467 946 человек) и находящихся в ссылке на поселении (62 462 человека). Кроме Центральной, предлагалось создать соответствующие комиссии в республиках, краях и областях. 4 мая 1954 г. такие комиссии были образованы и вскоре приступили к работе.

Первая кампания по пересмотру дел была довольно осторожной. Примерно каждый второй из осужденных получал отказ в реабилитации. Характерен такой пример. Поэтесса А. А. Ахматова обратилась к К. Е. Ворошилову с просьбой пересмотреть дело ее сына Льва Николаевича Гумилева, молодого ученого-востоковеда, вторично арестованного органами МГБ СССР в 1949 г. и приговоренного Особым

совещанием к 10 годам лишения свободы. На письме имеется резолюция Ворошилова: «Руденко Р. А. Прошу рассмотреть и помочь». Тем не менее в своей записке на имя Ворошилова Руденко сообщил, что Гумилев занимался антисоветской деятельностью, осужден правильно и что Центральная комиссия по пересмотру дел 14 июня 1954 г. приняла решение отказать Ахматовой в ее ходатайстве.

Но тенденция к расширению процесса реабилитации была очевидной. Р. А. Руденко подчеркивал: «Всем нам придется столкнуться с тем, что оценки некоторых событий и их участников, казавшиеся неизменными, нужно будет пересмотреть. Сделать это надо во имя истины, справедливости и правды истории».

Важно было также не делать новых ошибок. 4 августа 1955 г. Генеральный прокурор Союза издал приказ, который касался усиления прокурорского надзора за соблюдением законности при задержании, аресте и привлечении граждан к уголовной ответственности. Р. А. Руденко потребовал от подчиненных ювелирной точности при решении этих вопросов.

В приказе прямо предписывалось применять арест в качестве меры пресечения лишь при совершении тяжких преступлений, тогда как многие прокуроры прибегали к нему по незначительным поводам. Как пример Р. А. Руденко привел действия прокурора одного из районов Баку, который за единичный случай обвеса покупателя арестовал продавщицу, на иждивении которой находилось девять человек, из них семь малолетних детей. В Московской области районный прокурор арестовал трех подростков за кражу голубей.

С другой стороны, Роман Андреевич активно боролся с волокитой, которую демонстрировали некоторые прокуроры при привлечении к ответственности лиц, совершивших тяжкие преступления.

В начале 1957 г. была реформирована структура Прокуратуры СССР, а затем и прокуратур республик, краев и областей. Этими мерами руководство стремилось подчеркнуть изменения, наметившиеся в правоохранительной системе, показывая, что с прошлым покончено раз и навсегда. Менялось судопроизводство, уголовное, уголовно-процессуальное и даже гражданское законодательство. Прокуратура СССР и Р. А. Руденко как ее руководитель и одновременно депутат Верховного Совета СССР деятельно участвовали в подготовке законопроектов, обсуждая и шлифуя каждую статью новых нормативных актов.

Улучшению деятельности прокурорской системы способствовало образование в феврале 1959 г. в Прокуратуре СССР и в прокуратурах союзных республик коллегий. Коллегиальность была хорошим средством снизить число поспешных, необоснованных и субъективных решений. Первыми членами коллегии Прокуратуры Союза стали:

Р. А. Руденко (председатель), А. Т. Горный, П. И. Кудрявцев, В. В. Куликов, А. М. Мишутин, Г. Н. Новиков, И. Е. Савельев, Д. Ш. Салин, Г. А. Терехов.

При Руденко изменилась не только форменная одежда прокурорских работников, но, что самое главное, содержание служебной деятельности стражей законности. Прокуроры, оставаясь главными защитниками государственных интересов, теперь были ориентированы в неизмеримо большей степени, чем раньше, на обеспечение прав и законных интересов граждан.

Занятый государственными делами, Руденко уже не так часто, как в первые годы, поднимался на судебную трибуну. Однако как только возникло громкое уголовное дело, Генеральный прокурор взялся поддерживать по нему обвинение. Это было дело американского летчика-шпиона Ф. Г. Пауэрса, сбитого над территорией СССР 1 мая 1960 г.

Процесс над Пауэрсом показал большой прогресс, достигнутый советской правоохранительной системой, и высочайшую квалификацию Р. А. Руденко. После окончания судебного следствия и исследования всех доказательств Роман Андреевич произнес исключительно аргументированную, взвешенную и обстоятельную обвинительную речь. По оценкам западных юристов, Руденко был предельно справедлив по отношению к Пауэрсу.

«Я не думаю, что если бы Пауэрса судили в США, то к нему отнеслись бы так же вежливо и внимательно», — подчеркнул американский юрист В. Холлинен. Английский же юрист Л. Дейчес заметил, что ему было «приятно отметить вежливую, сдержанную манеру допроса обвиняемого Генеральным прокурором. Его допрос не оскорблял и не задевал Пауэрса. Именно такой стиль допроса обвиняемого любят в Англии».

19 августа 1960 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Пауэрса к 10 годам лишения свободы, причем первые три года он должен был находиться в тюрьме. Два года спустя по решению советского правительства Пауэрс был обменен на задержанного в США советского разведчика Абеля.

Материалы следствия и судебного процесса над летчиком-шпионом Пауэрсом, а также вся история с этой подрывной акцией, разработанной под руководством небезызвестного директора ЦРУ Даллеса, легли в основу двухсерийного художественного фильма, снятого в 1985 г. режиссером-постановщиком народным артистом СССР Т. Левчуком по сценарию Б. Антонова и И. Менджерицкого. Но фильм «Государственный обвинитель» был посвящен все же Генеральному прокурору СССР Руденко, чью роль блестяще исполнил киноактер С. Яковлев.

В конце 1950 — начале 1960-х гг. Роман Андреевич Руденко достиг вершины, на которую до него не поднимался ни один союзный прокурор. Руденко внес живую струю не только в содержание прокурорского надзора, но, что не менее важно, и в атмосферу прокурорских коридоров. Бывший генеральный прокурор Сафонов мог «не заметить» при встрече не только рядового работника, но и начальника отдела. С Романом Андреевичем никогда такого не случалось.

При всей своей требовательности и взыскательности он был неизменно корректен, доброжелателен и доступен для всех. Прокурор отдела мог прийти к нему на прием и доложить свою точку зрения на тот или иной решаемый вопрос. Единственное, на чем настаивал Руденко, так это на соблюдении прокурорской иерархии. Роман Андреевич требовал, чтобы ему докладывали о делах, по которым состоялись решения его заместителей. Руденко не только уважал и ценил процессуальную независимость любого работника, но и насаждал ее, добивался, чтобы каждый был ответствен за свое решение. Он был непримирим, когда дело касалось очищения органов прокуратуры от нечистоплотных работников, злоупотребляющих своим высоким положением. Многие современники, хорошо знавшие Романа Андреевича, отзывались о нем как о действительно государственном человеке.

Но даже явные достоинства, большие заслуги и то, что он был вхож к первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, не гарантировали Руденко безоблачной карьеры. Интриги начал плести заведующий отделом административных органов ЦК КПСС Н. Р. Миронов. И над Романом Андреевичем вновь сгустились тучи...

Партийное руководство тогда поставило авантюрную задачу — в кратчайшие сроки ликвидировать преступность. За сверхбыстрое решение «эпохальной» задачи рьяно взялся Миронов, а подыгрывал ему тогдашний министр внутренних дел Щелоков. Победить преступность одним махом можно было только путем сокрытия преступлений. Но на пути стояли работники прокуратуры, в первую очередь Генеральный прокурор, требовавший от подчиненных регистрации всех преступлений.

Миронов многое успел предпринять: открыто критиковал Руденко, подготовил почву для смены генпрокурора в ЦК и даже внедрил в заместители Романа Андреевича своего ставленника — М. П. Малярова, которого прочили на главное место. Но ход событий резко изменился. 19 октября 1964 г. погибает в авиационной катастрофе Миронов, а за несколько дней до этого, 14 октября, на заседании Пленума ЦК был освобожден от должности Н. С. Хрущев. Центральный Комитет возглавил Л. И. Брежнев, с которым у Руденко были неплохие отношения.

Однако Роман Андреевич, хотя и был по натуре большим дипломатом, уже тогда поднимался до открытых возражений.

Во времена Брежнева развернулась настоящая битва за следствие. Право прокуратуры расследовать уголовные дела ставилось под сомнение. Особенно усердствовал в критике министр внутренних дел Щелоков, добивавшийся передачи всего следствия в МВД.

Большой поддержки он не получил и, наконец, поставил вопрос в урезанном виде — передать в подследственность МВД хотя бы дела несовершеннолетних. На свою сторону он заранее склонил Леонида Ильича, который неожиданно для всех вынес предложение Щелокова на заседание Политбюро. Гром вновь грянул над головой Романа Андреевича.

Руденко, безусловно, знал об особых, дружеских отношениях Брежнева и Щелокова. Однако в ходе заседания Роман Андреевич пошел ва-банк — он решительно и аргументированно выступил против предложения Щелокова. К сожалению, «бунт» Генерального прокурора никто из членов Политбюро не поддержал, и все, даже те, кто на самом деле были против, послушно проголосовали за то, что предложил генсек.

Авторитет Руденко был столь велик, что его выступление осталось без последствий. Сознавая, видимо, неловкость ситуации, Брежнев развел руками и сказал, словно извиняясь перед Руденко: «Вот видите, Роман Андреевич, никто вас не поддерживает», — и добавил еще несколько слов о том, как Политбюро уважает и ценит генерального прокурора.

Будучи абсолютно преданным слугой советского государства, Роман Андреевич совершенно искренне отрицал «всякое диссидентство». Именно он, например, приложил руку к выдворению из страны А. И. Солженицына и ссылке академика А. Д. Сахарова.

В 1962 г. по постановлениям судов и решениям исполкомов было выселено на основании указа в специально отведенные местности 15 700 человек. Среди них оказался и поэт И. А. Бродский. Впоследствии он эмигрировал, стал лауреатом Нобелевской премии.

В 1966 г. были осуждены по статье 70 части первой УК РСФСР (агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти) известные московские литераторы Синявский и Даниэль.

Но чаша добрых дел на весах истории несравненно больше. Особенно весом вклад Романа Андреевича в укрепление прокурорских кадров. Когда он только пришел в Генеральную прокуратуру СССР, высшее юридическое образование имели лишь 30 % прокуроров и следователей. Менее чем через 20 лет их стало уже 70 %, а в 1981 году — почти 99 %. Две трети районных и городских прокуроров, основного звена прокурорской системы, имели стаж работы свыше 10

лет, то есть были умелыми и опытными руководителями. Среди них было немало и тех, кто занимал должности три, а то и четыре конституционных срока подряд.

Стараниями Романа Андреевича Руденко в 1970 г. были созданы Высшие курсы повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР, впоследствии преобразованные в институт, который существует и поныне.

Р. А. Руденко был награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями, являлся депутатом Верховного Совета СССР нескольких созывов, на четырех партийных съездах избирался в Центральный Комитет КПСС.

Р. А. Руденко скончался в Москве 23 января 1981 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР

ПОКРОВСКИЙ Юрий Владимирович (1902–1953) — специалист в области права, полковник юстиции. Участник Гражданской войны. Работал в военной прокуратуре и прокуратуре на железнодорожном транспорте. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве заместителя Главного обвинителя от СССР. Выступал по разделам обвинения «Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии» и «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными», участвовал в допросах подсудимых и свидетелей. Далее работал начальником правового отдела советской части Союзнической комиссии в Австрии. Награжден орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

ЗОРЯ Николай Дмитриевич (1907–1946) — специалист в области права, государственный советник юстиции III класса. Отца не помнит, мать умерла в 1921 г. Жил в Киеве. В детстве был обучен французскому языку, живописи, игре на фортепиано. После смерти матери беспризорничал, затем попал в детский дом. В 1927 г. окончил юридическое отделение факультета общественных наук Московского университета.

Поначалу работал следователем районной прокуратуры в Пятигорске, потом в органах прокуратуры в Тамбове, Воронеже. Затем был назначен на должность заместителя главного прокурора на железнодорожном транспорте.

Отличительные черты Н. Д. Зори — принципиальность, точность и предельная честность.

С начала Великой Отечественной войны служил в действующей армии помощником, а затем заместителем прокурора фронта, про-

курором армии. Участвовал в Керченско-Феодосийской, Сталинградской, Орловско-Курской операциях. В августе 1944 г. он был назначен советником по правовым вопросам Н. Булганина, возглавлявшего советское представительство при польском комитете национального освобождения. Это было сложное время Варшавского восстания, стоившее Зоре сильнейшего психологического напряжения. Он вышел в отставку и год оставался без работы. В мае 1945 г. его назначили помощником Прокурора СССР, а 28 декабря 1945 г. направили в Нюрнберг помощником Главного обвинителя от СССР. Грамотный юрист и великолепный оратор, он произнес речи по разделам обвинения «Агрессия против СССР» и «Принудительный труд и угон в фашистское рабство», участвовал в допросах свидетелей.

22 мая 1946 г. произошла трагедия. Н. Д. Зоря был найден мертвым в своем номере. По поводу его смерти существует несколько версий, официальная — неосторожное обращение с оружием. Ее пока никто доказательно не опроверг. Его сын, Юрий Николаевич Зоря, при жизни высказывал автору этой книги сомнения по поводу причин кончины отца. Он считал, что в свое время они не были тщательно исследованы.

Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

РАГИНСКИЙ Марк Юрьевич (1903–1991) — известный юрист, государственный советник юстиции II класса, доктор юридических наук. В 1923 г. начал работать следователем в органах прокуратуры Петроградской губернии, затем в Гомеле, Ленинграде, Ростове-на-Дону и Москве. В 1934 г. переведен в Прокуратуру СССР прокурором отдела.

Затем он — следователь, следователь по важнейшим делам, помощник прокурора СССР.

Во время Великой Отечественной войны руководил оперативной группой прокуратуры по контролю за производством боеприпасов. В мае 1942 г. назначен уполномоченным Государственного комитета обороны на один из уральских заводов наркомата боеприпасов. Объемы выпуска продукции на предприятии постоянно росли, а рабочих не хватало. Для пополнения кадров Рагинский использовал свои прокурорские полномочия. «Мне было известно, что на территории области отбывают наказание лица, осужденные за самовольный уход с предприятий, — вспоминал он. — В течение нескольких дней вместе с работниками областной прокуратуры мы ознакомились с материалами на этих осужденных, со многими из них побеседовали. Получив по телефону разрешение Прокурора СССР В. М. Бочкова, я отобрал несколько сотен человек, приостановил в отношении их исполнение приговора и направил их на завод. Эти люди самоотвер-

женным трудом искупили свою вину, в установленном порядке были помилованы, а по окончании войны многие из них награждены орденами и медалями».

В военное и послевоенное время участвовал в подготовке и проведении судебных процессов над фашистскими преступниками и их пособниками. Был помощником Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе. Выступал по разделам обвинения «Ограбление и уничтожение культурных ценностей», «Разрушение и уничтожение городов и сел», допрашивал свидетелей.

С 1950 г. работал во Всесоюзном институте юридических наук, с 1963 г. — во Всесоюзном институте проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР. С 1968 г. — доктор юридических наук, профессор.

Автор около двухсот научных работ и многих книг. Среди них: «Ни давности, ни забвения...», «Милитаристы на скамье подсудимых (по материалам Токийского и Хабаровского процессов)», «Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника».

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Красной Звезды и «Знак Почета».

СМИРНОВ Лев Николаевич (1911–1986) — видный юрист, государственный и общественный деятель.Начал трудиться с 15 лет: сотрудник молодежной газеты, лектор, инспектор-методист отдела культурно-просветительной работы Ленинградского горисполкома.

С 1934 г. работал в органах прокуратуры. Занимал должности старшего следователя Ленинградской областной и Мурманской окружной прокуратур, прокуратуры Петроградского района Ленинграда, старшего следователя-методиста Ленинградской городской прокуратуры.

С 1941 г. на фронте — следователь военной прокуратуры. В 1943 г. переведен в аппарат Прокуратуры СССР — следователь по важнейшим делам, прокурор следственного отдела, прокурор для особых поручений при Прокуроре СССР.

Выполнял специальные поручения по расследованию и поддержанию обвинения по ряду дел о злодеяниях фашистских захватчиков, в частности в качестве государственного обвинителя выступал на Смоленском процессе. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве помощника Главного обвинителя от СССР. Представлял доказательства по разделам обвинения: «Преступления против мирного населения», «Преступления против человечности», а также о преднамеренном убийстве 50 пленных офицеров британских воздушных сил, расстрелянных после неудачного побега из концлагеря.

Л. Н. Смирнов был помощником советского обвинителя на процессе в Токио над главными японскими военными преступниками,

поддерживал государственное обвинение на Хабаровском процессе, который осудил японских милитаристов, виновных в подготовке бактериологической войны.

С 1957 г. Л. Н. Смирнов — заместитель председателя Верховного суда СССР. С 1962 г. — председатель Верховного суда РСФСР. В 1972–1984 гг. он возглавлял Верховный суд СССР.

Входил в Советский комитет защиты мира, был членом совета Международной ассоциации юристов-демократов, председателем Ассоциации советских юристов.

Награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды. В 1981 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

КАРЕВ Дмитрий Степанович (1908–1972) — специалист в области права, доктор юридических наук, полковник юстиции. На юридическом факультете МГУ преподавал курс судопроизводства и уголовного процесса. Автор учебников и учебных пособий для студентов и практиков. На Нюрнбергском процессе был помощником Главного обвинителя от СССР. Ведал документальной частью обвинения, докладывал на заседаниях суда порядок представления доказательств. Автор брошюры «Нюрнбергский процесс».

ШЕЙНИН Лев Романович (1906–1967) — специалист в области права, государственный советник юстиции II класса, писатель и драматург. Родился 12 марта 1906 г. в поселке Брусованка Велижского уезда Витебской губернии в семье служащего. В 1921–23 годах учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова.

С 1923 г. по комсомольской мобилизации работал следователем в органах прокуратуры Орехова-Зуева, Москвы, Ленинграда. С 1935 г. — начальник следственного отдела Прокуратуры СССР.

На способного молодого работника обратило внимание руководство. Тогдашний Прокурор Союза ССР Акулов (позднее один из подследственных Шейнина) по рекомендации Вышинского взял его с собой в Ленинград, где проводилось расследование убийства С. М. Кирова. Поскольку следствие «вершил» лично Сталин со своими подручными Ягодой, Ежовым, Аграновым, роль Акулова была там второстепенной, а уж Шейнина — тем более. Тем не менее участие в этом деле дало ему возможность выдвинуться — скоро он стал правой рукой Прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского. Видимо, это и спасло Шейнина от участи многих прокуроров, попавших в жернова сталинских репрессий конца 1930-х гг. То и дело «ставили к стенке» то одного, то другого очередного «заговорщика» — неудивительно, что имя Льва Шейнина тоже фигурировало в некоторых протоколах допросов. Но ход этим показаниям сразу почему-то не дали.

Следственным отделом Прокуратуры Союза ССР Шейнин руководил более 12 лет и слыл большим «спецом» по политическим делам.

С октября 1945 г. принимал участие в работе Нюрнбергского трибунала, был помощником Главного обвинителя от СССР. Выступал по разделу обвинения «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности». Участвовал в освещении процесса в печати.

Благосклонность к нему власть предержащих была поразительна — правительственные награды, в том числе орден Ленина, загранкомандировки (даже во время войны!), материальное благополучие. Возможно, дело было в том, что кто-то из сотрудников госаппарата высших партийных органов высоко ценил его писательский талант. Его имя было широко известно, особенно в начале 1950-х гг. Тогда у нас практически не печатали детективную литературу — ни Агату Кристи, ни Жоржа Сименона — поэтому его непритязательные «Записки следователя» стали очень популярными. Он писал пьесы (в соавторстве с братьями Тур), киносценарии, ставил спектакли. Знаменитый фильм «Встреча на Эльбе» принес ему Сталинскую премию.

Он был вхож в тогдашние «звездные круги» — вращался среди писателей, артистов, художников, ученых, спортсменов, политиков. Гонорары получал немалые — хватило и на машину «Победа», доступную для немногих избранных, и на двухэтажную дачу в Серебряном Бору, и на богатый гардероб. Образ жизни вел довольно свободный, хотя был женат. Меж московских интеллектуалов после войны ходила стихотворная байка: «На берегах литературы пасутся мирно братья Туры, и с ними, заводя амуры, Лев Шейнин из прокуратуры».

Тучи над его головой начали сгущаться в конце 1940-х гг. В 1949 г. его освобождают от должности, не объясняя причин. Обещали поставить директором Института криминалистики, но назначение так и не состоялось. Шейнин выжидает, сидя дома, занимается литературой, но почву зондирует постоянно. Наверняка он знал, что ему грозит — на одной из вечеринок подвыпивший сотрудник «органов» сболтнул: «Эх, Лева, Лева, старый уголовник, умная у тебя башка, но все же мы за тебя взялись». Незадолго до ареста то же самое он услышал от знакомого драматурга — один из сотрудников госбезопасности посоветовал тому держаться подальше от Шейнина, «которого скоро посадят».

В то время, особенно после гибели Михоэлса, власти усиленно будировали так называемый еврейский вопрос. Для того чтобы его раскрутить, следовало найти «заговорщиков». Шейнин оказался очень кстати — прокурор, писатель, он имел весьма обширные связи в еврейской среде. К тому же все знали, что хитрый и осторожный Шей-

нин был изрядно труслив. Не было секретом, что этот «любитель ночных бдений» сам панически боялся допросов с пристрастием. По свидетельству знакомых, человеком он был нестойким, ненадежным, способным изменить взгляды и привязанности в любой момент.

Его арестовали 19 октября 1951 г. В постановлении на арест указывалось: «Шейнин изобличается в том, что будучи антисоветски настроен, проводил подрывную работу против ВКП(б) и Советского государства. Как установлено показаниями разоблаченных особо опасных государственных преступников, Шейнин находился с ними во вражеской связи и как сообщник совершил преступления, направленные против партии и советского правительства». Арест санкционировал Генеральный прокурор Союза ССР Г. Н. Сафонов.

Шейнин не возлагал надежд на то, что Прокуратура СССР поможет ему вырваться из тюрьмы. Поэтому он пошел путем, казавшимся ему наиболее эффективным — стал строчить заявления лично первым лицам государства: Сталину, Берии, Игнатьеву, Поскребышеву и другим. Язык у литератора был подвешен неплохо. В письме Сталину, написанному в июле 1952 г., хитрый Шейнин сообщал: «У меня нет чувства обиды за свой арест, несмотря на перенесенные физические и нравственные страдания. Скажу больше: тюрьма помогла мне многое осознать и переоценить. И если мне вернут свободу, этот процесс нравственного очищения и глубокого самоанализа даст мне как писателю очень многое. Слишком легко мне раньше удавалась жизнь».

После смерти Сталина многие дела стали прекращаться, но Льва Романовича продержали в тюрьме еще более восьми месяцев. Он резко изменил свои показания, многое из сказанного стал отрицать. Писал многостраничные заявления руководству МВД: «Я „признавал" факты, в которых нет состава преступления, что я всегда могу доказать. Следователей же в тот период интересовали не факты, а сенсационные „шапки" и формулировки. Чтобы сохранить жизнь и дожить до объективного рассмотрения дела, я подписывал эти бредовые формулировки, сомнительность которых очевидна... Я не перенес бы избиений».

Дело было прекращено только 21 ноября1953 г.

С 1950 г. Шейнин занимался только литературной работой. Выступил организатором движения «Явка с повинной».

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

НИКИТЧЕНКО Иона Тимофеевич (1895–1968) — деятель советской военной юстиции, генерал-майор. Участник Первой мировой и

Гражданской войн. Председателем военного трибунала стал в годы Гражданской войны. Занимал руководящие посты в судебных органах СССР, неоднократно избирался членом Верховного суда СССР.

В июне 1945 г. возглавлял советскую делегацию на переговорах в Лондоне о создании Международного военного трибунала, участвовал в выработке его Устава. Как представитель СССР входил в число членов Нюрнбергского суда.

Среди судей пользовался большим уважением. На процессе его называли «судьей жесткого курса». И. Т. Никитченко корректно, но решительно пресекал попытки подсудимых и их адвокатов извращать истину, задавать свидетелям наводящие вопросы, представлять сомнительные доказательства, затягивать процесс.

Выступал за наказание военных преступников в полную меру их доказанных злодеяний. В Нюрнберге выступил с Особым мнением, касающимся оправдания Шахта, Папена, Фриче, неприменения смертной казни к Гессу, непризнания преступными организациями гитлеровского правительства, верховного командования и генерального штаба вермахта.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

ВОЛЧКОВ Александр Федорович (1902–1978) — специалист по международному праву, подполковник юстиции. Занимал должности следователя, прокурора. С 1931 г. работал в Наркомате иностранных дел, в годы войны — в Наркомате юстиции. На Нюрнбергском процессе был заместителем члена Трибунала от СССР, получил признание как квалифицированный и принципиальный юрист. В 1960–70 гг. возглавлял Инюрколлегию. Занимался преподавательской деятельностью, написал ряд работ по международному праву. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета».

СЛЕДСТВЕННАЯ ГРУППА ПРИ ГЛАВНОМ ОБВИНИТЕЛЕ ОТ СССР

АЛЕКСАНДРОВ Георгий Николаевич (1902–1979) — специалист в области права, государственный советник юстиции III класса. Участник Гражданской войны. С 1934 г. работал в Прокуратуре СССР на ответственных должностях. С сентября 1945 г. был в составе следственной группы при Главном обвинителе от СССР. В ходе процесса допрашивал Шахта, Шираха, Заукеля, свидетелей. В дальнейшем много занимался организацией розыска и осуждения скрывающихся нацистских преступников.

Г. Н. Александров являлся ученым секретарем Научно-методического совета при Прокуратуре СССР. Ему принадлежат многие пуб-

ликации по вопросам уголовного права и криминалистики. Он автор книги «Нюрнберг вчера и сегодня» и других произведений, разоблачающих преступления нацистов.

Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени.

ОРЛОВ Николай Андреевич (1908–1970) — специалист в области права, государственный советник юстиции III класса. С 1933 г. работал в органах прокуратуры. На Нюрнбергском процессе входил в состав следственной группы при Главном обвинителе от СССР. В дальнейшем плодотворно трудился в сфере прокурорского надзора за исполнением законов и постановлений по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и правонарушениями среди несовершеннолетних. Награжден орденом «Знак Почета».

ПИРАДОВ Сергей Каспарович (1893–1974) — специалист в области права, полковник юстиции. С 1923 г. работал в органах прокуратуры. Занимал ответственные должности в военной прокуратуре и прокуратуре на железнодорожном транспорте. На обоих участках внес заметный вклад в укрепление законности и правопорядка. Участвовал в работе Международного военного трибунала в Нюрнберге в составе следственной группы при Главном обвинителе от СССР. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды.

РОЗЕНБЛИТ Соломон Яковлевич (1897–1969) — специалист в области права, кандидат юридических наук, полковник юстиции. Участник Гражданской войны. Затем работал военным следователем. С 1929 г. — военный прокурор. С 1941 г. — на руководящих должностях в Главной военной прокуратуре. На Нюрнбергском процессе входил в следственную группу при Главном обвинителе от СССР. В 1946 г. был помощником заместителя обвинителя от СССР на Токийском процессе над японскими военными преступниками. С 1950 г. — научный сотрудник Института криминалистики Прокуратуры СССР. Автор научных трудов и практических пособий для юристов. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени.

КОНСУЛЬТАНТ

ТРАЙНИН Арон Наумович (1883–1957) — специалист в области права, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор МГУ. Во время Нюрнбергского процесса был консультантом советской делегации. Автор монографий, книг, статей по проблемам ответственности нацистских военных преступников. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

СУДЬИ ОТ СТРАН-СОЮЗНИЦ

ЛОРЕНС Джеффри (1880–1947) — видный специалист в области права, лорд-судья Великобритании. С 1906 г. — адвокат высшей квалификации (барристер). Участник Первой мировой войны. С 1925 г. — королевский советник. В 1924–1946 гг. — мировой судья (рикордер) в Оксфорде, одновременно судья по допросу свидетелей по делам, связанным с церковным правом. Генеральный атторней при принце Уэлльском.

В сентябре 1945 г. назначен членом Международного военного трибунала в Нюрнберге. В октябре 1945 г. избран председателем суда. Пользовался уважением коллег из стран Антигитлеровской коалиции. Строго следил за соблюдением Устава трибунала.

БИДДЛ Френсис (1886–1968) — специалист в области права, государственный деятель США. С 1912 г. — член Ассоциации юристов штата Пенсильвания. В 1922–1926 гг. — помощник Генерального атторнея США в восточном округе штата Пенсильвания. Работал в частных юридических фирмах, в том числе в фирме «Барнс, Биддл и Майерс». С 1940 г. — заместитель министра юстиции США, с 1941 г. — министр юстиции.

Был членом Международного военного трибунала в Нюрнберге от США.

Доктор права Бостонского университета. Автор книг.

ДЕ ВАБР Анри Доннедье (1886–1964) — специалист в области уголовного и международного права, профессор Парижского университета. Участвовал в разработке Устава Международного военного трибунала. В октябре 1945 г. назначен членом трибунала от Франции. Автор книг и публикаций по юридическим вопросам.

ПОМОЩНИКИ СУДЕЙ

БИРКЕТТ Уильям Норман (1883–1963) — специалист в области права, политический деятель. Был членом парламента Великобритании. С 1924 г. — королевский советник. С 1941 г. — судья отделения Королевской скамьи Высокого суда. 1950–1957 гг. — лорд-судья Высокого апелляционного суда. В сентябре 1945 г. был назначен заместителем члена Международного военного трибунала от Великобритании. Являлся почетным доктором права университетов Лондона, Бирмингема, Кембриджа, Халла.

ПАРКЕР Джон Джонстон (1885–1965) — специалист в области права, политический деятель. С 1923 г. — специальный помощник министра юстиции США. С октября 1925 г. — окружной федеральный судья, член сенатской комиссии по подготовке новой редакции

конституции штата Северная Каролина. В сентябре 1945 г. назначен заместителем члена Международного военного трибунала от США.

ФАЛЬКО Робер (1897–1979) — видный специалист в области права. Участник Первой мировой войны. На протяжении многих лет — судья-магистрат. Член Высшего кассационного суда Франции. В составе французской делегации участвовал в разработке Устава и Регламента Международного военного трибунала. В октябре 1945 г. назначен заместителем члена трибунала от Французской республики. На процессе занимал твердую, активную позицию и действовал в строгом соответствии с Уставом трибунала.

ГЛАВНЫЕ ОБВИНИТЕЛИ

ДЖЕКСОН Роберт Хауорт (1892–1954) — видный специалист в области права, государственный деятель. Родился 13 февраля 1892 г. в штате Пенсильвания. В 1913 г. занялся частной юридической практикой в Джеймстауне, штат Нью-Йорк, и довольно быстро стал заметной фигурой в нью-йоркских апелляционных судах. Отличался независимостью и прямотой суждений. В 1934–1938 гг. — генеральный советник Департамента налогов и сборов, помощник министра юстиции США. Поддерживая политику президента Рузвельта, активно проводил антимонопольные мероприятия. С 1938 г. — заместитель министра юстиции. В январе 1940 г. назначен министром юстиции и помощником президента Рузвельта. Джексон становился популярной фигурой. Пресса называла его в числе возможных кандидатов в президенты. С июля 1941 г. — член Верховного суда США.

Джексон возглавлял делегацию США на встрече союзников в Лондоне по созданию Международного военного трибунала. В Нюрнбергском процессе участвовал как Главный обвинитель от США. В ходе заседаний занимал активную позицию, демонстрировал четкие представления о правосудии и справедливости.

Джексон предупреждал, что никакие судебные процессы не обезопасят человечество, если в новых условиях будет проводиться старая политика в германском вопросе. Во вступительной речи на процессе, произнесенной 21 ноября 1945 г., он отметил: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся».

Почетный доктор права университетов Брюсселя, Варшавы, Дортмунда, Сиракуз.

ШОУКРОСС Хартли Уильям (1902–2004) — видный юрист, политический деятель. В 1945–1958 гг. — член парламента Великобри-

тании от лейбористской партии. С 1944 г. — член консультативного совета министра внутренних дел по обращению с правонарушителями. С 1945 г. занимал пост Генерального атторнея страны.

На Нюрнбергском процессе выступал Главным обвинителем от Великобритании. Назначение Шоукросса в Нюрнберг совпало с началом его деятельности на посту генерального прокурора Великобритании. Видимо, поэтому он ненадолго отлучался с родины и находился на процессе незначительное время. Выступил со вступительной и заключительной речами. Фактически английскую делегацию возглавлял заместитель Главного обвинителя сэр Дэвид Максуэлл-Файф.

В 1945–1949 гг. — постоянный представитель Великобритании в ООН. В 1951 г. — министр торговли. В 1962 г. — руководитель Королевской комиссии по прессе и международной торговой палаты. В 1950–1967 гг. — член Арбитражного суда в Гааге. В 1956–1973 гг. — председатель британского отделения Международной комиссии юристов и член совета Ассоциации международного права.

ДЕ МЕНТОН Франсуа (1900–1962) — политический и государственный деятель. Избирался президентом ассоциации мэров Верхней Савойи. В 1943–1944 гг. — комиссар юстиции во Французском комитете национального освобождения. После войны — министр юстиции, министр национальной экономики, президент Европейской консультативной ассамблеи, вице-президент комиссии по иностранным делам Национального собрания Франции.

На встрече союзников в Лондоне участвовал в создании Международного военного трибунала, выработке его Устава и Регламента. На процессе в Нюрнберге был Главным обвинителем от Франции. Здесь он находился непостоянно. В его отсутствие работу вел заместитель Шарль Дюбост. В январе 1946 г. де Ментон вернулся во Францию. В Нюрнберге его заменил Шампетье де Риб.

В соответствии с соглашением между обвинителями о распределении труда французские обвинители представляли суду материалы о преступлениях германского фашизма также против Бельгии, Голландии, Люксембурга. Несомненный вклад сделали они в раскрытие таких тяжких злодеяний, как расправы над участниками движения Сопротивления и заложниками, насильственное использование труда покоренных народов, экономическое разграбление оккупированных территорий.

ДЕ РИБ Шампетье (1882–1947) — политический и государственный деятель. Председатель Французской демократической народной партии. С 1934 г. — член парламента Франции, неоднократно занимал министерские посты. Кабинет министров, в составе которого был де Риб, в 1939 г. объявил войну Германии. В дальнейшем, в

1940 г. — выступил против маршала Петена. За оппозиционную деятельность против правительства Виши был интернирован. В августе 1944 г. — вице-президент Комитета освобождения Нижних Пиренеев. С ноября 1944 г. — член Временной консультативной ассамблеи. С января 1946 г. — Главный обвинитель от Франции на Международном военном трибунале в Нюрнберге.

Глава 9
«Майн кампф»: война как благо для Германии

Знатоки утверждают, что книга Гитлера «Майн кампф» («Моя борьба») в первоначальном виде оставляла жалкое впечатление из-за огромного количества изъянов: многословия, неправильных грамматических конструкций, крикливости. По некоторым данным, в ней содержалось 164 000 синтаксических ошибок. Многократный повтор тезисов, изобилие пафосных высказываний, весьма полезные в публичных речах, мастером которых Гитлер несомненно являлся, будучи перенесенными на бумагу, могли вызвать недоумение и раздражение. Первое издание имело длинное и невразумительное название: «4 $^1/_2$ года борьбы против лжи, глупости и трусости». Сократил его до двух слов «Моя борьба» один из последующих издателей.

Тем не менее «Майн кампф» быстро завоевала популярность. Еще до прихода Гитлера к власти разошлось более 5 миллионов экземпляров. Необычная книга, наполненная новыми и радикальными идеями, явно понравилась немцам. И не одним немцам — ее перевели на 11 языков.

Причина, наверное, в том, что семена зла способны прорастать быстрее семян добра. А в Германии 20-х гг. прошлого века они упали на подготовленную почву.

Гитлер надиктовал половину своего главного труда соратникам Морису и Гессу, коротая время в тюрьме, куда попал вместе с группой товарищей по партии после неудачного «пивного путча» 1923 г. Условия там были совсем не такие, какие будут установлены в нацистских концлагерях. У каждого была своя спальня и индивидуальная ванная с горячей водой. Будущий фюрер иногда завтракал в постели, шесть часов в день разрешалось гулять в саду.

Гесс после путча сначала скрывался, но потом, узнав из газет о необычайно мягком приговоре, вынесенном Гитлеру, добровольно приехал в Мюнхен и получил 18 месяцев заключения. Фюрер отсидел 9 месяцев, Гесс — 6, а затем они вышли из тюрьмы по амнистии. Вторую часть книги Гитлер написал уже на свободе, в 1925–1927 гг.

Это было время тяжелого кризиса, вызванного поражением Германии в Первой мировой войне, условиями Версальского договора 1919 г., унизительными и разорительными для побежденной страны. Затем к тяготам германского происхождения добавилось давление мирового экономического кризиса. Бедность, безработица, недоедание были спутниками миллионов немцев.

И вот в эту серую, беспросветную жизнь вторгается человек, утверждающий, что немцы выше других наций, что они — раса господ и должны владеть миром и мир должен им покоряться. Весьма амбициозные идеи, лестные посулы запали в душу многим немецам.

Гитлер дал свои ответы на многие злободневные вопросы. Он неожиданно для всех «открыл» глаза соотечественникам на новых врагов нации, якобы виновных в военной неудаче Германии и во всех других несчастьях. Ими оказались евреи — «паразиты на теле других народов». Именно они нанесли «удар кинжалом в спину» во время Первой мировой войны. Во множестве пассажей он доказывал величие «арийской расы» — носителей «чистой крови» и убожество «недочеловеков»-евреев.

Новоявленный вождь предложил и средство прихода к господству — войну и только войну! «Доктрины, проповедующие мирное решение вопросов, представляют опасную для Германии слабость», — утверждал он, и немцы, мечтавшие о реванше после поражения в 1919 г., мысленно с ним соглашались.

К тому же Гитлер указывал, как именно нужно действовать на этот раз, чтобы добиться успеха. Традиционное направление военных походов на юг и запад Европы — неправильное, нужно двинуться на восток, по пути тевтонских рыцарей, и завоевать земли «силой торжествующего меча», учил он.

Задолго до прихода Гитлера к власти открыто и громко зазвучала его проповедь национальной исключительности и агрессивной войны. Более того, еще тогда он назвал и страну, за счет которой должна увеличиться Германия: «Но когда мы сегодня говорим о новой территории в Европе, мы должны иметь в виду главным образом Россию и пограничные с ней государства».

Перед тем как завоевательные войны стали реальностью, прошли годы интенсивной нацистской пропаганды, основанной на выкладках из «Майн кампф» — библии немецкого фашизма. Не откажешь в точности формулировок бывшему командующему войсками СС, а впоследствии свидетелю на Нюрнбергском процессе Бах-Зелевскому. Дескать, если 10 лет вдалбливать немцам, что славянские народы — «низшая раса», а евреи — «недочеловеки», то убийство миллионов этих людей становится естественной целью.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ЭЛВИНОМ ДЖОНСОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «ФАШИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК БАЗА АГРЕССИИ»

[Из стенограммы заседания Международного военного трибунала от 8 января 1946 г.]

Господа судьи, мой долг теперь привлечь внимание Трибунала к документу, идеи которого стали символом веры всех подсудимых. Я имею в виду книгу Гитлера «Майн кампф», которая дала возможность подсудимым заранее знать преступные цели нацистских руководителей.

Эта книга может быть названа основным планом нацистской агрессии. Весь ее тон и содержание подтверждают мнение обвинения о том, что стремление нацистов к осуществлению агрессивных целей не было случайным и не вытекало непосредственно из той политической ситуации в Европе и в мире, которая существовала в период нацистской власти. Книга недвусмысленно устанавливает, что использование агрессивных войн для достижения цели во внешней политике было частью идеологии нацистской партии. Великий германский философ однажды сказал, что «идея имеет ноги и руки». Целью этих подсудимых было сделать идею доктриной и политику «Майн кампф» политическим руководством к действию для германского народа, в особенности для молодежи.

Как уже показали Трибуналу мои американские коллеги, с 1933 по 1939 год проводилось упорное вдалбливание идей «Майн кампф» во всех школах и университетах Германии, в рядах «Гитлеровской молодежи» под руководством подсудимого Бальдура фон Шираха, а также в СА, СС и среди германского населения в целом через организацию подсудимого Розенберга.

Эта книга служила официальным подарком для всех молодоженов Германии, и я теперь передаю Трибуналу один из этих «свадебных подарков», которые вручались новобрачным в Германии. Трибунал увидит, что на титульном листе имеется посвящение. Оно гласит: «Молодоженам Фридриху Розброку и Эльзе Бек с лучшими пожеланиями счастливого брака. Вручено районной администрацией по случаю их бракосочетания 14 ноября 1940 г. За мэра города — регистратор».

Благодаря усилиям подсудимых и их сообщников эта книга отравила сознание целого поколения и извратила мировоззрение целого народа...

Генерал СС фон дем Бах-Зелевский сказал здесь, что, «если вы проповедуете в течение десяти лет, что славянские народы

являются низшей расой и что евреи «недочеловеки», логически должно последовать, что убийство миллионов этих людей становится естественным явлением». От «Майн кампф» прямая дорога ведет к печам Освенцима и газовым камерам Майданека.

Каковы были идеи «Майн кампф», я постараюсь показать Трибуналу в цитатах. Эти цитаты распадаются на две категории. Первая категория — выражение общих идей Гитлера о необходимости применения силы как средства разрешения международных проблем. Вторая категория содержит более детальные высказывания Гитлера по поводу политики, которой должна следовать Германия. Большая часть цитат второй категории содержит взгляды Гитлера на внешнюю политику. Значение этого факта может быть оценено полностью, если Трибунал обратит внимание на то, что вторая часть книги была впервые издана в 1927 г., то есть меньше чем через два года после Локарнского пакта и через несколько месяцев после вступления Германии в Лигу Наций. Дата издания уличает их в отказе от политики международного сотрудничества. Я приведу прежде всего несколько цитат, которые показывают, каковы были общие взгляды Гитлера, принятые и пропагандировавшиеся этими подсудимыми, на общие вопросы войны и агрессии.

«Земля, на которой мы живем, не была даром, ниспосланным небом нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Так же и в будущем наш народ не получит территорию и вместе с ней средства к существованию, не получит ее в качестве подарка от другого народа. Он должен будет завоевать ее силой торжествующего меча. Я считал незаслуженным ударом судьбы, что я родился на этой планете. Мне было грустно, что жизнь моя должна пойти по мирному пути».

«Еще будучи мальчиком, я был всем, чем угодно, только не пацифистом. Всякие попытки сделать меня пацифистом оказались бесплодными».

Ссылаясь на Мольтке, Гитлер писал, что «во время войны самое важное — это как можно скорее принять решение» и что «самые безжалостные методы борьбы являются в то же время самыми человечными».

Обвинение покажет в ходе процесса, как преданно подсудимые следовали этой теории безжалостного применения силы. Идеи Гитлера о неизбежной борьбе за существование изложены в связи с доктриной о превосходстве арийцев над другими расами и о праве германцев в силу этого превосходства господствовать над другими расами, использовать их как средство для достижения собственных целей.

«Если бы они не могли использовать членов низшей расы, которых они победили, арийцы никогда не имели бы возможности сделать первые шаги по пути, который вел их к более высокой культуре. Подобным же образом, как без некоторых домашних животных, которых они сумели приручить, они никогда не сумели бы открыть механическую силу, которая впоследствии дала возможность обходиться без этих животных. Именно поэтому господство над низшими расами является одной из важнейших предпосылок для достижения этой высокой культуры».

«Если в своем историческом развитии германский народ обладал бы стадными инстинктами, которыми так счастливо пользуются другие народы, германская империя, быть может, уже сегодня могла бы стать госпожой всего мира».

...Основное в этой книге — и это повторяется снова и снова — это проповедь организации и применения силы, проповедь превосходства арийской расы над другими расами и права завоевывать их и править ими, а также утверждение, что все доктрины, которые проповедуют мирное разрешение международных вопросов, представляют опасную для нации слабость.

Во всех этих аргументах заключено резкое отрицание возможности регулирующего действия закона в международных отношениях.

Именно в свете этой общей доктрины «Майн кампф» я прошу Трибунал рассмотреть более подробно отдельные высказывания Гитлера о специфических проблемах германской внешней политики.

«Я считаю, — писал Гитлер, — что германская Австрия должна быть возвращена великой германской родине. Речь ни в коем случае не идет об экономических расчетах. Нет, нет. Если бы этот союз даже не имел никакого экономического значения и даже если бы он был вреден с точки зрения экономической, тем не менее, это должно было бы свершиться».

«Когда территория Германии охватит всех германцев, и если после этого они не сумеют получить достаточно средств к существованию, тогда Германия получит моральное право, исходя из потребностей народа, захватывать иностранные территории. Затем орала будут сменены на мечи, и слезы войны дадут тот хлеб насущный, который необходим будущим поколениям».

В этой книге Гитлер также заявляет, что полное восстановление германских границ в том виде, в каком они существовали в 1914 г., совершенно недостаточно для его целей.

«Для будущего германской нации границы 1914 года не имеют значения». «Мы, национал-социалисты, должны твердо при-

держиваться той цели во внешней политике, которую мы наметили для себя, а именно: германскому народу должно быть обеспечено территориальное пространство, необходимое ему для существования на земле».

Отрывки из «Майн кампф» показывают, где Гитлер собирался найти эти территории вне пределов германских границ 1914 г.

«...Единственной возможностью для Германии проводить правильную территориальную политику — это политика приобретения новой территории в самой Европе».

«...Политическое руководство германской империей должно направить все свои усилия исключительно к этой цели. Не следует предпринимать никаких политических шагов для того, чтобы проводить в жизнь другие цели, кроме этой; не следует также проводить какие-либо мероприятия, не ведущие к достижению поставленной цели. Германия должна твердо знать, что такая цель может быть достигнута только путем войны, и перед лицом неизбежности этой войны нужно стоять всем вместе спокойно и с решимостью. Именно с этой точки зрения нужно рассматривать и оценивать всю систему союзных договоров».

«Если новая территория должна быть приобретена в Европе, она должна быть приобретена главным образом за счет России. И снова германская империя должна пойти по той же дороге, по которой прежде шли тевтонские рыцари, на этот раз для того, чтобы приобрести земли для германского плуга с помощью германского меча, и, таким образом, добыть для нации ее хлеб насущный».

...К этой программе экспансии на восток Гитлер возвращается не раз. После того как он говорит о недостаточности границ Германии в довоенный период, он снова указывает на восток и заявляет, что снова необходим «поход на Восток» («Дранг нах Остен»).

Он пишет: «Поэтому мы, национал-социалисты, намеренно зачеркнули линию, которой Германия следовала в международной политике в довоенный период. Мы покончили с традиционными германскими походами на юг и запад Европы, мы обратили наши глаза на Восток. Мы положили конец колониальной и торговой политике предвоенной эпохи и пришли к новой территориальной политике будущего. Но когда мы сегодня говорим о новой территории в Европе, мы должны иметь в виду главным образом Россию и пограничные с нею государства».

Гитлер был достаточно умен, чтобы понять, что его агрессивные планы на Востоке могли быть подвергнуты опасности в случае существования оборонительного союза между Россией, Францией и Англией. Поэтому его внешняя политика, изложенная в книге

«Майн кампф», заключалась в том, чтобы оттянуть Италию и Англию от Франции и России и перейти от оборонительной позиции Германии в отношении Франции к наступательной.

«Поскольку вечный конфликт между Францией и Германией сейчас принял форму германской обороны против нападения Франции, этот конфликт никогда не разрешится. Из столетия в столетие Германия будет терять одну позицию за другой. Если мы изучим все перемены, которые произошли начиная с XII века до сегодняшнего дня, в границах, внутри которых говорят на немецком языке, мы едва ли сумеем надеяться на успешный исход в результате принятия нами линии поведения, которая существовала до сих пор и была столь вредной для нас. Только когда Германия примет все это во внимание, мы перестанем обрекать национальную волю к жизни на прозябание в пассивной обороне. Нет, мы объединим ее для последней и решительной схватки с Францией. В этой схватке мы будем бороться за жизненные требования германского народа. Только таким образом будет положен конец вечному франко-германскому конфликту, который был таким истощающим».

...Доказательства, заключенные в книге «Майн кампф», будучи рассмотрены в свете последующего поведения Германии по отношению к другим странам, показывают, что с момента достижения власти, а фактически задолго до этого, Гитлер и его сообщники — подсудимые, были заняты тем, что планировали и подготавливали агрессивную войну. События доказали это кровью и несчастьями миллионов женщин, мужчин и детей. Мы узнали, что «Майн кампф» — не просто литературное упражнение, которым следует пренебречь, как это, к сожалению, рассматривали до войны те, кому она угрожала. Она есть выражение фанатической веры в силу и обман как орудия господства в Европе и, может быть, во всем мире.

Обвинение считает, что, принимая и пропагандируя звериную философию «Майн кампф», нацистские сообщники, обвиняемые здесь перед судом, намеренно толкали нашу цивилизацию в пропасть войны.

Глава 10
СССР, разделенный на части

Вместе с главными обвинителями в процессе активно участвовали их заместители и помощники. Они развивали и конкретизировали обвинения и доказательства по отдельным направлениям, детали-

зировали вину каждого из подсудимых. Помощник Главного обвинителя от США Вальтер Брудно выступил по делу Альфреда Розенберга — главного идеолога нацизма, заместителя Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки» членов НСДАП, рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий. Нашумевшая книга Розенберга «Миф XX века» представляла собой философское и теоретическое обоснование расизма.

Задачей суда было разоблачение и тех преступлений, которые совершались за письменным столом. Занятия доктора Розенберга не были простой игрой ума. Его человеконенавистнические идеи были основой для строительства репрессивной машины национал-социализма на огромных территориях. Еще 9 мая 1941 г. Розенберг изложил Гитлеру план расчленения земель, которые планировалось захватить на востоке, на пять губернаторств.

В первое из них — «Остланд» предполагалось включить Латвию, Эстонию, Литву и Белоруссию и онемечить в течение двух поколений. Вторым губернаторством мыслилась Украина с некоторыми прилегающими территориями, третьим — Кавказ, но без нефтеносных районов, которыми должны были владеть непосредственно немцы, четвертым — собственно Россия, пятым — Туркестан. Второе губернаторство должно было служить особой опорой Германии в контроле над четвертым.

В числе избранных территорий благодатный Крым предполагалось включить в состав рейха. Розенберг придумывал для городов полуострова немецкие названия. Симферополь он хотел превратить в Готенбург, Севастополь — в Теодорихсхафен...

Только мужество и стойкость Красной армии помешали гитлеровцам реализовать эти планы в полной мере.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБВИНЕНИЯ США ВАЛЬТЕРА БРУДНО ПО ДЕЛУ ПОДСУДИМОГО РОЗЕНБЕРГА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 9 января 1946 г.]

Подсудимому Розенбергу предъявлено обвинение по всем четырем разделам обвинительного акта. Представляя доказательства обвинения, я покажу, что Розенберг играл особенно важную роль в развитии и проведении в жизнь доктрин заговора, в развитии и внедрении убеждений, практически несовместимых с христианским учением, в искоренении влияния церкви на германский народ, при проведении программы безжалостного истребления евреев и внесения изменения в систему образова-

ния с целью сделать германский народ послушным орудием в руках заговорщиков и подготовить население в моральном смысле для ведения агрессивной войны.

Политическая карьера подсудимого Розенберга охватывает весь период развития национал-социализма и представляет картину каждой стадии заговора, который мы рассматриваем. С целью получить полное представление о влиянии Розенберга на заговор и его участие в нем, необходимо вкратце посмотреть его политическую карьеру и рассмотреть каждое из его политических действий в связи с ходом заговора, который начинается с создания партии в 1919 г. и кончается поражением Германии в 1945 г.

Из документа № 3557-ПС, который представляет собой выдержки из официальной брошюры, озаглавленной «Важнейшие даты в истории национал-социалистской партии», мы видим, что подсудимый Розенберг был членом германской «рабочей» партии, затем стал членом германской национал-социалистской партии в январе 1919 г. и что Гитлер соединил свои усилия с Розенбергом и его коллегами в октябре того же года. Таким образом, подсудимый Розенберг стал членом национал-социалистского движения еще до того, как им стал сам Гитлер.

Сейчас я хочу представить в качестве документального доказательства выдержку из «Дас Дейче Фюрерлексикон» издания 1934–1935 гг. Из этого документа мы извлечем дополнительные биографические данные о Розенберге. Там говорится:

«С 1921 г. до настоящего времени он являлся издателем и редактором „Фёль-кишер Беобахтер", издателем национал-социалистских „Монатхефте". В 1930 г. он стал членом рейхстага и представлял вопросы внешней политики партии. С апреля 1933 г. он являлся начальником отдела по внешнеполитическим вопросам национал-социалистской партии. Затем был назначен рейхслейтером. В январе 1934 г. его назначили заместителем фюрера по вопросам морально-философского образования национал-социалистской партии, по вопросам германского рабочего фронта и всех связанных с ним организаций».

Имея в виду эти общие данные о его деятельности, мы остановимся на первом разделе доказательств, которые касаются Розенберга как официального представители национал-социалистской идеологии. Доказательства, которые я представляю, вскроют характер и масштаб идеологических доктрин, которые он распространял, и то влияние, которое способствовало унификации германского мышления, — унификации, которая являлась значительной частью программы заговора в целях захвата власти и подготовки к агрессивной войне.

Розенберг много писал и активно участвовал буквально в каждой области программы национал-социалистской партии. Его первая книга была озаглавлена «Природа, основные принципы и цели НСДАП». Эта книга была издана в 1922 г. В этой книге Розенберга приводится его речь, которую мы уже слышали здесь во время демонстрации кинофильма. В этой речи Розенберг говорил: «Часто спрашивают, каковы основные пункты программы нацистской партии и как их следует понимать. В связи с этими вопросами я и составил основную программу целей НСДАП, что составило первичную крепкую связь между Мюнхеном, местными организациями, находящимися в процессе становления, и нашими друзьями внутри империи».

Таким образом, мы видим, что первоначальным создателем и человеком, который выступал в интересах проведения программы партии, был подсудимый Розенберг... Я хочу только представить в качестве доказательства некоторые его высказывания, которые говорят о характере и обширном размахе идеологической программы, которую он проводил в жизнь. Сейчас вы увидите, что не было ни одного основного принципа нацистской философии, которому Розенберг не дал официального выражения. Розенберг написал книгу «Миф XX века», которая была издана в 1930 г.

Именно Розенберг развивал идею «лебенсраум» — идею, которая была основным лозунгом и импульсом, который толкал Германию к ведению агрессивной войны.

В журнале «Национал-социалистский ежемесячник» за май 1932 г. на с. 199 сказано: «Сознание того, что германская нация, если она не должна погибнуть в полном смысле слова, нуждается в жизненном пространстве для будущих поколений так же, как и для самой нации в настоящее время, и здравое понимание того, что эту территорию больше нельзя захватить в Африке, а лишь в Европе и прежде всего на Востоке, — все эти понятия должны в основном определить германскую внешнюю политику в течение столетий».

Розенберг в своей книге «Миф XX века» изложил свою теорию о месте религии в национал-социалистском государстве. Он писал: «Мы теперь верим, что основные и высшие ценности римской и протестантской церкви не соответствуют нашей душе, потому что они мешают развитию органических сил народа, имеющего высшее предназначение — принадлежность к нордической расе. В этом направлении и следует проводить нынешние религиозные искания».

Вместо традиционной христианской веры Розенберг хотел ввести новый языческий миф крови. На с. 114 книги «Миф XX

века» он заявил следующее: «Сегодня мир пробуждается к новой вере — к мифу крови, к вере в то, что божественное существование человека должно защищаться кровью. Эта вера основывается на ясном понимании того, что нордическая кровь составляет ту тайну, которая выше и больше всех старых святынь».

Точка зрения Розенберга на религию была принята, как единственная философия, совместимая с национал-социализмом. В 1940 г. подсудимый Борман писал Розенбергу: «Церковь не может быть побеждена путем компромисса между национал-социализмом и христианским учением, но только путем введения новой идеологии, приход которой вы сами возвестили в своих произведениях».

Розенберг активно участвовал в программе уничтожения влияния церкви. Подсудимый Борман часто писал Розенбергу по этому поводу, представляя ему сведения относительно предполагаемых действий против церкви и там, где это было необходимо, требуя также и действий со стороны управления, которым руководил Розенберг. Я ссылаюсь на документ, который представлялся в связи с делом против руководящего состава, это документы, в которых речь шла об уничтожении церковной службы в школах, о конфискации церковной собственности, о прекращении издания протестантских журналов, о закрытии теологических факультетов.

Розенберг особенно яро проводил свою линию в так называемом «еврейском вопросе». 28 марта 1941 г., в связи с открытием института по исследованию еврейского вопроса, он наметил узловые проблемы его деятельности и подчеркнул путь, по которому должно было идти исследование. Я хотел бы процитировать документ № 2889-ПС.

Это выдержка из «Фелькишер Беобахтер» от 29 марта 1941 г.

Это заявление, сделанное Розенбергом в связи с открытием этого института.

«Для Германии еврейский вопрос будет решен только тогда, когда последний еврей покинет территорию великой германской империи.

Поскольку Германия, ее кровь, ее национализм навсегда сломали это еврейское диктаторство для всей Европы, совершенно ясно, что Европа в целом освободится от еврейской заразы еще раз и мы сможем, я надеюсь, сказать, что все европейцы освободятся от евреев, потому что для Европы еврейский вопрос будет разрешен только тогда, когда последний еврей покинет европейский континент».

Мы уже видели, что Розенберг не упускал никакой возможности проводить свои антисемитские взгляды на практике.

В области внешней политики Розенберг требовал уничтожения Версальского договора и отвергал любую мысль о пересмотре этого договора. В своей книге «Характер, принципы и цель национал-социалистской немецкой рабочей партии», которая была написана Розенбергом в 1922 г., он высказывает свое мнение касательно Версальского договора. Он говорит следующее: «Национал-социалисты отбрасывают распространенное мнение о необходимости „ревизовать Версальский договор“, поскольку такая ревизия вызывает некоторое сокращение так называемых „обязательств“, но весь германский народ остается, как и прежде, рабом других наций».

Розенберг хотел распространения национал-социализма во всем мире и, как мы далее покажем, принимал активное участие в распространении этого «кредо» и идей нацизма в других странах. В своей книге «Характер, принципы и цели национал-социалистской немецкой рабочей партии» он утверждает: «Национал-социализм все еще верит, что его принципы и идеология, хотя и предусматривают различные методы борьбы, согласно расово-национальным условиям, являются директивами, далеко идущими за границы Германии в неизбежной борьбе за власть в других странах Европы и Америки. Национал-социализм верит, что однажды великая мировая борьба закончится, нынешняя эпоха потерпит поражение и наступит время, когда свастика будет развеваться на различных знаменах германских народов, как арийский символ возрождения».

Это заявление было сделано в 1922 г.

Таким образом, мы видим, что подсудимый Розенберг являлся авторитетным выразителем основных идей, на которых строился национал-социализм и опираясь на которые фактически заговор приводился в действие. Ценность Розенберга для проведения программы заговора получила официальное признание, когда он в 1934 г. был назначен заместителем фюрера по всем идеологическим и философским вопросам образования и руководства национал-социалистской партии. Его деятельность на этом пути была широка и многообразна.

Я теперь представляю в качестве доказательства национал-социалистский ежегодник за 1938 год под номером США-597. На с. 180 этой книги описаны функции отдела Розенберга как заместителя фюрера. «Деятельность заместителя фюрера по всем духовным и идеологическим вопросам образования, воспитания партии, ее организации, в том числе „Сила через радость“, про-

стирается до наиболее деятельного проведения в жизнь всей образовательной работы партии и преданных ей организаций».

Организация, возглавляемая рейхслейтером Розенбергом, имеет своей целью подготовку идеологического материала по просвещению, проведению в жизнь образовательной программы и ответственна за воспитание тех учителей, которые будут потом проводить эту воспитательную и образовательную работу».

Как заместитель фюрера, Розенберг, таким образом, наблюдал за всей идеологической подготовкой и воспитанием внутри партии.

Личное мнение Розенберга заключалось в том, что, выполняя свои новые функции в качестве заместителя фюрера по идеологическим вопросам, он тем самым давал многое для будущего национал-социализма. Он заявлял:

«Цель всей нашей воспитательной работы с сегодняшнего дня заключается в службе этой идеологии и от результатов наших усилий зависит, будет ли национал-социализм похоронен вместе с нашим борющимся поколением или, как мы надеемся, он действительно явится началом новой эры».

В качестве заместителя фюрера по вопросам идеологического воспитания Розенберг помогал в подготовке программ для школ Адольфа Гитлера. В эти школы, как известно, отбирали наиболее подходящих кандидатов из числа гитлеровской молодежи для будущего руководства внутри партии. Они были особой школой национал-социализма.

Розенберг оказывал также дальнейшее влияние на воспитание членов партии, организовав общественные школы для всех организаций партии. Документ № 3528-ПС представляет собой перевод с. 297 «Дас дритте Рейх» издания 1934 г. Там сказано: «Мы поддерживаем требования уполномоченного фюрера по вопросам духовного и идеологического воспитания и образования национал-социалистской немецкой рабочей партии Розенберга организовать общественные школы для всех организаций национал-социалистской немецкой рабочей партии, причем школы эти собирать дважды в год для того, чтобы показать идеологическое и политическое единство национал-социалистской немецкой рабочей партии и твердость национал-социалистской воли».

Эта программа поддерживалась подсудимым Ширахом, а также Гиммлером, Леем и др.

Значение деятельности Розенберга в качестве официального идеолога нацистской партии было отмечено всеми. Документ

№ 3559-ПС, который я хочу представить в качестве документального доказательства — это биография Розенберга, написанная Хартом и названная «Человек и его работа». В этой книге сказано, что Розенберг получил национальную премию в 1937 г. Вы помните, что создание этой премии было ответом нацистов на то, что Нобелевская премия была получена одним из заключенных в концлагере в Германии. Я цитирую слова, сопровождавшие вручение Розенбергу этой премии.

«Альфред Розенберг помог своими книгами заложить научные интенсивные основы и усилить и укрепить философию национал-социализма и сделать это самым лучшим образом. Национал-социалистское движение и, более того, весь германский народ глубоко благодарны, что фюрер отличил Альфреда Розенберга как одного из своих старых, самых верных боевых товарищей, наградив его германской национальной премией».

Вклад, который Розенберг своей книгой «Миф XX века» внес в развитие национал-социализма, был высоко отмечен.

Мы полагаем, что вклад Розенберга, который он сделал с помощью формирования и распространения национал-социалистской идеологии, был чрезвычайно важен для заговора. Он являлся апостолом нового язычества, выразителем погони за «лебенсраумом» и основателем мифа о превосходстве нордической расы, он был одним из самых старых и энергичных апологетов антисемитизма, и он сделал очень большой вклад в унификацию германского народа под знаменем свастики. Он был вдохновителем национал-социализма. Его доктрины являются объяснением уничтожения морали и создания извращенной национал-социалистской мечты о мировом господстве для германского народа, превратив его, таким образом, в орудие заговора. Он также помог заговорщикам и их добровольным сотрудникам провести в жизнь их преступный план.

Как было уже показано в цитате из «Фюрерлексикон», Розенберг стал рейхслейтером, то есть он занял самое высшее положение среди нацистских заговорщиков в апреле 1933 г. и был назначен начальником отдела внешней политики в партии. Документ под № 2319-ПС описывает функции этой партийной организации и говорит о том, что они включали проведение влияния на общественное мнение за границей с тем, чтобы убедить все народы в том, что Германия желает мира.

Деятельность этой организации в области прессы была спланирована таким образом, чтобы влиять на общественное мнение, скрыть истинные цели заговорщиков и скрыть мероприятия по подготовке агрессивных войн. Деятельность этой организации

проводилась в больших масштабах. Она представляется в документе, который озаглавлен «Краткий отчет о деятельности АПА по иностранным вопросам внутри национал-социалистской партии».

Последний абзац на с. 5 перевода описывает деятельность прессы под руководством этой организации.

«Отделения прессы в канцелярии по иностранным вопросам включают в себя людей, которые все вместе знают все языки, которые находятся в употреблении. Они просматривают примерно 300 газет и передают фюреру или заместителю фюрера и всем другим заинтересованным организациям конспекты по самым важным статьям мировой прессы. Эта организация, более того, содержит и ведет архивы и подшивку самых важных газет во всем мире. В течение многих конференций Германия сумела бы избежать трудностей, если бы она обладала такими архивами.

Далее, пресс-отдел мог бы провести ряд дружеских интервью и приобрести большое количество друзей среди иностранных журналистов по отношению к различным официальным представителям Германии. Цитирую далее: «Херст неоднократно обращался с личной просьбой почаще писать о положении германской внешней политики в его газетах. В этом году появилось подробных пять статей, подписанных мной (т. е. Розенбергом. — *Авт.*), которые были распространены газетами Херста на весь мир. Эти статьи, как мне сказал лично Херст, содержали очень интересные моменты, и он просил меня для своих газет писать еще и другие статьи».

Таким образом, Розенберг пользовался этой своей организацией для того, чтобы влиять на общественное мнение от имени национал-социализма.

Глава 11
План «Барбаросса» — в сейф агрессию не спрячешь...

Вопрос о том, кто на кого готовился напасть — Германия на СССР или СССР на Германию, всплывал не раз, в том числе и в наши дни. Нацистская пропаганда в годы войны, обвиняемые на Нюрнбергском процессе некоторые немецкие историки в более позднее время говорили о превентивном, вынужденном ударе по Советскому Союзу, полностью подготовленному к вторжению в Германию.

Представители СССР всегда утверждали, что никаких приготовлений с советской стороны не было и Германия совершила агрессию, вероломно нарушив договор о ненападении. Правда, в последнее

время в России появились публицистические произведения, в которых фактически повторяется немецкая версия событий.

Но существует еще и правда жизни. Об агрессивных намерениях нацистов свидетельствуют документы. В начале декабря 1940 г. в немецком генеральном штабе была выпущена Директива № 21, обозначенная сначала кодовым названием «Фриц», а затем, с 18 декабря 1940 г., — «Барбаросса». Это был стратегический план нападения на СССР с выходом на линию Архангельск — Астрахань.

При этом Директива № 21 вовсе не была отправной точкой подготовки войны. Еще в июле 1940 г. из Франции, где боевые действия завершились, началась переброска войск в Польшу, на границу с СССР. Туда же перебазировались части, ранее предназначавшиеся для штурма Британских островов. В Польше была сосредоточена полумиллионная группировка вермахта. Но и ее было мало для масштабных операций. В сентябре 1940 г. в районе Лейпцига началось формирование примерно 40 новых пехотных и танковых дивизий, предназначенных для новой войны.

Так же задолго до выхода Директивы № 21 нацистское руководство начало обработку потенциальных союзников — Румынии, Финляндии, Венгрии. В качестве платы за соучастие в агрессии сателлитам предлагались земли Советского Союза.

Следов подготовки войны в Германии обнаружено много, а если говорить о намерениях большого похода на восток, то Гитлер со всей определенностью высказал их еще в своей книге «Майн кампф», опубликованной до прихода к власти. О получении «жизненного пространства» за счет СССР он заявлял неоднократно, например на совещании гаулейтеров в 1938 г.

В тоже время архивы советского периода, ныне доступные для исследователей и общественности, документов указывающих на то, что Советский Союз готовился напасть на Германию не содержат. Отрицают существование плана нападения на Германию и военачальники. Сторонникам готовившейся «агрессии» СССР остается предполагать какой-то необыкновенный режим секретности, якобы действующий даже в послеперестроечные времена. Однако скрыть можно результаты труда одного человека или группы людей. Подготовка войны, доведенная до стадии сосредоточения войск, — столь большое и многоплановое дело, что удержать его в тайне невозможно.

Между тем у западных историков, сторонников превентивного немецкого удара, появился дополнительный аргумент: дескать, сами русские пишут о том, что СССР готовился напасть на Германию. Его употребил, например, в книге «Нюрнберг. Последняя битва» английский исследователь Д. Ирвинг, автор более чем 30 трудов по истории Второй мировой войны.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Н. Д. ЗОРЯ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 11, 12 и 13 февраля 1946 г.]

Господа судьи! Моей обязанностью является представление документальных доказательств агрессии против Союза Советских Социалистических Республик, организованной фашистскими военными преступниками, сидящими ныне на скамье подсудимых.

Среди множества преступных войн, которые вел германский фашизм в своих грабительских целях против свободолюбивых народов, нападение на Союз Советских Социалистических Республик занимает особое место.

Можно с уверенностью сказать, что захватническая война против Советского Союза являлась ключевым вопросом всего фашистского заговора против мира. Агрессивные действия германского фашизма до нападения на Союз Советских Социалистических Республик, и в частности германская агрессия против Чехословакии, Польши, Югославии, были, как это доказал мой коллега полковник Покровский, лишь этапами на пути к нападению на Советский Союз.

Украинская пшеница и уголь Донбасса, никель Кольского полуострова и кавказская нефть, плодородные приволжские степи и белорусские леса — все это играло решающую роль в преступных замыслах фашистских захватчиков.

Война против Союза Советских Социалистических Республик велась фашистской Германией также в целях порабощения и эксплуатации советских народов.

В войне фашистской Германии против Советского Союза с ужасающей полнотой нашла свое выражение зоологическая ненависть гитлеровцев к славянским народам.

И наконец, германский империализм, выступавший в его фашистском издании, видел в захвате богатств Советского Союза и его неисчислимых продовольственных и сырьевых ресурсах базу для достижения своих далеко идущих агрессивных целей и завоевания сначала европейской, а затем и мировой гегемонии.

Известная формула германского империализма «Дранг нах Остен», о которой говорилось в речи Главного обвинителя от СССР, в разные периоды трактовалась фашистскими преступниками в самых разнообразных аспектах, но всегда в их агрессивных планах нападения на Советский Союз занимала доминирующее положение.

«Если желать новой территории, — писал Гитлер в книге „Майн кампф“ („Моя борьба“), уже имеющейся в распоряжении Трибунала, — то в общем и целом ее можно было бы достигнуть за счет России. Новая империя должна была бы двинуться по пути прежних рыцарских орденов» (Гитлер, «Моя борьба», Мюнхенское издание, 1930 г., с. 742).

То обстоятельство, что, развязав окончательно фашистскую агрессию в 1939 г., Гитлер начал войну на Западе, по существу ничего не меняло в этой основной концепции фашизма.

Американским обвинением под № ПС-789 была представлена Трибуналу запись совещания Гитлера с главнокомандующими, которое состоялось 23 ноября 1939 г.

На этом совещании Гитлер, по его собственному выражению, давал «обзор мыслей, владевших им в связи с предстоящими событиями».

В этом обзоре он заявил: «Я долго сомневался, не начать ли с нападения на Восток, а затем уж на Запад». И далее: «Вынужденно получилось, что Восток на ближайшее время выпал».

Это заявление Гитлера свидетельствовало о том, что нападение на Советский Союз оставалось в планах фашистской агрессии и весь вопрос заключался лишь в выборе наиболее удачного момента для этого нападения.

Следует тут же отметить, что этот «западный» вариант начала фашистской агрессии не представлялся ее авторам наиболее выгодным вариантом.

Тот же самый Гитлер ровно за пять месяцев до совещания, о котором только что шла речь, на другом совещании, 23 мая 1939 г. (это документ американского обвинения Л-79), инструктируя своих сообщников относительно современного положения и целей политики, говорил: «Если судьба, — говорил Гитлер, — нас толкнет на конфликт с Западом, то будет хорошо, если мы к этому времени будем владеть более обширным пространством на Востоке».

Обширные пространства на Востоке должны были, по мысли гитлеровских заговорщиков, сыграть решающую роль в конфликте с Западом.

И поэтому, когда фашистские полчища оказались не в состоянии форсировать Ла-Манш, остановились на его берегах и надо было искать путей дальнейшей агрессии, заговорщики немедленно стали готовиться к нападению на Советский Союз. Это нападение было основной частью всех их агрессивных планов, которые без него не могли быть реализованы.

Я полагаю, что нет необходимости в использовании документов более раннего периода и в цитировании книги Гитлера «Моя

борьба», где вопросы, связанные с грабительским нападением на Советский Союз, были сформулированы задолго до 1939 г.

Советское обвинение намеревается представить Трибуналу ряд документов, подтверждающих предумышленную агрессию фашистской Германии против Союза Советских Социалистических Республик.

Среди этих документов — материалы различных архивов, захваченных частями Красной Армии при наступлении, высказывания в печати фашистских вожаков, в том числе и некоторых подсудимых, и показания лиц, располагающих достоверными сведениями о том, как в действительности протекала подготовка к нападению на Советский Союз.

Документы советского обвинения представляются по следующим разделам:

1. Военные приготовления в самой Германии.
2. Обеспечение военных приготовлений по линии разведки.
3. Обеспечение фашистскими заговорщиками участия стран-сателлитов в агрессии против Советского Союза.

Я начинаю первый раздел, касающийся военных приготовлений в самой Германии.

Высказывания Гитлера и его сообщников показывают, что замысел преступного нападения на Союз Советских Социалистических Республик политически созрел в умах фашистских заговорщиков давно.

Однако, помимо этого факта, нас интересует также вопрос о том, когда этот замысел стал облекаться в конкретные формы непосредственно военных приготовлений к грабительской войне против Советского Союза.

18 декабря 1940 г. получила официальное оформление известная Трибуналу директива № 21 — «Вариант Барбаросса». Этот документ был представлен американским обвинением под № ПС-446.

Когда подпись командования появляется на такого рода документе, то это является моментом, завершающим длительную и напряженную работу всех звеньев аппарата военного управления.

Эта работа может не быть регламентирована письменными приказами. Тайна, которая окутывает эту работу, заставляет часто прибегать к приказам устным. И наоборот, многие приказы текущего порядка, в силу уже существующего стратегического замысла, приобретают соответствующую направленность, хотя внешне они как будто бы и не имеют с этим стратегическим замыслом ничего общего. ...

Здесь я хотел бы перейти к тем показаниям Вальтера Варлимонта... Эти показания даны Варлимонтом 13 ноября 1945 г.

Я представляю этот документ в качестве доказательства под № СССР-263.

Вальтер Варлимонт, как известно, был начальником отдела обороны в ОКВ, а затем заместителем начальника оперативного штаба руководства.

Его показания в той части, в которой они затрагивают интересующий нас в данный момент вопрос, я и оглашаю. Я прошу раскрыть страницу вторую русского текста этого документа, который находится на странице двадцатой папки документов, представленной советским обвинением Трибуналу. На вопросы обвинения Варлимонт показал: «...Я лично впервые услышал об этом плане (имеется в виду „план Барбаросса") 29 июля 1940 г... ...В этот день генерал-полковник Иодль прибыл в специальном поезде на станцию Рейхенгалле, где находился отдел „Л" штаба оперативного руководства... Это сразу же бросилось в глаза потому, что до этого генерал Иодль к нам, пожалуй, не приезжал. Кроме меня, он приказал явиться также трем другим старшим офицерам...»

Я пропускаю несколько строк и перехожу на страницу третью протокола допроса Варлимонта. Это соответствует странице 21 папки документов: «...Я не могу дословно повторить его выражений, но смысл был следующий... ...Иодль заявил, что фюрер решил подготовить войну против России. Фюрер обосновал это тем, что война должна произойти так или иначе, так лучше будет, если эту войну провести в связи с уже происходящей войной и, во всяком случае, начать необходимые приготовления к ней...»

Пропускаю несколько строчек, которые не имеют значения для интересующего нас вопроса. Продолжаю:

«При этом, или несколько позднее, Иодль заявил, что Гитлер намеревался начать войну против Советского Союза уже осенью 1940 г. Однако он отказался затем от этого плана. Причиной этого явилось то, что стратегическое сосредоточение армии к этому времени не могло быть выполнено. Для этого отсутствовали необходимые предпосылки в Польше: железные дороги, помещения для войск, мосты не были подготовлены... средства связи, аэродромы — все еще не были организованы... Поэтому был издан приказ, который должен был обеспечить все предпосылки для того, чтобы такой поход подготовить и чтобы он состоялся».

На вопрос обвинения о том, является ли этот приказ приказом от 9 августа 1940 г., называвшимся Ауфбау-Ост, Варлимонт ответил: «Да, этот приказ был составлен в штабе руко-

водства по приказанию генерала Иодля... По мнению генерала Иодля, концентрация могла состояться только после того, как все приготовления, указанные в этом приказе, будут выполнены».

Далее Варлимонт в своем показании сообщает, что проект плана «Барбаросса», носивший первоначально название «Фриц», докладывался Гитлеру 6 декабря 1940 г., затем редактировался и 18 декабря увидел свет.

Я думаю, что значительную помощь при исследовании вопросов, относящихся к истории подготовки варианта «Барбаросса», может оказать свидетельство такого человека, как Фридрих Паулюс, бывший фельдмаршал германской армии, который принимал, как известно, самое непосредственное участие как в разработке плана «Барбаросса», так и в его реализации.

Я представляю заявление Паулюса, датированное 9 января 1946 г. и написанное в лагере для военнопленных, под № СССР-156, и прошу принять это заявление в качестве доказательства. ...

Останавливаясь на выяснении сроков начала подготовки к преступному нападению фашистской Германии на Советский Союз, я хотел бы напомнить Трибуналу о том, что в утреннем заседании Трибунала от 30 ноября 1945 г. был допрошен свидетель Лахузен, давший показания, которые представляют достаточный интерес для нашего дела.

Между прочим, этот свидетель, перечисляя ближайшее окружение начальника разведки и контрразведки германской армии адмирала Канариса, назвал фамилию Пиккенброка.

Я представляю Трибуналу под № СССР-228 показания бывшего начальника первого отдела германской военной разведки и контрразведки генерал-лейтенанта бывшей германской армии Ганса Пиккенброка, бывшего начальника и сослуживца Лахузена. Пиккенброк дал эти показания в установленном законами Советского Союза порядке 12 декабря 1945 г. в Москве.

Пока я хотел бы огласить лишь следующие строки из показаний Пиккенброка, относящиеся к тому вопросу, который мы сейчас разбираем:

«...Я должен сказать, — показал Пиккенброк, — что уже с августа — сентября 1940 г. со стороны отдела иностранных армий генштаба стали значительно увеличиваться разведывательные задания Абверу по СССР. Эти задания, безусловно, были связаны с подготовкой войны против России.

О более точных сроках нападения Германии на Советский Союз мне стало известно в январе 1941 г. от Канариса. Каки-

ми источниками пользовался Канарис, я не знаю, однако он сообщил мне, что нападение на Советский Союз назначено на 15 мая».

В распоряжении советского обвинения есть также показания начальника 3-го отдела германской военной разведки и контрразведки генерал-лейтенанта бывшей германской армии Франца фон Бентивеньи, данные им 28 декабря 1945 г. Я представляю эти показания Трибуналу под № СССР-230.

Пока я также оглашу лишь те места показаний Бентивеньи, которые имеют непосредственное отношение к вопросу о начале военных приготовлений против Советского Союза:

«О подготовке Германией военного нападения на Советский Союз впервые я узнал в августе 1940 г. от руководителя германской разведки и контрразведки адмирала Канариса. В неофициальной беседе, происходившей в служебном кабинете Канариса, он сообщил мне, что Гитлер приступил к проведению мероприятий для осуществления похода на Восток, о котором он объявил еще в 1938 г. в своем выступлении на Берлинском совещании гаулейтеров.

...Канарис сказал мне, что теперь эти замыслы Гитлера начали принимать реальные формы. Видно это хотя бы из того, что дивизии германской армии в большом количестве перебрасываются с запада к восточным границам и, согласно специальному приказу Гитлера, размещаются на исходных позициях предстоящего вторжения в Россию».

И, наконец, для того, чтобы закончить с вопросом о действительном сроке военных приготовлений фашистской Германии к предательскому нападению на Советский Союз, я хотел бы остановиться на заявлении генерала Мюллера. Это заявление датировано 8 января 1946 г. и написано в лагере для военнопленных. Это заявление я представляю Трибуналу под № СССР-149. ...

Все материалы, господа судьи, на которые я до сих пор ссылался, исходили из кругов высшего командования германской армии. Генерал Мюллер принадлежит, если можно так выразиться, к среднему звену германского генералитета. Он был начальником штаба армии, командовал армейским корпусом. ...

Я прошу обратиться к заявлению генерала Мюллера с первого абзаца:

«Подготовка к нападению на Советский Союз началась еще в июле 1940 г. В то время я был первым офицером штаба армейской группировки „С“ в Дижоне (Франция). Командующим был генерал-фельдмаршал фон Лееб. В состав этой армейской группировки входили 1, 2 и 7-я армии, являющиеся оккупационными

войсками во Франции. Кроме того, во Франции находилась армейская группировка „А" (Рунштедт), имевшая задачей подготовку операции „Морского льва" (десанта против Англии) и армейская группировка „В" (фон Бок). В течение июля штаб армейской группировки „В" был переведен на восток (Познань). Штабу армейской группировки „В" были приданы переброшенные из Франции (из состава оккупационных войск): 12-я армия, 4-я армия, 18-я армия и еще несколько корпусов и около 30 дивизий. Из этого числа несколько дивизий взяты были из армейской группировки „С".

Непосредственно после кампании на западе ОКХ отдало приказ о демобилизации 20 дивизий. Приказ этот был отменен, и 20 дивизий не были демобилизованы. Вместо этого они по возвращении в Германию были уволены в отпуск и, таким образом, держались наготове на случай срочной мобилизации.

Оба эти мероприятия — перевод около 500 тысяч человек на границу с Россией и отмена приказа о роспуске около 300 тысяч человек — доказывают, что уже в июле 1940 года существовали планы военных действий на Востоке.

Следующим приказом, свидетельствующим о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, явилось изданное в сентябре 1940 г. письменное распоряжение ОКХ о формировании в Лейпциге новой армии (11-й), нескольких корпусов и около 40 пехотных и танковых дивизий. Формирование этих соединений производилось с сентября 1940 г. командующим резервной армией генерал-полковником Фроммом; частично это формирование производилось во Франции, главным же образом — в Германии. К концу сентября 1940 г. ОКХ вызвало меня в Фонтенбло. Оберквартирмейстер генерального штаба сухопутных сил генерал-лейтенант (впоследствии фельдмаршал) Паулюс передал мне, пока что в устной форме, приказ о том, что мой штаб (армейской группировки „С") должен быть к 1 ноября переведен в Дрезден, а штаб 2-й армии (генерал полковник Вейхс), входивший в состав этой армейской группировки, — в Мюнхен (также к 1 ноября)».

Я пропускаю несколько строк заявления генерала Мюллера: «Задача, — продолжает генерал Мюллер, — заключалась в руководстве военной подготовкой вновь формируемых вышеуказанных 40 дивизий. Согласно этому приказу, подтвержденному впоследствии письменным приказом за подписью начальника генерального штаба Гальдера, перевод частей был проведен в установленный срок. При нападении на Советский Союз эти 40 дивизий были введены в действие».

Начатая, таким образом, подготовка к военному нападению на Советский Союз велась усиленными темпами, с немецким педантизмом.

Я напоминаю, господа судьи, о том, что свидетель Паулюс в этом заседании показал, что в августе 1940 г. разработка предварительного плана нападения на Советский Союз под названием «Барбаросса» зашла уже настолько далеко, что стало возможным проведение двух военных игр под руководством Паулюса...

По времени эти мероприятия охватили значительную часть 1940 г. и начались, по крайней мере, за шесть месяцев до появления на свет директивы № 21 о варианте «Барбаросса».

Я перехожу ко второй группе документов, представляемых советским обвинением, которые характеризуют разведывательные мероприятия, предпринятые фашистскими заговорщиками в связи с подготовкой войны против Советского Союза.

Направление и задачи разведывательной работы в связи с вариантом «Барбаросса», как известно, определялись директивой верховного командования германскими вооруженными силами, которая была адресована контрразведке 6 ноября 1940 г. и подписана подсудимым Иодлем.

Этот документ представлен американским обвинением под № ПС-1229. Я считаю необходимым напомнить, что в нем от разведывательных органов требовалось, чтобы перегруппировки войск на восточной границе Германии всячески маскировались и чтобы у Советского Союза создавалось бы впечатление, что готовится какая-то акция на Балканах.

Деятельность разведывательных органов строго регламентировалась. Эта деятельность должна была обеспечить, чтобы численность германских войск на Востоке осталась бы скрытой, насколько это возможно, чтобы было создано впечатление незначительной концентрации войск на севере восточных провинций и, наоборот, весьма значительной концентрации в южной их части, в протекторате и в Австрии.

Указывалось также на необходимость создания преувеличенных представлений о количестве частей противовоздушной обороны и о незначительном размахе дорожных работ.

Здесь я позволю себе сделать два замечания по существу. Активизация работы разведывательных органов против Советского Союза, по показаниям Пиккенброка, началась до появления этой директивы в августе 1940 г. И уж, конечно, дело заключалось не только в работе по дезинформации в связи с проводившейся перегруппировкой сил с Запада на Восток.

Я прошу обратиться к представленным мною показаниям бывшего начальника 3-го отдела разведки и контрразведки германской армии фон Бентивеньи.

В показаниях Бентивеньи говорится: «...Я еще в ноябре 1940 г. получил от Канариса указание активизировать контрразведывательную работу в местах сосредоточения германских войск на советско-германской границе... Согласно этому указанию, мною тогда же было дано задание органам германской военной разведки и контрразведки „Абверштелле", „Кенигсберг", „Краков", „Бреслау", „Вена", „Данциг" и „Познань" усилить контрразведывательную работу...

...В марте 1941 г. я получил от Канариса следующие установки по подготовке к проведению плана „Барбаросса":

a) подготовка всех звеньев „Абвер-3" к ведению активной контрразведывательной работы против Советского Союза, как-то: создание необходимых „Абвер-групп", расписание их по боевым соединениям, намеченным к действиям на Восточном фронте, парализация деятельности советских разведывательных и контрразведывательных органов;

b) дезинформация через свою агентуру иностранных разведок в части создания видимости улучшения отношений с Советским Союзом и подготовки удара по Великобритании;

c) контрразведывательные мероприятия по сохранению в тайне ведущейся подготовки к войне с Советским Союзом, обеспечение скрытности перебросок войск на Восток».

Этот же вопрос затрагивается в представленном мною в качестве доказательства протоколе допроса бывшего начальника первого отдела разведки и контрразведки германской армии Пиккенброка. В этих показаниях говорится о деятельности разведывательных органов германской армии в связи с подготовкой к реализации «плана Барбаросса». Пиккенброк показывает: «...В марте 1941 г. я был свидетелем разговора Канариса с начальником отдела диверсий и саботажа „Абвер-2" Лахузеном о мероприятиях по плану „Барбаросса". При этом Лахузен и Канарис все время ссылались на имеющийся у Лахузена по этому поводу письменный приказ.

Я лично, как начальник „Абвер-1", начиная с февраля 1941 г. и вплоть до 22 июня 1941 г., неоднократно вел деловые переговоры по плану „Барбаросса" с начальником отдела иностранных армий генерального штаба генерал-лейтенантом Типпельскирхом и начальником отдела „Восток" Кинцелем. Эти переговоры касались уточнения различных заданий „Абверу" по Советскому Союзу, и в частности о перепроверке старых разве-

дывательных данных о Красной Армии, а также по уточнению дислокации советских войск в период подготовки нападения на Советский Союз...

...Периферийным отделам разведки „Абверштелле", которые вели работу против России, было дано задание увеличить засылку агентов в СССР. Такое же задание об усилении агентурной работы против СССР было дано всем разведывательным органам, которые имелись в армиях и армейских группировках.

Для более успешного руководства всеми этими органами „Абвера" в мае 1941 г. был создан специальный разведывательный штаб, носивший условное название „Валли-1"...

Руководителем „Валли-1" был назначен как лучший специалист по работе против России майор Браун. Позднее, когда по нашему примеру „Абвер-2" и „Абвер-3" также создали штабы „Валли-2" и „Валли-3", этот орган в целом именовался штабом „Валли" и руководил всей разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работой против Советского Союза. Во главе штаба „Валли" стоял Шмальшлегер...»

В этом отношении вносят ясность показания заместителя Лахузена по второму отделу германской военной разведки и контрразведки при верховном командовании германскими вооруженными силами, Эрвина Штольце, который был взят в плен Красной Армией.

Показания Штольце от 25 декабря 1945 г. я представляю Трибуналу под № СССР-231 и прошу их принять в качестве доказательства. Я оглашаю отдельные места этих показаний. Штольце показывает: «...Я получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием „А", которая должна была заниматься подготовкой диверсионных актов и работой по разложению в советском тылу в связи с намечавшимся нападением на Советский Союз.

В то же время Лахузен дал мне для ознакомления и руководства приказ, поступивший из оперативного штаба вооруженных сил, подписанный фельдмаршалом Кейтелем и генералом Иодлем (или генералом Варлимонтом по поручению Кейтеля, — точно не помню). Этот приказ содержал основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории Союза Советских Социалистических Республик после нападения Германии на Советский Союз.

Данный приказ был впервые помечен условным шифром „Барбаросса"...

...В приказе указывалось о том, что в целях нанесения молниеносного удара против Советского Союза, „Абвер-2" при прове-

дении подрывной работы против России должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза...

...Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Иодля, я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач.

В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка „Консул-1") и Бандере организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение в происходящем якобы разложении советского тыла.

Нами были подготовлены также специальные диверсионные группы для подрывной деятельности в прибалтийских советских республиках...

...Кроме того, была подготовлена для подрывной деятельности на советской территории специальная воинская часть — учебный полк особого назначения „Бранденбург-800", подчиненный непосредственно начальнику „Абвер-2" Лахузену.

В задачу этого созданного в 1940 году специального соединения входил захват оперативно важных объектов — мостов, туннелей, оборонных предприятий и удержание их до подхода авангардных частей германской армии. При этом, вопреки международным правилам ведения войны, личный состав этого полка, укомплектованный главным образом за счет зарубежных немцев, широко использовал применение обмундирования и вооружения армии противника для маскировки своих операций.

В процессе подготовки нападения Германии на СССР командование полка „Бранденбург-800" также запасало предметы обмундирования и вооружения Красной Армии и организовало отдельные отряды из числа немцев, знающих русский язык...»

Господа судьи, представленные мною показания раскрывают методы работы германской разведки по подготовке и реализации «плана Барбаросса». ...

При оглашении в суде плана «Барбаросса», на мой взгляд, один раздел этого плана пользовался относительно незначительным вниманием.

Я имею в виду раздел второй варианта «Барбаросса» (документ американского обвинения ПС-446). Этот раздел носит название «Предполагаемые союзники и их задачи». ...

Я считаю необходимым зачитать раздел второй этого варианта.

«1. На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России.

Верховное командование германской армии своевременно согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран будут при их вступлении в войну подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы совместно с наступающей там группой вооруженных сил сковать находящиеся против нее силы противника, а в остальном — нести вспомогательную службу в тыловом районе.

3. Финляндия должна будет прикрывать наступление немецкой десантной северной группы (части XXI группы), имеющей прибыть из Норвегии, а затем оперировать совместно с нею.

Кроме того, на долю Финляндии возлагается ликвидация русских сил в Ханко.

4. Можно рассчитывать на то, что не позже чем начнется операция, шведские железные дороги и шоссе будут предоставлены для продвижения немецкой северной группы».

...Есть еще только один документ, представленный американским обвинением, в котором упоминаются предполагаемые союзники Германии в ее агрессии против СССР. Этот документ, носящий № С-39, называется «Временным планом „Барбаросса“». Он является, как указал подсудимый Кейтель в сопроводительном письме к нему, календарным планом приготовлений к варианту «Барбаросса» после 1 июня 1941 г. Этот план был утвержден Гитлером.

В разделе втором этого документа С-39, озаглавленном «Переговоры с дружественными странами», читаем:

«а) Болгарии послана просьба не ослаблять в значительной мере соединения, стоящие для обеспечения безопасности на границе с Турцией.

b) Румыны, по почину главнокомандующего немецкими войсками в Румынии, начали частичную замаскированную мобилизацию, чтобы иметь возможность закрыть свою границу против предполагаемого нападения русских.

с) Использование венгерской территории для наступления южной армейской группы будет происходить лишь в той мере, в какой это целесообразно для введения немецких частей, связывающих венгерские и румынские войска. Однако до середины июня по этому вопросу Венгрии представлений делаться не будет.

d) Две немецкие дивизии вступили в восточную часть Словакии, следующие будут выгружаться в районе Просов.

e) Предварительные переговоры с финским генеральным штабом происходят с 25 мая».

Господин председатель, для того чтобы связать последующие документы с теми показаниями, которые дал Паулюс, я сошлюсь только на то, что этот свидетель показал о заблаговременной подготовке к военной агрессии на румынском плацдарме, указав, что соответствующие меры по реорганизации румынской армии по образу и подобию германской армии были приняты в сентябре 1940 г., когда в Румынию была направлена специальная военная миссия и 13-я танковая дивизия. Во главе этой миссии был поставлен генерал от кавалерии Ганзен. Начальником его штаба был назначен генерал-майор Науффе, оберквартирмейстером — майор Мерк. 13-й танковой дивизией командовал генерал-майор фон Роткирх.

Задачей военной миссии было реорганизовать румынскую армию и подготовить ее к нападению на Советский Союз в духе плана «Барбаросса». Предварительную ориентировку об этой задаче генерал Ганзен и его начальник штаба, как показал Паулюс, получили у него и последующее задание — от главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала Браухича.

Директивы генерал Ганзен получал из двух мест: по линии военной миссии — от ОКВ, по вопросам сухопутных сил — от ОКХ, директивы военно-политического характера — только от ОКВ. Связь между немецким генеральным штабом и румынским генеральным штабом осуществлялась через военную миссию.

Договорное оформление, а тем более опубликование истинных намерений фашистской верхушки стран-сателлитов, не всегда было удобно.

Я представляю под № СССР-233 запись беседы Иона Антонеску с подсудимым Риббентропом, состоявшейся 12 февраля 1942 г.

Этот документ был взят из личного архива маршала Антонеску, который был захвачен частями Красной Армии.

В связи с выступлением Риббентропа в Будапеште о Трансильвании Антонеску делает следующую запись о ходе этой беседы: «Я без колебания подчеркнул, что еще с сентября, когда я взял управление страной, располагая поддержкой только со стороны г-на Михая Антонеску, я заявил, не спросив у своего народа, что мы должны вести политику присоединения к странам оси; я сказал, что это единственный пример в истории народов, когда два человека осмеливаются сделать открытое заявление и

призвать свой народ вести такую политику, которая, несомненно, должна была бы показаться гнусной».

Делая эту циничную запись, Ион Антонеску едва ли рассчитывал на ее широкую огласку.

Я остановился на вопросах, связанных с взаимоотношениями фашистских заговорщиков с румынским агрессором. Мне представляется сейчас, что наступил подходящий момент для того, чтобы огласить показания Иона Антонеску, имеющиеся в распоряжении советского обвинения.

Допрос Антонеску произведен в соответствии с законами Советского Союза, и протокол его показаний, представляющих исключительную важность для выяснения характера взаимоотношений Германии с ее сателлитами, я представляю Трибуналу под № СССР-153.

Я считаю необходимым огласить большую часть этих показаний, начиная со второго абзаца протокола:

«На всем протяжении своего пребывания у власти, в Румынии, — показывает Ион Антонеску, — я проводил политику укрепления связи с Германией и пользовался ее помощью в деле переобучения и перевооружения румынской армии. В этих целях я несколько раз встречался с Гитлером. Первая встреча с Гитлером состоялась в ноябре 1940 г., вскоре после того, как я стал главой румынского правительства. Встреча эта состоялась по моей инициативе в Берлине в официальной резиденции Гитлера, в присутствии министра иностранных дел Германии Риббентропа и личного переводчика Гитлера Шмидта. Беседа с Гитлером длилась более четырех часов. Я заверил Гитлера в том, что Румыния остается верной ранее заключенному соглашению о присоединении Румынии к тройственному пакту. В ответ на мои заверения о верности союзу с Германией Гитлер заявил, что немецкие солдаты гарантируют границы Румынии. Тогда же Гитлер сказал мне, что венским арбитражем еще не сказано последнее слово, и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения о Трансильвании. ...

На поставленный вопрос, можно ли рассматривать мою беседу с Гитлером как начало моего сговора с немцами в подготовке войны против Советского Союза, я отвечаю утвердительно. Это обстоятельство Гитлер, безусловно, имел в виду при разработке планов нападения на Советский Союз.

В январе 1941 г. через германского посла в Румынии Фабрициуса я был приглашен в Германию и имел в Берхтесгадене вторую встречу с Гитлером, на которой присутствовали: Риббентроп, Фабрициус и вновь назначенный германский посол в Буха-

ресте Киллингер. Кроме них присутствовали также представители германских вооруженных сил фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Иодль. ...

После этого Гитлер, характеризуя военное положение на Балканах, заявил, что в связи с неудачами итальянцев в войне с Грецией, Муссолини обратился к нему за помощью и такую помощь он, Гитлер, намерен оказать Италии. В связи с этим Гитлер просил меня пропустить через Румынию сосредоточенные на территории Венгрии германские войска для того, чтобы они могли оказать быструю помощь итальянцам.

Имея в виду, что пропуск немецких войск через Румынию на Балканы будет актом, враждебным Советскому Союзу, я спросил у Гитлера, как, по его мнению, отнесется к этому советское правительство?

Гитлер, напомнив мне, что при первой встрече со мной в ноябре 1940 г. он уже дал соответствующие гарантии Румынии, взял на себя обязательство защищать Румынию силой оружия.

Я высказал опасение, что продвижение немецких войск через Румынию может послужить поводом для военных действий со стороны Советского Союза и тогда Румыния попадет в тяжелое положение, так как румынская армия не отмобилизована. На это Гитлер заявил, что он отдаст приказ оставить в Румынии часть немецких войск, предназначенных для участия в операциях против Греции. Гитлер подчеркнул также, что находящаяся в его распоряжении информация свидетельствует о том, что Советский Союз не намерен воевать против Германии или Румынии.

Удовлетворившись этим заявлением Гитлера, я согласился пропустить немецкие войска по румынской территории.

Присутствовавший на этом совещании генерал-полковник Иодль охарактеризовал мне стратегическое положение германской армии, подчеркнув при этом необходимость удара по Греции со стороны Болгарии.

Моя третья встреча с Гитлером состоялась в мае 1941 г. в Мюнхене.

На этой встрече, где кроме нас присутствовали Риббентроп и личный переводчик Гитлера — Шмидт, мы уже окончательно договорились о совместном нападении на Советский Союз.

Гитлер сообщил мне, что им принято решение о военном нападении на Советский Союз. Подготовив это нападение, говорил Гитлер, мы должны осуществить его неожиданно на всем протяжении границ Советского Союза, от Черного до Балтийского морей.

Неожиданность военного нападения, продолжал далее Гитлер, даст Германии и Румынии возможность в короткий срок ликвидировать одного из самых опасных наших противников.

Исходя из своих военных планов, Гитлер предложил мне предоставить территорию Румынии для сосредоточения германских войск и наряду с этим принять непосредственное участие в осуществлении военного нападения на Советский Союз.

Гитлер подчеркнул, что Румыния не должна стоять вне этой войны, так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии. При этом он указал, что за нашу помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории вплоть до Днепра.

Так как предложение Гитлера о совместном начале войны против Союза Советских Социалистических Республик соответствовало моим агрессивным намерениям, я заявил о своем согласии принять участие в нападении на Советский Союз и обязался подготовить потребное количество румынских войск и одновременно увеличить поставки нефти и продуктов сельского хозяйства для нужд германской армии.

Перед тем, как мною и Гитлером было принято решение о нападении на Россию, я спросил у Гитлера, есть ли какая-либо договоренность с Венгрией относительно ее участия в войне. Гитлер ответил, что венгры уже дали свое согласие участвовать в союзе с Германией в войне против СССР. Когда именно немцы договорились об этом нападении с венграми, Гитлер мне не сказал.

Возвратившись из Мюнхена в Бухарест, я начал деятельную подготовку к предстоящей войне».

Антонеску заканчивает свои показания следующим образом: «После вторжения на советскую территорию румынские войска, находившиеся под моим главным командованием, оказали немцам большую помощь, в связи с чем Гитлер прислал на мое имя письмо с выражением благодарности мне и румынской армии». Подписано: «Маршал Антонеску».

План «Барбаросса» — в сейф агрессию не спрячешь...

Дата начала подготовки Румынии к войне против Советского Союза устанавливается также показаниями бывшего вице-премьер-министра Михая Антонеску, который также допрошен в соответствии с требованием советского обвинения советскими властями и показания которого я представлю Трибуналу под № СССР-152. Я не буду подробно цитировать эти показания, ибо они во многом повторяют обстоятельства, изложен-

ные в показаниях Иона Антонеску. Я попрошу остановить свое внимание на первом, втором и пятом абзацах: «В ноябре 1940 г. маршал Антонеску в сопровождении тогдашнего министра иностранных дел принца Струза выехал в Германию, где имел встречу с Гитлером. Во время переговоров с Гитлером маршал Антонеску подписал соглашение о присоединении Румынии к „тройственному пакту" и получил от Гитлера обещание пересмотреть в последующем решения венского арбитража в пользу Румынии...

Эта первая поездка маршала Антонеску послужила началом политики, приведшей впоследствии к совместному нападению Германии и Румынии на Советский Союз».

Господа судьи, показания свидетеля Паулюса и только что представленные Трибуналу показания Иона Антонеску и Михая Антонеску дают основания советскому обвинению утверждать, что:

1) решение о направлении в Румынию военной миссии германского генерального штаба для реорганизации румынской армии в целях подготовки нападения на СССР было принято не позднее сентября 1940 г., то есть не менее чем за 9 месяцев до нападения на Советский Союз;

2) в ноябре того же года были полностью развернуты военные приготовления Румынии...

«...Таким образом, под руководством немцев к началу войны Румынии и Германии против Советского Союза вся румынская армия и военно-воздушный флот были реорганизованы и переподготовлены на немецкий лад...»

Я пропускаю два абзаца...

Председатель (обращаясь к обвинителю): Ввиду того, что вы уже представили ряд доказательств Трибуналу, Трибунал считает, что вы можете опустить эти детали относительно подготовки, имевшей место в Румынии, и перейти к тому месту, где говорится о количестве немецких дивизий, стоявших на русской границе.

Зоря: Этот вопрос имеет большое значение.

«В связи с этим, по приказу маршала Антонеску, в феврале 1941 г. были направлены на границу Северной Буковины и Бессарабии отмобилизованные и готовые к боевым действиям против Советского Союза 4-я горно-стрелковая дивизия, 7-я, 8-я, 21-я пехотные дивизии, гвардейская пехотная дивизия, кавалерийский корпус и еще одна пехотная дивизия, название которой сейчас не помню. Кроме этого, на границу с Совет-

ским Союзом были направлены три германские дивизии, выделенные из тех 21 немецкой дивизии, которые следовали через Румынию...

...По приказу маршала Антонеску в мае 1941 г. дополнительно было переброшено на границу с СССР: пограничная дивизия, 3-я, 1-я горно-стрелковые дивизии, 13-я пехотная дивизия и танковая дивизия. Одновременно вместе с этими дивизиями немцы перебросили к границе с Советским Союзом семь немецких пехотных дивизий.

Следовательно, к началу вооруженного нападения Румынии и Германии на Советский Союз на границе Румынии с Советским Союзом было сосредоточено 12 румынских и 10 германских дивизий, общей численностью до 600 тысяч человек».

Таким образом, документы, только что представленные Трибуналу, позволяют утверждать, что по указанию штаба фашистских заговорщиков приготовления Румынии к агрессии против Советского Союза начались до того, как это нашло свое отражение на бумаге в варианте «Барбаросса»...

...Сейчас я хотел бы коротко остановиться на некоторых внешнеполитических методах, которыми пользовались гитлеровцы во взаимоотношениях со своими вассалами. Я хотел бы остановиться на линии гитлеровских заговорщиков в вопросе о Трансильвании. Оперируя трансильванским вопросом как приманкой, гитлеровские заговорщики заставляли выслуживаться своих венгерских и румынских вассалов.

Я представляю под № СССР-294 показания бывшего генерал-полковника венгерской армии Рюскицай-Рюдигера.

Рюскицай-Рюдигер до мая 1941 г. занимал ответственные должности в венгерском военном министерстве, затем до сентября 1942 г. командовал корпусом, после чего был заместителем военного министра Венгрии.

Сейчас я хотел бы зачитать показания Рюскицай-Рюдигера, относящиеся к трансильванскому вопросу.

Рюскицай-Рюдигер говорит: «...Второй венский арбитраж принял маловыгодное для Венгрии решение. За Румынией был сохранен район добычи подземного газа Медьеш-Кишармеш. В венгерских политических кругах это расценивалось желанием Гитлера обеспечить себе союз с Румынией в войне с Советской Россией. Что Гитлер ставил Румынию как союзницу выше Венгрии, объяснялось тем, что при намечавшейся войне с Советской Россией Румыния со своим упирающимся в Черное море южным крылом, безусловно, понадобится Германии.

В служебном разговоре примерно в ноябре 1940 г. начальник оперативной группы венгерского генштаба — полковник Ласло сказал мне по этому поводу следующее: „Второй венский арбитраж вызывает в Венгрии сильную ревность к Румынии, и дело только за нами, чтобы нам добиться заслуг у Гитлера“».

Я позволю себе напомнить, что Антонеску в своих показаниях, которые представлены Трибуналу несколько ранее, рассказывая о своих переговорах с Гитлером, говорил, что: «В ноябре 1941 г. Гитлер сказал мне, что венским арбитражем еще не сказано последнее слово, и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения, принятого в свое время о Трансильвании...»

Цитирую одно, еще не оглашенное место из записи беседы, состоявшейся 12 февраля 1942 г. между Антонеску и подсудимым Риббентропом. Запись этой беседы представлена мною Трибуналу ранее под № СССР-233.

В ответ на постановку Риббентропом вопроса о нефти Антонеску ответил: «В отношении нефти... Румыния сделала, максимум того, что было в ее силах, большего она дать не может; единственным выходом из положения будет захват территорий, богатых нефтью».

Тут же следует отметить, что Антонеску не был оригинален в своих стремлениях к захвату чужих территорий, богатых нефтью.

Я прошу обратить внимание на документ из личной канцелярии подсудимого Розенберга, который озаглавлен «Преобразование Кавказа». Я представляю этот документ под № СССР-58 и прошу принять его в качестве доказательства. В июле 1941 г. подсудимый Розенберг следующим образом сформулировал германскую точку зрения в этом вопросе: «Интересы Германии заключаются в том, чтобы создать прочные позиции на всем Кавказе и тем самым обеспечить безопасность континентальной Европы, то есть обеспечить себе связь с Ближним Востоком. Только эта связь с нефтяными источниками может сделать Германию и всю Европу независимыми от любой коалиции морских держав в будущем. Цель германской политики: господство над Кавказом и над граничащими с юга странами, как в политическом, так и в военном отношении...

...Германская империя должна взять в свои руки всю нефть».

...Однако более полная картина германо-венгерских взаимоотношений, имевших целью подготовку нападения на Советский Союз, содержится в сообщении венгерского генерал-майора Штефана Уйсаси.

Уйсаси с 1 мая 1939 г. по 1 июля 1942 г. являлся начальником разведки и контрразведки венгерского генерального штаба. В эти годы он по своему служебному положению был в курсе той тайны, которая окружала эту подготовку.

Кое-что из того, что ему известно, он рассказал в документе, который я представляю Трибуналу под № СССР-155.

Прошу принять этот документ в качестве доказательства. Я оглашу заявление Уйсаси в той части, в которой это может разъяснить рассматриваемый нами вопрос. Там есть раздел «Подготовка Германии и Венгрии к войне против Советской России», § 1 «Письмо Гальдера». Цитирую: «В ноябре 1940 г. на аудиенции у начальника королевского венгерского генерального штаба генерал-полковника Генриха Верта германский военный атташе в Будапеште полковник генштаба Гюнтер Краппе представил письмо генерал-полковника Гальдера, начальника генерального штаба сухопутных сил Германии.

В этом письме Гальдер информировал Верта о том, что весной 1941 года необходимо заставить Югославию, если нужно будет, силой „занять определенную позицию, чтобы этим впоследствии предупредить угрозу нападения русских с тыла. В этой предупредительной войне, возможной против Югославии и, несомненно, против России, должна принять участие Венгрия, что будет в ее собственных интересах".

Верт ответил, что он согласен с мнением Гальдера, но заявил при этом, что венгерская армия недостаточно вооружена и в настоящее время не готова к войне против Советской России. Попутно он просил Германию о пополнении вооружения Венгрии.

О письме Гальдера и об ответе на него меня информировал генерал-полковник Верт...

...В декабре 1940 г. начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель пригласил в Берлин венгерского министра обороны генерал-полковника Кароля Барта для того, чтобы:

а) лично обсудить вопрос о вооружении,

b) разработать план военно-политического сотрудничества Германии и Венгрии на весну 1941 г. ...

...Договорились о следующем:

...Весной 1941 г. выяснится позиция Югославии, угроза нападения советских войск с тыла устранится.

Венгерская гонведовская армия будет для этого обеспечена 10-сантиметровыми полевыми гаубицами, современными танками и бронемашинами для одной механизированной бригады.

Венгрия должна дать в распоряжение Германии 15 оперативных соединений для войны против России (в том числе три меха-

низированных соединения, одно кавалерийское и одно танковое), закончить строительство укреплений в Закарпатской Руси до 1 июня 1941 г., содействовать продвижению германских войск в районах, прилегающих к венгеро-югославской и венгеро-советской границе, обеспечить подвоз снабжения через Венгрию. Детали подготовки оперативных действий будут разработаны позднее посланными в Венгрию представителями германского генштаба.

За участие в войне Венгрия в виде политической компенсации получит земли в Югославии и в России (старое княжество Галич, предгорья Карпат до Днестра)».

В марте 1941 г. состоялся визит в Будапешт полковника немецкого генерального штаба Эбергарда Кинцеля. Целью этого визита было окончательное отрегулирование вопроса о нападении на Югославию.

Вот что по этому вопросу сообщает Уйсаси: «Полковник Кинцель... прибыл в Будапешт в марте 1941 г. с письмом генерал-полковника Гальдера к генерал-полковнику Верту. Это письмо содержало настоятельное требование Германии об участии Венгрии в возможной войне против Югославии с мобилизацией 1, 2, 3, 4, 5-го армейских корпусов и против Советской России — при мобилизации 15 оперативных соединений, в том числе двух кавалерийских дивизий, двух механизированных бригад и одной стрелковой бригады.

В письме сообщалось о скором приезде в Будапешт комиссии немецкого генштаба во главе с генерал-лейтенантом Паулюсом для обсуждения совместных операций и продвижения немецких войск через Венгрию на Югославию.

Генерал-полковник Верт в ответ на это письмо пригласил германскую комиссию в Будапешт, обещал согласие Венгрии участвовать в войне против Югославии и выставить с этой целью три армейских корпуса, а именно: 1, 4 и 5-й. Что касается войны против Советской России, он в принципе согласился и обещал, по меньшей мере, мобилизовать 8-й армейский корпус (Кошице) и потребованные Гальдером механизированные оперативные соединения...

Об этой переписке меня информировал лично полковник германского генштаба Кинцель».

...И, наконец, Уйсаси описывает события последних дней перед нападением на Советский Союз:

«24.VI.1941 года (насколько я помню) в 12.30 дня я получил сообщение, что советские самолеты бомбардировали Рахо (в Карпатской Руси) и обстреливали в его окрестностях поезда из

пулеметов. В тот же день, после полудня, пришло известие, что советские самолеты бомбардировали Кошице. Вечером того же дня состоялось заседание коронного совета под личным руководством регента, который «на основе провокации Советской России» решил объявить ей войну...

Я убежден, что это были немецкие самолеты с русскими опознавательными знаками. Это я обосновываю следующим:

а) генерал-лейтенант Фюттерер и германская пропаганда очень широко „распространялись" по поводу этой бомбардировки;

b) генерал-майор Ласло немедленно приказал мне через отделение пропаганды 2-го отдела королевского венгерского генерального штаба получить фотоснимки найденных остатков „советских бомб" и опубликовать их в прессе фашистских государств;

с) генерал-лейтенант Фюттерер, генерал-майор Ласло и подполковник Аримонд распространяли путем „пропаганды шепотом" слух, что словацкие пилоты, находящиеся на службе у русских, бомбардировали Кошице и удачные попадания бомб объясняются тем, что эти пилоты хорошо знают местность».

Это было, как указывает Уйсаси, 24 июня 1941 г. в 12 ч 30 мин дня. Мы располагаем документом, который устанавливает, что задолго до этого момента выступление Венгрии против Советского Союза было решено.

В представленном Трибуналу заявлении Рюскицай-Рюдигера содержатся указания на причины нападения Венгрии на Советский Союз... Рюскицай-Рюдигер сообщает, что примерно в конце мая 1941 г. им был получен приказ о снабжении в первую очередь войск, расположенных в Закарпатской Украине, а через два дня состоялось секретное совещание командиров корпусов у начальника генерального штаба генерал-полковника Верта, на котором уже было сообщено о предстоящем нападении на Советский Союз. Я цитирую эти показания Рюскицай-Рюдигера: «Генерал Верт (начальник генштаба) обрисовал нам военно-политическую обстановку...

...Оказалось, что предстоит нападение Германии на Советскую Россию, в котором Румыния и Венгрия примут активное участие на стороне Германии...»

Дальше Рюскицай-Рюдигер указывает, что:

«...Решение об объявлении войны было принято на заседании совета министров по докладам премьер-министра Бардоши и министра Барта и утверждено коронным советом. Парламенту же этот вопрос не был представлен.

Эти решения... не вызвали удивления и являлись следствием долголетнего и добровольного фактического военного сотрудничества с Германией.

Венгерский генштаб и политическое руководство Венгрии, начиная с агрессии против Чехословакии, считали Германию опорой в своих ревизионистских планах. За этим следует оккупация Закарпатской Украины, потом стратегическая подготовка этого района как плацдарма для нападения на Советскую Россию».

...Я бы хотел сейчас отметить еще одно обстоятельство.

Для того чтобы получить полное представление о последствиях грабительской агрессии фашистов против Союза Советских Социалистических Республик, нельзя ограничиваться одним планом «Барбаросса».

Этот план стратегический. План военного нападения. План начала агрессии.

Вслед за этим нападением следовало, как известно, так называемое освоение и организация оккупированных территорий. Планы этого «освоения» и «организации», являющиеся планами уничтожения мирных граждан и ограбления оккупированных областей Советского Союза, были подготовлены, так же как и план «Барбаросса», заранее.

Советское обвинение утверждает, что имеющиеся в распоряжении Трибунала документы, и в частности такие документы, как инструкция от 13 марта 1941 г. (документ ПС-447), подписанная подсудимым Кейтелем, распоряжение о применении военной подсудности от 15 мая 1941 г. (документ С-50), подписанное им же, указание о пропаганде к плану «Барбаросса» (документ С-26) и другие, представляют собой предумышленное, подготовленное до нападения на Советский Союз уничтожение не только законных, но и всяких моральных норм поведения полчищами фашистских захватчиков на временно оккупированных территориях.

Еще не напав на Советский Союз, гитлеровцы установили и расписали по соответствующим параграфам этих инструкций, указаний, распоряжений методы расправы с гражданским населением, порядок и способы ограбления Советской страны и превращения ее в колониальную область Третьего рейха.

Когда же война началась и тайное стало явным, фашисты не постеснялись перенести все эти вопросы на страницы своей печати.

Я представляю Трибуналу под № СССР-59 статью, напечатанную 20 августа 1942 г. в «Дас шварце Кор», газетке охранных от-

рядов фашистской партии, являющейся органом рейхсфюрера СС. В этой статье, озаглавленной «Германизировать ли?», открыто писалось: «Для одного из номеров газеты „Дейче Арбайт“, посвященного задачам переселения на Восток, рейхсфюрер СС дал следующий лозунг: „Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой крови“.

Отрицание германизации не ново. Однако в устах рейхсфюрера СС как государственного комиссара по укреплению немецкой нации оно становится приказом. В этом заключается весь смысл этих слов».

Отказ от германизации населения оккупированных стран и утверждение, что на Востоке «должны быть только люди действительно немецкой крови», на практике означали массовое истребление советских граждан, их ограбление, угон в рабство, уничтожение многовековой русской культуры, разрушение наших городов и сел. Я ограничусь сказанным, ибо эта тема, вернее несколько тем разработаны и будут представлены Трибуналу моими коллегами.

22 июня 1941 г. после длительной подготовки немецко-фашистские полчища обрушились на Советский Союз. 170 дивизий, сконцентрированные на границах Советского Союза от Ледовитого океана до Черного моря, начали вторжение.

Военные задачи нападения были сформулированы в плане «Барбаросса»:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной операции Советскую Россию...

Для этого армия должна будет представить все состоящие в ее распоряжении соединения с тем лишь ограничением, что оккупированные области должны быть защищены от всяких неожиданностей».

Вариант «Барбаросса» предусматривал необходимость уничтожения Красной Армии, устранение возможности отступления ее боеспособных частей в глубь страны и быстрое достижение немецко-фашистскими захватчиками линии, с которой советская авиация не смогла бы подвергать воздействию германские области.

В качестве конечной цели по варианту «Барбаросса» намечалось закрепление на линии Астрахань—Архангельск, уничтожение авиацией уральской промышленности, захват Ленинграда и Кронштадта и, как решающий финал, овладение Москвой...

Как известно, господа судьи, гитлеровцы всегда стремились к тому, чтобы их действительные, разбойничьи цели не получали бы огласки. На том же совещании в главной ставке 16 июля 1941 г. Гитлер, например, говорил, что является весьма важным не раскрывать своих установок перед всем миром, не осложнять своего пути излишними объяснениями и при мотивировке своих действий исходить из тактических намерений.

Подсудимый Розенберг 20 июня 1941 г. на совещании по вопросу о Востоке, запись о котором представлена американским обвинением под № ПС-1058, заявил, что большое значение имеет тактика, а политические установки будут определяться от случая к случаю, когда тот или иной лозунг сможет быть предан гласности.

Учитывая это обстоятельство, господа судьи, представляется полезным для нашего исследования обратиться к некоторым высказываниям фашистских военных преступников, относящимся к тому периоду, когда они считали возможным обнародовать некоторые свои политические установки.

В 1941 и в 1942 гг. фашистские орды прорвались на значительные территории Советского Союза, подходили к Москве, бой шел на берегах Волги.

Призрак «Великой Германии», господствующей над миром, маячил перед гитлеровскими заговорщиками. Наступил, казалось, тот самый случай, о котором говорил подсудимый Розенберг, когда можно было, с точки зрения фашистских преступников, «некоторые политические лозунги предать гласности».

Под № СССР-58 я представил Трибуналу документ из материалов канцелярии подсудимого Розенберга по вопросам германской политики в оккупированных районах Кавказа. Розенберг 27 июля 1942 г. так решил восточную проблему:

«Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу, а континент — сырьем.

Задача Кавказа, прежде всего, является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

Я позволю себе представить еще один документ на ту же тему. Это выступление Геббельса в Мюнхене, опубликованное 19 октября 1942 г. в центральном органе нацистской партии «Фёлькишер беобахтер» (южно-германское издание).

Текст этого выступления представляется Трибуналу в качестве доказательства под № СССР-250. В этом своем выступлении

Геббельс говорил: «Мы завоевали важнейшие хлебные, угольные и металлургические районы Советского Союза. Нам принадлежит сегодня то, что потерял враг. А так как то, что не достает противнику, прибавилось нам, то это ценится вдвое. В прошлом мы были народом без пространства, но сегодня это уже не так. Сегодня мы должны только придать определенную форму тому пространству, которое завоевали наши солдаты, сделать его полезным для нас, а это требует определенного времени. Но если англичане утверждают, что мы проиграли войну из-за того, что потеряли время, то это утверждение только доказывает их полное непонимание обстановки. Время работает только против того, кто не имеет пространства и сырья. Если мы используем время для того, чтобы организовать завоеванные пространства, то оно будет работать не против нас, а на нас...»

Господа судьи, то, что Геббельс, подсудимый Риббентроп и Розенберг говорили об использовании завоеванного солдатами пространства, в ОКВ принимало более определенную форму планов дальнейшей агрессии.

В этом отношении представляет интерес следующий документ, который я представляю Трибуналу под № СССР-336 и прошу принять его в качестве доказательства. Этот документ представляет собой письмо германского военно-морского штаба, направленное в адрес главнокомандующих группами «Запад», «Север» и «Юг». Этот документ был обнаружен в германских архивах союзными войсками.

Письмо имеет заголовок: «Задачи дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании», имеет № 1385/41 и дату 8 августа 1941 г.

В эти дни фашистские заговорщики считали, что победа над Советским Союзом — всего лишь вопрос времени, и поэтому планировали дальнейшую агрессию. Письмо, которое я собираюсь здесь процитировать, начинается словами: «Штабом морского командования получен проект директивы фюрера о дальнейших намерениях после окончания восточного похода. Нижеследующие указания дают в общих чертах картину этих намерений и предназначены для личной ориентировки главнокомандующих и начальников их штабов».

Вслед за этим следует раздел второй, в восьми пунктах которого излагаются военные планы гитлеровцев после окончания восточной кампании. ...

В пункте третьем представленного документа излагаются намерения фашистских заговорщиков в Северной Африке: «Усиление вооруженных сил в Северной Африке в объеме, до-

статочном для овладения Тобруком. Для планомерной проводки потребного транспорта необходимо возобновление налетов германских воздушных сил на Мальту. При планомерном обороте транспорта можно рассчитывать на поход на Тобрук с середины сентября, если только условия погоды не обусловят отсрочки».

В августе 1941 г. гитлеровцы предполагали при помощи фашистской Испании захватить Гибралтар в том же году.

В пункте четвертом раздела второго письма, которое я только что вам представил, предусматривалось, что:

«План „Феликс“ (цитирую дословно) — захват Гибралтара, — при активном участии Испании, должен быть осуществлен еще в 1941 году».

Гитлеровцы планировали также осуществление нападения на Сирию и Палестину в направлении Египта. В пункте пятом того же письма говорится: «В случае если после очевидного окончания восточной кампании удастся перетянуть на нашу сторону Турцию, предусматривается, после минимального 85-дневного срока подготовки необходимых сил, после предварительного обеспечения перевала через Кавказ и улучшения анатолийских транспортных условий в Турции с немецкой помощью, — нападение на Сирию и Палестину в направлении на Египет».

В том же самом письме в пункте восьмом содержится возможный вариант этого плана: «В случае если Турция, — пишется там, — не перейдет на нашу сторону, даже после поражения Советской России, удар на юг через Анатолию будет осуществлен против ее воли».

Господа судьи, Египет в планах фашистской агрессии занимал большое место. О нем говорится и в пунктах шестом и седьмом раздела второго письма.

В пункте шестом сказано: «Удар на Египет и Киренаику (после падения Тобрука). Предположительно, что этот удар не может осуществиться ранее конца 1941 — начала 1942 гг.».

В пункте седьмом указывалось, что: «Если крушение Советской России создаст для этого необходимые предпосылки, предусматривается продвижение моторизованного экспедиционного корпуса через Закавказье в направлении Персидский залив — Ирак — Сирия — Египет. Этот удар, по условиям погоды, будет возможен только в начале 1942 г...»

Только что представленный Трибуналу документ свидетельствует о том, какой оборот событиям предполагали дать фашистские заговорщики, если бы Красная Армия не остановила их агрессии.

Фашистские агрессоры надеялись в молниеносной войне разгромить Советский Союз, захватить его богатства, покорить советский народ и открыть тем самым себе путь к мировому господству.

Господа судьи, я подошел к концу моего изложения.

Позвольте, заканчивая представление документов об агрессии фашистских преступников против Советского Союза, кратко сформулировать следующие основные выводы:

1. Преступный замысел нападения на Союз Советских Социалистических Республик, имевший целью ограбление Советского Союза и использование его богатств для дальнейшей германской агрессии, созрел у фашистских заговорщиков задолго до того, как это нападение было осуществлено.

2. Непосредственные военные приготовления к нападению на Советский Союз велись фашистскими преступниками, по меньшей мере, в течение года и охватывали не только Германию, но и страны-сателлиты, в первую очередь Румынию, Финляндию, Венгрию.

3. Реализация преступных целей фашистской агрессии, заключавшихся в уничтожении мирного населения, ограблении Советского Союза и отторжении принадлежащих ему территорий, была запланирована заранее, до нападения на Советский Союз.

К счастью для всех свободолюбивых народов, Союз Советских Социалистических Республик, советский народ и его Красная Армия полностью опрокинули все человеконенавистнические планы фашистских захватчиков.

Красная Армия не только выстояла и остановила фашистскую агрессию, но вместе с союзными армиями привела гитлеровскую Германию к полной катастрофе, а фашистских военных преступников — на скамью подсудимых.

Глава 12
«Этюд» Йодля и Варлимонта для танковых колонн

Штабная работа по подготовке нападения на СССР началась в день капитуляции Франции, 22 июля 1940 г. Среди нескольких вариантов плана, представленных разными группами, Гитлер выделил «Этюд Лоссберга», который принадлежал генералам Йодлю и Варлимонту. Они предложили нанести главный удар на Москву через Белоруссию, по кратчайшему расстоянию. «Этюд Лоссберга», взятый за основу, и другие варианты обобщил генерал Паулюс. Он же провел в

средине декабря 1940 г. штабную игру, по результатам которой в плане были сделаны важные уточнения.

Директива № 21, вариант «Барбаросса», была принята верховным командованием вермахта (ОКВ) 18 декабря 1940 г., а 31 января 1941 г. верховное командование сухопутных сил (ОКХ) издало «Директиву по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск».

Эти два документа и составили общий план предстоящей «молниеносной» войны. Предполагалось, что эффект от мощных ударов подвижными соединениями будет таков, что войска Красной Армии будут разбиты недалеко от границы и не смогут отойти восточнее Днепра и Западной Двины.

Нападение, первоначально намеченное на май 1941 г., из-за незавершенных операций на Балканах было перенесено на июнь.

В нем приняли участие огромные силы — 190 дивизий Германии и союзников, 4 немецких воздушных флота, авиация Румынии и Финляндии, всего 5 тысяч самолетов. В танковых клиньях действовало 4300 бронированных машин. Общая численность наступающих войск составила 5,5 миллиона человек.

Однако Директива № 21 оказалась для вермахта и союзников невыполнимой. Выход на линию Архангельск — Астрахань не состоялся ни в 1941 г., ни позже, когда «молниеносная» война превратилась в затяжную.

Нацистские стратеги недооценили силы СССР, которого Гитлер опрометчиво назвал «колоссом на глиняных ногах» в предположении, что он развалится от первых же ударов. В реальности успехи первого периода войны сменились поражениями, а затем и полным разгромом немецких войск.

Директива верховного командования германских вооруженных сил от 18 декабря 1940 г. № 21 о нападении на СССР

ДИРЕКТИВА № 21. ВАРИАНТ «БАРБАРОССА»

Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию (вариант «Барбаросса»).

Для этого армия должна будет использовать все состоящие в ее распоряжении соединения с тем лишь ограничением, что оккупированные области должны быть защищены от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил будет заключаться в том, чтобы высвободить для Восточного фронта силы, необходимые для поддержки армии, с тем, чтобы можно было рассчитывать на быстрое проведение наземной операции, а также на то, чтобы разрушения восточных областей Германии со стороны вражеской авиации были бы наименее значительными.

Основное требование заключается в том, чтобы находящиеся под нашей властью районы боевых действий и боевого обеспечения были полностью защищены от воздушного нападения неприятеля и чтобы наступательные действия против Англии, и в особенности против ее путей подвоза, отнюдь не ослабевали.

Центр тяжести применения военного флота остается и во время восточного похода направленным преимущественно против Англии.

Приказ о наступлении на Советскую Россию я дам в случае необходимости за восемь недель перед намеченным началом операции.

Приготовления, требующие более значительного времени, должны быть начаты (если они еще не начались) уже сейчас и доведены до конца к 15.V.41.

Особое внимание следует обратить на то, чтобы не было разгадано намерение произвести нападение.

Приготовления верховного главнокомандования должны вестись исходя из следующих основных положений:

Общая цель

Находящиеся в западной части России войсковые массы русской армии должны быть уничтожены в смелых операциях с глубоким продвижением танковых частей. Следует воспрепятствовать отступлению боеспособных частей в просторы русской территории.

Затем путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русская авиация уже не будет в состоянии совершать нападения на германские области. Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск—Волга. Таким образом, в случае необходимости остающаяся у России последняя промышленная область на Урале сможет быть парализована с помощью авиации.

В ходе этих операций Балтийский флот русских быстро потеряет свои опорные пункты и таким образом перестанет быть боеспособным.

Уже в начале операции следует путем мощных ударов предотвратить возможность действенного вмешательства со стороны русской авиации.

Предполагаемые союзники и их задачи

1. На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России.

Верховное командование германской армии своевременно согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран будут при их вступлении в войну подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы совместно с наступающей там группой вооруженных сил сковать находящиеся против нее силы противника, а в остальном — нести вспомогательную службу в тыловом районе.

3. Финляндия должна будет прикрывать наступление немецкой десантной северной группы (части XXI группы), которая должна прибыть из Норвегии, а затем оперировать совместно с нею. Кроме того, на долю Финляндии возлагается ликвидация русских сил в Ханко.

4. Можно рассчитывать на то, что не позже чем начнется операция, шведские железные дороги и шоссе будут предоставлены для продвижения немецкой северной группы.

Проведение операции

Армия в соответствии с вышеизложенными целями:

В районе военных действий, разделенном болотами р. Припяти на северную и южную половины, центр тяжести операции следует наметить севернее этой области. Здесь следует предусмотреть две армейские группы.

Южной из этих двух групп, образующей центр общего фронта, предстоит задача с помощью особо усиленных танковых и моторизованных частей наступать из района Варшавы и севернее ее и уничтожить русские вооруженные силы в Белоруссии. Таким образом должна быть создана предпосылка для проникновения больших сил подвижных войск на север с тем, чтобы во взаимодействии с северной армейской группой, наступающей из Восточной Пруссии в направлении Ленинграда, уничтожить войска противника, сражающиеся в Прибалтике. Лишь после обеспечения этой неотложной задачи, которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим

центром коммуникаций и оборонной промышленности — Москвой.

Только неожиданно быстрое уничтожение сопротивляемости русской армии могло бы позволить стремиться к одновременному завершению обоих этапов операции.

Основной задачей XXI группы во время восточной операции остается по-прежнему оборона Норвегии. Имеющиеся сверх этого силы следует обратить на севере (горный корпус) в первую очередь на обеспечение области Петсамо и его рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана, а затем совместно с финскими вооруженными силами продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы прервать снабжение сухим путем Мурманской области.

Сможет ли быть проведена подобная операция с помощью более мощных немецких вооруженных сил (2–3 дивизии) из района Рованиэми и южнее его, — зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги для этого наступления.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с успехами немецкого северного фланга сковать как можно больше русских сил путем нападения западнее или по обеим сторонам Ладожского озера, а также овладеть Ханко.

Основной задачей армейской группы, расположенной южнее припятских болот, является наступление из района Люблина в общем направлении на Киев, чтобы мощными танковыми силами быстро продвинуться во фланг и в тыл русских сил и затем напасть на них при их отходе к Днепру.

Германо-румынской армейской группе на правом фланге предстоит задача:

а) оборонять румынскую территорию и, таким образом, южный фланг всей операции;

b) в ходе нападения на северном фланге южной армейской группе сковать находящиеся против нее силы неприятеля, а в случае успешного развития событий путем преследования, во взаимодействии с воздушными силами, препятствовать организованному отходу русских через Днестр.

На севере — быстрое достижение Москвы. Захват этого города означает как с политической, так и с хозяйственной стороны решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишаются важнейшего железнодорожного узла.

Воздушные вооруженные силы:

Их задача будет заключаться в том, чтобы по возможности парализовать и ликвидировать воздействие русской авиации, а также в том, чтобы поддерживать операции армии на ее решаю-

щих направлениях, а именно: центральной армейской группы и — на решающем фланговом направлении — южной армейской группы. Русские железные дороги должны быть перерезаны в зависимости от их значения для операции преимущественно на их важнейших ближайших объектах (мостах через реки) путем их захвата смелой высадкой парашютных и авиадесантных частей.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против неприятельской авиации и непосредственной поддержки армии не следует во время главных операций совершать нападения на оборонную промышленность. Только по окончании операции против средств сообщения такие нападения станут в порядок дня, и в первую очередь на Уральскую область.

Военно-морской флот:

Военно-морскому флоту в войне против Советской России предстоит задача, защищая собственное побережье, воспрепятствовать выходу неприятельских военно-морских сил из Балтийского моря. Ввиду того, что по достижении Ленинграда русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безвыходном положении, следует избегать перед этим более значительных морских операций.

После ликвидации русского флота задача будет состоять в том, чтобы полностью обеспечить снабжение северного фланга армии морским путем (очистка от мин!).

Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании настоящего указания, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свое отношение к нам, которого она придерживалась до сих пор.

Число офицеров, привлекаемых для предварительной подготовки, должно быть как можно более ограниченным, в дальнейшем сотрудники должны привлекаться как можно позже и посвящены лишь в объеме, необходимом для непосредственной деятельности каждого отдельного лица. Иначе возникает опасность, что из-за огласки наших приготовлений, реализация которых пока вовсе еще не решена, могут возникнуть тяжелейшие политические и военные последствия.

Ожидаю от главнокомандующих докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящем указании.

О намеченных приготовлениях и их ходе во всех войсковых частях доносить мне через верховное главнокомандование (ОКВ).

Завизировали: Йодль, Кейтель.

Подписано: Гитлер.

Разослано:
главнокомандованию сухопутными силами
(опер. отд.) экз. № 1,
флотом — № 2,
военно-воздушными силами — № 3,
ОКВ:
Шт. рук. вооруженными силами — № 4,
Отдел Л — № 5–9

Глава 13
Разбойник стал «освободителем»

До 22 июня 1941 г. — дня нападения на СССР — действовала директива по дезинформации, требовавшая скрывать крупномасштабные военные приготовления. Нацисты представляли дело так, что войска готовятся для операций на Балканах и удара по Великобритании. В прессе были инспирированы статьи об улучшении отношений с Советским Союзом, развитии экономических связей, строгом соблюдении Пакта о ненападении.

С началом боевых действий нацистская пропаганда сделала резкий поворот, и, конечно, не в сторону правды. Она всеми силами старалась скрыть от жертвы агрессии — советского народа и мировой общественности, истинные цели войны, состоявшие в расчленении СССР, захвате «жизненного пространства», очистке его от «расовонеполноценного» населения, ограбления оккупированных территорий.

Пресса Германии начала трубить о вынужденных, превентивных действиях против СССР, о страданиях советских людей под гнетом «еврейско-большевистской» власти, о том, что немецкие войска несут народу СССР свободу от «тирании Советов».

Секрет столь слаженной работы заключался в том, что министерство народного просвещения и пропаганды не только контролировало, но непосредственно руководило средствами массовой информации. Рейхсминистр Геббельс ежедневно принимал руководителей и корреспондентов крупнейших газет и инструктировал их по поводу содержания публикаций. Местная пресса получала его указания по почте или телеграфу. Объектом таких манипуляций были две с половиной тысячи газет, сотни журналов, информационные агентства Германии.

Геббельс принимал меры к тому, чтобы обеспечить лояльность иностранных корреспондентов. Им создавались хорошие условия для работы. Препарированная нацистами информация лилась рекой, для них организовывались рабочие поездки, больше похожие на уве-

селения. Формой подкупа были частые приемы, предоставление квартир и транспорта.

Частью единой машины были пропагандистские подразделения вермахта. Ниже приводится приказ верховного командования, применившего методики Геббельса к населению оккупированных территорий.

Документ С-26
Верховное главнокомандование вооруженными силами

Относится к руководству
Только через офицера
Берлин, июнь 1941 г.
Изготовлено в 100 экз. Экз. № 50

УКАЗАНИЯ О ПРИМЕНЕНИИ ПРОПАГАНДЫ ПО ВАРИАНТУ «БАРБАРОССА»

1. Окончательные и полные тенденции для пропаганды против Советского Союза в настоящее время еще указаны быть не могут, так как вполне возможно, что еще до начала боевых действий политическое развитие предоставит нам новые, особо действенные тенденции для пропаганды.

Поэтому сохраняется право дополнить нижеизложенные указания о линиях пропаганды.

Однако в основном уже теперь можно сказать следующее:

a) Противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство со своими чиновниками и коммунистическая партия, работающие на мировую революцию.

b) Следует особенно ясно указать, мотивируя это тем, что Советы до сих пор проводили в подвластных им местностях по отношению ко всему населению исключительно беззастенчивую насильственную политику, что германское военное командование приходит в страну не в качестве врага населения. Более того, оно хочет освободить население от тирании Советов.

Однако если со стороны небольшевистской части населения будет оказано сопротивление, то немецкие вооруженные силы будут вынуждены подавить его, кем и когда оно бы ни было оказано.

c) Точно так же немецкие вооруженные силы будут вынуждены наказывать со всей строгостью военных законов тех, кто на-

несет вред немецким вооруженным силам путем шпионажа, диверсий (саботажа) или применения оружия вопреки международному праву и тем окажет помощь Советам.

d) Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза на отдельные государства. В различных частях Советского Союза пропаганда должна пользоваться наиболее распространенным языком. Это, однако, не должно приводить к тому, чтобы характер отдельных пропагандистских текстов преждевременно давал бы повод к заключению о намерениях расчленить Советский Союз.

Тем не менее следует избегать терминов «Россия», «русские», «русские вооруженные силы» и заменять их терминами «Советский Союз», «народы Советского Союза», «Красная Армия» и т. п.

e) В дальнейшем очень важно доказать населению необходимость для каждого оставаться на месте своей работы. Разграбление и разбазаривание продовольствия, уничтожение машин и хозяйства неизбежно приведут к нищете и голоду. Из тех же хозяйственных соображений пока в порядок дня не должны быть поставлены вопросы о разделе земли и роспуске колхозов, хотя такие мероприятия и имеются в виду в будущем. Немедленное изменение производственных форм хозяйства только увеличило бы вредные последствия вызванных войной нарушений хозяйственной жизни.

2. С началом военных действий против Советского Союза все пропагандистские части могут начать давать информацию о войне. Особенно следует выпячивать всякого рода жестокости и нарушения международного права, в которых могла бы провиниться Красная Армия. Информация, основанная только на устных рассказах, — неприемлема. Она должна основываться на официальных донесениях офицеров. Особенно важно, чтобы первые отчеты о боевых действиях поступили в верховное главнокомандование вооруженных сил как можно скорее. С этой целью следует учесть необходимость внедрения смешанных информационных подразделений пропагандистских частей в передовые соединения, ведущие боевые действия.

3. Пропагандистские пункты связи организуются ВГК вооруженных сил в Рейхс-гофе (Ржошове), Варшаве, Кенигсберге и Рованиеми. Пересылка материалов информации из пропагандистских частей к ближайшему пропагандистскому пункту связи является обязанностью пропагандистских частей. Дальнейшая доставка информационного материала из пропагандистского пункта связи в Берлин производится пропагандистской ротой

связи ВГК вооруженных сил. Кроме того, должна быть по возможности использована для пересылки информационных материалов непосредственная курьерская связь армии и военно-воздушных сил.

4. Для передачи в Берлин устной информации, особенно из пропагандистских пунктов связи, следует пользоваться телефоном, поскольку он имеется в распоряжении. Информация, передаваемая устно, тем не менее, при ближайшей возможности должна быть послана и в письменном виде, причем должно быть отмечено, что эта информация уже была передана по телефону.

В качестве точек для приема радиоинформации предоставляются Краков, Варшава и Кенигсберг.

5. Применение всех средств активной пропаганды в борьбе против Красной Армии обещает больший успех, нежели в борьбе со всеми прежними противниками немецких вооруженных сил. Поэтому имеется намерение применять ее в больших масштабах.

Помимо отдаваемых в отдельных случаях приказов ВГК вооруженных сил о применении против неприятеля средств активной пропаганды, армиям и танковым группам предоставляется право перед началом боевых действий пускать в ход все имеющиеся в их распоряжении средства пропаганды для достижения неизменного боевого эффекта. Поскольку пропагандистские тексты, исходя из условий, места и времени, могут выходить за пределы их чисто тактического содержания, они должны, во всяком случае, соответствовать инструкциям, содержащимся в ст.1.

6. Сбрасывание листовок с самолетов для советских частей и населения производится по указаниям непосредственно ВГК вооруженных сил через военно-воздушные силы.

7. Представляется целесообразным, чтобы армии подготовили воззвания к населению для расклейки на стенах домов, которые в основном соответствовали бы указанным в ст.1 пропагандистским тенденциям и были бы приспособлены по содержанию и языку к различным группам населения, проживающим в отдельных населенных местностях. Кроме того, эти воззвания в самой сжатой форме могут содержать направленные к населению распоряжения военного командования. Эти воззвания должны быть составлены, кроме немецкого, на том языке, который преобладает в данной местности (например, русском, эстонском, латышском и т. п.).

8. Применение громкоговорителей должно иметь место не только как пропагандистское средство борьбы с неприятелем, но и для пропагандистского воздействия на население оккупи-

рованных местностей. Определение характера и объема такого применения предоставляется армиям и танковым группам.

9. ВГК вооруженных сил будет передавать для армии «Бюллетени о Советском Союзе» и «Инструкции о поведении германских войск».

«Бюллетени» должны доводиться до дивизий и, кроме того, до рот пропаганды, а «Инструкции» — до рот.

10. Роты пропаганды армии незадолго до начала боевых действий будут пополнены ВГК вооруженных сил активными пропагандистами, работниками прессы, цензорами, а частично радиопередаточными подразделениями, которые в случае продолжения наступления должны быть оставлены в крупных городах и при больших радиопередаточных станциях. Позднее они будут исключены из состава рот пропаганды и будут сведены в отряды или отделы пропаганды. На ближайшее время должно предусмотреть создание по одному отделу пропаганды для Украины, собственно России и для Прибалтики.

11. Поскольку возможно в оккупированных местностях контролировать прессу, желательно продолжать выпуск некоторых больших газет под немецкой цензурой. Это касается в первую очередь Украины и Прибалтики. Главной задачей немедленно вводимой цензуры является обеспечить, чтобы информация и комментирование ни в коей мере не вредили немецким интересам. Пресса должна видеть свою главную задачу в том, чтобы успокаивающе воздействовать на население и удерживать его от всяких актов саботажа. Там, где отсутствует возможность контроля над прессой, следует воспретить появление газет, журналов и деятельность информационных бюро.

12. Особое значение имеет овладение весьма широкой советской радиосетью, по возможности в неповрежденном виде, с тем, чтобы немедленно использовать ее для целей немецкой пропаганды. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы передовые части захватывали и брали под охрану крупные радиопередаточные станции. Боевые части должны быть предупреждены о необходимости избегать каких бы то ни было повреждений радиопередаточных станций.

Как только будет установлена непрерывная цензура на радиопередаточной станции, следует возобновить передачи в ограниченных размерах. Для этого служат радиопередаточные подразделения, которые в соответствии со ст. 10 будут прикомандированы ВГК вооруженных сил к некоторым ротам пропаганды.

Соответствующими обращениями все население вновь должно предостерегаться против участия в борьбе и призывать-

ся к сохранению порядка и спокойствия. Для обеспечения передаточных станций информацией должны быть применены приемники ДНБ, имеющиеся в ротах пропаганды.

13. Для восполнения радиосети, и в особенности для замены крупных радиопередаточных станций, разрушение которых удалось бы противнику, следует предусмотреть применение подвижных радиопередаточных станций. Необходимый для их организации личный состав будет доставлен ВГК вооруженных сил (отд. войск, пропаганды), который в каждом отдельном случае регулирует введение в действие этих радиопередатчиков.

14. Снабжение немецких частей газетами с родины, информацией для войск и доставка всякого другого информационного материала производится через внешние пункты Рейхсгоф (Ржошов) в Варшаву и Кенигсберг отделом пропаганды ВГК вооруженных сил, который затем установит связь с отдельными армейскими ротами.

Н-к опер. штаба верх. гл. ком. воор. сил Иодль

Примечание:

1. Вышеизложенная директива подлежит рассылке только учреждениям, причастным к плану «Барбаросса».

2. Время дачи указаний ротам пропаганды устанавливают армии, танковые группы и авиакорпуса.

3. ОКХ, ОКЛ и ОКМ приглашаются донести к 15/VI-41 г. в отдел войсковой пропаганды ОКВ, каким местам разосланы настоящие указания.

Глава 14
«Истреблять все, что восстает против нас»: Фюрер у глобуса

Лето 1941 г. в Германии прошло под пение фанфар, извещавших о победах вермахта на востоке. Уже через месяц после начала войны в руках немцев оказались огромные территории. Нацистские вожди потирали руки в предвкушении сказочных богатств, которые принесет им реализация плана «Барбаросса».

Советская пропаганда не преувеличивала, называя нацистов разбойниками. Совещание у Гитлера в июле 1941 г., которое протоколировал Борман, показывает безмерную алчность завоевателей, их нежелание делиться с кем-либо военной добычей.

Французская «газета из Виши», видимо, желая выслужиться перед немцами, назвала нападение Германии на СССР «войной всей

Европы». Нацистские бонзы сразу обвинили «бесстыдную» газету в том, что она осмелилась говорить о пользе от немецкой войны для других государств Европы.

Даже весьма активным союзникам, таким как Румыния и Финляндия, Гитлер раздавал в основном посулы или то, что не представляло интереса для Германии. Например, фюрер обещал финнам Петербург, который до передачи союзникам собирался сровнять с землей. Финляндия претендовала на Восточную Карелию. И тут ей ничего не светило: «...ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии». Фюрер подчеркнул, что «мадьярам, туркам и словакам не было дано никаких определенных обещаний».

Обуреваемые жадностью, нацистские вожди договорились до того, что вооруженная помощь им не нужна вообще. В этом случае, ясно, делить трофеи не пришлось бы вовсе. Все лучшее должно достаться рейху! Заботой Гитлера и его приспешников было «освоить огромный пирог», чтобы они, свидетельствовал Борман, — «во-первых, овладели им, во-вторых, управляли, в-третьих, эксплуатировали».

Аппетиты росли час от часа, день ото дня и даже в ходе совещания. Фюрер увидел в составе Германии Прибалтику, затем Крым с «прилегающими районами», которые должны быть «как можно больше», волжские колонии, бакинскую область...

«Новоприобретенные восточные районы мы должны превратить в райский сад», — фиксировал нацистские мечтания Борман. В райском саду, естественно, должны были разгуливать представители «высшей расы», а другим были уготованы депортации, расстрелы, принудительный труд...

Документ л-221
Главная квартира фюрера
16/VII—41 во/фю

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

По поручению фюрера сегодня в 15 часов у него имело место совещание с рейхслейтером Розенбергом, рейхсминистром Ламмерсом, фельдмаршалом Кейтелем, рейхсмаршалом и со мною (Борманом).

Совещание началось в 15 часов и длилось приблизительно до 20 часов, с перерывом для кофе.

Во вступительном слове фюрер подчеркнул, что он хочет установить несколько основных положений. В настоящее время

необходим ряд мероприятий. Об этом свидетельствует высказывание одной бесстыдной газеты из Виши о том, что война против СССР является войной Европы. Таким образом, война ведется якобы для всей Европы.

Этим высказыванием газета из Виши очевидно хочет добиться того, чтобы пользу из этой войны могли извлечь не только немцы, но и все европейские государства.

Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром. Это к тому же вовсе не нужно. Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае не следует осложнять наш путь излишними объяснениями. Подобного рода объяснения являются излишними, ибо мы можем все сделать, поскольку у нас хватит власти, а что лежит за пределами нашей власти, мы и без этого сделать не можем.

Мотивировка перед миром наших действий должна исходить из тактических соображений. Мы должны поступать здесь точно таким же образом, как в случае с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. И в этих случаях мы ведь ничего не говорили о наших намерениях, и мы впредь также будем умными и не будем этого делать.

Итак, мы снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, навести в нем порядок и установить безопасность. Мы были вынуждены в интересах населения заботиться о спокойствии, пропитании, путях сообщения и т. п. Отсюда и происходит наше регулирование. Таким образом, не должно быть распознано, что дело касается окончательного регулирования. Тем не менее вопреки этому и несмотря на это, мы все же будем применять все необходимые меры — расстрелы, выселения и т. п.

Мы, однако, отнюдь не желаем превращать преждевременно кого-либо в своих врагов. Поэтому мы пока будем действовать так, как если бы мы осуществляли мандат. Но нам самим при этом должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем.

Исходя из этого речь идет о следующем:

1. Ничего не строить для окончательного регулирования, но исподтишка подготовить все для этого.

2. Мы подчеркиваем, что мы приносим свободу.

Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью германской империи.

В настоящее время наши взаимоотношения с Румынией хороши, но никто не знает, как эти отношения сложатся в будущем.

С этим нам нужно считаться, и соответственно этому мы должны устроить свои границы. Не следует ставить себя в зависимость от благожелательства третьих государств. Исходя из этого, мы должны строить наши отношения с Румынией.

В основном дело сводится к тому, чтобы освоить огромный пирог с тем, чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли и, в-третьих, эксплуатировали.

Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас.

Самое основное:

Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. Защиту этого пространства от всяких возможных опасностей берет на себя Германия. Железным законом должно быть: «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев».

Это особенно важно. Даже если в ближайшее время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, подчиненные народы к вооруженной помощи — это было бы неправильным. Это в один прекрасный день непременно и неизбежно ударило бы по самим себе. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казах и не украинец.

Ни в коем случае мы не должны проводить «колеблющейся» политики. Англичанин всегда отличается равномерным преследованием одной линии, одной цели. В этом отношении мы обязательно должны учиться у англичан; соответственно этому мы не вправе ставить наши отношения в зависимость от отдельных личностей. И тут примером должно служить поведение англичан в Индии по отношению к индийским князьям: солдат ведь всегда обеспечивает режим.

Новоприобретенные восточные районы мы должны превратить в райский сад. Они для нас жизненно важны. Колонии по сравнению с ними играют совершенно второстепенную (подчиненную) роль.

Даже в тех случаях, когда мы оккупируем отдельные районы, мы всегда обязаны выступать в роли защитников права и населения. Соответственно этому уже сейчас нужно избрать необходимые формулировки. Мы не говорим о новой области империи, а о необходимой задаче, выдвинутой войной.

В частности: в Прибалтике район до Двины по согласованию с фельдмаршалом Кейтелем уже сейчас должен быть взят под правление.

* * *

Рейхслейтер Розенберг подчеркивает, что, по его мнению, в каждой области (комиссариате) должно быть разное отношение к населению. На Украине мы должны были бы выступить с обещаниями в области культуры, мы должны были бы пробудить историческое самосознание украинцев, должны были бы открыть университет в Киеве и т. п.

Рейхсмаршал возражает, указывая на то, что мы в первую очередь должны обеспечить себе пропитание, все остальное могло бы прийти гораздо позже.

(Побочный вопрос: имеется ли вообще еще культурная прослойка на Украине и имеются ли украинцы, принадлежащие к высшим классам вне современной России в качестве эмигрантов.)

Розенберг продолжает: на Украине следует развивать известные стремления к самостоятельности.

Рейхсмаршал просит фюрера сообщить, какие районы обещаны другим государствам.

Фюрер отвечает, что Антонеску хочет получить Бессарабию и Одессу с коридором, ведущим на запад-северо-запад. На вопросы Розенберга и рейхсмаршала фюрер указывает, что испрашиваемая Антонеску граница мало выходит за пределы старой румынской границы. Фюрер подчеркивает, что мадьярам, туркам и словакам не было дано никаких определенных обещаний.

Фюрер затем ставит на обсуждение, не следует ли немедленно создать губернаторство в староавстрийской Галиции. После обмена мнениями фюрер решает не учреждать в этой части губернаторства, а подчинить его по совместительству рейхсминистру Франку...

Рейхсмаршал считает правильным присоединить к Восточной Пруссии различные части Прибалтики, например белостокские леса.

Фюрер подчеркивает, что вся Прибалтика должна стать областью империи.

Точно так же должен стать областью империи Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма). Эти прилегающие районы должны быть как можно больше.

Розенберг высказывает свои сомнения в части проживающих там украинцев.

(Попутно: многократно замечалось, что Розенберг слишком много уделяет внимания украинцам. Он хочет также значительно увеличить старую Украину.)

Фюрер далее подчеркивает, что и волжские колонии должны стать областью империи, точно так же, как бакинская область. Она должна стать немецкой концессией (военной колонией).

Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии.

Со всей осторожностью должно быть подготовлено присоединение Финляндии в качестве союзного государства. На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сровнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам...

Рейхслейтер Розенберг поставил затем вопрос об обеспечении безопасности управления.

Фюрер обращается к рейхсмаршалу и фельдмаршалу, говоря, что он всегда настаивал на том, чтобы полицейские полки получили танки. Для применения полиции в новых восточных областях это чрезвычайно нужно, так как, имея соответствующее количество танков, полиция могла бы многое сделать. Впрочем, подчеркивает фюрер, обеспечение безопасности, естественно, весьма недостаточно. Однако рейхсмаршал построит свои учебные аэродромы в новых областях, и, если это будет нужно в случае восстания, Ю-52 смогут сбрасывать бомбы. Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд.

Фельдмаршал Кейтель подчеркивает, что надо сделать местное население ответственным за свои собственные дела, так как, естественно, невозможно ставить охрану для каждого поста, для каждого вокзала. Местные жители должны знать, что будет расстрелян всякий, кто проявляет бездействие, и что они будут привлекаться к ответственности за всякий проступок.

На вопрос рейхслейтера Розенберга фюрер ответил, что нужно возродить газеты, например и для Украины, чтобы получить возможность влиять на местное население...

Рейхслейтер Розенберг просит предоставить ему соответствующее служебное здание. Он просит передать ему здание советского торгпредства на Литценбургерштрассе. Министерство иностранных дел, однако, придерживается мнения, что это здание является экстерриториальным. Фюрер отвечает, что это —

чепуха. Рейхсминистру д-ру Ламмерсу дается поручение сообщить министерству иностранных дел, что дом должен быть немедленно передан Розенбергу без дальнейших переговоров.

На этом заканчивается протокольная запись беседы в главной квартире фюрера 16 июня 1941 года, отраженная в документе Л-221.

Фашистские режимы Германии и Италии, милитаристская власть Японии понравились друг другу еще в 1930-х годах. Каждая вынашивала и осуществляла свои агрессивные планы. Так, Япония в 1931 г. вторглась в Маньчжурию, а Италия в 1935 г. — в Абиссинию.

Вступление их в союз было делом недолгого времени. В октябре 1936 г. была создана «Ось Берлин–Рим». За этим, в ноябре 1936 г., последовал антикоминтерновский пакт Германии и Японии, к которому через год присоединилась Италия.

В сентябре 1940 г. эти государства заключили тройственный пакт — военно-экономический союз на 10 лет. Агрессивная «ось» превратилась в «треугольник», занявшийся подготовкой мировой войны.

Целью закулисного сотрудничества было установление японского контроля над необъятным «восточно-азиатским пространством». Германия и Италия собрались доминировать — ни много ни мало — в «европейско-африканском полушарии». И там и тут предполагалось установить «новый порядок». В японском варианте он был не менее жестоким и бесчеловечным, чем в немецком.

Главной силой в этом союзе была Германия. Нацистское руководство сделало все, чтобы толкнуть сателлитов в выгодном для него направлении. Япония предпочитала расправляться со слабыми противниками в регионе теплых морей. Германия же настаивала на действиях против Великобритании, вынуждая японцев к нападению на Сингапур и угрозе Индии. Далее им настойчиво предлагалось ударить с востока по СССР, чтобы два союзника-агрессора пожали руки на Транссибирской магистрали.

В переговорах с японским послом Осимой и министром иностранных дел Мацуокой усердствовал не один Риббентроп, но и сам фюрер — «один из величайших военных экспертов современности».

Но добиться того, чтобы Япония плясала под немецкую дудку, нацистские вожди так и не смогли. Гегемон «Великой Восточной Азии» воздержался от нападения на СССР. Однако 7 декабря 1941 г. японские авиация и флот развернули боевые действия против США, уничтожив основные силы американского Тихоокеанского флота на базе Перл-Харбор, и против Великобритании на юго-западе Тихого океана. Военные преступления Японии были столь велики, что после

ее капитуляции был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока, рассмотревший дела 28 главных военных преступников.

Война была единственной естественной формой существования нацизма. Уже в августе 1941 г., считая, что победа над СССР — дело решенное, Гитлер дал высшим начальникам очередные военные ориентиры. Мрачный дух германского милитаризма получил богатую пищу: никогда еще штабной немецкий циркуль столь размашисто не ходил по карте мира.

Бомбардировки Мальты, захват Тобрука в Северной Африке — фюреру не откажешь в глобальном мышлении. Гитлер вспомнил и о назначенной в 1940 г. и почти сразу отмененной операции «Феликс» по захвату Гибралтара, Канарских островов и островов Зеленого Мыса. Целью был удар по морским военным базам англичан. На этот раз Гитлер решил, что еще в 1941 г. операция «Феликс» должна быть завершена с привлечением сил Испании.

В союзе с Турцией Гитлер планировал напасть сначала на Сирию и Палестину, а далее — на Египет. С оккупированной территории СССР — через Закавказье — должен был двинуться экспедиционный корпус к Персидскому заливу в направлении Ирак — Сирия — Египет.

Сроком выступления со стороны Закавказья фюрер «по условиям погоды» считал начало 1942 г. Этой «погоды» нацистов лишили действия Красной Армии, не пожелавшей сложить оружие после драматических для нее событий первого периода войны. Иначе, кто знает, флаги со свастикой могли взвиться над Дамаском, Каиром, Багдадом...

Глава 15
Плен — путь в небытие

История человечества — это вечное противоборство добра и зла. При многих благих попытках создать гарантии мира люди до сих пор не научились жить без войн, а воюя, — избегать варварских, бесчеловечных форм борьбы и насилия. Нацистская Германия продемонстрировала полное отрицание цивилизованных методов решения конфликтов в виде международных соглашений, законов и обычаев войны, отвергающих ее крайности.

Еще более века назад правительства многих стран, движимые доброй волей, договорились об едином, достаточно гуманном подходе к военнопленным. В 1899 и 1907 гг. была принята Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, в 1929 г. — Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих ар-

миях и о военнопленных. Согласно этим документам, плен всего лишь средство исключить военных из дальнейшего участия в боевых действиях. В истории бывали случаи рыцарского отношения к противнику, когда взятых в плен отпускали под честное слово не брать в руки оружие.

Не поднимаясь до этих рыцарских высот, правительства пришли к разумным и человечным правилам. Договорились, что нельзя убивать и ранить военнослужащих противника, безусловно сдавшихся, нельзя наказывать за попытку бегства из плена, нельзя использовать на тяжелых и вредных работах, а также на работах, имеющих отношение к войне против их страны. Было установлено, что военнопленные должны иметь такую же пищу, помещения и одежду, как и войска, их пленившие.

Однако всегда находятся властолюбивые правители, считающие международные соглашения чем-то вроде благих пожеланий, для них не обязательных. Такими оказались вожди нацистской Германии, затмившие злодеяниями все преступления прошлого.

Не подлежит сомнению, что нацисты переступили через конвенции и правила гуманизма преднамеренно, а не вынужденно, в качестве ответных мер. В марте 1941 г., до нападения на СССР, верховное командование вермахта обсуждало вопрос о создании лагерей для пленных и о жестком обращении с ними, о применении расстрелов. В мае 1941 г., также до вторжения, был издан так называемый декрет о комиссарах — о немедленном расстреле всех политработников и коммунистов, попавших в плен. В приказе верховного командования, отправленном войскам в сентябре 1941 г., уже прямо говорилось о том, что положения Женевской конвенции на советских военнослужащих не распространяются и что человеческая жизнь на Востоке ничего не значит:

«Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и политическом смысле... Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением... В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма решительно прибегать к оружию».

Именно директивы нацистского руководства привели к тому, что жизнь советских военнопленных потеряла какую-либо ценность. Им намеренно создавали невыносимо тяжелые, нечеловеческие условия, дополнявшиеся суровыми наказаниями и расправами. В лагере Ламсдорф (шталаг № 344) у советских пленных отбирали обувь, и они даже зимой были вынуждены ходить босиком. Содержались они в чу-

довищной скученности, в антисанитарной обстановке. Например, в помещении, рассчитанном на 150 кроватей, разместили на нарах 840 плененных советских воинов. В шахтах, где они трудились, как каторжники, по пути на работу и в самом лагере погибло около 100 тысяч узников. Охрана, как предписывалось свыше, относилась к ним «с беспощадной строгостью».

Огромное число пленных было убито за попытку к бегству. На этот счет также были специальные предписания, вступавшие в прямой конфликт с конвенциями. Приказ «Кугель» («Пуля»), изданный в марте 1944 г., уже своим угрожающим названием говорил о том, что ждет пойманных беглецов.

Рабский труд заключенных в шахтах, каменоломнях, на полях в 1942 г. был дополнен принудительной работой на военных заводах, что увеличивало и без того невыносимые страдания людей, хорошо понимавших, что они действуют против своих сражающихся братьев и отцов.

Плен означал смерть для миллионов человек. По некоторым данным, общее число советских военнопленных составляло 5700 тысяч человек, 3300 тысяч узников погибло. При этом лживая нацистская пропаганда, призывавшая советских солдат сдаваться, всю войну расхваливала «хорошие условия» в немецких лагерях.

Как явствует из приведенного ниже документа, нацистские зверства в полной мере распространялись и на пленных из других армий, например польской, югославской народно-освободительной, чехословацкой.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Ю. В. ПОКРОВСКИМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «ПРЕСТУПНОЕ ПОПРАНИЕ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ ОБ ОБРАЩЕНИИ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 13 и 14 февраля 1946 г.]

Господа судьи, сегодня моей задачей является представление вам материалов по разделу обвинения «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными».

Перед тем как приступить к представлению доказательств тягчайшей вины подсудимых в этих преступлениях, я считаю необходимым сделать несколько кратких замечаний.

Еще в конце прошлого века постановлением Гаагской конвенции 1899 года были установлены нормы, регулирующие права и обязанности воюющих сторон по отношению к военнопленным.

Руководствуясь постановлениями этой конвенции 1899 г., ряд государств разработали необходимые инструкции об обращении с военнопленными. В одной из них говорится:

«Исключительной целью военного плена является воспрепятствование дальнейшему участию пленных в войне.

Государство может делать все, что окажется необходимым для удержания за собой пленных, но не более...

...Военнопленные могут быть привлекаемы к умеренной работе, соответствующей их общественному положению. Во всяком случае, она не должна быть вредна для здоровья и не должна носить унизительного характера. Она не должна также непосредственно служить военным операциям против родины пленных.

Хотя военнопленные теряют свою свободу, но не теряют своих прав. Другими словами, военный плен не есть более акт милосердия со стороны победителя — это право обезоруженного».

Может быть, вас удивит, когда я скажу, что цитировал я указания германского генерального штаба, содержащиеся в 18-й тетради циркуляров германского генерального штаба, изданных в 1902 г.

В дальнейшем принцип гуманного отношения к пленным и раненым — военным был развит Гаагской конвенцией 1907 г. и Женевской конвенцией 1929 г.

Присоединение Германии к этим конвенциям нашло определенное отражение в германском законе о судоустройстве и судопроизводстве в военных судах во время войны. Я имею в виду, в частности, германский закон от 17 августа 1938 г. (раздел «Е», § 73 и 75), в котором содержатся прямые ссылки на Конвенцию 1929 г. Это было тогда, когда гитлеровская Германия уже начала реализацию своих агрессивных планов.

Я хочу напомнить, что статья 23 Гаагской конвенции 1907 г. гласит:

«..Воспрещается: ...в) убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался».

Нельзя сказать, чтобы краткий свод законов войны, который был выработан в Гааге и Женеве, охватывал весь комплекс вопросов, связанных с законами войны. Поэтому авторы Гаагской конвенции сделали специальную оговорку, и я позволю себе процитировать этот отрывок:

«Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны [а я позволю напомнить Трибуналу, что среди этих договаривающихся сторон была Германия] считают умест-

ным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал Главного обвинителя от СССР международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, законов человечности и требований общественного сознания».

Мне хотелось бы подчеркнуть, что в приложении к конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, в статье 4 главы 2 о военнопленных прямо сказано:

«Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен.

С ними надлежит обращаться человеколюбиво.

Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью».

Таким образом, можно считать установленным, что правительства ряда стран, в том числе и Германии, безоговорочно признали свою обязанность обеспечить такой порядок, при котором военнопленные не должны страдать от произвола со стороны отдельных лиц, входящих в состав вооруженных сил того или иного государства.

Естественно будет сделать вывод, что ответственность за нарушение этого обязательства, за каждый случай преступления против военнопленного, а тем более за систему преступлений против человеческого достоинства, личности, здоровья и жизни военнопленных лежит на правительстве страны, подписавшей Конвенцию.

Как будет доказано бесспорными документами, торжественные обязательства Германии об отношении к военнопленным оказались беспримерно циничным издевательством над понятиями о договорах, о праве, о культуре и человечности.

Я представляю Суду ноту народного комиссара иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 г. о возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных (под № СССР-51) и оглашаю некоторые выдержки из этой ноты:

«Советское правительство располагает многочисленными фактами, свидетельствующими о систематических зверствах и расправах, чинимых германскими властями над пленными красноармейцами и командирами Красной Армии. За последнее время эти факты стали особенно многочисленны и приняли особенно вопиющий характер, разоблачая тем самым еще раз германскую военщину и германское правительство, как банду насильников, не считающихся ни с какими нормами международного права, ни с какими законами человеческой морали.

Советским военным командованием установлены многочисленные факты, когда захваченные в плен, большей частью раненые, красноармейцы подвергаются со стороны германского военного командования и германских воинских частей зверским пыткам, истязаниям и убийствам. Пленных красноармейцев пытают раскаленным железом, выкалывают им глаза, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части. Подобного рода изуверства и позорные преступления фашистско-германские офицеры и солдаты совершают на всем протяжении фронта, всюду, где они только появляются и где в их руки попадают бойцы и командиры Красной Армии.

Так, например, в Украинской ССР на острове Хортица, на Днепре, после ухода немецких частей, выбитых Красной Армией, были найдены трупы пленных красноармейцев, замученных немцами. Пленным отрезали руки, выкалывали глаза, вспарывали животы. На юго-западном направлении у деревни Репки на Украине после отступления немцев с занятой ими позиции были обнаружены трупы командира батальона Боброва, политрука Пятигорского и двух бойцов, руки и ноги которых были пригвождены к кольям, а на телах чернели пятиконечные звезды, вырезанные раскаленными ножами. Лица погибших были изрезаны и обожжены. Тут же, неподалеку, был найден еще один труп красноармейца, накануне попавшего к немцам в плен, с обгоревшими ногами, с отрезанными ушами. При взятии нашими частями деревни Холмы (Северо-Западный фронт) были обнаружены изуродованные трупы красноармейцев, причем один из них был сожжен на костре. Это был красноармеец Осипов Андрей из Казахской ССР. На станции Грейгово (Украинская ССР) немецкие части захватили в плен небольшую группу красноармейцев и несколько дней не давали им никакой пищи и воды. Нескольким пленным отрезали уши, выкололи глаза, отрубили руки, а затем закололи их штыком. В июле с. г. у железнодорожной станции Шумилине немецкие части захватили в плен группу тяжело раненных красноармейцев и тут же их добили.

В том же месяце в районе города Борисова Белорусской ССР, захватив в плен 70 тяжело раненных красноармейцев, гитлеровцы всех их отравили мышьяком. В августе месяце под местечком Заболотье немцы захватили на поле боя 17 тяжело раненных красноармейцев. Три дня им не давали пищи. Затем все семнадцать истекавших кровью пленных красноармейцев были привязаны к телеграфным столбам, в результате чего трое пленных красноармейцев скончались, остальные 14 были спасены от верной смерти подоспевшим советским танковым подразделе-

нием старшего лейтенанта Рыбина. В деревне Лагутино, в районе Брянска, немцы привязали к двум танкам раненого красноармейца и разорвали его на части. В одном из пунктов, западнее Брянска, недалеко от колхоза «Красный Октябрь» было найдено 11 обгоревших трупов бойцов и командиров Красной Армии, захваченных фашистами. На руках и на спине одного из красноармейцев остались следы пыток раскаленным железом.

Зарегистрирован ряд случаев, когда германское командование во время атак гонит под угрозой расстрела пленных красноармейцев впереди своих наступающих колонн. Такие случаи, в частности, зарегистрированы в районе совхоза «Выборы» Ленинградской области, в районе Ельни Смоленской области, в Гомельской области Белорусской ССР, в Полтавской области Украинской ССР и в ряде других мест.

Возмутительным издевательствам, пыткам и зверским истязаниям систематически подвергаются раненые и больные красноармейцы, находящиеся в госпиталях, попавших в руки германских захватчиков. Имеется бесконечное количество фактов, когда беззащитных и раненых красноармейцев, находящихся в лазаретах, фашистские изуверы прикалывают и расстреливают на месте. Так, в д. Рудня, Смоленской области, фашистско-германские части захватили советский полевой госпиталь и расстреляли раненых красноармейцев, санитаров и санитарок. Здесь погибли раненые бойцы Шаламов, Азимов, лейтенант Дилеев, санитарка семнадцатилетняя Варя Бойко и др. Известны многочисленные факты насилия и надругательства над женской честью, когда в руки гитлеровских захватчиков попадают медицинские сестры и санитарки».

В этой же ноте приводится еще значительное количество таких фактов, и вслед за этим там говорится:

«Среди солдат и офицеров гитлеровской армии процветает мародерство. С наступлением зимних холодов мародерство стало принимать массовый характер, причем гитлеровские разбойники в погоне за теплыми вещами не считаются ни с чем. Они не только сдирают теплую одежду и обувь с убитых советских бойцов, но снимают буквально все теплые вещи — валенки, сапоги, носки, фуфайки, телогрейки, ушанки — с раненых бойцов, раздевая их догола и напяливая на себя все, включая до теплых женских вещей, снятых с раненых и убитых медицинских сестер.

Пленных красноармейцев морят голодом, по неделям оставляя без пищи или выдавая ничтожные порции гнилого хлеба или гнилой картошки. Не давая советским военнопленным пищи, гитлеровцы заставляют их рыться в помойках и разыски-

вать там остатки пищи, выброшенные германскими солдатами, или, как это имело место в ряде лагерей, в том числе в лагере м. Корма Белорусской ССР, бросают советским военнопленным за колючую проволоку трупы дохлых лошадей. В Витебском лагере в Белоруссии пленные красноармейцы 4 месяца почти не получали пищи. Когда группа пленных красноармейцев подала немецкому командованию письменное заявление с просьбой выдать им пищу для поддержания жизни, немецкий офицер спросил — кто писал это заявление, — и пять человек красноармейцев, подтвердивших, что это писали они, тут же были расстреляны.

Аналогичные факты вопиющего произвола и зверств наблюдаются и в других лагерях (Шитьковский, Демьяновский и др.).

Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных, германские власти и германское правительство установили в лагерях для советских военнопленных зверский режим. Германским верховным командованием и министерством продовольствия и земледелия издано постановление, которым для советских военнопленных установлено питание худшее, чем для военнопленных других стран, как в отношении качества, так и в отношении количества подлежащих выдаче продуктов. Установленные этим постановлением нормы питания... обрекают советских военнопленных на мучительную голодную смерть. Бесчеловечно жестоко проводя в жизнь свой позорный и явно беззаконный режим содержания советских военнопленных, германское правительство, однако, всячески старается скрыть от общественного мнения изданные по этому вопросу германским правительством постановления. Так, на соответствующий запрос Советского правительства Шведское правительство сообщило, что опубликованные в европейской и американской печати сведения о вышеупомянутом постановлении германского правительства соответствуют действительности, но текст этого постановления не опубликован и поэтому недоступен».

То, что было недоступным для Шведского правительства осенью 1941 года, стало доступным сейчас для Международного Военного Трибунала.

Мне кажется особо важным то обстоятельство, что эти документы шли по двум каналам: по линии верховного командования и по линии фашистской партии. Таким образом, умерщвление голодом советских воинов, оказавшихся в германском плену, было запланировано и осуществлено и верховным командованием германской армии, и гитлеровской партией.

...Фашистские заговорщики для воинов Красной Армии устанавливали особо заниженные нормы питания. По их собственным расчетам, норма для советских военнопленных по жирам составляла 42%, по сахару и хлебу — 66%, по мясу — 0% по сравнению с тем количеством продуктов, которое получали военнопленные из состава других армий, сражавшихся с Германией.

Кроме того, в самой директиве было указано особым примечанием:

«Если снижается норма для несоветских военнопленных, то соответственно снижается норма для советских военнопленных».

Но даже и эти явно голодные нормы, которые не могли поддержать жизнь взрослого человека, существовали чаще всего только на бумаге. ...

Существует несколько директив. Причем первая, казалось бы, более благоприятная для советских военнопленных, говорит о количестве мяса в 400 граммов на 28 дней. Следующая, устанавливающая процентное соотношение снабжения советских военнопленных и военнопленных из числа других армий, указывает на 0 процентов.

Речь идет о том, что если мяса не хватало на всех военнопленных, то советские в этом случае не получали ничего.

Председатель: Я понимаю. Продолжайте.

Покровский: Я предъявляю документ по этому же вопросу за № СССР-177. Это запись совещания в министерстве снабжения под руководством статс-секретаря Бакке и министериаль-диригента Морица от 24 ноября 1941 г. в 16 ч 30 мин. В совещании, как сказано в документе, принимали участие представители ведомств, в том числе генерал Рейнеке (Трибунал, вероятно, помнит, что именно Рейнеке возглавлял тот участок работы, который был связан с военнопленными) и министериаль-диригент Мансфельд. Совещание происходило по вопросу снабжения русских военнопленных и гражданских рабочих. Я цитирую:

«I. Виды продовольствия.

Попытки изготовить для русских специальный хлеб показали, что наиболее выгодная смесь получается при 50% ржаных отрубей, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки, изготовленной из соломы или листьев.

Обычно употребляемое в пищу мясо животных никогда не удовлетворит в достаточном размере потребности в мясе; поэтому русские должны снабжаться кониной и малопригодным к употреблению мясом, которое сегодня в двойном количестве выдается по карточкам.

При нынешнем состоянии жиротехники больше нет неполноценных жиров, следовательно, русские должны будут получать хорошие столовые жиры».

Трудно пройти спокойно мимо этих издевательских строчек. Русские военнопленные должны были получать в счет своих голодных норм лишь такое малопригодное к употреблению мясо, которое в двойном количестве отпускается по карточкам обычному потребителю, а вместо жиров — какие-то составы, которые становится возможным употреблять в пищу «лишь при нынешнем состоянии жиротехники». И подобный продукт еще именуется «хорошим столовым жиром».

Вторая часть документа озаглавлена: «Нормы». Я ее цитирую:

«Так как данные специалистов имперского министерства здравоохранения и главного военно-санитарного управления относительно необходимой калорийности продуктов сильно расходятся, то окончательное установление норм будет проведено в более узком кругу специалистов в течение недели. Мучной суп в течение семи дней в качестве переходного питания и вопрос о норме для русских, находящихся в настоящее время в немецких лагерях «без работы», разрешаются министерством снабжения». Далее в документе указывается:

«III. Количество русских, которых имперское министерство снабжения может зачислить на продовольственное снабжение».

Я должен отметить, что после этой фразы следует одно слово: «выясняется». Производится выяснение количества русских, которые могут быть зачислены на снабжение.

«На настойчивые вопросы генерала Рейнеке и министериаль-диригента Мансфельда статс-секретарь Бакке не дал никакого обязывающего ответа». ...

Здесь не случайно сказано о том, что данные специалистов имперского министерства здравоохранения и главного военно-санитарного управления относительно необходимой калорийности сильно расходятся.

Трибунал помнит показания свидетеля Блаха, который, отвечая на мои вопросы, показал Суду, что почти все умершие от истощения военнопленные в лагере Дахау были военнослужащими Красной Армии. Я докажу, что лагерь Дахау в этом отношении не являлся исключением.

27 апреля 1942 г. народный комиссар иностранных дел СССР вынужден был обратиться с новой нотой:

«...В распоряжении Советского правительства имеются сейчас многие сотни новых документальных подтверждений кровавых преступлений в отношении советских военнопленных, о ко-

торых говорилось в ноте Правительства СССР от 25 ноября 1941 г. Непреложно установлено, что германское командование, желая мстить за поражение своей армии в последние месяцы, ввело повсеместную практику физического уничтожения советских военнопленных.

На всем протяжении фронта, от Арктики до Черного моря, обнаружены трупы замученных советских военнопленных. Почти во всех случаях эти трупы носят следы страшных пыток, предшествовавших убийству. Части Красной Армии обнаруживают в отбиваемых ими у немцев блиндажах, дерево-земляных точках, а также в населенных пунктах трупы убитых после зверских пыток советских военнопленных. Все чаще повторяются такого рода факты, зафиксированные в актах, подписанных очевидцами: 2 и 6 марта 1942 г. на Крымском фронте в районе высоты 66,3 и деревни Джантора были найдены 9 трупов военнопленных красноармейцев, настолько зверски истерзанных фашистами, что опознать удалось лишь два трупа. У замученных военнопленных были выдернуты ногти на пальцах, выколоты глаза, у одного трупа была вырезана вся правая часть груди, у других — обнаружены следы пыток огнем, многочисленные ножевые раны, разбитые челюсти. В Феодосии были найдены десятки трупов замученных красноармейцев-азербайджанцев. Среди них: Джафаров Исмани-Заде, которому гитлеровцы выкололи глаза и отрезали уши, Алибеков Кули-Заде, которому гитлеровцы вывернули руки, а затем закололи штыком, ефрейтор Ислам-Мамед Али оглы, которому гитлеровцы вспороли живот, Аскеров Мустафа оглы, привязанный проволокой к столбу и умерший от ран в этом положении...

В деревне Стренево Калининской области немцы заперли в здании школы 50 пленных раненых красноармейцев и сожгли их. В городе Волоколамске оккупанты запретили красноармейцам, запертым на 5 этаже дома № 3/6 по Пролетарской улице, выходить из этого дома, когда в нем возник пожар. Пытавшихся выйти или выброситься из окон расстреливали. В огне погибли и расстреляны 60 пленных. В деревне Поповка Тульской области немцы, загнав в сарай 140 пленных красноармейцев, подожгли их. В огне погибло 95 человек. В шести километрах от станции Погостье Ленинградской области немцы, отступая под натиском частей Красной Армии, расстреляли разрывными пулями после страшных побоев и зверских пыток свыше 150 советских военнопленных. У большинства трупов отрезаны уши, выколоты глаза, обрублены пальцы, у некоторых отрублены одна или обе руки, вырваны языки. На спинах трех красноармейцев вырезаны звез-

ды. Незадолго до освобождения города Кондрово Смоленской области частями Красной Армии в декабре 1941 г. немцы расстреляли за городом свыше 200 пленных красноармейцев, которых они вели через город раздетыми и разутыми, тут же расстреливая как обессиленных, не могущих продолжать идти дальше красноармейцев, так и тех местных граждан, которые выносили и на ходу бросали пленным куски хлеба».

Стремясь осуществить физическое уничтожение наибольшего числа советских военнопленных, нацистские заговорщики изощрялись, изобретая все новые способы уничтожения людей.

В ноте говорится:

«За последнее время установлен ряд новых случаев использования германским командованием советских военнопленных в целях очистки минных полей и других опасных для жизни работ. Так, в районе деревень Большая и Малая Влоя десятки пленных, построенных в сомкнутые ряды, в течение четырех суток гонялись гитлеровцами по заминированному полю. Ежедневно на минах взрывалось несколько пленных. Этот способ убийств военнопленных предусмотрен приказами германского командования. В приказе по 203-му пехотному полку за № 109 сказано: «Главнокомандующий армией генерал-фельдмаршал Рундштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистку минных полей производить русскими пленными. Это относится также и к германским минам».

Мародерство, о котором упоминалось в первой ноте, не только рассматривается как допустимое явление, но и вменяется в прямую обязанность солдатам германской армии.

В приказе штаба 88-го полка 34-й немецкой пехотной дивизии, озаглавленном «Положение с обмундированием», предлагается: «Не задумываясь, снимать с русских военнопленных обувь».

Что этот приказ не случаен, видно уже из того, что еще до вероломного нападения на СССР германское командование предусматривало использование такого порядка снабжения своих частей.

В делах 234-го пехотного полка 56-й дивизии найден циркуляр за № 121/4 от 6 июня 1941 г. «О принципах снабжения в восточном пространстве», в котором сказано: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Поэтому особенно важно снимать с военнопленных годную обувь и немедленно использовать всю пригодную одежду, белье, носки и т. д.».

В качестве других средств массового уничтожения советских военнопленных они, как указывается в ноте, «...лишаются пищи,

обрекаются на медленную голодную смерть, а в некоторых случаях отравляются заведомо недоброкачественной пищей».

В распоряжении советских органов имеется приказ № 202 штаба упомянутого выше 88-го полка, в котором говорится: «Конские трупы будут служить пищей для русских военнопленных. Подобные пункты (свалки конских трупов) отмечаются указателями. Они имеются вдоль шоссе в Малоярославце и в деревнях Романове и Белоусове».

Приказ по 60-й мотопехотной дивизии за № 166/41 прямо требует массового убийства военнопленных. В приказе говорится: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться вплоть до его полного обезвреживания...»

Инструкция германского командования об обращении с советскими военнопленными за № 1/3058 содержит следующие наставления: «Против малейших признаков непослушания действовать энергично и прямо, оружием пользоваться беспощадно. Употребление палок, тростей и хлыстов не должно иметь места. Мягкотелость, даже перед послушным и трудолюбивым пленным, доказывает лишь слабость и не должна иметь места...» В наставлении также указывается на необходимость «на работе постоянно сохранять дистанцию к пленным, позволяющую немедленно применить оружие».

Всего этого оказалось недостаточно. Изданный от имени Гитлера, как главнокомандующего, приказ верховного командования германской армии от 14 января 1942 г. гласит (пункт 2):

«Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленному строго порицаются. Германский солдат всегда должен давать чувствовать пленному свое превосходство. Всякое опоздание применения оружия к пленному таит в себе опасность. Главнокомандующий надеется, что данный приказ будет полностью выполняться».

Далее в упомянутой ранее советской ноте говорится:

«Советское правительство продолжает получать достоверную информацию о положении пленных красноармейцев на оккупированных немцами территориях СССР, а также в глубоком германском тылу и в оккупированных Германией европейских странах. Эта информация свидетельствует о дальнейшем ухудшении режима для военнопленных красноармейцев, поставленных в особенно плохие условия по сравнению с военнопленными других стран, о вымирании советских военнопленных от голода

и болезней, о режиме подлого издевательства и кровавых жестокостей, которые применяются к красноармейцам гитлеровскими властями, давно поправшими самые элементарные требования международного права и человеческой морали».

В ноте особо отмечается, что бесчеловечные зверства и злодеяния, чинимые немецко-фашистскими разбойниками над советскими военнопленными, превосходят злодеяния Чингисхана, Батыя и Мамая.

«Несмотря на все это, — говорится в ноте, — Советское правительство, верное принципам гуманности и уважения к своим международным обязательствам, не намерено даже в данных обстоятельствах применять ответные репрессивные мероприятия в отношении германских военнопленных и по-прежнему придерживается обязательств, принятых на себя Советским Союзом по вопросу о режиме военнопленных по Гаагской конвенции 1907 года, подписанной также, но столь вероломно нарушенной во всех ее пунктах, Германией».

...Обратимся к свидетельским показаниям.

Бывший начальник штаба ОКХ Франц Гальдер, допрошенный 31 октября 1945 г., показал (я предъявляю Суду под № СССР-341 выдержку из протокола допроса Гальдера):

«До начала наступления на Россию фюрер созвал совещание всех командующих, имеющих отношение к верховному командованию, по поводу предстоящего наступления на Россию. Дату этого совещания я точно вспомнить не могу. Я не знаю, было ли это до наступления на Югославию или после. На этом совещании фюрер сказал, что в войне против русских должны применяться средства войны не те, что против Запада.

Следователь: Что еще он сказал?

Свидетель: Он сказал, что борьба между Россией и Германией — это борьба между расами. Он сказал, что так как русские не признают Гаагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской конвенции». ...

Покровский: Здесь необходимо отметить очередную фашистскую ложь. Гитлер умышленно искажает факты. Общеизвестно, что Советский Союз принял на себя обязательства, вытекающие из Гаагской конвенции. Даже в уголовном законодательстве Советского Союза права военнопленных взяты под охрану в соответствии с нормами международного права, и за нарушение этих прав виновные отвечают в уголовном порядке. О принятых на себя Советским Союзом обязательствах, вытекающих из Гаагской конвенции, еще раз упоминается и в ноте Народного ко-

миссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. Она мной только что цитировалась.

После этой справки я продолжаю излагать показания Гальдера относительно выступления Гитлера:

«Затем он (т. е. Гитлер. — *Прим. авт.*) сказал, что, учитывая политическое развитие русских войск [в этом месте протокола стоит многоточие] — словом, он сказал, что так называемых комиссаров не следует рассматривать как военнопленных».

Нельзя не отметить, что в связи с высокой политической сознательностью воинов Красной Армии гитлеровцы чуть ли не в каждом военнопленном видели комиссара или коммуниста. Затем в протоколе записан следующий вопрос следователя и ответ на него свидетеля:

«*Следователь:* Сказал ли фюрер что-нибудь по поводу приказа, который следовало бы отдать в связи с этим вопросом?

Свидетель: То, о чем я только что вам сказал, и было его приказом. Он сказал, что он хотел бы, чтобы эта директива выполнялась даже в том случае, если бы в дальнейшем не последовало его письменного приказа об этом».

В книге документов на вашем столе, вслед за протоколом допроса Гальдера, вы найдете выписку из показаний бывшего заместителя начальника оперативного отдела штаба ОКБ генерала Варлимонта от 12 ноября 1945 г. Он дал показание под присягой подполковнику американской армии Хинкелю. Этот документ находился у наших американских коллег. С их любезного согласия наша делегация предъявляет его под № СССР-263. ...

Мы предъявляем Трибуналу документ под № СССР-263, представляющий собой протокол допроса свидетеля Варлимонта, произведенного под присягой подполковником американской армии Хинкелем. Я не собираюсь оглашать полностью все показания. Варлимонт во многом повторяет Гальдера. Важно, что он полностью подтверждает два факта:

1. Гитлер проводил то совещание, о котором мы узнали из показаний Гальдера.

2. Гитлер еще до войны дал директиву расстреливать советских военнопленных, указав, что для этой цели будут созданы особые группы и за армией последует СД.

Варлимонт далее показал — я цитирую:

«Гитлер затем добавил, что он вовсе не ждет от своих офицеров понимания его приказов. Единственно, что от них требовалось, — это беспрекословное повиновение».

Мы имеем еще одни показания — это показания свидетеля генерал-лейтенанта гитлеровской армии Курта фон Эстеррейха,

бывшего начальника отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа. Он дал свои показания представителям Красной Армии 29 декабря 1945 г. Его показания представлены Трибуналу под № СССР-151. Я оглашу отдельные выдержки:

«Моя деятельность на посту начальника отдела по делам военнопленных при штабе Данцигского военного округа началась с 1 февраля 1941 г.

До этого я был командиром 207-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся во Франции.

Приблизительно в марте 1941 года я был вызван в Берлин, где в ставке верховного главнокомандующего состоялось секретное совещание. Руководил совещанием генерал-лейтенант Рейнеке, являвшийся начальником управления по делам военнопленных при ставке.

На этом совещании присутствовали свыше 20 человек начальников отделов по делам военнопленных из различных округов, а также офицеры ставки. Фамилии этих офицеров я сейчас не помню.

Генерал Рейнеке сообщил нам под большим секретом о том, что, ориентировочно, в начале лета 1941 года Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте».

Я пропускаю три абзаца и перехожу к наиболее важным деталям:

«При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагерей с крытыми бараками, то устраивать лагеря для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой.

Далее Рейнеке дал нам инструкции об обращении с русскими военнопленными, предусматривающие расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег...

...Через некоторое время я получил из ставки верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Рейнеке о расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к бегству. Кто подписал это распоряжение, я сейчас не помню».

Далее свидетель показывает, что он был вызван не то в конце 1941 г., не то в начале 1942 г. в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах. Со-

вещанием руководил генерал-майор фон Гревенитц. Обсуждался вопрос, как быть с теми русскими военнопленными, которые в результате ранений или истощения непригодны к работе.

Мне кажется, будет полезным процитировать несколько строчек из показаний свидетеля:

«По предложению Гревенитца по этому вопросу высказались несколько присутствующих офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте — в лагере или в лазарете и умерщвлять при помощи яда. В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей».

Свидетель утверждает, что когда летом 1942 г. он по делам службы прибыл на Украину, то узнал там, что «...способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применялся».

Свидетель называет конкретные цифры, конкретные факты, связанные с этим преступлением. Мне кажется, важно отметить такое место:

«Находясь на Украине, я получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 г. должно производиться клеймение русских военнопленных определенным знаком. Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральное унижение и умирали от голода и заболеваний»...

В дополнение к показаниям Эстеррейха следует привести одну фразу из упоминавшейся директивы главнокомандующего генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке». Этот документ я предъявляю Суду под № СССР-12:

«Снабжение питанием мирных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью».

Председатель: Могли бы вы сказать нам, что это — приказ генерала Рейхенау?

Покровский: Да, это приказ за подписью генерал-фельдмаршала Рейхенау.

Председатель: Был ли этот документ захвачен или каким-либо иным образом попал к обвинению?

Покровский: Этот документ оказался в числе трофейных документов, захваченных Красной Армией...

Показания генерала Эстеррейха о наличии приказа клеймить советских военнопленных полностью подтверждены.

Я предъявляю Суду как доказательство за № СССР-15 приказ № 14802/42 начальника жандармерии при наместнике в провинции Штирия, объявляющий приказ начальника полиции порядка.

Первый параграф этого приказа начальника полиции порядка гласит:

«1. Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

2. Клеймо имеет форму острого угла, примерно в 45 градусов, с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху, и ставится на левой ягодице на расстоянии ладони от заднего прохода. Этот знак наносится посредством ланцета, имеющегося в любой воинской части. В качестве красящего вещества употребляется китайская тушь».

В третьем параграфе этого документа специально подчеркивается:

«Клеймение не является медицинским мероприятием».

В параграфе пятом оговорено, что клеймению подвергаются как все советские военнопленные, вновь поступающие в районы командующих немецкими вооруженными силами Прибалтики, Украины и генерал-губернаторства, так и все остальные военнопленные, находящиеся в ведении ОКХ до 30 сентября 1942 г.

Такая директива пошла в адрес президентов областных управлений по труду и имперских уполномоченных по труду.

В этом документе, имеющем № ПС-1191, указано, что президентам областных управлений по труду и имперским уполномоченным по труду препровождается приказ ОКВ для сведения.

В документе — секретном донесении инспектора по вооружению на Украине от 2 декабря 1941 г. начальнику отдела вооружения ОКВ, представленном вам под № ПС-3257, сказано:

«Жилищные условия, продовольственное положение, обмундирование и состояние здоровья военнопленных неудовлетворительны. Смертность очень велика. Можно ожидать, что еще десятки и сотни тысяч людей зимой отправятся на тот свет».

Под № Д-288 я предъявляю вам еще один документ.

Главный лагерный и заводской врач, проверявший состояние лагеря на Ноггератштрассе, в своем строго секретном докладе от 2 сентября 1944 г. доносил санитарному отделу главного управления лагерями:

«Лагерь военнопленных на Ноггератштрассе находится в ужасном состоянии. Люди живут в хранилищах для золы, в собачьих конурах, в старых печах-духовках и самодельных хижинах. Продовольствия едва только хватает. За размещение и снабжение несет ответственность Крупп. Снабжение медикаментами и перевязочным материалом было настолько плохим, что во многих случаях нельзя было вообще производить лечение. За эти факты вина ложится на стационарный лагерь».

В архивах подсудимого Розенберга был обнаружен, в числе прочих бумаг, документ, которому присвоен № ПС-081. Это — письмо Розенберга Кейтелю от 28 февраля 1942 г. по вопросу о военнопленных. Экземпляр, обнаруженный у Розенберга, не имеет его подписи, но не вызывает никаких сомнений тот факт, что подобное письмо либо было отправлено Кейтелю, либо было заготовлено для отправки в его адрес.

В письме говорится, что «судьба советских военнопленных в Германии — трагедия огромного масштаба».

В этом документе, который уже известен Суду, дается достаточно яркая картина того, что происходило в лагерях. Автор письма говорит, что были попытки со стороны мирного населения доставлять военнопленным продукты питания, но что эти попытки наталкивались на решительный отпор со стороны многих начальников лагерей...

От убийств поодиночке гитлеровцы в дальнейшем перешли к организации фабрик смерти в Треблинке, Дахау и Освенциме.

Методы и масштабы убийства менялись. Гитлеровцы стремились найти способы для быстрого истребления больших человеческих масс. Над решением этой задачи они работали долго. К реализации ее они приступили еще до нападения на Советский Союз, изобретая разнообразные способы и инструменты для умерщвления, причем жертвами гитлеровских палачей оказались и мирные жители и военнопленные.

Я предъявляю Трибуналу Сообщение Чрезвычайной Комиссии о зверствах немцев в Литовской Советской Социалистической Республике, это документ СССР-7. И здесь, как и в других местах, массовое истребление советских военнопленных являлось частью людоедского плана фашистских захватчиков.

Я процитирую несколько фраз на странице 6 этого документа:

«В Каунасе, в форте № 6, находился лагерь № 336 для советских военнопленных. В лагере к военнопленным применялись жестокие пытки и издевательства в строгом соответствии с найденным там „Указанием“ для руководителей и конвоиров при рабочих командах»... Военнопленные в форте № 6 были обречены на истощение и голодную смерть».

Свидетельница Медишевская сообщила Комиссии:

«Военнопленные ужасно голодали, я видела, как они рвали траву и ели ее».

Я пропускаю несколько фраз и читаю дальше:

«При входе в лагерь № 336 сохранилась доска со следующим объявлением на немецком, литовском и русском языках: „Кто с военнопленными будет поддерживать связь, особенно

кто будет им давать съестные припасы, папиросы, штатскую одежду, сейчас же будет арестован. В случае бегства будет расстрелян".

В лагере форта № 6 был „лазарет" для военнопленных, который в действительности служил как бы пересыльным пунктом из лагеря в могилу. Военнопленные, брошенные в этот лазарет, были обречены на смерть».

Из месячных сводок о заболеваниях среди военнопленных в форте № 6 видно, что только с сентября 1941 г. по июль 1942 г., то есть за 11 месяцев, в «лазарете» умерло 13 936 советских военнопленных.

Я пропускаю перечень вскрытых могил и цитирую строчку, говорящую об общем итоге:

«...Всего же, как свидетельствуют лагерные документы, здесь похоронено около 35 тысяч военнопленных».

Кроме лагеря № 336, в том же городе Каунасе на юго-западной окраине аэродрома был еще один лагерь без номера. В сообщении по этому поводу говорится:

«Так же как и в форте № 6, здесь свирепствовали голод, плети и палки. Истощенных военнопленных, которые не были в состоянии двигаться, ежедневно выносили за лагерь, живыми складывали в заранее вырытые ямы и засыпали землей».

В последних трех строчках левого абзаца шестой страницы документа СССР-7 сказано:

«На основании раскопок, документов и показаний свидетелей Комиссия установила, что здесь, в районе аэродрома, замучено и погребено около 10 тысяч советских военнопленных».

В Сообщении упоминается еще один лагерь — № 133 близ города Алитус и некоторые другие лагери, которые были организованы в июле 1941 г. и просуществовали до начала апреля 1943 г. В этих лагерях люди замерзали. При выгрузке из вагонов немцы расстреливали тех, кто не мог идти дальше. Пленных пытали до потери сознания, подвешивали на цепях за ноги, снимали, отливали водой и снова повторяли то же самое.

Подводя общий итог количеству истребленных, Комиссия пишет:

«Установлено, что во всех перечисленных лагерях на территории Литовской ССР немцы уничтожили не менее 165 тысяч советских военнопленных».

Истребление советских военнопленных происходило буквально во всех лагерях. Тысячи советских воинов погибли и в лагере уничтожения на Майданеке. В совместном Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии, которое предъяв-

лено вам под № СССР-29, во втором абзаце пятой страницы отмечается, что вся «кровавая история этого лагеря начинается с массового расстрела советских военнопленных, организованного эсэсовцами в ноябре–декабре 1941 г. Из партии больше чем в 2 тысячи человек советских военнопленных осталось всего лишь 80 человек, — все остальные были расстреляны, и небольшая часть замучена пытками и истязаниями.

В период с января по апрель 1942 г. в лагерь привозили новые партии советских военнопленных, которые расстреливались.

Работавший в лагере по найму грузовым возчиком свидетель поляк Недзялек Ян показал:

«Около 5 тысяч русских военнопленных немцы зимой 1942 года уничтожили таким образом: грузовыми автомобилями вывозили из бараков к ямам на бывшую каменоломню и в этих ямах их расстреливали».

Военнопленные бывшей польской армии, плененные еще в 1939 году и содержавшиеся в различных лагерях Германии, были уже в 1940 году собраны в Люблинском лагере на Липовой улице, а затем вскоре по частям перевозились в «лагерь уничтожения» на Майданеке и подвергались той же участи: систематическим истязаниям, убийствам, массовым расстрелам, повешению и т. д.

...Огромные лагеря уничтожения советских военнопленных были организованы немецкими фашистами на территории Латвийской Советской Социалистической Республики. В Сообщении Чрезвычайной Государственной комиссии, расследовавшей преступления немецких захватчиков, совершенные ими на территории этой республики (мы предъявляем Суду этот документ под № СССР-41), содержатся следующие данные об уничтожении 327 тысяч советских военнопленных.

Я цитирую выдержки из раздела на правой стороне седьмой страницы названного мной Сообщения:

«Для советских военнопленных немецкие захватчики организовали в Риге, в помещениях бывших казарм, расположенных по улицам Пернавской и Рудольфа, „Шталаг-350“, который просуществовал с июля 1941 года до октября 1944 года. Советские военнопленные содержались в нечеловеческих условиях. Здания, где они помещались, были без окон и не отапливались. Несмотря на тяжелую каторжную работу по 12–14 часов в сутки, паек военнопленных состоял из 150–200 граммов хлеба и так называемого супа из травы, порченого картофеля, листьев деревьев и разных отбросов».

Мне кажется, следует подчеркнуть единообразие пайка, получаемого военнопленными. Показания свидетелей полностью совпадают с той официальной директивой о нормах снабжения военнопленных, которую я уже оглашал здесь сегодня в судебном заседании.

Бывший военнопленный Яковенко П. Ф., содержавшийся в «Шталаге-350», показал: «Нам давали 180 граммов хлеба, наполовину из опилок и соломы, и один литр супа без соли, сваренного из нечищеного гнилого картофеля. Спали прямо на земле; нас заедали вши. От голода, холода, избиений, сыпного тифа и расстрелов с декабря 1941 года по май 1942 года в лагере погибли 30 тысяч военнопленных.

Немцы ежедневно расстреливали военнопленных, которые не могли по слабости или болезни отправиться на работу, издевались над ними, избивали без всякого повода».

Новицкис Г. Б., работавшая старшей сестрой в госпитале для советских военнопленных по Гимнастической улице, дом 1, сообщила, что она постоянно видела, как больные, чтобы ослабить мучения голода, ели траву и листья деревьев.

В отделениях «Шталага-350» на территории бывшего пивоваренного завода и в Панцерских казармах от голода, истязаний и эпидемических заболеваний только с сентября месяца 1941 года по апрель 1942 года погибло более 19 тысяч человек. Немцы расстреливали и раненых военнопленных...

Советские военнопленные погибали и в пути следования в лагерь, так как их немцы оставляли без пищи и воды. Свидетельница Таукулис А. В. показала: «Осенью 1941 года на станцию Саласпилс прибыл эшелон с советскими военнопленными в составе 50–60 вагонов. Когда открыли вагоны, на далекое расстояние разнесся трупный запах. Половина людей были мертвы; многие были при смерти. Люди, которые могли вылезти из вагонов, бросились к воде, но охрана открыла по ним огонь и расстреляла несколько десятков человек».

Я не буду перечислять других фактов, имевших место в «Шталаге-350», и оглашу только заключительную фразу, относящуюся к этому лагерю:

«В „Шталаге-350" и в его отделениях немцы замучили и расстреляли более 130 тысяч советских военнопленных...»

В Даугавпилсе (Двинске) существовал лагерь для советских военнопленных — «Шталаг 340», который среди узников лагеря и жителей города был известен под именем «лагеря смерти» и в котором за три года погибло от голода, истязаний и расстрелов свыше 124 тысяч советских военнопленных.

Расправу с военнопленными немецкие палачи обычно начинали по пути следования в лагерь. Летом пленных отправляли в наглухо закрытых вагонах, зимой — в полувагонах и на открытых площадках. Люди массами погибали от жажды и голода. Летом задыхались от духоты, зимой замерзали». Свидетель Усенко Т. К. показал:

«В ноябре 1941 года я дежурил на станции Мост в качестве стрелочника и видел, как на „217 километр" (имеется в виду название участка пути) подали эшелон, в котором было более 30 вагонов. В вагонах ни одного живого человека не оказалось. Не менее 1500 мертвых были выгружены из этого эшелона. Все они были в одном нижнем белье. Трупы пролежали у железнодорожного полотна около недели».

Существовавший при лагере госпиталь также был подчинен задачам уничтожения военнопленных. Работавшая в госпитале учительница Ефимова В. А. рассказала Комиссии:

«Редко кто выходил живым из этого госпиталя. При госпитале работало пять групп могильщиков из военнопленных, которые на тележках вывозили умерших на кладбище. Бывали часто случаи, когда на тележку бросали еще живого человека, сверху накладывали еще 6–7 трупов умерших или расстрелянных. Живых закапывали вместе с мертвыми; больных, которые метались в бреду, убивали в госпитале палками».

Когда в лагере вспыхивала эпидемия, гитлеровцы из того барака, где обнаруживались тифозные больные, вывозили на аэродром всех помещавшихся в бараке и расстреливали. Так было уничтожено около 45 тысяч советских военнопленных.

Потрясающие факты приведены в документах Чрезвычайной Государственной комиссии, расследовавшей злодеяния немецко-фашистских захватчиков в окрестностях городов: Севастополя, Керчи, на курорте Теберда. Я оглашаю из нашего документа СССР-63/5 отдельные данные. При севастопольской тюрьме немецкое фашистское командование организовало лазарет для больных и раненых военнопленных. В нем массами погибали советские воины.

«При организации лазарета больным и раненым в течение 5–6 дней немцы не давали ни воды, ни хлеба, цинично заявляя при этом: „Это наказание за то, что русские с особым упорством защищали Севастополь".

Раненым, доставленным с поля боя, не было оказано никакой медицинской помощи. Бойцов и командиров швыряли на цементный пол, где они и лежали, истекая кровью, по 7–8 суток.

В период обороны Севастополя в Инкермане в штольнях завода шампанских вин находился военный госпиталь и медсанбат

№ 47. После отступления Красной Армии в штольнях № 10, 11, 12 и 13 осталось большое число раненых бойцов и командиров, не успевших эвакуироваться... Немецкие изверги, захватив завод, перепились, а затем подожгли штольню».

Я пропускаю целый ряд фактов, из которых, строго говоря, большинство должно было быть специально доложено Суду. Я перехожу к описанию последнего преступления, указанного в Сообщении Комиссии. Выделяю его потому, что здесь описан факт зверского истребления очень большого количества раненых воинов Красной Армии.

«4 декабря 1943 г. на станцию Севастополь прибыли из города Керчи три эшелона раненых военнопленных из керченского десанта. Загрузив ими баржу, водоизмещением в 2,5 тысячи тонн, стоявшую в Южной бухте, у пристани подплава, немцы подожгли ее. Раздались душераздирающие крики военнопленных. Находившиеся недалеко от баржи женщины не могли оказать раненым никакой помощи, так как были отогнаны жандармерией от места пожара. Спаслось не более 15 человек. Тысячи человек погибли в огне. На другой день в такую же баржу погрузили 2 тысячи человек из числа раненых, привезенных из Керчи. Баржа ушла из Севастополя в неизвестном направлении, находившиеся в ней раненые были потоплены в море».

Повторяю, что я оставляю без оглашения еще значительное количество фактов, установленных Комиссией.

Мало чем отличаются от оглашенных уже материалов по своему характеру те данные, которые мы находим о зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками по отношению к советским военнопленным в Сталинской области. В документе под № СССР-2а среди ряда актов мы находим два акта об уничтожении советских военнопленных. Первый составлен 22 сентября 1943 г. в городе Сталино специальной комиссией во главе с председателем Сталинозаводского районного Совета депутатов трудящихся. Я оглашу ту часть этого акта, в которой имеются интересующие нас сведения; Акт начинается на левой колонке третьей страницы документа 2а.

«Обстоятельства дела: в Сталинозаводском районе города Сталино, в клубе имени Ленина, немецко-фашистские захватчики организовали лагерь для советских военнопленных; в этом лагере находилось временами до 20 тысяч человек. Начальник лагеря, немецкий офицер Гарбель, установил невыносимый режим для советских военнопленных.

Опрошенные в качестве свидетелей бывшие военнопленные. содержавшиеся в этом же лагере и бежавшие из него, — Плахов

Иван Васильевич и Шацкий Константин Семенович — показали, что военнопленных морили голодом: давалась буханка хлеба весом в 1200 граммов на восемь человек, приготовленного из некачественной горелой муки, и один раз в день жидкая горячая пища, состоящая из небольшого количества горелых отрубей, иногда с добавлением древесных опилок; этой пищи в день выдавалось до одного литра. Помещения, в которых находились военнопленные, были не застеклены, и зимой, даже в сильные холода, для отопления выдавалось пять килограммов угля, что не могло обогреть большого помещения, где находилось до тысячи человек, при сквозном ветре. Были массовые случаи обмораживания. Бани не было. Люди вообще не мылись в течение полугода и страдали от огромного количества паразитов. В жаркие летние месяцы страдали от жары, в течение 3–5 суток они не получали питьевой воды».

Режим лагеря, созданного в Сталинозаводском районе, как видно из оглашенной выдержки, был точно таким же, как и режим в других немецких лагерях для военнопленных. Это свидетельствует, несомненно, о наличии общих директив.

В дополнение к общим установкам начальники лагерей имели возможность зверствовать каждый по-своему, оставаясь совершенно безнаказанными.

«Военнопленные по всякому незначительному поводу избивались палками и прикладами, а при подозрении в попытке к бегству назначалось наказание в 720 плетей, которые отпускались в течение 8 дней по 30 плетей утром, в обед и вечером с одновременным лишением пайка хлеба и выдачей только половины пайка жидкой пищи».

Результатом подобного режима в лагере являлась громадная смертность. Зимой умирало до 200 человек в день. В лагере вспыхивали эпидемии. Наблюдались многочисленные случаи голодной смерти и опухания от голода. Охране доставляло удовольствие унижать военнопленных, натравливая их друг на друга.

Так, Шацкий показал, что он подвергался избиению со стороны немецких полицейских, получив 120 плетей и 15 палочных ударов за то, что не выполнил приказания избить своего товарища-военнопленного. Избиениями руководили немецкие офицеры.

Продукты, которые приносили граждане для передачи военнопленным, не попадали к ним. Комиссия пришла к выводу, что на территории лагеря и центральной поликлиники похоронено не менее 25 тысяч советских военнопленных. Этот вывод построен на обмерах и подсчетах могил и на показаниях свидетелей.

Массовое умерщвление и убийства военнопленных немецко-фашистские захватчики организовали и в другом городе Донбасса — Артемовске. Специальная комиссия, состоявшая из военного прокурора города Артемовска, священника Покровской церкви Зюмина, представителей интеллигенции, общественных организаций и воинских частей, составила акт об организованном фашистскими захватчиками массовом умерщвлении советских военнопленных. Этот акт мы находим на странице 4 документа под № СССР-2а. В акте сказано:

«В ноябре 1941 года, вскоре после оккупации немецко-фашистскими захватчиками города Артемовска, на территории военного городка, за Северным вокзалом, был создан лагерь военнопленных, в котором находилось 1000 пленных красноармейцев».

Я пропускаю один абзац и перехожу к вопросу об условиях содержания:

«На почве голода весной 1942 года военнопленные выходили из лагеря и, как животные, на четвереньках собирали и ели траву. Для того чтобы лишить людей и этой кормежки, немцы отгородили дом лагеря двойным забором из колючей проволоки, с расстоянием между заборами в 2 метра, а между ними были набросаны проволочные ежи».

Я пропускаю еще абзац и перехожу к оглашению выводов.

«Возле лагеря обнаружено 25 могил, из них 3 — массовые. Первая могила длиной в 20 метров и шириной в 15 метров; в ней найдено около тысячи человеческих останков. Вторая могила длиной в 27 метров и шириной в 14 метров, где обнаружено около 900 человеческих останков; третья могила длиной 20 метров и шириной в 1 метр, в которой обнаружено до 500 останков, и в остальных могилах — от 25 до 30; всего — до 3 тысяч останков».

В районе небольшого хутора Вертячий Городищенского района Сталинградской области гитлеровцы организовали лагерь для военнопленных. Здесь с характерным для них садизмом они, так же как и в других лагерях, уничтожали пленных воинов Красной Армии.

Я представляю вам в качестве доказательства документ под № СССР-63/3, где имеется акт от 21 июня 1943 г. Он составлен и оформлен надлежащим образом и содержит следующие сведения:

«Вследствие зверского режима за 3,5 месяца существования лагеря на хуторе Вертячий погибло от голода, истязаний, болезней и расстреляно по меньшей мере 1500 советских военнопленных.

Немцы принуждали пленных работать по 14–16 часов в сутки, а кормили их один раз в день, причем суточный рацион состоял из 3–4 ложек запаренной ржи или половника несоленой, ржаной, постной похлебки и кусочка дохлой конины.

За несколько дней до наступления Красной Армии немцы совсем перестали кормить пленных и обрекли их на голодную смерть. Почти все пленные страдали дизентерией. У многих были незажившие раны, но никакой медицинской помощи пленные не получали».

Я пропускаю один абзац и перехожу к следующему, где говорится об издевательствах над военнопленными.

«Немцы издевались над патриотическими чувствами советских военнопленных, принуждая их работать на строительстве немецких военных сооружений — рытье окопов, блиндажей, землянок, укрытий для военной техники. Гитлеровцы систематически унижали человеческое достоинство советских военнопленных, заставляли их вставать на колени перед немцами».

В акте отмечено, что Комиссия осматривала вещественные доказательства — орудия, которыми терзали советских военнопленных: кожаную плеть и кинжал, подобранный среди обезображенных трупов, с распространенным гитлеровским лозунгом «Блют унд Эре» («кровь и честь»).

В той обстановке, в которой был обнаружен кинжал, он дает полную возможность понять, что представляла собой германская «честь» и на какую «кровь» он был рассчитан...

Я представляю Суду за тем же № СССР-6в заявление французского военнопленного Эмиля Леже, солдата 43-го пехотного колониального полка, матрикул № 29.

В его заявлении лагерь в Раве-Русской («Шталаг-325») назван «знаменитым лагерем медленной смерти»...

Советское обвинение располагает значительным количеством материалов, изобличающих гитлеровских захватчиков и в других многочисленных преступлениях против военнопленных на территории Львовской области.

Мне кажется достаточным, если я оглашу выдержки из одного свидетельского показания Манусевича Д. Ш. и доложу вам, что это показание подтверждается показаниями еще двух свидетелей: свидетеля Аша Ф. Г. и Хамайдеса Г. Ю. Все три документа я предъявляю вам тоже под № СССР-6в.

Свидетели Манусевич, Аш и Хамайдес некоторое время работали в бригаде по сжиганию трупов людей, расстрелянных немцами в районе города Львова, и в частности в Лисеницких лагерях. Свидетель Манусевич показывает:

«После окончания сжигания трупов нас, „бригаду смерти“, ночью на автомашине привезли в Лисеницкий лес, против Львовского дрожжевого завода. Здесь, в лесу, было около 45 ям с трупами ранее расстрелянных на протяжении 1941–1942 гг. В ямах было от 500 до 3500 трупов. Были трупы солдат французской, бельгийской и русской армий, то есть военнопленных, а также были и мирные жители. Все военнопленные были похоронены в одежде. Поэтому во время выкапывания из ям я распознавал их по форме одежды, по знакам различия, по пуговицам, медалям и орденам, по ложкам и котелкам. Все это сжигалось после того, как трупы выкапывали. Таким же путем, как и в Яновском лагере, на месте ям сеялась трава, садили деревья, пеньки срубленных деревьев с тем, чтобы стереть следы небывалого в истории человечества злодеяния».

Я представляю документ под № СССР-62, подписанный свыше чем 60 военнослужащими разных частей и родов оружия германской армии. Их подписи имеются под протестом, который они направляли в адрес Международного Красного Креста в январе 1942 г. Также имеется сообщение Международного Красного Креста о том, что этот документ получен. В своем протесте они приводят известные им факты преступного отношения к советским военнопленным. Лица, подписавшие этот протест, являлись военнопленными советского лагеря № 78. Их протест есть результат сопоставления того, что авторы документа видели своими глазами в отношении советских военнопленных, с тем, что они встретили в лагере № 78.

Я процитирую несколько выдержек из этого документа. Текст начинается следующими словами:

«Мы, немецкие военнопленные лагеря № 78, прочли ноту Народного комиссара иностранных дел Советского правительства об обращении с военнопленными в Германии. Описанные в ноте жестокости мы считали бы почти невозможными, если бы сами не были свидетелями подобных зверств. Чтобы правда восторжествовала, мы должны подтвердить, что военнопленные — граждане Советского Союза — очень часто подвергались ужасным издевательствам со стороны представителей немецкой армии или даже расстреливались ими».

Далее в тексте приводятся конкретные примеры злодеяний, известных авторам протеста. Ганс Древе из Регенвальде, солдат 4-й роты, 6-го танкового полка, сообщил:

«Я знаком с приказом по 3-й танковой дивизии, изданным генерал-лейтенантом Моделем, в котором сказано, чтобы пленных не брать. Такой же приказ дал командующий 18-й танковой

дивизией генерал-майор Неринг. На инструктивном совещании 20 июня, за два дня до выступления против Советского Союза, нам заявили, что в предстоящем походе раненым красноармейцам перевязок делать не следует, ибо немецкой армии некогда возиться с ранеными».

О наличии предварительного инструктажа показал и солдат штабной роты 18-й танковой дивизии Гарри Марек из района Бреславля:

«21 июня, за день до начала войны против России, мы от наших офицеров получили следующий приказ: комиссаров Красной Армии необходимо расстреливать на месте, ибо с ними нечего церемониться. С ранеными русскими также нечего возиться: их надо просто приканчивать на месте». ...

О наличии директивы — истреблять политических работников Красной армии — показал солдат 2-й роты 3-го отряда истребителей танков Вольфганг Шарте из Гергардсхагена у Брауншвейга:

«За день до нашего выступления против Советского Союза офицеры нам заявили следующее:

«Если вы по пути встретите русских комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, и русских женщин в форме, то их немедленно нужно расстреливать. Кто этого не сделает и не выполнит приказа, тот будет привлечен к ответственности и наказан».

29 июня 1941 г. я сам видел, как представители немецкой армии расстреливали раненых красноармейцев, лежавших в хлебном поле близ города Дубно. После этого их еще прокололи штыком, чтобы наверняка убить. Рядом стояли немецкие офицеры и смеялись».

Иосиф Берндсен из Оберхаузена, солдат 6-й танковой дивизии, сообщил:

«Еще до вступления в Россию нам на одном из инструктивных совещаний сказали: комиссаров необходимо расстреливать».

Немецкий офицер, лейтенант 112-го саперного батальона 112-й пехотной дивизии, Якоб Корцилиас из Хорфорста близ Трира удостоверил:

«В одной деревне у Болвы по приказу адъютанта штаба 112-го саперного батальона лейтенанта Кирика были выброшены из избы 15 находившихся там раненых красноармейцев. Их раздели догола и закололи штыками. Это было сделано с ведома командира дивизии генерал-лейтенанта Мита»...

Далее говорится:

«Это не секрет, что в немецкой армии на фронте, в штабах дивизий имеются особые специалисты, занимающиеся тем, что

мучают красноармейцев и советских офицеров, чтобы принудить их таким образом к выдаче военных сведений и приказов».

Фотостат этого заявления я передаю Трибуналу. На нем вы можете увидеть 60 собственноручных подписей немецких военнослужащих с указанием их полков и более мелких подразделений.

Я предъявляю Трибуналу 4 фотографии немецкого происхождения. Каждый из этих снимков сделан немцами с указанием времени и места съемки. На одном из снимков — сцена раздачи пищи, на втором — поиски пищи, на третьем и четвертом — вид Уманьского лагеря для военнопленных.

На первом снимке заметно, что раздаваемой пищи явно недостаточно. Люди почти дерутся за право получить пищу. На втором снимке вы видите, как голодные советские военнопленные бродят около пустого сарая и употребляют в пищу обнаруженный ими в сарае жмых для корма скота. В отношении третьей и четвертой фотографии я могу представить вам важные показания свидетеля Бингеля. Выдержки из его показании прямо относятся к вопросу об обращении с советскими военнопленными.

Бингель был допрошен мной, и протокол его допроса от 27 декабря 1945 г. я передаю Трибуналу под № СССР-111. Бингель, бывший командир роты германской армии, показал:

«Я уже сделал одно сообщение о внутреннем режиме в лагере военнопленных в Умани. В этом лагере охрану несла одна рота нашего подразделения 783-го батальона, и поэтому я был в курсе всех событий, которые происходили там. Задачей нашего батальона была охрана военнопленных, контролирование шоссейных и железных дорог.

Этот лагерь был рассчитан при нормальных условиях на 6–7 тысяч человек, однако в нем содержалось в то время 74 тысячи человек.

Вопрос: Это были бараки?

Ответ: Нет, это был бывший кирпичный завод, и на его территории, кроме низких навесов для сушки кирпича, больше ничего не было.

Вопрос: Там были размещены военнопленные?

Ответ: Пожалуй, нельзя сказать, что они были размещены, так как под каждым навесом вмещалось самое большее 200–300 человек, остальные же ночевали под открытым небом.

Вопрос: Какой режим был в этом лагере?

Ответ: Режим в лагере был в некотором отношении своеобразным. Условия в лагере создавали впечатление, что комендант лагеря капитан Беккер не в состоянии организовать эту

большую массу людей и прокормить ее. Внутри лагеря имелись две кухни, хотя их нельзя было назвать кухнями. На цементе и на камнях были установлены железные бочки, и в них приготовлялась пища для военнопленных. Эти кухни при круглосуточной работе могли изготовить пищи примерно на 2 тысячи человек. Обычное питание военнопленных было совершенно недостаточное. Дневная норма составляла один хлеб на 6 человек, который, однако, нельзя было назвать хлебом. При раздаче горячей пищи возникали часто беспорядки, поскольку военнопленные, а их было в лагере более 70 тысяч, стремились получить пищу. В таком случае охрана пускала в ход дубинки, которые были обычным явлением в лагере. У меня, в общем, сложилось впечатление, что в этих лагерях дубинка являлась основой.

Вопрос: Известно ли вам что-либо относительно смертности в лагере?

Ответ: Ежедневно в лагере умирало 60–70 человек.

Вопрос: От каких причин?

Ответ: До того как разразились эпидемии, речь шла, в большинстве случаев, об убитых людях.

Вопрос: Убитых при раздаче пищи?

Ответ: Как во время раздачи пищи, так и в рабочее время, и вообще людей убивали в течение всего дня». ...

Трудно сказать, является ли пределом человеческой подлости то, что совершено гитлеровцами в отношении советских военнопленных в так называемом Гросслазарете города Славуты Каменец-Подольской области. Но при всех обстоятельствах истребление гитлеровцами советских военнопленных в Гросслазарете — одна из самых мрачных страниц, составляющих историю фашистских преступлений.

Я представляю Трибуналу под № СССР-5 Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии и оглашу из этого Сообщения и приложенных к нему материалов отдельные выдержки.

При изгнании фашистских орд из города Славуты на территории бывшего военного городка частями Красной Армии было обнаружено то, что немцы именовали Гросслазаретом для советских военнопленных. В «лазарете» находилось свыше 500 истощенных и тяжело больных людей. Опрос этих людей и специальное расследование судебно-медицинской экспертизы и экспертизы работников Центрального института питания Народного комиссариата здравоохранения СССР позволили восстановить все подробности, относящиеся к истреблению огромного количества советских военнопленных, происходившему в этом страшном учреждении. Цитирую:

«Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики оккупировали город Славуту и организовали в нем для раненых и больных офицеров и бойцов Красной Армии „лазарет", наименовав его: „Гросслазарет „Славут-2". Лагерь-301". „Лазарет" был расположен в полутора-двух километрах восточнее Славуты и занимал десять трехэтажных каменных зданий — блоков. Все здания гитлеровцы обнесли густой сетью проволочных заграждений. Вдоль заграждений через каждые 10 метров были построены вышки, на которых находились пулеметы, прожектора и охрана.

Администрация, немецкие врачи и охрана „Гросслазарета" в лице коменданта гауптмана Планка, затем сменившего его майора Павлиска, заместителя коменданта гауптмана Кронсдорфера, гауптмана Ное, штабсарцта доктора Борбе, его заместителя доктора Штурма, обер-фельдфебеля Ильземана и фельдфебеля Беккера проводили массовые истребления советских военнопленных путем создания специального режима голода, скученности и антисанитарии, применения пыток и прямых убийств, лишения больных и раненых лечения и принуждения крайне истощенных людей к каторжному труду».

Государственная Чрезвычайная комиссия называет немецкий „Гросслазарет" лазаретом смерти. Я цитирую небольшой отрывок из раздела Сообщения под тем же названием. Это третья страница русского оригинала:

«В „Гросслазарете" немецкие власти сосредоточивали 15–18 тысяч тяжело и легко раненных, а также страдающих различными инфекционными и неинфекционными заболеваниями советских военнопленных. На смену умершим сюда непрерывно направлялись новые партии раненых и больных советских военнопленных. В пути следования военнопленных подвергали истязаниям, морили голодом и убивали. Из каждого эшелона, прибывающего в „лазарет", гитлеровцы выбрасывали сотни трупов»...

В следующем разделе на той же странице Государственная комиссия сообщает, что инфекционные заболевания среди находившихся в «лазарете» военнопленных распространялись преднамеренно немецкими врачами. Я цитирую:

«В „Гросслазарете" немецкие врачи искусственно создавали невероятную скученность. Военнопленные принуждены были стоять, тесно прижавшись друг к другу, изнемогали от усталости и истощения, падали и умирали. Фашисты применяли различные способы „уплотнений" „лазарета". Бывший военнопленный Хуажев И. Я. сообщил, что немцы „выстрелами из автоматов уплотняли помещения и люди невольно теснее прижимались друг

к другу; тогда сюда гитлеровцы вталкивали еще больных и раненых и двери закрывали"».

Преднамеренное распространение инфекционных заболеваний в этом лагере смерти, издевательски названном «лазаретом», достигалось самыми примитивными способами: «Больных сыпным тифом, туберкулезом, дизентерией, раненых с тяжелыми и легкими повреждениями они размещали в одном блоке и в одной камере».

В помещении, где нормально можно было разместить не свыше 400 человек, число больных тифом и туберкулезом составляло 1800 человек.

«Уборка камер не производилась. Больные по нескольку месяцев оставались в том белье, в котором попали в плен. Спали они без всякой подстилки. Многие были полураздеты или совершенно голые. Помещения не отапливались, а примитивные печи, сделанные самими военнопленными, разрушались... В „лазарете" не было воды для умывания и даже для питья. В результате антисанитарии вшивость в „лазарете" приняла чудовищные размеры».

Истребление с помощью умышленного распространения заболеваний сочеталось с замариванием голодом. Пищевой рацион советских военнопленных состоял из 250 граммов эрзац-хлеба и двух литров так называемой «баланды». Мука, предназначенная для выпечки хлеба раненым и больным военнопленным, доставлялась из Германии. Ее обнаружили в одном из складов «лазарета» в количестве 15 тонн. На фабричной упаковке сорокакилограммовых бумажных мешков имелись этикетки «Шпельцмель»; образцы этой эрзацмуки были направлены на лабораторное исследование в Центральный институт питания Народного комиссариата здравоохранения СССР.

Я предъявляю вам документы, относящиеся к истреблению гитлеровцами советских военнопленных в „Гросслазарете", под № СССР-5а; на страницах 9, 10 и 11 этого документа Трибунал может видеть фотостат заключений Центрального института питания. Заключения сделаны, с одной стороны, по данным анализа, который был произведен фронтовой военной лабораторией, и, с другой — по данным анализа, произведенного непосредственно в Центральном институте питания. В заключении института сказано:

«...Очевидно, „хлеб" выпекался с добавлением небольшого количества натуральной муки для образования связной массы.

Питание таким „хлебом" при лишении питающихся других полноценных веществ и продуктов равносильно голоданию и неизбежно приводит к резкому истощению...»

Анализ показал, что «мука» является ни чем иным, как равномерно, но довольно крупно измельченной соломой с частицами длиной до 2, а иногда до 3 мм. При микроскопии в каждом поле зрения, как сказано в заключении, «...наряду с растительными волокнами древесины, обнаружены в очень небольшом количестве крахмальные зерна, напоминающие по строению крахмальные зерна овса». Институт пришел к выводу, что «...потребление такого хлеба, благодаря раздражающему действию мякины, приводит к развитию заболеваний пищеварительного аппарата».

Несколько забегая вперед, я хочу доложить о результатах судебно-медицинского вскрытия 112 эксгумированных трупов из объекта № 1 и наружного осмотра около 500 трупов. В первом случае истощение как причина смерти констатировано в отношении 96 жертв. Во втором случае, как сказано в заключении, напечатанном на странице 7 документа СССР-5а, «утверждение о том, что истощение является основной причиной смертности в лагере для военнопленных, обосновывается также данными наружного осмотра около 500 трупов, при котором оказалось, что процент крайнего истощения приближается к 100 процентам».

Несколько далее, в этом же заключении, в пункте «г» § 5 эксперты отмечают, что режим в славутском „Гросслазарете“ в числе прочих показателей может быть охарактеризован абсолютно непригодным питанием. Я цитирую:

«Хлеб с 64% примесью древесных опилок... баланда из гнилого картофеля с примесью отбросов, крысиных экскрементов и т. п.».

Военнопленные, уцелевшие до освобождения Славуты из-под власти гитлеровских палачей, заявили (я цитирую выдержку со страницы 4 документа СССР-5а):

«В „Гросслазарете“ периодически отмечались вспышки заболевания неизвестного характера, называвшегося немецкими врачами „парахолерой“. Заболевание „парахолерой“ было плодом варварских экспериментов немецких врачей. Как возникали, так и заканчивались эти эпидемии внезапно. Исход „парахолеры“ в 60–80 % случаев был смертельный. Трупы некоторых умерших от этих заболеваний вскрывались немецкими врачами, причем русские врачи-военнопленные к вскрытию не допускались».

В пункте восьмом заключения судебно-медицинской экспертизы (страница 7 документа СССР-5а) говорится:

«Никакая объективная обстановка не может объяснить всех тех условий, при которых содержались военнопленные в лагере.

Тем более как явствует из материалов дела, в немецких военных складах в городе Славуте были огромные запасы продовольствия, в военных аптеках — медикаментов и перевязочных материалов».

В штате „Гросслазарета" числилось значительное количество медицинского персонала. Вместе с тем, как это отмечается в сообщении Государственной комиссии, больные и раненые офицеры и бойцы Красной Армии не получали самой элементарной медицинской помощи. Да и о каком лечении могла идти речь, если задача „Гросслазарета" была диаметрально противоположной. Не только к физическому уничтожению военнопленных стремилась администрация „Гросслазарета", но и к тому, чтобы наполнить мучениями и страданиями последние дни жизни раненых и больных.

Один из разделов Сообщения Комиссии озаглавлен: «Пытки и расстрелы советских военнопленных». Я оглашаю часть этого раздела. Он напечатан на странице 4 документа СССР-5а:

«Советских военнопленных в „Гросслазарете" подвергали пыткам и истязаниям, били при раздаче пищи, при выводе на работу. Не щадили фашистские палачи даже умирающих. Судебно-медицинская экспертиза при эксгумировании трупов обнаружила в числе других трупов военнопленного, которому в агональном состоянии было нанесено колотое ранение ножом в паховую область. С торчащим в ране ножом он был брошен в могилу и еще живым засыпан землей.

Одним из видов массовых пыток в „лазарете" было заключение больных и раненых в карцер, который представлял собой холодное помещение с цементным полом. Заключенные в карцер на несколько дней лишались пищи, и многие там умирали. Больных и слабых людей гитлеровцы с целью еще большего истощения заставляли бегать вокруг зданий „лазарета", а тех, кто не мог бегать, запарывали до полусмерти.

Нередки были случаи убийства военнопленных немецкой охраной ради потехи. Бывший военнопленный Бухтийчук Д. П. сообщил о том, как немцы бросали на проволочные заграждения внутренности павших лошадей, и когда обезумевшие от голода военнопленные подбегали к заграждениям, охрана открывала по ним стрельбу из автоматов. Свидетель Кирсанов Л. С. видел, как был заколот штыком один из военнопленных за то, что он поднял с земли клубень картофеля. Бывший военнопленный Шаталов А. Т. был очевидцем, как конвоир застрелил военнопленного, пытавшегося получить вторую порцию баланды. В феврале 1942 г. он „видел, как часовой ранил одного из пленных, который искал

в мусорной яме объедки, оставшиеся в немецкой кухне обслуживающего персонала, раненый был немедленно уведен к яме, раздет и пристрелен“».

Осмотр трупов, эксгумированных при расследовании фашистских злодеяний в так называемом лагере Славута, удостоверил, что «комендатура и охрана лагеря неоднократно применяли изощренные меры истязаний. ... Раненых и больных военнопленных, несмотря на крайнюю степень истощения и резкую слабость, гитлеровцы принуждали к непосильному физическому труду. На военнопленных перевозились тяжести, вывозились трупы умерщвленных советских людей. Изнемогающих и падающих военнопленных конвоиры убивали на месте. Путь на работу и с работы, по заявлению ксендза города Славута Милевского, намечен, как вехами, маленькими могильными холмиками».

У фашистских изуверов иногда не хватало терпения дожидаться смерти того или другого военнопленного, и они хоронили еще живых людей.

На основании обнаружения в глубоких дыхательных путях четырех трупов военнопленных вплоть до мельчайших бронхов «большого количества песчинок, которые могли попасть так глубоко лишь при дыхательных движениях засыпанных песком». Судебно-медицинская экспертиза установила, что в „Гросслазарете“ охрана комендатуры с ведома немецких врачей хоронила советских людей живыми.

Одному из бывших обитателей „Гросслазарета“ — военнопленному Панкину был известен случай, когда в феврале 1943 года в мертвецкую был вынесен больной, находившийся в забытьи. Больной очнулся уже в мертвецкой. Шефу барака доложили, что в мертвецкую отнесен живой человек. Он приказал оставить его там. Больной был похоронен.

Невыносимый режим побуждал военнопленных игнорировать огромный риск и пытаться совершать индивидуальные и групповые побеги. Мученики, вырвавшиеся из «лазаретного» ада, искали приюта у местного населения Славуты и окружающих населенных пунктов. Гитлеровские негодяи безжалостно расстреливали каждого, кто оказывал какую-либо помощь беглецу.

Город Славута входил в Шепетовский район. 15 января 1942 г. шепетовский гебитскомиссар доктор Ворбс издал специальное распоряжение, в котором было сказано, что если не обнаружатся непосредственные виновники, помогавшие беглецам, то в каждом случае будет расстреляно 10 заложников.

Священник Журковский сообщил, что было арестовано и расстреляно 26 мирных граждан, оказавших помощь военнопленным. При медицинском освидетельствовании 525 освобожденных из „Гросслазарета“ у 435 была установлена крайняя степень истощения, у 59 — осложненное течение ран, у 31 — нервнопсихическое расстройство.

Комиссия отмечает:

«За два года оккупации Славуты, при участии немецких врачей Борбе, Штурма и других медицинских работников, в „Гросслазарете“ гитлеровцы истребили до 150 тысяч офицеров и бойцов Красной Армии».

Отдавая себе полный отчет в безграничной подлости содеянных преступлений, немецко-фашистские палачи всеми мерами пытались скрыть следы своих преступлений. В частности, они тщательно маскировали те места, в которых были похоронены советские военнопленные. Так, например, на кресте могилы № 623 было написано 8 фамилий похороненных, а при вскрытии в могиле оказалось 32 трупа. При вскрытии могилы № 624 было обнаружено то же самое явление.

В других могилах обнаружены грунтовые прослойки между несколькими рядами трупов. Например, в могиле № 625 оказалось 10 трупов, а когда сняли слой грунта толщиной в 30 сантиметров, то в этой могиле обнаружили еще два ряда трупов. То же самое оказалось и при вскрытии могилы № 627 и могилы № 8.

Многие могилы были замаскированы путем разбивки клумб, посадки деревьев, прокладки дорожек и т. д., но никакая маскировка не сможет скрыть кровавых преступлении гитлеровских злодеев...

Каторжный режим, сплошной конвейер издевательств и пыток толкали советских людей на такие проявления отчаяния, как нападение на вооруженную до зубов охрану лагеря. Мы знаем о подобных, действительно героических, фактах. Свидетельские показания очевидцев находятся в наших руках.

Я предъявляю вам собственноручные показания свидетелей Лампа (документ СССР-314), которого вы допрашивали здесь несколько дней тому назад, и Риболя Фредерика (документ СССР-315). Они поведали о том, что в начале февраля 1945 года в лагере уничтожения «Маутхаузен» 800 заключенных военнослужащих Красной Армии, обезоружив стражу и прорвав колючую проволоку, через которую был пропущен электрический ток, вырвались из фашистского ада. Ламп показывает, как зверски расправлялись эсэсовцы с теми, кого они смогли поймать. Я процитирую несколько строчек:

«Те, кто вернулся в лагерь, были зверски замучены. А затем видели беглецов, которых вели обратно в блок № 20».

Отвлекаясь от цитаты, я должен доложить, что блок № 20 был блоком смерти.

«Они были избиты, и один был окровавлен. За ними шли человек 10 эсэсовцев, среди которых были 3 или 4 офицера. В руках у них были хлысты, они громко смеялись и, казалось, предвкушали удовольствие увидеть пытки, которым они собирались подвергнуть этих трех несчастных. Мужество восставших и жестокость репрессий оставили у всех заключенных Маутхаузена неизгладимое воспоминание».

К советским людям фашистские заговорщики относились все с одинаковой ненавистью. Если между ними и возникали какие-либо разногласия, то они касались лишь способов истребления своих жертв. Часть стремилась уничтожить военнопленных немедленно, в то время как другие считали полезным сначала заживо высосать из них всю кровь и силу на заводах, фабриках, военных предприятиях, строительстве военных объектов.

Любая длительная война вызывает нехватку рабочих рук в промышленности и сельском хозяйстве. Фашистская Германия разрешала эту проблему путем ввоза белых рабов и рабынь. Видное место среди этих контингентов занимали военнопленные. Военнопленных направляли на самые тяжелые работы, где они массами гибли от истощения, непосильного труда, голода и зверской расправы со стороны охраны.

Я представляю вам документ под № ПС-1117 и цитирую из него три абзаца:

«В целях выполнения программы железо-сталелитейной промышленности и с тем, чтобы обеспечить требования угольной промышленности, фюрер 7 июля приказал использовать для этой цели военнопленных».

Я пропускаю несколько фраз, относящихся к технике этого вопроса, и цитирую пункт второй этой директивы:

«2. Всех советских военнопленных, захваченных с 5 июля 1943 г., из лагерей ОКВ направлять для генерального уполномоченного по рабочей силе с тем, чтобы последний мог их в первую очередь использовать в угольной промышленности».

Очень важен четвертый пункт. В нем содержится прямая директива о том, как превращать в военнопленных всех мужчин в возрасте от 16 до 55 лет.

«4. Всех лиц мужского пола в возрасте от 16 до 55 лет, захваченных в боях с партизанами в районе военных операций, расположения войск восточных комиссариатов, генерал-губернатор-

ства и на Балканах, считать военнопленными. То же самое относится, к мужчинам во вновь оккупированных областях на Востоке. Они должны будут посылаться в лагерь для военнопленных и оттуда направляться на работу в Германию».

Второй документ под № ПС-744, исходящий от начальника ОКВ 8 июля 1943 г., дублирует эту директиву. Документ подписан Кейтелем. К тексту подписанного Кейтелем документа (§ 4) имеется примечание. Оно адресовано всем высшим инстанциям СС и подписано Гиммлером. Текст его уже был оглашен 20 декабря 1945 г. Поэтому я напомню лишь содержание. Речь шла о порядке направления детей, старух, стариков и женщин молодых возрастов. Гиммлер указывает, как и каким порядком через ведомство Заукеля они должны направляться в Германию. И в этом случае Гиммлер, Кейтель, Заукель выступают как одно целое в трех лицах.

Я считаю весьма важным документ, который мы предъявляем вам под № СССР-354. Это отчет о лагере для военнопленных в Минске. Он исходит из канцелярии Розенберга и составлен 10 июля 1941 г. в Берлине.

Председатель: Скажите, пожалуйста, он уже представлялся в качестве доказательства?

Покровский: Этот документ не оглашался. Я позволю себе процитировать несколько выдержек.

«В лагере военнопленных, в Минском отделении, на территории размером с Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тысяч военнопленных и 40 тысяч гражданских заключенных. Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят. Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат в количестве, составляющем роту. Такая недостаточная охрана лагеря возможна только при условии применения самой жестокой силы.

Единственным доступным средством недостаточной охраны, день и ночь стоящей на посту, является огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет».

Далее авторы документа сетуют на невозможность произвести отбор пленных в физическом и расовом отношении для разного рода тяжелых работ. После того как было приступлено к такому отбору, на второй день это мероприятие было запрещено. Я цитирую:

«...Со ссылкой на приказ генерал-фельдмаршала Клюге, согласно которому вопрос о предоставлении заключенных для работы фельдмаршал решает сам».

29 января 1943 г. за подписью главнокомандующего сухопутными силами были даны указания относительно «Права необходимой обороны, применительно к военнопленным». Это документ ПС-696; мы представляем его под № СССР-355, так как он не оглашался. Он начинается так:

«Военными органами и органами национал-социалистской партии неоднократно выдвигался и ставился вопрос относительно обращения с военнопленными в связи с тем, что они считают предусмотренные в соглашении от 1929 года возможности наказания недостаточными».

В документе разъясняется, что для всех военнопленных, кроме советских, прежнее указание остается в силе. Для советских же военнопленных действует распоряжение отдела военнопленных ОКВ № 389/42с от 24 марта 1942 г.

Второй документ — это циркуляр партийной канцелярии нацистской партии, имеющий № 12/43с. Циркуляр исходит от руководителя партийной канцелярии Бормана и подписан им 12 февраля 1943 г.

Циркуляр разослан имперским руководителям, гаулейтерам, командирам соединений. В нем сообщается о секретном указании начальника главного штаба за № 3868/42с. Таким образом, еще раз полностью доказано, что за все зверства в отношении советских военнопленных несут одинаковую ответственность и руководство нацистской партии и военное командование.

В отношении всех военнопленных, кроме советских, сохраняют силу указания устава военно-морского флота, а в отношении советских военнопленных «...действует распоряжение ОКВ», о котором я уже говорил.

И в этом вопросе с абсолютной бесспорностью устанавливается единая преступная линия и руководства нацистской партии и ОКВ, как я уже доложил Трибуналу.

До нас дошла служебная записка за подписью Ламмерса. Этот документ имеет № ПС-073.

Мы предъявляем его под № СССР-361. Он не оглашался. В документе сказано:

«Военнопленные являются иностранцами... В соответствии с этим руководство всеми невоенными делами военнопленных и сосредоточено в министерстве иностранных дел...»

Я пропускаю несколько фраз.

«...Исключением из этого правила являются советские военнопленные, которые подчинены министру по управлению оккупированными областями Востока, так как в отношении их не дей-

ствует Женевская конвенция и они занимают особое политическое положение».

В связи с этой позицией я предъявляю вам под № СССР-356 немецкий документ. Это заметки, составленные в управлении заграничной контрразведки 15 сентября 1941 г. для «господина начальника штаба ОКВ». Я оглашу несколько выдержек:

«Женевское соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР, поэтому действуют только основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. Эти последние сложились в XVIII столетии в том направлении, что военный плен не является ни местью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается «в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в войне». Это основное положение развивалось в связи с господствующими во всех армиях воззрениями, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник заинтересован в том, чтобы быть уверенным, что его собственные солдаты в случае пленения будут защищены от плохого обращения.

Имеющиеся в приложении № 1 распоряжения об обращении с советскими военнопленными исходят, как это видно из вступительных фраз, из совершенно иных предпосылок...»

В целях экономии времени я пропускаю ряд фраз и оглашаю конец абзаца:

«...А также устраняют и многое другое, что до сих пор в соответствии с опытом считалось не только целесообразным с военной точки зрения, но и обязательным в целях поддержания воинской дисциплины и боеспособности собственных войск.

Распоряжения составлены в самых общих выражениях. Но если иметь перед глазами господствующую над ними основную тенденцию, то допускаемые «распоряжениями» меры должны привести к произвольным безнаказанным убийствам, хотя формально произвол и был бы запрещен.

Это видно, например, из правил применения оружия в случае неповиновения караульным командам и их начальникам, не знакомым с языком военнопленных; сплошь и рядом невозможно будет распознавать, является ли неисполнение приказания результатом недоразумения или неповиновения. Основное положение о том, что применение оружия против советских военнопленных, как правило, считается «правомерным», освобождает караульных от всякой обязанности разбираться в этом».

Я пропускаю еще два абзаца, как не имеющие отношения к интересующим нас вопросам, и цитирую дальше:

«Организация лагерной полиции, вооруженной палками, кнутами и т. п. оружием, противоречит военным воззрениям, даже если эта работа и выполняется заключенными. Кроме того, органы вооруженных сил передают тем самым средства наказания в чужие руки без того, чтобы иметь в виду возможность действительно проверять их применение».

Я хочу процитировать еще одну фразу, взятую из пункта пятого этих заметок.

«В приложении № 2 приводится перевод русского закона о военнопленных, который соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевского соглашения о военнопленных».

Документ этот подписан начальником заграничной контрразведки адмиралом Канарисом. К нему приложены распоряжения об обращении с советскими военнопленными...

В свете оглашенных документов, а также протеста германских военнопленных лагеря № 78, из которого видно, как гуманно обращалось советское командование с военнопленными из состава германской армии, бесстыдным издевательством звучит фраза из приложения № Г к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД относительно обращения с советскими военнопленными. Эта фраза может быть вами прочитана в документе, который я предъявляю Трибуналу под № СССР-3:

«Большевистский солдат потерял право на обращение с ним, как с честным солдатом и в соответствии с Женевской конвенцией».

Прошу Трибунал запомнить, что в приложении № 2 к приказу ставки командования германской армии № 11, датированному 7 октября 1941 г., имеется и такая директива:

«Деятельность зондеркоманд с санкции командующих тылом армейской группы (районных комендантов по делам военнопленных) должна проходить так, чтобы фильтрация проводилась по возможности незаметно, а ликвидация без промедления и на таком расстоянии от самих пересыльных лагерей и населенных пунктов, чтобы это не было известно остальным военнопленным и населению».

Вот какие перевозки военнопленных «куда-то на грузовиках неподалеку» имел в виду квалифицированный палач Кунтце, когда отчитывался перед своим начальством по поводу «инцидента при экзекуции 28 военнопленных инвалидов». ...

В апреле 1941 года, непосредственно после оккупации югославской территории, немцы угнали в Германию как военнопленных около 300 тысяч солдат и офицеров. Югославская государственная комиссия располагает многочисленными доказательствами об издевательствах и противозаконном обращении с этими военнопленными. Здесь же приведем несколько примеров:

14 июля 1943 г. в офицерском лагере «СС» в «Оснабрюке» были выделены 740 военнопленных югославских офицеров и переведены в специальный штрафной лагерь, носивший название «Лагерь-Д». Здесь их разместили в четырех бараках. Им было запрещено всякое соприкосновение с остальными отделениями лагеря. Обращение с ними еще больше противоречило международным соглашениям, чем обращение с прочими военнопленными. В этом штрафном лагере находились все те, которых немцы причисляли к приверженцам национально-освободительного движения. Часто в отношении их применялись меры массового наказания.

Немцы играли жизнью военнопленных и часто расстреливали их из прихоти. В лагере «Оснабрюк» 11 января 1942 г. немецкий часовой начал стрелять в группу военнопленных и при этом тяжело ранил капитана Пэтара Ножинича; 22 июля 1942 г. часовой выстрелил в группу офицеров; 2 сентября 1942 г. часовой выстрелил в югославского старшего лейтенанта Владислава Вайса, который вследствие этого ранения надолго стал инвалидом; 22 сентября 1942 г. часовой с наблюдательной вышки стал стрелять в группу офицеров; 18 декабря 1942 г. часовой выстрелил в группу офицеров, наблюдавших из окна своего барака за проходившими английскими военнопленными; 20 февраля 1943 г. часовой выстрелил в военнопленного офицера только за то, что он курил; 11 марта 1943 г. часовой открыл огонь по двери барака и убил военнопленного генерала Дмитрия Павловича; 21 июня 1943 г. часовой выстрелил в югославского подполковника Бранко Паванича; 26 апреля 1944 г. немецкий унтер-офицер Рихардс выстрелил в старшего лейтенанта Владислава Гайдера, который вскоре после этого умер от ран. 26 июня 1944 г. немецкий капитан Кунце выстрелил в двух югославских офицеров и тяжело ранил старшего лейтенанта Дьорьевича.

Вся эта стрельба велась без всякого основания и без всякой причины. Она была результатом жестоких приказов германского коменданта лагеря, согласно которым оружие применялось даже при самых незначительных проступках.

Все перечисленные случаи произошли в одном и том же лагере, но та же самая картина имела место во всех остальных лагерях для военнопленных югославских офицеров и солдат».

В Чехословацком правительственном докладе приводится факт, который я хочу доложить вам. Он характерен не тем, что вносит что-либо новое в освещение методов фашистских злодеяний, а тем, что имел место тогда, когда гитлеровцы уже совершенно отчетливо понимали, что они доживают последние дни. Этот факт описан в четвертом приложении к Чехословацкому правительственному докладу, и я изложу его вкратце своими словами. В Гавличковом Броде имелся аэродром, где размещались военные учреждения, а в бывшем убежище для умалишенных находился лазарет СС. Когда встал вопрос об оформлении сдачи немецких военных частей, находившихся на аэродроме (в 1945 г.), туда направились в качестве официальных представителей чешской армии штабс-капитан Сула с одним из своих сослуживцев. Ни один из них не вернулся. Несколько позднее аэродром и госпиталь были взяты чешскими национальными частями, и было произведено расследование. Оказалось, что парламентеры, а также ранее исчезнувшие в Гавличковом Броде шесть человек были приведены немцами в госпиталь СС, где их подвергли жестоким пыткам, в частности штабс-капитану Суде был вырезан язык, выколот глаз и разрезана грудь. С остальными поступили подобным образом. У большинства из них были вырезаны половые органы.

В подтверждение этого факта имеются фотодокументы, которые я представляю Суду.

Мой доклад занял несколько часов. Ни этого времени, ни слов, имеющихся в запасах человеческой речи, конечно, недостаточно, чтобы сказать о тысячной доле страданий всех воинов моей Родины и других демократических государств, которые имели несчастье оказаться во власти фашистских палачей.

Я мог лишь в самом сжатом виде показать вам, как осуществлялись людоедские фашистские директивы об издевательствах над военнопленными, об их массовом истреблении способами, перед которыми бледнеют ужасы Средневековья.

Мы попытаемся хотя бы несколько восполнить пробел. Перед вами пройдут десятки тысяч свидетелей. Они вызваны в зал Суда по этому делу. Я не могу назвать их имен, и вы не приведете их к присяге, но их показаниям нельзя не верить, ибо мертвые никогда не лгут. Значительная часть тех фильмов о немецких злодеяниях, которые вам будут предъявлены советским обвинением, относятся к преступлениям против военнопленных. Немое свидетельство заживо сожженных в госпиталях, истерзанных до неузнаваемости пытками, замученных голодом — я уверен в этом — будет сильнее любых моих слов.

Враг вероломно напал на нашу страну. Люди взяли в руки оружие, чтобы защищать Родину, ее свободу, независимость, честь и жизнь своих семей. Они стали в ряды воинов. Они воевали. Некоторые из них оказались во власти врага. Посмотрите, как надругался враг над ними, когда в их руках уже не было оружия.

Так пусть за мучеников, за неописуемые зверства, которые вы увидите сами, и за многие подобные, о которых, вероятно, не узнает уже никто, ответят по всей строгости Закона международной справедливости главные виновники фашистских злодеяний — главные военные преступники.

Глава 16
«Снисходительность» к пленным из стран запада

В отношении нацистов к пленным из Советского Союза и стран Запада существовала немалая разница. Издевательства, пытки, расстрелы, нечеловеческие условия быта относились, прежде всего, к солдатам и офицерам Красной Армии. Как правило, их силой гнали на самые тяжелые и изнурительные работы в шахты, на стройки, рудники, металлургические заводы, военные предприятия. Они трудились намного больше других пленных, а рацион питания их был вдвое меньше. Пленные из СССР не получали посылок Красного Креста. Расстрел как универсальное наказание применялся, в первую очередь, к ним.

При этом нацисты лицемерно ссылались на то, что между Германией и СССР нет соглашения, которое базировалось бы на Женевской конвенции. Они не соблюдали его и в тех случаях, когда оно было.

С той или иной задержкой самые зверские меры применялись и к пленным из западных армий. Так, сначала приказ «Кугель» не распространялся на совершивших побег английских и американских солдат. Затем их тоже начали расстреливать. С октября 1942 г. захваченные бойцы спецподразделений «коммандос» подлежали расстрелу на месте или передаче в СД, что обычно также заканчивалось расстрелом. Далее той же участи подверглись летчики авиации союзников, сбитые над территорией Германии. С июня 1944 г. — пленные из группировки союзников, высадившихся в Нормандии. Власти даже стимулировали линчевание сбитых летчиков, освобождая от ответственности гражданских лиц — участников варварских расправ.

В марте 1944 г. из концлагеря «Саган», прорыв тоннель, бежали 50 английских летчиков. Розыск их шел по всей Германии, и все лет-

чики, кроме троих, были схвачены и расстреляны. К приказу о смертной казни имели отношение Кейтель и сам Гитлер.

В сентябре того же года в концлагерь «Маутхаузен» привезли 47 плененных летчиков — англичан, американцев, голландцев. Их казнь была изощренно жестокой. В каменоломне на их плечи нагрузили тяжелые камни и ударами хлыстов погнали вверх по лестнице. С каждым разом вес камней и сила побоев нарастали, и так продолжалось двое суток. От непосильной ноши и побоев из 47 человек 26 умерли.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ФРАНЦИИ Ш. ДЮБОСТОМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 30 января 1946 г.]

...Другая сторона вопроса в этой политике террора и уничтожения выявляется при рассмотрении военных преступлений, совершенных Германией в отношении военнопленных. Эти преступления, как вам будет доказано, преследовали две цели. Первая из них — максимально унизить узников, чтобы подорвать в них энергию, деморализовать их, заставить их сомневаться в самих себе, правоте дела, за которое они воевали, и вызвать у них разочарование в будущем, которое ожидает их родину. Вторая цель заключалась в уничтожении тех военнопленных, которые своими предшествующими действиями или тем, как они себя проявили, находясь в плену, показали, что они являются неприемлемыми для нового порядка, который нацисты хотели установить.

С этой целью Германия усугубила бесчеловечность обращения, стремясь максимально ухудшить условия лиц, содержащихся в заключении; этими лицами были солдаты, верившие при сдаче в плен в чувство военной чести у армии, которой они сдавались. Военнопленных перевозили в бесчеловечных условиях. Солдат плохо кормили, заставляли проходить пешком очень большие расстояния, подвергали при этом всякого рода издевательствам; убивали, когда они уставали и не были в состоянии следовать в колонне. Во время этих переходов по этапу не предусматривалось никакого места для ночлега и никакого снабжения. Доказательством этого служит отчет о перегоне партии военнопленных, которая отправилась из Сагана 8 февраля 1941 г. в 12 ч 30 мин дня. Этот документ был предъявлен моим коллегой господином Герцогом под № РФ-46. Обращаюсь к другому документу:

«1300 английских военнопленных всех рангов, которые двигались тремя колоннами, вышли 28 января 1945 г. пешком из „Шталага-9-III". Они проходили в этапном порядке до Штремберга от 27 до 31 км в день. Из Штремберга их направили в Лукенвальд. Во время перехода продуктов питания, воды, медикаментов, а также соответствующего ухода в большинстве случаев совершенно не было. По меньшей мере трое военнопленных должны были остаться в Мускау».

В конце страницы, третья строка снизу:

«31-го числа они покрыли расстояние в 31 км, отделявшее их от Мускау. Во время этого перехода выбыли из строя три человека: лейтенанты Килли, Уайз и Бэртон, которых пришлось оставить в госпитале».

Страница 2, в самом конце документа:

«Во время перехода, кроме посылок Красного Креста, о которых речь шла ранее, единственным питанием, которое выдавали военнопленным, были ячменная похлебка и полбулки на каждого. Снабжение водой было предоставлено воле случая. Пятнадцать человек пропали без вести. Колонна французских и бельгийских военнопленных была поставлена в еще более тяжелые условия.

Форты в лагере находились в состоянии, нарушающем все правила гигиены; военнопленные были согнаны в очень небольшое помещение, им не хватало воды и топлива; в „Шталаге III-С" они были размещены по 30–40 человек в одной комнате» (показания Будо).

Показания господина Будо фигурируют в отчете, который был также вручен вам ранее господином Герцогом. Аналогичные выводы вытекают из отчетов Красного Креста.

Бергер, назначенный по указанию Гиммлера с 1 октября 1944 г. уполномоченным по делам военнопленных, признал на допросе, что питание военнопленных было далеко не удовлетворительным.

Второй абзац:

«Я посетил лагерь к югу от Берлина, названия которого я не помню; быть может, я вспомню его позднее. Тогда я понял, что снабжение продовольствием совершенно неудовлетворительно, и это вызвало очень резкий разговор между Гиммлером и мной. Гиммлер был решительно против того, чтобы посылки Красного Креста продолжали раздавать в лагерях военнопленных в том же количестве, что и до сих пор. Со своей стороны я считал, что со временем это сильно отразится на здоровье лиц, о которых идет речь».

Мы представляем документ ПС-826, который идет под № РФ-356. Этот документ исходит из главной ставки Гитлера и представляет собой отчет о посещении Норвегии и Дании. Вы найдете его на странице 7 предъявленной вам книги документов. Читаю третий абзац:

«Все военнопленные в Норвегии получают продовольствие, позволяющее им лишь существовать, не работая. Однако рубка леса требует от военнопленных такой затраты энергии, что в случае, если снабжение продовольствием не улучшится, следует ожидать в ближайшее время значительного снижения производительности труда».

Эта заметка касается положения, в котором находились 82 тысячи военнопленных, содержавшихся в заключении в Норвегии, из которых 30 тысяч использовались на тяжелых работах, проводимых организацией Тодта. Это вытекает из первого абзаца на странице 7.

Мы предъявляем теперь Трибуналу документ ПС-820 на четвертой, вернее на девятой, странице книги документов. В нем говорится о создании лагерей военнопленных в районах, подвергавшихся бомбардировкам с воздуха. Этот документ исходит от генерального штаба и датирован 18 августа 1943 г. Он был направлен верховным командованием военно-воздушных сил верховному главнокомандующему германской армией. Мы представляем его под № 358 и огласим перед Трибуналом, третий абзац:

«Полковник штаба военно-воздушных сил предложил создать лагеря для военнопленных в жилых районах городов, чтобы таким путем добиться некоторой защиты».

Я пропускаю абзац и читаю:

«Исходя из вышеизложенных рассуждений, возникает вопрос о немедленном создании таких лагерей в городах, находящихся под угрозой воздушных налетов; как это было установлено при обсуждении вопроса в городе Франкфурте, в этих городах будут приложены все усилия для ускорения строительства лагерей».

Наконец, последний абзац: «К настоящему времени в Германии находится около 8 тысяч военнопленных английских и американских летчиков, не считая помещенных в госпиталь. Эвакуировав существующие лагеря в другие места, можно предоставить эти последние для размещения лиц, чьи жилища были разрушены. Таким образом, это дало бы нам число военнопленных, достаточное для заселения значительного числа указанных лагерей. Здесь имеются в виду лагеря, создаваемые в районах, подвергающихся бомбардировкам и наибольшей угрозе».

На странице 10 Трибунал обнаружит документ от 3 сентября 1943 г., исходящий из ставки фюрера. Он касается создания новых лагерей военнопленных для английских и американских летчиков. Мы представляем этот документ под № РФ-359.

«1. Высшее командование германских военно-воздушных сил намечает создание новых лагерей для военнопленных летчиков, поскольку число их достигает более тысячи человек в месяц, а имеющихся в настоящее время мест, куда они могут быть помещены, недостаточно.

Верховное командование германских военно-воздушных сил предлагает создать новые лагеря внутри жилых кварталов городов, что явится в то же время мерой защиты городского населения, а также предлагает перевести существующие в настоящее время лагеря, в которых находится около 8 тысяч английских и американских летчиков-военнопленных, в города, подвергающиеся угрозе нападения со стороны авиации противника.

2. Верховное командование германской армии и начальник управления по делам военнопленных в принципе одобрили этот проект».

На первой странице книги документов, которая лежит перед Трибуналом, находится документ Ф-551, который мы представим под № РФ-360. В этом документе, являющемся приказом, говорится о наказаниях, налагаемых на военнопленных в нарушение 60-й и последующих статей Женевской конвенции. Женевская конвенция предусматривает, что при возбуждении судебного преследования против военнопленных следует уведомлять государство, представляющее интересы воюющих стран, и что это государство имеет право быть представленным на суде.

Я оглашу, вернее прокомментирую, этот приказ. Я изложил Трибуналу статью 60 и последующие статьи Женевской конвенции, предусматривающие, что государство, защищающее интересы воюющих стран, должно быть уведомлено о возбуждаемом против военнопленных судебном преследовании. Из документа, который мы представляем под № РФ-360, явствует, что эти положения были нарушены. Мы оглашаем первую строку:

«На практике проведение в жизнь положений статей 60 и 66, и в частности § 2 статьи 66, Конвенции 1929 года относительно обращения с военнопленными сталкивается с серьезными трудностями. Для сурового уголовного преследования за особенно тяжкие преступления, как, например, за убийство караула, неприемлемо положение, согласно которому смертный приговор может быть приведен в исполнение лишь по истечении трехмесячного срока после уведомления о приговоре государ-

ства, защищающего интересы воюющих стран. От этого должна страдать дисциплина среди военнопленных». Я перехожу к странице 12:

«Предлагается следующее решение вопроса:

...b) Французы должны доверять процедуре, принятой в германских военных трибуналах.

c) Германией назначается защитник и устный переводчик.

d) В случае вынесения смертного приговора (это в конце двенадцатой страницы) для его приведения в исполнение будет дан соответствующий срок».

В начале страницы 13:

«Конечно, в этом случае Германия сохраняет за собой право, даже если оно и не было предусмотрено, в критические моменты привести приговор в исполнение немедленно».

В § 3 говорится:

«Не может быть и речи о предоставлении разрешения Франции, которая может сослаться на третий абзац статьи 62 Женевской конвенции, посылать своего представителя на наиболее важные процессы германских военных трибуналов».

В нашем распоряжении имеется пример нарушения шестидесятой и последующих статей Женевской конвенции, содержащийся в отчете Голландского правительства, который Трибунал обнаружит на странице 12 переданной ему книги документов.

Мы остановились на оглашении документа Голландского правительства, который уже был представлен Трибуналу под № РФ-324 и из которого явствует, что был заявлен протест против тайного приговора к смерти и казни трех офицеров: лейтенантов Ван-Боша, Браата и Тибо.

Из этого документа явствует, что нацисты, проводя систематическую политику устрашения, постарались сохранить возможно большее количество военнопленных для того, чтобы в случае необходимости оказывать эффективное давление на страны, из которых происходили эти военнопленные. Эта политика проводилась путем незаконного захвата военнопленных или систематического отказа репатриировать пленных, плохое состояние здоровья которых могло бы оправдать эту меру. В качестве примера незаконного захвата военнопленных мы можем упомянуть о французских военнопленных. Отчет министерства по делам военнопленных и сосланных, на который мы ссылаемся, указывает на странице 440, что некоторые французские военные части сложили оружие в момент перемирия, когда германские военные власти заверили их, что войска, которые таким образом пре-

кратят военные действия, не будут уведены в плен. Однако эти войска были захвачены в плен. Альпийская армия, перешедшая Рону для демобилизации, находилась на западе от города Вьенны. Эту армию захватили в плен и увели в Германию, где она пробыла до конца июля 1940 г. Кроме того, несражающиеся части специального назначения были уведены в плен во исполнение приказа Гиммлера, которым предписывался захват всех без исключения французов, способных носить оружие. Только благодаря индивидуальным нарушениям этих приказов и личной инициативе отдельных командиров частей не все французы были уведены в Германию. Ввиду трудностей увода в Германию огромной массы военнопленных, в 1940 году было решено создать концлагеря для военнопленных в германских военных частях («Фронт Шталаг»). Фактическому правительству, образованному во Франции после перемирия, было дано обещание, что военные, которые будут содержаться в лагерях «Фронт Шталаг», будут находиться во Франции. Однако заключенных этих лагерей начали пересылать в Германию с октября 1940 г.

В дополнительном отчете, приложенном к книге документов, министерство по делам военнопленных и сосланных обращает внимание на незаконный захват в плен войск укрепленного сектора Агно: 22-го пехотного полка и 81-го батальона, а также 51-го и 58-го пехотных полков и одной североафриканской дивизии. Это документ Ф-668.

Цитирую документ:

«Войска укрепленного сектора Агно, 22-й пехотный полк и 81-й батальон, сражались по 25 июня до 1 ч 30 мин. Они прекратили огонь только после соглашения между полковником, командующим укрепленным сектором Агно, и германскими генералами. По этому соглашению французским военнослужащим обеспечивались почетные условия сдачи, в частности, они не должны были быть взяты в плен. 51-й и 58-й пехотные полки, а также североафриканская дивизия отошли к городу Туль только после соглашения, подписанного 22 июня 1940 г. французским генералом Дюбюнссоном и немецким генералом Андреасом в местечке Тюйльо-Грозейль (департамент Мёрт и Мозель). По условиям этого соглашения французским частям обеспечивались военные почести и они не должны были быть захвачены в плен». Этот отчет под французским № РФ-668 является выдержкой из письма Дарлана послу Скапини от 22 апреля 1941 г. Привожу другой документ:

«4 апреля 1941 г. Господин Жорж Скапини, французский посол, его превосходительству господину Абецу, германскому по-

слу в Париже. Тема: „Солдаты, захваченные после вступления в силу конвенции по перемирию, с которыми обращаются как с военнопленными“».

Внизу страницы:

«1. Женевская конвенция. Женевская конвенция может применяться в отношении захвата военнопленных только во время войны. Однако перемирие прекращает военные действия. Таким образом, захват в плен всякого солдата после вступления в силу конвенции по перемирию и обращение с ним как с военнопленным неправильно».

Третий параграф страницы 17:

«Статья 4. Во втором параграфе конвенции по перемирию лишь говорится о том, что французские вооруженные силы, расположенные в районах, подлежащих германской оккупации, должны быть срочно возвращены на неоккупированную территорию и демобилизованы. Однако в этой статье не говорится (что нарушило бы Женевскую конвенцию) о том, что их захватят в плен».

Пятый параграф той же страницы:

«1. Гражданские лица. Если допустить, что с гражданскими лицами нельзя обращаться как с военнопленными, взяв их в плен до заключения перемирия, о чем говорилось в предыдущем письме, то тем более можно ли допустить это по их захвате в плен после заключения перемирия? Я должен заметить по этому вопросу, что захват, иногда массового характера, производился еще в течение нескольких месяцев после окончания военных действий».

Страница 18, в начале страницы:

«К категориям гражданских лиц, которые я определил в моем первом письме, прибавляется еще одна категория — категория демобилизованных, которые возвращались домой в оккупированную зону после заключения перемирия и которых чаще всего в результате инициативы местных властей захватывали по дороге домой и посылали в плен.

2. Военные. Я так условно называю тех людей, которые, хотя они и были освобождены после перемирия, по некоторым обстоятельствам того трудного времени не смогли получить оформленных демобилизационных документов. Многие из них были захвачены и уведены в плен при таких же обстоятельствах, как и предыдущие».

Перейдем к странице 19, ко второй части страницы:

«А. Гражданские лица, не подлежащие военной службе. Само собой разумеется, их нельзя рассматривать как военных со-

гласно французским законам; их можно разделить по возрасту на 2 группы:

а) люди, не достигшие 21 года, не призывавшиеся в армию, — например: Фланкар Александр — 18 лет, захваченный германскими войсками в Курьере, департамент Па-де-Кале, по вступлении германских войск в этот район. Фланкар был направлен в плен в „Шталаг-26".

b) Люди, в возрасте от 21 года до 48 лет, немобилизованные, демобилизованные или освобожденные от военной службы. Следует довольно длинный список примеров, который Трибунал, может быть, примет как доказательство без его оглашения. В нем значатся одни фамилии».

В середине страницы:

«Военные специальных частей. Военные разных спецчастей делятся на две группы.

1. Военные, мобилизованные в специальные корпуса, являющиеся военными частями и созданные путем мобилизации в различных министерствах, по следующей таблице».

В начале страницы 21:

«Военные специального назначения, оставленные на военных предприятиях в качестве мобилизованных на той же работе, которую они выполняли в мирное время. Например, рабочие артиллерийских парков.

Гражданские специалисты. В отличие от предыдущих, гражданские специалисты не входили в военные части и не находились в ведении военных властей. Однако их захватывали в плен. Например [я пропускаю несколько строчек], Муиссе Анри, работавший в качестве специалиста на заводе Марэ-Вонен [я пропускаю еще несколько строк], он был взят в плен и направлен в „Шталаг 102 11-А".

Не все эти люди были освобождены. Некоторые оставались в плену до конца войны».

Я буду сейчас цитировать документ, представленный под № РФ-324. Этот текст можно изложить в нескольких словах. В нем говорится о голландских офицерах, освобожденных по капитуляции голландской армии и снова захваченных некоторое время спустя для того, чтобы отправить их в плен в Германию.

Абзац третий этого документа:

«9 мая 1942 г. в голландских газетах было опубликовано уведомление для всех кадровых офицеров бывшей голландской армии, находившихся на действительной службе 10 мая 1940 г., о явке их в пятницу 15 мая 1942 г. в казарму Шоссе в Бреда».

Параграф пятый:

«Более тысячи кадровых офицеров явились в казарму Шоссе 15 мая 1942 г. За ними заперлись двери».

Теперь я перехожу к седьмому абзацу:

«Один германский офицер из высших чинов явился в казарму и заявил, что офицеры не сдержали своего слова — ничего не предпринимать против фюрера, в связи с чем с этого момента они находятся в плену».

Следующий абзац:

«Их отправили с охраной из Бреда в Нюрнберг, в Германию».

Множество препятствий существовало для освобождения французских военнопленных, которые вследствие своего плохого здоровья должны были возвратиться домой. Я цитирую документ, который уже был представлен под № РФ-297:

«...Вопрос об освобождении французских генералов, военнопленных Германии, по возрасту или плохому здоровью несколько раз поднимался французскими управлениями».

Второй абзац: «Фюрер всегда относился отрицательно к этому вопросу как с точки зрения их освобождения, так и помещения в госпиталь в других или нейтральных странах».

Третий абзац:

«Освобождение или помещение в госпиталь теперь должно иметь место еще реже, чем когда-либо».

От руки приписано на этом документе: «На это французское письмо ответа не последует». Это письмо было послано верховным командованием германской армии германской комиссии по перемирию, обратившейся в штаб за консультацией по вопросу, следует ли отвечать на требования об освобождении больных французских генералов, поступавшие от фактического французского правительства того времени.

Гораздо более серьезные меры были приняты германскими властями в отношении наших военнопленных, когда по причинам патриотического характера некоторые из наших соотечественников-военнопленных дали понять немцам, что они не намерены сотрудничать с Германией. Германские власти считали, что те из наших соотечественников, которые так вели себя, строптивы и представляют угрозу своим мужеством и своей решимостью. Тогда началась настоящая резня этих людей. Нам известны многочисленные примеры умерщвления военнопленных в результате участия их в действиях «командос», обвинения их немцами в совершении террористических актов в воздухе, или потому только, что им вменялись в вину побег либо попытка к бегству, или же потому, что их обвиняли просто в активном ли-

бо моральном сопротивлении нацистскому порядку. Эти убийства осуществлялись посредством заключения военнопленных в концлагеря, где к ним применялся режим, о котором вам уже известно и который приводил их к смерти. Или же их убивали еще проще: выстрелом в затылок, по способу, описанному вам моими американскими коллегами, на котором я не буду останавливаться.

В других случаях их линчевали на месте согласно отданным приказам или же в силу попустительства германского правительства толпе. В некоторых случаях их передавали в гестапо или СД.

В конце моего выступления я скажу, что в последние годы оккупации эти организации имели право производить казни.

С разрешения Трибунала мы рассмотрим случаи уничтожения военных, захваченных в результате военных действий, случаи с «коммандос» и с летчиками.

Как Трибуналу уже известно, «коммандос» почти всегда были добровольцами. Во всяком случае, их набирали из самых отважных бойцов, физически наиболее боеспособных. Таким образом, можно рассматривать их как лучших из лучших; поэтому Приказы об уничтожении их имели своей целью уничтожение лучших бойцов союзных армий. С точки зрения юридической, казни «коммандос» оправдать нельзя. Кстати, немцы сами очень широко применяли «коммандос». Но если в отношении своих собственных «коммандос» после захвата их в плен немцы всегда требовали признания за ними положения военнопленных, то они отказывали в этом качестве нашим «коммандос» или «коммандос» союзных армий.

По этому вопросу приказ о смертной казни был подписан Гитлером 18 октября 1942 г., и этот приказ выполнялся очень энергично. Ему, кстати, предшествовали другие приказы ОКВ. Это является доказательством тщательного рассмотрения этого вопроса до издания окончательного приказа за подписью руководителя германского правительства.

Документ под № ПС-553, который я представляю под № РФ-362. Это — приказ, предусматривающий уничтожение всех отдельных парашютистов или небольших групп парашютистов, имеющих определенное задание. Он датирован 4 августа 1942 г. и подписан Кейтелем. Этот приказ был представлен в качестве доказательства.

7 октября 1942 г. в сообщении ОКВ, напечатанном прессой и переданном по радио, было объявлено о решении верховного командования уничтожать диверсантов. На странице 26 своей

книги документов Трибунал найдет выдержку из «Фелькишер беобахтер» от 8 октября 1942 г.:

«В будущем все отряды террористов и диверсантов англичан и их вспомогательные части, которые поведут себя не как солдаты, а как бандиты, будут подвергнуты германской армией соответственному обращению: их будут убивать на поле боя и, вне зависимости от места сражения, на месте их действия».

Под № РФ-363 мы представляем запись заседания штаба германской армии, которая датирована 14 октября 1942 г.

Третий абзац:

«В период тотальной войны диверсия стала основным элементом ведения войны. В этой связи достаточно указать наше собственное отношение. Враги могут найти доказательства тому в отчетах наших собственных отделов пропаганды».

На странице 29, в конце третьего абзаца (это все из записи заседания от 14 октября 1942 г. штаба армии), сказано, что «диверсия является основным элементом, и мы сами сильно развили этот вид боя».

Затем шестой параграф:

«О намерении ликвидировать впредь все террористические и диверсионные группы, которые ведут себя как бандиты, уже передавалось по радио...

...Таким образом, надо считать, что задачи штаба армии заключаются единственно в том, чтобы давать директивы практического выполнения, чтобы войска знали, как им следует поступать в отношении таких групп».

На странице 30 Трибунал увидит, какие приказы отдавались в отношении таких групп, которые германский штаб называл группами английских террористов и саботажников, так как речь шла о «коммандос» противника. Конечно, германский штаб своих «коммандос» никогда не называл «группами террористов и саботажников».

Первый параграф, четвертая строчка, относится к группам британской армии, одетым в гражданское платье или в военную форму. Я читаю:

«Их надо истреблять беспощадно во время боя и в то время, как они спасаются бегством».

Параграф «b»:

«Члены группы террористов и диверсантов британской армии, которые в военной форме повели себя в военном отношении недостойным образом или нарушили международное право, должны быть изолированы».

Пропускаю несколько строк и читаю:

«Инструкции об обращении с ними будут даны штабом армии по согласованию с юридическим и иностранным отделами».

Наконец, на странице 31, второй абзац:

«Группы террористов и диверсантов будут всегда рассматриваться как нарушающие правила войны в случае, если несколько нападающих диверсантов, агентов, солдат или штатских в военной форме или в штатском производят, по мнению войск, агрессивные или варварские действия».

Третий параграф:

«В этом случае такие группы будут уничтожены до последнего человека как во время боя, так и при попытке к бегству. Таких лиц заключать в лагерь для военнопленных запрещается».

Глава 17
Казнь «братьев по оружию»

Нацисты не щадили даже своих недавних союзников. После капитуляции Италии перед войсками антигитлеровской коалиции 3 сентября 1943 г., акт которой подписал на острове Сицилия король Виктор-Эммануил, немецкие войска успели оккупировать часть страны. Участь 640 тысяч пленных итальянцев, в том числе и из итальянских частей, воевавших вместе с вермахтом на Восточном фронте, была ужасной.

Итальянским военным было предложено принять немецкую присягу и продолжить боевые действия. Отказавшимся была уготована смерть. Приказ верховного командования вермахта от 30 сентября 1943 г. предписывал: «Согласно содержанию 3 пункта II раздела „Директивных указаний" итальянских офицеров расстрелять в обычном экстренном порядке, они должны считаться „расстрелянными как партизаны"».

В результате более 400 тысяч итальянских солдат были расстреляны нацистами или погибли в лагерях от голода, лишений и непосильного труда.

Власти послевоенной Италии достаточно инертно отреагировали на убийство своих солдат, отказавшихся сражаться за Гитлера. Злодеяния нацистов долгое время скрывались от итальянского народа. Более того, распространялись лживые измышления о «муках» и «гибели» итальянских военнопленных в «советских концлагерях».

В 1987 г. Прокуратура СССР возбудила уголовное дело по факту расстрела гитлеровцами во Львове в 1943 г. 2500 итальянских военнослужащих.

На основании показаний свидетелей, заключения экспертиз, архивных материалов была составлена полная картина злодеяния. С материалами дела были ознакомлены посол Италии в СССР и Итальянская правительственная комиссия по расследованию событий, связанных с расстрелом итальянских военнослужащих во Львове. Представителям этой страны была предоставлена возможность побывать на местах казней, где свидетели-очевидцы подробно рассказали о трагической расправе над итальянцами.

И посол, и члены комиссии однозначно высказались за установление сотрудничества в розыске и наказании нацистских убийц. Тем не менее активных действий со стороны итальянских властей тогда так и не последовало. В статье, опубликованной в популярной итальянской газете «Иль Джорнале», автор этой книги проинформировал общественность Италии о расследовании и его проблемах. Однако ворошить прошлое, судя по реакции прессы, никто особенно не хотел.

Итальянская газета «Иль Джорнале», 1 июля 1992 года.
Новые подробности о массовых истреблениях в 1943 году

«ВО ЛЬВОВЕ УНИЧТОЖЕНЫ НАЦИСТАМИ 2500 НАШИХ СОЛДАТ»

О драматических событиях, связанных с нашими солдатами, уничтоженными нацистами во Львове, рассказывает Государственный советник юстиции России Звягинцев.

Расследование, начатое Прокуратурой СССР 26 февраля 1987 года, о массовом расстреле итальянских солдат нацистами во Львове, выявило массу новых фактов и деталей по этому делу. Следует напомнить, что преступления, являющиеся предметом данного расследования, были совершены в 1943 году на основании «директив» вермахта, утвержденных Мартином Борманом в сентябре того же года, а также на основании «специального циркуляра». Этими документами предписывалось уничтожение итальянских офицеров, которые отказывались воевать на стороне немцев и которые приравнивались поэтому к партизанам.

Долгое время расследование не могло установить даже приблизительное число итальянских военных, уничтоженных нацистами. Теперь оно установлено. В частности, заместитель прокурора г. Львова Василий Дорош, участвующий в расследовании по данному делу, расширив район поисковых работ, установил, что массовые истребления итальянцев проводились не только в Лиснецком лесу, Погулянке, крепости «Цитадель», но также в концентрационном лагере «Яновский». Всего в этих местах было уничтожено 2500 итальянских военных.

«Сбор доказательств — дело довольно трудное, — отмечает Дорош. — Многих свидетелей тех событий уже нет среди нас. Кроме того, нацисты боялись мести за содеянное и, чтобы скрыть свои преступления, сжигали трупы, а остававшиеся кости перемалывали с помощью специальных машин. Все это осуществляло „Зондеркомандо-1005", специальная команда, сформированная из евреев-смертников, которые сразу же после этого были уничтожены».

Но некоторые из них уцелели. Четырем из «смертников» удалось бежать. В ходе опросов они поведали жуткие факты. Впоследствии их показания были подкреплены вещественными доказательствами, среди которых фотографии, одежда убитых, волосы и другие предметы. В ходе расследований, проведенных экспертами, удалось прояснить многие факты. Недавние поездки, совершенные следователями Прокуратуры в Польшу, их беседы со свидетелями тех событий позволили получить дополнительную информацию по данному делу.

Сейчас следователи работают над выполнением отдельного запроса, поступившего из Италии. Около трехсот документов следствия, прежде всего протоколы допросов и выводы экспертов, нами уже высланы. В настоящий момент проводится опрос других свидетелей. «Но у нас есть некоторые вопросы и к нашим итальянским коллегам, — говорит Дорош. — В Италии есть более десяти человек, которых мы хотели бы опросить по данному делу. Нам известны их имена. Это очень важные свидетели».

Александр Звягинцев.
Москва

Глава 18
Клеймо из ляписа — хорошо... а татуировка — лучше

Циничная идея клеймить людей, как скот, как рабов древнего мира, выдает всю низость и бездушие нацистских руководителей, озабоченных тем, что пленные из СССР не хотели мириться со своей горькой участью и пытались вырваться на свободу. Изобретение верховным командованием Германии способов клеймения людей говорит о том, как быстро просвещенная и культурная страна Европы, по крайней мере значительная часть ее народа, может растерять весь свой гуманизм и погрузиться во мрак злобного, людоедского отношения к внешнему миру и внутренней оппозиции.

Документ ПС-1191, СССР-15
Начальник полиции порядка

Кдо. 1Г 1а (1) № 74/42

Копия с копии
Берлин,
9 февраля 1942 г.

Относительно: КЛЕЙМЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Нижеследующую копию распоряжения ОКВ от 16.1.1942-А и 2ф 24.73 (1а) 539/42 я направляю в дополнение к моему приказу от 5.1.1942 г. — О-Кдо. 1 г (1) № 127/41 (г)

По поручению: Шлаке
заверено — подпись

Копия с копии
ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
Ац 2ф, 24.73 (1а) № 539/42

Берлин-Шенеберг 1.
16.1.42

ОТНОСИТЕЛЬНО: КЛЕЙМЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Ввиду того, что советские военнопленные при побегах большей частью снимают с себя опознавательные знаки и не могут быть опознаны как военнопленные, в частности как советские военнопленные, приказываю: каждому советскому военнопленному нанести ляписом клеймо на внутренней стороне левого предплечья.

Начальник верховного командования
вооруженными силами
По поручению — подпись

В немецких штабах сидели не только бесконечно циничные, но деятельные и усердные люди, доводившие до совершенства свои аморальные и преступные инициативы.

Проходит несколько месяцев, и главное командование вермахта издает новый приказ о клеймении, порадовавший исполнителей проработкой всех деталей зверского процесса.

Вместо недостаточно стойкой метки ляписом на предплечье предписывалось делать советским пленным татуировку на ягодице.

Верховное командование вооруженными силами Берлин-Шенеберг, Копия с копии
20.7.42
Ац, 2 ф, 24 82 х ...№ 3142/42 Баденшештрассе, 51

ОТНОСИТЕЛЬНО КЛЕЙМЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫМ ЗНАКОМ

1) Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

2) Клеймо имеет форму острого угла примерно в 40 градусов с длиной сторон в 1 сантиметр, расположенного острием кверху, и ставится на левой ягодице на расстоянии ладони от заднего прохода. Этот знак наносится посредством ланцета, имеющегося в любой воинской части. В качестве красящего вещества употребляется китайская тушь. Выполнить это надлежит следующим образом: царапины, нанесенные раскаленным ланцетом на поверхность напряженной кожи, смочить китайской тушью. При этом следует избегать глубоких кровоточащих порезов.

Так как в настоящее время еще нет достаточного опыта в отношении стойкости клеймения, то затем через определенные промежутки времени, по истечении 14 дней, четырех недель и через три месяца, следует проверить клеймо и, в случае необходимости, возобновить его (см. § 7).

3) Клеймение не является медицинским мероприятием. Германскому санитарному персоналу не следует поэтому поручать его выполнение за недостатком санитарного персонала. Клеймение, несомненно, можно поручить соответствующему санитарному персоналу из советских военнопленных под медицинским надзором немцев. Срочно предлагается обучить необходимое количество подобного вспомогательного состава практическому выполнению этого, согласно данному предписанию.

4) В интересах быстрого исполнения необходимо затребовать на санитарных складах ланцеты и китайскую тушь.

5) Клеймению необходимо подвергать:

a) вновь поступающих советских военнопленных в районах деятельности командующих вооруженными силами и на востоке и Украине и командующего вооруженными силами в генерал-губернаторстве после мытья, при первой санобработке;

b) всех остальных военнопленных в сфере действия ОКВ до 30.9.42. Об исполнении донести ОКВ до 15.10.1942 г.

6) Это мероприятие не должно препятствовать использованию на работах. Поэтому клеймение военнопленных, занятых на рабо-

тах, должно, по возможности, производиться по месту нахождения рабочих команд или во время ближайшей санобработки.

7) Произведенное первое клеймение должно быть тотчас же занесено в личную карту 1, в раздел «Особые приметы» с пометкой «такого-то... 1942 г.», то же самое при каждом необходимом возобновлении клейма (см. §2).

8) О клеймении находящихся под надзором ОКХ распорядится ген.-кв. ОКХ. Просим сообщить о данном предложении.

Нач. верховного командования
вооруженными силами
По поручению — подпись

Глава 19
Нападение на жизнь. Гитлер: «Мы обязаны истреблять население»

Герман Раушнинг был видным нацистом, советником Гитлера. Еще до прихода НСДАП к власти во всей Германии эта партия получила большинство мест в сенате Данцига, и Раушнинг стал его председателем.

Но вскоре из сторонников национал-социализма он превратился в его опасного критика и в 1936 г. уехал из Германии сначала в Швейцарию, а затем в Англию, где занимался литературным трудом.

Хорошо зная Гитлера, Раушнинг написал несколько книг, разоблачающих фюрера, его «теорию» и политику. Работа «Голос разрушения», вышедшая в свет в 1940 г., — одно из ярких публицистических произведений.

Ведомство Гиммлера включило Раушнинга в список лиц, подлежащих розыску и аресту, однако он оказался в недосягаемости от мести бывших друзей. После войны переехал в США и еще раз сменил амплуа, став фермером.

Предлагаемые отрывки представляют собой прямую речь фюрера.

Документ СССР-378

ИЗ КНИГИ ГЕРМАНА РАУШНИНГА «ГОЛОС РАЗРУШЕНИЯ» ИЗДАНИЯ 1940 ГОДА

Глава XI. Внешняя политика Гитлера (стр. 137) ...

Он [Гитлер] продолжал: «Минимально, что мы можем сделать, это предотвратить поднятие чужеземной крови в теле нашей нации.

Я признаю, что угроза этого чужеземного засилия не ослабнет, если в недалеком будущем мы оккупируем территории с весьма высоким процентом славянского населения, от которого нам не удастся так скоро отделаться. Подумайте об Австрии, о Вене. Разве в них осталось что-нибудь немецкое?

Мы обязаны истреблять население, — продолжал он, возбуждаясь, — это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь, — грубо говоря, это моя задача. Природа жестока, следовательно, мы тоже имеем право быть жестокими. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви. Под словом «уничтожить» я не имею в виду непременное истребление этих людей. Я просто приму меры к систематической приостановке естественного прироста этого населения. Например, я могу на несколько лет отделить мужчин от женщин. Вы помните, насколько упал процент деторождаемости во время мировой войны? Почему бы нам в течение нескольких лет не проводить сознательно того, что тогда явилось неизбежным следствием продолжительной войны? Существует немало путей, при помощи которых можно систематически, сравнительно безболезненно и уж во всяком случае без кровопролития добиться вымирания нежелательных для нас народов.

Кстати, — добавил он, — я без всякого колебания заявлю об этом открыто. После войны французы жаловались, что немцев на двадцать миллионов больше, чем нужно. Мы соглашаемся с этим заявлением. Мы приветствуем осуществление регулирования по плану численности населения. Но нашим друзьям придется нас извинить, если мы каким-либо другим образом разрешим вопрос об этих двадцати миллионах. После всех этих веков хныкания о защите бедных и забитых для нас пришло время решить защищать сильных перед низшими. Одна из основных задач германского государственного управления во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают им не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние времена победитель получал исключительное право уничтожать целые племена, целые народы. Осуществляя это постепенно и без кровопролития, мы проявляем гуманность. Нам не нужно за-

бывать, что мы поступаем с другими только так, как они сами поступили бы с нами...»

Глава XVI. Черная и белая магия (стр. 225)

Я благодарю свою судьбу за то, что она не уготовила мне благословения, посылаемого государством, и не опустила мне на глаза завесу, называемую научным образованием. Мне удалось избежать многих наивных заблуждений. Теперь я пожинаю плоды достигнутого мною. Я приближаюсь ко всему с колоссальным ледяным спокойствием и без предрассудков.

Провидение предопределило, что я буду величайшим освободителем человечества. Я освобождаю людей от сдерживающего начала ума, который завладел ими, от грязных и разлагающих унижений, которые личность претерпевает от химеры, носящей название совесть и мораль, и от требований свободы и личной независимости, которые могут быть перенесены лишь немногими.

Христианской доктрине о бесконечной значимости индивидуальной человеческой души и личной ответственности я с неотразимой ясностью противопоставляю спасительную доктрину о ничтожности и маловажности индивидуального человеческого существа и о его повторяющемся существовании в очевидной бессмертности нации. Догма о страданиях за ближнего и смерть от руки божественного спасителя дает место догме символики жизни и деятельности нового лидера — законодателя, который освобождает преданные ему массы от тяжести свободной воли.

Когда нацистское руководство поставило цель добиться мирового господства, захватить «жизненное пространство» и уничтожить целые народы, оно уже было полностью свободно от «химеры совести». На территориях, оккупированных Германией, было бесполезно искать следы справедливости и гуманности новых хозяев. За всеми действиями, которые предпринимали нацисты, стояло одно желание — принести населению наибольший вред, лишить его источников существования, истребить физически.

Приняв в 1940 г. план нападения на СССР, они начали вместе с военными мерами готовить модель «управления» оккупированными землями. Были заранее разработаны директивы и приказы о массовом уничтожении населения, разграблении захваченных территорий. Образцом этого нацистского творчества является план «Ост». В нем без обиняков утверждалось: «Дело заключается... в том, чтобы уничтожить русских как народ».

Сразу предполагалось, что машина репрессий будет действовать не вслепую. Целью ее была, прежде всего, активная часть населения — партийные работники, представители советской власти, хозяйственные руководители, ученые, специалисты, деятели культуры. Для этого были составлены «Особая розыскная книга СССР», «Списки по выявлению местопребывания» и другие ориентировки.

Так же, еще накануне вторжения, нацистское руководство и главное командование вермахта освободили и военных, и войска СС, и карательные органы от какой-либо ответственности за преступления против мирного населения и военнопленных.

С началом боевых действий и продвижением немецких армий на восток нацистские вожди только подтверждали и увеличивали эту жуткую свободу для своих головорезов. Для борьбы с растущим сопротивлением народа, партизанским движением, которое нацисты называли «чумой», а отряды — «бандами», карателям были разрешены любые зверства.

Ставку на них делал прежде всего сам Гитлер: «Если эта борьба против банд как на Востоке, так и на Балканах не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму. Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

«Любые средства» и применялись: пули и огонь, вероломство и ложь, концлагеря и гетто, голод и болезни, смертельный газ и яды. Создай нацисты ядерное оружие, они применили бы его, не задумываясь.

Жертвы Советского Союза были огромны, но и в других странах, на территорию которых ступил немецкий сапог, трагический счет оккупантам необычайно велик. Карательные акции с массовыми убийствами мирного населения, отправкой его в концлагеря, сожжение и разрушение деревень, сел и целых городов есть в истории каждой захваченной страны.

Вот примеры — национальные символы нацистских зверств. Во Франции нацисты уничтожили город Орадур-сюр-Глан, в котором заживо сожгли и расстреляли 639 жителей, среди которых было 460 женщин и детей. В Чехословакии каратели сожгли поселок Лидице. Все мужчины там были убиты, а женщины и дети отправлены в концлагерь. Далее нацисты так же обошлись с поселком Лезаки. В Италии было стерто с лица земли селение Сант Анна-ди-Стацидена, при этом было расстреляно 560 граждан. В Голландии разрушена деревня Пюттен. Часть жителей ее была расстреляна на месте, 660 человек увезены в концлагерь, из которого вернулись лишь 115 человек. В Нор-

вегии разрушен поселок Телавог. Все мужское население его было расстреляно или посажено в концлагерь.

Массовые злодеяния совершили нацисты в Югославии, Греции. В многострадальной Польше каратели совершили рейды по 769 деревням, убив почти 20 тысяч человек.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Л. Н. СМИРНОВЫМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 14, 15, 18 и 19 февраля 1946 г.]

Господа судьи! Моя задача состоит в том, чтобы предъявить вам письменные документы и иные судебные доказательства, свидетельствующие о совершении гитлеровскими заговорщиками тягчайших преступлений в отношении мирного населения временно оккупированных районов Советского Союза, Югославии, Польши и Чехословакии.

Количество подобных доказательств, находящихся в распоряжении советского обвинения, необычайно велико.

Достаточно указать, что лишь в делах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников находится 54 784 акта о зверствах гитлеровских преступников в отношении мирных граждан Советского Союза.

Однако и эти документы далеко не охватывают всех злодеяний, совершенных преступниками войны в отношении мирного населения.

Советское обвинение утверждает, и я представлю Суду доказательства этому, что на всем протяжении громадного фронта, от Баренцева моря до Черного моря, во всю глубину проникновения немецко-фашистских орд на землю моей Родины, всюду, где ступила нога немецкого солдата или появился эсэсовец, совершались неслыханные по своей жестокости преступления, жертвами которых становились мирные люди: женщины, дети, старики.

Злодеяния немецко-фашистских преступников выявлялись по мере продвижения на запад частей Красной Армии. Акты о преступлениях гитлеровцев в отношении мирного населения составлялись офицерами передовых частей Красной Армии, местными органами власти, общественными организациями.

Советские люди узнавали о преступлениях немецко-фашистских захватчиков в первую очередь не по циркулярам немецкого

командования, указаниям рейхслейтеров или инструктивным письмам обергруппенфюреров СС, снабженным входящими и исходящими номерами соответствующих канцелярий, хотя и подобные документы были в большом количестве захвачены наступающими частями Красной Армии и находятся в распоряжении советского обвинения.

Иными здесь являются источники доказательств. Возвращаясь в родные места, солдаты армии-освободительницы находили много сел, деревень, городов, превращенных гитлеровскими полчищами в «зоны пустыни».

У братских могил, где покоились тела советских людей, умерщвленных «типичными немецкими приемами» (я представлю далее Суду доказательства этих приемов и определенной периодичности их), у виселиц, на которых раскачивались тела подростков, у печей гигантских крематориев, где сжигались умерщвленные в лагерях уничтожения, у трупов женщин и девушек, ставших жертвами садистских наклонностей фашистских бандитов, у мертвых тел детей, разорванных пополам, постигали советские люди цепь злодеяний, тянущихся, как справедливо сказано в речи Главного обвинителя от СССР, «от рук палачей до министерских кресел».

В этих чудовищных злодеяниях была своя определенная преступная система. Единство приемов умерщвления: одно и то же устройство газовых камер, массовая штамповка круглых банок с отравляющим веществом «циклоном А» или «циклоном Б», построенные по одним и тем же типовым проектам печи крематориев, одинаковая планировка «лагерей уничтожения», стандартная конструкция зловонных «машин смерти», которые немцы называли «газенвагенами», а наши люди — «душегубками», техническая разработка конструкций передвижных мельниц для размалывания человеческих костей — все это указывало на единую злую волю, объединяющую отдельных убийц и палачей.

Становилось ясным, что по приказу руководства военными немецкими силами занимались немецкие теплотехники и химики, архитекторы и токсикологи, механики и врачи.

Становилось ясным, что «фабрики смерти» вызывали к жизни целые отрасли вспомогательной индустрии.

Но единство злой воли проявлялось не только там, где целям злодейского умерщвления людей служила специальная техника.

Это единство злой воли проявлялось также в единстве приемов исполнителей злодеяний, однотипности техники умерщвления людей и там, где для убийств использовались не специ-

альные технические устройства, а применялись обычные образцы оружия, принятого на вооружение германской армии.

Из тех доказательств, которые мною будут предъявлены дальше, вы увидите, что места захоронения немецких жертв вскрывались советскими судебными медиками на севере и на юге страны, могилы были отделены одна от другой тысячами километров, и очевидно было, что эти злодеяния совершались различными физическими лицами. Но одинаковыми были приемы совершения преступлений. Одинаково локализировались ранения. Одинаково подготовлялись маскируемые под противотанковые рвы или траншеи гигантские ямы-могилы. Приведенным к месту расстрела безоружным и беззащитным людям убийцы в почти одинаковых выражениях приказывали раздеться и лечь лицом вниз в заранее приготовленные ямы. Первый слой расстрелянных, было ли это в болотах Белоруссии или в предгорьях Кавказа, одинаково присыпался хлорной известью, и на прикрытый смешанной с кровью едкой массой первый ряд мертвецов убийцы вновь заставляли ложиться обреченных беззащитных людей.

Это свидетельствовало не только о единстве полученных свыше инструкций и приказов. Настолько одинаковы были приемы убийств, что становилось ясным, как готовились кадры убийц в специальных школах, как заранее предусматривалось все, начиная от приказа раздеться перед расстрелом до самого умерщвления. Эти основанные на анализе фактов предположения были впоследствии полностью подтверждены захваченными Красной Армией документами и показаниями пленных.

С первых месяцев войны Советскому правительству было ясно, что бесчисленные преступления немецко-фашистских агрессоров против мирных жителей нашей Родины представляют не эксцессы недисциплинированных военных частей или изолированные преступные действия отдельных офицеров и солдат, а являются системой, заранее предусмотренной, не просто санкционированной преступным гитлеровским правительством, но преднамеренно насажденной им и всячески поощряемой.

Суду уже представлена как бесспорное доказательство в соответствии со статьей 21 Устава и зарегистрирована под № СССР-51 одна из нот Народного комиссариата иностранных дел СССР, датированная 6 января 1942 г. Я начинаю цитировать третий абзац после заголовка ноты. Там сказано:

«Освобождение частями Красной Армии, в процессе ее продолжающегося успешного контрнаступления, ряда городов и сельских местностей, находившихся временно в руках германских захватчиков, выявило и с каждым днем все более продол-

жает выявлять неслыханную картину повсеместного грабежа, всеобщего разорения, гнусных насилий, издевательств и массовых убийств, учинявшихся немецко-фашистскими оккупантами над мирным населением при их наступлении, во время оккупации и при отступлении. Имеющиеся в распоряжении Советского правительства многочисленные документальные материалы свидетельствуют о том, что грабежи и разорение населения, сопровождавшиеся зверскими насилиями и массовыми убийствами, распространены во всех районах, попавших под пяту немецких захватчиков. Непререкаемые факты свидетельствуют, что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием, которые сознательно развязывают в своей армии, среди офицеров и солдат, самые низменные, зверские инстинкты. ...

Советское правительство и его органы ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия.

Советское правительство считает своим долгом довести до сведения всего цивилизованного человечества, всех честных людей во всем мире свое заявление о фактах, характеризующих чудовищные преступления, совершаемые гитлеровской армией над мирным населением захваченной ею территории Советского Союза».

Я оглашаю затем 2, 4 и 5 абзацы заключительного раздела этой ноты:

«Гитлеровское правительство Германии, вероломно напавшее на Советский Союз, не считается в войне ни с какими нормами международного права, ни с какими требованиями человеческой морали. Оно ведет войну прежде всего с мирным и безоружным населением, с женщинами, детьми, стариками, выявляя тем самым свою подлую разбойничью сущность. Это разбойничье правительство, признающее только силу и разбой, должно быть сломлено всесокрушающей силой свободолюбивых народов, в ряду которых советские народы выполнят свою великую освободительную задачу до конца...»

Суду будут последовательно предъявлены доказательства:

Во-первых, сознательного развязывания со стороны главных преступников войны низменных инстинктов германских

офицеров, солдат и направленных в оккупированные восточные области немецких должностных лиц, подстрекаемых к убийствам мирного населения и насилию над ним; создания атмосферы безнаказанности для преступников и узаконения режима террора.

Во-вторых, специального воспитания и подбора кадров, предназначенных для осуществления массовых убийств и проведения режима террора в отношении мирных граждан.

В-третьих, объемов преступлений, повсеместности и громадных размеров немецко-фашистских злодеяний.

В-четвертых, постепенного развития и усовершенствования методов осуществления чудовищных преступлений, от первых расстрелов до создания «лагерей уничтожения».

В-пятых, попыток сокрытия следов преступлений и специальных мероприятий, проведенных с этой целью по приказам из центра.

Я перехожу к предъявлению документов по первым двум разделам этого перечня.

Суду уже были предъявлены доказательства того, что конкретные приказы, циркуляры и так называемые «законы», изданные гитлеровскими преступниками для легализации террора в отношении мирного населения и для оправдания насилий и убийств, стоят в прямой связи с человеконенавистническими «теориями» фашизма. В речи Главного обвинителя были приведены две цитаты из книги бывшего президента данцигского сената и одного из весьма приближенных в свое время к Гитлеру лиц — Германа Раушнинга, изданной в 1940 г. в Нью-Йорке под названием «Голос разрушения». Эта книга переиздавалась также в разных странах и в разное время под другими названиями («Гитлер говорил мне», «Разговор с Гитлером» и т. д.).

Из книги Раушнинга, предъявленной мною сейчас Суду, в речи Главного обвинителя от СССР приведены две цитаты. Одна из них находится на странице 225 подлинника. Содержание этой цитаты вкратце сводится к тому, что Гитлер говорил Раушнингу о том, что он освобождает человечество от «унижающих ограничений», выдвигаемых «химерой совести и морали». Вторая цитата также очень важна. Я постараюсь на ряде совершенно конкретных фактов раскрыть кажущееся абстрактным содержание этой цитаты. Вы найдете ее на страницах 137–138. Здесь речь шла относительно разговора Гитлера с Раушнингом о специальной «технике обезлюживания» — действиях, необходимых для физического уничтожения целых народов, и о «праве победителя на физическое уничтожение целых народов».

И в самом деле, для того чтобы умертвить миллионы невинных и беззащитных людей, необходимо было не только разработать химическую рецептуру «циклона А», сконструировать газовые камеры и печи крематориев или специально разработать процедуры осуществления массовых расстрелов. Для этого надо было также воспитать многие тысячи исполнителей «не по форме приказа, а по его духу» (как говорил в одном из своих выступлений Гиммлер). Нужно было воспитать людей, лишенных сердца и совести, извращенных существ, сознательно порвавших с основными положениями морали и права. Нужно было легализовать и «теоретически обосновать» закономерность замены понятия «вины» понятием «подозрения», понятия «наказание» — понятием «превентивного очищения от нежелательных элементов в политических целях», понятия «справедливости» — понятием «права господ», понятия «суда» — апологией административного произвола и полицейского террора.

В форме приказов, распоряжений, узаконений нужно было внушить сотням тысяч дрессируемых, как кровавые собаки, исполнителей замышленных главными преступниками злодеяний, что они не отвечают ни за что. Вот почему Гитлер освободил их от «химеры, именуемой совестью».

Но теоретические высказывания не были все же надлежаще оформленными инструкциями и не вводили определенных репрессий за проявление ненужной мягкости к тем, кто недостаточно познал «радость жестокости».

Вот почему еще до начала войны с Советским Союзом немецко-фашистские преступники издали ряд так называемых памяток, заповедей и других подобных документов для немцев, отправляющихся на Восток. Я предъявляю уважаемому Суду один из таких документов. Из тех материалов, которые имелись в моем распоряжении, я сознательно выбрал этот небольшой документ и останавливаюсь на нем потому, что он предназначен не для эсэсовцев или полицейских, а всего лишь для так называемых сельскохозяйственных фюреров. Называется этот документ «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими».

Я представляю Суду этот документ под № СССР-89. Из «12 заповедей» я цитирую только одну, а именно шестую заповедь, которая, как кажется мне, имеет непосредственное отношение к моей теме.

Нельте: Господин председатель! Было бы желательно, если бы представителем обвинения было указано, кто является автором этих заповедей. Я прошу вашего решения, можно ли этот документ принять как доказательство.

Председатель: Полковник Смирнов, сможете ли вы информировать нас, каков источник, из которого вы получили этот документ?

Смирнов: Этот документ находится в делах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию и установлению немецко-фашистских злодеяний.

Документ этот был захвачен полевыми частями нашей армии в районе Россоши, доставлен в Чрезвычайную государственную комиссию, и подлинник этого документа сейчас предъявляется уважаемому Суду.

Председатель: Сейчас передо мной находится этот документ. Здесь сказано: Берлин, 1 июня 1941 г., и, кроме того, здесь есть подпись, которая выглядит, примерно, как Бакке. Возможно, защитник хотел бы ознакомиться с подлинником документа, посмотреть на него. Насколько я понял обвинителя, этот документ представляет собой часть советского правительственного отчета?

Смирнов: Так точно.

Я имею справку о должностном положении Бакке. Бакке был статс-секретарем министерства питания и продовольствия.

Итак, я цитирую шестую заповедь из представленных Суду «12 заповедей».

«6. Ввиду того что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых потребует от вас государство. Отсутствие характеров у отдельных лиц безусловно явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет больше занимать ответственных постов и в пределах самой империи».

К каким самым «жестоким и самым беспощадным» мероприятиям готовило преступное гитлеровское правительство тех, кого оно именовало «знаменосцами национал-социалистской революции», и какие преступления были содеяны ими, мы покажем ниже.

Так отвлеченные теоретические рассуждения подтверждались официальными распоряжениями, вполне определенными и не допускающими двоякого толкования.

Кадры убийц готовились в специальных учебных заведениях. Сеть этих учебных заведений доходила почти до нижних чинов.

Я предъявляю уважаемому Суду обвинительное заключение, составленное следователем по важнейшим делам при Прокуроре СССР по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области. Этот документ нашел полное свое подтверждение в приговоре военного трибунала, который также представляется Суду.

Обвинительное заключение и приговор представляются Трибуналу под № СССР-32.

На первой странице обвинительного заключения приведена выдержка из показаний обвиняемого. Цитирую эту выдержку из показаний:

«Обвиняемый старший ефрейтор германской армии Рецлав Рейнгард, прошедший обучение в отдельном батальоне „Альтенбург", на следствии показал: „...На курсах даже было организовано несколько лекций руководящих чиновников ГФП (германской тайной полевой полиции), которые прямо утверждали о том, что народы Советского Союза, и в особенности русской национальности, являются неполноценными и должны быть в подавляющем большинстве уничтожены, а в значительной своей части использованы немецкими помещиками в качестве рабов.

Эти указания исходили из политики германского правительства в отношении народов оккупированных территорий и, надо признать, что в практической работе каждым военнослужащим германской армии, в том числе и мною, неуклонно выполнялись"».

Таковы были курсы, посвященные обучению и воспитанию младших чиновников полиции.

Но фашистская система воспитания убийц знала и другие формы обучения, специально посвященные, в частности, технике уничтожения следов преступления. Суду уже предъявлен в качестве доказательства документ, зарегистрированный под № СССР-6в/8. Документ этот является одним из приложений к Сообщению Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немцев на территории Львовской области.

Это — показание свидетеля Манусевича, допрошенного по специальному поручению Чрезвычайной государственной комиссии старшим помощником прокурора Львовской области. Протокол допроса надлежаще оформлен в соответствии с процессуальным законом Украинской Советской Республики.

Манусевич был заключен немцами в Яновский лагерь, где работал в команде заключенных, занятой сжиганием трупов умерщвленных советских людей. После сожжения 40 тысяч тру-

пов, умерщвленных в Яновском лагере, команда была отправлена для аналогичных целей в лагерь, размещенный в Лисеницком лесу.

Я цитирую протокол допроса:

«...В этом лагере на фабрике смерти были организованы специальные 10-дневные курсы по сжиганию трупов, на которых занималось 12 человек. На курсы были присланы из лагерей Люблина, Варшавы и других лагерей, из каких — не могу вспомнить. Фамилии курсантов не знаю, но это были не рядовые, а офицеры. Преподавателем курсов был комендант сжигания полковник Шаллок, который на месте, где выкапывали и сжигали трупы, рассказывал, как практически это производить, разъяснял устройство машины по размолу костей».

Суду будет далее представлена фотография этой машины и акт осмотра ее, вернее, акт технического освидетельствования.

«Дальше Шаллок объяснял, как разровнять яму, посеять и посадить деревья на этом месте, где рассыпать и прятать пепел человеческих трупов. Такие курсы были на протяжении длительного времени. За время моего пребывания, то есть за пять с половиной месяцев работы в Яновском и Лисеницком лагерях, было пропущено десять партий курсантов».

Для воспитания подростков немецкие фашисты создали особую организацию, так называемую «гитлерюгенд» («гитлеровская молодежь»).

Длительное время эта организация возглавлялась подсудимым Бальдуром фон Ширахом.

О том, какие методы воспитания немецкой молодежи применялись фашистскими преступниками, свидетельствует французская подданная Ида Вассо, директриса существовавшего во Львове пансиона для престарелых французов. В период оккупации немцами Львова она имела возможность посетить львовское гетто. В заявлении на имя Чрезвычайной государственной комиссии Вассо описала существовавшую там систему истребления людей.

Из заявления Вассо видно, что немцы воспитывали «гитлерюгенд», тренируя этих молодых фашистов в стрельбе по живым мишеням — по детям, которых специально отдавали организации «гитлерюгенд» в качестве мишеней для стрельбы.

Заявление Вассо было проверено Чрезвычайной государственной комиссией и полностью подтверждено. В подтверждение этого я представляю Суду Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области» (документ под № СССР-6).

Цитирую заявление Вассо:

«...Маленькие дети были мучениками. Их отдавали в распоряжение гитлеровской молодежи, которая из этих детей делала живую мишень, обучаясь стрелять. Никакой жалости к другим, все для себя — таков девиз немцев. Надо, чтобы весь мир знал об их методе. Мы, которые были беспомощными свидетелями этих возмутительных сцен, мы должны рассказать об этих ужасах, чтобы все знали о них, а главное, не забыть их, так как возмездие не вернет жизнь миллионов людей».

Чрезвычайная Государственная комиссия констатировала, что во Львове немцы «не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Взрослых они просто убивали, детей отдавали командам гитлеровской молодежи в качестве мишеней при стрельбе».

Так были созданы, воспитаны, обучены те моральные уроды, которые были призваны осуществить программу главных военных преступников по физическому уничтожению народов стран Восточной Европы.

Фашистскому правительству незачем было опасаться того, что эти «знаменосцы национал-социалистской революции» на Востоке обнаружат какие-нибудь остаточные признаки гуманности...

Я цитирую:

«Кроме расстрелов, в Яновском лагере применялись разные пытки, а именно: в зимнее время наливали в бочки воду, привязывали человеку руки к ногам и бросали в бочки. Таким образом человек замерзал. Вокруг Яновского лагеря было проволочное заграждение в два ряда, расстояние между рядами — 1 метр 20 сантиметров, куда забрасывали человека на несколько суток, откуда он сам не мог выйти, и там умирал с голоду и от холода. Но прежде чем забрасывать, человека избивали до полусмерти. Вешали человека за шею, ноги и руки, а потом пускали собак, которые разрывали человека. Ставили человека вместо мишени и производили учебную стрельбу. Этим больше всего занимались гестаповцы: Гайне, Миллер, Блюм, начальник лагеря Вильгауз и другие, фамилии которых не могу припомнить. Давали человеку в руки стакан и производили учебную стрельбу, если попадали в стакан, то человека оставляют живым, а если в руку, то тут же расстреливают и при этом заявляют, что „вы к труду не способны, подлежите расстрелу“. Брали человека за ноги и разрывали. Детей от 1 месяца до 3 лет бросали в бочки с водой и там они тонули. Привязывали человека к столбу против солнца и держали до тех пор, пока человек не умирал от солнечного удара. Кроме этого, в лагере перед посылкой на работу производили так назы-

ваемую проверку физически здоровых мужчин путем бега на расстояние 50 метров, и если человек хорошо пробежит, то есть быстро и не споткнется, то остается живым, а остальных расстреливали. Там же, в этом лагере, была площадка, заросшая травой, на которой производили бег, если человек запутается в траве и упадет, то его немедленно расстреливали. Трава была выше колен. Женщин вешали за волосы, при этом раздевали догола, раскачивали их, и они висели, пока не умирали.

Был такой еще случай: одного молодого парня гестаповец Гайне поставил и резал от его тела куски мяса. И одному сделал в плечах 28 ран (ножевых). Этот человек вылечился и работал в бригаде смерти, а впоследствии был расстрелян. Возле кухни во время получения кофе палач Гайне, когда стояла очередь, подходил к первому, который стоял в очереди, и спрашивал, почему он стоит впереди, и тут же его расстреливал. Таким же порядком он расстреливал несколько человек, а потом подходил к последнему в очереди и спрашивал его: „Почему ты стоишь последний?" и тут же расстреливал его. Все эти зверства я лично сам видел во время пребывания в Яновском лагере...»

Оглашенные мною показания свидетеля Манусевича находят полное подтверждение в официальном Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области». Более того, Манусевич говорит главным образом о действиях нижних и средних чинов лагерной администрации. Из Сообщения Чрезвычайной Комиссии видно, что система гнуснейших издевательств над беззащитными людьми насаждалась и организовывалась высшей лагерной администрацией, неизменно подававшей подчиненным личные примеры бесчеловечности.

Я не буду никак комментировать этот документ, но я прошу, уважаемый Суд, обратить внимание на некоего оберштурмфюрера Вильгауза, упоминаемого в этом документе.

«Гауптштурмфюрер СС Гебауэр установил в Яновском лагере систему зверского истребления людей, которую потом, после его перевода на новую должность, «совершенствовали» коменданты лагеря — оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз и гауптштурмфюрер СС Франц Варцок.

„Я лично видел, — сообщил Комиссии бывший заключенный лагеря Аш, — как гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр душил женщин и детей, а мужчин замораживал в бочках с водой. Бочки наполнялись водой, жертвам связывали руки и ноги и опускали в воду. Обреченные находились в бочке до полного замерзания".

По показаниям многочисленных свидетелей — советских военнопленных, а также французских подданных, находившихся в немецких лагерях, установлено, что немецкие бандиты «изобретали» самые изощренные методы истребления людей, причем все это считалось у них делом особой чести и поощрялось главным военным командованием и правительством.

Гауптштурмфюрер СС Франц Варцок, например, любил подвешивать заключенных за ноги к столбам и так оставлять их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал их за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени».

Комендант Яновского лагеря, оберштурмфюрер Вильгауз, ради спорта и удовольствия жены и дочери, систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключенных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей девятилетней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух двух-четырехлетних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, еще, папа, еще!» — и он стрелял.

Заключенные в лагере истреблялись без всякого повода, часто на спор.

Свидетельница Киршнер Р. С. сообщила следственной комиссии, что комиссар гестапо Венке поспорил с другими палачами лагеря о том, что он одним ударом секиры разрубит мальчика. Те ему не поверили. Тогда он поймал на улице десятилетнего мальчика, поставил его на колени, заставил сложить руки ладонями вместе и пригнуть к ним голову, примерился, поправил голову мальчика и ударом секиры разрубил его вдоль туловища. Гитлеровцы горячо поздравляли Венке, крепко пожимали ему руки, хвалили.

В 1943 г. в день рождения Гитлера (ему исполнилось 54 года) комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз отсчитал из числа заключенных 54 человека и лично расстрелял их.

При лагере для заключенных была организована больница. Немецкие палачи Брамбауэр и Бирман каждого 1-го и 15-го числа проводили проверку больных и, если устанавливали, что среди них имеются такие больные, которые находятся в больнице более двух недель, тут же их расстреливали. При каждой такой проверке расстреливались от 6 до 10 человек.

Пытки, истязания и расстрел немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключенных. Оркестром заставили руководить профессора Штрикса и известного дирижера Мунда. Композиторам немцы предложили сочинить особую мелодию, которую назвали «Танго смерти». Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех оркестрантов».

Членам Суда далее будут представлены фотодокументы — снимки этого «оркестра смерти».

То, что происходило в Яновском лагере, отнюдь не являлось чем-то исключительным. Точно так же вела себя немецко-фашистская администрация всех концентрационных лагерей, размещенных на территории временно оккупированных областей Советского Союза, Польши, Югославии и других стран Восточной Европы.

Суду уже предъявлен под № СССР-29 документ «Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблине».

Я цитирую раздел третий этого документа, озаглавленный «Пытки и кровавые расправы в «лагере уничтожения».

«...Арсенал истязаний и мучений был необычайно разнообразен. Многие из них носили характер так называемых „шуток“, которые очень часто кончались умерщвлением заключенных. К числу их можно отнести мнимый расстрел с оглушением жертвы ударом по голове доской или каким-нибудь тупым предметом, мнимое утопление в бассейне лагеря, которое часто завершалось настоящим утоплением.

Среди немецких палачей в лагере были специалисты по тем или иным методам истязаний и убийств. Убивали ударом палки по затылку, ударом сапога в живот или в пах и т. д.

Эсэсовские истязатели топили свои жертвы в грязной воде, вытекавшей по небольшой канаве из бани: голова жертвы погружалась в эту грязную воду и прижималась сапогом эсэсовца до тех пор, пока жертва не лишалась жизни.

Излюбленным методом гитлеровских эсэсовцев являлось подвешивание заключенных за связанные назад руки. Француз Ле-Дю-Корантен, испытавший на себе эту меру наказания, рассказал, что при подвешивании заключенный быстро теряет сознание, после чего подвешивание прекращается, а когда сознание возвращается, подвешивание начинается снова, и так происходит много раз.

Немецкие изверги за малейшую провинность, особенно при подозрении в попытке к бегству, вешали заключенных лагеря.

В центре каждого поля был столб с вбитым в него на высоте двух метров кронштейном, на котором вешали людей.

...В деревне Березовка Смоленской области пьяные немецкие солдаты изнасиловали и увели с собой всех женщин и девушек в возрасте от 16 до 30 лет.

В городе Смоленске германское командование открыло для офицеров в одной из гостиниц публичный дом, в который загонялись сотни девушек и женщин; их тащили за руки, за волосы, безжалостно волокли по мостовой.

Повсеместно озверевшие немецкие бандиты врываются в дома, насилуют женщин, девушек на глазах у их родных и их детей, глумятся над изнасилованными и зверски тут же расправляются со своими жертвами.

В городе Львове 32 работницы львовской швейной фабрики были изнасилованы и затем убиты германскими штурмовиками. Пьяные немецкие солдаты затаскивали львовских девушек и молодых женщин в парк Костюшко и зверски насиловали их. Старика-священника В. Л. Помазнева, который с крестом в руках пытался предотвратить насилия над девушками, фашисты избили, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком.

В Белоруссии, возле города Борисова, в руки гитлеровцев попали 75 женщин и девушек, бежавших при приближении немецких войск. Немцы изнасиловали, затем зверски убили 36 женщин и девушек. Шестнадцатилетнюю девушку Л. И. Мельчукову по приказу немецкого офицера Гуммера солдаты увели в лес, где изнасиловали. Спустя некоторое время другие женщины, также отведенные в лес, увидели, что около деревьев стоят доски, а к доскам штыками приколота умирающая Мельчукова, у которой немцы на глазах других женщин, в частности Б. И. Альперенко и В. М. Березниковой, отрезали груди.

Из деревни Боровки Звенигородского района Московской области фашисты при отступлении насильно увели с собой несколько женщин, разлучив их, несмотря на их мольбы и протесты, с малолетними детьми.

В городе Тихвине Ленинградской области пятнадцатилетняя М. Колодецкая, будучи ранена осколком, была привезена в госпиталь (бывший монастырь), где находились раненые немецкие солдаты. Несмотря на ранение, Колодецкая была изнасилована группой немецких солдат, что явилось причиной ее смерти».

Я опускаю один абзац и продолжаю цитату:

«Но гитлеровцы не ограничиваются убийствами отдельных советских людей. В истории гитлеровского разбоя и террора на захваченной советской территории выделяются своим кошмар-

ным изуверством массовые убийства советских граждан, которыми, как правило, сопровождается временный захват немцами городов, сел и других населенных местностей.

Вот некоторые примеры поголовной кровавой расправы немецких оккупантов с жителями целых деревень. В деревне Яскино Смоленской области гитлеровцы расстреляли всех стариков и подростков, а дома пожгли дотла. В деревне Починок той же области немцы загнали всех стариков, старух и детей в помещение правления колхоза, закрыли двери и всех сожгли. В украинском селе Емельчино Житомирской области немцы заперли в маленькой избе 68 человек, наглухо забили окна и двери, в результате чего все погибли от удушья. В ныне освобожденной нашими войсками деревне Ершово Звенигородского района Московской области немцы при оставлении деревни загнали в церковь около 100 мирных жителей и раненых красноармейцев, заперли их, после чего церковь взорвали. В селе Аграфеновка Ростовской области 16 ноября фашисты арестовали все мужское население от 16 до 70 лет и каждого третьего расстреляли».

Следующая часть ноты посвящена массовым преступлениям немцев, так называемым «акциям», в частности «акциям» в Киеве. Я вынужден обратить внимание Суда на то обстоятельство, что цифра умерщвленных в Бабьем Яру, которая приведена в ноте, является меньшей, чем в действительности. После освобождения Киева было установлено, что объем злодеяний немецко-фашистских захватчиков превышает преступления немцев, о которых было известно по первоначальной информации.

Из предъявляемого далее Суду Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву видно, что в Бабьем Яру во время этой чудовищной так называемой «массовой акции» немцами расстреляно было не 52 тысячи, а 100 тысяч человек.

«Страшная резня и погромы были учинены немецкими захватчиками в украинской столице — Киеве. За несколько дней немецкие бандиты убили и растерзали 52 тысячи мужчин и женщин, стариков и детей, безжалостно расправляясь со всеми украинцами, русскими, евреями, чем-либо проявившими свою преданность Советской власти. Вырвавшиеся из Киева советские граждане описывают потрясающую картину одной из этих массовых казней: на еврейском кладбище города Киева было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов; перед расстрелом всех раздели догола и избили; первую отобранную для расстрела группу заставили лечь на дно рва, вниз лицом, и расстреливали из автоматов; затем рас-

стрелянных немцы слегка засыпали землей, на их место вторым ярусом укладывали следующую партию казнимых и вновь расстреливали из автоматов». ...

Ничего не комментируя, я считаю, что, тем не менее, необходимо заметить, что так могли поступать только люди, хорошо помнящие известное уже уважаемому Суду указание Кейтеля о том, что человеческая жизнь в тех странах, «которых это касается, ровно ничего не стоит». Я цитирую далее ноту Народного комиссара иностранных дел.

«Кроме всего сказанного выше, Советское правительство располагает документальными материалами о систематически повторяющихся чудовищных преступлениях немецко-фашистского командования: об использовании мирного советского населения в качестве прикрытия для немецких войск во время боев с войсками Красной Армии.

28 августа 1941 г. при переправе через реку Ипуть немецко-фашистские войска, будучи бессильны преодолеть стойкое сопротивление частей Красной Армии, собрали местное население белорусского города Добруш Гомельской области и под страхом расстрела погнали впереди себя женщин, детей и стариков, за которыми, открывая свои боевые порядки, пошли в наступление.

Это же подлое преступление было повторено по отношению к гражданскому населению германским командованием в Ленинградской области, в районе совхоза „Выборы", а также в Ельнинском районе Смоленской области. Фашистские мерзавцы продолжают пользоваться этим зверским и трусливым приемом вплоть до последних дней. 8 декабря гитлеровцы прикрывали свое отступление из деревни Ямное Тульской области гражданами из местного населения. 12 декабря в том же районе они собрали 120 человек стариков и детей и пустили их впереди своих войск во время боев с наступавшими частями Красной Армии. При боях наших войск за освобождение города Калинина части германского 303-го полка 162-й дивизии, пытаясь перейти в контратаку, собрали в пригородной деревне женщин и поставив их впереди себя, пошли в бой. К счастью, советским войскам удалось, отбив эту атаку, вклиниться между гитлеровцами и их жертвами и спасти женщин».

Для нужд немецко-фашистской армии, в нарушение всех международных конвенций, преступники использовали мирное население на особо опасных работах, в частности на работах по разминированию участков.

Я привожу выдержку из второго раздела этой ноты, четвертый абзац:

«Везде, где только на советской территории появлялись германские войска и германские власти, немедленно устанавливался режим жесточайшей эксплуатации, бесправия и произвола в отношении беззащитного гражданского населения... Не считаясь ни с возрастом, ни с состоянием здоровья советских граждан, гитлеровцы, заняв или разрушив их дома, загоняют многих из них в концентрационные лагеря, заставляя под угрозой пыток, расстрелов и голодной смерти бесплатно выполнять различные тяжелые работы, в том числе и военного характера. В ряде случаев после использования гражданского населения для выполнения тех или иных работ военного характера работавших для сохранения тайны подвергают поголовному расстрелу.

Так, в деревне Колпино Смоленской области оккупанты погнали всех крестьян строить мосты и блиндажи для германских частей. По окончании строительства этих укреплений все крестьяне были расстреляны».

Мирных жителей немецкие фашисты насильственно отправляют в концентрационные лагеря, искусственно и незаконно увеличивая этим число военнопленных и перенося нечеловеческий режим, который был установлен немецко-фашистскими властями для военнопленных, на мирное население.

Я предъявляю Суду, далее, выписку из протокола судебного заседания военного трибунала 374-й стрелковой Любанской дивизии от 29 ноября 1944 г. Этот документ предъявляется под № СССР-172.

Я позволю здесь себе своими словами изложить биографические сведения об обвиняемом Ле-Курте, который был предан военно-полевому суду. Это был не эсэсовец, а ординарный беспартийный обер-ефрейтор немецкой армии, 27 лет. Он родился и проживал до войны в городе Штрафгарте, являлся владельцем кинотеатра, затем был призван в армию: военную службу проходил в 1-й роте 4-й авиапехотной дивизии.

«По существу дела Ле-Курт показал: „До пленения меня войсками Красной Армии, то есть до 4 февраля 1944 г., я служил в 1-й самокатной роте 2-го авиапехотного полка 4-й авиапехотной дивизии при комендатуре аэродромного обслуживания „Е 33/XI“ лаборантом. Кроме фотоснимков, я выполнял и другие работы в свободное время, то есть я вместе с солдатами занимался в свободное от работы время ради своего интереса расстрелом военнопленных бойцов Красной Армии и мирных граждан. Мной делались отметки в особой книге, сколько я расстрелял военнопленных и мирных граждан...

Кроме расстрела военнопленных, я еще занимался расстрелом партизан, мирных граждан и сжигал дома вместе с населением.

В ноябре 1942 года я принимал участие в расстреле 90 советских граждан.

С апреля по декабрь 1942 года в составе авиапехотного полка я принимал участие в расстреле 55 человек советских граждан, я их расстрелял...

Кроме этого, я еще участвовал в карательных экспедициях, где занимался поджогом домов. Всего мной было сожжено более 30 домов в разных деревнях. Я в составе карательной экспедиции приходил в деревню, заходил в дома и предупреждал население, чтобы из домов никто не выходил, дома будем жечь. Я поджигал дома, а если кто пытался спастись из домов, никто не выпускался бежать из дома, я их загонял обратно в дом или расстреливал. Таким образом, мною было сожжено более 30 домов и 70 человек мирного населения, в основном старики, женщины и дети...

Германское командование всячески поощряло расстрелы и убийства советских граждан. За хорошую работу и службу в немецкой армии, выразившуюся в том, что я расстреливал военнопленных и советских граждан, мне досрочно — 1 ноября 1941 г. — присвоили звание обер-ефрейтора, которое мне должны были присвоить 1 ноября 1942 г., наградили „Восточной медалью"».

Ле-Курт отнюдь не был исключением, и в подтверждение этого я позволю себе в весьма кратких извлечениях сослаться на приговор военного трибунала Смоленского военного округа по делу группы бывших военнослужащих германской армии, преданных суду за совершенные ими зверства в отношении мирного населения и военнопленных в городе Смоленске. Этот документ был представлен Суду моим коллегой — полковником Покровским под № СССР-87 и приобщен к материалам процесса. Я опускаю всю общую часть приговора и лишь прошу разрешения Суда привлечь его внимание к тому месту приговора, где сказано, что лишь в 80 ямах-могилах, разрытых и обследованных судебно-медицинскими экспертами, в городе Смоленске и Смоленской области обнаружено свыше 135 тысяч трупов советских женщин, детей и мужчин разного возраста

...На территории Польши впервые были введены в действие уголовные законы, прямо утверждающие особое право «господ» и драконовское право для народов, которые эти фашистские «господа» считали уже покоренными.

В докладе польского правительства, представленном уже Международному Военному Трибуналу под № СССР-93, дан краткий обзор того режима произвола и бесправия, который был установлен под видом особого законодательства в оккупированной Польше.

Я позволю себе сослаться на две коротких выдержки из доклада правительства Польской Республики, это — раздел «Германизация польского права».

«В генерал-губернаторстве механизм правосудия был особенно изменен декретом от 26 октября 1939 г. за подписью Франка.

Польские суды были подчинены надзору немецких судов, созданных в генерал-губернаторстве. Юрисдикция польских судов была ограничена только теми делами, которые были вне подсудности немецких судов. Введены были новые принципы права. Наказание могло быть наложено «по интуиции», обвиняемый был лишен права выбора защитника и права апелляции. Немецкое право было введено, а польское право онемечено...

...а) 4 декабря 1941 г. Геринг, Фрик и Ламмерс подписали... декрет, который фактически ставил всех поляков и евреев на „присоединенных территориях" вне закона. Декрет делает из поляков и евреев особую второстепенную группу граждан. По этому декрету поляки и евреи обязаны к безусловному послушанию по отношению к рейху, но с другой стороны, будучи второстепенными гражданами, они не имеют права на охрану, которую закон обеспечивает другим...

Смертные приговоры допустимы также в следующих случаях:

1) за устранение или публичное повреждение плакатов, вывешенных немецкими властями;

2) за акты насилия в отношении представителей немецких вооруженных сил;

3) за оскорбления чести рейха или нанесение вреда его интересам;

4) за повреждение имущества, принадлежащего немецким властям;

5) за повреждение предметов, предназначенных для работ общественного характера;

6) за вызывающее отношение и неподчинение постановлениям и распоряжениям, изданным немецкими властями, и в некоторых других случаях, которые могли оправдать не более как тюремное заключение на короткий срок...

b) Полякам было запрещено, согласно официальному распоряжению наци, поддерживать отношения с немками, чтобы не

опорочить благородную кровь „геррен-фолька“. Кто бы осмелился или пытался сделать это, неизбежно рисковал жизнью.

Но не только немецкий суд был призван выносить приговоры в таких случаях. Признано было лишним устраивать процессы — простое распоряжение полиции считалось достаточным, чтобы лишать людей жизни...»

Перехожу к тому, что, мне кажется, совершенно правильно в докладе правительства Чехословакии названо «Судебный террор немецких фашистов в Чехословакии». В этой стране мы можем последовательно проследить, как с течением времени во все более возрастающей прогрессии происходило разрушение гитлеровцами общепризнанных правовых норм.

В докладе Чехословацкого правительства, также уже представленном Суду моими коллегами под № СССР-60, весьма подробно показан этот процесс, начиная от так называемых «народных судов» до организации так называемых штандгерихте, являющих нам знакомую уже по Польше картину органов прямого нацистского произвола.

Этот процесс полного распада, вернее развала, правовых норм фашистами показан в докладе очень подробно, я привожу только краткие цитаты:

«Право объявления чрезвычайного положения было осуществлено не позже чем 28 сентября 1941 г. Декретом того же дня (прил. 12), подписанным Гейдрихом, чрезвычайное положение было объявлено для района Оберландрата в Праге, а через несколько дней для оставшейся части протектората. Штандгерихте, которые были немедленно введены, действовали в течение всего периода и вынесли 778 смертных приговоров.

Все были казнены. Тысяча человек была передана гестапо, то есть концлагерям...

Единственное руководство к учреждению, составу и процессуальной стороне штандгерихте находится в постановлении от 27 сентября 1941 г. ...

Ссылаясь на информацию, которой мы в настоящее время располагаем, судьи в этих штандгерихте были только как редкое исключение судьями профессиональными.

Самое большое значение имела партийная благонадежность. Это является причиной, почему судьи были, можно сказать, без исключения членами и администраторами НСДАП или других национал-социалистских организаций, то есть людьми, которые, за редкими исключениями, не имели ни малейшего понятия о праве и не обладали никакой практикой в уголовных процессах...

В соответствии с разделом 4 параграфа 1 постановления штандгерихте могут вынести только смертный приговор или передать обвиняемого тайной государственной полиции...

...Приговоры, вынесенные штандгерихте, должны быть исполнены немедленно (раздел 4, § 3 постановления). Многочисленные примеры указывают на то, что жестокое нацистское законодательство никогда не смягчалось. В конце так называемого судебного следствия предоставлялось судьям решать, должен ли осужденный быть расстрелян или повешен (раздел 4, § 3 постановления).

Не давался даже и самый короткий срок к предсмертным приготовлениям. О помиловании вообще не было речи в постановлении. Во всяком случае, жестокая поспешность, с которой выполнялся приговор, делала помилование невозможным...

Казни, являющиеся следствием «приговоров» штандгерихте, не отличаются ни в какой степени от казней без суда. Они должны быть квалифицированы как убийство.

Невозможно найти в установлениях, регулирующих процедуру штандгерихте, малейший признак гуманности. Например, правило, которое требует немедленной казни и фактически не дает осужденному ни малейшего срока к приготовлению к смерти, является формой жестокости, которая, как и весь институт штандгерихте, имеет целью терроризирование населения».

Учреждение штандгерихте не отменяло и не исключало полицейского осуждения, как это было установлено Франком в Польше. Мне кажется, что все законы, приведенные мной выше, свидетельствуют о том, что из права, призванного карать за преступления, гитлеровцы пытались создать право, творящее преступления.

Именно для этого и создавали они свои так называемые «законы»...

Я перехожу к тем террористическим законам и распоряжениям гитлеровских преступников, которые были изданы в отношении мирных граждан Советского Союза.

Дело в том, что, начав преступную войну против СССР, немецко-фашистская разбойничья клика сочла недостаточными и эти специально созданные для оправдания преступления «законы» и установленные ими нормы «права» разбойников.

В документе Л-221 зафиксирована реплика, брошенная Гитлером Герингу на совещании 16 июля 1941 г.

Гитлер говорил: «...Гигантское пространство... должно быть как можно скорее замирено». Я цитирую из следующей фразы, где Гитлер говорит: «...Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд...»

Я привожу эти строки потому, что они являются лейтмотивом, который проходит через все распоряжения и законы Гитлера.

Я цитирую директиву Кейтеля. Она была предъявлена Суду американским обвинением за № Р-98:

«...Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и... устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости».

Я представляю далее Суду фотостат документа, который уже был предъявлен под № ПС-459:

«Всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а тем, что оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен, — как говорилось в этой директиве, — отнять у населения всякую охоту к сопротивлению».

Позволю себе для подтверждения этого процитировать две строки из директивы командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Рейхенау, которая была уже предъявлена Суду под № СССР-12. Там говорится:

«Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков...»

Разрешите сослаться на одну строку документа под № ПС-447, которую Суд найдет на странице 197 книги документов, пятый абзац, после заголовка «Район операции». В документе под № ПС-447 говорилось об особых полномочиях рейхсфюрера СС и указывалось, что «в рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно и на свою ответственность».

Хорошо известно, что представлял собой рейхсфюрер СС. Из многих высказываний Гиммлера я ограничусь здесь лишь одной цитатой, характерной, однако, как руководящее указание подчиненным Гиммлеру чиновникам СС, к которым он обращался.

4 октября 1943 г. на совещании группенфюреров СС в Познани Гиммлер говорил (этот документ был предъявлен Трибуналу американским обвинением под № ПС-1919 и оглашен 19 декабря 1945 г.):

«...Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры. В ином смысле это меня не интересует. Погибнут ли от изнурения при создании противотанкового рва 10 тысяч русских баб или нет — интересует меня лишь в том отношении, готовы ли для Германии противотанковые рвы...»

Суду был предъявлен документ, которым установлено, что легализация массовых убийств и истребление мирного населения Советского Союза, производимые непосредственно армией с целью терроризирования, были установлены Гитлером и его кликой еще 13 мая 1941 г. — более чем за месяц до начала войны. Я говорю в данном случае об уже широко оглашенном на Суде известном распоряжении Кейтеля «О применении военной подсудности в районе „Барбаросса" и об особых мероприятиях войск».

Этот документ был предъявлен Трибуналу под № С-50. Полагаю, что он хорошо памятен Суду. Я лишь напоминаю, что в этом документе в прямой форме отрицалась необходимость установления вины. Подозрение становилось достаточным основанием для применения смертной казни. Официально устанавливалась преступная система круговой поруки и массовых репрессий. Кроме того, указывалось, что «заподозренные» во всех случаях подлежали уничтожению — об этом прямо говорит пункт 5 раздела первого «Распоряжения».

Предъявляю документ СССР-3. Это Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, озаглавленное «Директивы и приказы гитлеровского правительства и германского военного командования об истреблении советских военнопленных и мирных граждан».

Документ, касающийся осуществления массовых казней, так называемых экзекуций, в лагерях, где содержалось мирное население и военнопленные. Он свидетельствует об организации немецко-фашистскими преступниками с первых же дней войны с Советским Союзом так называемых зондеркоманд — особых команд. Документ касается организации зондеркоманд в лагерях, где содержались военнопленные и мирное население. Термин «зондеркоманды» наполнился зловещим смыслом для населения временно оккупированных областей Советского Союза с первых же дней войны. Это был один из самых грубых и самых жестоких механизмов, созданных немецкими фашистами для умерщвления людей.

«Из обнаруженных документов видно, — говорится в Сообщении, — что гитлеровские палачи еще до своего нападения на СССР составляли списки, розыскные книги и собирали необходимые сведения о руководящих советских работниках, которые, по их кровавым планам, подлежали уничтожению. Так были подготовлены „Особая розыскная книга СССР", „Германская розыскная книга", „Списки по выявлению местопребывания" и другие подобного рода „розыскные книги и списки", которые гитлеров-

ским убийцам должны были облегчить истребление передовой части населения СССР...»

Однако каждому криминалисту ясно, что мало было создать эти гнусные кадры преступников, но нужно было добиться и того, чтобы, осуществляя преступление, преступники чувствовали себя совершенно безнаказанными. Для того чтобы во всем колоссальном объеме осуществлять замышленные главными преступниками злодеяния, нужно было создать атмосферу безнаказанности для преступников. Я не буду цитировать уже ранее оглашенный под № С-50 американским обвинением документ, который озаглавлен «Распоряжение о применении военной подсудности в районе „Барбаросса“ и об особых мероприятиях войск». Но мне кажется, что содержание его следует твердо держать в памяти, ибо без уяснения полностью смысла этого документа в ряде случаев просто нельзя понять массовых преступлений, совершенных гитлеровскими преступниками на территории Советского Союза.

Это распоряжение, подписанное Кейтелем, но изданное от имени Гитлера и по его прямым указаниям, было воспринято всеми солдатами и офицерами фашистской армии как личное распоряжение Гитлера. В подтверждение того, какие выводы сделали немецкие военнослужащие из этого распоряжения Кейтеля, я позволю себе сослаться на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Минске.

Я предъявляю Суду документ за № СССР-38. В этом документе содержится выдержка из показаний председателя военного трибунала 267-й немецкой стрелковой дивизии капитана Райхофа Юлиуса.

Цитирую по Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии показания Райхофа Юлиуса:

«...За действия, чинимые немецкими солдатами над советскими гражданами, солдат не разрешалось по приказу Гитлера предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. По тому же приказу Гитлера офицер немецкой армии имел более широкие права... Он мог истреблять русское население по своему усмотрению... Командиру было предоставлено полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ Гитлера был доведен до сведения рядового состава немецкой армии за день до

нападения Германии на Советский Союз... В соответствии с приказом Гитлера немецкие солдаты, руководимые офицерами, учиняли различного рода зверства...»

Но и это казалось недостаточным гитлеровскому руководству. И в 1942 г. оно сочло необходимым в форме резкой директивы, абсолютно не допускающей исключений, вновь подтвердить, что совершенно безнаказанными должны оставаться любые преступления немецко-фашистских военнослужащих, совершенные в отношении мирных жителей Советского Союза.

Имперское военное руководство особо подчеркивало, что безнаказанность злодеяний должна быть безоговорочно создана и в том случае, если жертвами любых, по методам совершения зверств, преступлений окажутся женщины и дети.

Председатель: Каковы материалы, которые вы называете «Строжайшими инструкциями»?

Смирнов: Я представляю сейчас Суду эту директиву под № СССР-16 в виде фотостата, заверенного Чрезвычайной Государственной Комиссией. Эта директива подписана Кейтелем и озаглавлена «Борьба с бандами». Документ датирован 16 декабря 1942 г. ...

«Содержание: Борьба с бандами. Строго секретно.

Фюрер располагает данными, что отдельные военнослужащие германской армии, участвовавшие в борьбе против банд (а „бандой", как известно, гитлеровские преступники называли всякое движение сопротивления мирного населения преступной деятельности немецких захватчиков), за свое поведение в бою были привлечены в последующем к ответственности.

В связи с этим фюрер приказал:

...Если эта борьба против банд как на Востоке, так и на Балканах не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму.

Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

Я подчеркиваю, что директива говорила о любых средствах расправ с женщинами и детьми.

«Проявление любого вида мягкости является преступлением по отношению к германскому народу и солдату на фронте, который должен испытывать на себе последствия покушения бандитов и которому непонятно, как можно щадить бандитов и их сообщников.

Эти принципы должны лечь в основу „Инструкции по борьбе с бандами на Востоке".

2) Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке.

Командиры войск, действующих против банд, несут ответственность:

за обстоятельное и неуклонное ознакомление с этим приказом всех офицеров подчиненных им частей;

за немедленное ознакомление с этим приказом своих юрисконсультов;

за то, чтобы не утверждались приговоры, противоречащие этому приказу.

Кейтель».

Я заканчиваю на этом предъявление документов по первым двум разделам оглашенного в начале доклада перечня.

До сих пор предъявляемые мной Суду материалы призваны были удостоверить три положения.

1. Прямое подстрекательство главными военными преступниками самых широких слоев личного состава немецко-фашистских вооруженных сил к совершению тягчайших военных преступлений в отношении мирного населения.

2. Специальное воспитание гитлеровским руководством массовых кадров преступников для практического осуществления планов истребления народов.

3. Всемерное развязывание низменных инстинктов у исполнителей преступлений и создание обстановки полной безнаказанности для преступников.

Эти цели были вполне достигнуты главными немецкими военными преступниками. На оккупированных территориях Советского Союза и стран Восточной Европы гитлеровцами были совершены преступления в отношении мирного населения, которые ни по их масштабам, ни по методам совершения злодеяний, ни по цинизму и жестокости замыслов и действий организаторов и исполнителей не имеют прецедентов в мировой истории.

Я приступаю к предъявлению доказательств, характеризующих объем и методы этих преступлений немецких фашистов.

Установление режима немецко-фашистского террора

Я хочу показать, что означала в жизни народов установка Кейтеля о «замирении» оккупированных территорий.

Установление режима террора — это первое, что отмечало появление немецко-фашистских властей, безотносительно, бы-

ли ли это военные или гражданские власти, на территории СССР или других стран Восточной Европы.

При этом режим террора осуществлялся не только в самых жестоких формах. Он осуществлялся также в форме бесстыдного глумления над достоинством и честью сделавшихся жертвами немецких фашистов людей.

При этом в первую очередь террористические действия фашистов обрушивались на головы тех, кого преступники считали наиболее активной в политическом отношении и способной к сопротивлению частью населения.

В подтверждение этого я ссылаюсь на уже предъявленное мною ранее под № СССР-6 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области»:

«Отряды гестаповцев еще до захвата Львова имели составленные по указанию германского правительства списки виднейших представителей интеллигенции, предназначенных к уничтожению. Тотчас же после захвата города Львова начались массовые аресты и расстрелы. Гестаповцы арестовали: члена Союза советских писателей, автора многочисленных литературных произведений профессора Тадеуша Бой-Желенского, профессора мединститута Романа Реницкого, ректора университета профессора судебной медицины Владимира Серадского, доктора юридических наук Романа Лонгшамю де Берье вместе с тремя его сыновьями, профессора Тадеуша Островского, профессора Яна Грека, профессора-хирурга Генрика Гиляровича...»

Далее следует длинный список, в котором содержится еще тридцать одна фамилия выдающихся представителей интеллигенции города Львова.

Профессор львовского мединститута Ф. В. Гроэр, которому случайно удалось избежать смерти, сообщил Комиссии:

«Когда 3 июля 1941 г. в 12 часов ночи меня арестовали и посадили на грузовую машину, в ней уже находились профессора: Грек, Бой-Желенский и другие. Нас повезли в дом „Бурса Абрагамовичев". Ведя нас по коридору, гестаповцы глумились над нами, подталкивали прикладами винтовок, дергали за волосы и били по голове... Позже я видел, как из общежития „Бурса Абрагамовичев" немцы вывели под конвоем пять профессоров, четверо из них несли окровавленный труп убитого немцами при допросе сына известного хирурга Руффа. Молодой Руфф был также специалистом. Вся эта группа профессоров под конвоем проследовала по направлению к Кадетской горе. Спустя 15–20 минут я услышал залп из винтовок в том направлении, куда повели профессоров».

Чтобы унизить человеческое достоинство, немцы прибегали к самым изощренным истязаниям арестованных ученых, а затем расстреливали их.

Житель города Львова Гольцман Б. О. показал перед специальной комиссией, что он сам видел, как во двор дома № 8 на улице Артишевского в июле 1941 г. эсэсовцы «привели 20 человек, среди них 4 профессора, адвокаты, врачи. Одного из них я знаю по фамилии — доктор юстиции Крепе. Среди приведенных было 5–6 женщин. Эсэсовцы заставили их языком и губами мыть лестницы в семи подъездах четырехэтажного дома. После того как все лестницы были вымыты, этих людей заставили собирать на дворе губами мусор... Весь собранный мусор нужно было перенести в одно место двора...»

Фашистские захватчики тщательно скрывали факты истребления интеллигенции. На неоднократные просьбы родственников и близких сообщить, какая судьба постигла ученых, немцы отделывались «незнанием».

По приказу рейхсминистра Германии Гиммлера осенью 1943 г. гестаповцы сожгли трупы расстрелянных профессоров. Производившие раскопки трупов бывшие заключенные Яновского лагеря Мандель и Корн сообщили Комиссии следующее:

«5 октября 1943 г. ночью между улицами Кадетской и Вулецкой по приказу одного из гестаповцев при свете прожекторов нами была открыта яма, из которой мы извлекли 36 трупов. Все эти трупы нами были сожжены.

Во время извлечения трупов из ямы мы обнаружили документы на имя профессора Островского, доктора физико-математических наук Стожека и профессора политехнического института Казимира Бартеля».

Расследованием установлено, что в первые же месяцы оккупации немцы арестовали и убили во Львове свыше 70 виднейших деятелей науки, техники и искусства.

Сказанное мною ни в коей мере не означает того, что жертвами фашистского террора делались только руководители местных организаций или представители интеллигенции.

Выше я говорил лишь о том, что в первую очередь фашистский террор обращался против этих лиц.

Но одной из характернейших черт гитлеровского террора было то, что он декретировался немецким фашистским руководством и осуществлялся исполнителями как всеобщий террор.

В подтверждение этого я обращаюсь к документу № СССР-63 — Акту Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев в городе Керчи.

Керчь — сравнительно небольшой город. От Львова он отделен многими сотнями километров. Если во Львове немецкие захватчики были уже в начале июля 1941 г., то до Керчи они добрались лишь в ноябре. В январе 1942 г. немцы были уже выбиты из Керчи частями Красной Армии.

Таким образом, весь период оккупации (первой оккупации, потому что Керчь была дважды оккупирована немцами) был непродолжительным, он исчислялся сроком около двух месяцев. Но вот какие преступления были совершены немецкими фашистами в этом городе:

«Захватив город в ноябре 1941 года, гитлеровцы немедленно издали приказ, в котором говорилось: „Жителям Керчи предлагается сдать немецкому командованию все продовольствие, имеющееся в каждой семье. За обнаруженное продовольствие владелец подлежит расстрелу". Следующим приказом № 2 немецкая городская управа приказала всем жителям немедленно зарегистрировать всех кур, петухов, уток, цыплят, индюков, гусей, овец, коров, телят и рабочий скот. Владельцам домашней птицы было строго запрещено пользоваться птицей и скотом для своих нужд без особого разрешения немецкого коменданта. После опубликования этих приказов начались повальные обыски по всем домам и квартирам.

Гестаповцы бесчинствовали. За каждый обнаруженный лишний килограмм фасоли или муки они расстреливали главу семьи.

Свои чудовищные зверства в городе немцы начали отравлением 245 детей школьного возраста».

Вы увидите впоследствии трупики этих детей при просмотре наших кинодокументов. Трупы детей были выброшены в керченский ров.

«Согласно приказу немецкого коменданта все школьники обязаны были явиться в школы в указанный срок. Явившихся с учебниками 245 детей отправили за город, в заводскую школу якобы на прогулку. Там озябшим и проголодавшимся детям предложили горячий кофе с пирожками, отравленными ядом. Детей, которым кофе не хватило, немецкий фельдшер вызвал в „амбулаторию" и смазал их губы сильнодействующим ядом. Через несколько минут все дети были мертвы. Школьники же старших классов были вывезены на грузовиках и расстреляны из пулеметов в 8 километрах от города. Туда же впоследствии были вывезены трупы и отравленных детей. Там находился очень большой, очень длинный противотанковый ров.

Вечером 28 ноября 1941 г. по городу был вывешен приказ гестапо № 4, согласно которому жители, ранее зарегистрирован-

ные в гестапо, должны были 29 ноября от 8 часов утра до 12 часов дня явиться на Сенную площадь, имея с собой трехдневный запас продовольствия. Явиться было приказано всем мужчинам и женщинам, независимо от возраста и состояния здоровья. За неявку на площадь немцы угрожали публичным расстрелом. Пришедшие на площадь 29 ноября были уверены, что их вызвали для направления на работу. К 12 часам дня на площади собралось свыше 7 тысяч человек. Здесь были юноши, девушки, дети всех возрастов, глубокие старики и беременные женщины. Всех их гестаповцы отправили в городскую тюрьму. Это злодейское истребление обманом заключенного в тюрьму мирного населения производилось немцами по заранее разработанной инструкции гестапо. Сначала заключенным было предложено сдать ключи от своих квартир и указать точные домашние адреса коменданту тюрьмы. Затем у всех арестованных отобрали ценные вещи: часы, кольца, украшения. Несмотря на холод, у всех посаженных в тюрьму были сняты сапоги, валенки, ботинки, костюмы и пальто. Многих женщин и девочек-подростков фашистские негодяи отделили от остальных заключенных, заперли в отдельные камеры, где несчастные подвергались особым утонченным пыткам — их насиловали, отрезали им груди, вспарывали животы, отрубали руки и ноги, выкалывали глаза.

После изгнания немцев из Керчи, 30 декабря 1941 г. красноармейцами во дворе тюрьмы была обнаружена бесформенная груда изуродованных голых девичьих тел, дико и цинично истерзанных фашистами.

Местом массовой казни гитлеровцы избрали противотанковый ров вблизи деревни Багерово, куда в течение трех дней автомашинами свозились целые семьи обреченных на смерть людей.

По приходе Красной Армии в Керчь, в январе 1942 г., при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра, был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись детские шапочки, игрушки, ленточки, оторванные пуговицы, перчатки, бутылочки с сосками, ботиночки, галоши вместе с обрубками рук и ног и других частей тела. Все это было забрызгано кровью и мозгами.

Фашистские негодяи расстреливали беззащитное население разрывными пулями. На краю лежала истерзанная молодая женщина. В ее объятиях находился аккуратно завернутый в белое кружевное одеяло грудной младенец. Рядом с этой женщиной лежа-

ли простреленные разрывными пулями восьмилетняя девочка и мальчик лет пяти. Их ручки вцепились в платье своей матери».

Обстоятельства расстрела подтверждаются показаниями многочисленных свидетелей, которым посчастливилось выбраться невредимыми из рва смерти. Приведу два из этих показаний:

«Двадцатилетний Анатолий Игнатьевич Бондаренко, ныне боец Красной Армии, показал: „Когда нас подвезли к противотанковому рву и выстроили возле этой ужасной могилы, мы еще думали, что нас привезли сюда для того, чтобы заставить засыпать ров землей или копать новые окопы. Мы не верили, что нас привезли на расстрел. Но когда раздались первые выстрелы из наведенных на нас автоматов, я понял, что расстреливают нас. Я моментально кинулся в яму и притаился между двумя трупами. Так невредимым я в полуобморочном состоянии пролежал почти до вечера. Лежа в яме, я слушал, как некоторые раненые кричали жандармам, расстреливающим их: „Добей меня, мерзавец", „Ох, не попал, негодяй, еще бей!". Затем, когда немцы уехали на обед, один наш односельчанин из ямы крикнул: „Поднимайтесь, кто живой". Я встал, и мы вдвоем стали раскидывать трупы, вытаскивать живых. Я был весь в крови. Над рвом стоял легкий туман и пар от остывающей груды тел, крови и последнего дыхания умирающих. Мы вытащили Науменко Федора и моего отца, но отец был убит наповал разрывной пулей в сердце. Поздней ночью я добрался к своим знакомым в деревню Багерово и там дождался прихода Красной Армии"».

Свидетель Каменев А. показал:

«За аэродромом шофер остановил машину, и мы увидели, что у рва немцы расстреливали людей. Нас из машины вывели и по десяти человек стали подгонять ко рву. Я с сыном встали в первом десятке. Дошли мы до рва. Нас поставили лицом к яме, а немцы стали готовиться расстреливать нас в затылок. Сын мой обернулся и крикнул им: „За что вы расстреливаете мирное население?" Но раздались выстрелы, и сын сразу упал в яму. Я бросился за ним. В яму на меня стали падать трупы людей. Часа в три дня из груды трупов поднялся мальчик 11 лет и стал кричать: „Дяденьки, кто живой, вставайте, немцы ушли". Я боялся подняться, так как думал, что мальчик кричит по приказанию полицейского. Мальчик второй раз стал кричать, и на этот крик отозвался мой сын. Он поднялся и спросил: „Папа, ты живой?" Я не мог ничего сказать и только качал головой. Сын и мальчик вытащили меня из-под трупов. Мы увидели еще живых людей, которые кричали: „Спасите!" Некоторые из них были ранены. Все

время, пока я лежал в яме под трупами, слышны были крики и плач детей и женщин. Это после нас немцы расстреливали стариков, женщин и детей...»

...Немецкие варвары в своих бесчеловечных издевательствах над советскими людьми не щадили и детей. Учительница Колесникова М. Н. показала, что немцы убили тринадцатилетнего мальчика за то, что он взял старую камеру автомашины и хотел плавать на ней во время купания на море.

Из показаний Сапельниковой Ефросиньи Николаевны установлен следующий факт: жительница Аджимушкая Бондаренко Мария, желая спасти трех своих детей от голодной смерти, попросила у немцев, работавших на кухне, что-нибудь покушать. Ей насыпали в котелок жиденькой каши. Семья Бондаренко с жадностью поела ее. Через несколько часов мать и трое детей были мертвыми. Фашистские палачи отравили их.

Из показаний Шумиловой Н. Х. установлено, что в июле немецкий офицер расстрелял шестилетнего мальчика за то, что он, идя по городу, пел советскую песню.

В саду имени Сакко и Ванцетти почти все лето висело тело мальчика лет девяти, который был повешен за то, что сорвал с дерева абрикос.

Я остановился на примере города Керчи не потому, что злодеяния гитлеровцев в этом городе были необычайны по размерам или особенно разительно выделяются по своей жестокости из других преступлений немцев, материалы о которых имеются в распоряжении советского обвинения. Отнюдь нет. Наоборот Акт Чрезвычайной Комиссии я привел исключительно потому, что он дает подробную объективную запись военных преступлений в одном из многих городов, обреченных на то, чтобы в результате ужасной войны, начатой немецко-фашистскими преступниками, сделаться жертвами террористического режима.

Такие же злодеяния творились гитлеровцами на всех временно оккупированных ими территориях Советского Союза...

Пункт седьмой приказа № 431/41 германского коменданта города Феодосии капитана Эбергарда гласит:

«Во время тревоги каждый гражданин, появившийся на улице, должен быть расстрелян. Появляющиеся группы граждан должны быть окружены и безжалостно расстреляны. Вожаки и подстрекатели должны быть публично повешены».

В инструкции по 260-й германской пехотной дивизии по вопросу об обращении с гражданским населением отдельным офицерам ставится на вид, что «необходимая жестокость применяется не везде».

Приказы, вывешиваемые оккупантами в советских городах и селах, предусматривают смертную казнь по самым разнообразным поводам: за выход на улицу после пяти часов вечера, за ночлег посторонних, за невыдачу красноармейцев, за несдачу имущества, за попытки тушить пожар в населенном пункте, назначенном к сожжению, за передвижение из одного населенного пункта в другой, за отказ от принудительного труда и т. д. и т. п.

...Немецко-фашистское командование не только допускает, но прямо предписывает убийство женщин и детей. Организованное детоубийство в некоторых приказах представлено в виде мер борьбы с партизанским движением. Так, например, в приказе командира 254-й германской дивизии генерал-лейтенанта фон Бешнитта от 2 декабря 1941 года характеризуется как «беспечное благодушие» тот факт, что «старики, женщины и дети всех возрастов» передвигаются позади германских линий, и приказывается: «стрелять без оклика в каждое гражданское лицо любого возраста и пола, которое приближается к передней линии», а также «возложить на бургомистров ответственность за то, чтобы о появляющихся чужих лицах, в особенности о детях, немедленно сообщалось местному коменданту», и «немедленно расстреливать всякое лицо, подозреваемое в шпионаже».

В ноте содержатся также данные об установках, получавшихся фашистскими властями на временно оккупированных территориях от имперских властей:

«Некоторые из преступлений германских оккупантов, совершенных ими еще в первые недели их разбойничьего нападения на СССР, в частности зверское истребление ими гражданского населения Белоруссии, Украины и прибалтийских советских республик, документально устанавливаются лишь сейчас. Так, например, при разгроме частями Красной Армии в районе города Торопца в январе 1942 года кавалерийской немецкой бригады СС среди захваченных документов найден отчет первого кавалерийского полка названной бригады об „умиротворении“ им Старобинского района в Белоруссии. Командир полка докладывает, что наряду с 239 пленными отрядом его полка расстреляно 6504 мирных жителя, причем в отчете указывается, что отряд действовал на основании приказа по полку за № 42 от 27 июля 1941 г. Командир 2-го полка той же бригады фон Магилл докладывает в своем «сообщении о проведении усмирительной припятьской операции с 27 июля по 11 августа 1941 г.: „Мы выгнали женщин и детей в болота, но это не дало должного эффекта, так как болота не были настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть. На глубине в один метр можно в подавляющем большинстве слу-

чаев достигнуть грунта (возможно, песка)". В том же штабе обнаружена телеграмма № 37 командира кавалерийской бригады СС штандартенфюрера конному отряду названного 2-го кавалерийского полка от 2 августа 1941 г., в которой объявляется, что имперский фюрер СС и полиции Гиммлер считает число уничтоженных мирных жителей „слишком незначительным", указывает, что „необходимо действовать радикально", что „командиры соединений слишком мягки в проведении операций", и приказывает ежедневно докладывать о числе расстрелянных...»

В этой связи нельзя не упомянуть о преступной деятельности подсудимого Розенберга. Развивая общие установки имперского руководства о насаждении режима террора в оккупированных восточных областях, правильнее говоря, будучи одним из основных авторов этих установок, Розенберг в Остланде (так гитлеровцами назывались оккупированные районы в Прибалтике) издал ряд законов, причем в том же Остланде подобные же распоряжения и приказы, преследующие цели террора, издавали и другие высшие чиновники насажденной Розенбергом фашистской администрации.

Я предъявляю Суду под № СССР-39 Сообщение Государственной Чрезвычайной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонской ССР:

«17 июля 1941 г. Гитлер своим декретом передал законодательную власть на территории Эстонии рейхсминистру Розенбергу. Последний, в свою очередь, передоверил законодательную власть окружным немецким комиссарам.

В Эстонии был введен произвол, стал свирепствовать террор над мирным населением. Рейхсминистр Розенберг, рейхскомиссар Прибалтики Лозе и генеральный комиссар Эстонии Лицман полностью лишили эстонский народ каких бы то ни было политических прав. На основании декрета Гитлера от 17 июля 1941 г. рейхсминистр Розенберг издал 17 февраля 1942 г. закон специально для лиц, не принадлежащих к немецкой национальности, и установил для них смертную казнь за малейшие выступления против германизации и за всякие насильственные действия против лиц немецкой национальности.

Для рабочих и служащих — эстонцев оккупанты ввели телесное наказание. 20 февраля 1942 г. чиновник управления железных дорог в Риге Валк направил в управление железных дорог Эстонии телеграмму следующего содержания: „Каждое нарушение служебной дисциплины со стороны служащего, принадлежащего к местной национальности, в особенности неявка на работу, опоздание на службу, появление на службе в пьяном виде,

невыполнение служебного приказа и т. д., отныне должны караться со всей строгостью:

а) в первый раз 15 ударами палкой по обнаженному телу,

б) в повторных случаях 20 ударами палкой по обнаженному телу“.

12 января 1942 г. рейхсминистр Розенберг создал „чрезвычайные суды“, которые состояли из председательствующего — полицейского офицера и двух подведомственных ему полицейских. Процессуальные порядки определял суд по своему усмотрению. „Суды“ эти всегда выносили смертные приговоры и конфисковывали имущество. Другого наказания „суды“ не определяли. Обжалование приговоров не допускалось. Кроме „судов“, созданных Розенбергом, смертные приговоры выносила немецкая политическая полиция и в тот же день приводила их в исполнение.

Для рассмотрения гражданских и уголовных дел генеральный комиссар Лицман ввел местные суды. Судей, прокуроров, следователей, тюремщиков, нотариусов и адвокатов, всех без исключения, утверждал лично сам Лицман».

Я представляю Суду далее под № СССР-18 фотостат откровенного террористического приказа немецких военных властей. Это приказ военной комендатуры города Пскова. Из этого документа видно, что мирному гражданскому населению запрещалось даже выходить на проездные дороги в своей местности. Все замеченные там немецкими солдатами мирные граждане должны были быть расстреляны.

«...Исходя из вышеизложенного, приказываю:

1. Все гражданские лица, независимо от возраста и пола, которые будут обнаружены на полотне дорог или вблизи от него, должны рассматриваться как бандиты и подлежат расстрелу. Само собой разумеется, исключение составляют рабочие колонны, находящиеся под надзором.

Все лица, упомянутые в пункте 1, которые пересекают дороги, подлежат расстрелу. Все лица, упомянутые в пункте 1, которые ночью или в сумерках находятся на дорогах, подлежат расстрелу...

4. Лица, упомянутые в пункте 1, если они обнаружены на дорогах днем, подлежат задержанию и самой тщательной проверке».

Таковы были террористические «постановления», «приказы» и даже издаваемые единолично, на так называемых принципах фюрерства, «законы» крупных чиновников и представителей военных властей немецко-фашистского государства.

Но право беспощадной расправы с мирным населением приобретали не только они. Любая ортскомендатура, любой командир мелкой части, наконец, любой солдат гитлеровской армии приобретали право расправы с мирным населением оккупированных районов.

Я предъявляю Суду под № СССР-9 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Киеве:

«Немецкие палачи с первых же дней захвата Киева проводили массовое истребление населения путем истязаний, расстрелов, повешения, отравления газом в „душегубках“. Людей хватали прямо на улицах, расстреливали большими группами и в одиночку. Для устрашения населения вывешивались объявления о расстрелах...»

Прошу Суд принять в качестве доказательства фотостат объявления под № СССР-290. Текст этого объявления гласит следующее:

«В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостережением.

Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа.

Киев, 22 октября 1941 г. Комендант города».

Под № СССР-291 представляется фотостат следующего объявления коменданта города Киева:

«В Киеве злонамеренно попорчены средства связи (телефон, телеграф, кабель). Так как вредителей нельзя было дольше терпеть, то в городе было расстреляно 400 мужчин, что должно послужить предостережением для населения.

Требую еще раз о всяких подозрительных случаях немедленно сообщать немецким войскам или немецкой полиции для того, чтобы в надлежащей мере были наказаны преступники.

Эбергард, генерал-майор, комендант города.

Киев, 29 ноября 1941 г.».

Под № СССР-333 я представляю фотостат третьего и последнего по Киеву объявления:

«Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам.

Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева.

Каждый житель Киева обязан о каждом подозрительном случае немедленно сообщать немецкой полиции.

Я буду поддерживать порядок и спокойствие в Киеве всеми мерами и при всех обстоятельствах.

Эбергард, генерал-майор, комендант города.

Киев, 2 ноября 1941 г.».

... Для оформления «особо строгого допроса», правильнее, допроса с применением пыток, соответствующими немецкими полицейскими управлениями были изданы специальные бланки. Я предъявляю Суду и прошу приобщить к делу в качестве доказательства подлинный формуляр такого «особо строгого допроса». Я предъявляю его под № СССР-254. Он является приложением к докладу правительства Югославии. Этот формуляр, как видно из приложенного к нему удостоверения, был захвачен в немецком архиве частями югославской армии.

«Чтобы яснее охарактеризовать зверскую жестокость, — говорится в докладе, — осуществляемую при проведении этого плана уничтожения, мы вручаем Трибуналу еще один оригинальный документ, захваченный в немецких архивах Югославии. Это бланк-формуляр так называемого „особо строгого допроса" жертв нацистских преступников. Такие допросы проводились... органами полиции безопасности и СД.

На первой странице формуляра полицейский орган предлагает применить по отношению к какому-то лицу особо строгий допрос... На второй странице соответствующий офицер СС одобряет такой допрос. Ответ на вопрос, каким должен быть „особо строгий допрос", мы находим в следующем положении этого формуляра:

„Особо строгий допрос должен заключаться в... Следует вести протокол допроса. Можно привлечь врача (или можно не привлекать)".

Упоминание о враче и об его присутствии при допросе не оставляет сомнения в том, что допрос заключался в физических пытках допрашиваемого. Тот факт, что для такого допроса существовали печатные инструкции, ясно доказывает массовое применение этих преступных способов».

Рейхсфюрером СС специально предусматривались случаи того, что при допросах заподозренные могут пытаться покончить жизнь самоубийством.

Поэтому руководитель эсэсовцев не просто разрешал, а приказывал связывать арестованным руки и ноги или заковывать их в цепи.

Я представляю Суду под № СССР-298 фотостат директивы шефа германской полиции под № 202/43 от 1 июня 1943 г. Документ заверен Чрезвычайной Государственной Комиссией. Дата этого документа — 1 июня 1943 г.

«О предотвращении случаев бегства при допросах.

Для предотвращения попыток к бегству при допросах во всех случаях, где существует сильная угроза того, что при сложившихся обстоятельствах или важности личности арестованного последний может совершить бегство или самоубийство, я приказываю так связывать арестованным руки и ноги, чтобы любые попытки к бегству были пресечены.

Можно использовать кольца и цепи, если таковые имеются».

...Я предъявляю Суду под № СССР-1 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. Расследование этих злодеяний производилось под руководством крупного академика, ныне покойного, русского писателя Алексея Николаевича Толстого. Академик А. Н. Толстой, как помнит, очевидно, Суд, являлся членом Чрезвычайной Государственной Комиссии.

«...Исключительные по своей жестокости пытки и истязания советских граждан производились в помещении гестапо. Так, например, гражданина Ковальчука Филиппа Акимовича, 1891 года рождения, проживающего в городе Пятигорске, арестовали 27 октября 1942 г. у себя на квартире, избили до потери сознания, затем отвели в гестапо и бросили в одну из камер. Через сутки гестаповцы приступили к его истязаниям и пыткам. Допрашивали и избивали его только ночью. Для допросов вызывали в отдельную камеру, где были специальные приспособления для пыток: цепи с поручнями для закрепления рук и ног. Эти цепи были прикреплены к цементному полу камеры. Арестованных предварительно раздевали наголо, клали на пол, затем руки и ноги заковывали в цепи. Таким пыткам и подвергали гражданина Ковальчука. Находясь закованным в цепях, он совершенно не мог двигаться и лежал вверх спиной, в таком положении избивали его резиновыми палками в течение 16 дней.

Кроме нечеловеческих пыток, гестаповцы применили и следующие. Закованным в цепи на спину клали широкую доску и сверху по этой доске тяжелыми гирями наносили резкие удары, вследствие чего у заключенного лилась кровь изо рта, носа и ушей, и он терял сознание.

Камера пыток в гестапо была устроена таким образом, что когда одного арестованного пытали, то остальные арестованные, сидящие в соседней камере и ожидающие предстоящей расправы, наблюдали за пытками и истязаниями.

После пыток заключенного, потерявшего сознание, бросали в сторону, и следующую свою жертву гестаповцы силой волокли из соседней камеры, вновь заковывали в цепи и таким же путем про-

должали пытать. Камеры пыток всегда были в крови. Доска, которую накладывали на спину, также была вся в крови, резиновые палки, которыми избивали арестованных, от крови были красные.

Арестованных советских людей, обреченных на расстрел, после невероятных пыток и истязаний загоняли в машину, увозили за город и расстреливали...»

То, что происходило в застенках гестапо в Ставрополе, отнюдь не являлось исключением. То же самое происходило повсеместно. В подтверждение этого я ссылаюсь на предъявленное мною уже ранее Суду под № СССР-9 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве»:

«...Убийствам часто предшествовали садистские истязания. Архимандрит Валерий сообщил, что фашисты до полусмерти избивали больных и слабых людей, поливали их на морозе водой и наконец пристреливали в немецком полицейском застенке, находившемся в Киево-Печерской лавре...»

Я позволю себе специально обратить внимание Суда на то, что Киево-Печерская лавра — это один из древнейших архитектурных памятников Советского Союза, это особо охраняемая культурная ценность, близкая сердцу советских людей, ибо это вещественная память древности. Полицейский застенок был устроен именно в Киево-Печерской лавре.

Я ссылаюсь на документ, предъявленный моим коллегой под № СССР-41, на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской Советской Социалистической Республики:

«...В лагерях и тюрьмах немецкие палачи подвергали заключенных истязаниям, пыткам и расстрелам. В Центральной тюрьме заключенных били и пытали. В течение круглых суток в камерах были слышны крики и стоны. Ежедневно от истязаний умирало 30–35 человек. Кто оставался в живых после истязаний и пыток, возвращался в камеру неузнаваемым: в крови, обожженный, с изорванными частями тела. Медицинской помощи истязуемым не оказывали...

Истязаниям и пыткам гитлеровцы подвергали советских людей во всех городах Латвийской ССР».

Перехожу к следующему разделу моего доклада.

Убийства заложников

Несколько вводных замечаний

Одним из наиболее позорных преступлений гитлеровцев в Польше, Чехословакии и в Югославии является повсеместное

насаждение немецкими фашистами звериной системы заложничества.

Система заложничества насаждалась гитлеровцами во всех странах, сделавшихся жертвами их агрессии. На Востоке Европы формы, в которых немецкие преступники осуществляли убийства заложников, были особенно жестоки. Насаждая эту систему, гитлеровцы попирали все законы и обычаи войны.

Однако применительно к Советскому Союзу вообще трудно говорить об убийстве заложников, ибо преступления, повсеместно осуществляемые гитлеровцами на временно оккупированных территориях СССР, не могут быть вмещены даже в рамки этой преступной системы заложничества. В значительной степени эти же замечания относятся к Польше, и в особенности к Югославии.

В этих странах гитлеровцы под видом заложничества совершали неизмеримо большие военные преступления, ставящие конечной целью истребление народов. ...

Прошу Суд обратиться к докладу правительства Чехословакии.

«Еще до начала войны тысячи чешских патриотов, в особенности католических и протестантских священников, юристов, докторов, учителей и т. д., были арестованы. Кроме того, в каждом районе записывались лица, подлежащие аресту как заложники при первом признаке беспорядков „в общественном строе и безопасности". Вначале это были только угрозы. В 1940 г. Карл Франк заявил в речи к „вождям движения национального единства", что 2 тысячи чешских заложников, находящихся в концлагерях, будут расстреляны в том случае, если видные чешские деятели откажутся подписать заявление о лояльности.

Некоторое время спустя после покушения на Гейдриха многие из этих заложников были казнены. Типичным методом нацистского полицейского террора были угрозы репрессии против директоров заводов в том случае, если произойдет перебой в работе. Таким образом, в 1939 г. гестапо созвало директоров и заведующих складами различных промышленных фирм и заявило им, что они будут расстреляны в случае забастовки. Когда они уходили, они должны были подписать следующее заявление: „Я принимаю к сведению то обстоятельство, что я буду немедленно расстрелян, если фабрика прекратит работу без уважительной причины".

Подобным же образом школьные преподаватели ручались за лояльное поведение своих учеников. Многие учителя были арес-

тованы только потому, что ученики их школы обвинялись в составлении антинемецких лозунгов или чтении запрещенных книг».

Перехожу к разделу, посвященному убийству заложников в Югославии.

Эти преступные убийства мирных людей в Югославии приобрели особое развитие. По существу, здесь уже нельзя говорить об убийстве заложников, хотя все официальные документы гитлеровцев, которые будут предъявлены далее Суду, употребляют этот термин.

По существу же, под видом убийств заложников гитлеровские преступники в громадных масштабах осуществляли режим террористического истребления мирных граждан не только за то, что кем-то сделано, но даже за то, что, по мнению гитлеровцев, могло быть сделано.

Убийство заложников было одним из тех средств, которые применялись военными органами и имперским правительством в невероятных масштабах для массового уничтожения югославского населения.

Югославская государственная комиссия по установлению военных преступлений располагает по этому вопросу бесчисленным количеством конкретных подробностей и подлинными доказательствами из германских архивов. Здесь мы предлагаем только ограниченное количество таких подробностей и доказательств, которых, однако, достаточно, чтобы представить убийство заложников как часть общего плана и систематичности нацистского преступления». Далее, в докладе правительства Югославии цитируется приказ коменданта так называемой группы «Запад» генерала Браунера. Приводится следующая цитата:

«В захваченных партизанами районах взятие заложников из всех слоев населения остается в силе как единственное средство запугивания, имеющее успех». ...

Планомерное и систематическое убийство заложников видно из следующих данных, которые были собраны Югославской государственной комиссией по установлению военных преступлений на основании конфискованных германских архивов и найденных в них материалов. Эти данные относятся только к Сербии:

«3 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 450 заложников; 17 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 200 заложников; 27 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 50 заложников; 3 ноября 1941 г. в Белграде расстреляно 100 заложников». ...

Можно согласиться, как кажется мне, с утверждением правительства Югославии, которое говорит далее, что такого рода цифры можно было бы представлять до бесконечности:

«Расстрел заложников, как правило, проводился варварским способом. Чаще всего жертв заставляли становиться группами друг за другом, ждать своей очереди и наблюдать за казнью предыдущих групп. Так они последовательно уничтожались».

...Я предъявляю Трибуналу под № СССР-364 выдержку из сообщения № 6 Югославской государственной комиссии по расследованию военных преступлений:

«Группа заложников была повешена в Целье (Целли) на крючьях, на которых мясники вывешивают мясо. В Мариборе каждые 5 из обреченных жертв были вынуждены класть расстрелянных заложников в ящики и грузить на грузовые машины. После этого эти 5 человек расстреливались и следующие 5 были обязаны продолжать погрузку. Так продолжалось беспрерывно. Улица Содна в Мариборе была вся залита кровью, текущей с грузовиков. Число в 50 тысяч убитых кажется слишком малым, так как каждый раз расстреливались многие сотни, в Грацце даже по 500 человек»,

Я представляю Международному военному трибуналу доклад правительства Греческой Республики. Доклад этот заверен должным образом и подписан послом Греции в Великобритании, а также британским Министерством иностранных дел.

Война Греции была объявлена Германией 6 апреля 1941 г.

Уже 31 мая германский командующий в Афинах издал откровенно террористический приказ, направленный против мирного населения Греции.

Непосредственным поводом к изданию этого приказа послужило то, что 30 мая 1941 г. греческие патриоты сорвали свастику с Акрополя.

Я привожу извлечение из этого приказа командующего немецкими вооруженными силами в Греции, цитируя доклад правительства Греции:

«...За то, что в ночь с 30 на 31 мая немецкий военный флаг, развевавшийся над Акрополем, был сорван неизвестными лицами, виновные в совершении этого акта, а также их сообщники подлежат смертной казни...»

С этого времени в Греции устанавливается тот же режим немецко-фашистского террора, который характеризует действия гитлеровских преступников на всех оккупированных ими территориях.

В нарушение статьи 50 Гаагских правил они систематически наказывали невиновных, строго придерживаясь при этом прин-

ципа, что за действия, совершенные отдельными лицами, ответственность должно нести все население в целом.

Обрекая население на голодную смерть, они использовали это как средство для оказания давления, для ослабления сопротивления со стороны греческого народа... Очень немногие судились военным трибуналом, но и в тех случаях, когда такие суды назначались, они были какой-то пародией на суд. Они проводили политику репрессий, включая захват и убийство заложников, массовые убийства, разорение и опустошение деревень в качестве контрмер за действия, совершенные неизвестными лицами в окрестностях этих деревень.

Таким образом, подавляющее большинство тех, кто был казнен в качестве репрессий, были без разбора взяты из тюрем и лагерей, без какого-либо отношения к действиям, за которые они были казнены. Жизнь каждого гражданина зависела от произвольного решения местного командира. Мне кажется, что будет правильным считать одним из звеньев этого террористического режима немецких фашистов, установленного в Греции, умерщвление многих тысяч людей голодом. В докладе правительства Греции сказано следующее:

«Без сомнения, огромное большинство населения Греции в течение трех лет жило на грани голодной смерти. Тысячам людей Греции пришлось терпеть настоящий голод, пока они, наконец, получили помощь, доставленную по морю. Результатом явилось повышение смертности на 500–600% в столице и на 800–1000% на островах за период с октября 1941 года по апрель 1942 года, 25% новорожденных детей погибло, причем здоровье выживших было значительно подорвано».

В докладе правительства Греции приводятся извлечения из отчета нейтральных миссий. Я приведу одно из этих извлечений:

«В течение зимы 1941–1942 гг., когда в столице царил голод, условия в провинции были еще терпимыми. Но во время следующего года, когда свободный рынок поглотил все запасы Канады в помощь наиболее крупным городам, положение значительно изменилось. Во время наших первых поездок по расследованию общего положения в марте 1943 года мы знакомились с людьми, которые, буквально плача, просили хлеба. Население многих деревень питалось только заменителем, приготовленным из муки диких груш и желудей, — пищей, пригодной для свиней. Во многих районах люди с декабря не видели хлеба. Нас приглашали в дома и показывали пустые полки и кладовые. Мы видели, как люди варили траву без масла и ели только для того, чтобы чем-нибудь наполнить себе желудок. Население наибо-

лее бедных деревень было исключительно истощено. В особенности в жалком состоянии находились дети, с тощими конечностями и опухшими животами. Они были лишены присущей детям подвижности и жизнерадостности. То, что половина детей была не в состоянии ходить в школу, представляло собой весьма обычное явление». (Отчет шведской делегации в январе 1944 года.)

Расстрелы заложников приобрели в Греции с первых недель оккупации ее немецко-фашистскими вооруженными силами самое широкое распространение. Я цитирую по этому поводу доклад правительства Греции:

«Заложников брали без всякого разбора и из всех слоев населения. Политические деятели, профессора, ученые, адвокаты, офицеры, гражданские служащие, духовенство, рабочие, женщины — все были помещены под рубрику „подозрительные" или „коммунисты" и заключались в местные тюрьмы или концлагеря. На допросах заключенных подвергали различного рода утонченным пыткам. Заложников концентрировали в местах заключения, где арестованным создавался совершенно невыносимый режим...»

В докладе приводятся итоговые цифры убитых заложников: „Около 91 тысячи заложников было расстреляно"».

Сейчас я прошу Суд обратить внимание на документ, трактующий о колоссальных масштабах уничтожения советских людей на временно оккупированных районах Союза ССР. В подтверждение этого я ссылаюсь на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях, грабежах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ровно и Ровенской области. Я предъявляю этот документ под № СССР-45 и оглашаю заключение судебно-медицинской экспертизы трупов, извлеченных из мест захоронения немцами мирных советских граждан.

«1. Во всех исследованных местах захоронения трупов в городе Ровно и его окрестностях обнаружено свыше 102 тысяч расстрелянных и умерщвленных немцами мирных советских граждан и военнопленных, из них:

а) в городе Ровно по Белой улице у дровяного склада 49 000

б) в городе Ровно по Белой улице на огороде 32 500

в) в селе Сосенки 17 500

г) в карьерах у села Выдумка 3000

д) на территории тюрьмы города Ровно 500».

Я прошу Суд обратить внимание на то, что в последующем тексте содержатся указания на распределение определенных

способов умерщвления людей, применяемых преступниками, по отдельным периодам времени. Так, массовые расстрелы, как видно из следующих далее пунктов «а», «б» и «в», относились к 1941, 1942 гг. Умерщвление мирных граждан путем отравления угарным газом в душегубках, как видно из пункта «г», относилось к 1943 г. Расстрелы с последующим сожжением трупов относились к 1943 году, и расстрелы в тюрьме относились к 1944 г.

...18 марта 1943 г. ровенская газета немецких оккупантов «Волынь» опубликовала следующее извещение:

«8 марта 1943 г. пытались убежать заключенные Ровенской тюрьмы. При этом они убили одного немецкого тюремного чиновника и одного часового. Энергичным выступлением тюремная стража предотвратила бегство. По распоряжению командующего немецкой полиции безопасности и СД в тот же день были расстреляны все заключенные в тюрьме».

В ноябре 1943 г. неизвестным лицом был убит немецкий областной судья. В ответ на это гитлеровцы опять расстреляли свыше 350 заключенных, содержавшихся в Ровенской тюрьме.

Я не буду приводить более примеров расстрела заключенных в тюрьмах, ибо в тех кинодокументах, которые будут предъявлены Суду, уважаемые судьи найдут ряд подобного рода преступлений гитлеровских захватчиков, совершенных на территории СССР.

Перехожу к следующему разделу своего доклада.

Уничтожение в виде репрессий населения деревень

В бесконечном ряду злодеяний германского фашизма есть такие, которые надолго, может быть навсегда, останутся в памяти негодующего человечества, хотя оно и узнало затем о неизмеримо бóльших преступлениях нацизма.

К числу таких преступлений нацистов относятся уничтожение ими маленькой чехословацкой деревни Лидице и зверская расправа с населением этой деревни.

Много раз еще в более жестоких формах судьба Лидице была повторена на территориях Советского Союза, Югославии, Польши. Но мир помнит Лидице и не забудет о ней. Эта маленькая деревня стала символом преступлений нацизма.

Уничтожение Лидице было произведено нацистами в виде репрессии за справедливое убийство патриотами протектора Чехии Гейдриха.

Главный обвинитель от СССР, говоря о Лидице, привел официальное сообщение немцев об этом акте террора из газеты «Дер нейес Таг» от 11 июня 1942 г.

Приведу очень краткие извлечения из доклада правительства Чехословацкой Республики:

«9 июня 1942 г. деревня Лидице была окружена по приказанию гестапо солдатами, прибывшими из местечка Слани в 10 больших грузовиках. Они разрешали всем входить в деревню, но никому не позволяли из нее выходить. Двенадцатилетний мальчик пытался бежать. Солдат застрелил его на месте. Одна женщина хотела скрыться — пуля в спину сразила ее, и ее труп был найден в поле после снятия урожая. Гестаповцы потащили женщин и детей в школу.

10 июня было последним днем Лидице и ее обитателей. Мужчины были заперты в погребе, гумне и конюшне фермы семьи Горак. Они предвидели свою участь и спокойно ожидали ее. Семидесятитрехлетний священник Штерибек поддерживал их молитвами...

Мужчины были выведены из фермы Горака в сад за гумном и расстреляны по десять человек. Убийства продолжались от утра до четырех часов дня. Затем палачи сфотографировались на месте казни у трупов...

Судьба мужского населения была ужасна: 172 взрослых мужчин и юношей от 16 лет были расстреляны 10 июня 1942 г., 19 человек, работавших в шахтах Кладно, были спустя некоторое время схвачены в шахтах или в ближайших лесах и расстреляны в Праге.

7 женщин из Лидице были расстреляны в Праге. Остальные 195 женщин были сосланы в концлагеря Равенсбрюка, 42 умерли от плохого обращения, 7 погибли в душегубках, а 3 пропали без вести.

4 женщины из Лидице были отвезены в родильные дома в Праге, новорожденные дети были убиты, а женщины посланы в Равенсбрюк.

Дети из Лидице были отняты у матерей несколько дней спустя после разрушения деревни. 90 детей было послано в Лодзь, в Польшу, а оттуда в концлагерь Гнейзенау (так называемый Бартоланд). До сих пор не найдены следы этих людей. Семь самых младших (до года) были отвезены в немецкую детскую больницу в Праге и после осмотра «расовыми экспертами» отосланы в Германию. Они должны были быть воспитаны как немцы и получили немецкие имена. Все следы их потеряны.

Два или три ребенка родились в концлагере Равенсбрюк. Они были убиты немедленно после рождения».

Много советских деревень повторили затем судьбу Лидице. Много мирных жителей этих деревень погибли в страданиях,

еще более тяжких, сжигаемые заживо или сделавшиеся жертвами иных мучительных казней.

Прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской Советской Социалистической Республике. Из этого Сообщения я цитирую всего один абзац:

«3 июня 1944 г. в деревню Перчюпе Тракайского уезда ворвались гитлеровцы; окружив деревню, они произвели повальный грабеж, после чего, загнав всех мужчин в один дом, а женщин и детей в три других дома, зажгли эти дома. Пытавшихся вырваться и бежать фашистские изверги ловили и снова бросали в горевшие дома. Так было сожжено все население деревни — 119 человек, из них 21 мужчина, 29 женщин и (я особенно подчеркиваю последнюю фразу) 69 детей».

Я представляю под № СССР-279 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецких захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и городе Ржеве Калининской области.

Я хотел бы шире цитировать это Сообщение, но ограничусь очень немногими местами, опять-таки в целях сокращения времени и избежания частностей:

«...В деревне Зайчики гестаповцы согнали в один дом Зайкова Михаила, 61 года, Белякова Никифора, 69 лет, Бегорову Екатерину, 70 лет, Голубеву Екатерину, 70 лет, Дадонова Егора, 5 лет, Зернову Миру, 7 лет, и других — всего 23 человека, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нем.

...При отступлении немцев из деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 года помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой 200 жителей (там указаны далее названия деревень), закрыл двери и поджег дом, в котором сгорели все 200 человек...

...В деревнях Куликово и Колесники Гжатского района фашисты сожгли в избе всех жителей от мала до велика».

Я прошу принять документ, который привожу как доказательство за № СССР-119, это заверенный фотостат отчетов 15-го немецкого полицейского полка. Среди этих документов мы находим «Итоговый отчет об усмирительной экспедиции, произведенной в деревне Борисовке с 22 сентября по 26 сентября 1942 г.».

Из этого документа с бесспорностью устанавливается, что под видом борьбы с партизанами гитлеровские преступники безжалостно уничтожали мирное население советских деревень:

«1. Задание: 9-й ротой должна быть уничтожена зараженная бандами деревня Борисовка.

2. Силы: 2 взвода полицейских, 1 жандармский взвод (мотор 16) и 1 танковый взвод (я подчеркиваю, господа судьи, что в составе этой экспедиции находился танковый взвод) из Березы-Картуской».

Против кого же применялись эти танковые силы и полиция?

Ответ на это находим в следующем разделе этого отчета:

«3. Исполнение: Рота собралась вечером 22 сентября в Дывине. В ночь с 22 на 23 сентября 1942 г. последовал марш из Дывина по направлению к Борисовке. К четырем часам утра деревня была окружена с севера и с юга двумя взводами. С рассветом староста в Борисовке собрал все население. После проверки населения, при содействии полиции безопасности и СД из Дывина, 5 семейств были переселены в Дывин. Остальные были расстреляны особо выделенной командой, похоронены в 500 метрах северо-восточнее Борисовки. Всего было расстреляно 169 человек, из них 49 мужчин, 97 женщин и 23 ребенка».

Я прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками в Сталинской области. Документ под № СССР-2.

До сих пор я приводил доказательства того, что в селах немцы производили преступное уничтожение советского населения путем сожжения заживо. В этом Сообщении мы находим подтверждение того, что заживо сжигались люди и в городах:

«...В городе Сталине немецкие захватчики согнали жителей Дома профессуры в сарай, завалили вход в него, сарай облили горючим веществом и подожгли. Все находившиеся в сарае люди, за исключением двух случайно спасшихся девочек, сгорели. 11 сентября 1943 г. специальная комиссия... произвела раскопки сгоревшего сарая. При раскопках пепелища комиссия обнаружила 41 обгоревший человеческий труп».

С первых же дней войны против СССР немецко-фашистский террор в отношении мирного населения принял чудовищные формы. Это отмечали в своих сообщениях даже некоторые немецкие офицеры, участники Первой мировой войны, подчеркивавшие, что даже при жестокости той войны они тем не менее не встречали ничего подобного.

Я вновь обращаюсь к немецкому документу и предъявляю Суду за № СССР-293 заверенные фотостаты донесения бывшего командира 528-го полка майора Рэслера и отношения начальника 9-го армейского округа Ширвиндта. Так как документ достаточно интересен, я позволю себе его огласить почти целиком:

«Кассель, 3 января 1942 г.

Донесение

Порученное мне 52-м запасным полком дело „Поведение по отношению к гражданскому населению на Востоке" дает мне повод доложить следующее:

В конце июля 1941 года 528-й пехотный полк, которым я в то время командовал, находился в пути с Запада на Житомир, где должен был расквартироваться на отдых. Когда я вместе со своим штабом в день расквартирования пришел в расположение своего штаба, то мы услышали недалеко от нас винтовочные залпы, следовавшие один за другим через определенные интервалы, а через некоторое время вслед за этим раздались выстрелы из пистолетов. Я решил узнать, в чем дело, и отправился на поиски вместе с адъютантом и офицером-ординарцем (обер-лейтенантом Бассевицем и лейтенантом Мюллер-Бродманом) в направлении выстрелов. Вскоре мы почувствовали, что здесь должно было происходить что-то ужасное, так как через некоторое время мы увидели множество солдат и лиц из гражданского населения, устремившихся по железнодорожной насыпи, за которой, как нам сказали, происходили массовые расстрелы. Сначала мы долгое время не могли попасть по ту сторону насыпи, однако мы слышали через какой-то определенный промежуток времени свисток, а вслед за этим около 10 винтовочных залпов, чередовавшихся с пистолетными выстрелами. Когда мы, наконец, вскарабкались на насыпь, нашим глазам представилась страшная, душераздирающая картина. В углу была вырыта яма, около 7–8 метров длиной и 4 метров шириной, а на одном краю ямы лежала пластами земля. Эта земля и вся стенка ямы были совершенно залиты потоками крови. Вся яма была заполнена человеческими трупами мужчин и женщин всех возрастов. Трупов было так много, что нельзя было определить глубину ямы. За насыпанным валом стояла команда полиции под руководством полицейского офицера. На форме полицейских были следы крови. Кругом стояло множество солдат только что расквартированных частей; некоторые из них были в трусах, как зрители, там же было много гражданского населения — женщин и детей. Картина была насколько страшной, что я не могу ее до сих пор забыть. Особенно врезалась в память сцена, как в этой могиле лежал какой-то старый человек с длинной седой бородой, в его левой руке была зажата трость. Так как этот человек, судя по прерывистому дыханию, еще был жив, я приказал одному из полицейских убить его, на что тот ответил с улыбкой: „Я ему уже семь раз выстрелил в живот, он уже теперь сам должен подохнуть". Убитые в

могиле лежали не рядами, а вповалку, так, как они падали сверху в яму. Все эти люди были убиты выстрелом в затылок из винтовки, а потом в яме добивались выстрелами из пистолетов.

Я не видел ничего подобного ни в мировую войну, ни в русскую, ни во французскую кампанию этой войны; я пережил много неприятного, будучи в формировании добровольцев в 1939 году, но никогда мне не приходилось видеть ничего подобного...

Я хочу добавить, что по рассказам солдат, которые часто видели подобные сцены, видимо, таким способом ежедневно убивалось несколько сот человек.

Рэслер».

Характерно также отношение заместителя командующего 9-м армейским корпусом и начальника 9-го военного округа, который отправил донесение Рэслера начальнику вооружения и комплектования армии в Берлин:

«Содержание: Зверства над гражданским населением на Востоке.

В отношении поступающих сообщений о массовых экзекуциях в России я был первоначально убежден в том, что они слишком преувеличены.

При сем препровождаю донесение майора Рэслера, которое полностью подтверждает эти слухи».

И очень характерна последняя фраза:

«Если подобные действия будут происходить открыто, то они станут известны на родине и будут подвергнуты обсуждению.

Ширвиндт».

Я представляю Суду документ под № СССР-297. Это заверенный фотостат одного из отношений начальника полиции безопасности и СД, запрещающих фотографирование массовых казней, которые назывались экзекуциями.

«Рейхсфюрер СС приказом от 12 ноября 1941 г. за № 1481 запретил фотографирование экзекуций и распорядился, поскольку такие снимки нужны для служебных надобностей, собирать все фотодокументы в архив...

Руководитель оперативной группы и зондеркоманды или командир роты войск СС и командир взвода военных корреспондентов несут ответственность за то, чтобы пластинки, фильмы и копии не оставались в руках отдельных лиц оперативной службы».

Считаю, что предъявлены достаточные доказательства того, что самое высшее полицейское начальство было обеспокоено

тем, что частые съемки немецко-фашистскими преступниками экзекуций или массовых казней создают доказательства этих преступлений.

Разрешите мне перейти ко второму разделу, озаглавленному «Массовое уничтожение немецкими фашистами советских граждан и граждан Польши, Югославии, Чехословакии».

Массовые уничтожения мирных жителей Советского Союза и стран Восточной Европы осуществлялись немецко-фашистскими преступниками повсеместно и, как видно из их официальных распоряжений и донесений об исполнении казней, проводились в целях:

1. Физического устранения тех слоев населения, которых они считали способными к сопротивлению.

2. По расовым мотивам для осуществления положений человеконенавистнической расовой теории.

3. В виде репрессий.

4. Якобы «для борьбы с партизанами», которых немецкие фашисты изловить и уничтожить не могли, а поэтому обрушивали тяжесть репрессий на мирное население.

Особо жестокими в системе гитлеровского террора были казни детей. Применение особо мучительных способов умерщвления детей является одной из основных и наиболее отвратительных особенностей гитлеровского террористического режима на временно оккупированных территориях Советского Союза.

Начиная от Гиммлера до Кейтеля, гитлеровцы неизменно предписывали подчиненным бесчеловечные, бессмысленные по жестокости убийства детей.

Гиммлер говорил:

«Если кто-либо придет ко мне и скажет: „Я не могу строить противотанковые рвы с детьми или женщинами. Это бесчеловечно, ибо они умрут", — то я скажу: „Ты убийца своей крови"».

Многочисленными расследованиями немецко-фашистских зверств в Советском Союзе с бесспорностью установлено, что при массовых расстрелах многих детей бросали в ямы живыми.

В подтверждение этого я обращаюсь к официальным документам.

Я прошу Суд обратить внимание на документ под № СССР-46. Это Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области.

«...Расстрелянных в городе свозили и бросали в траншеи, преимущественно в лесистой местности. Казни в тюрьмах со-

вершались так: мужчины ставились лицом к стенке, жандарм производил выстрел из револьвера в затылочную область. Этим выстрелом повреждались жизненные центры, и смерть наступала мгновенно. В большинстве случаев женщины ложились лицом вниз на землю, и жандарм стрелял в затылочную область. Второй способ: группу людей загоняли в траншею и, обернув их лицом в одну сторону, расстреливали из автоматов, направляя выстрел в ту же затылочную область. В траншеях обнаружены трупы детей, которых, по свидетельству очевидцев, закапывали живыми».

Далее ссылаюсь на документ под № СССР-1. Это Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае.

«...При осмотре другого оврага, расположенного недалеко от горы Кольцо, на расстоянии 250 метров от дороги... была обнаружена размытая насыпь глубиной в 10 метров, из которой были видны отдельные части человеческих трупов.

В этом месте с 26 по 29 июля 1943 г. были произведены раскопки, в результате которых извлечено 130 трупов. Судебно-медицинским осмотром было установлено: труп четырехмесячной девочки насильственных признаков смерти не имел, ребенок был брошен в овраг живым и погиб от удушения... При осмотре трупов младенцев медицинская экспертиза установила, что все они были заживо брошены в овраг вместе с расстрелянными матерями. На всех остальных трупах обнаружены следы пыток и истязаний...»

Позволю сослаться далее на приговор военного трибунала 1-го Украинского фронта, предъявленный ранее мною Суду за № СССР-32.

Я ссылаюсь на показания свидетеля Беспалова.

Беспалов показывает: «С конца июня прошлого года я лично видел, как в лесопарк было привезено на 10–12 грузовых автомашинах до 300 девушек и женщин.

Несчастные в ужасе метались из стороны в сторону, плакали, рвали на себе волосы и одежду, многие падали в обморок, но немецкие фашисты не обращали на это внимания. Пинками и ударами прикладов и палок заставляли их подняться, но с тех, кто не поднимался, палачи сами срывали одежду и бросали в ямы. Несколько девушек, среди которых были дети, пытались бежать, но были убиты.

Я видел, как после автоматной очереди некоторые женщины, шатаясь и размахивая беспомощно руками, с душераздирающими криками шли навстречу стоявшим немцам.

В это время немцы их расстреливали из пистолетов... Обезумевшие от страха и горя матери, прижимая к груди детей, со страшными воплями бегали по поляне, ища спасения.

Гестаповцы вырывали у них детей, хватали их за ноги или за руки и швыряли живыми в яму, а когда матери бежали за ними к яме, то их расстреливали».

Документ под № СССР-9 представляет собой Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву:

«...Гитлеровские бандиты согнали 29 сентября 1941 г. на угол улиц Мельника и Доктеревской тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли. Проживающие вблизи Бабьего Яра граждане Н. Ф. Петренко и Н. Т. Горбачева рассказали о том, что они видели, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с убитыми и ранеными родителями... „Было заметно, как слой земли шевелился от движения еще живых людей“»...

Таким образом, это были не отдельные случаи, а система. Насаждая бесчеловечный террор по отношению к детям, главари германского фашизма понимали, что эта форма устрашения будет особенно ужасна для оставшихся в живых. Сострадание к слабым и беззащитным является неотъемлемым свойством человечности. Умерщвляя особенно жестокими способами детей, немецко-фашистские злодеи показывали мирному населению, что нет преступлений, перед которыми остановились бы они при «замирении» оккупированных районов.

Дети не просто разделяли участь своих родителей. Зачастую массовые так называемые акции немцев обрушивались непосредственно на них. При этом детей насильственно отделяли от родных, сосредоточивали в одном месте, а затем умерщвляли.

Я ссылаюсь на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецких заговорщиков в Латвии:

«...В Центральной тюрьме в Риге они убили более 2 тысяч детей, отобранных от родителей, и в Саласпилском лагере — более 3 тысяч детей».

Какими жестокими способами немцы отбирали детей у заключенных в тюрьмы, лагеря или гетто родителей (обычно это предшествовало умерщвлению детей), Суду будет видно из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровцев в Литве (документ под № СССР-7):

«...В начале 1944 г. немцы в этом лагере насильно отобрали детей в возрасте от 6 до 12 лет и увезли. Житель города Каунас

Владислав Блюм показал: „На моих глазах происходили душераздирающие сцены: у матерей немцы отбирали детей и отправляли неизвестно куда, а многие дети погибли при расстреле вместе с матерями“.

Внутри лагеря на стенах здания обнаружены надписи о злодеяниях фашистских извергов. Вот некоторые из них: „Отомстите за нас! Пускай весь мир знает и поймет, как зверски уничтожали наших детей. Наши дни уже сочтены, прощайте!“, „Пусть весь мир знает и не забудет отомстить за наших невинных детей. Женщины всего мира! Вспомните и поймите все зверства, которые произошли в XX веке с нашими невинными детьми. Моего ребенка уже нет, и я ко всему безразлична“».

Я ссылаюсь, далее, на предъявленный Суду документ под № СССР-63-4. Это акт об издевательствах и о расстреле детей Домачевского детского дома в Брестской области БССР:

«По приказу немецких оккупационных властей округа шеф района Прокопчук приказал бывшей заведующей детским домом Павлюк А. П. отравить больного ребенка Ренклах Лену, 12 лет. После того как Павлюк отказалась отравить ребенка, Ренклах Лена была расстреляна полицейскими вблизи детского дома, якобы при попытке к бегству.

В целях спасения детей от голода и смерти в 1942 г. 11 детей было роздано на воспитание местным жителям и 16 детей взяты родственниками».

Вот дальнейшая судьба этих детей. «23 сентября 1942 г. к 7 часам вечера во двор детского дома прибыла пятитонная автомашина с шестью вооруженными немцами в военной форме. Старший из группы немцев, Макс, объяснил, что детей повезут в Брест, и приказал сажать детей в кузов автомашины.

В машину было посажено 55 детей и воспитательница Грохольская. Шахматова Тося, 9 лет, слезла с машины и убежала, а все остальные 54 ребенка и воспитательница Грохольская были вывезены в направлении ст. Дубица, в 1,5 километра от деревни Леплевка. На пограничной дерево-земляной огневой точке, расположенной на расстоянии 800 метров от реки Западный Буг, автомашина с детьми остановилась. Дети были раздеты, о чем свидетельствует наличие детского белья на возвратившейся автомашине в Домачево, и расстреляны».

Материалами расследований установлено, что при массовых казнях детей разрывали надвое и бросали в огонь.

Я ссылаюсь в подтверждение этого на показания свидетеля Хамайдаса — уроженца села Лисинчи Львовской области, заключенного немцами в Яновский лагерь во Львове.

Хамайдас занимался в этом лагере тем, что по приказу немецких преступников сжигал трупы расстрелянных. Одновременно он был очевидцем массовых расстрелов мирного населения — мужчин, женщин и детей. Показания Хамайдаса, наряду с другими документами по Львовским лагерям, уже предъявлены Суду под № СССР-6:

«Я был очевидцем таких фактов, когда палач брал детей за ноги, разрывал живьем и бросал в огонь».

Расстреливая родителей, немецко-фашистские убийцы не считали нужным тратить патроны на детей. Если они не бросали детей живыми в ямы-могилы, то умерщвляли их ударами тяжелых предметов или ударами о землю.

Я ссылаюсь в подтверждение этого на предъявленный уже Суду под № СССР-6 в числе других документов акт судебно-медицинской экспертизы, которая была проведена по эксгумации трупов в Яновском лагере. Из выводов я цитирую всего две строки.

«На детей палачи не считали нужным тратить боеприпасы, они просто уничтожали их ударами по голове тупым предметом».

Я прошу разрешения Суда огласить второй абзац из ноты Народного комиссара иностранных дел Союза ССР от 27 апреля 1942 г.:

«Оккупанты подвергают детей и подростков самым зверским пыткам. Среди раненых и изувеченных пытками 160 детей — жертв гитлеровского террора в освобожденных ныне районах Московской области, находящихся на излечении в Русаковской больнице города Москвы, имеется, например, четырнадцатилетний мальчик Ваня Громов из деревни Новинки, которому гитлеровцы отпилили ржавой пилой правую руку, предварительно привязав его ремнями к стулу. У двенадцатилетнего Вани Крюкова из деревни Крюково Курской области немцы отрубили кисти обеих рук и, истекающего кровью, погнали в сторону расположения советских войск».

Детей травили окисью углерода в немецких машинах — «душегубках».

В подтверждение этого я ссылаюсь на уже предъявленное Суду под № СССР-1 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ставропольском крае:

«...Установлено, что в декабре 1942 г. по приказу начальника гестапо города Микоян-Шахар обер-лейтенанта Отто Вебера было организовано исключительное по своей жестокости умерщвление больных костным туберкулезом советских детей,

находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда. Очевидцы этого злодеяния сотрудники детских санаториев, медицинская сестра Иванова С. Е. и санитарка Полупанова М. И. сообщили:

„22 декабря 1942 г. к подъезду санатория первого отделения подъехала немецкая автомашина. Прибывшие с этой автомашиной семь немецких солдат вытащили из санатория 54 тяжело больных ребенка в возрасте от трех лет, уложили их штабелями в несколько ярусов в машине, — это были дети, которые не могли двигаться, и поэтому их не загоняли в машину, а укладывали ярусами, — затем захлопнули дверь, впустили газ (окись углерода) и выехали из санатория. Через час автомашина вернулась в поселок Теберда. Все дети погибли, они были умерщвлены немцами и сброшены в Тебердское ущелье близ Гуначгира“».

Детей топили в открытом море.

В подтверждение этого я ссылаюсь на документ под № СССР-63 — «Акт о злодеяниях немцев в Севастополе».

«Гитлеровцы, наряду с массовыми расстрелами, практиковали злодейское потопление мирных граждан в открытом море. Пленный обер-ефрейтор Фридрих Хайле из воинской части 2–19 МКА (Морская транспортная рота) показал:

„Находясь в Севастопольском порту, я видел, как в порт на автомашинах большими партиями привезли мирных граждан, среди которых были женщины и дети. Всех русских погрузили на баржу. Многие сопротивлялись, но их избивали и силой заставляли входить на суда. Всего было погружено около 3000 человек. Баржи отчалили. Долго над бухтой стояли плач и вопли.

Прошло несколько часов, и баржи пришвартовались к причалам пустые. От команд этих барж я узнал, что всех выбросили за борт“».

Огонь тяжелых артиллерийских батарей немецко-фашистские преступники сознательно обрушивали на школы, детские ясли, больницы и другие детские учреждения блокированного ими Ленинграда. Я представляю Трибуналу итоговый доклад Ленинградской комиссии по расследованию немецких злодеяний под № СССР-85. Я лишь обращаю внимание Суда на перечень объектов, подвергавшихся немецкому обстрелу, о чем свидетельствуют журналы боевых действий самих немцев. Вот некоторые из этих объектов: № 736 — школа в Бабуринском переулке, № 708 — Институт охраны материнства и младенчества, № 192 — Дворец пионеров.

Я привожу далее небольшой отрывок из показаний директора школы № 218 по улице Рубинштейна, 13. Он сообщает:

«18 мая 1942 г. школа № 218 пострадала от артиллерийского обстрела... Двенадцатилетний мальчик Леня Изаров убит. Маленькая девочка Дора Бинамова побледнела, стонет от боли: „Мамочка, как же я буду без ножки“, — говорит она. Генделев Лева истекает кровью. Ему оказывают помощь, но она уже не нужна. Со словами „проклятый Гитлер“ он умирает на руках у своей матери. Тяжело раненный Кутарев Женя просит не расстраивать отца, у которого больное сердце. Преподаватели школы и старшие школьники оказывают помощь пострадавшим».

Предъявляю Трибуналу под № СССР-8 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. Я цитирую несколько кратких извлечений из раздела, озаглавленного «Убийцы детей»:

«Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуряли на тяжелых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюса, показал: „...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены“.

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут, из города Дюссельдорфа (Германия), показала: „В 1943 году, в то время, когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей“».

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Прошу обратить внимание на фотодокументы по Освенциму. Там засняты двенадцатилетний мальчик Цимлих и тринадцатилетний мальчик Мангель. Суд может увидеть, каковы были телесные повреждения, полученные этими детьми от обмораживания. Продолжаю:

«Девятилетний мальчик Леринциакош Андраш, уроженец города Клеза (Венгрия), показал: „...Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре месяце 1944 года всех детей переводили в лагерь „А“, в „Цыганский“ лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...“

...Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них в возрасте до

8 лет — 52 человека, от 8 до 15 — 128 человек. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, то есть находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 детей — алиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребенок имеет обморожения и т. д.».

Я предъявляю далее Суду документ под № СССР-92. Это директива управления питанием и сельским хозяйством, озаглавленная «Обращение с беременными женщинами не немецкой национальности». Документ я привожу в подтверждение того, что в злобной ненависти к славянским народам немецко-фашистские преступники стремились умертвить детей еще в утробе матери:

«За последнее время наблюдается значительный рост деторождаемости среди женщин не немецкой национальности. Вследствие этого возникают трудности не только при использовании на работах, но и еще в большей степени появляется опасность социально-политического характера, которую нельзя недооценивать...

Простейшей борьбой с этими трудностями явится то, чтобы возможно скорее оповестить о беременных женщинах не немецкой национальности те учреждения, которые их используют на работе».

Обращаю особое внимание на последнюю фразу: «Эти учреждения должны попытаться заставить женщин избавиться от детей оперативным путем».

Анализ материалов, связанных с гитлеровским террором в странах Восточной Европы, свидетельствует о том, что преступления, совершенные гитлеровцами в отношении детей, навсегда останутся позорнейшей страницей истории немецкого фашизма.

В первой части раздела моего доклада, посвященной массовым акциям немцев, я говорил специально об уничтожении детей, о тех зверских приемах, которые были применены немцами для этого, ибо террор в отношении детей, наиболее зверские и жестокие формы этого террора являются одной из характернейших черт немецко-фашистского террора. ...

Перехожу к представлению доказательств о массовом уничтожении немцами мирных граждан Советского Союза.

Об обстоятельствах массовых казней мы можем судить не только по показаниям очевидцев или исполнителей злодеяний.

Частично мы можем судить о них также по материалам судебно-медицинских экспертиз. Я говорю «частично», так как, начиная с 1943 года, боясь возмездия за совершенные злодеяния, гитлеровцы стали уничтожать следы преступлений, выкапывая и сжигая трупы, размалывая кости, разбрасывая по полям пепел сожженных и употребляя шлак, образовавшийся от сожжения тел, и костяную муку на засыпку дорог и удобрение полей.

Но несмотря на усилия преступников скрыть следы преступлений, было невозможно уничтожить все трупы умерщвленных ими людей.

Первые массовые акции немцев в Советском Союзе, когда были казнены одновременно десятки тысяч мирных невинных людей, — это акции в Киеве. Для того чтобы уяснить объем этих злодеяний, я прошу уважаемых судей обратиться к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии, уже предъявленному Суду под № СССР-9:

«...В Киеве замучено, расстреляно и отравлено в „душегубках" более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Бабьем Яру — свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.

2. В Дарнице — свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.

3. В противотанковом рву у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря — свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.

4. На территории Кирилловской больницы — 800 душевнобольных.

5. На территории Киево-Печерской лавры — около 500 мирных граждан.

6. На Лукьяновском кладбище — 400 мирных граждан...

...В 1943 г., чувствуя непрочность своего положения в Киеве, оккупанты, стремясь скрыть следы своих преступлений, раскапывали могилы своих жертв и сжигали их. Для работы по сжиганию трупов в Бабьем Яру немцы направляли заключенных из Сырецкого лагеря. Руководителями этих работ были офицер СС Топайде, сотрудник жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и командир взвода СС Рэвер.

Свидетели Л. К. Островский, С. Б. Берлянд, П. Ю. Давыдов, Я. А. Стеюк, И. М. Бродский, бежавшие от расстрела в Бабьем Яру 29 сентября 1943 г., показали: „В качестве военнопленных мы находились в Сырецком концлагере, на окраине Киева. 18 августа нас в количестве 100 человек направили в Бабий Яр. Там нас заковали в кандалы и заставили вырывать и сжигать трупы

советских граждан, уничтоженных немцами. Немцы привезли сюда с кладбища гранитные памятники и железные ограды. Из памятников мы делали площадки, на которые клали рельсы, а на рельсы укладывали, как колосники, железные ограды. На железные ограды накладывали слой дров, а на дрова — слой трупов. На трупы снова укладывали слой дров и поливали нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались по несколько рядов и поджигались. В каждой такой печи помешалось до 2500–3000 трупов. Немцы выделили специальные команды людей, которые снимали с трупов серьги, кольца, вытаскивали из челюстей золотые зубы. После того как все трупы сгорали, закладывались новые печи и т. д. Кости трамбовками разбивали на мелкие части. Пепел заставляли рассеивать по Яру, чтобы не оставалось никаких следов. Так мы работали по 12–15 часов в сутки. Для ускорения работы немцы применили экскаватор. За время с 18 августа по день нашего побега — 29 сентября — было сожжено, примерно, семьдесят тысяч трупов“».

Прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской ССР. В том месте, на которое я обращаю внимание Суда, указано, что гитлеровцы систематически производили расстрелы в Бикернекском лесу:

«В Бикернекском лесу, расположенном на окраине города Риги, гитлеровцы расстреляли 46 500 мирных граждан. Свидетельница Стабульнек М., проживающая недалеко от этого леса, рассказала: „В пятницу и в субботу перед Пасхой 1942 года автобусы с людьми круглые сутки курсировали из города в лес. Я насчитала, что в пятницу с утра до полудня мимо моего дома прошел 41 автобус. В первый день Пасхи многие жители, и я в том числе, пошли в лес к месту расстрела. Мы там увидели одну открытую большую яму, в которой были расстрелянные — женщины и дети, голые и в нижнем белье. На трупах женщин и детей были следы пыток и издевательств — у многих на лицах кровяные подтеки, на головах ссадины, у некоторых отрублены руки, пальцы, выбиты глаза, распороты животы...“» ...На месте расстрелов Комиссия обнаружила 55 могил общей площадью в 2885 квадратных метров.

В Дрейлинском лесу, находящемся в 5–7 километрах восточнее города Риги, по Лубанскому шоссе, немцы расстреляли свыше 13 тысяч мирных граждан и военнопленных. Свидетель Ганус В. З. показал: «Начиная с августа 1944 года, немцы организовали раскопки могил и жгли трупы в течение недели. Лес был оцеплен немецкими часовыми, вооруженными пулеметами.

В 20-х числах августа из Риги стали приходить черные закрытые автомашины с гражданами, среди которых были женщины, дети, так называемые беженцы, их расстреливали, а трупы сразу же сжигали... Я, спрятавшись в кустах, видел эту страшную картину. Люди ужасно кричали. Я слышал крики: „Убийцы, палачи!" Дети кричали: „Мамочка, не оставляй!" Пули убийц прерывали крики».

Обращаю внимание Суда, что в этом лесу было расстреляно 38 тысяч жителей. Я прошу, далее, членов Суда обратиться к предъявленному уже ранее Суду под № СССР-47 Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях, совершенных немецко-румынскими захватчиками в городе Одессе и районах Одесской области. Я привожу две выдержки из этого Сообщения:

«21 декабря 1941 г. румынские жандармы приступили к расстрелу заключенных в лагере. Заключенные выводились под охраной к полуразрушенному строению, находящемуся на опушке леса, ставились на колени на краю обрыва и расстреливались. С края обрыва убитые, а часто только раненые, падали на дно оврага, где был сложен гигантский костер из соломы, камыша и дров. Маленьких детей палачи сбрасывали живыми в пламя этого костра. Сжигание трупов производилось круглые сутки...

...По предварительным данным, установленным Комиссией, немецкие оккупанты расстреляли, замучили и сожгли в Одессе и в Одесской области до 200 тысяч человек...»

В подтверждение того, что при массовых казнях, так называемых акциях, немецкие преступники зарывали в землю живых людей, я предъявляю Суду под № СССР-37 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии от 24 июня 1943 г.:

«...При раскопке ямы на глубине одного метра был обнаружен 71 труп расстрелянных жителей города Купянска и Купянского района, среди них было 62 мужских трупа, 8 женских и трупик грудного ребенка. Все расстрелянные были без обуви, а некоторые без одежды...

Комиссия отмечает, что у многих раны не были смертельными, и очевидно, что этих людей сбрасывали в яму и закапывали живыми. Это также подтверждается гражданами, проходившими вблизи ямы вскоре после расстрелов, видевшими, как над ямой ворошилась земля и был слышен глухой стон из могилы...»

Суду уже был предъявлен под № СССР-48 акт судебно-медицинской экспертизы, произведенной в городе Смоленске при участии члена Чрезвычайной Государственной Комиссии, видного советского врача, академика Бурденко, президента Академии

медицинских наук... Эксперты описывают здесь типичный вид места захоронения жертв немецкого террора 1941 г. и начала 1942 г.:

«Ямы, из которых эксгумировались трупы, не представляли собой братских могил. Трупы в них не располагались в один ряд и не лежали один возле другого, а представляли собой многослойную, компактную массу беспорядочно сцепившихся между собой мужских и женских тел. В этой массе то распластанных, то согнутых или полусогнутых трупов, лежащих ничком, на боку, навзничь, стоящих на коленях, стоящих то вверх, то вниз головой, с переплетавшимися руками и ногами, было невозможно определить контуры каждого отдельного трупа до его извлечения из ямы».

Однако такое хаотическое нагромождение мертвых тел констатируется в большинстве случаев лишь при эксгумации из мест захоронения жертв первых массовых расстрелов, относящихся к 1941 г. и началу 1942 г. В последующем при эксгумации судебные медики находили правильные многослойные ряды трупов. Типичный вид такого захоронения жертв уважаемые судьи могут найти в альбоме, посвященном Львовскому лагерю.

Цитирую Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии. о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ровно и Ровенской области:

«...Работавший в немецком хозяйстве, расположенном недалеко от улицы Белой, Я. Карпук рассказал: „Я не раз видел, как гитлеровцы уничтожали советских граждан: украинцев, русских, поляков, евреев. Происходило это обычно так: немецкие палачи привозили к месту расправы обреченных, заставляли их копать яму, приказывали раздеваться донага и ложиться в яму лицом вниз. По лежащим гитлеровцы стреляли из автоматов в затылок. Потом на трупы расстрелянных таким же образом клали второй слой людей и умерщвляли их, затем третий, до тех пор, пока яма не наполнялась. После этого трупы обливались раствором хлорной извести и засыпались землей“».

Насколько широко был распространен этот подлый и жестокий прием массовых убийств, покажет короткое извлечение, касающееся расстрелов, произведенных в Майданеке. Я цитирую Советско-Польское коммюнике, предъявленное ранее Суду под № СССР-29:

«...3 ноября 1943 г. в лагере было расстреляно 18 400 человек. Из самого лагеря было взято 8400 человек, а 10 тысяч человек было пригнано из города и из других лагерей... Расстрел начался с утра и закончился поздно вечером. Людей, раздетых до-

гола, эсэсовцы выводили группами по 50 и 100 человек к рвам, укладывали на дно рва лицом вниз и расстреливали из автоматов. На трупы укладывалась новая партия живых людей, которые также расстреливались. И до тех пор, пока рвы не заполнялись...»

Я специально занимался вопросом о том, к какому времени относится первое практическое применение преступниками этого жестокого приема. Советские материалы свидетельствуют о том, что это относится ко второй половине 1942 г. Но вообще можно сказать, что такие же методы расстрелов применялись полицейскими частями немцев в Польше и в 1939 г.

Я предъявляю Суду документ, который получен нашей делегацией от британского обвинения. Это — фотостат, подлинник хранится в архивах британской делегации. Это — немецкое дознание, изъятое из архива адъютанта Гитлера. Немецкие штабные врачи считали нужным донести об этих расстрелах Гитлеру, так как «благодаря расстрелам, которые происходили публично, неприятельская пропаганда может получить материалы...»

Из этой переписки я привожу короткое извлечение из протокола допроса некоего ефрейтора Пауля Клюге. Пауль Клюге, в числе санитаров части, находился в городе Швец. Он услышал, что в воскресенье на еврейском кладбище происходят расстрелы поляков, и из любопытства решил посетить место расстрела.

«Мы решили уже, — показывает Клюге, — что сделались жертвами глупых слухов, и направились обратно в казармы, когда большой омнибус, полный женщинами и детьми, въехал на кладбище. Мы вернулись обратно на кладбище. Затем мы увидели, как из омнибуса одна партия, состоящая из одной женщины и трех детей в возрасте от 3 до 8 лет, была приведена к выкопанной ранее могиле размером 2 метра в ширину и 8 метров в длину. Женщина должна была опуститься в могилу и нести на руках с собой младшего ребенка. Двое мужчин из карательной экспедиции передали ей двух других детей. Женщина должна была лечь лицом к земле в могиле и ее трое детей поместились таким же образом по ее левую сторону. После этого четверо из отряда сошли также в могилу и направили свои винтовки так, что отверстие дула находилось приблизительно в 30 сантиметрах от затылка, и таким способом расстреляли женщину и ее трех детей.

Затем старший отряда потребовал, чтобы я помог засыпать трупы. Я исполнил это приказание, и затем, уже находясь совсем близко, мог видеть, как следующие партии женщин и детей были расстреливаемы таким же образом, как была расстреляна пер-

вая партия. Всего было 9–10 партий детей и женщин, которых расстреливали каждый раз по четверо в той же могиле».

Гитлеровские преступники, начиная с 1943 г., стали применять различные меры для сокрытия следов преступлений, и в частности сжигать трупы. Документально установлено, что гитлеровцы заставляли свои жертвы сначала заготовлять дрова и бревна, затем ложиться на эти бревна и таким образом расстреливали первый ряд обреченных. Следующая партия обреченных на смерть людей вновь приносила бревна, клала их на первый ряд мертвецов, ложилась затем на эти бревна сама и только после этого подвергалась казни.

Я прошу уважаемых судей обратиться к альбому документов по лагерю Освенцим, где приведены также снимки по лагерю Клога. Вы найдете там типичный вид подобного рода жестоких приемов расстрела. Для подтверждения этого я обращаюсь к документу под № СССР-39:

«...19 сентября 1944 г. немцы приступили к ликвидации лагеря Клога. Унтершарфюрер лагеря Шварце и начальник концлагеря гауптшарфюрер Макс Дальман отобрали из заключенных 300 человек и заставили их носить дрова на лесную поляну, других 700 человек заставили устраивать костры. Когда костры были готовы, немецкие палачи приступили к массовому расстрелу заключенных. В первую очередь были расстреляны подносчики дров и строители костров, а затем и остальные. Расстрел происходил так: на подготовленную площадку костра немцы — из полицейских команд СД — силой оружия заставляли заключенных ложиться вниз лицом и расстреливали их из автоматов и пистолетов. Расстреляных сжигали на кострах. В лагере Клога 19 сентября 1944 г. было уничтожено около 2 тысяч человек». ...

Я перехожу к предъявлению Суду доказательств существования специальных пунктов массовых расстрелов, где количество уничтоженных исчисляется сотнями тысяч человек и куда предназначенные для уничтожения люди свозились не только из районов данной местности, но и из ряда стран Европы.

В кратких извлечениях предъявляю Суду доказательства существования других таких пунктов и одного из наиболее зловещих, а именно пункта массовых расстрелов местечка Панеряй (Понары), (в 8 км от Вильнюса), получившего зловещую славу форта № 9, или «Форта смерти», в Каунасе.

Я цитирую предъявленное уже ранее Суду Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литве.

Пункт массовых расстрелов в местечке Понары был организован в июле 1941 г. и действовал до июля 1944 г.:

«В декабре 1943 года, — сообщил свидетель Зайдель Матвей Федорович, — нас заставили выкапывать и сжигать трупы... Таким образом, на каждый костер мы укладывали около 3 тысяч трупов, заливали их нефтью, с четырех сторон клали зажигательные бомбы и поджигали».

Сжигание трупов продолжалось с конца 1943 до июня 1944 г. За это время из девяти ям с общим объемом 21 179 кубических метров было извлечено и сожжено на кострах не менее 100 тысяч трупов.

Последние дни перед отступлением гитлеровцы не успевали сжигать трупы расстреливаемых, сбрасывали их в ямы и слегка засыпали сверху песком...

«Исследованные трупы, — говорится в заключении судебно-медицинской экспертной комиссии, — относятся преимущественно к гражданскому населению. Небольшое количество трупов обнаружено в одежде военнослужащих. На некоторых трупах найдены предметы религиозного культа католической и православной церкви. На основании обнаруженных предметов и документов установлено, что среди расстрелянных были врачи, инженеры, студенты, шоферы, слесари, железнодорожники, портнихи, часовщики, торговцы и другие...

...Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецко-фашистские палачи расстреляли и сожгли в Панеряй не менее 100 тысяч человек»...

А вот другие факты.

Форт № 9 жители Каунаса назвали «Фортом смерти». Форт расположен в шести километрах северо-западнее города и представляет собой старое железобетонное крепостное сооружение. Внутри него имеется большое количество казематов, которые были использованы немцами в качестве камер для заключенных. Со всех сторон форт обнесен железобетонной стеной и колючей проволокой.

Гитлеровцы в первые же дни своего прихода в Каунас согнали в форт № 9 около тысячи советских военнопленных и заставили их отрывать рвы на поле площадью больше 5 гектаров у западной стены форта. В течение июля — августа 1941 г. было отрыто 14 рвов, каждый шириной около 3 метров, длиной свыше 200 метров и глубиной больше 2 метров. Все, кто попадал в форт № 9, в живых не оставались. Колоннами в несколько тысяч человек гитлеровцы гнали сюда женщин, детей, подростков, мужчин и стариков на расстрел и сжигание...

...В форте № 9 были расстреляны люди различных национальностей: русские, украинцы, белорусы, литовцы, поляки, евреи. В этом форте расстреляны: депутат Верховного Совета Союза ССР Буджинскиене, депутат Верховного Совета Литовской ССР Зибертас, каунасский рабочий-стахановец Щербаков со своей женой и новорожденным ребенком и многие другие.

Кроме советских людей, гитлеровцы уничтожали в форте № 9 граждан из Франции, Австрии, Чехословакии. Бывший надзиратель форта № 9 Науджюнас Ю. Ю. показал: «Первая группа иностранцев в количестве 4 тысяч человек поступила в форт в декабре 1941 года. Я разговаривал с одной женщиной, которая сказала, что их везли в Россию якобы на работу. 10 декабря 1941 г. началось уничтожение иностранцев. Им было предложено выходить из форта группами по 100 человек как бы для проведения прививок. Вышедшие на «прививку» больше не возвращались: все 4 тысячи человек иностранцев были расстреляны, 15 декабря 1941 г. прибыла еще одна группа численностью около 3 тысяч человек, которая также была уничтожена».

Комиссия по расследованию установила, что гитлеровцы уничтожили в форте более 70 тысяч мирных жителей.

В ряде случаев для массового умерщвления мирных жителей Советского Союза немецкие фашисты прибегали к приемам, полным жестокого коварства. Для подтверждения этих приемов ссылаюсь на уже предъявленное мною Суду за № СССР-1 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по Ставропольскому краю:

«...Установлено, что перед отступлением из города Георгиевска 9 и 10 января с. г. по приказу начальника немецких лазаретов шеф-врача барона фон Гаймана с целью отравления советских людей немецкие солдаты продали на городском рынке спирт и питьевую соду, причем спирт оказался метиловым, а «сода» щавелевой кислотой. Произошло массовое отравление жителей города...»

В ряду злодеяний немецких фашистов, совершенных на территории СССР, особое место занимает террор, который они проводили в отношении мирного населения Ленинграда.

Я приведу только общие данные, касающиеся немецких разрушений и злодеяний в Ленинграде:

«...За 900 дней беспримерной осады Ленинграда, за время оккупации его пригородов немецко-фашистские захватчики чинили бесчисленные злодеяния и зверства над мирным населением.

Немцы сбросили на Ленинград 107 тысяч фугасных и зажигательных бомб, 150 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов. Каждый ленинградец ежеминутно в течение всех 900 дней осады был как бы на поле боя, ежеминутно ему угрожала гибель или опасность быть искалеченным на всю жизнь. От бомбежек и артиллерийского обстрела убито 16 747 и ранено 33 782 человека...»

Прошу судей обратить внимание на выписку из дневников немецких артиллеристов, обстреливавших Ленинград. Это крайне циничные и жестокие записи.

Ограничиваю дальнейшую цитату лишь оглашением цифр о людях, погибших в Ленинграде от голода зимой 1941/42 г.: «В результате голодной блокады в городе Ленинграде погибли 632 253 человека».

Перехожу к предъявлению доказательств, связанных с применением немецко-фашистскими преступниками специальных машин для умерщвления людей отработанными парами бензина — «зондермашин», «газвагенов», или «душегубок», как их правильно называли советские люди.

Самый факт применения этих машин для массового умерщвления людей является тягчайшим обвинением руководителей германского фашизма. Специальные устройства для массового уничтожения людей в закрытых герметических автомашинах, выхлопные трубы двигателей которых соединялись с кузовами при помощи особых подвижных шлангов, были применены гитлеровцами впервые в СССР в 1942 г.

Я напоминаю уважаемому Суду, что впервые упоминание о душегубках мы находим в предъявленном уже мной Трибуналу акте о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Керчи (документ под № СССР-63); это относится к весне 1942 г.

Я напоминаю Трибуналу включенную в акт выдержку из показаний свидетельницы Дарьи Демченко, которая видела, как из двух душегубок немецкие военнослужащие в Керчи выбрасывали трупы умерщвленных в противотанковый ров...

Однако с бесспорной очевидностью явствует, что массовое умерщвление людей душегубками впервые было установлено Чрезвычайной Государственной Комиссией в Ставропольском крае. Это видно из документа под № СССР-1.

Расследование злодеяний немецких фашистов в Ставропольском крае проходило под руководством ныне покойного выдающегося русского писателя, члена Чрезвычайной государственной комиссии, академика Алексея Николаевича Толстого.

Организовано было весьма тщательное расследование с привлечением к нему крупных специалистов, судебных медиков, ибо мышление человеческое, ставящее определенные логические границы преступлениям, с трудом воспринимало тогда существование этих машин.

Однако в результате следствия и показаний очевидцев о душегубках совершенные с их помощью немецкими фашистами массовые мучительные убийства мирных людей были полностью подтверждены.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по Ставропольскому краю содержится первое подробное описание устройства душегубок:

«...Установлено массовое истребление немцами мирного советского населения путем отравления окисью углерода в специально оборудованных автомашинах-„душегубках". Военнопленный Фенихель Е. М. сообщил: „Работая автомехаником, я имел возможность детально ознакомиться с устройством автомашин, специально приспособленных для удушения — уничтожения людей отработанным газом. Таких машин в городе Ставрополе при гестапо было несколько.

Устройство ее было таково: кузов длиной примерно 5 метров, шириной — 2,5 метра, высота кузова также, примерно 2,5 метра. Кузов имел форму вагона, без окон, внутри обит оцинкованным железом, на полу, тоже обитом железом, лежали деревянные решетки; дверь кузова обита резиной, с помощью автоматического замка плотно закрывалась. На полу автомашины под решеткой находились две металлические трубы... Трубы эти между собой были соединены поперечной такого же диаметра трубой... Эти трубы имели частые полусантиметровые отверстия; от поперечной трубы вниз через отверстие оцинкованного пола выходит резиновый шланг, на конце которого шестигранная гайка с резьбой, соответствующей резьбе на конечности выхлопной трубы мотора. Этот шланг навинчивается на выхлопную трубу, и при работающем моторе весь отработанный газ идет во внутрь кузова этой герметически закрытой машины. В результате скопления газов находящийся в кузове человек через непродолжительное время умирал. Кузов машины может вместить 70-80 человек. Мотор на этой автомашине установлен марки „Зауэр"...»

В Минске убийцами принцип душегубки был применен для устройства стационарных газовых камер, которые устраивались преступниками в обычных банях. Об этом также сказано в этом Сообщении Чрезвычайной Комиссии.

Ссылаюсь на приговор военного трибунала Смоленского военного округа от 15–19 декабря 1945 г. Там сказано о том, что в Смоленске немцы практиковали также удушение советских людей окисью углерода в специальных газовых автомашинах, так называемых душегубках. Мне кажется, что не случайно душегубки появились на территории СССР именно в 1942 г. В то время главные преступники еще были уверены в победе и приступили к практическому осуществлению созданных ранее планов истребления народов Европы. Они не боялись тогда ответственности за преступления. Вот почему в 1942 г. появляются новые звенья в длинной цепи преступлений руководителей германского фашизма. Фашистская техника обезлюживания вновь пришла в действие. Она создавала «душегубки», газовые камеры концентрационных лагерей, специальные электрические устройства для единовременного массового умерщвления обреченных, печи крематориев и банки с «циклоном».

Я перехожу к представлению доказательств последующего раздела моего доклада — «Концентрационные лагеря для мирного населения».

Я прошу разрешения Трибунала привлечь внимание к тому, что конец 1941 года и весь 1942 г. были временем громадного увеличения объема злодеяний немецко-фашистских захватчиков, содеянных ими в концентрационных лагерях. Я ссылаюсь, в частности, для подтверждения этого на доклад Польского правительства, в котором содержится свидетельство тому, что в 1942 г. было начато ускоренное строительство одного из самых страшных лагерей уничтожения — Треблинского лагеря № 2. Немцы назвали его «Треблинка-Б». Я ссылаюсь, далее, на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму.

«...В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с тремя печами. При крематории была так называемая баня особого назначения, то есть газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года».

Привлекаю внимание уважаемого Суда к следующей фразе: «Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать».

Из доклада Польского правительства видно, что лагерь Собибор был основан еще в первый и второй периоды ликвидации еврейских гетто. Но главная волна зверств прошла по этому лаге-

рю в начале 1943 г. В этом же докладе мы можем найти упоминание о том, что лагерь в Бельчице был устроен в 1940 г., но именно в 1942 г. здесь были устроены особые электрические устройства для массового умерщвления людей. Под предлогом того, что их ведут купаться, обреченных заставляли раздеться, затем их вели в здание, где пол был особым образом наэлектризован, и там их убивали.

Обычно концентрационные лагеря германского фашизма принято делить на две группы: на «рабочие» концентрационные лагеря и «лагеря уничтожения». Мне кажется, что деление это является неверным, ибо «рабочие» лагеря также служили целям умерщвления людей. ...

Я прошу разрешения Суда обратиться к представлению доказательств по лагерю, который возник в последнюю стадию войны.

Дело в том, что в Майданеке и Освенциме умерщвляли только тех людей, которые туда попадали. Фактом своего существования они не представляли прямой угрозы для тех людей, которые находились за стенами лагеря. Но в ходе войны, уже понеся тяжкие поражения, германский фашизм начал практиковать новые зверские формы уничтожения мирного населения. Так были созданы в Белоруссии лагеря смерти не только для умерщвления людей, находившихся в самом лагере, но прежде всего для распространения среди мирного населения и в рядах Красной Армии тягчайших инфекций. В этих лагерях не было крематориев и газовых камер. Но по справедливости они должны быть отнесены к числу самых жестоких концентрационных лагерей, созданных фашизмом в осуществление его плана истребления народов.

Я представляю Суду документ под № СССР-4 — Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии об истреблении гитлеровцами советских людей путем заражения их сыпным тифом:

«...19 марта 1944 г. наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи Полесской области Белорусской ССР обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков...

Лагеря представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже легкого типа, на территории лагерей не было».

Я обращаю внимание уважаемых судей на то, что это было в марте в Белоруссии, в полосу очень больших морозов.

«Заключенные размещались прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи. Заключенным было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За малейшую попытку нарушения этого режима гитлеровцы расстреливали советских людей.

Создавая концентрационные лагеря у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощенным и нетрудоспособным населением, находившемся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных, специально вывезенных из различных временно оккупированных районов Белорусской ССР. Среди освобожденных из этих лагерей детей до тринадцатилетнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин — 13 072 и стариков — 4448...»

Освобожденная из лагеря Л. Пекорская сообщила комиссии:

«12 марта 1944 г. под вечер нас, жителей города Жлобина, заставили собраться в течение получаса на станции Жлобин-Южная. Здесь немцы отобрали молодых и увели их. Загнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали, но все предчувствовали недоброе. Как потом оказалось, нас везли по Рудобелковской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колено в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое ее детей в ужасе оборачиваются, солдаты-звери поочередно стреляют и в них. Мать поднимает истошный крик, и этот крик обрывается выстрелом в упор. Идут мать и сын Бондаревы. Ребенок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом, но ни сын, ни мать больше не встали, не увидели голубого неба — немцы застрелили их».

Немцы умышленно концентрировали в этих лагерях больных сыпным тифом.

«...Освобожденная из лагеря Митрахович П. С., жительница села Ново-Белица, показала: «Нас, больных сыпным тифом, повезли в район деревни Микуль-Городок, в лагерь, огороженный колючей проволокой».

Жительница местечка Новогрудок Гаврильчик З. П. сообщила: «В течение трех суток в лагерь привозили на машинах боль-

ных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые, заключенные в лагере, заболевали...»

...Командование германской армии специально посылало в лагеря у переднего края обороны своих агентов, которым вменено в обязанность следить за распространением эпидемии сыпного тифа среди населения, а также среди частей Красной Армии».

Завершая представление доказательств по этому разделу, я привожу лишь некоторые выдержки из заключения экспертов-эпидемиологов:

«...а) германские власти поместили в концентрационных лагерях здоровых и сыпнотифозных больных советских граждан...;

б) для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие...;

в) в тех случаях, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагери, немецкие власти применяли насилие...;

г) немецкие захватчики перебрасывали сыпнотифозных больных из больниц и смешивали их со здоровым населением в лагерях...»

И последний пункт:

«д) заражение советского населения сыпным тифом было произведено в период второй половины февраля и первой половины марта». Это приводило к массовому заражению людей, находившихся в лагерях, свидетельство чему члены Суда могут найти в следующих абзацах, где сказано, что командование частей Красной Армии госпитализировало 4052 советских гражданина, освобожденных только в одном местечке Озаричи Полесской области, из них детей в возрасте до 13 лет — 2370 человек.

Перехожу к концлагерям «обычного типа».

Привожу очень короткие извлечения из доклада правительства Югославии, касающиеся лагеря Баньица у Белграда, из которых видно, что югославский лагерь по условиям зверского режима для заключенных был совершенно сходен с лагерями в других странах Восточной Европы:

«Итак, лагерь Баньица у Белграда. Этот лагерь германские оккупационные власти основали еще в июне 1941 года. Из захваченных документов этого лагеря видно, что в нем было зарегистрировано 23 637 заключенных. Однако из показаний выживших свидетелей можно было установить, что через лагерь прошло значительно большее число жертв».

Свидетель Мончило Демьянович в конце 1943 г. принимал участие в сожжении трупов жертв лагеря Баньица.

На допросе 7 февраля 1945 г. он заявил Югославской государственной комиссии, что за время своей работы он насчитал 68 тысяч трупов.

Я предъявляю Суду под № СССР-193 выдержку из регистра лазарета лагеря «Саймиште» у Белграда.

В докладе Югославского правительства справедливо указывается на то, что подобного рода «лазарет» больше напоминал лагерную часовню, куда доставлялись умерщвленные люди для совершения погребальной мессы.

В некоторые дни — я прошу Суд обратиться к записи под порядковым № 1070, — в лазарет доставлялись десятки и даже сотни трупов людей, умерших от голода. Так, например, под порядковой записью 1070 значится, что в лазарет доставлено было 87 трупов, под порядковым № 1272 значится: в лазарет доставлено 122 трупа, под порядковым № 2041 — в лазарет доставлено 112 трупов.

Я считаю, что эти цифры не нуждаются в комментариях для определения режима содержания заключенных в этом лагере.

Бесчеловечны были условия содержания для заключенных во всех лагерях, размещенных на территории временно оккупированных районов Советского Союза. Я привожу краткие извлечения из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Литовской ССР:

«На территории Литовской ССР гитлеровцы истребили в огромном количестве не только местное население, но и согнанных сюда жителей Орловской, Смоленской, Витебской и Ленинградской областей. Через лагерь для эвакуированного населения близ города Алитус (вы увидите этот лагерь в тех кинодокументах, которые сегодня будут предъявлены Суду)... с лета 1943 года по июнь 1944 года прошло до 200 тысяч человек...

Тяжелые антисанитарные условия, невероятная скученность, отсутствие воды, голод и болезни, а также массовые расстрелы привели к тому, что за 14 месяцев в этом лагере погибло до 60 тысяч мирных советских людей...»

Для семей военнослужащих Красной Армии на территории Литовской ССР немцами создавались специальные концлагеря, причем в этих лагерях был вывешен следующий приказ:

«За высказывание недовольства германскими властями и нарушение лагерного режима советских граждан без суда расстреливать, подвергать тюремному заключению, отправлять на вечную каторгу в Германию.

Начальник четырех таких лагерей — немка Елизавета Зеелинг неоднократно заявляла заключенным: „Вы мои рабы, я буду вас наказывать, как хочу“». ...

Привожу далее цитату из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях в Эстонской ССР. Эта часть свидетельствует о крайне жестоком режиме в концлагерях Эстонии:

«Ежедневно в лагере производились публичные порки заключенных на специально оборудованном для этого станке. Кроме того, за малейшую провинность оставляли без пищи на двое суток, привязывали в сильные морозы на 2–3 часа к столбу. Издевательствами над заключенными занимались не только охранники-эсэсовцы, но и администрация лагеря и немецкие врачи. Немецкий доктор Ботман лично избил двух заключенных: врача Залкиндсона и врача Гецова. Кроме того, Ботман систематически отравлял заболевших заключенных, впрыскивая под кожу яд (эвипан). Санитар лагеря унтершарфюрер Гент топором зарубил 23 престарелых заключенных. Свидетель Ратнер И. М. показал:

„В феврале 1944 года в лагере в Клога родилось двое детей, оба эти ребенка были живыми брошены в топку кочегарки и сожжены“».

Перехожу к представлению доказательств по лагерям уничтожения, так называемым фернихтунгслагер. Туда свозились люди и из Западной Европы и из стран Восточной Европы.

Для уничтожения людей в концлагерях служила специальная техника, и здесь я задержу внимание судей на одном новом моменте, специально мною исследованном при анализе материалов о концлагерях. Я задался целью выяснить, сколько специальных фирм в немецко-фашистском государстве занималось строительством крематориев для концлагерей.

В фашистской Германии было минимум три специальных фирмы, занятых только конструированием крематориев и строительством кремационных установок. Это свидетельствует о масштабе преступлений в концлагерях.

Я прошу Суд обратить внимание на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Освенциме:

«...Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме „Топф и сыновья“ в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау 4 мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка ад-

министрации лагеря с фирмой „Топф и сыновья", в том числе следующие письма:

И. А. Топф и сыновья. Эрфурт, 12 февраля 1943 г. Центральному строительству СС и полиции

Аушвиц (Освенцим). Касается: крематория 2-го и 3-го лагеря военнопленных. Подтверждаем получение вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: „Еще раз подтверждаем получение вашего заказа на пять штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособления для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 г.

И. А. Топф и сыновья"».

Представляю Суду за № СССР-64 документ, приложенный к докладу правительства Югославии. Это заверенный фотостат документа фирмы. Это фирма Дидье. Переписка касается строительства крематория, «рассчитанного на крупный лагерь» в Белграде. В предъявляемом мною документе фирма Дидье рекомендовала себя как имеющую специальный опыт по строительству кремационных установок для концлагерей и понимающую требования клиентуры. Для доставки трупов в печи фирма разработала особую конструкцию конвейера из двухколесных валов. Она считала, что может выполнить этот заказ лучше, чем какая-либо другая фирма, и запрашивала небольшой аванс на составление сметы по строительству лагерного крематория.

Перехожу к оглашению кратких извлечений из этого документа:

...«Мы приняли к сведению намерения белградских частей СС построить кремационную установку, рассчитанную на крупный лагерь, мы учли также и то, что им поручено вместе с местными архитекторами проектировать и построить эту установку...

Для доставки трупов в печь мы предлагаем двухколесные конвейерные трубчатые валы.

В каждой печи имеется отделение для пепла; так как не предполагается применение гробов, то ширина отделения составляет 600 мм, высота — 450 мм.

Для транспортировки трупов из места их хранения в печи мы советуем применять легкие тележки на колесах, и мы предоставим вам чертежи этих тележек».

Предъявляю Суду документ под № СССР-225.

Документ, посвященный строительству тех же кремационных печей для концлагеря в Белграде. Это переписка фирмы Кори — общества с ограниченной ответственностью... Фирма, между прочим, упоминала, что уже построила четыре печи для Дахау и пять печей для Люблина, и подчеркивала, что ее усовершенствованные печи оправдали себя на практике с наилучшей стороны. Я привожу очень короткое извлечение из этого документа:

«В дополнение к состоявшимся между нами переговорам о доставке установок по сжиганию простой конструкции мы предлагаем наши усовершенствованные печи для сжигания, работающие на угольном топливе, которые оправдали себя на практике с наилучшей стороны.

В связи с предполагаемым строительством мы предлагаем две печи по сжиганию, но рекомендуем еще раз запросить, достаточно ли будет двух печей...

О том, какая площадь необходима для печей с местом для обслуживания их и для раздувания огня, видно из прилагаемых чертежей. Чертеж (указан номер) наглядно иллюстрирует устройство двух печей; по чертежу № 9122 изготовлено для строительства в Дахау четыре печи.

Следующий чертеж за № 9080 иллюстрирует установку в Люблине с пятью печами для кремации и двумя монтированными отопительными камерами...

В ожидании дальнейших известий, к вашим услугам.

Хайль Гитлер!

Кори — Общество с ограниченной ответственностью».

...Я представляю сейчас доказательства того, что кроме стационарных крематориев существовали крематории передвижные. Суд уже знаком с передвижными газовыми камерами. Это были «душегубки». Кроме того, были созданы передвижные крематории. Об их существовании свидетельствует эсэсовец Пауль Вальдман, принявший участие в одном из злодеяний немецких фашистов — в единовременном уничтожении многих тысяч русских военнопленных в Саксенхаузене. Суду уже представлены под № СССР-52 документы по этому лагерю. Я цитирую то место из показаний эсэсовца Вальдмана, которое говорит о массовой экзекуции в Саксенхаузене: «...Умерщвленные таким образом военнопленные сжигались в четырех передвижных крематориях, которые перевозились на прицепе автомашин...» Прошу Суд обратить внимание на отвратительный процесс, введенный немецко-фашистскими преступниками, который связан с промышленным использованием тел умерщвленных людей. Я представлю Суду вещественные доказательства, которые будут сви-

детельствовать о еще более отвратительной утилизации мертвых тел жертв. Прошу судей обратиться к альбому по Освенциму, где видны снимки упакованных для отправки в Германию семи тонн волос, которые были срезаны с умерщвленных женщин.

«...С 1943 года немцы с целью промышленного использования несгоревших костей стали дробить кости и продавать фирме „Штрем" для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отправку в адрес фирмы „Штрем" 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения».

Прошу Суд обратить внимание на заключение технической экспертизы.

Так, в газовых камерах были произведены специальные исследования, и на основании точных химических реакций было установлено, что отравление в газовых камерах производилось синильной кислотой (это «Циклон А» и «Циклон Б»), а также окисью углерода. Я цитирую абзац из заключения технической экспертизы:

«...Технический и санитарно-химический анализ газовых камер концлагеря на Майданеке целиком подтверждает, что все эти камеры, особенно I, II, III и IV, были предназначены и использовались для массового и систематического уничтожения людей путем отравления общеядовитыми газами, как-то: синильной кислотой... и окисью углерода».

Я привожу некоторые данные, касающиеся отвратительного и циничного ограбления заключенных, умерщвленных в Майданеке и в Освенциме:

«На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды 348 820 комплектов. Я повторяю: 348 820 комплектов.

2. Женской верхней и нижней одежды 836 255 комплектов

3. Женской обуви 5525 пар

4. Мужской — 38 000 пар

5. Ковров 13 694 штук».

Та же картина организованного ограбления умерщвленных людей была установлена Комиссией и при проведении следствия на Майданеке. Я не буду цитировать полностью этот раздел Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной комиссии и про-

цитирую лишь одно отношение главного хозяйственного управления СС, содержащееся в Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной комиссии:

«Всем комендантам концентрационных лагерей.

Согласно заявлению главного имперского управления безопасности, из концентрационных лагерей были высланы пакеты с одеждой, главным образом в управление гестапо города Брюнн, причем оказалось, что в некоторых случаях вещи эти были прострелены и покрыты кровью. Часть этих пакетов была повреждена, и таким образом посторонние люди имели возможность узнать о содержании пакета.

Ввиду того, что главное имперское управление безопасности в ближайшее время издаст инструкцию, регулирующую вопрос об оставшихся после смерти заключенных вещах, немедленно прекратить высылку вещей до окончательного выяснения вопроса, как быть с вещами, оставшимися после казненных заключенных.

Глюкс — генерал-майор войск СС».

Я перехожу к представлению доказательств, свидетельствующих об объеме злодеяний.

Только в двух лагерях смерти преступниками было уничтожено 5,5 миллиона человек. В подтверждение привожу выводы Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму:

«...Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем не менее четырех миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран...»

Цитирую соответственные места из Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Государственной Комиссии по Майданеку:

«...Польско-Советская Чрезвычайная комиссия установила, что за четырехлетнее существование лагеря уничтожения Майданек гитлеровские палачи, по прямому приказу своего преступного правительства, истребили путем массовых расстрелов, массового умерщвления в газокамерах около полутора миллиона человек — советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии, граждан различных национальностей: поляков, французов, итальянцев, бельгийцев, голландцев, чехов, сербов, греков, хорватов и большую массу евреев».

Я заканчиваю этим документом раздел о концентрационных лагерях и перехожу к последнему разделу своего доклада — «Сокрытие следов преступлений».

В период своих временных военных успехов немецко-фашистские преступники сравнительно мало заботились о сокрытии следов преступлений.

Часто они не считали нужным даже замаскировать дерном могилы, в которые сбрасывались после расстрелов тела умерщвленных.

Но после разгрома, который гитлеровская военная машина потерпела под Сталинградом, положение изменилось. Подгоняемые страхом возмездия, преступники стали применять срочные меры для сокрытия следов преступлений. Всюду, где это было возможно, они сжигали трупы. Там, где этого сделать было нельзя, могилы тщательно маскировались дерном или зелеными насаждениями. Земля, которой были засыпаны могилы расстрелянных, выравнивалась специальными машинами и гусеничными тракторами.

Однако основным методом, к которому прибегали немецко-фашистские преступники, следует признать все же сжигание трупов. Пепел от сожженных тел разбрасывался по полям, несгоревшие в пламени кости дробились специальными машинами и смешивались с навозом для изготовления удобрений. В крупных лагерях раздробленные кости умерщвленных продавались немецким промышленным фирмам для переработки на суперфосфат.

Я представляю Суду в качестве доказательства громадного масштаба преступной деятельности гитлеровцев по сокрытию следов преступлений ряд документов.

Ссылаюсь прежде всего на Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Государственной Комиссии по Майданеку. Документ представлен под № СССР-29:

«...Уже в начале 1942 года были построены две печи для сжигания трупов. Вследствие того, что трупов было очень много, немцы в 1942 году начали строить и к осени 1943 года построили новый мощный крематорий на пять сжигательных печей. Эти печи горели беспрерывно. Температура в этих печах могла подниматься до 1500°С. Для того чтобы в печь вмещалось возможно больше трупов, они расчленялись, в частности обрубались конечности трупов».

Печей в крематориях было недостаточно, и немцы для уничтожения трупов вынуждены были прибегать к специальным примитивным кремационным устройствам, которые делали следующим образом:

«На рельсы или на рамы автомобиля, которые выполняли роль колосников, накладывались доски, на доски трупы, затем снова доски и снова трупы. Так укладывалось на костер от 500 до 1000 трупов. Все это обливалось горючей жидкостью и поджигалось».

Привожу краткую цитату, устанавливающую объем этой преступной работы по сокрытию следов преступлений:

«Комиссия установила, что только в печах крематория было сожжено свыше 600 тысяч трупов; на гигантских кострах в Кремнецком лесу было сожжено более 300 тысяч трупов; в двух старых печах было сожжено свыше 80 тысяч трупов; на кострах в самом лагере возле крематория было сожжено не менее 400 тысяч трупов».

Я ссылаюсь, далее, на Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Минску:

«...В урочище Благовщина обнаружены 34 ямы-могилы, замаскированные хвойными ветвями. Некоторые могилы достигают в длину 50 метров. При частичном вскрытии пяти могил в них на глубине трех метров найдены обуглившиеся трупы и слой пепла толщиной от половины до одного метра. Вблизи ям Комиссия нашла множество мелких человеческих костей, волосы, зубные протезы и массу всевозможных мелких вещей личного обихода. Следствием установлено, что здесь фашисты истребили до 150 тысяч человек.

В 450 метрах от бывшего хутора Петрашкевичи обнаружены 8 ям-могил размерами 21 метр в длину, 4 метра в ширину и 5 метров в глубину. Перед каждой ямой-могилой имеются огромные залежи пепла, оставшегося от сжигания трупов».

Обращаюсь к Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Львовской области. Документ был уже представлен Суду под № СССР-6. Привожу очень короткое извлечение из этого документа:

«По указанию рейхсминистра Германии Гиммлера и генерал-майора полиции СС Кацмана в июне месяце 1943 года были проведены специальные мероприятия по выкапыванию и сжиганию трупов замученных и расстрелянных мирных жителей, советских военнопленных и подданных иностранных государств.

В Львове немцами была создана особая зондеркоманда № 1005, состоявшая из 126 человек. Шефом этой команды был гауптштурмбаннфюрер Шерляк, его заместителем — гауптштурмбаннфюрер Раух. В обязанности зондеркоманды входило выкапывание из земли трупов убитых немцами мирных жителей и военнопленных и сжигание их».

Зондеркоманда № 1005 была прототипом аналогичных зондеркоманд, созданных немцами. Последующие зондеркоманды, созданные для этих целей, получали номера — 1005-а, 1005-б и т. д.

Для распространения опыта по истреблению людей, сжиганию трупов, маскировке преступлений немцы создали в Львове при Яновском лагере специальную школу по подготовке «квалифицированных кадров». ...

Убийства многих миллионов людей были совершены немецкими фашистами из мотивов, продиктованных их человеконенавистническими каннибальскими «теориями» расизма и «права господ» на уничтожение народов.

Все эти убийства были хладнокровно обдуманны. Беспрецедентные по масштабу злодеяния были выполнены в точно определенные для этого сроки, причем, как я показывал это неоднократно раньше, для массовых убийств и для уничтожения следов преступлений была создана специальная техника.

Но, кроме того, во многих преступлениях немецких фашистов есть одна черта, которая делает их еще более отвратительными.

В ряде случаев немцы, уже лишив жизни жертву, не прекращали на этом преступления, но продолжали его, делая затем объектом преступного глумления самое тело умерщвленного.

Глумление над трупами жертв было характерно для всех лагерей уничтожения. Я напоминаю уважаемому Суду, что несгоревшие кости покойников продавались немецкими фашистами фирме «Штрем». Волосы умерщвленных женщин срезались, упаковывались в тюки, прессовались и отправлялись в Германию. В ряду этих же преступлений находятся и те, о которых я предъявляю доказательства сейчас. Я указывал уже неоднократно ранее, что основным методом уничтожения следов являлось сожжение трупов, но та же подлая рационализаторская эсэсовская техническая мысль, которая создала газовые камеры и «душегубки», стала работать над тем, чтобы создать такие способы полного уничтожения человеческих трупов, при которых уничтожение следов преступлений сочеталось бы с получением определенного фабриката. В Данцигском анатомическом институте уже были произведены в полупромышленном масштабе опыты по получению мыла из человеческих тел и дублению с промышленными целями человеческой кожи. Я предъявляю Суду под № СССР-197 показания одного из непосредственных участников изготовления мыла из человеческого жира, препаратора анатомического института в Данциге Зигмунда Мазура:

«*Вопрос:* Расскажите, как производилось мыловарение из человеческого жира при анатомическом институте города Данцига.

Ответ: Рядом с анатомическим институтом в глубине двора летом 1943 года было построено каменное одноэтажное здание из трех комнат. Здание это было построено для обработки трупов и вываривания костей. Так было объявлено официально профессором Шпаннером. Именовалась эта лаборатория лабораторией для изготовления человеческих скелетов и сжигания мяса и ненужных костей. Но уже зимой 1943/44 года профессор Шпаннер приказал собирать человеческий жир и не выбрасывать его. Это приказание было отдано Рейхерту и Боркману.

В феврале 1944 г. профессор Шпаннер дал мне рецепт приготовления мыла из человеческого жира. В этом рецепте предписывалось брать человеческий жир в количестве 5 килограммов и варить 2–3 часа в 10 литрах воды с 500 граммами или одним килограммом каустической соды, затем дать остыть. Мыло всплывает наверх, а остатки и вода остаются на дне в ведрах. К смеси прибавлялась еще и поваренная соль (пригоршня) и сода. Затем добавлялась свежая вода, и смесь снова варилась 2–3 часа. После остывания готовое мыло выливалось в формы».

Я представляю сейчас Суду эти «формы» — кюветы, в которые выливалось сваренное мыло. Дальше я представляю доказательство того, что полуфабрикат этого человеческого мыла действительно был изъят в Данциге.

«Мыло получалось неприятного запаха. Для того чтобы уничтожить этот неприятный запах, прибавлялся бензальдегид...

...Жир собирали с человеческих трупов Боркман и Рейхерт.

Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней — от 3 до 7. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограммов, причем для этих варок было собрано 70–80 килограммов человеческого жира, примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору Шпаннеру, который его хранил у себя лично.

Работами по производству мыла из человеческих трупов, как мне известно, интересовалось и гитлеровское правительство. В анатомический институт приезжали министр просвещения Руст, министр здравоохранения Конти, гаулейтер Данцига Альберт Форстер, а также много профессоров из других медицинских институтов.

Сам я лично для своих потребностей — для туалета и стирки — употреблял это мыло из человеческого жира. Лично для себя я взял этого мыла 4 килограмма...

Лично для себя также брали мыло Рейхерт, Боркман, фон Барген и наш шеф профессор Шпаннер...

...Точно так же, как человеческий жир, профессор Шпаннер приказал собирать человеческую кожу, которая после обезжиривания подвергалась обработке определенными химическими веществами. Производством человеческой кожи занимались старший препаратор фон Барген и сам профессор Шпаннер. Выработанная кожа складывалась в ящики и шла для специальных целей, но каких, не знаю».

Я предъявляю сейчас под № СССР-196 копию рецепта мыла, изготовленного из тел умерщвленных. Он в основном идентичен с тем, который изложен в протоколе допроса Мазура. Для подтверждения того, что все изложенное в протоколе допроса Мазура соответствует действительности, я приведу принятые Судом протоколы допроса британских военнопленных, в частности рядового королевского суссекского полка Джона Г. Виттона. Документ предъявляется Суду под № СССР-264. Я цитирую одно небольшое место из этого протокола:

«...Трупы прибывали в количестве от 7 до 8 в день. Все они были обезглавлены и раздеты догола. Иногда их доставляли в автомашинах Красного Креста в деревянных ящиках, вмещающих 5–6 трупов, иногда по 3–4 трупа доставляли в небольших грузовиках... Трупы обычно выгружали с предельной быстротой и сносили в погреб, в который вела боковая дверь из фойе при главном входе в институт... Вследствие того, что трупы предварительно пропитывались какой-то жидкостью, ткань очень легко отделялась от костей. Затем всю ткань складывали в бак для кипячения размером с небольшой кухонный стол. После кипячения полученную жидкость разливали по белым сосудам размером, примерно в двойной лист обычной писчей бумаги и глубиной в 3 сантиметра. Обычно в день машина давала 3–4 таких сосуда».

Я представляю далее Суду под № СССР-272 письменные показания британского подданного — капрала королевских войск связи Вильяма Андерсена Нили.

«...Трупы доставлялись в количестве 2–3 в день. Все они были совершенно нагие, причем большинство было обезглавлено...

...Конструирование машины для изготовления мыла было завершено в марте-апреле 1944 года. Постройка здания, в котором ее предполагалось поместить, была закончена в июне 1942 года. Машина эта была смонтирована на данцигской фирме Айрд, не связанной с военным производством. Насколько я помню, эта машина состояла из бака, обогреваемого электричест-

вом, в котором при помощи добавления каких-то кислот растворялись кости трупов.

Процесс растворения занимал около 24 часов. Жировые части трупов, в особенности женских, складывались в большие эмалированные чаны, подогреваемые огнем двух бензиновых горелок. Для этой процедуры также применялись какие-то кислоты. Я предполагаю, что в качестве кислоты брали едкий натр. Когда кипячение заканчивалось, полученной смеси давали остынуть, а затем выкладывали в специальные формы...

Я не могу точно определить количество получаемого вещества, но я видел, как его употребляли в Данциге для чистки столов, на которых производили вскрытие трупов. Люди, пользовавшиеся им, уверяли меня, что это — лучшее мыло для этой цели».

Я предъявляю далее образцы полуфабриката мыла и изготовленного мыла. Здесь вы увидите небольшой кусочек вполне готового мыла, которое по внешнему виду, уже пролежав несколько месяцев, напоминает, однако, обычное хозяйственное мыло. Я передаю его Трибуналу. Кроме того, я предъявляю образцы полувыделанной человеческой кожи. Предъявленные образцы убеждают в том, что процесс изготовления мыла был уже вполне разработан Данцигским институтом. Что касается кожи, то она по внешнему виду напоминает еще полуфабрикат. Наиболее приближается к типу промышленной кожи тот кусок, который вы видите наверху слева. Таким образом, можно считать доказанным, что опыты по промышленному производству мыла из человеческого жира были вполне завершены в Данцигском институте. Опыты по дублению человеческой кожи еще производились, и только победоносное наступление Красной Армии положило предел этому новому преступлению нацистов.

Длинный ряд преступлений против мирного населения временно захваченных немецко-фашистскими преступниками районов Советского Союза, Чехословакии, Польши, Югославии и Греции не может быть исчерпан даже в самом подробном докладе. Можно выделить только наиболее типичные в тех жестокостях, подлых и расчетливых приемах, к которым прибегали главные преступники, замышлявшие преступления, и те, кто эти преступления выполнял. Те, кто находится ныне на скамье подсудимых, освободили от «химеры, именуемой совестью», сотни тысяч и миллионы преступников. Они воспитали этих преступников, создали им атмосферу безнаказанности и натравили своих кровавых собак на мирных людей. Они глумились над совестью и достоинством человека. Но к совести мира взывали те, кого травили в душегубках и газовых камерах, кого разрывали на куски, те,

чьи тела сжигали в печах крематориев и пепел развеивали по ветру. Мы не можем теперь назвать даже многие из мест захоронений миллионов злодейски умерщвленных невинных людей. Но на сырых стенах газовых камер, на местах расстрелов, в фортах смерти, на каменных плитах тюрем и казематов мы до сих пор можем различить полные глубокой душевной боли, взывающие к возмездию краткие записи обреченных на смерть людей. И пусть помнят живые эти запечатленные на камне голоса жертв немецко-фашистского террора, взывавших перед смертью к совести мира, о справедливости и о возмездии.

Глава 20
«В Норвегии ничего не возьмешь, кроме рыбы...»

«Я намереваюсь грабить и именно эффективно», — скажет Геринг на одном из совещаний, посвященных «экономическим» вопросам оккупированных территорий. И в этом была суть нацистского подхода к завоеванным землям.

Трудно сказать, что было важнее для Гитлера и его приспешников — «жизненное пространство» или грабеж. Скорее всего, в глазах нацистских вождей эти понятия были неразделимы.

Планы разграбления стран и территорий составлялись параллельно планам агрессивных войн. Так было и с походом на СССР. Еще 29 апреля 1941 г. по указанию Гитлера все разработки были централизованы и создан Экономический штаб особого назначения «Ольденбург». Далее появилась так называемая «Зеленая папка» рейхсмаршала Геринга, «уполномоченного по четырехлетнему плану», — «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях».

В директивах были увязаны интересы всех участников грабежа — министерств, ведомств и крупных монопольных объединений, определены приоритеты: «Обеспечение возможности получения максимального количества продовольствия и сырой нефти для Германии является главной экономической целью для Германии».

Для реализации намеченного заранее были назначены различные уполномоченные, экономические разведчики, сельскохозяйственные фюреры и даже военные агрономы, сформированы специальные отряды, созданы акционерные общества и хозяйственные инспекции. В помощь им, для «эффективного грабежа», были изданы справочники, инструкции, методические указания.

Ступив на советскую землю, эта рать грабителей начала действовать с исключительной жестокостью, не считаясь с нуждами населе-

ния. Прежде всего отбиралось продовольствие, при этом аппетиты захватчиков все время росли. На Украине — «стране белого хлеба и сметаны» неоднократно увеличивались объемы изъятия главных продуктов — зерна и мяса.

Нацисты возвели грабеж в абсолют. Например, в захваченной Керчи они поставили на учет даже цыплят, а крестьян расстреливали и за килограмм утаенной фасоли. Немецкая прилежность в обшаривании сундуков и кладовок не знала границ. В оккупированной Истре под Москвой немцы реквизировали у граждан елочные игрушки. На станции Шаховская заставили сдавать детское белье, стенные часы, самовары. Мародерство не наказывалось.

Бандитские реквизиции, когда в колхозах и совхозах, у граждан изымалось все подчистую, имели ужасающие последствия: разорено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2790 машинно-тракторных станций, отобрано 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн свиней, 27 млн овец и коз, 110 млн голов домашней птицы.

На предприятиях демонтировалось и отправлялось в Германию оборудование, запасы сырья и материалов. Выполнялись специальные заказы. Например, в числе первых была директива изымать платину, магний, каучук. В Германию потянулись длинные эшелоны с награбленным добром. Правда, до советской нефти нацисты не добрались — помешало военное поражение на подступах к нефтеносным районам...

Грабить «эффективно» — значит грабить не только жестоко, но и изобретательно. На Чехословакию, кроме прочего, нацисты наложили «контрибуцию» — 2 млрд крон, так как «немцы воюют за чехов». По всей стране на железных дорогах сняли новые рельсы, а взамен из рейха привезли старые. Обчистив Чехословакию, немецкие «специалисты» догадались забрать в Праге даже трамваи. Общий ущерб составил 700 млрд чешских крон.

Население ограбленной Греции и так жило впроголодь. Но неистощимые на выдумку «экономисты» фюрера ввели новую дань, заставив греков оплачивать «издержки по оккупации». При этом размер платы намного превышал размер общего дохода страны на соответствующий период, и греки были вынуждены расставаться с национальными сбережениями.

Дополнительным средством ограбления Югославии стали финансовые аферы нацистов. Сначала они ввели выгодный для себя курс динара к рейхсмарке, затем пустили в обращение «имперские кредитные билеты», потом — «новый динар» и с помощью этих мер полностью выкачали ресурсы страны.

В Польше, задавленной прямыми реквизициями, широко применялся секвестр собственности. По его условиям имущество неизменно переходило в руки немецких хозяев.

В оккупированных странах Западной и Северной Европы нацисты «хозяйствовали» более осторожно, однако и там захватывались предприятия, реквизировалось продовольствие, сырье и материалы, вводилось питание по скудным нормам.

Штрафы и конфискации были распространенными «экономическими» методами, а скупка товаров за бесценок была «милостью» победителей. При этом нацисты бесцеремонно выкручивали руки своим западным соседям. Например, имперский министр Шпеер требовал от них снижения цен на импортируемые Германией товары ради «блага» участия в «Великой хартии программы вооружений». Часто на ту или иную нужную немцам продукцию ими же накладывалось эмбарго, после чего ее по минимальной цене скупала немецкая фирма.

В грабеже нацисты действительно преуспели. В период с июля 1940 по сентябрь 1944 г. в оккупированных странах они изъяли ресурсов, включая долги по клирингу, на 124,6 млрд рейхсмарок.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Л. Р. ШЕЙНИНЫМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «РАЗГРАБЛЕНИЕ И РАСХИЩЕНИЕ ЧАСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 20 февраля 1946 г.]

Господа судьи! Моя задача заключается в том, чтобы представить Суду доказательства преступных, грабительских мотивов гитлеровской агрессии и чудовищного ограбления народов Чехословакии, Польши, Югославии, Греции и СССР.

Мои коллеги уже доказали, что нападение на Советский Союз, как и на другие государства Европы, заранее планировалось и подготовлялось преступным гитлеровским правительством. Я представлю Суду ряд подлинных документов заговорщиков и их собственные высказывания и выступления, которые в совокупности своей докажут, что расхищение и разграбление частной, общественной и государственной собственности на оккупированных территориях также было заранее обдумано, запланировано и широко подготовлено... Международному Военному Трибуналу уже представлен официальный доклад Чехословацкого правительства о преступлениях, совершенных гитлеровцами на территории Чехословацкой Республики, явившейся первой жертвой германской агрессии. Этот документ представлен Трибуналу под № СССР-60.

В третий раздел этого доклада включена небольшая выдержка из статьи Лея, опубликованной 30 января 1940 г. в газете «Ангрифф».

«...Наше предназначение — принадлежать к высшей расе. Раса низшего уровня требует меньше места, одежды, меньше пищи и меньше культуры, чем раса высшего уровня...»

Эта установка, эта программная линия нашла свое конкретное выражение в том, что все захваченные территории гитлеровские заговорщики подвергали безудержному ограблению, самому разнообразному в отношении форм и методов и совершенно бесстыдному по своим опустошительным результатам.

В докладе Чехословацкого правительства содержится большое количество примеров, подтверждающих соответствующие разделы Обвинительного акта.

Я оглашаю эту часть доклада, начиная с первого абзаца страницы 72 русского перевода. Читаю:

«...Немецкий план кампании против Чехословакии был направлен не только против Республики как политического и военного целого, но и против самого существования чехословацкого народа, у которого были отняты не только политические права и культурная жизнь, но также и его благополучие, его финансовые и промышленные ресурсы...

Сразу же после Мюнхена немцы захватили все промышленные и коммерческие акционерные общества, принадлежавшие чехам и евреям, в районах, отнятых у Республики, и все это без компенсации. У чехов и евреев было отнято их имущество, предприятия, обычно путем кровавого насилия».

Далее в докладе приводится следующий характерный факт. Речь идет о том, с чего именно начал сам Гитлер свое «знакомство» с только что захваченной им Чехословакией. Я оглашаю пункт «б» раздела доклада, озаглавленного «После вторжения 15 марта 1939 г.». Господа судьи найдут эту выдержку на страницах 3 и 4 тома документов. Читаю:

«Гитлер вошел в Прагу поздним вечером 15 марта 1939 г. и провел ночь в знаменитой крепости Градчаны. На другой день он уехал, захватив с собой множество драгоценных гобеленов. Мы упоминаем об этом грабеже не ради ценности украденных вещей, но ради примера, показанного главой партии и немецкого государства в самый первый день вторжения.

Немецкие отряды, наводнившие Прагу, привезли с собой целый штат немецких экономических экспертов, то есть экспертов экономического грабежа.

Все, что представляло какую-либо ценность для Германии, было захвачено, особенно запасы сырья, меди, жести, железа, бумаги, шерсти и провианта.

Средства транспорта, вагоны, паровозы и т. д. были увезены в рейх. Все рельсы в протекторате, находившиеся в приличном состоянии, были сняты и посланы в Германию, а на их место были положены старые рельсы, из Германии. Новые, только что изготовленные вагоны, которые были заказаны для пражских городских трамваев, были, вопреки их назначению, посланы в рейх.

Пароходы, принадлежавшие чехословацкому обществу пароходного плавания по Дунаю (большинство акций принадлежало Чехословацкому государству), были разделены между Германией и Венгрией.

Ценные художественные произведения и мебель исчезли из общественных зданий без всякой попытки какого-либо «законного» обоснования такого грабежа; картины, статуи, гобелены были увезены в Германию, а Чешский национальный музей, галерея современного искусства, общественные и частные собрания расхищены.

Германский имперский комиссар Чехословацкого национального банка приостановил все переводные операции с заграницей и захватил золотой запас и валюту в протекторате. Так, немцы взяли 23 тысячи килограммов золота в номинальной цене на 737 миллионов крон (5265 тысяч фунтов стерлингов) и перевели золото из банка международных операций в Рейхсбанк».

Одним из способов тщательного, я бы сказал тотального, ограбления являлась так называемая экономическая германизация...

Я перехожу к оглашению четвертого раздела официального доклада Польского правительства о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в оккупированной ими Польше. Этот доклад уже представлен Трибуналу под № СССР-93 и, согласно статье 21 Устава, является бесспорным доказательством. Читаю выдержку из этого доклада, которую господа судьи могут найти на странице 14 тома документов.

«ЭКСПРОПРИАЦИЯ И ГРАБЕЖ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

а) 27 сентября 1939 г. немецкие военные власти издали декрет о секвестре и конфискации польской собственности в западных провинциях. „На собственность Польского государства, польских общественных учреждений, муниципалитетов и союзов, лиц и корпораций может быть наложен секвестр, и оно, то

есть это имущество, может быть конфисковано", — так гласит § 1 упомянутого декрета.

b) Право военных властей распоряжаться польской собственностью в присоединенных провинциях перешло к особому „доверенному присутствию" (установленному Герингом 1 ноября 1939 г.) с главным управлением в Берлине и отделениями в Польше. Ему была доверена администрация конфискованной собственности Польского государства, а также экономическая политика в Польше, в согласии с планом, составленным правительством рейха.

c) Согласно декрету от 15 января 1940 г. вся собственность Польского государства была отдана „под охрану", что практически означало конфискацию всей государственной собственности на присоединенных территориях. Особый декрет от 12 февраля 1940 г. был посвящен земледелию и лесам с той же целью.

d) Конфискация частной собственности в западных провинциях была начата декретом от 31 января 1940 г. Приобретение собственности, а также изменение прав собственности на каждом предприятии требовало на присоединенных территориях особого разрешения.

Дальнейшим декретом от 12 июня 1940 г. Геринг уполномочил „доверенное присутствие" захватить не только государственную собственность, но также и собственность граждан „бывшего Польского государства".

e) Процесс конфискации, однако, подвигался далее. Собственность польских граждан могла быть захвачена и конфискована, если собственник не получал германского гражданства по декрету Гитлера от 8 октября 1939 г. Дальнейшие декреты регламентировали вопросы уплаты долгов ввиду того, что секвестраторы были уполномочены платить долги только привилегированным кредиторам. Таковыми были члены „Дейче фолкслейте", поскольку дело касалось довоенных долгов, а также граждане рейха или вольного города Данцига по отношению к долгам, возникшим после 1 сентября 1939 г.».

...В заключительной части этого раздела доклада справедливо указывается:

«Кроме преступлений, доказанных и представленных здесь, есть тысячи других, которые отошли в тень из-за размера массовых убийств, массового грабежа и массового разрушения».

Нет возможности перечислить все преступления, которые были совершены в Польше под непосредственным руководством подсудимого Франка, возглавлявшего всю власть в так называемом генерал-губернаторстве.

Обнаруженные и приобщенные к материалам дела дневники Франка дают ясное и конкретное представление о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Польше под его руководством. В этих дневниках, господа судьи, содержатся также записи, непосредственно относящиеся к теме моего выступления.

Вот почему я, с вашего разрешения, приведу выдержки из дневника, которые ранее оглашены не были.

Из тома под названием „Заседания руководителей отделов 1939/40 гг." страницы 11–12. В вашем томе документов, господа судьи, это находится на странице 21-оборот. Читаю:

„...Мое отношение к полякам — это отношение между муравьем и тлей. Если я обрабатываю поляка и, так сказать, дружественно его щекочу, то я это делаю в ожидании того, что за это мне пойдет на пользу производительность его труда. Здесь речь идет не о политической, а о чисто тактической, технической проблеме. Там, где несмотря на все эти мероприятия не повышается производительность, или там, где самый незначительный акт дает мне повод принимать решительные меры, я не остановлюсь, конечно, и перед драконовскими мерами..."»

Из тома с надписью «Дневник 1942 год».

«*Д-р Франк:* Если вспомнить, что 540 миллионов злотых Польского банка, распыленные в присоединенных восточных областях, были взяты генерал-губернаторством без всякой оплаты со стороны империи, то это составит дань в сумме более полумиллиарда, которую генерал-губернаторство уплатило Германии, не считая иных финансовых услуг».

Из того же тома, страница 1277. Речь идет о совещании губернаторов 7 декабря 1942 г. в Кракове. Там обсуждались мероприятия по повышению выпуска продукции в 1942–1943 гг. Выступал некий доктор Фишер. Читаю: «Если будет осуществлен новый продовольственный план, то это означает, что только в Варшаве и ее окрестностях не будут больше получать продовольствия 500 тысяч человек».

Из этого же тома, страница 1331. Выступает Франк. Читаю:

«Я постараюсь изъять из резервуара этой области все, что еще можно. Если вспомнить, что мне удалось отправить в Германию 600 тысяч тонн зерна и что к этому следует еще добавить 180 тысяч тонн для находящихся здесь войск, а также многие тысячи тонн посевного материала, жиров, овощей и отправку в Германию 300 миллионов яиц и т. д., то вы поймете, какое значение имеет эта область для Германии».

Тот же Франк (господа судьи найдут эту выдержку на странице 27 тома документов) говорил:

«Однако эти поставки империи имеют и свою значительную теневую сторону ввиду того, что возложенные на нас поставки превосходят продовольственные возможности области. Это ставит перед нами следующую проблему. Сможем ли мы, уже начиная со 2 февраля, лишить проживающие в этой области 2 миллиона человек негерманской национальности общего снабжения продовольствием».

В томе, озаглавленном «Рабочие заседания 1943 года», мы находим запись совещания от 14 апреля 1943 г., имевшего место в городе Кракове. На странице 28 тома документов господа судьи найдут выдержку, которую я намерен процитировать. Высказывается президент Науман. Он приводит следующие цифры на 1943–1944 гг.:

«1500 тонн сладостей для немцев, 36 миллионов литров снятого молока для немцев, 15 100 тысяч литров цельного молока для немцев».

Он же продолжает:

«В прошлом году из поголовья скота генерал-губернаторства было позаимствовано более 20 процентов наличного количества. При этом пошел на убой скот, необходимый для производства молока и масла. Это было осуществлено для того, чтобы более или менее обеспечить поставки для империи и армии. Для того, чтобы изъять 120 тысяч тонн мяса, необходимо осуществить убой 40 процентов наличного поголовья скота». И далее:

«На вопрос господина генерал-губернатора президент Науман отвечает, что в 1940 году было изъято 383 тысячи тонн зерна, в 1941 году — 685 тысяч тонн зерна, в 1942 году — 1,2 миллиона тонн зерна. Из этого уже видно, что изъятие увеличивается с каждым годом и все более достигает пределов возможного. Теперь собираются увеличить изъятие на 200 тысяч тонн, и тем самым будет достигнут крайний предел. Голод польского крестьянина можно усилить лишь до такой степени, чтобы он все же был в состоянии обрабатывать свое поле и производить все те работы, которые от него требуются сверх того, как, например, поставка дров и т. д.».

Впрочем, то, о чем говорил Науман, никак не повлияло на политику беспощадного ограбления польского народа, судьба которого, по словам самого Франка, его интересовала лишь в определенном разрезе.

В томе под названием «С 1 января по 28 февраля 1944 г.» имеется следующее заявление Франка, цинично сделанное им на совещании руководителей германского сельского хозяйства

12 января 1944 г. Господа судьи найдут эту выдержку на странице 30 тома документов. Читаю:

«...Если бы мы выиграли войну, тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг, можно превратить в фарш. Пусть будет, что будет...»

Я думаю, господа судьи, что после этой цитаты мне как представителю советского обвинения нет нужды добавлять что-либо к разделу о злодеяниях, совершенных гитлеровскими преступниками на территории Польского государства.

Поистине одной приведенной фразы более чем достаточно для того, чтобы получить точное представление о режиме, созданном в Польше Франком, и о Франке, создавшем этот режим.

...Одновременно с разработкой «плана Барбаросса», предусматривавшего всю сумму стратегических мер, связанных с нападением на СССР, были разработаны, как известно, и чисто экономические проблемы, вытекающие из этого плана.

В документе, известном под названием «Совещание с отделами вооруженных сил от 29 апреля 1941 г.», предъявленном Трибуналу американским обвинением 10 декабря за № США-141, значится:

«Цель совещания: Обсуждение организационной структуры хозяйственного сектора мероприятия Барбаросса-Ольденбург».

Далее в этом документе указано, что «фюрер, в отмену прежней тактики подготовки данного мероприятия, распорядился о единой разработке всех экономических дел» и что таким центром должен явиться «экономический штаб особого назначения „Ольденбург“ во главе с генерал-лейтенантом Шобертом» и что штаб этот будет подчиняться рейхсмаршалу, то есть Герингу.

Таким образом, подсудимый Геринг уже в апреле 1941 г. возглавил всю деятельность по подготовке ограбления СССР.

Чтобы закончить с этим документом, я хочу только напомнить, что в нем предусматривалась организация специальных хозяйственных инспекций и команд в Ленинграде, Мурманске, Риге, Минске, Москве, Туле, Горьком, Киеве, Баку, Ярославле и многих других советских промышленных городах. В задачи этих инспекций и команд, как указано в документе, входило «экономическое использование данной территории», то есть, как расшифровано ниже, «все вопросы продовольственного снабжения и сельского хозяйства, промышленная экономика, включая сырье и продовольственное снабжение, а также вопросы лесного хозяйства, финансовые и банковские, трофейные, торговли, товарооборота и рабочей силы».

Как видите, господа судьи, задачи весьма обширные и чрезвычайно конкретные.

План «Барбаросса-Ольденбург» получил свое дальнейшее развитие в так называемых «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»), которые также были разработаны и секретно изданы перед нападением на СССР. Но прежде чем перейти к «Зеленой папке», я хочу сослаться и частично огласить другой документ, а именно так называемую «Папку окружного сельскохозяйственного фюрера», представленную Трибуналу моим коллегой полковником Смирновым за № СССР-89.

Эта также заблаговременно разработанная и изданная, очень подробная инструкция для будущих «окружных сельскохозяйственных фюреров» носила такое же наименование и датирована 1 июня 1941 г. Разумеется, и эта папка имеет гриф «совершенно секретно — секретное дело командования».

Инструкция начинается с «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими». Мой коллега полковник Смирнов огласил одну лишь из этих заповедей, вследствие чего я, с разрешения Трибунала, буду вынужден огласить остальные.

Первая «заповедь» гласит (господа судьи найдут это место на странице 69 тома документов):

«Для вас, работников, посланных на Восток, главное заключается в том, что работа является решающим фактором. Поэтому я требую от вас упорной и неустанной работы».

О какой именно «работе» идет речь, дают ясное представление последующие «заповеди». Цитирую выдержки из них:

«Чем упорнее вы будете, тем изобретательнее могут быть ваши методы достижения этой цели. Выбор методов представляется на усмотрение каждого из вас...» (пятая заповедь).

«Ввиду того, что вновь присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Отсутствие характера у отдельных лиц, безусловно, явится поводом к снятию их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет занимать ответственных постов и в пределах самой империи» (шестая заповедь).

Таким образом, будущие «сельскохозяйственные фюреры» не только инструктировались о необходимости быть жестокими и беспощадными в предстоящей им грабительской деятельности, но и прямо предупреждались о последствиях, которые они понесут, если окажутся недостаточно жестокими или обнаружат «отсутствие характера».

Эту же мысль развивают и дальнейшие «заповеди». Читаю:

«...Не спрашивайте: какую пользу извлечет из этого крестьянство, а спрашивайте только: насколько полезно это для Германии» (седьмая заповедь).

«Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик...

...Только ваша воля должна быть решающей, однако эта воля может быть направлена на выполнение больших задач. Только в таком случае она будет нравственна и в своей жестокости. Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне» (восьмая заповедь).

«...Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взяться за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует...

Разбор ходатайств отнимет у вас время, необходимое для выполнения ваших немецких задач. Вы не судебные следователи и не стена плача» (девятая заповедь).

«...Его (русского) желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему...» (одиннадцатая заповедь).

Таковы те заповеди для «сельскохозяйственных фюреров», которые точнее следовало бы назвать «заповедями для людоедов». Этими «заповедями» открывается «папка», после чего следует уже совершенно конкретная, детально разработанная программа ограбления сельского хозяйства СССР.

В начале этой программы мы читаем:

«Основные хозяйственно-политические директивы для организации хозяйства Востока (группа сельского хозяйства).

Продовольственно-политической целью этого похода является:

1. Обеспечение продовольствием на многие годы вперед немецких вооруженных сил и немецкого гражданского населения».

Как видите, господа судьи, дана совершенно ясная и откровенная формулировка целей нападения на СССР. Разумеется, она далеко не исчерпывает этих целей. Не в одном лишь грабеже продовольствия заключалась эта цель и далеко не одним продовольствием ограничивался этот грабеж. Но ведь это выдержка из «папки сельскохозяйственных фюреров», а грабительские задания получали и выполняли не только они одни.

...Из документа, уже представленного Трибуналу моими американскими коллегами 10 декабря 1945 г. под № США-147, я оглашу только несколько строк. Этот документ представляет собой

запись выступления Розенберга на закрытом совещании 20 июня 1941 г., посвященном «вопросам Востока». Розенберг тогда, в частности, заявил:

«...Немецкое народное питание в эти годы стоит, несомненно, во главе германских требований на Востоке, и в этом отношении южные области и Северный Кавказ должны будут послужить для выравнивания немецкого продовольственного положения. Мы отнюдь не признаем себя обязанными за счет этих плодородных районов кормить также и русский народ. Мы знаем, что это жестокая необходимость, выходящая за пределы всяких чувств. Несомненно, будет необходима весьма широкая эвакуация, и русским, определенно, предстоит пережить очень тяжелые годы...»

Так руководители гитлеровской Германии формулировали задачи, которые они ставили перед собой, готовя нападение на Советский Союз.

Уже позднее, в августе 1942 г., а именно 26–28 августа, на совещании в Ровно выступил только что прибывший из ставки Гитлера гаулейтер Кох. В архиве Розенберга обнаружена запись этого совещания. Этот документ был передан нам американским обвинением, по регистрации которого он проходит под № ПС-264, но Суду представлен не был. Оглашаю выдержку из этой записи. Господа судьи могут ее найти на странице 74 тома документов. Читаю:

«Он (Кох) следующим образом изложил политическую точку зрения и свои задачи как рейхскомиссара: «Нет никакой свободной Украины. Цель нашей работы должна заключаться в том, что украинцы должны работать на Германию, а не в том, чтобы мы делали этот народ счастливым. Украина должна дать то, чего не хватает Германии. Эта задача должна быть выполнена, невзирая на потери... Фюрер потребовал с Украины три миллиона тонн зерна для Германии, и они должны быть поставлены»...»

Позже я докажу, насколько эта первоначально намеченная цифра — три миллиона тонн зерна — была перевыполнена гитлеровскими грабителями, алчные аппетиты которых возрастали из месяца в месяц.

Все эти грабительские установки были заранее запланированы и продуманы преступным гитлеровским правительством, причем была разработана организационная схема специального аппарата для проведения организованного грабежа и намечены конкретные методы ограбления оккупированных территорий.

Сейчас я, с разрешения Суда, оглашу выдержки из секретного документа рейхсмаршала Геринга. Документ этот был захва-

чен частями Красной Армии и носит наименование: «Директивы по руководству экономикой» («Зеленая папка») и частично уже упоминался здесь. Советским обвинением этот документ представлен Трибуналу под № СССР-10.

На титульном листе этого документа значится (господа судьи найдут этот документ на странице 76 тома документов):

«Восточный штаб экономического руководства. Секретный документ командования. Примечание: Настоящие директивы до икс-дня следует рассматривать как секретный документ командования (документы государственной важности), а после икс-дня — как несекретный, предназначенный только для служебного пользования.

Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях («Зеленая папка»).

Часть 1. Задачи и организация экономики. Берлин, июнь 1941 г. Напечатано верховным командованием вооруженными силами».

Как явствует из текста документа, эти «директивы» изданы непосредственно перед нападением гитлеровской Германии на Советский Союз и предназначены «для ориентации военного командования и военно-хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих оккупации восточных областях».

Излагаю «Главные экономические задачи» директивы:

«1. Согласно приказам фюрера необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Все мероприятия, которые могли бы воспрепятствовать достижению этой цели, должны быть отложены или вовсе отменены.

2. Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германской военной промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей, насколько это технически возможно и с учетом сохранения промышленности в этих областях».

Я опускаю дальнейшую часть этой выдержки и перехожу, в целях сокращения времени, к оглашению следующей выдержки, которую господа судьи найдут в томе документов на странице 78. Читаю:

«Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Напротив, отношение к отдельным

частям страны должно быть чрезвычайно разнообразным. Восстановление порядка должно производиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти».

Этот выработанный заранее план организованного ограбления Советского Союза далее подробно предусматривает вывоз в Германию из СССР всего сырья, всех обнаруженных товарных фондов и запасов, а также поголовное ограбление гражданского населения. В доказательство я цитирую выдержки из этого документа, чтобы не оглашать его целиком. Читаю:

«Все нужные нам сырьевые товары, полуфабрикаты и готовую продукцию следует изымать из торговли путем приказов, реквизиций и конфискаций...

Немедленный сбор и вывоз в Германию платины, магния и каучука...

Выявленные в прифронтовой полосе и тыловых областях продукты питания, а также средства бытового и личного потребления и одежды поступают в первую очередь в распоряжение военно-хозяйственных отделов...»

В разделе «директив» под наименованием «Организация экономики» приведена схема специально создаваемого и широко разветвленного аппарата, который должен был осуществлять это запланированное и организованное ограбление Советского Союза.

Оглашаю ряд выдержек из этого раздела, которые господа судьи найдут на странице 79 тома документов. Читаю:

«Общие вопросы. Для обеспечения единого руководства экономикой на театре военных действий, а также в административных областях, которые были созданы, рейхсмаршал организовал «Восточный штаб экономического руководства», подчиненный непосредственно ему и возглавляемый представителем рейхсмаршала статс-секретарем Кернером...

...Указания рейхсмаршала распространяются на все области экономики, включая продовольствие и сельское хозяйство».

Обращая ваше внимание, господа судьи, на эти выдержки, я считаю установленным, что подсудимый Геринг не только лично возглавил подготовку ограбления частной, общественной и государственной собственности, но и в дальнейшем непосредственно руководил огромным, специально для этих целей созданным аппаратом...

В заключение я оглашаю приказ Кейтеля, датированный 16 июня 1941 г., в котором он за шесть дней до нападения на СССР предписывал всем войсковым частям германской армии

принять к исполнению все директивы «Зеленой папки». В вашем томе документов, господа судьи, он находится на обороте страницы 89. Цитирую:

«По поручению фюрера рейхсмаршал издал „Директивы по руководству экономикой“ в подлежащих оккупации областях.

Эти директивы предназначены для ориентации военного руководства и хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих занятию восточных областях. Они содержат указания о снабжении войск из ресурсов страны и дают указание войсковым частям об оказании помощи хозяйственным органам. Эти указания и распоряжения должны выполняться войсковыми частями.

Немедленная и полная эксплуатация оккупированных областей в интересах военной экономики Германии, в особенности в области продовольственного и нефтяного хозяйства, имеет исключительное значение для дальнейшего ведения войны».

Я опускаю вторую часть этого приказа, в котором конкретно излагается, как должны выполняться директивы «Зеленой папки», и зачитываю последний абзац приказа Кейтеля.

«При помощи полевых и местных комендатур, организованных в наиболее важных сельскохозяйственных и нефтяных районах, эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах. Кейтель».

Заключительная фраза этого документа о том, что «эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах», была принята к исполнению частями германской армии, и оккупированные области Советского Союза с первых же дней войны подверглись самому беспощадному ограблению. ...

А пока, чтобы закончить с «Зеленой папкой», я могу в заключение констатировать, что этот разительный документ — убедительное свидетельство недюжинной грабительской квалификации и огромного разбойничьего опыта гитлеровских заговорщиков.

Широко задуманная и детально разработанная заговорщиками программа ограбления оккупированных территорий Советского Союза начала осуществляться гитлеровскими захватчиками буквально с первых же дней нападения на СССР.

Помимо организованного грабежа, осуществляемого специально для этой цели созданным огромным аппаратом всевозможных «сельскохозяйственных фюреров», «инспекторов», «специалистов» по экономике, «технических» и «разведывательных» батальонов и рот, хозяйственных групп и отрядов, «военных агрономов» и т. п., широко поощрялась гитлеровским правительством и

верховным командованием германской армии так называемая «материальная заинтересованность» немецких солдат и офицеров, получивших неограниченные возможности грабить советское гражданское население и отправлять свою «добычу» в Германию.

Всеобщее и поголовное ограбление городского и сельского населения оккупированных территорий и массовый вывоз в Германию личного имущества советских граждан, а также колхозного, кооперативного и государственного имущества проводились повсеместно, где только появлялись немецко-фашистские захватчики, по заранее обдуманному плану, заранее подготовленными методами.

Я перехожу, господа судьи, к оглашению отдельных документов Советского правительства по этому вопросу.

Уже через несколько месяцев после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР Советское правительство получило ряд бесспорных данных о военных преступлениях, чинимых гитлеровскими войсками на захваченных ими советских территориях. Трибуналу уже представлена моими коллегами под № СССР-51 нота Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 января 1942 г. Чтобы избежать повторения, а также в целях сокращения времени я оглашу лишь некоторые выдержки из этой ноты, непосредственно относящиеся к теме моего выступления. Вы найдете цитируемые мною места на обороте страницы 99 тома документов.

«Каждый шаг германо-фашистской армии и ее союзников на захваченной советской территории Украины и Молдавии, Белоруссии и Литвы, Латвии и Эстонии, карело-финской территории, русских районов и областей несет разрушение и уничтожение бесчисленных материальных и культурных ценностей».

Последний абзац этой цитаты:

«В занимаемых германскими властями деревнях мирное крестьянское население подвергается безудержному грабежу и разбою. Крестьяне лишаются своего имущества, нажитого упорным трудом целых десятилетий, лишаются избы, скота, хлеба, одежды — всего, вплоть до последней детской рубашонки, до последней горсти зерна. Во многих случаях сельское население, включая стариков, женщин и детей, сразу же после занятия села изгоняется немецкими оккупантами из своих жилищ и вынуждено ютиться в землянках, в земляных щелях, в лесу или просто под открытым небом. Оккупанты среди белого дня на дорогах раздевают и разувают первых встречных, в том числе и детей, жестоко расправляясь со всеми, кто пытается протестовать или оказывать грабежу какое-либо сопротивление.

В освобожденных Красной Армией селах Ростовской области и Ворошиловградской области, на Украине, крестьяне подвергались со стороны оккупантов неоднократному ограблению, когда через данную местность проходили разные немецкие воинские части и каждая из них возобновляла обыски, разбои, поджоги, расстрелы за несдачу продовольствия. То же самое имело место в Московской, Калининской, Тульской, Орловской, Ленинградской и других областях, откуда сейчас войсками Красной Армии изгоняются остатки войск немецких захватчиков».

В целях экономии времени я не буду оглашать дальнейшие абзацы этой ноты и лишь своими словами доложу Суду, что в них приводится целый ряд совершенно конкретных фактов ограбления мирного населения различных районов, деревень и областей Советского Союза с упоминанием фамилий ограбленных и тех вещей и имущества, которое у этих мирных жителей было разграблено.

Далее в ноте указывается:

«Грабительская оргия германских офицеров и солдат распространилась по всем захваченным ими советским районам. Германские власти узаконили мародерство в своей армии и поощряют эти грабежи и насилия. Германское правительство видит в этом осуществление провозглашенного им бандитского „принципа“, согласно которому у каждого германского вояки должна быть „личная материальная заинтересованность в войне“. Так, еще в секретной инструкции от 17 июля 1941 г., обращенной ко всем командирам рот пропаганды германской армии и обнаруженной частями Красной Армии при разгроме 68-й пехотной германской дивизии, прямо указывается на необходимость „воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне...“ Такого же рода приказы, толкающие армию на массовые грабежи и убийства в отношении мирного населения, издаются и в других армиях, воюющих в союзе с Германией...

...На германо-советском фронте, и в частности на подступах к Москве, все больше встречается офицеров и солдат, одетых в награбленную одежду, с ворованными вещами в карманах, везущих в танках содранную со своих жертв женскую и детскую одежду, обувь и белье. Германская армия все больше превращается в армию хищных грабителей и мародеров, которые разоряют и грабят цветущие города и села Советского Союза, расхищают и уничтожают имущество и всякое добро, нажитое трудовым населением наших сел и городов. Факты свидетельствуют о крайней моральной деградации и разложении гитлеровской ар-

мии, заслужившей за свои грабежи, воровство и мародерство гневное проклятие и презрение всего советского народа».

Через несколько месяцев, 27 апреля 1942 г., в связи с продолжающими поступать данными о преступлениях, чинимых немецко-фашистскими войсками, народный комиссар иностранных дел СССР вторично опубликовал ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления». ...

Председатель: Что вы имеете в виду, когда говорите «опубликовал»?

Шейнин: Это значит, что эта нота была, во-первых, послана всем правительствам, с которыми СССР находился в дипломатических отношениях, и, кроме того, текст этой ноты был напечатан в советской официальной прессе.

Суду этот документ уже представлен советским обвинением под № СССР-51.

...В этой ноте обращалось внимание на то, что новые данные, поступившие в распоряжение Народного комиссариата иностранных дел, и документы, попавшие в руки советских властей, свидетельствуют о преднамеренном характере грабежей, учиненных гитлеровцами. Цитирую: «В приложении к специальному приказу оперативного отдела генерального штаба германской армии за № 43761/41 указывается:

„Необходимо путем принудительного обложения населения занятых областей любыми способами добывать одежду. Прежде всего необходимо забирать шерстяные и кожаные перчатки, пальто, жилеты и шарфы, ватные жилеты и брюки, кожаные и валяные сапоги, портянки“».

...В ряде освобожденных пунктов Курской и Орловской областей обнаружен приказ, которым предписывается:

«Имущество, как-то: весы, мешки, зерно, соль, керосин, бензин, лампы, кастрюли, клеенки, шторы, занавески, ковры, патефоны с пластинками — должно быть доставлено в комендатуру. Виновные в нарушении данного приказа будут расстреливаться».

...В городе Истре Московской области оккупанты «конфисковали» детские елочные украшения и игрушки. На станции Шаховская они организовали «сдачу» жителями детского белья, стенных часов, самоваров. В районах, еще находящихся во власти оккупантов, продолжаются обыски и ограбление населения, уже доведенного до нищеты разбоем, который не прекращается с первого же часа появления германских войск.

Я опускаю несколько абзацев и заканчиваю последним извлечением из этой ноты.

«Повсеместный характер запланированного гитлеровским правительством разбоя, на котором германское командование стремится построить снабжение своей армии и тыла, характеризуется следующими фактами. Только по 25 районам Тульской области оккупанты отобрали у советских граждан 14 048 коров, 11 860 свиней, 28 459 овец, 213 678 кур, гусей и уток и уничтожили 25 465 пчело-семей». ...

Я оглашу позже откровенные высказывания немецко-фашистских главарей о том, что не следует мешать немецким солдатам и офицерам в их мародерской деятельности. Естественно, что при этих условиях моральное разложение немецко-фашистских войск достигло своего апогея. Дело доходило до того, что гитлеровцы стали уже грабить друг друга по известной русской поговорке «вор у вора дубинку украл».

Позвольте мне сейчас огласить несколько выдержек из документа, который я представляю Трибуналу под № СССР-285.

Вот выдержка из донесения немецкого областного комиссара города Житомира генеральному комиссару Житомира от 30 ноября 1943 г. Вы найдете этот документ, на который я ссылаюсь, на странице 93 тома документов. Читаю:

«...Еще до того, как германская администрация оставила Житомир, можно было наблюдать, как расквартированные здесь части взламывали квартиры имперских немцев и присваивали себе все сколько-нибудь ценное. При этом похищался даже личный багаж тех немцев, которые еще работали в своих учреждениях. Когда город был снова захвачен, было установлено, что квартиры немцев почти не подвергались ограблению со стороны местного населения, но что войска, только что начавшие вступать в город, уже приступили к расхищению квартир и заводов...»

Оглашаю вторую выдержку из этого же документа:

«Солдаты не довольствуются тем, что забирают себе все годное оборудование, но частично разрушают тот инвентарь, который остается, жгут ценную мебель несмотря на то, что имеется достаточно дров...»

Теперь я оглашу выдержку из донесения немецкого областного комиссара города Коростышева генеральному комиссару Житомира. Эту выдержку господа судьи найдут на странице 94 тома документов. Читаю:

«...Поведение немецких солдат, к сожалению, было плохим. В отличие от русских они взламывали склады еще тогда, когда

фронт был далеко. Зерно, в том числе семенной фонд, расхищалось в огромном количестве. Это еще можно допустить в отношении сражающихся частей... После возвращения наших войск в Попельню склады были немедленно взломаны. Гебитс- и крейсландвирт затем снова забили двери, которые, однако, снова были взломаны солдатами...»

Оглашаю другие выдержки из этого документа:

«...Крейсландвирт доложил мне, что молочная ферма разграблена отступающими частями: масло, сыр и т. д. солдаты унесли с собой...

На глазах украинцев был разграблен кооператив, и солдаты прихватили с собой еще, между прочим, и кассу магазина...

...У кооператива 9-го и 10-го числа был выставлен пост полевой жандармерии. Пост не смог устоять против натиска солдат...»

Последняя выдержка.

«...Свиньи и птица самым безответственным образом закалывались и забирались солдатами... Войсковые части представляли собой катастрофическую картину».

Так, господа судьи, характеризует поведение немецких солдат немецкий же комиссар в своем официальном донесении.

В объективности этой характеристики можно не сомневаться, тем более что она весьма красочно дополняется официальным донесением немецкого «Общества по хозяйственному освоению Украины», адресованным генеральному комиссару Житомира; вот как описывается в этом письме «результат» налета немецких солдат на служебное помещение общества. Читаю:

«...Учреждение находилось в опустошенном и невообразимом состоянии...

...Жилой дом по Хауптштрассе № 57 (20 комнат) имел устрашающий вид. Не хватало ковров, половиков, отсутствовали все мягкие кресла и кушетки, кровати с пружинными матрацами, стулья и деревянные кресла... Состояние, в котором находились эти жилые помещения, трудно описать».

Таков, господа судьи, этот «крик души» немецких грабителей из «Общества по хозяйственному освоению Украины», жалующихся на грабителей из германской армии.

Чтобы показать, что такие факты имели место не только в городах Житомире и Коростышеве, я приведу вам еще одно донесение, на этот раз комиссара Казатинской области, в котором написано буквально следующее. Читаю:

«...Немецкие солдаты воровали продукты, скот, повозки».

После этого лаконичного, но выразительного вступления следуют не менее выразительные подробности. Читаю:

«Старший ефрейтор потребовал от комиссара области, угрожая пистолетом, отдать ключи от амбара... В ответ на мое заявление, что ключ в моем кармане, он заревел: „Отдай ключ!“, — вытащил пистолет, приставил к моей груди и закричал: „Я пристрелю вас, вы — саботажник“, — и при этом употребил еще другие ругательства. Он насильно залез ко мне в карман и выхватил ключ со словами: „Лишь я один могу распоряжаться. Вы — зондерфюрер, или как вас там... Можете только яйца и вещи отсылать на родину“. Это произошло в присутствии большого числа немцев и украинцев».

Об этом же факте сообщается и в отчете доктора Мойзиха от 4 декабря 1943 г.

Все эти документы представляются Трибуналу...

Трибуналу уже представлено под № СССР-45 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о разрушениях, грабежах и злодеяниях, учиненных гитлеровцами в городе Ровно и Ровенской области. В соответствующем разделе этого документа указывается:

«В течение всего периода своего пребывания в Ровно и Ровенской области гитлеровские офицеры, солдаты и чиновники безудержно грабили мирных советских граждан и растаскивали имущество культурно-просветительных учреждений...»

В Сообщении Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Киеве, уже представленном Трибуналу под № СССР-9, указывается, что гитлеровцы в Киеве грабили мирное население. Цитирую краткую выдержку из этого Сообщения:

«Немецкие оккупанты в городе Киеве разграбили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий».

Следуя указаниям преступного германского правительства и верховного командования германской армии, сателлиты гитлеровской Германии также принимали участие в грабеже и других злодеяниях...

Я привел всего несколько Сообщений Чрезвычайной государственной комиссии по некоторым областям Украины. Эта цветущая советская республика была подвергнута гитлеровцами самому безудержному разграблению. Гитлеровские заговорщики рассматривали Украину как один из самых лакомых кусков и обирали ее богатства с исключительной алчностью.

Я хочу огласить несколько немецких документов в подтверждение вышесказанного.

В письме Розенберга на имя рейхслейтера Бормана от 17 октября 1944 г. (этот документ, господа судьи, 17 декабря пред-

ставлен американским обвинением за № США-338) сообщается, что «Восточное центральное торговое общество сельскохозяйственного спроса и предложения» лишь за период с 1943 по 31 марта 1944 г. направило в Германию (читаю):

«Злаковые	9 200 000 тонн
мясо и мясопродукты	622 000 тонн
масличные культуры	950 000 тонн
масло	208 000 тонн
сахар	400 000 тонн
объемный фураж	2 500 000 тонн
картофель	3 200 000 тонн
семена	141 000 тонн
прочие сельскохозяйственные продукты	1 200 000 тонн
яйца	1075 миллионов штук

Так рапортовал подсудимый Розенберг ближайшему помощнику Гитлера о своих «хозяйственных достижениях».

Следует заметить, что еще на первом году войны аппетиты гитлеровцев в части ограбления Украины были настолько велики, что вызывали сомнение даже в их собственной среде.

Я оглашу отрывок из письма инспектора по вооружению на Украине, адресованного начальнику отдела вооружения ОКБ генералу Томасу. Письмо датировано 2 декабря 1941 г. Этот документ представлен моими американскими коллегами 14 декабря за № США-290. Цитирую:

«Изъятие из Украины сельскохозяйственных излишков в целях снабжения рейха поэтому мыслимо при условии, если внутреннее потребление на Украине будет доведено до минимума. Это будет достигнуто следующими мерами: 1) уничтожением лишних едоков (евреев, населения крупных украинских городов, которые, как Киев, вообще не получают никакого продовольствия); 2) путем предельного сокращения продовольственной нормы украинцев — жителей других городов; 3) уменьшением продовольственного потребления крестьянского населения».

Изложив эту программу, автор далее впадает в размышления и пишет:

«Если украинец обязан работать, то мы должны обеспечить его физическое существование отнюдь не из сентиментальных чувств, а из трезвого хозяйственного расчета».

Имперский комиссар Украины Кох неуклонно проводил политику беспощадного разграбления Украины. Позже я приведу вам ряд новых документов, также подлинных, в подтверждение вы-

шесказанного. Политика Коха была полностью одобрена гитлеровским правительством.

Следует отметить, что в начале войны организация ограбления оккупированных территорий СССР проводилась в соответствии с указаниями, которые содержались в уже упомянутой «Зеленой папке».

Я предъявляю Трибуналу за № СССР-13 письмо Геринга от 6 сентября 1941 г. по вопросу «Инспекция по охвату и использованию сырья». В этом письме Геринг, между прочим, писал. Читаю:

«Военное положение требует, чтобы найденные во вновь занятых восточных областях запасы сырья были переданы чрезвычайно срочно для использования немецкой военной промышленности. Определяющим для этого служит «руководство для ведения хозяйства в оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»).

Однако в дальнейшем, когда в ряде оккупированных областей, и в частности на Украине, гитлеровцы создали свою так называемую гражданскую администрацию и организовали ряд специальных хозяйственных обществ, началась грызня между многочисленными немецкими военными и гражданскими органами и учреждениями, каждое из которых занималось ограблением оккупированных областей...

Теперь, господа судьи, я вкратце приведу выдержки из Сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской, Латвийской и Эстонской советских республиках, также подвергшихся беспощадному ограблению со стороны немецко-фашистских захватчиков. Все эти Сообщения уже представлены Трибуналу советским обвинением.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровцев в Литовской ССР, наряду с прочим, указывается (цитирую):

«В результате хозяйничания гитлеровских захватчиков, по неполным данным, лишь по 14 уездам Литовской ССР поголовье скота и птицы по сравнению с 1940–1941 гг. сократилось: по лошадям на 136 140 голов, по крупному рогатому скоту — на 565 995 голов, по свиньям — на 463 340 голов...»

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях, совершенных немецкими захватчиками в Латвийской ССР, наряду с прочим, указывается:

«Немцы разграбили в Латвии все машинно-тракторные станции и, по далеко не полным данным, вывезли в Германию 700 тракторов, 180 автомашин, 4057 плугов, 2815 культиваторов, 3532 бороны...»

Вторая цитата:

«В результате разорения немецкими захватчиками сельского хозяйства в Латвии уменьшилось поголовье скота: на 127 300 лошадей, на 443 700 голов крупного рогатого скота, на 318 200 свиней, на 593 800 овец».

Далее я зачитаю краткие выдержки из Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по Эстонской ССР. Читаю:

«Немецкие захватчики безудержно грабили сельское население Эстонии. Ограбление проводилось в форме взиманий с крестьян различного вида принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов.

Нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, установленные немцами, были огромны...

Немцы отобрали у крестьян и угнали в Германию лошадей 107 тысяч голов, коров — 31 тысячу голов, свиней — 214 тысяч голов, домашней птицы — 790 тысяч голов. Они разграбили около 50 тысяч пчело-семей...

Гитлеровцы отобрали лично принадлежавшие крестьянству 1000 молотилок, 600 молотильных моторов, 700 локомобилей, 350 тракторов и 24 781 других сельскохозяйственных машин».

Господа судьи, такую же политику разграбления частной, общественной и государственной собственности немецко-фашистские захватчики проводили и в оккупированных областях Белоруссии, Молдавской и Карело-Финской союзных республик и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Поэтому с разрешения Трибунала, я... перейду к оглашению итогового сводного Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии «О материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР».

Этот документ я представляю Трибуналу под № СССР-35.

...С разрешения Трибунала, я опускаю две страницы цитируемого текста и читаю последний абзац:

«Ограбление советского населения немецкие захватчики производили на всей территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации.

Чрезвычайная Государственная Комиссия произвела учет ущерба, причиненного оккупационными властями советским гражданам, и установила, что немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили около 4 миллионов жилых домов, состав-

лявших личную собственность колхозников, рабочих и служащих, конфисковали у них 1,5 миллиона лошадей, 9 миллионов голов крупного рогатого скота, 12 миллионов свиней, 13 миллионов овец и коз, а также отобрали громадное количество всякого домашнего имущества».

В приведенных нотах, а также в Сообщениях Чрезвычайной государственной комиссии дана картина преступлений, совершенных гитлеровцами в оккупированных ими областях. Эти преступления были организованы подсудимыми.

То обстоятельство, что Геринг как рейхсмаршал и уполномоченный гитлеровского правительства по четырехлетнему плану непосредственно возглавлял всю деятельность немецких военных и гражданских оккупационных властей по подготовке и осуществлению ограбления оккупированных территорий, явствует из уже представленных мною документов.

Тем не менее я прошу мне разрешить огласить... указ Гитлера от 29 июня 1941 г. Ранее он не представлялся, и поэтому я представляю его Трибуналу под № СССР-287. В этом указе значится дословно следующее:

«1. Во вновь оккупированных восточных областях рейхсмаршал Герман Геринг как уполномоченный по четырехлетнему плану распоряжается в рамках присущих ему в качестве такового полномочий любыми мерами, необходимыми для максимального использования обнаруженных запасов и экономических мощностей и для развития хозяйственных сил на пользу германской военной экономики.

2. Для этого он также может отдавать непосредственно распоряжения органам вооруженных сил во вновь оккупированных восточных областях».

И, наконец, третий параграф о том, что «указ вступает в силу с сегодняшнего дня. Он должен быть опубликован по особому распоряжению».

Однако, господа судьи, исключительные полномочия, которые были предоставлены Герингу, отнюдь не означают, что другие подсудимые пассивно участвовали в организации грабежа оккупированных территорий. Все они вместе и каждый из них в отдельности развивали лихорадочную деятельность в этом направлении. Франк обирал польский народ, Розенберг орудовал на Украине и в других оккупированных районах СССР, Заукель и Зейсс-Инкварт — и тут и там, Шпеер и Функ продумывали и проводили грабительские мероприятия по линии министерств хозяйства и вооружения и т. д. Кейтель действовал по линии вооруженных сил.

В связи с этим я хочу предъявить еще два документа, относящиеся к «хозяйственной деятельности» Кейтеля, которые представляю под № СССР-175.

29 августа 1942 г. Кейтель как начальник штаба верховного командования вооруженных сил издал следующий секретный приказ за № 002865/42 «Об обеспечении вооруженных сил продовольствием». Я оглашаю лишь две короткие выдержки из этого приказа. Господа судьи найдут этот документ на странице 181 тома документов. Читаю:

«...Продовольственное положение германского народа требует, чтобы вооруженные силы, насколько это только возможно, делали все для облегчения его. Предпосылки для этого имеются также теперь в полном объеме в операционных и оккупированных областях Востока и Запада.

Прежде всего в оккупированных восточных областях должно обеспечиваться в будущем гораздо большее количество продовольствия и фуража, чем до сих пор...»

Читаю вторую выдержку:

«Достижение во что бы то ни стало этой цели, чтобы и в этой области вооруженными силами были созданы решающие предпосылки для завоевания победы, должно быть гордостью и почетной обязанностью всех ведомств».

В справке референтов Кларе и доктора Бергмана, датированной 19 ноября 1942 г., с заголовком «Совершенно секретно. Содержание: Снабжение вооруженных сил продовольствием» (эту справку в подлиннике я представляю Трибуналу под тем же № СССР-175), мы находим следующую оценку результата, который дал упомянутый выше приказ Кейтеля. Оглашу только первый абзац этой справки:

«По распоряжению фюрера начальник главного штаба вооруженных сил разъяснил в прилагаемом приказе от 29 августа 1942 г., что вооруженные силы должны, насколько это возможно, внести вклад для обеспечения продовольственного положения германского народа, и поэтому также со своей стороны должны заботиться в оккупированных областях, чтобы не только обеспечивать войска продовольствием из этих областей, но также и заготовить массу его для империи. Согласно этому приказу, взаимодействие между армейскими и хозяйственными организациями, к счастью, стало теснее...»

Таковы данные о грабеже и мародерстве, которые совершали гитлеровские полчища на оккупированных территориях Советского Союза.

Но они грабили не только живых, они грабили и мертвецов.

Мой коллега полковник Смирнов уже привел исчерпывающие данные по этому вопросу. Я не стану их повторять и напомню об этом только с целью показать, насколько замкнут и всеобъемлющ был круг этих преступлений.

По свидетельству Раушнинга, приведенному в его книге, которая уже представлена советским обвинением Трибуналу, Гитлер как-то сказал:

«Мне нужны люди с крепким кулаком, которых не останавливают принципы, когда надо укокошить кого-нибудь. И если они сопрут при случае часы или драгоценности, — плевать мне на это».

И Гитлер нашел таких людей в лице подсудимых и их многочисленных сообщников.

Из них, как это установлено предъявленными мною документами, подсудимый Геринг в силу положения, которое он как рейхсмаршал и уполномоченный по четырехлетнему плану занимал в гитлеровском правительстве, являлся лицом, возглавлявшим всю систему преступлений, направленных на ограбление оккупированных территорий.

Вот почему представляет особый интерес стенограмма секретного совещания рейхскомиссаров оккупированных стран и областей. Это совещание было проведено в августа 1942 г. под председательством Геринга.

Этот документ, как и другие подлинные документы, которые я имел сегодня честь предъявить Трибуналу, были обнаружены советскими военными властями в сентябре 1945 г. в Тюрингии, в городе Иене, запрятанными в одном из городских зданий.

Содержание этого разительного документа — подробное выступление Геринга и реплики гитлеровских властей оккупированных стран (в этом совещании, господа судьи, принимали участие многие из лиц, сидящих на скамье подсудимых) — таково, что мне нет нужды снабжать его какими бы то ни было комментариями. Позвольте поэтому приступить к оглашению ряда выдержек из этой стенограммы. Читаю:

«Совещание состоялось в четверг, 6 августа 1942 г., в 4 часа дня в зале Германа Геринга в министерстве авиации.

Рейхсмаршал Геринг: Вчера здесь выступали гаулейтеры. Если даже их тон и манеры были различны, то все же из выступлений всех гаулейтеров ясно следовало, что немецкому народу не хватает еды.

Господа, фюрер предоставил мне генеральные полномочия в таком размере, в каком он еще не предоставлял до сего времени в четырехлетнем плане...»

Вторая выдержка:

«...В настоящий момент Германия владеет от Атлантики до Волги и Кавказа самыми плодородными землями, какие только вообще имелись в Европе; страна за страной, одна богаче и плодородней другой, завоеваны нашими войсками. Если при этом имеются отдельные страны, которые не могут быть рассматриваемы в качестве житниц, то я вспоминаю только непревзойденную плодородность Нидерландов и Франции; Бельгия является также чрезвычайно плодородной; плодородна также Познаньская провинция, потом основной житницей Европы является генерал-губернаторство, к которому принадлежат такие неслыханно плодородные области, как Лемберг и Галиция, урожай в которых достигает неслыханных размеров. Потом идет Россия, чернозем Украины по ту и по эту стороны Днепра, излучина Дона с ее неслыханно плодородными и лишь незначительно разрушенными областями. Теперь наши войска уже оккупировали частично или полностью все плодородные области между Доном и Кавказом...»

Перечислив это, Геринг, обращаясь к участникам совещания, воскликнул (читаю):

«Боже мой! Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное с тем, чтобы мог жить немецкий народ. Этого я ожидаю от вас. Должна, наконец, прекратиться эта вечная забота об иностранцах.

Я должен здесь иметь отчеты о том, что вы предполагаете поставить. Передо мной ваши отчеты о намеченных вами поставках. Когда я рассматриваю ваши страны, то мне эти цифры представляются совершенно недостаточными. При этом совершенно безразлично, скажете ли вы или нет, что ваши люди умирают с голода...»

Следующая цитата:

«...Я сделаю одно: я заставлю выполнить поставки, которые я на вас возлагаю, и если вы этого не сможете сделать, тогда я поставлю на ноги органы, которые при всех обстоятельствах вытрясут это у вас, независимо от того, нравится вам это или нет».

Следующая цитата:

«...У ворот Рурской области лежит богатая Голландия. Она могла бы послать в этот момент значительно больше овощей в эту измученную область, чем это делалось раньше. Что об этом думают господа голландцы, мне совершенно безразлично... Вообще же в оккупированных областях меня интересуют только те люди, которые работают на вооружение и на обеспечение про-

довольствием. Они должны получать столько, чтобы они только смогли выполнять свою работу. Являются ли господа голландцы германцами или нет, мне это полностью безразлично; если они ими являются, то тем они большие глупцы, а как следует поступать с глупыми германцами, уже показали в прошлом великие личности. Если во всех странах будет слышаться ругань, то все же вы действовали правильно, так как дело идет единственно о Германии».

Следующая выдержка:

«Я остановлюсь на западных областях. Бельгия чрезвычайно позаботилась о себе. Это было очень благоразумно со стороны Бельгии. Но также и здесь, господа, я мог бы разгневаться. Если в Бельгии вокруг каждого дома растут овощи, то для этого они должны были иметь семена овощей. Германия, когда мы в прошлом году хотели провести крупное мероприятие по обработке земли, не имела и приблизительно того количества овощных семян, в котором нуждалась. Они не были поставлены ни Голландией, ни Бельгией, ни Францией, хотя я сам только на одной улице Парижа смог насчитать более чем 170 мешков с овощными семенами. Очень хорошо, что французы возделывают овощи для себя. Это для них привычно. Но, господа, эти народы являются враждебными нам, и вы своими гуманными мероприятиями друзей среди них не завоюете. Люди очень милы в отношении нас, потому что они должны быть милыми, но стоит там только появиться англичанам, и вы увидите настоящее лицо французов. Тот самый француз, с которым вы попеременно друг у друга бываете в гостях, быстро втолкует вам, что француз ненавидит немцев. Таково положение повсеместно. ...

Я забыл одну страну, потому что оттуда ничего не возьмешь, кроме рыбы. Это — Норвегия. Что касается Франции, то я утверждаю, что земля там обрабатывается недостаточно. Франция может обрабатывать землю совсем иначе, если крестьяне там будут несколько иначе принуждаться к работе. Во-вторых, в этой Франции население обжирается так, что просто стыд и срам...»

(К микрофону подходит защитник Розенберга адвокат Тома.)

Тома: Я хотел бы только задать небольшой вопрос. Обвинитель не сообщил, где можно найти этот документ, в какой книге документов и какой номер этот документ имеет. Он только сказал, на какой странице Суд может найти этот документ.

Шейнин: Этот документ представлен Трибуналу под № СССР-170. Защите переданы фотостаты этого документа. Позволите продолжать, господин председатель?

Председатель: Да, продолжайте. Этот документ был в личном архиве подсудимого.Геринга? Вы так сказали?

Шейнин: Да. (*Продолжает*.)

«...Я часто говорил, что рассматриваю Францию, как завоеванную область. Раньше мне все же казалось дело сравнительно проще. Тогда это называли разбоем. Это соответствовало формуле — отнимать то, что завоевывали. Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить и именно эффективно».

Далее: «Вы должны быть, как легавые собаки, там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ. Это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда. Когда я отдавал распоряжение, я не раз говорил: солдаты могут закупать, сколько они хотят, что они хотят и что они смогут утащить».

...Меня особенно интересует, что можно выжать из находящихся в настоящее время в наших руках земель при крайнем прилежании и с использованием всех сил и что из этого может быть отправлено в Германию. На прежнюю статистику ввоза и вывоза мне наплевать.

Теперь о поставках в Германию. За последний год Франция поставила 550 тысяч тонн хлеба, а теперь я требую 1,5 миллиона. В 14 дней представить предложение, как это будет производиться. Никаких дискуссий! Что произойдет с французами, — безразлично: 1,5 миллиона тонн хлеба должно быть поставлено.

Фураж — в прошлом году 550 тысяч тонн, теперь — 1 миллион тонн; мясо — в прошлом году 135 тысяч, теперь — 350 тысяч; жиры — в прошлом году 23 тысячи, теперь 60 тысяч».

Следующая выдержка из этого выступления касается разверстки поставок продовольствия по Нидерландам, Бельгии, Норвегии и генерал-губернаторству. ...

Я пропускаю одну страницу и читаю дальше:

«*Рейхсмаршал Геринг:* Это все, что касалось Запада. В результате работы скупщиков, которые скупают одежду, обувь и вообще все, что имеется, создастся особый фонд. Теперь идет Восток. Тут у нас с армией полная договоренность. Армия отказывается от претензий, которые она предъявляла к родине. Как было в отношении сена?

Бакке: 1,5 миллиона тонн, соломы свыше 1 миллиона, овса 1,5 миллиона тонн...»

Геринг, продолжая, говорит: «Итак, господа, к этому обеспечению армии нечего добавить, разве только одно: в дальнейшем я ничего не хочу слышать от вас, никаких претензий. Итак, эта

страна со сметаной, яблоками и белым хлебом сможет прокормить нас. Излучина Дона сделает остальное...»

Следующая цитата — Бергер: «Армия во Франции, само собой понятно, будет снабжаться продовольствием Франции. Это само собой разумеется, и об этом я совсем не распространялся. Но теперь о России. В плодородности не возникает никаких сомнений. Как там хорошо, действительно трудно представить».

Геринг, продолжая выступление, говорит:

«С радостью я услышал, что у рейхскомиссара в Прибалтике также хорошо и богато и что люди от полноты страдают легкой одышкой, когда выполняют свою работу. Во всяком случае, при всем моем заботливом обращении, известные группы должны узнать об этом, я все же позабочусь, чтобы из бесконечного плодородия этой области кое-что могло быть отдано».

После этого слово взял Лозе, который являлся рейхскомиссаром Белоруссии. Читаю:

«*Лозе:* Могу я коротко высказать свое мнение? Я хочу вам дать больше, но для этого должны быть созданы предпосылки. Действительно, урожай у меня хорош. С другой стороны, на большей части территории Белоруссии, где хорошо проведены посевные работы, вряд ли может быть убран урожай, если теперь, наконец, не будет покончено с бандитскими и партизанскими бесчинствами. Я четыре месяца кричу о помощи».

Дальше Лозе говорит о действиях советских партизан, в связи с чем его перебивает Геринг и говорит ему следующее: «Дорогой Лозе, мы знакомы уже давно, вы являетесь большим сочинителем».

Лозе отвечает: «Я отказываюсь от этого эпитета, я никогда не сочинял».

В заключение я оглашу последние три цитаты из выступления Геринга. Он говорит:

«...Мы должны на Украине и кое-где в других областях иметь скупщиков из министерства хозяйства Функа. Мы их должны послать в Венецию с тем, чтобы они закупили безделушки, гнусные вещи из алебастра, низкопробные украшения и т. д. Я думаю, едва ли где в другом месте, кроме Италии, можно получить так много дряни...

Теперь посмотрим, что может поставить Россия. Я думаю, Рикке, что со всей русской территории можно взять два миллиона тонн хлеба и фуражного зерна.

Рикке: Они будут получены.

Геринг: Тогда мы должны получить три миллиона, кроме армии.

Рикке: Нет, что находится в прифронтовой полосе, то идет только армии.

Геринг: Тогда доставьте два миллиона...

Рикке: Нет.

Геринг: Тогда полтора миллиона.

Рикке: Хорошо».

В том же духе идет обсуждение этого вопроса и дальше на этом совещании.

Свое выступление Геринг закончил следующей фразой:

«Господа, я должен заявить следующее: я имею чрезвычайно много работы и несу большую ответственность. Я не имею времени читать письма и записки, в которых вы мне сообщаете, что вы не можете выполнить то, что я потребовал. У меня только есть время, чтобы при помощи краткого отчета Бакке устанавливать время от времени, выполняются ли требования. Если нет, тогда мы будем вынуждены встретиться с вами в другом месте».

Как вы слышали, господа судьи, на этом совещании кроме Геринга присутствовали подсудимые Розенберг, Заукель, Зейсс-Инкварт, Франк, Функ и другие...

Таким образом, совокупностью всех приведенных доказательств устанавливается, что:

1. Преступное гитлеровское правительство и верховное командование германской армии, наряду с заблаговременной подготовкой военной агрессии против Чехословакии, Польши, Югославии, Греции и СССР, также заблаговременно разработали план массового расхищения и разграбления частной, общественной и государственной собственности на территориях этих государств.

2. Разработав этот преступный план, заговорщики заранее провели все подготовительные мероприятия для его осуществления, а именно, подготовили специальные кадры офицеров и чиновников для ограбления намеченных к захвату территорий, разработали и издали специальные инструкции, справочники и указания, а также создали особый широко разветвленный аппарат в виде всевозможных «хозяйственных инспекций, отрядов, групп, акционерных обществ, уполномоченных» и т. д. с привлечением огромного количества всякого рода «специалистов», «военных агрономов», «сельскохозяйственных фюреров», «экономических разведчиков» и т. п.

3. В соответствии с этим заранее разработанным планом они в дальнейшем осуществили чудовищное расхищение и разграбление частной, общественной и государственной собственности на оккупированных территориях и поголовное ограбление мир-

ного населения этих территорий, применяя при этом исключительные зверства, насилия и произвол.

4. В целях так называемой «материальной заинтересованности» солдат и офицеров германской армии в войне заговорщики не только оставляли безнаказанными факты мародерства и грабежей со стороны немецких солдат и офицеров, но, напротив, широко поощряли эти преступления и подстрекали к их массовому совершению.

5. Совокупностью этих преступлений заговорщики причинили огромный материальный ущерб народам оккупированных территорий, обрекая на голод и страдания эти народы и используя результат своей преступной деятельности для личной наживы и обогащения как себя, так и своих приверженцев.

6. Таким образом, планируя, подготовляя и развязывая агрессивные войны против миролюбивых народов, заговорщики преследовали цели разбойничьего ограбления этих народов и в дальнейшем осуществляли эти преступные цели столь же преступными и разбойничьими методами.

В силу этого подсудимые преднамеренно и сознательно нарушали статью 50 Гаагских Правил 1907 г., законы и обычаи войны, общие принципы уголовного права, принятые уголовными законами всех цивилизованных наций, а также национальное право тех стран, в которых эти преступления были совершены.

Эти преступные деяния, господа судьи, каждое в отдельности и все в совокупности своей предусмотрены статьей 6 «в» Устава Международного Военного Трибунала, в чем все подсудимые должны быть признаны виновными и за что все без исключения должны индивидуально и как участники заговора понести ответственность.

Господа судьи!

Документы, предъявленные мною Трибуналу и оглашенные на суде, — это немые свидетели преступлений, организованных и совершенных подсудимыми.

Но совесть судей услышит этих немых свидетелей, правдиво повествующих о произволе и злодеяниях гитлеровских грабителей и о безмерных страданиях их бесчисленных жертв.

Глава 21
Рейх забирает все!

В отличие от простых грабителей, действующих наудачу, нацисты брали добычу, руководствуясь точными планами. Ниже — уникаль-

ный документ, программа грабежей на 1943 г. в оккупированных странах и областях.

Круглые числа со многими нулями говорят о том, сколько жизненно важных продуктов питания будет вырвано из рук обреченного на голод местного населения.

При этом территории, на которых проявлены «нездоровые настроения», то есть оказано сопротивление захватчикам, должны дать больше продукции и, очевидно, стать районами голодной смерти...

Документ СССР-170
Рейхсмаршал Германии. Уполномоченный по четырехлетнему плану.

Ф. П. 13891/3 Совершенно секретно.
Берлин, 8 августа 1942 г.

Приложением посылаю заметки об итогах совещания с руководителями немецких управлений в оккупированных странах и областях, состоявшегося 6 августа 1942 г.

Подписал: *Кернер*

Заверил: делопроизводитель *Шютце*. ...

РЕЗУЛЬТАТЫ ЗАСЕДАНИЯ С РУКОВОДИТЕЛЯМИ НЕМЕЦКИХ УПРАВЛЕНИЙ В ОККУПИРОВАННЫХ СТРАНАХ И ОБЛАСТЯХ, СОСТОЯВШЕГОСЯ 6 АВГУСТА 1942 г. В 16 ЧАСОВ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ РЕЙХСМАРШАЛА

На основе докладов гаулейтеров рейхсмаршал констатировал непреложную необходимость улучшения снабжения продовольствием германского народа, чему должны способствовать в еще большей степени, чем до сих пор, оккупированные страны и области, особенно те, в которых были проявлены нездоровые настроения.

В области продовольственного снабжения рейхсмаршал требует в будущем году следующих поставок:

I. Поставки для Германии (включая вооруженные силы)

1. Франция — 1 200 000 т продовольственного зерна
1 000 000 т фуражного зерна
350 000 т мяса
60 000 т жиров
300 000 т картофеля

25 000 т сыра
150 000 т. овощей
300 000 т. фруктов
6 000 000 гектолитров вина

2. Бельгия — 50 000 т фуражного зерна
20 000 т сахара
50 000 т картофеля
15 000 т фруктов
Какие только возможно поставки семенных овощей. По хлебу, мясу и жирам Бельгия должна обеспечить себя сама.

3. Нидерланды — 40 000 т продовольственного зерна
45 000 т фуражного зерна
35 000 т мяса
20 000 т жиров
85 000 т картофеля
45 000 т бобовых
30 000 т сахара
16 000 т сыра
10 000 т семенных овощей
По возможности 1 000 000 т овощей

II. Поставки в Германию (наряду со снабжением находящихся там армий)

1. Норвегия — 500 000 т рыбы, кроме договорных поставок рыбной муки

2. Протекторат — 250 000 т продовольственного зерна
30 000 т фуражного зерна
155 000 т сахара
Исполняющий обязанности рейхспротектора обещает поставку этих количеств. Имевший место до сего времени ввоз скота и мяса в будущем отпадет.

3. Генерал-губернаторство — 500 000 т продовольственного зерна
100 000 т фуражного зерна
30 000 т мяса
280 000 т картофеля
5000 т сахара

4. Банат и Старая Сербия (к поставкам странам оси) – 200–300 000 т зерна

15 000 т жиров

40 000 т масличных культур

Генеральный консул Нейхаузен подтверждает возможность поставок.

5. Россия — 3 000 000 т зерна

120 000 т растительного масла в форме масличных культур Мясо, жиры, картофель, сахар, спирт и пр. — в зависимости от сбора

Начальник военного управления Рикке считает, что названные количества могут быть поставлены.

По отдельным вопросам рейхсмаршал занимает следующую позицию:

1. Снабжение вооруженных сил

Поставки для армии сена и соломы из Германии следует прекратить; следует в этом отношении использовать оккупированные территории. Также следует до минимума ограничить поставки овса. Хлебом, мясом и жирами армия должна снабжать себя за счет оккупированных территорий. Из Германии следует поставлять в основном только особые дополнительные продукты (кофе, шоколад и т. д.) и только в минимальных количествах внутригерманскую продукцию.

2. Сбор металлов

Результаты сбора металлов во Франции, Бельгии и Голландии по сравнению с результатами сбора металлов в Германии являются неудовлетворительными.

Теперь же всеми мерами должно быть достигнуто улучшение результатов, имевшихся до сего времени.

Рейхскомиссар Зейсс-Инкварт заявил, что в Голландии в настоящее время нарастает новая акция.

3. Закупка предметов первой необходимости в оккупированных западных областях

Для того чтобы немецкое население смогло иметь в большом количестве предметы первой необходимости, в особенности в новогодние праздники, необходимо сейчас уже со всей энергией проводить подготовительные широкие мероприятия по закупке предметов первой необходимости. Наряду с этим

следует содействовать отдельным военнослужащим в оккупированных областях вывозить из оккупированных областей в Германию такое количество продовольствия и предметов первой необходимости, какое каждый в отдельности может оплатить и взять с собой. При этом не следует обращать внимания на инфляцию, могущую возникнуть вследствие этого в оккупированных областях.

4. Следует устранить все еще имеющие место и мешающие вывозу таможенные ограничения на пограничных переходах между оккупированными областями и Германией. Министр финансов должен представить предложения по этому вопросу.

5. Поддержка сельского хозяйства в оккупированных восточных областях

Значительное облегчение европейского продовольственного положения может идти только за счет оккупированных восточных областей. Работы, проведенные там до сего времени по обработке земли и по изъятию, заслуживают признания. Но теперь требуется использовать относительно хорошие результаты посевных работ путем оказания всевозможной помощи при уборке урожая и позаботиться об обширной обработке земли осенью. Для этого все заинтересованные учреждения в Германии и в оккупированных областях должны в еще большей степени, чем до сего времени, поддержать работу сельского хозяйства. Сюда относится также обеспечение примитивными товарами для обмена из третьих государств (Италия).

6. Борьба с партизанами

Обергруппенфюрер СС Далюге констатировал, что для Белоруссии находятся в пути 6 полицейских и 12 охранных батальонов. Полицейские соединения, использующиеся на фронте, не могут быть освобождены в настоящее время для борьбы с партизанами. Поэтому следует попытаться мобилизовать против партизан местное население, особенно бургомистров, и использовать для борьбы против партизан скомплектованные в других оккупированных областях (Голландия и т. д.) полицейские формирования. Требующиеся для этого фюреры и унтер-фюреры имеются.

7. Использование рабочей силы

Обусловленное военным временем положение с рабочей силой создало в Германии необходимость максимально использо-

вать человеческие резервы оккупированных областей, особенно восточных.

Мероприятие, проведенное генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с помощью местных управлений, привело, прежде всего на Востоке, к результатам, достойным внимания. Однако потребность в рабочей силе в Германии вынуждает продолжить мероприятие. Но это не должно привести к приостановлению важных военных работ в оккупированных областях или к переводу в Германию производств, обеспечивающих срочную потребность армии, и к дополнительной загрузке транспорта.

Рейхсмаршал особо подчеркнул, что он ни в коем случае не ожидает записок и прочего, а желает по возможности быстрее иметь предложения о проведении предписанных сегодня мероприятий, поскольку возникает необходимость в административных мерах.

Статс-секретарь Бакке в кратких сводках должен информировать о выполнении поставок продовольствия. Через три месяца рейхсмаршал будет докладывать фюреру результат мероприятий.

Подписал д-р Кларэ. Верно: подпись.

Глава 22
Один снаряд — в мост, тридцать — в Эрмитаж

Захват художественных ценностей тоже был предметом «государственной» заботы нацистов. По приказу Гитлера был создан «штаб Розенберга», целенаправленно занимавшийся изъятием и отправкой в Германию произведений искусства, антиквариата, редких книг и других раритетов. Тем же целям служил «особый батальон» Риббентропа — специальные имперские комиссары.

Они весьма квалифицированно разоряли картинные галереи, музеи, библиотеки, частные коллекции. Бесценную добычу они захватили в галереях и музеях Голландии, Италии, по «праву» реквизиций у евреев забрали личные коллекции Ротшильда, Кана, Зейлигмана. С 1940 по 1944 г. только из стран Западной Европы было вывезено более 20 тысяч произведений искусства и антиквариата.

Колоссальные ценности находились в оккупированных областях СССР, где нацистские «специалисты» разграбили 427 музеев, множество храмов, библиотек. Исчезли ценнейшие картины, иконы, книги, рукописи, произведения прикладного искусства. Судьба многих

украденных шедевров, в том числе Янтарной комнаты, неизвестна до сих пор.

Награбленное было предметом обогащения Германии и высокопоставленных коллекционеров. В больших любителях искусства ходили Гитлер, Геринг, Гиммлер и другие вожди. Платить деньги за произведения искусства они не любили. Геринг, когда ему в Париже не отдали за бесценок понравившийся гобелен, не поленился нажать на продавца через французский суд. Но чаще всего сокровища доставались им как трофеи.

Однако была и другая причина этой активности нацистов. Изымая художественные ценности, разрушая музеи и памятники, арестовывая и убивая носителей культуры, они пытались умертвить душу народа, уничтожить историческую память. Именно поэтому с немецкой педантичностью были разрушены и осквернены музей А. С. Пушкина в Михайловском, усадьба Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, музей П. И. Чайковского в Клину, музей А. П. Чехова в Таганроге и т. д. Та же участь постигла 1670 храмов, среди которых были народные святыни — древние соборы Киева, Новгорода, Смоленска.

О преднамеренных ударах немецкой артиллерии и авиации по музеям и дворцам Ленинграда рассказал на суде знаменитый ученый, директор Эрмитажа академик И. А. Орбели, до 31 марта 1942 г. находившийся в блокированном городе. С достоинством и уверенностью он отмел уловки адвокатов подсудимых и, не будучи артиллеристом, доказал, что огонь по Эрмитажу не был случайностью.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ И. А. ОРБЕЛИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 22 февраля 1946 г.]

Рагинский: Господин председатель! Чтобы исчерпать представление доказательств по моему разделу, прошу вашего разрешения допросить свидетеля Орбели, который уже находится в здании Трибунала. Орбели будет свидетельствовать о разрушении памятников культуры и искусства в Ленинграде.

(К микрофону подходит адвокат Серватиус.)*

Председатель: У вас есть какие-нибудь возражения?

Серватиус: Я прошу Суд не заслушивать свидетеля, потому что Ленинград никогда не был оккупирован немецкими войсками, и поэтому нельзя установить, что покажет этот свидетель.

Председатель: Трибунал считает, что возражение адвоката не является существенным, и свидетель будет заслушан.

---

* Защитник Заукеля. — *Прим. авт.*

(*В зал вводят свидетеля Орбели.*)

Председатель: Как ваше имя?

Свидетель: Орбели Иосиф.

Председатель: Повторите за мной слова присяги:

Я — Орбели Иосиф, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, перед лицом Суда обещаю и клянусь говорить Суду только правду обо всем, что мне известно по настоящему делу.

(*Свидетель повторяет слова присяги.*)

Рагинский: Скажите, пожалуйста, свидетель, какую должность вы занимаете?

Орбели: Директор Государственного Эрмитажа.

Рагинский: Ваше ученое звание?

Орбели: Действительный член Академии наук Советского Союза, действительный член Академии архитектуры Союза ССР, действительный член и президент Армянской Академии наук, почетный член Иранской Академии наук, член Общества антикваров в Лондоне, член-консультант Американского института археологии и искусств.

Рагинский: Находились ли вы в Ленинграде в период немецкой блокады?

Орбели: Находился...

Рагинский: Не можете ли вы изложить Суду известные вам факты?

Орбели: Помимо общих наблюдений, которые я мог сделать после прекращения военных действий вокруг Ленинграда, я ближайшим образом наблюдал меры, предпринимаемые врагом по отношению к музею Эрмитаж, к зданиям Эрмитажа и Зимнего дворца, в залах которого расположены выставки Эрмитажа.

На протяжении долгих месяцев шла систематическая их бомбежка и артиллерийский обстрел. В Эрмитаж попали две авиабомбы и около 30 артиллерийских снарядов, причем снаряды эти причинили значительные повреждения зданию, а авиабомбы привели к разрушению системы канализации и водопроводной сети Эрмитажа.

Наблюдая разрушения Эрмитажа, я в то же время видел перед собой здания Академии наук, расположенные на другом берегу реки, а именно: Музей антропологии и этнографии, Зоологический музей и расположенный рядом с Зоологическим музеем Морской музей в здании бывшей фондовой биржи. Все эти здания подвергались усиленному обстрелу зажигательными снарядами, последствия этих попаданий я видел из окон Зимнего дворца.

В самом Эрмитаже артиллерийскими снарядами причинен был ряд повреждений, из которых я сейчас назову наиболее существенные. Одним из снарядов был разбит портик основного здания Эрмитажа, выходящего на Миллионную улицу, и повреждена скульптура «Атланты».

Другой снаряд пробил потолок одного из самых парадных залов Зимнего дворца и причинил в этом зале большие повреждения. Два снаряда попали в бывший гараж Зимнего дворца, где расположены придворные парадные кареты XVII и XVIII веков, причем одним из этих снарядов были разбиты в щепки четыре кареты XVIII века художественной работы и одна парадная золоченая карета XIX века. Еще одним из снарядов был пробит потолок нумизматического зала, колонного зала основного здания Эрмитажа и разрушен балкон этого зала.

В то же время в филиал Государственного Эрмитажа на Соляном переулке, бывший музей Штиглица, попала авиабомба, которая причинила очень большие разрушения зданию, приведя его в полную негодность. При этом пострадала и значительная часть экспонатов, имевшихся в этом помещении.

Рагинский: Скажите, пожалуйста, свидетель, правильно ли я вас понял. Вы упомянули о разрушении Эрмитажа и говорили о Зимнем дворце. Одно ли это здание и где находился Эрмитаж, упоминаемый в ваших показаниях?

Орбели: До Октябрьской революции Эрмитаж занимал специальное здание, выходящее на Миллионную улицу и другим фасадом — на Дворцовую набережную Невы. После революции к Эрмитажу присоединены Малый Эрмитаж и здание Эрмитажного театра — здание, отделяющее Эрмитаж от Зимнего дворца, а затем и весь Зимний дворец.

Таким образом, в настоящее время комплекс зданий, составляющих Эрмитаж, образуют: Зимний дворец, Малый Эрмитаж, Большой Эрмитаж, в котором музей находился до революции, и здание Эрмитажного театра. Вот как раз во двор здания Эрмитажного театра, построенного при Екатерине II архитектором Кваренги, и попала фугасная бомба, о которой я упоминал.

Рагинский: Кроме разрушений Зимнего дворца, Эрмитажа, известны ли вам факты разрушения других памятников культуры?

Орбели: Я наблюдал ряд памятников Ленинграда, которые пострадали от артиллерийского обстрела и от авиабомб, в том числе повреждения, причиненные Казанскому собору, построенному в 1814 году Воронихиным, Исаакиевскому собору, где колонны и до сих пор носят следы от повреждений — выбоины в граните.

Затем, в пределах города, значительные повреждения причинены флигелю близ Смольнинского собора, построенного Растрелли, где вырвана средняя часть. Артиллерией, кроме того, значительные повреждения причинены поверхности стен Петропавловской крепости, в настоящее время не являющейся военным объектом.

Рагинский: А помимо Ленинграда, известны ли вам факты разрушений в пригородах Ленинграда?

Орбели: Я ознакомился подробно с состоянием памятников Петергофа, Царского Села и Павловска, причем во всех этих трех городах я видел следы чудовищного покушения на целостность этих памятников. При этом повреждения, которые я видел и перечислить которое очень трудно, потому что их очень много, — все эти повреждения носят следы предумышленности.

Относительно предумышленности обстрела здания Зимнего дворца я мог бы упомянуть о том, что 30 снарядов, о которых я говорил, попали в Эрмитаж не в один налет, а в течение длительного периода времени, не более одного снаряда в каждый обстрел.

В Петергофе, помимо тех разрушений, которые причинены в Большом дворце пожаром, уничтожившим совершенно этот памятник, я видел содранные с крыши петергофского дворца золоченые листы и от купола Петергофского собора и от здания на противоположном конце этого громадного дворца, причем слететь эти листы от огня и пожара не могли, они были содраны умышленно. В Монплезире, в старинном здании Петергофа, построенном Петром, все повреждения носили характер производившихся длительно и постепенно, не в результате какой-нибудь катастрофы. Покрытые ценной резьбой под дуб стены были ободраны. Старинные, времени Петра, голландские кафельные печи бесследно исчезли, и вместо них были поставлены временные, грубой кладки печи. В Царском Селе, в Большом дворце, построенном Растрелли, повреждения носили, несомненно, умышленный характер, потому что в ряде зал паркет был выломан и вывезен, в то время как здание погибло от пожара. В Екатерининском дворце была устроена вспомогательная оружейная мастерская, и при этом горн был помещен в резном, ценном камине XVIII века, приведенном в полную негодность.

В Павловском дворце, который был уничтожен пожаром, целый ряд признаков свидетельствует о том, что ценное имущество, находившееся в этих залах, было вынесено до поджога.

Рагинский: Скажите, пожалуйста, вы заявили, что Зимний дворец, как и другие памятники культуры, перечисленные вами,

также преднамеренно разрушался. На основании каких данных вы это заявляете?

Орбели: Преднамеренность обстрела и повреждений, причиненных артиллерийскими снарядами Эрмитажу во время блокады, для меня, так же как и для всех моих сотрудников, была ясна потому, что повреждения эти были причинены не случайно артиллерийским налетом в 1–2 приема, а последовательно, при тех методических обстрелах города, которые мы наблюдали на протяжении месяца. Причем первые попадания были направлены не в Эрмитаж, не в Зимний дворец, снаряды ложились мимо, производилась пристрелка, а после этого — в одном и том же направлении, с ничтожным отклонением по прямой линии, снаряды ложились не более одного, самое большее двух, в каждый данный обстрел, и это не могло носить случайный характер.

Рагинский: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

Председатель: Желает ли кто-либо из обвинителей или из защитников допросить свидетеля?

(К микрофону подходит Латернзер.)*

Латернзер: Господин свидетель, вы только что заявили, что артиллерийским обстрелом, а также налетами авиации Эрмитаж и Зимний дворец были разрушены. Меня очень интересовало бы узнать, где эти здания находятся, в частности, если смотреть со стороны Ленинграда?

Орбели: Зимний дворец и Эрмитаж, стоящий рядом с ним, находятся в центре Ленинграда, на берегу Невы, на Дворцовой набережной, недалеко от Дворцового моста, в который за время обстрела попал только один снаряд. С другой стороны, против Невы, рядом с Зимним дворцом и Эрмитажем, находится Дворцовая площадь и улица Халтурина. Ответил я на ваш вопрос?

Латернзер: Я немного по-другому ставлю вопрос. В какой части Ленинграда находятся эти здания: на юге, на юго-востоке, на востоке города? Вы можете ответить на этот вопрос?

Орбели: Зимний дворец и Эрмитаж, как я уже сказал, находятся в самом центре Ленинграда, на берегу Невы.

Латернзер: А где расположен Петергоф?

Орбели: На берегу Финского залива, к юго-западу от Эрмитажа, если считать Эрмитаж отправным пунктом.

Латернзер: Могли бы вы сказать, находятся ли поблизости от Эрмитажа и Зимнего дворца военные предприятия?

Орбели: Насколько мне известно, в районе Эрмитажа военных предприятий не было...

---

* Защитник генштаба и верховного командования. — *Прим. авт.*

Латернзер: Может быть, вблизи этих зданий стояли артиллерийские батареи?

Орбели: На всей площади около Эрмитажа и Зимнего дворца не было ни одной артиллерийской батареи, потому что с самого начала были приняты меры к тому, чтобы не было излишнего сотрясения вблизи от зданий, где находятся музейные ценности.

Латернзер: Те фабрики (заводы), которые находились в Ленинграде, продолжали ли работать для военной промышленности или прекратили свою работу?

Орбели: На территории Эрмитажа, Зимнего дворца и в ближайшем окружении не работало никакое военное предприятие, потому что там их не было, и во время блокады они там не были построены. Но я знаю, что в Ленинграде военное снаряжение производилось и с успехом применялось.

Латернзер: У меня нет больше вопросов.

(К микрофону подходит Серватиус.)

Серватиус: Господин свидетель, как далеко расположен ближайший мост на Неве от Зимнего дворца?

Орбели: Ближайший мост — Дворцовый — расположен в полсотне метров, но, как я уже сказал, за время обстрела в Дворцовый мост попал только один снаряд. Именно это убеждает меня и создает уверенность в том, что Зимний дворец обстреливался умышленно. Я не могу допустить, чтобы при обстреле моста в него попал только один снаряд, а 30 — в рядом стоящее здание...

Серватиус: Имеете ли вы какие-нибудь артиллерийские познания, дающие возможность сделать вывод, что целью был дворец, а не мост?

Орбели: Я никогда не был артиллеристом, но я считаю, что если немецкая артиллерия обстреливает мост, она не может всадить в мост один снаряд, а в дворец, находящийся в стороне, 30 снарядов. В этих пределах — я артиллерист.

(В зале оживление.)

Серватиус: У вас неартиллерийское мнение. У меня другой вопрос: Нева была использована флотом? Как далеко были расположены суда военно-морского флота от Зимнего дворца?

Орбели: В этой части Невы боевых судов, которые бы вели огонь или выполняли такого рода службу, не было. Суда на Неве стояли в другой части реки, далеко от Зимнего.

Серватиус: Вы все время осады Ленинграда находились там?

Орбели: Я находился в Ленинграде с первого дня войны до 31 марта 1942 г. Затем я вернулся в Ленинград, когда уже немецкие войска из окрестностей Ленинграда были изгнаны, и тогда именно я осмотрел Петергоф, Царское Село и Павловск.

Серватиус: Спасибо большое, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Генерал Рагинский, хотите ли вы задать свидетелю какие-нибудь дополнительные вопросы?

Рагинский: Господин председатель, у нас к свидетелю нет больше вопросов.

Председатель: Тогда свидетель может быть свободным.

(Свидетель уходит.)

Глава 23
За немецким солдатом пустыня

Крохи построенного «тысячелетним» рейхом за 12 лет его истории тонут в бесконечных списках разрушенного. Истинный символ нацистской Германии — огонь, пожирающий творения человеческих рук, и взрыв, уничтожающий то, что не взяло пламя.

Все, что было захвачено немецкими войсками в целости и сохранности и не подлежало перевозке, при отступлении подлежало тотальному уничтожению. В приказе Гитлера от 3 января 1943 г. на случай оставления занятых территорий содержалось следующее указание: «Необходимо все сжигать дотла».

Армия выполняла его в полной мере. В плане отступления немцев с Кубани под названием «Движение Кримгильда», принятого 4 сентября 1943 г., указывается, что противник должен вступить на «необитаемую, пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить взрывы мин». Далее перечислялись все объекты разрушения: предприятия, жилые дома, плотины, дороги, Новороссийский порт. Исполнителями были «специалисты» — поджигатели, вооруженные огнеметными машинами, и команды подрывников.

О том, что применение тактики выжженной земли не было эпизодом, говорит статистика. В СССР нацисты полностью или частично уничтожили 1710 городов и 70 тысяч сел и деревень, более 6 миллионов зданий, лишив крова 25 миллионов граждан. Разрушено 31 850 предприятий, на которых трудились около 4 миллионов человек.

Ликвидация хозяйства осуществлялась планомерно и методично.

В энергетике была разрушена 61 крупная электростанция и масса средних и мелких, на огромных расстояниях повалены линии электропередачи, увезено в Германию 14 тысяч паровых котлов, 1400 турбин, 11 300 генераторов.

В угольной отрасли взорвано и затоплено 1135 шахт.

На железнодорожном транспорте, где немцы применяли специальную технику, разрушающую пути, выведено из строя 65 тысяч километров колеи, взорвано 13 тысяч мостов и 4100 станций. Выведено

из строя и отправлено в Германию 15 800 паровозов и мотовозов, 428 тысяч вагонов...

Столь же убийственные цифры — по объектам абсолютно всех отраслей.

Развалины и пепелища оставили нацисты и в других странах. Столицу Югославии — Белград — Гитлер приказал стереть с лица земли. В 1941 г. этот город беспрерывно бомбили, а в 1944 г., при отступлении нацистов, оставшиеся дома поджигали факельщики, применявшие специальные химические запалы.

За время боевых действий и оккупации в стране были уничтожены сотни деревень. По крайней мере, пят мирных селений Красницкого уезда были разрушены в феврале 1944 г. варварской бомбардировкой с воздуха.

Столицу Польши — Варшаву нацисты подожгли в августе 1944 г., предварительно тщательно очистив в пользу рейха от «сырьевых материалов, текстильных изделий и мебели».

В Греции нацисты оставили разрушения в 23 городах, из них 6 они почти полностью сравняли с землей, полностью или частично сожгли и взорвали 1600 деревень.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР М. Ю. РАГИНСКИМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДОВ И СЕЛ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТРАНСПОРТА И СВЯЗИ»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 22 февраля 1946 г.]

Господа судьи!

Я приступаю к представлению доказательств виновности подсудимых в разрушении городов и сел, в совершении других разрушений. Это обвинение предусмотрено пунктом «G» раздела III Обвинительного акта.

Мы представим доказательства того, что разрушение городов и сел производилось не в силу тех или иных случайностей войны или военной необходимости.

Мы представим доказательства того, что преднамеренные разрушения проводились в соответствии с тщательно разработанными планами гитлеровского правительства и приказами германского военного командования; что разрушение сел и городов, промышленности и транспорта являлось составной частью общего заговора, направленного на порабощение народов Европы и других стран, на установление мирового господства гитлеровской Германии.

Всюду, где побывали немецко-фашистские захватчики, они несли смерть и разрушение. В огне пожаров гибли ценнейшие машины, созданные человеческим гением, взрывались фабричные и жилые здания, дававшие работу и приют миллионам людей.

Гибли и сами люди, особенно старики, женщины и дети, оставшиеся без крова, лишенные средств к существованию.

С особым ожесточением гитлеровцы разоряли и разрушали города и села на временно оккупированной ими территории Советского Союза, где они, по прямым указаниям германского верховного командования, создавали «зону пустыни».

В доказательство я оглашу выдержку из представленного Трибуналу документа за № СССР-51/2. Эту выдержку господа судьи найдут на странице 3 тома документов. Цитирую:

«...В захваченном недавно недалеко от города Верховья Орловской области приказе по 512 немецкому пехотному полку, подписанном полковником Шитниг, с беспредельной наглостью говорится: „Зона, подлежащая, смотря по обстоятельствам, эвакуации, должна представлять собою после отхода войск пустыню... В пунктах, в которых должно быть проведено полное разрушение, следует сжигать все дома, для этого предварительно набивать соломой дома, в особенности каменные, имеющиеся каменные постройки следует взрывать, в особенности надо также разрушать имеющиеся подвалы. Мероприятие по созданию опустошенной зоны должно быть подготовлено и проведено беспощадно и полностью“. .

Разоряя наши города и села, немецкое командование требует от своих войск создавать „зону пустыни“ во всех советских местностях, откуда с успехом изгоняют захватчиков войска Красной Армии».

Этот приказ по 512-му немецкому пехотному полку, который только что упоминался в цитированном мною документе, я представляю как доказательство СССР-168.

Председатель: Генерал Рагинский, вы знаете дату этого приказа?

Рагинский: Этот приказ датирован 10 декабря 1941 г.

Из этого документа видно, что германское военное командование предписывало беспощадное и полное разрушение населенных пунктов и что это разрушение заранее планировалось и подготавливалось.

В распоряжении советского обвинения имеется большое количество документов и фактов по этому вопросу. Ограничусь лишь оглашением выдержки из приговора военного трибунала

округа по делу немецких военных преступников генерал-лейтенанта Бернгарда и генерал-майора Гаманна. Этот приговор я представляю Трибуналу как доказательство СССР-90.

Военный трибунал установил, что генералы Бернгард и Гаманн действовали по общим планам и указаниям верховного командования германской армии и что ими (цитирую) «производилось планомерное разрушение городов и населенных пунктов, причем заранее предусматривалось, помимо уничтожения промышленных зданий, уничтожение больниц, санаториев, учебных заведений, музеев и других культурно-просветительных учреждений, а также жилых домов. Последние взрывались без предупреждения проживающих в них советских граждан, в результате чего под развалинами зданий погибали и люди».

Так же как и разрушение населенных пунктов, преднамеренно и обдуманно разрушались заводы и фабрики, электростанции и шахты.

В подтверждение я сошлюсь на Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии, представленное Трибуналу под № СССР-2. Этот документ имеется на странице 28 тома документов.

В этом сообщении приводится секретная инструкция хозяйственного руководителя группы южных армий от 2 сентября 1943 г. № 1/313/43 г., которая предписывала армейским руководителям и руководителям хозяйственных команд проводить полное разрушение промышленных предприятий, причем особо подчеркивалось, что «разрушения следует произвести не в последний момент, когда войска будут уже вести бой или отступать, а *своевременно*».

О приказах германского верховного командования и о том, как были реализованы эти приказы, указывается в ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г., представленной Суду как доказательство СССР-51/3. ...

Я опускаю окончание страницы 4 и начало страницы 5 своего доклада.

Председатель: Я думаю, что вам все-таки следует огласить первые четыре строки на странице 5.

Рагинский: Я опустил это, поскольку вчера этот документ мною цитировался, но, если Трибунал желает, я охотно это сделаю.

Это выдержка из приказа по 6-й германской армии от 10 декабря 1941 г. за подписью Рейхенау. Документ представлен Трибуналу под № СССР-112. Цитирую:

«Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянки вой-

сковых частей, все остальное, в том числе и здания, должно быть уничтожено».

Я продолжаю цитировать ноту Народного комиссара иностранных дел СССР:

«В конце 1941 г. и в начале 1942 г. германское командование издало ряд приказов, предлагающих, чтобы части германской армии при своем отступлении под натиском Красной Армии уничтожали все, что еще уцелело во время оккупации. Тысячи деревень и сел, целые кварталы многих городов и даже целые города сжигаются, взрываются, сравниваются с землей отступающей немецко-фашистской армией. Организованное уничтожение советских городов и деревень превратилось в особую отрасль преступной деятельности немецких захватчиков на советской территории; методам разрушения советских населенных пунктов посвящены специальные инструкции и подробные приказы германского командования; для данной цели выделяются отдельные отряды, обученные этому преступному ремеслу.

Вот некоторые факты из числа многих, имеющихся в распоряжении Советского правительства».

Я снова обращаюсь к приказу по 512-му пехотному полку 293-й германской дивизии от 10 декабря 1941 г., который только что был представлен Трибуналу под № СССР-168. В этом приказе излагается на семи листах точнейший план последовательного уничтожения одной деревни за другой в районе расположения данного полка за время с 10 по 14 декабря включительно. В этом приказе, составленном по образцу, применяемому во всей германской армии, говорится:

«Подготовка разрушения населенных пунктов должна производиться так, чтобы: а) до объявления об этом у гражданского населения не возникало никаких подозрений; б) разрушение могло начаться сразу, одним ударом, в назначенное время... в соответствующий день в населенных пунктах нужно особо строго следить за тем, чтобы никто из гражданских лиц не покинул этого пункта, в особенности с момента объявления о разрушении...»

В приказе командира 98-й германской пехотной дивизии от 24 декабря 1941 г. после перечисления 16 назначенных к сожжению советских деревень говорится:

«Имеющиеся запасы сена, соломы, продуктов и т. д. сжечь. Все печи в жилых домах вывести из строя закладыванием ручных гранат и сделать таким образом невозможным их дальнейшее употребление. Этот приказ ни в коем случае не должен попасть в руки противника».

...Таков же и приказ Гитлера от 3 января 1942 г. В приказе указывается:

«...Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты; вот чего требует текущий момент. Каждый занимаемый нами пункт должен быть превращен в опорный пункт, сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником. Если все же, по приказу вышестоящего начальства, данный пункт должен быть нами оставлен, необходимо все сжигать дотла, печи взрывать...

Адольф Гитлер».

Гитлер не постеснялся и публично признать, что разрушение советских городов и деревень является делом рук его армии. В своей речи 30 января 1942 г. он заявил: «Там, где русским удалось прорваться и где они думали, что вновь заняли населенные пункты, этих населенных пунктов уже нет: там одни развалины».

Отступая под ударами Красной Армии с Кубани, германское верховное командование разработало подробный план операции, носящий название «Движение Кримгильды», и в этом плане большое место, целый раздел, занимает план разрушений. План предусматривает превращение Кубани в «совершенно негодную на долгое время, необитаемую, пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить взрывы мин».

Этот план изложен в переданном по телеграфу секретном документе на двух страницах «для начальников высших штабов», подписан Гитлером и имеет на первой странице надпись:

«Секретно (А) 2371. 17 экземпляров, № 2686, 43. Получение: 6/9-43. Только офицерам»...

Документ, который мы представляем Трибуналу под № СССР-115, является 17-м экземпляром этого приказа.

На странице 2, под подписью Гитлера, указан № 430586/43 и дата — 4.9.1943 г., на странице 3 имеется перечень адресатов и приписка: «Условное название операции по отступлении с Кубани „Движение Кримгильды“».

Я оглашу пункт 2 этого документа:

«2. Разрушения при отступлении.

a) Все полезные противнику сооружения, места расквартирования, дороги, искусственные сооружения, плотины и т. д. должны непременно разрушаться.

b) Все железные и полевые дороги должны быть сняты или полностью разрушены.

c) Все возведенные бревенчатые гати должны приводиться в негодность и уничтожаться.

d) Находящиеся на Кубанском предмостном укреплении сооружения для добычи нефти должны быть полностью уничтожены.

e) Новороссийский порт должен быть так разрушен и загрязнен, чтобы он долгое время не мог быть использован русским флотом.

f) К разрушению относится также минирование местности.

g) Противник должен получить совершенно негодную на долгое время, необитаемую, пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить взрывы мин».

Указания об аналогичных приказах мы имеем в ряде других документов, но я позволю просить внимания Трибунала лишь к двум: я имею в виду специально к этому вопросу относящуюся запись в дневнике подсудимого Франка и инструкцию командира 118-й истребительной дивизии, действовавшей в Югославии.

В представленном Трибуналу дневнике Франка, в папке, начатой 1 марта 1944 г. и доведенной до 31 мая того же года, под названием «Рабочее совещание в Кракове 17 апреля 1944 г.», имеется запись от 17 апреля следующего содержания:

«...Важным является то, что войскам был дан приказ оставлять русским лишь сожженную землю... Если уж приходится оставлять территорию, тогда не следует делать различия между генерал-губернаторством и другими областями».

Я напоминаю Трибуналу, что в представленной под № СССР-132 секретной инструкции по 118-й истребительной дивизии за подписью генерал-майора германской армии Кюблера, захваченной в июне 1944 г. частями Югославской народно-освободительной армии, предписывалось войскам обращаться с населением «беспощадно с жестокой твердостью» и разрушать покинутые населенные пункты.

Господа судьи! Заканчивая эту часть моего выступления, считаю необходимым обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство.

Разрушение мирных городов и сел не только планировалось, не только совершалось преднамеренно и с исключительной беспощадностью, но производилось специальными отрядами, для этой цели созданными германским командованием.

В доказательство я приведу несколько ранее не оглашенных выдержек из официальных правительственных советских документов.

В ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г., представленной Суду под № СССР-51/3, указывалось (цитирую выдержку, имеющуюся на странице 9 вашего тома документов):

«Специальные отряды, созданные германским командованием для сожжения советских населенных пунктов и массового истребления гражданского населения, в обстановке отступления гитлеровской армии, творят свои кровавые дела с хладнокровием профессиональных преступников. Так, например, перед своим отступлением из деревни Большекрепинской Ростовской области немцами были пущены по улицам деревни специальные огнеметные машины, которые один за другим сожгли 1167 домов, превратив цветущую большую деревню в пылающий костер, в котором погибли жилые дома, больница, школа, разные общественные здания. При этом автоматчики без предупреждения расстреливали жителей, приближавшихся к своим горевшим домам, а некоторых жителей связывали, обливали бензином и бросали в горевшие дома».

В ноте от 6 января 1942 г., представленной Трибуналу под № СССР-51/2, приводятся такие факты:

«...Уходя из сел Красная Поляна, Мышецкое, Ожерелье, Высоково — Московской области, немцы выделяли автоматчиков, которые бутылками с горючей жидкостью обливали дома и зажигали их. При попытках жителей тушить пожары, немцы открывали огонь из автоматов. Из 80 дворов в селе Мышецкое осталось 5 домов, из 200 дворов в Ожерелье осталось 8 домов. В деревне Высоково из 76 домов уцелело 3 дома. А за слова семидесятилетнего крестьянина Григорьева Ф. К. „не жгите мою избу“ — старик был расстрелян».

В Сообщении Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области», представленном под № СССР-46, говорится:

«В бешеной злобе против советского народа, вызванной поражением на фронте, командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Шмидт и командовавший Орловским административным округом военный комендант города генерал-майор Гаманн создали специальные отряды подрывников для разрушения городов, сел и колхозов Орловской области. Эти команды громил и поджигателей уничтожали все на пути своего отступления. Они разрушали памятники культуры и искусства русского народа, жгли города, села и деревни».

В Вязьме и Гжатске командиры 35-й пехотной дивизии генерал-майор Меркер, 252-й пехотной дивизии генерал-майор Шефер, 7-й пехотной дивизии генерал-майор Ропперт выделили специальные отряды факельщиков и минеров, которые поджигали и взрывали жилые дома, школы, театры, клубы, музеи, библи-

отеки, больницы, церкви, магазины, заводы, оставляя по пути своего отступления лишь пепел и развалины.

В документе, представленном Трибуналу под № СССР-2, имеется несколько показаний военнопленных немцев. Я приведу одно из этих показаний:

«Ефрейтор 597-го пехотного полка 306-й дивизии германской армии Фергольц Герман показал: „В составе команды подрывников я принимал участие в поджоге и взрыве государственных учреждений и жилых домов на 1-й линии, главной улице города Сталино. Лично я закладывал взрывчатые вещества, которые затем поджигал и таким путем взрывал здания. Всего с моим участием было взорвано пять больших домов и несколько подожжено“».

Можно было, господа судьи, продолжить перечень подобных фактов. Их имеется очень много в показаниях и документах, представленных Трибуналу. Но я полагаю, что в этом нет необходимости. То, что уже оглашено, позволяет сделать вывод, что эти разрушения, преднамеренно и умышленно проводившиеся гитлеровцами на оккупированных территориях, являлись системой, а не отдельными фактами и что эти разрушения не были делом рук только рядовых солдат и офицеров германской армии, а проводились по приказам высшего командования гитлеровской армии.

Господа судьи!

В злодейских замыслах фашистских заговорщиков особое место занимало разрушение столиц Советского Союза, Югославии и Польши. И в этих планах разрушений особое место занимало разрушение Москвы и Ленинграда.

Опьяненные первыми военными успехами, гитлеровцы разрабатывали безумные планы уничтожения дорогих советским людям крупнейших культурных и промышленных центров; они уже готовили для этой цели специальные зондеркоманды. Они даже поспешили объявить о своем «решении» отклонить никогда в природе не имевшую места капитуляцию этих городов!

Необходимо отметить, что такие выражения, как «сровнять с землей» или «снести с лица земли», довольно часто употреблялись гитлеровскими заговорщиками, и это были не только угрозы, но и преступные дела. Как мы увидим из дальнейшего изложения, кое-где им удалось сравнять с землей цветущие города и села. И только воля и доблесть советского народа и армий наших союзников прекратили преступную деятельность заговорщиков, намеревавшихся сровнять с землей целые районы и даже области.

Я представляю Суду и оглашу два документа, разоблачающие намерения гитлеровских заговорщиков.

Первый документ является секретной директивой военно-морского штаба за № 1а 1601/41 от 22 сентября 1941 г., озаглавленной «О будущности города Петербурга». Этот документ уже представлен Трибуналу нашими американскими коллегами. Поэтому, хотя в нашем распоряжении имеется подлинник этого документа, который был размножен в нескольких экземплярах, полагаю, что его можно не оглашать. С вашего разрешения, господин председатель, я лишь напомню содержание этой директивы. В директиве указывается, что «фюрер решил стереть город Петербург с лица земли», что предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей. В директиве также указывается, что, если будут заявлены просьбы о сдаче города, эти просьбы будут отвергнуты немцами. Наконец, в этой директиве говорится, что это есть директива не только военно-морского штаба, но и ОКВ.

Второй документ, имеющий № С-123 и представленный нами под № СССР-114, является также секретной директивой верховного командования вооруженных сил от 7 октября 1941 г. за № 44 1675/41 и подписан подсудимым Иодлем. ...

Оглашаю выдержки из этого документа:

«Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже — Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником.

...Ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем».

До того как города будут взяты, «они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами, а население должно быть обращено в бегство.

Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их население за счет германской родины.

...Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров».

Свои преступные замыслы по разрушению Ленинграда гитлеровские заговорщики начали осуществлять с беспримерной жестокостью.

В докладе Ленинградской городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов подробно описаны чудовищные преступления гитлеровцев.

Этот документ уже представлен Трибуналу в качестве доказательства СССР-85. Я оглашу лишь общие данные, приводимые на странице 1 доклада, что соответствует странице 71 тома документов.

«В результате варварских действий немецко-фашистских захватчиков в Ленинграде и его пригородах полностью разрушено 8961 здание хозяйственного назначения и надворных построек общим объемом 5 192 427 кубических метров и частично разрушено 5869 зданий общим объемом 14 308 288 кубических метров. Полностью уничтожено 20 627 жилых зданий общим объемом 25 429 780 кубических метров и частично разрушено 8788 зданий с кубатурой 10 081 035 кубических метров. Полностью уничтожено 295 зданий культурно-бытового назначения общим объемом 844 162 кубических метра и частично разрушено 1629 зданий общим объемом 4 798 644 кубических метра. Полностью уничтожено 6 и частично разрушено 66 зданий религиозных культов. Гитлеровцами уничтожено, разрушено и повреждено разного рода сооружений более чем на 718 миллионов рублей и более чем на 1043 миллиона рублей промышленного оборудования, сельскохозяйственных машин и орудий».

Из этого документа также устанавливается, что гитлеровцы планомерно и методически, днем и ночью бомбардировали с воздуха и обстреливали артиллерийскими снарядами улицы, жилые дома, театры, музеи, больницы, детские сады, госпитали, школы, институты, трамваи, разрушали ценнейшие памятники культуры и искусства. Много тысяч бомб и снарядов брошены в исторические здания Ленинграда, на его набережные, сады и парки.

Пострадали Зимний дворец, грандиозное здание Адмиралтейства, являющееся характерным памятником Ленинграда и одной из прекраснейших построек в Европе эпохи классицизма, Инженерный замок, сооруженный в 1797–1801 гг., историческое здание Таврического дворца, воздвигнутое в 1788 г., ансамбль Петропавловской крепости, здание бывшего Государственного банка. Главный почтамт, Елагинский дворец, Гостиный двор, построенный в 1758–1785 гг., Строгановский дворец, здание бывшего Пажеского корпуса, Исаакиевский собор, Государственный Эрмитаж, Публичная библиотека, здание театра оперы и балета имени Кирова, Академия художеств, старинное здание Государственного университета, Политехнический институт, научные учреждения Академии наук и многие другие неповторимые исторические, художественные и научные ценности Ленинграда.

В заключение позволю себе процитировать одно из многих показаний немцев, приводимых в документе, а именно абзац 4 страницы 14. Цитируемое показание вы найдете, господа судьи, на странице 84 тома документов. Цитирую:

«Фриц Кепке, фельдфебель, командир 2-го орудия 2-й батареи 2-го дивизиона 910-го артиллерийского полка заявил: „Для обстрела Ленинграда на батареях имелся специальный запас боеприпасов, отпускавшихся сверх лимита в неограниченном количестве... Все расчеты орудий знали, что обстрелы Ленинграда были направлены на разрушение города и уничтожение его гражданского населения. Поэтому они иронически относились к сводкам немецкого верховного командования, в которых говорилось об обстрелах „военных объектов" Ленинграда"».

...Перехожу к представлению доказательств преднамеренного и беспримерного разрушения гитлеровцами столицы Польского государства — Варшавы.

Я приведу три документа, которые вскрывают преступные намерения фашистских заговорщиков «сровнять с землей» этот город.

Первым документом под № СССР-128 я представляю Трибуналу телеграмму на имя подсудимого Франка за № 13256, подписанную губернатором района Варшавы доктором Фишером (телеграмма имеется в томе документов на странице 148).

Оглашаю текст этой телеграммы:

«Генерал-губернатору, имперскому министру доктору Франку. Краков. Варшава № 13256, 11, 10, 94, 10, 40 НС.

Тема: Новая политика по отношению к Польше.

В результате заявления, сделанного группенфюрером СС фон дем Бахом рейхсфюреру СС, я сообщаю вам следующее:

Обергруппенфюрер фон дем Бах получил новый приказ утихомирить Варшаву, то есть еще во время войны сровнять ее с землей, если на это не будет возражения с военной точки зрения (использование города в качестве крепости). Перед уничтожением необходимо вывезти все сырьевые материалы, текстильные изделия и мебель. Главную роль в выполнении этой задачи должна играть гражданская администрация. Я сообщаю вам эти факты потому, что этот новый приказ фюрера о разрушении Варшавы имеет колоссальное значение для выяснения политики по отношению к Польше в будущем.

Губернатор района Варшавы, временно находящийся в Сохачеве, доктор *Фишер*».

...*Рагинский:* Я оглашаю выдержку из дневника подсудимого Франка, представленного Трибуналу под № СССР-223. Эта вы-

держка имеется на странице 45 тома документов. Я имею в виду папку, начатую 1 августа 1944 г. и доведенную до 14 декабря 1944 г., озаглавленную «Дневник», в которой имеется запись о содержании телеграммы, посланной Франком на имя имперского министра Ламмерса. Цитирую:

«5 августа 1944 г. ...генерал-губернатор направляет следующую телеграмму имперскому министру доктору Ламмерсу: „Город Варшава в большей части объят пламенем. Сожжение домов является самым верным средством, чтобы отнять у повстанцев убежища... После этого восстания и его подавления Варшава будет с правом предана заслуженной судьбе своего полного уничтожения...“»

Приведенные документы, таким образом, устанавливают, что фашистские заговорщики задались целью стереть с лица земли столицу Польского государства — Варшаву, что уничтожением Варшавы руководили гитлеровское правительство и германское верховное командование и что активную роль в этом злодеянии играл подсудимый Франк.

На всех оккупированных ими территориях СССР, Югославии, Польши, Греции и Чехословакии немецко-фашистские захватчики систематически и планомерно уничтожали населенные пункты под видом борьбы с партизанами.

Специально выделенные германским военным командованием карательные экспедиции, отряды и команды сжигали и взрывали десятки тысяч сел, деревень и других населенных пунктов...

Глава 24
Фюрер ждал капитуляции Москвы

Приказ Гитлера превратить в развалины Москву и Ленинград «артиллерийским огнем и воздушными налетами», отданный в октябре 1941 г., выдает самые черные, людоедские намерения фюрера. Однако эта задача оказалась не под силу немецкой военной машине.

Противовоздушная оборона Москвы была столь сильна, что прорыв бомбардировщиков сквозь плотный зенитный огонь был редкой удачей. На дальность артиллерийского выстрела нацисты приблизиться к столице не смогли.

Ленинград был в худшем положении. Но и здесь мужественные действия ПВО, истребительной авиации не давали врагу развернуться. Гражданское население дежурило на крышах, обезвреживая зажигательные бомбы. Губительным был огонь артиллерии, позиции которой находились сравнительно близко от города. Боеприпасов на-

цисты не пожалели. Свидетель из числа немецких артиллеристов сообщил, что на батареях создавался большой запас снарядов специально для разрушения гражданских объектов.

Противник уничтожил 20 тысяч жилых домов и около девяти тысяч зданий хозяйственного назначения. Пострадали Адмиралтейство, Эрмитаж, другие исторические здания. Удар для Ленинграда был тяжелый, но не смертельный. Всесилью захватчиков был положен конец.

Документ СССР-114
ИЗ СЕКРЕТНОЙ ДИРЕКТИВЫ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

От 7 ОКТЯБРЯ 1941 г. ЗА № 44 1675/41
Верховное главнокомандование вооруженными силами.
№ 44 1675/41
секр. канц. начальника штаба/отд. Л (I опер.)

Гл. квартира фюрера 7.10.41.
Дело начальника штаба.
Только через офицера.
Изготовлено в 14 экз.
Экз. № 2.

Относится к Верх. главноком. армии (опер. отд.). № 41 244/41 секр. канц. от 18.IX. 41.

Верховному главнокомандующему армией (операт. отдел).

Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже — Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником.

...Следует ожидать больших опасностей от эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем.

Небольшие, неохраняемые проходы, делающие возможным выход населения для эвакуации во внутренние районы России, следует поэтому только приветствовать. И для всех других городов должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами, а население должно быть обращено в бегство.

Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их население за счет германской родины.

Хаос в России станет тем больше, а наше управление и использование оккупированных восточных областей тем легче, чем больше население городов Советской России будет бежать во внутренние области России.

Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров.

По поручению начальника верховного командования вооруженными силами

Иодль

Глава 25
Каторга без суда и вины

Мужество и стойкость Красной Армии превратили «молниеносную» войну в затяжную. Уже в 1942 г. в Германии стала ощущаться нехватка кадров в военной промышленности, которая была вынуждена набирать обороты, а также в других отраслях и в частном секторе экономики.

Нацистские вожди увидели выход в доставке рабочей силы из оккупированных стран и областей. В марте 1942 г. было создано ведомство рейхскомиссара — генерального уполномоченного по найму и распределению рабочей силы. По совету Бормана Гитлер назначил на этот пост Фрица Заукеля.

Заукель выступил с заявлением, обещавшим иностранным рабочим неплохую жизнь: «Все эти люди должны быть сыты, иметь жилье и чтобы с ними обращались таким образом, чтобы при минимальных издержках были достигнуты максимально возможные результаты».

Но, как в абсолютном большинстве случаев, нацистская практика оказалась совсем другой. Например, на оккупированных территориях СССР людей хватали в ходе облав, силой загоняли в товарные вагоны и отправляли в Германию, где их ждала непосильная работа на самых трудных участках, голод, антисанитарные условия и скученность в быту, физические наказания за малейшую провинность.

Масштабы акции Заукеля были огромными. На каторге в Германии оказались без малого пять миллионов советских людей. Почти два миллиона гражданских лиц, пленных и заключенных концлагерей доставили из Франции. Из Голландии, Бельгии и Дании депортировали в общей сложности 1370 тысяч новоявленных рабов...

Со временем условия труда и быта иностранных рабочих все дальше отходили от человеческих стандартов. Рабы с востока оказались в наихудшей, запредельно тяжелой ситуации. Еще в ноябре 1941 г. Геринг определил подход к советским людям, попавшим в нацистское рабство: «Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь...»

Факты, приведенные в ноте народного комиссара иностранных дел СССР, вопиют о том, в каком отчаянном положении оказались эти каторжане и как ничтожно малы были их шансы выжить и вернуться домой.

Документ СССР-51

ИЗ НОТЫ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ОТ 11 МАЯ 1943 г. «О МАССОВОМ НАСИЛЬСТВЕННОМ УВОДЕ В НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЕ РАБСТВО МИРНЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН И ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВЛАСТЕЙ И ЧАСТНЫХ ЛИЦ, ЭКСПЛУАТИРУЮЩИХ ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ТРУД СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ГЕРМАНИИ»

II. Насильственный увод советских людей в немецко-фашистское рабство

Во исполнение злодейских планов гитлеровского правительства немецкие власти организовали массовый увод мирного советского населения в немецкую неволю со всей оккупированной советской территории, уже и не пытаясь соблюдать даже видимости какой-либо «добровольности». На захватывавшейся немцами советской земле нет буквально ни одного города, ни одного села, ни одного населенного пункта, из которого немецко-фашистские разбойники не угнали бы в рабство значительную часть населения, составляющую в некоторых крупных городах десятки тысяч мужчин, женщин, подростков и детей.

Так, из Кривого Рога немцы насильно увезли свыше 20 тысяч человек, из Курска и прилегающих 9 районов — 29 381 чел., из Харькова (по официальным германским данным на август 1942 года) свыше 32 тысяч, из Мариуполя — 60 тысяч, из Сталино на принудительные работы в Германию был отправлен до июля 1942 г. 101 эшелон. Из одного только села Малиновка Харьковской области гитлеровцы угнали в немецкое рабство 820 мужчин, женщин и детей. В селе Солдатском Воронежской области гитлеровцы собрали из окрестных деревень 11 тысяч человек, среди которых было много женщин, подростков и детей; несколько дней несчастные ютились в конюшнях, сараях, землянках; немецкие власти морили их голодом и никуда не выпускали, а затем погнали в Германию. В Воронцово-Александровском Ставропольского края гитлеровцы накануне своего отступления согнали 800 советских граждан с тем, чтобы насильно отправить их в Германию, и только подоспевшие части Красной Армии спасли мирных жителей от страшной участи.

Во всех освобожденных от захватчиков городах и селах части Красной Армии обнаруживают многочисленные факты массового угона гражданского населения в немецкое рабство. Имеются признания гитлеровских главарей, дающие некоторое представление о гигантских масштабах небывалого в истории цивилизованных народов пленения и превращения в рабов миллионов мирных жителей. Так, по утверждению гитлеровского сатрапа «рейхскомиссара Украины» Эриха Коха, опубликованному в январе 1943 г. в газете «Дейче Украине Цейтунг», «в Германию отправлено 710 тысяч украинцев». По заявлению возглавляемого Заукелем Управления по использованию рабочей силы, опубликованному в газете «Минскер Цейтунг» 14 января с. г., «за 1942 г. в Германию отправлено около 2 миллионов душ из оккупированных областей на Востоке».

Как видно из документальных материалов и показаний жителей освобожденных Красной Армией районов, немецко-фашистские власти из месяца в месяц охватывали своей насильной «вербовкой» все новые категории населения и в некоторых пунктах, особенно при отступлении, уводили с собой для отправки в глубокий германский тыл поголовно все население, способное передвигаться. Если ранее агенты гитлеровских работорговцев стремились отбирать лишь физически наиболее здоровых и выносливых, в возрасте преимущественно от 15 до 45 лет, то за последние месяцы, совпадающие с проводимой гитлеровцами «тотальной» (всеобъемлющей) мобилизацией, в рабство уводятся и больные, и инвалиды, причем возраст порабощаемых колеблется уже между 12 и 60 годами. С присущей гитлеровцам садистской жестокостью они разбивают при уводе в рабство семьи, разлучая родителей и детей, братьев и сестер, жен и мужей.

Целые города и районы обезлюдели в результате организованного похищения и истребления советских людей гитлеровскими людоедами. Вот некоторые типичные данные по недавно освобожденному Красной Армией Гжатскому району Смоленской области: в этом районе, насчитывавшем до немецкой оккупации 32 тысячи жителей, осталось к моменту прихода Красной Армии около 7,5 тысяч человек, причем из деревень Гжатского района в Германию было угнано 5419 человек, в том числе 624 «работоспособных» ребенка в возрасте менее 14 лет, а в городе Гжатске, в котором до оккупации было более 13 тысяч жителей, в день освобождения от захватчиков оказалось немногим больше одной тысячи человек — в подавляющем большинстве своем разлученных со своими родителями малолетних детей.

Угону советских людей в немецкую неволю почти повсеместно сопутствуют кровавые репрессии захватчиков против советских граждан, укрывающихся от охотящихся за ними работорговцев. Так, в Гжатске немцы расстреляли 75 мирных жителей города, не явившихся на сборный пункт, куда они были вызваны повестками коменданта для отправки в Германию. В Полтаве в конце декабря 1942 г. была приговорена к повешению группа 65 железнодорожников, отказавшихся ехать на гитлеровскую каторгу в Германию. Оккупационные власти приравнивают всех уклоняющихся от «вербовки» в Германию — к партизанам, объявляют их вне «закона», направляют карательные экспедиции в районы, не выполнившие «разверстки» по поставке рабов, сжигают целые деревни и расстреливают сотни людей. В деревнях Слуцкого района в Белоруссии в конце февраля с. г. были вывешены объявления за подписью германского окружного комиссара, в которых говорилось: «Все жители, как мужчины, так и женщины, рождения 1900–1927 гг., должны явиться 2 марта 1943 г. в 10 часов утра в уездную управу для освидетельствования и отправки на работу в Германию. Взять с собой одежду, обувь и маршевое питание на 3–4 дня. Кто не явится — будет заподозрен в бандитизме, и с ним поступят соответствующим образом». В Белоруссии, в районе Ганцевичи (юго-восточнее Барановичей) немецкая карательная экспедиция сожгла в первой половине марта с. г. десятки деревень и расстреляла сотни жителей в виде репрессии за неявку жителей для отправки на немецкую каторгу.

Из различных пунктов Литовской и Латвийской ССР сообщают об организованной гитлеровцами охоте на людей, загоняемых как на принудительные работы по строительству укреплений, так и на сборные пункты для отправки в немецкое рабство в Германию и оккупированные ею страны. На строительство оборонительных сооружений в Прибалтийских советских республиках мобилизовано свыше 300 тысяч человек, причем против уклоняющихся от занесения в списки так называемого «трудового фронта» и от отправки в Германию применяются самые жестокие репрессии вплоть до повешения.

Советские граждане на захваченных немцами территориях все чаще и все организованнее оказывают немецким рабовладельцам и их агентам мужественное сопротивление. Из прибалтийских, украинских, белорусских районов поступают многочисленные сообщения о массовом уходе не только взрослого мужского населения, но и скрывающихся от угона в Германию женщин и подростков — в партизанские отряды, в рядах которых они ограждают свою свободу. Рост партизанского движения в связи

с сопротивлением советских людей насильственному уводу их в немецкое рабство с тревогой признается в ряде секретных донесений германских военных и полицейских органов.

Угоняя советских людей в фашистское рабство, немцы устраивают на них облавы, организуют карательные экспедиции, оцепляют целые районы, города, ловят людей на дорогах, загоняют на сборные пункты. В распоряжении Советского правительства имеются многочисленные материалы, рисующие нечеловеческие условия насильственной отправки советских мирных граждан в Германию в заколоченных, охраняемых солдатами или полицией вагонах. День и ночь из оккупированных районов Украины, Белоруссии и России идут в Германию эшелоны невольников. Людей грузят, как скот, по 60–70 человек в один товарный вагон. Обессилевших и больных выбрасывают из вагонов, под откос, устилая трупами советских людей дороги на запад.

Вырвавшаяся из фашистского плена жительница освобожденного частями Красной Армии города Миллерово Раиса Давыденко рассказывает: «В холодных товарных вагонах было так тесно, что нельзя было даже повернуться. В каждом вагоне ехал надзиратель, который на всякую просьбу отвечал ударом палки. Всю дорогу нас морили голодом...»

Колхозница Варвара Бахтина из села Николаевка Курской области рассказывает: «В Курске нас впихнули в телятник по 50–60 человек в вагон. Выходить не разрешали. Немецкий часовой то и дело отпускал нам подзатыльники. В Льгове нас высадили, здесь мы проходили осмотр специальной комиссии. В присутствии солдат заставляли раздеваться догола, осматривали тело. Чем ближе к Германии, тем все больше пустел наш эшелон. Из Курска взяли 3 тысячи человек, но почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голоду людей. В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Через четыре дня нас распределили по местам. Я, моя сестра Валентина и еще 13 девушек попали на военный завод».

Вырвавшийся 8 октября 1942 г. из Германии Белошкурский Владимир Петрович, 1924 года рождения, житель села Средне-Теплое Верхне-Теплянского района Ворошиловградской области, сообщил: «В пути немецкие солдаты нас избивали. Я видел сам, когда наши подростки выбегали на станциях попить воды, то солдаты их избивали. Избиению подвергались также мобилизованные девушки, их загоняли в вагоны и запирали на замки. Гражданское население Германии оскорбляло нас, сыпало в гла-

за песок и бросало камни, а дети дразнили нас словами „русские свиньи“. Наш эшелон находился в пути 12 суток. 18 сентября 1942 г. мы прибыли в немецкий город Галле. Когда мы прибыли, нас выстроили, пришли немецкие барыни, начали выбирать себе девушек в рабыни».

Таким образом, следует считать установленным, что немецко-фашистские власти, пытаясь заполучить миллионы рабов, применяют по отношению к советскому гражданскому населению зверские насилия, а также создают при отправке захваченных советских граждан в немецкую неволю такие условия, при которых значительная их часть гибнет уже в пути от голода, побоев и скотских условий перевоза людей в Германию.

III. Нечеловеческие мучения и гибель советских граждан в немецко-фашистской неволе

Для сотен тысяч советских граждан, угнанных в Германию, гитлеровские рабовладельцы установили еще более ужасные условия каторжного труда, чем в худшие времена древнего рабовладения. Советские граждане загнаны в концентрационные лагери, огороженные колючей проволокой. Их гонят на работу и возвращают колоннами, под охраной вооруженных гитлеровцев. Советских людей лишали имени, их вызывают по номерам. Русские и украинцы получают специальные опознавательные знаки: первые — знак с белой окантовкой по краям и словом «Ост» посередине; вторые — носят такой же знак, с желтой окантовкой. Советские граждане не смеют отлучаться из лагеря. Для советских людей, ввергнутых в рабство, установлен голодный режим. Геринг предписал в своих упомянутых выше указаниях:

«Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище».

В самих фашистских немецких газетах встречаются такие описания положения советских граждан в Германии, как, например, следующее — опубликованное во «Франкфуртер цейтунг» 17 апреля 1942 г.:

«Рабочие оккупированных советских областей стоят в лагере, огражденном колючей проволокой. Этих людей, привезенных из Харьковского района в Германию, нужно, разумеется, держать в строгости, смотреть за ними, ибо нет никакой гарантии, что между ними нет большевиков, способных к актам саботажа. Их ближайший начальник... поддерживает авторитет при помощи кнута».

Страшные документы нечеловеческих страданий наших людей на немецкой каторге отражены в письмах к родным.

«Мамочка, — пишет Нона Г. 8 октября 1942 г. из немецкого лагеря, — погода здесь плохая, идут все время дожди. Я хожу босая, потому что у меня обуви нет. Хожу, как нищая. Хлеб получаем два раза в день по 100 граммов. Работаем 12 часов в день. Мамочка, тоска ужасная. Кроме завода и бараков ничего не знаем. Как приду с работы, упаду на кровать, наплачусь вдоволь, вспомню дом и вас и с тем засну. За короткое время нашей жизни здесь мы все выбились из сил, недосыпаем, недоедаем. В маленькой комнате нас 16 человек, все украинки и я. Если придется увидеться, то расскажу все. Но увидеться навряд ли придется, потому что зимовать остаемся в летних бараках из досок. При таком питании, да без сна, да голой и босой не выжить мне. Если можете, не откажите в моей просьбе, вышлите чесноку и луку, потому что пища однообразная. У меня уже болят десны — цынга начинается».

В другом письме, 10 ноября 1942 г., та же советская девушка пишет: «Наша жизнь, мамочка, хуже, чем у собак. Суп дают такой же зеленый, который по-прежнему никто не ест. У меня от думок иссох мозг и глаза от слез не видят. Сегодня все 12 часов работали голодные. Но плачь не плачь, а работать нужно... Какая может быть работа у человека, голодного изо дня в день. Придет начальник или сбоку сидящая немка подгонит: „Нона, арбайтен шнеллер, шнеллер!“ („Нона, быстрее, быстрее работать!“) Дорогая мамочка, как мне тяжело без вас. Я не в силах сдержать рыдания. Я от обиды плачу. О, есть еще хуже, еще тяжелее, но я не в силах описать... Мы уже привыкли к тому, что в два часа ночи открывается дверь, полицай зажигает огонь и кричит: „Ауфштэен!“ („Встать!“) Сразу все встаем и выходим во двор. Стоим час. Начинают нас считать. Ждем вторую смену, когда войдет во двор. Замерзаем, пока стоим во дворе. Мыслимо ли — почти босые все. А иной раз проливной дождь идет или мороз. Я просто не в силах всех переживаний и мучений описать... Мамочка, я устала. В город нас не отпускают, живем в лесу. Прослышали, что нас переводят на другой завод. Сейчас работаем вместе с украинцами, французами и сербами. Мамочка, если можно, то вышлите посылку — луку и чесноку — у меня цинга. Не откажите в моей просьбе».

Увезенная в Германию девушка Маша Н. из Ворошиловградской области пишет своей матери:

«Здравствуй, моя дорогая и любимая мамочка. Пишу тебе письмо четвертое, но ответа нет никакого. Мама, живу я у хозяина. Семья маленькая: их двое и один ребенок, но работы мне, мама, хватает. Всего 8 комнат и один коридор. Встаю в 5 часов

утра, ложусь я в 10 часов ночи. Мама, каждый день стираю я утром и вечером. Хозяин всегда кричит, так я его боюсь, что я ужасаюсь и кричу во сне. За все время один раз пустили меня в воскресенье в лагерь к нашим. Я вернулась и опоздала на полчаса. Мама, как меня хозяин бил по лицу, рвал за волосы, так я всю жизнь не забуду. Мама, заплатили мне за месяц 7 марок и 50 пфен. Свое я последнее дотираю, нет ничего у меня ихнего. Мама, нам говорили, чтобы мы послали домой письма, чтобы из дому выслали пальто, валенки. Прошу тебя, золотая мамочка, будут нажимать, ничего сюда не шли, все равно не получу. Что мне делать? Домой не отпускают, а больше терпеть нет сил. Каждый день плачу и, наверное, один выход, покончить свою жизнь. Мама, родная, если хочешь видеть меня живой, выручи меня отсюда из неволи. Дальше я не могу жить и все это терпеть. Мама, родная, постарайся это сделать. Я тебя отблагодарю, если только буду жива. Ну, мамочка, больше не могу писать, слезы душат. Целую всех родных. Твоя пока дочь — Маша».

Советская девушка Надя Л. пишет из города Хемница на родину: «Дорогая мама! Мы живем в бараке — 60 душ, спим на соломе. В этом бараке очень холодно. На работу мы ходим на трикотажную фабрику. Работаем с 6 часов утра до 9 часов вечера, есть нам дают утром тарелку окропу (кипятку) и 50 г хлеба, на обед суп без хлеба, на ужин суп без хлеба. А еще на работе дают хлеб — утром 25 г и в обед 25 г. Пища, дорогая мама, плоховата, но это ничего, если бы только домой. Письмо мы ваше получили, мама, и плакали. Очень я тоскую, что живу в неволе. Не вижу света, не вижу ничего, кроме своего барака страшного. Нас водят на работу и с работы, как невольников».

Маня К. пишет родителям: «Мы живем в Германии в городе Бланкенбурге. Работаем у хозяина 33 человека. Здесь и украинцы, поляки, французы и русские. Кормят нас плохо. Хлеба дают очень мало. Работы по горло. За нами смотрит надзиратель. За каждым нашим шагом следят. Никуда не пускают. Только с работы да на работу. Работаем по 12 часов, а на работу ходить не в чем. Денег нам не дают. Дорогой папочка, как надоело быть невольниками и работать не знаю на кого и за что. Да и труд наш не ценят. Нас все преследуют и смеются. Были бы крылышки, прилетела бы на родную сторонку».

Девушка Ф. Н. пишет родителям в Курск во время его оккупации немцами: «Мы в Германии заключенные. Нам живется очень плохо. Работаем в поле. Питаемся два раза — утром 200 граммов хлеба и в обед одну миску супа. Работы очень много. Я очень, очень жалею, что уехала в Германию. У нашего хозяина 28 чело-

век — русские, польки, француженки. Кроме того, 15 польских девушек у другого хозяина, только они спят и питаются у нашего хозяина. Мы с Катей живем вместе, спим на одной кровати. Мамочка, мы работаем в Германии за спасибо. Все свое сносила, покупать негде и денег нет. Проработали 4 месяца и ни одной копейки не получили. Живем в тюрьме. Одним словом, догадайтесь, как живем».

Из лагеря в городе Штутгарте 3 января 1943 г. Леонид Д. пишет на родину в город Щигры Курской области: «Здравствуйте, дорогие родные, папа, мама, Рая, Ваня и братик Юрик. Первым долгом я хочу вам описать свою жизнь с начала до конца. Дорогие родные, когда мы приехали в Германию, нас сортировали в распределительном лагере, и я с тех пор разбился с сестрой Зоей и до сих пор не видел ее. Милая мама, ходили грязные, не купались по два месяца, кормили вшей. Завод от лагеря 5 км, а от питания я еле двигаю ноги, так что эта жизнь в Германии останется на всю мою жизнь в памяти. Если выживу и вернусь домой, то все расскажу, так что у вас, мои родные, встанут волосы дыбом. Я уже решил покончить свою жизнь, но воздержался, думаю, придет наше лучшее время. Дорогая мамочка, если бы были у меня крылья, как бы улетел отсюда».

17-летняя Нина С. пишет с чужбины на родину 18 августа 1942 г.: «Дорогие родители, папа и мама, я нахожусь в городе Зонненберге, живу в бараке, работаю на фабрике. Как трудно! Я вовсе похудела. Мамочка, мы живем за решеткой, как тюремные. Я туфли уже разбила и хожу разутая на работу... Как трудно жить! Ой, как я переживу все то...»

Потерявший здоровье на немецкой каторге и вернувшийся на родину Филипп Боцман рассказывает: «...Деревня Мироновка должна была поставить для отправки в Германию 20 юношей и девушек. Хватали молодежь на улицах, брали ночью в постелях. Дважды мне удавалось скрыться, вырваться, на третий раз меня поймали, заперли в вагоне. Вместе с другими я попал в Берлин. В холодную казарму, обнесенную высоким забором, загнали несколько сот человек. Спали на каменном полу. Я попал на трикотажную фабрику, где изготовляли военное обмундирование. Работали здесь французы, военнопленные поляки, испанцы. Подозрительней всего и придирчивей всего относились немецкие мастера и надзиратели к русским. Чуть что — рукоприкладство, ругань. Работали не разгибая спины, молча. Обед тут же, в цеху — миска холодного супа из картофельной шелухи. Хлеба к этому обеду уже не оставалось. Все 300 граммов суррогатного хлеба поедались еще утром. Вечером пригоняли обратно в ка-

зармы. И так каждый день. Усталость, голод, тоска. Одна девушка из Орловской области, избитая надзирателем, повесилась. Некоторые пытались бежать, но это было трудно — выдаст первый же немец, который признает в тебе русского. Для поимки беглецов немцы пользуются собаками. Голод, тяжелый труд подорвали мое здоровье».

О нечеловеческих условиях, в которые поставлены преступным гитлеровским правительством советские люди, угнанные в Германию и обреченные им на смерть, свидетельствуют не только многочисленные официальные немецкие приказы и инструкции, письма советских граждан из Германии, но и письма немцев к солдатам и офицерам германской армии, находящимся на советско-германском фронте.

У убитого немецкого солдата Вильгельма Бока 221-й немецкой пехотной дивизии найдено письмо от матери из Хемница. В нем говорится:

«Много русских женщин и девушек работают на фабриках „Астра Верке“. Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что буквально валятся с ног. Им часто попадает от охраны плетьми. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права. Моя соседка на днях приобрела себе работницу. Она внесла в кассу деньги, и ей предоставили возможность выбирать по вкусу любую из только что пригнанных сюда женщин из России».

Солдату Элину Шиллинг пишет Лотта Меллер из Пуфенгаузена 10 августа 1942 г.: «Недавно здесь, в Пуфенгаузене, появились русские. Интересная нам предстоит жизнь: в одном кармане словарь, а в другом — револьвер».

Тысячи советских граждан не выдерживают диких условий рабства. В лагерях царит огромная смертность.

Солдату Отто Теск 6-й роты 4-го полка 32-й немецкой пехотной дивизии пишет Фрида Путц из Гюльтце у Альтентрептова, округ Деммин, 30 апреля 1942 г.: «...Здесь в среду опять похоронили двух русских. Их теперь здесь на кладбище погребено уже пятеро, и двое уже опять при смерти. Да и что им жить, следовало бы их всех перебить...»

Преступное правительство Германии организовало куплю-продажу превращенных в рабов советских граждан. За небольшую плату, не превышающую 10–15 марок за человека, каждый немец может приобрести себе рабов. В Германии учреждены невольничьи рынки. Здесь, как во времена рабовладельческого строя, покупатели рабов пробуют мускулы на руках и ногах у про-

даваемых в рабство советских граждан, обменивают изнуренных беспощадной эксплуатацией рабов на более крепких.

Унтер-офицеру Иосифу Виккерт, п/п № 261873, его жена Мария Виккерт из Франквейлера пишет: «...Я тебе еще не сообщала о получении посланных тобой 100 марок. Я тут же отдала их твоей матери, чтобы она могла купить пленных. Теперь это не так дорого».

Старшему ефрейтору Францу Кнаппе, п/п № 08999, пишет жена Рут Кнаппе, из Грумма в Ангальте: «...Украинца у меня больше нет... он ничего не хотел слушать и был страшный лентяй. Теперь он у Герберта. Мы хотели посмотреть, не подойдет ли он в более крупном хозяйстве, но и там он то же самое. Я сообщила об этом по телефону в Бюро труда. Но когда прибудет новый транспорт, они мне сказать не могли. Герберт пока его держит, а потом обменяет его».

В руках рабовладельцев советские граждане подвергаются нечеловеческим жестокостям и эксплуатации. Советские граждане на ночь запираются в холодные кладовые и сараи. Их кормят впроголодь и истязают непосильной работой. Над советскими людьми издеваются, всячески подавляя в них человеческое достоинство. 16-летняя девушка Валя Демушкина возвратилась на родину из Нюрнберга. Она рассказала: «Я работала у немки. Муж ее, обер-лейтенант Карл Штокк, убит на Восточном фронте, под Сталинградом. 1 января 1943 г. у фрау Штокк на новогодний обед должны были прийти гости. Поглощенная работой и своими невеселыми думами, я не заметила, как закипело и начало литься на электрическую плитку молоко, поставленное кухаркой. По кухне распространился запах угара. Разъяренная барыня ворвалась в кухню, вырвала из моих рук кастрюлю с остатком молока и плеснула мне в лицо. Я потеряла сознание. Очнулась в больнице и ощутила невыносимую боль и мрак. Я ослепла. Три недели пролежала в больнице и потом долго пробиралась обратно на родину».

Надя С., 16 лет, ученица 9-го класса одной средней школы Ворошиловградской области, пишет: «Немцы насильно отправили почти всю нашу молодежь на каторжные работы в Германию. На вокзале во время отъезда стоял стон и плач. Плакали отъезжающие и провожающие. Меня и еще 16 девушек направили в город Швац. Здесь происходила самая настоящая торговля русскими людьми. Немцы и немки поворачивали нас во все стороны, мерили и ощупывали. Меня купил булочник Карл В. Он заставлял меня работать с 6 часов утра до поздней ночи. Хотя я и жила у булочника, но хлеб кушала редко. Каждый день я мыла

пол, стирала утром и вечером, нянчила детей, одевала их. Фрау была не очень злая — толкнет, ущипнет или по голове ударит, но не очень больно. Только было обидно, как вспомнишь, что училась в восьмом классе, изучала французский язык, историю, а тут сама стала рабыней, как в период римского владычества. От непосильного труда, голода и побоев я заболела. Оправившись немного, я бежала на родину. В Брест-Литовске меня задержали и посадили в концлагерь. В этом лагере, в полуразрушенных сараях, томились тысячи советских граждан. Ежедневно из лагеря выносили 10–15 трупов...»

Немецкие рабовладельцы часто откровенно хвастают своими зверствами над советскими людьми. Подрядчик Лоренс Шпеер пишет своему зятю солдату Иозефу Шпееру: «У нас теперь работает украинская девка 19 лет. Будь спокоен — она будет работать. В воскресенье в деревню прибудет еще 20 русских. Я возьму себе несколько штук...»

Ефрейтор 7-й немецкой пехотной дивизии Вильгельм Гаусман получил письмо от матери из Швейхаузена: «У нас на молочной ферме тоже есть шесть русских. Их на ночь там запирают. Среди них юноши 14–15 лет. Не беспокойся, они смогут работать».

Лейтенанту 8-й роты 187-го полка 81-й пехотной дивизии Гергардту Шплетт пишет фрау Сузи Краммер из Теплиц-Шенау (Судетская обл.) 12 июля 1942 г.: «Нам должны прислать десять русских в пивоварню. Уж я заставлю поворачиваться эту банду. Охотнее всего я бы перебила всех русских».

Тысячи советских граждан, насильно угнанных в немецкое рабство, гибнут от голода, холода, непосильного труда и истязаний. Немало советских граждан, доведенных до отчаяния нечеловеческим обращением рабовладельцев, покончило жизнь самоубийством. В немецких письмах имеется много доказательств того, что нередко советские люди предпочитают смерть рабству у немцев. Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ефрейтора 405-го полка 121-й пехотной дивизии Рудольфа Ламмермайера. Это письмо написано его матерью из местечка Люгде: «Вчера днем к нам прибежала Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в свинарнике повесилась русская девка. Наши работницы польки говорили, что фрау Ростерт все била, ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокаивали фрау Ростерт, можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу».

IV. Ответственность германских властей и германских граждан, виновных в бесчеловечной эксплуатации насильно уведенных советских граждан

На основании вышеизложенных и других имеющихся в его распоряжении документальных материалов Советское правительство считает неопровержимо установленным, что гитлеровское правительство Германии, попирая самые элементарные права народов и права человека, совершало и продолжает совершать следующие неслыханные преступления:

путем обмана, угроз и насилия угоняются в рабство в Германию многие сотни тысяч мирных советских граждан, включая детей, подростков и женщин;

для угоняемых мирных граждан устанавливается режим бесправных невольников и непосильного труда;

советские граждане продаются в рабство предприятиям и частным лицам в Германии, подвергаются всяческим унижениям и истязаниям, обрекаются на голод и медленную мучительную смерть.

Советское правительство возлагает, прежде всего, на правящую гитлеровскую клику и на командование немецко-фашистской армии всю полноту ответственности за эти подлые преступления, совершаемые в грубое нарушение общепринятых правил ведения войны.

Советское правительство считает также целиком ответственными за перечисленные преступления всех тех гитлеровских чиновников, которые ведают набором, уводом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчеловечной эксплуатацией советских мирных граждан, насильно увезенных из родной страны в Германию. Исходя из этого, Советское правительство считает, что столь же суровую ответственность, как и главари гитлеровской Германии, должны понести такие уже изобличенные преступники, как «главный уполномоченный по использованию рабочей силы» гаулейтер Фриц Заукель и гитлеровские наместники на захваченных советских землях: «рейхскомиссар Украины» Эрих Кох, «рейхскомиссар Остланда» (территории Литовской, Латвийской, Эстонской и Белорусской Советских Республик) Гейнрих Лозе и его помощник — «генеральный комиссар Белоруссии» Вильгельм Кубе, а также главный вдохновитель немецко-фашистских рабовладельцев Альфред Розенберг, занимающий пост «имперского министра по делам оккупированных восточных областей».

Советское правительство в то же время возлагает полную ответственность и на частных лиц в Германии, которые бесчеловеч-

но эксплуатируют на своих предприятиях или в своем домашнем хозяйстве подневольный труд мирных советских граждан. Эти частные лица должны понести свою ответственность за причиненные ими советским людям бесчисленные лишения и страдания.

Созданная в Советском Союзе Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских властей ведет полный и точный учет всех фактов, относящихся к увозу в немецкое рабство советских людей. Чрезвычайная Государственная Комиссия производит поименный учет тех гитлеровских чиновников и частных лиц в Германии, которые виновны в бесчеловечной эксплуатации и гибели советских граждан в немецко-фашистской неволе.

Советскому правительству и народам СССР хорошо известно, что, наряду с советскими гражданами, миллионы мирных людей из оккупированных гитлеровцами стран Европы силой и обманом загнаны в немецко-фашистское рабство. Под шумиху о пресловутой «тотальной» мобилизации гитлеровцы стараются превратить в своих рабов новые сотни тысяч мирных граждан Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Бельгии, Греции, Норвегии, Голландии, народы которых вместе с народами Советского Союза видят свою общую задачу в скорейшем разгроме гитлеровской Германии и в уничтожении гитлеровского государства, как своего смертельного врага.

Советское правительство выражает уверенность, что все заинтересованные правительства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллионов мирных граждан, насильственно уводимых в немецко-фашистское рабство.

Глава 26
Новый нацистский порядок: смерть в тысяче обличий

Идеи мирового господства и превосходства «высшей расы» над остальными народами имели далеко идущие последствия. Общепринятые принципы права, равноправия отношений были отброшены, нормы морали — попраны.

«Новый нацистский порядок» означал бесконечные зверства и жестокость, безжалостное ограбление и геноцид «неполноценных» народов, насильственную «германизацию» захваченных земель, разрушения, насилие, смерть.

«Высшая раса» заявила о своем праве на «жизненное пространство», которое предстояло отнять у соседей, и с началом агрессивных войн нацисты начали перекраивать карту Европы. Они присоединили к Третьему рейху Эльзас, Лотарингию, Южный Тироль, Люксембург, другие земли. Коренные жители этих районов подлежали депортации с конфискацией имущества, а на их место приезжали переселенцы из рейха.

Должны были уйти в небытие целые народы с их культурой, языком, традициями. Например, полностью онемеченной Норвегии отводилась роль крупнейшего производителя электроэнергии.

Но это был, по нацистским меркам, еще сравнительно мягкий вариант. Итальянцы, французы, греки, не отнесенные гитлеровцами к «нордической расе», подвергались «биологическому ослаблению», которое осуществлялось голодом, депортациями, террором.

К востоку от рейха полагалось действовать еще жестче. По плану «Ост» с территории Польши и оккупированных областей СССР нужно было выселить за Урал до 85 процентов населения. Гиммлер говорил в 1941 г., что задачей похода на восток является уничтожение 30 миллионов человек. Еще в 1939 г. Гитлер, рассуждая о будущей победе над СССР, заявлял, что истребление евреев — это только эксперимент по сравнению с масштабами грядущего уничтожения славян.

«Что касается смехотворной сотни миллионов славян, то лучших из них мы переделаем на свой лад, а остальных изолируем в их свинарниках. Те из немцев, кто станет говорить о необходимости заботы о местном населении и распространении на него цивилизации, отправятся прямо в концлагерь!» — вещал фюрер.

С одной стороны — вознесутся «дворцы и прекрасные здания», поднимутся сады для немецких господ, с другой — мрачный мир славянских «недочеловеков».

Вот назидания Гитлера для своих приближенных: «У нас нет никаких обязательств по отношению к русским. Слово «свобода» для них означает право мыться по праздникам. Наша задача одна: германизировать эту страну путем ввоза туда немцев, на коренное же население надо смотреть, как на краснокожих...

Никаких прививок для русских и никакого мыла, чтобы смывать с них грязь! Зато пусть у них будет сколько угодно водки и табака...

Мы должны стремиться к тому, чтобы выжимать из занятых нами областей все, что только можно... В наших интересах, чтобы в каждой деревне была своя секта. Даже если таким образом в тех или иных местах возникнет культ колдовства, как у негров или индейцев, мы будем это только приветствовать: это усилит разъединение в русском пространстве...»

Наиболее изощренно нацисты надругались над Польшей, захваченной раньше других стран, в 1939 г. Истребляя поляков, они стара-

лись нанести самые болезненные потери. Чтобы подорвать самобытность народа, летом 1940 г. уничтожили 3500 деятелей науки, культуры, искусства.

Поляков морили голодом. Обед шахтера, работавшего под землей 14 часов в сутки, состоял из ломтя хлеба и кусочков сырой картошки. Польских детей вывозили в Германию для насильственной «германизации». «Лишнее население» истреблялось с цинизмом, вероломством, жестокостью. Например, зондеркоманда, действовавшая в деревне Хелмно, обманом уничтожила 340 тысяч человек, заманивая людей в «газенваген» под предлогом доставки в душ.

«Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки само понятие „Польша", — заявлял ее главный палач, генерал-губернатор Франк. Нацистский разбой и грабеж остановила Советская армия, освободив страну. Итоги «нового порядка» в Польше потрясли мир: шесть миллионов смертей!

Населению СССР по плану «Ост» отводилась не менее горькая участь: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается скорее всего в том, чтобы уничтожить русских как народ».

Перед нападением на СССР по приказу Гиммлера были созданы специальные части — эйнзатцгруппы из служащих полиции безопасности и СД. Только эти преступные формирования уничтожили за время оккупации два миллиона мирных жителей. Кейтель в своем приказе от 23 июля 1941 г. прямо предписывал применение «драконовских мер». В Белоруссии, например, в ходе карательных акций было уничтожено более пяти тысяч деревень вместе с жителями или с частью жителей. Всего разрушено и сожжено 9200 населенных пунктов.

Чудовищный террор распространялся на все оккупированные территории Советского Союза. Его черным итогом стала гибель 10 миллионов мирных жителей и военнопленных.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Л. Н. СМИРНОВЫМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПОЛЬШИ, ЮГОСЛАВИИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ И ГРЕЦИИ»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 25, 26 и 27 февраля 1946 г.]

Преступления немецких захватчиков вытекали из человеконенавистнической сущности фашизма, его стремления к мировому господству путем разбойничьего захвата целых государств

на Западе и на Востоке, порабощения и массового истребления людей. Эти преступления были претворением в жизнь каннибальских теорий германского фашизма.

Элементы, образующие понятие «Преступления против человечества», содержатся почти во всех преступных действиях гитлеровцев. О значительной части фактов, подтверждающих совершение немецкими фашистами этих тягчайших преступлений, было уже доложено Суду при представлении доказательств по разделу о военных преступлениях и преступлениях против мирного населения...

С появлением немецких воинских частей и водружением свастики на зданиях официальных учреждений жители временно оккупированных районов стран Восточной Европы как бы становились по ту сторону жизни. Безжалостная машина фашизма хотела заставить их отрешиться от всего того, что в результате тысячелетий развития стало неотъемлемой частью понятия человечества.

Смерть постоянно витала над ними, но по пути к смерти их заставляли пройти через многие унизительные для человеческого достоинства мучительные стадии, которые в совокупности и образуют то, что Обвинительное заключение называет преступлениями против человечества.

Их хотели заставить забыть свое имя, надевая на шею бирку с номером или нашивая на рукав одежды условный знак. Их лишали права говорить и читать на родном языке. У них отнимали дом и семью, их пытались лишить родины, насильственно перемещая за многие сотни и тысячи километров. Их лишали права иметь детей. Их повседневно третировали и унижали. Над их чувствами и верованиями глумились и издевались. И, наконец, у них отнимали последнее — жизнь.

Многочисленные акты расследований отмечали не только состояние крайнего физического истощения жертв немецко-фашистских зверств. Они отмечали также состояние тяжкой душевной депрессии у тех людей, которые в силу тех или иных случайностей вырывались из фашистского ада.

Длительное время требовалось для того, чтобы люди, сделавшиеся жертвами германского фашизма, вновь вернулись к привычному кругу понятий и действий, к гуманным правилам человеческого общежития. Этот момент трудно выразить юридическими формулами, но он, с моей точки зрения, имеет весьма существенное значение для обвинения главных военных преступников.

Я прошу Суд обратиться к докладу Польского правительства, уже представленному Трибуналу под номером СССР-93.

На странице 70 русского текста доклада приведена цитата из показаний Якова Верника — плотника из Варшавы, пробывшего год в лагере уничтожения Треблинка-2. Официальные немецкие документы называют Треблинку-2 Треблинкой-В. Это — одно и то же. Это было одно из самых страшных мест массового уничтожения людей, созданных германским фашизмом. В моем докладе я представляю уважаемому Суду доказательства, связанные с существованием этого лагеря.

Вот что говорил Верник, давая Польскому правительству свои показания о Треблинке, которые, как он подчеркнул во введении к ним, были единственной целью, ради которой «он продолжает свою жалкую жизнь»:

«Просыпаясь или во сне я вижу ужасные призраки тысяч людей, призывающих к помощи, умоляющих оставить им жизнь и помиловать.

...Я лишился семьи, я сам вел их на смерть, я сам строил смертные камеры, в которых их убили.

...Меня пугает все. Я опасаюсь, что виденное мною написано на моем лице. Старая, сломанная жизнь — большая, тяжелая, но я должен нести это бремя и жить, чтобы рассказать миру, какие немецкие преступления и варварства я видел».

Люди, попадающие в Треблинку, становились по ту сторону жизни. Но эта участь постигала не только их. Анализ доказательств, связанных с преступлениями немецких фашистов, неопровержимо свидетельствует о том, что эту же судьбу разделяли не только посланные в специальные лагеря уничтожения, но и все те, которые во временно оккупированных немцами странах Восточной Европы становились жертвами преступников...

Смерть могла прийти совершенно неожиданно вместе с появлением в данной местности очередной зондеркоманды. Смертной казнью грозили за любые действия в специальных актах, получивших у немецко-фашистских захватчиков издевательское название «законов».

Мною и другими представителями советского обвинения уже приведены многочисленные примеры этих террористических законов, распоряжений, приказов немецко-фашистских властей. Я не хочу повторяться. Но все же я прошу у Суда разрешение огласить один из таких документов, ибо он касается всех временно захваченных немцами восточных областей.

Единственным основанием для издания подсудимым Альфредом Розенбергом этого документа явилось то, что временно захваченные области населяли не немцы. Этот документ характерен для доказательства преследования людей по расовым, на-

циональным и политическим мотивам. Я прошу Суд приобщить к материалам дела представляемый мною под номером СССР-395 фотостат приказа, изданного Альфредом Розенбергом 17 февраля 1942 г. в дополнение к уголовным предписаниям, действовавшим в занятых восточных областях:

«§ 1. Смертной казнью, а в менее тяжких случаях — каторгой наказывается тот, кто применит насилие против германской империи или против установленной в занятых восточных областях верховной власти; кто применит насилие против германского подданного или лица немецкой национальности за его принадлежность к немецкой национальности; кто применит насилие против служащего германской армии или вневойсковой организации, германской полиции, включая ее вспомогательные силы, учреждений трудовой повинности германских властей или учреждений и организаций НСДАП; кто призывает или побуждает к неподчинению изданному немецкими властями приказу или распоряжению; кто преднамеренно наносит вред мероприятиям германских властей и учреждений или вещам, используемым в работе последних, и общественному благу; кто содействует антинемецким стремлениям или организационно поддерживает объединения, запрещенные германскими властями; кто участием во враждебной или подстрекательской деятельности обнаруживает антинемецкие взгляды или своим прочим поведением умаляет или наносит ущерб авторитету или благу германского государства или немецкого народа; кто преднамеренно совершает поджог и тем самым наносит ущерб общегерманским интересам или состоянию германского подданного или лица немецкой национальности...»

Этот приказ Розенберга был лишь одним из звеньев в цепи преступлений руководителей немецкого фашизма, преступлений, направленных на уничтожение славянского народа.

Я перехожу к первому разделу моего доклада, озаглавленному «Уничтожение славянских народов». В этом разделе я покажу, как претворялась в жизнь эта преступная установка гитлеровцев об уничтожении славянских народов. Привожу данные из доклада правительства Югославии:

«Наряду с тысячами югославов, павших в боях, оккупанты уничтожили еще, по меньшей мере, 1,5–2 миллиона человек, главным образом детей, женщин и стариков. Из 15 миллионов югославского населения до войны за сравнительно короткий период в 4 года уничтожено почти 14% населения».

В докладе правительства Чехословакии приведены доказательства составленного гитлеровскими преступниками плана

насильственного переселения всех чехов и заселения Чехословакии немецкими колонистами. В докладе приведено извлечение из показаний Карла Германа Франка, признавшего наличие этого плана и заявившего, что он, Франк, якобы составил меморандум, в котором возражал против подобного плана. Я цитирую извлечения из показаний Карла Германа Франка:

«Я считал этот план бессмысленным, так как, по моему мнению, пустое пространство, созданное благодаря ему, будет серьезно нарушать жизненные функции Чехии и Моравии по различным причинам: геополитическим, транспортным, промышленным и другим, а немедленное заполнение этого пустого пространства нашими немецкими колонистами невозможно».

В Польше режим уничтожения славянского населения осуществлялся различными преступными способами, в числе которых видное место занимали доведение людей до предельного изнурения непосильным трудом и последующее умерщвление их голодом.

Преступники совершенно сознательно шли на умерщвление миллионов людей голодом, о чем свидетельствуют, в частности, выдержки из дневника Ганса Франка.

Вот отрывок из записи о совещании у «губернатора» 7 декабря 1942 г. в Кракове:

«Если будет осуществлен новый продовольственный план, то это означает, что только в Варшаве и ее окрестностях не будут больше получать продовольствия 500 тысяч человек...»

Вот извлечение из записи о правительственном заседании от 24 августа 1942 г.:

«*Доктор Франк*: При всех тех затруднениях, которые возникают в связи с заболеванием их рабочих или развалом их организаций, вы всегда должны помнить о том, что лучше видеть поверженным поляка, а не немца. То, что мы приговариваем к голодной смерти 1–2 миллиона евреев, само собой понятно. Если евреи не умрут с голоду, то это, вероятно, вызовет ускорение и активизацию мероприятий, направленных против них...»

Привожу третью короткую выдержку из записи от 14 декабря 1942 г. о рабочем совещании политических руководителей трудового фронта генерал-губернаторства:

«Это ставит перед нами следующую проблему: сможем ли мы, уже начиная со 2 февраля, лишить проживающих в этой области 2 миллиона человек негерманской национальности общего снабжения продовольствием».

Во вступительной речи Главный обвинитель от СССР, говоря о преступлениях против человечности, сослался на заметки Мартина Бормана.

Заметки Мартина Бормана были уже предъявлены Суду под номером СССР-172.

В частности, Главный обвинитель от СССР процитировал следующее место:

«Резюмируя, фюрер установил еще раз:

1. Последний немецкий рабочий и последний немецкий крестьянин должен всегда стоять в экономическом отношении выше любого поляка».

Как осуществлялись эти установки Гитлера, которые полностью разделял подсудимый Франк, на территории Польши?

В числе других фашистских институтов, производивших всякого рода лженаучные эксперименты, немецкие преступники создали специальный институт, занимавшийся исследованием хозяйственной жизни. Этот институт издал документ, озаглавленный «Значение польского вопроса для военной промышленности Верхней Силезии».

Подобным «исследованием» фашистский «научный» институт решил заняться для уяснения причин падения производительности труда польских рабочих.

О целях этого «исследования» лучше всего будут свидетельствовать приводимые ниже два очень коротких извлечения из документа под номером СССР-282:

«Исследованию чужда какая бы то ни было гуманная тенденция...

...Мы поднимаем наш голос не для защиты поляков, а для того, чтобы воспрепятствовать падению военной продукции, которая должна снабжать вермахт».

Приведя две краткие цитаты, характеризующие цель и характер этого «исследования», я цитирую далее отдельные извлечения, показывающие положение поляков-рабочих и практическое осуществление подсудимым Франком приведенных выше указаний Гитлера:

«Сообщения, касающиеся положения польского населения, и мнения о том, какие меры в связи с этим надо считать наиболее целесообразными, расходятся во многом. Однако все мнения согласны в одном пункте, который сводится к краткой формуле: „Поляки голодают“. Уже немногие, иногда беглые наблюдения подтверждают эти выводы. Один из информаторов посетил военно-промышленный завод во время обеденного перерыва. Рабочие апатично стоят или сидят, греясь на солнышке, некоторые курят папиросы. Наблюдатель пересчитал 80 человек. Только один из них имеет кусок хлеба на завтрак; у остальных нет с собой никакой еды, хотя рабочий день продолжается 10–12 часов.

Наблюдения, сделанные на заводах, доказывают, что нормы продовольствия, получаемые польскими рабочими, так ничтожны, что им недостает еды, чтобы захватить с собой завтрак на работу. У рабочих нет с собой даже куска хлеба, чтобы позавтракать во время полуденного перерыва на заводе. Если некоторые приносят с собой завтрак, то он состоит из тощего кофе и одного или двух кусков сухого хлеба или сырого картофеля, а в более трудные времена у них не хватает даже этой скудной пищи, и они довольствуются сырой морковью, которую во время работы подогревают на печке...

В связи с этим надо сказать, что при посещении рудников оказалось, что почти у 10% польских рабочих, отправляющихся на смены в копи, не было с собой никакой пищи, а около 50% из них отправлялись на работу под землей, захватив с собой только сухой хлеб или разрезанный на куски сырой картофель, который они подогревают потом на плите».

Институт занялся «научным» подсчетом числа калорий, получаемых поляками в Верхней Силезии, и сопоставлением их с числом калорий, получаемых немецким населением.

Я не буду приводить обширных извлечений из цитируемого документа и ограничусь лишь короткими итоговыми данными:

«Сравнение числа калорий, получаемых поляками в Верхней Силезии, с числом калорий, отводимых немецкому населению, доказывает, что поляки получают на 24% меньше немецких потребителей.

Эта разница возрастает до 26% по продовольственным карточкам, выдаваемым неработающим полякам. Для молодежи в возрасте от 14 до 20 лет эта разница между долями, отводимыми немцам и полякам, достигает почти 33%.

Все ярче выступает недоедание польских детей в возрасте от 10 до 14 лет в сравнении с тем, что получают немецкие дети. Здесь разница составляет не менее 65%. Об этом свидетельствует уже внешний вид этой молодежи, получающей недостаточное питание. Польские дети моложе 10 лет получают питание на 60% меньше немецких детей. Если врачи сообщают, что продовольственные условия младенцев не так уж благоприятны, то это только мнимое противоречие. Пока мать кормит младенца грудью, он получает все нужное из этого источника. Последствия недостаточного питания отражаются в этом периоде не на ребенке, а исключительно на матери, у которой здоровье и работоспособность падают, как это имело бы место при недостаточном питании...

Из всех категорий потребителей польское юношество по сравнению с немецким находится в самом худшем положе-

нии. Разница в получаемых продуктах достигает 60% и даже больше».

Представляют также интерес приведенные в «исследовании» отрывки из доклада представителя немецкого трудового фронта от 10 октября 1941 г. после посещения им одной из угольных шахт в Польше.

«Было установлено, что ежедневно в различных селениях польские шахтеры падают от изнеможения... Ввиду того, что рабочие постоянно жалуются на желудочные боли, были запрошены врачи, которые ответили, что причиной этих заболеваний является недостаточное питание».

Я завершаю это сделанное самими немецкими преступниками, и притом «учеными» преступниками, описание физического состояния польских рабочих короткой цитатой из этого же «исследования»:

«Управления заводов постоянно подчеркивают, что нетрудоспособных, недоедающих людей невозможно больше понуждать к работе только угрозой ссылки в концентрационный лагерь. Все равно должен наступить день, когда ослабевшее тело станет больше неспособным к труду».

В этом же документе содержится не оставляющая возможности для двоякого истолкования характеристика правового положения польских рабочих в период немецкой оккупации Польши. Эта характеристика тем более ценна, что, как уже говорилось выше, авторы «исследования» подчеркивали, что ему «чужда какая бы то ни была гуманная тенденция...»

«Закон не дает лицам, принадлежащим к польской национальности, права требовать чего-нибудь в какой бы то ни было области. Все, что предоставлено полякам, — это добровольный дар немецких господ. Самое яркое выражение находит это юридическое положение в обездоленности поляков перед законом.

В юридическом отношении поляки не имеют собственных представителей перед судом. Уголовное судопроизводство ведется в отношении их по принципу произвола. Проведение в жизнь законных распоряжений является делом полиции, которая решает дела по собственному усмотрению, а в некоторых случаях может передавать их на рассмотрение суда».

Согласно указу от 26 августа 1942 г. польские рабочие обязаны были наравне с немцами платить взносы на страхование от болезни, несчастных случаев, инвалидности. Эти отчисления из зарплаты польских рабочих были бóльшими, чем отчисления из зарплаты немцев. Однако если рабочий-немец пользовался страховой помощью, то поляк фактически был лишен ее.

В подтверждение этого я приведу два коротких извлечения из того же «исследования»:

«Страхование от несчастных случаев, которым ведают профессиональные союзы, очень ограничено по отношению к полякам. Признание инвалидности имеет место в гораздо более узких границах, чем для немцев. При потере глаза немец считается инвалидом на 30 процентов, поляк — только на 25%. Для выплаты помощи требуется, чтобы поляк потерял 33% трудоспособности...

Самым суровым образом ограничены права семей польских рабочих, погибших от несчастных случаев. Вдова только тогда получает пенсию и то в размере 50% пенсии, предусмотренной для немцев, если она имеет на иждивении по крайней мере четырех детей или сама является инвалидом. Ограничение в правах поляков наглядно показывает пример: немецкая вдова, оставшаяся с тремя детьми, получает 80% годичного заработка своего погибшего мужа или при заработке в 2000 марок пенсию в 1600 марок в год. Полячка в таком случае не получила бы ни гроша».

Немецко-фашистские главные военные преступники направляли на территории временно оккупированных ими восточных областей не только солдат и эсэсовцев; следом за ними приезжали специально командированные фашистские «ученые», «консультанты по экономическим вопросам» и всевозможные другие «исследователи». Некоторые из них командировались по линии ведомства Риббентропа, другие посылались Розенбергом.

Я предъявляю под номером СССР-218 донесения представителя министерства иностранных дел при 17-й армии Пфлайдерера, адресованные сотруднику отдела информации министерства иностранных дел фон Рантцау.

Документы были обнаружены частями Красной Армии в имении фон Дирксена, в Верхней Силезии.

На основании знакомства с документами можно заключить, что Пфлайдерер в 1941–1942 гг. совершил поездку по оккупированным областям по маршруту: Ярослав на Украине, Львов, Тернополь, Проскуров, Винница, Умань, Кировоград, Александрия, Кременчуг на Днепре.

Целью поездки, по-видимому, было изучение экономической и политической обстановки в оккупированных областях Украины. О том, что автор этого документа был совершенно «свободен от каких бы то ни было гуманистических тенденций», свидетельствует следующее небольшое извлечение из его донесения, датированного 28 октября 1941 г., где Пфлайдерер пишет:

«Существует крайняя необходимость выжать из страны все соки для обеспечения снабжения Германии».

Но даже при такого рода жестоких и хищнических установках Пфлайдерер был, очевидно, смущен поведением соотечественников и считал необходимым специально привлечь к этому внимание имперского руководства министерства иностранных дел.

Я цитирую донесение Пфлайдерера, озаглавленное «Предпосылки, обеспечивающие снабжение и конфискацию наибольшего количества продовольствия на Украине. Настроение и положение населения в конце октября 1941 г.».

«...Настроение населения в большинстве случаев сразу же после оккупации территории нашими войсками значительно ухудшилось. В чем причина этого? Мы выражаем внутреннюю неприязнь, даже ненависть по отношению к этой стране и высокомерие по отношению к ее народу. Третий год войны и необходимость перезимовать в неприветливой стране вызывают ряд затруднений. Но их необходимо преодолевать со стойкостью и самодисциплиной. Мы не должны срывать на населении свое недовольство этой страной... Часто бывали случаи, когда мы поступали нелогично и, вследствие ошибок, которых легко можно было избежать, теряли у населения всякую симпатию. Мы расстреливаем в деревнях и населенных пунктах выбившихся из сил пленных и оставляем их трупы на дороге, а эти факты не может понять население... Так как войскам даны широкие полномочия по самоснабжению, то вблизи больших магистралей и городов колхозы в большинстве случаев уже не имеют племенного скота, семян и посевного картофеля (Полтава). Снабжение собственных войск, безусловно, стоит на первом месте. Однако самый характер снабжения нам небезразличен. Реквизиция последней курицы с психологической стороны столь же неразумна, как и неразумно с хозяйственной точки зрения убийство опоросной свиньи и последних телят.

...Население оказалось без руководства. Оно стоит в стороне. Оно чувствует, что мы смотрим на него сверху вниз, что мы видим саботаж в его темпе работы и методах, что мы совершенно не делаем никаких попыток, чтобы найти путь к нему».

Документ, предъявляемый мною Суду под номером СССР-439, представляет собой политический отчет немецкого профессора доктора Пауля Томсона, написанный им на бланках государственного университета в Познани и снабженный самим автором грифом «не подлежит оглашению».

Этот документ также вводит нас в обстановку полного бесправия и произвола по отношению к местному населению вре-

менно оккупированных районов Советского Союза, которую наблюдал профессор на протяжении всей своей поездки по временно оккупированным областям Советского Союза от Минска до Крыма.

Об отсутствии у автора гуманистических тенденций свидетельствует само содержание оглашаемых мною цитат, и если, тем не менее, Пауль Томсон вынес из поездки, как он говорит, «самое тяжелое впечатление», это является лишним доказательством того, насколько бесчеловечен и жесток был режим, насажденный немецкими фашистами...

Я продолжаю цитирование политического отчета профессора Пауля Томсона:

«Хотя здесь, на Востоке, на меня возложены чисто научные задачи, я чувствую себя обязанным присоединить к моему деловому докладу общий политический отчет. Я должен откровенно и честно заявить, что возвращаюсь на родину с самыми тяжелыми впечатлениями. В этот час, когда решается судьба нашего народа, каждая ошибка может иметь роковые последствия.

С польскими или чешскими вопросами мы можем разделаться, на это хватит биологических сил нашего народа. Такие маленькие национальности, как эстонцы, латыши и литовцы, должны либо приспособиться к нам, либо погибнуть.

Совершенно иначе обстоят дела на колоссальном русском пространстве, которое крайне важно для нас как сырьевая база...

Об экономических мероприятиях, например, о закрытии свободного рынка в Киеве, воспринятом населением как тяжелый удар, я не берусь судить, так как не знаю общей ситуации. Но «унтер-офицерский» тон, избиения и окрики на улице, бессмысленное уничтожение научных учреждений, что все еще имеет место в Днепропетровске, следует прекратить и виновных наказать.

Киев, 19 октября 1942 г. Профессор, доктор *Пауль Томсон*».

Уже хорошо известная Суду теория немецких фашистов о «германизации» гласила, что германизируются не народы, а территории.

Я приведу Суду доказательство подобного рода преступлений гитлеровцев, которые они намеревались совершить в Югославии. Эти преступления не могли быть осуществлены в связи с вспыхнувшим по всей Югославии освободительным движением. Я привожу коротко извлечение из доклада правительства Югославии:

«Немедленно по вступлении германских войск в Словению немцы приступили к осуществлению своего давно задуманного

плана германизации „аннексированных“ районов Словении. Руководящим нацистским кругам было совершенно ясно, что нельзя успешно провести германизацию в Словении, если предварительно не убрать из нее большую часть национально и социально сознательных элементов; а для того чтобы ослабить сопротивление народных масс, которое они оказывают нацистским властям при проведении германизации, необходимо их численно уменьшить и экономически уничтожить. Германский план предусматривал полное „очищение“ отдельных районов Словении от словенцев и заселение их немцами...

Несколько дней спустя после захвата Словении были созданы центральные органы по переселению. Штаб находился в Мариборе (Марбург на Драве) и в Бледе (Вельдес). Одновременно 22 апреля 1941 г. был опубликован закон об укреплении германского народного духа. Первой целью этого закона была конфискация имущества всех лиц и учреждений, „враждебно настроенных по отношению к Германии“. К таковым, естественно, причислялись все те, кого по плану должны были изгнать из Словении.

Гитлеровцы приступили к практическому осуществлению этого плана. Они арестовали большое количество лиц, которых намечалось выслать в Сербию и Хорватию. Обращение с арестованными было исключительно жестоким. Все имущество арестованных конфисковывалось в пользу рейха. Было организовано много сборных пунктов, превращенных фактически в концлагеря, в Мариборе, Целье и других местностях».

По поводу обращения с арестованными в этих пунктах в докладе правительства Югославии сказано следующее:

«Интернированных оставляли без пищи, в антисанитарных условиях; обслуживающий персонал лагерей подвергал их телесным и духовным пыткам. Весь персонал лагерей и коменданты были членами СС. Среди них было много немцев из Каринтии и Штирии, которые ненавидели все словенское и вообще югославское».

Характерна следующая фраза: «Особенной жестокостью отличались члены „Союза культуры“». ...

Подобные же преступления были совершены немецкими захватчиками на территории оккупированной Польши. Я привожу краткие извлечения из доклада правительства Польской Республики. Этот раздел имеется в пункте «А» и называется «Германизация Польши».

Ясные указания относительно программы в этом отношении найдены в публикации, распространявшейся среди членов национал-социалистской партии Германии в 1940 г. Она содержала

изложение принципов немецкой политики на Востоке. Вот несколько цитат из нее: «...В военном смысле польский вопрос решен, но с точки зрения национальной политики он теперь только начинается для Германии. Национальный политический конфликт между немцами и поляками должен быть доведен до степени, невиданной до сих пор в истории.

Цель, перед которой стоит немецкая политика на территории бывшего польского государства, двоякая: 1) стремиться, чтобы известная часть этого пространства была очищена от чуждого населения и занята немцами, и 2) навязать немецкое руководство с целью предотвращения возможности вспышки на этой территории нового пожара против Германии. Ясно, что такой цели нельзя никогда достичь вместе с поляками, а только против них».

Следующий раздел называется «Колонизация Польши немецкими поселенцами».

Политика в этом отношении ясно выражена официальными немецкими властями. В «Остдейчер беобахтер» от 7 мая 1941 г. напечатано следующее воззвание: «Впервые в истории Германии мы используем наши военные победы в политическом отношении. Никогда больше даже сантиметр земли, которую мы покорили, не будет принадлежать поляку».

Таков был план, а факты, имевшие место на практике, были следующими: местность за местностью, деревня за деревней, местечки и города на присоединенных территориях были «очищены» от польских жителей.

Это началось в октябре 1939 г., когда из местности Орлово были выселены все жившие и работавшие там поляки. Потом наступила очередь польского порта Гдыни. В феврале 1940 г. около 40 тысяч человек было изгнано из города Познани. Их места были заняты 36 тысячами балтийских немцев, семействами военных и немецких чиновников.

Польское население было изгнано из следующих городов: Гнезно, Хелм, Постян, Нешив, Иноврослав и многих других.

Немецкая газета «Гренццейтунг» уведомляла, что в феврале 1940 г. весь центр города Лодзи был «очищен» от поляков и предназначен для будущих немецких поселенцев. В сентябре 1940 г. общее число поляков, вывезенных из Лодзи, достигло 150 тысяч.

Приказ о вывозе людей, живущих в этих местностях, сопровождался запрещением брать с собой свою собственность; все предлагалось оставлять. Место этих поляков, депортированных из своих жилищ, предприятий и хозяйств, было занято немецкими пришельцами. В январе 1941 г. более 450 тысяч немцев было поселено таким образом.

Я опускаю следующую часть доклада, которую я хотел цитировать, и прошу Суд лишь обратить внимание на раздел «Германизация польских детей». Это короткая цитата, всего два небольших абзаца:

«Тысячи польских детей (от 7 до 14 лет) были безжалостно уведены от родителей и семейств и вывезены в Германию». Сами немцы объяснили цель этой самой жестокой меры в «Кельнише цейтунг»: «Их будут учить немецкому языку, им будут затем прививать немецкий дух, чтобы воспитать их как образцовых юношей и девушек».

Я перехожу к следующему разделу моего доклада — «Дискриминация советских людей», что было обычным методом гитлеровских преступников.

Предъявляю Суду под номером СССР-415 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О преступлениях, совершенных германским правительством и германским верховным командованием над советскими военнопленными в лагере „Ламсдорф“. К этому Сообщению приложен ряд подлинных документов немецко-фашистских преступников, документов, изъятых из дел лагеря...

На основании произведенного расследования Чрезвычайная государственная комиссия установила, что в Ламсдорфе, в районе города Оппельн, с 1941 г. по март 1945 г. существовал немецкий стационарный лагерь № 344. В 1940–1941 гг. в этом лагере содержались польские, а с конца 1941 г. в него стали поступать советские, английские и французские военнопленные... «У военнопленных, — говорится в Сообщении Чрезвычайной комиссии, — отбирали верхнюю одежду и обувь, и они должны были даже зимой ходить босиком. За время существования лагеря через него прошло не менее 300 тысяч военнопленных, из них около 200 тысяч советских и 100 тысяч польских, английских, французских, бельгийских и греческих военнопленных.

Наиболее распространенным методом истребления советских военнопленных в Ламсдорфском лагере была продажа заключенных для работы на предприятиях различных германских фирм, где их беспощадно эксплуатировали до полной потери сил и смерти.

В отличие от многочисленных германских „бирж труда“, где „уполномоченные“ Заукеля продавали угнанных в немецкое рабство советских граждан немецким хозяйчикам „в розницу“, в Ламсдорфском лагере была организована „оптовая“ продажа предпринимателям военнопленных, сформированных в „рабочие команды“. Таких „рабочих команд“ в лагере было 1011».

Я совсем не хочу сказать, что режим, созданный немцами в отношении британских, французских или других военнопленных, отличался мягкостью или гуманностью и только советских военнопленных администрация лагеря уничтожала, применяя для этого различные преступные методы. Отнюдь нет. Лагерь в Ламсдорфе по существу преследовал цель уничтожения военнопленных без различия их национальности или гражданства. Однако и в этом «лагере смерти», в этих тягчайших условиях, созданных для военнопленных всех национальностей, немецкие фашисты, совершая преступления против человечности, верные принципам своих «теорий», создавали особо мучительные условия для советских людей.

Я предъявляю Суду в кратких извлечениях серию документов, изъятых из архива этого лагеря и предъявляемых Трибуналу в подлинниках. Все эти документы указывают на явную дискриминацию советских военнопленных, осуществлявшуюся администрацией лагеря по указаниям имперского правительства и верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии.

Предъявляю под номером СССР-421 «Памятку об использовании труда советских военнопленных», адресованную начальником отдела по делам военнопленных VIII военного округа администрации промышленных предприятий, куда направлялись военнопленные. Относительно обращения с советскими военнопленными в ней имеются следующие указания:

«Русские военнопленные прошли школу большевизма, их нужно рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками. Согласно советским инструкциям они даже в плену должны активно бороться против государства, взявшего их в плен. Поэтому нужно с самого начала обращаться со всеми русскими военнопленными с беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод. Полнейшая изоляция военнопленных от гражданского населения как на работе, так и во время отдыха должна соблюдаться строжайшим образом. Все гражданские лица, пытающиеся каким-либо путем сблизиться с русскими военнопленными, находящимися на работе, беседовать с ними, передавать им деньги, продукты питания и проч., должны, безусловно, задерживаться, допрашиваться и передаваться полиции».

Главный штаб вооруженных сил издал указания об использовании труда советских военнопленных, согласно которым это использование допускалось лишь при условиях, значительно более строгих по сравнению с условиями работы военнопленных других национальностей.

Таким образом, указания об особо жестоком режиме в отношении советских военнопленных, применяемом лишь за то, что они были советскими людьми, не являлись произвольным делом администрации лагеря Ламсдорф. Они были продиктованы главным образом штабом вооруженных сил. Составляя «памятку», администрация лагеря Ламсдорф лишь выполняла прямое приказание верховного командования германских вооруженных сил.

«В противоположность повышенным требованиям, предъявляемым к обеспечению охраны жилых помещений для русских военнопленных, требования к этим помещениям с точки зрения жилищных удобств являются самыми минимальными...

Размеры продовольственных пайков для находящихся на работе русских военнопленных отличаются от пайков, предоставляемых военнопленным других национальностей; о них будет сообщено дополнительно...»

Такова была «памятка» для промышленников, на предприятия которых в качестве рабов были направлены советские военнопленные.

Я представляю Суду под номером СССР-431 другую «памятку», адресованную уже охране советских военнопленных. Этот документ является приложением к распоряжению главного штаба вооруженных сил.

«В первый раз в этой войне немецкий солдат встречается с противником, обученным не только в военном, но и в политическом отношении, идеалом которого является коммунизм и который видит в национал-социализме своего злейшего врага...

Даже попавший в плен солдат, каким бы безобидным внешне он ни выглядел, будет использовать всякую возможность для того, чтобы проявить свою ненависть ко всему немецкому. Надо считаться с тем, что военнопленные получили соответствующие указания о поведении в плену...

Поэтому по отношению к ним совершенно необходимы максимальная бдительность, величайшая осторожность и недоверчивость.

Для охранных команд существуют следующие указания:

1. Применение строжайших мер при проявлении малейших признаков сопротивления и непослушания! Для подавления сопротивления беспощадно применять оружие. По военнопленным, пытающимся бежать, немедленно стрелять (без окрика), стараясь в них попасть...

По отношению к трудолюбивым и послушным военнопленным также неуместно проявление мягкости, так как они рассма-

тривают это как проявление слабости и делают из этого соответствующие выводы...

5. Мнимая безобидность большевистских военнопленных никогда не должна приводить к отклонению от вышеприведенных указаний».

Я предъявляю документ под номером СССР-422. Это — отношение начальника снабжения и снаряжения армии от 17 октября 1941 г., разосланное заместителям командующих корпусами и управлениям военных округов:

«Расквартирование советских военнопленных. На совещании, которое состоялось 19 сентября 1941 г. у начальника снабжения и снаряжения армии, было установлено, что путем постройки многоэтажных нар вместо кроватей в бараках, рассчитанных на 150 военнопленных, можно разместить на постоянное жительство 840 человек согласно чертежу барака для советских военнопленных».

Из документа под номером СССР-433 — приказа по лагерю № 86 от 5 ноября 1943 г. — я цитирую § 12:

«Расстрелы советских военнопленных (судебный офицер). О расстрелах советских военнопленных и о происходящих с ними несчастных случаях со смертельным исходом впредь не требуется доносить по телефону начальнику по делам военнопленных, как о чрезвычайных происшествиях...»

Верховным командованием вооруженных сил Германии советские военнопленные ставились в условия значительно худшие, чем военнопленные других национальностей.

Представляю директиву верховного командования вооруженных сил Германии, датированную 1 марта 1944 г. (документ СССР-427):

«...Военнопленные, работающие весь день, получают за один полный рабочий день основную плату:

несоветские военнопленные — 0,70 рейхсмарок,

советские военнопленные — 0,35.

...Минимальная заработная плата составляет в день:

0,20 рейхсмарок для несоветских военнопленных,

0,10 рейхсмарок для советских военнопленных».

Если другие военнопленные получали от немецко-фашистских убийц право на несколько глотков свежего воздуха в день, то советские люди были лишены и этого.

Цитирую § 7 приказа по лагерю № 44, озаглавленный «Прогулки военнопленных» (документ СССР-424):

«В тех особых случаях, когда военнопленные в результате того, что их жилые помещения находятся внутри места работы, не

имеют возможности пользоваться свежим воздухом, их можно для сохранения трудоспособности выводить на свежий воздух...»

В приказе по лагерю № 46 (документ СССР-425) пункт 10 тоже озаглавлен «Прогулки военнопленных», причем в качестве основания для этого пункта указан приказ начальника по делам военнопленных № 1259 от 2 июня 1943 г. В приказе № 46 говорится:

«В дополнение к пункту 7 приказа по лагерю № 44 от 8 июня 1943 г. разъясняется, что он не относится к советским военнопленным...»

Далее в документах указывается:

«...Необходимость замены 104 английских военнопленных, работающих в составе рабочей команды военнопленных № Е351 на бумажной фабрике „Генрихсталь", 160 советскими военнопленными вызвана увеличившейся потребностью этой фабрики в рабочей силе. Пополнение команды английскими военнопленными до необходимой численности — 160 человек — является невозможным, так как после проверки лагеря соответствующими военными властями в течение последних месяцев было установлено, что имеющегося помещения хватает только на 104 английских военнопленных; однако в том же помещении можно без труда разместить 160 русских военнопленных...»

Инструкция № 8 по этому лагерю, датированная 7 мая 1942 г., озаглавлена «Использование на работе советских военнопленных». Из этого документа (СССР-146) цитирую раздел, озаглавленный «Мероприятия по восстановлению полной работоспособности»:

«Почти все без исключения советские военнопленные находятся в состоянии истощения, что не позволяет использовать их в настоящее время для нормальной работы».

Главный штаб германских вооруженных сил специально занимался двумя вопросами: во-первых, вопросом об одеялах для советских военнопленных и, во-вторых, вопросом о том, в каких формах должны проходить похороны умерщвленных безжалостным режимом концентрационных лагерей советских людей. Оба эти вопроса получили разрешение в одном документе. Я представляю его Суду под номером СССР-428. Это — отношение управления VIII военного округа, датированное 28 октября 1941 г.:

«В соответствии с решениями, принятыми на совещании в главном штабе вооруженных сил, сделаны следующие распоряжения:

1. Одеяла.

Советские военнопленные получают бумажные одеяла, которые они должны изготовить сами по типу стеганых одеял, но из бумажной дерюги, заполненной скомканной бумагой или чем-либо подобным. Материал будет предоставлен главным штабом вооруженных сил.

2. Погребение советских военнопленных. Советских военнопленных следует зарывать в землю раздетыми, завернутыми только в оберточную бумагу и без гробов. Гробами разрешается пользоваться только для перевозки. В рабочих командах погребение производится соответствующими местными властями. Расходы по погребению оплачивает соответствующий стационарный лагерь для военнопленных. Раздевание военнопленных осуществляется охраной»...

Перехожу к разделу «Преследование евреев».

Возведенный в зоологические формы крайний антисемитизм гитлеровских преступников общеизвестен. Я не буду приводить цитат из так называемых «теоретических произведений» главных военных преступников от Гиммлера и Геринга до Папена и Штрейхера, доказывающих это. В странах Восточной Европы антисемитизм гитлеровцев осуществлялся преимущественно в форме физического уничтожения невинных людей.

В свое время американским обвинением уже был предъявлен Суду один из отчетов специальной преступной организации германских фашистов, так называемой «Оперативной группы А». Он был предъявлен под номером Л-180. Наши американские коллеги представили отчет по 15 октября 1941 г. включительно. Советское обвинение располагает другим отчетом этой злодейской организации германских фашистов, охватывающим другой период и являющимся как бы продолжением первого документа, а именно отчетом «эйнзатцгруппы А» с 10 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

Представляя фотостат этого отчета под номером СССР-357, прошу разрешения огласить цитаты из главы 3 отчета, озаглавленной «Еврей». Это данные по одной лишь организации, то есть «эйнзатцгруппе А».

«...Систематическая работа по очищению Востока согласно основным приказам имела своей целью возможно полную ликвидацию евреев. Эта цель в основном достигнута. Исключая Белоруссию, экзекуции подвергнуто 229 052 еврея. Оставшиеся в прибалтийских провинциях евреи мобилизуются в срочном порядке на работы и размещаются в гетто...»

Из подраздела «Эстония»:

«...Экзекуции над евреями, поскольку последние не были необходимы на работах, стали постепенно производиться силами полиции безопасности и СД. На сегодняшний день евреев в Эстонии больше нет...»

Привожу далее короткие извлечения из подраздела «Латвия»:

«...При вступлении германских войск в Латвию там находилось еще 70 тысяч евреев... До октября 1941 г. этими особыми командами было подвергнуто экзекуции ровно 30 тысяч евреев...

В последующее время были произведены дальнейшие экзекуции. Так, 9 ноября 1941 г. в Двинске было подвергнуто экзекуции 11 034 еврея. В начале декабря 1941 г. в результате проведенной по распоряжению бывшего руководителя СС и полиции безопасности операции в Риге была произведена экзекуция над 27 800 человек, в середине декабря 1941 года в Либаве — над 2350 евреями. В настоящее время в гетто находятся (кроме евреев из Германии) округленно: в Риге — 2500 человек, в Двинске — 950 человек и Либаве — 300 человек».

Председатель: Скажите, пожалуйста, откуда взяты эти данные? Они содержатся в каком-либо официальном докладе или взяты из немецких источников?

Смирнов: Это данные самих немцев. Этот документ в копии был изъят из архивов гестапо, захваченных в Латвии войсками Красной Армии.

Разрешите мне продолжать, господин председатель?

Председатель: Пожалуйста.

Я цитирую из подраздела «Литва»:

«В результате многих отдельных операций было ликвидировано в общем 136 421 человек».

Привожу более подробную цитату из раздела отчета «эйнзатцгруппы А» в Белоруссии:

«Вопрос решительной и полной ликвидации евреев на территории Белоруссии после прихода немцев наталкивается на известные трудности. Как раз здесь евреи составляют чрезвычайно высокий процент специалистов, которые в этой области вследствие отсутствия других резервов являются необходимыми. Кроме того, «оперативная группа А» приняла эту территорию лишь с наступлением сильных морозов, которые очень затруднили проведение массовых экзекуций.

Дальнейшая трудность заключается в том, что евреи живут разбросанно по всей территории. Учитывая большие расстоя-

ния, плохое состояние дорог, недостаток автотранспорта, бензина и незначительные силы полиции безопасности и СД, проведение расстрелов возможно только при максимальном напряжении всех сил. Несмотря на это, расстреляна уже 41 тысяча евреев. В это число не вошли расстрелянные прежними оперативными командами...

Командиру полиции по Белоруссии, несмотря на тяжелое положение, даны указания, как можно быстрее ликвидировать еврейский вопрос. Но все же для этого потребуется около двух месяцев в зависимости от погоды.

Размещение оставшихся евреев в существующих гетто в лагерях Белоруссии подходит к концу».

Документ под номером СССР-119 — заверенный Чрезвычайной Государственной Комиссией фотостат подлинного немецкого документа. Это — итоговый отчет командира одной из рот 12-го полицейского полка, производившего массовую акцию по уничтожению евреев города Пинска, загнанных в гетто. 29 и 30 октября 1942 г. злодеи из 12-го полицейского полка уничтожили в Пинске 26 200 евреев. Вот как описывает командир роты Заур это совершенное немцами преступление:

«Оцепление было назначено на 4 ч 30 м, и оказалось, что благодаря предшествующей личной разведке руководителей и соблюдению тайны оцепление было совершено в кратчайший срок и уклонение евреев оказалось невозможным.

Прочесывание гетто следовало по приказу начальника в 6.00 часов. Но благодаря темноте начало было отодвинуто на полчаса. Евреи, обратившие внимание на происходящее, стали большей частью добровольно собираться на проверку на всех улицах. С помощью двух вахмистров удалось в первый же час привести несколько тысяч к месту сбора. Когда остальные евреи увидели, в чем дело, то они примкнули к колонне, так что предусмотренную охранной полицией на месте сбора проверку из-за громадного, неожиданного скопления народа провести не удалось.

В первый день прочесывания рассчитывали только на 1–2 тысячи человек. Первое прочесывание закончилось в 17 часов и прошло без происшествий. В первый день было казнено около 10 тысяч человек. Ночью рота находилась в боевой готовности в солдатском клубе.

30 октября 1942 г. гетто было прочесано второй раз, 31 октября — в третий и 1 ноября — в четвертый раз.

В общем к месту сбора было пригнано около 15 тысяч евреев. Больные евреи и оставленные в домах дети подвергались

казни тут же, в гетто, во дворе. В гетто было казнено около 1200 евреев...

Даже когда нет подвалов, значительное количество лиц находится в малом пространстве подполья. Такие места следует взламывать снаружи, или направлять туда служебных собак (в Пинске замечательно оправдала себя при этом служебная собака Аста), или забросить туда ручную гранату, после чего во всех случаях евреи немедленно же выходят оттуда...

Рекомендуем привлекать малолетних к указанию этих укрытий, обещая им за это жизнь. Этот метод хорошо оправдал себя».

Пример полицейского полка, о роте которого я только что доложил, характерен для уничтожения евреев, загнанных в гетто, но немецко-фашистские захватчики не всегда прибегали к этому приему, предшествовавшему уничтожению мирного еврейского населения. Одним из таких же преступных приемов был сбор евреев данной местности под предлогом переселения в другую местность. Затем собранные таким образом в одно место евреи расстреливались. Я предъявляю Суду подлинное объявление, свидетельствующее о такого рода расстрелах в Кисловодске. Это объявление было расклеено немецкой комендатурой Кисловодска.

«Всем евреям. С целью заселения малонаселенных районов Украины все евреи, проживающие в городе Кисловодске, и те евреи, которые не имеют постоянного местожительства, обязаны в среду, 9 сентября 1942 г., в 5 часов утра по берлинскому времени (в 6 часов по московскому времени) явиться на товарную станцию города Кисловодска. Эшелон отходит в 6 часов утра (в 7 часов по московскому времени). Каждому еврею взять багаж весом не более 20 килограммов, включая продовольственный минимум на два дня. Дальнейшее питание будет обеспечено на станциях германскими властями. Переселению подлежат и те евреи, которые приняли крещение».

Для того чтобы уяснить, что случилось с еврейским населением Кисловодска (то же происходило и во многих других городах), я прошу Суд обратиться к документу под номером СССР-1 — Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии по Ставропольскому краю. Там сказано, что собравшиеся на станции Кисловодск 2 тысячи евреев были отправлены на станцию Минеральные Воды и там расстреляны в противотанковом рву, в 2,5 километрах от города. Там же были расстреляны тысячи евреев с их семьями, вывезенные из городов Ессентуки и Пятигорск.

Для того чтобы показать объемы преступного уничтожения мирного еврейского населения в странах Восточной Европы, я обращаюсь к содержанию докладов правительств соответствующих стран Восточной Европы, представленных Трибуналу.

Официальный статистический ежегодник Польши в 1931 г. определял количество евреев в 3 миллиона 115 тысяч. По неофициальным данным, собранным в 1939 г., в Польше было 3,5 миллиона евреев. После освобождения Польши в ней насчитывалось менее 100 тысяч евреев, и 200 тысяч польских евреев до сих пор находится в СССР. Таким образом, в Польше погибло 3 миллиона евреев.

В Чехословакии насчитывалось 118 тысяч евреев. В настоящее время во всей стране насчитывается только 6 тысяч евреев. Из общего числа 15 тысяч еврейских детей вернулось только 28.

Из 75 тысяч югославских евреев и около 5 тысяч евреев — эмигрантов из других стран, находившихся во время наступления в Югославии, то есть из общего числа 80 тысяч евреев, после оккупации осталось в живых только 10 тысяч человек.

Господин председатель, разрешите мне несколько видоизменить построение доклада и перейти к тому разделу моего доклада, который озаглавлен **«Эксперименты над живыми людьми»**.

Документ американского обвинения под номером ПС-400. Он касается опытов доктора Рашера:

«Проще было бы, если бы я был переведен в части СС и смог бы поехать с племянником в Аушвиц, где бы я мог более быстро на ряде опытов разрешить вопрос отогревания обмораживаний, происшедших на суше...

Для таких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку там более холодно и территория больше. Кроме того, это будет меньше привлекать к себе внимание (испытуемые кричат, когда замерзают).

Если уважаемый рейхсфюрер в наших интересах ускорит важные для армии опыты в Аушвице (Люблине или в каком-либо другом лагере на Востоке), то я вас покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода.

С приветом и благодарностью. Хайль Гитлер! Всегда преданный вам *С. Рашер*».

Это тяготение доктора Рашера к лагерю Аушвиц (я напоминаю Суду, что Аушвиц — это центральное отделение лагеря вокруг города Освенцима), конечно, не было случайным. Именно в

Освенциме были развернуты опыты, значительно превышающие масштабы опытов в Дахау и других концлагерях империи. Там проводились весьма жестокие эксперименты над людьми.

К материалам дела уже приобщено под номером СССР-8 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме.

«В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдения; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ».

Мне хотелось бы подчеркнуть, что наибольшим развитием в лагере пользовались опыты по стерилизации женщин и кастрации мужчин. Для производства опытов по наиболее эффективным приемам стерилизации и кастрации были выделены специальные массовые блоки лагеря.

«В больничных отделениях лагеря Аушвица проводились эксперименты над женщинами. В 10 блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки...

...В блоке № 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для исследования».

Для доказательства объема опытов оглашаю краткие извлечения из показаний голландского подданного Де-Винда. Они содержатся в документе под номером СССР-52. Повторяю, что эти цифры касаются только одного блока, блока № 10. Вот кто содержался в этом блоке: «50 женщин разных национальностей, прибывших в марте 1943 г.; 100 гречанок, прибывших в марте 1943 г.; 110 бельгиек, прибывших в апреле 1943 г.; 50 француже-

нок, прибывших в июле 1943 г.; 40 голландских женщин, прибывших в августе 1943 г.; 100 голландских женщин, прибывших 15 сентября 1943 г.; 100 голландских женщин, прибывших неделей позднее, и 12 полячек»...

Давая показания о профессоре Шумане, Де-Винд далее продолжает: «Таким опытам были подвергнуты 15 девушек от 17 до 18 лет, между прочими: Шимми Белла из города Салоники (Греция), Буэня Дора из города Салоники (Греция). Из 15 девушек остались в живых лишь несколько. Они находятся, к сожалению, во власти немцев, вследствие чего об этих зверских опытах у нас нет объективных данных. Несомненно следующее. Девушек ставили между двумя плитами с ультракоротковолновым полем, один электрод ставили на живот, а другой помещали на ягодицах. Фокус лучей направлялся на яичники, вследствие чего яичники сгорали. Вследствие неправильной дозировки на животе и ягодицах появлялись серьезные ожоги. Одна девушка от таких страшных поражений умерла; других девушек отправили в Биркенау в санчасть или в рабочие группы.

Через месяц они вернулись в Освенцим. В Освенциме им сделали две контрольные операции: один разрез в длину, другой поперек, причем удалили половые органы для исследования их состояния. Девушки совершенно изменились внешне вследствие выпадения гормональных проявлений и походили на старух».

Опыты по стерилизации женщин и кастрации мужчин производились в Освенциме в массовом масштабе начиная с 1942 г.; при этом через определенный период после стерилизации мужчины кастрировались для специального исследования тканей.

Подтверждение этому мы находим в Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму, где, в частности, приведены многочисленные показания отдельных узников лагеря, подвергшихся этим операциям. ...

«Отделение полиции безопасности города Либавы. 10 декабря 1941 г.

Бургомистру города Либавы.

Решено, что цыганка Люция Страздынш имеет право здесь жить только в том случае, если она подвергнется стерилизации.

Объявить ей об этом и доложить о результатах.

Франк, лейтенант полиции безопасности и начальник отделения полиции безопасности».

Второй документ — это отношение бургомистра города Либавы начальнику отделения полиции безопасности. Оглашаю текст:

«Пересылая обратно ваше отношение от 10 декабря 1941 г. о стерилизации цыганки Люции Страздынш, сообщаю, что упомянутая особа 9 января с. г. стерилизована в местной больнице».

Для доказательства объема опытов над живыми людьми, производившихся в Освенциме, я прошу уважаемых судей обратиться к содержанию Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму. Здесь сказано о том, что в делах лагеря было обнаружено статистическое обозрение коменданта лагеря. Оно подписано заместителем коменданта лагеря Селла. В нем имеется графа «Заключенные, предназначенные для различных опытов». В этой графе значится: «подопытных женщин» на 15 мая 1944 г. — 400 человек, на 5 июня — 413 человек, на 19 июня — 348 человек и т. д.

Я позволю себе процитировать заключение судебно-медицинской экспертизы, извлечение из которого содержится в том же Сообщении.

Здесь указано, что в Освенциме производилось изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвина, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер и химик Гебель специально закупили у администрации лагеря 150 женщин.

В лагере производились также опыты над мужчинами для установления действия раздражающих химических веществ на кожу голени с целью искусственно вызывать язвы и флегмоны. Производился и ряд других опытов, таких, как искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т. д.

Я хотел бы привлечь внимание Суда к другим преступлениям, совершенным немецкими медиками, а именно к уничтожению больных в психиатрических больницах.

Цитирую абзац из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву:

«14 октября 1941 г. в психиатрическую больницу во главе с немецким гарнизонным врачом Риковским ворвался отряд эсэсовцев. Гитлеровцы загнали 300 больных в одно из зданий, в котором продержали их без пищи и воды, а затем расстреляли в овраге Кирилловской рощи. Остальные больные были истреблены 7 января, 27 марта и 17 октября 1942 г.».

В последующем тексте Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии указывается на проверенное и подтвержденное расследованием заявление профессора Копыстынского, врача Дзевалтовской и медицинской сестры Троепольской. Я пред-

ставляю под номером СССР-249 фотостат этого заявления. Привожу некоторые извлечения из этого документа:

«Во время немецкой оккупации города Киева киевской психиатрической больнице пришлось пережить трагические дни, закончившиеся полным разгромом и уничтожением больницы. Произошло небывалое в истории насилие над несчастными душевнобольными.

В течение 1941–1942 гг. было уничтожено 800 больных. 7 января 1942 г. прибыло в больницу гестапо. Везде на территории больницы были расставлены часовые. Вход и выход из больницы был запрещен. Представитель гестапо потребовал отобрать хронических больных для отправки в Житомир.

Что ожидало больных, тщательно скрывалось от медперсонала. Затем в больницу прибыли машины. В эти машины начали вталкивать больных, приблизительно по 60–70 человек в каждую, тут же их умерщвляли и трупы выбрасывались у здания больницы. Зверства эти продолжались несколько дней, в течение которых было уничтожено 800 больных. Сознательные больные вскоре узнали истину. Наблюдались душераздирающие картины. Так, молодая девушка, больная Я., несмотря на все усилия врача, поняла, что ее ожидает смерть, вышла из палаты, обняла врача и тихо спросила: „Это конец?“ Бледная как смерть, направилась к карете и, отказавшись от помощи, вошла в нее. Весь персонал был предупрежден, что какая-либо критика и выражение неудовольствия совершенно недопустимы и будут рассматриваться как саботаж. Характерна подробность, что это беспримерное по гнусности убийство происходило в день рождества, когда немецким солдатам раздавались елки и на пряжках поясов исполнителей красовалась надпись „С нами Бог“».

Я прошу Суд принять в качестве доказательства фотостаты трех немецких документов, заверенных Чрезвычайной комиссией, которые свидетельствуют о том, что для оформления убийства душевнобольных немецкими фашистами были выработаны специальные стандартные формы документов. Представляю эти документы. Первый из них — под номером СССР-397:

«Бюро гражданских записей города Рига.

Настоящим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 368 неизлечимых душевнобольных умерли 29 января 1942 г.

Кирсте — штурмбаннфюрер СС».

Второй документ представляется под номером СССР-410. Это — отношение командующего полицией безопасности и СД Латвии за номером 357-42, датированное 28 мая 1942 г.:

«Настоящим удостоверяю, что поименованные в прилагаемом списке 243 неизлечимых душевнобольных умерли 14 апреля 1942 г.

Кирсте — штурмбаннфюрер СС».

Третий документ представляю под номером СССР-398. Это — отношение начальника полиции безопасности и СД Латвии, датированное 15 марта 1943 г. Оглашаю один абзац из текста этого документа:

«Настоящим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 98 неизлечимых душевнобольных умерли 22 октября 1942 г.

Кирсте — штурмбаннфюрер СС».

Представляю документ под номером СССР-406 — материалы об экспериментах в другом лагере, в Равенсбрюке. Это — материал исследований Польской комиссии по расследованию преступлений. Здесь очень характерные снимки. Я воздерживаюсь от их комментирования...

Мне хотелось бы доложить Суду также очень короткое извлечение из документа, являющегося приложением к докладу Польского правительства. Я говорю о данных под присягой показаниях польского следователя — судьи Лукашевича, запись которых мною представлена Суду. Я оглашу только то место, где он определяет объем злодеяний. Количество умерщвленных в Треблинке польский следователь исчисляет в 781 тысячу человек*. При этом он отмечает, что допрошенные им свидетели показали, что при сортировке одежды заключенных они видели даже английские паспорта и дипломы Кембриджского университета. Таким образом, жертвы Треблинки свозились со всех сторон Европы...

...Как в Советском Союзе, так и во временно оккупированных странах Восточной Европы немецко-фашистские преступники опозорили себя глумлением над религиозными чувствами и верованиями народов, преследованием и убийствами священнослужителей.

Как видно из Чехословацкого правительственного доклада, «самый тяжелый удар был нанесен чешской православной церкви. Православным приходам в Чехословакии берлинским министерством по церковным делам было приказано выйти из подчинения белградской и константинопольской епархий и подчиниться берлинскому епископу. Чешский епископ Горазд был каз-

* По данным военной прокуратуры, в Треблинке умерщвлено втрое больше людей. — *Прим. авт.*

нен вместе с двумя православными священниками. По особому распоряжению протектора Далюге от сентября 1942 г. православная церковь сербской и константинопольской юрисдикции в чешских землях была уничтожена. Ее религиозная деятельность была запрещена, а имущество конфисковано...»

Чехословацкая национальная церковь подвергалась гонениям немецких фашистов, как сказано в докладе, «из-за одного только названия, из-за гуситских симпатий, демократической конституции и из-за связи с созданием Чехословацкой Республики». Чехословацкая церковь в Словакии была совершенно запрещена, и ее имущество было конфисковано немцами в 1940 г.

Серьезным преследованиям подвергалась протестантская церковь в Чехословакии:

«Протестантские церкви лишены свободы проповедовать евангелие. Немецкая тайная полиция зорко наблюдала за тем, чтобы духовенство соблюдало наложенные на него ограничения. Нацистская цензура доходила до того, что запрещала петь духовные песни, прославляющие бога за освобождение народа от власти неприятеля. Некоторые отрывки библии были запрещены для общественного чтения. Нацисты противились тому, чтобы некоторые христианские доктрины, а именно те, которые говорили о равенстве всех людей перед богом, о всемирном характере христовой церкви, о еврейском происхождении евангелия и т. д., провозглашались открыто. Ссылки на Гуса, Жижку, гуситов и их достижения, так же как на Масарика и его легии, были строго воспрещены. Даже религиозные хрестоматии были изъяты. Церковные руководители были особенно преследуемы. Множество священников были брошены в концлагеря, между ними находился также генеральный секретарь студенческого христианского движения в Чехословакии. Один из товарищей председателя был казнен».

В докладе Чехословацкого правительства содержатся сведения о преследовании католической церкви в Чехословакии:

«На территориях, отданных Германии после Мюнхена, целый ряд священников чешского происхождения были ограблены и выгнаны. Паломничество к национальным святыням было запрещено в 1939 г. В начале войны 437 католических священников находились между тысячами чешских патриотов, арестованных и посланных в концлагеря в качестве заложников. Почтенные церковные служители были брошены в концлагеря Германии. Было обычным явлением видеть на дороге около концлагерей оборванного священника, измученного, запряженного в телегу, а за ним юношу в форме СС с кнутом в руке».

Жестоким преследованиям подвергались верующие и духовенство Польши. Я цитирую краткие извлечения из доклада правительства Польской Республики:

«До января 1941 г. около 700 священников были убиты. 3 тысячи были в тюрьме или в концлагерях».

Преследования духовенства начались немедленно после захвата гитлеровцами территории Польши. В докладе Польского правительства по этому поводу сказано:

«...На следующий день после захвата Варшавы немцы арестовали 330 священников.

...В Кракове арестованы были ближайшие сотрудники архиепископа и сосланы в Германию.

...Каноник Чаплицкий 75 лет и его заместитель были казнены в ноябре 1939 г...»

В докладе Польского правительства приведены следующие слова кардинала Глонда:

«Духовенство преследуется самым сильным образом. Те, которым разрешено остаться, подвержены многочисленным унижениям, парализованы в исполнении своих духовных обязанностей и лишены своих приходских доходов и всех своих прав. Они зависят от милости гестапо...»

На территории Советского Союза преследования религии и духовенства проходили в формах кощунственного осквернения храмов, разрушения святынь, связанных с патриотическим движением русского народа, убийств священников.

Разрешите мне сказать несколько слов в заключение моего доклада.

Господа судьи! В ноте от 6 ноября 1942 г. народный комиссар иностранных дел СССР говорил о том, что Советское правительство считает своим долгом довести до сведения «всего цивилизованного человечества, всех честных людей во всем мире» о чудовищных преступлениях гитлеровских бандитов.

Миллионы честных людей в боях величайшей в истории человечества войны добились победы над фашистской Германией.

Волею миллионов честных людей был создан этот Международный Военный Трибунал для суда над главными военными преступниками. И каждый из представителей обвинения чувствовал за собой незримую поддержку миллионов честных людей, от имени которых он обвинял главарей преступного фашистского заговора.

Мне выпала честь завершить представление доказательств советского обвинения.

Я знаю, что в этот момент миллионы граждан моей Родины и вместе с ними миллионы честных людей во всех странах мира ждут скорого и справедливого приговора Суда.

Глава 27
Пятьдесят или сто коммунистов за одного немецкого солдата

Гуманность, международные конвенции... Что до них представителям «высшей расы», цель которых — покорять и подчинять «недочеловеков»! Лишь попав на скамью подсудимых в Нюрнберге, нацистские вожди вспомнили о праве и человеколюбии — по отношению к себе.

Гаагская и Женевская конвенции запретили взятие заложников. Нацисты преднамеренно сделали его повседневным средством во всех оккупированных странах.

Кейтель писал Герингу: «По мнению ОКВ, взятие заложников оправдывается во всех случаях, когда требуется обеспечить безопасность войск, действующих во исполнение приказов». 16 сентября 1941 г. Кейтель издал приказ о заложниках, которым руководствовался весь вермахт. По нему полагалось за каждого убитого немецкого солдата расстреливать по 50–100 заложников.

Хорошо представляя эффективность этого изуверского средства, штаб ОКВ рекомендовал оккупационным властям заранее составлять списки наиболее авторитетных лиц — кандидатов в заложники, использовать для этого людей, уже находящихся под арестом.

В Париже, например, в числе «коммунистов» были захвачены и казнены три самых известных в городе адвоката.

На основе директивы ОКВ командующий немецкими войсками во Франции генерал Штюльпнагель 30 сентября 1941 г. издал свой приказ, известный как «кодекс о заложниках», который рьяно выполняли его подчиненные. За годы войны во Франции было казнено 29 660 заложников, из них 11 тысяч в Парижском округе.

Десятки тысяч ни в чем не повинных заложников были преданы смерти и в других оккупированных странах. В Италии в селении Картоло 38 заложников были заперты в сарае, который был заминирован и взорван. Под Римом, в Адреатинских пещерах, нацисты расстреляли 335 заложников. Среди жертв — и случайные прохожие, и депутаты парламента, сенаторы, священники, адвокаты, крупные чиновники, даже бывший министр юстиции.

Не согласовались с правом, законами и обычаями войны превентивные аресты, к которым часто прибегали оккупанты. Они хватали

людей на улице, не имея обвинений. «Основанием» служили лишь подозрения, чаще всего политического или расового свойства: хватали всех похожих на коммунистов и евреев. В Ницце действовала «бригада физиономистов», определявшая «врагов» по внешнему виду. Отсортированных мужчин заставляли раздеваться, чтобы получить дополнительные доказательства.

Еще одно чудовищное зверство нацистов, которое они сделали повседневной практикой, — допрос с пристрастием, то есть пытки заключенных. Здесь черная фантазия палачей была неистощима. Избиения всякими орудиями, пытки огнем, кислотой, электрическим током, голодом, жаждой, холодом, бессонницей применялись в любом застенке. Несчастных травили собаками, бритвами срезали кожу на ступнях и заставляли ходить по соли. На глазах мужей убивали жен, терзали детей перед матерями...

Централизованных указаний на этот счет обнаружено не было. Однако широта применения пыток, сходство их позволили обвинению утверждать, что и здесь существовала единая воля нацистского руководства.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ФРАНЦИИ Ш. ДЮБОСТОМ О КАЗНЯХ ЗАЛОЖНИКОВ И ДРУГИХ НАРУШЕНИЯХ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 24, 25, 29 и 30 января 1946 г.]

Мои британские и американские коллеги предъявили доказательства того, что подсудимые замыслили и осуществили план заговора с целью господства над Европой. Они показали вам, какие преступления против мира они совершили, развязывая несправедливые войны. Они показали вам, что все подсудимые, будучи руководителями нацистской Германии, задолго выработали план ведения несправедливых войн и участвовали в заговоре...

Мы намереваемся предъявить доказательства того, что подсудимые, будучи руководителями гитлеровской Германии, систематически проводили политику уничтожения, жестокость которой усиливалась день ото дня, вплоть до поражения немцев; что эти жестокости подсудимые задумали и осуществляли, что это входило в систему, которая должна была способствовать выполнению политического замысла...

Преступления против отдельных лиц и собственности, изложенные здесь французскими коллегами, тесно связываются с

войной. Таким образом они сохранили определенный характер военных преступлений. Те преступления, о которых я буду говорить далее, превосходят все известные по силе и глубине. Они являются частью политики экспансии и стремления к господству. Наилучшее определение этой политики было дано самим Гитлером в его речи 16 мая 1927 г. в Мюнхене. Он говорил своим слушателям об опасности, которой якобы подверглась уже высокоиндустриальная и богатая Германия с населением в 70 миллионов человек со стороны Франции, страны сельскохозяйственной, с 40 миллионами жителей. В этот день Гитлер сказал: «Есть только одна возможность у Германии избежать окружения, эта возможность — уничтожение государства, которое по своей природе всегда будет смертельным врагом Германии. Этот враг — Франция.

Когда народ видит, что его существованию угрожает враг, тогда он должен иметь одну цель, а именно: уничтожение своего врага».

В течение первых месяцев после победы немцы, казалось, оставили свое намерение уничтожать население, но это была лишь тактика. Они надеялись вовлечь в войну против Англии, против Советского Союза порабощенные ими западные нации. Попеременно прибегая то к хитрости, то к насилию, они пытались заставить население этих стран сотрудничать с ними. Народ сопротивлялся. Тогда подсудимые отказались от этой тактики и снова стали замышлять осуществление своего большого плана истребления побежденных народов, стремясь захватить в Европе необходимые пространства для 250 миллионов немцев будущих поколений; «истребление», «уничтожение», «ликвидация» — это термины, взятые мной из речи Гитлера, они употреблялись под различными предлогами: истребление низшей расы, или негроидов, уничтожение большевизма, ликвидация еврейского и масонского влияния...

В действительности уничтожение, истребление и ликвидация являлись просто убийствами всех тех, кто противился нацизму. Все эти действия были направлены на то, чтобы понизить жизненный потенциал порабощенных народов.

Я вам сейчас предъявляю доказательства того, что все это проводилось в осуществление продуманного плана, существование которого доказано наличием аналогичных фактов, повторяющихся во всех оккупированных странах.

При наличии такого повторения и постоянства невозможно более говорить о том, что только тот, кто совершал эти зверства, повинен в них. Это повторение и это постоянство доказывают,

что одна преступная воля объединяла всех членов немецкого правительства, все руководство Германии.

Эта общая воля породила официальную политику террора и истребления, которая направляла удары палачей. Именно участием в формировании этой общей воли каждый подсудимый поставил себя в ряд главных военных преступников...

Все совершенные зверства полностью объясняются германской террористической политикой. С этой точки зрения у нее имеется прецедент в немецкой практике ведения войны. Мы все сохранили в своей памяти казни заложников в Динане во время войны 1914 года, казни заложников в цитадели Лаон или в Сен-Ло. Но нацизм усовершенствовал эту политику террора. Для него террор есть способ порабощения. Для нацизма террор есть средство подчинить все порабощенные народы целям своей политики.

Все французы еще хорошо помнят первые признаки этой политики террора во время оккупации. Они увидели на стенах Парижа, так же как и всюду, вплоть до самых малых селений, во Франции, всего несколько месяцев спустя после подписания перемирия, красные плакаты, окаймленные черным, возвещавшие о первых казнях заложников. Мы знаем матерей, которые таким образом узнали о казни своих сыновей. Эти казни проводились оккупантами в связи с антигерманскими инцидентами, которые были ответом французского народа на официальную политику коллаборационизма. Было оказано сопротивление этой политике, и вместе с ним возрастали репрессивные меры вплоть до 1944 г. — кульминационного пункта германского террора во Франции и в оккупированных странах Запада. К этому времени армия, полиция, СС перестали говорить об истреблении заложников, они организовали настоящие карательные экспедиции, во время которых сжигали целые деревни, тысячи людей из гражданского населения были убиты, арестованы или угнаны. Правители Германии пытались оправдать такие преступные действия в глазах народов. Они разработали и издали настоящий кодекс о заложниках и делали вид, что хотят лишь заставить уважать право всякий раз, когда проводили казни и репрессии.

Гаагская конвенция в статье 50 запрещает взятие заложников:

«Никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния отдельных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения». Однако германский генеральный штаб, германское правительство старались заставить забыть об этом законе.

Я опишу вам, как генеральный штаб присвоил себе мнимое право брать заложников, что нашло окончательное выражение во Франции в кодексе Штюльпнагеля о заложниках.

15 февраля 1940 г. в секретном указании, предназначенном для подсудимого Геринга, ОКВ оправдывает взятие заложников. Этот документ датирован: «15 февраля 1940 г., Берлин» и озаглавлен: «Верховное командование вооруженных сил. Секретно. Имперскому министерству авиации. Главное командование военно-воздушных сил. Тема: Взятие заложников».

В документе говорится: «По мнению ОКВ, взятие заложников оправдывается во всех случаях, когда этого требует безопасность войск, действующих во исполнение приказов. К этому нужно будет прибегать в случаях сопротивления или враждебных действий населения в оккупированных районах при условии, однако, что войска находятся в бою или в таком положении, когда нет никакого другого способа обеспечить безопасность.

При отборе заложников они будут арестовываться лишь в том случае, если враждебные группы населения заинтересованы в том, чтобы они не были казнены. Заложники будут отбираться из тех кругов населения, от которых можно ожидать враждебных выпадов. Арест заложников должен производиться из числа лиц, участь которых может повлиять на руководителей» (документ РФ-267).

Против этого, насколько мне известно, Геринг никогда не возражал.

Вот еще один документ — РФ-508. Это инструкция главнокомандующего сухопутными силами во Франции; она подписана 12 сентября 1940 г., спустя три месяца после оккупации. О заложниках в ней говорится следующее:

«Заложниками являются граждане страны, которые гарантируют своей жизнью безупречное поведение населения. Ответственность за их судьбу несут их соотечественники. Поэтому население должно знать, что заложники отвечают за враждебный поступок каждого в отдельности. Только французские граждане могут быть взяты в качестве заложников. Заложники могут отвечать за действия, совершенные только после их ареста и после публикации правил».

Это аннулирует пять предшествующих распоряжений, изданных до 12 сентября 1940 г. По этому вопросу было издано несколько приказов. У нас имеется два распоряжения генерального штаба. Даты их указаны в начале документа Ф-510: 2 ноября и 13 февраля.

«Если акты насилия совершены населением в отношении лиц, принадлежащих к оккупационным силам, или военным помещениям и оборудованию причинены повреждения, или они подверглись разрушению, или если другие действия угрожают безопасности немецких управлений и отдельных частей, то в зависимости от обстоятельств население, проживающее в месте совершения преступления, считается ответственным за эти акты саботажа или соучастником их; могут быть приняты превентивные меры репрессий с тем, чтобы гражданское население впредь побоялось бы совершать, провоцировать или терпеть подобные поступки.

Все население считается ответственным за действия саботажа со стороны отдельных личностей, если своим общим поведением в отношении немецких вооруженных сил оно способствовало недружелюбным поступкам, или если своим пассивным отношением в раскрытии предшествующих актов саботажа оно воодушевляло злонамеренных лиц на подобные действия, или если оно создавало благоприятную почву для оппозиции немецкой оккупации.

Должны предписываться такие меры, которые могут быть приведены в исполнение. Угрозы же, не приведенные в исполнение, есть признак слабости».

До сих пор мы не находим в этих немецких текстах утверждения, что взятие и казни заложников составляют право оккупационных властей. Но вот немецкий документ, который очень ясно формулирует эту мысль.

По нашим описям он числится за номером Ф-307, датирован 18 апреля 1944 г., Брюссель. Он исходит от главного судьи при главнокомандующем в Бельгии и в Северной Франции и адресован германской комиссии по перемирию в Висбадене. На полях документа — заголовок: «Секретные дела командования». Тема: «Убийство 8 террористов в Лилле 22 декабря 1943 г.».

В середине второго абзаца вы прочтете: «К тому же я подтверждаю свою точку зрения, а именно, что меры, принятые полевой комендатурой в городе Лилле в ответ на письмо моей полицейской группы от 2 марта 1944 г., вопреки мнению комиссии по перемирию основываются на твердых правовых нормах и являются действенными. Как раз комиссия по перемирию должна объявить французам, если есть необходимость входить в такого рода детали, что казни были произведены в соответствии с основными принципами правил, действующих для заложников».

Таким образом, здесь речь идет о государственной доктрине. Невиновные становятся заложниками. Они своей жизнью отве-

чают за поведение своих сограждан по отношению к немецкой армии. Если совершено нарушение, к которому они даже непричастны, все равно они подвергаются коллективному наказанию вплоть до смертной казни. Это положение официально установлено германским верховным командованием. Кейтель 16 сентября 1941 г. подписал общий приказ, который здесь уже зачитывался (документ ПС-389).

Действие этого приказа распространялось на все области, как на Востоке, так и на Западе. В приказе имеется перечень тех, кому он должен быть направлен; в числе других упоминаются имена всех главнокомандующих в странах, оккупированных Германией: во Франции, Бельгии, Норвегии, Голландии, Дании, на Украине, в Сербии, Салониках, Греции, Крите. Этот приказ действовал в течение всей войны; он носил яркий характер антикоммунистических репрессий и, кроме того, имел целью проведение репрессий в отношении гражданского населения.

Приказ должен был касаться также командования воинских частей, находившихся на Востоке. Согласно этому приказу во всех случаях, когда совершено нападение на германскую армию, необходимо считать, «что речь идет о массовом движении, руководимом Москвой в соответствии с общим планом, в связи с которым проводятся и отдельные действия, не имеющие большой важности, отмеченные в районах, которые до сих пор оставались спокойными».

В связи с этим Кейтель приказал, наряду с прочим, казнить от 50 до 100 коммунистов за одного убитого германского солдата. Таков политический смысл, который мы непрестанно обнаруживали во всех террористических действиях немцев. Для гитлеровской пропаганды всякое сопротивление, оказываемое Германии, являлось инспирированным из коммунистических источников. Таким путем немцы рассчитывали отделить от движения Сопротивления националистов, которые, по их предположениям, были враждебны коммунистам; но нацисты преследовали еще и другую цель: они надеялись также — и это основное — разделить Францию и другие побежденные страны Запада на два враждебных лагеря и использовать один из них для борьбы против другого под предлогом борьбы с коммунистами.

Мы остановились на подписанном подсудимым Кейтелем приказе от 16 сентября, который является, как я уже изложил, основной директивой по вопросу о заложниках. Этот приказ, подтвержденный подсудимым Кейтелем 24 сентября 1941 г., мы представляем под номером РФ-271. Вы найдете его в книге документов за номером Ф-554. Я оглашаю параграф 1:

«Следуя директивам, изданным фюрером, верховное командование вооруженных сил опубликовало приказ от 16 сентября 1941 г. о борьбе с революционным коммунистическим движением в оккупированных странах. Этот приказ был направлен министерству иностранных дел для передачи его послу Риттеру. В этом приказе, между прочим, говорится о праве военных трибуналов выносить смертные приговоры. Отсюда следует, что отныне самые суровые меры должны проводиться на оккупированных территориях».

Об отборе заложников говорится также в ранее оглашавшемся, изданном до начала немецкой агрессии против России документе ПС-877, о котором следует напомнить потому, что он показывает решимость военного командования Германии и нацистского правительства разделить оккупированные территории, лишить движение Сопротивления его патриотического характера... На странице 2, в параграфе 4 документа ПС-877, который был представлен под номером РФ-273, вы найдете следующие фразы:

«Можно считать установленным, что помимо противников, с которыми обычно сражались наши войска, на этот раз мы столкнулись с чрезвычайно опасными элементами из гражданского населения, разрушающими всякий установленный порядок и проводящими еврейско-большевистскую пропаганду. Нет никакого сомнения в том, что повсюду, где возможно, они используют против немецкой армии как в бою, так и в мирное время свое коварное и тайное оружие и прибегают к различным ловушкам».

Этот документ является официальным документом, исходящим из ставки главного командования сухопутных сил. Он выражает основной принцип всего германского генерального штаба. Кейтель руководил разработкой этого принципа... Это является прямым и тяжким обвинением против Кейтеля, но Кейтель — это германский генеральный штаб; таким образом, обвинение направлено против этой организации. Вы видите из приводимого документа, что такое обвинение обосновано потому, что генеральный штаб Германии замешан в преступной политике немецкого правительства.

В отношении Франции общие приказы Кейтеля были применены генералом Штюльпнагелем в его приказе от 30 сентября 1941 г., который известен во Франции под названием «Кодекс о заложниках».

Приказ от 30 сентября 1941 г. является существенным потому, что освещает обстоятельства, при которых расстреливались французские заложники. Я оглашаю этот документ, представляемый под номером РФ-274.

«22 августа 1941 г. я опубликовал следующее сообщение:

Утром 21 августа 1941 г. в Париже немецкий военнослужащий пал жертвой покушения. Поэтому я приказываю:

1. Чтобы французы, задержанные в настоящее время по любой причине немецкими властями или по их распоряжению, с 23 августа считались заложниками.

2. Некоторое число из этих заложников будет расстреляно в зависимости от серьезности совершенных действий.

19 сентября 1941 г. я приказал послать ноту уполномоченному Французского правительства при немецком главнокомандующем во Франции, чтобы с 19 сентября 1941 г. все французы мужского пола, которые находятся под арестом за коммунистическую или анархистскую деятельность или которые в дальнейшем будут арестованы, были задержаны и подвергнуты аресту французской администрацией; одновременно аресты будут проводиться и по приказу немецкого главнокомандующего во Франции.

На основании моей ноты от 22 августа 1941 г. и моего приказа от 19 сентября 1941 г. следующие группы или лица будут считаться заложниками:

a) французы, которые в настоящее время задержаны немецкими властями по любым причинам, например: лица, арестованные полицией; лица, находящиеся в превентивном заключении; лица, отбывающие наказание;

b) французы, которые задерживаются во Франции французскими властями по требованию немецких властей; сюда относятся:

aa) французы, которые арестованы французскими властями за анархистскую или коммунистическую деятельность;

bb) французы, которые будут отбывать наказание — лишение свободы — под контролем французских властей по требованию немецких военных трибуналов;

cc) французы, которые по требованию немецких властей были арестованы французскими властями, или будут находиться под арестом, или будут передаваться французским властям немецкими властями для содержания их под арестом;

c) лица, не имеющие гражданства, которые достаточно долго живут во Франции, будут считаться французами в смысле моего объявления от 22 августа 1941 г.

3. Освобождение из-под стражи.

Лица, которые не находились под арестом к 22 августа и к 19 сентября 1941 г., но которые были арестованы позднее и к которым ранее указанные определения не относятся, не включаются в число заложников.

Освобождение лиц, отбывающих наказание, по истечении срока или по всяким другим причинам, не будет приостанавливаться моим объявлением от 22 августа 1941 г. Освобожденные лица не могут быть взяты в качестве заложников. Те, кто находится под арестом у французских властей за коммунистическую или анархистскую деятельность, могут освобождаться, как я уже сообщал Французскому правительству, только с моего согласия».

В конце этого параграфа вы прочитаете следующее:

«Из тех групп французов, которых немецкое командование найдет для этого подходящим, можно будет в случае какого-либо инцидента составлять списки заложников, подлежащих немедленной казни.

Если произойдет такое событие, которое в соответствии с моим объявлением от 22 августа 1941 г. вызовет необходимость расстрела заложников, то казнь должна быть произведена немедленно вслед за изданием соответствующего приказа.

Таким образом, начальники округов должны будут из общего количества заключенных выбрать тех, которые могут быть казнены в первую очередь, и внести их в список заложников. Эти списки заложников являются основой для предложений, которые должны быть сделаны мне в каждом случае.

1. На основании наблюдений, сделанных до сих пор, надо сказать, что те, кто совершает покушения, большей частью принадлежат к террористическим или анархистским кругам. Таким образом, начальники округов должны отобрать из задержанных лиц тех, которые в прошлом принадлежали к коммунистам или анархистам или участвовали в подобных организациях: они подлежат казни в первую очередь.

При отборе необходимо учитывать, что воздействие казней заложников на тех, кто совершает террористические акты, и на тех лиц, которые во Франции или за границей несут моральную ответственность как издающие приказы или как пропагандирующие акты саботажа и террора, тем больше, чем большей известностью пользуются расстрелянные. Опыт показывает, что лица, издающие приказы, и политические круги, заинтересованные в совершении покушений, пренебрегают жизнью своих мелких сообщников и, напротив, стремятся максимально охранять жизнь своих старых и известных сотрудников.

Поэтому в списки надо вносить в первую очередь:

a) известных депутатов и деятелей коммунистических или анархистских организаций;

b) лиц умственного труда, которые содействовали распространению коммунистических идей устно или письменно;

c) лиц, которые своим поведением доказали свою опасную деятельность;

d) лиц, которые участвовали в распространении листовок».

При отборе руководствовались лишь одним стремлением парализовать деятельность или уничтожить наиболее выдающихся личностей. Мы увидим, что в соответствии с параграфом «b» немцы расстреляли в 1941 и 1942 гг. в Париже и в провинциальных городах большое число лиц из интеллигенции, среди которых были такие, как Соломон и Политцер.

Я еще возвращусь к этим казням, когда буду приводить вам примеры немецких зверств, совершенных по отношению к заложникам во Франции.

«...2. Список заложников, взятых среди французских заключенных — сторонников де Голля, должен быть составлен в соответствии с этими же директивами.

3. Чистокровные немцы, состоящие во французском подданстве, которые арестованы за коммунистическую или анархистскую деятельность, также могут включаться в эти списки. Их немецкое происхождение должно указываться в прилагаемой к списку анкете. Лица, которые были осуждены к смерти и позднее помилованы, тоже могут заноситься в эти списки...

5. В списки по округам должно заноситься по 150 человек, а в районе Большого Парижа — от 300 до 400 человек. По возможности надо казнить лиц, проживающих в районе, где совершено преступление. Поэтому начальники округов должны каждый раз заносить в списки тех лиц, последнее местожительство которых находилось в этом округе.

Списки должны быть всегда наготове. В них должны вноситься изменения в соответствии с новыми арестами и освобождениями...

7. Предложения, касающиеся казней.

Если происходит какое-либо событие, вызывающее необходимость казни заложников, в соответствии с моим объявлением от 22 августа 1941 г. начальник округа, в котором это событие имело место, должен выбрать из списка заложников лиц, которых он хочет предложить для казни. По мере возможности он должен выбирать заложников, принадлежащих к той среде, из которой предположительно вышло лицо, совершившее данное преступление...

Не могут быть казнены те, кто в момент покушения уже находился под арестом. В этом предложении должно указываться число людей, которых предполагают казнить, и порядок очередности их отбора.

Следует избегать того, чтобы после погребения трупов общие рвы и могилы стали местом паломничества для значительного числа лиц, так как позднее эти места погребения будут использованы в интересах антинемецкой пропаганды. Вот почему, поскольку возможно, погребение должно всегда производиться в различных местах».

Параллельно с этим документом, касающимся Франции, существует приказ Фалькенхаузена от 19 сентября 1941 г. относительно Бельгии; вы найдете его на странице 6 официального доклада о Бельгии (документ Ф-683), представляемого мною под номером РФ-275.

Относительно Норвегии и Дании существует телеграфное распоряжение Кейтеля на имя главнокомандующего флота, датированное 30 декабря 1944 г., которое вы найдете в книге документов за номером С-48.

«Каждый рабочий верфи должен знать, что всякий акт саботажа, происходящий в районе его деятельности, повлечет самые серьезные последствия для него лично или для его близких, если он скроется».

Страница 2 документа ПС-870: «4. Я только что получил по телеграфу распоряжение фельдмаршала Кейтеля, требующее издания приказа, согласно которому все причастные лица, а в случае необходимости также их ближайшие родственники будут подвергаться коллективной ответственности за акты саботажа, происходящие на предприятиях, где эти лица работают».

Автор этого документа Тербовен прибавляет следующую фразу, уличающую фельдмаршала Кейтеля:

«Это требование может быть выполнено успешно лишь в том случае, если я смогу действительно приступить к расстрелам...»

Председатель: Господин Дюбост, правильно ли я понимаю, что в Бельгии, Голландии, Норвегии и Дании были изданы аналогичные распоряжения и приказы в отношении заложников?

Дюбост: Я именно собирался, господин председатель, зачитать те из них, которые касаются Бельгии, Голландии и Норвегии.

Относительно Бельгии, например, на странице 6 документа Ф-683, который является официальным документом бельгийского министерства юстиции, в параграфе 5 вы найдете следующее: «В будущем население должно знать, что нападение на немецких военнослужащих или членов немецкой полиции в тех случаях, когда виновные не могут быть арестованы, вызовет расстрел заложников, число которых будет определяться в соответствии с тяжестью совершенного и во всяком случае не менее пяти заложников, если нападение привело к смертельному исходу.

Все политические заключенные в Бельгии будут отныне рассматриваться как заложники»...

Кейтель несет полную ответственность за развитие этой политики казней заложников. К нему поступали сведения, да и сами немецкие генералы признавали, что эта политика вышла за пределы той цели, которую она должна была преследовать, и могла стать опасной. 16 сентября 1942 г. генерал Фалькенхаузен написал письмо, из которого я процитирую один абзац (это документ ПС-1594, который я представляю под номером РФ-281):

«При сем прилагаются данные о казнях заложников, проведенных до сего дня в моем секторе, и о событиях, послуживших причинами этих казней. Во многих случаях, в особенности в наиболее важных, лица, производившие покушения, арестовывались и немедленно осуждались. Эти результаты отнюдь не способствуют умиротворению. Такие меры являются не столь запугивающими, сколь разрушающими право и безопасность в глазах населения. Исчезает та пропасть, которая существовала между частью населения, находящейся под влиянием коммунистов, и остальным населением; все слои населения будут полны ненависти к оккупационным силам, что поможет вражеской пропаганде. Это опасно в военном отношении и неблагоприятно отразится на проведении общей политики». Подписано: «Фалькенхаузен»...

Я ограничусь в своей обвинительной речи несколькими типичными примерами казней, которые разоблачают политический план генерального штаба, предписывавшего их совершение, террористический план, заключавшийся в создании розни между французами и в усилении этой розни, если рассматривать вопрос в общих чертах. Это же относится к населению всех оккупированных стран.

Я предъявляю документ, который называется «Объявление для жителей Парижа».

В этом документе воспроизведены некоторые из многочисленных объявлений, которые помещались в газетах с 1940 г. по 1945 г. и в которых сообщалось об арестах заложников в Париже, в районе Парижа и во Франции. Я оглашу лишь один из этих документов. На этом документе имеется заголовок «№ 6, за 19 сентября 1941 г.». В этом документе вы обнаружите призыв к доносу, призыв к предательству. Вы увидите, как в нем используются средства коррупции, средства, систематически применявшиеся во всех странах Запада в течение оккупации, средства, с помощью которых стремились деморализовать население этих стран.

А вот еще объявление:

«21 августа. Обращение к населению оккупированных территорий.

21 августа трусливые убийцы напали сзади на немецкого солдата и убили его. В связи с этим я приказал взять заложников. Я пригрозил расстрелять часть этих заложников в том случае, если подобные покушения повторятся.

Новые преступления заставили меня привести эту угрозу в исполнение. Несмотря на это, многочисленные покушения имели место и в дальнейшем.

Я признаю, что население в своем большинстве сознает свой долг, который заключается в оказании помощи оккупационным властям, в их усилиях, направленных на поддержание спокойствия и порядка в стране, что делается также и в интересах местного населения.

Но среди вас имеются агенты, оплачиваемые державами — противниками Германии, преступные коммунистические элементы, которые имеют перед собой единственную цель — посеять раздор между оккупирующей державой и французским населением. Эти лица проявляют безразличие к тем последствиям, которые могут быть вызваны их деятельностью в отношении всего населения.

Я не хочу далее подвергать угрозе жизнь германских солдат. Для того чтобы выполнить свой долг, я не отступлю ни перед какими мерами, какими бы суровыми они ни были, но моим долгом также является признание ответственности всего населения, поскольку до настоящего времени оно не схватило этих преступников и не подвергло их наказанию, которого они достойны.

Я считаю себя вынужденным принять меры, и прежде всего в Париже, меры, которые, к сожалению, создадут затруднения в обычной жизни населения.

Французы! От вас самих зависит, усугублю ли я эти меры или же вновь откажусь от того, чтобы их использовать. Я призываю вас всех, вашу администрацию и вашу полицию содействовать путем проявления вами предельной бдительности и вашей личной активной помощи в аресте виновных. Необходимо предупреждать о преступных действиях и доносить на их участников в целях избежания критической ситуации, которая повергла бы всю страну в несчастье». Подпись: «Штюльпнагель». ...

В районах на Севере Франции, которые в административном отношении были присоединены к Бельгии и находились под властью генерала Фалькенхорста, осуществлялась та же политика истребления.

В других странах Запада, помимо Франции, число подобных казней исключительно велико...

Тысячи и десятки тысяч граждан во всех западных странах были казнены без суда в виде репрессий за действия, в совершении которых они не участвовали.

Каждое покушение вызывало казнь заложников; каждый расстрел заложников вызывал в отместку новые покушения. Как общее правило, объявление о новых казнях заложников погружало страны в оцепенение и заставляло каждого гражданина осознавать судьбу своей Родины, несмотря на усилия германской пропаганды. Можно было бы думать, что ввиду провала этой политики террора подсудимые изменят свое поведение. Однако они, наоборот, усугубляли свои зверства...

Из имеющихся документов мы узнаем, что в этих зверствах повинны подсудимый Риббентроп, подсудимый Геринг, подсудимый Кейтель, так как именно их управления вносили предложения, и мы знаем, что эти предложения были приняты.

...Аресты производились представителями всех видов репрессивной системы Германии: гестаповцами в форме и без формы, СД и жандармерией (особенно на демаркационной линии), вермахтом, СС и т. д.

...Я не могу перечислить города и деревни, где под предлогом заговоров или покушений целые семьи не подвергались бы каре. Немцы стали действовать облавами, когда система трудовой повинности не представляла больше достаточной рабочей силы.

...Большинство французов, которые таким образом были захвачены, не были в действительности использованы на работе в Германии, а сосланы для того, чтобы быть заключенными в концлагеря.

Эти облавы никогда не имели юридических оснований. Они даже не были представлены в качестве действий, основывавшихся на мнимом праве прибегать к системе захвата заложников, о которой мы говорили. Они всегда были произвольными, всегда производились без видимой причины и во всяком случае никогда не обусловливались какой-либо репрессией за действия французов. Другие массовые аресты производились по причинам расового порядка. Они носили тот же подлый характер, как и аресты политического порядка.

Некоторым германским полицейским было специально поручено обнаруживать евреев по внешнему облику. Эта группа полицейских называлась «бригадой физиономистов».

Проверка мужчин иногда происходила публично: например, на вокзале города Ниццы их заставляли раздеваться под угрозой револьвера.

Парижане помнят об облавах, производимых по кварталам города, о громадных полицейских автобусах, которые возили вперемешку стариков, женщин и детей. Арестованных собирали на зимнем велодроме в ужасных условиях с точки зрения гигиены, а летом везли в Дранси, откуда их пересылали дальше.

Облава, произведенная в августе 1941 г., приобрела плачевную славу: все выходы из станции метро 11-го округа города были закрыты, и все евреи этого округа были арестованы и заключены в тюрьму. Облавы в декабре 1941 г. коснулись особенно интеллигенции. Затем были произведены облавы в июле 1942 г.

После того как вся Франция была оккупирована, все города южной зоны, особенно Лион, Гренобль, Канны и Ницца, куда переехало большое количество евреев, подверглись облавам.

Немцы искали всех еврейских детей, нашедших приют у частных лиц или в различных организациях.

В мае 1944 г. были арестованы дети колонии в Эйзье, а также дети, нашедшие себе приют в других колониях.

Я не думаю, чтобы эти дети были врагами германского народа и чтобы они могли представлять какую-либо угрозу германской армии во Франции.

...Я должен представить доказательства того, что преступления отдельных начальников немецкой полиции в каждом городе и каждом районе оккупированных западных стран были совершены во исполнение указаний из центра, указаний, исходивших от германского правительства. Это даст нам возможность коснуться одного за другим каждого из подсудимых...

Интернированные и задержанные во Франции лица содержались в гражданских тюрьмах, которыми завладели немцы, или в некоторых отделениях французских тюрем, занятых немцами, доступ в которые был запрещен всем французским официальным чиновникам.

Во всех этих местах лишения свободы заключенные подвергались одинаковому режиму. Этот режим был совершенно бесчеловечным и едва давал возможность заключенным выжить в этих тягчайших условиях.

В Лионе и крепости Монлюк женщины в качестве пищи получали только чашку настоя из трав в семь часов утра и маленькую миску супа с крошечным куском хлеба в пять часов вечера. Это установлено документом Ф-555.

В этом документе дан анализ собранных свидетельских показаний. Свидетельница показывает, что по прибытии в крепость Монлюк «заключенные, захваченные гестапо во время облавы 20 сентября, были лишены всего своего имущества. Они подвер-

гались свирепому обращению. Питание было минимальным. Совершенно не принималась во внимание женская стыдливость».

Это свидетельское показание было дано в Сен-Женгольфе 9 октября 1943 г. Оно относится к арестам в Сен-Женгольфе, произведенным немцами в сентябре 1943 г.

«У возвращавшихся с допроса молодых людей пальцы ног были обожжены кислотой, у других на икрах ног были ожоги от паяльника. Наконец, некоторые были искусаны полицейскими собаками...»

Я говорил о том, что намереваюсь показать, как в единообразии жестокого обращения, которому подвергались допрашиваемые заключенные во всех немецких полицейских органах, обнаруживается проявление единой воли, о которой мы не можем представить вам прямых доказательств. Но мы докажем это убедительным образом потому, что идентичность методов предполагает единство той воли, которая, как мы утверждаем, могла исходить только от верхушки немецкой полиции, то есть от германского правительства, членами которого были подсудимые. ...

Как происходили пытки? Жертву сгибали, руки привязывались к правой ноге, потом бросали на землю и в течение 30 минут били палкой. Если жертва теряла сознание, ей на лицо выливали ведро воды. Это все делалось для того, чтобы заставить говорить. ...

В других случаях жертву помещали в специальную исправительную камеру. Руки привязывали к железной решетке над головой. В таком положении пытали до тех пор, пока пытаемый не начинал говорить.

Пытки электричеством: один конец электрического провода прикрепляли к ногам жертвы, а другой — к другим частям тела. Пытки были тем более ужасны, что немцы зачастую сами точно не знали, какие сведения они хотели получить, и пытали людей наугад.

Один из способов пытки заключался в том, что жертву вешали за руки, связанные за спиной, и держали в таком положении до тех пор, пока плечи совершенно не выворачивались. После этого бритвами резали кожу на ступнях ног и заставляли ходить по разбросанной соли».

Документ Ф-560 представляет собой отчет профессора Поко о зверствах, совершенных немцами на севере Франции и в Бельгии. Этот отчет касается деятельности немецкой полиции во Франции — в Аррасе, Бетюне, Лилле, Валансьенне и других пунктах; в Бельгии — в Фор-де-Юи, Кам-де-Бельверко.

К этому отчету приложено 73 письменных показания жертв. Из этих показаний явствует, что жестокости и варварские методы, которые применялись во время допросов, были одинаково бесчеловечны в различных местах.

«На заключенного, который пытался совершить побег и был снова пойман, были в его камере напущены полицейские собаки, разорвавшие его на части».

Господин Эррера присутствовал при пытках, которым подвергались многие лица, и видел поляка по фамилии Рипц, которому жгли подошвы ног. Затем этому поляку разбили голову, а после выздоровления он был расстрелян.

Мы стремимся показать, что истязатели повсюду применяли при пытках одинаковые методы и что они могли это делать только во исполнение тех приказов, которые давались им начальством.

Из показаний господина Альфреда Дьедоне видно, насколько жестоким было обращение, которому он подвергался:

«18 августа наносились удары молотком по чувствительным частям тела.

19 августа я был погружен в воду.

20 августа моя голова была зажата в тиски.

21 и 24 августа я был закован в цепи день и ночь.

26 августа я все еще оставался закованным в цепи день и ночь и подвешен за руки».

Женщины подвергались такому же обращению, как и мужчины.

«К физическим мучениям пытавшие их садисты добавляли моральные страдания, особенно мучительные для женщин или для молодых девушек, которых палачи раздевали догола. Беременность не избавляла от побоев и когда в результате истязаний происходили преждевременные роды, женщины оставались без всякого ухода и подвергались тем опасностям и осложнениям, к которым могли привести эти преступления».

...Свидетельские показания заканчиваются общим изложением методов, которые применялись при пытках:

«1. Избиение хлыстом из воловьих жил.

2. Ванна. Жертву опускали вниз головой в ванну, наполненную холодной водой, и она находилась там до тех пор, пока не начиналось удушье. Потом несчастному делали искусственное дыхание. Если истязуемый не говорил, то это повторялось по нескольку раз подряд. В намокшей одежде он проводил ночь в холодной камере.

3. Пытки электрическим током. Провода прикреплялись сначала к рукам, потом к ногам, к ушам, а затем один провод прикреплялся к заднему проходу, а другой к концу мужского члена.

4. Половые органы зажимались в специальные тиски или скручивались.

5. Подвешивание. Руки сковывались за спиной. Крюком зацепляли за наручники и при помощи блока жертву поднимали. Сначала человека поднимали и опускали рывками. Потом его держали подвешенным довольно долгое время. Очень часто руки бывали вывихнуты. Я видел в лагере лейтенанта Лефевра, который не мог пользоваться обеими руками, потому что был подвешен таким образом в течение четырех часов.

6. Ожоги при помощи паяльной лампы или просто спичками. 2 июля в лагерь прибыл мой товарищ Лалу, учитель из департамента Шер, который перенес большую часть этих пыток в городе Бурж. У него была вывихнута рука, и в результате подвешивания он не мог двигать ни одним пальцем правой руки. Он перенес избиение хлыстом и пытки электричеством. Его жгли спичками. Ему загоняли обрезанные спички под все ногти на руках и ногах. Ему надевали кольца из ваты на руки и на ноги. Вата и спички поджигались. В то время как все горело, один немец неоднократно вонзал ему острие ножа в подошвы ног, а другой в это же самое время бил его плетью. Фосфором у него были сожжены некоторые пальцы вплоть до второго сустава. Образовавшиеся нарывы прорвались. Это спасло его от заражения крови».

За подписью господина Маньона, начальника штаба одной из частей французских сил внутреннего Сопротивления, освободивших департамент Шер, имеется следующий протокол допроса. Его подпись удостоверена официальными французскими властями.

«После освобождения города Бурж 6 сентября 1944 г. было произведено обследование застенков гестапо. При этом было найдено орудие пыток: браслет, составленный из многочисленных твердых деревянных шариков со стальными наконечниками. К нему было приделано приспособление, позволяющее завинчивать его на кистях рук. Этот браслет видели многие солдаты и командиры партизанских отрядов района Шапету-Салон».

...Это систематическое обращение к одним и тем же преступным приемам для того, чтобы добиться единственной цели — терроризировать население, не является поступком какого-нибудь одного второстепенного начальника, распоряжавшегося только в нашей стране, о чем не знает его правительство или генеральный штаб армии. Обнаруживается, что те же самые ужасные пытки и зверства систематически повторялись во всех западных странах. Если ознакомиться со способами действия германской полиции в этих странах — идет ли речь о Дании,

Бельгии, Голландии или Норвегии, — везде и всегда допросы в гестапо проводились такими же зверскими приемами, с тем же нарушением прав защиты, с тем же презрением к человеческой личности.

О Дании мы приведем документ, уже представлявшийся под номером РФ-317, который является официальным докладом Датского правительства, составленным в октябре 1945 г. Мы зачитаем из него несколько строчек, которые вы найдете в небольшой книге документов, приложенной к большой книге, переданной вам сегодня утром. Нам кажется, что эти строчки полностью освещают интересующий нас вопрос. Это документ Ф-666 — выдержка из датского меморандума от октября 1945 г. в отношении главных военных немецких преступников, дело которых разбирается Международным Военным Трибуналом.

На странице 5 под заголовком «Пытки» имеется краткое резюме, в котором изложено все, что относится к этому вопросу по Дании:

«В многочисленных случаях германская полиция и ее подручные прибегали к пыткам для того, чтобы заставить захваченных ими людей признаваться или давать сведения. В большинстве случаев пытки состояли в ударах кнутом, дубинками или резиновыми палками. Использовались также гораздо более жестокие формы пыток. Некоторые из них калечили людей на всю жизнь.

Бовензипен заявил, что приказ об обращении к пыткам исходил в некоторых случаях от высших властей, даже, может быть, от Геринга, но во всяком случае от Гейдриха. В инструкциях указывалось, что к пыткам можно прибегать в тех случаях, когда нужно заставить подвергаемых пыткам лиц дать сведения, которые помогут обнаружить диверсионные организации, действующие против Германской империи, но не для того, чтобы заставить правонарушителя признаться в своих личных проступках».

...Нам достаточно знать, что германское право, которое действовало в отношении граждан западных оккупированных стран, не смирившихся с разгромом своих стран, признавало только одну кару — смертную казнь. Все это делалось по безжалостным приказам одного из этих людей — Кейтеля. Один из приказов содержится в оглашенном уже документе Л-90, который представлялся под номером США-224. Строчка 5: «...За поступки такого рода кара, лишающая свободы, и даже пожизненное заключение считаются признаком слабости. Добиться эффективности можно только смертной казнью или такими мерами, которые обус-

ловливают незнание населения о судьбе виновных. Угон в Германию как раз достигает этой цели».

Нужно ли это комментировать? Следует ли удивляться тому, что этот военачальник отдает приказы юстиции? То, что мы знаем о нем со вчерашнего дня, позволяет нам сомневаться в том, что он представляет собой только военачальника. Мы процитировали вам его собственные слова: «Добиться эффективности можно только смертной казнью».

«Если суд не может приговаривать к смертной казни, — продолжает Кейтель, — тогда пусть ссылают!» Я думаю, господа судьи, вы разделяете мое мнение, что когда такие приказания отдаются суду, то о правосудии не может быть речи. Во исполнение этого приказа те из наших соотечественников, которые не были приговорены к смертной казни и немедленно казнены, были угнаны в Германию.

...Чтобы дать представление, чем занимался немецкий Красный Крест, а также чтобы закончить этот вопрос, нужно добавить, что на странице 162 документа Ф-321 имеется доказательство того, что под маркой Красного Креста в лагеря Освенцима (Аушвица) для газовых камер в железных банках со знаком немецкого Красного Креста перевозился отравляющий газ.

...В связи с угоном населения все жители порабощенных стран Западной Европы оказались вместе со своими товарищами по несчастью с Востока в концентрационных лагерях Германии. Эти лагеря были средством реализации политики уничтожения, которую проводила Германия после того, как власть в ней захватили национал-социалисты. Употребляя слова Гитлера, эта политика истребления проводилась в целях предоставления для немцев места в Европе на соседних с Германией территориях, которые составляют «жизненное пространство» Германии.

В последующее время полиция и германская армия не расстреливали более заложников, как в первый период оккупации, но тем не менее ни армия, ни полиция не щадили их. С 1943 г. их угоняли все в большем и большем количестве в концлагеря Германии, где предпринималось все возможное, чтобы истребить их, используя на непосильных работах и уничтожая в газовых камерах.

Перепись, которая была нами произведена, позволяет утверждать, что из Франции было вывезено более 250 тысяч человек и только 30 тысяч человек возвратилось. В документе Ф-497, предъявленном под номером РФ-339, указывается, что на 600 тысяч арестов, которые были произведены немцами во Фран-

ции, 350 тысяч имели целью заключение под стражу во Франции и в Германии.

На первой странице документа Ф-497 указывается:

«Общее число угнанных — 250 тысяч.

Число депортированных, которые возвратились, — 30 тысяч». ...

Переходим к оглашению документа ПС-1584. Этот документ подписан Герингом и адресован Гиммлеру. Из второго абзаца этого документа неоспоримо вытекает ответственность Геринга за преступное использование в качестве рабочей силы насильственно угнанных. Оглашаю второй абзац на второй странице:

«Дорогой Гиммлер, прошу вас также предоставить в мое распоряжение для производства авиационного вооружения необходимое количество заключенных, поскольку вплоть до настоящего времени опыт показывает, что эта рабочая сила может быть использована весьма успешно. Обстановка, вызванная воздушной войной, делает необходимым создание подземных промышленных предприятий. Именно в этой области вопрос об использовании труда заключенных и их размещении особенно тщательно разработан».

Итак, мы знаем теперь, кто несет ответственность за те ужасающие условия, в которых находились заключенные в лагерях, — виновник этого сидит на скамье подсудимых.

Что касается стремления уничтожить заключенных, о чем мы говорили в начале сегодняшнего заседания, то мы считаем, что это устанавливается прежде всего документом за номером Р-91. Мы считаем, что это доказывается также и показаниями свидетелей, подтвердивших, что во всех лагерях, где они находились в заключении, проводилась одна и та же политика уничтожения заключенных посредством непосильного труда.

Что касается зверского уничтожения при помощи газа, то это доказывается, кроме всего прочего, также счетами за поставки удушливых газов в лагеря Ораниенбург и Освенцим. Эти документы мы представляем Трибуналу за номером РФ-350 (ПС-1553).

Свидетель госпожа Вайян-Кутюрье сообщила нам, что газы, которые должны были использоваться для уничтожения вшей и других паразитов, использовались также для уничтожения людей.

В Освенцим и в Ораниенбург направлялось значительное количество ядовитых веществ в кристаллах. По одному из счетов

от 30 апреля 1944 г. Трибунал установит, что было отправлено 832 кг кристаллического ядовитого вещества.

В документе РФ-321 говорится: «Единственное объяснение, которое эсэсовцы давали заключенным, это то, что ни один узник никогда не должен выйти из этого места живым».

Страница 179: «Эсэсовцы нам говорили: „Единственным выходом из лагеря является труба крематория".

Страница 174: «Умерщвление газом и кремация. Главной задачей этого лагеря являлось уничтожение возможно большего числа людей; он назывался „лагерем смерти", „лагерем уничтожения"».

Уничтожение, истребление заключенных производилось двумя различными способами. Один способ — постепенное умерщвление, другой — быстрое и более зверское. Во второй книге документов мы находим отчет британской парламентской делегации от апреля 1945 г., из которого огласим следующую выдержку на странице 30:

«Мы, тем не менее, в заключение намереваемся заявить, что, по нашему единодушному и глубокому убеждению, основанному на веских доказательствах, в лагере Бухенвальде в течение длительного времени проводилась политика, направленная на создание обстановки систематического голода и бесчеловечной жестокости, а также что подобные лагеря свидетельствуют о том, что в данном случае был достигнут наивысший предел человеческой деградации».

В докладе комитета, созданного генералом Эйзенхауэром под руководством начальника генерального штаба Джорджа Маршалла, конгрессу Соединенных Штатов по вопросу о зверствах и условиях существования в концентрационных лагерях в Германии на странице 31 говорится:

«Целью, которая преследовалась в этом лагере, было уничтожение. Средства уничтожения: голод, побои, пытки, скученность, болезни. Все это усугублялось тем, что заключенных принуждали работать на военном заводе, который был расположен поблизости от лагеря и на котором производили легкое оружие, винтовки...»

Для достижения систематического уничтожения применялись разнообразные средства. Мы представляем документы, которые являются печатными инструкциями, изданными в Освенциме. Они устанавливают, какое количество ударов можно было наносить заключенным.

Вся лагерная система вела к тому, чтобы осуществлять непрерывное уничтожение находившихся там в заключении лю-

дей. Все лагеря были расположены в местностях с суровым климатом. Во многих из них люди работали под землей. В свидетельских показаниях, которые были заслушаны вами, освещены условия жизни в этих лагерях, начиная с момента прибытия заключенных...

Мы не будем дальше задерживаться на описании лагерных бараков и санитарных условий в бараках. Четыре свидетеля, которые содержались в различных лагерях, сообщили вам, что в различных лагерях были одинаковые антисанитарные условия и что повсюду в бараках была чрезвычайная скученность. Мы знаем, что повсюду не хватало воды, что повсюду заключенные спали по два-три человека на нарах шириной в 75–80 см. Нам известно, что никогда не сменялось белье и что оно находилось в очень плохом состоянии...

...Ко всем этим жалким условиям существования прибавлялась еще изнурительная работа заключенных, используемых на самых тяжелых работах. Мы знаем, что они работали в рабочих партиях и на заводах. Мы знаем также из показаний свидетелей, что продолжительность рабочего дня достигала 12 часов и более.

Свидетели говорили нам о том, что люди работали в воде, в грязи, на подземных заводах, например в Дора или в каменоломнях в Маутхаузене.

Помимо этой изнурительной работы, заключенные подвергались зверскому обращению со стороны эсэсовцев и капо, которые их избивали, травили собаками.

Документ РФ-274 дает нам официальное подтверждение этим фактам.

На страницах 77 и 87 этого документа говорится о том, что все заключенные, будучи в самых антисанитарных условиях и независимо от состояния здоровья, принуждались к выполнению работ. Для заключенных не существовало карантина даже во время больших эпидемий.

Французский документ РФ-392 является свидетельским показанием доктора Штейнберга, которое подтверждает показание Вайян-Кутюрье.

«Утром мы получали пол-литра жидкой похлебки. Во время умывания надзиратель, стоявший у дверей, подгонял нас дубинкой. Отсутствие элементарных санитарных условий вызвало эпидемию тифа».

Пятый параграф: «Нас снабдили деревянными башмаками, и через несколько дней ноги покрылись ранами, которые вызывали флегмону. Во многих случаях это кончалось смертью...»

...Дальше представлять материалы о концлагерях нет надобности. Мы считаем доказанным тот факт, что Германия в своих лагерях для превентивно заключенных и концлагерях проводила политику, преследующую цель уничтожения своих противников и в то же самое время создания режима террора, который она использовала для того, чтобы содействовать достижению своих политических целей.

Глава 28
Атрибут нацизма — лагерь

Не нацисты изобрели концентрационные лагеря, но они довели их до чудовищного совершенства.

Места массового заключения потребовались сразу после прихода Гитлера к власти в 1933 г. для изоляции политических противников. Нацистов тревожило, что на победных для НСДАП выборах в рейхстаг в марте 1933 г. шесть миллионов немцев проголосовали за кандидатов от коммунистической партии и восемь миллионов — от социалистической.

Строительство концлагерей стало первым и весьма символичным созидательным актом нацистов. Начав с Ораниенбурга (впоследствии Заксенхаузен) под Берлином, они создали целую сеть лагерей.

По всей стране начались превентивные аресты потенциальных антифашистов. Обвинения им не предъявлялись. Достаточно было принадлежности к левым партиям или каких-либо подозрений. Лагеря наполнялись также профсоюзными активистами и участниками пацифистского движения. Отдельной и большой категорией «врагов», и, соответственно, контингентом арестованных, были евреи — объект грядущего геноцида.

Для подавления воли узников к сопротивлению едва ли не с первых дней нацисты установили предельно строгий режим. Так, 1 октября 1933 г. комендант концлагеря Дахау издал приказ, по которому смертью через повешение карались даже те, кто «собирает правильную или неправильную информацию о концлагерях», «ведет разговоры на политические темы в любом месте — на кухне, в мастерских, уборных», «слоняется с другими без дела».

В 1938–1939 гг. система концентрационных лагерей была распространена на оккупированные Германией страны. В Австрии «заработал» Маутхаузен, Польше — Освенцим, Франции — Натцвейлер, Голландии — Герцогенбош... Огромная система, державшая в заключении 18 миллионов человек, состояла из 14 033 концлагерей, их филиалов, тюрем, гетто.

Это были опорные пункты репрессий против народов всей Европы и геноцида по плану «окончательного решения» еврейского вопроса.

Как и прежде, оснований для ареста не требовалось. Единственный принцип был такой: хватать всех подозрительных. Решения одного немецкого офицера-эсэсовца, проводившего аресты в оккупированной стране, было достаточно, чтобы отправить в газовую камеру целый эшелон узников. Если в сопроводительных документах стояли буквы «О» или «М», то это автоматически означало отравление газом в Освенциме или Майданеке.

И без газовых камер смертность от голода, болезней, побоев, пыток, издевательств, непосильного труда была ужасающей. Никакой ответственности за жизнь заключенных администрация лагерей не несла. Наоборот, невиданные зверства поощрялись и почти не скрывались. В документах трибунала есть длинные списки узников будто бы умерших от «болезни сердца». При этом уходили на тот свет они строго в алфавитном порядке.

Такая нацистская «свобода» пробуждала в персонале лагерей самые темные — звериные и садистские наклонности. Отправляя людей на смерть тысячами, они теряли человеческий облик. В числе вещественных доказательств на процессе фигурировали такие повергающие в дрожь «сувениры» эсэсовцев, как засушенная голова узника со следами веревки на шее, настольная лампа с абажуром из человеческой кожи.

Нацисты рассматривали заключенных как рабов — дармовую рабочую силу и использовали на самых тяжелых работах — в каменоломнях, на военных заводах и т. д. При этом им начислялась зарплата, которая никогда не выплачивалась. Деньги шли на счет СС в рейхсбанке. Например, в 1943 г. на него поступило сто миллионов рейхсмарок.

А когда работы для всех узников не хватало, их выгоняли на бесконечные издевательские упражнения: перетаскивать с места на место тяжелые камни, копать и засыпать ямы...

Нацисты доводили людей до такого состояния, что смерть казалась избавлением от мучений. И она была массовой — в газовой камере, каменоломне, бараке, от пули конвоира, от болезней и голода... В концентрационных лагерях были хладнокровно погублены миллионы ни в чем не повинных граждан СССР, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ США Т. ДОДДОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 13 декабря 1945 г.]

Концентрационный лагерь в гитлеровской Германии был одним из основных институтов и орудий нацистского режима. Это было основное орудие в борьбе против евреев, против рабочих, против всех тех, кто хотел мира, против всякой оппозиции, против любых отклонений от нацистских норм. Мы утверждаем, что требовалось систематическое использование террора для того, чтобы достичь тех условий внутри Германии, которые были необходимы для выполнения агрессивных планов заговорщиков.

Мы намереваемся показать, что концентрационный лагерь был одним из основных орудий, которым пользовались нацистские заговорщики для совершения в огромных масштабах преступлений против человечности и военных преступлений. Это было последнее звено в цепи террора и репрессий, которые проводились силами СС и гестапо путем арестов и заключения жертв в тюрьмы без суда и обычно без всякого указания сроков заключения.

Мои коллеги представят более полные доказательства относительно преступной роли СС и гестапо в этой области нацистского террора; в настоящий момент я хочу лишь указать, что СС посредством своей системы шпионажа находила жертвы, полиция и гестапо схватывали людей и направляли их в концентрационные лагеря, которые управлялись организацией СС.

Трибунал уже знает из показанных здесь кинофильмов об ужасных зверствах в концентрационных лагерях. Кроме того, в настоящее время в других судах при рассмотрении судебных дел устанавливаются существовавшие в концентрационных лагерях условия. Поэтому мы не собираемся говорить об отдельных зверствах. Мы хотели бы представить доказательства преступности целей заключения в эти лагеря, незаконности использовавшихся в них методов террора, доказательства огромного количества погибших жертв...

Нацисты сразу поняли, что без решительных мер против действительной и потенциальной оппозиции они не могли бы укрепить свою власть над германским народом. Немедленно после того, как Гитлер стал канцлером, заговорщики уничтожили гражданскую свободу изданием чрезвычайного президентского декрета от 28 февраля 1933 г.

На основании этого декрета издается приказ о превентивном заключении (документ ПС-2499, США-232).

«Приказ о превентивном заключении. На основании статьи 1 декрета имперского президента об охране народа и государства от 28 февраля 1933 г. („Рейхс-гезетцблатт“ 1, страница 133) вы подвергаетесь превентивному заключению в интересах общественной безопасности и порядка.

Причина: подозрение в деятельности, направленной против государства».

Вот второй документ ПС-2324, США–233.

«...Мы должны были безжалостно расправиться с этими врагами государства. Не следует забывать, что в тот момент, когда мы захватили власть, свыше 6 миллионов официально голосовали за коммунизм и около 8 миллионов — за марксизм во время выборов в рейхстаг в марте. Таким образом, были созданы концлагеря, в которые мы посылали в первую очередь тысячи активистов коммунистической и социал-демократической партий».

На практике власть заключать людей в эти лагеря не имела предела. Подсудимый Фрик в приказе, изданном 28 января 1933 г., как министр внутренних дел дал это ясно понять. Выдержка из этого приказа имеется в документе ПС-1723, на который мы ссылаемся. Этот документ представляется под номером США-206.

«...Превентивное заключение можно рассматривать как принудительную меру государственной тайной полиции против лиц, которые своими действиями угрожают безопасности народа и государства, чтобы противодействовать всем стремлениям врагов народа и государства.

...В подтверждение всех ранее изданных указаний относительно сотрудничества партий и гестапо приказываю:

1. Фюрером дано задание гестапо выявлять и устранять всех врагов партии и национал-социалистского государства, все направленные против них разлагающие силы. Успешное решение этой задачи является одной из самых важных предпосылок для обеспечения свободной и эффективной работы партии. Гестапо, выполняя чрезвычайно важную задачу, должно получать всяческую поддержку и содействие со стороны партии».

Таким образом, заговорщики направили свой аппарат террора против так называемых «врагов государства», против «разлагающих сил», против лиц, которые могли угрожать государству «своей оппозицией».

Кого они причисляли к этим категориям? Во-первых, тех людей в Германии, которые хотели мира. Мы ссылаемся на документ Л-83, представляемый за номером США-231.

Этот документ является протоколом свидетельского показания, данного под присягой Герхартом Сегаром. Я хотел бы зачитать выдержку из этого показания:

«...2. В период после Первой мировой войны и до моего заключения в Лейпцигскую тюрьму, а затем в концлагерь Ораниенбург весной 1933 г., после прихода нацистов к власти в январе того же года, мои деловые и политические связи поставили меня под удар нацистских теорий и террористической тактики. Мое столкновение с нацистами из-за моего участия в движении за мир и из-за того, что я был членом рейхстага, представителем социал-демократов, которые были враждебно настроены по отношению к национал-социализму, ясно показало, что даже до 1933 г. нацисты считали преступления и террор необходимым и желанным орудием в разгроме демократической оппозиции.

...Тот факт, что нацисты рассматривали концлагеря как средство разгрома оппозиционных элементов, привлек мое внимание во время беседы, которую я имел с доктором Вильгельмом Фриком еще в декабре 1932 г. В то время Фрик был председателем комиссии по иностранным делам рейхстага, депутатом которого я являлся. Когда я решительно возразил Фрику во время одного обсуждения, он ответил: „Не волнуйтесь. Когда мы будем у власти, мы всех вас посадим в концлагеря". Когда нацисты захватили власть, Фрик был назначен министром внутренних дел и быстро выполнил свою угрозу в сотрудничестве с Герингом, начальником прусской государственной тайной полиции, и Гиммлером».

Этот абзац показывает, что даже до того как нацисты захватили власть в Германии, они составили план устранения потенциальной оппозиции. Такое заявление Фрика Сегару является показательным и совпадает с более ранним заявлением Фрика от 18 октября 1929 г.

Теперь я ссылаюсь на документ ПС-2513, представленный в качестве доказательства под номером США-235.

«...Эта роковая борьба начнется с выборов. Но это не может продолжаться неопределенное время, потому что история учит нас, что в битве должна проливаться кровь, и железо должно быть сломлено. Выборы явятся началом этой роковой борьбы. Мы полны решимости осуществить силой то, что проповедуем. Как Муссолини уничтожил марксистов в Италии, так и мы должны достичь этой цели путем диктатуры и террора».

Имеется много дополнительных примеров использования концлагерей против людей, которые хотели мира. Была, например, группа ... пацифистов, и заговорщики предусмотрели, что-

бы они не только подвергались судебному преследованию, но и были заключены после отбытия наказания в концлагеря.

Ссылаюсь на документ Д-34, США-236. Это приказ государственной тайной полиции Берлина, датированный 5 августа 1937 г.

«...Имперский министр юстиции сообщил мне, что он не разделяет мнения, неоднократно высказывавшегося подведомственными инстанциями, согласно которому арест этих пацифистов после того, как они отбыли наказание, якобы угрожает авторитету судов. Он вполне понимает необходимость принятия мер государственной полицией после отбытия наказания, однако он просит не подвергать их превентивному заключению при обстоятельствах, которые могут нанести ущерб авторитету судов.

...Если от соответствующих властей получают сведения относительно предполагающегося освобождения того или иного члена группы пацифистов, то будет потребовано мое решение относительно мер государственной полиции в соответствии с декретом от 22 апреля 1937 г. с тем, чтобы перевод в концлагерь происходил немедленно после отбытия наказания. Если нет возможности перевести в концлагерь немедленно после отбытия наказания, эти люди должны содержаться в полицейских тюрьмах».

Профсоюзы ... также почувствовали всю силу нацистского террора. Один из наших сотрудников — майор Уоллис уже представил доказательства кампании заговорщиков против профсоюзов. Конечно, концлагерь был важным орудием и в этой кампании. Как помнит Трибунал, в документе, на который я ссылался сегодня утром (ПС-2324), подсудимый Геринг ясно дал понять, что члены социал-демократической партии должны заключаться в концлагеря. Очень многие профсоюзные руководители были членами этой партии, и они скоро узнали ужасы превентивного заключения. ...

Всему миру хорошо известно, что тысячи евреев были заключены в концлагеря. Доказательства по этому вопросу будут представлены другим сотрудником американского обвинения. Но из огромного количества бесспорных доказательств по этому вопросу я хотел бы представить документ ПС-3051 под номером США-240. Это копия телеграммы группенфюрера СС Гейдриха от 16 ноября 1938 г., разосланной всем участкам государственной полиции, всем районам и подрайонам службы безопасности.

Я сошлюсь на пятый абзац третьей страницы английского перевода этой телеграммы:

«В ходе событий этой ночи предполагается использование соответствующих чиновников во всех районах ввиду того, что максимальное количество евреев, особенно богатых, которых следует заключить в тюрьмы, должно быть арестовано. В настоящее время только здоровые и не слишком старые люди должны быть арестованы. После ареста следует немедленно установить связь с соответствующим концлагерем для того, чтобы заключить их в эти лагеря как можно быстрее...»

В 1943 г. Гиммлер указал, что использование концлагерей против евреев было обусловлено не только расовой политикой нацистов, но и боязнью, что евреи будут служить препятствием к агрессии. Нет нужды рассматривать, правильно было это опасение или нет. Доказательством этому может служить речь Гиммлера на совещании в Познани 4 октября 1943 г. (документ ПС-1919, США-170).

«...Под очищением от евреев я подразумеваю уничтожение еврейской расы... Уничтожение евреев — это наша программа, и мы ее выполняем и уничтожаем их. Но вот приходят 80 миллионов достойных немцев, и каждый из них говорит о своем, приличном еврее. Остальные, конечно, сплошная грязь, — говорит он, — а этот — первоклассный еврей. Ни один из тех, кто говорит таким образом, не видел, как это делается, не знает, что это означает. Большинство из вас видели 100, 500 или 1000 трупов, лежащих подряд. Выдержавшие все это и за некоторыми исключениями оставшиеся приличными ребятами становятся крепкими. Это славная страница нашей истории, потому что мы знаем, как трудно нам было бы во время воздушных налетов, во время военных испытаний, если бы среди нас остались евреи в качестве тайных саботажников, агитаторов и распространителей паники».

Из этого ясно, что до развязывания нацистской агрессии концлагерь был одним из основных орудий, при помощи которого заговорщики достигли таких общественных условий внутри страны, которые были необходимы для осуществления их агрессивных планов. После развязывания агрессии, после того как их армии прошли по Европе, они перенесли концлагерь и всю систему нацистского террора в оккупированные страны. Кроме того, они вывозили граждан оккупированных стран в Германию или другие места и подвергали их всем ужасам нацистского зверства. В этой связи рассмотрим документ Р-91 — письмо Мюллера начальнику полиции безопасности и службы безопасности Гиммлеру от 16 декабря 1942 г.; оно касается отправки польских евреев в концлагеря Германии.

«...В связи с необходимостью увеличения набора рабочей силы для концлагерей, который должен быть завершен к 30 января 1943 г., можно принять следующий порядок в отношении евреев:

1. Общее количество — 45 тысяч евреев.

2. Начало отправки — 11 января 1943 г. Конец отправки — 31 января 1943 г. Немецкие железные дороги не могут предоставить специальных составов для эвакуации евреев с 15 декабря 1942 г. по 10 января 1943 г. ввиду увеличения количества эшелонов с отпускниками из армии.

3. В общее число 45 тысяч евреев должны быть включены 30 тысяч евреев из района Белостока, 10 тысяч из гетто Терезиенштадт, из них 5 тысяч евреев трудоспособных, то есть тех, которые использовались на мелких работах в гетто, и 5 тысяч нетрудоспособных евреев, а также евреев свыше 60 лет...

Как и до сих пор, должны быть вывезены только те евреи, которые не имеют особых связей и высоких наград. 3 тысячи евреев необходимо вывезти с оккупированных голландских территорий, 2 тысячи — из Берлина. Всего 45 тысяч (в число 45 тысяч включаются инвалиды, старики и дети).

После использования практических методов отбора из числа прибывающих в Освенцим трудоспособных евреев должно остаться от 10 до 15 тысяч человек».

Судьба венгерских евреев была столь же трагична. В период с 19 марта 1944 г. по 1 августа 1944 г. было захвачено свыше 400 тысяч венгерских евреев. Многие из них были отправлены в лагеря уничтожения. Об этом свидетельствует документ ПС-2605, США-242.

«...В марте 1944 г., в начале германской военной оккупации, в Будапешт прибыли специальные отряды германской тайной полиции, единственной целью которых было ликвидировать венгерских евреев. Во главе этих отрядов был оберштурмбанфюрер СС, начальник отдела IV-Б главного имперского управления безопасности Эйхман. Среди его непосредственных помощников были: Герман Крумси, гауптштурмфюрер Вислицени, Гунше, Новак, доктор Зайдл, а позднее Данеггер Врток. Они арестовали, а затем отправили в Маутхаузен всех руководителей еврейской политической и деловой жизни и журналистов, а также венгерских демократических антифашистских политических деятелей. Используя „междуцарствие“ в течение четырех дней после немецкой оккупации, они назначили своих квислинговцев на посты в министерстве внутренних дел...

Коменданты лагерей смерти отравляли газом только по прямым или косвенным указаниям Эйхмана. Офицер отдела IV-Б,

который руководил отправкой людей из той или иной страны, имел право указывать, какой железнодорожный состав должен быть отправлен в лагерь смерти и что должно было произойти с отправляемыми. Указания обычно выполнялись сопровождающими поезд унтер-офицерами. Буквы „О“ и „М“ на документах означали Освенцим или Майданек. Это означало, что высылаемые будут отравлены газом...

...На 27 июня 1944 г. было увезено 475 тысяч евреев».

На так называемых «восточных территориях» жертвы, предназначенные для уничтожения в лагерях, захватывались без каких-либо обвинений против них. На западных оккупированных территориях некоторым из жертв предъявлялись обвинения...

Нацистские победы отмечались созданием концлагерей по всей Европе... Из документа Р-129, США-217 — доклада о положении в концентрационных лагерях, подписанного Полем — генералом СС, который занимался вопросами использования заключенных в концлагерях, видно, где размещались эти лагеря. Документ адресован рейхсфюреру СС.

«...Рейхсфюрер, сегодня я докладываю о положении в концлагерях и о мерах, которые я принял для того, чтобы выполнить ваш приказ от 3 марта 1942 г.

1) В начале войны существовали следующие концентрационные лагеря:

a) Дахау: 1939 год — 4 тысячи заключенных, сегодня — 8 тысяч;

b) Саксенхаузен: 1939 год — 6500 заключенных, сегодня — 10 тысяч;

c) Бухенвальд: 1939 год — 5300 заключенных, сегодня — 9 тысяч;

d) Маутхаузен: 1939 год — 1500 заключенных, сегодня — 4700;

e) Флоссенбург: 1939 год — 1600 заключенных, сегодня — 4700;

f) Равенсбрюк: 1939 год — 2500 заключенных, сегодня — 7500».

Далее сказано, в § 2: «В период с 1940 года по 1942 г было создано еще девять лагерей, а именно: 1) Освенцим, 2) Нейенгам, 3) Гузон, 4) Натцвейлер, 5) Гросс-Розен, 6) Люблин, 7) Нидерхаген, 8) Штрутгоф и 9) Арбейтсдорф».

В дополнение к лагерям на оккупированной территории, упомянутым в документе Р-129, было очень много других. В официальном докладе штаба третьей американской армии (документ ПС-2309) сказано:

«Концлагерь в Флоссенбурге был создан в 1938 г. как лагерь для политических заключенных. Строительство началось в 1938 г., и лишь в апреле 1939 года прибыли первые заключенные. С этого момента лагерь постоянно пополнялся заключенными. Флоссенбург был центральным лагерем, и под его контролем было 47 филиалов для мужчин и 27 лагерей для женщин. В эти филиалы посылалось необходимое количество заключенных для различных работ.

Из этих филиалов Хорсбрук и Лейтмериц — в Чехословакии, Оберштаублинг, Мульзен и Заале — на Дунае считались самыми плохими».

...Я хотел бы вкратце указать на обращение, которому подвергались заключенные в этих лагерях. Кинофильм, который был показан составу этого Высокого Суда, уже раскрыл дикое, зверское обращение с союзными гражданскими и военнопленными, а также с другими жертвами нацистского террора. Ввиду того, что кинофильмы достаточно ясно и убедительно показали положение в лагерях, во всяком случае в то время, когда они были сняты, я ограничусь лишь кратким изложением этого вопроса.

Условия, существовавшие в этих концлагерях, конечно, имели прямое отношение к целям, которых нацистские заговорщики хотели достичь вне лагерей с применением террора.

Удивительно, как легко слово «концлагерь» сходило с уст этих людей. Как легко становилось решать все проблемы, когда они могли использовать это ужасное орудие террора. Обращаюсь к документу Р-124, который был представлен под номером США-179. Это запись заседания центрального управления по планированию, членом которого был подсудимый Шпеер и которое определяло стратегию нацистского производства вооружения. Я не буду снова зачитывать этот документ, но, как Трибунал помнит, на этом заседании подсудимый Шпеер и другие обсуждали вопрос о так называемых «ленивых» рабочих и о необходимости принятия решительных мер против таких рабочих, труд которых не удовлетворял хозяев. Шпеер сказал, что «нет ничего плохого в том, чтобы полиция безопасности и СС приняли меры и заключили этих ленивых рабочих в концлагеря». Он произнес слово «концлагерь» и сказал: «Пусть это практикуется чаще и об этом станет известно».

Мы утверждаем, что подобные слова привели к гибели многих жертв. Что касается распространения слухов, то, как предложил подсудимый Шпеер и как мы докажем, это не являлось делом случая.

Было тщательно предусмотрено, чтобы слухи о концлагерях имели соответствующее воздействие на население. Для того чтобы запугать обстановкой террора, эти лагеря были окутаны таинственностью. То, что происходило за колючей проволокой, вызывало ужасные предположения в Германии и странах, находящихся под нацистским контролем.

Такова была политика с самого начала, когда нацисты впервые пришли к власти и создали эту систему концлагерей. В частности, я сошлюсь на документ ПС-778, США-247. Документ представляет собой приказ от 1 октября 1933 г. коменданту лагеря Дахау. В документе излагается целая программа избиений, казней и одиночного заключения за нарушение правил.

Некоторые правила предусматривали строгую цензуру в отношении условий внутри лагеря. Сошлюсь на первую страницу английского текста, статья 11:

«В силу закона о революционерах следующие нарушители порядка, рассматриваемые как агитаторы, будут повешены: любое лицо, которое с целью агитации в лагере, на работе, в жилом помещении, на кухне и в мастерских, уборных и местах отдыха ведет разговоры на политические темы, организует собрания, произносит речи с целью подстрекательства, создает группировки, слоняется с другими без дела, которое в целях пропаганды передает оппозиции рассказы о зверствах, собирает правильную и неправильную информацию о концлагерях, получает такую информацию, прячет ее, передает ее другим, тайным путем предоставляет ее иностранным или другим гостям в письменном виде или устно, передает ее освобожденным заключенным, прячет ее в одежде или других предметах, бросает камни или другие предметы, содержащие такие сведения, через стены лагеря, лицо, которое с целью агитации залезает на крыши бараков или на деревья, пытается установить контакт с внешним миром соответствующими сигналами или выступает в качестве подстрекателя побегов или преступлений, дает соответствующие советы или оказывает какое-либо содействие».

Помимо цензуры, в концлагерях существовали официально инспирированные кампании по распространению слухов о них. О концлагерях говорилось шепотом, а слухи распространялись агентами тайной полиции.

Когда подсудимый Шпеер говорил, что, если мы будем угрожать концлагерями, об этом станет скоро широко известно, это были не пустые слова.

Представляю в качестве доказательства документ ПС-1531 под номером США-248. Этот документ является совершенно се-

кретным. Он адресован всем участкам полиции и гестапо и для сведения — инспекторам полиции и службы безопасности. Это — приказ начальника гестапо о концлагерях.

«Для того чтобы произвести большее воздействие, в будущем следует придерживаться следующего порядка в каждом отдельном случае:

...3. Продолжительность срока заключения не должна ни в коем случае стать известной, даже если рейхсфюрер СС и начальник германской полиции уже установили этот срок. Срок заключения в концлагерь должен публично объявляться как „неограниченный".

В самых серьезных случаях не возражаю против усиления впечатления путем распространения слухов о том, что ввиду серьезности дела арестованный не будет освобожден в течение двух или трех лет.

4. В некоторых случаях рейхсфюрер СС и начальник германской полиции будет отдавать приказ о телесном наказании в дополнение к заключению в концлагерь. Такие приказы в будущем также будут передаваться соответствующему участку государственной полиции. В данном случае также нет возражения против распространения слухов о дополнительном наказании, как указано в разделе 3, § 3, если это окажется желательным для усиления впечатления.

5. Для распространения этих слухов, конечно, должны быть избраны особо подходящие и надежные люди».

Устрашающее действие концентрационных лагерей основывалось на угрозах жестокого обращения. Когда жертва поступала во власть охранников СС, она подвергалась избиениям, пыткам, голодовке, и часто заключенного убивали путем использования метода «истребление посредством работы» или путем массовых убийств в газовых камерах и печах лагерей, которые были показаны несколько дней назад при демонстрации документальных фильмов в этом зале Суда.

Отчеты официальных комиссий по расследованию представляют дополнительные доказательства условий, существовавших в концентрационных лагерях. Я ссылаюсь сейчас на документ ПС-2309:

«Работа в этих лагерях состояла главным образом из подземных работ, целью которых было строительство больших подземных заводов, складов и т. д. Эта работа выполнялась целиком под землей, и в результате жестокого обращения, невыносимых условий работы и жизни в день умирали в среднем до 100 заключенных. В один лагерь „Оберштаублинг" в феврале 1945 года бы-

ло доставлено 700 заключенных и 15 апреля 1945 г. из них в живых остались только 105 человек. В течение 12 месяцев, предшествовавших освобождению, в Флоссенбурге и в других лагерях, которые находились поблизости, под его контролем, погибли 14 739 мужчин и 1300 женщин. Эти цифры взяты из достоверных документов, захваченных в лагере. Однако они отнюдь не являются полными, так как многие массовые казни проводились в секретном порядке. В 1941 г. лагерь Флоссенбург был расширен, и в него было дополнительно помещено 2 тысячи русских заключенных. Из этих 2 тысяч заключенных остались в живых только 102 человека. Флоссенбургский концентрационный лагерь точнее всего можно назвать фабрикой смерти. Первостепенной задачей этого лагеря считалось предоставление массовой рабочей силы для рабского труда, другой задачей его было уничтожение людей методами, которые использовались при обращении с заключенными. Ничтожные пайки, обрекающие заключенных на голодную смерть, садизм со стороны служебного персонала, ужасные жилищные условия, плохая одежда, отсутствие медицинской помощи, болезни, избиения, замораживание, подвешивание за руки, принуждение к самоубийству, расстрелы и повешение — все это играло определенную роль для достижения поставленной цели. Заключенных убивали без всякого повода. Убийство евреев носило повсеместный характер. Впрыскивание яда и выстрелы в затылок были повседневными явлениями. Свирепствовала эпидемия брюшного и сыпного тифа, и это также рассматривалось как средство для уничтожения заключенных. Человеческая жизнь в этом лагере ничего не стоила. Убийство было общим явлением, настолько общим, что быстрая смерть приветствовалась несчастными».

Перехожу к последнему предложению того же абзаца:

«В ночь под Рождество 1944 г. было произведено массовое повешение заключенных. Остальных заключенных заставили присутствовать при повешении. С одной стороны виселиц была помещена украшенная елка, и, как об этом рассказывал один из заключенных: „Это была ужасная картина — повешенные и блистающие елки“.

В марте и апреле были повешены 13 американских или английских парашютистов. Они были захвачены в то время, когда пытались взорвать мосты. Их доставили в лагерь накануне казни...»

Не буду зачитывать все эти отчеты. Однако я хотел бы сказать о концлагере Маутхаузен, одном из самых известных центров истребления. Я ссылаюсь на документ ПС-2170, который был

уже представлен мною в качестве доказательства под номером США-249. Это также официальный отчет управления главного судьи 3-й американской армии от 17 июня 1946 г.

Я зачитаю заключительную часть этого документа на третьей странице английского текста:

«V. Заключение. Нет никакого сомнения в том, что лагерь Маутхаузен был создан в результате длительного планирования. Он был построен в виде гигантской каменной крепости на вершине горы и окружен бараками меньших размеров. В Маутхаузене в дополнение к основным его постройкам предусматривалось все необходимое для размещения многочисленного гарнизона, офицеров и солдат, имелись обширные столовые и туалетные комнаты для обслуживающего персонала. Этот лагерь существовал для одной-единственной цели — истреблять всех заключенных, которые поступали в него. Так называемые отделения Маутхаузена находились под непосредственным руководством официальных лиц СС, которые жили там же. Все распоряжения, приказы, административные указания в эти отделения передавались через Маутхаузен. Другие лагеря, включая два крупнейших и наиболее известных отделения — Гузен и Эбензее, служили не только для истребления. Заключенных использовали там в качестве рабочей силы в строительстве и на производстве до тех пор, пока они в результате избиений и голода становились нетрудоспособными. Затем их обычно посылали в Маутхаузен, где уничтожали».

Как из документальных кинофильмов, так и из этих подробных отчетов представителей 3-й американской армии и других представителей, посетивших эти лагеря, явствует, что условия, существовавшие в концлагерях в Германии, а иногда и за ее пределами, создавались по единой системе. Повсеместное распространение этих условий видно из того, что они были не результатом каких-либо случайных перегибов со стороны отдельных руководителей, а являлись следствием политики, преднамеренно проводившейся свыше.

Преступления, которые совершались в этих лагерях, носили настолько массовый характер, что индивидуальные зверства теряют свою значимость. Имеются два вещественных доказательства, которые я хотел бы представить Трибуналу, потому что они иллюстрируют всю глубину падения администрации этих лагерей, которые были наконец освобождены союзными армиями. Трибунал помнит, что при демонстрации кинофильмов в одном из лагерей были показаны куски человеческой кожи, срезанной с человеческих тел в Бухенвальдском концлагере и использовав-

шейся в виде украшений. Несчастные жертвы, у которых срезали кожу, были обречены на такие мучения только потому, что у них была татуировка. Это вещественное доказательство имеет номер США-252, ПС-3420, и к нему прилагается выдержка из официального отчета американской армии с описанием обстоятельств, при которых было получено это вещественное доказательство. Я сейчас зачитаю часть этого документа. Он озаглавлен: «Оперативная полевая следственная группа № 2». Его содержание:

«Разведбюллетень по вопросам военнопленных.

13-й концлагерь в Бухенвальде. Вступление. Эти показания даны военнопленным Андерсеном Пфаффенбергом (возраст 43 года, Ландесшутцен, 9, малограмотный, мясник по профессии).

В 1939 году всем заключенным, у которых имелась татуировка, приказали явиться в больницу. ...Никто не знал, зачем.

Но после того, как осмотрели заключенных, тех из них, у которых татуировка была наиболее интересной и художественно выполненной, поместили в больницу, а затем они были убиты посредством впрыскивания, которое производил Карл Байгс, уголовный заключенный. Вслед за этим трупы были переданы в больничный морг, где желаемые куски кожи с татуировкой были вырезаны и обработаны. Затем в обработанном виде эта кожа была передана жене штандартенфюрера СС Коха, которая использовала эту кожу для абажуров и других украшений в доме. Я сам видел различные куски татуированной кожи с рисунками и надписями, например надпись „Ганс и Гретель“, которая была на колене одного заключенного, и рисунки кораблей, которые были вытатуированы на груди заключенных. Эта работа выполнялась заключенным Вернербахом».

Вот другой документ ПС-3421, США-253:

«Я, Джордж С. Демас, лейтенант резерва военно-морского флота США, сотрудник аппарата главного обвинителя США против главных военных преступников стран оси, настоящим свидетельствую, что прилагаемое вещественное доказательство, представляющее собой пергамент, доставлено мне секцией военных преступлений управления главного судьи армии США в соответствующем официальном порядке в качестве вещественного доказательства, обнаруженного и захваченного в Бухенвальдском лагере вооруженными силами под командованием верховного главнокомандующего союзных экспедиционных сил».

В документе ПС-3420, США-252 излагается заключение о том, что «...все три предмета представляют собой татуированную человеческую кожу».

Вещественное доказательство под номером США-254 представляет собой человеческую голову без черепных костей, съежившуюся, начиненную чем-то, законсервированную и высушенную. Нацисты обезглавили одну из многих своих жертв после того, как несчастного повесили по некоторым данным за то, что он был в близких отношениях с немецкой женщиной, и изготовили это ужасное украшение из его головы.

В последнем абзаце официального отчета говорится относительно обстоятельств, при которых было получено это вещественное доказательство. «Там я также видел высушенные головы двух молодых поляков, повешенных за то, что они имели близкую связь с немецкими девушками. Эти головы были величиной в кулак, на них еще имелись волосы и на шее сохранились следы веревки».

...Другое свидетельство лейтенанта Демаса изложено в документе ПС-3422, США-254. Это показание аналогично тому, которое я зачитал несколько минут назад относительно человеческой кожи, с той лишь разницей, что здесь говорится о втором вещественном доказательстве.

Мы не располагаем точными данными о количестве людей, погибших в концентрационных лагерях, и, по-видимому, никогда не получим этих данных, хотя документальные доказательства, уже представленные Трибуналу, свидетельствуют о том, что нацистские заговорщики вообще со скрупулезной тщательностью вели регистрацию фактов и событий. Но та регистрация, которая велась ими по концлагерям, была далеко не полной. По-видимому, это явилось результатом того пренебрежения, с которым нацисты относились к жизни своих жертв. Иногда мы обнаруживаем книгу свидетельств о смерти или алфавитный указатель. Однако в большинстве случаев смерть никем не регистрировалась. Я хочу сослаться на серию книг с регистрацией смертей, что сразу даст представление относительно масштабов операций, проводившихся в концлагерях. Я представляю в виде документального доказательства под номером США-251, ПС-498 семь книг с регистрацией актов смерти в концлагере Маутхаузен. Каждая книга имеет на переплете надпись

«Тотенбух» (книга смерти), «Маутхаузен». В этих книгах регистрировались фамилии некоторых заключенных, умерших или убитых в этом лагере. Записи в этих книгах относятся к периоду с января 1939 г. по апрель 1945 г. Там указываются имя, место рождения, причина и время смерти для каждого случая отдельно, в дополнение каждому покойнику присваивался серийный номер. Согласно всем сериям номеров за период в пять лет об-

щая цифра составляет 35 318. Исследование этих книг разоблачает обычные причины смерти в лагере. Я обращаю внимание Трибунала на книгу пятую, страницы 568–582, фотокопии которых переданы Трибуналу.

Здесь говорится о случаях смерти, происшедших 19 марта 1945 г. в период между 1 ч 15 м утра и 2 часами дня. В течение 12 часов 45 минут, согласно записи, погибли 203 человека. Записи проходят под номерами с 8390 до 8593. Указаны фамилии погибших. Интересно, что у всех погибших указана одна причина смерти — сердечное заболевание. Они умирали через короткие интервалы и в алфавитном порядке. Первый умерший Аккерман погиб в четверть второго, последний — Зингер скончался в два часа дня.

В тот же день, 19 марта 1945 г. с двенадцати минут третьего снова началась серия смертей, которая продолжалась до половины пятого. В течение двух часов погибли еще 75 человек. Снова они умирали от «заболевания сердца», и снова их смерть наступала в алфавитном порядке. Записи об этом имеются на страницах 582–586 той же книги.

Военнопленные, пойманные после попытки к бегству, также посылались заговорщиками в концлагеря, которые были созданы специально для истребления людей. Представляю в качестве доказательства под номером США-246 документ ПС-1650. Это — сообщение гестапо города Кельна от 4 марта 1944 г. Вверху сказано: «Рассматривается как секретный правительственный материал». Цитирую третий абзац: «Меры, принимаемые в отношении пойманных офицеров и унтер-офицеров, за исключением английских и американских военнопленных.

Верховное командование армии приказывает:

1. Каждый захваченный при попытке совершить побег военнопленный, который является офицером или неработающим унтер-офицером, за исключением английских и американских военнопленных, должен передаваться начальнику полиции безопасности и службы безопасности по классификации „Шаг-3“ независимо от того, произошел ли побег во время транспортировки, является ли он массовым побегом или индивидуальным.

2. Ввиду того что передача военнопленных полиции и службе безопасности не должна стать известной ни при каких обстоятельствах другим военнопленным, ни в коем случае не следует сообщать об этом. В информационный отдел армии следует сообщать о пойманных военнопленных: „Сбежал, но не пойман“. С обнаруженной у них перепиской следует поступать соответствующим образом. Такой же ответ должен даваться пред-

ставителям державы, представляющей интересы воюющей стороны, Международному Красному Кресту и другим обществам по оказанию помощи военнопленным».

Имеется также другая книга с записями о смерти, которая была обнаружена в лагере Маутхаузен. Это документ ПС-495, которому в серии документальных доказательств присвоен номер США-250. Это один том, и на его переплете снова имеется надпись: «Книга актов смерти военнопленных».

Я обращаю особое внимание Трибунала на записи на страницах 234–246. Здесь имеются имена 208 военнопленных, по-видимому, русских, которые в пятнадцать минут первого ночи 10 мая 1942 г. были умерщвлены в одно и то же время. В книге указывается, что казнь произведена по приказанию начальника СД и полиции безопасности, которым тогда был Гейдрих. Сегодня утром мне передали еще один документ. Это — нью-йоркская газета, издававшаяся в Соединенных Штатах, в которой более трех страниц заполнено объявлениями семей и родственников лиц, проживавших в Германии или в Европе, с просьбой сообщить, что известно относительно их судьбы. В большинстве этих объявлений делаются ссылки на тот или иной концентрационный лагерь. Газета называется «Дер Ауфбау». Она издается на немецком языке в Нью-Йорке. Я хочу обратить ваше внимание на номер этой газеты от 25 ноября 1945 г. Я не хочу зачитывать перед Трибуналом список всех этих несчастных. Однако мы ссылаемся на эту газету для иллюстрации ужасающих размеров трагедии, которая постигла столь многих людей в результате создания концентрационных лагерей.

Дополнительные доказательства относительно концентрационных лагерей будут представляться по мере необходимости в части, которая относится к преследованию евреев. Настоящим мы заканчиваем представление доказательств по концентрационным лагерям.

Глава 29
Адрес ада известен: Освенцим

Самое черное творение нацизма — Освенцим (по-немецки Аушвиц) находился в 60 километрах от польского города Кракова, в месте впадения реки Солы в Вислу.

Освенцим — собирательное название. Там было три больших концлагеря (самый крупный назывался Аушвиц-Биркенау), производственная зона и лагеря массового уничтожения людей.

Первые заключенные появились здесь весной 1940 г. Осмотрев Освенцим в июне 1941 г., рейхсфюрер Гиммлер приказал значительно расширить лагерь и оборудовать его газовыми камерами.

Так по воле нацистского руководства на польской земле возникла огромная фабрика смерти — ключевое звено в «окончательном решении» еврейского вопроса.

Сюда свозили людей со всей Европы. Нацисты цинично обманывали их. Несчастные и не подозревали, что они обречены, и под видом долгожданного душа их ждет газовая камера. Участница французского Сопротивления и с января 1943 г. узница Освенцима Мари Клод Вайян-Кутюрье рассказывала на процессе:

«Прибывающие эшелоны встречал оркестр из молодых красивых заключенных, одетых в белые блузки и синие юбки. Оркестрантки играли арии из оперетты „Веселая вдова" и баркароллу из „Сказок Гофмана". Прибывшим говорили, что это трудовой лагерь, и затем тех, кто был отобран для отравления газом, то есть стариков, детей и матерей, направляли в здание из красного кирпича...»

Вот как происходила сортировка прибывших венгерских евреев. В газовую камеру сразу отправлялись дети до 12 или 14 лет, пожилые старше 50 лет, больные и люди с судимостью. Остальных осматривал эсэсовский врач. Те, что казались ему нетрудоспособными, тоже обрекались на смерть.

Были случаи, когда люди по неведению приезжали в Освенцим добровольно. По словам Вайян-Кутюрье, однажды евреям из Салоник выдали почтовые открытки и готовый текст, который они должны были переписать собственноручно: «Мы хорошо устроились, у нас есть работа, с нами хорошо обращаются и хорошо кормят. Ждем вашего приезда». Каждый должен был послать такую открытку своим родным. Свидетельница сообщила, что в Греции и Словакии целые семьи приходили в бюро по вербовке, чтобы присоединиться к своим родным.

Над воротами висел лозунг, тоже вводящий в заблуждение: «Работа делает свободным». Обратной дороги отсюда не было. Душегубы-эсэсовцы в минуты «доброго» расположения духа показывали узникам на дымящие трубы крематориев: выход только через трубу...

В многочисленных документах, свидетельствах бывших узников, протоколах допросов палачей содержится подробная и полная картина нацистских преступлений в Освенциме. Однако были и есть персоны, заинтересованные в сокрытии правды. Время от времени они заявляют: газовых камер в Освенциме не было!

В числе их доводов — отчет комиссии Красного Креста, осматривавшей лагерь в сентябре 1944 г. и не видевшей газовых камер. Но истина в том, что нацисты продемонстрировали этим и другим прове-

ряющим лишь небольшую, показную часть комплекса, которая имела вид солдатской казармы с кроватями, постельным бельем и умывальниками. К газовым камерам, подвалам со штабелями трупов, крематориям представители международных организаций доступа никогда не имели.

Другой аргумент: газовая камера в послевоенном музее Освенцима не настоящая, а всего лишь макет. Это действительно так. Четыре большие газовые камеры, находившиеся на территории Освенцим-2, нацисты взорвали при отступлении. Впоследствии для экспозиции музея в бывшем бомбоубежище Освенцима-1 и был сооружен макет. Однако и бомбоубежище там было не всегда. До 1942 г. именно в этом помещении действовала газовая камера относительно малой вместимости.

Фальсификаторов истории остановит лишь доступ людей к достоверным фактам. Нужно чаще напоминать миру о том, что на самом деле происходило на самой большой нацистской фабрике смерти.

Документ № СССР-8

О ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСВЕНЦИМЕ

Сообщение чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

Еще до освобождения Красной Армией польской территории в Верхней Силезии в Чрезвычайную Государственную Комиссию поступали многочисленные сведения о существовании вокруг гор[ода] Освенцима огромного лагеря, созданного германским правительством для уничтожения плененных советских людей. После освобождения советскими войсками польской Силезии частями Красной Армии был обнаружен этот лагерь.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии прокуратурой 1-го Украинского фронта, совместно с представителями Чрезвычайной Государственной Комиссии... в течение февраля–марта 1945 г. было произведено тщательное расследование злодеяний немцев в Освенцимском лагере.

В расследовании принимали участие специальные экспертные комиссии: судебно-медицинская... бывших заключенных лагеря: профессора-педиатра, директора клиники Пражского университета Эпштейна Б. В., профессора патологической анатомии и экспериментальной медицины из гор[ода] Клермон-Феррана (Франция) Лимузена Г. Г., доцента медицинского факультета в Загребе (Югославия) Гроссмана М. Я., и техническая в со-

ставе профессоров из Кракова — Давидовского Романа и Долинского Ярослава, кандидата химических наук инженера Лаврушина В. Ф. и инженера Шуера А. М.

На основании опроса и медицинского освидетельствования 2819 спасенных Красной Армией узников Освенцимского лагеря и изучения обнаруженных в нем немецких документов, остатков взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер, найденных на территории лагеря трупов, вещей и документов истребленных немцами людей различных стран Европы, сохранившихся в складах и бараках лагеря, установлено:

1. Путем расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцы истребили в Освенцимском лагере свыше 4 миллионов граждан Советского Союза, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

2. Немецкие профессора и врачи производили в лагере так называемые «медицинские» эксперименты над живыми людьми — мужчинами, женщинами и детьми.

3. По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Освенцимский лагерь оставляет за собой далеко позади все известные до сих пор немецкие «лагеря смерти».

В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и хирургические отделения, и лаборатории — все это было предназначено для чудовищного уничтожения людей. Газовые камеры немцы назвали «банями особого назначения». На входной двери этой «бани» было написано «для дезинфекции», а на выходной «Вход в баню». Таким образом, люди, предназначенные для уничтожения, ничего не подозревая, заходили в помещение «Для дезинфекции», раздевались и оттуда загонялись в «баню особого назначения», то есть в газовую камеру, где они истреблялись ядовитым веществом «циклоном».

В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдение; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ.

Рейхсфюрер СС Гиммлер — организатор Освенцимского лагеря уничтожения людей

Освенцимский лагерь был построен в 1939 г. по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера специально для уничтожения порабощенных граждан оккупированных стран Европы. Лагерь расположен на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял собой целую систему лагерей: Аушвиц, Биркенау, Моновице, Голешау, Явишовице, Нейдахс, Блехамер и другие. Основные из них — Аушвиц и Биркенау — были расположены на территории в 467,5 гектара и имели свыше 620 жилых бараков и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержалось постоянно от 180 до 250 тысяч заключенных. Все лагеря были обведены глубокими рвами и оцеплены густой сетью колючей проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения.

В 1941 г. в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с тремя печами. При крематории была так называемая «баня особого назначения», то есть газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 г. Летом 1942 г. рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать. Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья» в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау четыре мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 г. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующие письма:

I

«И. А. Топф и сыновья

Центральному строительству СС и полиции Аушвиц (Освенцим)

Эрфурт, 12 февраля 1943 г.

Касается: крематория 2-го и 3-го лагеря военнопленных.

Подтверждаем получение вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: „Еще раз подтверждаем получение вашего заказа на пять штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособление для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3.

Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 г. “

И. А. Топф и сыновья»

II

«№ 12115(42) Ер/На

Пункт 2

В отношении установки двух трехмуфельных печей у каждой из „бань особого назначения“ инженером Прюфером было предложено изъять их из заготовленных для отправки в Могилев печей. Руководитель служебной части, находившейся в СС — хозяйственном управлении главного отдела в Берлине, был немедленно об этом осведомлен, и его попросили распорядиться о дальнейшем.

СС унтерштурмфюрер (С)
Освенцим, 21 августа 1942 г.».

В четырех новых крематориях находилось 12 печей с 46-ю ретортами; в каждую реторту можно было поместить от 3 до 5 трупов, процесс сжигания которых продолжался около 20–30 минут.

При крематориях были построены «бани особого назначения» — газовые камеры для умерщвления людей, помещавшиеся или в подвалах, или в особых пристройках к крематориям. Кроме того, в лагере имелись еще две отдельные «бани», трупы из которых сжигались на особых кострах. Предназначенных для умерщвления людей загоняли в «бани» ударами палок, ружейных прикладов, собаками. Двери камер герметически закрывались, и люди, находившиеся в них, отравлялись «циклоном». Смерть наступала через 3–5 минут; спустя 20–30 минут трупы выгружались и направлялись к печам крематориев. Перед сжиганием дантисты вырывали у трупов золотые зубы и коронки.

«Производительность» «бань» — газовых камер значительно превышала пропускную способность печей крематориев, и потому для сжигания трупов немцы применяли еще огромные костры. Для этих костров были вырыты специальные рвы длиной от 25 до 30 метров, шириной от 4 до 6 метров и глубиной в 2 метра. На дне рвов проходили особые канавы в качестве поддувал. Трупы подвозились к кострам по узкоколейкам, укладывались в рвы послойно с дровами, обливались нефтью и таким образом сжигались. Пепел зарывался в больших ямах или сбрасывался в реки Сола и Висла.

С 1943 г. немцы с целью промышленного использования несгоревших костей стали дробить кости и продавать фирме «Штрем» для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отправку в адрес фирмы «Штрем» 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения.

В Освенцимском лагере немцы ежедневно умерщвляли и сжигали от 10 до 12 тысяч людей, из них 8–10 тысяч из прибывавших эшелонов и 2–3 тысячи из числа узников лагеря.

Допрошенные в качестве свидетелей, ранее работавшие в специальной команде по обслуживанию газовых камер и крематориев, бывшие заключенные Драгон Шлема, житель местечка Жировнин Варшавского воеводства, и Таубер Генрих из города Кжанув (Польша) показали следующее: «...В начале работы лагеря немцы имели две газовые камеры, находившиеся друг от друга в трех километрах. При них имелось и по два деревянных барака. Прибывающих из эшелонов людей приводили в бараки, раздевали, а затем вели в газовую камеру... В газовые камеры загоняли по 1500–1700 человек, а затем через люки эсэсовцы в противогазах забрасывали „циклон“. Газирование продолжалось от 15 до 20 минут, после чего трупы выгружались и на вагонетках вывозились в рвы, где сжигались... Позже на территории лагеря в Биркенау работали четыре крематория, при каждом из них имелась газовая камера. Крематории № № 2 и 3 были одинаковой конструкции и имели по 15 печей, а крематории № № 4 и 5 были другой конструкции, по размерам и техническому усовершенствованию менее удобные, и имели по восемь печей каждый. Все эти крематории в течение суток сжигали по 10–12 тысяч трупов».

Немецко-фашистские профессора и врачи — убийцы пленников Освенцима

В Освенцимском лагере немецко-фашистские профессора и врачи широко проводили «медицинские» опыты над живыми людьми, проявляя при этом чудовищную изобретательность.

Бывшие заключенные, спасенные Красной Армией, врачи: Штейнберг из Парижа, Гордон из Вильнюса, профессор Гроссман из Югославии, доктор медицины Валентин Эрвин из Берлина, Кеппих Анна из Венгрии, Де-Винд Эдуард из Голландии, Флехнер Альберт из Парижа, сообщили, что они были очевидцами огромного количества «медицинских» экспериментов немецко-фашистских профессоров и врачей над заключенными лагеря.

Хирургические операции производились по произволу немецких врачей, практиковавшихся в освоении оперативной техники. Молодой немецкий врач Кениг отбирал заключенных с воспалительными процессами конечностей и практиковался в ампутации последних. Немецкие врачи Тилло и Фишер собирали большие массы заключенных и без всяких показаний производили грыжесечения. Главный врач больницы Эндерс при малейшей жалобе на боли в животе производил чревосечения, практикуясь на операциях по поводу язвы желудка.

В больничных отделениях лагеря Аушвица проводились эксперименты над женщинами. В 10-м блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки. В блоке № 28 производились опыты над заключенными по искусственным поражениям кожи керосином, различными солями, пастами, пудрами. Здесь же применяли акрихин с целью изучения искусственно вызванной желтухи. Этими опытами занимался немецкий врач Эмиль Кошуб. В блоке № 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для исследования.

Все эти факты подтверждены также показаниями бывших узников лагеря: Кляйн Юдитой, Аусен Кларой, Гарбман Минной, Зондерс Ионной, Скурником Яковом, Суресом Давидом и многими другими, над которыми немецкие врачи производили те или иные эксперименты.

По приказу главного немецкого врача Эндерса с 1941 г. по 1944 г. в больницах лагеря производилось умерщвление заключенных путем вливания фенола в сердце. Первые вливания делал врач Деринг, а затем они производились санитарами. Особенно отличался в этом бывший сапожник, немец Клер, умертвивший таким способом тысячи жертв. Заключенный из поляков, некий Пайщик, впрыскиванием фенола умертвил 12 тысяч человек (впоследствии он был убит самими поляками-заключенными). Немец Штесс уничтожил такими уколами 10 тысяч человек.

Факты нечеловеческих опытов над заключенными подтверждаются также рядом документов, найденных в канцеляриях лагеря. В отчете хирургического отделения лагерного госпиталя значится, что за три месяца: октябрь — декабрь 1943 г. хирургами отделения среди прочих операций произведено: 89 ампутаций яичек (кастрация), 5 стерилизаций, 5 удалений яичников. В телеграмме № 2678 от 28.IV.1943 г. оберштурмфюрер СС полковник Зоммер дает предписание комендатуре лагеря отнести по отчету 128 женщин в графу «Заключенные для опытов». В обнаруженном «Статистическом обозрении коменданта лагеря числа и распределения заключенных женщин по различным категориям», за подписью заместителя коменданта лагеря Селла, имеется постоянная графа: «Заключенные, предназначенные для различных опытов». В этой графе значится «подопытных женщин»: за 15.V.1944 г. — 400 чел., за 5.VI.1944 г.— 413 чел., за 19.VI.1944 г. — 348 чел., за 30.VII.1944 г. — 349 чел. и т. д.

Немецкие врачи играли руководящую роль и в так называемых «селекциях», то есть в отборе заключенных на газирование и кремацию. «Селекцию» они производили всюду: около крематориев, в больницах, в бараках. Людей истощенных, больных, непригодных для работы немецкие врачи отправляли в газовые камеры. Отбором заключенных для умерщвления занимались следующие немецкие врачи: Виртс, Менгеле, Родэ, Фишер, Тилло, Китт, Кениг, Клейн и многие другие.

По приказу главного немецкого врача Освенцимского лагерного объединения Виртса при эпидемиях сыпного тифа производилось умерщвление людей целыми бараками путем отравления газами.

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцимском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми:

1. Массовое иссечение тканей шейки матки или даже полную ампутацию последней.

2. Испытание ряда неизвестных веществ для целей рентгенографии матки и труб. Указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что зачастую было сопряжено с мучительными болями для экспериментируемых жертв.

3. Стерилизация женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области с последующим чревосечением и изъятием яичников. Эти опыты производились преимущественно над молодыми женщинами.

4. Изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показаниям немецкого врача, доктора

медицины Валентина Эрвина, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер из Кенигсхютте и химик Гебель специально купили у администрации лагеря 150 женщин.

5. Стерилизация мужчин путем рентгеновского облучения.

6. Опыты над мужчинами с применением раздражающих химических веществ на коже голени для искусственного вызывания язв, флегмон.

7. Ряд других опытов — искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т. д.

Очень многие опыты кончались быстрой и мучительной смертью подопытных заключенных. После окончательного использования заключенных для экспериментов их убивали и сжигали. Этим путем немцы стремились уничтожить свидетелей своих бесчеловечных опытов.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший заключенный Штерн Самуил Абрамович, житель города Бухареста, показал:

«...В лагере Аушвиц я работал в качестве исполняющего обязанности фельдшера. По приказанию обер-фельдфебеля Кошуба я делал уколы и другие манипуляции заключенным. Хорошо знаю, что многим заключенным впрыскивался керосин под кожу в голень... Второй метод экспериментов: химическое раздражение кожи. Для этой цели применялся 80 % раствор уксуснокислого алюминия (алюминь-ацетикум). После этого снимали весь слой кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование... Кошуб прививал также искусственную желтуху и вливал кровь маляриков».

Подвергавшийся экспериментам Валигура М. сообщил: «...спустя несколько дней после того, как меня привезли в Биркенау, кажется в первых числах декабря 1942 года, всю молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин) подвергли стерилизации путем просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, то есть 1 ноября 1943 г., я был подвергнут кастрации... Со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек...»

Свидетель Сурес Давид из города Салоники (Греция) дал следующее показание: «Примерно в июле 1943 года меня и со мной еще 10 человек греков записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас разделили и подвергли стерилизации рентгеновскими лучами. Через один месяц после стерили-

зации нас вызвали в центральное отделение лагеря, всем стерилизованным была произведена операция — кастрация...»

Бывшая заключенная Хаузер М. (Париж, Ситэ Мильтон, 9) сообщила: «...В Аушвице нас поместили в 10-й блок. Для чего нас забрали в 10-й блок, мы не знали. В этом блоке было больничное отделение, хотя все мы были совершенно здоровые женщины... В 10-м блоке у меня сначала взяли один шприц крови; для чего брали кровь — мне не известно. В конце августа 1943 года меня взяли в операционную комнату, дали наркоз и под наркозом сделали операцию в половых органах. Операцию делал заключенный врач Самуэль под руководством и по указанию немецкого врача Вирца. После этой операции я пролежала в 10-м блоке больной 11 месяцев. Из числа подвергавшихся стерилизации была одна еврейка из Греции по имени Бела, фамилии ее не знаю. После рентгеновских лучей ей была сделана операция: разрез вдоль живота. После операции она поправилась и рана на животе зажила. Приехал в 10-й блок немецкий врач Шуман и в порядке контрольной проверки взял Белу в 28-й блок и там сделал вторичный разрез живота поперек. Поперечный разрез живота у нее я сама видела. Через несколько дней после вторичной „операции" Бела умерла».

Немецкие палачи убивали в Освенцимском лагере граждан всех стран Европы

Как установлено следствием, в Освенцим ежедневно прибывало от 3 до 5 железнодорожных эшелонов предназначенных для умерщвления людей, по 1500–3000 человек в каждом эшелоне. Обреченные привозились из всех стран Европы. Среди освидетельствованных судебно-медицинской комиссией 2819 освобожденных узников Освенцимского лагеря имелись подданные: Польши — 745 человек, Венгрии — 542 человека, Франции — 346 человек, Чехословакии — 315 человек, СССР — 180 человек, Голландии — 159 человек, Югославии — 143 человека, Италии — 91 человек, Греции — 76 человек, Румынии — 52 человека, Бельгии — 41 человек и других стран.

Из каждого прибывавшего эшелона немцы отбирали от 200 до 500 человек наиболее трудоспособных для работы в лагерях, остальных направляли прямо к газовым камерам и к крематориям в лагеря Аушвиц и Биркенау.

Диспетчер службы движения станции Освенцим Станек Францишек показал: «...Эшелоны прибывали с заключенными в 1942, 1943, 1944 годах из Чехословакии, Бельгии, Франции, Голландии, Норвегии, Греции, Польши и других стран».

Свидетель Де-Винд Эдуард показал: «...После оккупации немцами Голландии в ноябре 1940 года была произведена чистка государственного аппарата, учреждений и учебных заведений Голландии. Нас, троих ассистентов университета, выгнали. Я переехал в Амстердам. В одном из кварталов Амстердама был найден убитым фашист-голландец. В ответ на это немцы арестовали 400 заложников, в число которых попал и я. Схватили меня на улице и отвезли сюда в лагерь».

Свидетель Гордон Яков, уроженец города Вильнюса, показал: «...В лагерь Освенцим меня привезли 22 января 1943 г. Всего в нашем эшелоне было 3650 человек, из них вошли в лагерь 265 мужчин и около 80 женщин, всех остальных сейчас же отправили в крематорий — газировали и сожгли, в том числе сожгли мою жену Матильду, по специальности врача, сына четырех с половиной лет, отца 73 лет и мать 64 лет».

Свидетельница Дессанти Эмили, по национальности итальянка, показала: «...12 сентября 1944 г. гитлеровцы вывезли нас из Италии и привезли в лагерь Освенцим. Всего в лагерь нас, итальянцев, привезли 500 человек, из них осталось в живых только 30 человек, остальные зверски замучены и уничтожены в лагере».

Свидетель Сурес Давид показал: «...В лагерь Освенцим я прибыл с эшелоном из Греции 3 апреля 1943 г. В эшелоне было больше 2500 человек, в числе которых были моя мать 53 лет, сестра с ребенком и я. Из 2500 человек приблизительно 300 человек отправили в лагерь, остальных, в том числе мою мать и сестру с пятилетним ребенком, прямо из эшелона повели в крематорий на сожжение».

Свидетель Китман Георг, из Румынии, показал: «...В июне 1944 года я и мои родители, вместе с другими в числе 3000 человек мужчин, стариков, женщин и детей эшелоном были привезены в лагерь Освенцим. При выгрузке всех стариков, матерей с маленькими детьми отделили от здоровых, отправили в крематорий и сожгли. Среди сожженных был мой отец 52 лет и мать 48 лет. Из 3000 человек в лагерь направили не больше 350 человек».

Свидетельница Шпетер Зиска показала: «...В феврале 1943 года я прибыла из Франции в числе 1100 человек. Из них в этот же день было отобрано 205 трудоспособных, которые были направлены в бараки, а остальных 895 человек — стариков, женщин и детей — отвели в газовую камеру, где они были удушены газами».

Бывшая заключенная Кеппих Анна, венгерка из города Клужа, показала: «...Я прибыла в Освенцимский лагерь в июне 1944 го-

да в числе 3000 венгерских заключенных, из них по прибытии в лагерь 500 человек трудоспособных были оставлены в лагере для работы, а остальные 2500 человек направлены в газовую камеру для уничтожения».

Доктор медицины Пражского университета профессор Бертольд Эпштейн рассказал комиссии: «...Отобранных заключенных направляли в газовые камеры для умерщвления. В течение нескольких месяцев мы видели длинные вереницы идущих на смерть в крематорий людей, особенно большие группы уничтожались в мае — июне — июле 1944 г. В это время в крематориях сжигали днем и ночью, что было видно по выступающему из труб крематориев пламени. Нередко мы чувствовали запах горелого мяса, волос или ногтей. В это время мы, кроме огня из труб крематориев, видели два больших костра, которые ночью горели огромным пламенем. Всю ночь в лагере были слышны вопли и крики, а также лай караульных собак эсэсовцев. Несчастные жертвы, которых вследствие переполнения крематориев по очереди вели к кострам на смерть, при виде костров догадывались, какая участь их ожидала... Я знал, что и моих близких родственников постигла та же участь и что мне ее также не избежать. Примерно каждые две недели врачом лагеря доктором Менгеле производился отбор, после чего отобранные жертвы направлялись в крематорий на уничтожение. Так, в один из дней уничтожили 500 детей. При отправке этих детей разыгрались потрясающие сцены, так как уже все знали, куда их ведут. Эсэсовцы и их помощники при этом отличались особенной жестокостью... Когда мы прибыли в Освенцим, нас с женой разлучили, я ее уже больше не видел. Впоследствии я узнал, что ее в лагерь не приняли. Нет сомнения, что мою жену убили обычным способом. В марте 1944 года эсэсовцы уничтожили также мою свояченицу с двумя детьми и мою племянницу 38 лет. В июле 1944 года погибла также моя сестра».

Лагеря Освенцима — конвейеры смерти

Как установлено расследованием, в Освенцимских лагерях, кроме людей, предназначенных для опытов, постоянно содержалось около 200 тысяч узников для эксплуатации на самых изнурительных каторжных работах. На этих работах люди доводились до крайнего истощения, после чего, как негодные, истреблялись. Каждую неделю немецкие врачи производили среди заключенных отбор («селекцию»), в результате которого всех больных и потерявших трудоспособность умерщвляли в газовых камерах. Вместо них общий состав заключенных постоянно попол-

нялся отобранными из приходящих эшелонов. Это была организованная система страшного конвейера смерти: одни умерщвлялись, другие ставились на их место, беспощадной эксплуатацией доводились до истощения и болезней и в свою очередь направлялись в газовые камеры.

В 1941 году немцы близ Освенцима развернули строительство крупного военного химического завода «И. Г. Фарбениндустри», а также военного завода взрывателей и запалов для бомб и снарядов. Строительство проводили фирмы «Крупп», затем «Унион» и другие. Десятки тысяч освенцимских узников разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, поляки, французы, чехи, югославы, греки, бельгийцы, голландцы, итальянцы, изнемогая от свирепой эксплуатации, работали на этих строительствах, а также на осушке болот, в шахтах, на строительстве дорог.

От бараков концлагерей к местам работы было более 7–8 километров. Эсэсовцы выстраивали людей в тысячные колонны и под вооруженной охраной, окруженных надсмотрщиками с палками и собаками, гнали на работы. В процессе работ эсэсовцы, надсмотрщики и мастера зверски избивали каждого: одного за то, что разогнул спину, другого за то, что мало земли забрал лопатой, третьего за медленную работу, четвертого побоями заставляли возить тачку с породой бегом. Мастера приговаривали: «Фирма платит за тебя четыре марки, ты должен работать, как лошадь».

Тех, кто падал от изнеможения, здесь же на месте расстреливали. Места работ были одновременно местами массовых убийств заключенных. Убийства всячески поощрялись начальством. Оберштурмбанфюрер Либегеншель издал приказ о выплате эсэсовцам 60 марок за каждого убитого заключенного «при покушении последнего на побег». В погоне за этой премией охранники безнаказанно убивали людей.

Об истреблении заключенных на строительных участках Освенцима рассказал бывший заключенный бельгиец Штазман Морис: «...В августе 1943 года я работал на площадке строительства завода „И. Г. Фарбениндустри“. В один из дней эсэсовцы привели на эту площадку 400 заключенных, среди которых были югославы, греки, французы и бельгийцы, завели их в выкопанный ров и начали живыми закапывать. Погибающие на разных языках просили о помощи, а рядом эсэсовцы обращались к нам: „Смотрите да лучше работайте, а то и с вами будет то же“. Спустя две недели нас перебросили подготовить площадку для одного из строений лагеря Аушвиц. Эсэсовец Лосман с группой дру-

гих эсэсовцев отобрали из нас 30 человек, завели их в выкопанную яму и закопали по плечи. Затем сели на лошадей и начали скакать по площадке, задавив всех 30 человек».

Огромная площадь Освенцимских болот стала могилой многих тысяч людей разных национальностей. Здесь работало свыше 300 команд — от 50 до 1200 человек в каждой. Бесчеловечные условия труда в болотах во все времена года, избиения, убийства и насилия приводили к тому, что никто из работавших не выживал больше 2–3 месяцев. Люди умерщвлялись на самих болотах, или после потери трудоспособности их убивали вливаниями фенола в сердце либо в газовых камерах.

69-летний инженер-мелиоратор из Венгрии Кениг Яков, работавший на болотах в качестве простого землекопа, показал: «...Я был в команде по осушке болот, в которой насчитывалось 400 человек... Надсмотрщики из числа немецких уголовников избивали людей палками и лопатами до потери сознания. В нашей команде работали мужчины и женщины всех возрастов. Много было людей интеллигентного труда: врачей, педагогов, профессоров. Из одной только Югославии простыми землекопами работали 14 инженеров».

Бывший заключенный, бельгиец Майзелье Симон, сообщил: «Из нашей команды в 1200 человек в течение трех месяцев 1944 года ежедневно приносили по 100 и 200 трупов замученных на работе людей, вместо которых команды пополнялись новыми жертвами».

Особенно свирепствовали немецкие палачи над советскими пленниками, которые, как правило, по прибытии в лагерь сразу же уничтожались, и только в виде исключения из них оставляли наиболее трудоспособных.

В канцелярии лагеря найден следующий приказ о советских гражданах:

«Рейхсфюрер СС	Ораниенбург,
Инспектор концентрационных лагерей	15 ноября 1941 г.
Полиция/Освенцим: 14 Ф 14 Л/ОТ	Секретно

Касается: казни русских военнопленных.

Лагерным комендантам концентрационных лагерей.

Копии: лагерным врачам, лагерфюреру заключенных под надзором, управлениям.

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции дал свое принципиальное согласие откладывать казнь для тех из общего количества русских военнопленных, направленных для казни в концлагеря (особенно комиссаров), если они по своему физическому

состоянию способны работать на каменоломне. Для этого мероприятия необходимо получить согласие начальника полиции безопасности и полиции СД. Поэтому приказываю:

По прибытии эшелонов для казни в лагеря физически здоровые русские, годные для работы на каменоломнях, отбираются начальником лагеря (Е) и главным лагерным врачом. Именной список отобранных русских в двух экземплярах должен быть нам направлен. На этом списке лагерный врач должен отметить, что не возражает против привлечения этих лиц на работы с медицинской точки зрения.

После получения согласия со стороны начальника полиции безопасности и полиции СД пересылка соответствующих русских в каменоломни будет отсюда оформлена приказом.

Подпись Глюкс, бригаденфюрер СС».

На основании этого приказа часть советских пленников оставляли для самых тяжелых изнурительных работ, при этом отношение к ним со стороны эсэсовцев и надсмотрщиков было наиболее жестоким и бесчеловечным.

Житель города Освенцима Гандзлик Мариан показал: «...Зимой 1941 года, в 35-градусные морозы, по дороге из лагеря Освенцим в село Бабице ежедневно в течение двух недель, как скот, гнали плетьми и палками русских военнопленных. Многие из них были без шапок, в одних гимнастерках, в одних кальсонах, с изорванной обувью. Вечером из села Бабице направлялось несколько подвод, полные трупами этих русских военнопленных. На каждой подводе наверху сидели по два–три их товарища, с обмороженными лицами, руками и ногами, до крайности измученные».

Гитлеровцы беспрестанно требовали от своих подчиненных новых и новых убийств. 14 февраля 1944 г. начальник гарнизона Освенцима оберштурмбанфюрер Либегеншель издал приказ, в котором говорится следующее:

«...Продолжительными личными наблюдениями я установил, что на всех рабочих местах, кроме военных заводов, работает слишком много заключенных, рабочая сила которых не использована. Они лентяйничают... Мы знаем, что для повышения производительности труда заключенных необходимо усилить надзор со стороны младшего командного состава СС, но мы также знаем, что такого добавочного состава в нашем распоряжении нет, так как он или находится на фронте, или несет службу на других важных участках. Мы сами себе поможем... Ясно, что тут следует действовать быстро, и я надеюсь, что каждый от себя сделает то, что необходимо...»

В результате этого приказа каждый вечер со всех концов Освенцимских лагерей — с заводов, из болот, из шахт — тянулись к баракам страшные процессии: окровавленные, измученные узники, окруженные эсэсовцами и надсмотрщиками с огромными сворами собак, несли на деревянных носилках трупы своих товарищей. Во время вечернего смотра заключенные становились в строй, перед ними в ряду складывались трупы замученных за день, и надсмотрщики докладывали начальникам о выполнении приказа Либегеншеля. Начальство благодарило тех из них, команды которых приносили наибольшее количество трупов. Здесь же перед строем били палками провинившихся заключенных.

К страшным условиям каторжной работы прибавлялись кошмарные условия жизни в бараках. В бараках, рассчитанных на 400–500 человек, немцы помещали по 1000–1500 заключенных. Голод, болезни, истязания, антисанитарные условия — все создавалось с определенной, продуманной целью быстрейшего истребления заключенных.

Судебно-медицинская комиссия, освидетельствовав 2819 спасенных Красной Армией узников Освенцима, установила, что 2189 человек... больны от крайнего истощения и 223 человека больны туберкулезом легких. Экспертизой также установлено, что немцы подвергали заключенных истязаниям, в результате которых у обследованных комиссией людей обнаружены переломы ребер, конечностей, позвонков, костей лица, различные ранения, язвы, обморожения кистей и стоп. Очень многие из освобожденных страдают тяжелыми нервно-психическими заболеваниями.

Судебно-медицинской комиссией произведено вскрытие 536 трупов заключенных, найденных в разных местах на территории лагерей. Установлено, что в 474 случаях (88,3 процента) смерть последовала от истощения.

Убийцы детей

Сотни тысяч детей в возрасте от грудного ребенка до 16 лет истребили гитлеровские изверги в Освенцимском лагере. Как правило, прибывавших в эшелонах детей немцы сразу же направляли в газовые камеры. Только небольшую часть здоровых подростков оставляли для лагерных работ.

Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуряли на тяжелых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюса, показал: «...В начале 1943 г. в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут из города Дюссельдорфа (Германия) показала: «В 1943 г., в то время когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Мальчик Мудианов Самий, 1930 г. рождения, житель города Род (Италия): «...Нас, детей, заставляли работать по 15–20 человек — на лямках возить груженые повозки с разным грузом, но больше отвозили трупы умерших к специальному блоку, где они складывались и оттуда увозились в крематорий. Работали мы с четырех часов утра до вечера. В конце октября 1944 г. производивший проверку немец дал нам „кару" за то, что не было чисто в блоке. Нас 150 человек построили на улице около блока и отвели в купальню, где раздели донага, облили холодной водой, голых повели по улице в свой блок, после чего многие из детей заболели».

Девятилетний мальчик Леринциакош Андраш, уроженец города Клез (Венгрия), показал: «...Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре 1944 года всех детей переводили в лагерь „А", в „Цыганский" лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...»

Детей, родившихся в лагере, эсэсовцы отбирали от матерей и умерщвляли. При выявлении у прибывших женщин беременности их немедленно выделяли в особый барак, где у них вызывали преждевременные роды. В случае сопротивления беременных женщин направляли в газовую камеру.

Бывшая заключенная Флякс София Исааковна, из города Кракова, показала: «...У многих женщин, прибывших в августе 1944 года в лагерь, имелись дети в возрасте от 5 до 12 лет. Все они по прибытии в лагерь вместе с матерями были отправлены в крематорий. Я прибыла с семимесячной беременностью. При осмотре врач СС Кениг обнаружил у меня беременность и направил в барак В-3 (Биркенау). Там было 65 таких женщин. Через три дня мне сделали укол в область бедра с целью вызвать

преждевременные роды. Такие уколы проделывали четыре дня. На пятый день я родила ребенка, которого у меня забрали. В бараке за мое пребывание таких случаев я видела 14. Новорожденные или преждевременно рожденные увозились неизвестно куда».

Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них в возрасте до 8 лет — 52, от 8 до 15 — 128 человек. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 г., то есть находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 детей — алиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребенок имеет обморожения и т. д.

Уничтожение интеллигенции

В Освенцимском лагере немцы уничтожили десятки тысяч видных ученых и представителей интеллигенции разных стран.

Фудри Андрэ, уроженец города Самот Дипуэн, рассказал комиссии следующее: «...Из 600 французов, прибывших в лагерь вместе со мной, через несколько месяцев большинство погибло. Среди них: экономист Бюро Эмиль, профессор лицея города Компьен Жаан, депутат департамента Лоди Гарон Филиппо, бургомистр города Вильвифе Лебигу, педагоги — Годо и Бру, инженер-архитектор Молине и др.».

Профессор Клермон-Ферранского университета Лимузен Днри сообщил: «...В ноябре 1944 года меня из лагеря в Дахау отправили в Освенцим как специалиста по патологии. Здесь я пробыл приблизительно месяц в карантинном блоке, где должен был чистить уборные, полы и носить обеды тем заключенным, которые находились в тюрьме».

В Освенцимском лагере были убиты: известный голландский профессор-экономист Фрейда, доктор Лавослав, инженер Кимар, доктор-инженер Эндоклян — из Югославии, польский инженер Висневский, магистр фармации города Варшавы Тайхерт, польские профессора: Гешчикевич и Рюбарский, чехословацкие профессора: невропатолог Отто Ситик, психиатр Лео Таусик, хирург Ян Левит, знаменитый адвокат из Вены Краус, генерал-врач французской армии доктор Жоб и многие, многие другие. Все они были замучены на непосильных работах или задушены в газовых камерах.

В Чрезвычайную Государственную Комиссию поступило «Обращение к международной общественности» на трех языках: не-

мецком, венгерском и французском — за подписями 27 бывших заключенных Освенцимского лагеря — профессоров, докторов, инженеров, адвокатов, студентов и других представителей интеллигенции разных стран. Обращение начинается следующими словами: «Мы, нижеподписавшиеся, освобожденные великой Красной Армией от кровавого нацистского господства, обвиняем перед международной общественностью германское правительство под руководством Адольфа Гитлера в проведении величайших в истории человечества массовых убийств, зверств и увода в немецкое рабство...»

Кончается это обращение следующими словами: «Мы обращаемся к международной общественности с просьбой выяснить судьбу миллионов исчезнувших людей всех национальностей и принять все меры для спасения миллионов заключенных всех народов, еще томящихся в гитлеровской Германии. Чудом спаслись мы во время отступления нацистов из лагеря Освенцима. Хотя гитлеровцы отступали в панике, они увели с собой около 58 тысяч заключенных из лагеря Освенцима и филиалов. Люди эти, истощенные от голода, должны были идти пешком, но вряд ли большинство из них могло пройти больше, чем несколько километров. Мы полагаем, что при дальнейшем продвижении фронта в глубь Германии та же судьба ожидает всех людей, еще находящихся во власти кровавых нацистов. Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к международной общественности воюющих и нейтральных государств и к их правительствам и во имя гуманности просим сделать все возможное, чтобы зверства и преступления нацистов в будущем не повторялись, чтобы кровь миллионов невинных жертв не была пролита напрасно.

Мы просим, и вместе с нами просят около 10 тысяч спасенных заключенных всех национальностей, чтобы преступления и невероятные зверства гитлеровцев не остались безнаказанными.

Спасенные бывшие заключенные обязаны своей жизнью доблестной Красной Армии и просят международную общественность и все правительства принять это к сведению и выразить благодарность от нашего имени...»

Гитлеровцы — грабители

В Освенцимском лагере гитлеровцы разоблачили себя перед всем миром не только как кровавые убийцы беззащитных людей, но и как жадные грабители своих жертв. Миллионы людей, привозимых из разных стран в концлагерь Освенцима, в первый же час их пребывания подвергались организованному ограблению. Все вещи: чемоданы, одежда, постельные принадлежности,

вплоть до нательного белья и обуви, забирались эсэсовцами в специально построенные и оборудованные склады и направлялись в Германию. Часть трудоспособных людей, которая оставалась на каторжных работах, вместо своих вещей получала арестантскую полосатую одежду.

На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды 348 820 комплектов
2. Женской одежды 836 255 комплектов
3. Женской обуви 5525 пар
4. Мужской обуви 38 000 пар
5. Ковров 13 964 шт.

В складах также обнаружено большое количество бывших в употреблении у заключенных: зубных щеток, кисточек для бритья, очков, огромное количество зубных протезов, всевозможной посуды. Там найдено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки. Кровавые руки гитлеровских детоубийц тщательно пересчитывали эти вещи убитых ими детей и отправляли в Германию.

Осмотром вещей, обнаруженных в складах, Комиссия установила, что все они принадлежали замученным и убитым людям различных национальностей. На одежде, обуви и других вещах обнаружены фабричные марки Франции, Бельгии, Венгрии, Голландии, Югославии, Чехословакии и других государств. На чемоданах сохранились ярлыки различных гостиниц европейских городов.

Комиссия обнаружила на территории лагеря 7 вагонов с одеждой и постельными принадлежностями, уже подготовленных немцами для отправки в Германию. Из найденной в бумагах лагеря справки за подписью обершарфюрера СС Рейхенбаха видно, что только в течение 47 дней, с 1.XII.1944 г. по 15.1.1945 г., в лагере было обработано для посылки в Германию:

1) Детского платья и белья 99 922 комплекта
2) Женского белья 192 652
3) Мужского белья 222 269

Всего 514 843 комплекта

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря 7 марта 1945 г. Комиссией были обнаружены 293 тюка запакованных женских волос общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

Гитлеровские бандиты убили в Освенциме более 4 миллионов человек

Тщательно заметая следы своих чудовищных преступлений в Освенциме, немцы перед своим отступлением старательно уничтожали все документы, которые могли показать всему миру точное количество людей, уничтоженных ими в Освенцимском лагере. Но сооруженная немцами в лагере мощная техника человекоубийства, показания освобожденных Красной Армией узников Освенцима, показания 200 опрошенных свидетелей, отдельные найденные документы и другие вещественные доказательства достаточно изобличают немецких палачей в том, что в Освенциме ими уничтожены, отравлены и сожжены миллионы людей. Только по пяти крематориям (52 реторты) за время их существования немцы могли уничтожить:

Номера крематориев	Продолжительность существования крематория (в месяцах)	Пропускная способность по сожжению трупов (в один месяц)	Пропускная способность за весь период существования
№ 1	24	9 000	216 000
№ 2	19	90 000	1 710000
№ 3	18	90 000	1 620000
№ 4	17	45 000	765 000
№ 5	18	45 000	810 000
	всего:	279 000	5 121000

Учитывая применение немцами в широких масштабах костров для сожжения трупов, общая пропускная способность сооружений для убийства людей в Освенциме должна быть значительно выше.

Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран...

Глава 30
Две тысячи смертей одновременно

Комендант Освенцима Рудольф Хесс (в протоколе трибунала — Гесс) был вызван в суд свидетелем по ходатайству Кауфмана, защитника Кальтенбруннера. Но, как это не раз было в Нюрнберге, показания свидетеля защиты лишь укрепили обвинение.

С бездушием и точностью робота Хесс сообщил о фактах своей «работы», узнав которые, не могли спокойно заснуть миллионы людей на земле. Например, он заявил, что маленькие дети непременно уничтожались, «так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать». Хесс подтвердил и тот жуткий факт, что эсэсовцы бросали в печи крематория живых детей.

За время, что он был комендантом Освенцима, с мая 1940 г., с момента создания лагеря, по декабрь 1943 г., здесь было уничтожено 2,5 миллиона человек. Еще полмиллиона узников умерло от голода и болезней.

Темпы истребления людей возросли после того, как в июне 1941 г. лагерь проинспектировал Гиммлер. По его приказу убийства поставили на индустриальную основу — лагерь был расширен, пополнен специально обученными эсэсовцами, построены газовые камеры, подвалы для хранения трупов. В газовую камеру Освенцима одновременно заходило две тысячи человек, тогда как в Треблинке только двести. Над составлением секретных отчетов о казнях в Освенциме ежедневно трудился секретариат с семью пишущими машинками.

Всего в этом лагере рассталось с жизнью до 4 миллионов граждан, свозимых сюда со всей Европы — из Венгрии, Польши, Германии, Голландии, Словакии, Греции, Франции.

Под мощными требованиями мировой общественности во Франкфурте-на-Майне в декабре 1963 — августе 1965 г. состоялся суд над представителями администрации лагеря. Это был самый длинный процесс в Германии. Правда, ни один из 21-го подсудимого при доказанности тяжких обвинений не был приговорен к высшей мере наказания. Например, В. Богер из лагерного гестапо, виновный в 144 убийствах, 10 совместных убийствах, соучастии в гибели тысячи заключенных, получил пожизненное заключение и пять лет каторжных работ.

Хесс после выступления свидетелем в Нюрнберге был выдан польскому правосудию, по месту нахождения лагеря. 29 марта 1947 г. суд в Варшаве приговорил его к смертной казни. Поляки провели ее в Освенциме — лагере, созданном Хессом.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ РУДОЛЬФА ГЕССА
[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 15 апреля 1946 г.]

Кауфман:* С разрешения Трибунала я вызываю свидетеля Рудольфа Гесса. (Свидетель занимает свое место.)

Председатель: Встаньте. Назовите свое имя.

Свидетель: Рудольф Франц Фердинанд Гесс...

Кауфман: Вы с 1940 г. по 1943 г. были начальником лагеря Освенцим?

Гесс: Так точно.

Кауфман: За этот период времени сотни тысяч людей были там уничтожены? Это правда?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Правда ли, что вы сами не имеете точных записей о количестве этих жертв, так как вам запрещали делать подобные записи?

Гесс: Да, это правда.

Кауфман: Верно ли, что только один человек, фамилия которого Эйхман, вел такие записи, человек, которому была поручена организация этого дела и сбор людей?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Правильно ли, что Эйхман заявил вам, что в общем в Освенциме уничтожено более двух миллионов евреев?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Мужчин, женщин и детей?

Гесс: Да...

Кауфман: Когда вы были начальником лагеря в Освенциме?

Гесс: Я был начальником лагеря в Освенциме с мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г.

Кауфман: Сколько заключенных было в Освенциме при предельной наполненности лагеря?

Гесс: Максимально в Освенциме было приблизительно 140 тысяч заключенных мужчин и женщин.

Кауфман: Правильно ли, что в 1941 г. вы были приглашены в Берлин к Гиммлеру? Расскажите краткое содержание вашей беседы.

Гесс: Хорошо. Летом 1941 г. я был приглашен лично рейхсфюрером СС Гиммлером в Берлин. Я не могу дословно повторить, что он мне говорил, но смысл его слов был таков: фюрер приказал окончательно разрешить еврейский вопрос. Мы, то есть СС,

* Кауфман — адвокат Кальтенбруннера. — *Прим. авт.*

должны провести этот приказ в жизнь. Если теперь, в данное время, мы не сделаем этого, то позднее еврейский народ уничтожит немецкий народ. Он сказал, что он выбрал Освенцим потому, что он расположен наиболее удобно в смысле подвоза людей по железной дороге, и потому, что на этой местности легко установить заграждения.

Кауфман: На этом совещании Гиммлер сказал вам, что вся кампания является «тайным государственным делом»?

Гесс: Да, на это он обратил мое внимание особо. Он сказал, что даже своему непосредственному начальнику Глюксу я не должен ничего говорить об этом. Настоящее совещание касается лишь нас обоих, и я должен хранить полное молчание по отношению ко всем остальным людям.

Кауфман: Какую должность занимал Глюкс, которого вы только что назвали?

Гесс: Группенфюрер Глюкс был инспектором концентрационных лагерей и подчинялся непосредственно рейхсфюреру.

Кауфман: Название «тайное государственное дело» означает, что знающий что-либо о нем ни одним намеком не может о нем рассказывать, не подвергая свою жизнь опасности?

Гесс: Да. Это означает, что человек, знающий что-либо о нем, не должен говорить об этом ни с кем другим и что он отвечает своей головой за то, чтобы никто не знал о нем...

Кауфман: Когда вы познакомились с Эйхманом?

Гесс: С Эйхманом я познакомился примерно через четыре недели после того, как я получил приказ рейхсфюрера. Эйхман приехал в Освенцим, чтобы обсудить со мной порядок выполнения этого приказа. Как рейхсфюрер сказал мне во время нашей беседы, он поручил Эйхману обсудить его со мной. Все остальные указания я получал от него, от Эйхмана.

Кауфман: Опишите кратко, правильно ли, что лагеря в Освенциме были совершенно изолированы? Какие меры были приняты для того, чтобы держать в строжайшем секрете проведение возложенной на вас задачи?

Гесс: Лагерь Освенцим как таковой находился в трех километрах от города. В округе на 20 тысяч моргенов все население должно было покинуть свое местожительство. На всю эту территорию разрешалось вступать лишь эсэсовцам, гражданские служащие имели специальные пропуска. Лагерь Биркенау, превращенный после в лагерь уничтожения, находился от Освенцима на расстоянии двух километров. Сами сооружения лагеря, использовавшиеся вначале, находились в лесу, были хорошо замаскированы и издали совершенно незаметны. Кроме того, зона

была объявлена запретной, и даже члены СС, которые не имели специальных пропусков, не могли проходить на нее. Таким образом, никто, кроме уже указанных лиц, не имел возможности вступать на эту территорию.

Кауфман: Иногда прибывали железнодорожные эшелоны. Через какие промежутки времени они прибывали и сколько примерно людей находилось каждый раз в таком эшелоне?

Гесс: До 1944 г. соответствующие кампании проводились в разных странах в разное время, так что нельзя говорить о систематическом поступлении людей в лагерь. В течение примерно 4–6 недель ежедневно прибывало 2–3 эшелона с примерно двумя тысячами человек каждый. Сперва эшелоны переводились на запасный путь у Биркенау. Паровоз, доставлявший эти эшелоны, отправлялся обратно. Охрана, сопровождавшая эшелоны, должна была сейчас же покинуть эту область, а заключенные, приехавшие с эшелоном, принимались охраной лагеря. Затем два эсэсовских врача определяли их трудоспособность. Трудоспособные заключенные шли в Освенцим или в Биркенау; нетрудоспособные доставлялись сначала во временные помещения, о которых выше шла речь, а затем — в новоотстроенный крематорий.

Кауфман: На недавно проведенном мной допросе вы заявили, что приблизительно 60 человек были назначены для приемки этих эшелонов и что эти 60 человек были обязаны соблюдать тайну так, как это было описано ранее. Вы подтверждаете это?

Гесс: Так точно. Эти 60 человек должны были быть всегда готовыми направлять нетрудоспособных заключенных в построенные сооружения. Они, а также и еще около десяти младших командиров и командиров, врачей и санитаров несколько раз письменно и устно подтверждали свое обязательство держать в строжайшем секрете все, что происходило в лагере.

Кауфман: Мог посторонний человек, наблюдавший прибывавшие эшелоны, подумать, что люди, находящиеся в них, предназначены для уничтожения, или такая возможность была невелика уже потому, что в Освенциме было очень большое движение эшелонов, подвозились материалы и т. д.?

Гесс: Так точно. Наблюдатель, который не ставил себе специальной цели наблюдения за эшелонами, не мог составить себе общей картины, так как прибывали не только эшелоны с новыми заключенными, которые использовались в лагере. Довольно большое количество эшелонов уезжало из лагеря с трудоспособными или предназначенными для обмена заключенными. Двери товарных вагонов были плотно закрыты, так что наблюда-

тель не мог видеть находившихся там людей. Кроме того, каждый день в лагерь прибывало до 100 вагонов с материалами, продуктами питания и пр., и, с другой стороны, они увозили военную продукцию, изготовленную в мастерских лагеря.

Кауфман: Правильно ли то, что по прибытии в лагерь жертвы должны были снимать с себя всю одежду и сдавать ценные вещи?

Гесс: Да.

Кауфман: И затем их сразу отправляли туда, где их ждала смерть?

Гесс: Да.

Кауфман: Скажите мне, руководствуясь вашим опытом, знали эти люди о том, что их ожидало?

Гесс: В большинстве случаев они ничего не знали, то есть принимались меры в том направлении, чтобы не посеять в них сомнения и не вызвать подозрения, что им предстоит смерть. Например, на дверях и стенах были развешены объявления, которые указывали на то, что заключенным предстоит пройти процедуру дезинсекции или санитарной обработки в бане. Это объявляли заключенным на нескольких языках через других заключенных, которые прибыли с прежними эшелонами и при выполнении всей акции работали в качестве подручных.

Кауфман: Смерть наступала через 3–15 минут, как вы мне об этом уже говорили. Не так ли?

Гесс: Да, так точно.

Кауфман: Затем вы мне говорили, что до наступления смерти жертвы теряли сознание?

Гесс: Да. Как мне удалось установить благодаря своим собственным наблюдениям или через врачей, в зависимости от температуры и количества людей, находящихся в камерах, срок наступления потери сознания или смерти был очень различен. Люди теряли сознание через несколько секунд или минут.

Кауфман: Вы сами имеете семью и детей, у вас когда-нибудь была жалость к этим жертвам?

Гесс: Да.

Кауфман: Но почему вы все-таки проводили это?

Гесс: При всех тех сомнениях, которые у меня возникали, единственным руководящим началом оставался обязательный приказ рейхсфюрера Гиммлера и данное им обоснование этого приказа.

...*Кауфман*: Я спрашиваю вас: осматривал Гиммлер лагерь и убеждался ли он сам в том, как происходил процесс уничтожения?

Гесс: Да, конечно. В 1942 г. Гиммлер посетил лагерь и проследил за одним процессом целиком, с начала до конца.

Кауфман: То же самое можно сказать и об Эйхмане?

Гесс: Эйхман несколько раз был в Освенциме и знал все хорошо...

Кауфман: Что вам известно о так называемых медицинских опытах с живыми заключенными?

Гесс: Медицинские опыты проводились в различных лагерях. В Освенциме производились опыты по стерилизации профессором Клаубертом и доктором Шуманом и опыты над близнецами эсэсовским врачом доктором Менгеле.

Кауфман: Знаете вы доктора Рашера?

Гесс: В Дахау был врач военно-воздушных сил Рашер, который делал опыты над заключенными, приговоренными к смерти, с целью определить сопротивление человеческого организма в камерах со сжатым воздухом и при низкой температуре.

Кауфман: Вы сами знаете, насколько подобного рода опыты были известны другим людям, находящимся в лагере?

Гесс: Конечно, эти опыты, как и все остальное, проводились как «тайное государственное дело». Но нельзя было избежать того, чтобы эти опыты, которые проводились в таком большом лагере и которые заключенные сами должны были как-то наблюдать, стали известны.

Насколько эти опыты стали известны вне пределов лагеря, я не знаю...

(Допрос продолжает представитель обвинения от США полковник Эймен.)

...Эймен: Я прошу, чтобы свидетелю показали документ ПС-3868, который я представляю Трибуналу в качестве доказательства за номером США-819.

(*Свидетелю передается документ*.)

Вы подписали это письменное показание добровольно, свидетель?

Гесс: Да.

Эймен: И это письменное показание, данное под присягой, верно во всех отношениях?

Гесс: Да...

Эймен: Я опускаю первый абзац и начинаю со второго:

«Я постоянно имел дело с администрацией концентрационных лагерей, начиная с 1934 г., и служил в Дахау до 1938 г. Затем я был адъютантом начальника лагеря в Саксенхаузене с 1938 г. до 1 мая 1940 г., когда меня назначили начальником лагеря в Освенциме. Я был начальником этого лагеря до 1 декабря 1943 г.

Я думаю, что по крайней мере 2 миллиона 500 тысяч жертв было там истреблено путем отравления в газовых камерах и сожжения и по крайней мере еще 500 тысяч человек погибли от голода и болезней. Таким образом, общая цифра погибших достигает приблизительно трех миллионов, то есть 70 или 80 процентов всех лиц, посланных в Освенцим в качестве заключенных. Остальные заключенные попали в число отобранных для использования на принудительных работах в промышленных предприятиях, которые имелись при концентрационных лагерях. Среди казненных и сожженных лиц имелись русские военнопленные, которые были изъяты гестапо из лагерей для военнопленных. Эти военнопленные были доставлены в Освенцим в армейских эшелонах офицерами и солдатами регулярной германской армии. Среди остальных погибших было примерно 100 тысяч немецких евреев и множество лиц, принадлежавших в большинстве случаев к еврейской национальности, из Голландии, Франции, Бельгии, Польши, Венгрии, Чехословакии, Греции и других стран. В течение лета 1944 г. только в Освенциме мы казнили примерно 400 тысяч венгерских евреев».

Это все правильно, свидетель?

Гесс: Да.

Эймен: Теперь я опущу несколько первых строк третьего абзаца и начну с середины его...

Скажите, свидетель, правильна ли дата в конце третьего абзаца, в том месте, где говорится о том, что только в Освенциме в течение лета 1944 г. было казнено 400 тысяч венгерских евреев. Это было в 1944 или в 1943 г.?

Гесс: 1944 г. Частично число это относится и к 1943 г., но только частично. Я не могу сейчас точно указать количество, во всяком случае конец относится к осени 1944 г.

Эймен: Хорошо.

«4. Массовое истребление путем отравления газом началось летом 1941 г. и продолжалось до осени 1944 г.. Я лично осуществлял наблюдение за казнями в Освенциме до 1 декабря 1943 г. Благодаря своей инспекторской должности, занимаемой мною в лагерях в течение долгого времени, мне известно, что эти массовые казни продолжались так же, как и раньше. Все массовые казни путем удушения в газовых камерах проводились по непосредственному распоряжению, под наблюдением и под ответственностью главного имперского управления безопасности. Все распоряжения о выполнении этих массовых казней я получал непосредственно от него».

Свидетель, эти показания верны и соответствуют действительности?

Гесс: Да.

Эймен: «5. 1 декабря 1943 г. я был назначен начальником 1-го отдела группы „Д“ главного административно-хозяйственного управления. На этом посту я занимался координированием всех вопросов, возникавших между РСХА и концентрационными лагерями, находившимися в ведении главного административно-хозяйственного управления. Я оставался на этом посту до самого конца войны. Поль, бывший начальником главного административно-хозяйственного управления, часто вел письменные и устные переговоры по вопросам, касавшимся лагерей».

Вы уже сообщили нам об объемистом отчете, который вы привезли Кальтенбруннеру в Берлин. Поэтому я опускаю остальную часть 5-го абзаца.

«6. Окончательное разрешение еврейского вопроса означало полное уничтожение всех евреев в Европе. В июне 1941 г. мне было приказано позаботиться об оборудовании для истребления их в Освенциме. В то время в генерал-губернаторстве существовали три лагеря уничтожения: Бельзен, Треблинка и Вольцек. Эти лагеря подчинялись эйнзатцкомандам полиции безопасности и СД. Я поехал в лагерь Треблинка, чтобы ознакомиться с тем, как там проводилось истребление. Начальник лагеря в Треблинке сказал мне, что он ликвидировал 80 тысяч человек в течение полугода. Он занимался главным образом истреблением евреев из Варшавского гетто. Он применял газ „монооксид“, но считал, что этот метод не очень эффективен. Поэтому, когда я устроил в Освенциме помещение для уничтожения, я применял „циклон Б“ — кристаллизованную синильную кислоту, которую мы бросали в камеру смерти через небольшое отверстие. В зависимости от климатических условий в этой камере люди умирали в течение 3–15 минут. О наступившей смерти мы узнавали по тому, что находившиеся в камере люди переставали кричать. Перед тем как открывать двери, чтобы убрать трупы, мы выжидали обычно с полчаса. После того как трупы были вынесены, наши особые команды занимались тем, что снимали с жертв кольца и извлекали золотые зубы».

Все это правда и соответствует действительности, свидетель?

Гесс: Да.

Эймен: Кстати, что делали с золотом, которое вынимали изо рта трупов, вы знаете?

Гесс: Да.

Эймен: Скажите же это Трибуналу.

Гесс: Золото расплавлялось и передавалось главному санитарному управлению СС в Берлине.

Эймен: «7. Другое усовершенствование, которое мы провели по сравнению с лагерем Треблинка, было то, что мы построили нашу газовую камеру так, что она могла вместить 2 тысячи человек одновременно, а в Треблинке десять газовых камер вмещали по 200 человек каждая. Жертвы мы выбирали таким образом: в Освенциме два дежурных врача осматривали заключенных, прибывавших эшелонами. Заключенных направляли к одному из врачей, который тут же на месте принимал решение. Пригодных к работе направляли в лагерь, остальных же немедленно посылали на фабрики истребления. Маленьких детей истребляли всех, так как они не могли работать.

Еще одно усовершенствование, которое мы ввели по сравнению с Треблинкой. В Треблинке жертвы всегда знали, что они умрут; у нас жертвы думали, что их подвергнут санитарной обработке. Конечно, часто они догадывались о наших действительных намерениях, и иногда начинались бунты и возникали затруднения. Очень часто женщины пытались спрятать своих детей под одеждой, но, конечно, когда мы обнаруживали их, мы отправляли их в камеры уничтожения. Нам было приказано проводить все это истребление тайно, но ужасающий тошнотворный смрад от постоянного сжигания трупов заполнял всю территорию, и все население, проживающее в окрестностях, знало, что в Освенциме проводилось истребление людей».

Скажите, свидетель, все это правильно и соответствует действительности?

Гесс: Да.

Немецкая рачительность известна во всем мире. Не изменило это качество и администрации лагерей. Одежда и обувь убитых и умерших узников сортировались и вагонами отправлялись на нужды рейха, в Фонд зимней помощи. Если башмаки были ветхими, то в «народное хозяйство» отправлялись лишь подошвы. Собирались часы, авторучки, кольца, оправы очков, цепочки, крестики. Специальные команды срывали коронки с зубов еще не остывших трупов. Золото переплавлялось и поступало в рейхсбанк. Чтобы извлечь то, что случайно не было изъято, просеивалась зола крематориев.

Уже эти действия находились за пределами понимания, были верхом цинизма и бесчувственности. Но кто-то из нацистских «экономов» на этом не остановился и представил человеческое тело как ресурс для промышленности.

Волосы заключенных — материал для изготовления войлока и пряжи. Зола и пепел от кремации людей — удобрение для полей. Кости, раздробленные специальными машинами, тоже повышают плодородие почвы. А сколько пропадает в лагерях прекрасной человеческой кожи! Нужно только содрать ее, обработать — и можно завалить всю Германию замечательной галантереей.

До промышленной выделки кожи дело не дошло, но опыты прошли успешно...

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕЗАННЫХ ВОЛОС

Главное административно-хозяйственное управление СС

Секретно
г. Ораниенбург,
6 августа 1942 г.

Касается: использования срезанных волос

Комендантам концлагерей
Арб., Ау. Бу., Да, Фло., Гр, РО.,
Маут/Гу., На., Ни., Ной.,
Рав., Сакс, Штутг., Мор.,
СС — спецлагерь Хинценрт

Начальник главного административно-хозяйственного управления СС на основании представленного ему доклада приказал, чтобы все срезанные человеческие волосы, добытые в концлагерях, были соответствующим образом использованы.

Человеческие волосы перерабатываются в промышленный войлок и пряжу. Из расчесанных и срезанных женских волос вырабатываются для команд подводных лодок ступни чулок из волосяной пряжи и для имперских железных дорог чулки из волосяного войлока.

Поэтому приказываю, чтобы волосы заключенных женщин после произведенной дезинфекции были сохранены. Стриженые волосы заключенных мужчин должны использоваться начиная с 20 мм длины.

Обергруппенфюрер СС Поль поэтому изъявил согласие, чтобы в виде опыта волосы заключенных мужчин стриглись лишь тогда, когда они по стрижке достигают 20 мм длины.

Чтобы предотвратить возможность побегов в связи с удалением волос в случаях, когда комендант найдет нужным, надо производить пометку заключенных таким образом, чтобы посредством узкой машинки посредине головы выстригалась волосяная дорожка.

Предусматривается использование волос, добытых во всех лагерях, путем учреждения особой производственной установки в одном из концлагерей.

Более точное указание по сдаче собранных волос будет дано особо.

О количестве ежемесячно собранных волос (женские волосы отдельно от мужских) должны сообщаться сюда сведения 5-го числа каждого месяца, начиная с 5 сентября 1942 г.

Глюкс, бригаденфюрер СС и генерал-майор войск СС

Глава 31
«Высшая раса» убивает и грабит

Планируя «Дранг нах Остен» — наступление на Восток, нацисты видели перед собой не суверенные страны и народы со своей экономикой, культурой, традициями, а «жизненное пространство» для «арийцев», поле для тотальных грабежей, выкачивания ресурсов и получения бесплатной рабочей силы.

Термин «геноцид» принадлежит нацистам, это продукт теории о господстве «высших» рас над «низшими», допускавшей уничтожение целых народов.

Приведенный ниже текст американского обвинителя С. Гарриса посвящен, главным образом, польской трагедии, одной из самых длительных и масштабных по числу жертв.

После захвата Польши в 1939 г. часть ее земель была присоединена к Германии. Оставшаяся территория стала называться Польским генерал-губернаторством. Во главе его Гитлер поставил Ганса Франка, который заявил: «С Польшей следует обращаться, как с колонией. Поляки станут рабами Великой Германской империи».

Под руководством Франка страна подверглась планомерному и методичному ограблению. В Германию вывозилось почти все продовольствие. Собственность местного населения конфисковывалась. Представление доказательств американским обвинителем С. Гаррисом по разделу «Германизация и грабеж в оккупированных странах». В «генерал-губернаторстве» установился режим жесточайшего террора.

Сопротивление «новому порядку» каралось смертью. За первые три года оккупации в лагеря смерти было отправлено 85 процентов польских евреев. Пострадало также большое число поляков и граждан других национальностей. Всюду, куда вступали немецкие войска, устанавливалась жестокая, бесчеловечная оккупационная власть, ставившая целью ограбление и обезлюживание огромных территорий.

УНИЧТОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ НАРОДОВ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 14 декабря 1945 г.]

Когда мы говорим о планах германизации, мы имеем в виду планы ассимилирования захваченных территорий экономически, политически и в культурном отношении, втягивание их в орбиту германской империи. Германизация, или онемечение, как мы покажем, означает уничтожение национального характера захваченных территорий и искоренение всех элементов, которые не примут нацистской идеологии.

Под грабежом мы понимаем разграбление общественной и частной собственности и вообще эксплуатацию народа и естественных богатств оккупированных территорий.

Польша была в известной мере опытным полем для проверки захватнических теорий гитлеровцев относительно «жизненного пространства». Четыре западные провинции Польши были фактически включены в состав Германии приказом от 8 октября 1939 г. Этот приказ был подписан Гитлером, Ламмерсом, Герингом, Фриком и Гессом и напечатан в «Рейхсгезетцблат» в 1939 г. (ч. 1, стр. 2042). Остальная часть захваченной гитлеровцами Польши по приказу Гитлера от 12 октября 1939 г. была названа генерал-губернаторством Польши.

Планы в отношении Польши были довольно сложны.

1. Гитлеровцы специально ставили перед собой цель эксплуатировать людские и материальные ресурсы генерал-губернаторства Польши для того, чтобы усилить нацистскую военную машину, чтобы разорить генерал-губернаторство и превратить его в вассальное государство. На более поздней стадии были сформулированы планы создания островков немецких поселений в более плодородных районах генерал-губернаторства для того, чтобы поглотить польское население и ускорить процесс онемечивания.

2. Районы Польши, которые должны были стать частью германской империи, подлежали безжалостному онемечиванию. Для этого нацисты планировали:

а) Сохранить производственные возможности в захваченных районах с тем, чтобы все, что будет производиться, использовалось военной машиной Германии.

b) Ввозить в генерал-губернаторство сотни тысяч евреев, представителей интеллигенции и других несогласных с нацистами элементов. Евреи, которые ввозились в генерал-губернаторство, были обречены на быстрое уничтожение. Более того, поскольку гитлеровцы видели, что польская интеллигенция не под-

дается германизации и может служить источником сопротивления, они также решили уничтожить и эту интеллигенцию.

c) Вывозить всех физически годных польских граждан в Германию для работы на немецкую военную машину. Эта мера преследовала двоякую цель: во-первых, выполнить требования немецкой военной промышленности на рабочую силу; во-вторых, предотвратить рождение нового поколения поляков.

d) Превратить всех жителей областей, включенных в состав германской империи, у которых была хоть капля немецкой крови, в германских подданных, которые фанатически верили бы в принципы фашизма. Для этого нацисты провели четкую систему расовой регистрации. Те, кто отказывался регистрироваться, заключались в концлагеря.

e) Вывозить тысячи немецких подданных в эти включенные в империю районы для расселения их.

И наконец:

f) Конфисковать, особенно в сельских местностях, всю собственность поляков, евреев и недовольных нацистами. Конфискация собственности евреев была частью большой программы заговорщиков по уничтожению евреев. Кроме того, конфискация преследовала три дополнительные цели:

1. Получение земли для новых германских поселенцев, чтобы вознаградить их за «верность и преданность».

2. Вывоз польской собственности в Германию для военного производства.

3. Вывоз польских мужчин отдельно от их жен, чтобы предотвратить рост населения за счет поляков.

Эти положения в известной мере подтверждаются документом ЕС-344-16 (США-297), являющимся отчетом о беседе с подсудимым Франком от 3 октября 1939 г. Он был обнаружен в архивах германского верховного военного командования, которые находились в центральном складе документов. Этот документ является частью большого доклада, подготовленного неким капитаном Варейном по указанию генерала Томаса, который был тогда главой экономического штаба верховного командования.

«В первой беседе с руководителем центрального отдела, офицером связи и представителем управления вооружения и главным административным офицером 3 октября 1939 г. в Познани Франк сообщил, какая экономическая и политическая ответственность была возложена на него фюрером и как в соответствии с этим он собирался управлять Польшей.

В соответствии с директивами Польша может управляться только таким образом, чтобы использовать ее для безжалостной

эксплуатации — вывоза всех возможных материалов, сырья, машин фабричного оборудования и т. д., необходимых для германской военной экономики. Она может быть использована для вывоза всех рабочих в Германию, для уничтожения или снижения до минимума уровня польской экономики, минимума, обеспечивающего существование населения впроголодь, для уничтожения всех образовательных учреждений, в особенности технических школ и колледжей, чтобы предотвратить рост новой польской интеллигенции.

„Польша будет рассматриваться как колония, — говорил Франк. — Поляки будут рабами великой всемирной германской империи. Уничтожая польскую промышленность, мы делаем очень трудным восстановление ее после войны, если оно вообще будет возможно. Таким образом, Польша будет возвращена на уготованное для нее место аграрной страны и должна будет полностью зависеть от Германии в области импорта промышленной продукции“».

Документ ЕС-410 (США-298) показывает, какие различные меры нацисты собирались провести соответственно во включенных в империю районах Польши и в генерал-губернаторстве. Это — копия изданной подсудимым Герингом 19 октября 1939 г. директивы, обнаруженной в захваченных архивах немецкого верховного командования. Директива гласит: «На заседании 13 октября я дал детальную инструкцию относительно экономического управления оккупированными территориями. Я здесь коротко повторю ее.

Задачи экономической политики в разных административных районах различаются в зависимости от того, какого района это касается, будет ли он включен политически в Германскую империю, или мы имеем дело с генерал-губернаторством, которое, по всей вероятности, не будет являться частью Германии.

В первом случае следует иметь в виду реконструкцию и расширение экономики, сохранение всех производственных возможностей и источников сырья и полное включение экономики этой страны в германскую экономическую систему в самое ближайшее время.

Во втором случае с территории генерал-губернаторства следует вывозить все сырье, все материалы, весь лом, все машины, которые могут быть употреблены для германской военной экономики. Предприятия, которые не абсолютно необходимы для удовлетворения самых минимальных потребностей населения, должны быть вывезены в Германию, если только их вывоз не потребует слишком долгого времени; в противном случае они

должны быть практически использованы на старом месте для работы по германским заданиям».

Документ ЕС-411 (США-299) является копией приказа, датированного 20 ноября 1939 г. и изданного подсудимым Гессом как заместителем фюрера. Этот документ также найден в захваченных архивах верховного командования. Подсудимый Гесс в этом приказе пишет:

«Я слышал от членов партии, которые прибыли из генерал-губернаторства, что различные учреждения, например военно-экономический штаб, министерство труда и другие, собираются реконструировать и восстанавливать некоторые промышленные предприятия в Варшаве. Однако согласно решению министра доктора Франка, одобренному фюрером, Варшава не должна быть восстановлена. Целью фюрера не является также восстановление или реконструкция какой-либо промышленности в генерал-губернаторстве».

Документ ПС-661 (США-300) представляет собой секретный доклад, подготовленный академией германского права в январе 1940 г., о планах массовой эмиграции поляков и евреев из включенных в империю районов Польши в генерал-губернаторство и о насильственном вывозе всех трудоспособных поляков в Германию. Этот документ был захвачен в управлении по переселению в Германию.

«Для проведения в жизнь дорогостоящих и длительных мер по увеличению продукции сельского хозяйства генерал-губернаторство может поглотить примерно 1–1,5 миллиона поселенцев, поскольку оно уже перенаселено. Дальнейшее поглощение примерно 1,6 миллиона переселенцев приведет к тому, что в самой Германии число жителей на квадратный километр будет составлять, как это было в 1925 г., 133 человека, а это приведет к двойному перенаселению. Поэтому цифра в 1,6 миллиона будет едва достаточной для вывоза из империи. Евреи с освобожденного Востока (около 600 тысяч) и часть оставшихся в других местах, главным образом молодых возрастов, должны быть вывезены из Германии в Австрию, Судеты и протекторат, что составит примерно около миллиона...

4. Для того чтобы освободить жизненное пространство от поляков в генерал-губернаторстве, а также для того чтобы сделать это на освобожденном Востоке, нужно временно вывезти дешевые рабочие руки, сотни тысяч их, и держать на работе в течение нескольких лет в старой империи, препятствуя таким образом их естественному биологическому развитию. Следует также препятствовать их ассимиляции в империи...

Нужно принять жесточайшие меры предосторожности для того, чтобы секретные документы, меморандумы и официальные корреспонденции, которые содержат инструкции, направленные против поляков, находились постоянно под замком, чтобы они не попали однажды в „Белые книги“, издаваемые в Париже и США».

Документ ПС-2233 (США-302) представляет собой дневник Франка за 1939 г. с 25 октября до 15 декабря.

Подсудимый Франк писал: «Рейхсфюрер СС (Гиммлер) хочет, чтобы все евреи были эвакуированы с только что захваченных территорий. Примерно до февраля около миллиона человек должно быть таким образом вывезено в генерал-губернаторство. Семьи хорошего расового происхождения, находящиеся на оккупированной польской территории (около 4 миллионов), должны быть вывезены в рейх и расселены там и таким образом уничтожены как представители нации».

Документ ЕС-305 (США-303) — совершенно секретный протокол совещания от 12 февраля 1940 г. под председательством подсудимого Геринга «по вопросам, касающимся Востока». Этот документ был обнаружен в захваченных архивах верховного командования. Гиммлер и Франк присутствовали на этом совещании.

«Во вступлении генерал-фельдмаршал Геринг объявил, что усиление военного потенциала империи должно явиться главной целью всех мер, которые будут проводиться на Востоке.

...Сельское хозяйство. Задача состоит в том, чтобы получить как можно больше сельскохозяйственной продукции из новых восточных районов независимо от того, чьей собственностью являются земли...

Специальные вопросы, касающиеся генерал-губернаторства. Генерал-губернаторство должно будет принять евреев, которых приказано переселить из Германии и новых восточных территорий...

Следующие сообщения получены о положении на восточных территориях. Гаулейтер Форстер сообщает: „Население Данцига, присоединенного к Западной Пруссии, равнялось 1,5 миллиона, из них: 240 тысяч немцев, 850 тысяч хорошо устроенных поляков и 3 тысячи поляков-эмигрантов; евреи и другие в числе 87 тысяч человек были эвакуированы, 40 тысяч из них из Готенхафена; оттуда многочисленные беглецы, которые теперь находятся в руках государства, должны быть вывезены в генерал-губернаторство. Поэтому эвакуация 20 тысяч человек должна быть проведена еще в течение текущего года“».

Подобные же отчеты были получены от других гаулейтеров на том же заседании.

Насильственный вывоз населения, о котором сообщалось в этих документах, заключался не только в том, что несчастные жертвы принуждались оставлять свои дома и жить в другом месте. Эти вывозы проводились согласно плану, они проводились самыми жестокими, бесчеловечными способами.

Документ ПС-1918 (США-304) является записью речи, произнесенной Гиммлером перед офицерами СС в день годовщины введения нацистского режима. В документе нет даты, но содержание его показывает, что речь была произнесена через некоторое время после захвата Польши.

«Очень часто член „Ваффен СС“ думает о вывозе этих людей. Эти мысли пришли также в голову и мне, когда я наблюдал за очень трудной работой, которую проводит здесь полиция безопасности при содействии наших людей, оказывающих ей очень большую помощь. То же самое случилось в Польше при 40 градусах ниже нуля, когда мы должны были вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч и когда нам пришлось найти в себе жестокость — вы должны услышать это, но затем забыть это навсегда — расстреливать тысячи руководящих деятелей из числа поляков».

Те поляки из включенных в империю районов, которые сумели выжить в результате этого путешествия в генерал-губернаторство, могли ждать в будущем только невероятных трудностей, унижения и жестокостей.

В документе под номером ЕС-3416 (США-297) содержится заявление Франка о том, что польская экономика должна быть доведена до такого уровня, когда она будет производить лишь самое необходимое для того, чтобы население могло перебиваться с хлеба на воду.

В документе ЕС-410 (США-298) говорится, что вся промышленность Польши, которая не является абсолютно необходимой для поддержания минимального уровня существования польского населения, должна быть вывезена в Германию. Для евреев, которые насильно вывозились в генерал-губернаторство, не оставалось никакой надежды. Их фактически вывозили в могилу. Подсудимый Франк заявил (дневник Франка за октябрь — декабрь 1941 г., документ ПС-Д-2233 (США-281):

«Мы должны уничтожить всех евреев, где бы мы их ни находили и где это только возможно».

Я обращаюсь теперь к той части программы заговорщиков, которая включала насильственную германизацию — онемечивание населения.

Документ ПС-686 (США-305) является копией секретного декрета, подписанного 7 октября 1939 г. Гитлером и подсудимыми

Герингом и Кейтелем. Этим декретом на Гиммлера возлагалась задача проведения программы германизации.

«На рейхсфюрера СС (Гиммлера) в соответствии с моими директивами возлагаются следующие обязанности:

1. Осуществить возвращение обратно в империю всех лиц германской национальности и полноценных в расовом отношении немцев из иностранных государств.

2. Уничтожить вредное влияние тех чуждых элементов населения, которые представляют опасность для империи, для германского народа.

3. Создать новые германские поселения путем переселения и, в особенности, путем расселения возвращающихся из-за границы в Германию граждан и полноценных в расовом отношении немцев. Рейхсфюреру предоставлено право принимать все необходимые общие и административные меры для проведения в жизнь его обязанностей».

Представления самого Гиммлера о характере его задач, вставших перед ним вследствие этого декрета, очень ясно выражены в предисловии, которое он написал к «Дейче Арбейт» (выпуск за июнь — июль 1942 г.). Это предисловие содержится в документе ПС-2915 (США-306).

«Нашей задачей является германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть учить народ немецкому языку и немецкому закону. Наша задача проследить за тем, чтобы только люди германской крови жили на Востоке».

Документ за номером ПС-2916 (США-307) содержит разнообразные материалы, взятые из «Дер Меншенаинзатц» за 1940 г. Это довольно ограниченное по своему распространению издание, которое выпускалось управлением по консолидации немецкой национальности, возглавляемым Гиммлером.

«Устранение иностранного населения из включенных в империю восточных территорий является одной из важнейших задач, которая должна быть нами проведена в жизнь на германском Востоке. Это главная политическая задача, которая должна быть проведена на восточных территориях рейхсфюрером СС и рейхскомиссаром по консолидации германской национальности».

В другом документе (ПС-1420) говорится: «Первоначальные причины, которые сделают абсолютно необходимым возвращение в империю потерянной немецкой крови, таковы:

1. Предотвращение дальнейшего роста польской интеллигенции путем включения в нее германских семей, даже если они ополячиваются.

2. Увеличение населения расовыми элементами, желательными для германской нации, и приобретение безупречных с биологической точки зрения источников для воссоздания германского сельского хозяйства и промышленности».

Особый свет на эту программу германизации захваченных восточных территорий, проводившуюся заговорщиками, бросает речь, произнесенная Гиммлером 14 октября 1943 г. (документ США-308).

Гиммлер сказал: «Я считаю, что в вопросе, касающемся населения иностранных государств, в особенности славян, мы должны исходить из немецкой точки зрения, внушать этим людям правильные немецкие идеи и логические умозаключения, которые они вообще неспособны воспринять, но мы должны принять их такими, как они есть. Конечно, при таком смешении людей могут найтись хорошие расовые типы. Поэтому я полагаю, что нашим долгом будет взять себе их детей для того, чтобы убрать их из нежелательного окружения и, если будет необходимо, даже просто выкрадывать или отнимать детей насильно. Или мы приобретем хорошую кровь, которую мы сумеем использовать и дадим ей место среди нашего народа, или мы уничтожим эту кровь».

Гиммлер далее заявил: «Для нас конец этой войны будет означать открытую дорогу на Восток, создание немецкой империи тем или другим путем и возвращение домой 30 миллионов человек нашей крови. Таким образом, еще при жизни нашего поколения мы станем народом в 120 миллионов человек. Это означает, что мы будем единственной решающей силой в Европе. Это означает, что мы сможем тогда получить мир и в течение ближайших 20 лет перестроить и расширить наши деревни и города, расширить границы нашего германского государства еще на 500 километров на Восток».

Для проведения этого сумасбродного плана гитлеровцы ввели расовую регистрацию во включенных в империю районах Польши. Эта система регистрации является разработанной методикой классификации людей, которые должны были, по мнению немцев, обладать немецкой кровью. В каждой графе этой классификации содержались указания на некоторые права и привилегии, а также обязанности каждой из групп.

Система расовой регистрации была одобрена декретом от 12 сентября 1940 г., изданным и подписанным Гиммлером как рейхсуполномоченным по консолидации германской нации. Декрет содержится в документе ПС-2916 (США-307).

«(Только для служебного пользования): Список этнических немцев подразделяется на четыре категории.

1. Этнические немцы, активно участвовавшие в этнической борьбе. Кроме принадлежности к немецким организациям, всякая другая деятельность в пользу немцев против иностранного государства также должна рассматриваться как факт такой активности.

2. Этнические немцы, которые не действовали активно в пользу германской национальности, но которые сохранили вполне очевидные черты германского происхождения.

3. Лица германского происхождения, которые были тесно связаны с польской нацией в течение многих лет, но которые хотят стать полноправными членами германской расы. К этой группе принадлежат также люди не немецкого происхождения, которые находятся в смешанном браке с этническими германцами и на которых благотворно сказалось влияние немецкого супруга. К этой группе принадлежат также лица, происходящие от Мазурской, Слонзакской и Верхнесилезской ветвей, которые признаются этническими немцами.

4. Лица германского происхождения, политически поглощенные польской нацией (ренегаты).

Лица, которых не следует включать в список этнических немцев: поляки и лица иностранного происхождения. Обращение с ними устанавливается в другом декрете.

Члены третьей и четвертой групп этнических немцев могут быть использованы для реконструкции Востока. Различие между первой и второй группами очень важно для национализма. Только лица первой группы могут быть приняты в партию согласно указаниям заместителя фюрера. Лица третьей и четвертой групп должны быть воспитаны как полноценные немцы, то есть они должны быть снова онемечены с течением времени путем специальной воспитательной системы внутри старой Германии. Ни одна капля германской крови не должна быть употреблена в пользу иностранцев.

Отношение к членам четвертой группы должно определяться тем, что против тех, кто противится германизации, полиция безопасности должна принять жесточайшие политические меры».

Основной принцип расовой регистрации был изложен в декрете от 3 марта 1941 г., подписанном Гиммлером и подсудимыми Фриком и Гессом. Этот декрет напечатан в «Рейхсгезетцблатт» за 1941 год, часть 1, страница 118.

Весь аппарат СС был брошен на активное проведение этих декретов. Вот еще документ Р-112 (США-309) — декрет, изданный Гиммлером 16 февраля 1942 г. как рейхскомиссаром по консолидации германской нации.

«I. Там, где расовые немцы еще не явились для включения в «германский этнический список», вы должны инструктировать подчиненные вам организации, передавать их имена государственной полиции безопасности (главному управлению), а затем сообщать об этом мне.

II. Местные управления полиции позаботятся о том, чтобы лица, чьи фамилии были переданы в полицию, в течение 8 дней явились для того, чтобы включиться в список германских этнических немцев. Если они не явятся, они должны быть подвергнуты предварительному заключению для последующей отправки их в концентрационные лагеря».

Меры, которые были предприняты против лиц четвертой категории, называемых гитлеровцами «колонизированными немцами», были жестокими. Эти люди сопротивлялись онемечиванию и должны были подвергаться, согласно предписанию, самым жестоким мерам воздействия. Там, где предыстория или биография человека показывала, что его будет трудно германизировать, его просто бросали в концентрационный лагерь. Некоторые из этих мер изложены в подразделе «А» второго раздела на странице 5 документа Р-112 — второго декрета, датированного 16 февраля 1942 г.

«Регерманизация колониальных немцев предполагает их полнейшее отделение от польского окружения. Для этой цели лица, входящие в четвертую группу этнического списка, должны быть подвергнуты следующим мерам:

1. Их нужно переселить на территорию германской империи.

2. Руководители СС и главного управления полиции безопасности должны провести эвакуацию и переселение их согласно инструкциям, которые будут даны позже.

3. Социально опасные лица и другие, которые с точки зрения наследственности находятся на низком уровне, не должны входить в списки для переселения. Их имена должны быть немедленно переданы высшему руководству СС и полиции (инспектору службы безопасности), а от них — в главное имперское управление полиции безопасности, которое займется тем, что отправит их в концентрационные лагеря.

4. Лица, имеющие очень плохую политическую характеристику, не должны быть включены в списки для переселения. Их имена также должны быть переданы управлению СС и соответствующим органам имперского управления безопасности для отправки их в концентрационные лагеря. Жены и дети таких людей должны быть переселены на территорию империи и включены в список мероприятий по германизации. Там, где жены также име-

ют очень плохую политическую характеристику и не могут быть включены в список для переселения, они должны быть переданы имперскому управлению безопасности для заключения об отправке в концлагерь. В таких случаях дети должны быть отняты у родителей и с ними должны обращаться согласно параграфу 3, абзацу 2 настоящего декрета.

Лица, которые обладают особенно плохой политической характеристикой, например оскорбляли немецкую нацию, участвовали в преследованиях немцев, в бойкотах и т. д. и т. п., должны быть также отправлены в лагеря».

В соответствии с программой германизации гитлеровцы, как прежде было указано, предприняли шаги к тому, чтобы переселить большое количество немцев, оказавшихся проверенными с точки зрения нацистских убеждений, во вновь захваченные районы. Эта часть их программы будет совершенно ясна из статьи обергруппенфюрера СС и генерала полиции безопасности Вильгельма Копэ, одного из доверенных агентов Гиммлера (документ ПС-2915, США-306).

«Победа германского оружия на Востоке, — говорится в статье, — должна вызвать победу германской расы над польской расой, если захваченные восточные территории, согласно воле фюрера, с этого времени навсегда останутся существенной составной частью великой германской империи. Поэтому чрезвычайно важно проникнуть в захваченные немцами районы и заселить их германскими фермерами, рабочими, служащими, торговцами и ремесленниками для того, чтобы мы могли создать там крепкий и жизнеспособный бастион германского народа, чтобы он явился для нас стеной против проникновения иностранного влияния и, возможно, трамплином для расового проникновения далее, в глубь восточных территорий».

В генерал-губернаторстве было сравнительно мало людей, которые подходили под категории, установленные гитлеровцами. Таким образом, мало было проку от расовой регистрации, которая распределяла на группы граждан германского происхождения во включенных в империю районах.

Немцы старались: а) превратить генерал-губернаторство в колонию Германии, b) создать так называемые «германские поселенческие островки». Эти островки должны были создаваться путем переселения лиц германского происхождения.

Документ ПС-910 (США-310) — это секретные заметки, помеченные: «Министерство внутренних дел. Краков, 30 марта 1942 г.». Они касаются заявления Гиммлера относительно «плановой германизации» генерал-губернаторства.

«Рейхсфюрер Гиммлер высказал свои соображения по поводу проведения пятилетнего плана переселения после войны, с тем чтобы заполнить новые германские восточные территории. Предполагается впоследствии создать такие условия, при которых в Крыму и в прибалтийских районах будет проживать высший немецкий класс. Что касается генерал-губернаторства, может быть, следует прежде всего организовать там островные немецкие поселения. Однако еще нет окончательного решения по этому вопросу. Во всяком случае желательно, чтобы сначала была проведена значительная колонизация по берегам Сана и Буга таким образом, чтобы польские поселения были окружены другим иностранным населением.

До сих пор факты доказывали, что такого рода поселения быстрее всего ведут к желанной нацификации».

Документ ПС-2233 (США-311) — дневник подсудимого Франка, 1941 год, том 2, страница 317.

Франк писал в своем дневнике: «Благодаря героическому мужеству наших солдат эта территория стала немецкой. И придет время, когда долины Вислы от ее истоков до ее устья станут немецкими, такими же немецкими, как и долина Рейна». ...

Документ Р-92 (США-312), датированный 15 апреля 1941 г., помечен инициалами рейхсфюрера СС, комиссара по консолидации германской нации, и назван: «Инструкция относительно применения закона о собственности поляков от 17 октября 1940 г. Для служебного пользования».

«Условия, которые разрешают захват собственности согласно подразделу 2, всегда имеются в наличии, если собственность принадлежит поляку. Тот факт, что вся польская собственность будет нужна для консолидации германской расы, не подлежит сомнению».

Прошу обратить внимание на данные о выполнении указанной инструкции. Эти данные показывают, что к 31 мая 1943 г. было уже захвачено поразительно большое число хозяйств (693 252 хозяйства, владевших 6 097 525 га). Кроме того, 9 508 хозяйств, владевших 270 446 га, были уже конфискованы в районе Данцига, в Познани, Силезии и Зихенау. Эти данные дают представление о размерах конфискации только в четырех областях. Этим заключаются наши данные о конфискации собственности в Польше.

Документ ПС-862 (США-313) — это совершенно секретный отчет, датированный 15 ноября 1940 г. и написанный генералом Фредериче — заместителем командующего вооруженными силами в Богемии и Моравии. «9 октября этого года, — говорится

в документе, — канцелярия рейхспротектора провела официальное совещание, на котором выступил государственный советник генерал-лейтенант Франк.

Со времени создания протектората Богемии и Моравии партийные организации и промышленные круги, так же как и организации центральных властей в Берлине, встречались с трудностями в разрешении чешской проблемы. После длительных размышлений рейхспротектор высказал точку зрения по поводу различных планов в меморандуме. Таким образом, было предложено три пути для разрешения этого вопроса:

а) инфильтрация немцев в Моравию и снижение количества представителей чешской национальности в Богемии. Этот путь рассматривался как неудовлетворительный, потому что чешская проблема, хотя и в менее острой форме, все-таки продолжала бы существовать;

b) можно было бы привести много аргументов против более радикального разрешения вопроса, а именно против вывоза всех чехов. Поэтому меморандум приходит к заключению, что это решение должно быть отвергнуто, потому что оно не может быть выполнено в течение короткого времени;

с) ассимиляция чехов, то есть поглощение примерно половины чехов немцами, поскольку это важно с расовой точки зрения. Это можно провести также путем увеличения количества чехов на территории империи (за исключением пограничных судетских районов). Другими словами, нужно будет разбросать по всей империи чешскую национальность. Другая половина чешской национальности должна быть уничтожена и вывезена из страны любыми методами. Это относится в особенности к смешанным с расовой точки зрения частям населения и к большей части интеллигенции. Вряд ли можно будет идеологически обратить эту часть в другую веру; она по существу явится только бременем, потому что будет претендовать на руководство чехами и тем самым будет мешать быстрой ассимиляции их. Элементы, которые будут противодействовать планам германизации, должны быть устранены и уничтожены.

...Проведение такого мероприятия, естественно, предполагает увеличение количества немцев, переселенных с территории империи на территорию протектората. После обсуждения фюрер избрал последнее решение — ассимиляцию как мероприятие для разрешения чешского вопроса, однако внешне решил сохранять видимость автономии протектората, а по существу проводить германизацию централизованно, через канцелярию рейхспротектора, и делать это в течение ближайших лет.

Из сказанного вооруженные силы не должны делать никакого вывода. В этой связи я ссылаюсь на свой меморандум, который был послан руководству вооруженными силами 12 июля 1939 г. (папка № 6/39, совершенно секретно)»...

Решение «b», которое предполагало насильственное лишение всех чехов отечества, было отвергнуто не потому, что оно было признано слишком жестоким, а скорее потому, что оно не было достаточно быстрым и радикальным. Надо было найти более быстрый способ более радикального решения этой проблемы.

Решение «с» рассматривалось как самое желательное и было принято. Это решение предполагало прежде всего ассимиляцию половины чешского населения немцами, что означало:

аа) насильственную германизацию тех, кого считали расово полноценными,

bb) вывоз на рабский труд в Германию всех остальных. Решение «с» далее фактически предусматривало уничтожение и вывоз «любого рода методами» второй половины чешского населения, особенно интеллигенции и тех, кто не отвечал расовым требованиям заговорщиков. Интеллигенция везде являлась пугалом для гитлеровцев. И чешская интеллигенция не составляла исключения, являясь примером противодействия и самопожертвования в борьбе с нацистской идеологией. Поэтому она, с точки зрения немцев, должна была быть уничтожена. «Все элементы, которые противодействуют плану германизации, должны подвергнуться жестокому обращению и уничтожению».

Это означало, что такая интеллигенция и другие недовольные элементы должны быть брошены немедленно в концентрационные лагеря или немедленно же уничтожены. Короче говоря, решение «с» попросту является практическим применением нацистской философии, которую выразил Гиммлер в своей речи:

«Или мы приобретем хорошую кровь, которую мы сумеем использовать и дадим ей место среди нашего народа, или мы уничтожим эту кровь».

Грабеж в оккупированных странах Запада дополнялся:

а) громадными оккупационными налогами, b) насильственными мошенническими операциями и с) конфискацией золота и иностранной валюты.

В качестве иллюстрации и для того, чтобы показать, что планы заговорщиков включали оккупированные страны Запада, как и восточные, мы представим документ за номером Р-114 (США-314) — меморандумы, датированные 7 и 29 августа 1942 г. Они найдены в личных архивах Гиммлера. Первый меморандум освещает совещание офицеров СС у Гиммлера. Он озаглавлен: «Ос-

новное руководство по обращению с вывезенными эльзасцами». Второй меморандум, помеченный грифом «секретно», назван: «Перевод эльзасцев в собственно Германию». Меморандум показывает, что намечались планы, которые частично уже были проведены в жизнь, по вывозу эльзасцев, враждебно относившихся к немцам, и по германизации этой провинции.

В меморандуме, озаглавленном «Основное руководство по обращению с вывезенными эльзасцами», говорится: «Первая операция была проведена в Эльзасе в период с июля по декабрь 1940 года. В течение этой операции 105 тысяч человек были или высланы из Эльзаса или получили запрещение возвратиться на родину. Это были главным образом евреи, цыгане и другие лица чуждой расы, а также преступники, антиобщественные элементы или неизлечимые психически больные люди и, кроме того, французы и франкофилы.

Население, говорившее на местном диалекте, было прочесано и вывезено в результате целой серии облав, точно так же, как и другие эльзасцы. Гаулейтер Вагнер проводил все эти меры, ссылаясь на разрешение фюрера провести чистку Эльзаса от больных и ненадлежащих элементов. Он отмечал политическую необходимость такого вывоза и подчеркивал, что он должен быть проведен как можно скорее».

Вот вкратце те соображения, которые мы хотели представить Суду по данному вопросу.

Глава 32
Немец — «муравей», поляк — «древесная тля»

Благодаря образцовому немецкому бюрократизму, отражавшему на бумаге каждый свой шаг, в руках обвинения оказалась огромная масса трофейных документов. Многие нацистские вожди по долгу «исторических личностей» вели дневниковые записи. Ганс Франк, например, на посту рейхсминистра и нацистского наместника Польши явно хотел оставить след в вечности. Об этом говорят напыщенный стиль и возвеличивание своей персоны. Кроме того, за Франком все время ходил стенограф, фиксируя «исторические» высказывания и распоряжения генерал-губернатора.

Немалая часть официальных и личных бумаг на Нюрнбергском процессе была приобщена к доказательствам. Немало лживых утверждений обвиняемых и их защитников было разоблачено именно с помощью документов.

Преимущество дневников как доказательств заключается в том, что автору записей очень сложно отречься от изложенных фактов, невозможно представить дело так, что в личном дневнике он оговорил самого себя.

Странность дневника Франка в том, что он повествует о себе в третьем лице. Так же вел записи Борман. Однако подлинность этих документов не вызывает сомнений.

Документ ПС-2233

ИЗ ДНЕВНИКА ГАНСА ФРАНКА

Протокол совещания начальников отделов от 2 декабря 1939 г.

Страница 1.

Генерал-губернатор рейхсминистр доктор Франк открывает конференцию подробным изложением задач правительства генерал-губернаторства. Совершенно необходимо, чтобы учитывалась важность политических задач при выполнении чисто формальных требований управления. Потребуются мужчины, которые найдут в себе мужество разрешать новые задачи по-новому и освободятся от шаблонов и навыков, которые они, возможно, принесли с собой. То, что правильно в рейхе, далеко не всегда будет правильным для генерал-губернаторства. В генерал-губернаторстве недействительно то, что написано в законодательстве рейха... Для правильной деятельности в генерал-губернаторстве важна лишь воля фюрера рассматривать эту область как первую колониальную область немецкой нации. Для генерал-губернаторства основной является точка зрения германизма.

Страница 2.

Для нового управления генерал-губернаторства еще важно следующее: вся эта область в целом является трофеем (добычей) немецкого государства. Поэтому не следует, чтобы эта область разграблялась по частям, она как целое должна быть предоставлена в распоряжение нашего хозяйства и должна послужить для блага немецкого народа.

Протокол второго совещания начальников отделов от 8 декабря 1939 г.

Франк сообщил о своей беседе с Герингом.

Назначение генерал-губернатора полномочным представителем уполномоченного по проведению четырехлетнего плана будет иметь своим последствием то, что в генерал-губернаторстве в отношении хозяйственной политики ни одно мероприятие не может быть проведено без одобрения генерал-губернатора.

Задачей генерал-губернатора является выжать из генерал-губернаторства все самое ценное и полезное для рейха.

Обергруппенфюрер СС Крюгер сообщил, что начиная с 1 декабря в Германию, по заданию Франка, ежедневно отправляется несколько поездов с поляками и евреями. Такие транспорты будут отправляться примерно до середины декабря.

Генерал-губернатор объявил об издании исчерпывающей инструкции о том, что трудовая повинность распространяется также на 14–18-летних.

Страницы 4, 11.

На совещании начальников отделов 19 января 1940 г. Франк заявил: «15 сентября 1939 г. мне было дано приказание принять на себя управление завоеванными восточными областями. При этом я получил особое задание рассматривать это приобретение как военную зону, как военную добычу, безоговорочно выкачать оттуда все, превратить ее в хозяйственном, социальном, культурном и политическом отношении в груду развалин. Сегодня же генерал-губернаторство рассматривается как ценная составная часть немецкого жизненного пространства...

...Мое отношение к полякам можно сравнить с отношением муравья к древесной тле. Если я дружественно отношусь к поляку, его по-приятельски щекочу, то делаю я это исходя из того, что его работоспособность принесет мне пользу. Это является чисто тактически-технической, но не политической проблемой...

Там же, где вопреки мероприятиям производительность труда не увеличится, или там, где я найду малейший повод для вмешательства, я не отступлю и от проведения драконовских мер».

Протокол второго совещания начальников отделов от 8 марта 1940 г.

Страница 7.

В генерал-губернаторстве не существует более высокого авторитета, чем авторитет генерал-губернатора. Даже вооруженные силы не имеют здесь никаких правительственных или чиновничьих функций, они имеют здесь только задачу обеспечить безопасность и выполнение общих солдатских обязанностей, но не имеют никакой политической власти. То же самое относится к полиции и СС. Здесь нет никакого государства в государстве, мы же являемся представителями фюрера и рейха.

Страница 12.

...На основании исчерпывающего приказа фюрера я поставил в зависимость от моего предварительного одобрения и непосредственное проведение карательных мероприятий. Ни один

смертный приговор суда не может быть приведен в исполнение без моего предварительного одобрения. Проведение массовых карательных мероприятий должно практиковаться и впредь. Мы опять восстановим профессиональное образование польского народа, но в таком объеме, чтобы оно соответствовало низшей ступени немецкой средней технической школы. Ясно также, что эти мероприятия не должны означать, что мы предоставили польским элементам возможность принять хотя бы малейшее участие в управлении генерал-губернаторством.

Страница 14.

В общем можно сказать, что нам придется считаться с ростом противоречий, возникающих по отношению к нам в кругах польской интеллигенции, церкви и высших офицеров. В наличии имеются уже организационные формы, направленные против нашего господства в этой стране. Однако малейшая попытка полячества предпринять что-либо против нас приведет к невероятно жестокой кампании по уничтожению поляков. Тогда я не испугался бы применения карательного полка и тех мероприятий, которые он проведет. Я отдал приказ о том, чтобы несколько сот членов таких тайных организаций были арестованы на три месяца с тем, чтобы в ближайшее время ничего не случилось. Последними словами, которыми фюрер напутствовал меня, были: «Позаботьтесь о том, чтобы там было абсолютное спокойствие, я не могу допустить, чтобы на Востоке отсутствовало спокойствие». Об этом я позабочусь.

Совещание начальников отделов 12 апреля 1940 г.

Страница 8.

Только тогда можно будет без трений начать политику онемечивания генерал-губернаторства, когда область Варты, Восточная Пруссия, Данциг, юго-восточные районы и Верхняя Силезия станут немецкими в том смысле, в каком это указано в приказе фюрера.

Страница 10.

Франк вчера говорил с некоторыми генералами и установил, что многие генералы, командующие дивизиями, вынуждены вследствие жилищного кризиса жить в домах, в которых, кроме генерала, все квартиронаниматели являются евреями. Такое же положение у всех категорий чиновников. Если поддерживать на должном уровне авторитет национал-социалистского государства, тогда недопустимо, чтобы представители этого государства при входе или выходе из дома встречались с евреями, подвергаясь тем самым опасности заражаться эпидемическими бо-

лезнями. Вследствие этого он (Франк) намерен, если это будет возможно, к 1 ноября 1940 г. очистить Краков от евреев.

Страница 23.

Затем Франк остановился на вопросе об обязательной трудовой повинности поляков. Так как польская рабочая сила не желает выполнять требования правительства и не желает в достаточном количестве ехать на работу в Германию, то целесообразно применение насилия. Применение насилия означает арест поляков как мужского, так и женского пола. Это привело к известному беспокойству, которое, по отдельным сообщениям, получило довольно широкое распространение и которое может привести к возникновению трудностей во всех областях.

В свое время фельдмаршал Геринг в своей речи указал на необходимость отправки в Германию одного миллиона рабочих. Однако до настоящего времени отправлено лишь 160 тысяч. Арест молодых поляков при выходе их из церквей или кинотеатров повлечет за собой увеличение нервозности поляков. Он (Франк) лично не имеет ничего против того, чтобы изымали трудоспособных бездельников. Однако лучшим путем, по его мнению, была бы организация облав. Справедливо также останавливать на улице любого поляка и узнавать, чем он занимается. После этого Франк дал указание, чтобы поляков из области Варты по возможности немедленно отправляли в Германию.

Совещание начальников отделов 12 июля 1940 г.

Фюрер сказал мне, что он не отдаст ни одного квадратного метра этой области. Также необходимо подчеркнуть, что вся полнота власти в этой области принадлежит исключительно генерал-губернатору и что ни одно из германских центральных правительственных учреждений не может непосредственно вмешиваться в функции управления.

Страница 6.

В этой связи мы усилим источник авторитетной мощи, направленной своим острием против Словакии. Мы должны оказывать сильнейшее влияние на Чехословакию. Необходимо, чтобы там, где мы встретимся с опасными стремлениями к самостоятельности, мы ни в коем случае не отказывались от проведения нашего влияния. Это было принято к сведению специальным заявлением венгров, удовлетворительно развивается и соответствующее положение в Румынии. Фюрер никогда больше не выпустит из своих рук эти объединенные восточную и юго-восточную сферы нашего влияния (Словакия, Румыния, Венгрия). Ясно, что в соответствии с этим поляки, словаки, чехи, венгры и румыны в

самом широком смысле находятся на пути установления немецкого господства, которое выражено лишь более или менее явно, но тем не менее уже сейчас носит тотальный и решающий характер... Фюрер предоставил мне полную свободу действий.

Совещание начальников отделов 14 августа 1940 г.

Страница 3.

Задачи, которые стоят перед нами на Востоке, ясны... Мы не можем принять на территорию генерал-губернаторства миллионы поляков, проживающих в Германии. Не можем мы также обращаться с поляками, как обращались до сего времени.

Совещание начальников отделов 12 сентября 1940 г.

Страница 6.

Я сам пока еще не установил с поляками никакого контакта и вас прошу не брать другого курса... В этом отношении может стоять вопрос лишь или — или. Судьба решила, чтобы мы здесь были господами, а поляки отданы под нашу власть. Я прошу вас, господа, сократить прием поляков, петиций и т. д. до размеров, минимально необходимых в служебном отношении. Невозможно также, чтобы мы предоставили полякам одинаковые с немцами условия существования. Должна существовать разница в жизненном уровне народа господ и народа, ему подвластного...

...Поляки должны видеть границу, дальше которой не может идти их развитие. На мои исчерпывающие вопросы фюрер повторно ответил, что установленные нами ограничения должны оставаться в силе. Ни один поляк не должен иметь возможности подняться выше мастера. Ни один поляк не будет иметь возможность получить в государственных учебных заведениях высшее образование. Я прошу вас придерживаться этой ясной линии поведения. Исходя из многих причин я вынужден со всей настойчивостью сделать вам это серьезное предупреждение.

Страница 7.

Что касается отношения к евреям, то я повелел, чтобы варшавское гетто было ликвидировано прежде всего потому, что, как установлено, опасность со стороны этих 500 тысяч евреев настолько велика, что необходимо пресечь всякую возможность для их бродяжничества.

Страница 10.

Фюрер третьего дня подробно разъяснил, что этот придаток германского рейха должен выполнять определенные задачи, что вопрос о поляках должен быть разрешен любой ценой, причем нет необходимости проводить политику онемечивания. Фюрер

далее подробно говорил, что он отнюдь не обязывает генерал-губернатора организовывать жизнь по-немецки, что не должно быть места никаким германизаторским тенденциям. Эта область призвана быть резервуаром рабочей силы в широком смысле этого слова. Мы имеем здесь только гигантский рабочий лагерь; все, что означает власть и самостоятельность, должно быть в немецких руках.

Страница 12.

Доктор Франк: «Господа, я хотел предостеречь вас, чтобы вы не убаюкивали себя покоем в областях, где вы работаете. Эта страна не умиротворена. В ней должно проводиться твердое решительное руководство. Поляк должен чувствовать, что мы не намерены организовать ему правовое государство; что у него имеется лишь одна обязанность, а именно: работать и быть послушным. Конечно, это иногда создает трудности, но вы должны в ваших собственных интересах беспощадно применять все необходимые меры, чтобы стать господами положения. Вы при этом, безусловно, можете положиться на меня».

Страница 14.

Я все чаще и чаще замечаю, что церковь начинает становиться неприятной. В то время как до сих пор этот могущественный идеологический центр полячества держал себя, так сказать, особенно лояльно, сейчас церковь начинает под влиянием особенностей политического положения на этой территории становиться там и тут неприятной. Я хотел бы уже теперь подчеркнуть, что я всеми средствами буду воевать с попами, что я ничего не испугаюсь и по малейшему поводу прикажу немедленно арестовать самого епископа. В этой связи я прошу вас строжайше следить за тем, чтобы посещение польских церквей во время богослужения чиновниками в форме было безусловно запрещено.

Заседание правительства 25 марта 1941 г.

Доктор Франк: «В соответствии с полномочиями, предоставленными мне 17 марта, все учреждения, за исключением военных, подчиняются только приказам генерал-губернатора. Имеются только два органа власти: военное командование и генерал-губернатор. Третьего нет. Я запрещаю поэтому под угрозой немедленного воздействия выполнение каких-либо иных распоряжений, откуда бы они ни исходили».

Страница 27.

Доктор Франк: «Все служебные отношения с фогтами должны строиться так, чтобы фогты не стали какой-то общественно более высокой категорией. Фогт — это поляк и как таковой дол-

жен только выполнять приказы. Он не должен чувствовать себя включенным в абсолютно для него запретную зону руководящих кадров генерал-губернаторства».

Страницы 65–66.

Начальник департамента в Варшаве *доктор Хуммель*: «Опасность эпидемии сыпного тифа увеличилась вследствие ослабления выносливости населения, в особенности евреев. Питание обитателей гетто недостаточно. К тому же имеется недостаточное количество очистительных средств и скученность населения. По имеющимся сведениям насчитывается 2405 случаев заболевания сыпным тифом в гетто, но в действительности эта цифра значительно выше. В Варшаве было констатировано 503, в районах 589 случаев заболевания поляков сыпным тифом. Само по себе заключение евреев в гетто является благословением свыше. Сейчас важно провести полную изоляцию гетто. С благодарностью мы приветствовали приказ, на основании которого разрешается стрелять в евреев прямо на дорогах».

Доктор Хуммель доложил затем о практическом действии приказа о наказании смертной казнью за противозаконный уход из гетто. В Варшаве, несмотря на привлечение третьего состава суда, возможно было вынести только 45 смертных приговоров, из которых в исполнение было приведено только 8, так как в каждом отдельном случае приговор утверждается кассационной инстанцией в Кракове. Сейчас имеется еще 600 заявлений об осуждении. Процесс судопроизводства до момента казни носит слишком затяжной характер. Он перегружен слишком большим количеством формальностей и должен быть упрощен.

Страница 74.

Доктор Франк: «Не удивляйтесь, господа, если я в ближайшее время несколько крепче подтяну поляков. Должен признаться, что мне иногда приходит в голову, не следует ли применить особый уголовный закон против поляков, которые не уступят дорогу немецким офицерам или намеренно толкнут их».

Страница 105.

15 декабря. Генерал-губернатор особенно предостерегает против опасности того, что поляки могут получить какую-либо возможность организовываться. Для предотвращения этой опасности господин генерал-губернатор приказывает, чтобы организационный план польского общества взаимопомощи был составлен по согласованию с высшими руководителями СС и полиции и представлен на утверждение ему, генерал-губернатору. Нельзя забывать, что необходима железная строгость и что нужно всеми средствами следить за тем, чтобы по-

ляки ни в какой форме не могли сделать попытки создания своего общественного строя.

Страница 256.

26 марта 1942 г. Президент доктор Фрауэндорфер сообщил, что общее количество поляков, направленных в рейх, равно 1,1 миллиона человек, из которых только главным трудовым управлением переслано 630 тысяч... В настоящее время направляется в рейх еженедельно 7–8 тысяч поляков.

Страница 270.

27 марта 1942 г. Генерал-директор Будни, руководитель крупных предприятий в империи, предложил отослать в Германию с завода в Каменной несколько тысяч рабочих для его заводов. Рабочих Каменной пришлось обязать к выезду в порядке трудовой повинности. Но все же готовы к пересылке лишь 800 человек, остальные 1200 могут быть взяты лишь с помощью полиции.

Страница 307.

Пресс-конференция 14 апреля 1942 г.

Доктор Франк: «В отношении польской газетной политики основное сказано: у поляков надо создавать впечатление, что с ними, судя по печати, обходятся не как со свиньями, а как с европейцами и как с людьми; мы уже столько возимся с поляками, что необходимо сказать: поляк живет в генерал-губернаторстве хотя и по-собачьи плохо, но все же лучше, чем итальянцы в Италии, греки в Греции, сербы в Сербии и т. д.».

Страница 473.

Министериальдиректор Леманн докладывает о состоянии военной юстиции и сообщает об общих принципах ее развития. Господин генерал-губернатор выражает желание, чтобы в дальнейшем до его сведения доводилось содержание приговоров военных судов над поляками и украинцами. Министериальдиректор обещает это делать.

Страницы 493–494.

7 июня 1942 г. Доктор Франк к имперскому руководителю молодежи Аксманну: «Эта страна является и останется навеки германской».

Глава 33
Иудей — значит обреченный

Если бы НСДАП обнародовала свои истинные цели сразу, то есть 24 февраля 1920 г., когда была принята ее программа, на ее будущем как массовой организации можно было бы поставить крест. Конеч-

но, Гитлер был склонен к авантюрам, но в то же время он вел вполне реальную политику, предполагающую, например, постепенное «закручивание гаек». На первом месте в этой программе были совсем другие пункты. Под ними бы и сегодня подписались очень многие политики. А тогда в измученной недавней войной и послевоенным кризисом стране они были бальзамом для подавляющей части населения.

Вот фрагмент из этого шедевра популизма: участие в прибылях крупных промышленных предприятий, щедрое обеспечение престарелых, создание и поддержание процветающего среднего класса, земельная реформа, отвечающая нашим национальным требованиям, подъем уровня здравоохранения, конфискация военных прибылей и нетрудовых доходов, передача универмагов в аренду мелким торговцам.

К выполнению же было взято то, что было в программе на втором плане. Ее расистская часть вскоре стала для Германии мрачной действительностью. Она выразилась в репрессиях против евреев, лишении их прав, погромах, отъеме собственности, а затем и в депортациях и массовом уничтожении.

А соблазнившие многих немцев популистские тезисы остались предметом пропаганды по ведомству доктора Геббельса.

Документ ПС-1708, США-255

ИЗ ПРОГРАММЫ НСДАП, ПРИНЯТОЙ В ФЕВРАЛЕ 1920 ГОДА

...§ 4. Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином. Только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероисповедания...

§ 6. Право решать вопросы, касающиеся администрации и закона, принадлежит только гражданину. Поэтому мы требуем, чтобы на все должности во всех государственных учреждениях любого рода, будь то в империи, земле* или муниципалитете, назначались только граждане...

Государственный антисемитизм в «третьем рейхе» строился в том числе и на уроках Первой мировой войны. Якобы Германия потерпела поражение потому, что внутри страны находились и действовали тайные враги — евреи. Гитлер писал в «Майн кампф»: «Если бы накануне Первой мировой войны были отравлены газом 12 или 15 тысяч

*«Землей» называлась административно-территориальная единица (Land). — *Прим. авт.*

иудеев — врагов народа... тогда не потребовались бы миллионные жертвы на фронте».

Постулат о «виновности» евреев в капитуляции Германии в 1918 г. и во многих других бедах вдалбливался в головы немцев всеми средствами, которые оказались в руках нацистов.

Вот отрывок из памфлета Геббельса на эту тему:

«Мы националисты потому, что мы видим в нации единственную возможность защиты и поддержки всего нашего существования...

Мы враги евреев, потому что мы боремся за свободу германского народа. Евреи стали причиной наших страданий, они пользуются ими. Они воспользовались социальными различиями в среде народных масс ради углубления порочного раскола между правыми и левыми в нашем народе. Они раскололи Германию на две половины. Они — истинная причина наших потерь в Великой войне (Первой мировой. — *Прим. авт.*).

Евреев не интересует решение наболевших проблем Германии. Им это не нужно. Они живут тем, что считают, будто решения нет вообще. Если мы сумеем объединить германский народ в единое целое и обеспечить его свободой перед лицом всего мира, тогда евреям не останется места среди нас. Для них главный козырь в руках, это когда люди живут во внутреннем и внешнем рабстве. Евреи несут ответственность за наши страдания, и они наживаются на этом.

Вот почему мы, национал-социалисты, против евреев. Они разлагают нашу расу, оскверняют нашу мораль, подрывают наши обычаи и разрушают нашу мощь.

Еврей — это гибкий демон упадка человечества.

Еврей не созидает. Он ничего не производит. Он только манипулирует товарами. Пока он борется против государства, он — революционер, но как только он обретает власть, он требует спокойствия и порядка, чтобы пользоваться награбленным по своему усмотрению.

Антисемитизм, говорят, — это не по-христиански. По их мнению, христианин это тот, кто наблюдает, как еврей затягивает ремень вокруг его шеи. Быть христианином, значит, любить ближнего, как себя самого! Мой ближний это тот, кто связан со мной кровью. Если я люблю его, то я должен ненавидеть его врагов. Тот, кто считает себя немцем, должен презирать евреев. Одно вытекает из другого.

Мы враги евреев, потому что мы принадлежим к германской нации. Еврей — наше величайшее несчастье.

Неправда, что мы съедаем по еврею каждое утро за завтраком.

Правда то, что он медленно, но уверенно отнимает у нас все, что у нас есть.

Это необходимо прекратить, потому что мы немцы».

Никакой научной базы под антисемитизмом не было. Понятия «нордической расы», «чистоты крови», «германского духа» и т. д. с точки зрения науки не выдерживали критики. Натужными были попытки приписать «арийцам» все достижения мира, а «неарийцам» — все разрушения.

Какова научная цена следующего пассажа профессора Гауха, «специалиста по вопроса расы», судите сами:

«...нордическая раса остается единственной, которая способна издавать звуки изумительной чистоты, тогда как у неарийских рас произношение нечистое, отдельные звуки спутаны и больше напоминают крики животных, скажем, лай, хрип, фырканье или писк. То, что птиц можно научить говорить лучше, чем других представителей животного мира, объясняется тем, что их голосовой орган является нордическим по своей природе — сильный, узкий, с коротким языком. Форма нордической десны позволяет языку свободно двигаться, что и делает нордическое произношение или пение отчетливым».

Можно даже предположить, кто навел профессора Гауха на столь оригинальные мысли. В свое время композитор Рихард Вагнер, которого высоко ценил Гитлер, услышал в еврейской речи нечто очень неблагозвучное и сделал такие выводы:

«...Еврей говорит на языке той нации, внутри которой он обитает из поколения в поколение, но он всегда говорит на нем, как чужестранец... В нашем языке, нашем искусстве еврей способен лишь договаривать, дополнять — ему не по силам искренне создать произведение из собственных слов, творение собственной деятельности. Первая среди характерных особенностей семитского произношения — то, что коробит наш слух как нечто совершенно чуждое и неприятное — еврейская манера издавать звуки, напоминающие скрип, писк или гнусавое сопение...»

Извинить большого композитора может только одно: он не считал себя специалистом по вопросам расы.

Об этих «исследованиях» не стоило бы и вспоминать, если бы они не стали основой для весьма решительных, масштабных действий. Преследования евреев в Германии развивались стремительно. К концу 1933 г. Германию покинуло 63 тысячи евреев. За первые шесть лет власти Гитлера из страны предпочли уехать 320 тысяч человек. Те, что остались, горько пожалели о своей участи.

В первую очередь, нацисты весьма последовательно отнимали у евреев их собственность. Вышло три декрета об обязательной регистрации еврейских состояний и капиталов. Далее деньги и имущество подлежали конфискации. Фирмы и компании евреев передавались в руки «арийцев». Был издан декрет об исключении евреев из экономической жизни страны.

Во-вторых, евреи постоянно ограничивались в правах вплоть до постановки вне закона. Были введены запреты на многие профессии, на государственную службу. Закон о защите германской крови запретил браки между «арийцами» и евреями. Паспорта евреев метили литерой «J», их обязывали нашивать на одежду желтую звезду Давида, выселяли в специальные «еврейские дома», запрещали ходить на концерты, называть детей немецкими именами, пользоваться общественным транспортом и находиться на улице с наступлением темноты, торговать на рынках и ярмарках, у них отбирали радиоприемники и т. д.

Но главной карой для «внутренних врагов» были аресты, депортации и массовое уничтожение в специальных концентрационных лагерях смерти. Первые массовые депортации евреев в Германии состоялись в 1940 г. Осенью 1941 г. началась их всеобщая депортация. А в 1942 г., после совещания в Гросс-Ванзее, нацисты приступили к «окончательному решению» еврейского вопроса, запланировав депортировать и уничтожить по всей Европе 11 миллионов человек. Кроме концлагерей, было сооружено еще 400 перевалочных и транзитных лагерей. Главным звеном индустрии смерти был Освенцим, в котором насчитывалось до ста тысяч узников. В газовых камерах этого лагеря ежедневно умерщвлялось до 12 тысяч человек.

Массовое уничтожение евреев нацистами получило название «холокост».

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ У. УОЛШЕМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ»

[Стенограмма заседаний Международного Военного трибунала от 13 и 14 декабря 1945 г.]

От имени Главного обвинителя от Соединенных Штатов Америки и в соответствии с соглашением, достигнутым между обвинителями, я сейчас представлю Высокому Трибуналу документальные доказательства, подтверждающие определенные разделы обвинительного заключения, в частности раздел «Военные преступления и преступления против человечности». Представляемые мною документы относятся к обвинению в преследовании евреев. Слово «преследовать» означает причинять страдания, беспокоить, досаждать. Однако этот термин не выражает действительного существа преступлений нацистов, так как конечной целью они провозгласили уничтожение еврейской расы. Я не собираюсь полностью перечислять здесь все преступления, совершенные ими в отношении евреев. Меня будут дополнять те

из моих коллег, которые выступят вслед за мною по другим разделам обвинения. Доказательства, относящиеся к партийным и государственным организациям, преступность которых обвинение будет стремиться установить, покажут их роль и участие в подготовке и планировании уничтожения евреев.

Французский и советский обвинители также располагают документальными доказательствами по этому вопросу, они в свое время представят их в ходе процесса.

Прежде чем я начну перечислять действия, ведущие к уничтожению евреев, я хотел бы показать, что эти действия, а также политика, которая проводилась внутри Германии, начиная с 1933 г. до конца войны, относятся к планированию, подготовке, развязыванию и ведению агрессивных войн и, таким образом, подпадают под определение преступлений против человечности, как это указано в п. «с» статьи 6 Устава.

С давних пор в Германии существовало убеждение, что Первая мировая война окончилась для нее поражением потому, что Германия потерпела крах на внутреннем фронте. Вследствие этого при планировании новых войн было решено, что необходимо предотвратить возможность повторения на внутреннем фронте катастрофы 1918 г. Для успешного планирования и ведения войны надо было добиться консолидации германского народа по принципу нацистов: «Одна раса, одно государство, один фюрер».

Поэтому были ликвидированы свободные профсоюзы, запрещены политические партии (кроме национал-социалистской), отменены гражданские свободы и уничтожена всякая оппозиция... расовая антиеврейская политика была частью этого плана...

Поэтому обращение с евреями в Германии рассматривалось как составная часть планирования и подготовки агрессивной войны, так же как производство вооружения и воинская повинность. На этом основании обвинение в преследовании евреев подлежит рассмотрению Трибуналом. Преследования и убийства евреев начиная с 1939 г. на захваченных территориях Европы являются и военными преступлениями, как это определено статьей 6 (п. «b») Устава. Эти преступления являются нарушением статьи 46 Гаагской конвенции 1907 г., которая была подписана также Германией.

Я сейчас зачитаю статью 46 и прошу Трибунал принять ее без доказательства: «Должны уважаться права и честь семьи, человеческая жизнь и частная собственность, так же как религиозные убеждения и исполнение религиозных обрядов».

Я не знаю других преступлений в истории человечества, которые были бы более ужасными, чем обращение с евреями. Я намереваюсь доказать, что нацистская партия поставила перед собой цель, позднее нашедшую отражение в политике германского государства, о которой часто открыто заявляли подсудимые, — уничтожить еврейский народ....

Первое доказательство политики фашистской партии в отношении евреев содержится в программе партии, принятой в феврале 1920 года (документ ПС-1708, США-225):

«... § 4. Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином. Только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероисповедания... Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к германской расе».

И далее в § 6: «Право решать вопросы, касающиеся администрации и закона, принадлежит только гражданину. Поэтому мы требуем, чтобы на все должности во всех государственных учреждениях любого рода, будь то в империи, земле или муниципалитете, назначались только граждане».

В распоряжении Суда хранится документ ПС-2662 под номером США-256 — книга «Майн кампф». На страницах 724–725 этой книги Гитлер говорил, что для выполнения своей задачи национал-социалистское движение должно относиться к евреям как к своим смертельным врагам...

Целый поток гнусной литературы всех видов и для людей всех возрастов издавался и распространялся по всей Германии, чтобы вызвать ненависть к евреям...

Документ ПС-2697 — экземпляр «Дер Штюрмер», представленный под номером США-259. Он издавался подсудимым Штрейхером, который специализировался на разжигании ненависти к евреям.

Когда нацисты захватили в Германии власть, они получили новое и ужасное орудие против евреев, а именно возможность использовать против них государственную власть. Это делалось путем издания декретов. Так, еврейские иммигранты были лишены прав гражданства («Рейхсгезетцблатт», 1933 г., часть 1, стр. 480). Соответствующий декрет был подписан подсудимыми Фриком и Нейратом. Евреям не разрешалось вступать в гражданство («Рейхсгезетцблатт», 1935 г., ч. 1, стр. 1146). Декрет подписан подсудимыми Фриком и Гессом. Евреям запрещалось состоять в браке или вступать во внебрачные отношения с лицами германской крови. Евреи лишались права голоса («Рейхсгезетцблатт».

1936 г., ч. 1, стр. 133). Декрет подписан подсудимым Фриком. Евреям запрещалось занимать официальные должности или состоять на государственной службе («Рейхсгезетцблатт», 1933 г., ч. 1, стр. 277). Декрет подписан подсудимым Фриком.

Было решено низвести евреев на низшую ступень общественной лестницы путем лишения их общих привилегий и свобод. Так, им был запрещен доступ в определенные районы города, им запрещалось пользоваться тротуарами, транспортом, увеселительными заведениями и ресторанами («Рейхсгезетцблатт», 1933 г., ч. 1, стр. 1676).

Постепенно применялись все более строгие меры. Частная практика, в том числе зубоврачебная, была запрещена («Рейхсгезетцблатт», 1939 г., ч.1, стр. 47). Декрет подписан подсудимым Гессом.

Запрещалось заниматься юриспруденцией («Рейхсгезетцблатт», 1938 г., ч. 1, стр. 1408). Декрет подписан подсудимыми Фриком и Гессом.

Запрещалась врачебная практика («Рейхсгезетцблатт», 1938 г., ч. 1, стр. 969). Декрет подписан подсудимым Фриком и Гессом.

Запрещалось заниматься делами печати и радио («Рейхсгезетцблатт», 1933 г., ч. 1, стр. 661).

Запрещалось участвовать в биржевых операциях и быть биржевыми маклерами («Рейхсгезетцблатт», 1934 г., ч. 1, стр. 169).

Запрещалось заниматься даже сельским хозяйством («Рейхсгезетцблатт», 1933 г., ч. 1, стр. 685).

В 1938 году их исключили из деловой и экономической жизни Германии («Рейхсгезетцблатт», 1938 г., ч. 1, стр. 1580). Декрет подписан подсудимым Герингом.

Евреев заставляли платить большие налоги и огромные штрафы. Их дома, банковские счета, недвижимая собственность и ценности — все было экспроприировано.

Документ ПС-1816 (США-261) представляет собой стенограмму совещания под председательством подсудимого Геринга, на котором среди прочих присутствовал подсудимый Функ. Совещание состоялось 12 ноября 1938 г. в 11.00 в имперском министерстве авиации.

Приводятся слова подсудимого Геринга:

«Еще один вопрос, господа. Что бы вы сказали, если бы я сегодня заявил, что еврейство в качестве наказания должно уплатить один миллиард...»

Вслед за этим совещанием был издан декрет о том, что на германских евреев был наложен штраф в размере одного мил-

лиарда имперских марок («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 1579). Декрет подписан подсудимым Герингом.

Аналогичные декреты содержатся в «Рейхсгезетцблатт», 1939 года (ч. 1, стр. 282) и в «Рейхсгезетцблатт» 1941 года (ч. 1, стр. 722). Декреты подписаны подсудимыми Герингом, Фриком и Борманом. И наконец, в 1943 г. евреев на основании декрета, подписанного подсудимыми Борманом, Фриком и другими, лишили права обращаться в суд. При всяком разборе дел, касающихся их, единственным арбитром была полиция, решавшая вопросы о наказании и даже смерти («Рейхсгезетцблатт», 1943 г., ч. 1, стр. 372).

Акты насилия против евреев начались в 1933 г. Одетые в форму нацисты совершали налеты на синагоги, когда там шла служба, избивали лиц, которые присутствовали в синагоге и оскверняли религиозные эмблемы и предметы. Отчет о таких событиях содержался в официальном донесении американского генерального консула в Лейпциге от 5 апреля 1933 г. (документ ПС-2709, США-265).

«Несколько недель назад в Дрездене одетые в форму нацисты произвели налет на синагогу, прервали вечернюю церковную службу, арестовали 25 присутствующих и сорвали священную эмблему с их головных покрывал, которые надевают во время молитвы».

На конференции представителей германской печати в Нюрнберге подсудимый Штрейхер и Либель, мэр города Нюрнберга, сообщили собравшимся представителям печати, что нюрнбергская синагога должна быть разрушена. Протокол этой конференции от 4 августа 1938 г. представляется за номером ПС-1724 (США-266).

11 августа 1938 г. в газетах уже сообщалось (документ ПС-2711, США-267): «В Нюрнберге производится разрушение синагоги; сам Юлий Штрейхер лично перед началом работы произнес речь, которая длилась более чем полтора часа. Затем по его приказу в виде как бы прелюдии к разрушению была сорвана огромная звезда Давида с купола синагоги».

Эти акты насилия не были местными антисемитскими демонстрациями. Ими руководил и приказы об их проведении отдавал центральный штаб в Берлине. Это доказывается серией телеграфных сообщений, посланных берлинским штабом государственной тайной полиции начальникам полиции по всей Германии 10 ноября 1938 г. В этих телеграммах содержались инструкции относительно подготовляющихся демонстраций (документ ПС-2051, США-240).

«В связи с покушением на жизнь секретаря миссии фон Рата в Париже в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по всей империи ожидаются демонстрации против евреев. При проведении этих мероприятий следует руководствоваться нижеследующим:

1) Руководителям полицейских органов или их заместителям по получении этой телеграммы надлежит немедленно установить телефонную связь с политическими (районными, областными или окружными) руководителями и договориться с ними о проведении демонстрации. К обсуждению необходимо привлечь инспектора или начальника полиции порядка. На этих совещаниях политические руководители должны быть информированы о том, что германская полиция получила от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции следующие указания, в соответствии с которыми должны организовывать свои мероприятия и политические руководители:

a) должны проводиться только такие мероприятия, которые не будут угрожать германской жизни или собственности (например, синагоги следует поджигать только в том случае, если нет опасности распространения пожара на прилегающие здания);

b) магазины, учреждения и частные квартиры евреев надо разрушать, но не следует их грабить. Полиции поручается наблюдать за выполнением этого указания и задерживать грабителей».

До этого момента мы сталкивались с постепенно усиливавшейся и расширявшейся кампанией против евреев, что было одним из основных принципов нацистской партии и государства. А с этого времени пламя предрассудков было так раздуто, что оно возбуждало весь германский народ. Германское государство было уже вооружено и готово для захватов, а мировое общественное мнение без опасений можно было игнорировать. К этому времени из Германии уже было изгнано 200 тысяч из общего количества 500 тысяч евреев. Поэтому контролируемое нацистами германское государство осмелело, и Гитлер, в ожидании агрессивной войны, уже решил вопрос о том, кого сделать козлом отпущения за подготовлявшуюся мировую катастрофу.

В нашем документе ПС-2663, который я представляю в качестве доказательства под номером США-268, содержится речь Гитлера в рейхстаге 30 января 1939 г. «В случае, если международные еврейские банкиры внутри и вне Европы сумеют еще раз ввергнуть нации в мировую войну, то результатом такой войны будет не большевизация мира и победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе».

Подсудимый Розенберг написал для журнала «Мировая борьба» следующее (документ ПС-2665, США-270): «Еврейский вопрос будет разрешен только тогда, когда на европейском континенте не останется ни одного еврея».

Ганс Франк в своем дневнике, как бы извиняясь, писал (документ ПС-2233, США-271): «Я, конечно, не могу истребить всех вшей и всех евреев в течение одного только года, но с течением времени, а главным образом если вы поможете мне, эта цель будет достигнута».

В своих высказываниях, писаниях и декретах нацисты совершенно ясно выразили свое намерение истребить евреев. Как же они проводили в жизнь эту программу?

Первым требованием их была поголовная регистрация всех евреев, и, поскольку политика, проводимая в отношении евреев, шла по пятам за германской агрессией, такая регистрация требовалась не только в пределах Германии, но также и на последовательно захватываемых территориях.

Следующий шаг заключался в том, чтобы собрать и сконцентрировать евреев на ограниченной территории, которая называлась гетто. Эта политика тщательно разрабатывалась. Об этом свидетельствуют секретные заметки, взятые из архива подсудимого Розенберга (документ ПС-212, США-272).

«Первой основной целью немецких мер, проводимых в этом вопросе, должно быть строжайшее отделение евреев от остального населения. При проведении этой меры прежде всего нужно проводить захват еврейского населения путем введения приказа о регистрации и подобных ей мер...

Все права на свободу должны быть отняты у евреев, они должны помещаться в гетто и в то же самое время они должны быть разделены согласно полу. Наличие целых еврейских общин и поселений в Белоруссии и Украине делает это особенно простым. Более того, следует избрать места, где будет удобнее применять еврейскую рабочую силу в том случае, если в ней будет потребность. Эти гетто могут быть созданы под руководством еврейского самоуправления, с еврейскими чиновниками. Однако охрана этих гетто и отделение их от остальной местности должны быть поручены полиции. В тех случаях, где еще нельзя устроить гетто, следует проследить, чтобы были введены суровые меры, которые запрещали бы продолжение смешения крови между евреями и остальным населением».

В мае 1941 г. Розенберг как имперский министр по делам восточных территорий издал директиву об организации гетто на Украине (документ ПС-1023, США-273).

«После того как евреи будут отстранены от работы во всех гражданских учреждениях, еврейский вопрос будет разрешен путем организации гетто».

Одно из самых больших гетто находилось в городе Варшаве. Подлинный рапорт генерал-майора СС Штропа озаглавлен:

«Варшавское гетто больше не существует» (документ ПС-1061, США-275).

«В этом гетто, организованном в Варшаве, жили 400 тысяч евреев. В нем было 27 тысяч квартир, примерно по две с половиной комнаты в каждой. Гетто было отделено от остального города стенами и заборами. Все открытые места, окна и двери были заколочены».

Некоторой иллюстрацией существовавших в гетто порядков служит полученный Гиммлером от бригаденфюрера СС группы «А» 15 октября 1941 г. рапорт (документ Л-180, США-276).

«Кроме организации и проведения мер по уничтожению, о которых говорилось с первых дней наших операций, во многих больших городах стали создавать гетто. Это было особенно необходимо в Ковно, потому что там было 30 тысяч евреев при населении в 152 400 человек... В Риге для гетто был назначен так называемый Московский пригород. Это самый плохой с точки зрения жилищных условий район Риги. В нем уже теперь в большинстве своем живут евреи. Перевод евреев в этот район был затруднительным, потому что латыши, живущие в этом районе, должны были быть эвакуированы, а квартирные условия в Риге очень тяжелые. Из 28 тысяч евреев Риги 24 тысячи были переведены в гетто».

При устройстве гетто полиция безопасности ограничивалась тем, что выполняла полицейские функции, в то время как устройство и управление гетто, так же как регулирование поставок продуктов питания для тех, кто жил в гетто, было предоставлено гражданской администрации, а управлению труда было поручено заниматься вопросом распределения еврейской рабочей силы. В других городах, где было много еврейского населения, также были созданы гетто.

...К концу 1942 г. евреи в польском генерал-губернаторстве были согнаны в 55 общин, в то время как до немецкого вторжения существовала тысяча еврейских поселений на той же площади. Это сообщено в официальной газете генерал-губернаторства за 1943 г., № 94.

Евреи, поскольку их регистрировали и поселяли в гетто, стали фактически источником рабского труда. Полагаю, что следует подчеркнуть, какая разница существует между рабским трудом и

трудовой повинностью. В последнем случае должна была существовать какая-то компенсация, какое-то медицинское обслуживание и другие элементарные меры социального обеспечения, но существовала вторая группа, которая фактически ничего не получала и находилась на положении рабов. Подсудимый Розенберг, бывший рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий, учредил специальный отдел, который должен был разрешать еврейскую проблему путем организации рабского труда. Его планы содержались в документе, который мы представляем под номером ПС-1024 (США-278).

Этот документ озаглавлен: «Общая организация и задачи управления по разрешению вопросов, связанных с восточными территориями». Он датирован 29 апреля 1941 г.

«Разрешение еврейской проблемы должно сейчас проводиться мерами временного характера. Рабский труд для евреев, создание гетто и т. д. должны служить разрешению этой проблемы».

После этого Розенберг издал инструкцию о том, что еврейский труд должен применяться и использоваться главным образом в форме ручного труда (документ ПС-212, США-272).

«...Еврейский труд, независимо от возраста, должен полностью и неограниченно использоваться для перестройки оккупированных восточных территорий...

Нарушение указаний германских властей, в особенности нарушение распоряжений по использованию принудительного труда со стороны евреев, должно караться смертью».

Из гетто еврейские рабочие отбирались и отправлялись на специальные пункты, где они концентрировались. Здесь отделялись евреи, которых можно было использовать для работы, причем их отделяли от тех, которые казались ненужными. Например из 46 тысяч евреев отбирались 10–15 тысяч таких, которые должны были работать...

Начиная представление доказательств осуществления гитлеровцами программы уничтожения евреев, я хочу обратиться к тому богатому источнику документальных доказательств, которым является дневник Ганса Франка, генерал-губернатора оккупированной Польши. На заседании кабинета во вторник 16 декабря 1941 г. в здании правительства в Кракове подсудимый Франк обратился с заключительной речью к собравшимся (документ ПС-2233, США-281):

«...Поскольку дело касается евреев, я хочу сказать вам совершенно откровенно, что с ними надо покончить тем или иным способом.

...Что нужно делать с евреями?.. Мы ничего не можем сделать с ними ни в Остланде, ни в рейхскомиссариате. Поэтому ликвидируйте их сами. Господа, я должен просить вас отказаться от всякого чувства жалости. Мы должны истребить евреев, где бы мы их ни находили и всякий раз, когда это только возможно...

Устарелые взгляды не могут применяться для выполнения такой исключительно важной и единственной в своем роде задачи. Мы должны найти путь, который ведет к цели, и мои мысли работают в этом направлении. Евреи являются для нас сейчас вредными микробами. Мы имеем сейчас примерно два с половиной миллиона евреев в генерал-губернаторстве. И если считать полуевреев и всех тех, которые к ним относятся, мы имеем три с половиной миллиона. Мы не можем расстрелять или отравить эти три с половиной миллиона, но мы, тем не менее, сумеем принять меры, которые приведут тем или иным путем к их уничтожению...»

Я время от времени ссылался на некоторые высказывания и действия подсудимого Розенберга как одного из руководителей политики нацистской партии в Германской империи. Может быть, подсудимый Розенберг будет утверждать, что многие из его действий были вызваны полученными свыше указаниями. Однако передо мной находится захваченный документ (ПС-001, США-282), помеченный грифом «секретно», датированный 18 декабря 1941 г. и озаглавленный: «Меморандум для фюрера, касающийся еврейской собственности во Франции». Я осмелюсь здесь заявить, что никакой другой документ, представленный Трибуналу, не является столь убедительным и столь ярким доказательством позиции, занимаемой подсудимым Розенбергом, его личных убеждений и его отношения к евреям, чем этот меморандум, в котором он по собственной инициативе требует смерти и грабежа.

«В связи с приказом фюрера о захвате еврейских культурных ценностей докладываю, что большое количество еврейских домов никем не контролируется. В результате большое количество мебели исчезло потому, что не были выставлены часовые. На всем Востоке администрация обнаружила жуткие условия в жилых квартирах, а возможность улучшения их столь ограничена, что не стоит об этом говорить. Поэтому я прошу фюрера разрешить захватить все еврейские дома и всю мебель евреев в Париже, всех тех евреев, которые убежали или которые собираются уехать, а также во всех домах евреев, которые живут в оккупированных районах Запада, для того, чтобы восполнить недостаток мебели в восточных районах.

Большое количество евреев после короткого допроса в Париже были выпущены. Покушения на жизнь наших солдат не прекратились. Напротив, они продолжаются. Это показывает, что существует определенный план нарушить германо-французское сотрудничество, вынудить Германию отомстить и, таким образом, вызвать новую волну сопротивления во Франции против Германии. Я предлагаю фюреру вместо того, чтобы казнить сто французов, заменить их сотней еврейских банкиров, адвокатов и т. д. Именно евреи в Лондоне и Нью-Йорке подстрекают французских коммунистов совершать акты насилия, и было бы чрезвычайно справедливо, чтобы члены этой расы расплатились за это. Не рядовые евреи, а ведущие евреи во Франции должны за это ответить. Это приведет к тому, что начнутся антисемитские настроения. А. Розенберг».

С разрешения Трибунала я хотел бы остановиться на доказательствах умерщвления евреев голодной смертью.

Подсудимый Ганс Франк записал в своем дневнике, что в польском гетто были установлены голодные нормы, и, ссылаясь на новые правила продовольственного снабжения, введенные в августе 1942 г., он бессердечно и, по-видимому, мимоходом указал, что, используя эти правила, он приговорил к голодной смерти более чем один миллион евреев.

Я представляю в качестве доказательства дневник Ганса Франка, запись от 24 августа 1943 г.

«Тот факт, что мы приговариваем 1 миллион 200 тысяч евреев к голодной смерти, следует отметить только мимоходом. Само собою разумеется, что если евреи не умрут с голоду, то мы надеемся, это произойдет в результате активизации антиеврейских мероприятий».

Евреям запрещалось заниматься сельским хозяйством с целью закрыть им доступ к источникам продовольствия, о чем свидетельствует документ, озаглавленный «Временные директивы относительно обращения с евреями» (документ ПС-1138, США-284). Директивы изданы рейхскомиссаром Остланда.

«Евреев надо изгонять из сельской местности. Евреев надо изгонять из всех областей торговли, особенно из торговли сельскохозяйственными продуктами и другими продуктами питания».

Евреям запрещалось покупать основные продукты питания, такие как мучные изделия, мясо, яйца и молоко.

Государственной полиции было поручено изымать продовольственные посылки евреям, присылаемые из-за границы. Еврейские продовольственные карточки имели на лицевой сторо-

не цветную надпись «еврей», чтобы владельцы магазинов могли сразу определить национальность владельца и ограничить закупки евреев.

По специальному приказу № 44 от 4 ноября 1941 г. в восточных оккупированных областях для евреев устанавливались нормы, которые составляли лишь половину самых низших норм для остальной части населения.

Министерству сельского хозяйства предписывалось целиком или частично лишать евреев возможности приобретать продовольствие. Таким образом еврейское население обрекалось на голодную смерть.

Представляю документ ПС-1061 (США-275), озаглавленный «Варшавское гетто больше не существует».

Это — целый том, переплетенный в кожу, со многими иллюстрациями и отпечатанный на бумаге высшего качества; он представляет собой образец германского ремесленнического мастерства. Это отчет о деятельности генерал-майора полиции Штропа. Генерал Штроп вначале превозносит «мужество» и «героизм» германских вооруженных сил, участвовавших в жестоких и беспощадных действиях против беззащитных евреев, которых насчитывалось 56 065 человек, в том числе, конечно, женщин и детей. Затем в этом документе он описывает день за днем, как производилось выполнение его задания — разрушить, смести с лица земли Варшавское гетто. Согласно этому отчету, в гетто, созданном в Варшаве в ноябре 1940 г., находилось около 400 тысяч евреев. До начала операции по разрушению этого гетто около 316 тысяч евреев было уже вывезено оттуда...

В донесении от 24 мая 1943 г. генерал-майор Штроп подвел последние итоги.

«Из общего числа 56 065 человек пойманных евреев примерно 7 тысяч человек были убиты на территории бывшего гетто во время операции широких масштабов, 6929 евреев были уничтожены после доставки их в Т-II*.

Общее число уничтоженных евреев составляет 13 929 человек. Помимо названных 56 065 человек, примерно 5 или 6 тысяч евреев были уничтожены во время взрывов или же погибли в пламени».

В Прибалтике проводились аналогичные операции. Об этом свидетельствует отчет бригаденфюрера СС Шталокера от 15 октября 1941 г., адресованный Гиммлеру и обнаруженный нами в личном архиве Гиммлера (документ Л-180, США-276). Он озаглав-

---

* Лагерь смерти в Треблинке № 2. — *Прим. авт.*

лен: «Группа действия А». В отчете докладывалось, что 135 567 человек, почти все евреи, были убиты в соответствии с приказами о полном уничтожении евреев. Этот документ дает нам возможность ознакомиться со следующими заявлениями того же бригаденфюрера СС.

«К нашему изумлению, вначале было нелегко провести большой еврейский погром. Климатис — начальник отряда вооруженных добровольцев, который вначале был использован для этой цели, смог организовать погром лишь в соответствии с советами, которые давались ему небольшой воинской частью, действовавшей в Каунасе. Это было сделано таким образом, что постороннему наблюдателю невозможно было заметить никакого нажима или подстрекательства со стороны немцев...»

В качестве средства массового уничтожения евреев были использованы газовые автомашины. Описание этих машин ужаса и смерти и их действия подробно изложено в совершенно секретном отчете от 16 мая 1942 г., который был адресован оберштурмбаннфюреру СС Рауфу в Берлин, Принцальбрехтштрассе, 8, доктором Беккером, унтерштурмфюрером СС (документ ПС-501, США-288).

«Осмотр газовых автомобилей групп „D“ и „С“ окончен. В то время как газовые автомобили первой серии могут использоваться и в плохую погоду, автомобили второй серии („Заурер“) совершенно выходят из строя в дождливую погоду. Например, если они пробыли под дождем в течение получаса, то их нельзя использовать потому, что они буксуют. Эти автомобили можно использовать только при абсолютно сухой погоде. Вопрос заключается теперь в том, можно ли использовать газовый автомобиль тогда, когда он стоит на месте казни. Во-первых, его следует доставить к этому месту, что возможно только при хорошей погоде. Во-вторых, место казни обычно находится в 10–15 километрах от шоссе и к нему трудно добираться. В грязь или в сырую погоду к нему вообще нельзя проехать. Если лиц, подлежащих уничтожению, перевозят или ведут к этому месту, то они быстро начинают соображать, что происходит, и начинают беспокоиться, чего следует избегать, насколько это возможно. Остается один только способ — грузить их на автомашины в одном пункте, а затем перевозить к месту казни.

Я приказал замаскировать автомашины „D“ под прицепы, приспособленные под жилье, приделав по одной паре оконных ставен с каждой стороны малого газового автомобиля и по две пары ставен на каждой стороне больших автомобилей так, чтобы это походило на крестьянские домики, какие можно видеть в

сельской местности. Эти машины стали настолько хорошо известными, что не только власти, но и гражданское население называют эти автомобили „душегубками“, как только появится хотя бы одна такая автомашина.

Я думаю, что невозможно даже в течение короткого промежутка времени не только держать в секрете газовый автомобиль, но и замаскировать его...

Ввиду пересеченной местности, ужасных дорог и шоссе заклепки со временем отходят и появляются щели. Меня просили, чтобы в таких случаях можно было не направлять автомобили на ремонт в Берлин. Перевозка в Берлин была бы слишком дорога и требовала бы слишком много горючего. С целью избежать этих затрат я приказал запаивать небольшие щели, а если это, в конце концов, окажется невозможным, то немедленно информировать Берлин по радио. Затем я приказал, чтобы во время выпуска газа служебный персонал находился на возможно большем расстоянии от автомашин с тем, чтобы их здоровье не страдало от газа, который может иногда выходить наружу. Я хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы обратить ваше внимание на тот факт, что некоторые команды должны были производить разгрузку после применения газа своими силами. Я обратил внимание командира С. К. на огромный психологический вред и ущерб для здоровья, которые эта работа может иметь для этих людей, если не сразу, то, по крайней мере, позднее. Люди жалуются мне на головные боли, которые появляются после каждой разгрузки. Тем не менее они не хотят уклоняться от выполнения приказа потому, что заключенные, привлеченные к этой работе, могут использовать удобный момент для того, чтобы совершить побег. Я прошу вас отдать соответствующие приказы для того, чтобы предохранить служебный персонал от ущерба его здоровью...

Газ не всегда применяется правильным образом. С целью кончить как можно скорее шофер нажимает акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Выполнение моих инструкций показало, что при правильном положении рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. Больше не приходится наблюдать искаженные лица и испражнения, как это было прежде.

Сегодня я продолжу мою инспекционную поездку и посещу группу „В“, где я смогу получить дальнейшие сведения. Доктор Беккер, унтерштурмфюрер СС».

На странице 3 документа ПС-501 имеется письмо хауптштурмфюрера Трюге по вопросу газовых автомобилей, адресо-

ванное в главное имперское управление безопасности в Берлине, в комнату № 2-D-3-А. Это совершенно секретное письмо подтверждает использование газовых автомобилей для уничтожения евреев.

«Тема: „Газовые автомобили“. Транспорт с евреями, которые должны быть подвергнуты особому обращению, прибывает еженедельно в управление начальника полиции безопасности и службы безопасности Белоруссии. Три газовых автомобиля, которые имеются там, недостаточны для этой цели. Я прошу, чтобы прислали еще один газовый автомобиль (пятитонку). В то же время я прошу, чтобы переправили 20 газовых труб для трех автомашин, которыми мы располагаем (две „Диамонд“, одна „Заурер“), так как имеющиеся трубы уже пропускают газ. Начальник полиции безопасности и службы безопасности Остланда (подпись)».

Насколько бесчеловечны были методы истребления, видно из письма, адресованного имперскому министру по оккупированным восточным территориям.

«Тот факт, что к евреям применяется особая мера, не нуждается в дальнейшей дискуссии. Однако с трудом можно поверить, чтобы это совершалось таким образом, как об этом говорится в отчете генерального уполномоченного от 1 июня 1943 г. Что представляет собой Катынь по сравнению с этим? Подумать только, что события станут известны противнику, который может это использовать. Хотя, вероятнее всего, такая пропаганда не будет иметь никакого успеха потому, что люди, которые будут слушать или читать об этом, просто не поверят, что это правда...

Запирать мужчин, детей и женщин в сараях и поджигать эти сараи не является подходящим методом для борьбы с бандами, даже если это преследует цели истребления населения...» (документ Р-135, США-289).

Начальник тюрьмы города Минска Гюнтер в письме от 31 мая 1943 г., адресованном генеральному комиссару Белоруссии, сообщал:

«13 апреля 1943 г. бывший германский зубной врач Эрнест Израель Тишауер и его жена Эльза Сарра Тишауер, урожденная Розенталь, службой безопасности были помещены в судебную тюрьму. С этого времени все немецкие и русские евреи, которые привозились к нам, подвергались операции по выдергиванию или выламыванию золотых зубов, мостов и коронок. Это производилось за один-два часа до соответствующих действий...

Начиная с 13 апреля 1943 г. было убито 516 немецких и русских евреев. Точно установлено, что золотые предметы изо рта

были извлечены в течение только двух операций: в первый раз 14 апреля 1943 г. у 172 евреев и во второй раз 27 апреля 1943 г. у 164 евреев. Примерно 50 процентов евреев имеют золотые зубы, мосты и пломбы. При этом всегда лично присутствовали гауптшарфюрер СД Рюбер, который и забирал золото. До 13 апреля 1943 г. этого не делалось. Гюнтер, начальник тюрьмы».

Это письмо было направлено подсудимому Розенбергу как имперскому министру по оккупированным восточным территориям в июне 1943 г.

Я представляю в качестве доказательства захваченное письмо инспектора по вооружению на Украине от 2 декабря 1941 г., адресованное начальнику вооружений генералу Томасу (документ ПС-3257, США-290).

«...Я направляю полный отчет о нынешнем положении в украинский рейхскомиссариат для личного сведения начальнику управления вооружения и экономики. В этом отчете с бесспорной ясностью описываются трудности и напряженная обстановка, которые имелись до сих пор, а также проблемы, которые могут вызвать серьезное беспокойство.

Я умышленно решил отказаться от передачи этого отчета через официальные каналы или же сделать известным его содержание другим ведомствам, так как не жду от этого никаких результатов. Наоборот, я сознаю, что ввиду сложности ситуации могут только увеличиться трудности и напряженность обстановки и усилиться расхождения во взглядах.

„Еврейская проблема". Разрешение еврейского вопроса на Украине было трудной проблемой, так как евреи составляли значительную часть городского населения... Во многих городах еврейское население превышало 50 процентов. Только богатые евреи сумели ускользнуть от германских войск. Большинство евреев осталось под властью немцев. Германская администрация оказалась перед трудной проблемой, так как эти евреи представляют собой почти все ремесленное сословие, и они используются также на небольших промышленных предприятиях. Кроме того, евреи использовались в учреждениях, которые частично стали излишними в результате прямого или косвенного влияния войны. Поэтому истребление должно было вызвать далеко идущие экономические последствия и даже прямые последствия для производства вооружения.

То, что евреи внутренне ненавидели германскую администрацию, само собой понятно и неудивительно. Однако нет доказательства того, что все еврейское население или даже большое число его занималось актами саботажа. Безусловно, среди них

были террористы и саботажники, так же как и среди украинцев. Но нельзя сказать, что евреи представляли собой угрозу для германских вооруженных сил. Производство, в котором были заняты евреи, ускорялось не чем иным, как их страхом, и удовлетворяло как войска, так и германскую администрацию.

Некоторое время после окончания военных действий еврейское население не трогали. Только лишь спустя несколько недель, иногда месяцев, специально выделенные части полиции начали производить планомерные расстрелы евреев. Эти действия происходили, как правило, в направлении с востока на запад. Это производилось открыто с использованием украинской милиции, и, к несчастью, в некоторых случаях военнослужащие германской армии также принимали в этом добровольное участие. Эти действия распространялись на мужчин, стариков, женщин и детей всех возрастов и проводились ужасным образом.

Примерно от 150 до 200 тысяч евреев было уничтожено в той части Украины, которая входила в рейхскомиссариат. Никакого внимания не обращалось на интересы экономики...

Суммируя все это, можно сказать, что тот способ разрешения еврейской проблемы, который применялся на Украине и который в принципиальном отношении основывался на идеологических теориях, имел следующие результаты:

a) уничтожение отчасти излишней категории едоков среди городского населения;

b) уничтожение части населения, которая, вне всякого сомнения, нас ненавидела;

c) уничтожение ремесленников, в которых имелась острая нужда и которые необходимы даже в интересах вооруженных сил;

d) результаты, сказавшиеся на внешней политике, — пропаганда, которая проводится вне всякого сомнения;

e) отрицательное воздействие на войска, которые во всяком случае имели косвенное отношение к экзекуциям;

f) дурное влияние на части регулярной полиции, которые производят казни...»

Все это имело место не только на Востоке. То же самое об обращении с евреями на Западе можно видеть из официального отчета Голландского правительства, составленного комиссаром по репатриации. Этот документ повествует о германских мероприятиях в Нидерландах против голландских евреев: декреты, антисемитские демонстрации, сжигание синагог, изгнание евреев из экономической жизни страны, ограничения в снабжении продовольствием, рабский труд, заключение в концентрацион-

ные лагеря, насильственный вывоз и смерть — все это следовало той же программе, которая проводилась в жизнь на территории всей оккупированной фашистами Европы.

В распоряжении Трибунала имеется документ ПС-1726 (США-195). Я не намереваюсь оглашать его полностью, но следует обратить внимание Трибунала на ту часть отчета, где говорится о насильственном вывозе голландских евреев. Это на пятой странице перевода. Здесь говорится о том, что общее число евреев, подлежащих вывозу, составляло 140 тысяч. Общее число насильственно вывезенных лиц достигало 117 тысяч, что составляет более чем 83 процента всех евреев в Нидерландах. Из этих насильственно вывезенных лиц, согласно голландскому отчету, 115 тысяч было направлено в Польшу для принудительного труда, и после этого все следы о них теряются.

Далее я представляю сообщение начальника ЗИПО и СД Радомской области, адресованное гауптштурмфюреру СС Тилю, на тему: «Чистка в тюрьмах» (документ Л-53, США-291).

«Я вновь обращаю внимание на тот факт, что количество заключенных в тюрьмах ЗИПО и СД должно быть минимальным. При нынешней обстановке заподозренные лица, особенно арестованные гражданской полицией, нуждаются только в коротком формальном допросе, если нет серьезных улик против них. Затем их как можно быстрее надо посылать в концлагеря, если нет необходимости в военно-полевом суде или если они не подлежат освобождению. Пожалуйста, освобождайте как можно меньше арестованных. В случае, если обстановка на фронте делает это необходимым, надо подготовиться к полной очистке тюрем. Если обстановка неожиданно изменится таким образом, что будет невозможно эвакуировать заключенных, их надо ликвидировать, а их тела уничтожить (сжигать, взрывать здания и т. д.). В случае необходимости с евреями, которые еще заняты в промышленности по вооружению или же на других работах, надо поступать таким же образом. Освобождения заключенных или евреев врагом — будь то Красная Армия или «ВБ*» — следует избегать при всех обстоятельствах. Они ни в коем случае не должны попадать им в руки живыми».

В лагере Освенцим в течение июля 1944 г. ежедневно убивали 12 тысяч евреев. Сведения об этом содержатся в документе Л-161 (США-292). Этот документ представляет собой официальный отчет о концлагере Освенцим, датированный 31 мая 1945 г.

«В течение июля 1944 года убивали в день по 12 тысяч вен-

* Аббревиатура от «Вестбунд» — западный союз.— *Прим. авт.*

герских евреев, а так как крематорий не мог пропустить такое количество трупов, то они сбрасывались в глубокие ямы и засыпались негашеной известью».

Представляю в качестве доказательства официальный отчет Польской правительственной комиссии по расследованию немецких преступлений в Польше. Этот документ (ПС-3311, США-293) описывает концлагерь в Треблинке.

«В марте 1942 года немцы приступили к сооружению другого лагеря Треблинка-Б, близ Треблинки-А, который должен был стать местом для истребления евреев. Создание этого лагеря находилось в тесной связи с германским планом, который имел целью полное уничтожение еврейского населения в Польше. Это, в свою очередь, вызвало необходимость создания аппарата, при помощи которого польских евреев можно было бы убивать в массовом порядке. В апреле 1942 года было закончено строительство первых трех камер, в которых жертвы должны были умерщвляться газом. Затем было закончено создание основного здания, где производились убийства, в которых имелось 10 камер смерти. Открытие его относится к осени 1942 года и ознаменовалось производством массовых убийств».

Затем Польская комиссия описывает последовательность порядка экзекуции в лагере.

«Среднее число евреев, которые доставлялись в лагерь летом 1942 года, достигало двух железнодорожных эшелонов в день. Но были дни, когда это количество намного превышалось. Начиная с осени 1942 года это количество начало понижаться.

После разгрузки поезда всех жертв собирали в одном месте, где мужчин отделяли от женщин и детей. В первые дни существования лагеря жертвы убеждались в том, что они должны совершить краткую остановку в лагере для того, чтобы выкупаться и пройти дезинфекцию, а затем их пошлют дальше на Восток на работу. Такие объяснения давались эсэсовцами, которые помогали при разгрузке эшелона. Кроме того, об этом говорилось в объявлениях, развешанных на стенах бараков. Затем, когда прибывало все большее количество эшелонов, немцы отбрасывали все стеснения и только старались ускорить процедуру.

Все жертвы должны были снять одежду и обувь, которые потом собирались. Затем все жертвы, в первую очередь женщины и дети, доставлялись в камеры смерти. Те, которые были слишком слабы или двигались медленно, подгонялись оружейными прикладами, хлыстами и кулаками. Зачастую в этом принимал участие сам Зауер. Некоторые поскользнувшиеся падали, остальные жертвы принуждались двигаться вперед и шли по их те-

лам. Маленьких детей просто бросали вовнутрь. Затем набитые до отказа камеры герметически закрывались, и в них пускали газ, и через несколько минут все было кончено. Затем мужчины-евреи должны были выносить трупы с платформы и хоронить их в массовых могилах. Прибывали все новые эшелоны, и кладбище все возрастало. Согласно полученным отчетам можно подсчитать, что в Треблинке было истреблено несколько сот тысяч евреев».

Документ Л-22 (США-294) представляет собой официальный отчет правительства США, составленный управлением по вопросам беженцев при президенте США о положении в немецких лагерях в Освенциме и Биркенау в 1944 г. В этом отчете указано, что общее количество евреев, которые были умерщвлены при помощи газа в немецком лагере Биркенау в период между апрелем 1942 г. и апрелем 1944 г., составляет 1765 тысяч человек.

Документ ПС-2738 (США-296) содержит изложение устного заявления Адольфа Эйхмана, начальника еврейской секции гестапо, который сообщил цифры, воспроизведенные в письменном показании доктора Вильгельма Хетля, заместителя группенфюрера иностранной секции управления безопасности (АМТ-6, РСХА). Доктор Вильгельм Хетль показал следующее:

«Примерно 4 миллиона евреев было истреблено в различных концлагерях. В то же время еще дополнительно 2 миллиона евреев умерщвлено другими путями. Большая часть их была расстреляна оперативными отделами полиции безопасности в период кампании против России».

Эйхман был одним из источников информации для доктора Вильгельма Хетля, являвшегося помощником Эйхмана.

«Мне известно, что Эйхман был в то время начальником секции по еврейским вопросам гестапо и плюс к этому ему было лично поручено Гиммлером руководить арестом всех евреев в европейских странах и отправкой их в Германию. Эйхман тогда был весьма удручен тем фактом, что Румыния в те дни вышла из войны. Более того, он пришел ко мне, чтобы получить информацию относительно обстановки на фронте, которую я ежедневно получал от венгерского военного министра и от командующего войсками СС в Венгрии.

Он выразил свою убежденность в том, что Германия проиграла войну и что для него все потеряно. Он знал, что Объединенные Нации будут рассматривать его как одного из главных военных преступников, так как он имел на своей совести миллионы загубленных еврейских жизней. Я спросил, сколько их было всего. Он ответил, что, хотя это было величайшим государственным

секретом, он мне ответит на этот вопрос, так как для меня как для историка это составит интерес и так как он был убежден, что уже не вернется из Румынии. Он незадолго до этого составил отчет для Гиммлера, который хотел знать точно, какое число евреев он убил».

Глава 34
Еврей уже не гражданин

Придя к власти в 1933 г., нацисты начали с организации бойкота еврейских магазинов. Антисемитизм стал официальной политикой, направленной на экспроприацию собственности евреев, лишение их гражданских прав и, наконец, депортацию и физическое уничтожение. Параграф четвертый законодательного акта о гражданстве, принятого рейхстагом в 1935 г., фактически поставил евреев Германии вне закона.

ИМПЕРСКИЙ ЗАКОН О ГРАЖДАНСТВЕ ОТ 15 СЕНТЯБРЯ 1935 Г.

Рейхстаг единогласно принял следующий закон, который ниже публикуется:

...§ 4.

«(1) Еврей не может быть гражданином империи. Он не имеет права голоса в политических делах; он не может занимать публичную должность...» Берлин, 14 ноября 1935 г.

Фюрер и рейхсканцлер *Адольф Гитлер.* Рейхсминистр внутренних дел *Фрик.* Заместитель фюрера *Р. Гесс*, рейхсминистр без портфеля.

«Гнев народа» по циркуляру Гейдриха

7 ноября 1938 г. в Париже был убит секретарь посольства Германии Эрнст фон Рат. Покушение произвел семнадцатилетний молодой человек — польский еврей Гершель Грюншпан.

Немецкая пропаганда раздула это происшествие до размеров общегерманской трагедии. Гитлер немедленно воспользовался им как поводом для организации новой волны террора против еврейского населения.

Ночь с 9 на 10 ноября 1938 г., когда по всей Германии прокатились массовые еврейские погромы, вошла в историю как «Хрустальная ночь» или «Ночь разбитых витрин».

Витрин и стекол было разбито на пять миллионов рейхсмарок. Общий же ущерб для евреев составил 25 миллионов рейхсмарок. Погромщики сожгли и разрушили 815 магазинов и предприятий, 267 синагог. Было убито 36 человек, 20 тысяч арестовано и отправлено в концлагеря.

Миру предстала «стихийная вспышка праведного народного гнева». Однако срочное письмо с инструкциями Гейдриха, разосланное в ночь погромов по всем участкам полиции и СД, говорит о том, что террористическая акция от начала до конца была организована властями.

Погромы, обозначенные в письме как «демонстрации», проводились под надзором полиции и при участии сил СД и СС. Арестовывать надлежало вовсе не погромщиков, а «евреев, особенно состоятельных», в соответствии с размерами помещений для арестованных, в лагеря отправлять только «непрестарелых» и здоровых евреев-мужчин...

Копия телеграммы-молнии из Мюнхена от 10 ноября 1938 г.
1 ч 20 м
Всем полицейским отделам и участкам.
Всем участкам службы безопасности (СД)

Срочно! Немедленно доставить начальнику или его заместителю!

Содержание: мероприятия против евреев в сегодняшнюю ночь

В связи с покушением на жизнь секретаря посольства в Париже фон Рата в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по всей империи ожидаются демонстрации против евреев. При проведении этих мероприятий следует руководствоваться нижеследующим:

1. Руководителям полицейских отделов и участков или их заместителям по получении этой телеграммы надлежит немедленно установить связь с соответствующими (районными, областными или окружными) политическими руководителями и договориться о проведении демонстраций. К обсуждению необходимо привлечь инспекторов и командиров полиции порядка. На этом совещании политические руководители должны быть информированы о том, что германская полиция получила от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции следующие указания, в соответствии с которыми должны организовывать свои мероприятия и политические руководители:

а) Должны проводиться только такие мероприятия, которые не будут угрожать жизни или собственности немцев (например,

синагоги следует поджигать только в том случае, если нет опасности распространения пожара на прилегающие здания).

b) Магазины, учреждения и частные квартиры евреев надо разрушать, но не следует их грабить. Полиции поручается наблюдать за выполнением этого указания и задерживать грабителей.

c) На улицах, где имеются деловые учреждения, следует особенно следить за тем, чтобы обязательно оградить от ущерба нееврейские магазины.

d) Иностранные поданные, даже если они евреи, не должны быть затронуты.

2. При выполнении данных в разделе 1 указаний полиции не следует препятствовать происходящим демонстрациям, а только следить за соблюдением директив.

3. Немедленно после получения настоящей телеграммы полиции надлежит конфисковать имеющийся во всех синагогах и помещениях еврейских религиозных общин архивный материал с тем, чтобы он не был уничтожен во время демонстраций. Архивы представляют собой ценный исторический материал, поэтому должны быть переданы соответствующим органам службы безопасности (СД).

4. Руководство мероприятиями полиции безопасности в ходе демонстраций против евреев возлагается на органы государственной полиции, поскольку инспекции полиции безопасности указаний не дано.

К проведению охранных мероприятий полиции могут быть привлечены служащие уголовной полиции, а также службы безопасности (СД), оперативной группы и другие работники СС.

5. Поскольку ход событий этой ночи допускает использование привлеченных к этому служащих во всех районах, надлежит арестовать столько евреев, особенно состоятельных, сколько может быть размещено в имеющихся помещениях для арестованных.

В первую очередь надо задерживать здоровых мужчин-евреев непрестарелого возраста. После задержания следует немедленно установить связь с соответствующими концентрационными лагерями на предмет немедленной доставки евреев в лагеря...

6. Содержание настоящего приказа должно быть передано дальше соответствующим инспекторам, начальникам полиции порядка и начальникам участков службы безопасности с дополнением, что об этом распорядился рейхсфюрер СС и начальник германской полиции.

Начальник полиции порядка должен дать соответствующие указания полиции порядка, включая пожарную полицию. При про-

ведении указанных мероприятий следует поддерживать теснейшую связь между полицией безопасности и полицией порядка.

Получение настоящей телеграммы должно быть подтверждено руководителями государственной полиции или их заместителями по телеграфу в управление гестапо, лично штандартенфюреру СС Мюллеру.

Гейдрих, группенфюрер СС

«Арестованных не оформлять, расследований не проводить»

Обслуживая нацистскую власть, имперское министерство юстиции, может быть, было единственным в мире правовым ведомством, которое рассылало приказы и распоряжения, прямо противоположные принципам права, справедливости и даже здравому смыслу.

Мало предыдущего указания Гейдриха о том, чтобы задерживать не нападающих, а только их жертв. Минюст заранее подумал о том, чтобы лишить их последней надежды на судебную защиту. Сценарий «стихийного народного гнева» получил законченный вид: погромщики сжигают твой магазин, после этого тебя же забирают в участок или отправляют прямиком в концлагерь, и при этом арест нигде не фиксируется... В продолжение этого абсурда был издан декрет, по которому евреи должны были компенсировать ущерб от погромов в объеме 12,5 миллиона рейхсмарок.

Копия телеграммы-молнии из Берлина от 10 ноября 1938 г.

Всем полицейским отделам и участкам.

Всем участкам службы безопасности (СД)

Доставить немедленно!

Содержание: мероприятия против евреев

В дополнение к моему приказу о сегодняшней ночи сообщаю, что...

Имперское министерство юстиции приказало всем генеральным прокурорам предоставить арестные камеры при полицейских участках для размещения в них арестованных евреев.

Имперское министерство юстиции далее просит задержание в ходе этих событий ни в коем случае не оформлять приказом об аресте.

Наконец министерство юстиции приказывает не производить никаких расследований действий, совершенных против евреев. Учтите эту информацию.

Шеф полиции безопасности *Гейдрих*

«Прочесать Европу с Запада на Восток»

20 января 1942 г. начальник РСХА Гейдрих провел в пригороде Берлина Гросс-Ванзее секретное совещание, затронувшее судьбы миллионов евреев из всех стран Европы.

До этого нацистское руководство планировало переселить евреев в Палестину или на Мадагаскар — за счет средств, изъятых у самих переселяемых. Последнему варианту отдавалось предпочтение, однако и в реализации этого варианта были проблемы. Предстояло отобрать или купить остров у Франции, колонией которой он являлся. К тому же коммуникации мог в любой момент перерезать британский флот. От этих намерений нацисты отказались.

В июле 1941 г. Геринг дал указание Гейдриху подготовить проект организационных и материально-технических мероприятий по «окончательному решению» еврейского вопроса.

На совещании Гейдрих объявил, что в связи с началом войны против СССР переселение евреев на Мадагаскар отменяется и в действие вступает другой план, санкционированный Гитлером. Вся Европа должна быть прочесана с Запада на Восток с депортацией еврейского населения в восточном направлении. При этом предполагалось «естественное уменьшение числа депортируемых лиц».

За этой формулировкой стояла смерть переселенцев от голода, лишений, болезней, непосильного труда. Участники совещания обсуждали и предложения другого рода — стерилизовать депортируемых, чтобы они не давали потомства. Конечно, самым действенным средством против рождаемости были массовые казни их в концентрационных лагерях. Первой «остановкой» по пути на восток была Польша. После этого совещания в лагерях на территории «генерал-губернаторства» началось сооружение газовых камер.

Масштаб «прочесывания» был огромен. Он включал не только страны, в которых стоял немецкий сапог, но касался и Великобритании, воевавшей с Германией, нейтральных государств — Швейцарии, Швеции, союзников — Италии, Испании, Венгрии, Румынии и т. д.

На совещании в Гросс-Ванзее нацистские «специалисты» обсудили также вопрос о «мишлинге» — смешении рас, однако здесь к «окончательному решению» не пришли, поэтому «мишлинги» не подверглись депортациям и стерилизации. Им в какой-то мере повезло, поскольку они не стали объектом истребления.

Термин «мишлинг», то есть помесь, появился в Германии в 1934 г. Мишлинги первой степени имели из четырех прародителей двух арийцев и двух евреев. Мишлинги второй степени, более «чистые», — трех арийцев и одного еврея. В зависимости от этого к ним было разное отношение. По Нюрнбергским расовым законам, принятым в 1934 г., мишлинги второй степени могли вступать в брак только с

арийцами и таким образом растворяться в немцах. Мишлинги первой степени должны были создавать семьи исключительно с евреями и со временем переходить в касту чистых «юде».

«Помесь» той и другой степени брали в вермахт, но потолком для нее было звание ефрейтора. Расовая политика постепенно ужесточалась. По приказу верховного главнокомандования, изданному в 1940 г., из армии изгонялись мишлинги первой степени и даже немцы, женатые на полуеврейках. Мишлинги второй степени и немцы с женами-четверть-еврейками продолжали службу, но в офицеры производились лишь в случае особых достижений и с личной санкции Гитлера.

Но до преследования их было далеко. Один из авторов Нюрнбергских законов о гражданстве и расе, статс-секретарь министерства внутренних дел Вильгельм Штуккарт выступал против депортации мишлингов потому, что они — носители части немецкой крови. Эти интеллектуальные и хорошо образованные люди, что «обусловлено их связью с германской нацией», стали бы за пределами Германии «естественными лидерами» и усилили бы «вражеский лагерь», — считал чиновник.

На деле мишлинги и даже чистые евреи иногда продвигались по службе. «Исключительное разрешение» позволяло мишлингам продолжать службу, повышаться в знаниях. Максимально даже мишлинг первой степени при наличии особых заслуг мог рассчитывать на «ариизацию».

По данным Б. М. Ригга, автора книги «Еврейские солдаты Гитлера: нерассказанная история нацистских расовых законов и людей еврейского происхождения в германской армии», к арийцам были приравнены два еврея, 74 полуеврея и 137 четвертьевреев. А сколько «помеси» служило, не претендуя на разрешения! Бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, внук еврея, служивший в люфтваффе, сообщил, что только в его авиачасти было 15—20 мишлингов.

В январе 1944 г. в немецкой армии появился «Список-77». В нем были офицеры — или сами с примесью еврейской крови, или имеющие таких жен. В нем были 23 полковника, 5 генерал-майоров, 8 генерал-лейтенантов и 2 генерала армии. Б. М. Ригг считает, что к этому списку надо добавить еще шестьдесят офицеров и генералов авиации и флота и даже двух фельдмаршалов.

Одни, более осторожные исследователи считают, что в немецких вооруженных силах насчитывалось около тридцати тысяч мишлингов. Ригг называет гораздо большее число — 150 тысяч. Так или иначе, сотни из них за храбрость были награждены «Железными крестами», 20 стали кавалерами высшей военной награды — «Рыцарского креста».

Гитлеровские ордена становились для «расово» не вполне чистых чем-то вроде индульгенции. В истории концлагеря Заксенхаузен есть факт, когда к отцу-еврею, находившемуся в заключении, приехал с фронта сын, кавалер «Железного креста». Офицер-эсэсовец из охраны лагеря заметил: «Если бы не награда на твоем мундире, ты бы у меня быстро оказался там же, где твой отец».

Полковник Вальтер Холландер, мать которого была еврейкой, получил «Железный крест» обеих степеней, «Золотой германский крест», «Рыцарский крест». Гитлер личной грамотой заверил его в принадлежности к арийской расе. Даже «идеальный солдат-ариец» Вернер Гольдберг, фотографии которого кочевали по немецким изданиям, был на деле сыном еврея.

Эти факты говорят о многом...

Обергруппенфюрер Гейдрих после совещания в Гросс-Ванзее ходил по земле всего четыре месяца. В мае 1942 г. на него, заместителя рейхспротектора Богемии и Моравии в Праге было совершено покушение, и 4 июня он умер от ран. В траурной речи Гитлер назвал Гейдриха «человеком с железным сердцем». Наверное, это правильное определение нациста, устроившего первое еврейское гетто и создавшего план «Ванзее».

ПРОТОКОЛ «ВАНЗЕЕ» О ПЛАНАХ УНИЧТОЖЕНИЯ 11 МИЛЛИОНОВ ЕВРЕЕВ

Секретное дело государственной важности
Протокол совещания

В состоявшемся 20 января 1942 г. в Берлине, на Гросс-Ванзее, № 56–58, совещании об окончательном решении еврейского вопроса приняли участие:

Гаулейтер доктор Мейер и имперский амтслейтер доктор Лейббранд	Имперское министерство для оккупированных восточных областей
Статс-секретарь доктор Штукарт	Имперское министерство внутренних дел
Статс-секретарь Нойманн	Уполномоченный по четырехлетнему плану
Статс-секретарь доктор Драйзлер	Имперское министерство юстиции
Статс-секретарь доктор Бюлер	Ведомство генерал-губернатора
Помощник статс-секретаря Лютер	Министерство иностранных дел

Оберфюрер СС Клопфер	Канцелярия партии
Министериальдиректор Крицингер	Имперская канцелярия
Группенфюрер СС Гофманн	Главное управление по вопросам расы и переселения
Группенфюрер СС Мюллер	Главное имперское управление безопасности
Оберштурмбанфюрер СС Эйхман	Полиция безопасности и служба безопасности
Оберфюрер СС доктор Шенгард, руководитель полиции безопасности и службы безопасности в генерал-губернаторстве	Полиция безопасности и служба безопасности
Штурмбанфюрер СС доктор Ланге, руководитель полиции безопасности и службы безопасности в районе Латвии и представитель руководства полиции безопасности и службы безопасности в рейхскомиссариате восточных земель	Полиция безопасности и служба безопасности

Начальник полиции безопасности и службы безопасности обергруппенфюрер СС Гейдрих вначале информировал о том, что рейхсмаршал назначил его уполномоченным по подготовке окончательного решения еврейского вопроса в Европе, и указал на то, что он созвал это совещание с тем, чтобы внести ясность в принципиальные вопросы. Желание рейхсмаршала, чтобы ему прислали проект организационных мероприятий, касающихся окончательного решения еврейского вопроса в Европе, и материального обеспечения выполнения их, требует предварительного совместного обсуждения всеми центральными инстанциями, непосредственно участвующими в решении этих вопросов, во избежание параллелизма в проведении общей линии.

Руководство окончательным решением еврейского вопроса независимо от географических границ в центре должно быть возложено на рейхсфюрера СС и начальника германской полиции (начальника полиции безопасности и службы безопасности).

Начальник полиции безопасности и службы безопасности сделал затем краткий обзор проведенных уже мер борьбы с этим противником. Наиболее существенными из них являются:

а) вытеснение евреев из отдельных сфер жизни немецкого народа;

b) вытеснение евреев с жизненного пространства немецкого народа.

Во исполнение этих целей начато в качестве предварительной меры для решения вопроса и усилилось ускоренное переселение евреев с территории империи.

По распоряжению рейхсмаршала в январе 1939 г. был создан имперский центр по переселению евреев, руководство которым поручено начальнику полиции и службы безопасности. Он имеет своей задачей:

а) провести все мероприятия по подготовке усиленного переселения евреев;

b) направлять поток переселяемых;

с) в отдельных случаях ускорить переселение.

Задача состояла в том, чтобы очистить от евреев легальным образом жизненное пространство немцев.

Всем инстанциям были известны убытки, которые повлекло за собой форсирование переселения. Однако ввиду отсутствия других возможностей пришлось с этим мириться. Несмотря на трудности, с момента захвата власти до 31 октября 1941 г. всего было переселено 537 тысяч евреев. Из них: с 30 января 1933 г. из Старой Германии — в среднем 360 тысяч, с 15 марта 1938 г. из восточных областей — 147 тысяч, с 15 марта 1939 г. из протектората Богемия и Моравия — 30 тысяч.

Финансирование переселения производилось самими евреями или еврейскими политическими организациями.

В связи с опасностями, вызванными войной, и учитывая возможности Востока, рейхсфюрер СС запретил переселение евреев.

Вместо переселения с предварительного согласия фюрера с этого времени была использована другая возможность решения этого вопроса: началась эвакуация евреев на Восток.

Эти акции следует, однако, рассматривать только как маневр, но уже тогда начало практиковаться то, что имело решающее значение для окончательного решения еврейского вопроса в будущем.

Для окончательного решения еврейского вопроса в Европе надо было иметь в виду 11 миллионов евреев, которые разделялись по отдельным странам следующим образом:

Страна	Число	Страна	Число
А. Собственно Германия	131 800	Генерал-губернаторство	2 284 000
Восточные области	420 000	Белосток	400 000
Остмарк	43 700	Протекторат Богемия и Моравия	74 200

Страна	Число	Страна	Число
Эстония — Латвия	3500	Греция	69 600
Литва	34 000	Нидерланды	160 800
Бельгия	43 000	Норвегия	1300
Дания	5600	В. Болгария	48 000
		Англия	330 000
Франция (оккупированная территория	165 000	Финляндия	2300
Португалия	3000	Ирландия	4000
Румыния (включая Бессарабию)	342 000	Италия (включая Сардинию)	58 000
Швеция	8000	Албания	200
Швейцария	18 000	Хорватия	40 000
Сербия	10 000	Турция (европейская часть)	55 500
Словакия	88 000	Венгрия	742 800
Испания	6000	СССР	5 000 000
Франция (неоккупированная территория)	700 000	Украина	2 994 684
		Белоруссия (исключая Белосток)	446 484
		Всего: свыше	11 000 000

При соответствующем руководстве в ходе окончательного решения еврейского вопроса евреи должны быть надлежащим образом использованы на работах. Большими рабочими колоннами, разделенными в зависимости от пола, работоспособных евреев доставят на строительство дорог в эти области, причем несомненно, что значительная часть их естественно отсеется.

Сохранившийся на всякий случай остаток (здесь имеется в виду, несомненно, наиболее способная устоять часть) должен будет быть соответственно обработан, так как представляя естественно отобранную часть, после освобождения должен рассматриваться как зародыш новых евреев (смотри опыт истории).

В процессе окончательного практического разрешения вопроса Европу следует прочесывать с Запада на Восток.

Эвакуированных евреев постепенно доставляют в так называемые транзитные лагеря с тем, чтобы оттуда направить их на Восток.

Начало отдельных более крупных операций по эвакуации будет в значительной мере зависеть от развития военных операций...

Группенфюрер СС Гофманн придерживается точки зрения, что надо широко пользоваться стерилизацией...

Статс-секретарь доктор Штукарт предложил перейти к принудительной стерилизации...

Статс-секретарь доктор Бюлер доложил, что генерал-губернаторство приветствовало бы, если бы начали окончательное решение этого вопроса в генерал-губернаторстве, так как проблема транспорта там не играет важной роли, а использование на работах не помешало бы проведению этой акции. Евреи должны быть удалены с территории генерал-губернаторства возможно скорее...

Статс-секретарь доктор Бюлер заявил далее, что документ о решении еврейского вопроса в генерал-губернаторстве находится на подписи у начальника полиции и службы безопасности, а его работу поддерживают власти генерал-губернаторства. Он просит только как можно быстрее решить еврейский вопрос в этой области.

В заключение обсуждались разного рода возможности решения этого вопроса, причем как гаулейтер доктор Мейер, так и статс-секретарь Бюлер придерживались той точки зрения, что некоторые предварительные работы надо провести в самих областях, причем надо стараться избегать волнений среди населения.

Совещание закончилось просьбой начальника полиции и службы безопасности к участникам совещания оказывать ему соответствующую поддержку при выполнении работ по решению вопроса.

Варшавское гетто: взорвали даже покойницкую

Варшавское гетто было создано в ноябре 1940 г. и стало символом страданий загнанных в него людей. Вначале на изолированной территории находилось около 400 тысяч евреев, большая часть которых (316 тысяч человек) была отправлена в лагеря смерти.

Весной 1943 г. гетто и оставшиеся его обитатели, в том числе женщины и дети, были уничтожены нацистами. Подробности того, как это делалось, содержатся в отчете генерал-майора полиции Штропа.

Авторы современных триллеров никогда в своем воображении не превзойдут того, что творилось в Варшавском гетто. Нормальный человек, живущий в нормальной среде, просто не может изобрести такие зверства по истреблению себе подобных.

Другое дело — нацистские «сверхлюди», оболваненные пропагандой, расовыми теориями, толкаемые вперед людоедскими приказами начальников.

Отчет Штропа выделялся среди других документов процесса тщательным, любовным оформлением. Это целый том — прекрасная бумага, кожаный переплет. Отчет, составленный с немецкой пунктуальностью, показывает, что фантазия, азарт и деловитость «белокурых бестий» при охоте на евреев не имели границ.

Но не у всех солдат было железное нацистское сердце. Герой-фронтовик в чине полковника, часть которого уничтожила на Курской дуге 21 советский танк, получил «Рыцарский крест» и отпуск в Германию. По пути домой у него была остановка в Варшаве, и он оказался на территории гетто, разгромленного три месяца назад.

Даже следы зверств настолько потрясли полковника, что он потерял себя, утратил интерес к службе. Без пяти минут генерал, он так и не получил очередное звание. В октябре 1944 г. он был взят в плен, а, возможно, просто сдался советским солдатам, не видя смысла в такой войне.

Документ ПС-1061 (США-275)

ИЗ ОТЧЕТА ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД «ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ»

...Сопротивление, которое оказывали евреи и бандиты, могло быть сломлено только при безжалостном использовании всей нашей силы и энергии как днем, так и ночью. 23 апреля 1943 г. рейхсфюрер СС издал через фюрера СС и начальника полиции восточных областей в Кракове приказ произвести уничтожение Варшавского гетто с крайней жестокостью и безжалостностью. Поэтому я решил разрушить все места жительства евреев путем поджога каждого квартала, включая также здания, которые находились близ военных заводов. Производилась систематическая эвакуация обитателей, а затем здания сжигались. Тогда евреи почти в каждом случае покидали свои убежища. Зачастую евреи оставались в зданиях, охваченных пламенем, до тех пор, пока из-за жары и страха быть заживо сожженными они не предпочитали выпрыгивать из верхних этажей, после того, как предварительно выбрасывали матрацы и другую мебель из горящих зданий. Затем они с переломанными костями еще пытались переползти в те здания, которые еще не горели или частично горели. Зачастую евреи в ночное время меняли место, где они скрывались и прятались в развалинах сожженных зданий до тех пор, пока их не находили наши патрули.

Пребывание в трубах канализационной системы также теряло для них свою прелесть после первой же недели. Нередко с мостовой мы слышали громкие голоса, которые доносились из канализационных люков. Тогда члены СС, полиция, а также саперы мужественно спускались в люки с целью извлечь оттуда евреев и часто находили там трупы евреев. Для того чтобы заставить бандитов выйти наружу, приходилось всегда применять дымовые шашки. В течение одного только дня мы вскрыли 183 кана-

лизационных люка и бросили туда дымовые шашки. В результате бандиты выскакивали из труб канализационной системы. Большое количество евреев, которое не поддается учету, было истреблено путем подрывания канализационных труб и люков.

Чем дольше длилось сопротивление, тем более жестокими становились солдаты войск СС, полиция, солдаты и офицеры германской армии. Они выполняли свой долг неуклонно в духе тесного товарищества и являли собою образцы солдат. Они работали с раннего утра и до поздней ночи, ночью патрули следовали по пятам за евреями и не давали им никакой пощады. Иногда они захватывали и убивали евреев, которые использовали ночные часы для того, чтобы пополнять свои запасы из покинутых убежищ, а также для того, чтобы поддерживать контакт с соседними группами и обмениваться с ними новостями.

Принимая во внимание, что большая часть солдат СС проходила тренировку только в течение 3–4 недель до того, как их послали на выполнение этого задания, надо отдать должное мужеству, храбрости и преданности делу, которые продемонстрировали эти люди. Следует указать, что саперные части армии также неустанно и самоотверженно производили взрывы землянок, канализационных люков и бетонных сооружений. Офицеры и солдаты полиции, большая часть которых уже побывала на фронте, также продемонстрировали свой боевой дух. Только лишь путем непрерывной и неустанной работы всех вышеуказанных лиц мы смогли захватить 56 055 евреев, истребление которых учтено. К этому надо добавить евреев, которые были убиты во время взрывов или пожаров, но их число не поддается учету.

Краткие выдержки из ежедневных телеграфных донесений

...Результатом ночного поджога нами квартала было то, что те евреи, которых мы не могли найти, несмотря на все наши поиски, покидали свои убежища через крыши, выходили из подвалов и появлялись снаружи зданий, пытаясь избежать пламени. Многие — целые семьи — были уже охвачены пламенем и прыгали из окон или пытались спуститься на землю на простынях, но были приняты меры к тому, чтобы сразу ликвидировать этих евреев так же, как и остальных...

...Когда вышеупомянутые кварталы были разрушены, было захвачено 120 евреев, и большое количество евреев было убито в то время, когда они прыгали с крыш во внутренние дворы, пытаясь избежать пламени. Но еще большее число евреев погибло в пламени или было убито во время подрывания убежищ и канализационных люков...

Только лишь тогда, когда кварталы уже были охвачены пламенем и были готовы рухнуть, большое количество евреев пыталось прорваться сквозь пламя и дым. Многие евреи пытались убежать даже через горящие здания. Большое число евреев, которых мы видели во время пожара на крышах, погибло в пламени. Другие прыгали с верхних этажей в самый последний момент, для того чтобы избежать смерти от пламени. Сегодня мы захватили 2283 еврея, из которых 204 были расстреляны. Бесчисленное количество евреев было уничтожено в убежищах и в пламени...

...Евреи рассказывают о том, что они выходят наружу ночью для того, чтобы подышать свежим воздухом, так как невыносимо постоянно находиться под землей в течение операции, которая длится долгое время. В среднем патрули расстреливают от 30 до 50 евреев каждую ночь. Это свидетельствует о том, что еще значительное число евреев находится в подземных убежищах в гетто. Сегодня мы взорвали бетонное здание, которое мы были не в состоянии уничтожить огнем. В результате этой операции мы выяснили, что взрыв здания является очень продолжительным процессом и требует очень большого количества взрывчатых веществ. Поэтому наилучшим и единственным методом истребления евреев продолжает оставаться поджог.

...Некоторые данные указывают на то, что от 3 до 4 тысяч евреев еще находится в подземных пещерах, убежищах и канализационных трубах. Поэтому нижеподписавшийся решил не прекращать операции широких масштабов до тех пор, пока не будет убит последний еврей...

Из телеграфного донесения от 15 мая 1943 г.

«...Особая часть вновь исследовала последний неразрушенный квартал в гетто и разрушила его. Вечером часовня, покойницкая и другие здания на еврейском кладбище были взорваны или сожжены».

Из донесения от 24 мая 1943 г.

«...Из общего числа 56 065 человек пойманных евреев примерно 7 тысяч были убиты на территории бывшего гетто во время операции широких масштабов, 6929 евреев были уничтожены после доставки их в Т-II* Общее число уничтоженных евреев составляет 13 929 человек, помимо названных 50 065 человек. Примерно 5 или 6 тысяч евреев были уничтожены во время взрывов или же погибли в пламени».

---

* Лагерь смерти в Треблинке №2. — *Прим. авт.*

Глава 35
Сильный ход советского обвинения

Бессмысленное упорство Гитлера и других военных руководителей, последовательно запрещавших отступление, прорыв из окружения, а затем капитуляцию войск 6-й армии, драма в зимней бескрайней степи без снабжения и помощи, которую не сумели оказать ни авиация Геринга, ни корпус танкового гения Манштейна, потеря в сталинградском «котле» ста тысяч подчиненных убитыми и ранеными заставили генерал-фельдмаршала Паулюса пересмотреть свои взгляды и отказаться от прежней верности фюреру.

В 1944 г. пленный Паулюс вступил в антифашистский Союз немецких офицеров, а в дальнейшем — в национальный комитет «Свободная Германия».

Комитет вел антифашистскую агитацию среди военнопленных и на фронте, выпускал листовки и другие материалы, обращался к воюющим немецким солдатам через громкоговорящие установки, выступал по радио с призывами свергнуть власть Гитлера.

Голос Паулюса звучал в эфире много раз, обращаясь к народу Германии, войскам, командованию с идеями прекращения войны и избавления страны от нацизма. В ответ власти арестовали семью генерал-фельдмаршала.

На Нюрнбергском процессе Паулюс выступил свидетелем обвинения. Его допрос в суде и заявление советскому правительству, публикуемое ниже, стали неприятным сюрпризом для подсудимых, убедительно подтвердив существование плана агрессивной войны против СССР.

На протяжении процесса подсудимые и их адвокаты пытались отрицать агрессивный характер войны с СССР. Дескать, удар 22 июня 1941 г. был превентивным. Якобы Советский Союз сосредоточил огромные силы на так называемой «демаркационной линии» и готовился напасть на Германию. Они доказывали, что германские войска вступили в бой вынужденно, упреждая советскую агрессию.

В этой ситуации нужны были точные данные о том, кто сделал первые шаги к войне, а кто всего лишь ответил на них, где были причины, а где — следствия.

У советской стороны был в запасе суперсвидетель — генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. Он лично участвовал в разработке плана нападения на СССР, когда еще не было ни демаркационной линии, ни войск на ней.

С сентября 1940 г. генерал-лейтенант Паулюс занимал должность первого обер-квартирмейстера генштаба сухопутных войск. Он был одним из главных авторов плана «Барбаросса», предусмат-

ривавшего крупномасштабную агрессивную войну против Советского Союза. С советской же стороны подобных разработок и, тем более, военных приготовлений не велось.

В 1941 г. Паулюс был назначен командующим 6-й немецкой армией, которая летом 1942 г. начала наступление на Сталинград. Ценой больших потерь Паулюс дошел до Волги, однако затем, к 22 ноября 1942 г., советские войска в ходе тщательно спланированной операции окружили немецкую группировку численностью 284 тысяч человек.

Паулюс просил Гитлера разрешить прорыв из сталинградского «котла», однако фюрер не мог смириться с отступлением от Волги как от важнейшей стратегической цели. «Все власти земли нас оттуда не выгонят!» — заявил он в речи перед своими сподвижниками.

Попытки деблокировать группировку оказались неудачными, в то время как Красная Армия, сжимая кольцо, рассекла группировку надвое. 31 января 1943 г. Паулюс со своим штабом сдался в плен. По иронии судьбы, именно в этот день поступил приказ Гитлера о его производстве в генерал-фельдмаршалы.

Разгром немецких войск под Сталинградом означал коренной перелом в ходе войны.

В Германии сразу заявили о гибели Паулюса и объявили траур. На торжественной панихиде был весь генералитет. Сам фюрер возложил на пустой гроб «павшего героя» украшенный бриллиантами фельдмаршальский жезл.

Однако, как позже выяснилось, Паулюс оказался в советском плену.

Чтобы развенчать домыслы о превентивном ударе по Советскому Союзу, советская сторона и предъявила трибуналу показания важного пленника. Паулюс был тайно доставлен в Германию, в советскую зону оккупации, и допрошен Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко.

Паулюс, хорошо осведомленный о всех деталях плана «Барбаросса», дал исчерпывающие показания, которые решено было огласить на процессе. Однако защитники подсудимых стали активно протестовать, настаивая, чтобы свидетель Паулюс был допрошен в Нюрнберге лично. Адвокаты не сомневались, что доставить Паулюса в Нюрнберг нереально.

Дальнейшие события стали сенсацией. Когда председатель трибунала лорд Д. Лоренс спросил у Руденко, как он смотрит на такое ходатайство защиты, советский обвинитель ответил, что не возражает. А когда Лоренс поинтересовался, какое время потребуется для доставки свидетеля, Н. Д. Зоря уточнил, что фельдмаршал Паулюс может быть допрошен «сегодня вечером».

Появление Паулюса в зале заседания трибунала произвело эффект разорвавшейся бомбы. Это был сильный ход. Его ответы не оставили камня на камне от мифических построений превентивного удара, что, однако, не помешало им возродиться в наши дни в трудах некоторых недобросовестных историков и публицистов.

В 1946 г. даже в советской делегации мало кто знал, что сенсационное появление Паулюса в суде было «срежиссировано» Сталиным, которому Вышинский доложил, что трибунал не принял в виде доказательства письменные показания бывшего генерал-фельдмаршала.

ДОПРОС ФЕЛЬДМАРШАЛА БЫВШЕЙ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ ФРИДРИХА ПАУЛЮСА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 11 и 12 февраля 1946 г.]

Зоря: Господин председатель, в соответствии с заявлением, сделанным советской делегацией, я прошу разрешения ввести в зал для допроса фельдмаршала бывшей германской армии Фридриха Паулюса, допрос которого произведет Главный обвинитель от Союза Советских Социалистических Республик генерал Руденко. ...

Руденко: Скажите, господин свидетель, вы обратились 9 января 1946 г. с заявлением к Правительству Союза Советских Социалистических Республик?

Паулюс: Да. Это заявление было мною сделано.

Руденко: Вы подтверждаете это заявление?

Паулюс: Да, я подтверждаю это заявление.

Руденко: Скажите, господин свидетель, что вам известно о подготовке гитлеровским правительством и немецким верховным главнокомандованием вооруженного нападения на Советский Союз?

Паулюс: По моим личным сведениям, я могу сообщить по этому поводу следующее: 3 сентября 1940 г. я начал работать в главном штабе командования сухопутных войск в качестве оберквартирмейстера. В качестве такового я должен был замещать начальника главного штаба, а в остальном должен был выполнять отдельные оперативные задания, которые мне поручались. Во время моего назначения я нашел в той области, в которой я должен был работать, еще не готовый оперативный план, который касался нападения на Советский Союз. Этот оперативный план был выработан тогда генерал-майором Марксом, начальником штаба 18-й армии, который для этой

цели временно находился в распоряжении главного командования сухопутных сил. Начальник штаба сухопутных сил генерал-полковник Гальдер поручил мне дальнейшую разработку этого плана, начатого на основании директивы ОКВ, и, в частности, я должен был это производить на следующей основе: нужно было произвести анализ возможностей наступления против Советской России. Эту проверку нужно было произвести в отношении анализа рельефа местности, в отношении использования сил, возможностей и потребностей в силах и т. д.; при этом указывалось, что я должен исходить из 130–140 дивизий, которые будут находиться в распоряжении для выполнения данной операции.

Далее, с самого начала нужно было уже учитывать использование румынской территории в качестве плацдарма для южной группировки германских войск, на северном фланге предусматривалось участие Финляндии в войне, но во время разработки этих оперативных планов этот момент не учитывался.

В качестве основы для предпринимаемых мероприятий учитывались цели операции как намерение ОКВ, в частности, во-первых, уничтожение находящихся в Западной России русских войск и пресечение возможности отступления войсковых частей в глубь России; во-вторых, достижение линии, которая сделала бы невозможными эффективные налеты русских военно-воздушных сил на территорию германской империи. Конечной целью являлось достижение линии Волга—Архангельск.

Разработка, которую я сейчас обрисовал, была закончена в начале ноября и завершилась двумя военными играми, которыми я руководил по поручению главного штаба сухопутных войск. При этом принимали участие старшие офицеры генерального штаба. В качестве основы для этих военных игр предусматривалось использование сил таким образом: в южном районе армейская группировка из области юга Польши и Румынии должна была достигнуть Днепра и Киева. С северного направления — армейская группировка в районе Припяти, самая сильная, должна была наступать из района Варшавы и севернее, в направлении главного удара на Минск и Смоленск, с окончательным намерением впоследствии ударить по Москве. Группа из восточно-прусского пространства шла через Балтику на Ленинград. Результаты, полученные от этих игр, сводились к тому, чтобы достигнуть линии Днепр — Минск — Ленинград. Дальнейшие операции должны были развиваться в связи с положением, которое установится в результате этих действий. По окончании

военных игр состоялось совещание у начальника главного штаба сухопутных войск, которое рассмотрело теоретические результаты этих игр с привлечением руководителей отдельных штабов армейских группировок, ответственных за операции на Востоке. В конце совещания состоялся доклад начальника отдела армий Востока, который сделал сообщение об экономике и географической характеристике Советского Союза, а также в отношении характеристики войск Советского Союза. Примечательным является то, что тогда ничего не было известно о каких-либо приготовлениях со стороны России. Эти военные игры и совещания, о которых я сейчас говорил, представляли собой завершение теоретической подготовки и планирования будущей агрессивной войны.

Непосредственно после этого, 18 декабря 1940 г., верховное главнокомандование вооруженных сил издало указание № 21 (эта директива являлась основной для всех военных и экономических приготовлений к войне). На основании этой директивы необходимо было осуществлять все действия, связанные с подготовкой войны. В отношении главного командования сухопутных сил это выражалось в том, что необходимо было позаботиться о разработке стратегического развертывания вооруженных сил. Эти первые директивы, касающиеся развертывания сил, 3 февраля 1941 г. после доклада их в Оберзальцберге Гитлеру были одобрены им. Они впоследствии были спущены войскам. Позже к ним давались различные дополнения.

Начало войны было приурочено к тому времени, которое являлось бы наиболее подходящим для продвижения больших войсковых частей на территории России. Возможности подобного продвижения ожидались в середине мая месяца. И соответственно этому были предприняты все приготовления. Этот план, однако, был изменен, так как Гитлер в конце марта решился в связи с изменившимся положением в Югославии напасть на Югославию. 8 апреля 1941 г. был установлен новый срок для...

Председатель: Вы сказали, что Гитлер произвел перемену в планах?

Паулюс: В результате своего решения напасть на Югославию Гитлер изменил сроки выступления. Выступление должно было быть отсрочено примерно на пять недель, то есть оно намечалось на вторую половину июня. И, действительно, нападение на СССР состоялось во второй половине, а именно 22 июня 1941 г.

В заключение я хочу установить, что все приготовления для совершения этого нападения на СССР, которое имело место 22 июня, велись уже осенью 1940 г...

Паулюс: Согласно моим личным наблюдениям, я могу по этому поводу сообщить следующее: примерно в сентябре 1940 г., как раз тогда, когда я был занят оперативной разработкой нападения на Советский Союз, уже тогда предусматривалось использование румынской территории в качестве плацдарма для наступления правой, то есть южной, группировки германских войск. Была послана военная миссия под руководством генерала от кавалерии Ганзена в Румынию. Далее, была послана танковая дивизия в качестве образцовой дивизии в Румынию. Для всех тех, кто был посвящен в эти планы, было ясно, что это мероприятие могло служить только для того, чтобы привести в состояние готовности будущих военных партнеров.

Далее, в отношении Венгрии. В декабре 1940 г. в штаб главного командования сухопутных войск в Цоссен прибыл начальник оперативной группы венгерского генерального штаба полковник Ласло и попросил консультации по организационным вопросам. Венгерские войска занимались как раз в то время вопросами реорганизации бригад в дивизии и расстановкой моторизованных и танковых частей. Начальник организационного отдела генерального штаба генерал-майор Буле и я дали ряд советов полковнику Ласло по этому вопросу. Одновременно с этим ряд венгерских военных комиссий был направлен в Берлин, в том числе военный министр Венгрии. Там они вступили в переговоры с соответствующими военными инстанциями в Германии относительно поставок вооружения для войны.

Всем нам, посвященным в эти планы, было ясно, что все эти мероприятия, касающиеся передачи вооружения другим армиям, были мыслимы лишь в том случае и явно сводились к тому, что в будущем предстояли военные операции и что это оружие будет использовано в этих будущих военных действиях в интересах Германии.

В отношении Венгрии можно было бы сказать еще следующее: вследствие развития событий в Югославии Гитлер в конце марта 1940 г. решил напасть на Югославию. 27 или 28 марта я был вызван в имперскую канцелярию в Берлине, где в это время состоялось совещание между Гитлером, Кейтелем и Иодлем. В этом совещании также принимали участие командующий сухопутными войсками и начальник главного штаба сухопутных сил. По прибытии генерал Гальдер, начальник главного штаба сухопутных сил, сообщил мне, что Гитлер решил напасть на Югославию и тем самым устранить фланговую угрозу в будущих операциях против Греции и для того, чтобы захватить железно-

дорожную магистраль из Белграда на Ниш и в дальнейшем обеспечить проведение в жизнь плана «Барбаросса» в том смысле, чтобы освободить свой правый фланг. Мне было поручено привлечь ряд соответствующих офицеров главного штаба сухопутных сил и поехать с ними в Вену для того, чтобы разъяснить и передать соответствующие приказы немецким командующим, которые принимали участие в этих операциях. Затем я должен был поехать в генеральный штаб Венгрии, для того, чтобы обсудить там и прийти к соглашению об использовании Австрии в качестве плацдарма для германских войск, а также договориться в отношении участия венгерских войск в нападении на Югославию.

30 марта рано утром я прибыл в Будапешт и повел переговоры с начальником генерального штаба Венгрии, генералом пехоты Вертом, затем с начальником оперативной группы генерального штаба Венгрии — полковником Ласло. Совещание протекало без каких-либо трений и привело к желательному результату. Этот результат был запечатлен на карте, которая была передана мне венгерским генеральным штабом. На ней были нанесены не только действия наступающих против Югославии групп, но также расстановка всех сил, которые были расположены на границе Закарпатской Украины. Эта расстановка предусматривалась в качестве прикрытия со стороны Советского Союза. Тот факт, что такая группировка была создана, является доказательством того, что со стороны Венгрии также существовало убеждение, что нападение Германии на Югославию будет рассматриваться как акт агрессии против Советского Союза. Что касается принципиальной установки в отношении позиции Венгрии в смысле участия в таких приготовлениях, то мне было известно мнение Гитлера, что Венгрия стремится с помощью Германии вернуть и расширить территории, которые были утрачены Венгрией в 1918 г. Кроме того, Венгрия опасается усиления другого союзника Германии — Румынии.

Под таким углом зрения в своем политическом курсе Гитлер и рассматривал участие Венгрии. Гитлер, насколько я это мог видеть по ряду других примеров, относился к Венгрии очень сдержанно. Во-первых, он стремился скрывать от Венгрии будущие планы в отношении наступления, так как он опасался ее связей с враждебными Германии государствами. Во-вторых, Гитлер не стремился давать Венгрии преждевременных обещаний в смысле территориальных приобретений.

Я могу привести пример в отношении района нефтяных источников — Дрогобыча. Впоследствии, когда началось наступле-

ние против Советского Союза, немецкая 17-я армия, которая действовала в этом районе, получила строгое указание при всех условиях занять нефтяной район Дрогобыча до приближения венгерских войск.

В отношении этого будущего военного партнера, по моим наблюдениям, Гитлер вел себя так, что, с одной стороны, он определенно рассчитывал на участие Венгрии и поэтому снабжал ее вооружением и помогал ей в обучении войск, но что он все-таки еще не определил срока, когда он сообщит этому партнеру о своих окончательных планах.

Далее, вопрос, касающийся Финляндии. В декабре 1940 г. состоялся первый визит генерал-лейтенанта Гейнрихса — начальника генштаба Финляндии, в главную ставку главного командования сухопутных сил в Цоссене. Генерал-лейтенант Гейнрихс совещался с начальником штаба сухопутных сил. Содержание этой беседы я уже не помню, но он сделал там доклад, касающийся русско-финской войны 1939–1940 гг., для офицеров-генштабистов ОКХ. Этот доклад был направлен также тем руководителям штабов армейских группировок, которые участвовали в военных играх. Этот доклад для офицеров-генштабистов имел очень большое значение в то время, так как он был сделан тогда, когда была спущена директива № 21 от 18 декабря. Кроме того, он имел очень большое значение потому, что он представлял собой обмен опытом войны с Советским Союзом. Далее, он давал представление о расстановке сил финских войск и о качестве этих сил, которые, возможно, могли стать в будущем военным партнером Германии.

Второй визит начальника генерального штаба Финляндии в Цоссен состоялся примерно во второй половине марта 1941 г. Финский начальник генерального штаба приехал тогда из Зальцбурга, где он имел совещание с верховным командованием германских вооруженных сил. Предметом обсуждения в Цоссене была координация действий финских южных группировок для операции «Барбаросса», а также координация действий этой группы с немецкой армейской группировкой «Север», которая из Восточной Пруссии должна была продвигаться в направлении Ленинграда. Тогда согласились о том, что выступление финских южных группировок должно быть согласовано с выступлением германской северной группировки. Были обусловлены координированные действия против Ленинграда этих группировок, предусматривавшие, что действия финских группировок должны были зависеть от действия германских и развиваться в зависимости от обстановки.

Это то, что я лично знал и видел по вопросам, которые касались подготовки агрессии и вовлечения тех союзников, которые принимали участие в этой подготовке.

Руденко: Как и при каких обстоятельствах было осуществлено вооруженное нападение на Советский Союз, подготовленное гитлеровским правительством и верховным командованием немецких войск?

Паулюс: Нападение на Советский Союз состоялось, как я уже говорил, после длительных приготовлений и по строго обдуманному плану. Войска, которые должны были осуществить нападение, сначала были расставлены на соответствующем плацдарме. Только по особому распоряжению они были частично выведены на исходные позиции и затем одновременно выступили по всей линии фронта — от Румынии до Восточной Пруссии.

Из этого следует исключить финский театр военных действий. Так же тщательно, как продуман и проанализирован был оперативный план, был произведен анализ наступления в штабах армейских групп, корпусов и дивизий посредством ряда военных игр. Результаты этого анализа были еще задолго до начала войны зафиксированы в соответствующих приказах, которые касались всех мелочей наступления. Был организован очень сложный обманный маневр, который был осуществлен из Норвегии и с французского побережья. Эти операции должны были создать видимость операций, намечаемых против Англии, и должны были тем самым отвлечь внимание России. Однако не только оперативные неожиданности были предусмотрены. Были также предусмотрены все тактические возможности ввести в заблуждение противника. Это означало, что шли на то, что, запрещая производить явную разведку на границе, тем самым допускали возможные потери во имя достижения внезапности нападения. Но это означало также и то, что не существовало опасений, что противник внезапно попытается перейти границу.

Все эти мероприятия говорят о том, что здесь речь идет о преступном нападении.

Руденко: Как вы определяете цели нападения Германии на Советский Союз?

Паулюс: Конечная цель нападения, заключавшаяся в наступлении до Волги, превышала силы и способности германской армии. И эта цель характеризует не знавшую пределов захватническую политику Гитлера и нацистского государства.

Со стратегической точки зрения достижение этой цели означало бы уничтожение вооруженных сил Советского Союза.

Захват этой линии означал бы захват и покорение главных областей Советской России, в том числе столицы Москвы, и тем самым политических и экономических центров Советской России.

Экономический захват линии Волга–Архангельск означал бы обладание важнейшими источниками питания, важнейшими полезными ископаемыми, включая сюда нефтяные источники Кавказа, а также важнейшими промышленными центрами России и далее — центральной транспортной сетью европейской части России. Насколько это соответствовало стремлениям Гитлера и его экономической заинтересованности в этой войне, можно судить по тому примеру, который я лично знаю.

1 июня 1942 г. по случаю совещания командующих армейской группировкой Юга в районе Полтавы Гитлер заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, тогда я должен буду покончить с этой войной». Для эксплуатации и администрирования захваченных территорий все экономические и административные организации и учреждения были созданы еще до начала войны.

В заключение я хотел бы сказать: указанные цели означали завоевание с целью колонизации русских территорий, эксплуатация и ресурсы которых должны были дать возможность завершить войну на Западе с той целью, чтобы окончательно установить господство Германии в Европе.

Руденко: Кто из подсудимых являлся активным участником в развязывании агрессивной войны против Советского Союза?

Паулюс: Из числа подсудимых, насколько я их здесь вижу, я хочу здесь назвать следующих важнейших советников Гитлера: Кейтеля, Йодля, Геринга — в качестве главного маршала и главнокомандующего военно-воздушными силами Германии и уполномоченного по вопросам вооружения.

Руденко: Заканчивая допрос, я резюмирую. Правильно ли я заключил из ваших показаний, что еще задолго до 22 июня гитлеровское правительство и верховное главнокомандование германских вооруженных сил планировали агрессивную войну против Советского Союза с целью колонизации территорий Советского Союза?

Паулюс: Для меня в этом не существует никаких сомнений после того, что я рассказал здесь, а также в связи со всеми теми директивами, которые содержатся в знаменитой «Зеленой папке».

Руденко: У меня все вопросы, господин председатель.

Председатель: Может быть, кто-либо из представителей французского, английского обвинения или обвинения от США

или кто-либо из членов защиты хочет задать вопросы свидетелю?

Латернзер: Господин председатель, я прошу дать мне возможность в качестве защитника генерального штаба поставить вопросы свидетелю завтра во время утреннего заседания.

Свидетель появился крайне неожиданно, во всяком случае для защиты, и поэтому я считаю необходимым посоветоваться в отношении вопросов, которые могут быть поставлены свидетелю, особенно в связи с тем, насколько важным является такой свидетель.

Я прошу разрешить мне провести перекрестный допрос завтра во время утреннего заседания.

Председатель: Генерал Руденко, если обвинение не возражает, то Трибунал считает, что следует удовлетворить это ходатайство защиты.

Руденко: Если это угодно Трибуналу, обвинение не возражает.

Председатель. Очень хорошо.

Документ СССР-156

ЗАЯВЛЕНИЕ ПАУЛЮСА СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Правительству СССР
Москва

8 августа 1944 г. я обратился к немецкому народу с призывом свергнуть Гитлера и прекратить ставшую бессмысленной войну.

Дальше я пытался влиять в этом же смысле путем выступления по радио и рассылкой писем и воззваний к войскам и командованию.

Сегодня, когда преступления Гитлера и его пособников поставлены на суд народов, я считаю своим долгом предоставить Советскому правительству все известное мне из моей деятельности, что может послужить в Нюрнбергском процессе материалом, доказывающим виновность преступников войны.

С 3 сентября 1940 г. до 18 января 1942 г. я занимал должность обер-квартирмейстера в генеральном штабе сухопутных сил. В мои задачи входило замещать начальника генерального штаба и выполнять его особые задания. Лишь осенью 1941 г. я стал руководить отделами генерального штаба. Из них мне были подчинены отдел обучения и организационный отдел.

В указанный период времени начальником генерального штаба сухопутных сил был генерал-полковник Гальдер.

При моем поступлении на службу в ОКХ 3 сентября 1940 г. я, среди прочих планировок, застал там еще незаконченный предварительный оперативный план нападения на Советский Союз, известный под условным обозначением «Барбаросса». Разработкой плана занимался генерал-майор Маркс. Маркс состоял начальником штаба 18-й армии (фельдмаршала фон Кюхлера) и был временно командирован в ОКХ для разработки этого плана.

Этот план, разработка которого производилась по приказу ОКВ, генерал-полковник Гальдер передал мне с заданием проанализировать возможности наступательных операций с учетом условий местности, использования сил, потребной силы и т. д. при наличии 130–140 дивизий.

По замыслу ОКВ оперативной задачей было: сначала — захват Москвы, Ленинграда и Украины, в дальнейшем — Северного Кавказа с его нефтяными источниками. Конечной целью предусматривалось достижение приблизительно линии Астрахань — Архангельск.

Поставленная цель уже сама по себе характеризует этот план как подготовку чистейшей агрессии; это явствует также из того, что оборонительные мероприятия планом не предусматривались вовсе...

Этим самым развенчиваются лживые утверждения о превентивной войне против угрожающей опасности, которые аналогично оголтелой геббельсовской пропаганде распространялись ОКВ.

Заблаговременно начинается также подготовка у будущего партнера по агрессии — Румынии, которая в предварительном плане «Барбаросса» с самого начала была предусмотрена как плацдарм наступления.

В сентябре 1940 г. по приказу ОКВ были направлены в Румынию военная миссия и 13-я танковая дивизия как образцовая часть.

Во главе военной миссии был поставлен генерал от кавалерии Ганзен. Начальником его штаба был назначен генерал-майор Гауффе, оберквартирмейстером — майор Мерк, 13-й танковой дивизией командовал генерал-майор фон Роткирх.

Задачей военной миссии было реорганизовать румынскую армию и подготовить ее к нападению на Советский Союз в духе плана «Барбаросса». Предварительную ориентировку в этой задаче генерал Ганзен и его начальник штаба получили у меня, задание — от главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала Браухича.

Директивы генерал Ганзен получал из двух мест: по линии военной миссии — от ОКВ, по вопросам сухопутных сил — от ОКХ, директивы военно-политического характера — только от ОКВ. Связь между немецким генеральным штабом и румынским генеральным штабом осуществлялась через военную миссию.

В то время как с Румынией существовал тайный союз уже в сентябре 1940 г., связи с другими двумя сателлитами в этот период подготовки агрессии против Советского Союза были слабее, вернее осторожнее.

Так, например, установление связи с финским генеральным штабом для выяснения наступательных возможностей в мурманском направлении было разрешено начальнику штаба армейской группировки (Норвегия) полковнику Бушенгагену лишь в конце февраля 1941 г.

Вопрос о сотрудничестве с Венгрией по плану «Барбаросса» оставался в течение месяцев невыясненным. Впрочем, Финляндия постоянно оставалась непосредственно подчиненным ОКВ театром военных действий. Знаменательным было все же то, что начальник финского генерального штаба генерал-лейтенант Гейнрихс в середине декабря 1940 г. приезжал в ОКВ и ОКХ. Воспользовавшись этим случаем, он выступил с докладом перед офицерами-генштабистами из ОКХ о советско-финской войне 1939–1940 гг. и о полученном им опыте войны. В докладе была ярко выражена общая заинтересованность в военном столкновении с Красной Армией. Гейнрихс оценивал Красную Армию как серьезного противника.

Визит во второй половине декабря 1940 г. начальника оперативной группы венгерского генерального штаба полковника Ласло ограничился чисто организационными вопросами.

Между тем подготовительные мероприятия по плану «Барбаросса» к концу 1940 г. продвинулись значительно вперед.

Начатая в августе 1940 г. разработка предварительного плана «Барбаросса» закончилась проведением двух военных игр под моим руководством в главной квартире ОКХ в Цоссене.

На играх присутствовали генерал-полковник Гальдер, начальник оперативного отдела генерального штаба полковник Хойзингер и старшие специально приглашенные штабные офицеры из ОКХ.

Результат игр, принятый за основу при разработке директив по стратегическому развертыванию сил «Барбаросса», показал, что предусмотренная диспозиция на линии Астрахань — Архангельск — дальняя цель ОКВ — должна была бы привести к полному поражению Советского государства, чего, собственно, в сво-

ей агрессии добивалось ОКВ и что, наконец, являлось целью этой войны: превратить Россию в колониальную страну.

Во время игр оценку по Советскому Союзу давал начальник отдела иностранных армий «Восток» полковник Кинцель.

Выводы докладчика были построены на предпосылках, что Красная Армия — заслуживающий внимания противник, что сведений об особых военных приготовлениях не было и что военная промышленность, включая вновь созданную восточнее Волги, была высокоразвитой.

Решающим в дальнейших подготовительных работах по плану «Барбаросса» было то, что ОКВ директивой от 18 декабря 1940 г. установило начало наступления приблизительно на середину мая 1941 г. Назначенный срок объяснялся русскими климатическими условиями.

Одновременно с этим был расширен круг сотрудников с привлечением командующих трех намеченных армейских группировок, которые на совещании в ОКХ в Цоссене были посвящены во все детали этого замысла.

Этими командующими были: генерал пехоты фон Зоденштерн для будущей армейской группировки «Зюд»; генерал пехоты фон Зальмут для группировки «Центр»; генерал-лейтенант Бреннеке для группировки «Норд».

В то же время Гитлер, в присутствии Кейтеля и Йодля, утвердил доложенные ему Браухичем и Гальдером намечаемые ОКХ операции и отдал приказ о разработке окончательных директив по стратегическому развертыванию сил.

Этим самым военное командование окончательно решилось на нарушение договора, на нападение и на захватническую войну против Советского Союза.

Дальнейшую разработку плана принял на себя начальник оперативного отдела полковник Хойзингер, который непосредственно подчинялся начальнику генерального штаба.

3 февраля 1941 г. в Берхтесгадене по докладу Браухича Гитлер, в присутствии Кейтеля и Йодля, утвердил первую директиву по стратегическому развертыванию сил «Барбаросса».

Тут же присутствовали сопровождавшие Браухича начальник оперативного отдела Хойзингер, генерал-квартирмейстер Вагнер, начальник транспорта генерал Герке и я, как заместитель находившегося в отпуске начальника генерального штаба.

Гитлер дал разрешение ОКВ, расценивая это как важное политическое решение, на ведение переговоров с румынским и финским генеральными штабами. Переговоры с Венгрией он запретил до особого распоряжения.

Вообще же Гитлер в военных вопросах занимался мелочами, как, например, введением в действие отдельных дальнобойных орудий.

В вопросах, касающихся Советского Союза, он не высказывал своей позиции ни в политическом, ни в военном отношении...

На пути к нападению на Советский Союз эти опасные нарушители мира должны были устранить еще одно препятствие — угрозу флангу со стороны Югославии.

С этой целью в апреле 1941 г. производится нападение и на эту страну.

27 марта 1941 г. я встретил в имперской канцелярии всех троих — Гитлера, Кейтеля и Йодля, собравшихся как раз непосредственно после принятия этого решения и распределения Браухичем и Гальдером заданий для его осуществления.

В силу этого замысла ОКВ вынуждено было отдать приказ о перенесении срока для осуществления плана «Барбаросса» на вторую половину июня.

Вследствие тесной связи югославского вопроса с наступлением на Россию я был 30 марта 1941 г. командирован Гальдером в Будапешт — к начальнику венгерского генерального штаба генералу пехоты Верту для того, чтобы сговориться с венграми, которые тоже хотели оторвать себе кусок этой добычи, относительно осуществления югославской операции как в отношении участия самих венгров, так и по вопросу о развертывании немецких войск на венгерской территории.

Наступление на Югославию обусловило изменение директивы о стратегическом развертывании сил по плану «Барбаросса», так как для наступления из Румынии не хватало войск, которые были связаны на Балканах.

6 июня 1941 г. в имперской канцелярии состоялось последнее решающее совещание.

Все главнокомандующие армии, флота и авиации докладывают Гитлеру, Кейтелю и Йодлю о предстоящих им задачах при осуществлении немецкого вторжения в Советскую Россию.

Со дня 22 июня 1941 г. нами был взят курс на уничтожение и опустошение Советской страны.

В Сталинграде на Волге этот курс достиг своего апогея концентрацией всех явлений, сопутствовавших нацистской захватнической войне.

Ввиду веского факта, что 6-я армия пришла в Сталинград в результате нацистского нападения на Советский Союз, все жертвы и горести, которые понес советский народ в своей спра-

ведливой борьбе, получают возвышенное значение в свете вины и ответственности.

1. Военные преступники Кейтель и Йодль виновны в том, что из-за отказа в моих неоднократных настоятельных требованиях прорыва из замкнутого кольца — телеграммы от 22, 23, 25 ноября 1942 г. и далее, почти ежедневно в период от 8 декабря до конца декабря, — Сталинград превратился в зону истребления для находящегося там русского гражданского населения.

2. Они несут, кроме того, ответственность за принципиальный запрет капитуляции находящихся в безнадежном положении войск и особенно за отказ в моем настоятельном ходатайстве от 20.01.43 г. о разрешении капитулировать.

Последствием отказа были гибель и тяжелые страдания русских военнопленных и местного населения.

3. Военные преступники Кейтель, Йодль и Геринг виновны в том, что не выполнили своих торжественных обещаний доставить воздушным путем снабжение окруженной в Сталинграде 6-й армии.

Обвиняемый Геринг несет еще особую вину за то, что он не только не выполнил обещания доставить воздушным путем недостающие продукты питания, медикаменты и перевязочный материал, но даже за его легкомысленное обещание принять на себя снабжение по воздуху, что побудило Гитлера и Кейтеля предоставить 6-ю армию своей судьбе.

Последствиями были: голод и смерть от изнеможения многих русских военнопленных и русского гражданского населения.

4. Обвиняемые Кейтель, Йодль и Геринг несут значительную вину в том, что из сталинградской катастрофы не сделали необходимых выводов политического и военного значения.

Поэтому, так же как и за дальнейшее ведение войны, они в особенной степени виновны за все потери, главным образом за потери советского народа.

Я сам несу тяжелую ответственность за то, что я тогда, под Сталинградом, вполне добросовестно выполнял приказы военных руководителей, действовавших сознательно преступно.

Я несу также ответственность за то, что не контролировал выполнение моего приказа от 14.01.1943 г. о передаче всех военнопленных русской стороне, что повлекло смертные случаи среди них, и за то, что не заботился больше о них.

Как оставшийся в живых под Сталинградом, я считаю себя обязанным дать удовлетворение русскому народу.

Паулюс, генерал-фельдмаршал.

Лагерь военнопленных. 9.1.1946 г.

Глава 36
Рейхсмаршал Геринг и фельдмаршал Мильх — два голубя мира

Как Геринг среди подсудимых, так и его адвокат доктор Штамер был неформальным лидером среди коллег-защитников. Многоопытного дельца от юриспруденции не нужно было учить, как отбирать и готовить свидетелей. И Геринг, и Штамер рассчитывали, что хорошим свидетелем защиты окажется генерал-фельдмаршал военно-воздушных сил Герхард Мильх.

Еще до 1933 г. Мильх выбрал своим ориентиром НСДАП и, будучи руководителем Люфтганзы, оказывал нацистам разные услуги, в том числе бесплатно предоставлял самолеты.

После прихода нацистов к власти Мильх стал ближайшим сотрудником Геринга, вторым человеком в военной авиации Германии. Фактически они вдвоем и создали люфтваффе. С 1933 г. Мильх был статс-секретарем министерства авиации и начальником вооружения военно-воздушных сил, непосредственно размещавшим заказы в промышленности. Он был решительным и требовательным руководителем, хорошим организатором. Именно он, например, руководил работами по созданию Ме-262 — первого боевого реактивного самолета Германии. Геринг его ценил и выдвигал на большие посты.

Во время вторжения в Норвегию Мильх командовал 5-м воздушным флотом, в воздушной войне с Англией — 3-м флотом.

В 1942 г. на свое пятидесятилетие Мильх получил от государства премию — 250 тысяч рейхсмарок. Сумма была немалой — на эти деньги генерал-фельдмаршал купил поместье.

Всей своей карьерой Мильх был обязан Герингу. Кроме того, патрон закрывал глаза на то, что его подчиненный недостаточно «расово чист». Мильх был наполовину евреем, что в нацистской Германии для деятеля такого масштаба было недопустимым обстоятельством. Мало того, об этом знали многие люди.

Однако, когда речь шла о пользе для дела, Геринг был способен переступить через «расовые законы». Известно его высказывание на этот счет: «В своем штабе я сам буду решать, кто у меня еврей, а кто — нет!»

Геринг сам составил бумагу, из которой явствовало, что Мильх рожден от внебрачной связи одного из родителей и имеет чисто «арийские» корни. «Внебрачный» авиационный командир получил спасительный «документ».

Надо ли говорить что на суде рейхсмаршал ждал от свидетеля Мильха показаний в свою пользу. Действительно, его ответы рожда-

ют уверенность в том, что он каким-то образом получил от ловкого Штамера подробные инструкции, что именно ему следует говорить на процессе, и все время их придерживался.

Однако в ходе допроса случилось что-то странное. Вроде бы позитивные для Геринга фразы стали наполняться противоположным смыслом и начали работать на обвинение.

Выгораживая своего бывшего шефа, Мильх явно перестарался. По его словам, Геринг был удивительно миролюбивым человеком. Оба они ничего не знали о подготовке нападения на СССР, слышали только о превентивных мерах, слово «Барбаросса» им встретилось буквально накануне 22 июня 1941 г. — дня удара по Советскому Союзу. Будучи принципиальными противниками войны, они как-то нечаянно, без подготовки, вошли в Париж, оккупировали Норвегию, разбомбили Белград. Что с них — солдат — взять: им приказали — они пошли.

В больших дозах такая риторика оказалась непереносимой. Когда Мильх договорился до того, что Геринг «лично отрицательно относился ко всякого рода войнам!», в зале суда начался смех. Очень уж не походили хищные ястребы люфтваффе на голубей мира!

Не всегда процесс шел гладко. При всей очевидности преступлений нацистских бонз и обилии улик против них, собранных во время предварительного следствия, обвинение порой наталкивалось на серьезное сопротивление, центром которого, без сомнения, был все тот же рейхсмаршал Геринг. Официальный «наци № 2» в Германии, вплоть до агонии «третьего рейха», когда Гитлер обвинил его в «предательстве», снял со всех постов и приказал арестовать и расстрелять, он в Нюрнберге взял на себя роль «фюрера» подсудимых.

Правильно оценивая выдвинутые против него обвинения, Геринг не сомневался в своей участи — смертном приговоре и решил дать на заседаниях трибунала свой последний бой. В разговоре с адвокатом Штамером он однажды заметил: «Лучше умереть, как лев, чем жить, как кролик!»

Его большим преимуществом становилось то, что он не пресмыкался перед обвинителями и судьями, не пытался им понравиться, как это делали некоторые подсудимые, а смело шел на конфронтацию и обострение отношений.

Надо сказать, что в ряде случаев ему удавалось делать эффективные ходы против обвинения и даже навязывать обвинителям свою волю. Больше других «натерпелся» от Геринга Главный обвинитель от США Роберт Х. Джексон.

«С судом все шло вполне нормально до тех пор, пока к барьеру для свидетелей не подошел Геринг. Это, мы знали, будет для нас непростой схваткой. Газетчики представляют его общественному мне-

нию как несерьезного фигляра, но на самом деле это, несомненно, исключительно жесткий, упрямый и изощренный ловкач», — сетовал Джексон в своих записках о Нюрнбергском процессе.

Такой же вывод сделал и его коллега, представитель Великобритании сэр Норман Биркетт: Геринг «...доминировал и приковывал внимание всех окружающих. Когда было нужно, он внимательно наблюдал за ходом событий, а когда этого не требовалось — безмятежно дремал, как ребенок. Создавалось впечатление, что подготовленность Геринга и его недюжинная способность защищаться вкупе с удивительной осведомленностью по поводу содержания захваченных документов оказалась для всех полной неожиданностью».

В глазах огромного числа людей Геринг был деградировавшей личностью, опустившимся наркоманом, едва ли не слабоумным и немощным инвалидом. Это представление было плодом длительной антинацистской пропаганды, изображавшей вождей Германии, как правило, в карикатурном виде.

Какая-то почва под ногами у критиков рейхсмаршала была. Во время «Пивного путча» 1923 г., Геринг, командуя отрядами СА, при попытке взять заложников натолкнулся на противодействие полиции. В перестрелке он получил довольно тяжелое ранение двумя пулями в низ живота, после чего его укрыла еврейская семья Баллен, не ведавшая, какому извергу она дала приют. Надо сказать, что по отношению к Балленам Геринг оказался на высоте и в 1943 г. спас их от смерти.

Затем друзья переправили будущего рейхсмаршала за границу, в Австрию, где ему оказали, наконец, медицинскую помощь. Из-за того, что лечение было начато поздно, раны страшно болели. Для облегчения страданий Герингу начали делать инъекции морфия, которые вызвали привыкание.

Привязанность к наркотикам зашла далеко, вплоть до психического расстройства. Геринг стал представлять опасность для окружающих, и его поместили в психиатрическую клинику. По данным медиков, у больного проявился истерический темперамент, наблюдалось раздвоение личности. Припадки слезливой сентиментальности сменялись приступами дикой ярости, во время которых Геринг мог пойти на крайности.

Сомневаться в этом диагнозе не приходилось, и тем удивительнее, что на процессе ничего подобного за Герингом не замечалось. К тому же всех поражало его необыкновенное самообладание. Врач-психиатр Гильберт, наблюдавший подсудимых в нюрнбергской тюрьме, знал о былом недуге рейхсмаршала и пытался задавать ему соответствующие вопросы. Однажды Геринг демонстративно вытянул руку перед носом врача, чтобы показать, что она не дрожит.

Допросы Геринга на какое-то время превратили процесс в шоу. Зал трибунала ломился от наплыва желающих увидеть выступление рейхсмаршала. 13 и 18 марта 1946 г. были днями его бенефиса. Геринг демонстрировал незаурядное красноречие, блистал изящным и непринужденным юмором. Председатель суда лорд Лоренс, большой противник вольностей, не мог остановить взрывы смеха, которыми сопровождалось в зале выступление «фюрера обвиняемых».

Неизвестно, почему, Лоренс, несмотря на протесты всех обвинителей, дал возможность Герингу говорить, сколько тот захочет и не перебивал его. Через некоторое время председатель трибунала, скорее всего, пожалел о своем решении, поскольку заметил о поведении Геринга: «Мне кажется, этот свидетель, находясь как на скамье подсудимых, так и на трибуне, усвоил высокомерное и презрительное отношение к суду, который, в то же время, обращается с ним так, как он не стал бы обращаться ни с кем».

Норман Биркетт вспоминал: «Перекрестный допрос не продолжался еще и десяти минут, когда стало совершенно очевидным, что ситуацией полностью владеет не господин судья Джексон, а обвиняемый Геринг. Подчеркнуто вежливый, исключительно проницательный, находчивый, ловкий, изобретательный, он мгновенно оценивал обстановку, и, по мере того как укреплялась его уверенность в себе, становилось все более явным его преимущество... Место у барьера свидетелей принадлежало ему безраздельно в течение почти двух дней, причем его ни разу и ни при каких обстоятельствах не прерывали».

При этом Геринг как «великий человек», каждый шаг которого должен был войти в историю, не забывал о театральных эффектах и всячески подчеркивал свое «превосходство» над теми, кто его судил. Однажды он обронил Гессу, соседу по скамье подсудимых: «Я — историческая личность. А этого очкарика (Имеется в виду главный обвинитель от США Джексон. — *Прим. авт.*) завтра все забудут». От скамьи подсудимых к барьеру свидетелей он шел широким и уверенным шагом. За стойкой рейхсмаршал всем своим видом выражал надменность и спесь большого «государственного деятеля». Снедаемый манией величия, Геринг однажды заметил, что ему кажется, что не конвоир ведет его, а он — конвоира...

Как и другие моменты процесса, допросы Геринга шли в радиоэфир и транслировались во многих странах. Солдаты вермахта, толпившиеся у громкоговорителей в лагерях военнопленных, гордились боевитостью своего рейхсмаршала и даже аплодировали ему. Громко возмущались, кто на себе испытал все ужасы фашизма, но, тем не менее, признавали мужество, стойкость и изворотливость «наци № 2».

Одна небольшая цитата показывает, что рейхсмаршал знал толк в политике и публичных выступлениях: «...Ну, разумеется, народу не нужна война... Но, в конце концов, политику определяют лидеры страны, а втянуть народ — дело нехитрое, демократия ли это, парламентская республика, фашистская или коммунистическая диктатура... С голосованием или без него, народ можно всегда заставить делать то, что нужно лидерам. Это просто. Все, что нужно сделать — это сказать людям, что на них напали и обличить пацифистов в отсутствии патриотизма и в том, что они подвергают страну опасности».

Конечно, речь шла не о том, что Геринг опроверг все доводы обвинения, а только о краснобайстве рейхсмаршала и его полемическом мастерстве. Доказательств вины «наци № 2» было столько, что хватило бы на целую гору смертных приговоров. К тому же Джексон на больших должностях отвык от изощренной пикировки, а возможно и вообще не получил такого опыта. В ходе допроса рейхсмаршала он нервничал, проявлял нерешительность и не обошелся без помощи коллег.

«...В конце концов мы все-таки загнали его в угол, — подвел итоги Джексон. — Однако это было настоящей битвой, длинной и тяжелой, а также сопровождалось значительным количеством вылившейся на Германию совершенно неуместной пронацистской пропаганды... Мы располагали против него таким значительным количеством документов, что исход этой битвы был предрешен с самого начала».

Здесь уместно повториться, но последнюю точку в допросе Геринга, точнее, восклицательный знак, поставил Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко. Его вопросы повергли Геринга в горькое уныние. После них рейхсмаршал прекратил активное сопротивление, поник, резко изменил свое поведение. Это отметили все присутствующие в зале, после чего авторитет Руденко заметно возрос. Все стали говорить о его высоком профессионализме.

Геринг, тем не менее, до конца верил в свое величие и в то, что он служил своей стране. «Через 50 или 60 лет по всей Германии будут установлены статуи Германа Геринга, а крошечные бюсты появятся в каждом доме», — поведал он жене в одном из последних писем.

Фельдмаршал Мильх в 1947 г. сам стал обвиняемым на одном из последующих процессов, организованных американцами в том же Нюрнберге, и был приговорен к пожизненному заключению. В 1954 г. его освободили. Умер в 1972 г.

ИЗ ДОПРОСА ГИТЛЕРОВСКОГО ФЕЛЬДМАРШАЛА – ГЕРХАРДТА МИЛЬХА.

[Из стенограммы заседаний Международного Военного Трибунала от 8 и 11 марта 1946 г.]

*Штамер**: Когда вы в первый раз узнали, что Гитлер планирует войну с Россией?

Мильх: Насколько я помню, это было весной 1941 года...

Штамер: Говорил ли Гитлер когда-либо вам, что его серьезным намерением является жить в мире с Западом?

Мильх: Да. Я очень коротко остановился на визитах в различные страны. После посещения Франции я два часа беседовал с Гитлером в Оберзальцберге и сделал доклад о своей поездке. После моей поездки в Англию, примерно через две недели, я также сделал Гитлеру многочасовой доклад. Он был очень заинтересован этим докладом, и после второго доклада, то есть после посещения Англии, он заявил: «Я буду вести мою политику различными курсами, но вы можете быть уверены в том, что я всегда буду опираться на Англию. Я намерен всегда идти вместе с Англией». Эта беседа имела место 2 ноября 1937 г.

Штамер: Вы говорили о двух беседах?

Мильх: Да. Первая представляла собой отчет о посещении Франции, вторая — отчет о посещении Англии. Гитлер, который вообще не знал заграницы, был очень заинтересован узнать от солдата что-либо об Англии, относительно того, как меня приняли, о стране, вооружении и т. д.

Штамер: Каково было отношение рейхсмаршала Геринга к Гиммлеру?

Мильх: Не всегда это было ясно для меня. У меня было впечатление, что со стороны Гиммлера имело место соперничество. Отношения между ними, однако, были весьма корректными и со стороны казались весьма предупредительными. Каковы они были в действительности, я сказать не могу.

...*Джексон*: Вы занимали очень высокий пост в германских военно-воздушных силах?

Мильх: Я был генеральным инспектором.

Джексон: И часто на совещаниях представляли Геринга?

Мильх: Я очень редко представлял его.

Джексон: Вы отрицаете, что вы часто посещали совещания от имени Геринга?

---

* Штамер защищал подсудимого Геринга. — *Прим. авт.*

Мильх: Нет, этого я не отрицаю, я лишь заявляю, что на части этих совещаний я присутствовал по занимаемой мной должности, а не как представитель Геринга. Посещать совещания от имени Геринга мне приходилось редко, поскольку в большинстве случаев он присутствовал лично.

Джексон: Вы принимали очень активное участие в строительстве военно-воздушных сил, — не так ли?

Мильх: Так точно.

Джексон: И в 1941 году вы были награждены за это гитлеровским правительством, — не так ли?

Мильх: В 1941 году нет. Мне кажется, что вы, г-н Главный обвинитель, имеете в виду 1940 год.

Джексон: 1940 год, возможно, я ошибся.

Мильх: Вы имеете в виду производство меня в фельдмаршалы?

Джексон: Когда вы были произведены в фельдмаршалы?

Мильх: 19 июля 1940 года.

Джексон. Не получали ли вы каких-нибудь подарков от гитлеровского правительства в знак признания ваших заслуг?

Мильх: В 1942 году ко дню моего пятидесятилетия я получил награду от правительства.

Джексон: И эта награда была сделана в денежной форме?

Мильх: Это было денежное вознаграждение. На эти деньги я смог купить себе имение.

Джексон: Сколько оно составляло?

Мильх: Это вознаграждение составляло 250 тысяч марок.

Джексон: Итак, вы пришли сюда показать, насколько я понял ваше показание, что режим, составной частью которого вы были, вверг Германию в войну, к которой она совершенно не была подготовлена. Правильно я вас понял?

Мильх: Это правильно в следующем отношении. В 1939 году Германия вступила в войну, к которой ее военно-воздушные силы не были достаточно подготовлены.

...*Джексон*: Известно ли вам о каком-либо случае, когда кто-нибудь из этих обвиняемых, сидящих сейчас на скамье подсудимых, публично высказывался против войны?

Мильх: Я не могу вспомнить, чтобы эти высказывания делались публично, но мне кажется, что для всех сидящих на скамье подсудимых война являлась большой неожиданностью.

Джексон: Вы хотели бы верить в это?

Мильх: Да, я верю в это.

Джексон: Ах, вы верите... А сколько времени потребовалось для германских вооруженных сил, чтобы захватить Польшу?

Мильх: Кажется, 18 дней.

Джексон: 18 дней. Сколько времени у вас заняло изгнание Англии с континента, включая трагедию Дюнкерка?

Мильх: Шесть недель.

Джексон: Сколько времени требовалось вам для занятия Голландии и Бельгии?

Мильх: Несколько дней.

Джексон: Сколько времени потребовалось для того, чтобы пройти Францию и взять Париж?

Мильх: Всего около двух месяцев.

Джексон: Сколько времени потребовалось для того, чтобы пройти Данию и захватить Норвегию?

Мильх: Также немного времени. Данию совсем за короткое время, так как Дания быстро сложила оружие, что касается Норвегии, то тоже несколько недель.

Джексон: И вы, давая эти показания, хотите уверить Трибунал, что все эти операции были неожиданными для офицеров военно-воздушных сил. Вы сказали, что каждая из них была неожиданностью для вас?

Мильх: Я сказал, что большой неожиданностью было начало войны. Вначале речь шла ведь только о Польше. Другие операции последовали много позже, и мы имели больше времени для подготовки к ним.

Джексон: Когда вы впервые встретили Германа Геринга?

Мильх: Кажется, в 1928 году.

Джексон: Какой пост он тогда занимал?

Мильх: Он был тогда депутатом рейхстага.

Джексон: Чем вы тогда занимались?

Мильх: Я был тогда руководителем германского авиационного общества, которое было гражданским транспортным учреждением.

Джексон: Беседовали ли вы с Герингом в то время относительно того, что должно быть сделано с военно-воздушными силами, если нацистская партия придет к власти?

Мильх: В то время еще нет.

Джексон: Когда вы впервые обсуждали этот вопрос с Герингом?

Мильх: По этому вопросу Геринг говорил со мной в 1932 году, когда планировался захват власти.

Уже тогда верили в то, что национал-социалисты вместе с другими партиями образуют правительство. Однажды Геринг сказал мне, что если бы у власти находилось правительство, в которое войдут национал-социалисты, то для Германии вновь открылась бы возможность вооружаться.

Джексон: После этого вы стали членом нацистской партии, — не так ли?

Мильх: Я вступил в партию после 1933 года, но, став снова офицером, я тем самым перестал быть в партии.

Джексон: Чтобы вступить в партию, вы ждали того момента, когда нацисты придут к власти?

Мильх: Да, так точно.

...*Джексон*: Когда вы узнали, что Германия собирается начать войну, которую вы как посвященный в этот вопрос офицер считали бедствием, подали ли вы в отставку?

Мильх: Нет, это было совершенно невозможно...

Робертс: Вы сказали, отвечая на вопросы защиты, что начиная с 1935 года военно-воздушные силы Германии строились в оборонительных целях. Вы помните это?

Мильх: Да. Это было в 1935 году.

Робертс: Утверждаете ли вы, что военно-воздушные силы продолжали оставаться средством обороны до декабря 1939 года?

Мильх: Да.

Робертс: Я хочу, чтобы вы выслушали три выдержки из документальных доказательств. Это выдержки из речей, произнесенных вашим начальником, подсудимым Герингом... В мае 1935 года Геринг сказал: «Я намереваюсь создать военно-воздушные силы, которые, когда пробьет час, обрушатся на врага подобно карающей деснице возмездия. Противник должен считать себя побежденным еще до того, как он начнет сражаться». Скажите, звучит ли это так, как если бы речь шла о военно-воздушных силах, носящих оборонительный характер?

Мильх: Нет, это не звучит так, но необходимо отделять слова от деяний. *(Смех в зале.)*

Робертс: Я перейду к деяниям через одну минуту. 8 июня 1938 г. Геринг, обращаясь к группе авиапромышленников, заявил: «Неизбежна война с Чехословакией. Германские военно-воздушные силы уже превосходят английские. Если Германия выиграет войну, — она станет сильнейшей державой мира и будет господствовать на мировом рынке; Германия будет богатой нацией. Для этой цели нужно пойти на риск». Скажите, звучит ли это так, как если бы германские военно-воздушные силы существовали в интересах обороны? Звучит ли это так?

Мильх: Нет, это звучит, конечно, не так. Но я кое-что скажу по этому поводу, когда вы кончите.

Робертс: Пожалуйста, в интересах экономии времени ограничивайтесь только краткими ответами на мои вопросы. Я хотел бы огласить еще выдержку из речи Геринга от 14 октября 1938 г.,

то есть менее чем месяц спустя после Мюнхенского пакта: «Гитлер поручил мне создать гигантскую программу вооружения, перед которой померкнут все предыдущие достижения. Я получил от фюрера задание беспредельно увеличивать вооружение. Я приказал с наибольшей скоростью произвести строительство военно-воздушных сил и увеличить их в пять раз против существующих». Походит ли это на речь, в которой говорилось бы об оборонительных задачах воздушного флота?

Мильх: Для создания этого воздушного флота потребовались бы многие годы.

Робертс: Вы присутствовали на совещании главнокомандующих в имперской канцелярии 23 мая 1939 года?

Мильх: 23 мая, да.

Робертс: Я хотел бы вам напомнить, кто там присутствовал. Там присутствовали: Гитлер, Геринг, Редер, фон Браухич, Кейтель, вы, Гальдер, генерал Боденшатц, Варлимонт...

Мильх: Да.

...Робертс: Вы знали, конечно, что Германия дала слово уважать нейтралитет Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Не так ли?

Мильх: Я полагаю, — да; я не знаком с отдельными соглашениями, но я предполагаю, что это было так.

Робертс: Не было ли вам известно, что менее чем за месяц до этого совещания, а именно 28 апреля, в рейхстаге Гитлер заверил, что он будет уважать нейтралитет целого ряда европейских стран, включая три страны, которые я упомянул? Разве вам не был известен этот общеизвестный исторический факт?

Мильх: Я предполагаю, что так было.

Робертс: Помните ли вы, что на том совещании Гитлер произнес следующие слова, которые хорошо известны Трибуналу: «Голландские и бельгийские военно-воздушные базы должны быть оккупированы вооруженными силами. Не следует обращать внимания на обязательства об уважении нейтралитета.

...Следует направить все усилия на то, чтобы в самом начале нанести противнику сокрушающий или окончательный, решающий удар. Вопросы о том, что правильно и что неправильно, или вопросы о договорах не имеют никакого отношения к делу». Вы помните, что были произнесены эти слова?

Мильх: Я плохо помню, каким образом это говорилось, но я знаю только, что речь шла о Данциге и польском коридоре и что в связи с этим Гитлер разъяснял, какие осложнения могут создаться и что поэтому следует предпринять, по его мнению, но что именно он говорил, детали я уже не помню.

Робертс: Скажите, протестовал ли кто-либо из этих людей против нарушения Германией принятых ею на себя обязательств?

Мильх: На этом совещании ни у кого из присутствовавших не было возможности вообще что-либо сказать, так как Гитлер стоял на кафедре перед нами и произносил речь и после этой речи он удалился. Никакое собеседование не имело тогда места, оно не было допущено Гитлером.

Робертс: Не сообщите ли вы Трибуналу, каково ваше мнение обо всем этом?

Мильх: У меня на том совещании тогда не создалось впечатления, что Гитлер сказал что-либо такое, что противоречило бы тем обязательствам, которые на себя взяла Германия. Во всяком случае, я не помню этого. ...

Робертс: Во всяком случае мы знаем, что ровно через 12 месяцев после этого Германия поступила именно таким образом и нарушила свое обязательство по отношению к Нидерландам и Люксембургу и принесла нищету и смерть миллионам людей. Вы знаете теперь об этом? Не так ли?

Мильх: Да, я знаю. Во всяком случае, будучи солдатами, мы никакого отношения к политическим вопросам не имели, и об этом нас не спрашивали.

Робертс: Вы сейчас сказали, что теперь вы знаете, что 12 месяцев спустя Германия нарушила нейтралитет Бельгии, Голландии и Люксембурга, не так ли?

Мильх: Да...

Робертс: Вы знаете, что Белград был подвергнут бомбардировке, насколько я помню, в апреле 1941 года?

Мильх: Я узнал это из сводки германских вооруженных сил в свое время.

Робертс: Без всякого объявления войны и без всякого предупреждения гражданского населения. Вы знали об этом?

Мильх: Этого я не знал.

Робертс: Не обсуждали ли вы этот вопрос с Герингом?

Мильх: О нападении на Белград? Нет, этого я не помню.

Робертс: Разве даже он не высказал сожаления по поводу бомбардировки крупной столицы, гражданское население которой не было предупреждено об этом хотя бы за час?

Мильх: Мне это неизвестно, и я не помню такого разговора.

Робертс: Это — убийство, — не так ли?

Мильх: *(Молчание.)*

Робертс: Вы предпочли бы не отвечать на этот мой вопрос?

Мильх: На этот вопрос я вам не могу ответить «да» или «нет», так как я не знаю подробностей об этих налетах. Я не знаю, была

ли объявлена война. Я не знаю, предупреждалось ли население, и я не знаю, являлся ли Белград крепостью, я не знаю, какие объекты были атакованы. Я не знаю о таком количестве воздушных налетов, в отношении которых можно было бы поставить этот вопрос таким образом.

Робертс: Я не задал бы вам вопроса по этому поводу, если бы мы не имели относящегося к этому документа. Это — приказ Гитлера о том, что Белград следует неожиданно разрушить путем налетов бомбардировщиков волнами без предъявления какого-либо ультиматума, без каких-либо дипломатических демаршей или переговоров.

Мильх: Я хотел бы сказать, что узнал об этом документе впервые сегодня.

Руденко: Скажите, вы узнали о планировании Гитлером войны против Советского Союза в январе 1941 года?

Мильх: В январе я услышал от рейхсмаршала Геринга, что Гитлер сообщил ему о том, что он якобы ожидает нападения России. Затем несколько месяцев я ничего больше не слышал по этому вопросу, пока я совершенно случайно от своего подчиненного не узнал, что предстоит война с Россией и что поэтому приняты меры по обмундированию войск.

Руденко: А вы знакомы с планом «Барбаросса»?

Мильх: Это название я слышал, и я видел этот план во время совещания с отдельными командующими войсковых групп и армий, которое имело место у фюрера за день или за два до вторжения в Россию.

Руденко: Когда, примерно, — за один день или за два дня до вторжения в Россию?

Мильх: Я могу вам точно сообщить эту дату.

Это было 14 июня. Значит, это, примерно, за восемь дней до вторжения, которое состоялось 22 июня.

Руденко: А до этого вы видели план «Барбаросса»?

Мильх: Название «Барбаросса» слышал, возможно, еще до этого совещания.

Руденко: Когда?

Мильх: Этого я не могу точно сказать, так как январь, февраль, март и апрель я провел за пределами Германии и вернулся лишь в мае...

Руденко: Меня интересует период, когда вы были у себя в военно-воздушных силах. Декабрь, январь вы находились в Германии?

Мильх: Декабрь 1940 года? Но только частично, а частично я находился во Франции и Италии.

Руденко: В январе 1941 года вы находились в Германии?

Мильх: Тогда я все время был на Западе и, насколько я помню, ни одного дня не был в Германии.

Руденко: Вы сказали, что в январе 1941 года вы имели беседу с Герингом по вопросам плана войны против СССР?

Мильх: Да.

Руденко: Стало быть, в январе?

Мильх: Да, 13 января. Но я уже не помню, говорил ли я об этом с Герингом во Франции или это происходило путем телефонного разговора, или же я день или два был в Германии. Этого я не могу сказать, я не записал себе этого.

Руденко: Путем телефонного разговора обсуждался вопрос о нападении на Россию?

Мильх: Нет, тогда речь шла не о нападении на Россию, а, наоборот, о нападения России на Германию.

Руденко: Вопрос о нападении России на Германию тоже выяснялся путем телефонного разговора?

Мильх: Я вообще не давал никаких пояснений, я сказал только, что я не знаю. Были ли мне переданы сведения по особому кабелю, который нельзя подслушать, или же об этом Геринг сказал мне во Франции, или же я в этот день находился в Германии, я не помню.

Руденко: А когда вы обсуждали вопрос с Герингом и Геринг сказал, что он не желает войны?

Мильх: Это было 22 мая.

Руденко: Какого года, 1941-го?

Мильх: Да, 1941 года.

Руденко: Где этот вопрос обсуждался?

Мильх: Это было вблизи Нюрнберга, в Фельденштайне.

Руденко: Вы только с Герингом обсуждали этот вопрос или кто-либо присутствовал при этом?

Мильх: Только с Герингом.

Руденко: И вы утверждаете, что Геринг не желал воевать с Россией?

Мильх: Таково было мое впечатление.

Руденко: А почему Геринг не желал воевать с Россией? Со страной, которая нападает на Германию? Ведь это оборонительная война?

Мильх: Геринг отрицательно относился к такой войне.

Руденко: К оборонительной войне?

Мильх: Он лично отрицательно относился ко всякого рода войнам. *(В зале смех.)*

Руденко: Странно. Может быть, вы точнее изложите, почему Геринг не желал войны с Россией?

Мильх: Так как война на два фронта, да к тому же еще с Россией, для Германии, как я считал, принесет поражение, и я думал, что не только я, но и многие другие солдаты и начальники понимали это.

Руденко: Вы лично тоже были противником войны с Россией?

Мильх: Да, безусловно, я был противником войны с Россией.

Руденко: Но ваши объяснения, по меньшей мере, неубедительны. С одной стороны, вы утверждаете, что речь шла о нападении России на Германию, а с другой стороны, что Геринг и другие высшие офицеры не желали воевать с Россией.

Мильх: Разрешите мне пояснить. 13 января Геринг сообщил мне, что Гитлер придерживается той точки зрения, что Россия хочет выступить против Германии. Это было не мнение Геринга и не мое мнение, я думаю, — это было мнение Гитлера, которое он выразил как свое.

Руденко: Насколько я помню, ни Геринг, ни вы не верили этому мнению Гитлера?

Мильх: Я могу говорить только о себе лично. Я открыто говорил о том, что я не верил, что Россия собирается выступить против нас. Что думал Геринг по этому поводу, я не могу сказать, он мне об этом не говорил. 22 мая, когда я говорил по этому вопросу с Герингом и настоятельно просил его, чтобы он в разговоре с Гитлером воспрепятствовал началу войны против России, Геринг сказал мне, что он сам представлял Гитлеру эти аргументы, но что переубедить Гитлера было невозможно, что его решение было непоколебимо и нет такой силы в мире, которая бы могла изменить его.

Руденко: И следующее положение, которое я заключил из вашего показания, что Геринг, говоря о том, чтобы не воевать с Россией, имел в виду, что идет война с Англией? Чтобы избежать войны на два фронта?

Мильх: С чисто военной точки зрения — безусловно. Но я думаю, что если бы тогда эта война не возникла, то и позднее она не возникла бы.

Руденко: И вы серьезно допускаете, что можно говорить о превентивной войне столь долго и в то же время разрабатывать план «Барбаросса» и последующие к нему инструкции с привлечением союзников для нападения на Россию?..

Мильх: Я могу это понимать только таким образом, что если Гитлер верил в то, что Россия собирается напасть на Германию, то он сказал, что он должен методом превентивной войны предупредить нападение России... Для меня не существовало обязательных предпосылок к тому, что Россия нападет на нас. Я, ко-

нечно, не имел достаточных сведений, но я лично не думал, что Россия сделает это, исходя из интересов России, которые я пытался проанализировать.

СКАМЬЯ ПОДСУДИМЫХ

Газета «Известия», 28 ноября 1945 г.

Подсудимых вводят в зал. Их вводят по три человека. Они занимают свои места, начинают перебирать какие-то записи, некоторые перешептываются между собой.

Геринг в мундире, который ему уже широк, сидит рядом с Гессом. Но даже похудевший Геринг — гора мяса по сравнению с Гессом, который очень похож на старую, худую крысу. У него и взгляд какой-то крысиный, быстро шныряющий в разные стороны...

Риббентроп, худой и старый, сидит с видом побитой дворняги из самых что ни на есть захудалых, у которой только что отняли последнюю запрятанную кость да вдобавок еще основательно накостыляли по загривку и выгнали из насиженной теплой конуры, а на дворе мороз и полная бесперспективность что-либо стащить.

Кейтель пыжится из последних сил. Подбирает нижнюю губу, старается подбочениться. Взгляд у него пристальный и злобный, а в глубине зрачков все тот же, всем этим подсудимым присущий ужас, страх за свою шкуру, давящее сознание неизбежности и неумолимости расплаты.

Не будем пока описывать остальных, мы еще вернемся к каждому из подсудимых, но пока заметим, что их лица, все без исключения, могли бы служить экспонатом самого богатого уголовного музея, — такая каинова печать всевозможных пороков и преступлений положена на них...

Но скоро позерство и рисовка покидают подсудимых. Представители американского обвинения продолжают докладывать трибуналу все новые и новые документы, устанавливающие виновность подсудимых в преднамеренной подготовке агрессивных войн. Их много прошло перед судом — от плана «Барбаросса» до протоколов тайных совещаний Гитлера со своими сообщниками. Почти все документы снабжены строгими грифами: «совершенно секретно». Гитлер и его подручные тщательно охраняли тайну своих преступных замыслов, но все же им не удалось спрятать концы в воду. Вся механика первых лет гитлеровского заговора возникает явственно и зримо, как микробы и бациллы в капле болотной воды под мощными линзами микроскопа...

Геринг с перекошенным лицом что-то лихорадочно записывает.

Риббентроп еще ниже опускает плешивую голову.

Гессу становится дурно. Его выводят из зала...

Л. Шейнин

Глава 37
Как шеф РСХА «ходил в отказную»

Кальтенбруннер появился на скамье подсудимых только 10 декабря 1945 г. До этого он находился в тюремной больнице по поводу легкого инсульта, поразившего его мозг. Благодаря этой отсрочке бывший шеф главного управления имперской безопасности — РСХА оказался в более выгодном положении, чем другие обвиняемые, поскольку мог выбрать линию защиты с учетом событий и фактов процесса.

Мог бы... Кальтенбруннер любил подчеркнуть, что он — потомственный юрист, доктор права, в прошлом работал в зальцбургском суде, в Линце имел собственную юридическую контору. Он утверждал, что и в должности начальника РСХА действовал юридическими методами, в противоположность рейхсфюреру СС Гиммлеру, который отрицал право.

С судьями и обвинителями, как с «коллегами», Кальтенбруннер был предельно вежлив. Копируя англичан, он даже начал обращаться к председателю трибунала лорду Лоренсу — «милорд».

Но не откажешь в метком слове Шахту, который назвал шефа РСХА «палачом с юридическим дипломом». Палачи же, как известно, слишком умными не бывают.

Кальтенбруннер выбрал примитивную тактику отрицания даже очевидных обвинений, что посчитали бы несолидным даже в суде небольшого Зальцбурга, не говоря уже о Международном трибунале.

Вот как Кальтенбруннер открещивался от преступлений своего жуткого ведомства. Когда в январе 1943 г. его назначили начальником РСХА, он якобы первым делом заявил рейхсфюреру Гиммлеру, что не собирается командовать всеми спецслужбами, входящими в главное управление, а будет заниматься только информацией и внешней разведкой. Последнее, мол, и занимало все его время...

Оказывается, Кальтенбруннер ничего не ведал о деятельности вышестоящего руководителя — Гиммлера: «Меня обманывали...» Точно так же он не подозревал, какие мерзости творятся внизу. Когда узнал о злоупотреблениях в гестапо (находившемся в его прямом подчинении), с горя попросился на фронт, но Гитлер не отпустил...

По его словам, он не покидал РСХА только затем, чтобы и дальше смягчать участь несчастных. Когда осенью 1944 г. Гиммлер подписал приказ, остановивший уничтожение евреев, Кальтенбруннер заметил, что это — результат его влияния. Правда, потом директивы о расправах пришлось подписывать ему...

Тем временем обвинение приводило все новые и новые доказательства тяжких преступлений Кальтенбруннера, опровергнуть которые было невозможно. К разоблачению приложили руку его же подчиненные. Комендант Освенцима Хесс, впоследствии и казненный в этом же лагере по приговору суда в Варшаве, в подробностях описал свою «работу» по массовому уничтожению людей и роль в ней Кальтенбруннера. Перед смертью успел дать развернутые показания против него комендант Маутхаузена Цирайс. Начальник СД Шелленберг разрушил легенду об увлечении своего шефа только информацией и внешней разведкой.

Натянуть овечью шкуру матерому волку не удалось. Многочисленные факты упрямо говорили о том, что Кальтенбруннер вовсе не отсиживался в тихом уголке, занимаясь анализом шпионской информации, а деятельно и изобретательно руководил карательными службами и машиной массового уничтожения людей.

Еще до назначения на пост начальника РСХА он прекрасно знал, чем занимается это ведомство. Вместе с комендантом Цирайсом в 1942 г. он видел мучения людей в газовой камере Маутхаузена. Через год в том лагере ему демонстрировали три вида казни узников — на виселице, выстрелом в затылок и отравление газом.

При этом он не забывал о своих личных интересах. Ради них Кальтенбруннер, лидер неформальной австрийской группировки, в борьбе за власть и собственное спасение вступал в прямую конфронтацию со своим начальником Гиммлером, предводителем берлинской курии, шел на измену обожаемому фюреру.

В конце войны Кальтенбруннер и Гиммлер в противоборстве друг с другом и втайне от Гитлера вели торговлю с представителями союзников о сепаратном мире. Когда Гиммлер решил не трогать заводы, производящие ракеты ФАУ, чтобы они в целости достались американцам, Кальтенбруннер в пику ему издал приказ об их эвакуации. Это перебазирование автоматически означало смерть для множества людей, узников концлагерей, военнопленных, связанных с производством нацистского «оружия возмездия», но шефа РСХА это не смущало.

Были ли у обвиняемых на Нюрнбергском процессе хотя бы остатки совести — большой вопрос, ответ на который находился вне правового поля. Однако даже они в большинстве своем с презрением относились к поведению Кальтенбруннера на суде.

ДОПРОС КАЛЬТЕНБРУННЕРА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 12 и 13 апреля 1946 г.]

Эймен: Подсудимый, для того чтобы в максимальной степени сократить перекрестный допрос, я хочу быть уверенным в том, что мы друг друга понимаем.

Во-первых, я хочу спросить, признаете ли вы, что вы были начальником главного имперского управления безопасности и начальником полиции безопасности и СД с конца января 1943 года до конца войны? Это правильно?

Кальтенбруннер: Да, это верно с теми ограничениями, которые я указал вчера относительно моего права давать приказы государственной и уголовной полиции.

Эймен: И когда вы говорите об этих ограничениях, вы ссылаетесь на договоренность, которая якобы существовала между вами и Гиммлером?

Кальтенбруннер: Это не было мнимым соглашением с Гиммлером, это было фактом, существовавшим с первого дня. Было предусмотрено, что мне будет поручено создание аппарата центральной информационной службы, а он удержит в своих руках власть в других секторах.

Эймен: Во всяком случае вы признаете, что вы занимали такой пост, но вы отрицаете, что пользовались некоторыми полномочиями?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Этот пост, который вы занимали, был тем же, который занимал Гейдрих, умерший 4 июня 1942 г.?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: В названии поста изменений не произошло?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: И вы показали, что вы берете ответственность за все акты, которые были совершены вами лично или о которых вы узнали? Это правильно, не так ли?

Кальтенбруннер: Да. Разрешите мне дополнить. Мое звание было несколько изменено 14 февраля 1944 г., когда военный отдел информации в виде отдела разведки и контрразведки ОКВ был передан Гитлером Гиммлеру. Тогда наименование моей должности — начальник имперской центральной службы информации — было несколько изменено...

Эймен: Подсудимый, пытайтесь ограничиться ответами на мои вопросы и по возможности отвечайте «да» или «нет».

Кальтенбруннер: Хорошо.

Эймен: Было ли вам лично известно или имели ли вы какое-либо личное отношение к каким-либо зверствам, совершенным в концлагерях во время войны?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Таким образом, вы не берете на себя никакой ответственности за такие зверства. Правильно это?

Кальтенбруннер: Да, в этом отношении я не беру на себя никакой ответственности.

Эймен: И в этой связи те показания, которые были даны Хельригелем, например, относительно того, что вы присутствовали при казнях в Маутхаузене, вы тоже отрицаете, да?

Кальтенбруннер: Вчера меня обвиняли в том, что сказал Хельригель. Я считаю неверным утверждение о том, что я когда-либо видел газовые камеры в действии или в иное время.

Эймен: Очень хорошо. Лично вам не было известно и вы лично не участвовали в проведении программы уничтожения евреев? Это правильно? То есть вы только выступали против них?

Кальтенбруннер: Да, за исключением того, чго я был против нее; в тот момент, когда я узнал об этом факте и убедился в достоверности его, я заявил свой протест по этому поводу Гитлеру и Гиммлеру, и в конечном результате эти действия были прекращены.

Эймен: Таким образом, вы не берете на себя ответственность за действия, совершенные в связи с программой по уничтожению евреев, верно это?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И то же самое относится к плану принудительного использования рабочей силы?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И то же самое относится к уничтожению Варшавского гетто?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И то же самое относится к казни пятидесяти летчиков в лагере № 3?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И то же самое относится к различным приказам об убийстве союзных летчиков, правильно?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Во время предварительного допроса вы тоже отрицали все это?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: И вы придерживаетесь этого сегодня?

Кальтенбруннер: Так точно, но относительно допросов: разрешите мне еще раз высказаться перед Судом в ходе перекрестного допроса.

Эймен: Когда мы дойдем до соответствующего места, вы будете иметь возможность высказаться.

Действительно ли гестапо — IV отдел главного имперского управления безопасности — составляло доклады о концлагерях, которые представлялись вам на подпись, а потом передавались вами Гиммлеру?

Кальтенбруннер: Нет, я не могу вспомнить подобных докладов. Обычно Мюллер непосредственно докладывал Гиммлеру...

Эймен: Вы также отрицаете, что Мюллер в качестве начальника IV управления всегда совещался с вами по всем важным документам?

Кальтенбруннер: Не только я отрицаю это, но и факты говорят против этого, он имел непосредственные полномочия от Гиммлера и не имел никакого повода заранее обсуждать какие-либо вопросы со мной.

Эймен: Прошу показать подсудимому документ Л-50, который представляется под номером США-793.

Председатель: Разве этот документ еще не представлялся?

Эймен: Нет, милорд. Между прочим, знакомы ли вы были с Куртом Линдов, который дал это письменное показание 2 августа 1945 г.?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Несмотря на то, что он был чиновником главного имперского управления безопасности до 1944 года?

Давайте вместе с вами прочитаем абзацы второй и четвертый. Только эти два абзаца, я не хочу тратить время Трибунала на чтение первого и третьего абзацев. Второй абзац, как вы видите, гласит:

«На основании общего опыта, а также осведомленности об отдельных случаях я могу подтвердить, что IV отдел (гестапо) составлял доклады относительно действий административных властей в концентрационных лагерях и что эти доклады передавались начальником IV отдела начальнику главного имперского управления безопасности на подпись, а потом передавались рейхсфюреру Гиммлеру».

Кальтенбруннер: Разрешите мне сейчас же сказать по этому поводу. Может быть, было бы важно зачитать и первый пункт.

Эймен: Только кратко, пожалуйста, отвечайте как можно более кратко.

Кальтенбруннер: Пункт первый важен в том отношении, что из этого пункта я заключаю, что свидетель Линдов с 1938 по 1940

год находился в том отделе, в котором составлялись эти доклады. В 1940–1941 гг. он был в отделе по борьбе со шпионажем. В 1942–1943 гг. — в отделе по борьбе с коммунизмом, затем в отделе по информации. Мне кажется, что его показания в пункте втором, когда он говорит об обычаях в отделе государственной тайной полиции, о том, что передавались донесения о событиях в концентрационных лагерях Гиммлеру через начальника IV отдела и начальника главного имперского управления безопасности, относятся только к периоду 1938–1940 гг. В более поздний период, по его собственным словам, у него не было никаких сведений.

Эймен: Другими словами, он говорит правду? Во всяком случае в отношении того периода, когда вы действовали в главном имперском управлении безопасности, правильно?

Кальтенбруннер: Об этом я еще ничего не читал.

Эймен: Я лишь обращаю ваше внимание на два абзаца. Второй абзац мы уже прочли, читаем четвертый:

«Насколько я знаю, ни один из начальников или чиновников главного имперского управления безопасности не имел права подписывать документы, имевшие большое политическое значение, без согласия начальника полиции безопасности, даже в период его временного отсутствия. На основании собственного опыта я могу заявить, что, в частности, начальник IV отдела Мюллер был очень осторожен при подписании документов, имевших общий характер, и особенно в случаях особой важности; он откладывал подписание этих документов до возвращения начальника полиции безопасности, хотя из-за этого пропадало много времени». Подписано: «Курт Линдов».

Кальтенбруннер: По этому поводу следует сделать два замечания. Во-первых, это показание противоречит показаниям различных свидетелей, устанавливающих необычайные полномочия и самостоятельность Мюллера. Во-вторых, это описание Линдова относится к тому времени, когда действовал Гейдрих, то есть когда Линдов мог собирать сведения, в период 1938–1940 гг. Это не относится к тому времени, когда Гиммлер оставил за собой право отдавать приказы прямо Мюллеру, так как мои обязанности были настолько велики, что одному человеку почти невозможно было с ними справляться.

Эймен: Я не хочу тратить слишком много времени, подсудимый. Но абзацы, которые я прочел вам, соответствуют показаниям Олендорфа на этом Суде, не правда ли?

Кальтенбруннер: Показания Олендорфа по этому поводу были мне представлены вчера моим защитником. Но из показаний Олендорфа, я думаю, ясно, что право отдавать всякий оператив-

ный приказ, то есть и приказ о превентивном заключении, который, как он сказал, касается «последней прачки», находилось в непосредственном ведении Гиммлера, который мог передать это право только Мюллеру.

Во всяком случае Олендорф добавил, что не знает, имелись ли такие ограничения моих полномочий и имел ли я такие права. Но он не мог сказать этого точно, и его остальные показания говорят против того, что я имел такие полномочия.

Эймен: Все мы знаем, что показал Олендорф. Я лишь хочу спросить вас, считаете ли вы показания Олендорфа правильными?

В ходе предварительного допроса вы сказали, что имели самую тесную связь с Олендорфом и вы можете надеяться, что он скорее чем кто-либо другой из ваших коллег скажет правду. Правильно это?

Кальтенбруннер: Это последнее замечание я не помню. Первое утверждение, что он был одним из моих основных сотрудников, оправдывается и доказывается уже тем, что он был начальником управления внутригерманской информационной службы, которое составляло часть моего информационного аппарата, то есть все сведения внутриполитического характера, и сведения о всех германских жизненных областях я получал большей частью именно из этого 3-го управления, исключая те сведения, которые я получал из своего, лично мною созданного, дополнительного аппарата.

Эймен: Вскоре после Пасхи 1934 года вы находились под арестом в лагере Кайзерштейнбрух?

Кальтенбруннер: Повторите, пожалуйста, в каком году?

Эймен: В 1934 году.

Кальтенбруннер: Да, с 14 января до начала мая.

Эймен: Совместно с другими чиновниками СС вы когда-либо обследовали концентрационный лагерь Маутхаузен?

Кальтенбруннер: С другими чиновниками СС? Нет. Насколько я помню, я поехал туда один и должен был явиться к Гиммлеру, который, как я уже рассказал вчера, находился в этот момент в поездке по Южной Германии.

Эймен: И вы осмотрели только каменоломню?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы знакомы были с Карвинским, статс-секретарем в кабинетах Дольфуса и Шушнига с сентября 1933 года по октябрь 1935 года?

Кальтенбруннер: Я видел однажды Карвинского. Я думаю, что он посетил нас во время нашей голодной забастовки в лагере

Кайзерштейнбрух. Больше я его никогда не видел. Возможно, что это был один из его представителей. Этого я не помню.

Эймен: Попрошу показать подсудимому документ ПС-3843, который представляется под номером США-794. Я хотел бы сказать членам Трибунала, что в этом документе довольно неприличный язык. Но мне кажется, что в силу обвинений, выдвинутых против подсудимого, следует все же огласить его.

Обратите внимание, подсудимый.

Кальтенбруннер: Разрешите мне сначала прочесть весь документ?

Эймен: Нет, это займет слишком много времени, подсудимый. Меня интересует только абзац, начиная со слов: «Вскоре после Пасхи...» Нашли это место?

Кальтенбруннер: Да, нашел.

Эймен: «Вскоре после Пасхи 1934 года мне было сообщено, что заключенные в лагере Кайзерштейнбрух объявили голодовку. Поэтому я сам туда отправился, чтобы узнать, каково положение дел. В то время, как в большинстве бараков поддерживалась дисциплина, в одном бараке был большой беспорядок. Я заметил, что высокий человек был зачинщиком всего этого беспорядка. Это был Кальтенбруннер, который был в то время кандидатом в адвокаты и который был арестован за его противозаконную деятельность в Австрии. В то время как все остальные заключенные отказались от голодовки после того, как я побеседовал с ними, бараки, в которых командовал Кальтенбруннер, продолжали голодовку.

Я вновь увиделся с Кальтенбруннером в лагере Маутхаузен, когда я был очень серьезно болен и лежал на гнилой соломе совместно с сотнями других, тяжело больными, умиравшими заключенными. Заключенные, больные самыми серьезными желудочными болезнями, страдали от истощения и находились в неотапливаемых бараках в самый разгар зимы. Им не оказывалось никакой, даже самой элементарной санитарной помощи. В течение многих месяцев нельзя было пользоваться ни умывальником, ни уборной, которая была испорчена. Тяжело больные вынуждены были оправляться в маленькие ведра из-под мармелада. Загаженная солома в течение многих недель не менялась, так что образовалась зловонная жидкость, в которой ползали черви и насекомые. Не было никакой медицинской помощи, лекарств. Положение было таково, что от 10 до 20 человек умирали каждый вечер.

Кальтенбруннер прошел через барак со свитой блестящих чиновников СС, видел все — должен был видеть все. Нам пока-

залось, что эти нечеловеческие условия теперь будут изменены. Но, по-видимому, Кальтенбруннер согласился с ними, так как ничего после этого не изменилось».

Это правда? Или это неправда, подсудимый?

Кальтенбруннер: Этот документ, который, по-видимому, предъявлен мне с целью застать меня врасплох, может быть мною полностью опровергнут...

Эймен: Одну минуточку. Я спросил вас, правда или неправда, что там написано?

Кальтенбруннер: Это не соответствует действительности и может быть полностью опровергнуто мною во всех деталях.

Эймен: Одну минуту. Подсудимый, может быть, вы подождете, пока я прочту два других документа по этому же вопросу и, может быть, потом вы дадите объяснения сразу по трем документам. Это вас удовлетворит?

Кальтенбруннер: Как Вы желаете.

Эймен: Прошу показать подсудимому документ ПС-3845, который представляется под номером США-795. Вы заявили, что вы отрицаете посещение и обследование вами крематория в Маутхаузене?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы знакомы с Альбертом Тифенбахером?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: У нас есть документ. Тифенбахер был заключен в концлагере Маутхаузен с 1938 года по 11 мая 1945 года. Он работал в крематории в Маутхаузене в течение трех лет, он переносил трупы. Вы видите это?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: В конце первой страницы имеется вопрос:

«*Вопрос:* Вы помните Айгрубера?

Ответ: Айгрубер и Кальтенбруннер были из города Линца.

Вопрос: Вы когда-либо видели их в Маутхаузене?

Ответ: Я очень часто видел Кальтенбруннера.

Вопрос: Сколько раз?

Ответ: Он время от времени приезжал и осматривал крематорий.

Вопрос: Сколько раз?

Ответ: Три или четыре раза.

Вопрос: Когда он приезжал, вы слышали, что он говорил что-нибудь кому-нибудь?

Ответ: Когда приезжал Кальтенбруннер, большинство заключенных должно было исчезнуть и только некоторые лица были представлены ему».

Это правильно или нет?

Кальтенбруннер: Это абсолютно неверно.

Эймен: Теперь покажем вам третий документ, а потом вы вкратце дадите объяснения. Прошу показать подсудимому документ ПС-3845, который представляется под номером США-796. Между прочим, вы когда-либо видели исполнение трех различных видов казней в Маутхаузене одновременно? Три различных вида казней?

Кальтенбруннер: Нет, это неправда.

Эймен: Вы знали Иоганна Кандута, который писал эти показания?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Из его показаний вы увидите, что он жил в Линце. Он был заключен в концлагерь Маутхаузен с 21 марта 1939 г. по 5 мая 1945 г. и работал на кухне; кроме того, он работал истопником крематорской печи.

«*Вопрос*: Вы когда-либо видели Кальтенбруннера в Маутхаузене?

Ответ: Да.

Вопрос: Помните, когда это было?

Ответ: В 1942–1943 гг.

Вопрос: Можете более точно определить?

Ответ: Я не помню даты.

Вопрос: Вы помните только это одно посещение в 1942 или 1943 гг.?

Ответ: Я видел Кальтенбруннера три раза.

Вопрос: В каком году?

Ответ: В 1942 и 1943 гг.

Вопрос: Скажите нам вкратце, что вы думали об этих посещениях Кальтенбруннера, то есть, что вы видели, что вы делали и когда вы увидели, что он присутствовал при казнях?

Ответ: С Кальтенбруннером приехали Айгрубер, Шульц, Зейрейс, Штрейтвизер, Бахмейер и некоторые другие лица. Кальтенбруннер вошел со смехом в газовую камеру. Затем людей привезли из барака на казнь, и потом были продемонстрированы все три вида казни: повешение, расстрел в затылок и отравление газом. После того, как улеглась пыль, мы должны были оттащить трупы.

Вопрос: Когда вы видели эти различные виды казней, это было демонстрирование способов казни или обычные казни?

Ответ: Я не знаю, были ли это обычные казни или же демонстрирование. Во время этих казней присутствовали, помимо Кальтенбруннера, начальники бараков и гауптшарфюрер, Зей-

дель и Дюлен также присутствовали, последний повел заключенных вниз.

Вопрос: Известно ли вам, были ли казни назначены на этот день или же это был показ для приехавших?

Ответ: Да, эти казни были назначены на этот день.

Вопрос: Откуда вам было известно, что эти казни были назначены на этот день? Кто-нибудь сообщил вам о том, что казни назначены?

Ответ: Мне сказал об этом начальник крематория гауптшарфюрер Роот, он всегда меня звал к себе в комнату и говорил мне: „Кальтенбруннер сегодня приедет, и нужно все подготовить для казни в его присутствии“. Затем нам нужно было затопить и прочистить печь».

Кальтенбруннер: Могу я отвечать?

Эймен: Это правда или неправда, подсудимый?

Кальтенбруннер: Ссылаясь на данную мною присягу, я торжественно заявляю, что ни единое слово из этого утверждения не является правдой. Разрешите мне начать с первого документа?

Эймен: Да, пожалуйста.

Кальтенбруннер: Свидетель Карвинский заявляет, что он видел меня в 1934 г. в связи с голодовкой в лагере Кайзерштейнбрух... Я был арестован не за национал-социалистскую деятельность, а в документе об аресте, который был представлен в письменной форме и о котором Карвинский должен был знать как бывший начальник службы безопасности в Австрии было написано дословно: «В целях предотвращения национал-социалистской деятельности», то есть в тот период не было никакой запрещенной деятельности, которая могла бы быть мне инкриминирована.

Далее, когда Карвинский прибыл туда, то голодовка продолжалась девятый день. Мы...

Эймен: Разрешите мне прервать вас, подсудимый. Я вполне буду удовлетворен, если вы заявите, что это показание не соответствует действительности. Если для вас этого достаточно, то для меня также достаточно.

Кальтенбруннер: Господин представитель обвинения, я не могу довольствоваться этим. Если вы зачитываете Высокому Суду и всей мировой общественности целые страницы показаний, о которых вы утверждаете, что они достоверны, и которые выдвигают против меня чудовищное обвинение, то мне должна быть предоставлена возможность отвечать больше, чем «да» или «нет». Я не могу просто, как какой-либо тупой преступник...

Эймен: Хорошо, подсудимый. Теперь перейдем к вопросу о Варшавском гетто. Вспоминаете ли вы доказательства, представленные Трибуналу, согласно которым 400 тысяч евреев были вначале согнаны в гетто, а затем войска СС замучили 56 тысяч, из которых более 14 тысяч были убиты. Припоминаете ли вы эти доказательства?

Кальтенбруннер: Я не помню в деталях этих доказательств, а то, что мне известно об этом, я уже сегодня рассказал.

Эймен: Было ли вам известно о том, что почти все из этих 400 тысяч евреев были истреблены в лагере смерти в Треблинке? Вы знали об этом?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Какое отношение вы имели к уничтожению евреев в Варшавском гетто? Никакого, разумеется, как вы обычно отвечаете?

Кальтенбруннер: Я уже заявлял, что я не имел к этому никакого отношения.

Эймен: Я прошу, чтобы подсудимому предъявили документ ПС-3840, который я представляю за номером США-803.

(Документ предъявляется Кальтенбруннеру.)

Вы были знакомы с Карлом Калеске?

Кальтенбруннер: Нет, этого имени я не знаю.

Эймен: Сможете ли вы восстановить его фамилию в памяти, если я вам напомню, что он был адъютантом генерала Штропа?

Кальтенбруннер: Я не знаю адъютанта генерала Штропа. Я не знаю имени, которое вы мне сейчас назвали — Калеске.

Эймен: Перейдем к письменному показанию, данному им под присягой. Оно имеется у вас?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: «Моя фамилия и имя Карл Калеске. Я был адъютантом доктора фон Заммерн-Франкенегга с ноября 1942 по апрель 1943 года в то время, когда он был начальником СС и полицайфюрером в Варшаве. Затем я стал адъютантом Штропа, начальника СС и полиции до августа 1943 года. План действий в Варшавском гетто был составлен в то время, когда Заммерн-Франкенегг был начальником СС и полицайфюрером. Генерал Штроп принял на себя командование в тот день, когда начались эти действия. Функции полиции безопасности во время действий против Варшавского гетто заключались в том, чтобы сопровождать войска СС. Некоторые эсэсовские части получили задание очистить определенные улицы. С каждой эсэсовской группой были 4–6 полицейских из полиции безопасности, потому что они хорошо знали гетто. Эти полицейские подчинялись доктору Хан-

ну — начальнику полиции безопасности города Варшавы. Ханн получил свое приказание не от начальника СС и полицайфюрера Варшавы, а непосредственно от Кальтенбруннера из Берлина. Подобным образом поступали приказания не только в отношении действий против гетто, но и в отношении всех других вопросов. Часто доктор Ханн приходил к нам в управление и сообщал СС и полицайфюреру о том, что он получил такой-то и такой-то приказ от Кальтенбруннера, о содержании которого он хотел бы информировать начальника СС и полицайфюрера. Но он поступал так только в отношении некоторых приказов, а не всех, которые он получал.

Я помню один случай, когда 300 иностранцев-евреев были собраны полицией безопасности в польском отеле. Когда подходили к концу действия, направленные против гетто, Кальтенбруннер приказал полиции безопасности вывести этих людей. Во время моего пребывания в Варшаве полиция безопасности занималась вопросами, касающимися подпольного движения. Полиция безопасности в этих вопросах действовала независимо от СС и полицайфюрера и получала приказы Кальтенбруннера из Берлина. Когда руководитель подпольного движения в Варшаве был захвачен в июне или июле 1943 года, его самолетом отправили непосредственно к Кальтенбруннеру в Берлин».

Подсудимый, считаете ли вы эти показания соответствующими действительности или нет?

Кальтенбруннер: Эти показания совершенно не соответствуют действительности. Я должен сказать обвинению...

Эймен: Точно так же, как и все другие показания, данные другими лицами и сегодня оглашавшиеся для вас? Это правильно?

Кальтенбруннер: Это заявление не соответствует действительности, и оно может быть опровергнуто.

Эймен: Вы то же самое говорили в отношении всех других показаний, которые я вам оглашал сегодня? Разве это не так?

Кальтенбруннер: Господин обвинитель, я должен...

Эймен: Я спрашиваю вас: так это или не так?

Кальтенбруннер: ...Я не могу соглашаться со всем тем, что мне ошибочно инкриминирует обвинение, хотя ответственность за это и ложится на Гиммлера.

Эймен: Хорошо, продолжайте. Вы можете говорить все, что желаете.

Кальтенбруннер: Я прошу сегодня вспомнить то, что я уже говорил относительно подчинения высших начальников СС и полиции и об их полномочиях в оккупированных областях. Все они непосредственно подчинялись Гиммлеру. Высшим начальникам

СС и полиции подчинялись чиновники СС и полиции в маленьких областях; последним подчинялись такие ответвления, как полиция порядка и безопасности.

Весь полицейский аппарат в оккупированных областях не подчинялся центральному имперскому управлению безопасности. Здесь есть люди, которые должны подтвердить мои показания. Здесь был допрошен Бах-Зелевский, который все время находился в оккупированных областях и знает это. Здесь есть подсудимый Франк, который работал с одним таким высшим начальником СС и полиции, который позднее стал его статс-секретарем.

Эймен: Хорошо, ваш защитник может вызвать всех этих людей. Я вас спрашиваю только о том, соответствует ли данный документ действительности или нет. А затем я попрошу вас дать краткие объяснения, которые вы считаете необходимыми.

Кальтенбруннер: Этот документ неверен.

Эймен: А сейчас перейдем к генералу Штропу. Знал ли он что-либо об этом распоряжении ликвидировать Варшавское гетто?

Кальтенбруннер: Да, раз он был руководителем СС и полиции безопасности в Варшаве и вы мне представили его дневник и доклад. Штроп подчинялся тамошнему высшему начальнику СС и полиции и провел эту акцию по приказу Гиммлера, полученному через высшего начальника СС и полиции.

Эймен: Штроп был очень хорошим вашим другом, не так ли?

Кальтенбруннер: Я видел Штропа, может быть, два или три раза в своей жизни у рейхсфюрера Гиммлера.

Эймен: Если бы здесь был Штроп, он, по-видимому, мог бы сказать правду относительно всего, что касается Варшавского гетто. Не так ли?

Кальтенбруннер: Он должен был бы, по крайней мере, подтвердить, что он подчинялся высшему начальнику СС и полиции в генерал-губернаторстве, а не мне. Я был бы рад, если бы он сейчас подтвердил это. Из Ваших слов я должен предположить, что этот человек находится здесь.

Эймен: Он сейчас не находится здесь, но, к счастью, у нас имеется его письменное показание, данное им под присягой, касающееся тех же самых вопросов, по которым я вас допрашиваю. Я попрошу передать подсудимому документ ПС-3841, который представляется за номером США-804.

Сейчас мы узнаем, подтверждает ли Штроп то, что вы пытаетесь сейчас доказать Трибуналу. Вы согласитесь с тем, что подтверждает Штроп, не так ли?

Кальтенбруннер: Я еще не читал этого документа.

Эймен: Хорошо, я сейчас зачитаю эти показания. «Мое имя — Юрген Штроп. Я был начальником СС и полицайфюрером района Варшавы с 17–18 апреля 1943 г. и до конца августа 1943 года. План действий против Варшавского гетто был составлен моим предшественником оберфюрером доктором фон Заммерн-Франкенеггом. В день начала этих действий я принял на себя командование, и фон Заммерн-Франкенегг пояснил мне, что следовало делать в этом направлении. Он имел у себя приказ от Гиммлера, и, кроме того, я получил телеграмму от Гиммлера, в которой он мне приказал очистить Варшавское гетто и сровнять его с землей. Для того чтобы выполнить это, я имел в своем распоряжении два батальона войск СС, 100 вооруженных людей из частей регулярной полиции и 75–100 полицейских из полиции безопасности. Полиция безопасности была активна в проведении действий против Варшавского гетто. При этом они должны были сопровождать эсэсовские части группой в 6–8 человек, как проводники или люди, знакомые со всеми вопросами, касающимися гетто. Оберштурмбанфюрер доктор Ханн был начальником полиции безопасности Варшавы в то время. Ханн передал полиции безопасности приказы относительно ее задач во время этих действий. Эти приказы не были переданы Ханну мною, они поступили от Кальтенбруннера из Берлина. Как начальник СС и полицайфюрер Варшавы, я не отдавал никаких приказаний полиции безопасности. Все приказы Ханн получал от Кальтенбруннера из Берлина. Например, в июне или в июле того же года я вместе с Ханном посетил управление Кальтенбруннера, и Кальтенбруннер сообщил мне, что хотя мы и должны работать совместно, но все основные приказы для полиции безопасности должны поступать от него из Берлина. После того как примерно 50–60 тысяч человек были захвачены из гетто, их привезли на железнодорожную станцию. Полиция безопасности должна была осуществлять надзор за этими людьми и отвечать за перевозку их в Люблин. Немедленно после того как были закончены действия против гетто, примерно 300 иностранных евреев были собраны в польский отель. Эти лица частично находились здесь до начала действий против гетто, а частично были переведены во время осуществления этих действий. Кальтенбруннер приказал Ханну вывезти этих лиц. Сам Ханн сказал мне, что он получил этот приказ от Кальтенбруннера. Все смертные казни проводились согласно приказам из главного имперского управления безопасности, а именно — от Кальтенбруннера.

Я прочел эти показания и полностью подтверждаю их. Я дал эти показания без принуждения, по собственной воле».

Считаете ли вы эти показания Штропа правильными или нет?

Кальтенбруннер: Это — ложные показания. Я прошу доставить сюда Штропа.

Эймен: Вы видите, что эти письменные показания совершенно опровергают ваши показания и подтверждают в основном каждую деталь показания, данного Калеске, который в то время был адъютантом Штропа. Разве это не так?

Кальтенбруннер: Это неправильно уже потому, что Штроп приближается к моему утверждению, указывая на первой же странице, что приказ относительно Варшавского гетто он получил от Гиммлера, чего свидетель Калеске нигде не говорит.

Эймен: С этим я могу согласиться.

Кальтенбруннер: При допросе генерала Штропа должно было бы выясниться, что Ханн, само собой разумеется, получал от гестапо в Берлине приказы; получал ли он их по этому делу, я не знаю, но, несомненно, органы полиции безопасности должны были в некоторых случаях, в частности по вопросам судопроизводства, подчиняться IV отделу главного имперского управления безопасности.

Эймен: А теперь, подсудимый, я хотел бы обратить ваше внимание на документ ПС-3819, ВБ-306, который уже был представлен в качестве доказательства. Это — протокол совещания в рейхсканцелярии от 11 июля 1944 г. за подписью Ламмерса, который на днях давал свои показания Трибуналу по этому же вопросу. Я думаю, что вы помните о том, что вы присутствовали на этом совещании.

Кальтенбруннер: Я этого еще не знаю. Я не знаю, что обсуждалось на этом совещании.

Эймен: Вы нашли это место, подсудимый?

Кальтенбруннер: Да, нашел.

Эймен: Хорошо, я читаю:

«Начальник полиции безопасности доктор Кальтенбруннер изъявил свое согласие, когда его запросил уполномоченный по использованию рабочей силы, передать полицию безопасности в его распоряжение для выполнения этой задачи. Но он указал, что численность полиции была недостаточна, и поэтому полиция не представляла собой большой силы. Во всей Франции он имел только 2400 человек. И поэтому вопрос о том, могут ли быть все возрастные группы захвачены такой слабой полицией, был сомнительным. По его мнению, министерство иностранных дел должно оказать более сильное влияние на иностранные правительства».

Подсудимый, действительно ли этот документ отражает то, что имело место на этом совещании?

Кальтенбруннер: Я сейчас не могу утверждать этого на основании данного текста, но должен сказать по этому поводу следующее... Нужно было бы установить, был ли там я по поручению имперского министерства внутренних дел и начальника германской полиции Гиммлера... То, что я был там по поручению Гиммлера, показывает цифра, которая здесь названа, а именно то, что только 2400 человек находятся у нас в распоряжении. Такого числа никогда не было ни у полиции безопасности, ни у СД, ни у обеих вместе; сюда была причислена и полиция порядка и другие мелкие организации, которые были подчинены Гиммлеру.

Во всяком случае, в этом документе нет одного — того, что Кальтенбруннер только передавал здесь мнение Гиммлера по поручению последнего.

Эймен: Хорошо, подсудимый. Вспомните ли вы о показаниях, которые представлялись Трибуналу относительно того, как Германия пыталась провоцировать словаков на восстание против Чехословакии и как Гитлер использовал это восстание словаков для того, чтобы оккупировать Чехословакию в марте 1939 года?

Кальтенбруннер: Я не знаю, кто давал такие показания.

Эймен: Хорошо, но, во всяком случае, вы с 1938 года по 1939 год были статс-секретарем полиции безопасности в Австрии. Не так ли?

Кальтенбруннер: Нет, я тогда не был статс-секретарем полиции безопасности. Я был статс-секретарем по вопросам безопасности в Австрийском правительстве в Вене. Это важно, так как полиция безопасности в Австрии была создана из Берлина и управлялась Берлином.

Эймен: Хорошо... Разве в действительности вы лично не руководили деятельностью словацких заговорщиков и не оказывали им помощь тем, что снабжали их оружием и взрывчатыми веществами? Отвечайте, пожалуйста, «да» или «нет»?

Кальтенбруннер: Нет.

Эймен: Не припоминаете ли вы, что вы присутствовали на каком-либо совещании, где разрабатывался план относительно того, как спровоцировать это восстание в Словакии? Вы отрицаете это?

Кальтенбруннер: Это неверно. Я никогда не участвовал в таком подстрекательстве к восстанию в Словакии. Я участвовал лишь на первом заседании правительства Словакии в качестве уполномоченного германской империи.

Эймен: Помогал ли вам ваш друг Шпациль осуществлять ваши планы?

Кальтенбруннер: Я не помню. Во всяком случае это не были немецкие планы; если вы рассмотрите политическую обстановку в Словакии в тот момент, вы убедитесь, что империи совершенно не нужно было подстрекать Словакию. Само движение Глинки, которым тогда руководил, по-моему, доктор Тука, а также доктор Тисо, пришло к такому решению.

Эймен: Были ли вы знакомы с оберштурмбанфюрером Фрицем Мундхенке?

Кальтенбруннер: Я не понимаю...

Эймен: Вы это увидите из документа ПС-3842, который я попрошу передать вам, я представляю его за номером США-805.

Подсудимый, это довольно пространный документ, и я не хочу подробно останавливаться на нем. Я хочу обратить ваше внимание прежде всего на первые строчки.

«Что касается оккупации Чехословакии, то были предприняты два различных действия.

1. Оккупация Судетской области и пограничных районов, населенных немецкими согражданами.

2. Оккупация самой Чехословакии». И затем идут следующие строки:

«За некоторое время до проведения второго действия офицеры из „Глинка Гарде" (подпольной, нелегальной полуэсэсовской организации в словацкой части бывшей Чехословацкой Республики) стали посещать управление СС в Донау (которое первоначально называлось „Управление СС Австрии")».

Затем подробно излагается план того, как спровоцировать это восстание. И в конце первого параграфа вы найдете следующее:

«В секретном заседании я не принимал участия. Я чувствовал, что мне не полностью доверяли. Я видел каких-то людей в приемной Кальтенбруннера и затем, насколько я помню, в столовой. Мне ничего не говорили об обсуждавшейся теме, которая, без сомнения, имела отношение к выработке плана действий».

Затем вы найдете следующее:

«Один Кальтенбруннер несет ответственность за эти действия...»

Подсудимый, я спрашиваю вас, соответствует ли действительности содержание данного документа в том виде, как я его предъявил вам или нет?

Кальтенбруннер: Нельзя сказать, что это правда, и нельзя сказать, что это неправда; это ясно только тому, кто хорошо знает всю ситуацию...

Я должен сказать, что в этом документе правильно одно. Это то, что я совещался с членами гвардии Глинки в Вене, Парк-Ринг, № 8; речь шла о том, чтобы немецкое национальное меньшинство в Словакии и гвардия Глинки совместно выставили кандидатов в Словацкое правительство. Именно об этом свидетельствуют документы и события в Прессбурге. Все это может быть подтверждено любым человеком, в том числе и Мундхенке, который был руководителем национального меньшинства. Но ввиду того, что оккупации Словакии вообще не было, мне и не следует оправдываться по этому поводу.

Эймен: Подсудимый, во время этого процесса в качестве доказательства был представлен приказ Гиммлера о том, что гражданское население не должно наказываться за линчевание союзных летчиков, и вы слышали показания, данные под присягой Шелленбергом и Гердезом относительно того, что вы, как начальник СД и полиции безопасности, дали соответствующие указания вашим подчиненным. Отрицаете ли вы правильность этих показаний? Говорите, пожалуйста, «да» или «нет».

Кальтенбруннер: Я не хочу отрицать правильность их, но отрицаю, что я делал когда-либо такое заявление... Я заявил, например, в присутствии Гитлера, что я никогда не буду выполнять подобный приказ. Правда, это было позднее, но это было моим глубоким личным убеждением. Впрочем, я уже говорил вчера по этому вопросу со своим защитником.

Эймен: Ну, хорошо, подсудимый. Сейчас перейдем к документу ПС-3855, который представляется в качестве доказательства под номером США-806. Вы увидите, что в конце этого документа имеется ваша фамилия. Вы сами должны определить, является ли это вашей подписью, факсимиле или еще чем-нибудь другим. Вы имеете этот документ перед собой?

Кальтенбруннер: Да.

Эймен: Вы видите, что этот документ исходит от начальника полиции безопасности и СД, и, кроме того, согласно пометкам в левом верхнем углу, он был передан вам на подпись четвертым отделом А-2-Б.

Кальтенбруннер: Эта первая и очень крупная ошибка, господин обвинитель.

Эймен: Хорошо... Адресовано:

а) Всем начальникам и инспекторам полиции безопасности и СД (для устной информации всех подчиненных управлений).

b) Отделам IV-А и IV-Б подотделам IV А 1, IV А 3, IV А 4–IV А 6, IV Б 1-IV Б 4.

c) 5-му управлению имперской уголовной полиции. К сведению старших начальников СС и полицайфюреров, а также начальников полиции охраны порядка.

d) Начальникам отделов I–III и VI главного имперского управления безопасности...

Содержание: Обращение с вражескими летчиками, которые были выброшены на парашютах.

Целый ряд вопросов относительно обращения со сбитыми вражескими летчиками нуждается в разъяснении. В принципе: всех захваченных вражеских летчиков следует заковывать в кандалы.

Эта мера необходима, и она должна выполняться с полного согласия начальника штаба верховного командования вооруженными силами —

1) с целью предотвратить частые побеги и

2) из-за недостатка персонала на сборных пунктах. Команды вражеских летчиков: а) которые оказывают сопротивление при их захвате в плен или д) которые носят гражданскую одежду под военной формой, должны расстреливаться немедленно.

Вражеские летчики, особенно из состава англо-американских воздушных сил, в большинстве случаев носят при себе особые мешки, в которых имеются кинжалы, различные карты, купоны на паек, инструменты и все необходимое для совершения побега. Все эти мешки, которые приготовлены на случай побега, должны отбираться полицейскими агентами, ибо эти мешки облегчают побег. Их следует передавать командованию военно-воздушных сил. Приказ рейхсфюрера СС от 10 августа 1943 г. (о котором, согласно вашим показаниям, насколько я помню, вам ничего неизвестно) полностью не выполняется, так как, по-видимому, этот приказ не был в устной форме доведен до сведения всех подчиненных полицейских управлений, как это было приказано. Поэтому вторично приказывается:

«Полиция не должна вмешиваться в конфликт между германским населением и спустившимися на парашютах англо-американскими летчиками-террористами.

Около тела одного из сбитых английских летчиков были найдены нарукавная повязка с надписью «немецкие военно-вооруженные силы» и кокарда. Эту нарукавную повязку носил только личный состав действующих войск; она дает право доступа каждому лицу, имеющему ее, на все важнейшие военные и стратегические пункты в различных зонах действий. Вражеские агенты, сброшенные с самолетов, вероятно, будут применять этот новый вид маскировки...

6) В течение последних месяцев отдельные случаи показали, что германское население арестовывает вражеских летчиков, однако до передачи их полиции или вооруженным силам оно слишком мягко обращается с ними. Строгие меры, принятые по отношению к этим гражданам со стороны государственной полиции, удержат их от ареста вражеских летчиков, ибо подобные случаи не следует смешивать с преступными действиями по оказанию содействия скрывающимся вражеским летчикам. Рейхсфюрер СС приказал применять следующие меры в отношении тех граждан, которые обращаются с вражескими летчиками подобным образом либо умышленно, либо проявляя ненужную жалость к ним:

1. В особенно серьезных случаях нарушения этого приказа направлять таких лиц в концлагеря; помещать в местных газетах объявления.

2. В менее серьезных случаях следует применять превентивное заключение в управлениях государственной полиции длительностью не менее 14 дней. Следует также использовать таких лиц для расчистки районов, подвергшихся бомбардировке.

Если же таких разрушенных районов нет на той территории, которая находится под юрисдикцией управления гестапо, то следует применять кратковременное превентивное заключение в одном из ближайших управлений гестапо.

Рейхсфюрер СС установил контакт с рейхслейтером Борманом относительно данного вопроса и указал, что задача партийных официальных лиц заключается в том, чтобы инструктировать население о неуместном проявлении сдержанности по отношению к вражеским летчикам».

Я приказываю начальникам и инспекторам полиции безопасности и СД в письменной форме информировать подчиненные им управления и секции 5 и 6 о вышеизложенном приказе». Подписано: «Доктор Кальтенбруннер. Верно: Розен...»

Отрицаете ли вы тот факт, что вы имеете какое-то отношение к изданию этого приказа, и то, что вы подписали его?

Кальтенбруннер: Я никогда не получал этого приказа. Я ссылаюсь здесь на свои вчерашние показания относительно системы подчинения отдела IV-A, который является составителем этого письма, как это видно из пометки наверху; в этих вопросах отдел подчинялся непосредственно Гиммлеру.

Эймен: Таким образом, вы отрицаете, что эта подпись ваша, и утверждаете, что вы ничего не знаете о данном документе, на котором имеется ваша подпись. Это правильно?

Кальтенбруннер: Господин обвинитель...

Эймен: Подсудимый, ответьте, пожалуйста, на этот вопрос. Вы что же — отрицаете, что этот документ исходил от вас, так же как вы отрицали все другие документы, которые были вам представлены сегодня. Это правильно?

Кальтенбруннер: Я заявил вчера и здесь и моему защитнику, что я не получал этих документов. Я должен был бы знать это. Конечно, я частично виноват в том, что не обращал внимания, не даются ли от моего имени такие приказы. Я вчера совершенно не отрицал эту свою вину. Но какова была моя точка зрения по этому вопросу, явствует из показаний Келлера.

Председатель: Я не понимаю, либо вы говорите, что это не ваша подпись на документе, либо, что подписали этот документ, не глядя на содержание? Что именно вы утверждаете?

Кальтенбруннер: Господа! Я никогда не получал этого документа, этого приказа. Я не мог подписать его, так как это противоречило бы моим убеждениям. А каковы были мои убеждения, видно из показаний свидетеля Келлера.

Председатель: Я не спрашиваю о ваших внутренних убеждениях, я спрашиваю только о том, подписывали вы этот документ или нет?

Кальтенбруннер: Нет...

Смирнов: Подсудимый, вчера полковник Эймен предъявил Суду документ, изобличающий ваше активное участие в ликвидации Варшавского гетто. Опровергая это, вы пытались утверждать, что начальники полиции в оккупированных областях подчинялись рейхсфюреру СС Гиммлеру и к вам отношения не имели. Вы подтверждаете это заявление?

Кальтенбруннер: Да, но оно нуждается в дополнении, ибо я вчера уже сказал, что в подчинении Гиммлера находился начальник СС и полиции генерал-губернаторства и что последнему подчинялись начальники СС и полиции областей.

Начальнику СС и полиции генерал-губернаторства были подчинены начальники полиции охраны порядка, полиции безопасности и войск СС; начальникам СС и полиции областей — командиры соответствующих частей полиции по области.

Смирнов: Может быть, вы скажете, кому подчинялись полицейские чиновники?

Может быть, вы помните и второе заявление, где говорили, что вы были против крайних мер Крюгера в отношении польских евреев и старались удержать его от этого?

Кальтенбруннер: Я заявил, что я выступал за устранение Крюгера от занимаемой им должности в генерал-губернаторстве.

Смирнов: Я прошу передать подсудимому дневник Франка. Пусть он обратит внимание сначала на страницу 13, где выступает Крюгер, а потом на страницу 15. Я оглашу три абзаца из этого места на странице 15. Читайте и следите, правильно ли это переведено:

«Нет сомнения, — говорит Крюгер, — что устранение евреев повлияло на успокоение...»

Кальтенбруннер: Это место мне не передано. У меня в руках страница 13 документа.

Смирнов: Я снова начну: «Нет сомнения, что устранение евреев повлияло на успокоение. Полиции пришлось выполнить самую трудную и неприятную задачу, но она выполняла ее по приказу фюрера ради защиты интересов Европы. Мы вынуждены устранить евреев также из военной промышленности».

Я пропускаю один абзац, прошу вас тоже пропустить его. Читаю дальше:

«Мы вынуждены устранить евреев также и из военной промышленности и с заводов, имевших военно-хозяйственное значение, если их использование не вызывалось исключительно важными соображениями военного характера. Евреи в этих случаях будут сосредоточены в больших лагерях и оттуда в дневное время будут отправляться на работу на военные заводы. Рейхсфюрер СС, однако, желает, чтобы и эти евреи были устранены с заводов. По этому поводу он, Крюгер, вел разговоры с РСХА и предполагает, что это желание рейхсфюрера не может быть выполнено в полном объеме. Среди рабочих-евреев имеются специалисты, механики по точным работам и прочие квалифицированные рабочие, которых нельзя сегодня без всяких последствий заменить поляками».

Я обращаю ваше внимание особенно на следующую фразу:

«Поэтому он просит доктора Кальтенбруннера доложить об этом рейхсфюреру СС и просить его, чтобы он отказался от устранения этих рабочих-евреев. На заводах остались наиболее выносливые в физическом отношении евреи, так называемые маккавеи, которые отлично работают. Кроме них, работают также женщины, в отношении которых установлено, что они сильнее евреев. К такому же заключению мы, впрочем, пришли и во время ликвидации Варшавского гетто. Выполнение этой задачи было сопряжено с большими трудностями».

Я опускаю одну фразу и привожу следующую: «Есть сведения, что в этом случае евреи также защищались до последнего с оружием в руках от СС и полиции».

Не свидетельствует ли это место о том, что Крюгер расценивал вас как своего начальника и тогда, когда большинство евре-

ев в Польше уже было умерщвлено и осталось очень небольшое количество хороших специалистов, умерщвление которых могло причинить большой ущерб промышленности. Крюгер обратился через вас, как своего начальника, к Гиммлеру с тем, чтобы сохранить жизнь евреев, оставшихся в живых. Не свидетельствует ли это о том, что Крюгер расценивал вас как своего начальника и действовал через вас?

Кальтенбруннер: Нет, господин обвинитель, этот документ доказывает нечто совсем иное. Во-первых, автор его сам говорит здесь, что эвакуация Варшавского гетто уже была произведена к этому моменту. Во-вторых, он говорит, что он просил меня пойти к Гиммлеру и сделать представление. О чем я говорил с Гиммлером, здесь, однако, не сказано. О том, что я тогда в первый раз мог ясно заявить Гиммлеру: «Теперь я знаю, что происходит», и о том, как я выступил против происходящего, об этом тоже ничего не сказано в документе. Сейчас мне должна быть предоставлена возможность дать объяснения и доказать, что я выступал против проводимых мер; если вы при допросе Франка или свидетелей...

Смирнов: Минутку, вы уже говорили об этом, подсудимый.

Кальтенбруннер: Я еще не кончил... Вы не можете ведь, с одной стороны, обвинять меня в том, что я знал об этих вещах, а с другой стороны, — не дать мне возможности сказать, как я на это реагировал. Лишь в последние два года войны я был в состоянии знакомиться с происходящим в империи, а позже, к концу войны, и в генерал-губернаторстве...

Смирнов: Минуточку. Но почему все-таки Крюгер действовал через вас?

Кальтенбруннер: И затем в этом документе совсем не указано, в качестве кого я там был. Он ни одним словом не говорит о том, что я был там в качестве его начальника по линии полиции. Он знает лишь одно, что я в качестве начальника службы информации часто, как само собой разумеется, приходил к Гиммлеру с докладом, и он просит меня доложить и по этому вопросу. Но Крюгер был, как действительно написано в этом документе, статс-секретарем безопасности в генерал-губернаторстве, как таковой он подчинялся генерал-губернатору и...

Председатель: Вы говорите слишком быстро и произносите речи, не отвечая на вопросы.

Кальтенбруннер: Как статс-секретарь по линии полиции в генерал-губернаторстве он подчинялся непосредственно Гиммлеру.

Смирнов: Я вас прошу ответить коротко: просил ли вас Крюгер представить отчет Гиммлеру по данному вопросу или нет? Это все, о чем я вас спрашиваю.

Кальтенбруннер: Насколько я знаю, на этом совещании присутствовало много чиновников администрации и каждого, кто был близок к фюреру или Гиммлеру, кто-нибудь о чем-нибудь просил...

Смирнов: Я вас прошу ответить на вопрос, «да» или «нет». Просил он вас доложить или нет?

Кальтенбруннер: Этого я не знаю.

Смирнов: Не знаете? Тогда я вам задам второй вопрос...

Председатель (обращаясь к подсудимому): Что вы ответили на последний вопрос? Я вас *(обращаясь к обвинителю)* попрошу повторить последний вопрос.

Смирнов: Просил ли Крюгер Кальтенбруннера доложить об этом Гиммлеру. Я спрашивал подсудимого об этом.

Председатель: Я хотел бы, чтобы подсудимый ответил на ваш вопрос. Скажите ему, чтобы он вам ответил. Не задавайте ему два вопроса, вы слышите, что я говорю?

Смирнов: Да, господин председатель.

Председатель: Задайте ему один вопрос и добейтесь, чтобы он на него ответил.

Смирнов (обращаясь к подсудимому): Просил ли Крюгер доложить Гиммлеру о невозможности уничтожения всех квалифицированных рабочих-евреев и как тот отнесся к этому?

Кальтенбруннер: Возможно, что он просил меня, но ни в коем случае не как начальника, вы должны уяснить себе, какое количество людей там собралось. Это явствует также из дневника. Я был там не как начальник полиции безопасности или начальник Крюгера. Крюгер, как и энное количество людей...

Смирнов: Если вы, подсудимый, занимались только информационной работой, как вы говорите, и, кроме информации, ничем больше не занимались, то считаете ли вы подкуп выборов в Иране и получение на эти цели от Риббентропа миллиона туманов для посылки агентам относящимися к чисто информационной работе?

Кальтенбруннер: Я не имел никакого отношения к оплате выборов в Иране, но я признаю, что, само собой разумеется, агенты службы информации, которой я руководил, работали в Иране.

Смирнов: Вы у Риббентропа не просили одного миллиона туманов на подкуп?

Кальтенбруннер: Нет. У меня было достаточно средств, чтобы самому оплачивать своих агентов.

Смирнов: Это письмо за подписью Кальтенбруннера было передано Суду при допросе Риббентропа как документ под номером СССР-178. В нем говорилось об ассигновании одного мил-

лиона туманов. Подсудимый опровергает показания Риббентропа, который признал это.

Кальтенбруннер: Я думаю, что я не требовал никаких денег от Риббентропа, так как у меня самого было достаточно денег. Покажите мне это письмо. Может быть, так оно и было.

Смирнов: Подлинник этого письма был передан Суду при допросе Риббентропа, у нас имеется только копия, но подлинник сейчас может быть принесен из комнаты для документов.

Тут сказано, что для того чтобы оказать решающее влияние на выборы, для подкупа в Тегеране необходимо 400 тысяч туманов, а для всего остального Ирана — по крайней мере 600 тысяч туманов. Письмо заканчивалось так: «Прошу вас сообщить мне, возможно ли получение одного миллиона туманов от министерства иностранных дел. Переслать эти деньги можно будет с людьми, отправляемыми туда самолетом. Хайль Гитлер! Преданный вам Кальтенбруннер, обергруппенфюрер».

Это письмо определенного содержания. Риббентроп признал его. Вы отрицаете показания Риббентропа?

Кальтенбруннер: Нет, я не думаю делать этого, но относительно этого документа я хотел бы сказать следующее. Я не могу сразу вспомнить это письмо, так как оно было составлено в VI отделе. Я подписывал его совершенно определенно уже потому, что оно направлялось имперскому министру и я должен был подписать его сам, хотя бы из чувства такта.

Смирнов (предъявляет документ Кальтенбруннеру): Это ваша подпись?

Кальтенбруннер: Да.

Смирнов: Я не имею больше вопросов к подсудимому.

Председатель: Какой это был документ, который вы ему предъявили?

Смирнов: Это письмо Кальтенбруннера на имя министра иностранных дел фон Риббентропа, датированное 27 июня 1943 года.

Глава 38
Банкир Шахт: «Хайль Гитлер!» и «Гитлер капут!»

Конец войны Ялмар Шахт провел в концлагерях Равенсбрюк, Флоссенбург и Дахау. В июле 1944 г. он был арестован в числе участников неудачного заговора против Гитлера. Эти факты дали возможность «финансовому гению» нацистов — обвиняемому на Нюрнбергском процессе утверждать, что он антифашист, борец с гитлеровским режимом и попал на скамью подсудимых по недоразумению.

Адвокат Дикс уподоблял Гитлера и Шахта Нерону и Сенеке. Дескать, античный философ тоже пострадал дважды. Сначала его привлек к суду Нерон за интриги против него, а после смерти Нерона Сенеку судили уже как соучастника императора. Дикс со значением напомнил судьям, что в IV веке Сенека был объявлен святым.

Нюрнбергскому трибуналу фактически предлагалось рассмотреть вопрос о святости Шахта, чтобы снять с этого страдальца несправедливые обвинения.

В конце концов так и вышло, трибунал оправдал Шахта. Однако судебное следствие выявило столько компрометирующих банкира фактов, что в глазах огромного числа людей, следивших за процессом, он остался одним из самых крупных преступников гитлеровской Германии.

В 1944 г. он немного переиграл роль антифашиста и не избежал ареста. Обличий у Шахта было много. Верно служил он лишь своему карману, а в политике все время маневрировал, ориентируясь исключительно на выгоду от тех или иных альянсов.

Тонкая интуиция и немалые знания подсказывали ему, что нужно делать в данный момент. Во время Первой мировой войны Шахт трудился в экономическом управлении немецких оккупационных властей в Бельгии, выкачивая ресурсы из захваченной страны. В 1919 г., когда пришла мода на демократию, участвовал в создании Германской демократической партии. В 1930 г., прочитав «Майн кампф», Шахт решил, что именно диктатор спасет страну от экономического хаоса и построит крепкое государство с сильным хозяйством.

Шахт сделал все, чтобы нацисты пришли к власти. Многие исследователи считают, что без него Гитлер не стал бы рейхсканцлером. Шахт реально продвигал фюрера: собирал деньги на избирательные кампании и убеждал поддержать Гитлера «пушечных королей», руководителей монополий, крупных финансистов.

Получив посты руководителя рейхсбанка и министра экономики и став «экономическим диктатором», как называла его западная пресса, Шахт мобилизовал огромные средства на вооружение Германии, участвовал в ограблении оккупированных стран.

Но Шахт не был бы Шахтом, если бы в самых благоприятных для себя обстоятельствах не готовил запасные позиции. В беседах с иностранными дипломатами, например с американским послом Доддом, он еще в 1934–1935 гг. говорил о своем несогласии с политикой Гитлера. Посол, приняв эти речи за чистую монету, даже предложил банкиру переехать в США, но Шахт за океан не поспешил, ведь впереди была война — самый лучший бизнес.

Далее он начал заигрывать с германскими оппозиционерами и был бы на коне в случае успеха покушения на фюрера, но оказался в

заключении по решению «имперского народного суда». Месяцы, проведенные в концлагерях, конечно, были несладкими, но оказались как нельзя кстати — палочкой-выручалочкой на Нюрнбергском процессе.

Как ни изворачивался умный и ловкий Шахт, документы и свидетельства людей убедительно говорили, кем на самом деле был для нацистского режима его «противник».

Гитлер пришел к власти, когда финансы были полностью расстроены. К тому же Германия была обременена огромным внешним долгом. Создавать вермахт было не на что.

Выход нашел Шахт. Уже в мае и июне 1933 г. он добился крупнейших займов в США и Англии. Далее этот «финансовый гений» сначала уменьшил, а потом и прекратил выплаты по старым долгам. Он был неистощим в идеях по изысканию средств на рост германской мощи. Например, Шахт пустил на вооружение вермахта даже вклады иностранцев.

Но главным ресурсом милитаризации страны стали изобретенные Шахтом векселя МЕФО, погашение которых с большим смыслом было назначено на 1942 г., чтобы компенсировать эту авантюру ресурсами захваченных стран.

Вообще в предвоенные годы расчетливый Шахт так смело тратил огромные деньги только потому, что был уверен: агрессивные войны вернут все с лихвой.

Даже мирный «аншлюс» Австрии стал поводом к тому, чтобы 400 миллионов шиллингов австрийского золотого запаса под видом слияния перекочевали в рейхсбанк. Далее таким же образом была ограблена казна Чехословакии. О странах и территориях, взятых вооруженной силой, и говорить не приходится.

Ведя двойную игру, он рассыпался в преданности фюреру и национал-социализму. «Аполитичный» финансист мог бы поспорить в нацистской риторике с самим доктором Геббельсом. В тот день, когда был «присоединен» австрийский банк, Шахт заявлял в своей речи в Вене перед банковским служащими: «Рейхсбанк не будет ничем иным, как национал-социалистским учреждением, или я перестану быть его руководителем».

«Оппозиционер» Шахт доверительно сообщал своим западным слушателям: «Если бы я мог, сам бы убил Гитлера». На деле он из кожи лез, чтобы понравиться фюреру. Ширах вспоминал, как однажды на приеме в Имперской канцелярии Шахт дефилировал с женой, на груди которой красовалась непомерных размеров свастика из бриллиантов. Даже отъявленных приверженцев НСДАП покоробила эта показная лояльность, желание Шахта прослыть сверхнацистом. Более того, чтобы подслеповатый фюрер разглядел свастику, фрау Шахт

(Ширах был убежден, что по подсказке мужа) подошла к Гитлеру за автографом.

Франк так охарактеризовал «антифашиста» Шахта: «Если бы Гитлер выиграл войну, то он бегал бы вокруг него и кричал громче всех «Хайль Гитлер!»».

По свидетельству очевидцев, на Нюрнбергском процессе некоторые из подсудимых при допросе Шахта явно сочувствовали обвинителям. Геринг однажды воскликнул: «Только послушайте, как он лжет!»

Шахт не без оснований рассчитывал, что западные контрагенты постараются смягчить его участь. Когда Шпеера спросили, что это он чертит, то подсудимый, архитектор по профессии, ответил: Шахт заказал ему проект виллы. По распределению обязанностей допрос Шахта был поручен Главному обвинителю от США Р. Х. Джексону. Случайность это или нет, но американцы были меньше всех заинтересованы «копать под Шахта». В разговоре с доктором Гилбертом банкир заметил: «Если американцы хотят предъявить обвинение промышленникам, то вы должны предъявить обвинение самим себе. «Дженерал моторс» — это «Опель», а «Опель» кроме военной продукции ничего не выпускал». Примеров такого рода «глобализации», до мая 1945 г. обеспечивавшей ход немецкой военной машины, Шахт знал множество. За него было кому похлопотать...

Через короткое время за Шахта вновь взялось правосудие, на этот раз немецкое, осуществлявшее денацификацию. Но Фемида вновь только потрепала его нервы. Суд приговорил его к восьми годам лишения свободы, однако вскоре приговор был отменен. В сентябре 1948 г. он вышел на свободу. В 1959 г. восьмидесятидвухлетний Шахт все еще занимался делами — строил нефтепровод Генуя — Мюнхен. Умер в Мюнхене в 1970 г.

ДОПРОС ШАХТА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 2 и 3 мая 1946 г.]

Джексон: Подсудимый Шахт, в то время, когда нацисты захватили власть, у вас ведь были связи во всем мире и вы занимали высокое положение одного из первых банкиров не только Германии, но и всего мира, не так ли?

Шахт. Я не знаю, так ли это. Но если вы придерживаетесь такого мнения, то я не буду вам противоречить.

Джексон: Тем не менее, насколько нам известно, вы открыто выступали в Германии перед германским народом с поддержкой

нацистского режима, причем в этих выступлениях вы шли бок о бок с такими лицами, как Штрейхер и Борман?

Шахт: Господин судья, я разрешу себе разъяснить здесь, что до июля 1932 года я никоим образом не выступал публично в пользу Гитлера или партии, что, напротив, например, в Америке я предостерегал от Гитлера.

Джексон: Я говорю о ваших открытых выступлениях вместе со Штрейхером и Борманом перед германским народом, целью которых была поддержка нацистской программы после захвата власти.

Шахт: Меня никогда не видели вместе с Борманом и Штрейхером. Во всяком случае, в то время. Возможно, что они были на том же партийном съезде, где был и я, что они сидели недалеко от меня и т. п., но, во всяком случае, в 1933 году меня в обществе не видели вместе ни с Борманом, ни со Штрейхером.

Джексон: Я попрошу, чтобы вам показали фотографию коллекции Гофмана № 10.

(Шахту предъявляют фотографию.)

Вы без труда узнаете себя на этой фотографии, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: По правую руку от вас сидит Борман?

Шахт: Да.

Джексон: Рядом с Борманом сидит министр труда?

Шахт: Да.

Джексон: По другую сторону от вас находится Гитлер?

Шихт: Да.

Джексон: А за ним Штрейхер?

Шахт. Я не узнаю его, я не знаю, Штрейхер ли это, может быть, и он.

Джексон: Возможно, вполне достаточно будет того факта, что вы их опознали.

Шахт: Господин судья, вы сказали, что в 1933 году я якобы появлялся публично как представитель национал-социалистской партии вместе со Штрейхерем и Борманом. Я очень хотел бы знать, как была снята эта фотография и когда. Я не могу вспомнить этого.

Джексон: Вы отрицаете, Шахт, что эта фотография...

Шахт: Нет, нет, ни в коем случае. Я только спрашиваю, когда это было. Мне кажется, что эта фотография относится не к периоду 1933–1934 гг.

Джексон: Может быть, вы нам скажете, к какому периоду это относится?

Шахт: Я не знаю, я не могу этого установить.

Джексон: Я покажу вам другую фотографию. На фотографии вы маршируете вместе с Леем и рядом других лиц?

Шахт: Да.

Джексон: На другой фотографии вы входите в зал и отдаете нацистское приветствие?

Шахт: Да, да.

Джексон: Лей был тем человеком, который преследовал рабочие союзы в Германии?

Шахт: Да.

Джексон: И вы признаете аутентичность этих фотографий?

Шахт: Конечно.

Джексон: Вы показали здесь, что вы не стали членом партии по принципиальным соображениям, что членство в партии не соответствовало вашим принципам?

Шахт: Это верно.

Джексон: Вы также заявили, что с 1932 года по 30 января 1933 года, — я цитирую ваши слова — «В течение всего этого времени я не написал и не произнес публично ни одного слова в пользу Гитлера».

Шахт: Я думаю, что это верно, если вы делаете ударение на слове «публично».

Джексон: Я хочу задать вам следующий вопрос. Вы также сказали: «Я никогда и никоим образом не способствовал росту влияния Гитлера в своих разговорах с такими компетентными людьми, как Гинденбург, Мейснер и др. Я также ни в коей мере не содействовал назначению Гитлера рейхсканцлером». Это правильно?

Шахт: Это правильно.

Джексон: Сейчас я хочу процитировать заявление фон Папена.

«Когда я был канцлером в Германии в 1932 году, ко мне зашел Шахт; это было в июле или в августе, я был дома. Он сказал мне: «Вот исключительно способный человек». Это было сказано в присутствии моей жены, и я никогда не мог забыть об этом. Он сказал мне: „Отдайте ему вашу должность. Отдайте вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию“».

Вы это говорили или нет?

Шахт: Я не помню, чтобы я сказал, что он — единственный человек, который может спасти Германию. Но я сказал ему, что Гитлер должен стать и станет канцлером. Это было в июле или августе после июльских выборов, но это не имеет никакого отношения к назначению Гитлера, о котором стали говорить лишь после отставки кабинета Шлейхера.

Джексон: В ответ на мой вопрос вы только что заявили, что вы не имели никакого отношения к его назначению на должность канцлера.

Шахт: Это правда.

Джексон: А здесь сказано, что вы просили фон Папена передать свой пост Гитлеру?

Шахт: Да.

Джексон: И вы утверждаете — я хочу, чтобы вы сообщили по этому поводу все, что хотите, — вы утверждаете, что вы не способствовали приходу Гитлера на пост канцлера?

Шахт: Я не знаю, было ли это помощью Гитлеру. Во время допроса в качестве свидетеля меня спросили, оказывал ли я какое-либо влияние на выборы Гитлера и на назначение его канцлером в январе 1933 года. Я назвал имена Гинденбурга, Мейснера, то есть тот круг, который существовал вокруг Гинденбурга. С начала ноября 1932 года Папен уже не был канцлером, то есть не оказывал на эти дела никакого влияния. И в эти недели я ни разу не говорил с ним. После выборов 1932 года я, напротив, сказал Папену, что человек, получивший столько голосов в рейхстаге, неизбежно должен взять на себя политическое руководство.

Джексон: Я хочу правильно понять вас. Когда вы увидели, что Гитлер должен победить, вы к нему присоединились?

Шахт: Нет.

Джексон: Я сейчас разъясню то, что вы только что сказали. Вы не помогали ему до тех пор, пока он не захватил в рейхстаге большее количество голосов, чем какая-либо другая партия?

Шахт: Я присоединился к Гитлеру не тогда, когда я увидел, что он победит, а тогда, когда я констатировал, что он уже победил.

Джексон: Ну, хорошо, я принимаю эту поправку. Вы ссылались на ваше письмо к Гитлеру от 20 августа 1932 года...

Шахт: Да.

Джексон: ...в котором вы советовали ему не выдвигать никакой детализированной экономической программы?

Шахт: Да.

Джексон: Вы утверждали в этом письме, что нет такой экономической программы, с которой бы согласились 40 миллионов человек?

Шахт: Да.

Джексон: И вы сказали ему, что экономическая политика не может являться фактором при построении партии?

Шахт: Да.

Джексон: И вы добавили: «Вы всегда можете полагаться на меня как на заслуживающего доверия помощника». Вы так сказали?

Шахт: Да.

Джексон: Таким образом, это было уже после того, как он победил?

Шахт: Да.

Джексон: И затем 12...

Шахт: Ноября.

Джексон: Совершенно верно. Таким образом, 12 ноября 1932 г. вы написали ему письмо, в котором вы, помимо прочего, писали: «Я не сомневаюсь в том, что настоящее развитие событий может привести только к назначению вас канцлером».

Шахт: Да.

Джексон: «По всей вероятности, наши попытки собрать для этой цели целый ряд подписей со стороны промышленных кругов не оказались бесплодными». Вы так писали?

Шахт: Да.

Джексон: Значит, вы собирали подписи для этой цели?

Шахт: Нет, не я, но я участвовал в этом.

Джексон: Значит, вы содействовали его назначению?

Шахт: Да.

Джексон: В ноябре 1932 года был подготовлен документ, который должно было подписать значительное число промышленников и в котором содержался призыв избрать Гитлера рейхсканцлером. Таково было основное содержание этого документа? Не так ли?

Шахт: Я уже не помню этого документа, но я полагаю, что это тот документ.

Джексон: И этот документ подписали такие люди, как Шахт, Шредер, Крупп, и еще большое число промышленников, не так ли?

Шахт: Да, возможно.

Джексон: Этот документ был послан фон Гинденбургу?

Шахт: Я этого не знаю.

Джексон: Этот документ был составлен с целью содействовать назначению Гитлера на пост канцлера?

Шахт: Возможно.

Джексон: Этот документ адресован рейхспрезиденту, не так ли?

Шахт: Я не видел этого документа, но, наверное, это так.

Джексон: Таким образом, вы не отрицаете факта существования этого документа?

Шахт: Я полагаю, что это так, я его не видел, но я не сомневаюсь, что это так.

Джексон: Затем в ноябре 1932 года вы сообщили Гитлеру о результатах вашей кампании по созданию денежных фондов, не так ли?

Шахт: Об этом я ничего не знаю.

Джексон: Я сейчас напомню вам то, что вы говорили на вашем допросе. Прежде всего я приведу вам ваши показания, в которых вы говорили, что, по-видимому, вы не посылали запроса о денежных фондах, но что о них запрашивал Геринг. Я хочу спросить вас, давали ли вы следующие ответы на вопросы, которые были заданы вам во время допроса 9 октября 1945 года. Эти вопросы относились к событиям февраля 1933 года.

Шахт: Когда это было?

Джексон: События, имевшие место в феврале 1933 года. Возвратимся к 1933 году. Вам был задан следующий вопрос: «Вы припоминаете совещание в доме Геринга, происходившее до того времени, когда вы были назначены Гитлером на пост президента Рейхсбанка?

Ответ: Да. Это было совещание финансового характера. Меня уже несколько раз допрашивали по этому поводу.

Вопрос: Расскажите об этом.

Ответ: Хорошо, с удовольствием. Выборы Гитлера должны были состояться 5 марта, и для этой избирательной кампании он нуждался в деньгах. Он попросил меня обеспечить его деньгами, и я это сделал. Геринг созвал всех этих людей, и я произнес речь. Пожалуй, это нельзя назвать речью, так как Гитлер произнес речь. Я просил их сказать, на какие денежные суммы они могут подписываться, и произвести подписку в пользу выборов. Они подписались на общую сумму в три миллиона и распределили ее между собой.

Вопрос: Скажите, кто были те люди, которые составили этот подписной лист?

Ответ: Мне кажется, что все это были банкиры и промышленники. Они представляли химическую, металлургическую и текстильную промышленность, фактически все отрасли промышленности.

Вопрос: Таким образом, там были представители всех отраслей промышленности?

Ответ: Да, представители всех видов промышленности, всех наиболее значительных видов промышленности.

Вопрос: Вы можете припомнить имена некоторых из этих людей?

Ответ: Да, конечно.

Вопрос: Там был Крупп?

Ответ: Старый Густав Крупп. Он поднялся со своего места, благодарил Гитлера и говорил тогда о нем с большим энтузиазмом. Затем там был Шницлер, мне кажется, это был именно он, а также Фоглер, из концерна сталелитейных заводов».

Вы давали эти показания?

Шахт: Конечно.

Джексон: Вы ссылались на протокол одного совещания. На этом совещании Геринг кратко изложил содержание этого протокола, не правда ли? «Жертвы, которые требуются от промышленности, гораздо легче будет перенести, если промышленники смогут быть уверены в том, что выборы 5 марта будут последними на протяжении следующих десяти лет и, может быть, даже на протяжении следующих ста лет».

Вы слышали, когда он говорил это, не правда ли?

Шахт: Да.

Джексон: Вчера или позавчера вас допрашивали по поводу той поддержки и тех почестей, которые вы оказали Геббельсу. Вы заявили Суду: «Если господин Геббельс совершил ошибку, то это не моя вина». Вы припоминаете эти слова?

Шахт: Да.

Джексон: Я спрашиваю вас, дали ли вы следующие показания следователю, представлявшему Соединенные Штаты, когда вас допрашивали о Геббельсе 17 октября 1945 года?

«*Вопрос:* Когда вас заинтересовало сотрудничество с Гитлером?

Ответ: Я бы сказал, с 1931, 1932 гг.

Вопрос: Именно тогда вы увидели, что он возглавляет массовое движение, которое может прийти к власти?

Ответ: Да. Это движение безостановочно росло.

Вопрос: И в те годы вы открыто заявляли о своей поддержке Гитлера?

Ответ: Кажется, в декабре 1930 года я по возвращении из Америки сделал заявление перед членами Баварской народной партии. Я тогда сказал, что любое будущее правительство должно будет выбрать, бороться ли ему против 25 процентов социалистов в составе правительства или против 20 процентов национал-социалистов.

Вопрос: Но я хотел спросить вас о том — я изложу это более кратким образом, — отдали ли вы ваш престиж и ваше имя, чтобы помочь Гитлеру прийти к власти?

Ответ: Я открыто заявлял, что я ожидал прихода Гитлера к власти. Насколько я помню, первый раз я сделал подобное заявление в ноябре 1932 года.

Вопрос: И вы знаете, а может быть, и не знаете, что Геббельс в своем дневнике с большой благодарностью вспоминал вас?

Ответ: Да.

Вопрос: О той помощи, которую вы ему оказали в то время?

Ответ: Да, я это знаю.

Вопрос: Это был ноябрь 1932 года?

Ответ: Вы говорите, эта книга называется «От дворца кайзера до имперской канцелярии».

Вопрос: Совершенно верно. Вы читали это?

Ответ: Да.

Вопрос: И вы не отрицаете, что Геббельс был прав?

Ответ: Я считаю, что в его представлении он в то время был прав».

Джексон: Вы давали эти показания?

Шахт: Я никогда не сомневался, что Геббельс находился под таким впечатлением...

Джексон: И вы также заявили, что вам никогда не было известно о размерах перевооружения, о типах оружия, о той быстроте, с которой проводилось перевооружение. Вы припоминаете это заявление?

Шахт: Да.

Джексон: Однако, хотя вы не располагали подобными сведениями, вы говорили о том, что оно идет слишком интенсивно?

Шахт: Я чувствовал, что нужно действовать медленно.

Джексон: Разрешите мне напомнить вам об одном показании, данном генералом фон Бломбергом по поводу событий 1937 года.

«*Ответ*: В то время создание вермахта было почти закончено в соответствии с предусмотренным планом.

Вопрос: Когда? В 1937 году?

Ответ: Да, я думаю, что это было в 1937 году.

Вопрос: Это был именно тот план, который обсуждался с Шахтом, относительно его финансирования и по вопросу о том, каких размеров должен был достичь вермахт?

Ответ: Да, Шахт очень хорошо знал план формирования вермахта, так как мы ежегодно сообщали ему о создании новых соединений, на которые мы расходовали деньги. Я помню, что в 1937 году мы обсуждали вопрос о том, какие денежные суммы будут необходимы вермахту для текущих расходов после того, как на его создание будет истрачена весьма значительная сумма.

Вопрос: Это означает, что вы давали Шахту ясное представление о том, какие денежные суммы ежегодно уходили на созда-

ние новых боевых частей, новых сооружений и т. д., а также о том, сколько средств тратилось на покрытие текущих расходов вермахта?

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: Когда вы говорите, что в 1937 году этот план был выполнен, вы имеете в виду, что он был выполнен в основных чертах?

Ответ: Да, в основных чертах.

Вопрос: Вы говорите о том, что Шахт был знаком с этими цифрами. Каким образом они доводились до его сведения?

Ответ: Запросы на представление необходимых денежных средств передавались Шахту в письменной форме.

Вопрос: Это означает, что в связи с теми средствами, которые Шахт выделял на проведение программы перевооружения, ему сообщалось о том, сколько дивизий, танков и прочих видов вооружения создавалось этим путем?

Ответ: Я не думаю, чтобы мы в отдельности указывали, какое количество средств необходимо для строительства танков и других видов вооружения, но мы обычно сообщали, каких средств требовало развитие отдельных отраслей вермахта, например военно-морского флота или военно-воздушных сил, причем обычно отдельно указывалось, какие денежные суммы были необходимы для приведения этих отраслей в боевую готовность и какие шли на текущие расходы.

Таким образом, доктор Шахт мог ежегодно следить за тем, каким образом увеличивались размеры вооруженных сил на те денежные средства, которые он поставлял».

Я спрашиваю вас, отрицаете ли вы правильность показаний, данных фон Бломбергом в том виде, в каком я их сейчас огласил?

Шахт: Да, к сожалению, я должен сказать, что мне это совершенно неизвестно.

Джексон: Вы отрицаете, что фон Бломберг говорил правду, когда заявил, что он в письменной форме докладывал вам об этих фактах?

Шахт: Да, к сожалению, я должен это отрицать. Очевидно, он не помнит этого.

Джексон: Хорошо. Вчера или позавчера вы дали показания по поводу того, что так называемый «новый план» не имел никакого отношения к программе вооружения, не так ли?

Шахт: Именно к вооружению никакого отношения.

Джексон: Значит, он не имел никакого отношения к этой программе?

Шахт: Конечно нет.

Джексон: Я хочу спросить вас о следующем: разве вы не сказали о чудесах финансовой системы в вашей речи, произнесенной 29 ноября 1938 года, следующее — до этого вами был приведен целый ряд цифр: «Эти цифры показывают, насколько «новый план» способствует проведению в жизнь программы вооружения, а также свидетельствуют о том, насколько этот план гарантирует обеспечение нас продуктами питания». Говорили вы это или нет?

Шахт: Да, говорил.

Джексон: Насколько я вас понял, вы в ваших показаниях заявили, что не имели совершенно ничего общего с Гитлером и с другими нацистами с социальной точки зрения. Вы отклонили их приглашение на завтрак, который должен был состояться в имперской канцелярии, и сделали это главным образом потому, что все присутствующие слишком явно унижались в присутствии Гитлера. Вы говорили об этом?

Шахт: Да.

Джексон: Я хочу сейчас огласить вам выдержку из вашей речи; это была ваша торжественная речь по случаю дня рождения фюрера. Между прочим, эта речь ведь была произнесена перед широкой публикой, не правда ли?

Шахт: Я не знаю, я не помню.

Джексон: Вы произнесли речь по случаю дня рождения фюрера 21 апреля 1937 года, и она была напечатана в газетах?

Шахт: Может быть.

Джексон: «Мы здесь собрались для того, чтобы с любовью и уважением вспомнить того человека, которому германский народ более четырех лет тому назад вручил свою судьбу».

Затем после ряда других замечаний вы говорите: «С безграничной страстью сердца, горящего ярким пламенем, и с безошибочным инстинктом прирожденного государственного деятеля Гитлер в борьбе, которую он со спокойной логикой вел в течение четырнадцати лет, завоевал себе душу германского народа».

Это является выдержкой из вашей речи, которая была произнесена перед широкой аудиторией и опубликована в печати?

Шахт: Я полагаю, что вы цитируете совершенно правильно, и я не думаю, чтобы кто-либо в день рождения главы государства мог сказать что-нибудь другое.

Джексон: Вы сегодня цитировали письмо Гитлера от 19 января 1939 года, в котором он сообщал о том, что вы смещаетесь с поста президента Рейхсбанка. Но вы не огласили заключительного предложения; насколько я помню, оно гласит:

«Я счастлив, что буду пользоваться вашими услугами при разрешении тех новых задач, которые встанут перед вами на посту имперского министра». Эта цитата приведена правильно, не правда ли?

Шахт: Я ссылаюсь на показания свидетеля Гизевиуса, который сказал, что внешне Гитлер никогда не раскрывал тех разногласий, которые существовали у него с его бывшими сотрудниками, и что он, напротив, всегда старался показать миру иную картину, чем это было в действительности.

После января 1939 года Гитлер ни разу не интересовался моим мнением, деятельностью и т. д.

Джексон: Вас еще кто-нибудь спрашивал об этом?

Шахт: Нет, те случаи, когда меня спрашивали, я перечислил сегодня утром, то есть в отношении Бельгии, в отношении журнала «Дас Рейх», и это все, я думаю.

Джексон: И вы не выполнили никаких задач в связи с Бельгией?

Шахт: Нет.

Джексон: Сейчас я буду цитировать ваше письмо от 17 октября 1940 года, адресованное имперскому министру экономики. В то время вы уже перестали быть президентом Рейхсбанка, не так ли?

Шахт: Да, я был лишь министром без портфеля.

Джексон: «С целью избежания параллельной деятельности германских банков в оккупированных восточных территориях, то есть деятельности, направленной друг против друга, вы поручили „Дейче банк" пробить дорогу к более тесному экономическому сотрудничеству с Голландией и доверили Дрезденскому банку ту же задачу в отношении Бельгии».

Далее вы описывали создавшееся положение и говорили:

«Для того чтобы устранить эти трудности, вы, господин имперский министр, согласились с запросами этих двух банкирских домов относительно объективного выражения точек зрения по этому вопросу. Я впоследствии обсудил этот вопрос как с тем, так и с другим банком, и в процессе этого обсуждения мы пришли к заключению, что со стороны датских и бельгийских финансовых учреждений не замечается тенденции входить в тесные связи с германскими предприятиями».

Вы припоминаете это высказывание?

Шахт: Да, после того как вы мне зачитали, я припоминаю.

Джексон: Цель вашего вмешательства заключалась в том, чтобы избежать на оккупированных территориях неправильного соотношения банковских интересов оккупированных территорий и германских банков, не так ли?

Шахт: Конечно, они должны были мирно сотрудничать.

Джексон: Да. Однако вы заявили данному Трибуналу, что вы принципиально возражали против того, чтобы немецкие банки вообще проникали в экономику оккупированных территорий, не так ли?

Шахт: Конечно. Но после того как они туда проникли, я призывал к миру.

Джексон: К вам обратился также Крупп фон Болен по поводу создания фонда, который был известен под названием «фонд расходов Гитлера», не так ли?

Шахт: Нет.

Джексон: И он к вам никогда не обращался по этому поводу?

Шахт: Никогда.

Джексон: Создавали ли вы в мае 1933 года вместе с Круппом фон Болен фонды в помощь организации займа — я говорю о фондах расходов Гитлера?

Шахт: Нет.

Джексон: Что вы ответили на письмо Круппа фон Болен, в котором последний просил вас помочь созданию этих фондов?

Шахт: Напомните мне, пожалуйста, что мне писал тогда господин Крупп фон Болен.

Джексон: У вас имеется письмо от 29 мая?

Шахт: Да, минуточку. Я прочту это письмо или просмотрю его. Можно ли мне ответить на это?

Джексон: Прежде всего скажите, получали ли вы это письмо?

Шахт: Да, я получил это письмо.

Джексон: Хорошо. Теперь расскажите, что тогда произошло.

Шахт: В этом письме господин Крупп фон Болен сообщал мне, что промышленники и другие представители экономики, например из области сельского хозяйства и т. д., намерены организовать общественный сбор пожертвований в фонд Гитлера. Вот об этом он и сообщал в этом письме, в котором он далее говорил, что необходимо создать наблюдательный совет по этому фонду Гитлера. Я подчеркиваю, что я никогда не присоединялся к этому совету и никогда не работал в нем. Затем он сообщил о том, что представители банков, а именно доктор Фишер и доктор Мослер установят со мной связь по этому вопросу и будут информировать меня о положении вещей. Это все, что написано в этом письме.

...*Джексон:* Вы привели Трибуналу целый ряд доводов, которые, по вашим словам, носили принципиальный характер, по поводу того, почему вы не стали членом партии. Вы помните их?

Шахт: Да.

Джексон: Вы говорили об этом вчера на Суде, вы припоминаете?

Шахт: Да.

Джексон: Разве не соответствует действительности тот факт, что вы сообщили американским обвинителям о том, что вы спросили Гитлера, должны ли вы вступить в партию, и что, к вашему великому облегчению, Гитлер сказал, что вы можете не вступать?

Шахт: Да, прежде чем начать какое-либо сотрудничество с ним, я хотел установить, потребует ли он от меня, чтобы я стал членом партии. Он ответил отрицательно. Это меня успокоило.

Джексон: Таким образом, вы оставались вне рядов партии с согласия и одобрения Гитлера?

Шахт: Да, конечно. Мне кажется, что это лишнее доказательство того, что я никогда не был членом партии.

Джексон: Когда вы получили золотой значок партии с изображением свастики, вы говорили, что это величайшая честь, которая может быть оказана Третьей империей. Вы помните об этом?

Шахт: Да, я сказал это.

Джексон: Вы не носили этого значка ежедневно, по вашим собственным словам, вы надевали его в официальных случаях, не так ли?

Шахт: Да, это приносило большие удобства при поездках по железной дороге, при вызове автомобиля и т. п.

Джексон: С 1933 по 1942 год вы ежегодно вносили в фонд партии тысячу рейхсмарок?

Шахт: Нет, да, простите, с 1937 до 1942 года.

Джексон: Разве вы во время допроса не заявили, что речь шла о периоде с 1933 по 1942 год?

Шахт: Нет, это ошибка. С 1937 года, после того как я получил свастику.

Джексон: В течение более десяти или в период немногим менее десяти лет вы принимали на себя и выполняли обязанности самого различного характера, действуя в условиях этого режима, не так ли?

Шахт: С 17 марта 1933 года по 21 января 1943 года.

Джексон: Насколько я вас понимаю, на протяжении всего этого времени или, по крайней мере, части этого времени Гитлер вас обманывал, и в течение всего этого времени вы обманывали Гитлера.

Шахт: О, нет, нет.

Джексон: Что касается программы перевооружения, то вы принимали в ней участие, работая в трех различных управлениях, не так ли?

Шахт: Я не знаю, что вы имеете в виду.

Джексон: Во-первых, вы были уполномоченным по военным вопросам?

Шахт: Да.

Джексон: В первое время эта должность носила секретный характер?

Шахт: Да.

Джексон: Вы были президентом Рейхсбанка. Это было финансовое управление?

Шахт: Да.

Джексон: И, наконец, вы были министром экономики; занимая этот пост, вы имели контроль над всеми министерствами по вопросам общего экономического положения?

Шахт: Да, это слово «контроль» имеет слишком общее значение, я не хотел бы подчеркивать его, но я был министром хозяйства.

Джексон: Давайте прежде всего остановимся на вашей должности уполномоченного по военным вопросам. Вы показали здесь, что эта должность была создана с двойной целью: а) подготовки к войне, b) контроля над экономикой в случае войны. Это правильно?

Шахт: Это значит: разработка предварительных планов на случай войны и руководство экономикой на тот же случай. Это значит: настоящая подготовительная эра и будущая эра в случае возникновения войны.

Джексон: На вопрос относительно ваших обязанностей вы дали следующий ответ:

«Подобно тому, как начальник штаба обеспечивает мобилизацию с военной точки зрения, мы занимались теми же вопросами в экономической области».

Шахт: Да.

Джексон: Вы ответили — «конечно». Будучи уполномоченным по военным вопросам, вы занимали положение, равное положению военного министра, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: И, таким образом, в случае войны ответственность в первую очередь возлагалась на военного министра и начальника генерального штаба вооруженных сил, и во вторую — на равных основаниях она возлагалась на доктора Шахта как на уполномоченного по экономическим вопросам. Это правильно?

Шахт: Я полагаю, что правильно.

Джексон: В январе 1937 года вы писали следующее: «Мне доверена подготовка военной экономики в соответствии с

тем принципом, что наша военная экономика должна быть организована в мирное время таким образом, чтобы в случае необходимости она могла быть немедленно переведена с продукции мирного времени на военные нужды, с тем, чтобы не было необходимости создавать эту экономику в начале войны».

Шахт: Я думаю, что это правильно.

Джексон: Кто был вашим заместителем на этом посту? Вольтат?

Шахт: Я думаю, что Боденшатц Вольтат.

Джексон: Таким образом, мы говорили о ваших обязанностях как уполномоченного по вопросам военной экономики. Перейдем теперь к вашим обязанностям как президента имперского банка.

Вы заявили, что проведение программы вооружения было основной задачей германской политики в 1936 году, не так ли?

Шахт: Без сомнения.

Джексон: Нет сомнения в том, что вы добровольно приняли на себя ответственность за отыскание финансовых и экономических методов для осуществления этой задачи?

Шахт: Несомненно.

Джексон: И вы руководили развитием промышленности вооружения Германии, причем в вашем ведении находились финансовые и экономические вопросы?

Шахт: Нет.

Джексон: Вы этого не делали?

Шахт: Нет, никоим образом.

Джексон: Может быть, я вас неправильно понял?

Теперь в связи с настоящим развитием — я ссылаюсь на ваш допрос от 16 октября 1945 г. — «...вы взяли на себя ведение экономических и финансовых дел, связанных с этой промышленностью?»

Следующий вопрос гласит: «В этой связи вами были предприняты самые различные меры. Может быть, вы будете достаточно любезны разъяснить нам, какие самые значительные меры были вами приняты с целью добиться перевооружения; в первую очередь, расскажите нам о мерах, проведенных внутри Германии, и, во-вторых, о мерах, принятых по отношению к иностранным государствам.

Ответ: Внутри страны я стремился собрать все возможные денежные средства для финансирования счетов «МЕФО». В отношении иностранных государств я стремился в возможно большей степени контролировать их коммерческие обороты».

Скажите, давали ли вы эти ответы и отвечают ли они действительности?

Шахт: Очевидно, вы правы.

Джексон: Вы стремились добиться контроля над торговыми оборотами иностранных государств с той целью, чтобы получить достаточное количество иностранной валюты, которое дало бы вам возможность импортировать сырьевые материалы, то есть материалы, не подвергавшиеся обработке, необходимые для проведения в жизнь программы перевооружения. Разве это неправильно?

Что вы сейчас ответите на это?

Шахт: Я отвечу сегодня, что это было не единственной целью.

Джексон: Хорошо. Что же представляли собой другие цели?

Шахт: Сохранить существование Германии, обеспечить производство в Германии, получить достаточно продовольствия для Германии.

Джексон: Что же являлось вашей доминирующей целью?

Шахт: Обеспечение Германии продовольствием и обеспечение ее промышленности, работающей на экспорт.

Джексон: Я хотел бы рассмотреть с вами один-два документа, касающихся ваших целей.

Один озаглавлен: «Финансирование вооружения».

«Следующие замечания основаны на утверждении о том, что осуществление программы вооружения в отношении быстроты ее проведения и ее масштабов является задачей германской политики; исходя из этого, все остальные задачи должны быть подчинены одной этой цели в той мере, в какой стремление к этой первостепенной цели не грозит пренебрежительным отношением к другим вопросам». Вы писали это?

Шахт: Я не только написал это, но и лично передал написанное Гитлеру.

Джексон: Таким образом, вы разрабатывали различные планы. План контроля над операциями с иностранной валютой, наложение запрета на вклады иностранных банков и векселя «МЕФО» являлись одним из ваших основных изобретений, при помощи которых вы обеспечивали финансирование, не так ли?

Шахт: Конечно.

Джексон: Меня не интересуют подробности операций с векселями «МЕФО», но я хочу задать вам следующий вопрос. Отвечают ли действительности те показания, которые вы дали во время допроса 16 октября 1945 года?

«*Вопрос*: Разрешите мне задать вам вопрос, касающийся некоторых фактов. В то время, например, когда вы создали систе-

му векселей «МЕФО», у вас не было под рукой других средств для финансирования системы перевооружения?

Ответ: Нет, не было.

Вопрос: Я имею в виду обычные бюджетные финансовые операции.

Ответ: Их было недостаточно.

Вопрос: Вы были также ограничены статутом Рейхсбанка, который не давал вам возможности давать в кредит денежные суммы, необходимые для финансирования перевооружения?

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: И вы нашли иной способ?

Ответ: Да.

Вопрос: Этот способ выражался в том, что вы изобрели средство, в результате которого Рейхсбанк путем изворотливых операций выплачивал правительству денежные суммы, что при нормальных и законных операциях не могло бы иметь места?

Ответ: Совершенно верно».

Скажите, это отвечает действительности?

Шахт: Да, я ответил так.

Джексон: Вам тогда были заданы следующие вопросы:

«Насколько я понял, все то, что в то время было создано в Германии, начиная с промышленности вооружения и прочной экономики внутри страны и кончая вермахтом, а также те усилия, которые вы приложили к достижению этого, начиная с 1934 и до весны 1938 года, когда прекратилась система векселей «МЕФО», являются в значительной степени причиной успеха всей программы?

Ответ: Я не знаю, что является причиной этого, но я в значительной степени содействовал достижению этого».

Шахт: Да.

Джексон: 17 октября 1945 года вам был задан следующий вопрос: «Говоря другими словами, вы не придерживаетесь той точки зрения, что вы не несли значительной ответственности за перевооружение германской армии?

Ответ: Нет, нет. Я никогда не говорил ничего подобного.

Вопрос: Вы всегда гордились этим фактом, не так ли?

Ответ: Я не сказал бы, что я горд этим, но я был этим удовлетворен.

Вопрос: Скажите, вы все еще стоите на этой точке зрения?

Шахт: Я хочу сказать об этом следующее: векселя «МЕФО» были, конечно, методом финансирования, который при нормальных условиях никогда бы не имел места. Но, с другой стороны, я должен сказать, что этот вопрос был детально рассмот-

рен всеми юристами имперского банка и что благодаря этой «уловке», как вы сказали, был найден путь, не выходящий за рамки закона.

Джексон: Нет, я не говорил так. Это вы сами так говорите.

Шахт: Нет, нет, я имею в виду то, что вы только что цитировали в качестве моего ответа. Когда этот вопрос был исследован с юридической стороны, мы сказали себе: «Так пойдет». А вообще я и сегодня доволен тем, что я помог вооружению.

Джексон: В день вашего шестидесятилетия военный министр фон Бломберг заявил: «Без вашей помощи, мой дорогой господин Шахт, у нас не было бы вооружения». Говорил он так?

Шахт: Ну, это просто вежливые фразы, какими обмениваются обычно в таких случаях. Но в них содержится добрая толика правды. Этого я никогда не оспаривал.

Джексон: 24 декабря 1935 г. вы записали, употребляя следующие выражения: «Если сейчас от нас требуется больше вооружения, то я, безусловно, не намерен отрицать необходимость для нас иметь самое мощное вооружение, какое можно себе представить, или изменять свою точку зрения по этому поводу, точку зрения, которой я придерживался многие годы как до, так и после захвата власти. Однако я считаю своим долгом указать, насколько эта политика ограничена существующим положением».

Шахт: Это очень хорошо.

Джексон: И это правда?

Шахт: Конечно.

Джексон: Во время австрийского аншлюса вам была известна точка зрения США по отношению к нацистскому режиму, высказанная президентом Рузвельтом?

Шахт: Да.

Джексон: И вам было известно его выступление, в котором он выдвинул предложение о том, что следует принять меры против распространения нацистской угрозы?

Шахт: Я не помню, но я, очевидно, читал, если оно было опубликовано в Германии. Во всяком случае, я так полагаю.

Джексон: В результате этого Геббельс начал кампанию нападок на президента, не правда ли?

Шахт: Я полагаю, что я читал об этом.

Джексон: Это факт, что вы присоединились к нападкам на иностранцев, критиковавших эти методы, не правда ли?

Шахт: Когда и где? Какие нападки?

Джексон: Хорошо. После аншлюса Австрии, когда была применена сила, которую вы якобы не одобряли, вы немедленно по-

ехали в Австрию и взяли на себя руководство Австрийским национальным банком, не правда ли?

Шахт: Да, это был мой долг.

Джексон: И вы ликвидировали его в пользу империи?

Шахт: Я его не ликвидировал. Я осуществил его слияние.

Джексон: Произвели слияние. И вы приняли его служащих?

Шахт: Я все взял.

Джексон: Хорошо. И декрет об этом подписан вами?

Шахт: Конечно...

Джексон: Теперь мы переходим к Чехословакии. Скажите, вы одобряли политику присоединения Судетской области при помощи угрозы прибегнуть к оружию?

Шахт: Нет, вовсе нет.

Джексон: Я полагаю, что вы охарактеризовали метод присоединения Судетской области как неправильный и порицали его?

Шахт: Что-то я не помню, когда я это сделал. Я сказал, что союзники в результате своей политики подарили Гитлеру Судетскую область, в то время как я все время ожидал, что судетским немцам будет предоставлена автономия.

Джексон: Тогда вы одобряли политику Гитлера в отношении Судетской области? Вы хотите, чтобы вас так поняли?

Шахт: Я никогда ничего не знал о том, что Гитлер требовал еще чего-то помимо автономии...

Джексон: Но опять-таки вы стали помогать Гитлеру, когда действия Гитлера оказались успешными? После того как он это сделал, вы явились и приняли на себя чешский банк, не правда ли?

Шахт. Конечно.

Джексон: Хорошо, вы производили расчистку в экономическом отношении захваченных Гитлером территорий, не правда ли?

Шахт: Но простите, пожалуйста. Ведь он же не взял эту страну силой. Союзники просто подарили ему эту страну.

Джексон: Ну, в этом отношении у нас имеются ваши показания о роли, которую в этом сыграли вооруженные силы, и о той роли, которую вы сыграли в создании вооруженных сил.

Шахт: Я этого никогда не отрицал.

Джексон: Далее, когда вы были министром без портфеля, согласно вашим показаниям, были начаты агрессивные войны — против Польши в сентябре 1939 года; против Дании и Норвегии — в апреле 1940 года; против Голландии и Бельгии — в мае 1940 года; в июне было перемирие с Францией и ее капитуляция; в сентябре 1940 года имел место тройственный пакт между

Германией, Италией и Японией; в апреле 1941 года произошло нападение на Югославию и Грецию, которое, как вы говорите, было агрессивным; в июне 1941 года произошло вторжение в Советскую Россию, которое, как вы сказали, было агрессивным; 7 декабря 1941 г. японцы напали на Пёрл-Харбор и после нападения объявили войну США; 8 декабря 1941 г. США объявили войну Японии, но не Германии; 11 декабря 1941 г. Германия и Италия объявили войну США. И все это произошло в области внешней политики, а вы продолжали оставаться на посту министра без портфеля гитлеровского правительства, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: Вы открыто не порвали с Гитлером, не ушли со своего поста и после того, как началось германское наступление на Россию, и до тех пор, пока германская армия не стала отступать, не правда ли?

Шахт: Письмо, благодаря которому мне удалось успешно добиться разрыва, датировано 30 ноября 1942 г.

Джексон: Таким образом, из вашего письма явствует, что вы считали, что корабль тонет, не правда ли? То есть, что война проиграна?

Шахт: Об этом свидетельствуют мои устные и письменные заявления.

Глава 39
Адвокат или «совестливый человек»?

Устав Международного военного трибунала предоставил все возможности для ведения соревновательного процесса, и в частности для квалифицированной защиты подсудимых. Им полагались адвокаты из числа немецких юристов, причем по выбору обвиняемых.

Понятно, что антифашистски настроенные правоведы нацистским главарям не требовались. Нужны были те, кто им сочувствовал и, конечно, хорошо знал дело. Так или иначе, у большинства обвиняемых оказались весьма сильные защитники. Это были и звезды германской адвокатуры, такие как О. Штамер, защищавший Геринга, и молодые, но весьма активные и изощренные коллеги, например А. Зейдль, действовавший в пользу Гесса и Франка. Трибунал предоставлял им все необходимые документы. Для них даже был создан в отдельном помещении информационный центр.

Насколько внимательно относился суд к запросам защитников, говорит тот факт, что помощнику адвоката Кранцбюллера было разрешено поехать в Лондон для ведения поиска в секретных архивах

адмиралтейства. От Кранцбюллера же был принят и направлен в Америку опросный лист с вопросами к адмиралу Нимицу, который дал все необходимые ответы.

Гуманность подхода к защите проявлялась и в том, что все расходы на нее — гонорары, оплата жилья, питания, транспорта относились к бюджету суда.

На процессе трудилось 27 защитников, 54 ассистента и 67 секретарей. Среди этого персонала были даже родственники подсудимых, например сын Папена и зять Риббентропа.

Чинные с виду адвокаты порой не очень стеснялись в средствах: диктовали подсудимым ответы на вопросы суда, обрабатывали свидетелей защиты и находили средства давления на свидетелей обвинения.

Самым распространенным приемом защиты было делегирование вины «наверх», в конечном счете на Гитлера, а подчиненные, в том числе и остальные вожди, дескать, лишь выполняли приказы. Второе типичное возражение состояло в том, что «закон не имеет обратной силы». Якобы до Нюрнбергского процесса не было ясного международного правового определения преступлений против мира и человечности. Третий прием заключался в проведении параллелей между действиями Германии и стран антигитлеровской коалиции. Например, защитники сравнивали методы ведения воздушной и морской войны той и другой стороны и находили их «похожими». Они пытались переключить внимание суда с анализа вины обвиняемых на разбор политики и мер государств антигитлеровской коалиции.

Ожидая разногласий и ссор среди союзников, адвокаты использовали любую возможность затянуть процесс. Вот какой пример приводит Аркадий Полторак: «В здании Дворца юстиции имелся газетный киоск, где можно было приобрести любые иностранные газеты... Наиболее активными покупателями были здесь немецкие защитники. Они зорко всматривались в политический горизонт, радовались появлению любой тучки в отношениях между Востоком и Западом и без труда уверовали в то, что время будет работать на подсудимых. Именно потому одной из главных линий своей стратегии защита избрала максимальную затяжку процесса. Достижение этой цели осуществлялось различными методами. Началось с многочисленных ходатайств о назначении перерывов в заседаниях трибунала. Все тот же доктор Штамер от имени всей защиты попросил объявить рождественские каникулы сроком на три недели. Просьба была удовлетворена, хотя срок каникул сократили до десяти дней. Но ровно через четыре дня после возобновления работы трибунала вдруг поднимается доктор Меркель (защитник гестапо) и вновь ходатайствует об... отсрочке процесса.

Эта попытка успеха не имела. Тогда адвокаты прибегли к новому приему: начали настаивать на вызове в суд десятков и сотен свидете-

лей, либо вообще не имевших отношения к делу, либо имевших к нему весьма и весьма сомнительное касательство.

Затем последовал уже известный читателям «маневр Розенберга», имевший целью втянуть всех активных участников процесса в длительную дискуссию по «теории» расизма. Защита потащила в судебный зал десятки фолиантов американских, английских, французских расистов, а заодно и труды своих подзащитных...

Но большинство адвокатов, конечно, понимало, что 1945 год это не 1939 и что зал заседаний Международного трибунала это не гитлеровский рейхстаг. Недурно разбирались они и в подлинной ценности «теоретических» изысканий своих подзащитных. В связи с этим мне невольно приходит на память весьма курьезный эпизод.

Доктор Тома стоит на трибуне и, обращаясь к суду, предъявляет один за другим документы в защиту Альфреда Розенберга. Перед адвокатом микрофон. Рядом с микрофоном специальное устройство, которое позволяет оратору на время отключаться от зала. К этому устройству адвокаты прибегают всякий раз, когда хотят сказать что-либо своему ассистенту, сидящему за столом рядом с трибуной. Ассистент доктора Тома услужливо подавал ему соответствующие документы. Но вот он то ли ослышался, то ли сам Тома оговорился, и в руках адвоката оказалась книга Розенберга «Миф XX столетия». Тома механически хотел передать ее судьям, но в самый последний момент обнаружил оплошность. Побагровев до ушей, адвокат сверкнул гневным взглядом в сторону своего ассистента, и вдруг по всему залу, во всех наушниках явственно прозвучало:

— Болван, зачем вы мне суете это дерьмо?

Тома забыл, оказывается, выключить микрофонное устройство.

Все присутствовавшие на этом заседании разразились хохотом, настолько дружным и мощным, что даже лорд Лоренс, неизменно подчеркивавший, что «смех в зале причиняет моральный ущерб достоинству трибунала», ничего не мог сделать. Старый опытный судья сумел сдержать лишь самого себя, да и то ненадолго. Во время перерыва он тоже смеялся так, что стены дрожали. Хохотали и подсудимые. Один лишь Розенберг был мрачнее тучи, метал громы и молнии в адрес своего незадачливого адвоката»*.

12 марта 1946 г., когда была опубликована фултонская речь Черчилля, в стане защиты и на скамье подсудимых явно поднялось настроение. Вокруг Геринга кучкой собрались Риббентроп, Розенберг, Дениц, Франк, Заукель, Ширах. Рядом с Шахтом обсуждали новость Папен, Фриче, Зейсс-Инкварт, Нейрат. Заголовки в американских

* Полторак А. Нюрнбергский эпилог. М.: Юрид. лит., 1983

газетах типа «Объединяйтесь, чтобы остановить Россию!» не могли не вселить в них надежду на трения и разлад между союзниками.

Геринг заявил: «Летом прошлого года я не надеялся увидеть осень, зиму и новую весну. Если я дотяну до следующей осени, я, наверное, увижу еще не одну осень, не одну зиму и не одно лето». И, выдержав подобающую случаю паузу, с явным удовлетворением в голосе и сардонической улыбкой на лице добавил: «Единственные союзники, которые все еще находятся в союзе, — это четыре обвинителя, да и они в союзе только против подсудимых».

К чести судей и обвинителей, они быстро погасили эти эмоции, не реагируя на политические события. Определенные разногласия среди них, конечно, существовали, но в принципиальных вопросах трибунал был един и демонстрировал это единство до конца процесса.

Затягиванию суда и уводу следствия в сторону служили выпады адвокатов по поводу, например, пакта Молотова–Риббентропа или расстрела польских офицеров в Катынском лесу, английских методов войны на море или казни англичанами немецких пленных.

Трибунал предпринял контрмеры. Представители США и Великобритании предложили каждой стороне составить списки вопросов, не подлежащих обсуждению на процессе. Первыми, в декабре 1945 г., представили свой меморандум англичане. Спустя три месяца, в марте 1946 г., выдвинула соответствующий перечень советская сторона.

Защитники вовсе не пытались подыгрывать суду. Они бились всерьез, и у них были немалые возможности. Стоит упомянуть, что защитник Гесса и Франка Зейдль извлек на свет божий копию секретного приложения к пакту Молотова–Риббентропа. Однако судья запретил его оглашение.

Мастера словесных дуэлей старательно выискивали пробелы в праве. Адвокаты нацистских бонз напирали на то, что в мире нет прецедентов уголовной ответственности руководителей государств за развязывание войн, нет законов, определяющих такие преступления. Обвинение не пожалело усилий, чтобы развенчать эти утверждения. Р. А. Руденко, например, поднял историю международных соглашений, трактующих агрессивную войну как преступление. Таковы были дух и буква Женевского протокола 1924 г., Парижского пакта Бриана–Келлога 1928 г. и других документов.

Другим дежурным «козырем» адвокатов были действия обвиняемых по приказу, что якобы снимало с них ответственность. Мол, перед ними была дилемма: или выполнить установку свыше, или лишиться жизни в случае неповиновения.

Этот аргумент изобрели и применили не одни нюрнбергские защитники. С помощью его пытались оправдаться сотни тысяч немецких военных преступников, но для обвиняемых из высшего эшелона

власти он был особенно удобен. Ведь источником приказов и всего нацистского зла для подсудимых в Нюрнберге являлся, понятное дело, фюрер, которого уже не было в живых.

Суд твердо стоял на том, что преступные действия по приказам и распоряжениям свыше являются наказуемыми, и приводил убедительные обоснования.

Адвокат Кальтенбруннера Кауфман был в сложном положении. Защита шефа карательных органов, погрязших в ужасных, невиданных преступлениях, была делом неблагодарным. Собственно, у Кауфмана и не было базы для защиты отпетого нациста. К тому же у адвоката, которого опрометчиво выбрал сам обвиняемый, был крупный «недостаток» — он был «совестливый человек».

Кальтенбруннер однажды пожаловался Гилберту: «Вы знаете, доктор, мой адвокат очень уж совестливый человек. Взбучка, которую он мне дал — больше, чем можно ждать от обвинителя».

Шеф РСХА все время лгал, изворачивался, и это, видимо, очень не нравилось Кауфману. Однажды он потребовал от Кальтенбруннера четких и прямых ответов на поставленные вопросы, в то время как подзащитный, некогда сам адвокат, стремился отвечать расплывчато. «Когда вы узнали, что Освенцим является лагерем уничтожения и каково было отношение к нему? — с прокурорской прямотой и напором спрашивал адвокат. — Давайте прямой ответ на вопрос... Отвечайте ясно и кратко...»

Это и была та самая «взбучка». Вся скамья подсудимых изумилась тогда, глядя, как адвокат уподобляется обвинителю. При допросе свидетеля Шелленберга Кауфман также потребовал дать четкий ответ, занимался ли Кальтенбруннер исключительно внешней разведкой и информацией. Шелленберг, шеф этой внешней разведки, ответил: нет!

В отличие от Кальтенбруннера, Ялмар Шахт никогда не жаловался на своего адвоката. С доктором Диксом он был знаком давно. В 1944 г. именно Дикс защищал его в германском «народном суде» по обвинению в измене гитлеровскому режиму. В 1945 г. он делал то же самое на процессе в Нюрнберге и, конечно, не упускал возможности проводить выгодные ему параллели. Со сравнения Кальтенбруннера и Шахта — «главного тюремщика» и его «узника», оказавшихся на одной скамье подсудимых, начинается его умело построенная речь.

При этом ради красного словца Дикс нарушал неписаный закон адвокатов: защищая одного обвиняемого — не «топить» другого. Но, видимо, Кальтенбруннера он списал со счетов как заведомого козла отпущения.

То ли дело — Шахт! Защита столь видной фигуры — «финансового гения» рейха, принесла Диксу немалые дивиденды. Спрос на его

искусство в Западной Германии оказался очень большим. Он стал одним из самых заметных и высокооплачиваемых адвокатов страны.

Ради справедливости надо сказать, что Шахта, впоследствии оправданного судом, спасло от наказания все же не выдающееся красноречие Дикса, а закулисные маневры покровителей — крупных деятелей международного бизнеса, желавших вывести финансиста из-под удара. В его пользу сработала и сама система принятия судебных решений, требовавшая большинства голосов. При вынесении приговора Шахту голоса судей разделились поровну — два за осуждение и два против, и в силу этого Шахт был оправдан.

РЕЧЬ ДИКСА, ЗАЩИТНИКА ПОДСУДИМОГО ЯЛМАРА ШАХТА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 15 июля 1946 г.]

Господин председатель, господа судьи! Исключительный характер дела Шахта становится совершенно очевидным уже при одном взгляде на скамью подсудимых, на которой сидят Кальтенбруннер и Шахт. Какова бы ни была компетенция Кальтенбруннера, но он, во всяком случае, являлся начальником главного имперского управления безопасности. Шахт вплоть до мая 1945 г. находился в заключении в различных концентрационных лагерях главного имперского управления безопасности. Это на редкость гротескная картина — главный тюремщик и его узник сидят на одной скамье подсудимых. Сама по себе эта необычная картина уже в начале судебного процесса должна была бы заставить призадуматься всех его участников: судей, обвинителей и защитников.

Установлено, что Шахт был заключен в концентрационный лагерь по приказу Гитлера. Ему предъявили обвинение в государственной измене, измене гитлеровскому режиму. Он был бы осужден «народным судом» во главе с кровавым судьей Фрейслером, если бы, находясь в заключении, не перешел в ведение союзных держав-победительниц. Летом 1944 г. на меня была возложена задача защищать Шахта перед «народным судом» Адольфа Гитлера; летом 1945 г. меня просили осуществить его защиту в Международном Военном Трибунале. Такое положение вещей само по себе в корне противоречиво. Оно также должно побудить всех участников процесса вдумчиво отнестись ко всему, что касается личности Шахта.

Путем подробного и тщательного представления доказательств перед Трибуналом была полностью раскрыта картина Третьей империи. За этой картиной таилось многое. В пределах

возможного была воспроизведена также и закулисная сторона. В пределах возможного! Это означает, что такое исследование было ограничено рамками представления судебных доказательств, и хотя оно и производилось тщательно, все же в силу Устава должно было закончиться, по возможности, скорее. Чтобы понять, как выглядела Германия при Гитлере, многое должно быть воспринято Трибуналом интуитивно.

Невозможно охватить гитлеровскую Германию государственно-правовыми понятиями с точки зрения человека, обладающего правовой культурой.

Меня, как защитника подсудимого Шахта, не интересуют многие преступления, о которых может идти речь, потому что обвинение Шахта должно рассматриваться независимо от действий других, и только лишь исходя из оценки его собственных действий, которые не содержат в себе никакого преступления...

Шахт заявил здесь, что он чувствует себя жестоко обманутым Гитлером. Этим он признал ошибочность некоторых своих взглядов и действий. Обвинение оспаривает добрую волю Шахта и обвиняет его в том, что он умышленно и сознательно в качестве финансового агента Гитлера содействовал подготовке агрессивной войны, а поэтому, с точки зрения заговора, должен нести уголовную ответственность за все злодеяния и жестокость, которые были совершены другими в ходе войны. Обвинение не могло привести прямых доказательств этому утверждению. Оно попыталось сделать это, ссылаясь на отдельные, неправильно истолкованные и выхваченные из общего контекста высказывания Шахта. Затем обвинение ссылалось на свидетелей, которые не могли быть вызваны для допроса в суд, потому что одни из них отсутствуют, а другие — умерли. Я напоминаю о письменных показаниях Мессерсмита и Фуллера и о записях в дневнике посла Додда...

Обвинение попыталось обосновать обвинение Шахта теми действиями, которые бесспорно установлены. Шахт был противником Версальского договора, утверждает обвинение. В действительности он был им. Этот факт сам по себе обвинение не вменяет ему в вину. Однако оно делает из него тот вывод, что Шахт хотел насильственным путем освободиться от обязанности этого договора. Шахт был сторонником колониальной политики, утверждает обвинение. Да, он действительно был сторонником колониальной политики. Это ему не вменяется в вину. Однако отсюда делается вывод, что он стремился к захвату колоний силой и т. д. Шахт работал совместно с Гитлером в качестве президента Рейхсбанка и министра экономики. Отсюда делается вывод, что он являлся носителем нацистской идеоло-

гии. Шахт являлся членом имперского совета обороны, следовательно был сторонником агрессивной войны; содействовал финансированию вооружений в первый период до начала 1938 г., следовательно, хотел войны. Шахт приветствовал присоединение Австрии, следовательно, был согласен с политикой насилия, применявшейся в отношении этой страны. Он приветствовал «новый план» в области торговой политики, отсюда делается вывод, что хотел обеспечить поставку военного сырья. Шахт заботился об обеспечении жизненных потребностей избыточного населения Центральной Европы, следовательно, стремился к нападению на чужие страны и к уничтожению народов. Шахт неоднократно предупреждал мир о недопустимости проведения политики подавления Германии и моральной диффамации ее, следовательно, Шахт угрожал войной. Поскольку не нашлось никакого письменного доказательства того факта, что Шахт вышел в отставку в результате его несогласия с политикой войны, делается вывод, что он вышел в отставку исключительно в результате своего соперничества с Герингом. Можно было бы бесконечно продолжать перечень неправильных выводов. Их кульминационной точкой является такое заключение: Гитлер никогда не пришел бы к власти, если бы не было Шахта; Гитлер никогда не смог бы осуществить вооружения Германии, если бы ему не помог Шахт.

Шахт в своих речах и письменных произведениях никогда не пропагандировал насилия или войны. Ему, как признанному политику в области хозяйства, более чем кому-либо другому было ясно, что война никогда не может решить данный вопрос, даже если она будет выиграна. Во всех высказываниях Шахта неизменно выявляются его пацифистские воззрения, и, пожалуй, особенно четко они были выражены им на берлинском международном торговом конгрессе, когда Шахт в присутствии Гитлера, Геринга и других главарей этого режима сказал: «Поверьте мне, друзья мои, народы хотят жить, а не умирать».

Чтобы понять образ действий Шахта как сразу после прихода Гитлера к власти, так и позднее, когда он убедился в роковых действиях последнего, необходимо иметь перед глазами ясную картину гибельного влияния Гитлера и сущности его режима, так как оба эти момента составляют ту почву, на которой возникли действия Шахта и которой можно все объяснить...

К сожалению, Германия оказалась самым первым и, я надеюсь, последним примером создания режима тирании и деспотизма с помощью дьявольской демагогии. Не подлежит никакому сомнению, что гитлеровский режим представлял собой деспотию одного человека, прообразы которой можно найти лишь

в Азии давно прошедших времен... Вот почему для правильного понимания событий необходимо дать оценку личности этого деспота, политического крысолова, исключительного демагога, который, как Шахт с вполне понятным волнением говорил во время его допроса, обманул не только его, но весь германский народ, больше того — весь мир...

Адольф Гитлер... оставался полуобразованным, лишенным всякой духовной сущности мелким буржуа, у которого, кроме того, отсутствовало всякое сознание права.

Шахт не мог понять тогда всего злосчастного характера влияния, которое оказывали Гиммлер и Борман на Гитлера. Впрочем, этого никто не мог понять. Эта тройка культивировала все те преступления, которые составляют сейчас сущность обвинения, так как для Гиммлера политика была равнозначна убийству, а его чисто биологическое созерцание человеческого общества усматривало в последнем конюшню для племенных лошадей, но никоим образом не социально-этическое единство.

Мне кажется, что сказанного достаточно, чтобы признать, что сотрудничество Шахта с Гитлером не может служить основанием для обвинения его. Из этого факта нельзя делать того вывода, что он соглашался с преступными действиями Гитлера и его режима.

Шахт не оказывал Гитлеру помощи в приходе его к власти. Гитлер был уже у власти, когда Шахт начал для него работать...

В то время, когда Шахт начал служить Гитлеру, — служил, по его мнению, не Гитлеру, а своей стране. Пусть это мнение было совершенно неправильным, а при учете личности Гитлера, как впоследствии оказалось, это мнение было абсолютно неправильным.

Шахт вступил на должность министра экономики лишь после 30 июня 1934 г. Весь ужас событий нам становится понятен только теперь... События 30 июня* ни в коей мере не могли быть для Шахта основанием для того, чтобы с отвращением отвернуться от Гитлера, так же как они не помешали правительствам других стран поддерживать с Гитлером дипломатические отношения. То же самое относится к участию Шахта в так называемом совещании промышленников. Здесь я хотел бы только заметить (см. аффидевит Шницлера), что Шахт не руководил этим совещанием и не ведал фондами, предназначенными для национал-социалистской партии.

* Речь идет о расправе над руководителями СА во время «путча Рема» 30 июня 1934 г. — *Прим. авт.*

Доктор Нельте подверг критике моральные качества свидетеля Гизевиуса и тем самым поставил под сомнение его показания, касающиеся участия Шахта в заговоре против Гитлера...

Шахт относится к тому небольшому числу людей, которые остались в живых после 20 июля*. Как известно, и он должен был погибнуть в Флоссбурге, как погибли, я указываю, сотни тысяч жертв политического террора в государстве Гитлера.

Я намеренно, в целях сокращения времени опускаю аргументы, которые суд мог в подробностях слушать при допросе подсудимого, как, например, о неучастии Шахта в законодательстве, которое ослабило народ. Это законодательство было введено до его вступления в кабинет. Решающее событие в деле укрепления власти Гитлера — объединение в его лице должностей рейхспрезидента и рейхсканцлера — произошло также без его участия, следовательно, он не несет за это ответственности. На основании этого закона армия присягала на верность Гитлеру. Рейхсканцлер получил не только полицейскую власть, как это было до сих пор, но и власть над армией.

В мои задачи не входит разбирать, на кого ляжет за этот закон политическая ответственность и вместе с тем историческая вина; во всяком случае, не на Шахта. Основные антиеврейские законы возникли прежде, чем Шахт стал министром. Позднейшими нюрнбергскими законами он был сильно потрясен. Распоряжение об исключении евреев из германской экономической жизни от 12 ноября 1938 г. и распоряжение об использовании еврейского имущества от 3 декабря 1938 г. вышли после того, как он покинул пост министра экономики, и поэтому без его активного содействия. Закон о смертной казни за сокрытие валюты был направлен не против евреев. Он возник не по инициативе Шахта, а по инициативе министра финансов. Шахт не хотел, чтобы из-за таких законов произошел раскол, так как считал, что следует заняться решением более сложных задач...

По Уставу наказанию подлежит тот, кто желал войны и связанных с ней ужасов, если действия, которые ставятся ему в вину, совершены в целях осуществления общего плана, или заговора. Такая правовая трактовка вопроса не исключает возможности осуждения Шахта за зверства в отношении евреев. При допросе Шахта судья Джексон неоднократно указывал на то, что подсудимому не вменяется в вину антисемитизм как таковой, его несогласие с Версальским договором, даже его высказывания по поводу так называемого «жизненного пространства» и высказывания о коло-

---

* Покушение заговорщиков на Гитлера 20 июля 1944 г. — *Прим. авт.*

ниальных притязаниях, если это не связано с подготовкой войны.

Он обвиняется во всем этом постольку, поскольку своими действиями способствовал подготовке агрессивной войны.

Поэтому при оценке доказательств я должен коснуться этих проблем. С еврейским вопросом, мне кажется, я закончил. В связи с так называемой проблемой «жизненного пространства» я, пожалуй, могу в целях экономии времени сослаться на то, что сказал Шахт при его допросе. Колониальная проблема была предметом перекрестного допроса. Своими вопросами господин Джексон стремился доказать, что без мирового господства или, по меньшей мере, подготовленного военным путем морского господства колониальная деятельность Германии была бы невозможна. Отсюда в ущерб подсудимому Шахту вытекало, что его стремление к захвату колоний было логически обусловлено планированием агрессивной войны. Это — неправильный вывод.

Ничем не доказано, что Шахт в своем стремлении к колониям ставил цель — устранить всякое морское господство другого государства.

Теперь я перехожу к теме о вооружении, то есть к деятельности Шахта как президента Рейхсбанка и имперского министра экономики до 1937 г., то есть до того момента, когда лояльный государственный слуга Гитлера сделался заговорщиком против него и вступил на темный путь хитрости и маскировки с целью подготовки покушения.

Обвинение расценивает нарушение Версальского, Локарнского и других договоров как косвенное доказательство, как косвенную улику подготовки агрессии. Это прежде всего вызывает вопрос, имели ли вообще место объективные нарушения договоров, а если да, то должны ли эти нарушения договоров имперским правительством в лице его членов, в том числе и Шахта, рассматриваться как улики, свидетельствующие о наличии агрессивных планов. Невозможно, да и нет необходимости, в рамках защитительной речи исчерпать связанную со всеми этими вопросами проблематику, установить, имели ли в действительности место нарушения договоров. Мой коллега Хорн уже разбирал такой вопрос в своей защитительной речи.

Конечно, милитаризация Рейнской области, а также введение всеобщей воинской повинности, вооружение в таких размерах, как это желал Шахт, присоединение Австрии к Германии, которого в принципе также желал Шахт, противоречат смыслу и тексту указанных договоров, в частности Версальского договора...

Нарушением договора Гитлером было занятие Рейнской области, которое произошло в марте 1936 года. Этот акт нарушал

не только Версальский договор, но и Локарнский пакт, заключенный, без сомнения, совершенно добровольно. Буквально через 10 дней после занятия Рейнской области Шахт узнал о том, что после нарушения договора державы, участники Локарнского пакта, предъявили Совету Лиги Наций меморандум, в котором требовали ограничения германского войска в Рейнской области до 35 500 человек, уменьшения числа находящихся там эсэсовцев и членов СА, а также крепостей и аэродромов.

Разве этот меморандум не нужно рассматривать как нарушение договора? Третьим нарушением договора было возведение укреплений на острове Гельголанд, на которое участники договора едва обратили внимание и о котором Иден 29 июля 1936 г. в своей речи в палате общин ограничился лишь вскользь сделанным замечанием, что не имеет, мол, смысла осложнять переговоры постановкой отдельных вопросов, подобных этому. Должен ли был германский министр Шахт занять другую, более резкую позицию? А как обстоит дело с террористическим аншлюсом Австрии в марте 1938 г., когда Шахт уже не был имперским министром экономики? Если бы именно этот акт послужил источником, из которого иностранные державы почерпнули уверенность в подготовке Гитлером агрессивной войны, то они не отказались бы от применения силы...

Если за границей могли надеяться поддерживать с Гитлером и в дальнейшем мирные отношения, то нужно оставить это право и за Шахтом...

Я хочу напомнить суду, что после отставки Шахта за оба отчетных года, 1938/39 и 1939/40, на вооружение было истрачено 31,5 миллиарда. Это значит, что и без Шахта на вооружение производились затраты, и гораздо большие, чем при нем...

Отмечая тот факт, что Шахт был членом имперского правительства (до января 1938 года министром экономики, а затем до января 1943 г. — министром без портфеля), обвинение считает его, как и все имперское правительство, ответственным за военные нападения Гитлера, имевшие место в тот период времени. Эта аргументация действует убедительно на того, кто исходит из нормального понятия имперского правительства...

Имперский кабинет, который Гитлер называл клубом пораженцев, в последний раз собрался в 1938 году и то лишь с целью выслушать сообщение Гитлера, а не для делового обсуждения вопросов и принятия решений. Гитлер умышленно скрывал от имперского кабинета политически важные дела. То же самое относится и к членам имперского совета обороны, который весной 1939 г. Гитлер окончательно отстранил от дальнейшей подготовки к войне...

Если здесь один из подсудимых говорил о единстве германского народа во время Второй мировой войны в противоположность Первой, я должен возразить ему, так как едва ли когда-либо в своей истории германский народ был внутренне так расколот, как во время существования Третьей империи. Кажущееся единство было только спокойствием кладбища, вызванным террором. Отражением внутренней раздробленности германского народа, державшейся только искусственно в тайне вследствие террора гестапо, были противоречия между отдельными высокопоставленными лицами, о которых мы здесь говорили. Чтобы дать несколько примеров, я упомяну о том, что здесь перед нами выступили противоречия между Гиммлером и Франком, Гиммлером и Кейтелем, Заукелем и Зельдте, Шелленбергом и Канарисом, Борманом и Ламмерсом, СА и СС, вооруженными силами и СС, СД и юстицией, Риббентропом и Нейратом и т. д. Даже в отношении идеологии партия была расколота на многочисленные группы, что выяснилось в начале слушания дела уже из показаний Геринга. Эти противоречия были принципиальными, и Гитлер не примирял их, а усугублял. Они были клавиатурой власти, на которой он играл. Министры не были ответственными руководителями, они были не чем иным, как профессионально обученными служащими, которые должны были выполнять указания. Если какой-нибудь министр, как, например, Шахт, не подчинялся этому, то дело доходило, как и у него, до конфликта и отставки. Поэтому в преступлениях Гитлера, которые он совершил, навязав своему собственному народу и человечеству агрессивную войну, не мог принимать участие ни один заговорщик, а только служившие Гитлеру его помощники...

При таком положении власти в Третьей империи можно предположить, что было преступное соучастие или преступное пособничество, но не групповое уголовное преступление, каким является заговор. Вопрос о том, является ли каждый из подсудимых соучастником в совершенном Гитлером преступлении развязывания агрессивной войны, может быть рассмотрен и решен индивидуально в каждом отдельном случае.

Я рассмотрю его в этой плоскости только в отношении Шахта...

Если судья Джексон во время перекрестного допроса предъявил Шахту фотографии и фильмы, которые с внешней стороны документируют связь его с Гитлером и его паладинами, то это могло произойти только потому, что он старался завуалировать свою неприязнь к Гитлеру. Поэтому мне необходимо будет коснуться вопроса о фотографиях и о такого рода аргументации.

Судья Джексон дополнил предъявление фотографий цитированием речей, из которых можно сделать вывод, что Шахт даже

во время путча был предан Гитлеру. Это представление цитат можно рассматривать в той же плоскости. Я думаю, что такая аргументация является несостоятельной и не может устоять ни перед жизненным опытом, ни перед историей... Он, как заговорщик, должен был особенно маскироваться. Это должен был делать каждый, кто жил в Германии при таком режиме...

Шахт, уходя с должности министра экономики и с поста президента имперского банка, с января 1939 года по 1943 год оставался министром без портфеля. Шахт говорил о том, что это было условием, которое поставил перед ним Гитлер перед тем, как он был снят с должности в министерстве экономики.

Для того чтобы его уволили с этой должности, необходима была подпись Гитлера как главы государства. И если бы Шахт не захотел остаться министром без портфеля, то совершенно очевидно рано или поздно был бы арестован как подозрительная личность в политическом отношении...

Он предстает перед Трибуналом, доверяя ему, как он это высказал в своем заявлении, посланном Трибуналу в начале процесса. Выдвинутые против него обвинения уголовного порядка он рассматривает с чувством полной уверенности в своей невиновности, и вправе делать это, ибо, кто бы ни был признан виновным и несущим уголовную ответственность за войну, зверства и бесчеловечность, которые были совершены во время ее, Шахт после установления обстоятельств дела может послать слова проклятия виновникам.

Я ходатайствую о признании Шахта невиновным в предъявленных ему обвинениях и прошу оправдать его.

Глава 40
СС: черная форма, черные дела

Даже ярые критики нацизма обычно не возражают против того, что Гитлер пришел к власти через выборы. В агитации, пропаганде, организации массовых мероприятий ему действительно не было равных. Якобы за приверженность конституционным методам его даже прозвали «Адольф-законник». Верно ли это?

Да, в июле 1932 г. НСДАП победила на выборах в рейхстаг, и 30 января 1933 г. президент Гинденбург законно назначил его канцлером Германии.

Но не надо забывать, что перевес голосов, поданных за нацистов, все-таки был не таким уж большим. Например, на выборах в 1930 г. НСДАП получила в рейхстаге 107 мест, а Коммунистическая партия

Германии — 77. На момент назначения Гитлера канцлером нацисты занимали в рейхстаге 196 кресел, коммунисты — 100.

Долгое время чаши весов качались, и в борьбе за преимущество своей партии «Адольф-законник» применял все средства, в том числе физическое насилие. С конкуренцией идей, программ и другими атрибутами демократии это не имело ничего общего.

В августе 1921 г. в Германии под невинным названием «Гимнастический и спортивный дивизион» возникли формирования из крепких мужчин, которые сразу же активно включились в политику: били на улицах противников НСДАП. 4 ноября того же года эти любители гимнастики получили более точное название — «штурмовые отряды» (СА), под которым они и вошли в обвинительный акт Нюрнбергского суда в список преступных организаций.

Штурмовые отряды обычно называют полувоенной структурой, однако правильнее считать их настоящей нацистской армией, которой не хватало только винтовок. У них была коричневая униформа, за которую их назвали «коричневорубашечники», генеральный штаб, военное училище, готовившее командиров, учебные лагеря. В середине 1931 г. в этих формированиях состояло 400 тысяч человек, что превышало численность рейхсвера — тогдашних вооруженных сил Германии.

Штурмовики называли себя «хозяевами улиц». Их профилем было прямое подавление политических противников нацистов, прежде всего коммунистов и социалистов, путем разгона митингов и демонстраций, террористических акций. Занимались СА и охраной нацистских лидеров. В решающем 1932 г. штурмовики особенно усердствовали под лозунгом «Не снимайте поясов!», борясь с коммунистами и их организацией «Рот Фронт».

В 1933 г., когда нацисты уже получили власть, в стране насчитывалось два миллиона штурмовиков. Их вождь Эрнст Рем претендовал на то, чтобы СА стали официальной армией Германии. Размер и претензии этого «инструмента демократии» встревожили нацистское руководство и прежде всего Гитлера.

30 июня 1934 г., в «ночь длинных ножей», свыше тысячи штурмовиков и в том числе около двухсот руководителей СА было уничтожено. Арестованного Рема застрелил комендант концлагеря Дахау Теодор Эйке.

Разгром верхушки штурмовых отрядов был тем более мотивированным, что в их недрах сформировалось новое и более совершенное орудие насилия — «охранные отряды» (СС).

Первые подразделения СС были созданы в 1925 г. Толчок их развитию придал Гиммлер, назначенный рейхсфюрером СС в 1929 г. В мае 1933 г. в рядах этой организации, названной по цвету формы «черным

корпусом», насчитывалось 52 тысячи человек. После «ночи длинных ножей», в которой эсэсовцы были главной карающей силой, Гитлер придал СС «статус самостоятельной организации в системе НСДАП».

Это была уже армия без всяких оговорок. С первой вооруженной части, охранявшей фюрера, — «лейбштандарта Адольф Гитлер» началось формирование отборных, до зубов вооруженных частей и соединений. К концу войны действовало сорок дивизий СС со списочным составом 580 тысяч человек.

«Черный корпус», возглавляемый рейхсфюрером Гиммлером, разросся до огромной структуры из 12 главных управлений, начиная от главного управления имперской безопасности и заканчивая Институтом по вопросам наследственности (Аненербе).

Именно на СС держался террористический режим внутри Германии. На оккупированных землях эти формирования вели карательные операции против партизан, уничтожали мирное население и населенные пункты, проводили депортации и массовые казни. Их задачей было истребление целых народов как представителей «неполноценных рас», и они решали ее с помощью расстрелов, газовых камер и душегубок. Дивизия «Мертвая голова» осуществляла жесточайший режим в концлагерях и зонах оккупации.

«Черный корпус» фактически был частной армией Гитлера. Вступающие в СС присягали даже не партии, а лично фюреру: «Клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и канцлер германского рейха, быть верным и мужественным. Клянусь тебе и назначенным тобой начальникам беспрекословно повиноваться вплоть до моей смерти. Да поможет мне бог!».

Жестокость и слепое подчинение воспитывались с детства. Было 33 школы-интерната для мальчиков и 4 — для девочек, в которых национал-социализм был главным предметом.

«Черный корпус» был закрытой организацией со своими ритуалами, почерпнутыми в мрачной истории средневековых орденов. В замке Вевельсбург проходил обряд «крещения кровью» новобранцев. В числе наград за заслуги были «почетные мечи» и перстни с черепами.

В зверствах и всевозможных карательных акциях эсэсовцы намного превзошли своих средневековых предшественников.

Заслуга Нюрнбергского суда не только в том, что он воздал по заслугам руководителю СС Гиммлеру и начальнику РСХА Кальтенбруннеру, но и в том, что была объявлена преступной вся эта организация.

Часть третья
Нюрнберг: заключительный акт

Глава 41
От лица СССР — от имени человечества: речь Р. А. Руденко

Исход Второй мировой войны решился на Восточном фронте. Именно СССР был главным противником Германии, бросившей на него основные силы. И Красная Армия, и мирное население понесли огромные потери, которые оказались больше общих утрат союзников по антигитлеровской коалиции.

Советский Союз предъявил агрессору обоснованный счет. Не удивительно, что советская формула обвинения на Нюрнбергском процессе была самой широкой и жесткой. Выступления Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко всегда вызывали нервозность, а то и панику на скамье подсудимых.

В заключительной речи, с которой Роман Андреевич выступил 29–30 июля 1946 г., он прежде всего суммировал все обвинения. Это был общий итог огромной работы советской делегации, представившей суду сотни неопровержимых доказательств вины всех без исключения подсудимых. Улик, собранных и предъявленных одной советской стороной, с лихвой хватило бы, чтобы вынести вождям нацизма самые суровые приговоры и навек покрыть позором их имена.

Главный обвинитель от СССР в своем выступлении уделил внимание и критикам Нюрнбергского процесса. Адвокаты обвиняемых и тайные сторонники нацистов вне зала суда не раз выдвигали вопросы о неправомерности тех или иных действий трибунала. Руденко дал на них развернутые и полные ответы с точки зрения теории и практики права, показал несостоятельность аргументов и отвратительное лицемерие защитников черных деяний.

Речь Руденко отличали широта обобщений и глобальность выводов. Сделать это по горячим следам войны, находясь в плену эмоций, было, очевидно, непросто. Роман Андреевич поднялся до философ-

ских высот осмысления мировой трагедии, разоблачил глубинную сущность фашизма, людоедские планы уничтожения целых государств и народов, непреходящую опасность идей национального превосходства для всего человечества. Его доводы легли в основу признания агрессивной войны тягчайшим преступлением.

Конечно, знаменитое выступление было плодом коллективного творчества. При этом в работе участвовали не только советские юристы, находившиеся в Нюрнберге, но и другие видные правоведы страны и, несомненно, сам Сталин. Западные коллеги Руденко по процессу не могли похвастаться тем, что им уделяют столько внимания первые лица государств

Именно поэтому выступление получилось таким громким. Международный резонанс был необычайно бурным. Люди во всех уголках Земли восприняли речь Руденко так, как будто он говорил не только от лица СССР, а от их имени, от всего человечества.

Упомянув о серьезном вкладе со стороны, было бы несправедливо умалять заслуги самого Романа Андреевича Руденко. Ведь это прежде всего его речь, и больше, чем он сам, никто над ней не работал. К тому же, будучи прекрасным оратором, произнес он ее мастерски, на подъеме, что отметили все участники процесса. Чувствовалось, что он не только добросовестно выполнил свой профессиональный долг, но и пропустил весь массив информации через сердце, вкладывая душу в каждую фразу. Безусловно, это было одно из лучших его выступлений и, бесспорно, лучшая его речь на процессе. Историки права с пиитетом подходят к его выступлению и по сей день.

РЕЧЬ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР Р. А. РУДЕНКО

[Произнесена 29–30 июля 1946 г.]

Господин председатель!

Господа судьи!

Мы подводим итоги судебного следствия в отношении главных немецких военных преступников. В течение девяти месяцев самому тщательному, детальному исследованию были подвергнуты все обстоятельства дела, все доказательства, представленные Суду обвинением и защитой. Ни одно деяние, вменяемое в вину подсудимым, не осталось без проверки, ни одно обстоятельство, имевшее значение, не было упущено при рассмотрении данного дела. Впервые в истории преступники против человечества несут ответственность за свои преступления перед Международным Уголовным Судом, впервые народы су-

дят тех, кто обильно залил кровью обширнейшие пространства земли, кто уничтожил миллионы невинных людей, разрушал культурные ценности, ввел в систему убийства, истязания, истребление стариков, женщин и детей, кто заявлял дикую претензию на господство над миром и вверг мир в пучину невиданных бедствий. Да, такой судебный процесс впервые проводится в истории правосудия. Судит Суд, созданный миролюбивыми и свободолюбивыми странами, выражающими волю и защищающими интересы всего прогрессивного человечества, которое не хочет повторения бедствий, которое не допустит, чтобы шайка преступников безнаказанно готовила порабощение народов и истребление людей, а потом осуществляла свой изуверский план.

Человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества, как несостоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей целью порабощение и истребление народов и эту преступную цель много лет подряд осуществлял преступными средствами. Настоящий процесс проводится таким образом, что подсудимым, обвиняемым в тягчайших преступлениях, были предоставлены все возможности защиты, все необходимые законные гарантии. В своей стране, стоя у руля правления, подсудимые уничтожили все законные формы правосудия, отбросили все усвоенные культурным человечеством принципы судопроизводства. Но их самих судит Международный Суд с соблюдением всех правовых гарантий, с обеспечением подсудимым всех законных возможностей для защиты.

Мы подводим сейчас итоги судебного следствия, делаем выводы из рассмотренных на Суде доказательств, взвешиваем все данные, на которых основано обвинение. Мы спрашиваем: подтвердилось ли на Суде предъявленное подсудимым обвинение, доказана ли их вина? На этот вопрос можно дать только один ответ: судебное следствие полностью подтвердило обвинение. Мы вменяем подсудимым в вину только то, что на Суде доказано с полной несомненностью и достоверностью, а доказаны все чудовищные преступления, которые в течение многих лет подготовляла банда оголтелых преступников, захвативших в Германии государственную власть, и в течение многих лет их осуществляла, не считаясь ни с принципами права, ни с элементарными нормами человеческой морали.

Эти преступления доказаны, их опровергнуть не могли ни показания подсудимых, ни доводы защиты, их опровергнуть и

нельзя потому, что нельзя опровергнуть истину, а именно истина является прочным результатом настоящего процесса, надежным итогом наших длительных и упорных усилий. Обвинение доказано во всех его элементах. Доказано, что существовал общий план или заговор, в котором принимали участие подсудимые для подготовки агрессивных войн, нарушающих нормы международного права, для порабощения и истребления народов. Наличие такого плана или заговора является несомненным, как несомненной является руководящая роль в нем подсудимых по этому делу. В этой части обвинение подтверждено всеми данными судебного следствия, бесспорными документами, показаниями свидетелей и самих подсудимых. Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке и развязыванию агрессивных войн.

Вся их так называемая «идеологическая работа» заключалась в культивировании зверских инстинктов, во внедрении в сознание немецкого народа нелепой идеи расового превосходства и практических задач уничтожения и порабощения людей «неполноценных рас», представлявших якобы лишь удобрение для произрастания «расы господ». Их «идеологическая работа» заключалась в призывах к убийствам, грабежам, разрушению культуры, истреблению людей.

Подсудимые готовились к этим преступлениям давно, а затем их осуществляли, нападая на другие страны, захватывая чужие территории, истребляя людей.

Когда же возник этот план или заговор?

Конечно, установить точную дату, день и час, когда подсудимые договорились совершить свои преступления, вряд ли возможно.

Мы не можем и не будем основывать свои выводы и утверждения на догадках и предположениях. Но с полной несомненностью следует считать установленным, что с того момента, когда фашисты захватили в Германии государственную власть, они приступили к реализации своих преступных планов, они использовали власть для подготовки агрессивной войны.

Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке Германии к войне.

Факт вооружения и перестройки экономики для целей войны совершенно бесспорен, он установлен документально, его признают подсудимые.

Спрашивается, к какой же войне подсудимые стали готовиться сразу после захвата власти? Неужели к оборонительной войне?

Ведь никто не собирался на Германию нападать, ни у кого не было такой цели, по-моему, и не могло ее быть.

Если Германия готовилась не к оборонительной войне, то, поскольку факт подготовки к войне установлен, ясно, что она готовилась к войне агрессивной. Такова логика фактов, и таковы факты. Германия начала и развязала ту самую войну, которую она подготовляла, и в 1937–1939 гг. произошло то, что подготовлялось с 1933 г. Отсюда вывод: план или заговор существовал, по крайней мере с 1933 г., то есть с того момента, когда фашисты захватили государственную власть и использовали ее для своих преступных целей.

Это факты, а слова подсудимых, произнесенные ими тогда, когда они не предполагали, что будут подсудимыми, только подтверждают эти факты.

Достаточно указать на выступления Шахта, Круппа и других о том, как готовилось фашистское правительство к войне и как этой цели подчинили все области политической и экономической жизни.

Я считаю доказанным обвинение подсудимых в том, что в 1933 г., когда гитлеровцы захватили власть в Германии, они разработали план или заговор, включающий совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечества.

Судебным следствием полностью доказано совершение преступлений подсудимыми против мира, заключающихся в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств.

Здесь сами факты говорят за себя: это — те войны, которые повлекли невиданные жертвы и опустошения и агрессивный характер которых установлен с несомненностью.

Вина подсудимых в совершении преступлений против мира полностью доказана.

Доказано полностью обвинение в совершении военных преступлений, заключающихся в ведении войн методами, противоречащими законам и обычаям войны. Ни подсудимые, ни их защитники ничего не могли возразить против самих фактов совершения таких преступлений. Все, что они могли сказать по этому поводу, это то, что подсудимые сами непосредственно не совершали этих зверств — уничтожение людей в «душегубках» и концентрационных лагерях; своими руками не истребляли евреев и даже не знали отдельных подобных фактов, а что факты эти были — против этого не спорят и подсудимые. Подсудимые признают эти факты.

Бесплодный способ защиты!

Конечно, подсудимым, занимавшим высшие руководящие посты в гитлеровской Германии, не было никакой нужды самим своими руками расстреливать, вешать, душить, замораживать живых людей в виде эксперимента. Это делали по их указаниям их подчиненные, палачи, выполнявшие, так сказать, черную работу, а подсудимым нужно было только давать приказания, исполняемые беспрекословно.

Поэтому безнадежна попытка подсудимых разорвать свою связь с этими палачами, отгородиться от них. Эта связь несомненна и бесспорна. И если комендант Освенцима Рудольф Гесс вырывал золотые зубы у мертвецов, то имперский министр Вальтер Функ открывал для хранения этих золотых зубов специальные сейфы в подвалах имперского банка.

Если подчиненные Кальтенбруннера умерщвляли людей в «душегубках», то строились эти «газенвагены» на заводах Зауэра, Даймлера и Бенца, подчиненных подсудимому Шпееру.

Если военнопленных уничтожали профессиональные палачи из соединения «Тотен копф» («Мертвая голова») и лагерная охрана, то приказы об уничтожении подписывались фельдмаршалом германской армии Кейтелем; именно подсудимые намечали сроки уничтожения, отдавали приказы о создании специальной техники умерщвления, идеологически обосновывали «право высших рас» на уничтожение, истребление «неполноценных народов».

Это они спокойно и безжалостно наблюдали за замученными жертвами и, как Ганс Франк, произносили парадные речи «о еще новом шаге», пройденном германским фашизмом по пути очищения «жизненного пространства» от «низших рас».

За каждое убийство, за каждую каплю невинной крови, пролитой гитлеровскими палачами, несут ответственность подсудимые, ибо между ними и непосредственными исполнителями преступлений, убийств, истязаний разница только в ранге и масштабе деятельности: те непосредственные палачи, а они главные палачи, начальники палачей, палачи высшей марки. Они во много раз опаснее, чем те, которых они воспитывали в духе человеконенавистничества и изуверства и от которых, спасая себя, теперь отрекаются.

Полностью доказана вина подсудимых в совершении военных преступлений в том, что они организовали систему уничтожения военнопленных, мирного населения, женщин, стариков и детей; в том, что по их вине всюду, где ступала нога немецкого солдата, оставались горы убитых и замученных людей, развали-

ны и пожарища, опустошенные города и села, оскверненная и залитая кровью земля.

Доказаны полностью преступления против человечности, совершенные подсудимыми.

Мы не можем пройти мимо тех преступлений, которые подсудимые совершали в самой Германии за время своего господства в ней: массовое уничтожение всех тех, кто в какой-то мере выражал недовольство нацистским режимом; рабский труд и истребление людей в концентрационных лагерях; массовое истребление евреев, а затем тот же рабский труд и то же уничтожение людей в оккупированных странах — все это доказано, и обвинение не поколеблено. Какие же средства защиты были использованы подсудимыми и их защитниками, какие доказательства и аргументы они могли противопоставить обвинению?

Средства защиты подсудимых можно разделить на две основные группы. Это, во-первых, ряд свидетелей, вызванных защитниками. Эти свидетели должны были своими показаниями смягчить вину подсудимых, умалить их действительную роль в совершении злодеяний, обелив их во что бы то ни стало. Эти свидетели в подавляющем большинстве случаев являлись обвиняемыми по другим делам.

О какой объективности и достоверности показаний таких свидетелей защиты можно говорить, если невиновность подсудимого Функа должен был подтвердить его заместитель и соучастник, член СС с 1931 г., Хойлер, имеющий чин группенфюрера СС; если в пользу Зейсс-Инкварта был призван свидетельствовать преступник Рейнер — член фашистской партии с 1930 г., гаулейтер Зальцбурга, а затем Каринтии?

Эти так называемые свидетели, такие, например, как Бюлер — правая рука подсудимого Франка и соучастник его во всех преступлениях — или Боле — один из основных руководителей шпионско-диверсионной деятельности гитлеровцев за границей и заведующий заграничным отделом фашистской партии, — приходили сюда для того, чтобы, совершив клятвопреступление, попытаться выгородить своих бывших хозяев и сохранить свою собственную жизнь.

И все же большинство «свидетелей защиты» во время их допроса неизбежно превращалось в свидетелей обвинения. Их самих изобличали «немые свидетели» — документы, причем преимущественно немецкие, и они сами принуждены были изобличать тех, кого они хотели оправдывать.

Другая группа средств защиты — это доводы и соображения юридического порядка.

Некоторые правовые вопросы процесса

Обвинение в данном процессе, опирающееся на огромный и бесспорный фактический материал, прочно стоит на позициях права и законности. Поэтому уже в первых вступительных речах обвинителей было уделено много внимания уголовно-правовому обоснованию ответственности подсудимых.

Защита в своих выступлениях перед Трибуналом вновь поставила ряд правовых вопросов:

а) о значении принципа «Nullum crimen sine lege»*,

б) о значении приказа,

в) об ответственности государства и отдельных лиц,

г) о понятии заговора и др.

В связи с этим считаю необходимым вновь вернуться к некоторым правовым вопросам в ответ на попытки защиты запутать простые и ясные положения и превратить юридическую аргументацию в дымовую завесу, призванную скрыть от Суда кровавую быль фашистских преступлений.

Принцип «Nullum crimen sine lege»

Защита пыталась отвергнуть обвинение, доказывая, что в момент совершения подсудимыми инкриминируемых им деяний последние не были предусмотрены действовавшими законами, а потому подсудимые не могут нести за них уголовную ответственность.

Я мог бы просто отвести все ссылки на принцип «Nullum crimen sine lege», так как Устав Международного Военного Трибунала, являющийся непреложным законом, подлежащим обязательному исполнению, устанавливает, что этот Трибунал «имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организаций», совершили любое из преступлений, перечисленных в статье 6 Устава.

Следовательно, юридически для вынесения приговора и применения наказания не требуется, чтобы совершенные подсудимыми преступления были предусмотрены уголовными законами в момент их совершения. Однако не подлежит сомнению, что действия подсудимых являлись преступными с точки зрения законов, действовавших в момент, когда эти преступления имели место.

Нормы уголовного права, содержащиеся в Уставе Международного Трибунала, представляют собой выражение принципов,

* «Нет преступления без указания на то в законе» (*лат.*). — *Прим. авт.*

содержащихся в ряде международных договоров, перечисленных в моей вступительной речи 8 февраля 1946 г., и в уголовном законодательстве всех цивилизованных государств. Законодательство всех цивилизованных народов предусматривает уголовную ответственность за убийства, истязания, насилия, грабежи и т. д.

То обстоятельство, что эти преступления были организованы подсудимыми в превосходящих человеческое воображение размерах и в неслыханных по своей садистской жестокости формах, конечно, не исключает, а лишь многократно усиливает ответственность преступника. Если бы подсудимые совершили преступления на территории и в отношении граждан какой-либо одной страны, то они согласно Декларации глав правительств СССР, Великобритании и США, опубликованной 2 ноября 1943 г., в полном соответствии с общепринятыми началами уголовного и уголовно-процессуального права были бы судимы в этой стране и по ее законам.

Эта Декларация гласила, что «германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы».

Однако подсудимые являются военными преступниками, «преступления которых не связаны с определенным географическим местом» (статья I Соглашения четырех держав от 8 августа 1945 г.), и потому их преступления подсудны Международному Военному Трибуналу, действующему на основании Устава.

Защитник подсудимого Гесса позволил себе утверждать: «Не может быть никакого сомнения в том, что преступления против мира, как изложено в статье 6, абзац 2 Устава, не существует».

Нет нужды здесь делать ссылки на международные договоры (я их называл в своей вступительной речи 8 февраля), в которых агрессивная война была признана международным преступлением.

Подсудимые обвиняются в действиях, которые цивилизованное человечество и ранее признавало преступлениями.

Исполнение приказа

Некоторые подсудимые в своих показаниях Трибуналу пытались представить себя убогими карликами, слепыми и покорными исполнителями чужой воли — воли Гитлера.

В поисках правовой базы для этой позиции защитник Ярайсс много говорил о значении приказов Гитлера. По мнению защитника Ярайсса, приказ Гитлера «был чем-то совершенно иным», чем приказ любого другого руководителя, что приказ Гитлера являлся актом, «неприкосновенным в правовом отношении». Поэтому защитник Ярайсс утверждает: «Что бы ни понимал Устав Трибунала под приказами, которые он отрицает как основание, исключающее уголовное преследование, можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под понятие приказа, предусмотренное Уставом?»

Право толкования закона — неоспоримое право каждого судебного работника, в том числе, конечно, и защитников. Представляется, однако, совершенно непостижимым, какими логическими или иными методами руководствовался защитник, утверждая, что положение Устава, специально разработанного для Суда над главными военными преступниками фашистской Германии, именно условий деятельности этих преступников не имело в виду?

О каких же приказах, кем изданных, в какой стране, говорит Устав Трибунала?

Бесспорно, разумеется противоположное: авторы Устава были в полной мере ориентированы в специфической обстановке гитлеровской Германии, были в полной мере ориентированы (по материалам Харьковского и иных процессов) в попытках подсудимых прятаться за приказы Гитлера, и именно потому они специально оговорили, что исполнение явно преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности.

Ответственность государства и отдельных лиц

В известной мере, надо полагать, сами авторы этой попытки скрыть большую группу министров, гаулейтеров и военных начальников за спину Гитлера усомнились в убедительности подобного защитительного маневра, ибо на помощь этому маневру выдвигается новая линия обороны.

«Если германская империя начала наступление вопреки еще действовавшему договору о ненападении, — говорил защитник Ярайсс, — то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права... только империя, но не отдельное лицо».

Нельзя прежде всего не отметить, что приведенная точка зрения не блещет новизной: до выступления официальной защиты на настоящем процессе некоторые неофициальные защитники военных преступников охотно пропагандировали вер-

сию, что не физические лица, а германское государство и германский народ должны нести ответственность за преступную агрессию и военные преступления.

Нарушение субъектом международного права — государством норм международного права влечет те или иные последствия международного характера, во всяком случае, не уголовную ответственность государства.

Те или иные действия государства в сфере международных отношений совершаются физическими лицами, должностными лицами и агентами государства. При выполнении этих действий лица могут совершать самые разнообразные нарушения как гражданско-правового, так и уголовно-правового характера. За последние, то есть содержащие состав преступления, они несут в подлежащих случаях уголовную ответственность по законам и перед судом как своего, так и чужого государства, в зависимости от обстоятельств.

В данном случае не только гитлеровское государство нарушило нормы международного права, последствием чего являются меры, принятые в отношении государства, но и отдельные физические лица, совершая эти акты нарушений, персонально совершили уголовные преступления, за которые они в соответствии с Уставом Трибунала подлежат уголовной ответственности перед Международным Военным Трибуналом.

О понятии заговора

Защита единодушно, хотя и в разных формах и вариантах, пытается оспаривать обвинение подсудимых в преступном заговоре. Вытаскивая из различных источников односторонние и тенденциозно подобранные определения заговора, защитники стремятся доказать, что Геринг, Гесс, Риббентроп и другие не могут рассматриваться в качестве участников заговора.

Я хотел бы привести несколько аргументов в доказательство несостоятельности положения защиты.

Заговор предполагает наличие преступного сообщества, созданного и действующего для достижения общих преступных целей. Такое сообщество бесспорно имелось. Разумеется, в настоящем случае, поскольку заговорщиками было захвачено управление государством, нити и рычаги, связывающие членов заговорщического преступного сообщества, весьма сложны.

В любом преступном сообществе, а в особенности в разветвленном и многочисленном, отдельные участники выполняют такие преступные акты, которые охватываются общим планом заговора, но конкретно могут оставаться неизвестными ряду чле-

нов сообщества. Тем не менее, поскольку эти преступления вытекают из единого преступного плана, общего для всего сообщества, за них несут ответственность и те участники, которые лично не совершали этих отдельных преступных деяний и конкретно о них не были осведомлены.

В настоящем деле наличие заговора не исключается тем обстоятельством, что, например, Ширах мог не знать об отдельных мероприятиях работорговца Заукеля или погромщика Штрейхера.

Наличие заговора не исключается и разногласиями по частным вопросам, существовавшими между отдельными участниками заговора (интриги Геринга против Бормана и т. п.). Такие столкновения могут иметь место в любой шайке разбойников и воров, но от этого шайка или банда не перестает быть таковой.

Почти в каждом сообществе существует определенная иерархия среди его участников. Весьма часто атаманы преступной шайки присваивают себе неограниченную власть над другими членами шайки, вплоть до права жизни и смерти.

Однако ни одному юристу в мире, кажется, не приходило в голову отрицать наличие преступного сообщества на том лишь основании, что участники его не были равны, а один имел власть над другими.

По меньшей мере странно отрицать наличие заговора в настоящем случае на основании того бесспорного факта, что в руках главаря — Гитлера была сосредоточена огромная личная власть. Равным образом наличие заговора не исключает, а предполагает определенное распределение ролей между участниками преступной группы в достижении общей преступной цели (один координирует всю преступную деятельность, второй ведает вопросами идеологической подготовки, третий готовит армию, четвертый организует работу военной промышленности, пятый ведет дипломатическую подготовку и т. д.). Поэтому фашистский заговор не перестает быть заговором, но и является заговором особо опасным, ибо в руках заговорщиков находятся государственный аппарат и огромные людские и материальные ресурсы.

В руках международных преступников, в руках Геринга, Кейтеля и других подсудимых огромные армии людей становятся орудием тягчайших преступлений.

Вот почему те специфические черты, которые отличают заговорщиков фашистской Германии от любой иной банды, не меняя правовой природы заговора, лишь придают ему особо опасный характер.

На этом я заканчиваю краткий анализ юридических аргументов защиты, на которых подробно останавливались мои уважаемые коллеги.

Как вы видели, господа судьи, аргументы защиты оказались несостоятельными и неспособными поколебать обвинение.

(Далее рассматривается виновность отдельных подсудимых).

Геринг

Подсудимый Геринг являлся в гитлеровской Германии вторым после фюрера лицом, его первым преемником. Он взял себе огромные полномочия и захватил самые ответственные должности. Он — председатель совета министров по обороне Германской империи, диктатор по руководству германской экономикой, генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану и главнокомандующий военно-воздушными силами. Главное — эту обширную область он использовал и все силы посвятил организации и осуществлению тех преступлений, которые указаны в Обвинительном заключении.

Как мы уже знаем, сущность этого заговора состояла в том, чтобы покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии, не останавливаясь ни перед какими средствами, как бы они ни были преступны и бесчеловечны. Чтобы достичь этой цели, надо было расчистить путь, надо было, как говорил Гитлер еще в феврале 1933 г. на совещании с виднейшими германскими промышленниками, уничтожить парламентскую систему.

Этим и занялся Геринг. Он энергично принялся за уничтожение политических противников фашизма, для чего производил массовые аресты членов неугодных нацизму политических партий. Он организовал концентрационные лагеря, куда без суда направлял людей, не согласных с фашистами. Он создал гестапо, в котором с самого начала его создания установился кровавый террористический режим. Он требовал от всех должностных лиц лагерей и гестапо не останавливаться ни перед чем — дикие расправы над людьми, изувечение их и убийства под его руководством стали основным методом работы.

Ему, Герингу, принадлежат слова: «Каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, есть моя пуля; если кто-то называет это убийством, значит это я убил». (Из книги Геринга «Восстановление нации», написанной им в 1934 г.)

Так он расчистил дорогу фашизму, так он прокладывал путь к тому, чтобы фашистский заговор мог беспрепятственно развиваться и реализовываться.

Геринг был неистощимым в искоренении всего и всех, что мешало укреплению этого заговора. И Гитлер всячески расхваливал его за это. Так, он заявил в рейхстаге 13 июля 1934 г., что Геринг «...своим железным кулаком сокрушил атаку на национал-социалистское государство прежде, чем она могла развиться».

Вся эта террористическая деятельность Геринга была рассчитана на то, чтобы расчистить путь для осуществления основной цели фашистского заговора — покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии.

Судебное следствие подтвердило виновность Геринга в планировании и подготовке всех агрессивных войн гитлеровской Германии. Суду были представлены многочисленные документы, говорящие об активной роли Геринга в развертывании агрессивных войн. Напомню заявление Геринга в 1935 г. на собрании офицеров военно-воздушных сил. Там он заявил, что «намеревается создать военно-воздушные силы, которые будут брошены на врага как удар возмездия. Еще до начала поражения враг должен чувствовать, что он пропал». И это намерение, как мы знаем, он осуществлял, подготовляясь к войне изо дня в день.

На совещании руководителей германской авиационной промышленности 8 июля 1938 г. Геринг дал понять, что война близка и что, если Германия выиграет эту войну, она будет величайшей державой в мире, господствующей на мировом рынке, и она станет богатой страной. «Надо рисковать, чтобы добиться этой цели», — это лозунг, который бросил тогда Геринг.

14 октября 1938 г., незадолго до предъявления требований Польше, Геринг заявил, что «приступил к проведению в жизнь гигантской программы, в сравнении с которой меркнет все, что было до сих пор».

«В кратчайшее время военно-воздушные силы должны быть увеличены в пять раз; военно-морской флот должен более быстрыми темпами вооружаться; армия должна получать более мощное вооружение... особенно тяжелую артиллерию и тяжелые танки. Наравне с этим должно быть увеличено производство военных материалов и горючего».

С полной несомненностью установлено активное участие Геринга в подготовке агрессии против СССР.

В отчете о совещании от 29 апреля 1941 г. по вопросу о структуре экономического штаба «Ольденбург», в отчете о совещании у генерала Томаса от 28 февраля 1941 г., а также в показаниях самого Геринга в судебном заседании 21 марта 1946 г. Трибунал найдет доказательства того, что Геринг уже с ноября 1940 г. активно участвовал в разработке плана нападения на СССР.

Это Геринг совместно с Розенбергом, Кейтелем и Борманом на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г. конкретизировал планы расчленения Советского Союза, порабощения народов и разграбления богатств СССР. Это при его участии тогда планировалось «сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам». Это он выдвинул палача Коха в качестве рейхскомиссара Украины как «личность с очень большой инициативой и хорошей подготовкой».

Так что с несомненностью можно считать доказанным, что Геринг виновен в планировании и подготовке агрессивных войн гитлеровской Германией, и за это он должен нести ответственность.

Мои коллеги уже останавливали внимание Суда на преступном отношении к военнопленным.

Я позволяю себе только напомнить Трибуналу показание свидетеля Мориса Лампа в вечернем заседании 25 января 1946 г. о казнях советских, английских, французских и других офицеров в концлагере Маутхаузен, о лагерях уничтожения Освенцим и Майданек, о предъявленных Суду нотах Народного комиссара иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г., о чудовищных издевательствах германских военных властей в отношении советских военнопленных, об издевательствах, за которые большая доля ответственности ложится на Геринга. Я напомню также о показаниях свидетеля Гальдера 31 октября 1945 г., в которых свидетель сообщил о совещании у Гитлера по вопросу о неприменении положений Гаагской конвенции при обращении с русскими военнопленными и о директиве из ставки Гитлера от 12 мая 1941 г. об обращении с захваченными в плен русскими командирами и политработниками.

Все эти с неоспоримостью установленные на Суде факты злодеяний не нуждаются в дополнительном освещении, так как защита не привела в своих речах каких-либо опровергающих эти доказательства доводов.

В «Двенадцати заповедях поведения немцев на Востоке» от 1 июня 1941 г. (шестая заповедь) сказано:

«Вы должны уяснить себе, что вы на целое столетие являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции в новой Европе. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых требует от вас государство».

С именем Геринга связано начало организованного подавления и истребления еврейского населения. Именно он подписал

человеконенавистнические нюрнбергские законы, декреты о лишении евреев собственности, о наложении штрафа на евреев в один миллиард и другие, эта деятельность вполне соответствует всему каннибальскому миросозерцанию Геринга.

На Суде он отрицал, что являлся сторонником расовой теории, между тем в 1935 г. Геринг произнес в рейхстаге речь в защиту нюрнбергских расовых провокаторов. Тогда он громогласно заявил: «Бог создал расы, он не хотел равенства, и поэтому мы энергично отвергаем всякую попытку извратить концепцию чистоты расы...»

Многочисленные документы, предъявленные обвинением Трибуналу, изобличают преступные действия Геринга в отношении других наций.

Директива Геринга от 19 октября 1939 г. ясно показывает отношение подсудимого к польскому народу, к Польскому государству.

В директиве об экономической политике на Востоке от 23 мая 1941 г., изданной перед нападением на СССР, Геринг следующим образом пишет об отношении к русским:

«Германия не заинтересована в поддержании производительности на этой территории. Она снабжает продуктами питания только расположенные там войска... Население в этих районах, в особенности городское население, обречено на голод. Необходимо будет вывозить это население в Сибирь».

Как уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг отвечает за разграбление и расхищение государственной собственности и личной собственности граждан, произведенные фашистами на оккупированной части территории СССР, в Чехословакии, Польше, Югославии и других странах. Именно Геринг возглавил деятельность фашистских заговорщиков по экономическому ограблению оккупированной территории СССР.

Еще до вероломного нападения на СССР, 29 апреля 1941 г., состоялось совещание по разработке экономических мероприятий по варианту «Барбаросса». В результате этого совещания был создан экономический штаб особого назначения «Ольденбург», подчиненный Герингу. Было предусмотрено создание в крупнейших городах СССР специальных хозяйственных инспекций и команд, перед которыми были поставлены обширные задачи в области использования и разграбления советской промышленности и сельского хозяйства.

В папке окружного сельскохозяйственного фюрера содержались инструкции для сельскохозяйственных фюреров, которым предоставлялась полная свобода в выборе методов для дости-

жения своих преступных целей. Выдвигалось требование о беспощадном обращении с советскими людьми, в первую очередь с русскими, украинцами, белорусами.

Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Киеве, в Сталинской области и других местах, говорят о том, что эти преступные планы подсудимого Геринга и его сподвижников были в значительной степени реализованы.

Для обеспечения немецкой военной промышленности и сельского хозяйства рабочей силой и вместе с тем в целях физического уничтожения и экономического ослабления порабощенных народов подсудимый Геринг и его соучастники по нацистскому заговору использовали рабский труд иностранных рабочих.

Использование принудительного труда было запланировано фашистами еще до начала войны. Достаточно напомнить о совещании у Гитлера, в котором принимал участие и подсудимый Геринг, от 23 мая 1939 г. На совещании 7 ноября 1941 г. и в приказе от 10 января 1942 г. Геринг требовал от всех подведомственных ему органов обеспечения любыми методами германской промышленности рабочей силой за счет населения оккупированных советских территорий.

6 августа 1942 г. Геринг провел совещание с рейхскомиссарами оккупированных областей и представителями военного командования. Обращаясь к участникам совещания, Геринг говорил:

«Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное...

Вы должны быть, как лягавые собаки, там, где имеется еще кое-что.

Я намереваюсь грабить, и именно эффективно».

Эти намерения были реализованы. Грабил Геринг, грабили рейхсминистры и рейхскомиссары оккупированных областей, грабили представители военного командования, начиная от генерала и кончая рядовым солдатом.

Так действовал подсудимый Геринг.

Нет ни одного мероприятия фашистской партии, ни одного шага гитлеровского правительства, в котором не участвовал бы Геринг.

Он активно участвовал во всех преступлениях фашистской банды, и за все свои действия он должен понести должное наказание.

Рудольф Гесс — руководитель фашистской организации Мюнхенского университета, участник мюнхенского путча. Совместно с Гитлером работал над книгой «Майн кампф», в 1932 г. стал председателем центральной политической комиссии фашистской партии, а после захвата власти — заместителем фюрера, которому декретом Гитлера от 21 апреля 1933 г. было предоставлено «полное право принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам, касающимся руководства партией».

С 1 декабря 1933 г. — министр без портфеля, обеспечивающий взаимодействие партии и штурмовых отрядов с гражданскими властями; с 4 февраля 1938 г. — член тайного совета. 30 августа 1939 г. он назначен членом совета министров по обороне империи, а 1 сентября 1939 г. объявлен преемником Гитлера после Геринга. Гесс получил также звание обергруппенфюрера СС и СА. Декретом от 27 июля 1934 г. Гитлер обязал руководителей всех ведомств и министерств Германии предоставлять Гессу все законопроекты на предварительное утверждение, а указом от 24 сентября 1935 г. дал полную свободу в подборе и расстановке руководящих кадров.

Все агрессивные акции гитлеровской Германии намечались и подготовлялись при непосредственном участии Гесса и подчиненного ему партийного аппарата фашистов. Вместе с Гитлером, Герингом и другими представителями властных структур Третьего рейха Гесс подписывал указы о присоединении к Германии захваченных территорий.

Гесс также подписал закон «об охране крови и чести», указ от 14 сентября 1935 г. о лишении евреев права голоса и права работы в общественных учреждениях, а также указ от 20 мая 1938 г. о распространении нюрнбергских человеконенавистнических законов на Австрию.

На данном процессе уже достаточно освещен вопрос о роли Гесса в организации сети шпионажа и террористических групп за границей, в создании СД (службы безопасности) и комплектовании частей СС.

Само положение Гесса в фашистской партии и гитлеровском правительстве говорит об активном руководящем участии подсудимого в подготовке и осуществлении общего преступного плана фашистских заговорщиков, а следовательно, об огромной доле его вины и ответственности за преступления против мира, и за военные преступления, и за преступления против человечества.

Господа судьи, чтобы еще более правильно оценить значение преступной деятельности подсудимого Гесса как одного из вид-

ных руководителей нацистской партии и гитлеровского правительства, я напомню статью в газете «Национал цейтунг» от 24 апреля 1941 г., посвященную Гессу:

«Много времени тому назад — это было еще до начала войны — Рудольфа Гесса называли «совестью партии». Если мы спросим, почему заместителю фюрера было дано это почетное звание, то на этот вопрос нетрудно ответить: нет ни одного события в нашей общественной жизни, которое не было бы связано с именем заместителя фюрера. Он настолько многосторонен и своеобразен в своей работе и в сфере своей деятельности, что это нельзя сказать несколькими словами... многие мероприятия, проведенные правительством, особенно в сфере военной экономики и в партии, проводились полностью по инициативе заместителя фюрера».

Гесс отказался давать объяснения Трибуналу. Его защитник Зейдль с ложным пафосом заявил, что Гесс считает настоящий Трибунал некомпетентным для суда над германскими военными преступниками... и тотчас без паузы приступил к предъявлению доказательств в защиту Гесса.

Гесс даже пытался объявить себя сумасшедшим, чтобы избежать заслуженного наказания. Но когда Гесс убедился, что такой маневр ему не поможет, он вынужден был заявить в Суде, что он симулировал потерю памяти, что это была тактическая уловка с его стороны, и должен был признать, что несет полную ответственность за все то, что он сделал и подписал вместе с другими.

Итак, на Суде полностью разоблачена неуклюжая попытка Гесса уйти от ответственности, и Гесс должен в полной мере понести наказание за участие в общем плане или заговоре для совершения преступлений против мира, в военных преступлениях, тягчайших преступлениях против мира и человечества, которые совершены им совместно с другими подсудимыми.

Борман

Имя подсудимого Мартина Бормана неразрывно связано с созданием гитлеровского режима. Он был одним из тех, кто совершал самые дикие преступления, направленные на уничтожение сотен тысяч невинных людей.

Совместно с подсудимым Розенбергом Борман с жестокой последовательностью проводил пропаганду расовой теории и преследование евреев.

Им были изданы многочисленные директивы, направленные на дискриминацию евреев в гитлеровской Германии, сыгравшие впоследствии роковую роль и повлекшие истребление миллио-

нов евреев. Этой своей деятельностью он заслужил большое доверие у Гитлера, ему было «предоставлено право представлять партию в сфере государственной жизни...» (постановления и распоряжения партийной канцелярии, том II, страница 228), и он ее представлял. Так, в качестве начальника партийной канцелярии он принимал непосредственное участие в уничтожении евреев, цыган, русских, украинцев, поляков и чехословаков.

НСДАП под его руководством превратилась в полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимоотношении с германской тайной полицией и СС.

Борман не только знал о всех агрессивных планах гитлеровского правительства, но и принимал активное участие в их осуществлении. Он привлек весь партийный аппарат НСДАП на реализацию агрессивных планов гитлеровского правительства, а партийных гаулейтеров назначал уполномоченными по обороне империи в тех областях, в которых они действовали.

Партийный аппарат НСДАП и лично Борман принимали активное участие в мероприятиях немецких военных и гражданских властей по бесчеловечному использованию военнопленных. Об этом свидетельствуют многочисленные директивы и указания, изданные Борманом.

Материалами обвинения и судебного следствия сейчас установлено, к какой массовой гибели привело зверское обращение с военнопленными.

Партийный аппарат и лично подсудимый Борман принимали непосредственное участие в мероприятиях гитлеровского правительства, связанных с угоном в рабство населения оккупированных территорий.

С одобрения Бормана производилась тайная доставка в Германию украинских девушек, предназначенных для насильственного онемечивания.

Приказом Гитлера от 18 октября 1944 г. на Бормана и Гиммлера было возложено руководство фольксштурмом, состоявшим из всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, способных носить оружие.

Накануне краха гитлеровской Германии Борман возглавлял созданную для диверсионной и подрывной деятельности в тылу союзных войск подпольную организацию «Вервольф».

Борман непосредственно участвовал в разграблении культурных, исторических и других ценностей на оккупированных территориях.

Он внес в 1943 г. предложение о необходимости усиления экономического разграбления оккупированных территорий.

Таковы преступления подсудимого Бормана, ближайшего сподвижника Гитлера, разделяющего всю полноту ответственности за бесчисленные преступления гитлеровского правительства и фашистской партии.

Риббентроп

Один из главных вдохновителей и руководителей внешней политики гитлеровской Германии — Иоахим фон Риббентроп был и одним из самых активных участников преступного заговора.

Официально вступив в нацистскую партию в 1932 г., подсудимый, однако, еще до прихода фашистов к власти активно содействовал ее захвату и стал в скором времени официальным советником партии в качестве «сотрудника фюрера по вопросам внешней политики».

Продвижение Риббентропа по служебной линии находится в неразрывной связи с развитием деятельности фашистских заговорщиков, направленной против интересов мира.

В своих показаниях Риббентроп заявил: «Он (Гитлер) знал, что я являлся его верным сотрудником». Именно поэтому Гитлер 4 апреля 1938 г., как убежденного, преданного фашиста, назначил Риббентропа официальным руководителем внешней политики, которая являлась одним из важнейших рычагов осуществления всего фашистского заговора.

Однако Риббентроп не ограничивал свою деятельность сферой внешней политики. Как член гитлеровского правительства, как член имперского совета по обороне империи, как член тайного совета он участвовал в разрешении всего комплекса вопросов, связанных с подготовкой агрессивных войн. Вот почему он, Риббентроп, будучи министром иностранных дел, принимал участие в решении и проведении в жизнь таких далеко отстоящих от внешней политики вопросов, как использование рабочей силы во время войны, организация концлагерей и т. п. В этой связи следует отметить, что Риббентропом было заключено специальное пространное соглашение с Гиммлером об организации совместной разведывательной работы.

Имперским министром иностранных дел Риббентроп стал как раз в начале осуществления планов агрессии, рассчитанных на покорение Германией Европы. Это совпадение не случайно. Не без основания Риббентроп считался самым подходящим человеком для осуществления этого преступного заговора. Его предпочли даже такому специалисту международных провокаций, как Розенберг, на что последний, не без некоторого основания,

подал официальную жалобу. И Гитлер не ошибся в Риббентропе. Доверие Гитлера он полностью оправдал.

Уже 12 февраля 1938 г., через неделю после своего назначения, Риббентроп совместно с Гитлером и подсудимым Папеном, возглавлявшим в течение долгого времени до этого подрывную работу нацистских агентов в Австрии, принял участие в совещании в Оберзальцберге, где он от австрийского канцлера Шушнига и его министра иностранных дел Шмидта, под давлением угроз, ультимативно требовал согласия на отказ от независимости Австрии и добился этого.

В качестве министра Риббентроп присутствовал на совещании 28 мая 1938 г., на котором было принято решение о введении в действие «плана Грюн» — плана агрессии против Чехословакии.

В соответствии с тактикой фашистов ослаблять изнутри будущую жертву Риббентроп постоянно поддерживал тесную связь и оказывал материальную помощь сначала партии судетских немцев, а потом и словацким националистам с тем, чтобы вызвать внутренний раскол и братоубийственную войну в Чехословакии.

Захватив Чехословакию, фашистские заговорщики, и в числе их подсудимый Риббентроп, перешли к подготовке и осуществлению следующего акта агрессии, заранее намеченного ими в плане преступлений против мира, — к нападению на Польшу.

Будучи вынужден в связи с только что закончившимся захватом Австрии и Чехословакии временно скрывать дальнейшие намерения Германии, Риббентроп сам и через своих дипломатов старался усыпить бдительность европейских государств, лицемерно заявляя, что никаких других территориальных требований Германия не имеет.

26 января 1939 г. в Варшаве министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп заявил, что «укрепление дружественных отношений между Германией и Польшей на основании существующих соглашений составляет важнейший элемент внешней политики Германии».

Прошло немного времени, и Польша испытала ценность этих заверений Риббентропа.

Я не останавливаюсь здесь на той вероломной роли, которую сыграл подсудимый Риббентроп в германской агрессии против Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, так как об этом достаточно убедительно говорили мои коллеги.

Подсудимый Риббентроп принял непосредственное активное участие в проведении агрессии против Югославии и Греции.

Прибегая к излюбленному своему методу обманных гарантий для сокрытия готовящейся агрессии, подсудимый Риббентроп 20 апреля 1938 г. дал заверение Югославии, что после аншлюсса германские границы с Югославией рассматриваются как «окончательные и нерушимые». В то же время при деятельном участии подсудимого Риббентропа велась всесторонняя подготовка к агрессии. 12 и 13 августа 1939 г. на совещании Гитлера и Риббентропа с Чиано в Оберзальцберге было достигнуто соглашение о «ликвидации нейтралов одного за другим».

При непосредственном и прямом участии подсудимого Риббентропа фашистские заговорщики планировали, подготавливали и осуществляли также и вероломное нападение на Союз Советских Социалистических Республик 22 июня 1941 г.

Подсудимый Риббентроп сам признал здесь, в зале Суда, что в конце августа — начале сентября 1940 г., то есть когда уже проводилась разработка плана «Барбаросса» (как это с очевидностью следует из показаний генерала Варлимонта, генерала Мюллера и фельдмаршала Паулюса), подсудимый Кейтель беседовал с ним по вопросу о нападении на СССР.

Деятельность подсудимого и министерства, которым он руководил, играла первостепенную роль в организации войны против СССР с участием Финляндии, Венгрии, Румынии и Болгарии.

Уже после начала агрессии Германии против Советского Союза подсудимый Риббентроп продолжал прилагать усилия к тому, чтобы привлечь на сторону Германии новых сообщников. Так, в телеграмме к германскому послу в Токио от 10 июля 1941 г. он писал: «Я прошу вас всеми находящимися в вашем распоряжении средствами повлиять на Мацуока, чтобы Япония как можно скорее вступила в войну с Россией. Чем быстрее это произойдет — тем лучше. Конечной целью должно оставаться и в дальнейшем то, что Япония и мы перед наступлением зимы протянем друг другу руку на Сибирской железной дороге...»

Как установлено на Суде, Риббентроп совместно с другими подсудимыми подготавливал ту политику уничтожения и разграбления, которую гитлеровцы наметили, а затем и проводили на временно оккупированных территориях Советского Союза. Подсудимый Розенберг, который разрабатывал планы эксплуатации оккупированных территорий Восточной Европы, проводил совещание по этому вопросу с ОКВ, министерствами экономики, внутренних дел, иностранных дел. В своем «Отчете о подготовительной работе по восточно-европейскому вопросу» он писал:

«В результате переговоров с МИД последнее назначило в качестве своего представителя к Розенбергу генерального консула господина Брейтигама».

Таким образом, бесспорно, что Риббентропу не только было известно о подготовке военного нападения на СССР, но он вместе с другими заговорщиками заранее намечал планы колонизации территорий Советского Союза, порабощения и истребления советских граждан.

Подсудимый был вынужден признать, что ему были известны ноты Народного комиссара иностранных дел СССР о злодеяниях гитлеровцев на временно оккупированных территориях Советского Союза. Ему, как и другим заговорщикам, были известны и другие декларации глав союзных правительств о той ответственности, которая ложится на нацистское правительство за совершение гитлеровцами чудовищных злодеяний в оккупированных странах.

Риббентроп, как это подтвердил свидетель защиты по его делу — бывший статс-секретарь министерства иностранных дел Штейнграхт, был один из организаторов и намечался в качестве почетного члена международного антиеврейского конгресса, который немцы предполагали созвать в июле 1944 г. в Кракове.

Сам Риббентроп признал на Суде, что он вел переговоры с правительствами европейских стран относительно массового изгнания евреев.

Согласно протоколу беседы Риббентропа с Хорти, «министр иностранных дел заявил Хорти, что евреи должны быть либо уничтожены, либо направлены в концентрационный лагерь. Другого решения не может быть».

Этот факт в достаточной мере подтверждает, что Риббентропу было известно о существовании концентрационных лагерей, хотя он упорно пытался доказать здесь обратное.

Риббентроп оказывал поддержку другим фашистским руководителям и прежде всего подсудимому Заукелю в угоне на германскую каторгу жителей оккупированных стран.

Кроме того, подсудимый Риббентроп во исполнение общего плана заговорщиков, включавшего уничтожение национальной культуры народов оккупированных стран, активнейшим образом участвовал в разграблении культурных ценностей, являющихся общенародным достоянием.

Для выполнения этой задачи по указанию Риббентропа был создан «батальон особого назначения» при министерстве иностранных дел, который в течение всей войны, следуя за передовыми частями, реквизировал и вывозил в Германию согласно ука-

заниям Риббентропа всевозможные культурные ценности с оккупированных территорий на Востоке.

Таким образом, подсудимый Риббентроп участвовал в захвате фашистами власти, играл руководящую роль в планировании, подготовке и развязывании агрессивных грабительских войн, вместе с другими заговорщиками принимал участие, согласно фашистским планам, в руководстве совершения тягчайших преступлений против народов, территория которых была временно оккупирована гитлеровскими захватчиками.

Военная группа

Несколько подсудимых в этом процессе главных преступников войны как бы образуют группу собственно военных. Если оставить в стороне Геринга как фигуру совершенно специфическую — и политика, и хозяйственника, и военного в одном лице, — то мне надо будет назвать Кейтеля, Иодля, Деница и Редера. В процессе судебного следствия в отношении этих лиц также были не только полностью подтверждены все данные обвинительного заключения, но оснований к обвинению стало еще больше.

Документальные доказательства, показания свидетелей, в том числе частично и тех, которых вызывали по ходатайству защиты, не могли не лечь тяжким грузом на чашу весов обвинения.

Защитники этих подсудимых пытались убедить в том, что их подзащитные волей судьбы, против своего желания, стали участниками зловещей трагедии.

Сами подсудимые — Кейтель, Иодль, Дениц и Редер — здесь, на Суде, пытались выступить в роли благородных простаков. Надо отдать справедливость, что в меру своих сил защита помогла им в этом деле. Мы слышали много о чести солдата, о воинской дисциплине, о верности долгу и присяге, о вынужденном в связи с этим выполнении ими гитлеровских приказов, даже тех, которые вызывали в их душах сомнение и прямой протест. Такое освещение их позиции совершенно искажает реальное положение вещей.

Я считал бы нужным перед тем, как говорить о виновности Кейтеля, Иодля, Деница и Редера, поставить и разрешить четыре вопроса.

Первый: знали ли эти подсудимые, что гитлеровская Германия в нарушение международных обязательств готовит целую серию агрессивных, захватнических, грабительских войн?

Второй: принимали ли они сами активное участие в планировании, подготовке, развязывании и проведении этих войн?

Третий: виновны ли они в циничном попрании законов и обычаев войны?

Четвертый: отвечают ли они за зверски растерзанных и уничтоженных мирных жителей, за потопленные пассажирские и госпитальные пароходы, за города и деревни, уничтоженные военной машиной гитлеровского рейха?

Я думаю, что после столь тщательного судебного расследования каждый, кто не хочет сознательно заблуждаться, ответит утвердительно на все эти четыре вопроса.

Представленные Суду документальные доказательства с полной очевидностью подтвердили виновность военной группы преступников в тягчайших преступлениях, их активное участие в планировании и осуществлении общего преступного заговора.

То обстоятельство, что совершали эти преступления люди в военных мундирах, не только не снижает, а, как мне представляется, существенно усиливает их ответственность.

Как можно им в оправдание ссылаться на «долг солдата», «честь офицера», на «обязанность выполнить приказ»?! Да разве можно с «долгом солдата» и «честью офицера» совместить расстрелы без суда и клеймение военнопленных, массовое уничтожение женщин, стариков и детей?

Единственно правильное, реальное объяснение тому удивительному факту, что эти генералы и адмиралы занимались грязными, по существу уголовными преступлениями, состоит в том, что они были генералами и адмиралами гитлеровской формации. Это люди особого качества. Это фашисты в военных мундирах, душой и телом преданные фашистскому режиму.

Именно этим нужно объяснить, что Гитлер приблизил их к себе и столь длительно сотрудничал с ними. Этим только можно объяснить, что они сотрудничали с Гитлером в совершении беспримерных в истории гнуснейших преступлений. Они друг другу вполне подходили и друг друга вполне понимали.

Кейтель

Переходя к группе военных, я, естественно, хотел бы начать с подсудимого Вильгельма Кейтеля.

Ведущее положение в гитлеровской военной машине Кейтель занял с первых лет ее организации. Адвокат Кейтеля признает, что «декрет (от 4 февраля 1938 г.) преподнес Кейтелю чудесное должностное наименование — начальника верховного командования вооруженных сил».

И несколько далее: «...Фактическое значение работы Кейтеля было громадным... Это была чудовищная, неблагодарная рабо-

та, мизерным вознаграждением за которую было блестящее положение в непосредственной близости от главы государства».

В свете всех последующих событий надо считать, что начальным этапом будущих агрессивных войн было все то, что связывалось с секретными вооружениями Германии после Версальского мира.

Трудно преуменьшить значение всего проделанного тогда еще полковником Кейтелем в комитете экспертов, который последовательно и настойчиво изыскивал и находил пути для обхода или прямого нарушения договора. В частности, именно полковник Кейтель, а не кто иной, давал указания о том, что в Женеве можно говорить все что угодно, лишь бы не оставлять письменных следов.

Это циничное заявление полностью соответствует той роли, которую играл Кейтель в последующей подготовке и проведении агрессивных войн.

Во время переговоров Гитлера с Шушнигом живым напоминанием о готовности Германии применить оружие была фигура Кейтеля.

Кейтель давал директивы двинуть войска в Чехию, когда президент Гаха был вероломно вызван в Берлин «для продолжения переговоров».

Это ОКВ, а не какая-либо иная организация, была готова через отдел «Абвер» спровоцировать пограничный инцидент с Чехословакией, чтобы оправдать вторжение германских полчищ, готовых ринуться в Чехию.

Своим совершенно секретным меморандумом Кейтель требовал от Гесса и Гиммлера заранее сообщать ОКВ о всех мерах, проводимых партийными организациями или полицией, которые не предусмотрены планом «Грюн».

Фактически сплошной ложью были декларации об отсутствии каких-либо дальнейших претензий Германии в Европе после захвата Чехословакии. Это было звеном в цепи агрессивных войн.

Я хочу подчеркнуть ведущую роль ОКВ в подготовке и осуществлении агрессии. Директива относительно ведения войны и вторжения в Польшу известна нам как директива Гитлера и Кейтеля от 10 мая 1939 г. Она была направлена командованию ВВС, военно-морского флота и сухопутных сил...

Если еще раз взглянуть на документы, относящиеся к германской агрессии против Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Югославии и Греции, мы не раз встретимся с именем Кейтеля. Он выступает то в качестве участника ответственнейших совещаний, то как автор секретных приказов, ад-

ресованных Редеру, Герингу и генеральному штабу. Собственноручные инициалы Кейтеля и Иодля мы находим и на секретной директиве, подписанной Гитлером, о проведении «операции Марита».

Много говорилось здесь о плане «Варбаросса» и его авторах. Сейчас нам важно подчеркнуть, что документ этот рожден в недрах ОКВ по непосредственной инициативе этой организации, что запланированные методы вероломного нападения на СССР являлись его [Кейтеля] работой.

Каждому ясна роль визы военного специалиста на документе. Некоторые подсудимые пытались лживо объяснить нападение на СССР как войну превентивную. Заявления эти в такой мере несостоятельны и противоречат установленным в Суде неопровержимым доказательствам (немецким же документам), что я не вижу необходимости отнимать время у Трибунала.

Защитник Кейтеля заявил, что защита этого подсудимого строится под тем углом зрения, что Кейтель «борется не за свою голову, а за свое лицо».

Я хочу помочь Суду увидеть подлинное лицо Кейтеля. Для этого мне нужно напомнить вам о нескольких кейтелевских директивах, которые по праву займут одно из первых мест среди позорных документов о бесчеловечности германской военщины, ее низости и безгранично подлом попрании понятий о правилах и обычаях ведения войны.

Начиная с документов о расстреле политических работников, Кейтель, этот солдат, как он любит себя называть, игнорируя присягу, беззастенчиво врал на предварительном следствии американскому обвинителю, говоря, что этот приказ носил характер ответной репрессии и что политических работников отделяли от остальных военнопленных по просьбе самих военнопленных. На Суде он был изобличен. Предъявлением документов РФ-351, ПС-884 было доказано, что директива была дана до начала военных действий. Нами был также предъявлен документ под номером СССР-62 (текст письма немецких военнопленных). Из этого документа видно, как еще до нападения на СССР полевые войска инструктировались по поводу обязательного истребления советских женщин-военнослужащих и политического состава.

А что можно сказать о фразах, страшных по своему беспредельному цинизму: «Человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости»?

А директива о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» от 13 мая 1941 г.? А приказ от 16 сентября 1941 г. о казни от 50 до 100 коммунистов за каждого убитого немца? Что мог сказать здесь Кейтель о документе, известном под названием «Нахт унд небель»?

Это кровавые документы. Никто не может подсчитать, сколько тысяч военнопленных солдат и офицеров Красной Армии было убито и замучено в лагерях фашистской Германии. Вы помните, как на вечернем заседании 25 января 1946 г. свидетель Ламп рассказал, что из расстрела 50 советских офицеров в лагере Маутхаузен устроили развлечение для Гиммлера. Вы помните показания свидетеля Блаха, как весной 1944 г. были истерзаны пытками, а затем убиты 94 советских офицера, отказавшиеся давать сведения военного характера.

Я хочу упомянуть о показаниях эсэсовца Пауля Вальдмана об истреблении русских военнопленных. Вы помните, о каком конвейере издевательств и мучений для каждого советского человека, попавшего в немецкий плен, показывал свидетель Кивелиша. Могу ли я умолчать о директиве Кейтеля клеймить советских военнопленных?

Нельзя забыть директиву Кейтеля от 16 декабря 1942 г. Она называется «Борьба с бандами». Под «бандами» подсудимый Кейтель понимал всякое движение Сопротивления и требовал от войск применения жесточайших мер без ограничения, в том числе против женщин и детей.

Под номером СССР-162 советское обвинение предъявило показание Ле-Курта. Ле-Курт заявил, что расстреливал и сжигал советских граждан, поджигал их дома. Только он один лично расстрелял 1200 человек, за что ему досрочно было присвоено звание обер-ефрейтора, и он был награжден восточной медалью. Он действовал в соответствии с указаниями Кейтеля. Директива Кейтеля о военной подсудности в районе «Барбаросса» делала подобных людей безнаказанными. На Кейтеле кровь убитых Ле-Куртом и ему подобными.

Выполняя директиву Кейтеля о том, что жизнь в восточных странах абсолютно ничего не стоит, солдаты и офицеры гитлеровской Германии совершали свои злодеяния.

Обвинением предъявлен документ СССР-51 о том, как 28 августа 1941 г. немецкие войска перед своими боевыми порядками, идя в атаку, гнали женщин, детей и стариков. А в деревне Колпино, заставив крестьян строить для немцев мосты и блиндажи, фашисты потом всех расстреляли.

В Югославии массовые расстрелы заложников стали повседневной практикой военного командования и военной администрации.

В секретном докладе от 15 февраля 1940 г. на имя Геринга ОКВ оправдывает заложничество.

Я хочу закончить документом СССР-356 (ЕС-338). Вы помните, господа судьи, этот документ. В нем адмирал Канарис сообщал Кейтелю о произволе в лагерях военнопленных, голоде, массовых расстрелах советских военнопленных. Даже матерый фашистский разведчик Канарис, боясь ответственности, не мог пройти мимо вопиющих фактов произвола и нарушения всех общепринятых законов и обычаев войны.

Вы помните также резолюцию Кейтеля на этом докладе:

«Я одобряю и покрываю эти мероприятия».

Я спросил подсудимого Кейтеля во время перекрестного допроса 6 апреля 1946 г.:

«Вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь перед Трибуналом именовавший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийства тысяч безоружных солдат, попавших к вам в плен. Это правильно?»

Кейтель вынужден был признать этот факт.

Уже одна такая резолюция полностью раскрывает действительное, подлинное лицо фельдмаршала Кейтеля. Никакие изощренные доводы защиты не смогут снять с Кейтеля ответственность за кровь и бесчисленные человеческие жизни, оборванные рукой фашистской военщины во исполнение приказов и директив, подписанных рукой подсудимого Кейтеля.

Иодль

Подсудимый Альфред Иодль несет равную ответственность с подсудимым Кейтелем в качестве его заместителя и ближайшего военного советника Гитлера.

Все то, что касается подготовки и осуществления агрессивных планов гитлеровской Германии, неразрывно связано с именем Иодля, так же как и с именем Кейтеля.

Нет необходимости в том, чтобы снова перечислять все те агрессивные акции гитлеровской Германии, которые теперь достаточно хорошо известны и каждая из которых была задумана и осуществлена при непосредственном участии подсудимого Иодля.

Я хочу как представитель Союза Советских Социалистических Республик подчеркнуть еще раз, что преступный план веро-

ломного нападения на Советский Союз, названный гитлеровцами именем горе-завоевателя Фридриха Барбароссы, наряду с подписями Гитлера и Кейтеля имеет подпись подсудимого Иодля. Но это не только подпись.

Еще летом 1940 г. в Рейхенгалле Иодль провел первое совещание офицеров своего штаба, на котором обсуждался вопрос о возможности нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Не кто иной, как подсудимый Иодль, еще до нападения на СССР, издал известные «Указания о применении пропаганды в районе «Барбаросса». В этих «Указаниях» прямо указывалось, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза».

Таким образом, подсудимый Иодль заранее знал о действительных целях нападения Германии на СССР, о грабительском, захватническом характере войны, предусматривающей расчленение Советского Союза.

Это он, Иодль, участвовал в подготовке и организации провокационного инцидента на границе Чехословакии с целью оправдания агрессивной акции гитлеровской Германии против этой миролюбивой страны. Это он, Иодль, подписал приказ от 28 сентября 1938 г. относительно порядка использования так называемого «корпуса» Генлейна на случай реализации плана «Грюн».

Издевательски звучат слова подсудимого Иодля о «солдатской чести», когда читаешь его приказ об уничтожении Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза.

Не кто иной, как тот же Иодль, на совещании у Гитлера 1 декабря 1941 г. с неповторимым цинизмом утверждал, что советских патриотов немецкие войска могут безнаказанно «вешать, вешать головой вниз, четвертовать».

Ближайший военный советник Гитлера, непосредственный участник подготовки и осуществления всех кровавых агрессивных планов гитлеровской Германии — подсудимый Иодль по праву занимает место в ряду главных немецких военных преступников.

Дениц и Редер

Мой английский коллега столь убедительно и обстоятельно доказал виновность подсудимых Карла Деница и Эриха Редера, что я не вижу необходимости особо останавливаться на этих гроссадмиралах гитлеровской Германии, запятнавших позором тягчайших преступлений свои адмиральские мундиры.

Дениц при допросе его советским обвинением сказал, что ему не ясны причины, в силу которых именно его Гитлер избрал своим преемником. Я не думаю, чтобы Дениц был совершенно искренен, говоря это. Следует только обратиться к стенограмме судебного заседания от 8 мая и в последующие дни, чтобы и без признания Деница понять, почему он оказался преемником Гитлера в тот момент, когда корабль гитлеровского «рейха» шел ко дну. Не в том дело, что нужен был адмирал в подобную минуту, а в том, что только нацистский гроссадмирал Дениц, по мнению сошедшего со сцены Гитлера, мог что-то сделать для спасения гибнущего корабля.

При Гитлере Дениц был командующим подводными силами Германской империи. Мы помним, какую роль в этой войне играл германский подводный флот. В этой связи стоит подчеркнуть, что сам Дениц гордился авторством так называемой «тактики волчьей стаи». Советские люди не забыли, как подводные лодки Деница топили в Балтийском и Черном морях госпитальные суда и пароходы, на которых эвакуировались мирные жители, женщины и дети.

Последний глава гитлеровского государства одним из первых должен ответить за все те преступления, которые послужили поводом к преданию Суду Международного Военного Трибунала главных военных преступников.

С именем Редера связана кощунственная директива об уничтожении Ленинграда.

На процессе Редер пытался разыграть роль «честного военного». Но уже одно то, что именно он вместе с Гитлером и Кейтелем замышлял «стереть с лица земли» Ленинград и уничтожить более чем трехмиллионное население великого города, имя которого неразрывно связано с развитием человеческой культуры и истории, делает Редера одним из главных военных преступников.

Редер участвовал в разработке всех важнейших планов агрессии германского фашизма. Этот участник преступного фашистского заговора должен поэтому понести наказание наравне с другими его соучастниками.

Кальтенбруннер

Подсудимый Эрнст Кальтенбруннер был тем, кого Гиммлер счел наиболее достойным назначить на место казненного чешскими патриотами палача Гейдриха.

30 января 1943 г. он был назначен начальником главного управления полиции безопасности и СД. Многочисленными документальными данными, в частности приказами за подписью

Кальтенбруннера о массовом направлении людей в концлагеря, показаниями своих подчиненных, в том числе показаниями бывшего начальника главного разведывательного управления (амт VI) Вальтера Шелленберга и начальника внутренней разведки и CD (амт III) Отто Олендорфа, Кальтенбруннер полностью изобличен в совершении тягчайших преступлений.

На судебном заседании 12 апреля 1946 г., при допросе Кальтенбруннера, были оглашены показания Иоганна Кандутора, бывшего заключенного Маутхаузена. В своих показаниях Кандутор рассказывает о том, как проводил время Кальтенбруннер при посещениях лагеря.

«Кальтенбруннер со смехом вошел в газовую камеру; затем людей привели из барака на казнь, и потом были продемонстрированы все три вида казни — повешение, расстрел в затылок и отравление газом».

Я не стану останавливаться на имеющихся многочисленных доказательствах, они достаточно освещены перед Судом. Но на одном обвинении из числа предъявленных Кальтенбруннеру я все же считаю нужным остановиться.

Вместе с другими учреждениями РСХА Кальтенбруннер принял после Гейдриха пять эйнзатцгрупп. Граждане Советского Союза хорошо помнят эти злодейские организации германского фашизма, возглавленные Кальтенбруннером.

Эйнзатцгруппа «А» дошла до подступов к Ленинграду. Это она организовала «форт смерти № 9» под Каунасом, тайный пункт массового умерщвления людей в Понарах, осуществляла расстрелы в Саласпилском и Бикернекском лесу под Ригой, ставила ряды виселиц в парках одного из пригородов Ленинграда — Пушкине.

Эйнзатцгруппа «В» остановилась под Смоленском. Это она сжигала заживо крестьян Белоруссии, расстреливала людей при страшной акции в Пинске, топила тысячи белорусских женщин и детей в Мозырских болотах, травила «душегубками» в Минске, ликвидировала гетто в районе Верхних Садков в Смоленске.

Эйнзатцгруппа «С» дислоцировалась в Киеве. Эта группа осуществляла беспримерную по жестокости массовую акцию немцев в Бабьем Яру под Киевом, где за один день было уничтожено сто тысяч советских людей.

Эйнзатцгруппе «D» были отданы на растерзание южные области из числа временно оккупированных областей Советского Союза. Эта группа впервые испытывала на советских людях «душегубки» в Ставропольском крае и Краснодаре.

Решая судьбу Кальтенбруннера, нельзя позабыть этих людей, отравленных в «душегубках» под Ставрополем, зарытых живыми

в могилы под Киевом и под Ригой, заживо сожженных в пылавших деревнях Белоруссии.

Эти невинные жертвы — на его грязной совести.

Преемник палача и сам палач, Кальтенбруннер осуществлял наиболее отвратительную функцию в общем преступном плане гитлеровской клики.

Розенберг

Перехожу к доказательству вины и ответственности подсудимого Розенберга.

Как бы ни пытался Розенберг умалить свою роль и значение, как бы он ни подтасовывал исторические факты и события, ему не уйти от того, что он был официальным идеологом нацистской партии, что он еще четверть века тому назад заложил «теоретические» основы фашистского гитлеровского государства и на протяжении этого периода морально растлил миллионы немцев, «идейно» подготовив те неслыханные в истории чудовищные преступления гитлеровцев, которые составляют предмет разбирательства на данном процессе.

Когда на процессе Розенбергу был поставлен вопрос: «Вы были ближайшим сподвижником фюрера?», он даже не ответил, а закричал: «Нет, это неправда, я никогда не был!» Но как бы ни отрекался Розенберг от своего «фюрера», ему не смыть каинову печать «одного из старейших и самых верных боевых товарищей Гитлера». На протяжении 25 лет Розенберг, вначале совместно, а затем под руководством Гитлера, разрабатывал и содействовал осуществлению сумасбродных планов мирового господства, избрал для оправдания этих преступных планов человеконенавистническую расовую теорию.

Может ли иметь значение для решения вопроса о виновности и ответственности Розенберга то, что он использовал в своих целях отбросы науки и позаимствовал кое-что у Карла Люэгера и Поля Лагарда, графа Гобино и Лапужа, Освальда Шпенглера и Артура Меллера?!

Важно то, что Розенберг, собрав все эти «научные» отходы, довел все расовые воззрения до предела расового изуверства и в этом духе воспитывал членов нацистской партии, немецкую молодежь. И когда представители «высшей расы» разрабатывали и совершали акты агрессии, когда немецкие оккупанты порабощали и уничтожали нации и народы, когда создавали комбинаты смерти в Майданеке и Освенциме, Треблинке и Хелмно, во всем этом немалая доля ответственности Розенберга.

В этом сказался результат фашистской расовой идеологии, сущность которой состоит в том, что «арийская» — «северогерманская» — раса есть «раса господ», а все остальные расы и нации — «низшая порода».

Защитник Розенберга говорил: «Трибунал должен рассматривать преступления, а не мировоззрения». Этот аргумент в отношении Розенберга явно неубедителен. Ибо Розенберг не только исповедовал, но сознательно распространял и внедрял в сознание немецкого народа фашистскую расовую теорию, которая стала прямой угрозой существованию демократических государств Европы. Носителя бацилл надо изолировать, а того, кто сознательно распространяет бациллы, надо судить.

Преступная деятельность Розенберга не ограничивалась идеологической подготовкой агрессии и проповедями человеконенавистничества. Она очень многогранна.

На процессе уже была достаточно освещена деятельность внешнеполитического отдела НСДАП, ведавшего сетью полулегальной нацистской агентуры за границей, которой много лет руководил подсудимый Розенберг. Влияние этой организации на внешнеполитические мероприятия гитлеровской Германии и на развязывание агрессивных войн очень велико.

В одном из представленных защитником Нейрата и принятых Судом документов прямо говорится: «...Одно время в Берлине даже существовало три вида министерств иностранных дел: министерство Розенберга, министерство Риббентропа и официальное министерство на Вильгельмштрассе».

Наконец, о своем реальном влиянии на внешнюю политику гитлеровской Германии и своих «заслугах» в этой области указывал сам Розенберг в письме к Гитлеру от 6 февраля 1938 г., когда он просил назначить его членом тайного совета министров.

Я не вижу необходимости анализировать всю преступную деятельность Розенберга и намерен только кратко остановиться на его деятельности в качестве сначала «уполномоченного фюрера», а затем имперского министра восточных оккупированных территорий. На этом поприще Розенберг наиболее активно проявил себя как участник преступного заговора.

Розенберг заявляет, что он был против войны с СССР, что о подготовке военного нападения на Советский Союз он узнал от Гитлера тогда, когда уже все приказы по военной линии были отданы, что он никогда не имел реального влияния на внешнюю политику гитлеровской Германии. Я утверждаю, господа судьи, что все эти заявления Розенберга ничего общего не имеют с действительностью.

Общеизвестно, что внешняя политика национал-социалистов, изложенная в новогоднем номере 1921 г. газеты «Фёлькишер беобахтер», начинается с плана германского крестового похода против Советской России и автор этой политики — Альфред Розенберг. Это он вместе с Гитлером, будучи инспирирован Людендорфом и Рехбергом, проповедовал внешнюю политику, направленную на создание антисемитской, антибольшевистской и антибританской континентальной Европы.

Выступления Розенберга с планами «обмена» Польского коридора на Украину, его «дипломатические» поездки в некоторые страны после прихода фашистов к власти, его неуклюжие попытки осуществить внешнеполитическую программу нацистов были широко освещены в печати.

Из представленных документов видно, какую лихорадочную деятельность развил Розенберг в апреле 1941 г. — в период, непосредственно предшествовавший нападению Германии на СССР, когда он был назначен «уполномоченным фюрера по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями».

За две недели до своего назначения Розенберг 7 апреля 1941 г. направил Гитлеру свои предложения о разделе Советского Союза на рейхскомиссариаты и назначении фашистских правителей в оккупируемые области. В предложениях Розенберга фигурируют Белоруссия и Украина, Минск и Киев, Ростов и Тбилиси, Ленинград и Москва. И в качестве рейхскомиссара Москвы Розенберг рекомендовал небезызвестного Эриха Коха.

Мы слышали о беседах Розенберга с Браухичем и Редером, его совещании с Функом, генералом Томасом, статс-секретарем Бакке и другими по вопросам экономической эксплуатации восточных областей, о его переговорах с Риббентропом, начальником штаба СА, руководителем германской контрразведки адмиралом Канарисом. Уже за полтора месяца до нападения на СССР он разработал инструкцию для всех рейхскомиссаров оккупируемых восточных областей, в которой он предусмотрел «рейхскомиссариат России», «рейхскомиссариат Кавказ», а Белорусскую республику включил в «рейхскомиссариат Остланд».

Розенберг пытался заверить, что он не разделял захватнических, грабительских целей войны против СССР, а в качестве министра восточных оккупированных территорий чуть ли не облагодетельствовал население этих областей. Это говорилось после того, как в инструкции рейхскомиссару Прибалтики и Белоруссии указывалось, что его целью являлось «создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить

эти области в составную часть великой Германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов».

Это говорилось после того, как в другой директиве Розенберга о задачах германского управления в оккупированных восточных областях предписывалось:

«Первой задачей... является проведение интересов империи. Положения Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны не имеют действия, так как СССР надо считать уничтоженным... Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными».

Розенберг поторопился объявить СССР уничтоженным, он проболтался, выдал свои тайные замыслы. Но этот документ является неопровержимым доказательством, отметающим все попытки подсудимого переложить ответственность за чудовищные преступления, творимые немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории СССР, на отдельных чиновников и полицейских, на Коха и Гиммлера.

Это Розенберг разрешил попирать решения Гаагской конвенции и применять все мероприятия, которые окажутся «удобными». Когда Кох для своего удобства уничтожил население целого района Цуман, то он действовал в духе этой директивы Розенберга.

Розенберг здесь говорил о своих разногласиях с Кохом, о том, что он придерживался гуманной политики и даже ввозил сельскохозяйственные машины. Если Розенберг и возражал иногда против действий Коха, то только потому, что боялся преждевременной огласки, боялся, что беспримерное издевательство Коха над украинским народом вызовет усиление движения Сопротивления. Не гуманностью, а боязнью руководствовался при этом Розенберг.

Подлинная политика Розенберга изложена во многих документах, ставших теперь известными мировой общественности и имеющихся в делах Трибунала.

В «официальной заметке для фюрера» от 16 марта 1942 г. Розенберг писал о целях германской политики на оккупированных территориях СССР, и прежде всего на Украине. Это «использование полезных ископаемых, в определенных областях создание немецкой колонии, никакого искусственного интеллектуального развития населения, а сохранение его как рабочей силы».

В докладе о преобразовании Кавказа Розенберг писал:

«Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу и снабдить сырьем континент. Задача Кавказа прежде всего является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

Я хочу, наконец, напомнить, что не кто иной, как Розенберг, выступая на заседании «германского трудового фронта», по вопросу о политике на оккупированных территориях СССР говорил: «Видимо, если подчинить себе эти народы, то произвол и тирания будут чрезвычайно подходящей формой управления».

Защита утверждает, что Розенберг и его эйнзатцштаб занимались не разграблением культурных ценностей, а их сохранением. Это также не имеет ничего общего с правдой. Как установлено оглашенными на Суде многочисленными документами, уже в апреле 1941 г., то есть за два с лишним месяца до нападения на СССР, Розенберг готовил специальные команды, создавал штабы, разрабатывал планы вывоза культурных ценностей из Советского Союза.

16 октября 1941 г. в письме Гитлеру Розенберг указывал:

«Теперь я дал указание аналогичному оперативному штабу моего аппарата провести выполненную на Западе работу также в оккупированных восточных областях.

...Имея образовавшуюся таким образом мощную картину, можно было удовлетворить все справедливые желания и требования великой Германской империи. На этой основе я бы взял на себя также гарантирование того, чтобы все произведения искусства, которые могут быть использованы для ваших личных планов, в отношении музея в Линце и других музеев, действительно были использованы в этих целях».

Розенберг 17 октября 1944 г. писал Борману, что для транспортировки «учтенного» его организациями добра понадобилось 1 миллион 418 тысяч железнодорожных вагонов, а 427 тысяч тонн, кроме того, было перевезено водным путем. В этом же письме Розенберг писал, что из захваченных товаров отправлено в Германию 9 тысяч вагонов сельскохозяйственных и прочих машин. И после этого он смеет говорить о каких-то машинах, якобы ввезенных на Украину!

И последнее: о смехотворной теории так называемого «благородного антисемитизма» Розенберга. Нелепо полемизиро-

вать с защитником Розенберга, утверждавшим, что существует «благородный антисемитизм», ни тем более с самим Розенбергом.

В своем заявлении перед Трибуналом я обратил внимание на фашистскую пропаганду, содержащуюся в защитительной речи. Сейчас я хочу напомнить Суду содержание двух документов Розенберга.

В директиве от 29 апреля 1941 г. он писал: «Общее разрешение еврейской проблемы должно сейчас проводиться методом временного разрешения ее. Рабский труд для евреев, создание гетто и т. д. должны быть разрешением этой проблемы».

Еще более цинично, еще более откровенно Розенберг, будучи министром восточных оккупированных областей, высказывался в ноябре 1942 г. на заседании «германского трудового фронта».

«Мы не должны, — говорил Розенберг, — довольствоваться тем, что евреи будут выселены в другое государство и, может быть, там или здесь будет находиться большое еврейское гетто, нет, наша цель должна оставаться прежней. Еврейский вопрос будет решен в Европе и Германии только в том случае, если на европейском континенте не останется больше евреев».

И все эти операции «Котбус», истребление евреев в городах прибалтийских республик, на Украине и в Белоруссии — все производилось на основе установок Розенберга и с его согласия.

В 1937 г. Розенберг получил германскую национальную премию. В связи с этим фашистская печать написала о нем:

«Альфред Розенберг блестяще помог своими книгами заложить научные и духовные основы, усилить и укрепить философию национал-социализма.

Только будущее сумеет полностью оценить глубину влияния этого человека на философские основы национал-социалистского государства».

И это будущее — стало настоящим. И я уверен, что Трибунал надлежаще оценит не только влияние Розенберга «на философские основы национал-социалистского государства», но и его активную роль во всех преступлениях против мира и человечности, совершенных гитлеровцами.

Франк

Юрист по образованию, подсудимый Ганс Франк был тем, кто любил говорить о рецепции «старонемецкого» права для немцев, о «принципах справедливости» для «избранных» и о «праве избранных» на уничтожение народов и государств.

В 1939 г. именно этому человеку, длительное время растлевавшему немецкую юридическую мысль, Гитлер вверил судьбу порабощенной Польши.

Франк прибыл в Польшу для того, чтобы практически осуществить на территории страны с многовековой историей и самобытной высокой культурой программу порабощения и уничтожения народа, который гитлеровцы считали навсегда покоренным.

Я хотел бы напомнить Суду некоторые высказывания Франка, относящиеся к первым месяцам его пребывания в Польше, взятые из его так называемого «дневника». Вряд ли стоит полемизировать с защитником о доказательственной силе этого документа.

Сам Франк заявил следователю, что «это документ исторического значения», и на вопрос, «являются ли истинными утверждения, содержащиеся в дневнике», ответил: «Это полностью соответствует тому, что мне известно».

19 января 1940 г. Франк с циничной откровенностью заявил на совещании руководителей отделов:

«15 сентября 1939 г. я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область как территорию войны и как трофейную страну сделать ее грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры».

31 октября 1939 г. в присутствии Геббельса на совещании руководящих сотрудников «генерал-губернаторства» он заявил:

«Следует совершенно четко выделить различие между германским народом — народом господ — и поляками».

Он вспомнил тогда же и о польской культуре, о которой, как говорил здесь защитник Зейдль, Франк проявлял много забот. Он заявил: «Полякам можно предоставить только такие возможности образования, которые доказывали бы безнадежность судьбы их народа. Речь может идти поэтому о плохих фильмах или о таких, которые демонстрируют величие и мощь немцев».

Одним из первых распоряжений Франка был приказ о расстреле заложников. Затем подобные приказы стали исчисляться сотнями и тысячами, пока не закончились, наконец, изданием «постановления» от 2 октября 1943 г.

10 ноября 1939 г. Франку донесли о том, что близится день польской независимости. На некоторых домах были вывешены плакаты, напоминавшие полякам о дне их национального праздника. Тогда в дневнике Франка появилась запись: «Господин генерал-губернатор распорядился о том, чтобы из каж-

дого дома, на котором остается висеть такой плакат, расстреливали одного жителя мужского пола. Поляк должен чувствовать, что мы для него не намерены строить правовое государство».

Приведенный нами короткий отрывок из речи Франка на совещании руководителей отделов «генерал-губернаторства» характеризует этого гитлеровского «юриста» значительно лучше, чем обширные выдержки из его парадных речей, которые мы вынуждены были выслушивать здесь.

Преступная деятельность Франка в Польше настолько многообразна, что нет никакой возможности в краткой речи восстановить перед Судом все многочисленные доказательства виновности Франка, предъявленные в этом зале и, очевидно, свежие еще в памяти судей.

Но в преступной деятельности Франка в Польше нужно выделить главное, и этим главным является преступная деятельность Франка как убийцы миллионов людей.

Конечно, он грабил, он был уполномоченным Геринга по четырехлетнему плану и грабил, так сказать, «по должности».

Он послал более двух миллионов поляков на каторгу в Германию. Только на предположении о том, что, кроме адвоката, никто не изучал дневников Франка, могут покоиться попытки защиты представить Франка «врагом насильственных методов вербовки». Ибо Франк никуда не может уйти от таких документов, как протокол заседания руководителей отделов от 12 апреля 1940 г., запись совещания с гаулейтером Заукелем от 18 августа 1942 г., стенограмма совещания с Бюлером, Крюгером и другими от 21 апреля 1940 г.

Но он посылал людей на каторгу для того, чтобы выжать из них все возможное в интересах рейха перед тем, как обречь их на смерть. Режим, установленный Гансом Франком в Польше на всех стадиях временного немецкого господства в этой стране, был бесчеловечным режимом умерщвления миллионов людей различными, но одинаково преступными методами.

Не случайно (как убедился в том Суд из недавно прозвучавших в этом зале показаний бывшего заместителя бургомистра Смоленска — профессора Базилевского) на режим, установленный Франком в Польше, как на пример для своих действий, ссылались те немецко-фашистские убийцы, которые уничтожили 11 тысяч пленных польских офицеров в Катынском лесу.

Я считаю особенно важным подчеркнуть здесь, как представлялась Франку политика в отношении польского населения после войны.

«Я настоятельно обращаю внимание на то, — говорил Франк, — что в случае заключения мира в этом обращении ничего не изменится. Этот мир будет означать, что мы тогда как мировая держава будем еще интенсивнее, чем до сих пор, проводить в жизнь нашу общую политическую линию. Он будет означать, что мы должны будем проводить колонизацию в еще более грандиозном масштабе, но ничего в принципе не изменит».

Это говорилось в 1940 г., когда Франк замышлял первое массовое убийство польской интеллигенции, так называемую операцию «АВ».

В 1944 г. на совещании сельскохозяйственных фюреров в Закопане Франк сказал:

«Если бы мы выиграли войну, то тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг генерал-губернаторства, можно превратить в рубленое мясо. Лишь бы удержать их во время войны в подчинении. Пусть будет что будет».

Уже не от Франка зависело то, что в 1944 г. он, мечтая о том, как обратить поляков и украинцев в рубленое мясо, должен был добавить неопределенную формулу «если бы мы выиграли войну». В то время он не мог быть столь определенным в своих выражениях, как 2 августа 1943 г., когда на приеме функционеров НСДАП в королевском зале Краковского дворца заявил о судьбе уничтоженных польских евреев:

«Здесь мы начали с трех с половиной миллионов евреев, сейчас от них осталось лишь несколько рабочих рук. Все другие, скажем мы когда-нибудь, эмигрировали».

Как сам Франк, так и его защитник пытались утверждать, что подсудимый ничего не знал о происходившем в концентрационных лагерях «генерал-губернаторства». Однако в том самом «секретном рапорте» Франка на имя Гитлера, который пыталась использовать в интересах Франка защита, можно найти подтверждение того, что Франк был отлично информирован о происходившем в концлагерях. Там говорилось: «Большая часть польской интеллигенции не поддается влиянию известий из Катыни и противопоставляет немцам подобные же злодеяния в Освенциме».

Затем Франк приводит в высшей степени характерную фразу, описывая реакцию польских рабочих на провокационные сообщения немцев о Катыни. «Ведь имеются же концентрационные лагеря в Освенциме и Майданеке, где массовые убийства поляков производились по конвейеру». И далее: «Сегодня, к сожалению, польская общественность, и не только интеллигенция, сравнивает Катынь с массовой смертностью в германских кон-

центрационных лагерях и с расстрелами мужчин, женщин и даже детей и стариков при проведении куммулятивных наказаний в районах».

После «секретного рапорта» на имя Гитлера не было никакого «нового курса» Франка. Наоборот, Франк издал то свое постановление от 2 октября 1943 г., которое сам подсудимый при допросе его защитником назвал «ужасным». После введения в действие этого постановления жертвами его стали многие тысячи невиновных людей. Число казнимых все увеличивалось, пока в Варшаве не достигло 200 человек, единовременно расстреливаемых за одну казнь. То же самое происходило на улицах всех польских городов, где так называемые «полицейские суды» осуществляли казни, как сказано в тексте самого постановления, немедленно за приговором. Обреченных на смерть привозили на место казни одетыми в одежду из бумаги, с губами, заклеенными пластырем, или ртом, наполненным алебастром, обескровленных в тюрьмах. На правительственном заседании в Кракове 16 декабря 1943 г., где Франк с удовлетворением констатировал, что казни имели «благоприятные последствия», одновременно обсуждался другой вопрос. В протоколе этого совещания сказано:

«Нужно обсудить, не является ли возможной организация особых мест для казни, так как установлено, что польское население стекается к доступным местам казни, набирает в сосуды пропитанную кровью землю и несет ее в церкви».

Защита пыталась здесь говорить о бесконечных разногласиях Франка с полицией, который был якобы не согласен с ее действиями. Посмотрим — что это за разногласия?

Первая же «зондеракция», произведенная в Польше, а именно операция «АВ» — физическое уничтожение нескольких тысяч польских интеллигентов — была произведена не по инициативе полиции, а по инициативе самого Франка. Согласно декрету Гитлера от 2 мая 1942 г. руководитель полиции был подчинен генерал-губернатору. Когда между Франком и начальником полиции Крюгером действительно начались некоторые разногласия, то с поста начальника полиции должен был уйти Крюгер, а Франк остался генерал-губернатором Польши. Что касается сменившего Крюгера обергруппенфюрера Коппе, то кто, как не Франк, 16 декабря 1943 г. выразил ему благодарность за расстрел заложников, признательность за его плодотворную работу и с удовлетворением отметил, что «во главе полиции в генерал-губернаторстве стоит крупнейший специалист». Непонятно, о каких разногласиях Франка с полицией говорил адвокат Зейдль.

Защита пыталась даже изобразить Франка «своеобразным мирным антисемитом», который хотя и отрицательно относился к еврейскому народу, но не только не организовывал сам убийств евреев, но даже и не подстрекал к ним.

Непостижимо, как в таком случае могут быть истолкованы защитником следующие слова Франка:

«Евреи — это раса, которая должна быть уничтожена. Где бы мы ни поймали хотя бы одного, с ним будет покончено».

Или его заявление на правительственном заседании от 24 августа 1942 г., когда он говорил:

«То, что мы приговариваем к голодной смерти 1,2 миллиона евреев, само собой понятно. Разумеется, что если эти евреи не умрут с голода, то это, вероятно, вызовет, как следствие, ускорение, активизацию мероприятий, направленных против евреев».

Преступная деятельность палача польского народа Франка привела к гибели миллионов людей.

«Вы видите, как работают государственные органы, вы видите, что они ни перед чем не останавливаются и ставят людей дюжинами к стенке», — так сам Франк характеризовал насажденный им в Польше режим кровавого террора на совещании штандартенфюреров 18 марта 1942 г.

«Я не постеснялся заявить, что за одного убитого немца будет расстреляно до ста поляков», — эти слова были произнесены Франком 15 января 1944 г. на заседании политических руководителей НСДАП.

«Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: «Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил 150 тысяч поляков», то он бы сказал: «Прекрасно, если это было необходимо», — заявил 18 марта 1944 г., произнося речь в Рейхсгофе, тот самый Франк, который ныне пытается уверить Суд в том, что имел какие-то «принципиальные разногласия» с Гитлером и Гиммлером.

Те заявления, которые сделал Франк в первые месяцы своего пребывания в Польше, были настоящей программой убийств, осуществляемых подсудимым планомерно, методично и беспощадно.

Франк, конечно, хорошо понимал, что в случае, если война не принесет победы, ему придется нести ответственность за преступления, совершенные в Польше, и за участие в фашистском заговоре. Еще в 1943 г. на заседании с сообщниками Франк говорил об этом. И надо отдать должное, он как юрист гораздо более правильно представлял и формулировал понятие преступного заговора, чем некоторые адвокаты на этом процессе, кото-

рые, опираясь на устарелые понятия, пытаются оспаривать обоснованность обвинения в заговоре.

На этом правительственном заседании совместно с полицией 25 января 1943 г. тогдашний генерал-губернатор заявил «гиенам Гиммлера»:

«Я хотел бы подчеркнуть одно: мы не должны жеманничать, когда слышим о 17 тысячах расстрелянных. Эти расстрелянные тоже являются жертвами войны. Давайте вспомним сейчас, что все мы, собравшиеся здесь, фигурируем в списке преступников господина Рузвельта. Я имею честь быть номером первым. Мы стали, так сказать, сообщниками в масштабах мировой истории. Именно поэтому мы должны держаться вместе и разделять общие идеи, и было бы просто смешно, если бы мы стали выносить сор из избы, касающийся споров о методах».

Этот призыв к убийствам очень далек от «бесконечных споров с полицией», о которых говорил здесь защитник Франка.

Подсудимый ошибся в одном — он неверно определил свое место на скамье подсудимых. Но он не ошибся в основном — как преступник «в масштабах мировой истории» он сел на скамью подсудимых.

Фрик

С именем подсудимого Вильгельма Фрика неразрывно связана история развития нацистского движения в Германии и многочисленные преступления гитлеровцев.

В качестве министра внутренних дел гитлеровского правительства Фрик участвовал в издании многочисленных законов, указов и других актов, направленных на уничтожение в Германии демократии, преследование церкви, дискриминацию евреев и т. д. В этой роли Фрик активно способствовал созданию в Германии гитлеровского тоталитарного государства.

В течение ряда лет в подчинении подсудимого Фрика находилась получившая мрачную известность германская государственная тайная полиция (гестапо).

Не кем иным, как подсудимым Фриком, в 1940 г. был издан приказ об уничтожении душевнобольных и престарелых.

В качестве министра внутренних дел гитлеровской Германии Фрик, как показал об этом в Суде и свидетель Гизевиус, был полностью осведомлен о широко развитой в третьей империи системе концентрационных лагерей и о существовавшем в них изуверском режиме.

Значительная роль принадлежит подсудимому Фрику в подготовке и осуществлении агрессивных планов гитлеровского

правительства. Он являлся членом совета министров по обороне империи и генеральным уполномоченным по вопросам администрации.

Все документы, которыми гитлеровские заговорщики «узаконивали» присоединение к Германии захваченных территорий, в числе других гитлеровских главарей были подписаны также Фриком.

Лично Фрик в качестве протектора Богемии и Моравии несет ответственность за все преступления, совершенные гитлеровцами на этой территории.

Возглавляемое Фриком министерство внутренних дел после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз принимало самое активное участие в создании администрации на захваченных территориях СССР. Из числа служащих министерства внутренних дел комплектовался в основном аппарат немецких оккупационных властей на Востоке.

Нет необходимости повторять, какую роль в истреблении, угоне в рабство и других бесчеловечных действиях в отношении мирного населения оккупированных территорий сыграл этот аппарат, созданный при самом активном участии подсудимого Фрика.

За все эти преступления Фрик как активный участник фашистского заговора несет прямую и полную ответственность.

Штрейхер

Несмотря на то что в годы войны подсудимый Юлиус Штрейхер формально не занимал должностей, непосредственно связанных с осуществлением убийств и массовых казней, — трудно переоценить преступления, совершенные этим человеком.

Наряду с Гиммлером, Кальтенбруннером, Полем, теми, кто замышлял, конструировал и приводил в действие газовые камеры, «душегубки», наряду с теми, кто непосредственно осуществлял массовые акции, Штрейхер должен нести ответственность за наиболее жестокие преступления германского фашизма.

Разжигание национальной и расовой розни, воспитание извращенной жестокости и призыв к убийствам были не только долголетней партийной обязанностью, но и доходной специальностью этого человека.

И не случайно так высоко расценил заслуги «Дер штюрмер» и его главного редактора Гиммлер в своем, известном уже Суду, приветствии Штрейхеру, датированном апрелем 1937 г.

Штрейхера можно считать подлинным «духовным отцом» тех, кто разрывал надвое детей в Треблинке. Без «Штюрмера» и его

редактора германский фашизм не смог бы так быстро воспитать те массовые кадры убийц, которые непосредственно осуществили преступные планы Гитлера и его клики, уничтожив более 6 миллионов евреев Европы.

В течение долгого ряда лет Штрейхер духовно растлевал детей и молодежь Германии. Суду были представлены гнусные «детские издания» «Штюрмера». И поэтому вместе с Бальдуром фон Ширахом Штрейхер должен нести ответственность за то, что морально изуродованная им «гитлерюгенд» использовала в качестве мишеней еврейских детей, взятых из Львовского гетто. Не случайно фон Ширах так высоко ценил «исторические заслуги» Штрейхера.

Изуверские нюрнбергские законы были для этого «юдофоба № I», как он сам называл себя, и организатора первых еврейских погромов лишь «началом борьбы». Как помнит Суд, после издания этих законов Штрейхер, призывая к физическому уничтожению евреев Европы, писал: «...только тогда, когда мировое еврейство будет уничтожено; эта проблема будет разрешена».

Я не стану возвращаться также к тем лживым и позорным «ритуальным» номерам «Штюрмера», которые должны были натравить эсэсовцев на убийство миллионов беззащитных людей и оправдать любые зверства в отношении евреев. Эти доказательства виновности Штрейхера, предъявленные Суду в числе других, общеизвестны и бесспорны.

В 1939 г. он, предвкушая Майданек и Треблинку, писал о том, что «возможно, только могилы евреев заявят о том, что они существовали в Европе».

В 1943 г., когда газовые камеры Треблинки и Освенцима уже принимали миллионы жертв, в «Штюрмере» были опубликованы статьи, подстрекающие к ликвидации гетто, статьи, полные лжи и злорадства, и, наконец, «Штюрмер» с садистским удовлетворением констатировал: «Евреи в Европе исчезли».

Штрейхер лгал всю свою жизнь. Он пытался лгать и здесь во время Суда. Я не знаю, рассчитывал ли он обмануть кого-нибудь этой ложью или лгал по привычке и от страха.

Но мне кажется, что самому подсудимому должно быть ясно: его последняя ложь уже никого не обманет и не принесет ему спасения.

Шахт

Подсудимый Ялмар Шахт играл выдающуюся роль в подготовке и осуществлении преступных планов фашистского заговора, выполняя большую и сложную работу.

Защитительная позиция Шахта чрезвычайно проста.

Если ему поверить, он пришел к гитлеризму исключительно из патриотических побуждений, он был против агрессивных войн, но за вооружение Германии с целью сохранения мира. Он был за возврат Германии колоний с целью установления экономического равновесия в Европе.

Убедившись в том, что политика гитлеровского правительства преследует чрезмерное вооружение и таким образом угрожает развязыванию Второй мировой войны, Шахт перешел в оппозицию к Гитлеру, саботировал мероприятия гитлеровского правительства и в результате как участник заговора против Гитлера был репрессирован.

Свои восторженные письма, адресованные Гитлеру и полные выражений преданности, подсудимый Шахт пытался представить как метод маскировки его подлинных оппозиционных настроений к гитлеровскому режиму.

На самом деле Шахт уже в 1930 г. сблизился с нацистским движением. Шахт тяготел к национал-социалистам, а Гитлер и Геринг добивались поддержки Шахта, который имел обширные связи в промышленных и финансовых кругах Германии и, как никто иной, мог оказать и в действительности оказал неоценимые услуги гитлеризму.

Уже 29 августа 1932 г. в письме Гитлеру Шахт заверил его в своей преданности. Эти заверения не остались словами. Не кто иной, как подсудимый Шахт, сыграл решающую роль в приходе Гитлера к власти. Именно он, Шахт, был организатором обращения промышленных кругов Германии с требованием назначения Гитлера рейхсканцлером. Именно он, Шахт, еще в 1932 г. заявил тогдашнему рейхсканцлеру Германии фон Папену — отдайте свой пост Гитлеру. Именно он, Шахт, в 1933 г., накануне выборов в рейхстаг, организовал совещание промышленников, на котором был создан выборный фонд для нацистской партии в несколько миллионов марок.

Роль и значение Шахта в создании гитлеровской Германии характеризует ближайший сподвижник Гитлера Геббельс. В своем дневнике он записал 21 ноября 1932 г.:

«В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью отражает нашу точку зрения. Он один из немногих, кто полностью согласен с позицией фюрера».

Сам Шахт в своем выступлении на весенней ярмарке в Лейпциге 4 марта 1935 г. так определил свою роль в гитлеровском государстве:

«Я могу уверить, что все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера и что я ничего не буду делать и говорить, что не

получит одобрения фюрера. Таким образом, хранителем экономического разума являюсь не я, а фюрер...»

Заслуги подсудимого Шахта были, как этого и ожидал сам Шахт, достойно оценены Гитлером. После прихода к власти в 1933 г. Гитлер сразу же назначил Шахта президентом Рейхсбанка, а затем — министром экономики и, наконец, генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики.

Материалами обвинения и судебным следствием доказана исключительная роль подсудимого Шахта в подготовке вооружения Германии и тем самым в развязывании агрессивных войн.

Бывший военный министр Бломберг в своих показаниях сообщил, что в 1937 г. планы развития вооруженных сил были близки к выполнению и что Шахт был информирован об этих планах и необходимом финансировании.

Шахт являлся одним из наиболее последовательных сторонников преступных планов гитлеровцев. В беседе с послом США Фуллером 23 сентября 1936 г. Шахт заявил ему, что «колонии необходимы Германии. Если возможно, мы приобретем их путем переговоров, если нет — мы захватим их...»

Выступая в Вене в марте 1938 г., Шахт заявил:

«Слава богу, это не могло помешать великому германскому народу продолжать свой путь потому, что Адольф Гитлер объединил германскую волю и германскую мысль. Он подкрепил это вновь усиленными вооруженными силами, и, в конце концов, он придал внешнюю форму внутреннему единству между Германией и Австрией».

Подсудимый Шахт был наделен чрезвычайными полномочиями в области военной экономики.

В течение ряда лет Шахт одновременно являлся президентом Рейхсбанка, министром экономики и генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики.

Уже в силу одного этого своего положения подсудимый Шахт сыграл огромную и решающую роль в создании и возрождении военной экономики и вооруженных сил гитлеровской Германии.

Эта роль Шахта достаточно освещена в неоднократных хвалебных письмах Гитлера к Шахту.

Не кто иной, как Шахт, являлся создателем авантюристического метода «МЕ-ФО», при помощи которого в германскую экономику на цели вооружения было вложено сверх бюджетных ассигнований 12 миллиардов марок.

Как уже указывалось, Шахт пытался в разные периоды своей деятельности подчеркнуть свои все будто бы обострявшиеся разногласия с гитлеровским режимом. На самом деле Шахт про-

водил двойную игру, предохраняя себя от ответственности за преступную политику зарвавшегося гитлеровского правительства заигрыванием с людьми, стремившимися к свержению гитлеровского режима, и в то же время сохраняя на всякий случай свою лояльность к этому режиму.

Только в 1943 г., когда для такого прожженного политикана, как Шахт, стал очевиден крах гитлеровской Германии, он установил связь с оппозиционными гитлеровскому режиму кругами, но, оставаясь верным себе и страхуя себя и в этом случае, ничего реального для свержения гитлеровского режима лично не сделал и именно поэтому был сохранен Гитлером.

Таков облик подсудимого Шахта, такова его роль в общем заговоре и военных преступлениях — роль творца военной экономики гитлеровской Германии и поджигателя развязанной преступным гитлеровским правительством Второй мировой войны.

Функ

Вальтер Функ стал нацистом задолго до своего официального вступления в 1931 г. в члены НСДАП и оставался нацистом до конца. Свои экономические знания, свой опыт журналиста, свои обширные связи с руководителями германской промышленности, торговли и финансов он поставил на службу гитлеровским заговорщикам.

В опубликованной в газете «Дас рейх» от 13 августа 1940 г. статье под названием «Вальтер Функ — пионер национал-социалистского мышления» указывалось:

«Вальтер Функ оставался себе верен потому, что он был, есть и будет национал-социалистским борцом, посвящающим все свои труды победе идеалов фюрера».

Каковы были идеалы Гитлера, достаточно хорошо известно. Этим идеалам Функ посвятил полтора десятка лет своей жизни.

Функ утверждал, что он ничего общего не имел с СС, но не кто иной, как Функ, превратил кладовые Рейхсбанка в место хранения ценностей, награбленных эсэсовцами в восточных и других оккупированных областях.

Лично Функ после переговоров с Гиммлером распорядился принять в Рейхсбанк золотые зубы, коронки, оправы от очков и другие ценные вещи замученных жертв многочисленных концлагерей.

Заместителем Функа был группенфюрер СС Хойлер. Под руководством Функа работал Олендорф — убийца 90 тысяч человек.

Функ, продолжая мероприятия Шахта, поставил на службу агрессивным планам гитлеровцев всю экономику Германии, а впоследствии и экономику территорий, оккупированных Германией.

Еще в мае 1939 г. Функ и его заместитель Ландфрид разработали планы военного финансирования и использования для войны всех экономических ресурсов Германии и захваченной немцами Чехословакии.

23 июня 1939 г. Функ участвовал в заседании имперского совета обороны, на котором были приняты детальные планы перевода всего народного хозяйства на военные рельсы.

Уже тогда Функ не только был осведомлен о готовящемся нападении Германии на Польшу, не только способствовал осуществлению этих агрессивных планов, но и экономически подготавливал новые войны, захват новых областей. Это и были «большие политические цели фюрера», о которых спустя несколько месяцев Функ писал в своей статье «Хозяйственная и финансовая мобилизация».

Я напомню еще об этом документе. 25 августа 1939 г. Функ писал Гитлеру: «Переданная мне господином фельдмаршалом Герингом весть о том, что мой фюрер вчера вечером в основном одобрил подготовленные мною мероприятия по финансированию войны, по образованию цен, тарификации заработной платы и по проведению подписки на принудительные пожертвования, меня глубоко осчастливила».

Задолго до вероломного нападения Германии на СССР Функ принял участие в разработке планов по разграблению богатств Советского Союза.

Функ прикомандировал к министерству Розенберга и хозяйственному штабу «Ост», этому грабительскому центру, своих сотрудников. Люди Функа принимали также участие в разграблении Чехословакии, Югославии и других оккупированных стран.

Функ являлся президентом компании «Континенталь Ойль», организованной для эксплуатации немцами нефтяных богатств восточных оккупированных территорий, в особенности грозненской и бакинской нефти. Функ полностью разделял грабительские цели войны гитлеровской Германии против СССР. Выступая 17 декабря 1941 г. в Праге, он говорил, что Восток является будущей колониальной областью Германии.

Функ принимал участие в совещании у Геринга 6 августа 1942 г., на котором намечались наиболее эффективные меры экономического разграбления оккупированных территорий СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Норвегии и других стран. На этом совещании, а также на заседаниях управления «центрального планирования» Функ принимал участие в разработке планов угона в рабство миллионов людей оккупированных областей.

Таковы основные этапы активной преступной деятельности гитлеровского заговорщика подсудимого Функа — личного советника Гитлера по экономическим вопросам ещё в 1931 году, имперского министра и генерального уполномоченного по вопросам экономики, президента Рейхсбанка и члена имперского совета обороны — в период подготовки и осуществления общего преступного плана (заговора).

Виновность Функа — активного участника фашистского заговора — в совершении преступлений против мира, в участии в военных преступлениях, преступлениях против человечности полностью доказана, и он должен понести ответственность за совершенные им злодеяния.

Ширах

С 1931 г. и до конца войны подсудимый Бальдур фон Ширах возглавлял руководство нацистской молодежью.

После издания 1 декабря 1936 г. закона о «гитлеровской молодежи» фон Ширах в качестве имперского руководителя молодежи был подчинен непосредственно Гитлеру.

В своих показаниях на Суде подсудимый Ширах, пытаясь избежать ответственности за воспитание немецкой молодежи в духе национал-социалистских идей, неоднократно ссылался на то, что «гитлерюгенд» являлась самостоятельной, независимой от нацистской партии и гитлеровского правительства молодежной организацией.

В целях своей защиты Ширах счел возможным и уместным сослаться на великого Гете, слова которого «сама юность воспитывает молодежь» с неприкрытым цинизмом были использованы Ширахом.

Гете был, конечно, прав, когда говорил, что «сама юность воспитывает молодежь». Но он имел в виду здоровую, полноценную жизнедеятельную юность, а не юность, растленную мракобесием гитлеризма, ярко выраженным в словах Гитлера, сказанных им Раушнингу:

«Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя».

И подсудимый Ширах, методически внедряя идеи гитлеризма в сознание немецкой молодежи, воспитывал немецкую молодежь в духе требований Гитлера, по образцу и подобию матерых вожаков гитлеровской банды.

На перекрестном допросе подсудимый Ширах в конце концов все же вынужден был признать, что немецкая молодежь воспитывалась в духе национал-социалистских идей, что к ее воспитанию были привлечены члены СА, офицеры немецких вооруженных сил и СС, что в гитлеровской Германии проводилась усиленная военная подготовка молодежи.

В этих целях между имперским руководством «гитлерюгенд» и ОКВ, в лице подсудимого Кейтеля и рейхсфюрера СС Гиммлера, были заключены специальные соглашения, предусматривавшие воспитание молодежи в духе воинственного милитаризма и соответствующую вербовку и подготовку молодежи для германских вооруженных сил и соединений СС.

Роль и участие подсудимого фон Шираха в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности лучше всего характеризуется поведением во время войны немецкой молодежи, воспитанной в «гитлерюгенд».

Советское обвинение представило Трибуналу под номером СССР-6 в порядке статьи 21 Устава Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев на территории Львовской области. В этом сообщении приводилось заявление французской подданной Иды Вассо об изуверской расправе членов «гитлерюгенд» над малолетними детьми, из которых они делали мишень для стрельбы.

В своих письменных показаниях от 16 мая 1946 г., а также в ответах на опросный лист защитника подсудимого Шираха Ида Вассо полностью подтвердила свое заявление.

Убедительные показания о действиях членов «гитлерюгенд» в составе немецких вооруженных, сил были даны военнопленным немецким солдатом Гертом Кнителем, который сам с 1938 г. являлся членом «гитлерюгенд» и в возрасте 18 лет в 1942 г. был призван в немецкую армию.

Описывая свое участие в многочисленных злодеяниях, Герт Книтель сообщил:

«В местечке Липайск наша рота в июне 1943 г. подожгла дом с находившимися там людьми... Всех пытавшихся выпрыгнуть из дома мы расстреливали, только одну старуху не расстреляли, так как на наших глазах она сошла с ума...»

За все эти преступления несет полную ответственность вместе с Гертом Кнителем и десятками тысяч ему подобных и подсудимый фон Ширах.

Сам Ширах, конечно, не стрелял, не занимался поджогами, но это он вложил оружие в руки морально развращенной им и подготовленной к осуществлению любых зверств немецкой молодежи.

Но этими преступлениями не исчерпывалась преступная деятельность «гитлерюгенд» и подсудимого Шираха во время войны.

«Гитлерюгенд» активно участвовала в подготовке агрессивных войн путем создания пятых колонн в Польше и Югославии, о чем свидетельствуют представленные Трибуналу официальные доклады Польского и Югославского правительств.

Организация «гитлерюгенд» принимала активное участие в мероприятиях министерства оккупированных восточных территорий, о чем свидетельствует представленный Трибуналу под номером ПС-1039 отчет подсудимого Розенберга, а также активно участвовала в угоне в рабство с оккупированных территорий детей в возрасте от 10 до 14 лет, о чем свидетельствует представленный Трибуналу документ под номером ПС-031.

Будучи имперским наместником и гаулейтером Вены, Ширах принимал личное руководящее участие в выселении из Вены 60 тысяч евреев, которые затем были истреблены в концентрационных лагерях на территории Польши.

Предъявленные обвинением документы — еженедельные отчеты, поступавшие к Шираху, устанавливают, что он был осведомлен о многочисленных злодеяниях, чинимых немецкими войсками и оккупационными властями на Востоке, и в частности о трагической судьбе насильственно вывезенных из Вены десятков тысяч евреев.

Подсудимый Ширах в 1940 г. требовал в своей телеграмме на имя Бормана в ответ на убийство палача Богемии и Моравии Гейдриха уничтожить воздушной бомбардировкой один из культурных городов Великобритании.

Одна эта телеграмма достаточно ярко и убедительно рисует моральный облик фон Шираха.

Преданный до конца гитлеровской клике, осведомленный о всех ее преступных делах, в которых сам принимал самое активное участие, подсудимый фон Ширах являлся одной из наиболее зловещих фигур «третьей империи».

Заукель

Я уже указывал в своей вступительной речи, что в длинной цепи подлых преступлений немецко-фашистских захватчиков особое место занимал насильственный угон в Германию на рабский труд мирных граждан — мужчин, женщин и детей.

Подсудимому Фрицу Заукелю принадлежит решающая роль в этом мрачном преступлении.

В судебном заседании во время перекрестного допроса подсудимый Заукель был вынужден признать, что в промышленнос-

ти и частично в сельском хозяйстве Германии во время войны было использовано около 10 миллионов подневольных рабочих, как вывезенных с оккупированных территорий, так и из числа военнопленных.

Признавая вывоз в Германию с оккупированных территорий миллионов рабочих и использование их, прежде всего, в интересах военной экономики гитлеровской Германии, Заукель отрицал преступный характер этих действий, утверждая, что вербовка рабочих производилась будто бы добровольно.

Это не просто ложь, это клевета на миллионы честных патриотов Советского Союза, Чехословакии, Югославии, Польши, Франции, Голландии, преданных своей родине, насильственно угнанных на рабский труд в гитлеровскую Германию.

Попытки подсудимого Заукеля представить свою роль в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы как лица, только координирующего и инспектирующего деятельность других государственных органов по использованию рабочей силы, являются несостоятельными.

В качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Заукель был наделен Гитлером чрезвычайными и всеобъемлющими правами и был подчинен в своей деятельности непосредственно и лично Гитлеру.

И Заукель широко использовал эти полномочия для угона в Германию рабочей силы с оккупированных территорий.

Нет нужды ссылаться на многочисленные документальные доказательства, представленные Трибуналу и с бесспорностью устанавливающие преступный характер методов массового угона в рабство населения оккупированных территорий и организаторскую роль в этих преступлениях подсудимого Заукеля.

Насколько далеко зашли эти преступления, свидетельствует проведенная немецкими военными и гражданскими властями операция, зашифрованная под названием «Сено», которая предусматривала насильственный угон в рабство детей в возрасте от 10 до 14 лет и угон украинских девушек, предназначенных Гитлером для онемечивания.

Подсудимый Заукель пытается уверить Трибунал в том, что он будто бы строго выполнял требования Женевской и Гаагской конвенций об использовании труда военнопленных. Однако его же собственные директивы полностью разоблачают его ложь.

Заукель заранее планировал принудительное использование советских военнопленных в военной промышленности Германии и не проводил никакой разницы между ними и гражданской рабочей силой.

О нечеловеческих условиях, в которых находились угнанные в рабство иностранные рабочие и военнопленные, свидетельствуют многочисленные документальные доказательства. Сам подсудимый Заукель был вынужден признать, что иностранные рабочие содержались в лагерях за колючей проволокой и были обязаны носить специальные опознавательные знаки.

Вызванный в судебное заседание по ходатайству защитника Заукеля свидетель доктор Вильгельм Егер нарисовал страшную картину тех условий, в которых находились подневольные рабочие на предприятиях фирмы Круппа.

Смехотворно после всего этого звучат показания другого свидетеля — Фрица Висгофера, который, желая выгородить Заукеля, явно переусердствовал, сообщив Трибуналу, что он будто бы видел разгуливающих и веселящихся в венском Пратере иностранных рабочих.

Подсудимый Заукель проявлял большую активность в совершении всех этих преступлений. В апреле 1943 г. в целях форсирования вывоза рабочей силы он лично посетил города Ровно, Киев, Днепропетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу, а в июне того же года — Прагу, Краков, снова Киев, Запорожье и Мелитополь.

Именно в результате своей поездки на Украину в 1943 г. Заукель объявил благодарность за успешную мобилизацию рабочей силы рейхскомиссару Украины Коху, известному своими драконовскими, бесчеловечными мерами, которые он широко применял в отношении украинского населения.

И не случайно поэтому преступная деятельность Заукеля находила высокую оценку в гитлеровской Германии.

6 августа 1942 г. на совещании рейхскомиссаров оккупированных областей подсудимый Геринг заявил:

«Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля. В этом он не нуждается. Но то, что он сделал в этот короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих и доставить их на наши предприятия, это является единственным в своем роде достижением. Я должен сказать всем, господа, если каждый в своей области приложил бы только десятую часть той энергии, которую приложил гаулейтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнимы задачи, которые возложены на вас...»

В статье, опубликованной в «Рейхсарбейтсблатт» за 1944 г. и посвященной 50-летию Заукеля, говорилось: «Верный своей политической задаче, он с непоколебимой последовательностью и упорством, с фанатической верой идет по своему ответственному пути. Как один из наиболее верных сторонников Гит-

лера он черпает свои созидательные и духовные силы в доверии фюрера».

Давая оценку преступной деятельности Заукеля, Высокие Судьи, несомненно, учтут слезы, пролитые миллионами томившихся в немецком рабстве людей, тысячи замученных в нечеловеческих условиях рабочих лагерей — учтут и воздадут ему должное.

Зейсс-Инкварт

Подсудимый Артур Зейсс-Инкварт был назначен Гитлером в начале сентября 1939 г. начальником гражданской администрации Южной Польши, а с 12 октября того же года — заместителем генерал-губернатора Польши. На этом посту он находился по май 1940 г.

На протяжении семи месяцев Зейсс-Инкварт лично, а также под руководством Франка и совместно с ним насаждал в Польше террористический режим, принимал активное участие в разработке и осуществлении планов уничтожения многих тысяч людей, экономического ограбления и порабощения народов Польского государства.

17 ноября 1939 г. Зейсс-Инкварт выступил с речью перед начальниками управлений и отделов варшавского губернаторства, в которой, между прочим, указал, что при осуществлении германской администрации в генерал-губернаторстве «руководящим принципом должны быть интересы германской империи.

Путем строгого и несгибаемого управления эта область должна быть использована германской экономикой, а для того, чтобы не проявлять излишнего милосердия, следует помнить о том, как польская раса узурпировала германскую территорию».

Через два дня Зейсс-Инкварт по этому же вопросу инструктировал люблинского губернатора — бригаденфюрера СС Шмидта:

«Ресурсы и жители этой страны должны служить Германии, и процветать они могут только в этих пределах. Нельзя разрешить развитие независимого политического мышления. Может быть, Висла будет иметь еще большее значение для судеб Германии, чем Рейн».

Из отчета о служебной поездке Зейсс-Инкварта устанавливается: что губернатор Варшавы Фишер осведомил подсудимого о том, что все ценности варшавских банков в золоте, драгоценных металлах и векселях были переведены в Рейхсбанк, причем польское население было обязано оставлять свои вклады в банках; что немецкая администрация применяет принуди-

тельный труд; что люблинский губернатор Шмидт заявил в присутствии Зейсс-Инкварта: «Эта территория с ее ярко выраженным болотистым характером могла бы служить областью для евреев, где можно было бы создать условия для расстрела каждого десятого».

Я обращаю внимание Трибунала на то, что именно в Люблине, на Майданеке, гитлеровские палачи создали огромный комбинат смерти, в котором они истребили около полутора миллионов человек.

Известно также, что Зейсс-Инкварт в качестве заместителя Франка выполнял от его имени «чрезвычайные задания».

Зейсс-Инкварт 8 декабря 1939 г. принял участие в конференции, на которой шла речь: о назначении Франка доверенным уполномоченным по четырехлетнему плану и задачах генерал-губернатора «по получению для империи самого лучшего и полезного из хозяйства генерал-губернаторства»; о том, что из вновь присоединенных областей с 1 декабря прибыло много поездов с поляками и евреями и эти перевозки, как указал обергруппенфюрер СС Крюгер, будут продолжаться до середины декабря; об издании дополнительного распоряжения, согласно которому трудовая повинность распространяется на возраст от 14 до 18 лет.

21 апреля 1940 г. подсудимый принимал участие в совещании, на котором были разработаны мероприятия по принудительному вывозу польских рабочих в Германию.

16 мая 1940 г. подсудимый принимал участие в разработке операции «АВ», которая являлась не чем иным, как планом заранее обдуманного массового истребления польской интеллигенции.

В связи с назначением Зейсс-Инкварта имперским комиссаром Нидерландов Франк и его достойный заместитель обменялись прощальными речами.

«Я весьма рад, — говорил Франк, — заверить вас, что память о вашей работе в генерал-губернаторстве сохранится навсегда при создании будущей мировой империи германской нации...»

«Здесь, — ответил Зейсс-Инкварт, — я изучил многое... и в первую очередь, в области инициативы и твердого руководства в том виде, в каком я их увидел в моем друге д-ре Франке...

...Все мои мысли связаны с Востоком. На Востоке мы имеем национал-социалистскую миссию, на Западе мы имеем функцию».

Какова была на Западе функция Зейсс-Инкварта, как и прочих имперских министров и комиссаров во всех оккупированных немцами территориях, известно — это функция палача и грабителя.

Мои коллеги подробно говорили о преступной роли Зейсс-Инкварта в захвате Австрии и осуществлении других агрессивных планов гитлеровских заговорщиков, наглядно показали, как Зейсс-Инкварт применил в Нидерландах кровавый опыт, приобретенный им в сотрудничестве с Франком в Польше. И это дает мне все основания полностью поддерживать в отношении Зейсс-Инкварта обвинение, как оно сформулировано Обвинительным актом.

Папен

Подсудимый Франц фон Папен еще в 1932 г., будучи рейхсканцлером германской республики, активно способствовал развитию в стране фашистского движения.

Папен отменил декрет своего предшественника Брюнинга о запрещении деятельности штурмовых отрядов (СА). Им же было свергнуто социал-демократическое правительство Брауна-Зеверинга в Пруссии. Эти мероприятия в весьма значительной степени усилили положение фашистов и способствовали приходу их к власти.

Так Папен расчистил путь Гитлеру. Обеспечив власть фашистам, сам Папен занял в кабинете Гитлера пост вице-канцлера. На этом посту фон Папен участвовал в принятии и проведении ряда законодательных актов, направленных на укрепление немецкого фашизма.

И в дальнейшем в течение многих лет, вплоть до разгрома гитлеровской Германии, фон Папен остался верен своим фашистским друзьям, принимая посильное участие в осуществлении преступного заговора.

Подсудимый фон Папен пытается сейчас объяснить свою роль в развитии фашистского движения и в захвате власти Гитлером той политической ситуацией в стране, которая будто бы сделала приход Гитлера к власти неизбежным. Действительные мотивы, которыми руководствовался фон Папен, состоят в том, что он сам был убежденный, преданный Гитлеру фашист.

Выступая во время выборной кампании в рейхстаг в Эссене 2 ноября 1933 г., Папен заявил:

«С тех пор как судьба призвала меня стать пионером национального пробуждения и возрождения нашей родины, я пытался поддерживать всеми своими усилиями работу национал-социалистского движения и его руководителя. Так же как, став канцлером, я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы передать власть в руки на-

шего канцлера и фюрера, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко мне доверие, — милостивый бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий дал ей такого руководителя с надежной интуицией государственного деятеля, который поведет ее через все несчастья и слабости, через все кризисы и опасности к счастливому будущему».

Международный Военный Трибунал даст должную оценку преступной деятельности подсудимого фон Папена, который сыграл решающую роль в захвате Гитлером власти, широко использовал провокационные методы в своей дипломатической деятельности, всеми силами способствуя созданию темных сил фашизма, которые ввергли мир в кровопролитные войны и причинили неисчислимые бедствия.

Шпеер

Архитектор Альберт Шпеер еще до захвата власти нацистами был личным другом архитектурного чертежника Гитлера и остался им до конца. Их сблизила и сроднила общность не только профессиональных интересов, но и политических.

Шпеер начал свою карьеру в 1932 г. с реконструкции «коричневого дома» — штаба НСДАП — в Берлине, а через 10 лет он возглавлял все военное строительство и военное производство фашистской Германии.

Начав со строительства здания имперского «партейтага», Шпеер закончил строительством «Атлантического вала».

Шпеер занимал выдающееся место в государственном и военном механизме гитлеровской Германии и принимал самое непосредственное активное участие в планировании и осуществлении преступного заговора.

В чем заключается «линия обороны» Шпеера на Суде? Шпеер представляет дело таким образом, что пост министра ему был навязан Гитлером: он был близким другом Гитлера, но о планах Гитлера ничего не знал, он в течение 14 лет состоял членом нацистской партии, но от политики был далек и даже не читал «Майн кампф». Правда, будучи изобличен, Шпеер признался, что солгал во время допроса на предварительном следствии.

Шпеер лгал, когда отрицал свою принадлежность к СА, а затем и к СС. В распоряжении Суда имеется подлинное дело члена СС Альберта Шпеера, который состоял в личном штате рейхсфюрера СС Гиммлера.

Шпеер занимал довольно высокий ранг и в нацистской партии. Он был в партийной канцелярии делегатом по всем техниче-

ским вопросам, возглавлял главное управление техники НСДАП, руководил союзом германских техников национал-социалистов, был уполномоченным штаба Гесса, руководителем одной из крупных организаций «германского трудового фронта».

Можно ли после этого серьезно принимать во внимание заявление Шпеера, что он был аполитичным специалистом? В действительности ближайший сотрудник Гитлера, Гесса, Лея и Геринга — Шпеер руководил германской техникой не только в качестве имперского министра, но и как нацистский политический руководитель.

Став преемником Тодта, Шпеер, как он сам выразился в речи перед гаулейтерами, беззаветно отдался разрешению военных задач.

Путем безжалостной эксплуатации населения оккупированных областей и военнопленных союзных государств, за счет здоровья и жизни сотен тысяч людей Шпеер увеличивал выпуск вооружения и боеприпасов для германских армий. Путем разграбления сырьевых и иных ресурсов оккупированных территорий Шпеер всячески усиливал военный потенциал гитлеровской Германии.

Его полномочия росли с каждым месяцем войны. Указами Гитлера от 2 сентября 1943 г. Шпеер стал уполномоченным и ответственным за снабжение сырьем, за руководство и производство военной промышленности. Ему даже было поручено регулирование товарооборота, а указ Гитлера от 24 августа 1944 г. фактически делал Шпеера диктатором над всеми германскими инстанциями как внутри самой Германии, так и на оккупированных территориях, деятельность которых в какой бы то ни было мере имела отношение к усилению военной мощи Германии.

И когда фашистские летчики бомбардировали мирные города и села, убивая женщин, стариков и детей, когда немецкие артиллеристы обстреливали из тяжелых орудий Ленинград, когда гитлеровские пираты топили госпитальные суда, когда «Фау» разрушали города Англии, — это был результат деятельности Шпеера.

Это под его руководством было широко развернуто производство газов и других средств химической войны. Сам подсудимый при допросе его господином Джексоном на Суде признал, что три фабрики готовили продукцию для газовой войны и до ноября 1944 г. они работали на полном ходу.

Шпеер не только знал о применяемых Заукелем методах при угоне в рабство населения оккупированных областей, но и сам принимал участие вместе с Заукелем на совещаниях у Гитлера и

в управлении «центрального планирования», где принимались решения об угоне в Германию миллионов людей с оккупированных территорий.

Шпеер имел тесный контакт с Гиммлером: он получал от Гиммлера заключенных для работы на военных заводах; на многих заводах, подведомственных Шпееру, были организованы филиалы концентрационных лагерей. За услуги Гиммлера Шпеер, в свою очередь, предоставлял СС опытных специалистов и дополнительное военное снаряжение.

Шпеер очень много говорил здесь о том, что он резко критиковал близкое окружение Гитлера и что у него якобы были очень серьезные разногласия с Гитлером, что в своих письмах к Гитлеру он указывал на бесцельность дальнейшего ведения войны. Когда представитель советского обвинения спросил Шпеера, кого именно из близкого окружения он критиковал и в связи с чем была эта критика, подсудимый ответил: «Я вам этого не скажу».

Совершенно очевидно, что Шпеер не только не хотел, но и не мог этого сказать по той простой причине, что он никого из близкого окружения Гитлера не критиковал, да и не мог критиковать, так как сам был убежденным нацистом и входил в это близкое окружение. Что касается так называемых «серьезных разногласий», то, как признал Шпеер, они начались после того, как ему стало ясно, что Германия проиграла войну.

Письма Шпеера к Гитлеру датированы мартом 1945 г. Тогда-то Шпеер мог без особого риска обрисовать безнадежное положение Германии. Оно уже было ясно для всех и не составляло предмет разногласий. И не случайно, что после этих писем Шпеер продолжал оставаться фаворитом Гитлера. Именно Шпеера Гитлер назначил 30 марта 1945 г. руководить мероприятиями по тотальному разрушению индустриальных объектов, обязав все партийные, государственные и военные учреждения оказывать ему всемерную помощь.

Таков истинный облик и истинная роль подсудимого Шпеера в преступлениях гитлеровской клики.

Нейрат

Константину фон Нейрату принадлежит выдающаяся роль в укреплении власти нацистских заговорщиков, в подготовке и осуществлении их агрессивных планов.

На протяжении многих лет, каждый раз, когда нужно было замести следы, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные акты, на подмогу гитлеровцам появ-

лялся со своим многолетним опытом в области внешней политики Нейрат — нацистский дипломат в чине генерала СС.

Я напомню официальную оценку деятельности Нейрата, которая была опубликована 2 февраля 1943 г. во всех газетах фашистской Германии.

«Самыми яркими политическими событиями после прихода к власти, в которых барон фон Нейрат как имперский министр иностранных дел играл решающую роль и с которыми вечно будет связано его имя, являются уход с конференции по разоружению в Женеве 14 октября 1933 г., возвращение Саарской области и денонсирование Локарнского договора...»

В качестве имперского протектора Богемии и Моравии Нейрат представлял для гитлеровских заговорщиков те «твердые и надежные руки», о которых писал в своем меморандуме генерал Фредериче и которые должны были превратить Чехословацкую Республику в «неотъемлемую часть Германии». Для достижения этой цели Нейрат насаждал пресловутый «новый порядок», сущность которого теперь всем известна.

Нейрат пытался здесь уверить, что все зверства творились полицией и гестапо по прямому приказу Гиммлера, а он о них вовсе и не знал. Можно понять Нейрата, когда он это утверждает, но согласиться с ним никак нельзя.

Допрошенный 7 марта 1946 г. Карл Франк показал, что Нейрат регулярно заслушивал доклады командующего полицией безопасности и лично Франка о «важнейших событиях в протекторате, имевших отношение к полиции безопасности», что Нейрат имел возможность и давал директивы государственной полиции безопасности, а в отношении СД (службы безопасности) его права были еще шире и не зависели ни при каких обстоятельствах от согласия главного имперского управления безопасности.

Я напомню также параграфы 11, 13 и 14 декрета совета министров имперской обороны от 1 сентября 1939 г., устанавливающие, что рейхсфюрер СС и начальник германской полиции проводит административные мероприятия в Богемии и Моравии с ведома имперского протектора и что органы германской полиции безопасности в протекторате обязаны осведомлять имперского протектора, а также ему подчиненные учреждения и держать их в курсе важных событий.

Если к этому еще добавить, что подсудимый Нейрат назначил 5 мая 1939 г. своим политическим референтом фюрера СД и уполномоченного полиции безопасности, если вспомнить оглашенные на Суде показания бывшего при Нейрате президента Чехии Рихарда Бинерта, в которых говорится, что гестапо произ-

водило аресты по распоряжению имперского протектора, — разве могут быть сомнения в том, что Нейрат санкционировал массовые аресты, казни без суда и другие бесчеловечные акты, совершенные гестапо и полицией в Чехословакии?

Я перехожу к событиям 17 ноября 1939 г., когда девять студентов были без суда расстреляны, свыше тысячи студентов было брошено в концентрационные лагеря и все чешские высшие учебные заведения были закрыты на три года.

Нейрат говорил, что он узнал об этих террористических мероприятиях постфактум. Но мы предъявили Суду сообщение о расстреле и аресте студентов, на котором значится подпись Нейрата. Нейрат пытается найти другую лазейку: он заявляет, что Франк подписал сообщение его, Нейрата, именем, а для убедительности Нейрат еще добавил, что позднее он от одного чиновника узнал, что Франк часто злоупотреблял его именем на документах. Правдоподобны ли эти заявления Нейрата? Достаточно бегло проанализировать факты, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно.

Нейрат говорит, что Франк злоупотреблял его именем. Что же предпринял он? Может, он потребовал отставки Франка или наказания его за подлог? Нет. Может быть, он официально сообщил кому-либо об этом подлоге? Тоже нет. Напротив, он продолжал сотрудничать с Франком, как и прежде.

Нейрат говорит, что он узнал о злоупотреблениях Франка от «одного чиновника». Кто же этот чиновник? Как его фамилия? Почему не было ходатайства о вызове его в Суд или хотя бы о получении его письменных показаний?

Все дело в том, что никто Нейрату не говорил о злоупотреблениях Франка с подписью Нейрата на документах и не мог говорить, так как самих злоупотреблений не было. Зато в распоряжении Суда имеются доказательства, подтверждающие, что сообщение от 17 ноября 1939 г. подписано Нейратом, и террористические мероприятия, о которых в этом сообщении говорится, были санкционированы Нейратом. Я имею в виду два показания Карла Франка — непосредственного участника этих кровавых событий.

Карл Франк на допросе 26 ноября 1945 г. показал: «Этот документ был датирован 17 ноября 1939 г. и подписан фон Нейратом, который не протестовал ни против расстрела девяти студентов, ни против числа студентов, которые должны были быть отправлены в концентрационные лагеря».

Я цитирую второе показание Карла Франка по этому вопросу от 7 марта 1946 г.: «Имперский протектор фон Нейрат своей под-

писью, которую он поставил под официальным сообщением, доводившим до сведения о расстреле студентов, утвердил эту акцию. Я точно проинформировал Нейрата о ходе расследования, и он подписал сообщение. Если бы он не был согласен и потребовал бы изменения, например смягчения, на что он имел право, то я должен был бы присоединиться к его мнению».

В августе 1939 г. Нейрат издал так называемое «предупреждение» в связи с «чрезвычайным положением», в котором он объявил Богемию и Моравию «составной частью великой Германской империи» и установил, что «ответственность за все акты саботажа несут не только отдельные лица, но и все чешское население», то есть установил принцип коллективной ответственности, ввел систему заложничества.

Если расценить события 17 ноября 1939 г. в свете этого распоряжения Нейрата, мы найдем еще одно неопровержимое доказательство против Нейрата.

Начиная с 1 сентября 1939 г. в Чехии и Моравии были арестованы как заложники около 8 тысяч чехов, большинство из которых было отправлено в концентрационные лагеря, многие были казнены или умерли от голода и пыток. Вы, господа судьи, слышали по этому поводу показания Бинерта, Крейчи и Гавелки.

Разве эти террористические действия против чешской интеллигенции не совершались на основе указанного выше так называемого «предупреждения» Нейрата?

Мне нет необходимости излагать все то, что произошло в Лидице, а затем в селении Лежаки, — это широко известно. Разве там немецкие оккупанты не действовали исходя из «предупреждения» Нейрата и установленного им принципа: «ответственность несут не только отдельные лица, но и все чешское население»?

Это Нейрат в августе 1939 г. положил начало массовому террору против народов Чехословакии, это на нем лежит кровь многих тысяч женщин и мужчин, стариков и детей, убитых и замученных. И я не вижу разницы между бароном фон Нейратом и другими главарями преступного нацистского режима.

Фриче

Роль подсудимого Ганса Фриче в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности, несомненно, более значительна, чем это может показаться на первый взгляд.

Преступная деятельность Фриче, ближайшего помощника Геббельса, проводимая систематически, изо дня в день, явля-

лась важнейшим звеном в общем преступном плане (заговоре) и самым активным образом способствовала созданию тех условий, при которых зародились и культивировались многочисленные преступления гитлеровцев.

Все попытки подсудимого Фриче и его защиты умалить его значение и роль в этих преступлениях явно провалились.

Какая совершенно особая роль отводилась лживой пропаганде в гитлеровской Германии, свидетельствуют высказывания Гитлера в «Майн кампф».

Он писал: «Вопрос о возрождении германского могущества гласит не „как мы сфабрикуем оружие?“, а „как мы произведем дух, который сделает народ способным носить оружие?“. Если этот дух овладеет народом, воля найдет тысячу путей, из которых каждый приведет к оружию».

Не случайно также, что на съезде нацистской партии в Нюрнберге в 1936 г. были провозглашены лозунги:

«Пропаганда помогла нам прийти к власти»,

«Пропаганда поможет нам удержать власть»,

«Пропаганда поможет нам завоевать весь мир».

Подсудимый Фриче по своему положению, несомненно, был одним из наиболее видных пропагандистов и одним из наиболее информированных людей в гитлеровской Германии, пользовавшийся особым доверием Геббельса.

Как известно, Фриче с 1938 г. по 1942 г. являлся руководителем важнейшего в министерстве пропаганды отдела немецкой прессы, а с 1942 г. до разгрома гитлеровской Германии руководил немецким радиовещанием.

Выросший на журналистском поприще в реакционной прессе Гугенберга и являясь членом фашистской партии с 1933 г., Фриче в качестве правительственного радиокомментатора своей личной пропагандой сыграл большую роль в распространении в Германии фашизма, в политическом и моральном растлении немецкого народа.

Об этом подробно сообщили в своих письменных показаниях свидетели — бывший генерал-фельдмаршал германской армии Фердинанд Шернер и бывший вице-адмирал германского флота Ганс Фосс.

Представленные трибуналу под номерами ПС-3064 и СССР-496 тексты перехваченных британской радиовещательной компанией выступлений по радио подсудимого Фриче полностью подтверждают эти выводы обвинения.

В своей деятельности германская пропаганда и лично подсудимый Фриче широко использовали методы провокации, ложь и

клевету, причем особенно широко применялись эти методы с целью оправдания агрессивных акций гитлеровской Германии.

Гитлер в «Майн кампф» писал: «При помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить как рай».

Фриче оказался самым подходящим человеком для такой грязной роли.

8 своем заявлении Трибуналу 7 января 1946 г. Фриче подробно описал широко применяемые немецкой пропагандой и лично им самим провокационные методы в связи с агрессивными акциями против Австрии, Судетской области, Богемии и Моравии, Польши и Югославии.

9 апреля и 2 мая 1940 г. Фриче выступил по радио с лживыми объяснениями причин оккупации Германией Норвегии. Он заявил, что «никто не был ранен, ни один дом не был разрушен, жизнь и труд текли обычным путем».

Между тем в представленном Норвежским правительством официальном докладе указывалось: «Германское нападение на Норвегию 9 апреля 1940 г. ввергло Норвегию в войну впервые за 126 лет. В течение двух месяцев война велась по всей стране, принося разрушения... Более 40 тысяч домов было повреждено или разрушено, и около тысячи человек из числа гражданского населения убито».

Наглая клевета была распространена немецкой пропагандой и лично Фриче в связи с потоплением английского пассажирского парохода «Атения».

Особенную активность немецкая пропаганда проявила в связи с вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз.

Подсудимый Фриче пытался утверждать, что о нападении на СССР он будто бы впервые узнал, будучи вызван в 5 часов утра 22 июня 1941 г. на пресс-конференцию к министру иностранных дел Риббентропу, и что об агрессивных целях этого нападения ему стало известно в результате его личных наблюдений лишь в 1942 г.

Подобные утверждения опровергаются таким документальным доказательством, каким является отчет подсудимого Розенберга. Этим документом устанавливается, что Фриче еще задолго до нападения на СССР знал о соответствующих приготовлениях и в качестве представителя министерства пропаганды участвовал в разработке министерством восточных оккупированных территорий пропагандистских мероприятий на Востоке.

Отвечая во время перекрестного допроса на вопросы советского обвинения, Фриче заявил, что, если бы ему были известны преступные приказы гитлеровского правительства, о которых он узнал только здесь, на Суде, он не пошел бы с Гитлером.

И в этом случае — перед лицом Международного Военного Трибунала Фриче сказал неправду. Он вынужден был признать, что преступные гитлеровские приказы об истреблении евреев и расстреле советских комиссаров были ему известны еще в 1942 г., однако и после этого он продолжал оставаться на своем посту и заниматься лживой пропагандой.

В своих выступлениях по радио 16 июня и 1 июля 1944 г. Фриче широко пропагандировал применение Германией новых видов оружия, всячески стремясь побудить армию и народ на дальнейшее бессмысленное сопротивление. Уже накануне краха гитлеровской Германии, а именно 7 апреля 1945 г., Фриче выступил по радио с призывом к немецкому народу о продолжении сопротивления союзным войскам и вступлении для этой цели в организацию «Вервольф».

Так до самого конца подсудимый Фриче оставался верен преступному гитлеровскому режиму. Он всего себя отдал осуществлению фашистского заговора и всех преступлений, намеченных и проводимых для осуществления этого заговора. Он — активный участник всех гитлеровских преступлений и должен понести за них тягчайшую ответственность.

Господа судьи!

Перед вами прошли все подсудимые — люди, лишенные чести и совести, ввергшие мир в бездну несчастий и страданий, причинившие огромные бедствия собственному народу.

Политические авантюристы, не останавливавшиеся ни перед какими злодеяниями для достижения своих преступных целей, низкие демагоги, прикрывавшие свои разбойничьи планы лживыми идеями, палачи, убившие миллионы невинных, — они объединились в клику заговорщиков, захватили власть и превратили аппарат германского государства в орудие своих преступлений.

Ныне наступил час расплаты.

В течение девяти месяцев мы наблюдали бывших правителей фашистской Германии. Перед лицом Суда, на скамье подсудимых, они притихли и присмирели. Некоторые из них даже осуждали Гитлера. Но они корят сейчас Гитлера не за провокацию войны, не за убийство народов и ограбление государств, единственно чего не могут они ему простить — это поражения.

Вместе с Гитлером они были готовы истребить миллионы людей, поработить все передовое человечество для достижения преступных целей мирового господства.

Но иначе судила история: победа не пришла по следам злодеяний. Победили свободолюбивые народы, победила правда, и мы горды тем, что Суд Международного Военного Трибунала — это Суд победившего правого дела миролюбивых народов.

Защитники подсудимых говорили о гуманности. Мы знаем, что цивилизация и гуманность, демократия и гуманность, мир и гуманность — нераздельны.

Но борцы за цивилизацию, демократию и мир, — мы решительно отвергаем бесчеловечный гуманизм, внимательный к палачам и безразличный к их жертвам. Защитник Кальтенбруннера тоже говорил здесь о человеколюбии. В сочетании с именем и делами Кальтенбруннера слова о любви к человеку звучат кощунственно.

Господин председатель! Господа!

Моей речью заканчиваются выступления обвинителей.

Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед Судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений — я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь.

Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством.

Завершающая речь

30 августа 1946 г. Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко еще раз выступил с трибуны суда. Он сосредоточился на обвинениях против правительства нацистской Германии, генерального штаба и верховного командования вооруженных сил, руководящего состава НСДАП, гестапо, СС, СД и СА.

Это был непростой вопрос. Как признать преступным правительство или политическую партию? Прецедентов на этот счет не существовало. Не могло помочь и внутреннее право. В советском и французском уголовном процессе, например, не фигурировала ответственность организаций и вообще юридических лиц.

Положение усугублялось еще и тем, что уполномоченные трибунала собрали более трехсот тысяч устных показаний, в которых даже

бывшие эсэсовцы полностью отрицали преступность своих деяний в составе «черного корпуса».

Этой ситуацией воспользовались адвокаты обвиняемых, которые начали пугать немцев тем, что, например, объявление преступной организацией НСДАП приведет к массовым репрессиям против многих рядовых членов партии, не имевших отношения к преступлениям.

Колебались и некоторые члены трибунала. Дескать, есть ли смысл объявлять преступной организацией правительственный кабинет, небольшой по численности, если можно отдать под суд всех членов его по отдельности.

Р. А. Руденко оказался в числе первых, кто поднимал юридическую «целину» и, по сути дела, стоял у истоков создания нового раздела международного права. Нюрнбергский процесс оставил миру четкие критерии отнесения организаций к преступным сообществам, хотя требования советского Главного обвинителя трибунал учел не в полной мере. Суд не признал преступными правительство, верховное командование, генштаб и штурмовые отряды (СА).

Право на последнее слово

Учреждая Международный трибунал, представители стран-победительниц, безусловно, и не думали в ходе процесса перевоспитать матерых нацистов. Задача была иная — силой неопровержимых улик доказать их вину и наказать извергов за содеянное. В назидание другим — потенциальным — злодеям.

Когда разрабатывался Устав трибунала, было немало дискуссий о том, стоит ли полностью воспроизводить все демократические процедуры судопроизводства. В частности, американцы и англичане выступали против того, чтобы дать подсудимым последнее слово. Представители Франции и СССР настаивали, чтобы такая возможность была, и их точка зрения победила.

Надо сказать, что большинство нацистских бонз были сделаны из крепкого материала. В случаях, когда не хватало их весьма твердых убеждений, вступали в роль хитрость и лицемерие, которых им тоже было не занимать. Чем меньше было у них аргументов, тем безапелляционней звучали голоса со скамьи подсудимых.

Быть может, поэтому последнее слово больше походило на формализованный ритуал. Подсудимые оказались на редкость последовательными. Они не признали свою вину после предъявления обвинений, отрицали ее в ходе процесса и то же самое сделали, выступая с последним словом.

В лучшем случае они, как, например Функ, признали преступления, совершенные другими «товарищами» по НСДАП, но никак не собственные. Все, как один, заявили, что их совесть чиста.

И все-таки процедура была соблюдена не зря. Выступления подсудимых наводят на мысли о том, насколько трудно искоренить зло фашизма и насколько глубоко проникают в сознание некогда нормальных людей нацистские постулаты.

Глава 42
Приговор

С 1 по 29 сентября 1946 г. трибунал работал в закрытом режиме, готовя исторический приговор нацизму и его главным носителям. Подготовить приговор Суда народов было очень непросто, даже имея в запасе месячный срок. Со временем часть тайн совещательной комнаты раскрыли сами же судьи, например член трибунала от США Ф. Биддл.

Благодаря его запискам мир узнал, что форму и структуру приговора разработал заместитель английского судьи Н. Биркетт и что существовали дискуссии об отношении трибунала к общему плану или заговору руководителей Германии. Представитель Франции Д. де Вабр и его заместитель Р. Фалько не находили признаков ни того, ни другого. К такой же оценке склонялся американский судья Ф. Биддл, поскольку до Нюрнбергского процесса понятия «заговор» в международном праве не было.

Член суда от СССР И.Т. Никитченко, его заместитель А. Ф. Волчков приводили довод за доводом в пользу того, что общий план или заговор реально существовал, вызвал тяжелейшие последствия и ему нужно дать соответствующую оценку. Англичанин Н. Биркетт занимал такую же позицию и доказывал, что признание наличия общего плана или заговора является принципиальным для трибунала, иначе процесс над нацизмом, его партией и государством превратится в суд над горсткой конкретных персон.

В результате появился компромисс. Трибунал признал наличие общего плана или заговора в подготовке и развязывании агрессивных войн, но не в совершении военных преступлений и преступлений против человечности.

В столкновении мнений рождался приговор обвиняемым. В литературе отмечалась жесткость советских судей, которые якобы выступали за повешение всех обвиняемых. На самом деле смертной казни для всех требовал Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко. Однако советские судьи считали, что Дениц, Папен и Фриче заслуживают лишения свободы на десять лет, а Шахт и Фрик — пожизненного заключения.

Французская сторона выступала за пожизненное заключение для Иодля, Розенберга, Франка, Фрика, американская — для Розенберга и Фрика.

Судьи от СССР и Франции не собирались никого оправдывать. При этом французы не соглашались с повешением, а предлагали расстрел.

Долгим спорам способствовало то, что при малом и четном числе членов трибунала их голоса нередко делились на две равные части, тогда как для принятия окончательного решения требовалось минимум три голоса из четырех. В предварительном голосовании участвовали и помощники судей, но и тут нередко возникала «ничья».

Благодаря этому были оправданы трое подсудимых. Например, за осуждение Шахта выступали И. Т. Никитченко и Д. де Вабр, а Д. Лоренс и Ф. Биддл были против. Для вынесения наказания требовался третий голос, но поскольку его не было, Шахт был оправдан. Никитченко предлагал проводить решения двумя голосами, однако члены трибунала его не поддержали.

В некоторых случаях большинство прислушивалось к меньшинству. Судьи из стран-союзниц предполагали казнить осужденных через месяц после оглашения приговора. Советская сторона называла более короткий срок — восемь дней. Компромиссом стали пятнадцать дней...

Наконец, настал судный день — 30 сентября 1946 г., намеченный для объявления приговора. К тому времени у большинства обвиняемых уже не оставалось иллюзий по поводу грядущего наказания. Смертная казнь перед значительной частью их стояла во весь рост.

Признаки приготовления к исполнению приговора едва не стали общим достоянием еще до выступления судей. В соответствии со статьей 25 Лондонского соглашения Контрольный совет по Германии создал для руководства казнями специальную комиссию из четырех генералов. В нее вошли: от СССР — П. Малоков, от США — Рой В. Рикард, от Великобритании — Э. Дж. Патон-Уолш, от Франции — Л. Морель. Комиссия пожелала присутствовать при чтении вердикта и потребовала предоставить в зале почетные места. Генералам возразил Главный обвинитель от США Роберт Х. Джексон: дескать, выставлять «палачей» напоказ до оглашения приговора не только неуместно, но и неэтично. Однако комиссия все-таки получила места в зале, правда не рядом с обвинением, а на галерке.

К началу судебного заседания в зале было яблоку негде упасть. Казалось, весь мир, все знаменитости, вся пресса устремились в Нюрнберг. Чтобы разместить больше гостей, накануне из помещения вынесли все лишние столы и заменили их стульями. Были отпечатаны пригласительные билеты двух цветов, чтобы один человек мог по-

сетить только одно из двух самых важных заседаний. В последний день, когда выносились индивидуальные приговоры, билеты на галерку для посетителей были действительны по полдня.

Желающих запечатлеть этот момент было великое множество. Кинооператоры, фотографы мировых информационных агентств, газет, журналов планировали сделать сенсационные кадры, однако трибунал запретил съемки в зале. Охрана не пропускала людей с фото- и кинотехникой. Посты на входе тщательно проверяли пропуска и пригласительные билеты. Меры безопасности были усилены, о чем говорило, например, большое число постов и машин военной полиции у подъезда. Немцев в зал суда в заключительные дни вообще не пускали, кроме аккредитованных журналистов. Еще 29 сентября было приказано покинуть Нюрнберг женам обвиняемых.

...В половине десятого заняли свои места адвокаты, переводчики, стенографы. Как обычно, с интервалом в полминуты — минуту по специальному подземному переходу из тюрьмы и далее из дверей лифта в зал суда вводят поодиночке подсудимых. Их лица выдают колоссальное напряжение судного дня.

В десять часов раздается объявление маршала суда: «Встать! Суд идет!» Из дверей совещательной комнаты появляются судьи. Толстая папка в руках председателя суда Джеффри Лоренса и есть исторический, долгожданный, а для многих подсудимых роковой вердикт.

Монотонным и бесстрастным голосом в полной тишине лорд-судья начинает чтение. Документ очень велик. Весь день 30 сентября судьи по очереди оглашали его, но до формулировок индивидуальной ответственности подсудимых было еще далеко. Эта часть приговора осталась на 1 октября...

Сначала были оправданы Шахт, Папен и Фриче. Зал встретил эти решения нарастающим гулом, в котором смешались эмоции и тех, кто отвергал, и тех, кто приветствовал их. Публика, как, впрочем, и судьи, не была едина в своих оценках. Было ясно, что таким же противоречивым будет и международный резонанс.

Коменданту суда приказывают освободить оправданных. В перерыве заседания они уже давали пресс-конференцию для многочисленных корреспондентов. В этом случае съемки не возбранялись, и в периодическую печать ушла лавина фотографий, запечатлевших довольные лица оправданных.

После перерыва, в 14 часов 50 минут началось последнее заседание трибунала. Скамья подсудимых была пуста. Их предполагалось вводить в зал поодиночке, зачитывая каждому соответствующую формулу. Эту часть приговора зачитывает председатель суда Джеффри Лоренс.

Как и ожидалось, первым узнал свою участь Геринг. Ровно в 15 часов он предстает перед судьями в сопровождении двух конвоиров. Лоренс читает приговор: «Обвиняемый Герман Вильгельм Геринг, Международный военный трибунал приговаривает вас к смерти через повешение».

Можно только поддержать замечание судьи, который подчеркнул: «Вина этого человека беспрецедентна, а преступления настолько чудовищны, что им не может быть никакого оправдания». Но надо было отдать должное самообладанию «наци № 2», на лице которого не дрогнул ни один мускул.

Вторым конвоиры привели Риббентропа, в руках которого была папка с уже ненужными бумагами, за ним — Кейтеля, Розенберга, Франка... Так перед судом прошли одиннадцать осужденных, получивших страшную весть о повешении (Борман был осужден на смерть заочно), семеро узнали сроки заключения в тюрьме.

В 15 часов 40 минут 1 октября 1946 г. трибунал завершил свою почти годичную работу. Страшный шум в коридорах Дворца правосудия ознаменовал это событие. Многочисленные представители прессы с топотом и толкотней бросились передавать в свои редакции сенсационные новости...

ПРИГОВОР

8 августа 1945 г. Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики вступили в соглашение, в соответствии с которым учрежден Трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом.

В соответствии со статьей 5 Правительства следующих государств, входящих в Объединенные Нации, заявили о своем присоединении к соглашению: Греции, Дании, Югославии, Голландии, Чехословакии, Польши, Бельгии, Эфиопии, Австралии, Гондураса, Норвегии, Панамы, Люксембурга, Гаити, Новой Зеландии, Индии, Венесуэлы, Уругвая и Парагвая.

Устав, приложенный к соглашению, определил организацию, юрисдикцию и функции Трибунала.

Трибунал был облечен властью судить и наказать лиц, которые совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, как они определены в Уставе.

Устав также предусматривает, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

18 октября 1945 г. в Берлине, в соответствии со статьей 14 Устава, Трибуналу было представлено Обвинительное заключение в отношении вышеперечисленных подсудимых, которые были названы Комитетом Главных Обвинителей, подписавших соглашение держав главными военными преступниками. Экземпляр Обвинительного заключения на немецком языке был вручен каждому подсудимому, находившемуся в заключении, по крайней мере, за 30 дней до начала процесса.

Согласно Обвинительному заключению подсудимым вменяется в вину совершение преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивных войн, которые являются также войнами в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий; военные преступления и преступления против человечности. Кроме того, подсудимым вменяется в вину участие в создании и осуществлении общего плана или заговора для совершения всех этих преступлений.

Обвинение далее просило Трибунал объявить все вышеназванные группы или организации преступными в том смысле, как это определено Уставом.

Обвиняемый Роберт Лей 25 октября 1945 г. покончил с собой в тюрьме. 15 ноября 1945 г. Трибунал вынес постановление о том, что обвиняемый Густав Крупп фон Болен унд Гальбах не может предстать перед Судом в связи со своим физическим и умственным состоянием, но что обвинения, предъявленные ему по Обвинительному заключению, остаются в силе и обвиняемый должен будет впоследствии предстать перед судом, если его физическое и умственное состояние позволит это.

17 ноября 1945 г. Трибунал постановил слушать дело подсудимого Мартина Бормана в его отсутствие, в соответствии со статьей 12 Устава. После обсуждения аргументов и рассмотрения подробных медицинских заключений и заявления самого подсудимого 1 декабря 1945 г. Трибунал решил, что умственное состояние подсудимого Гесса не является основанием для откладывания рассмотрения его дела. Подобное же решение было вынесено в отношении подсудимого Штрейхера.

В соответствии со статьями 16 и 23 Устава подсудимые, находящиеся в заключении, либо сами выбрали себе защитников, либо, по их желанию, защитники были назначены Трибуналом.

В связи с отсутствием подсудимого Бормана Трибунал назначил ему защитника, а также назначил защитников для названных выше групп или организаций.

Процесс начался 20 ноября 1945 г. и велся на четырех языках — английском, русском, французском и немецком. Все подсудимые, кроме Бормана, не признали себя виновными.

Предъявление доказательств и речи сторон закончились 31 августа 1946 г. Состоялось 403 открытых судебных заседания Трибунала. 33 свидетеля обвинения дали устные показания против отдельных подсудимых; кроме 19 подсудимых, был допрошен 61 свидетель защиты. Еще 143 свидетеля защиты дали показания путем представления письменных ответов на опросные листы. Трибунал назначил уполномоченных для подбора доказательств, относящихся к организациям. 101 свидетель защиты дал показания перед уполномоченными, и было представлено 1809 письменных показаний других свидетелей. Было также представлено 6 отчетов, резюмирующих содержание большого числа и других письменных показаний. 38 тысяч письменных показаний, подписанных 155 тысячами человек, было представлено по делу политических руководителей; 136 213 — по делу СС; 10 тысяч — по делу СА; 7 тысяч — по делу СД; 3 тысячи — по делу генерального штаба и ОКВ и 2 тысячи — по делу гестапо.

Трибунал сам заслушал 22 свидетеля по делу организаций. Документы, представленные в качестве доказательств по обвинению отдельных подсудимых и организаций, исчисляются несколькими тысячами. Во время процесса производилась полная стенографическая запись всего, что говорилось на Суде, а также электрозвукозапись всех заседаний Трибунала...

Большая часть доказательств, представленных Трибуналу обвинением, являлась документальными доказательствами, захваченными союзными армиями в германских армейских штабах, в правительственных зданиях и других местах. Некоторые из документов были обнаружены в соляных копях, зарытыми в землю, спрятанными за ложными стенами и в других местах, которые считались недоступными с точки зрения обнаружения этих документов.

Таким образом, обвинение против подсудимых базируется в большей степени на документах, составленных ими самими, аутентичность которых не оспаривалась, за исключением одного или двух случаев.

<...>

[Далее дается подробная история зарождения, становления нацистского режима в Германии, а также происхождения и целей

нацистской партии, о захвате власти в Германии нацистами, а также о подготовке и развязывании агрессивных войн против Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Югославии, Греции, СССР, США, Великобритании].

АГРЕССИВНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

23 августа 1939 г. Германия подписала пакт о ненападении с Союзом Советских Социалистических Республик.

Представленные доказательства безошибочно показывают, что Советский Союз со своей стороны придерживался условий этого пакта; и действительно, само германское правительство получало заверения в этом из авторитетных германских источников. Так, германский посол в Москве сообщил правительству, что Советский Союз будет воевать только в том случае, если на него нападет Германия, и это заявление зафиксировано в германском дневнике боевых действий от 6 июня 1941 г.

Однако уже в конце лета 1940 г. Германия начала подготовку к нападению на СССР, невзирая на пакт о ненападении. Эта операция планировалась секретно под условным названием «план Барбаросса», и бывший фельдмаршал Паулюс показал, что 3 сентября 1940 г., когда он стал сотрудником германского генерального штаба, продолжал разработку плана «Барбаросса», которая окончательно была завершена к началу ноября 1940 г., и даже тогда германский генеральный штаб не имел никаких сведений о том, что Советский Союз подготавливается к войне.

18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21, на которой стояли инициалы Кейтеля и Иодля и которая требовала окончания всех приготовлений, связанных с выполнением плана «Барбаросса», 15 мая 1941 г.

Эта директива гласит:

«Германские вооруженные силы должны быть подготовлены, чтобы разгромить Советскую Россию в быстрой кампании, до окончания войны с Англией. Должны быть приняты особые меры предосторожности для того, чтобы не были обнаружены намерения совершить нападение...»

До издания директивы от 18 декабря 1940 г. подсудимый Геринг сообщил об этом плане генералу Томасу — начальнику управления военной экономики ОКВ, и генерал Томас составил обзор экономических возможностей СССР, включая сырьевые ресурсы, энергетические мощности, транспортную систему и его производственную мощь в области вооружений.

В соответствии с этим обзором под непосредственным руководством Геринга был создан экономический штаб по делам восточных территорий со многими военно-хозяйственными учреждениями (инспекциями, командами, группами). Совместно с военным командованием эти учреждения должны были добиться как можно более полной и эффективной экономической эксплуатации оккупированных территорий в интересах Германии.

После совещаний и помощи со стороны подсудимых Кейтеля, Иодля, Редера, Функа, Геринга, Риббентропа, Фрика, Шираха и Фриче или их представителей подсудимый Розенберг в течение трех месяцев разрабатывал основы будущей политической и экономической организации оккупированных территорий. Это явилось предметом очень подробного отчета, составленного немедленно после вторжения.

В этих планах намечалось уничтожение Советского Союза как независимого государства, его расчленение, создание так называемых имперских комиссариатов и превращение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и других территорий в германские колонии.

В то же время Германия вовлекла в войну против СССР Венгрию, Румынию и Финляндию. В декабре 1940 г. Венгрия согласилась принять участие в войне, за что Германия обещала ей некоторые территории за счет Югославии.

В мае 1941 г. было достигнуто окончательное соглашение с Антонеску — премьер-министром Румынии — по поводу нападения на СССР, согласно которому Германия обещала Румынии Бессарабию, Северную Буковину и право оккупировать советскую территорию до Днепра.

22 июня 1941 г. без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами.

Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу, для того чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток, в соответствии с ее стремлениями. В «Майн кампф» Гитлер писал: «Если мы хотим приобрести новую территорию в Европе, то это может быть сделано в основном за счет России, и опять новая германская империя должна следовать по стопам тевтонских рыцарей. Но на этот раз земли для германского плуга будут приобретены германским мечом, и таким образом мы обеспечим нации хлеб насущный».

Но существовала еще одна, более непосредственная цель, и в одном меморандуме, изданном ОКВ, указывалось, что эта ближайшая цель заключалась в том, чтобы прокормить немецкие армии за счет советских территорий на третьем году войны, даже если «в результате этого погибнут многие миллионы людей от голода вследствие того, что мы вывезем из страны все необходимое для нас».

Конечные цели нападения на Советский Союз были сформулированы на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., в котором принимали участие подсудимые Геринг, Кейтель, Розенберг и Борман.

«Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, даже если бы нам для этого пришлось воевать 100 лет... Вся Прибалтика должна стать частью империи. Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма) также должен быть включен в состав империи. Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны быть включены в империю. Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду больших залежей никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии».

От имени подсудимых выдвигалось утверждение о том, что нападение на СССР было оправдано, потому что Советский Союз намеревался напасть на Германию и готовился к этому. Невозможно поверить, что эта точка зрения когда-либо являлась искренним убеждением.

Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия. ...

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Доказательства относительно военных преступлений были колоссальными по объему и очень подробными... Остается истиной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией, и в открытых морях и сопровождались жестокостью и террором в масштабах, которые трудно себе представить. Не может быть никакого сомнения в том, что большинство этих преступлений возникло из нацистской идеи «тотальной войны», лежавшей в основе ведения агрессивных войн, поскольку в этой идее «тотальной войны» мо-

ральные нормы, на которых основаны конвенции, стремящиеся сделать войну более гуманной, не рассматривались больше как имеющие силу или действующие. Все подчиняется всеподавляющим требованиям войны. Правила, установления, заверения и договоры — все не имеет никакого значения, и, освободившись от ограничивающего влияния международного права, нацистские руководители вели агрессивную войну самым варварским образом. В соответствии с этим военные преступления совершались тогда, когда и где это считали нужным фюрер и его ближайшие помощники для достижения своих планов. В большинстве случаев они являлись результатом холодного и преступного расчета.

В некоторых случаях военные преступления преднамеренно планировались задолго вперед. В случае войны с Советским Союзом разграбление территорий, подлежащих оккупации, и жестокое обращение с гражданским населением были разработаны в мельчайших подробностях до того, как началось нападение. Уже осенью 1940 г. рассматривался вопрос о нападении на Советский Союз. Начиная с этого времени методы, которые должны были быть использованы для уничтожения всякой оппозиции, которой можно было ожидать, постоянно обсуждались.

Точно так же, планируя в самых широких масштабах использование населения оккупированных стран для рабского труда, германское правительство рассматривало эту меру как неотъемлемую часть военной экономики и планировало и организовывало это конкретное военное преступление до последней малейшей детали.

Другие военные преступления, такие, как убийство военнопленных, бежавших из лагерей и вновь захваченных в плен, или убийство командиров или захваченных в плен летчиков, или уничтожение советских комиссаров, были результатом прямых приказов, передаваемых по официальным каналам.

Поэтому Трибунал предполагает на данной стадии рассматривать вопрос о военных преступлениях в общих чертах и обратиться к ним более подробно при рассмотрении ответственности индивидуальных подсудимых в связи с ними. Военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности.

Та же судьба выпала на долю гражданского населения на оккупированных территориях. Все население вывозили в Германию для рабского труда на оборонительных работах, в промыш-

ленности, производящей вооружение, и для выполнения других подобных задач, связанных с военными усилиями. Из числа лиц гражданского населения во всех оккупированных странах гитлеровцы брали в большом количестве заложников и расстреливали их по своему усмотрению. Общественная и частная собственность подвергалась систематическому разграблению и расхищению для того, чтобы увеличить ресурсы Германии за счет остальной Европы. Города, населенные пункты и деревни бесцельно уничтожались, что не оправдывалось никакой военной необходимостью.

УБИЙСТВА ВОЕННОПЛЕННЫХ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМИ

Статья 6 (b) Устава определяет военные преступления следующими словами:

«Военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления».

За время войны многих сдавшихся немцам в плен солдат союзных армий немедленно расстреливали, часто в результате злонамеренной и рассчитанной политики...

Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств. Более чем за месяц до вторжения Германии в Советский Союз ОКВ подготовило специальные планы того, каким образом следует обращаться с представителями политической власти, находящимися в советских вооруженных силах, которые могли быть захвачены в плен. Одно из предложений в этой связи заключалось в том, что «политические комиссары армии не должны рассматриваться как военнопленные, их следует уничтожать в пересыльных лагерях для военнопленных». Подсудимый Кейтель показал, что германской армии были даны инструкции, включавшие вышеупомянутые предложения.

8 сентября 1941 г. были изданы правила об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях, подписанные гене-

ралом Рейнеке — начальником управления по делам военнопленных при верховном командовании. В этих правилах говорилось:

«Большевистский солдат потерял поэтому право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником, в соответствии с правилами Женевской конвенции... При малейшем намеке на неподчинение, особенно в случае с большевистскими фанатиками, должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии. Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... В военнопленных, пытавшихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать предупреждающего выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным».

Советские военнопленные были лишены необходимой одежды, раненые не получали медицинской помощи, они голодали и во многих случаях были обречены на смерть.

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма. Приказ гласил:

«Задачей командиров ЗИПО и СД, находящихся в шталагах, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая «обработка»: а) всех политически преступных или по каким-либо другим причинам нежелательных элементов, находящихся среди них; b) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий... Далее, эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными независимо от того, являются они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должно продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены...

Прежде всего должны быть обнаружены следующие лица: все крупные деятели государства и партии, в особенности профессиональные революционеры... Все комиссары Красной Армии, руководящие деятели государства... руководящие деятели

промышленности и хозяйства, сотрудники службы разведки и контрразведки, все евреи, все лица, в отношении которых будет доказано, что они являются агитаторами или фанатичными коммунистами. Казни не должны иметь место в самом лагере или в непосредственной близости от него... Если возможно, заключенные должны быть вывезены для применения к ним «специального обращения» на территории бывшей Советской России...»

В некоторых случаях советских военнопленных клеймили специальным стандартным клеймом. В качестве доказательства был представлен приказ ОКВ от 20 июля 1942 г., который гласил: «Клеймо имеет форму острого угла приблизительно в 45° при длине его сторон в 1 см, направленного вверх, выжигаемого на левой ягодице...

Это клеймо делается с помощью ланцета, имеющегося в каждой воинской части. В качестве краски используется тушь».

За выполнение этого приказа несли ответственность военные власти, однако начальник ЗИПО и СД широко распространил этот приказ среди чиновников немецкой полиции.

Советских военнопленных делали также объектами медицинских опытов, которые проводились самым жестоким и бесчеловечным образом. В июле 1943 г. началась экспериментальная работа, связанная с подготовкой к кампании бактериологической войны. Советских военнопленных использовали для этих медицинских опытов, исход которых в большинстве случаев оказывался для них смертельным. В связи с этой кампанией подготовки бактериологической войны также были сделаны приготовления для разбрызгивания бактериологической эмульсии с самолетов с тем, чтобы уничтожить посевы и вызвать голод. Эти мероприятия никогда не были осуществлены, возможно, в связи с быстрым ухудшением военного положения Германии.

Довод, выдвигаемый в защиту против обвинения в убийстве и жестоком обращении с советскими военнопленными, заключающийся в том, что СССР не являлся участником Женевской конвенции, является совершенно неосновательным. 15 сентября 1941 г. адмирал Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнеке 8 сентября 1941 г. Он заявил тогда: «Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века, они устанавливались посте-

пенно на той основе, что пребывание в военном плену является ни местью, ни наказанием, но исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции... Приложенные к сему распоряжения об обращении с советскими военнопленными базируются на совершенно противоположной точке зрения».

Этот протест, который правильно излагал положение вещей с точки зрения права, был игнорирован. Подсудимый Кейтель написал в этом меморандуме следующее: «Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

УБИЙСТВО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМ

Статья 6 (b) Устава гласит, что жестокое обращение с мирным населением оккупированных территорий или на оккупированных территориях... убийство заложников... бесцельное разрушение городов и деревень будут рассматриваться как военное преступление.

В основном эти положения являются лишь выражением существующих законов ведения войны, сформулированных в Гаагской конвенции в статье 46, которая гласит: «Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как и религиозные убеждения и отправление религиозных культов, должны быть уважаемы».

Управление на территориях, оккупированных Германией, производилось в нарушение правил ведения войны.

Подавляющие своей убедительностью доказательства говорят о существовании системы насилия, зверств и террора.

Даже те, которые хотя бы подозревались в том, что они противились каким-либо политическим мероприятиям германских оккупационных властей, подвергались аресту, при аресте подвергались допросу гестапо и СД самыми постыдными методами.

Политика жестокого подавления всякого сопротивления немецкой оккупации не только сводилась к суровым мерам по отношению к лицам, подозреваемым в принадлежности к движению Сопротивления, но и распространялась также на членов их семей.

Для предупреждения различных видов беспорядков среди гражданского населения и для борьбы с ними немцы прибегали к системе взятия заложников. Приказ, изданный подсудимым Кейтелем 16 сентября 1941 г., предлагал лишать жизни 50 или 100 человек населения оккупированных областей Советского Союза за каждого убитого немца.

Точное число убитых в результате этой политики неизвестно, много было убито во Франции и в других оккупированных районах Запада, в то время как на Востоке массовое уничтожение проводилось в еще больших масштабах.

Среди средств терроризирования населения оккупированных стран самой позорной известностью пользовались концентрационные лагеря. Они впервые были организованы в Германии в момент захвата власти нацистским правительством. Первоначальным их назначением являлось заключение без суда тех лиц, которые были против правительства или которых германские власти считали ненадежными элементами. С помощью отрядов тайной полиции эта практика получила широкое распространение, и с течением времени концентрационные лагеря превратились в место организованного систематического убийства, где уничтожались миллионы людей.

В системе управления оккупированными территориями концентрационные лагеря являлись орудием подавления всех оппозиционных элементов. Лиц, арестованных гестапо, как правило, направляли в концентрационные лагеря. Они перевозились в лагеря в большинстве случаев без элементарной заботы о них; очень многие умирали в дороге. Те, которые прибывали в лагеря, систематически подвергались жестокому обращению. Их принуждали к тяжелому физическому труду; им не давали достаточного количества пищи и одежды; им не предоставляли помещений, пригодных для жилья; режим, которому они должны были постоянно подчиняться, был бездушным и бесчеловечным; они были жертвами прихотей отдельных охранников.

В некоторых концентрационных лагерях были оборудованы газовые камеры для массового уничтожения заключенных и специальные крематории для сжигания трупов убитых. Некоторые из лагерей фактически использовались для уничтожения евреев, как один из методов «окончательного решения» еврейского вопроса. Большинство заключенных не евреев использовалось на работе, причем условия, при которых они работали, делали эту работу почти равносильной смерти. Тех заключенных, которые заболевали и не были больше в состоянии работать, либо уничтожали в газовых камерах, либо посылали в специальные изоля-

торы, где они не получали никакого медицинского обслуживания, а их пища была еще хуже, чем у работавших заключенных, и таким образом они были обречены на смерть.

Убийства гражданского населения и жестокое обращение с ним достигли предела при обращении с гражданами Советского Союза и Польши. Примерно за четыре недели до начала вторжения в Россию части специального назначения ЗИПО и СД, называемые эйнзатцгруппами, были созданы на основании приказа Гиммлера, и их назначением было следовать за германскими армиями в Россию, ведя борьбу с партизанами и членами групп Сопротивления, уничтожать евреев и коммунистов-руководителей, а также другие группы населения. Вначале были созданы четыре такие эйнзатцгруппы: одна из них действовала в Прибалтике, другая — на Московском направлении, третья — на Киевском и последняя — на юге России...

Из представленных доказательств явствует, что во всяком случае на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами...

Еще в сентябре 1938 г. польская интеллигенция была предназначена к уничтожению; в мае 1940 г. подсудимый Франк писал в своем дневнике об «использовании того обстоятельства, что внимание общественного мнения всего мира приковано к Западному фронту, для массовой ликвидации тысяч поляков, прежде всего ведущих представителей польской интеллигенции». В более ранний период Франку было поручено довести состояние «всей польской экономики до абсолютного минимума, необходимого лишь для поддержания самого скудного существования жителей страны. Поляки должны стать рабами великой Германской мировой империи». В январе 1940 г. Франк писал в своем дневнике, что «дешевые рабочие должны вывозиться из генерал-губернаторства сотнями тысяч. Это предотвратит биологическое размножение польского народа». Германия проводила эту политику в Польше настолько успешно, что к концу войны треть населения была убита, а вся страна предана опустошению.

То же самое происходило на оккупированных территориях Советского Союза. В начале германского нападения — в июне 1941 г. Розенберг заявил своим сотрудникам: «Цель, заключавшаяся в снабжении продуктами питания германского народа,

стоит в этом году несомненно первой в числе тех требований, которые Германия предъявляет Востоку; в этом отношении южные территории и Северный Кавказ должны будут восполнить дефицит в продуктах питания для германского народа... Необходимо будет весьма интенсивно вывозить продукты, и, без сомнения, в будущем русским предстоят очень тяжелые годы».

Через три или четыре недели после этого Гитлер обсуждал с Розенбергом, Герингом, Кейтелем и рядом других лиц план эксплуатации советского народа и советских территорий; этот план среди прочих вопросов включал эвакуацию населения Крыма и заселение его немцами.

Подобная же судьба была уготована для Чехословакии подсудимым фон Нейратом в августе 1940 г.; интеллигенция страны должна была быть изгнана; остальное население предлагалось не изгонять или истреблять, а подвергнуть германизации, так как ощущался недостаток в немцах, которые могли бы занять их место.

На Западе жертвой германской «операции по высылке» стало население Эльзаса. Между июлем и декабрем 1940 г. 105 тысяч эльзасцев были изгнаны из домов или были лишены возможности вернуться в них. Захваченный германский отчет от 7 августа 1940 г. предусматривал в отношении Эльзаса следующее: «Прежде всего будет обращено внимание на расовую проблему; этот вопрос должен быть разрешен таким образом, чтобы лица, представляющие ценность в расовом отношении, вывозились в Германию, а представители низшей расы отправлялись во Францию».

РАЗГРАБЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Статья 49 Гаагской конвенции предусматривает, что оккупирующие державы имеют право взимать денежную контрибуцию с оккупированных территорий для оплаты расходов на содержание оккупационной армии и издержек по управлению данной территорией. Статья 52 Гаагской конвенции разрешает оккупационным властям производить реквизицию в натуре только для нужд оккупационных войск, и размеры подобной реквизиции должны соответствовать ресурсам страны. Эти статьи вместе со статьей 48 о расходовании средств, собранных в форме налогов, и статьями 53, 55 и 56 об общественной собственности делают совершенно ясным, что согласно правилам ведения войны от экономики оккупированной страны можно требовать лишь оплаты расходов по оккупации данной страны, причем размеры

этих расходов не должны превышать возможностей, разумно допустимых для экономики данной страны.

Статья 56 гласит: «Собственность муниципалитетов, религиозных и благотворительных обществ, учебных заведений, культурных и научных учреждений, хотя она и принадлежит государству, должна рассматриваться как частная собственность. Преднамеренный захват, разрушение и повреждение подобных заведений, исторических памятников, произведений науки и искусства запрещаются и должны преследоваться».

Однако из доказательств по данному делу ясно, что территории, оккупированные Германией, были подвергнуты эксплуатации для военных усилий Германии, причем эксплуатации жестокой, без учета масштабов местной экономики, явившейся следствием заранее обдуманного плана и политики. Фактически это являлось «систематическим ограблением общественной и частной собственности», что является преступлением согласно статье 6 (b) Устава.

Методы, применявшиеся для эксплуатации ресурсов оккупированных территорий в максимально возможных пределах, были различными при применении их в разных странах. В некоторых оккупированных странах на Востоке и Западе подобная эксплуатация ресурсов проводилась силами существовавшего хозяйственного аппарата.

Местная индустрия была передана под германский надзор, а распределение военных материалов строго контролировалось. Отрасли промышленности, которые имели значение для военной экономики Германии, в принудительном порядке продолжали работать, а большинство из остальных предприятий было закрыто. Сырье и готовая продукция конфисковались в одинаковой мере для нужд немецкой промышленности...

...Сельскохозяйственные продукты, сырье, необходимое для немецких фабрик, машины, транспортное оборудование, другие готовые изделия и даже вклады в иностранной валюте и иностранные ценные бумаги подлежали реквизиции и отправке в Германию. Подобная реквизиция ресурсов проводилась без учета экономических ресурсов данных стран, и впоследствии она привела к голоду, инфляции и возрастающей активности «черного рынка». Сначала германские оккупационные власти пытались бороться с «черным рынком», потому что это был канал, по которому местные продукты уходили из германских рук. Когда подобные попытки провалились, было организовано немецкое закупочное агентство для производства закупок для Германии на «черном рынке» и, таким образом, было проведе-

но в жизнь заверение Геринга о том, что «необходимо, чтобы все знали, что если где-нибудь будет голод, то только не в Германии».

Во многих оккупированных странах Востока и Запада власти сохраняли видимость того, что они платят за все захваченное ими имущество. Эта хитро задуманная видимость оплаты лишь скрывала тот факт, что товары, посылаемые в Германию из этих оккупированных стран, оплачивались ими самими либо под предлогом чрезмерных расходов по оккупации или путем принудительных займов в форме кредитного расчета «по клирингу», который существовал только номинально.

В большинстве оккупированных стран Востока не соблюдалась даже эта видимость законности; экономическая эксплуатация превратилась в преднамеренное разграбление. Эта политика прежде всего была введена в действие аппаратом генерал-губернаторства Польши. Эксплуатация сырья на Востоке главным образом касалась сельскохозяйственных продуктов, и очень большое количество продовольствия было отправлено из генерал-губернаторства в Германию.

Доказательства о широко распространенной смертности от голода среди польского населения генерал-губернаторства свидетельствуют о том, с какой безжалостностью и жестокостью проводилась эта политика эксплуатации.

Оккупация территории Советского Союза характеризуется преднамеренным и систематическим грабежом. Перед нападением на Советский Союз был создан специальный экономический штаб — «Ольденбург» — для обеспечения наиболее эффективной эксплуатации территорий Советского Союза. Немецкие армии должны были находить продовольствие на советской территории, даже если «многие миллионы людей будут обречены на голодную смерть».

Директива ОКВ, изданная перед нападением, гласила: «Обеспечение возможности получения максимального количества продовольствия и сырой нефти для Германии является главной экономической целью данной кампании».

Таким же образом подсудимый Розенберг 20 июня 1941 г. выступал за использование сельскохозяйственной продукции южной части России и Северного Кавказа для обеспечения немецкого населения продовольствием. Он заявил: «Мы не видим никаких оснований для того, чтобы мы кормили также и русское население за счет продуктов, полученных на этих дополнительных территориях. Мы знаем, что это является жестокой необходимостью, далекой от каких-либо чувств».

Когда советская территория была оккупирована, эта политика была проведена в жизнь: проводилась в широких масштабах конфискация сельскохозяйственных продуктов без всякого учета нужд населения оккупированной территории.

Наряду с захватом сырья и готовой продукции производился в широких масштабах захват произведений искусства, мебели, текстильных товаров и т. п. во всех захваченных странах.

29 января 1940 г. Гитлер назначил подсудимого Розенберга главой центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистской идеологии и воспитания, после чего организация, известная под названием «эйнзатц-штаб Розенберга», проводила свои операции в очень широких масштабах. Предназначенная первоначально для создания научно-исследовательской библиотеки, она превратилась в систему, использовавшуюся для захвата культурных ценностей. 1 марта 1942 г. Гитлер издал еще один декрет, дававший Розенбергу полномочия обыскивать библиотеки, жилые дома и культурные учреждения с тем, чтобы изымать материалы из этих учреждений, точно так же как и сокровища искусства, принадлежавшие евреям. Подобные директивы были изданы также в отношении тех ценностей, владельцев которых нельзя было точно установить.

Декрет предусматривал сотрудничество верховного командования вооруженных сил и указывал, что деятельность Розенберга на Западе должна проводиться им как рейхслейтером, а на Востоке — как имперским министром.

Впоследствии деятельность Розенберга была также распространена на все оккупированные территории. В отчете Роберта Шольца, начальника специального штаба изобразительного искусства, говорилось: «За период с марта 1941 г. по июль 1944 г. специальный штаб изобразительного искусства направил в империю 29 больших партий грузов, в том числе 137 товарных вагонов, груженных 4100 ящиками с произведениями искусства».

В отчете Шольца упоминается 25 коллекций картин, содержавших наиболее ценные произведения искусства из художественной коллекции, захваченной на Западе, и врученных Гитлеру в качестве подарка. 39 томов, подготовленных эйнзатц-штабом, содержали фотографии картин, тканей, мебели, канделябров и многих других предметов искусства и иллюстрировали стоимость и размеры созданной коллекции. Во многих оккупированных странах частные коллекции были расхищены, библиотеки и частные дома — разграблены. Музеи, дворцы и библиотеки на оккупированных территориях СССР систематически подвергались разграблению. Эйнзатц-штаб Розенберга, особый баталь-

он Риббентропа, имперские комиссары и представители военного командования захватывали культурные и исторические ценности, принадлежавшие народам Советского Союза, и отправляли их в Германию. Таким образом имперский комиссар Украины вывез все картины и произведения искусства из Киева и Харькова в Восточную Пруссию. Редкие издания книг и произведений искусства из Петергофа, Царского Села и Павловска были вывезены в Германию. В своем письме к Розенбергу от 5 октября 1941 г. имперский комиссар Кубе заявил о том, что ценность произведений искусства, вывезенных из Белоруссии, исчисляется миллионами рублей. О масштабах грабежа видно также и из письма, посланного отделом Розенберга фон Мильде-Шредену, в котором говорилось о том, что в течение лишь октября 1943 г. было вывезено в империю около 40 товарных вагонов, нагруженных культурными ценностями.

Необходимо сказать несколько слов в отношении утверждения, что целью захвата сокровищ искусства были их охрана и сохранение. 1 декабря 1939 г. Гиммлер в качестве имперского уполномоченного по «укреплению германской нации» издал декрет, адресованный районным офицерам тайной полиции на присоединенных восточных территориях и начальникам службы безопасности в Радоме, Варшаве и Люблине. Этот декрет содержал административные указания по проведению программы захвата сокровищ искусства, и в первом пункте его говорилось:

«С целью укрепления германской нации, ради защиты империи все предметы, упомянутые в разделе 2 настоящего декрета, подлежат конфискации... Они конфискуются для блага Германской империи и передаются в распоряжение имперского уполномоченного по укреплению германской нации».

ПОЛИТИКА РАБСКОГО ТРУДА

Согласно статье 6 (b) Устава жестокое обращение с населением и угон на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированных территорий или с оккупированных территорий считается военным преступлением. Законы, касающиеся принудительного труда населения оккупированных территорий, изложены в статье 52 Гаагской конвенции, которая предусматривает: «От органов местного самоуправления и населения не следует требовать поставок в натуре и трудовой повинности, кроме случаев, когда это необходимо для оккупационных войск, причем это должно производиться в соответствии с ресурсами данной страны и таким образом, чтобы не заставить на-

селение принимать участие в военных действиях против его собственной страны».

Политика немецких оккупационных властей находилась в явном противоречии с положениями этой конвенции...

На ранних стадиях войны рабочая сила на оккупированных территориях находилась под контролем различных оккупационных властей, и практика использования этой рабочей силы была различной в каждой стране. На всех оккупированных территориях очень скоро была введена трудовая повинность. Население оккупированных территорий заставляли работать по месту жительства на германскую военную экономику. Во многих случаях жителей заставляли работать по возведению германских укреплений и военных сооружений. По мере того как местные ресурсы сырья и возможности местной промышленности перестали удовлетворять запросы Германии, начал практиковаться насильственный угон рабочей силы в Германию. В середине апреля 1940 г. в генерал-губернаторстве был отдан приказ о насильственном угоне рабочей силы в Германию, аналогичный порядок вводился и в других восточных странах по мере их оккупации...

В течение первых двух лет немецкой оккупации Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии, однако, делались попытки получить необходимую рабочую силу на основе добровольного набора. Насколько безуспешным являлся этот набор, можно увидеть из отчета о заседании центрального управления по планированию 1 марта 1944 г. Представитель подсудимого Шпеера, некто Керрль, говоря о положении во Франции, заявил: «За этот период большое число французов было набрано и добровольно направлено в Германию». Его прервал подсудимый Заукель:

«Не только добровольно, — некоторые были набраны принудительно».

На что Керрль ответил:

«Принудительный набор начался после того, как добровольный призыв перестал давать достаточные результаты».

На что подсудимый Заукель ответил: «Из 5 миллионов рабочих, прибывших в Германию, даже 200 тысяч не прибыли туда добровольно».

И Керрль ответил ему:

«Давайте теперь забудем, было или не было оказано некоторое незначительное давление. По крайней мере формально они были добровольцами».

Были созданы специальные комитеты содействия вербовке и проводилась усиленная кампания по пропаганде среди рабочих, чтобы сагитировать их добровольно поступить на службу Герма-

нии. К числу методов этой пропаганды относится, например, обещание, что за каждого добровольца, уезжающего работать в Германию, будет освобождаться один военнопленный. Помимо этого, в некоторых случаях тех рабочих, которые отказывались ехать в Германию, лишали продовольственных карточек или увольняли с работы, лишали пособий по безработице и возможности работать в другом месте. В некоторых случаях тем рабочим и их семьям, которые отказывались ехать в Германию, полиция угрожала репрессиями. 12 марта 1942 г. подсудимый Заукель был назначен генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с полномочиями распоряжаться «всей наличной рабочей силой, включая рабочих, набранных за границей, и военнопленными».

Подсудимый Заукель был поставлен в непосредственное подчинение подсудимому Герингу как уполномоченному по четырехлетнему плану, и согласно декрету Геринга от 27 марта 1942 г. все его полномочия в отношении рабочей силы были переданы Заукелю. Согласно инструкциям Заукеля иностранные рабочие должны были набираться на основе добровольности, но в них предусматривалось, что «однако, там, где на оккупированных территориях призыв добровольцев окажется недостаточным, при всех обстоятельствах следует прибегать к обязательной трудовой повинности и к принудительному набору». Правила, предусматривавшие отбывание трудовой повинности в Германии, были опубликованы на всех оккупированных территориях. Заукель установил число рабочих, которые должны были быть предоставлены местными властями, и последние получали инструкции, в случае необходимости, выполнять эти требования путем принудительного набора. Однако тот факт, что принудительный набор был скорее правилом, нежели исключением, подтверждает... заявление Заукеля от 1 марта 1944 г.

Подсудимый Заукель часто утверждал, что с рабочими из иностранных государств обращались гуманно и что условия, в которых они жили, были хорошими. Но каковы бы ни были намерения Заукеля и как бы он ни хотел, чтобы с иностранными рабочими обращались гуманно, представленные Трибуналу доказательства устанавливают, что во многих случаях набор рабочей силы осуществлялся насильственными и решительными методами. «Ошибки и промахи» имели место в очень широких масштабах. За людьми охотились на улицах, в кино, даже в церквах, а в ночное время — в частных домах. Иногда дома сжигались, а семьи забирались в качестве заложников, — действия, которые были описаны подсудимым Розенбергом, как берущие начало в

«самых темных периодах работорговли». Методы, использовавшиеся при наборе рабочей силы на Украине, явствуют из приказа офицерам СД, который гласил: «Не всегда будет возможно воздержаться от применения силы... При облавах в деревнях, в особенности когда возникает необходимость сжигать деревни, все население в принудительном порядке должно передаваться в распоряжение уполномоченного.

Как правило, более не следует расстреливать детей. Если настоящим приказом мы на время ограничиваем применение суровых мер, это делается лишь по следующей причине: самое важное теперь — набор рабочих».

При проведении этой политики абсолютно не принимались во внимание ресурсы и нужды оккупированных стран. При обращении с рабочими руководствовались инструкцией Заукеля от 20 апреля 1942 г., где говорилось, что «все рабочие должны получать такую пищу и такое жилище и подвергаться такому обращению, которые давали бы возможность эксплуатировать их в самой высокой степени при самых минимальных затратах».

Доказательства устанавливают, что рабочие, предназначенные для империи, посылались под стражей в Германию, причем их часто грузили в поезд без соответствующего отопления и не давали им необходимой пищи, одежды и санитарного обслуживания. Доказательства далее устанавливают, что обращение с ними в Германии во многих случаях было жестоким и унизительным. Доказательства, относящиеся к заводам Круппа, показывают, что рабочие подвергались самым зверским наказаниям. По крайней мере, теоретически рабочие получали зарплату, жилище и пищу от ДАФ (Германский трудовой фронт), им даже было разрешено пересылать свои сбережения и посылать письма и посылки в свою родную страну. Но ограничивавшие их правила по существу отнимали часть их зарплаты; лагеря, в которых они были размещены, отличались антисанитарными условиями, а количество пищи часто было даже ниже минимума, необходимого для того, чтобы дать рабочим силу для работы.

В отношении поляков, работавших в крестьянских хозяйствах в Германии, нанимателям было разрешено применять телесные наказания; им было также приказано расселять рабочих по возможности в конюшнях, а не в своих домах.

Рабочие постоянно подвергались надзору со стороны гестапо и СС, и, если они пытались уйти от работы, их посылали в исправительные или концентрационные лагеря. Концентрационные лагеря использовались для увеличения поставок рабочей силы. Начальникам концентрационных лагерей было приказано

заставлять заключенных работать до предела их физических возможностей. В течение последних стадий войны концентрационные лагеря оказались столь продуктивными в некоторых видах работ, что гестапо получило инструкции о проведении арестов определенных категорий рабочих с тем, чтобы они могли быть использованы таким образом. На военнопленных союзных стран также смотрели как на возможный источник рабочей силы. Давление оказывалось на унтер-офицеров — их пытались заставить согласиться работать и переводили в дисциплинарные лагеря тех из них, которые на это не соглашались. Многих военнопленных назначали на работу, непосредственно связанную с военными операциями, что является нарушением статьи 31 Женевской конвенции. Их заставляли работать на военных заводах, заставляли даже снаряжать бомбардировщики, переносить боеприпасы и рыть окопы, очень часто в чрезвычайно опасных условиях. Это в особенности относится к советским военнопленным. 16 февраля 1943 г. на заседании центрального управления по планированию, на котором присутствовали подсудимые Заукель и Шпеер, Мильх заявил: «Мы потребовали, чтобы был издан приказ, согласно которому известный процент зенитчиков составляли бы русские. Забавная вещь, что русские должны обслуживать пушки».

4 октября 1943 г. в Познани Гиммлер, говоря о русских военнопленных, захваченных в первые дни войны, сказал: «В то время мы не ценили массы людей так, как мы ценим их сейчас, — как сырье, как рабочую силу. То, о чем в конечном счете, с точки зрения будущих поколений, нам нечего жалеть, в настоящее время должно вызывать сожаление, что пленные умирали от истощения и голода, и из-за этого происходила потеря рабочей силы».

Общая политика, лежавшая в основе мобилизации рабского труда, была сформулирована Заукелем 20 апреля 1942 г. Он сказал: «Целью этой новой гигантской мобилизации рабочей силы является использование всех богатейших и огромнейших источников, которые мы завоевали и приобрели борьбой наших вооруженных сил под командованием Адольфа Гитлера, для вооружения армии, а также в качестве продовольственной базы нашей страны. Сырье, так же как плодородные земли, на покоренных территориях и их ресурсы рабочей силы должны быть использованы полностью и самым добросовестным образом на благо Германии и ее союзников... Полное использование всех военнопленных так же, как и использование гигантского количества новых иностранных рабочих — мужчин и женщин, стало бесспор-

ной необходимостью для разрешения вопроса о мобилизации рабочей силы в этой войне».

Следует также остановиться на политике, которая проводилась в Германии уже в 1940 г., согласно которой все престарелые, душевнобольные и неизлечимо больные — «лишние рты» — переводились в особые учреждения, где их убивали, а их родственникам сообщали, что они умерли естественной смертью.

Жертвами были не только немецкие граждане, но и иностранные рабочие, потерявшие трудоспособность и ставшие поэтому бесполезными для военной машины Германии. Согласно подсчетам в больницах, госпиталях и домах для душевнобольных, находившихся под юрисдикцией Фрика как министра внутренних дел, было убито около 270 тысяч человек. Невозможно определить, сколько именно иностранных рабочих входило в это число.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ

Подобные доказательства, представленные Трибуналу, устанавливают факт преследования евреев нацистским правительством. Это — история бесчеловечности, осуществлявшейся последовательно и систематически в самых широких масштабах.

Олендорф, являвшийся начальником III управления главного имперского управления безопасности с 1939 г. по 1943 г. и командовавший одной из эйнзатцгрупп во время войны с Советским Союзом, в своих показаниях описал методы, применявшиеся при истреблении евреев. Он заявил, что он использовал боевые отряды для расстрела жертв с тем, чтобы уменьшить сознание моральной ответственности у своих людей, и 90 тысяч мужчин, женщин и детей, которые были убиты этой группой в течение одного года, являлись в основном евреями...

Подсудимый Франк произнес последние слова этой главы нацистской истории, когда он давал показания на Суде: «Мы боролись против еврейства, мы боролись против него в течение ряда лет, нам принадлежат некоторые изречения (и мой дневник может стать в связи с этим свидетелем против меня самого) — изречения, которые ужасны... Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии все еще не будет смыта».

Антисемитская политика была сформулирована в пункте 4 партийной программы, который гласил следующее: «Только представитель расы может быть гражданином, а представителем расы может быть только тот, в ком течет германская кровь, независимо от его вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может быть представителем расы».

В других пунктах программы констатировалось, что с евреями нужно обращаться, как с чуждым элементом, что им нельзя разрешать занимать государственные посты, что их нужно изгнать из империи, если невозможно прокормить все население государства, что им нужно отказать в дальнейшей иммиграции в Германию и что им нужно запретить издание немецких газет. Нацистская партия проповедовала эти доктрины в продолжение всей своей истории. «Штюрмеру» и другим изданиям разрешалось пропагандировать ненависть к евреям, а в выступлениях и в публичных заявлениях нацистских вождей над евреями открыто насмехались и выражали презрение к ним.

С захватом власти преследование евреев усилилось. Был опубликован ряд законов, дискриминирующих евреев, которые ограничивали круг должностей и профессий, разрешаемых евреям; вводились всевозможные ограничения в их семейной жизни и в их гражданских правах. К осени 1938 г. нацистская политика в отношении евреев достигла стадии, принявшей форму полного вытеснения евреев из жизни Германии. Были организованы погромы, во время которых сжигали и уничтожали синагоги; еврейские предприятия подвергались разграблению, а видные еврейские дельцы — арестам. На евреев был наложен коллективный штраф в один миллиард марок; был санкционирован захват еврейского имущества, и передвижение евреев было ограничено определенными районами и определенными часами. Гетто создавались в чрезвычайно широком масштабе, и по приказу полиции безопасности евреев заставляли носить желтую звезду на груди и на спине...

Нацистское преследование евреев в Германии до войны, хотя оно было жестоким и безжалостным, не идет, однако, ни в какое сравнение с политикой, проводимой во время войны в оккупированных территориях. Первоначально эта политика была схожа с той, которая осуществлялась и внутри Германии: все евреи должны были проходить регистрацию, их заставляли жить в гетто, они должны были носить желтую звезду, и их использовали для рабского труда. Летом 1941 г., однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 г. должно было явиться одним из следствий разразившейся войны; для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник отдела 4В.

План уничтожения евреев был разработан вскоре после нападения на Советский Союз. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, созданные для того, чтобы сломить сопротивление населения территорий, лежащих в тылу германских армий на Востоке, получили задание уничтожить евреев в этих областях. Эффективность деятельности эйнзатцгрупп видна из того, что в феврале 1942 года Гейдрих был в состоянии доложить, что Эстония уже очищена от евреев и что в Риге число евреев снизилось с 29 500 до 2500 человек. Всего эйнзатцгруппы, оперировавшие в прибалтийских странах, убили за 3 месяца свыше 135 тысяч евреев.

Эти специальные отряды не действовали независимо от германских вооруженных сил. Имеются явные доказательства того, что руководители эйнзатцгрупп сотрудничали с армейскими командирами. В одном случае взаимоотношения между эйнзатцгруппой и военными властями описывались как «очень близкие, почти дружеские», в другом случае успешный ход операций эйнзатцкоманды был приписан «пониманию проводимых мероприятий» военными властями. Части полиции безопасности и СД на оккупированных территориях Востока, находившиеся в ведении гражданской администрации, получили аналогичное задание. Обдуманный и систематический характер преследования евреев лучше всего иллюстрируется докладом бригадного генерала СС Штропа, на которого было возложено руководство по уничтожению гетто в Варшаве, фактически проведенному в жизнь в 1943 г. Этот отчет был представлен трибуналу в качестве доказательства и был иллюстрирован фотографиями, и на его первой странице была сделана надпись: «Еврейское гетто в Варшаве больше не существует»...

Штроп говорит в своем отчете, что в результате его мероприятий в Варшаве уничтожено 56 065 человек. К этому мы должны добавить тех, которые были убиты во время взрывов, при пожарах и т. д., количество которых учесть невозможно.

Мрачные показания о массовых убийствах евреев были также представлены Трибуналу путем демонстрации фильма, показывавшего общие могилы сотен жертв, впоследствии обнаруженных союзниками. Все эти зверства были присущи политике, начатой в 1941 г., и нет ничего удивительного в том, что, согласно показаниям, один или два немецких чиновника тщетно пытались протестовать против тех зверских методов, которыми проводилось умерщвление. Но методы, к которым прибегали, никогда не были схожи один с другим. Резня в Ровно и Дубно, о которой говорил немецкий инженер Грабе, представ-

ляла собой один метод, систематическое истребление евреев в концентрационных лагерях явилось другой частью «окончательного разрешения проблемы», выражавшейся в том, что со всей оккупированной немцами Европы евреев сгоняли в концентрационные лагеря. Их физическое состояние решало для них вопрос жизни или смерти. Всех трудоспособных людей использовали для рабского труда в концентрационных лагерях; всех неспособных работать уничтожали в газовых камерах, после чего их трупы сжигали. Для этой цели были специально выделены некоторые концентрационные лагеря, например, Треблинка и Освенцим.

По вопросу об Освенциме Трибунал заслушал показания Гесса, являвшегося с 1 мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г. комендантом лагеря. Он заявил, что только в одном лагере Освенцим за этот период времени было истреблено 2 500 тысяч человек, помимо того, что 500 тысяч погибли от болезней и голода...

Избиения, голод, истязания и убийства были всеобщим явлением. Заключенных подвергали жестоким экспериментам. В августе 1942 г. в Дахау жертвы погружались в холодную воду и оставлялись там до того, пока температура их тел не понижалась до 28° по Цельсию, после чего они немедленно умирали.

Остальные эксперименты включали опыты по определению условий на больших высотах, когда жертвы помещались в камеры с пониженным давлением, опыты, целью которых служило определить, сколько времени человеческое существо может прожить в ледяной воде, опыты с отравленными пулями, опыты с заразными болезнями, опыты по стерилизации мужчин и женщин рентгеновскими лучами и путем применения других методов. Были представлены доказательства относительно судьбы заключенных до и после их уничтожения...

По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выискивавшие евреев для так называемого «окончательного разрешения» вопроса. В некоторые страны-сателлиты, как Венгрия и Болгария, были направлены германские миссии, которые должны были организовывать в вышеупомянутых целях отправку евреев в лагеря уничтожения в Германию. Известно, что к концу 1944 г. 400 тысяч евреев из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации 110 тысяч евреев из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито 6 миллионов евреев, из которых 4 миллиона было убито в пунктах для истребления людей.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ К РАЗДЕЛУ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Статья 6 Устава гласит:

«b) *Военные преступления*, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

с) *преступления против человечества*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Как здесь указывается, Устав не выделяет тот или иной заговор в отдельное преступление, за исключением заговора, упомянутого в статье 6(а) и касающегося преступлений против мира.

Трибунал, несомненно, связан теми определениями, которые дает Устав как в отношении военных преступлений, так и в отношении преступлений против человечества. Однако, что касается военных преступлений, как уже указывалось, преступления, определяемые статьей 6(b) Устава, уже признавались как военные преступления международным правом. Они предусматривались статьями 46, 50, 52 и 56 Гаагской конвенции 1907 г. и статьями 2, 3, 4, 46 и 51 Женевской конвенции 1929 г. Тот факт, что нарушение этих норм являлось преступлением, за которое отдельные лица подлежали наказанию, слишком хорошо известен для того, чтобы допустить хоть тень сомнения.

Выдвигалось утверждение о том, что Гаагская конвенция здесь неприменима в соответствии с пунктом о распространении действия Конвенции в статье 2 Гаагской конвенции 1907 г. Этот пункт предусматривал: «Положения, содержащиеся в правилах ведения войны на суше, упомянутых в статье 1, так же как и правила настоящей Конвенции, распространяются только на подписавшиеся стороны и только в том случае, если все воюющие стороны являются участниками данной Конвенции».

Некоторые воюющие стороны в последней войне не были участниками этой Конвенции.

По мнению Трибунала, нет необходимости решать этот вопрос. Правила ведения войны на суше, сформулированные в Конвенции, несомненно, являлись шагом вперед по сравнению с существовавшим во время ее принятия международным правом. Но Конвенция определенно устанавливает, что это была попытка «пересмотреть общие законы и обычаи войны», которые она, таким образом, признавала существующими. Однако в 1939 г. эти правила, изложенные в Конвенции, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев ведения войны, на которые имеется ссылка в статье 6(b) Устава.

Утверждалось также, что Германия не была более связана правилами ведения войны на суше на многих территориях, оккупированных во время войны, потому что Германия полностью покорила эти страны и включила их в состав Германской империи; это обстоятельство якобы дало Германии право действовать в отношении этих оккупированных стран таким образом, как если бы они были частью Германии. По мнению Трибунала, в настоящем деле нет необходимости решать вопрос, является ли эта «доктрина покорения», в какой бы мере она ни зависела от военных завоеваний, применимой в тех случаях, когда покорение возникает в результате агрессивной войны. Эта доктрина никогда не рассматривалась как применимая до тех пор, пока существует действующая армия, которая пытается вернуть оккупированную страну ее настоящему владельцу, и поэтому в настоящем деле эта доктрина не может быть применена в отношении какой-либо из территорий, оккупированных после 1 сентября 1939 г. Что касается военных преступлений, совершенных в Богемии и Моравии, в качестве ответа достаточно будет сказать, что эти территории никогда не были присоединены к империи, но над ними был просто установлен протекторат.

Что касается преступлений против человечества, то не допускает никаких сомнений тот факт, что политические противники умерщвлялись в Германии до войны и что многие из них содержались в заключении в концентрационных лагерях в условиях жестокости и террора. Политика террора, несомненно, проводилась в широких масштабах, и во многих случаях она была организованной и систематической.

До войны 1939 г. в Германии самым безжалостным образом проводилась политика преследования, подавления и убийства всех лиц из числа гражданского населения, о которых можно бы-

ло предположить, что они настроены враждебно по отношению к правительству. Также несомненно является установленным факт преследования евреев в течение того же периода. Действия, инкриминируемые в период до момента начала войны, могут считаться преступлениями против человечества только в том случае, если они совершались в ходе или в связи с любым из преступлений, подлежащих юрисдикции Трибунала. Трибунал считает, что не было с достаточной убедительностью доказано то, что эти действия совершались во исполнение или в связи с любым таким преступлением, насколько бы отвратительными и ужасными многие из них ни являлись. Поэтому Трибунал не может сделать заявления общего характера относительно того, что действия, совершенные до 1939 г., являются преступлениями против человечества в том смысле, как они определены Уставом.

Однако с самого начала войны в 1939 г. военные преступления, которые также являлись преступлениями против человечества, совершались в широких масштабах, и хотя бесчеловечные действия, вменяемые в вину в Обвинительном заключении и совершенные после начала войны, не составляют военных преступлений, — все они совершались при ведении агрессивной войны или в связи с ней, и поэтому они являются преступлениями против человечества.

Обвиняемые организации

...Обвинительное заключение требует, чтобы Трибунал признал преступными следующие организации: руководящий состав нацистской партии, гестапо, СД, СС, СА, имперский кабинет, генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил.

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

Структура и составные части

Руководящий состав нацистской партии назван в Обвинительном заключении как группа или организация, которая должна быть объявлена преступной. Руководящий состав нацистской партии фактически состоял из официальной организации нацистской партии и возглавлялся Гитлером в качестве фюрера. Фактическое руководство руководящим составом нацистской партии осуществлялось начальником партийной канцелярии (Гессом, а затем Борманом) с помощью имперского партийного директората, или рейхслейтунга, который состоял из рейхслейтеров, руководителей функциональных организаций, так же как

и из руководителей различных главных управлений и учреждений, примыкавших к имперскому партийному директорату. Начальнику партийной канцелярии подчинялись гаулейтеры, осуществлявшие территориальную юрисдикцию над главными административными партийными единицами — гау.

Гаулейтерам помогал партийный директорат по делам гау, или гаулейтунг, который по своей структуре и характеру деятельности соответствовал имперскому партийному директорату. Ниже гаулейтеров в партийной иерархии стояли крейслейтеры, осуществлявшие территориальную юрисдикцию над крейсами, обычно состоявшими из одной общины; им помогал партийный директорат по делам крейса, или крейслейтунг. Крейслейтеры стояли на самой нижней ступени партийной иерархии и являлись партийными работниками, получавшими заработную плату. Непосредственно ниже крейслейтеров стояли ортсгруппенлейтеры, затем целленлейтеры и, наконец, блоклейтеры.

Директивы и инструкции исходили из имперского партийного директората. Задачей гаулейтеров являлась интерпретация этих директив и передача их в нижестоящие инстанции. Крейслейтеры располагали некоторой свободой в толковании этих директив, но ортсгруппенлейтеры не обладали этой свободой и действовали по определенным инструкциям. Инструкции передавались в письменном виде только до ортсгруппенлейтера. Блок- и целленлейтеры обычно получали инструкции в устной форме. Принадлежность ко всем рангам руководящего состава являлась добровольной.

28 февраля 1946 г. обвинение исключило из требуемого им признания виновными всех сотрудников аппарата ортсгруппенлейтеров и всех помощников целленлейтеров и блоклейтеров. Решение Трибунала, которого требует обвинение в отношении признания виновным руководящего состава нацистской партии, таким образом, должно включать фюрера, рейхслейтеров, гаулейтеров и сотрудников их аппарата, крейслейтеров и сотрудников их аппарата, ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров, то есть группу общей численностью, по меньшей мере, в 600 тысяч человек.

Цели и характер деятельности

Основной целью руководящего состава с самого начала являлась помощь нацистам в приобретении, а затем, после 30 января 1933 г., в сохранении контроля над германским государством. Механизм руководящего состава использовался для широкого распространения нацистской пропаганды и для тщательного контроля над политическими настроениями германского

народа. В этой деятельности особенно важную роль играли низшие слои политических руководителей. Партийный справочник инструктировал блоклейтеров сообщать ортсгруппенлейтерам обо всех лицах, распространяющих вредные слухи или критикующих режим. Ортсгруппенлейтеры на основе информации, получаемой ими от блоклейтеров и целленлейтеров, вели картотеку на всех жителей, входивших в ортсгруппу, содержащую данные, которые могли быть использованы при вынесении решения относительно их политической благонадежности. Руководящий состав был особенно активен в период плебисцитов. Все члены руководящего состава очень активно действовали для обеспечения голосования и наиболее высокого процента голосов «за». Ортсгруппенлейтеры и политические руководители высших рангов часто сотрудничали с гестапо и СД в мероприятиях по установлению тех лиц, которые отказывались принять участие в голосовании или голосовали «против», а также в принятии соответствующих мер против них, применяя даже арест и заключение в концентрационный лагерь.

Преступная деятельность

Эти действия, которые связаны только с консолидацией контроля нацистской партии, не являются преступными с точки зрения заговора для ведения агрессивной войны, который был уже выше изложен. Однако руководящий состав также использовался для аналогичных действий в Австрии и в тех частях Чехословакии, Литвы, Польши, Франции, Бельгии, Люксембурга и Югославии, которые были включены в состав империи и в гау нацистской партии. На этих территориях механизм руководящего состава использовался для германизации населения при помощи уничтожения местных обычаев и выявления и ареста лиц, противодействовавших германской оккупации. Это являлось преступным в соответствии со статьей 6(b) Устава в отношении тех территорий, где действовали Гаагские конвенции о ведении сухопутной войны, и преступным в соответствии со статьей 6(c) Устава в отношении остальных территорий.

Руководящий состав сыграл свою роль в преследовании евреев; он был замешан в мероприятиях по экономической и политической дискриминации евреев, которые были введены в действие вскоре после прихода нацистов к власти. Гестапо и СД получили инструкции координировать с гаулейтерами и крейслейтерами действия во время погромов 9 и 10 ноября 1938 г. Руководящий состав также использовался для того, чтобы предотвратить реакцию германского общественного мнения против мер, предпринимавшихся в отношении евреев на Востоке.

9 октября 1942 г. всем гаулейтерам и крейслейтерам был разослан секретный информационный бюллетень, озаглавленный «Подготовительные меры к окончательному разрешению еврейского вопроса в Европе. Слухи о положении евреев на Востоке». В этом бюллетене говорилось о том, что возвращающиеся с Востока солдаты распространяют слухи относительно положения евреев на Востоке, которые некоторые немцы могут не понять, и далее в подробностях излагалось официальное объяснение, которое следовало давать. Этот бюллетень не содержал определенных указаний на то, что евреи уничтожались, но в нем говорилось, что их направляли в трудовые лагеря, о том, что их полностью отделяли от остального населения, а также о необходимости проявлять к ним безжалостную суровость. Таким образом, даже на первый взгляд этот бюллетень указывал на то, что механизм руководящего состава использовался для того, чтобы удержать немецкое общественное мнение от протестов против программы, которая, как утверждалось, включала в себя осуждение евреев в Европе на пожизненное рабство. Эти сведения все время поступали к политическим руководителям. В августовском выпуске «Ди лаге» за 1944 г., являвшемся изданием, которое распространялось среди политических руководителей, описывалась депортация 430 тысяч евреев из Венгрии.

Руководящий состав сыграл важную роль в проведении программы рабского труда. Директива Заукеля от 6 апреля 1942 г. назначала гаулейтеров чрезвычайными уполномоченными по мобилизации рабочей силы в их соответствующих гау с полномочиями координировать деятельность всех организаций, имевших отношение к вопросам рабочей силы в пределах их гау, и со специальными полномочиями в области найма иностранных рабочих, в том числе в отношении условий их работы, их питания и расселения. Исходя из этих полномочий, гаулейтеры взяли в свои руки контроль над размещением рабочей силы в их гау, в том числе над размещением рабочих, насильно пригнанных из других стран. При осуществлении этой задачи гаулейтеры использовали многие учреждения партии в пределах своих гау, в том числе подчинявшихся им политических руководителей. Например, директивой Заукеля от 8 сентября 1942 г. относительно размещения по отдельным хозяйствам 400 тысяч женщин-работниц, прибывших с Востока, устанавливается порядок, согласно которому заявления о присылке таких работниц передавались крейслейтерам, чье решение являлось окончательным.

В соответствии с директивой Заукеля обращение с иностранными рабочими непосредственно входило в ведение политичес-

ких руководителей, причем гаулейтеры были специально проинструктированы предотвращать «слишком большую заботу и внимание к иностранным рабочим» со стороны «политически ненадежных руководителей предприятий».

В число вопросов, связанных с обращением с рабочими, которыми должны были заниматься политические руководители, входило составление крейслейтерами отчетов о случаях беременности среди женщин, использовавшихся для рабского труда; эти отчеты имели своим результатом производство аборта, если родители ребенка не соответствовали расовым требованиям, установленным СС, и обычно вели к заключению в концлагерь матери ребенка. Доказательства устанавливают, что под наблюдением политических руководителей промышленные рабочие расселялись в лагерях в ужасных антисанитарных условиях, работали много часов и не получали достаточного питания.

Под наблюдением тех же политических руководителей сельскохозяйственным рабочим, с которыми обращались несколько лучше, было запрещено пользоваться транспортом, посещать места развлечения и отправлять религиозные обряды; для них не был установлен нормированный рабочий день и были введены правила, которые давали нанимателю право прибегать в отношении их к телесным наказаниям. Политические руководители, по крайней мере до ортсгруппенлейтеров, несли ответственность за руководство этими вопросами.

5 мая 1943 г. всем политическим руководителям, до ортсгруппенлейтеров, был разослан меморандум Бормана, содержавший инструкции о прекращении жестокого обращения с угнанными в рабство рабочими. Подобным же образом 10 ноября 1944 г. Шпеер циркулярно разослал директиву Гиммлера, предусматривавшую, что все члены нацистской партии в соответствии с указаниями крейслейтера должны быть предупреждены ортсгруппенлейтерами о том, что их долгом является внимательное наблюдение за иностранными рабочими.

Политические руководители непосредственно занимались вопросами обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 г. Борман разослал директивное указание до крейслейтеров включительно, предлагая им обеспечить выполнение армией недавно вышедших директив министерства внутренних дел, в которых указывалось, что трупы русских военнопленных следовало завертывать в листы толя и хоронить в отдаленных местах без всяких церемоний или украшения их могил. 25 ноября 1943 г. Борман разослал циркуляр, предлагавший гаулейтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентя-

бря 1944 г. Борман разослал директиву до крейслейтеров включительно, требовавшую установления связи между крейслейтерами и охранниками военнопленных для того, чтобы «лучше согласовать использование военнопленных с политическими и экономическими требованиями».

17 октября 1944 г. директива ОКВ предписывала офицеру, отвечавшему за военнопленных, советоваться с крейслейтером по вопросу производительности труда. Использование военнопленных, особенно военнопленных с Востока, сопровождалось нарушением Конвенции о ведении сухопутной войны в широких масштабах. Доказательства устанавливают, что руководящий состав, до крейслейтеров включительно, участвовал в этом незаконном обращении с военнопленными.

Механизм руководящего состава также использовался при попытках лишить союзных летчиков той защиты, которая им предоставлялась согласно Женевской конвенции. 13 марта 1940 г. вышла директива Гесса с инструкциями политическим руководителям до блоклейтеров включительно о руководстве гражданским населением в случае приземления вражеских самолетов или парашютистов, которые гласили, что вражеские парашютисты должны были немедленно подвергаться аресту или «обезвреживаться».

30 мая 1944 г. Борман разослал циркулярное письмо всем гау- и крейслейтерам с сообщением о случаях линчевания союзных летчиков штурмовой авиации, в которые полиция не вмешивалась. Было предложено информировать ортсгруппенлейтеров устно о содержании этого письма. Это письмо сопутствовало пропагандистской кампании, начатой Геббельсом с тем, чтобы поощрять эти линчевания или, по крайней мере, в нарушение Женевской конвенции, запрещать полиции вмешиваться. Ряд линчеваний был проведен в соответствии с этими указаниями, однако нет данных о том, что они проводились по всей Германии. Тем не менее существование этого циркулярного письма показывает, что верхушка политического руководства использовала его для целей, которые были явно незаконными и требовавшими использования аппарата политического руководства, по крайней мере, до ортсгруппенлейтеров.

Заключение

Политическое руководство использовалось для целей, которые согласно Уставу являлись преступными и включали германизацию присоединенных территорий, преследование евреев, проведение программы рабского труда и жестокое обращение с военнопленными. Подсудимые Борман и Заукель, являвшиеся

членами этой организации, были в числе тех, кто использовал ее в этих целях. Гаулейтеры, крейслейтеры и ортсгруппенлейтеры в той или иной степени принимали участие в проведении этой преступной программы. Рейхслейтунг как руководящая организация партии также ответственна за эту преступную программу, как и главы различных руководящих организаций гаулейтеров и крейслейтеров.

Решение Трибунала по этим руководящим организациям распространяется лишь на амтслейтеров, которые были начальниками отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга. В отношении других должностных лиц и партийных организаций, примыкавших к политическому руководству, за исключением амтслейтеров, о которых говорилось выше, Трибунал примет предложение обвинения относительно того, чтобы на них не распространялось это решение.

Трибунал объявляет преступной в том смысле, как это определено Уставом, группу, состоящую из тех членов политического руководства, которые занимали посты, перечисленные в предыдущем параграфе, или тех, которые вступали в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, либо тех, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является участие организации в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной; поэтому эта группа, признанная преступной, не может включать лиц, которые более не занимали постов, перечисленных в предыдущем параграфе, после 1 сентября 1939 г.

ГЕСТАПО и СД

Структура и составные части

Обвинением названы государственная тайная полиция (гестапо) и служба безопасности рейхсфюрера СС (СД) как группы или организации, которые должны быть объявлены преступными. Обвинение представило дело против гестапо и СД вместе, заявив, что это было необходимо благодаря тесному сотрудничеству в работе между ними. Трибунал разрешил СД представить свою защиту отдельно, в связи с заявлением о противоречивости их интересов. Однако, ознакомившись с доказательствами, Трибунал решил рассматривать дело гестапо и СД вместе.

Впервые гестапо и СД были объединены 26 июня 1936 г. назначением Гейдриха, являвшегося начальником СД, на пост на-

чальника полиции безопасности, которое имело целью объединить гестапо и уголовную полицию. Еще до этого СД представляла собой разведывательную агентуру сначала СС, а затем, после 4 июня 1934 г., всей нацистской партии. Гестапо состояло из различных подразделений политической полиции нескольких немецких федеральных государств, которые были объединены под личным руководством Гиммлера с помощью Геринга. Гиммлер был назначен начальником немецкой полиции в министерстве внутренних дел 17 июня 1936 г. и, будучи рейхсфюрером СС и начальником германской полиции, он 26 июня 1936 г. издал декрет, который включил уголовную полицию (КРИПО) и гестапо в состав полиции безопасности и объединил полицию безопасности и СД под руководством Гейдриха.

Объединение полиции безопасности — государственной организации и СД — партийной организации под руководством Гейдриха было оформлено декретом от 27 сентября 1939 г., объединявшим различные государственные и партийные учреждения, подведомственные Гейдриху как начальнику полиции безопасности и СД, в одно административное целое — главное имперское управление безопасности (РСХА), которое одновременно являлось одним из главных управлений СС, подведомственных Гиммлеру как рейхсфюреру СС, и управлением министерства внутренних дел, подведомственным Гиммлеру как начальнику немецкой полиции.

Внутренняя структура РСХА показывает, как оно осуществляло объединенное управление полицией безопасности и СД. РСХА подразделялось на семь отделов-управлений (амт), два из которых (амт-I и амт-II) занимались административными вопросами. Полиция безопасности была представлена амт-IV — главным управлением гестапо и амт-V — главным управлением уголовной полиции. СД было представлено амт-III — главным управлением по деятельности СД внутри Германии, амт-VI — главным управлением по деятельности СД вне Германии и амт-VII, занимавшимся исследовательскими вопросами идеологического характера.

Вскоре после создания РСХА, в ноябре 1939 г., полиция безопасности была «координирована» с СС путем производства всех чиновников гестапо и уголовной полиции в звания СС, соответствовавшие занимаемым ими постам. Созданием РСХА достигались координация деятельности всей полиции и разграничение функций среди высших полицейских чиновников. При этом разграничении СД служила разведывательной агентурой полиции безопасности.

Аналогичная координация существовала и в местных управлениях. В Германии и во включенных в империю районах с целью облегчения гражданского управления местные органы гестапо, уголовной полиции и СД формально существовали отдельно. Однако их координация осуществлялась инспекторами полиции безопасности и СД из аппарата местных высших руководителей СС и полиции, и одной из основных функций местных частей СД было служить в качестве разведывательной агентуры для местных частей гестапо. На оккупированных территориях взаимоотношения между местными частями гестапо, уголовной полицией и СД были несколько теснее. Они были организованы в местные отряды полиции безопасности и СД и находились под контролем как РСХА, так и высшего руководителя СС и полиции, который назначался Гиммлером в аппарат оккупационных властей.

Органы полиции безопасности и СД на оккупированной территории состояли из отделов, соответствовавших различным управлениям РСХА. На оккупированных территориях, которые все еще рассматривались как районы военных действий, или там, где формально немецкий контроль еще установлен не был, структура органов полиции безопасности и СД была несколько иной. Члены гестапо, КРИПО и СД объединялись вместе в организации военного типа, известные под названием эйнзатцкоманд и эйнзатцгрупп, в которых основные должности были заняты членами гестапо, КРИПО и СД, в то время как члены полиции порядка, Ваффен СС и даже личный состав вооруженных сил Германии использовались для вспомогательных целей. Эти организации находились под общим контролем РСХА, но в районах, прилегающих к линии фронта, поступали под оперативное руководство соответствующего командующего армией.

Таким образом, можно видеть, что с точки зрения их функций как гестапо, так и СД представляли собой важные, тесно связанные между собой группы в составе организации полиции безопасности и СД. Полиция безопасности и СД находились под единоначалием сначала Гейдриха, а потом Кальтенбруннера как начальника полиции безопасности и СД; у нее имелся единый штаб РСХА; у нее имелась собственная система субординации, и ее деятельность была деятельностью единой организации как в Германии, так и на оккупированных территориях и в прифронтовой полосе.

В течение периода, рассмотрением которого в основном занимается Трибунал, кандидаты на должности в полиции безопасности и СД проходили подготовку по линии всех составных частей полиции безопасности: гестапо, уголовной полиции и

СД. Некоторая путаница была вызвана тем фактом, что часть организации являлась организационным подразделением нацистской партии, в то время как другая часть организации являлась управлением в правительстве, но это не имеет никакого особого значения ввиду закона от 1 декабря 1933 г., который объявил единство нацистской партии и германского государства.

Полиция безопасности и СД являлись добровольной организацией. Верно то, что большое число гражданских служащих и административных чиновников было переведено в полицию безопасности. Утверждение о том, что перевод был принудительным, является не чем иным, как утверждением о том, что они должны были или согласиться с таким переводом или уйти в отставку со своих постов, что могло вызвать недовольство по служебной линии. В течение войны члены полиции безопасности и СД не имели свободного выбора при назначениях внутри организации, и отказ принять какое-либо назначение, особенно на оккупированной территории, мог привести к серьезному наказанию. Однако остается явным тот факт, что все члены полиции безопасности и СД вступали в организацию добровольно, не побуждаемые ничем иным, кроме желания сохранить свою официальную должность.

Организация полиции безопасности и СД включает также три специальные части, которые должны быть рассмотрены в отдельности.

Первая из них — пограничная полиция (гренцполицей), которая была передана в ведение гестапо в 1937 г. В ее функцию входило осуществление контроля над проездом через границы Германии. Она производила арест лиц, незаконно пересекающих границу. Из представленных доказательств также явствует, что она получала директивы гестапо об отправке задержанных иностранных рабочих в концентрационные лагеря. Она также могла ходатайствовать перед местными отделениями гестапо о разрешении заключить арестованных лиц в концентрационные лагеря.

По мнению Трибунала, обвинение в преступлении, выдвинутое против гестапо, должно также распространяться и на пограничную полицию.

Таможенная пограничная охрана (цоллгренцшутц) вошла в состав гестапо летом 1944 г. Функции этой организации были аналогичными функциям пограничной полиции и заключались в проверке соблюдения правил при переезде через границу и особенно в предотвращении контрабанды. Однако нет данных, что ее включение было полным, около половины ее общего состава, насчитывающего 54 тысячи человек, осталось в подчинении им-

перского финансового ведомства или полиции порядка. За несколько дней до конца войны вся организация была вновь включена в имперское финансовое ведомство. Включение организации в гестапо произошло так поздно, и она так мало участвовала в общей деятельности гестапо, что Трибунал считает, что не следует включать ее при рассмотрении преступности гестапо.

Третьей организацией являлась так называемая тайная полевая полиция, которая первоначально была подчинена армейскому руководству, но которая в 1942 г. была переведена военным приказом в полицию безопасности. Тайная полевая полиция занималась вопросами безопасности армии на оккупированной территории, а также предотвращением нападения гражданского населения на военные сооружения и части и совершала в широких масштабах военные преступления и преступления против человечности. Однако не было доказано, что эта организация являлась частью гестапо, и Трибунал считает, что на нее не распространяются обвинения в преступности, содержащиеся в Обвинительном заключении, за исключением тех ее членов, которые, возможно, были переведены в амт-VI РСХА или являлись членами организаций, признанных преступными настоящим приговором.

Преступная деятельность

Первоначально одной из основных функций гестапо являлось предотвращение какой-либо политической оппозиции нацистскому режиму — функция, которую гестапо выполняло с помощью СД. Основным орудием, которое использовалось для осуществления этой функции, являлись концентрационные лагеря. Гестапо не имело административного контроля над концентрационными лагерями, но, действуя через главное имперское управление безопасности, несло ответственность за содержание под арестом политических заключенных в этих лагерях. Чиновники гестапо обычно отвечали за допрос политических заключенных в этих лагерях.

Гестапо и СД также занимались рассмотрением дел, связанных с государственной изменой, прессой, церковью и евреями...

Был организован специальный отдел управления гестапо главного имперского управления безопасности под начальством штандартенфюрера Эйхмана, и в его ведение были переданы вопросы, касающиеся евреев; это управление использовало своих собственных агентов для «разрешения» еврейской проблемы на оккупированной территории. Управления гестапо на местах были использованы сначала для осуществления надзора над эмиграцией евреев, а затем для депортации их на Восток как

из Германии, так и с территорий, оккупированных во время войны. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, действовавшие в тылу на Восточном фронте, осуществляли массовое убийство евреев. Специальная часть из управления гестапо РСХА использовалась для организации депортации евреев из стран-сателлитов держав оси в Германию для «окончательного разрешения».

Местные управления полиции безопасности и СД играли важную роль в германской администрации на оккупированных территориях. Участие в этой администрации характеризуется мероприятиями, проведенными летом 1938 г. по подготовке к нападению на Чехословакию, которое тогда подготовлялось. Эйнзатцгруппы гестапо и СД были организованы для того, чтобы следовать за армией в Чехословакию и обеспечить безопасность политической жизни на оккупированных территориях. Были подготовлены планы для проникновения членов СД на эту территорию до начала вторжения и для создания системы карточек на этой территории для того, чтобы указать, какие жители должны находиться под наблюдением, кто должен быть лишен паспорта и кто должен быть уничтожен. Эти планы были значительно изменены в результате отмены нападения на Чехословакию, но в военных действиях, которые действительно имели место, в особенности в войне против СССР, эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД были использованы и применяли зверские меры по усмирению гражданского населения и проводили массовые убийства евреев. Гейдрих отдал приказы инсценировать инциденты на польско-германской границе в 1939 г., которые бы дали Гитлеру достаточный предлог для нападения на Польшу. Личный состав как гестапо, так и СД принимал участие в этих операциях.

Местные части полиции безопасности и СД продолжали свою работу на оккупированных территориях после того, как они переставали быть театром военных действий. Полиция безопасности и СД занимались повсеместными арестами гражданского населения в этих оккупированных странах, заключали большое число этих арестованных в тюрьмы, где их содержали в нечеловеческих условиях, подвергали их зверским допросам третьей степени и посылали многих из них в концентрационные лагеря.

Местные части полиции безопасности и СД также участвовали в расстреле заложников, в заключении в тюрьмы их родственников, в казни лиц, обвиняемых в терроризме и в диверсиях, без всякого суда, и в проведении приказа «Мрак и туман», по которому лица, обвиняемые в действиях, которые считались опасными для оккупационных войск, были либо казнены в течение недели,

либо тайно вывозились в Германию, причем им запрещалось поддерживать связь со своей семьей и близкими.

Управления полиции безопасности и СД использовались в проведении в жизнь программы рабского труда. На некоторых оккупированных территориях они помогали местным организациям по набору рабочей силы выполнять план, установленный Заукелем. Управления гестапо внутри Германии несли функцию надзора над рабочими, вывезенными в Германию для рабского труда, и отвечали за привлечение к ответственности тех, кто отсутствовал на месте работы.

Гестапо также ведало так называемыми лагерями трудовой подготовки. Хотя в эти лагеря заключались как немецкие, так и иностранные рабочие, гестапо играло значительную роль в принуждении иностранных рабочих к работе для германских военных усилий. На последних стадиях войны, по мере того как СС занялась своей собственной программой рабского труда, гестапо было использовано для ареста рабочих с целью обеспечения достаточного снабжения рабочей силой концентрационных лагерей.

Местные управления полиции безопасности и СД также принимали участие в совершении военных преступлений, заключавшихся в убийстве военнопленных и жестоком обращении с ними. Советских военнопленных, находившихся в лагерях для военнопленных в Германии, проверяли эйнзатцкоманды, которые действовали в соответствии с указаниями местных управлений гестапо. Комиссары, евреи, представители интеллигенции, «коммунисты-фанатики» или даже те, кого считали неизлечимо больными, рассматривались как «нетерпимые элементы» и уничтожались. Местные управления полиции безопасности и СД участвовали в проведении в жизнь приказа «Пуля», вступившего в силу 4 марта 1944 г., согласно которому определенные категории военнопленных, которые пытались бежать и были пойманы, не рассматривались далее как военнопленные и посылались в секретном порядке в Маутхаузен, где их расстреливали. Члены полиции безопасности и СД обвиняются также в проведении в жизнь приказа о расстреле парашютистов и «командос».

Заключение

Гестапо и СД использовались для целей, которые являлись согласно Уставу преступными и включали преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы на оккупированных территориях, проведение программы рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и убийство их. Подсудимый Кальтенбруннер, являвшийся

членом этой организации, относился к числу тех, кто использовал ее для этих целей.

Рассматривая дело гестапо, Трибунал имеет в виду всех оперативных и административных чиновников IV управления главного имперского управления безопасности или тех, кого касались вопросы, связанные с гестапо, в других отделах главного имперского управления безопасности, и всех местных чиновников гестапо, которые служили как внутри Германии, так и за ее пределами, включая сотрудников пограничной полиции, но не включая сотрудников таможенной пограничной охраны или тайной полевой полиции, за исключением тех членов, о которых говорилось выше.

По предложению обвинения Трибунал не включает лиц, находившихся на службе в гестапо для выполнения чисто канцелярской, стенографической, хозяйственной или подобного рода технической повседневной работы. Рассматривая дело СД, Трибунал имеет в виду управления III, VI и VII главного имперского управления безопасности (РСХА) и всех других членов СД, в том числе всех местных представителей и агентов, почетных или каких-либо других, независимо от того, являлись ли они формально членами СС или нет.

Трибунал признает преступной согласно Уставу группу, состоящую из тех членов гестапо и СД, занимавших посты, перечисленные в предыдущем параграфе, которые вступили в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или как члены организации лично принимали участие в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является то, участвовала ли организация в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной; поэтому эта группа, признанная преступной, не может включать лиц, которые более не занимали постов, перечисленных в предыдущем параграфе, после 1 сентября 1939 г.

СС

Структура и составные части

Обвинение назвало охранные отряды национал-социалистской рабочей партии Германии (общеизвестные под названием СС) в качестве организации, которая должна быть признана преступной. Тот раздел обвинения, в котором говорится об СС, включает также и службу безопасности рейхсфюрера СС (общеизвестную под названием СД). Последняя организация, бывшая

первоначально разведывательным отделом СС, впоследствии стала важной частью организации полиции безопасности и СД, которые рассматриваются в приговоре Трибунала в разделе, посвященном гестапо.

Организация СС была сформирована впервые Гитлером в 1925 г. как отборная группа СА для политических целей под предлогом охраны ораторов, выступающих на открытых собраниях нацистской партии. После того как нацисты захватили власть, СС стала использоваться для поддержания порядка и наблюдения за присутствующими на массовых демонстрациях, и по указу фюрера ей была поручена дополнительная функция по охране «внутренней безопасности». СС играла важную роль во время «чистки Рема», 30 июня 1934 г., и вскоре после этого за свои заслуги была сделана самостоятельной организацией нацистской партии.

В 1929 г., когда Гиммлер был впервые назначен рейхсфюрером, организация СС состояла из 280 человек, которых считали особенно благонадежными. В 1933 г. она состояла из 52 тысяч человек, набранных из самых различных слоев общества. Первой организацией СС были «Общие СС», которые к 1939 г. выросли в корпус, построенный на военной основе, с подразделением на дивизии и полки, общей численностью в 240 тысяч человек. Во время войны эта организация уменьшилась почти до 40 тысяч человек.

СС первоначально состояла из двух отдельных организаций — военных отрядов СС, состоявших из членов СС, добровольно согласившихся на четырехлетнюю военную службу вместо обязательной службы в армии, и соединений СС «Мертвая голова» — специальных войск для охраны концентрационных лагерей, которые с 1934 г. вошли в ведение СС. Военные отряды СС были сформированы в военные подразделения, которые должны были использоваться вместе с армией в случае мобилизации. Летом 1939 г. военные отряды были превращены в моторизованную дивизию, образовавшую ядро вооруженных сил, которые в 1940 г. стали известны под названием войск СС. В то время войска СС состояли из 100 тысяч человек, 56 тысяч из них пришли из военных отрядов СС, а остальные — из «Общих СС» и соединений «Мертвая голова». К концу войны в них насчитывалось около 580 тысяч человек — 40 дивизий. Войска СС в тактическом отношении подчинялись армии, но получали все свое снабжение и экипировку через административные отделы СС и находились под их дисциплинарным контролем.

Центральная организация СС имела 12 главных управлений. Наиболее важными из них были следующие: главное имперское

управление безопасности, о котором уже говорилось выше; главное управление по административно-хозяйственным вопросам, которое наряду с остальными своими функциями ведало концентрационными лагерями; управление по вопросам расы и поселений совместно с вспомогательными управлениями по репатриации расовых немцев («фольксдейч-миттельштелле»).

Центральная организация СС имела также правовой отдел, имела свою собственную правовую систему, и ее личный состав подлежал юрисдикции специальных судов.

К главным управлениям СС были также присоединены исследовательские институты, известные под названием институтов по вопросам наследственности (аненэрбе). Утверждалось, что ученые этой организации в основном были почетными членами СС. Во время войны к институтам по вопросам наследственности был присоединен институт военных научных изысканий, который проводил опыты в широких масштабах, используя в качестве объектов живых людей. Сотрудником этого института был некий доктор Рашер, который проводил свои эксперименты с полного ведома института по вопросам наследственности, эти опыты субсидировались и проводились под покровительством рейсхфюрера СС, который был инициатором создания этого института.

С 1933 г. началось постепенное, но всестороннее слияние полиции и СС. В 1936 г. Гиммлер, рейхсфюрер СС, стал начальником германской полиции и получил в свое ведение регулярную полицию и полицию безопасности.

Гиммлер установил систему, согласно которой высшие руководители СС и полиции, назначаемые для каждого военного округа, были его личными представителями для координирования деятельности полиции порядка, полиции безопасности и СД и «Общих СС» в пределах их юрисдикции. В 1939 г. действия СС и полиции были скоординированы путем приема всех должностных лиц полиции порядка и полиции безопасности в СС, причем чины, которые они имели в полиции, соответственно сохранялись и в СС.

До 1940 г. СС была организацией, основанной исключительно на добровольных началах. После же образования войск в 1940 г. число мобилизованных в войска СС стало постепенно возрастать. По-видимому, около трети всего числа вступивших в войска СС были мобилизованы, причем пропорция мобилизованных возросла к концу войны по сравнению с началом войны; но все же до конца войны продолжался приток добровольцев в значительных размерах.

Преступная деятельность

Части СС были активными участниками мероприятий, приведших к агрессивной войне. Военные отряды СС использовались при оккупации Судетской области, Богемии и Моравии и Мемеля. «Свободный корпус» Генлейна находился под юрисдикцией рейхсфюрера СС во время операции в Судетской области в 1938 г., а «фольксдейчмит-тельштелле» финансировало там деятельность пятой колонны.

Организация СС была еще более активным участником в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Благодаря своему контролю над организацией полиции, в частности полиции безопасности и СД, организация СС участвовала во всех преступлениях, которые были описаны в том разделе приговора, который относится к гестапо и СД.

Другие отделы СС были также в равной степени причастны к этой преступной программе. Имеются доказательства того, что расстрел невооруженных военнопленных был обычным явлением в некоторых дивизиях войск СС. 1 октября 1944 г. охрана военнопленных и интернированных лиц была передана в ведение Гиммлера, который, в свою очередь, передал дела о военнопленных обергруппенфюреру СС Бергеру и обергруппенфюреру СС Полю.

Ведомство СС по вопросам расы и поселений вместе с «фольксдейчмиттель-штелле» проявляли активность в осуществлении планов германизации оккупированных территорий в соответствии с расистскими принципами нацистской партии и были причастны к депортации евреев и других лиц не немецкой национальности.

Подразделения войск СС и эйнзатцгруппы, действовавшие непосредственно под руководством главного управления СС, использовались для осуществления этих планов. Эти подразделения были также замешаны в широко распространенных убийствах гражданского населения и в жестоком обращении с ним на оккупированных территориях. Под предлогом борьбы с партизанскими отрядами подразделения СС уничтожали евреев и лиц, которых СС считала политически нежелательными; их отчеты свидетельствуют об уничтожении огромнейшего числа людей. Дивизии войск СС ответственны за множество убийств и зверств на оккупированных территориях, как, например, за резню в Орадуре и Лидице.

Начиная с 1934 г. СС была ответственна за охрану концентрационных лагерей и управление ими. Представленные доказательства не оставляют сомнения в том, что постоянное зверское обращение с заключенными концентрационных лагерей являлось результатом общей политики, проводимой СС и состоявшей в том,

что заключенные лагерей рассматривались как представители низших рас, на которых следовало смотреть с презрением. Имеются доказательства того, что в тех случаях, когда это позволял наличный состав членов СС, Гиммлер стремился к тому, чтобы состав батальонов охраны постоянно сменялся с тем, чтобы все члены СС прошли инструктаж по поводу тех методов, которые необходимо применять по отношению к представителям низших рас.

После 1942 г., когда концентрационные лагеря были переданы в ведение ВФХА, они использовались как источник рабской рабочей силы. 18 сентября 1942 г. было заключено соглашение с министром юстиции, по которому все антиобщественные элементы, отбывшие срок своего тюремного заключения, должны были передаваться в распоряжение СС для умерщвления их непосильным трудом.

Полиция безопасности и СД и даже войска СС постоянно использовались для обеспечения работ, проводимых СС в концентрационных лагерях, нужной для этого рабочей силой. В связи с тем что концентрационные лагеря находились в ведении СС, она начала целую серию экспериментов над людьми, используя для этого военнопленных и заключенных концентрационных лагерей. Эти эксперименты включали замораживание до смерти и убийства отравленными пулями. СС сумела получить правительственные фонды для исследований подобного рода на том основании, что члены этой организации имели доступ к человеческому материалу, который не был доступен другим организациям.

СС играла особенно значительную роль в преследовании евреев. СС принимала непосредственное участие в демонстрациях 10 ноября 1938 г. Вывоз евреев с оккупированных территорий проводился под руководством СС и при содействии частей полиции СС. Центральные организации СС руководили операциями по истреблению евреев. Фактически это проводилось в жизнь соединениями СС.

Эйнзатцгруппы принимали участие в массовой резне евреев. В этих действиях были замешаны также полицейские части СС. Например, резня евреев в Варшавском гетто проводилась под руководством бригаденфюрера СС и генерал-майора полиции Штропа. Специальная группа, выделенная из центральной организации СС, распоряжалась вывозом евреев из различных государств-сателлитов стран оси; истребление евреев проводилось в концентрационных лагерях, находящихся в ведении ВФХА.

Невозможно выделить какую-либо часть СС, которая не принимала бы участия в этой преступной деятельности. «Общие СС» являлись активным участником преследования евреев и использовались для охраны концентрационных лагерей. Войска СС не-

посредственно участвовали в убийствах военнопленных и зверствах, совершаемых в оккупированных странах. Из личного состава частей СС создавались эйнзатцгруппы; СС осуществляла охрану концентрационных лагерей после того, как в ее состав были включены части «Мертвая голова», под контролем которых первоначально находилась система охраны.

При совершении зверств в оккупированных странах и истреблении евреев там также широко использовались различные части полиции СС.

Центральная организация СС осуществляла верховное руководство над деятельностью этих различных соединений и несла ответственность за планы специального характера, как, например, эксперименты над людьми и «окончательное разрешение» еврейского вопроса.

Трибунал приходит к заключению, что преступная деятельность была достаточно широко известна членам организации для того, чтобы оправдать признание СС преступной организацией в той мере, в какой это будет изложено ниже. Есть данные о том, что были предприняты попытки сохранить втайне отдельные фазы этой деятельности, однако преступная программа в целом была настолько распространена и включала в себя убийства в таких колоссальных масштабах, что преступная деятельность организации должна была получить широкую известность.

Более того, следует признать, что преступная деятельность СС самым логичным образом вытекала из тех принципов, на которых строилась эта организация. Было сделано все возможное для того, чтобы превратить СС в высокодисциплинированную организацию, составленную из цвета национал-социалистов. Гиммлер утверждал, что в Германии были люди, «которых тошнило при виде черных мундиров»; он заявлял, что он не ждет «проявления со стороны многих слишком бурной любви к членам организации». Гиммлер также излагал свою точку зрения, заключавшуюся в том, что на обязанности СС лежало увековечивание отборных элементов расы в целях превращения Европы в германский континент; СС были переданы инструкции, заключавшиеся в том, что ей поручается оказывать содействие нацистскому правительству в окончательном установлении господства над Европой и в уничтожении всех низших рас.

Эта мистическая и фанатическая вера в превосходство нордических немцев превратилась в заученное презрение и даже ненависть к другим расам, приведшие к преступной деятельности такого типа, как это описано выше, что рассматривалось не только как само собой разумеющееся явление, но было даже предметом гордости...

Заключение

СС использовалась для целей, которые согласно Уставу являются преступными и включают преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершаемые при управлении оккупированными территориями, проведении в жизнь программы использования рабского труда, и жестокое обращение с военнопленными и их убийства. Подсудимый Кальтенбруннер являлся членом СС и замешан в этой деятельности.

Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, в том числе членов «Общих СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС. Трибунал не включает в это число так называемые кавалерийские соединения СС. Вопрос о службе безопасности рейхсфюрера СС (общеизвестной под названием СД) рассматривается в приговоре Трибунала по делу гестапо и СД.

Трибунал объявляет преступной согласно определению Устава группу, состоящую из тех лиц, которые были официально приняты в члены СС и перечислены в предыдущем параграфе1, которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или тех лиц, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений, исключая, однако, тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора, а также тех лиц, которые не совершали подобных преступлений.

Настоящее решение основывается на участии этой организации в военных преступлениях и преступлениях против человечности, связанных с войной; эта группа, признаваемая преступной, не включает поэтому лиц, которые перестали быть членами организаций, перечисленных в предыдущем параграфе, до 1 сентября 1939 г.<...>

В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании ст. 27 Устава Международный военный трибунал приговорил:

1. Германа Вильгельма Геринга — к смертной казни через повешение.

2. Рудольфо Гесса — к пожизненному заключению.

3. Иоахима фон Риббентропа — к смертной казни через повешение.

4. Вильгельма Кейтеля — к смертной казни через повешение.

5. Эрнста Кальтенбруннера — к смертной казни через повешение.

6. Альфреда Розенберга — к смертной казни через повешение.

7. Ганса Франка — к смертной казни через повешение.

8. Вильгельма Фрика — к смертной казни через повешение.

9. Юлиуса Штрейхера — к смертной казни через повешение.

10. Вальтера Функа — к пожизненному тюремному заключению.

11. Карла Деница — к тюремному заключению сроком на десять лет.

12. Эриха Редера — к пожизненному тюремному заключению.

13. Бальдура фон Шираха — к тюремному заключению сроком на двадцать лет.

14. Фрица Заукеля — к смертной казни через повешение.

15. Альфреда Йодля — к смертной казни через повешение.

16. Артура Зейсс-Инкварта — к смертной казни через повешение.

17. Альберта Шпеера — к тюремному заключению сроком на двадцать лет.

18. Константина фон Нейрата — к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет.

19. Мартина Бормана — к смертной казни через повешение.

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет в Германии в течение четырех дней после оглашения приговора через Генерального секретаря Трибунала.

Приговор составлен в четырех экземплярах — на русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Члены Международного Трибунала: Их заместители:

От Великобритании — Председательствующий
Джеффри ЛОРЕНС *Норман БИРКЕТТ*

От Союза Советских Социалистических Республик
Иона НИКИТЧЕНКО *Александр ВОЛЧКОВ*

От Соединенных Штатов Америки
Фрэнсис БИДДЛ *Джон ПАРКЕР*

От Французской Республики
Анри ДОННЕДЬЕ де ВАБР *Робер ФАЛЬКО*

Нюрнберг, 1 октября 1946 г.

Глава 43
«Жесткий жест» советского судьи

Приговор Международного военного трибунала неизменно считается справедливым и заслуженным. Однако с первого дня его оглашения и по день сегодняшний подвергается критике его оправдательная часть, а также мягкий приговор Р. Гессу. Квинтэссенция возражений содержится в Особом мнении, с которым выступил судья от СССР, генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко. В письменном виде оно было приобщено к приговору.

Сотрудник секретариата Нюрнбергского процесса А. И. Полторак приводит высказывания прессы, сделанные по горячим следам события. «Русские оговорки в связи с решением трибунала встретят много симпатий и понимания», — писала шведская газета «Афтонтиднинген». «Точка зрения, высказанная русским представителем в трибунале, вызывает в странах, подвергшихся немецкой оккупации, самую горячую симпатию», — вторила ей норвежская газета «Арбейтер бладет».

Секретарь национальной гильдии юристов США взялся объяснить подоплеку оправдательных усилий. Он считал, что оправдание Шахта может быть истолковано лишь в том смысле, что «нацистские промышленники и финансисты, субсидировавшие нацистскую партию и создавшие экономическую базу, без которой Гитлер был бы бессилен, не разделяют вины за агрессию и преступления против человечества... Подлинный смысл оправдания Шахта становится понятным, если рассматривать его только как часть всей политики США и Англии в отношении Германии».

Оправдание вызвало протест не только у советского судьи, официально выступившего с Особым мнением, но и у других участников процесса. Известно, что Главный обвинитель от США Роберт X. Джексон, прекрасно знавший зловещую роль германских промышленников и финансистов, был удивлен оправданием Шахта. Изумились даже некоторые соратники «финансового гения» нацистов. По свидетельству очевидцев, Геринг, услышав о снятии обвинений с Шахта, вскипел, сорвал с себя наушники и с силой швырнул их на пол.

Со временем перестало быть секретом то, что у оправданных было немало влиятельных ходатаев. Американский судья Биддл вспоминал, например, как накануне процесса встречался с папой римским: «Я оставался наедине с его преосвященством 15 минут... Фрау фон Папен просила, чтобы он ходатайствовал за ее мужа, и папа просил меня сделать все, что в моих силах, для того, чтобы суд над Папеном был справедливым». Какой смысл вкладывал в слово «справедливый» в этом диалоге понтифик, думается, ясно...

По поводу снятия обвинений с Шахта, Папена и Фриче даже в Германии прошли митинги протеста. На демонстрацию в Лейпциге вышло сто тысяч человек. Они несли лозунги: «Смерть военным преступникам!», «Мы хотим длительного мира!», «Народный суд над Папеном, Шахтом и Фриче!», «Мы хотим спокойствия и мира!». Такие же шествия состоялись в Дрездене, Галле и Хемнице.

Оправдание правительства Третьего рейха, генштаба и верховного командования тоже вызвало много нареканий, хотя и было встречено менее болезненно. Суд объяснил его формальными причинами. Дескать, эти структуры трудно определить как группы или организации и проще подвергнуть суду их конкретных представителей. При этом на словах трибунал заклеймил генштаб и верховное главнокомандование как «касту безжалостных милитаристов», «опозоривших почетную профессию воина».

И здесь И. Т. Никитченко не был одинок в своей критике. Например, Главный обвинитель от США Джексон в докладе президенту Трумэну назвал это оправдание «весьма прискорбным».

В то же время Никитченко не стал заострять внимание суда и общественности на исключении из списка преступных организаций штурмовых отрядов (СА). Причина, видимо, в том, что нацистские вожди сами обезглавили СА в 1934 г. («ночь длинных ножей»), после чего их роль в Германии резко упала.

Троица оправданных трибуналом — Шахт, Папен и Фриче — в глубине души, видимо, хорошо понимала, что вина их существует. Они вовсе не спешили воспользоваться свободой, а наоборот, письменно просили полковника Эндруса оставить их в тюрьме и потом переправить в нужные им места под американской охраной.

В ответ на письмо администрация тюрьмы сообщила, что будет держать их в камерах до вечера 4 октября, а именно до 21 часа 15 минут, а затем доставит в любую точку в американской зоне оккупации.

По какой-то причине Шахт передумал добровольно продлять заключение и вышел из тюрьмы. Опасения были правильными. У ворот тюрьмы его арестовала немецкая полиция по списку лиц, подлежащих денацификации. Шахт снова попал под суд, на этот раз немецкий. В 1947 г. он был признан одним из виновников установления власти национал-социалистов и осужден на 8 лет исправительных работ. Некий приговор вроде бы состоялся. Однако финансисту вновь повезло. В сентябре 1948 г., после пересмотра приговора, он оказался на свободе.

Подверглись процедуре денацификации и двое других оправданных. В 1947 г. приговорен к 8 месяцам исправительных работ бывший рейхсканцлер Папен. Он был освобожден в 1949 г. В том же 1947 г. по обвинению в разжигании антисемитизма и распространении заведо-

мо ложной информации был привлечен к ответственности «гениальный радиокомментатор» и «рейхспрессешеф» Фриче. Строгостей также не последовало, и в 1950 г. дело было прекращено на стадии следствия.

ШАХТ Ялмар (1877–1970) — государственный деятель, банкир, рейхсминистр экономики. Детство провел в США. Получил экономическое образование в Киле, Мюнхене и Берлине. С 1903 г. работал в «Дрезднер Банке» и других финансовых учреждениях, возглавлял собственный банк. Участник Первой мировой войны. В 1923–1930 гг. и 1933–1939 гг. — президент Имперского банка. Имел репутацию выдающегося финансиста. В 1933 г. способствовал назначению Гитлера рейхсканцлером. В 1935–1937 гг. — министр экономики. С 1935 г. — генеральный уполномоченный по оборонной промышленности. В 1937–1939 гг. покинул все занимаемые посты и установил связи с гражданским движением Сопротивления. После провала заговора против Гитлера в июле 1944 г. был арестован и до конца войны находился в концлагерях Равенсбрюк, Флоссенбург и Дахау. В 1945 г. был арестован американцами в Австрии. Выступил в роли обвиняемого на процессе в Нюрнберге, однако был оправдан. В последующие годы работал в финансовых учреждениях, в частности, «Банке внешней торговли Шахта и К°». Умер в 1970 г.

ПАПЕН Франц (1879–1969) — политический деятель, дипломат. Кадет, паж императорского двора. С 1899 г. — лейтенант. В 1907–1910 гг. учился в военной академии в Берлине. В 1911–1912 гг. служил в генеральном штабе. С 1913 г. — капитан, военный атташе в Вашингтоне. В 1915 г. отозван по обвинению в шпионаже. Участник Первой мировой войны. В 1916 г. — командир батальона на французском фронте. Затем служил на штабных должностях во Франции, Месопотамии и Палестине. В конце войны — подполковник, военный советник в турецкой армии. В 1923–1931 гг. главный акционер и председатель наблюдательного совета газетного издательства «Германия». 1 июня 1932 г. занял пост рейхсканцлера. 20 июня 1932 г. назначен имперским комиссаром Пруссии. 17 ноября 1932 г. вернулся на должность рейхсканцлера. С 1933 по 1945 г. — депутат рейхстага. Способствовал приходу нацистов к власти. С 30 января 1933 г. по 30 июля 1934 г. был вице-канцлером в первом кабинета министров Гитлера. Во время путча Рема был помещен под домашний арест на три дня. С 1934 по 1938 г. работал послом в Вене, способствовал осуществлению аншлюса Австрии. С 1939 по август 1944 г. — посол в Анкаре. В апреле 1945 г. был арестован американцами в Руре. Оправдан на Нюрнбергском процессе. Умер в 1969 г.

ФРИЧЕ Ганс (1900–1953) — радиокомментатор, рейхспрессешеф, деятель министерства народного просвещения и пропаганды.

Участник Первой мировой войны — рядовой. С 1923 г. — редактор журнала «Пруссише ярбюхер». С 1932 г. — руководитель Германской службы радионовостей. С 1 мая 1933 г. — руководитель службы новостей отдела прессы министерства пропаганды. В ноябре 1942 г. Фриче — «полномочный представитель политической организации Великого германского радио». Он стал самым популярным комментатором Третьего рейха. В работе использовал основные постулаты гитлеровской доктрины: «заговор мирового еврейства», «плутократическая демократия» Запада, «большевистская опасность», «жизненное пространство» и «принцип фюрерства». Как глава германской пресс-службы он отвечал за «правильную» национал-социалистскую линию международных пресс-служб и почти двух тысяч газет и журналов. На совещаниях с представителями ведущих изданий он сообщал им, что следует и что не следует публиковать. Он был обвиняемым на Нюрнбергском процессе, но был оправдан. Умер в 1953 г.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ ЧЛЕНА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ОТ СССР ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЮСТИЦИИ И. Т. НИКИТЧЕНКО НА ПРИГОВОР В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМЫХ ШАХТА, фон ПАПЕНА, ФРИЧЕ И ГЕССА И ОБВИНЯЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Трибунал принял решение:

а) об оправдании подсудимых Ялмара Шахта, Франца фон Папена и Ганса Фриче;

б) о применении пожизненного заключения в отношении подсудимого Рудольфа Гесса;

в) об отказе в признании преступными организациями правительственного кабинета, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.

В этой части с решением Трибунала я не могу согласиться, так как оно не соответствует фактической стороне дела и покоится на неправильных выводах.<...>

IV. О МЕРЕ НАКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОМУ РУДОЛЬФУ ГЕССУ

Приговор Суда дает правильную и полную характеристику того особого положения, которое занимал в системе руководства гитлеровской партии и государства подсудимый Рудольф Гесс.

Он действительно был «ближайшим доверенным лицом Гитлера».

Гессу были предоставлены исключительно большие полномочия.

В этой связи достаточно указать на декрет Гитлера о назначении Гесса своим заместителем. Там было сказано: «Настоящим я назначаю Гесса моим заместителем и даю ему полную власть выносить решения от моего имени по всем вопросам партийного руководства». (Стенограмма вечернего заседания 7 февраля 1946 г.)

Но компетенция Гесса отнюдь не ограничивалась вопросами партийного руководства.

В официальном издании НСДАП «Партийный ежегодник на 1941 год» сказано: «В дополнение к обязанностям партийного руководителя заместитель фюрера обладает далеко идущими полномочиями в области государства. Этими полномочиями являются: во-первых, участие в национальном и государственном законодательстве, включая подготовку приказов фюрера. Заместитель фюрера, таким образом, утверждает концепцию партии...;

...во-вторых, заместитель фюрера одобряет предполагаемые назначения официальных лиц и лидеров трудовой службы;

в-третьих, он обеспечивает влияние партии на самостоятельные правительства объединенных провинций». (Документ США-255, ПС-3163.)

Гесс был решительным приверженцем агрессивной политики Гитлера. Совершенные им преступления против мира достаточно полно отражены в приговоре Суда. Последним из этих преступлений следует считать миссию, принятую на себя Гессом при отлете в Англию, рассчитанную на то, чтобы облегчить осуществление агрессии против Советского Союза путем временного замирения с Англией.

Неудача этой миссии привела к изоляции Гесса, и он не принимал непосредственного участия в планировании и совершении последующих преступлений гитлеризма.

Однако не подлежит сомнению то, что Гесс сделал все зависящее от него для подготовки этих преступлений.

Гесс наряду с Гиммлером выступил в роли создателя тех эсэсовско-полицейских организаций германского фашизма, которые впоследствии осуществили наиболее жестокие преступления против человечества.

Подсудимый прямо указывал на «особые задачи», которые должны быть выполнены эсэсовскими формированиями на оккупированных территориях.

При создании войск СС («Ваффен СС») Гесс издал через партийную канцелярию специальный приказ, в котором обязывал органы гитлеровской партии всемерно содействовать набору в

эти войска членов партии. Он следующим образом формулировал тогда задачи, стоящие перед «Ваффен СС»:

«Соединения войск СС, состоящие из национал-социалистов, благодаря их усиленной национал-социалистской подготовке в отношении проблем расы и национальности, более подходят, чем другие вооруженные соединения, для специальных задач, которые должны разрешаться на оккупированных восточных территориях». (Документ ВБ-267, ПС-3245.)

Еще в 1934 г. подсудимый выступил в качестве инициатора предложения, чтобы так называемая «СД при рейхсфюрере СС» (служба безопасности) приобрела исключительные полномочия, став главенствующей силой в фашистской Германии. 9 июня 1934 г. Гесс издал декрет, согласно которому «СД при рейхсфюрере СС» была объявлена «единственной организацией службы политической информации и защиты партии». (Документ ВБ-257.)

Таким образом, подсудимый принимал непосредственное участие в создании и укреплении системы специальных полицейских органов, подготовляемых для совершения преступлений на оккупированных территориях.

Гесс всегда выступал как последовательный сторонник человеконенавистнической теории «высшей расы».

В речи, произнесенной еще 16 января 1937 г., он, говоря о воспитании немецкого народа, указывал: «Они должны быть воспитаны таким образом, чтобы ставить немцев выше людей других наций, независимо от их социального положения или происхождения». (Документ ВБ-253, ПС-3124.)

Гессом был подписан так называемый «Закон о защите крови и чести» от 15 сентября 1935 г. (Документ США-200, ПС-3179.) В тексте этого закона было указано, что «заместителю фюрера поручается издать необходимые декреты и постановления» для практического проведения в жизнь нюрнбергских законов.

14 ноября 1935 г. Гессом был издан указ согласно закону об имперском гражданстве, по которому евреи лишались права голосовать при выборах и занимать общественные посты. (Документ ВБ-258, ПС-1417.)

20 мая 1938 г. декретом за подписью Гесса действие нюрнбергских законов было распространено на Австрию. (Документ ВБ-259, ПС-2124.)

12 октября 1939 г. Гесс подписал декрет «об учреждении администрации польских оккупированных территорий». («Рейхсгезетцблатт» № 210, 1939 г., с. 2077.) Статьей 2 этого декрета подсудимому Франку были предоставлены в Польше права диктатора.

Имеются веские доказательства того, что подсудимый не ограничился этим общим распоряжением, вводившим на территориях оккупированной Польши режим произвола. Как видно из письма имперского министра юстиции к начальнику имперской канцелярии от 17 апреля 1941 г., Гесс явился инициатором создания особых «уголовных законов» для поляков и евреев на оккупированных восточных территориях. Роль подсудимого в создании этих «законов» характеризуется министром юстиции следующим образом:

«В соответствии с мнением заместителя фюрера я исходил из той точки зрения, что поляк менее чувствителен к обычному тюремному заключению...» Согласно этим новым видам наказания «заключенные должны содержаться вне тюрем в лагерях и должны быть принуждены к тяжелейшему труду...». «Введение телесного наказания, которое заместитель фюрера вынес на обсуждение, не было включено в проект. Я не могу согласиться с этим видом наказания...» «Судопроизводство, включавшее предъявление обвинения, было упразднено, поскольку казалось совершенно невыносимым, чтобы поляки или евреи могли иметь возможность заставить германского обвинителя предъявлять им обвинительное заключение. Поляки и евреи были также лишены права возбуждать судебное преследование от своего имени или привлекаться на стороне обвинения». «С самого начала имелось намерение, в случае нужды, увеличить «особые условия». Когда эта нужда через некоторое время стала явной, был издан... дополнительный указ, на который имелась ссылка в письме заместителя фюрера». (Документ ВБ-268, Р-96.)

Таким образом, не подлежит сомнению, что Гесс наряду с другими главными военными преступниками виновен в совершении преступлений против человечества.

Учитывая, что Гесс был третьим по значению политическим руководителем в гитлеровской Германии, что он играл решающую роль в преступлениях фашистского режима, я считаю единственно правильной мерой наказания для него — смертную казнь.

V. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ О ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ КАБИНЕТЕ

Комитет обвинителей поставил перед Трибуналом вопрос о признании преступной организацией правительственного кабинета фашистской Германии. Приговор необоснованно отвергает предложение обвинителей, не признавая гитлеровское правительство преступной организацией.

С этим решением я согласиться не могу.

Трибунал признал установленным, что гитлеровцами совершены бесчисленные и чудовищные преступления.

Трибунал признал установленным, что эти преступления, как правило, совершались преднамеренно и организованно, по заранее разработанным планам и директивам.

Трибунал признал преступными несколько массовых организаций гитлеровского режима, которые были созданы гитлеровцами для выполнения их планов.

При этих условиях представляется тем более необоснованным и принципиально неправильным отказ в признании преступной организацией гитлеровского правительства, которое являлось руководящим штабом, принимавшим прямое участие в разработке этих преступных планов. Члены этого штаба были наделены большой властью, руководили соответствующими ведомствами, каждое из которых по своей линии участвовало в составлении и претворении в жизнь этих планов.

В подтверждение уместно привести несколько фактов.

Немедленно после захвата фашистами власти — 24 марта 1933 г. был издан закон «О защите народа и государства», которым имперскому правительству, помимо рейхстага, было предоставлено право законодательства.

26 мая 1933 г. имперское правительство издает указ о конфискации собственности коммунистических организаций, а 14 июля того же года конфискует собственность социал-демократических организаций. 1 декабря 1933 г. имперское правительство публикует закон «Об обеспечении единства партии и государства».

Продолжая ликвидацию демократических институтов, имперское правительство в 1934 г. законом «О реконструкции империи» отменяет демократические выборы в центральные и местные представительные учреждения. Рейхстаг превращается в учреждение, не имеющее реального значения. (Стенограмма вечернего заседания 22 ноября 1945 г., с. 23–25.)

Законом от 7 апреля 1933 г. и другими все государственные служащие, в том числе и судьи, замеченные когда-либо в антифашистских настроениях или в принадлежности к левым организациям, а также евреи, были уволены со службы и заменены фашистами. Согласно «Основным положениям немецкого закона о чиновниках» от 26 января 1937 г. «внутренняя связь чиновника с партией является предпосылкой для его назначения на должность... Чиновник должен быть исполнителем воли национал-социалистского государства, руководимого НСДАП». (Документ защиты № 28, с. 59.)

1 мая 1934 г. создается министерство образования, которому поручается воспитание учащихся в духе милитаризма, расовой непримиримости и извращенного фашистскими бредовыми идеями представления о действительности. (Документ ПС-2078.)

Уничтожаются свободные профсоюзы, собственность их конфискуется, а большинство руководителей заключается в тюрьмы.

Для подавления всякого сопротивления правительством создаются гестапо и концентрационные лагеря. Без всякого суда и предъявления какого-либо конкретного обвинения арестовываются и истребляются сотни тысяч людей по одному подозрению в антифашистских настроениях.

Были изданы так называемые нюрнбергские законы против евреев. Члены имперского правительства — Гесс и Фрик издали дополнительные декреты в развитие этих законов.

Деятельность гитлеровского правительства привела к войне, унесшей миллионы человеческих жизней и причинившей неисчислимый материальный ущерб и неизмеримые страдания народам.

4 февраля 1938 г. Гитлер создал тайный совет министров, в следующих словах определив его назначение: «Для помощи мне советами по вопросам внешней политики я создаю тайный совет». («Рейхсгезетцблатт», 1938 г., ч. 1, с. 112, документ ПС-2031.) Внешняя политика гитлеровского правительства была политикой агрессии. Поэтому члены тайного совета должны быть признаны ответственными за эту политику.

На процессе были попытки представить тайный совет как фиктивный, никогда практически не функционировавший. Однако с этим согласиться нельзя. Достаточно вспомнить письмо Розенберга к Гитлеру, в котором Розенберг настойчиво добивается назначения в качестве члена тайного совета министров, чтобы оценить значение этого совета.

Еще большее значение в практической подготовке агрессивных войн имел имперский совет обороны, возглавляемый Герингом. Членами совета обороны, как известно, являлись: Гесс, Фрик, Функ, Кейтель, Редер, Ламмерс. (Документы ПС-2194, ПС-2018.)

Значение совета обороны и его роль в подготовке войн были охарактеризованы Герингом на заседании от 23 июня 1939 г. «Совет обороны империи является решающим центром в империи по вопросам подготовки к войне». (Документ ПС-3787, США-782.)

Тогда же Геринг подчеркнул, что «заседания совета обороны созываются для принятия самых важных решений». Из представленных обвинением протоколов заседаний имперского совета обороны видно, что совет действительно принимал очень важные решения. Из этих протоколов также видно, что в обсуждении мероприятий по подготовке к войне наряду с членами совета обороны участвовали и другие министры. Так, на заседании 23 июня 1939 г. приняли участие министры: труда, продовольствия и сельского хозяйства, финансов, путей сообщения и другие, а протокол заседания был разослан всем министрам. (Документ США-782.)

Приговор Трибунала справедливо отмечает некоторые особенности гитлеровского правительства как руководящего государственного органа: отсутствие регулярных заседаний кабинета, издание в некоторых случаях законов отдельными министрами, пользовавшимися необычной самостоятельностью, огромная личная власть Гитлера. Эти особенности, однако, не опровергают, а лишь подтверждают вывод, что гитлеровское правительство — не обычное правительство, а преступная организация.

Конечно, Гитлер обладал весьма значительной личной властью, но это ни в коей мере не снимает ответственности с правительственного кабинета, члены которого были убежденными приверженцами Гитлера, наиболее приближенными к нему руководящими лицами, практически осуществлявшими и одобрявшими все его мероприятия, пока не пришлось за них отвечать.

Я считаю, что имелись все основания признать гитлеровское правительство преступной организацией.

VI. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ О ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ И ОКВ

В приговоре неправильно отвергается обвинение в преступной деятельности генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.

Отказ в признании преступной организацией генерального штаба и ОКВ противоречит фактическому положению вещей и доказательственным материалам, предъявленным в ходе судебного следствия.

Не подлежит сомнению, что руководящий состав вооруженных сил фашистской Германии наряду с партийно-эсэсовским аппаратом являлся важнейшим органом по подготовке и осуществлению агрессивных и человеконенавистнических планов. Это со всей определенностью признавалось и подчеркивалось самими гитлеровцами в их официальных изданиях, предназначенных для офицеров вооруженных сил. В фашистском партийном

издании «Политика и офицер третьей империи» прямо говорилось о том, что фашистский режим поддерживают и возглавляют «два столпа: партия и вооруженные силы. Они являются формами выражения той же философии жизни...», «задачи партии и вооруженных сил находятся в неразрывном единстве и в общей ответственности... они зависят от успеха или неуспеха друг друга». (Документ ПС-4060, США-928, с. 4.)

Эта органическая взаимосвязь между гитлеровским партийно-эсэсовским аппаратом и фашистскими вооруженными силами была особенно крепка на той верхней ступени военной иерархии, которую Обвинительный акт объединяет понятием преступной организации — генеральный штаб и ОКВ.

Самый подбор представителей верховного командования в гитлеровской Германии подчинялся критериям преданности режиму со стороны офицеров и их готовности сочетать осуществление агрессии с выполнением преступных директив в отношении обращения с военнопленными и мирным населением на оккупированных территориях.

Руководители германских вооруженных сил были отнюдь не просто офицерами, достигшими определенных ступеней военной иерархии. Они являлись, прежде всего, сплоченной группой, которой были доверены наиболее засекреченные планы гитлеровского руководства. Представленные доказательства полностью подтверждают, что военные руководители вполне оправдали это доверие и были убежденными сторонниками и ревностными исполнителями гитлеровских планов.

Не случайно во главе верховного командования военно-воздушными силами стоял «второй человек» фашистского «рейха» — Геринг; верховное командование военно-морскими силами возглавлял Дениц, впоследствии назначенный Гитлером своим преемником; верховное командование вооруженными силами было сосредоточено в руках Кейтеля, подписавшего большую часть директив об уничтожении военнопленных и мирного населения оккупированных территорий.

Поэтому не могут быть признаны уместными параллели с построением высшего военного командования в союзных государствах.

В демократической стране ни один уважающий себя военный специалист не будет подготовлять одновременно с разработкой чисто военных планов мероприятия по осуществлению массовых репрессий в отношении мирного населения или заранее санкционировать безжалостное обращение и убийство военнопленных.

Между тем именно этим занимались высшие руководители генерального штаба и ОКВ фашистской Германии. Факт совершения ими тягчайших преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности не только не отрицается, но специально подчеркивается в приговоре Суда. Однако из этого факта не сделано надлежащего вывода.

В приговоре сказано:

«Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными...»

И далее:

«Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались.

Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом должно быть сказано».

Все эти утверждения приговора справедливы и основываются на многочисленных достоверных судебных доказательствах. Непонятно только, почему «эта сотня высших офицеров», причинившая миру и своей собственной стране столько страданий, не признана преступной организацией.

В обоснование этого в приговоре приводятся противоречащие фактам утверждения:

а) что указанные преступления были совершены представителями генерального штаба и ОКВ как отдельными личностями, но не как членами преступного сообщества и

б) что генштаб и ОКВ были лишь орудием в руках заговорщиков и простыми интерпретаторами их воли.

Многочисленные доказательства опровергают эти выводы.

1. Руководящие представители генерального штаба и ОКВ наряду с узким кругом высших гитлеровских чиновников привлекались заговорщиками к разработке и осуществлению планов агрессии не как пассивные исполнители, но как активные участники заговора против мира и человечества.

Без их советов и активного содействия Гитлер вообще не мог бы разрешать эти вопросы. В большинстве случаев их мнение было решающим.

Невозможно представить себе, как могли осуществляться агрессивные планы гитлеровской Германии, если бы основной руководящий состав вооруженных сил их полностью не поддерживал.

Гитлер менее всего скрывал свои преступные планы и движущие их мотивы именно от руководящих представителей военного командования. Так, готовя нападение на Польшу, он еще 29 мая 1939 г. на совещании с высшими военачальниками в новой имперской канцелярии заявлял им:

«Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на Востоке».

«Таким образом, отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности». (Документ Л-79.)

Задолго до момента захвата Чехословакии в директиве от 30 мая 1938 г. Гитлер, обращаясь к представителям военного командования, цинично заявлял:

«Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности». (Документ ПС-388.)

Перед захватом Югославии в директиве, датированной 27 марта 1941 г., Гитлер, обращаясь к представителям верховного командования, писал:

«Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать как врага и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно». (Документ ПС-1746.)

Готовя нападение на СССР, Гитлер привлек представителей генштаба и ОКВ к разработке связанных с этим планов и директив отнюдь не как простых военных специалистов.

В «Указаниях о применении пропаганды в районе «Барбаросса», изданных ОКВ в июне 1941 г., указывалось:

«Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза». (Документ СССР-477.)

Уже 13 мая 1941 г. ОКВ предписало войскам применение любых террористических мер против гражданского населения временно оккупированных районов Советского Союза.

Там же специально оговаривалось: «Чтобы утверждались только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства». (Документ С-50.)

2. ОКВ и генеральным штабом были изданы наиболее жестокие постановления и приказы о беспощадных мероприятиях против безоружного мирного населения и военнопленных.

В «Распоряжении об особой подсудности в районе «Барбаросса» ОКВ, подготовляя нападение на Советский Союз, заранее отменило действие военных судов, предоставив право расправы с мирным населением отдельным офицерам и солдатам. Там говорилось, в частности: «Преступления враждебных гражданских лиц изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов... заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны... категорически запрещается сохранять заподозренных для предания их суду».

Там же предусматривались «самые крайние меры», в частности «массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников».

В этом же распоряжении ОКВ заранее гарантировало безнаказанность военным преступникам из числа военнослужащих германской армии.

Там говорилось: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок...»

В ходе войны верховное командование последовательно проводило эту линию, усиливая террор в отношении военнопленных и мирного населения оккупированных стран.

В директиве ОКВ от 16 сентября 1941 г. говорилось:

«Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости». (Документ ПС-98.)

ОКВ 23 июля 1941 г., обращаясь к командующим армейскими группировками, прямо ориентировало их на то, что «не в истребовании дополнительных охранных частей, но в применении соответствующих драконовских мер командующие должны находить средства для содержания в порядке своих районов безопасности». (Документ ПС-459.)

В директиве ОКВ от 16 декабря 1941 г. говорилось:

«Войска... имеют право и обязаны применять... любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху...» (Документ СССР-16.)

К числу наиболее жестоких директив ОКВ об обращении с военнопленными нужно отнести приказ под названием «Кугель» («Пуля»).

Основанием для применения смертной казни к военнопленным служили проступки, которые, согласно международным конвенциям, вообще не могли влечь за собой применения наказания (например, побег из лагеря).

В другом приказе — «Мрак и туман» — говорилось:

«За проступки такого рода кара, заключающаяся в лишении свободы и даже в пожизненном заключении, является признаком слабости. Добиться действительной эффективности можно только смертной казнью или такими мерами, которые обусловливают незнание населения о судьбе виновных». (Документ Л-90, США-503, стенограмма вечернего заседания 25 января 1946 г.)

В процессе судебного следствия были широко представлены доказательства применения этих приказов. Одним из примеров подобного рода преступлений является убийство 50 английских офицеров-летчиков. То обстоятельство, что это преступление было инспирировано верховным командованием, не вызывает сомнения.

ОКВ был также разослан приказ об уничтожении отрядов «командос». Суду представлен оригинал этого приказа. (Документ ПС-498, США-501.) Входившие в отряды «командос» солдаты и офицеры союзных армий согласно этому приказу должны были быть расстреляны, за исключением тех случаев, когда был необходим допрос, после которого их все равно расстреливали.

Приказ неуклонно выполнялся командующими армейскими группировками. В июне 1944 г. Рундштедт — главнокомандующий немецкими войсками на Западе, докладывал, что приказ Гитлера «об обращении с группами «командос» противника до настоящего времени выполняется». (Документ ПС-531, США-550.)

3. Верховное командование наряду с СС и полицией ответственно за все наиболее жестокие полицейские действия в оккупированных районах.

В инструкции «об особых областях», изданной ОКВ 13 марта 1941 г., предусматривалась необходимость согласования действий на оккупированных территориях между командованием армии и рейхсфюрером СС. Как видно из показаний начальника третьего управления РСХА и одновременно начальника эйнзатцгруппы «Д» Отто Олендорфа и начальника шестого управления РСХА Вальтера Шелленберга, во исполнение указаний ОКВ между генеральным штабом и РСХА было заключено соглашение об организации специальных «оперативных групп» полиции безопасности и СД — эйнзатцгрупп, придаваемых соответствующим армейским группировкам.

Преступления, совершенные эйнзатцгруппами на территории временно оккупированных районов, неисчислимы. Эйнзатц-

группы действовали в тесном контакте с командующими соответствующими армейскими группировками.

Весьма характерен для доказательства этой связи следующий отрывок из отчета эйнзатцгруппы «А»:

«...В наши задачи входило установить личный контакт с командующим и начальником тыла. Нужно отметить, что отношения с армией сложились самые лучшие, в некоторых случаях близкие, почти сердечные, как, например, с командующим танковой группой генерал-полковником Гепнером». (Документ Л-180.)

4. Представители верховного командования действовали во всех звеньях как члены преступной группы.

Директивы ОКВ и генштаба, несмотря на явные нарушения международного права и обычаев ведения войны, не только не вызывали протеста со стороны высших штабных офицеров и командования отдельных армейских групп, но неуклонно претворялись в жизнь и дополнялись изданными в развитие этих директив еще более жестокими приказами.

В этом отношении характерна обращенная к солдатам директива командующего армейской группировкой фельдмаршала фон Рейхенау: «Солдат на восточных территориях является не просто воином в соответствии с искусством ведения войны, но также является носителем беспощадной национальной идеологии». И далее, призывая к истреблению евреев, Рейхенау писал:

«Таким образом, солдат должен иметь полное понимание необходимости в жестоком и справедливом мщении против недочеловеков — евреев». (Документ США-556.)

В качестве примера можно также сослаться на приказ фельдмаршала фон Манштейна, адресованный солдатам. В этом приказе, исходя из «политических целей войны», фельдмаршал цинично призывал солдат вести ее, нарушая «установленные правила ведения войны в Европе». (Документ США-927.)

Таким образом, в ходе предъявления доказательств в полной мере установлено, что генеральный штаб и верховное командование гитлеровской армии представляли собою очень опасную преступную организацию.

Я счел своим долгом судьи написать особое мнение по тем важным вопросам, по которым я разошелся с решением членов Трибунала.

Член Международного Военного Трибунала от СССР
Генерал-майор юстиции *И. Т. Никитченко*
1 октября 1946 г.

Глава 44
Расстрел как непозволительная мягкость

С вынесением приговора деятельность первого Международного военного трибунала завершилась. 2 октября 1946 г. большинство судей и обвинителей уже собиралось в дорогу и с чувством выполненного долга разъезжалось по домам.

Но для осужденных к смертной казни главное событие было впереди. Они не знали, что исполнение приговора была назначено через пятнадцать дней после оглашения вердикта, не считая воскресений, но были уверены, что союзники тянуть с этим делом не будут. Со 2 по 5 октября, т. е. в течение предписанных четырех суток, почти все осужденные или их защитники подали свои апелляции. Согласно статье 29 Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. четырехсторонний Контрольный совет по Германии был наделен правом изменять некоторые приговоры и уменьшать сроки заключения.

Будучи реалистами, осужденные на казнь через повешение на помилование не надеялись, а просили применить другую экзекуцию — расстрел. Геринг не меньше, а, может быть, больше других желал смерти от пули, считая виселицу позором. Однако он не захотел просить снисхождения. За него, не уведомив подзащитного, это сделал адвокат Отто Штамер, который ходатайствовал о смягчении приговора или, в случае невозможности этого, о замене повешения расстрелом.

Иодль, который все еще не мог понять, за что он должен подняться на эшафот, сначала тоже не думал подавать апелляцию, но потом все-таки ее написал.

Совсем в другом направлении двигалась мысль гросс-адмирала Редера, приговоренного к пожизненному заключению: он просил Контрольный совет ужесточить наказание и заменить тюрьму смертной казнью.

Готовясь рассмотреть ходатайства, члены Контрольного совета обговаривали возможность «смягчить» участь Иодля до расстрела. Но «вмешалась» политическая директива, поступившая из Лондона. 7 октября лейбористское правительство Великобритании на внеочередном заседании рассмотрело вопрос о ситуации в Нюрнберге. Член Контрольного совета от этой страны главный маршал авиации Дуглас получил секретную телеграмму не удовлетворять прошений и не допускать никаких изменений в приговорах.

Правда, и без подобного мнения никто не был настроен на милости, за исключением случая Иодля. На заседании американский и французский представители высказались за его расстрел, но их кол-

леги, советский и британский, категорически с ними не согласились. Решение о расстреле Иодля не прошло.

Впоследствии, годы спустя, член Международного военного трибунала от Франции профессор Доннедье де Вабр уже официально высказал свою точку зрения, заявив, что Иодль был приговорен к повешению незаслуженно.

Просьба гросс-адмирала Редера также осталась без последствий, поскольку в руководящих документах «помилование» в виде ужесточения наказания не значилось.

В общем, приговор был оставлен без изменений.

Контрольный совет утвердил дату казни — 16 октября 1946 г.

Неверно думать, что у осужденных к высшей мере наказания все дела уже позади. Напротив, в любой тюрьме действует строгий регламент их последнего отрезка жизни. Так было и в Нюрнберге. Контрольный совет по Германии постановил, что осужденным предоставляется право прощальной встречи с родственниками. Продолжительность последнего свидания — один час в один из дней с 6 по 12 октября. До 12 часов 5 октября им разрешалось увидеться с адвокатами, чтобы оформить завещания, распорядиться личными вещами, передать письма и т. д.

Заявления приговоренных по поводу личных вещей были реализованы лишь частично. Уже после казни Четырехсторонняя комиссия решила, что все их ордена и другие знаки отличия с нацистской символикой нужно уничтожить, а родственникам передать только одежду, неценные личные вещи и деньги в сумме не более тысячи рейхсмарок. Предполагалось, что изъятые у нацистских вождей активы должны пойти на уплату издержек на ведение Нюрнбергского процесса, которые достигли 4,4 миллиона долларов.

При аресте в багаже и карманах многих нацистских вождей оказались немало весьма дорогих предметов. Например, у Деница был украшенный бриллиантами орден, который после удаления свастики отошел финансовому управлению оккупационных войск США в счет уплаты судебных издержек. Туда же ушли два золотых партийных значка Геринга в виде орлов с крыльями из платины, два золотых партийных значка Кейтеля и т. д. Их награды — у многих за две войны, кинжалы, маршальские жезлы и прочие недрагоценные предметы были уничтожены.

У Геринга ручная кладь представляла собой целую гору голубой кожи чемоданов. Многое из их содержимого он подарил персоналу тюрьмы, устанавливая полезные контакты, многое попросту растащили. Но и то, что было передано его жене, Эмме Геринг, кое о чем все же свидетельствует: два золотых портсигара — для сигар и сига-

рет, чемоданчик для туалетных принадлежностей, аптечка, пятеро разных часов, в том числе антикварные и с бриллиантами, серебряный резак для сигар и еще один резак, настольный, запонки, четыре драгоценные булавки, зажигалка, карманный навигационный циркуль с компасом и даже два комплекта конской сбруи в специальных чемоданах. Рейхсминистр иностранных дел Риббентроп с его единственными часами «Лонжин» и зубными мостами в сравнении с Герингом выглядел просто изгоем.

ТЮРЕМНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Прошу вас отправить все мои нижеперечисленные личные вещи моему адвокату, д-ру Георгу Фрешману, Нюрнберг, Вейландштрассе, 36, для последующей передачи моей жене, Аннелизе Риббентроп.

Не менее 36 000 марок наличными, которые должны были быть переданы полковником Эндрусом моей жене Аннелизе Риббентроп, и из которых, насколько мне известно, в действительности было передано лишь 3600 марок.

Одни золотые наручные часы фирмы Longines. Расписка тюремной администрации о принятии на хранение этих часов находится у д-ра Фрешмана либо у г-на Кунце; разные фотографии и письма, находящиеся в сумке для белья в моей тюремной камере; два документа по защите (копии, напечатанные под копировальную бумагу синего цвета), также находящиеся в бельевой сумке; один костюм, одна пара брюк серого цвета; различное белье; мои воспоминания, с. 108–126; одна заметка о политике в отношении евреев; два золотых зубных моста.

Иоахим фон Риббентроп

Глава 45
Приговоренные к повешению

В одну из последних ночей заключенные услышали, как во внутренний двор тюрьмы въезжают грузовые машины. Раздались звуки сгружаемых тяжелых предметов, а затем загремели молотки в спортивном зале. Ночной шум можно было истолковать единственным

образом: сооружались виселицы. Нервы сдали у Фрица Заукеля — у него началась истерика, тюрьма огласилась душераздирающим криком. Час казни приближался...

ИЗ ДОСЬЕ ОСУЖДЕННЫХ

ГЕРИНГ Герман (1893–1946) — государственный и военный деятель, рейхсмар-шал военно-воздушных сил, председатель совета обороны. Участник Первой мировой войны — лейтенант пехоты. Воевал в Эльзасе, далее перешел в авиацию. В 1918 г. командовал знаменитой эскадрильей «Рихтгофен», награжден многими орденами. С 1920 г. — шеф-пилот шведской авиакомпании. В 1922–1923 гг. изучал историю и экономику в Мюнхенском университете. Познакомился с Гитлером и в 1922 г. вступил в НСДАП. Гитлер использовал его авторитет героя войны и военный опыт. Создавал штурмовые отряды (СА). Командовал штурмовиками во время «пивного путча» 1923 г. Получил ранение. Бежал в Австрию, затем в Швецию. После объявления амнистии в 1926 г. вернулся в Германию. С 1932 по 1945 г. — президент рейхстага. С 1933 по 1945 г. — министр-президент Пруссии. С 1935 по 1945 г. — командующий военно-воздушными силами. С 1940 г. — рейхсмаршал. С 1936 по 1945 г. отвечал за поставки сырья и выполнение четырехлетнего плана перевода экономики на военные рельсы. Создатель гестапо, инициатор организации концлагеря под Ораниенбургом. Активный участник «ночи длинных ножей», устранял Бломберга и Фрича. С 1939 по 1945 г. — председатель совета обороны. В апреле 1938 г. назначен Гитлером своим заместителем и преемником на всех постах «в случае болезни фюрера и других обстоятельств». В конце войны пытался вести переговоры с американцами о заключении сепаратного мира. За это в апреле 1945 г. по распоряжению Гитлера был смещен со всех должностей и постов и арестован. Задержан американцами 8 мая 1945 г. Его просьба о встрече с генералом Дуайтом Эйзенхауэром, командующим оккупационными силами США в Германии, была оставлена без внимания.

РИББЕНТРОП Иоахим (1893–1946) — партийный и государственный деятель, дипломат, обергруппенфюрер СС. Участник Первой мировой войны — оберлейтенант. С 1932 г. — член НСДАП и СС. С 1933 г. — советник Гитлера по вопросам внешней политики, руководитель международного отдела НСДАП. В 1936–1938 гг. — посол в Великобритании. В 1938–1945 гг. — имперский министр

иностранных дел, член тайного совета, член политического штаба фюрера при главной ставке. Участвовал в создании оси Берлин — Рим — Токио, в подписании Мюнхенского соглашения, договора о ненападении с СССР. В апреле 1945 г. скрылся, но был арестован англичанами.

КЕЙТЕЛЬ Вильгельм (1882–1946) — генерал-фельдмаршал, начальник штаба верховного главнокомандования. Участник Первой мировой войны — капитан артиллерии. Также служил на штабных должностях. В 1919 г. перешел в бригаду рейхсвера, дислоцированную в Ганновере. В 1923 г. — майор. В 1925–1927 гг. входил в состав организационного управления сухопутных войск — фактически тайного генерального штаба. С 1931 г. — полковник. С 1935 г. — начальник военно-политического управления военного министерства. С 1938 г. генерал-полковник, начальник штаба верховного командования. В 1940 г., после капитуляции Франции, получил звание генерал-фельдмаршала. В июле 1941 г. издал «приказ о комиссарах», по которому подлежали физическому уничтожению все политработники Красной Армии; в декабре 1941 г. — приказ «Мрак и туман» об уничтожении лиц, «представляющих угрозу для безопасности рейха». В 1944 г. руководил мероприятиями по ликвидации участников покушения на Гитлера. В мая 1945 г. в Карлсхорсте подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии.

КАЛЬТЕНБРУННЕР Эрнст (1903–1946) — руководитель главного управления имперской безопасности (РСХА). По образованию юрист, с 1926 г. — адвокат в Линце (Австрия). В 1930 г. вступил в австрийскую организацию НСДАП, в 1931 г. — в СС. В 1934 г. возглавил отряд СС в Линце. Был арестован и приговорен к 6 месяцам тюремного заключения за создание незаконных организаций. С 1936 г. — штандартенфюрер СС. В 1938–1940 гг. — государственный секретарь службы безопасности Австрии, бригаденфюрер СС. С января 1943 г. — начальник полиции, службы безопасности (СД) и главного управления имперской безопасности, государственный секретарь министерства внутренних дел, обергруппенфюрер СС и генерал полиции. Лично контролировал в концлагерях применение средств уничтожения заключенных. С февраля 1944 г. одновременно руководил зарубежным отделом разведки (Абвера) при верховном командовании вермахта. В конце апреля пытался создать австрийское правительство. В мае 1945 г. арестован американцами на территории Австрии.

РОЗЕНБЕРГ Альфред (1893–1946) — партийный деятель, главный идеолог нацизма, руководитель оккупационных властей

на территории СССР, рейхслейтер НСДАП, обергруппенфюрер СС. Получил высшее образование в Ревеле и Москве. С 1918 г. — архитектор, позже учитель рисования в Риге. В 1918 г. переехал в Мюнхен. С 1920 г. — член немецкой рабочей партии (впоследствии НСДАП). Участник «пивного путча» 1923 г. С марта 1923 по декабрь 1937 г. с перерывом в 1924 и 1926 гг. был главным редактором газеты «Фёлькишер беобахтер». Автор книг «Будущий путь германской внешней политики» (1927) и «Миф XX века» (1929). В 1930–1945 гг. — депутат рейхстага. В 1933–1945 гг. — рейхслейтер, руководитель внешнеполитического управления НСДАП. В 1941–1945 гг. — имперский министр по делам оккупированных восточных территорий. В мае 1945 г. бежал в Гольштейн, но был арестован американской военной полицией.

ФРАНК Ганс (1900–1946) — рейхслейтер НСДАП, личный адвокат Гитлера и руководитель юридического отдела нацистской партии, позднее — генерал-губернатор оккупированной Польши. Участник Первой мировой войны. Учился в Мюнхенском и Кильском университетах. В 1923 г. вступил в НСДАП. Участвовал в «пивном путче» 1923 г. Бежал после поражения путчистов. Вернулся в 1924 г. В 1925 г. снова вступил в НСДАП. В 1926 г. покинул партию. Работал в государственных юридических органах. В 1927 г. в третий раз вступил в НСДАП. Был личным адвокатом Гитлера и начальником юридического отдела НСДАП, осуществляя ее защиту в судебных процессах. С 1928 по 1936 г. возглавлял союз национал-социалистских немецких юристов. С 1930 по 1945 г. — депутат рейхстага. С 1931 г. — группенфюрер СА. В 1933–1934 гг. был баварским министром юстиции. В 1934–1945 гг. имел ранг имперского министра без портфеля. Занимал различные должности в партии, был имперским комиссаром по координации юстиции, президентом международной юридической палаты и института германского права. В 1939–1945 гг. — генерал-губернатор оккупированных польских территорий.

«С Польшей следует обращаться, как с колонией. Поляки станут рабами великой Германской империи», — говорил он. Жители Польши ненавидели его. При аресте Франка жестоко избили. Его везли в тюрьму в машине под куском брезента, где он пытался совершить самоубийство. На процессе в Нюрнберге Франк проклинал Гитлера и заявил: «Свидетельства, которые я слышал в зале суда, потрясли меня». Он каялся в содеянном, просил прощения у бога и объявил о переходе в католицизм. Очевидцы считали его раскаяние неискренним.

ФРИК Вильгельм (1877–1946) — партийный и государственный деятель, рейхслейтер НСДАП. Доктор юриспруденции с

1901 г. В 1919 г. руководил политической полицией в полицейском управлении Мюнхена. С 1923 г. — начальник криминальной полиции Мюнхена. Участник «пивного путча». С 1924 по 1945 г. — депутатом рейхстага сначала от немецкой народной партии свободы, затем от НСДАП. В ноябре 1924 г. вернулся на пост начальника криминальной полиции Мюнхена. С 1928 г. — председатель фракции НСДАП в рейхстаге. В 1930–1931 гг. был министром внутренних дел и народного образования в Тюрингии. В 1933–1943 гг. — имперский министр внутренних дел и в 1934–1943 гг. — министр внутренних дел Пруссии. С 1933 г. — рейхслейтер НСДАП, обергруппенфюрер. С августа 1943 по 1945 г. был главой протектората Богемия и Моравия, министром без портфеля. Издал декреты, по которым земли Германии были лишены автономии, запретил деятельность социал-демократической партии, участвовал в разработке законов о гражданстве и расе, ограничивающих права евреев. В 1945 г. арестован американцами.

ШТРЕЙХЕР Юлиус (1885–1946) — партийный деятель, группенфюрер СА и СС. Участник Первой мировой войны, лейтенант. С 1919 г. участвовал в деятельности правоэкстремистских и антиеврейских организаций. В 1922 г. вместе с 2000 членов немецкой социальной партии вступил в НСДАП. Участник «пивного путча» 1923 г. С 1923 по 1944 г. — издатель и главный редактор антисемитской газеты «Штюрмер». После провала путча занимался созданием экстремистских организаций. С 1925 г. — гаулейтер Нюрнберга, а затем и всей Франконии. В 1925 и 1930 гг. подвергался краткосрочным арестам за антисемитскую агитацию. В 1933–1945 гг. — депутат рейхстага. В 1933 г. руководил «центральным комитетом защиты от еврейских мерзостей». Председатель многочисленных антисемитских, национал-социалистских союзов. С 1937 г. — обергруппенфюрер СА. Выступал с призывами о полном уничтожении евреев. Один из главных инициаторов «хрустальной ночи». В 1938 г. ему было запрещено выступать с речами из-за вскрывшихся фактов коррупции. В 1940 г. отстранен от должности гаулейтера. Проживал в своем имении Пляйкерсхрофе. После войны скрывался под фамилией Зайлер. Был арестован американцами.

ЗАУКЕЛЬ Фриц (1894–1946) — политический деятель. В 1914 г., будучи матросом, во время плавания в Австралию попал во французский плен. Был интернирован во Франции на правах гражданского пленного. В 1919 г. вступил в немецкий народный союз обороны и наступления. В 1922 г. вступил в СА, в 1923 г. — в НСДАП. В 1927–1945 гг. — гаулейтер Тюрингии. С 1933 г. — груп-

пенфюрер СА, с 1934 г. — группенфюрер СС. В 1939–1942 гг. имперский комиссар по обороне в 9-м военном округе. В 1942–1945 гг. имперский комиссар по обороне в Тюрингии. С 1942 г. — обергруппенфюрер СС. С марта 1942 г. генеральный уполномоченный по трудовому найму и распределению рабочей силы с широкими полномочиями. Он разработал систему рабского труда. На предприятиях Германии трудилось более пяти миллионов иностранных рабочих. 10 апреля 1945 г. бежал. 19 апреля 1945 г. был арестован американцами в Верхней Баварии.

ИОДЛЬ Альфред (1890–1946) — начальник оперативного отдела верховного командования вооруженными силами. Участник Первой мировой войны. С марта 1938 г. — начальник оперативного отдела верховного командования. С октября 1938 г. — командир 2-й горно-стрелковой дивизии. С 1939 г. — генерал-майор Иодль вновь назначается на пост начальника оперативного отдела верховного командования. Участвовал в планировании операции «Вейс» (нападение на Польшу), «Везерюбунг» (вторжение в Норвегию) и других. Был ранен во время взрыва бомбы в ставке Гитлера в 1944 г. По поручению гросс-адмирала Деница подписал акт о капитуляции Германии перед западными союзниками в Реймсе 7 мая 1945 г. Был арестован 23 мая 1945 г.

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ Артур (1892–1946) — партийный деятель. Участник Первой мировой войны — лейтенант. С 1917 г. — доктор юриспруденции. С 1923 г. — член немецких националистических союзов. С 1932 г. председатель немецких народных клубов и союзов Австрии. Имел тесные связи с НСДАП. В феврале 1938 г. по требованию Гитлера был назначен министром внутренних дел Австрии. Выступал за аншлюс Австрии. С марта 1938 г. — бундесканцлер Австрии. В 1938 г. вступил в НСДАП. Группенфюрер СС. С 1938 по 1945 г. депутат рейхстага. В 1940 г. имперский комиссар в оккупированной Голландии. С 1941 г. — обергруппенфюрер СС. Зейсс-Инкварт отдавал приказы о депортации населения и расстреле заложников. В завещании Гитлера назван министром иностранных дел.

БОРМАН Мартин (1900–1945) — партийный деятель, рейхслейтер НСДАП, личный секретарь и ближайший соратник Гитлера. Участник Первой мировой войны, артиллерист. В 1924 г. был осужден на один год тюремного заключения за участие в убийстве женщины. В 1925 г. вступил в штурмовой отряд. В 1927 г. стал членом НСДАП. В 1928 г. работал в штабе фюрера СА, а с 1930 — в центральном аппарате НСДАП. С 1933 по 1945 г. — депутат рейхстага. С октября 1933 г. — рейхслейтер. В 1937 г. вступил в СС. Группенфюрер СС. С 1938 г. работал в личном штабе Гитле-

ра. С 12 мая 1941 г. — руководитель партийной канцелярии НСДАП. Секретарь фюрера с 1943 г. В 1944 г. стал имперским министром. Предпринял попытку побега из имперской канцелярии 1 мая 1945 г. На процессе в Нюрнберге был заочно приговорен к смертной казни. Позже тело его было обнаружено, однако полная идентификация оказалась невозможной, что породило немало легенд о побеге Бормана в Латинскую Америку. В 1954 г. официально признан погибшим. В 1973 г. Франкфуртская прокуратура подтвердила, что Борман погиб в мае 1945 г. В 1998 г. было окончательно установлено, что найденные в Берлине останки принадлежат Борману.

Глава 46
Семерых ждала тюрьма

Можно в какой-то степени понять гросс-адмирала Редера, которого больше, чем смертная казнь, угнетала перспектива пожизненного заключения. Было от чего прийти в ужас: провести всю оставшуюся жизнь с клеймом военного преступника в обстановке презрения и ненависти в тюремной камере — значит медленно, каждый день умирать.

Еще семь месяцев после вынесения приговора определялось место для отбытия наказания. Наконец, Контрольный совет по Германии остановился на тюрьме Шпандау, находившейся в английском секторе Берлина. Союзники посчитали, что в этом сооружении, окруженном двойной стеной и бо́льше похожем на крепость, эксцессы наименее вероятны. Семеро главных военных преступников, приговоренных к лишению свободы, были доставлены сюда 18 июля 1947 г. В огромном здании, рассчитанном на 600 заключенных, сидели только они, других арестантов не было.

Тюрьмой управляла четырехсторонняя администрация. Помесячно менялся персонал от каждой из четырех стран-победительниц: комендант, охрана, надзиратели, врачи, повара. Советская смена считалась самой строгой.

Надо отдать должное союзникам по антигитлеровской коалиции: снисхождений к осужденным не было, особенно поначалу. В шесть утра — подъем, в десять вечера — отбой. Узникам полагались две прогулки в день продолжительностью по полчаса, одно письмо родственникам в неделю объемом до 1300 слов, раз в месяц — получасовое свидание с близкими.

Питание их было таким же, как в других немецких тюрьмах. Правда, американская смена кормила их наравне со своими слу-

жащими, поставляя к столу осужденных даже зимой свежие фрукты и овощи.

Заключенным разрешалось трудиться. Они работали в саду и клеили конверты. За последним занятием кто-то из них обычно вслух читал дозволенную цензурой книгу...

Ширах и Шпеер полностью отсидели свои двадцать лет. В полном соответствии с приговором вышел на свободу через 10 лет гросс-адмирал Дениц.

Основанием для досрочного освобождения было только состояние здоровья. В 1954 г. прервалось пятнадцатилетнее заключение Нейрата. В 1955 г. был выпущен восьмидесятилетний Редер, приговоренный к пожизненному заключению. Нейрат прожил на воле еще два года, Редер — пять.

С 1966 г. единственным узником тюрьмы Шпандау оставался Гесс. При этом его охраняли и обслуживали пятьдесят человек. Режим содержания бывшего заместителя фюрера стал больше походить на санаторный. Он располагался в нескольких комнатах, включая спальню, помещение для отдыха, библиотеку. Прогулки Гесса занимали уже два часа в день. Он получал четыре немецких газеты, смотрел телевизор. У него были два повара — афганец и югослав, готовившие еду в соответствии со специальной кардиологической диетой. Единственный узник капризничал, если к празднику привозили не тот сорт винограда. Американцы почему-то считали нужным выполнять его гастрономические пожелания.

За здоровьем его внимательно следили врачи. Раз в месяц собиралась медицинская комиссия, выслушивавшая все его жалобы. Дошло до того, что по заявке Гесса для него был установлен лифт, а в саду построен домик для отдыха. Физическое состояние его было такое, что он вполне мог встретить в тюрьме свое столетие. Союзники уже высказывали намерение выпустить престарелого Гесса, но возражала советская сторона.

17 августа 1987 г. он был обнаружен в садовом домике без признаков жизни. В качестве официальной версии фигурировало самоубийство. Однако некоторый исследователи, независимые медицинские эксперты, а также сын Гесса Вольф-Рюдигер ставят ее под сомнение. Не верят в самоубийство и наши соотечественники, служившие в Шпандау, — переводчик и цензор Маргарита Неручева и военнослужащий подразделения охраны Петр Липейко.

Часть исследователей по прежнему считает, что в смерти Гесса были заинтересованы британские спецслужбы. Не исключено, что с его перелетом в мае 1941 г. на Британские острова была связана какая-то важная тайна, которая оберегается до сих пор. Правительство Великобритании обещало рассекретить документы по Гессу в 2000 г., но потом продлило этот срок еще на 17 лет.

Домик, в котором было найдено тело последнего узника, был разобран с неимоверной поспешностью через несколько часов после случившегося. Через неделю была снесена вся тюрьма Шпандау...

Так или иначе, приговор в отношении Гесса был исполнен в полной мере — его заключение действительно оказалось пожизненным.

ИЗ ДОСЬЕ ОСУЖДЕННЫХ

ГЕСС Рудольф (1894–1987) — партийный и государственный деятель, рейхслейтер НСДАП, заместитель Гитлера по партии, обергруппенфюрер СС и СА. В 1914 г. добровольцем отправился на войну — лейтенант. В 1919 г. поступил в Мюнхенский университет. Участник «пивного путча» 1923 г. Сидел в тюрьме вместе с Гитлером. В 1925–1932 гг. — личный секретарь фюрера. В 1932 г. председатель политического центрального комитета НСДАП. С 1933 г. — обергруппенфюрер СС, депутат рейхстага, имперский министр. В 1933–1941 гг. — заместитель Гитлера по партии. Сыграл большую роль в формировании культа фюрера. 11 мая 1941 г. совершил перелет в Шотландию. По некоторым сведениям, предлагал англичанам заключить мир и принять участие в военном походе против СССР. Его арестовали и содержали как личного пленника Черчилля в Тауэре (Лондон), затем — на конспиративных квартирах английских спецслужб. Дважды Гесс пытался покончить жизнь самоубийством. Был объявлен Гитлером сумасшедшим. В 1945 г. перевезен в Нюрнберг для участия в процессе над главными военными преступниками в качестве обвиняемого. Приговорен к пожизненному заключению. Умер в 1987 г.

ФУНК Вальтер (1890–1960) — государственный и партийный деятель. Доктор права. В 1912–1916 гг. — сотрудник газет в Лейпциге и Берлине. В 1920 г. выпустил книгу «Рейнско-вестфальский промышленный район», которая принесла ему известность в финансовых кругах Германии. В начале 1931 г. познакомился с Гитлером, вступил в НСДАП и стал экономическим советником фюрера. Выступал в качестве связного между Гитлером и руководителями германской промышленности, многих из них привлек к сотрудничеству. С 1937 г. — имперский министр экономики и генеральный уполномоченный по вопросам военной экономики. С 1939 г. — президент Имперского банка и член совета обороны рейха. В 1938 г. разработал закон «Об изгнании евреев из экономической жизни Германии». По секретному соглашению с Гиммлером летом 1942 г. открыл счет, на который поступали ценности, изъятые СС у узников концлагерей. В июне

1945 г. арестован британскими войсками. На Нюрнбергском процессе приговорен к пожизненному заключению. В мае 1957 г. освобожден по состоянию здоровья. В 1958 г. суд Западного Берлина приговорил его к штрафу в 10 900 марок. Умер в 1960 г.

ДЕНИЦ Карл (1891–1981) — гросс-адмирал, командующий военно-морским флотом Германии, преемник Гитлера. Участник Первой мировой войны. В 1935 г. назначен Гитлером «фюрером подводных лодок» и командующим первой подводной флотилией. К 1938 г. Дениц разработал тактику групповых подводных атак («волчьих стай»). В 1939 г. назначен командующим подводным флотом. С 1942 г. — адмирал. С января 1943 г. — главнокомандующий военно-морскими силами, гросс-адмирал. На нем лежит ответственность за нападения на военные и торговые суда. Он был виновен в появлении приказа, по которому захваченные экипажи торпедных катеров союзников надлежало передавать СС и расстреливать. Перед самоубийством Гитлер назначил Деница президентом рейха, главнокомандующим вооруженными силами и военным министром. 23 мая он был взят в плен союзниками. По приговору Нюрнбергского трибунала отбывал десятилетний срок в берлинской тюрьме Шпандау. 1 октября 1956 г. был освобожден из заключения. Написал книги воспоминаний «10 лет и 20 дней» (1958), «Моя захватывающая жизнь» (1963), «Германская военно-морская стратегия во 2-й мировой войне» (1968). Умер в 1981 г.

РЕДЕР Эрих (1876–1960) — гросс-адмирал, командующий военно-морскими силами Германии. В 1894 г. поступил на военно-морскую службу, с 1897 г. — лейтенант. С 1910 г. служил штурманом на яхте кайзера Вильгельма II «Гогенцоллерн». Участник Первой мировой войны. Командовал крейсером «Кёльн». В 1919 г. перешел на службу в рейхсвер. С 1925 г. — вице-адмирал, командующий военно-морскими силами на Балтийском море. С 1928 г. — адмирал. В 1935 г. возглавил военно-морские силы рейха. В 1939 г. получил звание гросс-адмирала. После денонсирования Версальского договора активно участвовал в создании мощного военного флота. В 1943 г. переведен в командный резерв. В мае 1945 г. Редер был в советском плену и находился в Москве. В 1946 г. на Нюрнбергском процессе был приговорен к пожизненному тюремному заключению. В 1955 г. в возрасте восьмидесяти лет был освобожден из тюрьмы по состоянию здоровья. Написал книгу мемуаров «Моя жизнь». Умер в 1960 г.

ШИРАХ Бальдур (1907–1974) — партийный деятель, рейхслейтер НСДАП, обер-группенфюрер СС. В 1925 г. вступил в НСДАП. Изучал историю искусств, германистику и философию.

В 1928 г. возглавил национал-социалистский немецкий студенческий союз. Занимался журналистикой. В 1929 г. познакомился с Гитлером и выполнял его поручения. С 1931 г. — ответственный в НСДАП за работу с молодежью. Воспитывал молодежь в духе национал-социализма и антисемитизма. В 1932–1945 гг. — депутат рейхстага. С 1933 г. — глава гитлерюгенда, рейхслейтер НСДАП. В августе 1940 г. стал жертвой интриг и был назначен гаулейтером и имперским наместником Вены. Виновен в депортациях австрийских евреев в концлагеря. В июне 1945 г. был арестован американской военной полицией. В 1946 г. приговорен Нюрнбергским трибуналом к 20 годам тюремного заключения. В 1966 г. вышел на свободу. Занимался публицистической деятельностью. Автор книги «Я верил Гитлеру». Умер в 1974 г.

ШПЕЕР Альберт (1905–1981) — архитектор, имперский министр военной промышленности. Изучал архитектуру в Берлинском техническом институте. В 1931 г. вступил в НСДАП и СА. С 1932 г. выполнял заказы НСДАП. Занимал ответственные должности в центральном аппарате НСДАП по строительству и техническим вопросам. С 1934 г. руководил строительством комплекса зданий для проведения партийных съездов в Нюрнберге. В 1936 г. был назначен ответственным за реконструкцию Берлина. С 1937 г. — профессор, главный инспектор Берлина по строительству. В 1938–1939 гг. руководил строительством новой имперской канцелярии. С февраля 1942 г. — имперский министр вооружений и боеприпасов, начальник «организации Тодта». С 1943 г. — имперский министр военной промышленности. Виновен в широком использовании подневольного труда. С 5 по 23 мая 1945 — имперский министр экономики правительства Деница. Был арестован английскими военными властями. В 1946 г. на процессе в Нюрнберге приговорен к 20 годам тюрьмы за преступления против человечества. Освобожден в 1966 г. В 1970 г. вышла его книга «Внутри третьего рейха», получившая на Западе широкую известность и признанная «шедевром мемуарной литературы всех времен». Умер в 1981 г. в Лондоне.

НЕЙРАТ Константин (1873–1956) — государственный деятель, дипломат, обергруппенфюрер СС. Получил юридическое образование. В 1901 г. поступил на дипломатическую службу. Занимал различные должности в дипломатических представительствах Германии. В 1914–1916 гг. был советником посла в Константинополе. В 1919–1921 гг. — посланник в Копенгагене. В 1922–1930 гг. — посол в Риме. В 1932–1938 гг. — министр иностранных дел. В 1937 г. вступил в НСДАП. Осуществлял дипломатическую подготовку присоединения Саарской области, готовил

союз с Италией, аншлюс Австрии и т. д. В 1939–1943 гг. — наместник в протекторате Богемия и Моравия. Разрабатывал и осуществлял планы уничтожения чехов, проводил в Чехословакии политику германизации. В 1941 г. был отправлен в отпуск и больше к своим обязанностям не возвращался. В 1943 г. получил звание обергруппенфюрера СС. На Нюрнбергском процессе был приговорен к 15 годам тюремного заключения. В 1954 г. освобожден из тюрьмы Шпандау по состоянию здоровья. Умер в 1956 г.

Глава 47
Опять Геринг: яд против петли

Как ни «пас» начальник тюрьмы полковник Эндрус своих узников, пытаясь сохранить их до исполнения приговоров целыми и невредимыми, избежать чрезвычайных происшествий не удалось. Самый опекаемый арестант, «наци № 2» Герман Геринг за полтора часа до казни на виселице покончил с жизнью по-своему, приняв яд.

Задавшись целью избежать публичной и позорной смерти в петле, он проявил чудеса настойчивости, изворотливости, самообладания. Его подвигли к этому гиперболизированные представления о собственной значимости, мнение о себе, как об исторической личности, великом государственном деятеле, с которым подло и жестоко расправляются враги. Он чувствовал себя уязвленным даже тем, что его — «наци № 2» – содержат в тюремной камере № 5, а не в помещении с номером, подобающим его «высокому» статусу.

В день суицида, 15 октября 1946 г. рейхсмаршал попытался объяснить свои действия в последнем письме:

«...*Считаю в высшей степени бестактным делать из нашей смерти представление для рыщущих в поисках сенсаций газетчиков, фотографов и просто любопытствующих. Сей грандиозный финал является вполне типичным проявлением всей глубины дремучей дикости суда и обвинителей. Все это — откровенная постановка от начала и до конца! Отвратительная комедия!*

Я прекрасно понимаю, что наши враги, от страха или от ненависти, просто хотят избавиться от нас. Однако то, что они собираются сделать это неподобающим применительно к солдатам образом, отнюдь не послужит их доброй репутации.

Лично я намерен умереть без всей этой шумихи и сенсаций.

Позволю себе подчеркнуть еще раз, что ни в малейшей степени не считаю себя обязанным (ни с моральной, ни с какой другой точки зрения) подчиниться смертному приговору, вынесенному мне моими врагами и врагами Германии.

Я приступаю к тому, что собираюсь сделать, с радостью, и считаю свою смерть освобождением.

Да будет милосерден ко мне мой бог! Очень глубоко сожалею о том, что не могу помочь моим товарищам (в особенности фельдмаршалу Кейтелю и генералу Иодлю) тоже избежать этого публичного представления с казнями.

Все усилия, предпринимавшиеся нашими тюремщиками для того, чтобы мы не причинили себе никакого вреда, были продиктованы отнюдь не заботой о нашем здоровье, но лишь тем, чтобы быть уверенными, что мы будем живы к моменту этой грандиозной сенсации.

Ohne mich! [без меня — нем.] Герман Геринг»

Вид казни, определенный приговором, настолько волновал Геринга, что несколькими днями раньше (если полностью верить дате) он приготовил и до нужного времени спрятал письмо в адрес оккупационных властей — Контрольного совета по Германии. Он написал это послание на роскошном бланке с титулом «Рейхсмаршал Великого германского рейха», чтобы донести до «коллег-военных» мотивировку самоубийства: «Но не можете же вы, в самом деле, повесить рейхсмаршала Германии!» На это же направлено и сравнение себя с «великим Ганнибалом», которое должны были понять знатоки военной истории.

«Нюрнберг, 11 октября 1946 года.
Союзническому совету по контролю

Я без излишних церемоний позволил бы вам расстрелять себя! Но не можете же вы, в самом деле, повесить рейхсмаршала Германии! Этого я допустить не могу — ради самой Германии. Кроме того, я не считаю себя морально обязанным подчиниться суду моих врагов. Исходя из всего этого я выбираю для себя такую же смерть, как и великий Ганнибал.

Герман Геринг.

Мне было ясно с самого начала, что мне будет объявлен смертный приговор, поскольку я всегда рассматривал этот суд как исключительно политическую акцию победителей. Но я хотел пронаблюдать весь этот процесс целиком, ради блага моего народа, и я, по крайней мере, не ожидал, что мне будет отказано в смерти солдата. Перед богом, моей страной и моей совестью я считаю себя свободным от обвинений, предъявленных мне вражеским трибуналом».

Еще больше похоже на оправдание — на этот раз по духовной линии — письмо пастору Тереке, который заботился о заблудших душах нацистских вождей, находившихся в нюрнбергской тюрьме.

«Нюрнберг, 11 октября 1946 года.

Дорогой пастор Тереке!

Простите меня, но мне пришлось сделать это по политическим причинам. Я долго молился моему богу и чувствую, что поступаю правильно (расстрелять меня я бы им позволил). Пожалуйста, утешьте мою жену и передайте ей, что это не было всего лишь обычным самоубийством и что она может быть спокойна по поводу того, что бог не лишит меня за это своей великой милости.

Да защитит господь моих любимых и близких!

Да пребудет с вами, дорогой пастор, благословение божие во веки вечные.

Ваш Герман Геринг».

Письмо начальнику тюрьмы поковнику Эндрусу некоторые историки трактуют как насмешку над главным тюремщиком, в конце концов обманутым его самым опекаемым узником. О том, что Геринг не питал к нему добрых чувств, говорит отсутствие в письме персонального обращения. В нем нет даже формулы вежливости, о которой рейхсмаршал обычно никогда не забывал.

Однако, возможно, Геринг на пороге ухода в небытие и не думал о лишней уже насмешке над полковником, который всего лишь исполнял свой долг, а вполне по-человечески попытался отвести подозрения от гипотетического сообщника, который сумел передать ему яд. В драматический момент прощания с жизнью он мог вспомнить о рыцарских правилах, которыми руководствовались летчики эскадрильи «Рихтгофен» и он, их самый известный командир, в годы Первой мировой войны.

«Нюрнберг, 11 октября 1946 года.

Коменданту

Капсула с ядом была при мне все время, с самого первого дня заключения меня под стражу. Когда меня доставили в Мондорф, у меня было три таких капсулы. Первую из них я специально спрятал в своей одежде таким образом, чтобы ее обнаружили при обыске. Вторую я прятал под коробкой с одеждой, когда раздевался перед сном, и забирал ее обратно, когда снова одевался утром. Я маскировал ее настолько хорошо и в Мондорфе и здесь, в нюрнбергской камере, что несмотря на частые и очень тщательные обыски обнаружить ее так и не удалось. Во время судебных заседаний капсула все время была при мне, спрятанной в моих высоких ботинках для верховой езды.

Третья капсула до сих пор находится в моем маленьком чемоданчике для туалетных принадлежностей — в круглой банке с кремом для ко-

жи (спрятана в самом креме). Если бы мне это понадобилось, то я дважды мог забрать ее оттуда еще в Мондорфе. Прошу не наказывать никого из проводивших обыски, поскольку найти ампулу было практически невозможно, разве что по чистой случайности.

PS

Д-р Гилберт сообщил мне, что Совет по контролю отказал мне в замене этой казни расстрелом!»

Находясь в шаге от смерти, Геринг не забывал о своих близких — жене и дочери. Их переписка показывает, что до последних часов он был опорой семьи, нежным, любящим мужем и отцом, отправлявшим из своего узилища слова бодрости и утешения. Вряд ли здесь была рисовка. Письма лишь подтверждают истину, что человек многолик и что даже в самом отвратительном преступнике остается пусть даже самая крошечная частица добра, посеянная творцом.

«Моя любимая и единственная!

По зрелом размышлении и после многочисленных молитв моему богу я принял решение покончить с жизнью и, таким образом, не позволить казнить меня моим врагам. Казнь через расстрел я еще принял бы, но позволить повесить себя рейхсмаршал Великой Германии просто не может. Более того, эти казни должны были быть обставлены наподобие низкопробного представления с прессой и кинооператорами (чтобы показывать потом все это в кинотеатрах в журнальных выпусках новостей). Они озабочены только тем, чтобы сделать из этого сенсацию.

Я, однако, хочу умереть спокойно, чтобы на меня не таращилась при этом толпа зрителей. Моя жизнь все равно уже закончилась — в тот момент, когда я сказал тебе последнее «прощай». С того дня моя душа наполнена удивительным покоем, и я отношусь к смерти лишь как к окончательному освобождению.

То, что благодаря всевышнему я все эти месяцы моего пленения имел средства избежать петли на шее, и то, что эти средства так и не были обнаружены, я воспринимаю как знак свыше. Господь оказался достаточно милосерден для того, чтобы избавить меня от мучительно позорной кончины.

Всеми моими мыслями я с тобой, с Эддой и всеми моими любимыми друзьями! Последние удары моего сердца ознаменуют собой нашу великую и бесконечную любовь.

Твой Герман».

За весь день и вечер 15 октября — последних суток жизни приговоренных к смертной казни — тюремщики, пристально следившие за Герингом, не заметили ничего подозрительного. Надзиратели отме-

тили для себя лишь невероятное хладнокровие рейхсмаршала. Например, в 16.30, он спал «со скрещенными на груди руками». В 21.05 заключенный камеры № 5 снова «явно спал».

В промежутке Геринга навестил пастор Тереке. Разговор не вышел за обычные рамки. Рейхсмаршал сочувственно расспрашивал пастора о Фрице Заукеле, который совершенно потерял самообладание, а Геринг не имел возможности его поддержать. Он коснулся также больного вопроса о позорной казни, неприемлемой для него.

Далее он читал, лежа в кровати, затем принялся наводить порядок в камере. После этого рейхсмаршал начал готовиться ко сну, аккуратно складывая одежду.

В половине десятого вечера к нему заходил немецкий доктор Пфлюкер в сопровождении офицера-тюремщика. Врач разносил успокоительные средства для Геринга и Заукеля.

По некоторым приметам рейхсмаршал почувствовал близость казни: было включено больше, чем обычно, ламп, по коридору ходили незнакомые люди. Он спросил Пфлюкера, не лучше ли ему одеться, чтобы не предстать перед теми, кто придет за ним, в неподобающем виде. Проинструктированный охраной доктор не сказал в ответ ничего определенного.

Офицер-тюремщик впоследствии показал, что Пфлюкер передал Герингу какую-то пилюлю, которую тот сразу положил в рот. Врач этого и не отрицал, поясняя, что он дал Герингу пилюлю с обыкновенной содой, чтобы тот перед экзекуцией не заснул слишком крепко. Когда Пфлюкер и офицер уходили, рейхсмаршал не забыл пожелать им спокойной ночи.

Последующий час охрана наблюдала Геринга неподвижно лежащим в постели. Последний раз живым тюремщики видели рейхсмаршала в 22 часа 44 минуты. К тому времени уже пришли на «работу» шестеро военнослужащих 3-й армии США, ответственных за проведение казни, которая должна была начаться ровно в полночь.

...В 10. 50 вечера в тюрьме начался переполох: Геринг мертв! Из камеры № 5 веяло запахом миндаля, характерным для цианида. По коридорам металась охрана, надрывались все, какие были, телефоны. Врач прибыл в тот момент, когда из горла рейхсмаршала вырвался предсмертный хрип. Все попытки вернуть его к жизни ни к чему не привели: сильный яд уже сделал свое дело.

Как Герингу удалось провести столь бдительную охрану? Американские военные власти, расследовавшие эту историю, выдвинули самую удобную для себя версию. Якобы капсула с ядом была при рейхсмаршале с момента ареста, и он ее искусно прятал. Предположений сколько угодно: в полости зуба или еще где-то на теле, под

ободком унитаза, в банке с косметическим кремом, как отметил в посмертном письме сам Геринг, и т. д.

Однако большинство исследователей отвергает официальную версию, считая, что «наци № 2» при всех своих способностях, скорее всего, не смог бы водить охрану за нос на протяжении 11 месяцев процесса. Напрашивается предположение, что ему кто-то помогал.

И здесь муссируется много вариантов: яд передал или доктор Пфлюкер, или немецкий офицер, приносивший рейхсмаршалу мыло и другие средства гигиены, или жена Эмма во время последней встречи и прощального поцелуя...

Американский исследователь Бен Сверинген в своей книге «Загадка самоубийства Германа Геринга», выпущенной в 1984 г., предполагает, что сообщником выступил американский военнослужащий — лейтенант Джек Уиллис, по происхождению техасец. Мол, между молодым офицером и рейхсмаршалом возникла симпатия. Геринг хорошо говорил по-английски, и они иногда беседовали на разные нейтральные темы. Уилис заведовал складом, в котором хранился багаж заключенных, и мог позволить Герингу достать смертоносную ампулу, спрятанную там.

Версия строится на том, что у Уиллиса оказалось несколько дорогостоящих авторучек и часов, прежде явно принадлежавших Герингу. Мол, эти вещи были получены в качестве платы за передачу яда.

Категорически утверждать, что дело выглядело именно так, невозможно. Сам Уиллис прожил недолгую жизнь и скончался в 1954 г. Его вдова внятно ничего не могла сказать, кроме того, что некоторые ценные предметы, как ей кажется, были получены мужем от Германа Геринга. Но ведь известно и другое: рейхсмаршал в нюрнбергской тюрьме был весьма щедр на подарки и раздарил окружающим, не одному только Уиллису, немало дорогих вещиц, оказавшихся в его необъятных чемоданах и сумках.

В феврале 2005 г. в возрасте 78 лет заговорил еще один бывший американский военный — Герберт Ли Стиверс. Во время Нюрнбергского процесса он служил в охране, сопровождавшей заключенных. В зале заседаний трибунала Стиверс вместе с товарищами стоял в белом шлеме, вооруженный резиновой дубинкой, за спинами подсудимых. Дисциплина жесткостью не отличалась: не запрещалось брать у нацистских вождей автографы, заводить разговоры.

Девятнадцатилетнему американцу, видимо, мало что видевшему в жизни, рейхсмаршал понравился. Он вспоминал: «Геринг был очень приятным человеком. Он хорошо говорил по-английски. Мы говорили о спорте, о футболе. Он был летчиком, и мы говорили о Линдберге».

В свободное от службы время Стиверс заводил романы с молоденькими немками, и однажды познакомился с привлекательной

девушкой по имени Мона. Она очень заинтересовалась тем, что ее новый друг охраняет нацистских вождей, и даже высказала сомнение, так ли это. Обиженный юноша предъявил ей оказавшийся при нем автограф Шираха, а на другой день получил подпись Геринга.

Отношения между молодыми людьми развивались быстро. Мона пригласила Герберта в дом к своим друзьям — Эриху и Матиасу. Эти люди втолковали американцу, что симпатичный ему рейхсмаршал серьезно болен и ему нужна помощь. Стиверс, сгоравший от любви к Моне и желавший произвести на нее впечатление, не заподозрил в просьбе ничего плохого и с готовностью согласился. В качестве контейнера использовалась авторучка. Два раза охранник доставлял в ней Герингу записки от Эриха, на третий — некие «лекарства», которые якобы отсутствовали в тюрьме.

Герберт вернул авторучку Моне, предвкушая дальнейшие встречи, но девушка исчезла и больше никогда не появлялась. «Полагаю, она меня использовала», — догадался впоследствии Стиверс.

После самоубийства Геринга его начали одолевать сомнения, не он ли пронес тот самый яд, который помог рейхсмаршалу избежать виселицы. Впоследствии эти сомнения переросли в уверенность. Может быть, он и признался бы в содеянном, но в 1946 г. расследование его не коснулось. Все внимание тогда сосредоточилось на персонале тюрьмы, а солдат с дубинками следователи даже всерьез не допросили.

Стиверс хранил эту тайну всю жизнь и только в 1990 г. поведал ее дочери Линде. Еще через пять лет, удостоверившись в том, что за давностью лет к ответственности его уже не привлекут, бывший охранник дал интервью газете «Лос-Анджелес таймс»...

Это также всего лишь версия, основанная на признании Стиверса. Однако она, по мнению ряда исследователей, наиболее правдоподобна. Так считает, например, немецкий историк Корнелиус Шнаубер. Он выдвинул также обоснованные предположения о том, как Геринг хранил «лекарства», полученные от Стиверса 1 октября, до дня самоубийства. Сильно похудевший рейхсмаршал вполне мог спрятать их в складках обвисшей кожи. Не зря он в течение двух последних недель отказывался от душа, поскольку перед мытьем арестантов тщательно обыскивали.

Некоторые издания опубликовали сенсационные сообщения от бывшего охранника под заголовками, утверждающими, что тайна смерти «наци № 2» наконец-то раскрыта. Не исключено, что они и правы.

Глава 48
Приговоры приведены в исполнение

Состоявшаяся в ночь на 16 октября казнь была непохожа на ту, что рисовалась Герингу. Конечно, никакого шоу, а тем более комедии из акта повешения союзники делать не собирались. Фото- и киносъемка во время исполнения приговора была запрещена, а число представителей прессы строго ограничено — по два человека от каждой из четырех стран-победительниц.

Правда, самоубийство Геринга изменило и на полтора часа отсрочило ритуал казни. Сначала предполагалось, что осужденные пройдут из камер к эшафоту со свободными руками. Затем, опасаясь новых эксцессов, члены четырехсторонней комиссии по казни дали указание полковнику Эндрусу конвоировать нацистов с руками за спиной и в наручниках. Только в спортзале, у виселиц, их снимали, тут же заменяя наручники на прочную тесьму, которую развязывали, когда обреченный уже стоял с петлей на шее.

Нервозность, видимо, росла поминутно, и после первых двух казней четырехсторонняя комиссия дала указание связать по рукам и ногам оставшихся приговоренных в их камерах.

Каждому из осужденных предстояло подняться на помост и стать под виселицей на люк. Палач набрасывал на его голову черный капюшон и надевал на шею петлю. Люк тут же срабатывал, уходя из-под ног...

В 1 час 29 минут расстался с жизнью Иоахим фон Риббентроп, за ним — Кейтель, Фрик... За полтора часа все приговоры были приведены в исполнение.

Как последнее слово на суде и письма близким, примечательны прощальные обращения осужденных.

Риббентроп: «Да хранит господь Германию, и да будет Он милосерден к моей душе. Мое последнее желание — объединенная Германия, взаимопонимание между Востоком и Западом и мир во всем мире!»

Кейтель: «Более двух миллионов германских солдат умерли за свое отечество. Теперь и я отправляюсь вслед за ними и своими сыновьями, отдавшими все за Германию!»

Фрик: «Да здравствует вечная Германия!»

Штрейхер: «Хайль Гитлер! Сегодня у вас тут веселое еврейское празднество? Но все же это мой, а не ваш Пурим! Настанет день, когда большевики перевешают многих, очень многих из вас!» И далее: «Адель, моя возлюбленная супруга!..»

Заукель: «Я умираю невиновным. Да хранит господь Германию и да возвратит ей былое величие!»

Иодль: «Я приветствую тебя, моя Германия!»

Зейсс-Инкварт: «Я надеюсь, что эта казнь явится финальным актом в трагедии под названием «Вторая мировая война» и что люди вынесут правильные уроки из этого примера для того, чтобы установить истинное взаимопонимание между всеми народами. Я верю в Германию!»

После завершения экзекуции в зал было внесено на носилках тело Геринга. Корреспондент американского информационного агентства Интернешнл Ньюс Кингсбери Смит так описывал этот момент: «Носилки с его телом поставили между первой и второй виселицей. Его огромные голые ноги торчали из-под одеяла американской армии, и рука в шелковой пижаме свешивалась с носилок.

...Армия хотела предотвратить возможное распространение слухов о побеге Геринга, чтобы журналисты смогли убедиться, что он действительно мертв».

Последняя точка была поставлена в концлагере Дахау, куда были отправлены гробы с телами казненных. В печах этого дьявольского заведения они были сожжены, а пепел выброшен в ближайшую реку, чтобы он не стал в дальнейшем объектом поклонения остающихся на свободе нацистов и не смешивался с останками тысяч и тысяч безвинно умерщвленных здесь узников.

КАЗНЬ ГЛАВНЫХ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ
Сообщение четырехдержавной комиссии по заключению главных военных преступников

Приговоры к смертной казни, вынесенные Международным Военным Трибуналом 1 октября 1946 г. нижеуказанным военным преступникам: Иоахиму фон Риббентропу, Вильгельму Кейтелю, Эрнсту Кальтенбруннеру, Альфреду Розенбергу, Гансу Франку, Вильгельму Фрику, Юлиусу Штрейхеру, Фрицу Заукелю, Альфреду Иодлю, Артуру Зейсс-Инкварту, были приведены в исполнение сегодня в нашем присутствии.

Геринг Герман Вильгельм совершил самоубийство в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 г.

В качестве официально уполномоченных свидетелей от немецкого народа присутствовали: министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер, главный прокурор г. Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер, которые видели труп Германа Вильгельма Геринга.

Четырехдержавная комиссия по заключению главных военных преступников

Журналисты — представители прессы и радио на Нюрнбергском процессе всегда были озабочены получением от руководства трибу-

нала дополнительной информации о предстоящих событиях, которую оно по разным причинам предпочитало не афишировать.

7 августа 1946 г. в пресс-кемпе суда был образован технический подкомитет из журналистов СССР, Великобритании, Франции, США и одного чехословацкого корреспондента от прессы и радио всех стран, непосредственно не участвовавших в работе трибунала.

Этот подкомитет обратился к председателю суда с просьбой выбрать время оглашения приговора с учетом потребностей журналистов, чтобы пресса и радио в Лондоне, Вашингтоне, Париже и Москве смогли распространить свои сообщения одновременно. Другое пожелание заключалось в том, чтобы председатель суда заранее оповестил корреспондентов хотя бы о неделе, в течение которой может быть оглашен приговор.

Лорд Лоренс и другие судьи, понятно, не имели возможности строить работу трибунала из расчета удобств для журналистов, как и не могли сообщить то, о чем сами еще точно не знали.

В преддверии исполнения приговора представители прессы и радио подверглись серьезным и обоснованным ограничениям. Администрация тюрьмы сообщила, что никакой предварительной информации о казни до часа «М» (т. е. до 17 часов 15 октября) не будет. К месту экзекуции с соблюдением режима строжайшей секретности было решено допустить лишь восемь журналистов — по двое (пишущий и снимающий) от каждой страны. Прессу СССР представляли корреспондент ТАСС Б. В. Афанасьев и фотокорреспондент В. А. Темин.

В 8 часов вечера всех избанных провели в тюрьму, чтобы они через дверное окошко могли увидеть приговоренных к смерти. Желание передать раньше других сенсационное сообщение о казни оказалось так велико, что корреспондент американского информационного агентства Интернешнл Ньюс Кингсбери Смит заранее описал сцены последних часов осужденных и передал в редакцию. Он изобразил Геринга, который «невидящим взглядом» пытался читать «основательно потрепанную книгу о птицах Африки». Журналист «увидел» в рейхсмаршале уголовника и сумасшедшего, его «бесчестное и подлое лицо, отмеченное чертами явного безумия». Автора этой весьма живописной выдумки угораздило подчеркнуть, что «под пристальными взорами» американских надзирателей у Геринга «не было ни малейшей надежды на совершение самоубийства, если бы он затевал таковое». Можно представить, какой потом разразился скандал и каково пришлось несчастному мистеру Смиту.

В рядах журналистов нашлись и другие фантазеры, пожелавшие увидеть свою подпись под сенсационным репортажем. Корреспондент германского информационного агентства как немец не имел да-

же теоретических шансов попасть на место казни. Он представил дело так, что увидел все с высокого дерева, спрятавшись в его ветвях. Эта проделка оказалась совершенно несостоятельной, поскольку виселицы находились в закрытом помещении.

Надо отметить, что американская военная администрация действовала в отношении прессы и радио совершенно правильно. Уход из жизни даже самых отпетых преступников не должен превращаться в зрелище с толкотней журналистов и иллюминацией фотовспышек. Другое дело, что за недостатки в организации и проведении самой казни представители армии США получили немало упреков, прежде всего в своей стране.

Глава 49
Эхо Нюрнберга

Город Львов, 24 октября 1949 года. На квартиру писателя депутата горсовета Ярослава Галана под видом обычных посетителей пришли двое членов Организации украинских националистов (ОУН) Стахур и Лукашевич. Ярослав Галан был необычно популярен среди населения, и люди шли к нему потоком.

В трудные послевоенные годы не раз случалось, что в день получки он возвращался домой почти без гроша в кармане — все раздавал по дороге нуждающимся. «Люди так бедствуют», — виновато говорил он жене, отдавая скудный остаток.

Лукашевич завел с писателем разговор, а Стахур, как бы разглядывая комнату, встал у него за спиной, затем выхватил из-под полы топор и ожесточенно нанес несколько смертельных ударов. Кровь залила страницы рукописи, над которой работал писатель.

Чтобы понять, какая сила занесла топор над Галаном, нужно пояснить, чем он занимался. Писатель сотрудничал с газетой «Радяньска Украина» и был ее специальным корреспондентом на Нюрнбергском процессе. Его очерки и репортажи, отличавшиеся остротой и доходчивостью, обличали фашизм, тесные связи украинских националистов с гитлеровцами и их преступную деятельность.

Материалы из Нюрнберга принесли Галану популярность среди читателей, и они же вызвали приступы злобы у тех, кого он умело и талантливо разоблачал. Расправу над писателем подготовило и осуществило нацистско-оуновское подполье.

Не случайно, что государственное обвинение в суде над убийцами Ярослава Галана поддерживал лично прокурор Украины Роман Андреевич Руденко, который хорошо знал писателя по Нюрнбергскому процессу. Процесс во Львове показал, что и годы спустя после

официальной капитуляции Германии фашисты и их пособники продолжали свою преступную деятельность. Нацизм был сломлен в вооруженной борьбе, но окончательно не уничтожен и сохранил способность к новым преступлениям.

В первое послевоенное время казалось, что Суд народов дал большой позитивный толчок, направленный на искоренение «коричневой чумы». В этом историческая роль Нюрнбергского процесса неоспорима. Тогда было разоблачено и подвергнуто уголовному преследованию тысячи и тысячи нацистов, на совести которых были невиданные, леденящие душу преступления.

Державы-участницы антигитлеровской коалиции и страны, подвергшиеся нашествию, на протяжении многих десятилетий разыскивали и судили фашистов и их пособников. По данным на 1987 г., в СССР было осуждено 17 175 человек, Чехословакии — 16 000, Австрии — 13 625, ГДР — 12 874, ФРГ и Западном Берлине — 6465 (по 31 декабря 1982 г.), Польше — 5385, Франции — 4891, США — 1517, Нидерландах — 204, Дании, Норвегии, Бельгии, Люксембурге вместе взятых — 303.

Однако масштаб этой деятельности оказался все же не таким, каким ему следовало быть. Прежде всего, не были реализованы намерения союзников о проведении серии крупных международных процессов. В некоторых документах Нюрнбергский трибунал не случайно значится под № 1.

После первого Нюрнбергского процесса Советский Союз предлагал провести следующий — над немецкими промышленниками. Это предложение поддержала Франция, однако и англичане и американцы весьма прохладно отнеслись к этой инициативе. Может быть, потому, что первый суд в Нюрнберге был расценен некоторыми деятелями в Вашингтоне и Лондоне как «опасный прецедент». В своем докладе президенту Трумэну 7 октября 1946 г. Главный обвинитель от США Роберт Джексон отметил: «У США нет ни моральных, ни юридических обязательств предпринимать другой процесс такого рода». Английская сторона заявляла, что суд над промышленниками принизит значение первого Международного военного трибунала и будет всего лишь бледной тенью его.

Тем не менее военная юстиция США провела в том же Нюрнберге еще двенадцать процессов против 176 обвиняемых — генералов, руководителей монополий, дипломатов, врачей-изуверов. Нельзя не подчеркнуть, что эти двенадцать судов уже не имели международного характера, хотя американцы и называли свой трибунал «международным».

В английской зоне оккупации состоялась череда судов над бывшими служащими концлагерей. Более пятисот процессов провели

сами англичане, 275 — австралийцы и 5 — канадцы. Всего в западных зонах через суды прошли 5 025 человек. Из 806 приговоренных к смерти были казнены 486 человек.

В сравнении с розыскными списками подозреваемых в военных преступлениях, составленными специальной комиссией Объединенных Наций с санкцией на их «автоматический арест», и, тем более, численностью их жертв, это — капля в море!

Кстати, упомянутые сотни процессов в английской зоне не были громкими. Единственным крупным событием в английской зоне стал разве что суд над фельдмаршалом Эрихом Манштейном.

Настоящим международным судом, подобным Нюрнбергскому, оказался только процесс в Токио, организованный после капитуляции Японии. Перед трибуналом там предстали 28 японских генералов, адмиралов, министров, дипломатов. Семь из них были приговорены к смертной казни, остальные — к тюремному заключению.

Ранее блиставший на суде народов Р. Джексон, бывший главный обвинитель от США в Международном военном трибунале, по возвращении домой стал более осторожным и рекомендовал другие процессы проводить «не по Нюрнбергскому методу». Через некоторое время общественность узнала, что кроется за этими словами. Английский журнал «Нью Ревью» от 26 мая 1949 г,. интерпретировав этот тезис, поведал миру, что в вопросе о военных преступниках США и Англия «должны руководствоваться в своей политике скорее интересами будущего, нежели прошлого». И действительно, новые лидеры этих государств более сдержанно стали относиться к выполнению некоторых положений Московской декларации 1943 года, согласно требований которой все подписанты взяли на себя обязательства найти «даже на краю света» тех, кто обагрил руки невинной кровью, и передать обвинителям «с тем, чтобы могло свершиться правосудие».

Поэтому неудивительно, что некоторые нацисты с их непревзойденным опытом тайных дел очень скоро были востребованы и оказались в штате западных спецслужб, где продолжили свою карьеру.

После того как на июльских парламентских выборах 1945 года консерваторы потерпели сокрушительное поражение, и темпераментный Уинстон Черчилль потерял пост премьер-министра, он, будучи в США, 5 марта 1946 г. разразился известной фултонской речью. Экс-премьер настолько зримо представил разделивший Европу «железный занавес» и «коммунистическую экспансию», что эта речь вызвала огромный резонанс и стала предметом осуждения или сочувствия во всех уголках планеты. Сам Черчилль считал свою речь самой важной в своей политической карьере. Да и подана она была очень серьезно: чтобы представить местной академической

аудитории отставного премьера, в то время лидера британской оппозиции, в Фултон «за тысячу миль» от Вашингтона прибыл сам президент США.

И. В. Сталин усмотрел в словах Черчилля подстрекательство Соединенных Штатов, в то время монопольно обладающих ядерным оружием, к нападению на СССР и поставил недавнего союзника в один ряд с Гитлером. Но были и прямо противоположные оценки. Рональд Рейган через много лет заметил, что из фултонской речи, ни больше ни меньше, вырос современный Запад и мир на нашей планете.

Так или иначе, крупномасштабная «холодная война» стала печальной реальностью послевоенного времени. С ее началом розыскные списки ООН кое-где стали применять и для другой цели — вербовки тайных агентов и информаторов.

На пресс-конференции в Агентстве печати «Новости», состоявшейся 22 марта 1983 г., аналитики привели ряд фактов, свидетельствующих о том, что страны Запада взяли курс на укрывательство немецких военных преступников, уклонение от выполнения международных обязательств и долга перед миллионами жертв нацизма. Например, на пресс-конференции указывалось, что 27 июля 1943 г. на совещании, созванном военным министерством и госдепартаментом США, представитель Пентагона полковник Винлокк заявил: «На нас возложена задача подготовить из немцев кадры, которые могли бы быть использованы для укрепления престижа Америки... Национал-социалисты могут быть и будут полезней и удобней разных антифашистов и вообще демократов... Нам нужны многочисленные и близкие нам по духу и убеждению кадры».

В СССР же разоблачение беглых и прятавшихся фашистов активно велось и через много лет после победы. За рубеж, в том числе США, ФРГ, Австрию, Голландию советская сторона только за 1977–1982 гг. передала более трех тысяч протоколов допросов свидетелей и потерпевших, большое число немецких трофейных документов. Ответные меры были более чем скромными. Для допросов свидетелей в этот период приезжало 397 зарубежных юристов, в присутствии которых было допрошено около 600 свидетелей, и 189 наших граждан по вызову судов отправилось за границу для дачи показаний.

При этом хочется подчеркнуть, что объективность и доказательность советских обвинительных материалов вопросов не вызывала. Наоборот, зарубежные органы юстиции не раз отмечали их основательность. Так, в решении окружного федерального суда Нью-Йорка от 30 июля 1981 г. по делу фашистского карателя Линнаса указывалось, что «свидетели защиты не смогли привести ни одного примера из практики любых западных судов, когда Совет-

ским Союзом были бы представлены судам или органам государственной власти фальсифицированные, подделанные или иные ложные доказательства».

Время от времени на западе всплывали конкретные неприглядные факты укрывательства бывших нацистов и их пособников. В США в марте 1977 г. Эйлберг, в то время член палаты представителей от штата Пенсильвания, отправил в Пентагон запрос относительно 48 лиц, подозреваемых в военных преступлениях, в том числе и бывшего бургомистра белорусского города Клецка Ясюка, участвовавшего в расстрелах мирных жителей. Из Пентагона был получен ответ, что имени Ясюка в армейских досье нет. Однако как позже выяснилось, его досье существовало и хранилось под грифом «Содержит секретные данные, рассмотрению Конгресса не подлежит».

В 1983 г. эффект разорвавшейся бомбы произвело сообщение о том, что бывший шеф гестапо в Лионе Клаус Барбье находился в свое время на денежном содержании американской разведки, а в 1951 г., пользуясь ее возможностями, выехал из Европы в Боливию.

Имя беглого гауптштурмфюрера СС давно значилось в списках разыскиваемых военных преступников как у французов, так и у американцев. Между тем весной 1947 г. Барбье рискнул предложить свои услуги спецслужбам США. Обстановка этому благоприятствовала. «Холодная война» набирала обороты, отношения между Западом и Востоком быстро ухудшались. В Америке повышенный интерес стал проявляться к гиммлеровским специалистам тайных дел.

Барбье обратился в армейскую контрразведку США и был сразу взят платным сотрудником. На первых порах его главная задача заключалась в том, чтобы организовать проникновение «своих людей» в ряды коммунистов Баварии.

Это был пример двойной игры. Одни агенты США продолжали поиск и наказание военных преступников в духе Нюрнбергского трибунала, а другие, за кулисами антифашистской борьбы, заботились о том, чтобы «ценные» люди не предстали перед лицом своих обвинителей.

Барбье со своим богатым «опытом» обрел у новых хозяев репутацию «деловитого парня» и «гения допроса». Об его преступлениях американцы предпочитали не думать. Один из его новых коллег по контрразведке вспоминал: «Учитывая его большую пользу для нашей организации, мы не испытывали особых угрызений совести».

Когда Франция стала все энергичнее требовать выдачу Барбье, а французские сыщики вышли на след преступника, кое-кто дал ему возможность скрыться. В Латинской Америке Барбье быстро установил контакты со старыми знакомыми по службе в СС, и вскоре стал советником тайной полиции Боливии.

Как позже выяснилось, Барбье — далеко не единственный офицер СС, фамилия которого фигурировала в денежных ведомостях американской службы Си-Ай-Си — службы контрразведки, предшественницы Си-Ай-Эй, то есть ЦРУ.

В 1978 г. контрольно-ревизионное управление Конгресса опубликовало доклад, в котором говорилось, что ЦРУ использовало 21 нацистского преступника в качестве «источника информации», а девять из них были платными сотрудниками разведывательного ведомства.

Эти данные в целом подтвердило и само ЦРУ. С 1998 г. оно публикует информацию о военных преступниках. И по его сведениям, девять из 14 нацистских душегубов, с досье которых был снят гриф секретности, имели в разное время связи с разведслужбой США.

В конце 1980 г. Министерство юстиции США признало, что в его распоряжении находится около пятисот досье на военных преступников, однако большинство их лежит без движения. Бюро специальных расследований, созданное Минюстом США в 1979 г., привело такие показатели преследования скрывавшихся нацистов: 58 человек высланы из страны, 68 — лишены американского гражданства, против 17 — ведутся судебные процессы, 170 дел находятся в стадии следствия.

Помню, в октябре 1989 г. в СССР прибыл с визитом министр юстиции США Р. Торнберг. Принимал его Генеральный прокурор СССР А. Я. Сухарев. Отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами в те годы заметно потеплели, начался активный поиск контактов. Автор этой книги в то время работал помощником Генерального прокурора, участвовал в этой встрече, продолжавшейся три дня. Конструктивно и обстоятельно обсуждались проблемы сотрудничества, в том числе и привлечения к уголовной ответственности нацистских военных преступников.

Торнберг неплохо владел вопросом. Он подробно рассказал о деятельности отдела специальных расследований, который тогда вел уже около 500 дел. Впрочем, из слов министра вытекало, что масштаб работы мог бы быть больше, поскольку на тот момент в мире, по некоторым оценкам, насчитывалось около десяти тысяч нацистских преступников, избежавших наказания.

В конце встречи был подписан меморандум о понимании между Прокуратурой СССР и Министерством юстиции США по поводу сотрудничества в преследовании скрывающихся нацистов. Этот заранее согласованный документ юридически закрепил взаимодействие двух стран в проведении расследований и привлечении к суду лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений.

Встреча прошла в духе большого оптимизма и завершилась небольшим банкетом в пользу будущего сотрудничества, который был

организован в конференц-зале Генеральной прокуратуры сразу же после подписания документа. «Меморандум доказывает наше стремление не оставить безнаказанными тех, кто зверствовал во время Второй мировой войны», — подчеркнул Торнберг. Сухарев, в свою очередь, назвал меморандум «документом доброй воли в сотрудничестве двух юридических систем».

Конечно, мы понимали, что далеко не все материалы дойдут до суда — многие беглецы уже давно ушли в мир иной. Но радовал тогда хотя бы тот факт, что у наших коллег было желание продолжить дело Нюрнбергского трибунала.

Далеко не все фашистские бонзы предстали перед судом. Складывалось впечатление, что чем выше был ранг и «заслуги» военных преступников, тем деликатнее обходилось с ними зарубежная юстиция.

Об этом красноречиво говорит пример самого известного диверсанта, оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени, арестованного американцами 15 мая 1945 г. Ему было предъявлено обвинение в расстреле военнопленных во время наступления в Арденнах. Однако в сентябре 1947 г. американский военный трибунал в Дахау оправдал бравого гитлеровского воина. Видимо, правоведов больше интересовали не справедливость и возмездие, а секреты, которыми владел этот мастер тайных операций. Скорцени подвергался многочасовым допросам и, очевидно, поведал много интересного. Оберштурмбаннфюрер явно понравился американцам. Генерал Макклур заметил: «Я бы гордился, если бы эти парни служили в одном из подразделений, которыми я командовал».

В 1948 г. за него взялась немецкая юстиция. Подлежавший процедуре денацификации эсэсовец был вновь арестован и направлен в лагерь для интернированных лиц в Дармштадте. К этому времени уже поступило требование о выдаче Скорцени со стороны Чехословакии, где его ожидал суд по новым обвинениям. Однако 26 июля 1948 г. он при таинственных обстоятельствах бежал из заключения.

Незадолго до смерти в 1975 г. Скорцени признался своему биографу Гленну Инфилду, что ему якобы помогли трое офицеров СС, с которыми он поддерживал связь. Они неожиданно появились у ворот тюрьмы в Дармштадте в машине с американскими номерами и в форме военной полиции США. Один из них сообщил растерявшемуся часовому: «Мы прибыли, чтобы доставить пленного Скорцени в Нюрнберг на утренний допрос». Не теряя ни минуты, они взяли его с собой и скрылись.

При этом Скорцени оставил в своей одиночной камере письмо, написанное в высокопарных выражениях: «Я верю, что у суда не будет возможности принять справедливое решение, так как ему при-

дется подчиниться сильным влияниям извне. У меня есть только одно желание: жить с почетом в этом отечестве».

Вездесущие журналисты тут же предположили, что побег для диверсанта № 1 устроила настоящая военная полиция на своей машине, а вовсе не переодетые эсэсовцы.

Самые смелые представители прессы утверждали, что, находясь в американском плену, Скорцени даром времени не терял. Он начал якобы с того, что создал подпольную организацию СС, которая в досье спецслужб США сначала фигурировала как «Движение Скорцени», потом как «Братство» и, наконец, — «ОДЕССА». В 1949 г. он основал подпольную организацию «Паук», которая имела сеть «надежных явочных квартир» по всей Германии и помогла бежать за границу более чем 500 бывшим членам СС. Маршрут побегов вначале пролегал через Южную Германию в Австрию или Швейцарию, позже — через Бремен — в Рим или Геную. Оценивая эти «успехи» диверсанта № 1, многие задавались вопросом: а не было ли санкций на это со стороны спецслужб бывших союзников?

Несмотря на оправдание американским судом, имя Скорцени продолжало значиться в розыскных списках Объединенных Наций, и он предпочел базироваться в «надежных местах» — Аргентине и Испании. В 1950 г. под псевдонимом Рольфа Штайнбауэра он представлял в Мадриде интересы немецких и австрийских предприятий и занимался торговлей оружием. В 1951 г. его имя вычеркнули из списка военных преступников, после чего он много путешествовал и поддерживал связи с коллегами по СС.

Матерый эсэсовец дожил до преклонных лет и умер своей смертью в Испании 5 июля 1975 г. «Старые бойцы» устроили ему пышные похороны, а через несколько лет перенесли прах в его родную Вену.

Бывший шеф гитлеровской агентуры на Востоке, и прежде всего, в СССР, Гелен после поражения Германии сдался американцам вместе со всем шпионским архивом. Его агентурная сеть в Советском Союзе, а также связи с бывшими эсэсовцами, думается, представляли для разведки США настоящий клад.

Не одни секретные службы культивировали двойную мораль, когда заходила речь о «полезных» нацистах. Еще в 1945 г. Верховное командование армии США приняло решение «использовать выборочно наиболее одаренных, чтобы найти применение их интеллектуальному потенциалу». В данном случае имелись в виду, прежде всего, специалисты по строительству подводных лодок, а также в области военной медицины, химического оружия и ракетостроения. Американцы стремились завладеть полным объемом немецких «ноу-хау», прежде чем до них доберется Советский Союз.

Вместо того чтобы сесть за скамью подсудимых, сотни немецких ученых и специалистов начали новую карьеру в Америке. Самая крупная фигура из них — конструктор ракет «Фау-1» и «Фау-2» Вернер фон Браун. Он оказался в США в 1945 г. В 1960 г. был назначен руководителем Космического центра в Алабаме. При этом не замечались «мелкие» факты, что фон Браун, руководитель научно-испытательного центра ракетостроения в Пенемюнде, был офицером СС и прямо причастен к гибели тысяч подневольных рабочих и узников концлагерей в подземных цехах концерна «Дора».

Однако и без официального прикрытия въезд «антикоммунистов» в такие страны, как США и Канада, не представлял трудности. Один бывший эсэсовец рассказывал, что в 1950 г. получил визу из рук самого генерального консула Канады в Зальцбурге, «как христианин и враг большевизма».

В США, Канаде, Аргентине, Чили, некоторых странах Европы нашли надежное прибежище сотни и тысячи фашистских душегубов.

Показательно дело гражданина Голландии Питера Ментена, совершившего преступления на территории Львовской области. Он состоял на службе в СС и непосредственно руководил расстрелом сотен советских людей в селах Подгородцы и Урич. Кроме того, он занимался грабежом ценностей на оккупированных территориях Польши и Украины. В Кракове он получил в свое распоряжение все антикварные магазины. Большие художественные ценности, в том числе картины известных мастеров, он захватил и во Львове. Награбленное он переправлял в Голландию, в свое родовое имение, где поселился после войны.

Высокие покровители в течение нескольких лет не давали привлечь Ментена к уголовной ответственности. Когда процесс все же состоялся, то он был осужден лишь как пособник немцев, а не военный преступник. Наказание было мягким — три года тюрьмы, причем через несколько месяцев Ментена избавили и от него.

Органы советской прокуратуры начали сбор дополнительных доказательств. Во Львовскую область были приглашены голландские юристы во главе с прокурором Амстердама Хабермелом. В селе Подгородцы была произведена эксгумация тел рабочих нефтепромыслов, расстрелянных под руководством Ментена в конце августа 1941 г. Были собраны и предъявлены голландцам убедительные документы по этой и другим казням с участием обвиняемого — показания свидетелей, акты экспертиз, протоколы осмотра.

На новый процесс в Голландию приехали свидетели — очевидцы преступлений Ментена. Однако и припертый к стенке неопровержимыми доказательствами, фашистский палач вел себя в Амстердамском окружном суде вызывающе, что стало предметом запроса в гол-

ландском парламенте. Ментен заявил, что все собранное — «выдумка советской юстиции», выставил около 80 лжесвидетелей, бывших эсэсовцев, проживающих в Германии и других странах, выступил с угрозами в адрес высокопоставленных лиц Голландии.

Кстати, обещаний расправы вокруг дела Ментена было немало. Неизвестные лица угрожали многим свидетелям, давшим показания против обвиняемого, и даже прокурору Хабермелу.

Ментен стоял на том, что он не был в 1941 г. в селах Подгородцы и Урич и не виновен в казни советских людей. Однако обвинитель — прокурор Хабермел представил суду такую его запись: «Я в качестве зондерфюрера СС прибыл во Львов вместе со штабом группенфюрера Шенгарта для того, чтобы оказать помощь в решении еврейского вопроса, а также для борьбы с движением сопротивления». Этот красноречивый документ был найден в подвалах бывшего голландского консульства в Кракове, где часто бывал обвиняемый.

Несмотря на все ухищрения, Ментену не удалось переубедить судей. Он был приговорен к 15 годам тюремного заключения.

Однако до торжества справедливости было еще далеко. По кассационной жалобе Ментена Верховный суд Голландии отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение в окружной суд Гааги. В связи с этим газета «Известия» 31 мая 1978 г. высказала самое вероятное предположение: «...Верно, и на этот раз кое-кто пытается взять под защиту нацистского преступника и смягчить вынесенный ему приговор».

Гаагский окружной суд «смягчил» дело до полного оправдания Ментена. Основание изумило юристов и общественность. Якобы покойный министр юстиции Голландии Донкер в пятидесятых годах обещал Ментену не привлекать его к уголовной ответственности!

Не только в Голландии и СССР, но и во многих других странах поднялась волна возмущения действиями гаагских судей. Общественная группа «Справедливость и гласность в деле Ментена» организовала в Гааге манифестацию, в которой участвовали все организации сопротивления и жертв войны. Р. А. Руденко, бывший в то время Генеральным прокурором СССР, в интервью Агентству печати «Новости» заявил: «...решение об освобождении военного преступника Ментена есть грубейшее попрание основ международного права и международной безопасности».

Крестьяне сел, в которых в годы войны орудовал Ментен, направили правительству Голландии письмо, в котором требовали отмены оправдательного приговора и примерного наказания эсэсовца. Помню, как во время командировки во Львовскую область прокурор области Борис Тихонович Антоненко рассказывал мне, что возмущенные жители области вышли на митинги с требованиями наказать

преступника. В выступлениях приняли участие студенты и преподаватели Львовского университета, рабочие многих предприятий, лесорубы, колхозники, юристы.

Под давлением общественного мнения голландская прокуратура опротестовала оправдательный приговор, и Верховный суд страны отменил его. При этом Ментен находился на свободе и проживал на своей вилле. После очередной проволочки дело принял еще один окружной суд — Роттердамский.

В сентябре 1979 г. роттердамские судьи нашли свой предлог для приостановления дела — дескать, Ментен страдает старческим склерозом. Соответствующее определение суда было также опротестовано, и летом 1980 г. дело начали рассматривать в четвертый раз!

Вновь суд захлестнули потоки наглой лжи. Ментен и его защитник дошли до утверждений, что фашисты не чинили никаких расправ над советскими людьми. По ходатайству обвиняемого в суд были вызваны бывшие гитлеровцы, которые расхваливали порядки немецких оккупационных властей и договорились до того, что население «дружественно» к ним относилось и не было никаких партизан! Не останавливаясь ни перед чем, Петер Ментен оговорил своего брата — Дирка Ментена. Дескать, это его родственник, а не он был в селе Подгородцы в 1941 году.

Дирк Ментен прибыл в суд и охарактеризовал Питера Ментена как нечестного человека, способного пойти на крайности даже по отношению к родственникам. Вновь в Голландию приехали советские свидетели и подтвердили прежние показания, что расстрелами во львовских селах руководил именно Питер Ментен.

Наконец, 9 июля 1980 г. Роттердамский окружной суд вынес Ментену обвинительный приговор. В нем указывалось: «Суд отклоняет кассацию на повторное проведение следствия, считает доказанным обвинение, предъявленное П. Ментену, считает доказанными и преступные деяния, совершенные обвиняемым, и приговаривает его к лишению свободы сроком на 10 лет, а также денежному штрафу в 100 тысяч гульденов».

Последняя проволочка имела место в Верховном суде Голландии, куда Ментен обратился с обжалованием вердикта. Все же через шесть месяцев, в начале 1981 г., приговор был утвержден. После победного мая 1945 года пролетело целых тридцать пять лет!

С еще большим скрипом тогда работала судебная машина Западной Германии. Хотя после войны здесь было проведено около ста тысяч судебных разбирательств, наказаниям подверглись лишь 6465 человек. Приговоры строгостью не отличались. 12 были приговорены к высшей мере наказания, 163 подсудимых получили пожизненное заключение, но очень многие преступники отделались легким испугом.

В уголовном кодексе ФРГ 1981 г. была норма, определяющая наказание за убийство одного человека. Один из западногерманских юристов подсчитал, что лишение жизни одного человека карается десятиминутным заключением в тюрьме. Отсюда и удивительная мягкость приговоров.

Каких результатов следовало ожидать от немецкой Фемиды, если центральное ведомство по выявлению нацистских преступников и расследованию их преступлений в Людвигсбурге длительное время возглавлял нацист, военный преступник Эрвин Шуле, который всеми правдами и неправдами укрывал от возмездия своих многочисленных подельников, не давал хода доказательствам их вины, полученным из СССР и Польши!

Суду в Дюссельдорфе понадобилось тридцать лет для того, чтобы из 387 привлеченных к ответственности «сотрудников» концлагеря Майданек, где было истреблено полтора миллиона человек, начать разбирательство в отношении лишь... пятнадцати подсудимых!

В ФРГ распространились различные идеи смягчения ответственности военных преступников, например, распространение срока давности на их деяния. В глазах судей ФРГ убийство по приказу перестало быть таковым. В судебной практике Западной Германии были фактически узаконены понятия «непосредственный исполнитель» и «лицо, совершившее преступление в силу приказа». В результате этой юридической уловки были оправданы тысячи убийц.

Земельный суд в Гамбурге оправдал бывшего коменданта учебного эсэсовского лагеря Травники штурмбаннфюрера СС Штрейбеля, принимавшего активное участие в кровавых расправах над узниками многих концлагерей. Сотни свидетелей из разных стран дали убедительные показания об его зверствах. Ну и что же — Штрейбель лишь выполнял приказы!

Для осуждения командира роты 15-го полицейского полка СС капитана Пельса свидетели не требовались. Он сам вел протокол своих преступлений, составляя и подписывая отчеты о карательных акциях. Только за полтора осенних месяца 1942 г. под руководством и при личном участии этого эсэсовца в Белоруссии было расстреляно 1170 человек, из них 356 детей и 463 женщины. В одном из отчетов содержится такая просьба исполнительного Пельса к командованию: «Прошу разрешения расстрелять оставшихся в живых жителей деревень Хмелище и Олтуш-Лесная».

Западногерманский суд оправдал этого палача. Кощунственно выглядела формула оправдания: «...Из материалов дела видно, что предусмотренное параграфом 211 уголовного кодекса убийство подсудимому вменить в вину нельзя... Полученные приказы подсудимый действительно выполнял безоговорочно, однако ему даже в

голову не приходило мысли о проведении акций такого рода и размаха...».

Благодаря маневрам западногерманской юстиции, а также «сердоболию» англо-американских оккупационных властей сохранили свои жизни, а затем и получили свободу 8 из 12 руководителей главных управлений СС, 3 из 6 начальников самостоятельных отделов этой организации, в целом 16 из 30 высших руководителей СС и полиции. Уцелели 3 из 8 командиров «эйнзатцгрупп», занимавшихся карательными акциями на временно окккупированных советских территориях. Из 53 тысяч эсэсовцев, которые исполняли приказ об истреблении «неполноценных народов» в составе «эйнзатцгрупп» — команд в концлагерях, — были привлечены к судебной ответственности лишь примерно шестьсот человек.

Политика попустительства и негласной солидарности со стороны правительства ФРГ, лоббистские действия различных пронацистских организаций привели к тому, что тюрьма для военных преступников в Ландсберге быстро опустела. Максимально в ней было около 1600 заключенных, получивших срок от судов, последовавших за Нюрнбергским процессом. Это были бывшие военнослужащие эсэсовских оперативных групп, сотрудники гестапо, офицеры генштаба и ведущие промышленники. К началу 1951 г. за решеткой оставалось только 142 бывших нациста. После того как 15 февраля этого же года верховный комиссар США Джон Мак-Клой помиловал сразу 92 заключенных, тюрьму можно было закрыть.

Бывшие эсэсовцы осмелели до того, что начали создавать свои объединения. Так, например, возникло Общество взаимопомощи — федеральный союз солдат бывших войск СС, сокращенно ХИАГ. В 1956 г. эта организация получила официальный статус, после чего за короткое время была создана ее разветвленная сеть из сотен местных и региональных групп. Члены ХИАГ могли петь дифирамбы нацистскому государству, прославлять войну и делиться своим «боевым опытом».

На протяжении многих лет председателем ХИАГ был генерал войск СС Курт Майер. Подчиненные называли его «Танк-Майер». До самой смерти он боролся за реабилитацию «серых» СС. Дескать, они были просто солдатами и не имеют ничего общего с преступлениями «черных» СС. Один оратор ХИАГ даже заявил: «Мы ничего не знали о зверствах, и мы благодарны прежнему государству за то, что оно обеспечивало режим секретности».

До семидесятых годов этот союз бывших эсэсовцев оказывал значительное влияние на другие ветеранские организации солдат СС, а также на некоторые политические партии. Партию ХДС в Бундестаге представлял в течение нескольких лет бывший телохранитель из

полка «Лейбштандарт Адольф Гитлер» Ганс Висебах, член ХИАГ. Этот союз был распущен в 1992 г., однако тогда остался его рупор — газета «Доброволец».

В 1952 г. было основано общество «Молодые викинги» по типу организации «Гитлеровская молодежь», и только в 1994 г. оно было запрещено.

Казалось, после Нюрнбергского процесса у руководства Федеративной Республики Германии были в руках все средства, чтобы подвести окончательную черту под нацистским прошлым. Но канцлер Конрад Аденауэр тогда решил по-другому — он вовсе не отвергал сотрудничество со старыми кадрами. При этом он еще и философствовал: «Грязную воду не выплескивают, когда нет чистой».

При Аденауэре бывшая нацистская элита вновь заняла заметное положение в государстве и обществе. Уже в 1952 г. бывшие нацистские чиновники, включая сотрудников гестапо, согласно федеральному Закону-131 получили право занимать публичные должности в государстве. Но кульминацией этого процесса стал закон об освобождении от судебного преследования, вступивший в силу в 1954 г.

По мнению историка Норберта Фрея, этот закон означал, что уже в середине 1950-х гг. в ФРГ почти никто не боялся, что его «может потревожить государство или юстиция из-за нацистского прошлого. Почти со всех были сняты обвинения, и никто больше не считался преступником».

Затем пришла пора ползучей амнистии. В 1960 г. Бундестаг подтвердил действие двадцатилетнего срока давности лет за убийство, а в 1968 г. — за содействие убийству. В соответствии с этим были прекращены судебные дела против почти трехсот бывших сотрудников Главного управления имперской безопасности.

Если бы «специалиста по окончательному решению еврейского вопроса» Адольфа Эйхмана, выкраденного в мае 1960 г. в Аргентине израильской спецслужбой МОССАД, привлекли к суду не в Израиле, а в ФРГ, то, возможно, он избежал бы смертной казни, а то и оказался неподсудным.

Еще слабее западногерманская Фемида реагировала на военных преступников, находившихся за пределами Германии. Характерен пример пособника Эйхмана — Алоиза Брюннера.

Этот палач оставил кровавые следы по всей Европе. С 1938 г. он — ближайший пособник Эйхмана в Центральном управлении по переселению евреев в Вене. По заданию Эйхмана он проводил депортации австрийских евреев в лагеря смерти. Вскоре Брюннер стал «специалистом по замещению» Эйхмана в наиболее сложных ситуациях. Каждый раз, когда где-либо возникали осложнения или задержки в

графике депортаций, Брюннер выезжал на место, чтобы восстановить «порядок». И где бы он ни появлялся, будь то Салоники, Париж, Ницца или Братислава, вскоре появлялся рапорт, что такой-то город «от евреев очищен полностью». Всего Брюннер отправил на тот свет более ста двадцати тысяч человек.

В течение двух-трех послевоенных лет он скрывался в Германии под псевдонимом Алоис Шмальдинст. Он прошел через лагеря американцев и англичан и не был опознан. Одно время даже работал водителем в оккупационных войсках США.

В начале 1954 г. Брюннер был заочно приговорен во Франции к высшей мере наказания. И только когда земля начала гореть под ногами преступника, он решил покинуть Германию. Друг Брюннера, гауптштурмфюрер СС Георг Фишер отдал ему свой паспорт. После нескольких косметических операций его внешность стала совпадать с фото на паспорте Фишера. Путь Брюннера-Фишера лежал на Ближний Восток, в Сирию.

Австрия в начале 1960-х гг. выдала санкцию на арест Брюннера и запросила Сирию о его выдаче, однако вялые попытки ни к чему не привели. В самой Германии следственный процесс затянулся на годы. Наконец, в 1984 г. в Кельне была выдана санкция на арест Брюннера, и последовало требование о его выдаче. Однако и в этом случае результат оказался нулевой.

Но, видимо, были люди, точно знающие, где скрывается преступник, и пытавшиеся вершить справедливость по своим представлениям. В июне 1961 г., когда Брюннер на главпочтамте в Дамаске открыл посылку, адресованную ему лично, внутри взорвалась бомба. Он был тяжело ранен, но выжил, потеряв левый глаз. Через 20 лет, в июле 1980 г., в результате взрыва очередной бомбы в посылке ему покалечило обе руки.

Когда давно разыскиваемый военный преступник дал в Дамаске вызывающее по содержанию интервью западногерманскому иллюстрированному журналу «Бунте», среди людей, помнивших о черных делах Брюннера, и его жертв, поднялась буря возмущения. Однако правоохранительные органы Западной Германии предпочли ничего не заметить.

Другой маневр юстиции ФРГ заключался в освобождении от наказания военных преступников, осужденных в странах, в которых остался их страшный след. Так, генерал-полковник СС Ламмердинг, заочно приговоренный в Бордо (Франция) к смертной казни за преступления против человечности и военные преступления, виновник смерти семисот жителей печально известного селения Орадур, в том числе более пятисот женщин и детей, спокойно жил в Дюссельдорфе и занимался делами своей строительной фирмы.

Советским судом были рассмотрены дела нескольких палачей из концлагеря Заксенхаузен. Главный врач Гейнц Баумкеттер был причастен к истреблению многих тысяч людей. Густав Зорге — «железный Густав» лично замучил и расстрелял тысячи заключенных. Выделявшийся особой жестокостью Вильгельм Шубер лично расстрелял 30 немецких, 33 польских, 636 советских граждан, принял участие в казнях 13 тысяч военнопленных. Все они были приговорены к длительным срокам тюремного заключения и в числе других военных преступников были переданы властям ФРГ для отбывания наказания.

На родной земле многие эти не подлежащие амнистии головорезы были сразу же освобождены. Каждому выдали пособие в шесть тысяч марок, а Баумкеттера трудоустроили по специальности в один из госпиталей. Только бурные протесты немецкого населения заставили власти вновь арестовать Зорге и Шубера.

Неэффективность западных юридических механизмов можно объяснить не только обстановкой холодной войны и разладом среди бывших союзников, создавших новые военно-политические блоки. Действиям правосудия мешало фашистское подполье, которое располагало большими ресурсами. В органах власти и управления разных стран было немало единомышленников гитлеровских «сверхлюдей». В ряде государств продолжали существовать фашистские или близкие к ним режимы. Все это позволило очень многим нацистам скрыться от правосудия и прожить еще долгие годы под чужим именем далеко за пределами Германии.

Кто помогал в таких побегах? Версию о действиях организации «ОДЕССА» (немецкая аббревиатура «Организация бывших служащих войск СС»), к созданию которой был причастен Отто Скорцени, высказывает известный немецкий писатель Гвидо Кнопп в книге «СС: черная инквизиция».

Он ссылается на данные американской секретной службы, по которым существование организации «ОДЕССА» было фактически подтверждено еще в 1946 г. Якобы «ОДЕССА» была основана как убежище для членов СС. Именно она занималась переправкой членов «черной инквизиции» в страны Латинской Америки, Ближнего Востока, Южной Африки. Кроме того, «ОДЕССА» предпринимала акты саботажа в советской зоне оккупации, чтобы препятствовать демонтажу и вывозу промышленного оборудования из Германии.

Как знать, может быть, именно «ОДЕССА» была причастна и к убийству в 1949 г. во Львове украинского журналиста-антифашиста Ярослава Галана.

О реальности «ОДЕССЫ» авторитетно высказывался бывший узник концлагеря Симон Визенталь, посвятивший свою жизнь поиску и разоблачению нацистских преступников: «Первый раз об «ОДЕССЕ»

я узнал в 1946 г. от бывшего агента разведслужбы. Это была тайная нацистская организация, в задачу которой входило обеспечение нелегального выезда из Германии военных преступников».

Действительно, без помощи организации трудно объяснить успешный побег из Германии таких видных нацистов, как Йоган фон Леерс, Алоиз Брюннер, Фридрих Швендт, Клаус Барбье, Йозеф Менгеле.

Как правило, они находили убежище под крылом диктаторских и экстремистских режимов. Есть основания полагать, что бывшие эсэсовцы помогали создавать террористические организации и секретные службы, не забывая совершенствовать сеть своей агентуры на всех континентах, а она и поныне, подобно гигантскому спруту, охватывает своими щупальцами в ряде стран круги крайне правых политиков, систему юстиции и исполнения наказаний, секретные службы, крупные финансовые и бизнес-структуры.

Фашисты стяжали огромные средства. Документально доказана высокая торгово-экономическая активность Германии в годы Второй мировой войны в нейтральных странах. В 2001 г. независимая швейцарская комиссия экспертов установила, что с началом войны только в Швейцарии возникло несколько сот подставных немецких фирм, занимавшихся различными сделками и махинациями. К моменту краха «тысячелетнего рейха» швейцарский рынок был наводнен краденными драгоценными камнями, ценными бумагами из оккупированных стран, а также драгоценными металлами и иностранной валютой, в том числе фальшивыми британскими банкнотами.

По экспертным оценкам на 1946 г., немецкий капитал, переведенный в Швейцарию, составил более двух миллиардов швейцарских франков.

Существуют документальные данные, что пытались позаботиться о себе лично и некоторые высокие персоны Третьего рейха. Еще до капитуляции Германии они перевели в надежные места за рубежом большие состояния.

Есть сведения, что организация СС и сочувствующие ей немецкие промышленники и финансисты еще до окончания войны переправили за границу громадные суммы, поместили в тайные хранилища золото и драгоценные камни для последующего использования на нужды побегов и укрывательства своих людей. Все эти богатства, переведенные на секретные счета и вложенные в различные предприятия, послужили основой послевоенного благополучия бывших членов СС.

Некоторые авторитетные исследователи приводят факты, почерпнутые от бывших работников спецслужб. Например, они сообщают, что некий информатор секретной службы США получил дан-

ные о конспиративной встрече ведущих немецких промышленников, которая якобы состоялась 10 августа 1944 г. в отеле «Мэйсон Руж» в Страсбурге. Согласно донесению агента, наряду с представителями таких крупных концернов и фирм военно-промышленного комплекса, как Крупп, Бош, Тиссен, Фольксваген, Райнметалл, Мессершмидт, Даймлер-Бенц, АЭГ, Флик АГ, в совещании участвовали и политические заправилы национал-социализма.

На совещании председательствовал представитель концерна Тиссен. Как следует из донесения, он порекомендовал германским промышленникам принять меры для подготовки к «послевоенной экономической кампании», а также «установить контакты с зарубежными фирмами», поскольку «руководство партии НСДАП отдает себе отчет в том, что после поражения Германии некоторые из ее ведущих деятелей могут быть осуждены как военные преступники... Следует заблаговременно принять меры по трудоустройству менее известных партийных функционеров на должности экспертов в различных немецких фирмах».

Представитель НСДАП будто бы заявил: «Партия готова предоставить промышленникам крупные суммы авансом, чтобы каждый из них мог содержать после войны тайную организацию за рубежом. Взамен она требует предоставить в ее распоряжение имеющиеся в наличии финансовые резервы за границей, чтобы обеспечить воссоздание могучей германской империи».

Далее говорится, что президент Имперского банка Ялмар Шахт якобы был назначен ответственным за решение экономических вопросов этой операции, а известный мастер тайных дел Отто Скорцени — за организационную часть.

Правда, этот факт не отражен в официальных документах, однако он не был дезавуирован, в отличие от широко распространенных сведений, что бывший шеф гестапо Мюллер после войны сотрудничал с американской разведкой.

...В конце войны немцы создали в труднодоступном районе Австрийских Альп мощные укрепления, которые пропаганда Геббельса пышно именовала «Альпийским редутом» и даже «Крепостью „Европа“». Здесь нацистские вожди собирались отсиживаться до ожидаемого ими столкновения союзников по «противоестественной коалиции» и заключения сепаратного мира с Западом.

События развивались столь стремительно, что военную роль эти сооружения сыграть не успели, а вот хранилищем ценностей возможно и стали.

Согласно документам из архива СС, руководитель Главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер переправил в горы секретный груз из пяти ящиков с драгоценными камнями

и украшениями, золото в слитках из хранилища Имперского банка весом в пятьдесят килограммов, сотни килограммов золота и золотых монет, два миллионов долларов США и такую же сумму в швейцарских франках, а также коллекцию редких почтовых марок на общую сумму в пять миллионов золотых немецких марок.

Уже упоминавшийся оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, печально известный массовыми акциями против евреев, вместе с сообщниками по черному ордену зарыл в горах 22 ящика, наполненных ценностями, которые прежде принадлежали евреям. Среди прочего в них были зубные протезы и обручальные кольца из концентрационных лагерей. Стоимость «золота Эйхмана», которое так и не нашли, была оценена в 1955 году прокуратурой Вены в восемь миллионов долларов.

Нацисты также преуспели в изготовлении фальшивых денег и поддельных документов. Все началось с печати фунтов стерлингов. Автором этой затеи в свое время выступил предшественник Кальтенбруннера Рейнгард Гейдрих, который планировал сбрасывать фальшивую валюту с самолетов на территорию Англии для подрыва ее экономики. Затем, с приближением краха нацизма, поддельные деньги потребовались для финансирования эсэсовского подполья.

Неотличимые от подлинных документы сначала были нужны для нацистской агентуры за рубежом, а потом — для организации массового бегства эсэсовцев.

Цех по изготовлению подделок действовал почти до самой капитуляции Германии. В этой акции, которая называлась «Делом Бернгарда» по имени шефа секретного цеха, штурмбаннфюрера СС Бернгарда Крюгера, были заняты с 1942 г. заключенные концлагеря Заксенхаузен. Среди его «продукции» были британские фунты и доллары США, документы, почтовые марки.

Бывший заключенный Адольф Бургер вспоминает работу в секретном цехе: «Мы печатали бразильские паспорта, тунисские удостоверения личности, английские и американские пропуска и удостоверения офицеров. Изготавливались и так называемые «штампы для тиснения». Мы делали голландские свидетельства о рождении, грамоты французских городов и титульные штампы для чистых бланков палестинского представительства в Женеве, а также английские свидетельства о браке и служебные книжки американских солдат».

Идеальные подделки легко вводили в заблуждение представителей властей во многих странах мира.

В апреле 1945 г. 142 заключенных «Дела Бернгарда» были переведены в Верхнюю Австрию, в филиал концлагеря Маутхаузен. Там, в бетонном подземелье, цех должен был возобновить работу. Сюда же

были доставлены ящики с уже отпечатанными фальшивыми деньгами. Затем предусматривался переезд в Альпы.

Появление американцев в Австрии сорвало осуществление плана. Заключенные-фальшивомонетчики были освобождены, но отпечатанные деньги исчезли.

Один из следов фальшивых фунтов вел в Латинскую Америку, в Лиму, к Фридриху Швендту. Даже нацисты считали его «темной личностью», однако без его услуг обойтись не могли.

Коммерсант, торговец оружием, контрабандист, временами выдававший себя за майора СС, очевидно, «для солидности», Фридрих Швендт стал во время войны главным организатором сбыта фальшивых денег. По поручению Главного управления имперской безопасности он скупал в различных странах золото, драгоценные камни, украшения, валюту, недвижимое имущество, произведения искусства, превращая фальшивки в безусловные ценности.

В годы войны штаб-квартирой Швендта был замок Лаберс в Северной Италии. Когда судьба Третьего рейха определилась со всей очевидностью, Швендт попытался перевезти ценности в безопасное место. В мае 1945 г. он был арестован американцами в Австрии, но вскоре выпущен на свободу и, по его словам, будучи завербованным секретной службой США (Си-Ай-Си), получил право на свободное передвижение.

В 1946 г. он с одобрения Си-Ай-Си выехал в Южную Америку, имея на руках югославские документы на имя Венцеслава Тури, и поселился в перуанской столице — Лиме. Здесь Швендт делал все, чтобы реализовать фальшивые британские банкноты, сохранившиеся со времен «Дела Бернгарда».

Занимаясь махинациями, Швендт поддерживал самые тесные связи с военными преступниками и обеспечивал прибежище для беглых нацистов. Через бывшего штандартенфюрера СС Вальтера Рауфа Швендт передавал паспорта для эсэсовских «путешествнников». Рауф был изобретателем «газен-вагенов» — газовых камер на колесах, в которых нашли мученическую смерть более ста тысяч партизан и мирных граждан. Швендт был в контакте с активным фигурантом эсэсовской солидарности — гитлеровским летчиком-асом Гансом-Ульрихом Руделем, обосновавшемся в Латинской Америке в роли предпринимателя.

Основным партнером Швендта был уже упоминавшийся эсэсовец Клаус Барбье, он же Клаус Альтман. Бывший шеф гестапо в Лионе, он заслужил у французов прозвище Лионский мясник за организацию массовых убийств участников Сопротивления и депортацию еврейских детей в лагеря смерти. После побега он обосновался в Боливии, одновременно имел квартиру в Лиме. Сохранилась благодар-

ность некоего «Хибера», который предлагал деньги «многоуважаемым господам Швендту и Альтману» в знак благодарности за «получение прав гражданина Боливии с помощью дипломатического паспорта».

В секретных перемещениях бывших нацистов участвовало много лиц, организаций, структур и органов власти. Самые оживленные пути эвакуации в безопасные места шли через Рим. Факт остается фактом — такие палачи, как Адольф Эйхман, попали в Южную Америку именно через столицу Италии.

Нацисты имели шанс раствориться в общем потоке. После войны в движение пришли огромные массы обездоленных людей, которые стремились покинуть разоренную Европу. Рим, как магнит, притягивал жаждущих и страждущих. Люди надеялись на помощь со стороны церкви, чтобы получить пищу, одежду, приют и, в первую очередь, документы, которые обеспечили бы им выезд из Европы через портовые города Италии.

Конечно, в целом Церковь играла позитивную роль. Католические учреждения были на высоте человеколюбия и активно помогали беженцам. Однако в Риме имело место и содействие другого рода. Секретный агент американцев Ла Виста называл ряд католических организаций, которые якобы занимались нелегальными путешествиями эсэсовцев и их приспешников.

Ключевым звеном тайного механизма был епископ, доктор Алоис Худал — ректор колледжа священников «Коллегио тевтоника» для говорящих на немецком языке при церкви Святой Девы Марии в Риме.

Бывший комендант концлагеря Франц Штангль свидетельствовал: «30 мая 1948 г. я бежал из следственной тюрьмы в Линце. Узнав, что епископ Худал, служивший при Ватикане, помогает католикам — офицерам СС, я отправился в Рим».

Штангль возглавлял лагеря смерти в Собиборе и Треблинке, в которых было уничтожено более девятисот тысяч узников. Когда Третий рейх капитулировал, Штангль какое-то время скрывался в небольшой деревушке в Австрии, но потом был арестован американцами.

О массовом истреблении людей в концлагерях в то время знали еще мало, и американцы, вероятно, сразу не поняли, что за птица попала им в руки. Штанглю удалось бежать из тюрьмы, пересечь границу и попасть в Италию. Кто ему при этом помогал — неизвестно. В Риме же он попал в «добрые» руки епископа Худала, который предоставил ему приют, снабдил паспортом Красного Креста, визой на въезд в Сирию, а также билетом на пароход и адресом для устройства на работу в Дамаске. Штангль прожил некоторое время в Сирии, а затем эмигрировал в Бразилию. Только в 1967 г. он был передан правительству ФРГ и осужден на пожизненное тюремное заключение.

Епископ Худал был откровенным сторонником нацистов с довоенного времени. У него была своя теория «христианского национал-социализма». Экземпляр своей работы «Основы национал-социализма», вышедшей в 1936 г., он подарил лично Адольфу Гитлеру с посвящением: «Богатырю Зигфриду германского величия». Епископ с нескрываемой гордостью отмечал в мемуарах, что после 1945 г. «весь свой благотворительный труд посвятил, прежде всего, бывшим деятелям национал-социализма и фашизма, особенно так называемым военным преступникам... и многих из них спас от мучителей, обеспечив им побег с помощью фальшивых документов в более счастливые страны».

Решение проблем содействия беженцам и бывшим военнопленным Папа Римский Пий XII возложил на Папскую комиссию помощи, которая в свою очередь создала национальные подкомитеты. Худал возглавлял австрийскую секцию. Однако он принимал всех говорящих на немецком языке, проявляя особую заботу о бывших национал-социалистах.

В своих мемуарах он хвалился помощью, которую оказал бывшему вице-губернатору оккупированной Польши барону фон Вехтеру. В то время как в Нюрнберге судили, а затем повесили его шефа, генерал-губернатора Ганса Франка, Вехтер спокойно жил в Риме под чужим именем, пока не стал жертвой случайного отравления.

Через Худала можно было получить не поддельный, а самый настоящий паспорт. В этом непростом деле очень кстати пришлась организация, которая задалась целью помогать всем нуждающимся, невзирая на политические убеждения, — Международный Комитет Красного Креста (МККК). Сугубо мирная структура, возможно, сама того не ведая, превратилась в перевалочный пункт для нелегалов.

Порядок в Красном Кресте тогда был такой, что документы выписывались на любое имя, которое называл человек, обратившийся за помощью. Для идентификации было достаточно подтверждения Папской комиссии помощи, однако зачастую хватало рекомендации отдельного священнослужителя типа епископа Худала. О более либеральном подходе к получению паспорта разыскиваемые военные преступники не могли и мечтать.

По иронии судьбы деньги на оформление виз и приобретение билетов на океанские лайнеры Худал получал в том числе и от американцев. Через несколько лет после окончания войны США беспокоили не столько беглые нацисты, сколько советское влияние в той или иной стране. В этом плане подвоха со стороны религиозных организаций не ожидалось. Американская «Национальная благотворительная конференция католиков» поддерживала в послевоенное время католические объединения Европы и осуществляла финансовые

вливания непосредственно в национальные подкомитеты Папской комиссии помощи, то есть прямо в адрес Худала и его коллег.

За получением въездных виз Худал предпочитал обращаться в представительство Аргентины, президент которой Хуан Перон питал симпатии к нацистской Германии. За работой Международного военного трибунала он наблюдал с явным неудовольствием. Перон называл Нюрнбергский процесс «подлостью» и «величайшей несправедливостью, которую история не простит».

Беглые нацисты чувствовали себя в Аргентине как дома. У них был свой журнал — «Путь» с четко выраженной антисемитской позицией. Журнал воспевал, прежде всего, прошлое войск СС. Помещения издательства стали любимым местом встреч бывших эсэсовцев. Журнал поддерживал контакты с такими матерыми волками нацизма, как Йозеф Менгеле и Адольф Эйхман. Он служил рупором для расистов типа Йогана фон Леерса, бывшего редактора нацистского журнала «Воля и Путь».

Вот одна из тирад журнала: «Нам, людям СС, глубоко наплевать на избирательное право, на правовое государство, на все четыре свободы и демократию, пока в обетованных «правовых государствах» томятся в тюрьмах тысячи наших товарищей. Для нас правовое государство все еще означает тюремную решетку».

За короткое время тираж журнала «Путь» достиг 20 000 экземпляров. Он продавался в Германии и Австрии и приобрел репутацию печатного органа «Четвертой империи».

Полковник Ганс-Ульрих Рудель, известный немецкий летчик-ас, любимец фюрера, основал в Аргентине организацию «Дело соратников».

Рудель писал: «Очень скоро проявился добрый дух немецкого единства за океаном». Уже к Рождеству 1951 года было отправлено 1500 посылок.

Организация «Дело соратников» выступала за всеобщую амнистию политических заключенных в Германии. В Аргентине у Руделя были прочные позиции, прибыльный бизнес. В числе друзей летчика был сам президент Перон. Многие дела по торговле оружием Рудель вел с эсэсовцем Вилемом Зассеном, приговоренным в Бельгии к смертной казни. Оба этих партнера поддерживали дружеские отношения с диктаторами Альфредо Стресснером в Парагвае и Аугусто Пиночетом в Чили и были их советниками.

Но вернемся к действиям епископа Худала. Были случаи, когда он обращался прямо к Перону. Это видно, например, из его послания от 31 августа 1948 г., в котором он просит президента предоставить 5000 виз для немецких и австрийских «солдат». Далее он пишет, что это не просто беженцы, а борцы против коммунизма, которые свои-

ми «жертвами» во время войны спасли Европу от советского господства. Фактически епископ просил въездные визы для немецких и австрийских нацистов.

Похожими делами занимались и некоторые другие служители культа, в том числе архиепископ Генуэзский Джузеппе Сири, покровительство которого ощутили многие беглецы. Для этого он основал Комитет по выезду в Аргентину. Согласно американской агентурной информации, архиепископ уделял особое внимание эмиграции в Южную Америку антикоммунистов из Европы, к которым, естественно, относились прежде всего фашисты.

В результате через так называемую «монастырскую черту» в Южную Америку уехали сотни эсэсовцев, среди которых находились и крупные военные преступники. Разыскивавшийся по всему миру Адольф Эйхман позже свидетельствовал на суде, что ему удалось уехать за океан в 1950 г. с помощью священника-францисканца в Генуе, который обеспечил ему получение паспорта Красного Креста на имя Рикардо Клемента и визу на въезд в Аргентину.

Гауптштурмфюрер СС Эрих Прибке получил удостоверение личности на имя Отто Папе в Папской комиссии помощи, что помогло ему затем стать обладателем паспорта Красного Креста. 23 октября 1948 г. на пароходе «Сан-Джорджио» этот «беженец» вместе с семейством отправился за океан.

Сотрудник гестапо Прибке принимал участие 24 марта 1944 г. в кровавой бойне, устроенной в Ардеатинских пещерах под Римом. Это было самое крупное преступление нацистов на итальянской земле. В тот трагический день были убиты выстрелами в затылок 335 заложников из гражданского населения под предлогом возмездия за нападение итальянских партизан.

Прибке-Папе обосновался в Аргентине. А когда в июле 1949 г. президент Перон объявил всеобщую амнистию для иностранцев, нелегально въехавших в страну, Отто Папе добровольно явился к иммиграционным властям и, отказавшись от вымышленного имени, вновь стал Эрихом Прибке.

Прибке выбрал для постоянного жительства поселок Сан Карлос де Барилош, идиллический горнолыжный курорт в Андах. Здесь он мирно жил, открыл лавку деликатесов и даже стал председателем аргентино-германского культурного общества.

Прибке часто разъезжал по свету. Был и в Германии, регулярно обновлял паспорт в германском посольстве в Буэнос-Айресе. Все шло как по маслу до тех пор, пока он в 1994 г. не разоткровенничался перед американской телевизионной группой о своем участии в бойне в Ардеатинских пещерах и убийстве двух итальянцев, которых застрелил собственноручно.

Это телеинтервью обошло весь мир и вызвало бурю возмущения. Италия потребовала незамедлительно выдать преступника. Времена Перона уже прошли, и это требование в ноябре 1995 г. было удовлетворено. 7 марта 1998 г. суд в Риме вынес ему приговор, который, правда, строгим не назовешь: пожизненное заключение в виде домашнего ареста.

Неонацисты пишут о нем с восхищением: «Несмотря на пожизненный домашний арест, к которому его приговорил итальянский суд, Прибке и сейчас, по-солдатски подтянутый, показывает миру, что значит быть настоящим немцем».

Многочисленные факты медлительности или бездействия правоохранительных органов и правительств пробудили инициативу частных лиц — «охотников за нацистами». На свой страх и риск они вели и ведут большую, тяжелую и временами очень опасную работу. Поиск военных преступников стал смыслом жизни супружеской пары Сержа и Беаты Кларсфельд. Им не раз угрожали, Серж был объектом покушения, к счастью, неудачного. Деятельность супругов увенчались успехом: в 1983 г. по данным их расследования в Боливии был арестован и выдан Франции «лионский мясник» Клаус Барбье.

Как бы ни вели себя власти некоторых стран, что бы ни предпринимало нацистское подполье, преступления гитлеровцев обелить невозможно. У них нет и не может быть срока давности. Несмотря на все перемены в мире и немалый, по меркам человеческой жизни, период со дня окончания войны, Суд народов продолжается.

В 1987 г. в Аргентине был арестован бывший оберштурмфюрер СС, комендант концлагеря в Польше Йозеф Швамбергер, виновный в многочисленных убийствах. В 1992 г. суд в ФРГ приговорил его к пожизненному заключению. Есть факты возмездия, нашедшего военных преступников и в двадцать первом веке. Например, Фридрих Энгель, бывший шеф полиции безопасности в Генуе, был осужден в 2002 г. и получил семь лет тюрьмы за жестокое убийство итальянских граждан.

Частный детектив из Нью-Йорка Стивен Рамбам называет себя «охотником по совместительству», тем не менее, он на этом поприще добился многого. Его поиски в 2001 г. привели к поимке и осуждению бывшего офицера СС Юлиуса Филя, виновного в расстрелах заключенных в Богемии.

Но самым результативным охотником за нацистами является уже упоминавшийся Симон Визенталь. С помощью документов и свидетельских показаний, полученных им, удалось усадить на скамью подсудимых более 1200 беглых нацистов. В Иерусалиме действует институт имени Симона Визенталя, продолжающий его дело.

19 июля 2009 года газета «Нью-Йорк Пост» опубликовала статья, в которой со ссылкой на представителя центра Эфраима Зуратова со-

общилось, что в настоящее время «триста нацистов свободно живут в США». Кроме уроженца Украины Ивана Демьяннюка, которого в мое 2009 года экстрадировали в Германию за особые зверства и уничтожение около 30 тысяч людей в 1942–43 годах в лагерях смерти Треблинка и Собибор, «множество нацистов» продолжают спокойно жить в США, «включая:

• Йоханн Леприх, вышедший на пенсию рабочий из Мичигана, был охранником из отряда «Мертвая голова» в концентрационном лагере Маутхаузен, где заключенных использовали в качестве рабочей силы в каменоломне, пытали и убивали газом, через повешение и электротоком.

• Микола Василюк из верховного Элленвилля, имеющий бизнес по сдаче в аренду бунгало Кэтскиллс для посетителей-иудеев. Он служил охранником периметра в трудовом лагере Травники в Польше. В письме прокурору САШ в 2002 году он заявил, что его заставили служить нацистам и что последние 54 года он был примерным и законопослушным гражданином.

• Яков Палий из Квинс, который каждое утро тихо ухаживает за своим цветочным садом во дворе его дома в Джексон Хайте. Он был охранником в Травнике и, как выяснилось, препятствовал побегам из лагеря, где 6000 человек было застрелено в одной из самых массовых за период холокоста бойне.

• Одна женщина, Эльфрида Ринкель, вела кажущуюся такой обычной жизнь меховницы а Сан-Франциско, что даже ее муж-еврей ничего не знал о ее прошлом. Ринкель была охранником в концентрационном лагере для женщин Рэйвенсбрук в Германии, охранники которых известны тем, что каждый день заставляли истощенных заключенных ходить к местам рабской работы и затем держали под контролем при помощи сторожевых собак».

Но не утихомириваются нацисты и их последователи, не забывающие о своей «коричневой солидарности». Например, в ФРГ, по свидетельству журналистов, действует союз бывших эсэсовцев «Тихая помощь». Он поддерживает военных преступников, находящихся в заключении, оплачивает услуги адвокатов, помогает родственникам.

Милосердие «Тихой помощи» распространяется и на тех, кто десятилетиями, как бывший обершарфюрер СС Антон Маллот, скрывался от наказания. Еще в 1948 г. он был заочно приговорен в Чехословакии к смертной казни за убийства заключенных концлагеря. С тех пор бывший надзиратель находился в розыске по всей Европе. Но как теперь выяснилось, в 1988 г., на склоне лет Маллот при поддержке «Тихой помощи» устроился в доме для престарелых под Мюнхеном, не ожидая действий немецкой юстиции. Когда же в 2001 г. он

был осужден к пожизненному лишению свободы, «Тихая помощь» не оставила его и продолжила опеку.

Душой «Тихой помощи», утверждают вездесущие журналисты, является Гудрун Бурвиц, дочь Генриха Гиммлера. Она играет первую роль при проведении различных мероприятий, имеет много почитателей и считает героем отца, рейхсфюрера СС. До сих пор в бывших эсэсовцах живет гитлеровская страсть к ритуалам. Соратники по «добровольческому корпусу и союзу «Оберланд» ежегодно собираются на горе Аннаберг, ветераны СС — на горе Ульрихсберг. Раз в год, в октябре, старые и молодые нацисты со всей Европы совершают паломничество к культовому месту древних кельтов, чтобы воздать хвалу «коричневым» идеалам.

Ошибочно считать, что история фашизма прервется с арестом или смертью от старости последних военных преступников. «Коричневая» поросль поднялась среди новых поколений. Этот оттенок носит, например, созданная в 1979 г. «Национальная организация политзаключенных». По определению конституционного суда, ее симпатии находятся на стороне осужденных, которые «по политическим мотивам совершали поджоги ночлежек для бездомных, физические насилия с телесными повреждениями и другие наказуемые деяния». Фактически речь идет о симпатиях и помощи неофашистам.

Во времена фюрера идеологической обработкой молодежи занимался, в частности, Союз немецких девушек. Закалку в нем и роль функционера получила некая Гертруда Гер. Есть все основания считать, что именно она вместе с приемным сыном Юргеном Ригером создала несколько союзов неонацистского толка. Основанные ими лектории конституционный суд классифицировал как «самые значительные центры обучения старых и молодых нацистов Германии и зарубежья». Рассказывая о прошлом, госпожа Гер не знает черных красок: «В Аушвице (Освенциме. — *Прим. авт.*) от газа не умер ни один еврей. Не было никаких лагерей с газовыми камерами».

Запрет самых одиозных организаций не смущает «коричневых». Вместо запрещенных «Молодых викингов» появился «Круг друзей Ульриха фон Гуттена». Основали его «старые кадры» — бывшая активистка Союза немецких девушек Лизбет Гролич и Эрнст Ремер, в прошлом командир охранного батальона дивизии «Великая Германия».

«Круг друзей» верен «идеалам» СС и заботится о соответствующем воспитании молодежи. Он с сознанием дела распространяет агитационные материалы, проводит собрания, создает филиалы в регионах, отмечает памятные даты фашистской истории.

Такие взгляды до сих пор существуют не только в Германии... Не столь уже редка фашистская символика. Время от времени в разных

уголках планеты совершаются акции неонацистов, подвергающих насилию людей с другим цветом кожи, иной национальности или веры. В Интернете даже есть сайты, которые воспевают фашизм и романтизируют СС. Компьютерные игры типа «Охота на крыс в концлагере» ретушируют чудовищную суть нацистской индустрии смерти. Наконец, в мире появилась и распространилась новая разновидность фашизма — международный терроризм.

Вот почему для всех людей Земли так важен и нужен урок Нюрнбергского процесса. Впервые в истории были преданы суду и осуждены руководители государства, виновные в развязывания агрессивной войны. Также впервые военным преступникам не удалось спрятаться за приказ свыше. Судьи и прокуроры в Нюрнберге твердо стояли на том, что наличие любых преступных директив не освобождает от ответственности исполнителей злодеяний. Это — предостережение-предупреждение на все времена. Пролог к будущему без войн и насилия!

Список основных источников и литературы

Агония и смерть Адольфа Гитлера. М.: Звонница, 2000.

В центре паутины. М.: Терра, 1997.

Вторая мировая война. Днем за днем. — М.: ИД «Сибирский цирюльник», 2005.

Геббельс Й. Последние записи. Смоленск: Русич, 1995.

Гелен Р. Служба. М.: Терра, 1997.

Гитлер А. Майн кампф.

Гогун А. Черный PR Адольфа Гитлера. М.: Яуза-Эксмо, 2004.

Гюнше О., Линге Г. Неизвестный Гитлер. М.: Олма-Пресс, 2005.

Деларю Ж. История гестапо. — Смоленск: Русич, 1998.

Джексон Р. Вторая мировая. Неразгаданные тайны. М., 1998.

Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Заложники вождей. М.: Росспэн, 2006.

Звягинцев А., Орлов Ю. Неизвестная Фемида. М.: Олма-Пресс, 2003.

Ирвинг Д. Последняя битва. М.: Яуза, 2005.

Кершоу Я. Гитлер. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Кнопп Г. СС: черная инквизиция. М.: Олма-Пресс, 2005.

Леберт Н., Леберт С. Судьбы детей известных нацистов. М.: АСТ-Астрель, 2005.

Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич. 1997. Нацизм: предостережение истории. Документальный фильм. Союз-Видео, 2000. Нюрнбергский процесс в 7 томах. М.: Госиздат, 1957–1961.

Павленко П. Мартин Борман — «серый кардинал» III рейха. М.: Олимп, Смоленск: Русич, 1998.

Петрова А. Загадка смерти Адольфа Гитлера. М.: Яуза-Эксмо, 2004.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.

Последние дни Гитлера. Документальный фильм. Союз-Видео, 2000.

Пэдфильд П. Секретная миссия Рудольфа Гесса //

Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. — М., 1986.

Рагинский М.Ю. Основные процессуальные вопросы организации и деятельности международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио. Автореферат диссертации. М., 1950.

Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: Миф, 1993.

Скорцени О. Секретные задания РСХА. Серия «Короли диверсий». М.: Прибой, 1997. *Сосновский А.* «Парадокс» как парадокс. Корреспондент «МН» ведет собственное расследование обстоятельств смерти Рудольфа Гесса, который скончался 17 августа 1987 года // Московские новости. 2004. — № 31.

Хёне Х. Черный орден СС. М.: Олма-Пресс, 2003.

Христофоров В. С. и др. СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы. М.: Издательство Главархива Москвы ОАО «Московские учебники и Картография», 2005.

Шелленберг В. Лабиринт. М.: Дом Бируни, 1991.

Штрассер О. Гитлер и я. Красные в НСДАП. М.: Яуза-Эксмо, 2005. Штурм власти. М.: Терра, 1997.

Черчилль У. Вторая мировая война. М.: Военное издательство, 1991. Энциклопедия третьего рейха. М.: Локид-Миф, 1996.

В книге использованы документы Государственного архива РФ, Российского государственного архива новейшей истории, Центрального архива Генеральной прокуратуры РФ, Центрального архива ФСБ России, Интернет-ресурсы, материалы сборника «Советская прокуратура», журналов «Социалистическая законность», «Огонек», газет «Известия», «Правда», «Московские новости», «Парламентская газета», информационных агентств ТАСС, АПН, личных архивов участников Нюрнбергского процесса и автора этой книги.

Содержание

Документально-историческое издание

Звягинцев Александр Григорьевич

**НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС.
БЕЗ ГРИФА «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»**

Ответственный за выпуск *Д. Хвостова*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Корректор *И. Мокина*
Компьютерная верстка *Е. Илюшиной*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Вся информация о книгах и авторах «Издательской группы АСТ»
на сайте: www.ast.ru

Заказ книг по почте:
123022, Москва, а/я 71, «Книга-почтой»,
или на сайте: www.shop.avanta.ru

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Процесс в Нюрнберге начался 20 ноября 1945 г. и продолжался почти 11 месяцев. Перед трибуналом предстали 24 военных преступника, входивших в высшее руководство фашистской Германии

Суд не был скорой расправой над поверженным врагом. Обвинительный акт на немецком языке был вручен подсудимым за 30 дней до начала процесса, и далее им передавались копии всех документальных доказательств. Процессуальные гарантии давали обвиняемым право защищаться лично или при помощи адвоката из числа немецких юристов, ходатайствовать о вызове свидетелей, предоставлять доказательства в свою защиту, давать объяснения, допрашивать свидетелей и т.д.

В зале суда и на местах были допрошены сотни свидетелей, рассмотрены тысячи документов. В качестве доказательств фигурировали также книги, статьи и публичные выступления нацистских лидеров, фотографии, документальные фильмы, кинохроника.

В книге представлены многочисленные, ранее неизвестные общественности документы, в том числе из личных архивов участников Нюрнбергского процесса.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-063890-1

9 785170 638901